

Серов Иван Александрович

ЗАПИСКИ ИЗ ЧЕМОДАНА

Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти

Под редакцией, с комментариями и примечаниями Александра Хинштейна

Славянский шкаф генерала Серова

Чекист всегда остается чекистом; бывших, как известно, не бывает. Ну, а уж бывших председателей КГБ — тем более...

Перед вами — не просто мемуары одного из руководителей советских спецслужб Ивана Серова. Это — зримый итог последней оперативной комбинации старого генерала, завершившейся уже после его смерти.

Серов рассчитал и спланировал всё верно; старая, еще сталинско-бериевская школа. То, что вы держите сейчас в руках, и есть результат этой комбинации, прошедшей точно по его сценарию. Эту партию бывшие подчиненные проиграли своему председателю вчистую.

А мы с вами, без сомнения, выиграли, ибо никогда еще свидетельства «маршалов спецслужб» не становились достоянием гласности, да их попросту не существовало в природе.

Иван Серов вел дневники с момента прихода на Лубянку в 1939 году. Наиболее важные события и впечатления он записывал всю жизнь: и в войну, и после, и даже став председателем КГБ (1954–1958), а затем начальником ГРУ — вплоть до своего увольнения в 1963-м.

Разумеется, об этих дневниках никто не должен был знать. Сам факт отражения тех или иных аспектов службы, встреч и разговоров с высшим начальством, включая Сталина, уже мог быть приравнен к разглашению государственной тайны, и это еще — в лучшем случае. (Во время войны за ведение офицерами дневников полагался трибунал и штрафбат.)

Все записи Серов делал лишь оставаясь в одиночестве. Исписанные круглым чернильным почерком тетради и блокноты хранил в тайниках, никому не показывая. Не исключая, что долгое время он скрывал их даже от жены.

Выйдя на пенсию, Серов о содержимом тайников не забыл. Примерно с 1964 года он начал работать над мемуарами, дополняя, а подчас переписывая старые дневники.

Вряд ли им двигало тщеславие. Скорее, Серов хотел — пусть и заочно — отстоять свое честное имя, рассказав правду о себе и своих гонителях, по крайней мере такой, как она ему виделась.

Серов считал себя несправедливо и жестоко обиженным. В 1963 году, в результате шпионского скандала с полковником ГРУ Олегом Пеньковским, он был с позором снят с

должности, лишен Звезды Героя Союза и трех генеральских звезд на погонах (из генералов армии разжалован в генерал-майоры), выслан из Москвы. «За потерю бдительности» его исключают из партии. (О подлинных причинах этой опалы — чуть позже.)

Его мемуары должны были стать ответом Хрущеву, Брежневу, Шелепину и другим небожителям, которых Серов считал виновными в своих бедах. Их квинтэссенцию можно выразить пусть и неумелым, но искренним его четверостишием (как ни странно, суровый генерал НКВД-КГБ-ГРУ под старость начал баловаться стихами).

И вновь я бодрости набрался

И не поник я головой,

Ведь родина всю правду восстановит

И даст заслуженный покой.

Впрочем, не стоит объяснять всё одним только банальным сведением счетов. Будучи свидетелем и участником множества исторических событий, Серов считал важным рассказать хотя бы о некоторых из них.

«Я полагаю, что было бы неразумно унести с собой многие факты, известные мне, тем более, сейчас „мемуаристы“ искажают их произвольно, — пишет он в одном из вариантов предисловий к своим запискам. — К сожалению, ряд моих товарищей по работе, коим были известны описываемые ниже события, уже закончили земные дела, ничего не написав».

В самом деле, ни один из руководителей органов безопасности той эпохи не оставил после себя мемуаров. В этом смысле записки Серова — документ совершенно уникальный, не имеющий аналогов в современной истории.

Несмотря на отставку, Серов не растерял былых навыков. Над мемуарами он по-прежнему работал тайно, не доверяясь никому. (Единственное, помогала жена — перепечатывала на машинке рукописи. Уже перед смертью, в разгар перестройки, секрет был также доверен зятю, известному писателю и кинодраматургу Эдуарду Хрупкому, классику советского детектива.)

Эта конспирация отнюдь не являлась старческой паранойей. Бывшие подчиненные действительно не выпускали Серова из поля зрения.

Его внучка Вера вспоминает, как после смерти деда, разбирая кабинет на даче, они обнаружили в паркете пазы для проводов от «прослушки». Тогда же, внезапно приехав в Архангельское, родные застали там странного молодого человека с чемоданчиком, который мгновенно ретировался, приговаривая: «Я не вор». И правда: из дома ничего не пропало.

Охота КГБ велась именно за дневниками Серова: в Кремле и на Лубянке отнюдь не были заинтересованы в появлении на Западе подобной сенсационной книги. Одним из тех, кого пытались внедрить к Серову, был даже знаменитый Юлиан Семенов, писатель и журналист, близкий к КГБ. 12 февраля 1971 года, после визита «папы Штирлица» к Серову на интервью (его, разумеется, привез к тестю друг и коллега Эдуард Хруцкий), Юрий Андропов докладывал в ЦК КПСС:

«Комитетом госбезопасности получены данные о том, что бывший председатель КГБ при СМ СССР Серов И. А. в течение последних 2-х лет занят написанием воспоминаний о своей

политической и государственной деятельности... При работе над воспоминаниями Серов И. А. использует свои записные книжки... Свои воспоминания Серов И. А. еще никому не показывал, хотя его близкому окружению известно об их существовании...»[1]

В это трудно поверить, но КГБ так и не сумел получить искомые документы. Свой архив и рукописи Серов прятал профессионально. Наверное, если б очень хотели — нашли: перевернули б весь дом, взломали пол, потолки, стены. Но Андропов не желал прибегать к чрезвычайным и «острым» мерам: может, еще и потому, что в 1956-м они вместе находились в мятежном Будапеште под пулями.

Вряд ли Серов надеялся увидеть свои мемуары при жизни. И на его имени, и на большинстве описываемых им персоналий и событий в советское время лежало жесточайшее табу.

На что же делался тогда расчет? Для чего на старости лет Серов затеял столь опасную игру с КГБ?

Это станет понятно только сейчас...

Иван Александрович Серов скончается жарким летом 1990 года, не дожив пары месяцев до своего 85-летия. Случись это хотя бы пару годами раньше, КГБ обязательно бы поставил точку в их затянувшемся поединке и изъял бы мемуары. Но в 1990-м — было уже не до старых архивов.

Мой старший друг Эдуард Хруцкий, правда, рассказывал мне, что после смерти тестя дача в Архангельском подверглась негласному обыску, однако чекисты (а кто еще?) действовали настолько топорно, что даже не стали вскрывать обшивку стен...

С момента кончины Ивана Серова пройдет без малого четверть века. Все эти годы историки и специалисты с легкой руки его зятя периодически вспоминали о его мемуарах, но никто и никогда их не видел. Не знали местонахождения архива и родные. В семье сохранились, в основном, лишь официальные бумаги: послужные списки, орденские книжки, жалобы в ЦК и КПК и буквально несколько страниц с черновыми записями мемуаров.

Казалось, бывший председатель навсегда унес эту тайну с собой в могилу, как вдруг...

...Честное слово, экранизирую я нашу историю, начал бы ровно с этого момента. Ну, примерно так:

Подмосковная генеральская дача. Пристроенный гараж. Гастарбайтеры кувалдами разбивают внутреннюю стену. Неожиданно — под ударами открывается проем. Это тайник. Наезд камеры, крупный план. За стеной, усыпанные серой строительной пылью, спрятаны 2 допотопных чемодана.

Их извлекают наружу. Сидя на корточках, рабочие дрожащими руками вскрывают замки. Отблеск тайны мерцает на их смуглых физиономиях. Но вместо золота и пиастров их разочарованному взору предстают пачки блокнотов, тетрадей и отпечатанных на печатной машинке листов.

...Да, всё произошло именно так. В 2012 году бывший дом генерала Серова на Рублевке перешел по наследству его внучке Вере. Вскоре она затеяла ремонт. Когда ломали стену гаража, там обнаружился тайник с двумя чемоданами внутри.

Серов верил: рано или поздно записи дойдут до потомков. (Собственно, им они и адресованы, и посвящены.) Мне кажется, узнай он, каким причудливым способом его тайна открылась, это здорово бы потешило генеральское самолюбие. Даже после смерти он сумел подтвердить свое звание профессионала!

Дневники и воспоминания Серова — это настоящий Клондайк для тех, кто хочет непредвзято разобраться в нашем недавнем прошлом. Волею судеб этот человек оказался вовлечен в ключевые события 1940-1960-х годов, в прямом смысле являясь одним из творцов новейшей истории; достаточно сказать, что он единственный, кому довелось последовательно возглавлять сразу две советские суперспецслужбы: и КГБ, и ГРУ.

Его записи и свидетельства уникальны уже тем, что позволяют взглянуть на важнейшие исторические процессы глазами их непосредственного участника, тем более что множество тайн и секретов Серов раскрывает впервые.

Не буду приводить примеров тому: во-первых, их просто не счесть. А во-вторых, читатель без труда сможет сделать это самостоятельно. Достаточно сказать, что даже подоплеку собственной отставки Серов излагает совершенно по-иному, утверждая, что супершпион XX века Олег Пеньковский в действительности являлся агентом КГБ, подставленным советской контрразведкой англичанам и американцам...

...Есть такое избитое выражение: человек своего времени. Но Иван Александрович в самом деле был как раз таким человеком.

Крестьянский сын из вологодской глубинки, избач-активист, по комсомольской путевке был направлен в пехотное училище. Потом — армия: взвод, батарея, майорская шпала в петлице, академия им. Фрунзе, которую ему даже толком не дали окончить. В январе 1939 года 33-летнего Серова вместе с сотнями других выпускников военных академий посылают служить в НКВД.

Очень интересно он описывает начало своей работы на Лубянке, первые встречи с наркомом Берией: ощущение брошенного в воду кутенка. После ежовских чисток кадров катастрофически не хватало, тут уж не до профессионального мастерства.

2 сентября 1939 года Серова назначают наркомом внутренних дел Украины: вместе с войсками ему предстоит присоединить восточную часть Польши (Западную Украину) и зачищать территорию от вражеского элемента. А ведь за спиной у него — лишь полгода оперативного стажа...

В дальнейшем подобное будет повторяться с Серовым регулярно. Его все время посылали туда, где сложнее, трудней; кризис-менеджер, выражаясь сегодняшним языком.

Перед войной Серов уже 1-й зам. наркома госбезопасности СССР, потом — зам. наркома внутренних дел. Осенью 1941-го в случае сдачи Москвы он должен был остаться здесь нелегальным резидентом и организовывать взрывы предприятий, объектов жизнеобеспечения, метро. Будучи начальником Московской зоны охраны НКВД, Серов немало сделал для наведения порядка на линии обороны. Он создавал первые диверсионные и партизанские отряды.

Смелости этому человеку было не занимать. Серов — один из немногих руководителей Лубянки, кто лично бывал на переднем крае, прорывался из окружения, сам поднимал солдат в атаку, не раз оказываясь на волосок от смерти.

В одной из автобиографий (она также найдена в его архиве) он так описывает свое участие в войне: «...выполнял особые поручения Государственного комитета обороны СССР и верховного главнокомандующего на разных фронтах: оборона Москвы, Сталинграда, был в Ленинграде, Харькове, Ворошиловграде, а затем оборонял Кавказские перевалы (Клухорский, Марухский и другие), где был контужен с потерей сознания».

Под началом Серова велась ликвидация бандформирований в Калмыкии и на Кавказе, он был одним из идеологов борьбы с оуновским и польским антисоветским подпольем, лично

арестовывал верхушку проанглийского правительства Польши и Армии Крайовой.

Победу Уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту комиссар госбезопасности 2-го ранга Серов встречал в Берлине, куда вошел с передовыми частями фронта. С окраины столицы Рейха он первым дозвонился до Сталина, чтобы доложить: наши в городе.

О войне, в том числе о взятии Берлина, и о послевоенной Германии Серов пишет особенно детально: это одни из наиболее ярких страниц его жизни.

Ему довелось оказаться непосредственным участником величайших событий XX века: подписание капитуляции, Потсдамская конференция, переговоры с союзниками. Именно ему первому удастся найти сгоревшие тела Гитлера, Евы Браун и Геббельса. В июне 1945 года, по представлению маршала Жукова, он будет удостоен звезды Героя Советского Союза.

Всего же за 4 года войны генеральский мундир украсят 6 боевых орденов: впрочем, далеко не все из них были получены за геройские подвиги.

Серов руководил депортацией народов, признанных Сталиным «вражескими»: немцев Поволжья, калмыков, чеченцев, крымских татар, карачаевцев. Именно он создавал первые фильтрационные лагеря для военнопленных и отвечал за насильственную мобилизацию немцев. С его именем связано установление «красного порядка» на освобожденных территориях: в Прибалтике, Польше, Германии, Белоруссии, на Украине, в Румынии.

Выполняя волю Кремля и Лубянки, Серов делал всё, что служило достижению цели. Если требовалось — умел быть и хитрым, и вероломным: его «фирменный конек» — заманивание врагов в ловушку. (Так были обезврежены лидеры польского, украинского, а впоследствии — и венгерского сопротивления.)

Не собираюсь оправдывать или осуждать нашего героя: как уже сказано, он был человеком своего времени. Команды Серов привык не обсуждать, а выполнять, за что, собственно, и был ценным руководством.

В его записях упоминается о нескольких десятках встреч со Сталиным, не считая множества телефонных разговоров. Вождь народов действительно высоко ставил Серова. Не зря, отправляясь в 1943 году на фронт (в первый и последний раз!), подготовку поездки он поручил именно ему.

И это было отнюдь не самым тяжелым заданием! Сталин регулярно давал Серову команды разной степени сложности; о многих — подробно рассказывается в записках.

После победы Сталин сознательно оставил его в Германии: уполномоченным НКВД-МВД и заместителем Главноначальствующего в Берлине. Ему поручалась важнейшая миссия: поиск ученых-ядерщиков, их оборудования и чертежей, демонтаж и вывоз в СССР предприятий немецкой промышленности. Во многом усилиями Серова было восстановлено производство баллистических ракет, налажены поставки в СССР ядерного топлива, создано первое советское оружие массового поражения.

А когда в 1952-м забуксовала «стройка века» — возведение Волго-Донского канала — Сталин послал Серова руководить работой на месте и... Через 3 месяца канал был сдан!

Образ практика-профессионала, этакого технократа от спецслужб, здорово пригодится Серову после смерти Сталина. Стремящийся к власти Хрущев доверял ему: сказывалось многолетнее, еще с довоенной Украины, знакомство.

После ареста Берии в отличие от большинства своих коллег по МГБ-МВД Серов не только не будет уволен или арестован; напротив — в феврале 1954 года он возглавит новое ведомство

— Комитет госбезопасности при Совете Министров. Еще прежде — его, едва ли не единственного из заместителей Лаврентия Павловича, привлекут к операции против собственного шефа.

Свою преданность новому генсеку Серов сумеет продемонстрировать не раз. Осенью 1956-го он был первым, кто вылетел в мятежный Будапешт, а затем лично руководил операцией «Гром» и задержанием членов «контрреволюционного правительства» Имрё Надя.

В июне 1957-го, во время первого заговора против Хрущева, Серов сделает всё, чтобы отстоять генсека: сотрудники КГБ вместе с военными и МВД будут спешно свозить в Москву рядовых членов ЦК КПСС со всей страны.

Наградой за верность стала опала. Сначала, в 1958-м, Серова отправили руководить военной разведкой ГРУ. В 1963-м, в результате хорошо спланированной провокации, окончательно вычеркнули из номенклатуры и предали остракизму. До конца дней Серов будет слать письма в ЦК, добиваясь восстановления звезд и партбилета...

Наверное, Серов был не совсем удобным человеком, еще старой, сталинской закалки. Прямой и жесткий, он не считал нужным отмалчиваться или лебезить. Да и характер у него тоже не отличался сахарностью, врагов плодил налево-направо. Это хорошо заметно и в мемуарах; очень часто он не стесняется ни в оценках, ни в эмоциях.

К началу 1960-х — к разгару оттепели — Хрущев успел благополучно избавиться от всех соратников сталинского призыва; их место занимали теперь новые фавориты — рьяные, молодые, пластичные. На их фоне Серов смотрелся точно старомодный, громоздкий славянский шкаф посреди легкой пластиковой мебели; метафора вполне уместная, учитывая, что прототип майора Федотова из «Подвига разведчика» — легендарный Николай Кузнецов, агент-боевик 4-го управления НКВД, а одним из организаторов этого управления был не кто иной, как Серов.

Неудивительно, что «дорогой Никита Сергеевич» так легко отказался и от старого соратника, едва представился повод: рядом с ним не должно было остаться никого, кто помнил бы об участии в массовых репрессиях и унижениях, которым будущего борца со сталинизмом регулярно подвергал Сталин.

Сам Серов считал свою опалу результатом тайной спецоперации КГБ. Это являлось для него обидным вдвойне; многими своими успехами Лубянка была здорово обязана ему.

При Серове КГБ начал превращаться в профессиональную спецслужбу, где главное — не кулаки, а мозги. Огромных успехов достигла внешняя разведка. Полностью было покончено с вооруженным сопротивлением на Западной Украине и в Прибалтике. По-новому заработала контрразведка. Нельзя не отметить, наконец, и огромную работу по реабилитации сталинских жертв, проведенную чекистами; кстати, именно Серов был в числе инициаторов массовых реабилитаций.

Между тем, современные историки рисуют портрет Серова преимущественно мрачными, черно-красными красками. Его реальные заслуги и успехи почти не известны широкой аудитории, а в большинстве исследований он предстает узколобым палачом-сталинистом, способным лишь на жестокие расправы.

Как ни странно, гораздо выше историков оценивали Серова авторы детективов. В культовом романе бондианы «Из России с любовью» профессиональный британский разведчик Ян Флеминг вложил в уста своего героя следующий пассаж, явно отражающий настроения Запада середины 1950-х:

«Серов, Герой Советского Союза и талантливый ученик создателей ЧК, ОГПУ, НКВД и МВД,

во всех отношениях был более крупной фигурой, чем Берия... Генерал армии Серов вместе с Булганиным и Хрущевым правит страной. Возможно, наступит тот день, когда Серов будет стоять выше всех на сверкающей вершине власти».

Какой только «клюквы» и откровенного вранья не понаписано про Серова. В культовой книге «Большой террор» профессора Роберта Конквеста сообщалось, например, что он лично руководил казнью маршала Тухачевского и других военачальников, хотя в момент описываемых событий Серов даже не мыслил о чекистской карьере.

«Среди всех главных героев террора он выделялся как самый пылкий приверженец „крупномасштабных сцен“, — утверждал, в свою очередь, перебежчик из ГРУ Владимир Резун (псевдоним — Виктор Суворов), перечисляя эти «крупномасштабные сцены»: расстрел польских офицеров в Катынском лесу, пытки главарей власовской РОА и лидеров венгерской революции 1956 года.

Всё здесь — ложь от первой до последней буквы. К катынскому расстрелу Серов никакого касательства не имел. С власовцами — да, боролся, организовывал операции по зачистке прифронтовой полосы, однако ни единого факта, что он лично пытал пленных, — не существует. Равно как и нет свидетельств, что Серов в Будапеште избивал вождей революции: всю работу с путчистами проводили уже венгерские органы безопасности, причем Серов пишет, что он-то как раз противился насилию над арестантами.

О причастности Серова к Катыни сообщает и «Википедия». Здесь же, в статье о Серове, указано, что его порученцем являлся агент ЦРУ в ГРУ подполковник Н. Попов. Это вообще полная глупость: если они и были знакомы, то исключительно заочно с санкции председателя КГБ Серова проходила операция по разоблачению Попова. К тому же моменту, как генерал перешел в ГРУ, Попов уже год был как разоблачен и арестован.

Не только жизнь, но и смерть Серова оказалась окружена чередой мифов и сплетен; даже в мир иной ему не дали уйти по-человечески. На Западе экс-председателя КГБ похоронили примерно на четверть века раньше срока. В хрестоматийном исследовании кэмбриджского профессора Кристофера Эндрю, написанном с помощью перебежчика Олега Гордиевского, прямо указывалось: когда Серова убрали из ГРУ, «...после тяжелого запоя он застрелился в одном из арбатских дворов»...[2]

Все эти слухи и домыслы, многие из которых по сей день принимаются за подлинные факты, родились по вполне понятной причине. Они — результат многолетнего забвения имени Серова: информационного вакуума, образовавшегося вокруг него.

Даже в последние годы, когда все тайны прошлого, кажется, благополучно уже раскрыты, этот вакуум не претерпел радикальных изменений. Единственным серьезным исследованием биографии Серова можно считать книгу Никиты Петрова, вышедшую в 2005 году, однако и она страдает явными передержками и идеологическими клише: автор — зам. председателя центра «Мемориал», не сумел сдержать в себе праведный антисталинский гнев. Вся жизнь и деятельность Серова изображена в ней исключительно в черных тонах[3].

Книга, которую мы рады вам сегодня представить, восполняет этот досадный пробел. Подлинная жизнь и дела генерала Серова предстают отныне, что называется, из первых уст.

Разумеется, многие процессы автор пытается выставить в выгодном для себя свете, ряд неприятных аспектов просто обходит. Впрочем, таковы законы мемуаристики. Однако ценность его записок компенсирует все это с лихвой.

Несколько слов о том, что представляет собой архив Серова и как велась его подготовка к печати.

Объем найденных в тайнике бумаг огромен: два набитых битком чемодана. Думаю, в общей сложности не менее 100 печатных листов.

В основной массе — это дневниковые записи, переработанные и дописанные после отставки. Очевидно, что Серов возвращался к старым материалам многократно, поскольку одни и те же события излагаются им сразу в нескольких вариантах с разной степенью подробности.

Хранилось в его архиве и немало копий различных документов: докладов, рапортов, справок, жалоб и заявлений в различные инстанции. (Некоторые из них мы также публикуем.)

Большинство бумаг написано от руки, часть — перепечатана на пишущей машинке.

Надо отдать должное упорству и скрупулезности Веры Владимировны Серовой, которая почти год разбирала, систематизировала, а затем и сканировала весь этот гигантский архив. Именно с этими, подготовленными ею материалами, мне и довелось уже работать.

Весь массив записей мы выстроили в хронологическом порядке, разбив на главы, устранив повторы, проверили и исправили имена собственные. Однако и в таком виде рукопись оставалась крайне сложной для восприятия, поэтому мы взяли на себя смелость значительно ее сократить, вырезав то, что показалось нам несущественным и малоинтересным, дать название главам и подглавам. Каждую главу предворяет мой короткий исторически экскурс.

Мы также снабдили книгу примечаниями, которые поясняют или расшифровывают повествования Серова, в том числе на основе рассекреченных в последнее время документов. В конце книги помещены краткие биографические данные на упоминаемых лиц.

И еще. Готовя рукопись к печати, мы не ставили целью осуждать или обелять ее автора. История не бывает светлой или темной. Она многоцветна.

Именно поэтому мы обязаны знать правду о своем недавнем прошлом, какой бы тяжелой и неоднозначной она ни была.

Александр Хинштейн,

член Центральною совета Российского

военно-исторического общества

Октябрь 2015 года.

Мой дед — генерал Серов

Одно из моих первых детских воспоминаний: мы сидим с бабушкой в изоляторе детской поликлиники, куда он примчался, когда мне поставили диагноз «свинка». Домой нас отпустили не скоро, и дед, подбадривая, рисовал меня в образе хрюшки, сочиняя смешные стихи.

Стихи он писал всю жизнь, у меня хранятся все его поздравления с праздниками, открытки в стихотворной форме с иллюстрациями. Есть стихи-переживания, созданные им в самые тяжелые моменты жизни, Всё это очень трогательно...

Несколько лет назад, затеяв ремонт на даче, мы с дочерью обнаружили два чемодана с записями деда. Он, боясь, что архив может быть изъят, спрятал его очень искусно.

Конечно, мы и раньше слышали, что такие дневники существуют, но нашли их совершенно случайно.

Прочитав эти уникальные записи, которых оказалось огромное количество, обработав, мы решили их опубликовать в надежде, что подлинные дневники генерала Серова помогут ответить на многие вопросы и покажут их автора таким, какой он был в реальности.

В издании этой книги нам очень помог Александр Евсеевич Хинштейн, который проделал колоссальную работу, взяв на себя редактирование рукописи, подготовку комментариев, уточнений и пояснений.

Архив гигантский, только сканировала я его, наверное, полгода. Многие события изложены в нескольких вариантах, имеется большое количество уникальных фотографий; на одной — генерал Серов присутствует при подписании акта капитуляции гитлеровской Германии в Карлсхорсте 8 мая 1945 года. Обычно это фото публикуется без его фигуры, которая была вымарана цензурой, но на самом деле он там присутствовал. Спасибо моей бабушке, Вере Ивановне, за то, что она все это сохранила.

Надо сказать, что они, вообще, хранили всё: от рукописных удостоверений деда 1924 года, квитанций на покупку мебели в послевоенной Германии до счетов об оплате рассады флоксов 1958 года. В этом смысле Вера Ивановна была настоящей женой чекиста.

Дед и бабушка жили на даче в Архангельском постоянно, появляясь в Москве лишь наездами. Всю свою жизнь бабушка посвятила деду — вместе они прожили 58 лет! Она умела Создать в семье комфортный быт, умно и экономно вела хозяйство, была изысканным кулинаром. Это был дом, всегда полный жизни, с завтраками, обедами, ужинами по часам, с белой накрахмаленной скатертью, свежими цветами в вазах. Здесь всегда водилось большое количество собак, которым дед сам варил еду в огромных кастрюлях, были кролики и другие многочисленные питомцы, среди которых однажды появился настоящий медведь.

Дедушка очень любил животных, природу, у него всегда был крестьянский интерес к земле. Выйдя на пенсию, он целыми днями возился в саду, что-то пилил, чинил, жег костры.

На даче была пасека, которой он занимался сам, ходил к ульям с дымарем, гнал мед в медогонке и с удовольствием угощал им всех.

Они очень грамотно вели большое свое хозяйство, все было посажено исключительно рационально и умно. Огромные сад и огород приносили большой урожай, бабушка сама занималась консервированием, делая на зиму колоссальные запасы из всего возможного, что вырастало на участке.

Иван Александрович и Вера Ивановна были очень гостеприимными хозяевами, у них дома часто бывали близкие друзья семьи, которые не отвернулись от них в тяжелые времена: народный артист РСФСР, баритон Большого театра Норцов П. М. с женой, профессор-отоларинголог Преображенский Б. С., фронтовой товарищ деда генерал Сладкевич И. И. с супругой.

Теплая дружба связывала его с семьей известного разведчика Короткова А. М., его женой и дочерью. К сожалению, судьба этого замечательного человека закончилась трагически, он скончался от разрыва аорты во время теннисного матча с дедом на корте «Динамо».

Часто приезжала в гости вторая жена Г. К. Жукова Галина Александровна, дочери Н. С. Хрущева Лена и Юля, дочь С. М. Буденного Нина.

Бывали в доме и многочисленные знакомые из артистической интеллигенции Москвы, которые дружили с моей тетей Светланой Ивановной (дочерью Ивана Александровича) и ее

мужем Эдуардом Хруцким, известным писателем и кинодраматургом. К сожалению, они оба не дожили до сегодняшнего дня, но уверена, что увидеть эту книгу изданной доставило бы им бесконечное удовольствие.

Дед был очень спортивным, человеком северной закалки. Всегда держал себя в форме, особенно с тех пор, как однажды Сталин заметил ему: «А вы стали поправляться, товарищ Серов!»

Зимой — лыжи, коньки, причем беговые, летом — плавание, катание на лодке, теннис, поездки на конезавод. Машину водил практически до своего ухода в 1990 году, а мотоцикл — лет до 70.

Меня дед сызмальства учил всему, первые свои шаги я сделала под его руководством, далее — лыжи, коньки, велосипед, лошадь. Помню, как он смастерил мне ходули и научил на них ходить, делал мне рогатки. Еще помню крошечный тулупчик, который он тоже сшил мне сам.

Воспитывал меня разносторонне, прививая знания и любовь к учению, устраивал диктанты по русскому языку. Сам разработал вариант моей росписи, считая это важным.

Даже вальс исполнять научил меня именно дед, причем с левой ноги. В какой-то степени это предопределило мое будущее: я стала артисткой ансамбля Игоря Моисеева, где протанцевала 28 лет. Дедушка мной очень гордился.

Иван Александрович, живя на даче, был председателем правления поселка, и, надо сказать, что все, кто с ним общался, относились к нему с большим уважением. Сам он тоже был очень доброжелательным человеком, беседовал со всеми на равных, не делая различий. Любому мастеру, пришедшему в дом, показывал свои фотографии, рассказывал о жизни, о войне.

О войне, в основном, вел жаркие дискуссии со своими соседями по даче: маршалами Яковлевым Н. Д., Руденко С. И., генералами Белобородовым А. П., Жадовым А. С., Казаковым М. И., Смирновым Е. И. Они встречались вечерами на длинной дороге, ведущей к нашему дому, в шутку прозванной «Серов-штрассе».

Отчетливо помню С. М. Буденного, с которым в Москве жили в одном доме; он сидел на табуретке в прихожей и играл на гармошке. Дед брал меня в гости на дачу к Г. К. Жукову, мы ездили к отправленному в отставку Н. С. Хрущеву. Он с посохом, в сопровождении своей овчарки, показывал грядки.

Я стараюсь описывать все так подробно, чтобы стало понятно: «Иван Грозный», как нарекла его английская пресса, в жизни был обычным человеком, любящим отцом, мужем и дедом, который обожал свою семью и делал для нас все, а не таким упырем, как его пытаются представить сегодня (например, в телесериале «Жуков»).

Иван Александрович был человеком большой личной храбрости, с огромной внутренней силой и стержнем, крепким, выносливым. В жизни не курил и практически не пил.

Имя моего деда у многих ассоциируется с фамилией О. Пеньковского — разведчика-предателя. Да, эта история стоила ему карьеры. Иван Александрович очень тяжело переживал свою отставку, он систематически обращался к руководству страны с просьбой о пересмотре своего дела, но безуспешно.

Как пишут «мемуаристы», Пеньковский был якобы вхож в нашу семью, был чуть ли не личным другом. Моя мама, Екатерина Ивановна, невестка Ивана Александровича, живой свидетель того времени, вспоминает, что ни на даче, ни на квартире в Москве Пеньковского не видела ни разу.

Дед похоронен очень скромно, на сельском кладбище недалеко отдачи вместе с бабушкой и своей сестрой. На его похоронах было 6 человек.

Его портрет со всеми наградами, орденами и звездой Героя Советского Союза так и стоит у меня на самом видном месте.

А касательно того, какие поступки, действия он выполнил во время войны и не только, которые подвергаются, мягко говоря, нелюбезной критике, могу сказать, что он исполнял приказы Сталина, других военачальников, не мог их не выполнить, делал это только во благо Родины, которую искренне любил, ради спасения русской земли от фашистов.

Хочу выразить признательность Ткачу О. П., Иванову Д. Н., коллективу издательства за проделанную работу и лично Наталии Ивановне Коневой за ее бесценные советы.

Надеюсь, что, прочитав эту книгу, многие посмотрят на моего деда совсем иными глазами.

Вера Серова

Август 2015 года.

Вместо введения

«Время все видит, слышит и все раскрывает», — так сказал мудрец Софокл, а в наше время можно сказать, что ИСТОРИЯ — это то, что произошло, поэтому изменить ее невозможно, и тем, кого она не устраивает, остается сожалеть, что не сбылись их мечты. Нельзя задним числом исправлять Историю и давать произвольное толкование событиям.

По совету друзей и товарищей я решил записывать некоторые события, имевшие место в моей жизни. Полагаю, что они будут поучительны и для моих детей и внуков.

События в моей жизни и впечатления в свое время я регулярно записывал, и сейчас имеется более 300 страниц таких записей, правда, некоторые сжато, но они ярко напоминают происходившее.

Я полагаю, что было бы неразумно унести с собой многие факты, известные мне, тем более сейчас «мемуаристы» искажают их произвольно, благо не требуется подтверждения доказательств, а читателями они принимаются на веру. К сожалению, ряд моих товарищей по работе, коим были известны описываемые ниже события, уже закончили земные дела, ничего не написав. Мне думается, что если бы и я так же поступил, то меня можно было бы упрекать.

Как и у многих миллионов советских людей, у меня нет ничего примечательного в биографии. Уподобляться мемуаристам последних лет я не хочу.

Они описывают безрадостную жизнь при царе, которая всем-всем известна, что бабушка, в юные годы ему рассказывая сказки, предвещала «енерала», и он им стал. Другой же пишет, что в те времена щи хлебал из общей миски и т. д. Ведь каждый из нас это знал и, более того, получал по лбу ложкой, если раньше отца захватил кусочек мяса.

Период становления Советской власти (20-е годы) был тяжелым для нашей Родины, был неурожай, голод и т. д. Народ бедствовал, появился тиф, а антисоветские элементы

злорадствовали. В довершение к этому англичане в 1921 году высадили десант в Архангельске, стали продвигаться в направлении к Вологде, чтобы помочь белогвардейцам восстановить буржуазную власть.

Из нас, подростков, учеников школы II ступени, комсомольцев, организовали отряд ЧОН (часть особого назначения). Отряд — это только громкое название, фактически это рота из 70 человек, во главе которой был большевик Крисанов, на рукаве которого красовался погон с четырьмя красными квадратиками. Он с большой энергией обучал нас владеть винтовкой и станковым пулеметом «Максим»... К счастью, кончилось все благополучно, так как Красная Армия выгнала английских оккупантов с Севера.

Семейное положение было у нас неважное. Мать заболела воспалением легких, единственный врач по ошибке поместил ее в тифозную палату, и она там умерла. Отец работал ночным сторожем в кооперативе. Есть было нечего, но кое-как перебивались.

В 1923 году я окончил школу II ступени. Меня, как комсомольца, вызвали в Уком РКП(б) и сказали, чтобы я ехал в свой сельсовет заведующим избой-читальней волости...

Там меня вскоре выбрали секретарем волостного комитета комсомола, затем в январе 1923 года меня вызвали в Уком РКП(б) и сказали, что будут рекомендовать председателем волостного исполкома. Я сказал секретарю Укома, что мне нет 18 лет. Он ответил, что со мной поедет член бюро Укома и выберут! Я сказал, что для меня это будет тяжело, ведь 21 деревня, друг от друга 9-11 км. Но все равно решили, и пришлось смириться.

В январе 1924 года меня послали на 2 недели на курсы политпросветработы в Вологду. Впервые побывал в губернском центре. Там поступило траурное сообщение о смерти В. И. Ленина*[4]...

Я решил твердо вступить в партию и, вернувшись домой, собрал 5 рекомендаций членов партии со стажем с 1917 года, подал заявление в Уком РКП(б). По уставу партии полагалось для служащих 2 года кандидатский стаж. Меня в Укоме долго обсуждали, к какой категории отнести. Затем секретарь Укома сказал, что он сейчас хоть и служащий, но всю жизнь был крестьянином, отец — сторож, неграмотный[5], ну значит, определили кандидатский стаж 1 год. Хотя и задержались с оформлением кандидатской карточки, все же в январе 1925 года я стал партийным...

В августе 1925 года меня вызвали в Уком РКП(б), и секретарь т. Соколов сказал: — «Надо ехать учиться в военное училище в Ленинград, Уком РКП(б) тебя командирует». В те годы военные школы комплектовались за счет партийно-советских организаций, чтобы не допустить враждебных лиц.

Через несколько дней я явился в Вологодский Губком РКП(б). Там нас собралось человек 15, которым устроили экзамены по всем предметам средней школы. Выдержали хорошо только четверо. Нас и послали с командировочным предписанием в Ленинградскую пехотную школу им. Склянского.

Секретарь Губкома нас предупредил, чтобы мы не подвели Губком партии и выдержали экзамены. Двое из нас выдержали экзамены, и вот я — курсант.

Первое время служба не понравилась. Особенно было тяжело в бытовом отношении. Старая изношенная шинель, разодранное одеяло, в казарме холодно, так как не всегда топили. Парень, командированный со мной из Вологды, сбежал. Отдали его под суд и объявили нам решение военного трибунала перед строем.

С нами учились краскомы — участники гражданской войны, у которых на петлицах было до 4 квадратов, так как они — бывшие командиры рот, эскадронов, батальонов. Им тоже было

несладко. Командовали ротами, а тут — с нами в одном строю, с мальчишками 19–20 лет, а им уже некоторым 30 лет и более. С учебой у них было не гладко, так как на фронт пошли добровольцами, не закончив учебу.

В 1926 году меня выбрали секретарем политячейки роты и техническим секретарем партбюро Ленинградской школы.

С осени 1928 года началась трудовая деятельность молодого командира взвода, прибывшего для прохождения службы в Северо-Кавказский военный округ, г. Краснодар.

Уезжая из Ленинграда, я имел возможность выбирать место службы, согласно «списка старшинства», то есть по знаниям, по партийно-политической благонадежности и другим показателям. По списку я был выпущен из 180 курсантов четвертым. Были назначения в Москву, в Ленинград и другие крупные центры.

Я захотел послужить на Северном Кавказе. Надо было при выборе на собрании назвать часть, и все. Я так и сделал. Потом начальник школы и курсовые командиры смеялись, что там нет снега, поэтому не придется кататься на лыжах за конем и т. д., где я в округе занимал 1 место.

Служба на Кавказе была не особенно тяжелой. Изнурительными были только походы летом. Жара доходила до 35 градусов...

В 1931 году меня перевели, вернее, направили в Детское село (под Ленинградом) в АКУКС (артиллерийские курсы усовершенствования командного состава). Там собрались командиры артиллерии Красной Армии для подготовки в качестве командиров батарей технической разведки артиллерии: звукобатарей, то есть с помощью звуковых приборов засекают артиллерию полка, светобатарей — с помощью оптических приборов засекают противника, и топографических батарей — с помощью геодезических приборов определять координаты своих батарей, в том числе и звуко- и светобатарей, определять координаты наиболее характерных точек на площадях, то есть готовить топографическую сеть.

Мне эта служба понравилась, я с увлечением ее изучил, и нужно сказать, с успехом применял на практике. Командиры нашего полка были довольны моей работой...

По окончании АКУКСа был назначен в IX корпус артиллерийского полка, командиром полка туда только что приехал Яковлев* Н. Д.[6]

В течение двух лет я служил в этом полку, и нужно сказать, до сих пор с удовольствием вспоминаю боевые стрельбы, полевые поездки и учения. Работать приходилось много. Вначале я был командиром разведбатареи полка, а затем — командиром топографической батареи. Там же, то есть в Каменске, и женился.

Произошло это необычно. Один раз, прогуливаясь в парке, я увидел красивую стройную девушку. Понравилась. Ее же увидел второй раз, когда она проходила с подругой мимо дома, где я жил. Оказалось, что мы недалеко друг от друга жили. Познакомился. Стал встречаться. Узнал, что только что окончила девятилетку. Собирается в институт. Стал присматриваться более внимательно, и зародилось чувство любви к ней.

Как сейчас помню, утром мы зарегистрировались, а вечером на грузовике перевезли «вещи» супруги ко мне в комнату. Вещи состояли из «приданого» — железная кровать (односпальная) и небольшой чемоданчик с бельем и платьями. Прямо сказать, негусто. Впоследствии пришлось излишнее обмундирование, точнее, отрезки на брюки и китель, употреблять на платье и пальто супруге[7].

Жалованье было небольшое, около 90 рублей. Помощи ждать неоткуда, но нас это не

смущало, как говорит народная поговорка — с милой рай и в шалаше...

Вспоминается приезд к нам в полк командира 9-го стрелкового корпуса, героя Гражданской войны Вострецова*. Я о нем хочу рассказать как об одном из командиров Красной Армии, наиболее отличившихся в Гражданскую войну, награжденных четырьмя боевыми орденами Красного Знамени. Таких в Красной Армии было только 4 командира: Блюхер*, Вострецов, Фабрициус* и Федько*. Так вот, наш Вострецов командовал корпусом, в составе которого был наш полк тяжелой артиллерии.

Первый раз Вострецов приехал после замены лошадей тракторами. Н. Д. Яковлев повез его к нам в разведдивизион, звуко-, свето-, топовзводы. Мы развернули всю технику, чтобы показать командиру корпуса. Вострецов ходил, смотрел приборы, называл смешными именами, вроде того: «Что это за барабан?», показывая на звукоприбор.

Затем в конце дня выступил перед командирами с установочными указаниями. Выступление безграмотное, да нужно сказать, и бестолковое. Видимо, грамотность Вострецова не превышала 4-х классов.

После совещания распекал молодого командира взвода Денчика, который напился пьяным, и Н. Д. Яковлев доложил об этом.

В заключение Вострецов учил Денчика, что ему, молодому, можно выпить, но наливать в стакан не больше, как на палец. Это нам рассказал Денчик.

Затем Вострецов в то лето еще раз приезжал в полк, и, как назло, Денчик опять напился вечером пьяным, и утром на улице его подобрали без штанов. Видимо, ночью раздели.

Опять Денчик был вызван к Вострецову. Начался разговор так: «Я тебя, дурака, в прошлый раз учил, как надо пить, а ты что?» Денчик отвечает: «Товарищ командир корпуса, я так и пил, как вы учили». Вострецов: «Я тебе, дураку, сказал, что надо наливать в стакан на палец, а не больше».

Денчик: «Товарищ командир корпуса, я так и наливал», и показал палец своей стоймя. Вострецов возмутился и закричал: «Я тебе, дураку, показывал палец лежа, а не стоймя». Денчик: «Виноват, товарищ командир корпуса, перепутал, не понял». Вострецов: «Уходи, дурак!»

Ну, в итоге пришла заявка из округа об отправке трех лучших командиров на Дальний Восток, и Денчика Н. Д. Яковлев сбыл из полка.

В дальнейшем полк перевели в Краснодар, где у нас родился сын[8]. В Краснодаре служба тоже неплохо шла, я командовал отдельной батареей (4 кубика в петлицах определяли раньше должность).

В конце 1934 года вдруг совершенно неожиданно перевели Н. Д. Яковлева в Белоруссию «на повышение», а к нам прислали командиром полка Коха — немец, причем довольно слабый артиллерист по сравнению с Яковлевым. Мы между собой не раз об этом говорили.

К осени, когда полк занял первое место в округе по стрельбе, и мы ожидали соответствующих поощрений, я получил из штаба телеграмму о том, что приказом наркома Ворошилова* я переведен в Винницу, в легкий артполк, тоже на «повышение», то есть на должность со шпалой в петлицах.

Ничего не оставалось, как собрать вещи и выехать. Все удивлялись, что у меня отличная аттестация, а перевели. Это было, видимо, желание Коха. Впоследствии, как я узнал, Коха сняли и арестовали. Ходили слухи, что он якобы — немецкий шпион.

В Виннице я служил недолго (около года) в роли помощника начальника штаба артполка, а фактически вел дела, как начальник штаба полка 2-й очереди. Начальник штаба полка Болотов — безалаберный командир, да к тому же и выпивал, и я в 1936 году решил подать рапорт о поступлении в Академию[9].

Приняли, переехал в Москву. Вначале от строевой жизни как-то странно было садиться за парту, но затем втянулся. На первом курсе нас распределили по факультетам. Я попал на спецфакультет. Пришлось с большим трудом учить японский язык...

По окончании Академии им. Фрунзе нас собрали у заместителя наркома обороны СССР по кадрам Щаденко*, который, посмеиваясь, объявил, что дальше мы будем проходить службу в НКВД СССР. На наши возражения он сослался на решение Политбюро, и на этом прием окончился[10].

Глава 1. ПЕРВЫЕ ШАГИ В НКВД. 1939 год

Иван Серов начал свою службу в органах госбезопасности в переломный для Лубянки период. Как раз накануне, в ноябре 1938-го, «железного наркома» Николая Ежова сменил человек в пенсне Лаврентий Берия. Волна репрессий постепенно начала стихать, отдельных счастливиц даже стали выпускать на свободу.

Через полгода, в апреле 1939 года, Ежова арестуют, а затем расстреляют. Вслед за ним будут арестованы практически все его заместители, большинство начальников управлений НКВД в центре и на местах: сделав свое дело, они должны были исчезнуть навсегда.

В этих условиях новый нарком остро нуждался в новых, надежных кадрах, никак не отягощенных старыми грехами, но после предыдущих чисток таковых в системе почти не осталось. Людей в экстренном порядке пришлось набирать со стороны. В том же 1939 году на оперативно-чекистскую работу будет принято 14 506 человек, из них большинство (11 062 человека) — по партийно-комсомольским путевкам.

Серов попал на Лубянку по армейскому набору: несколько сот выпускников военных академий целевым порядком были тогда рекрутированы в НКВД.

Именно кадровым голодом объясняется и его стремительный карьерный рост. Придя в органы лишь в феврале 1939 года, он сразу же становится зам. начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД, а спустя неделю — и полноправным начальником: то есть главным милиционером страны.

Через 5 месяцев его перебрасывают из милиционеров в чекисты: начальником секретно-политического отдела ГУГБ НКВД, одного из ключевых подразделений Лубянки — ее тайной полиции. А уже осенью Серов уезжает на Украину шефом НКВД второй по величине союзной республики.

Понятно, что при такой свистопляске постигать азы профессии приходилось на марше. Впрочем, профессиональные навыки и опыт Берия волновали меньше всего: главное — преданность партии и твердое выполнение установок Центра.

У выдвиженцев того времени, словно у штрафников, было лишь два пути: либо оправдать возложенные на них ожидания, либо повторить судьбу предшественников и сгнить лагерной пылью.

Серов — оправдал...

Меньше чем за год скромный майор артиллерии прошел путь до комиссара госбезопасности 3-го ранга (по-армейскому — генерал-лейтенанта), вершителя миллионов судеб.

Смотрины у Бери

Когда нас всех (из разных академий) собрали на Лубянке, у меня (а я почувствовал, и у многих) было неприятное чувство <от>[11] учреждения, о котором мы всегда нелестно отзывались, так как в годы учёбы, вернее в 1937–1938 годах, на наших глазах многие слушатели и преподаватели были взяты на Лубянку и оттуда не вернулись.

В отделе кадров МВД, куда нас собрали, было объявлено, чтобы мы согласно распределению (объявленному) разъезжались по военным округам на должности начальников особых отделов округов. Я получил назначение начальником особого отдела Киевского особого военного округа.

После объявления назначений я встал и сказал, что нам ехать в таком виде, то есть не зная основ предстоящей работы, крайне неудобно, и мы будем выглядеть перед подчинёнными профанами. А ведь с ними придётся работать и командовать ими. Поэтому необходимо нам дать какой-то минимум знаний и рассказать наши обязанности и поведение с командующими округов. Руководивший совещанием замялся, а новые «начальники» хором поддержали мое предложение.

После этого нам был объявлен перерыв. А затем, когда нас вновь собрали, то сказали, что для нас организуются двухнедельные курсы по чекистской подготовке, где мы можем записать основные задачи, которые встанут перед нами.

Видимо, в наказание за моё предложение, объявили, что старшим всех «начальников» на этих курсах будет Серов.

Курсы приступили к работе со всеми правилами конспирации. Нужно сказать объективно, что содержание лекций было средним, но в тот период, когда никто из нас не представлял чекистскую работу, то всем казалось так интересно, что все внимание было обращено на лектора, а карандаши скрипели, усердно записывая основные мысли, а затем записи сдавали мне, а я их — в сейф.

На третий день «курсов» меня вызвали к наркому[12]. Нужно сказать, что за 15 лет службы к тому времени ни разу не видел в глаза «наркомов», кроме как членов политбюро на Красной площади во время парадов.

Придя в приемную наркома, я поинтересовался фамилией, <и> затем меня впустили. Там сидел какой-то командир с двумя ромбами, а у наркома я заметил 4 ромба. По-нашему, по-военному, это было много.

Нарком задал один вопрос, просматривая мою аттестацию: «Вот здесь записано, что вы иногда проявляете высокомерие?»

Я ответил, что мне ещё не давали читать аттестацию по окончании академии, поэтому мне эта фраза неизвестна. Последовал вновь вопрос: «Так как же это понимать?»

Мне ничего не оставалось сказать, как следующее: «Возможно, бывают у меня моменты, когда я глупое выступление или замечание того или иного товарища называю глупым, а не хвалю его!» Нарком и его помощник улыбнулись, но ничего мне не сказали.

Затем нарком говорит: «Состоялось решение Политбюро ЦК о назначении вас заместителем начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции». Я чуть не подпрыгнул, но выслушал и сказал: «Я военный, милицейских дел не знаю и переходить в милицию не хочу».

В этот момент я почувствовал, что во мне рушатся все надежды на службу в армии, куда я стремился смолоду и служу 15 лет.

Нарком вскипел на мой ответ и швырнул мне полулисток, сказав: «Вот решение Политбюро, за подписью т. Сталина»*. Я глянул только на красную подпись «И. Сталин» и спокойно вернул листок наркому. Затем нарком сказал: «Идите и приступайте к работе»[13].

Выйдя, я еле нашёл по коридорам выход, спросил, где Главное управление, и на улице стал бродить, чувствуя, что я в тяжёлом положении. Но военная закалка к исполнительности и решение партии заставили взять себя в руки, и я явился к начальнику Главного управления, с которым не знал как себя вести, так как, будучи военным, и считал себя более достойным, чем милицейский чин.

Войдя в кабинет, я увидел пожилого человека в звании «комдив», и сразу у меня изменилось настроение. Военному с военным легко разговаривать.

Я представился. Он мне сказал, что уже нарком ему звонил. Очень хорошо поговорили, показал мне кабинет, и там я сел в кресло и задумался, так как что делать и как, я не знал, каковы мои обязанности, а главное, это угнетающее настроение в том, что меня из армии перевели в милицию.

Ко мне уже начали приходиться подчинённые с докладами, что-то говорили, спрашивали, я отвечал, и единственная мысль сверлила мозг: «Не сказать глупости».

Отсидев до конца дня, я, зайдя к комдиву, который оказался очень эрудированным, душевным человеком, затем ставшим моим хорошим товарищем Чернышевым* В. В., уехал на положенном мне «ЗиС-101» домой[14].

Вера Ивановна[15] сразу почувствовала, что со мной что-то неладно. Я ей сказал, что получил назначение в милицию. Она так и ахнула: «Как в милицию?»

Слова «заместитель начальника Главного управления» ни на нее, ни на меня не производили никакого впечатления. Если бы в тот период сказали «зам. командира полка», то у нас радости не было бы конца.

И в таком состоянии мы пребывали много дней, несмотря на то что мне было присвоено уже звание госбезопасности, тоже майор, но знак различия был не две шпалы, которые я носил, а ромб. Но нас и это не радовало[16].

Через два месяца после всего я был вызван вместе с В. В. Чернышевым к наркому. По дороге В. В. сказал, что «тебе, Иван Александрович, придётся принимать Главное управление милиции». Я опять опешил, так как все еще не терял надежду вернуться в армию в любом качестве, ну хотя бы в особый отдел. Я ответил, что буду возражать. В. В. не советовал, так как «нарком строгий и не любит возражений»[17].

Разговор у наркома опять короткий. Обращаясь к Чернышеву на «ты», он сказал: «Сдай дела Серову и принимай ГУЛАГ», — и опять бросил на мой столик, где я сидел, постановление Политбюро за подписью Сталина[18].

Я снова поднялся и сказал, что не справлюсь с такой большой работой, так как не знаю её и не лежит душа, меня перебил нарком, сказав: «Идите и работайте, а плохо будете работать,

так будете отвечать».

Мы вышли, Василий Васильевич вновь упрекнул меня за отказ. Придя к нему в кабинет, он мне рассказал, что он тоже работал начальником Пограничных войск на Дальнем Востоке[19], но его вызвали и назначили в милицию год тому назад, а сейчас — в ГУЛАГ, то есть ведать лагерями заключённых. «Это похуже, чем милиция», — добавил он.

Затем он сказал, что в связи с тем, что бывший Секретарь ЦК ВКП(б) Ежов*, он же нарком Внутренних дел СССР, видимо, уйдёт или ушёл (я не понял) в Наркомат Водного транспорта, очевидно, будет наркомом вот этот грузин, Секретарь ЦК Грузии Берия*[20].

Вместе с ним приехали из Грузии помощник Секретаря ЦК Грузии Меркулов*, члены ЦК Грузии Мамулов*, Шария*, Кобулов* и другие. Значит, руководство теперь — все партийные работники. Старые чекисты злоупотребляли законами, и их выгнали и арестовали. Вот новые вы — молодые командиры-коммунисты — и посланы ЦК партии на укомплектование во многие органы внутренних дел. Поэтому беритесь за дело и работайте.

Что мне оставалось делать, так как через час В. В. очистил сейф, сдал мне ключи, пожал руку и ушел. Я опять сел уже в новый кабинет и задумался. Выхода никакого не было. Уйти со скандалом, может получиться плохо, да и партийная совесть не позволяла. Вот так я был усмирён.

Должен сказать, что когда силой воли заставил себя заново обдумать сложившуюся ситуацию и заставил отбросить мысли об уходе, как нереальную в данный момент, то естественно мозги начинают думать, как работать, как освоить и не осрамиться. Правда, на это потребовалось не день, не два, но все же перелом произошел, хотя и тяжелый...

Через пару часов ко мне стали приходиться с папками начальники управлений уголовного розыска, паспортного, по борьбе с хищениями социалистической собственности, политотдела и других. У каждого были вопросы, о которых я не имел ни малейшего понятия. Они это тоже видели.

Не знаю, догадывались ли они, что я их замысел тоже понял: сходить к начальнику, посмотреть, что он стоит, и сделать вывод, что им за начальника дали.

Причем следует отметить, что начальники управлений были уже солидного возраста, под 50 лет, а я — 34-летний начальник. Такая «игра» продолжалась пару недель, но когда сам понимаешь все это, то становится как-то легче.

Все эти дни я был под впечатлением неразумного решения о моем назначении и пытался убедить себя, что это недоразумение скоро будет исправлено, и меня освободят. Но жизнь есть жизнь. Да еще мой характер, не терпевший безделья и раздумий.

Быстро смирился с новой работой и стал вплотную знакомиться со структурой органов милиции в стране и делать соответствующие выводы. Ежедневно вечером стал ездить в райотделы милиции г. Москвы, после чего думал поехать в области. Но моим планам и тут пришлось претерпеть изменения, о которых я скажу ниже.

Когда я глубже вникал в дела, то мне зачастую казалось, что эта работа не по мне, и у меня мелькала мысль пойти в ЦК и все рассказать. Правда, не исключено, что меня могут назвать трусом, а я им никогда не был. Пойти к наркому, как к старшему товарищу, я не мог, вспоминая, как он, не выслушав меня, холодно сказал: «Идите!»

Москва криминальная

План свой ознакомления с милицией я проводил неуклонно и добавил к дневным посещениям вечерние, благо в те времена раньше полуночи или часу ночи домой не уходили. Почему так делалось, мне, военному человеку, было непонятно. Лишь потом я узнал, что этот распорядок дня зависел от «хозяина», то есть Сталина.

Один раз вечером заехал на Петровку, в управление милиции. Мне дежурный доложил о количестве задержанных и характерные дела. Вдруг я услышал в нижнем этаже (полуподвале) крики. Когда спустились туда, мы увидели в окне драку.

Вошли в помещение, где находилось человек 12 женщин (проститутки), там одна молодая девчонка била по щекам другую, обзывая ее проституткой и другими эпитетами. Я прикрикнул на них и, когда утих шум, спросил, в чем дело.

Сначала одна постарше спокойно сказала: «Да вот, подрались». Когда я спросил потерпевшую, она молчала. Тогда обратился к агрессорше, она с возмущением, скороговоркой, стала объяснять, что они в разговоре поспорили, и та обозвала ее проституткой.

«Вы только подумайте, гражданин начальник, назвала меня проституткой, а я честная воровка и никогда проституцией не занималась». И вновь хотела броситься драться.

Я стоял в недоумении: чем же одна лучше другой? Затем предупредил, что если будут безобразничать, то накажем карцером. Поднимаясь по лестнице, я спросил у дежурного, почему же воровка так обиделась на проститутку.

Он мне сказал, что в этом мире существуют свои неписанные законы, которые непосвященному человеку сразу и не понять. Воровки охраняют честь мундира и оскорбляются, если их назовут по-другому. У девиц легкого поведения свои правила. Например, по их закону нельзя бывать с иностранцами. Однако находится отчаянные и нарушают это правило.

Для меня все эти тонкости были открытием, если учесть, что всю сознательную жизнь я в быту думал, как и все, а на службе занимался артиллерией и изучал законы баллистики, а тут пришлось осваивать «неписанные законы».

Приведу еще один пример «проявленною геройства» воровкой, отбывшей наказание в лагерях. Один раз секретарь мне доложил, что в приемной шумит беременная женщина и просит, чтобы ее принял начальник. Ее посылали в паспортный отдел, но она отказалась туда идти, говорит: «Дойду до Сталина и буду жаловаться».

Я подумал, что беременную женщину чем-то обидели, так как в те времена с работниками милиции не раз приходилось разбирать случаи рукоприкладства, особенно когда ведут пьяного в КПЗ. Рослая девица лет 23-х с громадным животом вошла в кабинет со слезами на глазах.

Я решил выслушать ее просьбу, не задавая вопросы. Она сразу начала тараторить о бездушном отношении милиции к трудящимся и т. д. Потом, когда выговорилась, а я все молчу, тогда она начала скромно рассказывать, что отбыла 3 года в лагерях. При этом уточнила, что не за воровство, а за карманные кражи, и добавила, что она сейчас исправилась.

Я улыбнулся, а она, повеселев, в доказательство своей честности рассказала: «Вот, гражданин начальник, еду сюда, к вам, в трамвае, смотрю — рядом со мной сидит хорошо одетая раззява, а сумочка сбоку — раскрытая. Оттуда, вижу, деньги — трешки, пятерки. Ведь

мне стоило протянуть руку и все — мое. Но я удержалась и чтобы не соблазниться, встала и пересела на другое место, подальше от этой дуры».

Я спросил, что же она от меня хочет. Она расплакалась и говорит, что родственники ее живут в Москве, а ее не разрешают прописывать. Что ей делать? Скоро будет ребенок.

Я спросил, как ей удалось в лагерях ребенка приобрести. Она мне сказала, что последний год была «артисткой» в лагерном клубе и там полюбила заключенного, с которым решили пожениться через год, когда его освободят. Он тоже из воров, но «перековался», уточнила она.

Вот тут и решай — прописывать или нет в Москве. По закону может быть прописана не ближе 100 км от Москвы, а по-человечески — родня здесь, скоро будет ребенок, может быть, ее «геройства» удержаться от воровства хватит надолго. Решил взять на себя ответственность и прописать.

И вот таких жизненных случаев десятки в день. Начинаю привыкать и разбираться, хотя вид делаю, как будто мне все уже ясно.

К тому времени уже меня назначили начальником Главного управления милиции и присвоили звание майора госбезопасности[21].

Пришлось один раз столкнуться с позорным явлением в нашей действительности — гомосексуализмом. Хотя, говорят, в Англии это не считается позором.

В уголовном розыске Москвы работал хороший оперативный работник Станисловский, и я его частенько брал с собой при выездах на происшествия.

Часа в 2 ночи в июне месяце мы вышли в район Ногинского бульвара. Прошли мимо двух сидевших мужчин. Станисловский мне говорит, что это педерасты. Я возразил, мотивируя тем, что хорошо одеты, и интеллигентный у них вид.

Станисловский не сдавался, уточнив, что он видел, как один хлопнул по ноге другого (это условный знак), и не сомневается, что он прав. Я опять возразил. Тогда он решительно направился к одному из них, сел рядом и говорит: «Ну что ж, домой пора».

Тот на него посмотрел и, видно, почуял профессионала милицейского и без всякого возмущения ответил: «А что?» Станисловский уже более решительно: «А то, что идите домой, ничего не выйдет». Тот зло посмотрел, встал и, повернувшись, сказал: «Ну и уйду, а завтра на работу не выйду». Второй, не дождавшись, когда мы к нему обратимся, встал и ушел.

После этого я долго расспрашивал Станисловского о существующих нравах этих людей и обогатил свои знания в этой отрасли криминальных законов. Одним словом, с каждым днем я совершенствовал свои познания в области милицейской работы, а порой даже увлекался разгадкой некоторых запутанных происшествий и уголовных дел.

В июле 1939 года по линии Главного управления госбезопасности НКВД СССР была ориентировка, что иностранные разведки за последнее время добывают советские паспорта и по ним засылают агентуру в Советский Союз, и предлагается всем органам принять меры по выявлению каналов, через которые удастся приобретать паспорта.

Один раз я засиделся до 3-х часов ночи и решил пройтись. Позвонил Станисловскому. Тот оказался на месте. По дороге я вспомнил ориентировку ГУГБ и, когда встретились, спросил: «На Петровке в это время могут быть девицы легкого поведения?» Он ответил утвердительно и добавил, что обычно с часу ночи ездит оперативная машина и подбирает их, пьяных,

дерущихся, скандалистов и т. д.

Часам к 5 утра мы подъехали на Петровку, и я стал вызывать по очереди задержанных. Входили они ко мне настороженно, злобно поглядывая на меня, но с первых двух-трех вопросов, не относящихся к их «работе», они уже охотнее со мной говорили, а две из них вернулись с просьбой «сообщить начальнику кое-что».

Опрос их я направлял о паспортах не сразу, а с подходом. Одной скажу, что разыскиваем паспорт, другой: «Говорят, что она знает об этом паспорте» и т. д. Из этих опросов я узнал, что иностранцы, особенно немцы, знакомятся с нашими девицами и за большое вознаграждение получают от них паспорта. Девицы эти паспорта забирают у наших пьяных, а затем продают иностранцам за духи и другие вещи, и назвала свою подругу, которая продала иностранцу пропуск на военный завод.

На мои вопросы они отвечали охотно, называя клички своих подруг, и тут же просили их отпустить, а за это они обещают завтра принести не один паспорт. Я был удивлен столь легким способом добычи иностранцами наших советских документов. Наутро я запиской доложил в наркомат об этих опросах, подробно высказав свои опасения.

В наркомате эта записка вызвала серьезное обсуждение. Главному управлению государственной безопасности были высказаны претензии в безответственном отношении к столь серьезным промахам. На меня начальники управлений поглядывали искоса.

Каждый день из органов милиции республик, краев и областей поступали разнообразные донесения, представляющие большой интерес, по которым надо было принимать решения или докладывать наркому для постановки вопроса в правительстве. Бывали и такие вопросы, которые сразу не укладывались в голову, о многих из которых нельзя писать, но о некоторых все же хочу сказать.

Ко мне явилась группа цыган с просьбой разрешить им выехать в Румынию на две недели для того, чтобы вручить «цыганской королеве» золото и ценности, ежегодно собираемые цыганами всего мира для подарка «королеве». Я в то время не знал, что у цыган есть «королева».

В августе 1939 года я получил решение Политбюро, где сказано, что я включен в комиссию по проведению праздника «Дня авиации», который состоится на Тушинском аэродроме. Председателем комиссии был командующий МВО Буденный*. Раза три мы заседали, а затем Буденный сказал, что едем в Кремль на доклад «хозяину»[22].

Я никогда близко не встречался со Сталиным, кроме как видел его на Красной площади во время парадов, где маршировал с Академией, и мне не приходилось с ним разговаривать, поэтому понятно некоторое волнение в связи с предстоящей встречей.

Когда мы вошли в кабинет, там были, кроме Сталина, Молотов*, Микоян* и Ворошилов. Мы, каждый по своей линии, доложили, как будет проходить празднование. Сталин задавал вопросы по ходу докладов, и дело подходило к концу.

Вдруг Сталин неожиданно спросил у Буденного: «А кто полетит на головном самолете четырехмоторном?» Буденный назвал летчика-испытателя, кажется, Гуркенштейн или что-то в этом роде. Сталин нахмурился и сказал: «А кто он такой, кто его знает? В народе такого не знают». Все замолчали, а Сталин подошел к стене и нажал кнопку.

Пришел на звонок Поскребышев*. Сталин ему сказал: «Найдите Громова* и соедините меня с ним».

Через несколько минут Поскребышев зашел и сказал, что Громов в Горьком, он у телефона.

Сталин взял трубку и тихо сказал: «Да». Ему ответил Громов, и затем произошел следующий разговор.

Сталин: «Здравствуйте, товарищ Громов! Вот мы хотели провести день авиации, и просим вас полететь на головном самолете во время воздушного парада». В трубке что-то заворковало.

Сталин: «Нет, я не приказываю, а прошу. Если можете, то прилетайте». Затем пауза и опять: «Нет-нет, не приказываю. Ну, вот и хорошо, что согласны. Будьте здоровы!» Затем, повернувшись к нам, сказал: «Громов согласен, на него и рассчитывайте. Его вся страна знает».

После этого мы ушли, и у меня надолго осталось впечатление от этого разговора. Вопреки ходившим слухам, что он суровый, нелюдимый и т. д., у меня от первого свидания такого впечатления не сложилось.

Кстати сказать, впоследствии я не раз убеждался в том, что Сталин был таков: чем он меньше знал человека, тем он официальнее и вежливее был, и наоборот, своих приближенных он держал в кулаке, и они его все боялись.

Воздушный парад прошел нормально, и к нашей комиссии замечаний не было.

Одним словом, я осваивал этот сложный участок работы и стал привыкать. Настроение с каждым днем менялось в пользу милиции, но оказалось, что моя судьба уже была решена в другом направлении.

Переход в госбезопасность

Вероятно, мои записки в НКВД СССР по разным вопросам государственной безопасности, в том числе и по девушкам легкого поведения, занимавшимся приобретением паспортов для иностранцев, сыграли некоторую роль, и меня вызвали к нарком для того, чтобы объявить, что я назначен заместителем начальника Главного управления госбезопасности НКВД СССР и одновременно — начальником Секретно-политического отдела наркомата[23].

Я пытался было доказывать, что уже стал разбираться в милицейских делах, что чекистской работы не знаю и могу ошибаться в таком серьезном и ответственном деле. В ответ на мою речь нарком зло пошутил, сказав: «Ты окончил курсы чекистские (это за 10 дней!), и нечего прибедняться! Иди и работай, а плохо будешь работать — выгоним».

Я ушел в Главное управление милиции и следующий день работал там. К концу дня мне позвонил начальник секретариата НКВД СССР и передал указание наркома, что если завтра с утра я не буду на новом месте, то дело кончится плохо. И так я стал заместителем начальника Главного управления госбезопасности (нынешнее НКГБ), то есть «чекистом». Как быстро я «совершенствуюсь»! Правда, когда я все обдумал, то понял, что у ЦК партии и руководства НКВД СССР было безвыходное положение, раз назначают таких, как я, то есть без чекистских знаний.

Период 1937–1938 годов, когда в НКВД властвовал нарком Ежов — секретарь ЦК партии, член Политбюро[24], член Правительства СССР, депутат Верховного Совета СССР и т. д., то естественно, ему верили, что кругом враги, надо бороться, и он «боролся», арестовывая тысячами в день честных людей.

Большую подлую помощь в этом деле сыграл бывший редактор «Правды» — органа ЦК

партии — Мехлис*, который, захлебываясь, каждый день перевозносил Ежова и органы, как поборников бдительности и преданности, и только «Ежовы рукавицы» могли разоблачать и арестовывать «врагов». Мехлису подпевали и другие редакторы газет, что Ежов Н. И. день и ночь грудится на благо Отчизны и не смыкает глаз, и только благодаря Ежову существует наша страна и т. д. и т. п.

На самом деле, как потом я увидел документы на Украине, этот член Политбюро, секретарь ЦК и т. д. арестовывал десятки тысяч невинных людей, создавал провокационные дела, требовал от начальников УНКВД областей и республик все больше и больше арестов, награждая наиболее отличившихся в этом деле, и арестовывал «нерадивых», спускал в области «планы по арестам», а начальники УНКВД в угоду Ежову выдвигали встречные планы арестов, а в конце месяца просили добавить сверх плана 200–300 человек на область, мотивируя свою просьбу тем, что с секретарями обкомов аресты согласованы.

В министерствах и ведомствах, а также и среди населения появились «бдительные активисты», которые в угоду Ежову и органам писали друг на друга доносы, обвиняя во враждебных и шпионских действиях, и их арестовывали...

Достаточно сказать, что в 1937 году, когда я был на 2-м курсе Академии, на Фрунзенской райпартконференции мы два дня выбирали президиум конференции, обсуждая и «слушая» каждого выдвинутого в президиум делегата конференции...

Из выбранных в президиум на второй день конференции половины не оказалось, они были арестованы, в том числе и наш комиссар Академии Неронов*.

Военный трибунал заседал дни и ночи, разбирая дела на высший военный состав, в том числе и маршалов — Тухачевского*, Егорова*, Уборевича*, Якира* и др. Причем членом военного трибунала был бессменный Буденный, который очень усердствовал, докладывая записками Сталину, что он «в ходе суда убедился, какие это проститутки (Тухачевский и др.) и враги народа». Я читал такие записки.

В конце 1938 года мы из газет узнали, что Ежова сняли и назначили наркомом речного флота [25], а затем арестовали и расстреляли. Собаке — собачья смерть!

Я до сих пор удивляюсь, зачем было Хрущеву* скрывать это на XX съезде партии и не говорить прямо, что вместе со Сталиным виноваты не меньше Ежов, Ягода*, а затем Берия, Абакумов*, да и Игнатъев*. Кстати сказать, и у членов Политбюро того времени не нашлось мужества дружно сказать Сталину: «Остановитесь и разберитесь!»

Но этого не было, потому что на XX съезде партии руководство партии, то есть члены Политбюро — Молотов, Маленков, Микоян, Ворошилов, Хрущев, Каганович*, Шверник* — сидели в Президиуме, а мы с генеральным прокурором Руденко* читали их подписи, утверждавшие приговоры к смертной казни в период 1937–1938 годов. Особенно изощрялся Каганович. И нехорошо, что этот политикан, подлый провокатор Мехлис похоронен на Красной площади вместе с революционерами Фрунзе*, Калинин* и другими. Я отклонился от темы под наплывом возмущения.

После звонка начальника секретариата о том, чтобы я перебрался в кабинет начальника СПО, я собрал работников милиции, коротко попрощался, передал дела заместителю (тоже из военных выпускников) Зуеву*, правда, не совсем удачно подобранному, и ушел в СПО. В секретно-политическом отделе госбезопасности собрал начальников отделений и познакомился с ними. Многие из сотрудников работали при Ежове и трусили, боясь последствий за свои дела.

С приходом в отдел мне пришлось заново знакомиться со структурой, с делами, в том числе и следственными, так как в то время еще все отделы, а не следственное управление, вели

следствие и могли арестовывать. Но потом уже следствие перешло в следственное управление, а к нему — и все дела на арестованных, и при мне уже СПО занималось своими прямыми делами.

Сложность моей работы в СПО заключалась в том, что год тому назад (осенью 1938 года) в НКВД пришел бывший секретарь ЦК Грузии Берия, который обновил руководящий состав НКВД СССР за счет привезенных из ЦК Грузии и из НКВД Грузии. Даже секретари и стенографистки были привезены в связи с назначением Берия наркомом внутренних дел СССР в конце 1938 года. Он из Грузии привез несколько десятков человек грузин и тбилисских армян, в том числе Деканозова* и братьев Кобуловых (армяне)[26].

Всех расставил на руководящие должности в наркомате, а также и на главных направлениях периферии. В Белорусский наркомат — Цанава*, на Украине — Кобулов-младший*, на Дальнем Востоке — Гвишиани*, в Ленинграде — Гоглидзе* и т. д.

Деканозов в 1938–1939 годах был начальником контрразведывательного управления НКВД СССР. Затем Берия решил, что в Наркомате иностранных дел также необходимо иметь своего человека, и послал туда Деканозова, который через некоторое время был назначен послом СССР в Германию, с расчетом вести там и разведывательную работу.

Осенью 1939 года в связи с назначением меня наркомом внутренних дел Украинской ССР я поставил вопрос, что мне в роли заместителя не нужен Кобулов. Его отозвали в Москву и через короткий срок назначили к Деканозову в Берлин. Таким образом, перед войной эти два армянина оказались в Берлине представителями СССР.

Приезжая из Киева в Москву по делам, мне рассказывали о том, как успешно работают чекисты Деканозов и Кобулов, которые в Берлине пользуются авторитетом и вместе с этим удачно выполняют чекистские обязанности.

Старший Кобулов Богдан, тогда работавший начальником следственного управления НКВД СССР, неоднократно хвастался работой своего младшего брата Амаяка...

Первое время все эти «варяги», каждый в отдельности, пытались ущемить СПО, как это было до меня, так как там замещал начальника отдела помощник начальника отдела Федотов* — мягкий человек, опытный чекист, но с грешком. Вот «варяги» и пользовались этим обстоятельством.

Когда я пришел, то это пытались продолжать. Но я уже стал разбираться в делах и давал должный отпор, когда видел несправедливость.

Нарком и 1-й заместитель наркома Меркулов на меня поглядывали с удивлением, что, мол, за птица Серов, не понимает субординации и не хочет никому уступать. Но если в отделе случался промах, то тут «варяги» дружно наваливались на меня.

А дела в отделе были плохие, вернее, много было липовых дел, заведенных еще при Ежове, которые не знали как закончить. Когда я давал указания написать заключение об освобождении, если предъявленное обвинение не подтверждается, тогда эти горе-чекисты боялись, что за необоснованный арест их могут наказать. Вот и получалась сказка про белого бычка.

Надолго в памяти у меня остался ряд дел, характеризующих методы и поспешный стиль работы, имеющий цель выглядеть хорошо и показать новому начальнику свою квалификацию и тем самым положительно себя зарекомендовать с тем, чтобы удержаться.

Начальником одного из отделений у меня был небезызвестный Райхман*, который впоследствии более 10 лет работал в МГБ на руководящих должностях. Старшим

оперуполномоченным у него был Андрей Свердлов* (сын Якова Свердлова), в то время — молодой чекист, но уже успевший посидеть в тюрьме при Ежове «за участие в молодежной антисоветской организации в Кремле» (он там жил)[27].

Помощник начальника отдела Федотов П. В. был очень осторожный человек. Через несколько дней, явившись ко мне на доклад, они доложили «план мероприятий по француженке Л.», прибывшей в Москву для встречи в Киеве с человеком, который представляет интерес для французов. Планом предусматривалось, что с ней познакомится молодой человек (Андрей Свердлов), владеющий французским языком, добьется у нее успеха, а затем завербует ее.

Ознакомившись с планом, у меня возникли вопросы и некоторые сомнения, в частности, <как можно> в течение недели познакомиться, влюбиться и завербовать (совсем как в кино!). Меня заверили, что с французами такие дела проще всего делаются, и я согласился. Ободренные моей поддержкой, они уже к вечеру доложили, что Андрей познакомился с ней и сейчас находится в ресторане. Через день они оба собрались ехать в Киев.

По прибытии в Киев мне донесли, что все идет хорошо. Когда ехали в поезде в отдельном купе, они выпивали и целовались. В Киеве тоже все было успешно, правда, француженка сумела без Андрея встретиться с нужным человеком на Крещатике и условиться о встрече за городом.

Но этот промах имелось в виду восполнить после отъезда француженки путем допроса киевлянина. На обратном пути из Киева в Москву «любовь» продолжалась, и француженка дала согласие «помогать» нам.

Мне была представлена подробная записка на имя наркома, где докладывалось об успехе. Я, видимо, будучи не уверен в себе, что можно столь быстро добиваться успехов, придержал записку у себя и не послал ее наркому.

Через день пришел ко мне смущенный Федотов с донесением агента из гостиницы, где жила француженка. В донесении агент пишет, что за время пребывания в Москве француженка внимательно относилась к нему и делилась с ним своими впечатлениями о пребывании в СССР.

Перед отъездом она пригласила его к себе в номер и рассказала, как проходило подстроенное знакомство с Андреем, его назойливость и т. д., описывались все подробности, и, наконец, она делает вывод:

«Неужели они думают, что француженка, любящая свою Францию, может предать ее за хвост селедки и бутылку водки, которыми угощал ее Андрей?», и далее: «Все это ухаживание выглядело, по меньшей мере, глупо, не говоря уже о бестактности, допускаемой кавалером. Меня в Париже предупреждали о таких методах советских разведчиков, поэтому мне не стоило большого труда их распознать». Закончила она свой рассказ пожеланием счастья в жизни агенту. Я не сомневался, что и агента она узнала, поэтому и рассказала все ему.

Прочитав это послание, я сказал Федотову: «Записку наркому возвращаю вам, и больше не допускать таких поспешных действий». Он смутился и вышел от меня.

Не знаю, кто больше был смущен — я или чекисты, разрабатывавшие «план мероприятий», но одно хорошо помню, что несколько дней они боялись мне попасть на глаза и при встрече в коридоре мгновенно сворачивали в первую попавшуюся дверь.

Я для себя сделал соответствующий вывод, что нельзя особенно никому доверять, а надо и самому размышлять, и в то же время меня угнетала мысль, что я не имею знаний о чекистских делах и никакого опыта и навыков.

Первое задание Сталина

А жизнь шла, и каждый день возникали все новые и не знакомые для меня вопросы.

Ко мне поступила телеграмма из Узбекистана, адресованная Сталину, от инженера-узбечки Аминовой (в те годы чуть ли не единственной женщины-узбечки с высшим образованием). Она коротко извещала Сталина, что ввиду создавшихся ненормальных отношений с секретарем ЦК Узбекистана Юсуповым* она кончает жизнь самоубийством. Труп ее можно найти в реке Чирчик. На телеграмме была резолюция Сталина выяснить это дело и найти Аминову.

Учитывая, что таких заданий от Сталина не так-то много поступало в отдел, мной были приняты все меры к его выполнению.

НКВД Узбекистана доносило, что Аминова действительно бросилась в реку, и что принятые меры к розыску трупа не дали положительных результатов. Я все же решил на место послать старшего оперуполномоченного Харитонову*, чтобы все выяснить, так как мне намеревались, что узбеки могут не сказать правду, так как Юсупов пользуется там большой властью и против него никто не посмеет сказать.

И действительно, через две недели мой старший оперуполномоченный донес, что в одном районе у колхозника он обнаружил живую Аминову. Я приказал привезти ее в Москву.

В Москве с ней чекисты отдела пытались поговорить вопреки моему запрещению, но Аминова оказалась хитрее их и не стала разговаривать, требуя доставить ее к начальнику.

Когда ее доставили ко мне, то ей я, видимо, показался недостаточно солидным (мне было 34 года и на петлицах всего два ромба)[28]. Первая беседа фактически была официальной, и она мне ничего существенного о своих похождениях не сказала, очевидно, рассчитывая попасть к солидному начальнику.

Когда после обеда ее вновь привели ко мне, она была уже более покладиста и попросила удалить Харитонову, с тем чтобы мне все рассказать. В течение двух дней я выслушивал ее любовные похождения с секретарем ЦК Юсуповым. Она меня уже стала называть «джан», что означает «друг» или «брат». Закончила тем, что Юсупов променял ее на «бачу» (мальчика). И она решила отомстить ему таким способом, послав телеграмму Сталину.

Для меня такое дело было первым, где фигурировал в столь непристойном виде 1-й секретарь ЦК Узбекистана, и я, закончив беседу, не знал, что дальше делать, хотя сомнений в правдивости этой истории у меня не было, так как я кое-что сумел проверить.

Наконец, я решился доложить об этом наркому, который проявил интерес и приказал доставить ее к нему, где она все подтвердила. Затем пришлось составить протокол допроса и каждую страницу закрепить ее подписью, так как протокол пойдет к Сталину. Когда все было сделано, через несколько дней я получил указание отправить Аминову домой. Вот тут-то мне и пришлось помучиться.

Она не хотела возвращаться, начала заигрывать со мной, при каждом вызове являлась в новом кокетливом костюме и т. д. И при всем этом мне не хотелось докладывать начальству, что я не могу с нею сладить. Наконец, после одного решительного разговора мне удалось ее уговорить.

Как потом мне стало известно, Сталин устроил сильный нагоняй за это Юсупову, который,

смутившись, сказал Сталину: «Меня черт попутал», и на этом, как ни странно, дело закончилось.

По прошествии двух месяцев я стал уже кое-что понимать в чекистских делах, но все это проходило с большими усилиями, пришлось ночами сидеть на работе и с рассветом возвращаться домой, потому что я за это время насмотрелся и липовых дел, которые пришлось прекращать. Правда, в те времена было заведено работать ночью до 2–3 часов, а утром к 11 часам быть снова на работе.

Были кое-какие и успешные дела, но давались они с большим трудом, так как я очень тщательно все взвешивал и затем уже решал. Вместе с этим я убедился, что чекисты в ряде случаев иностранцев мерили на нашу мерку и делали неправильные выводы в отношении их мировоззрения, и в результате попадали впросак.

Так, например, в нашем представлении, да еще в те годы — 1938–1939, общение с иностранцами, и особенно интимное, считалось тягчайшим грехом, последствия которого заканчивались тюрьмой. И вот один раз с этой меркой мы сели в лужу.

В конце 1939 года (август-сентябрь) стали налаживаться отношения с Германией. Оттуда приезжали различные миссии — торговые, культурные и даже научные. Я дал задание присмотреться к ним и докладывать.

И вот мне доложили, что один крупный немецкий промышленник весьма вольно себя ведет, высказывает свободно свое суждение, порой, не стесняясь, говорит о хороших сторонах советской жизни и высказывает даже несогласие с министром торговли Германии. Вместе с этим не прочь побаловаться с девочками.

В результате было внесено предложение «поработать» с ним нашему «промышленнику», а затем уже решить вопрос о привлечении его на нашу сторону. Учитывая, что в Германии Гитлер разгромил всех прогрессивных лиц, хорошо относившихся к СССР, мне это предложение показалось заманчивым, и я согласился.

Около недели возились с этим промышленником, и, наконец, мне представили фотографии в полной его красоте с голым пузом и девочкой за бутылками вина. При этом, самодовольно улыбаясь, сказали, что он завтра уезжает, поэтому сегодня наш «промышленник» условился вечером с ним встретиться и по-хорошему завербовать, а если не пойдет, то показать немцу наше фотоискусство, а затем он уже поймет, что скомпрометирован, и оформить подписку. Мне казалось, все правильно.

В час ночи ко мне явились Федотов и «промышленник» и доложили, что сначала все шло хорошо. Затем, когда стали говорить насчет сотрудничества с нами, он наотрез отказался. После этого в ход был пущен «убийственный» аргумент фото. Немец посмотрел одну фотографию, затем другую и, наконец, третью и, нисколько не смутившись, заявил: «А что же, право, неплохо получилось».

Наш «промышленник» на это сказал, что «эти фотографии могут попасть к фюреру, тогда вам несдобровать». На это немец ответил: «Я сам хотел попросить у вас эти фотографии и показать фюреру, чтобы он знал, как работает советская разведка». Ну, после такого обмена любезностями нашему пришлось ретироваться.

Возможно, немец бравировал, что не боится, а скорее всего, он был настолько надежен, что не боялся, что у него могут быть неприятности. Это второй пример, насколько мы плохо знаем иностранцев.

Смертельный полет Риббентропа

Но, как говорит, век живи — век учись, и пришлось учиться. Причем сложность моей учебы заключалась в том, что жизнь-то шла, а в жизни, особенно в 1937–1938 годах, столько наделали глупостей, создали подозрительность друг к другу, печать так изощрялась все это преподносить, как вражеские дела, что сын был готов отца назвать предателем по малейшему подозрению. В любом рисунке искали свастику или какую-нибудь антисоветчину. Разговоры друг с другом так перевертали, что нередко один из друзей оказывался за решеткой.

Хоть в небольшой степени, но мне, будучи начальником отдела, приходилось это наблюдать на явках с агентурой, и особенно по документам, которые приходилось просматривать. И в этой обстановке сила инерции, подозрительности у сотрудников была настолько велика, что, докладывая мне дела явные, где была видна провокация или вымысел, все же боялись произнести правду, а ждали, что скажу я.

Такое поведение вызывалось тем, что за 1937–1938 годы и чекистов сменилось 2–3 очереди, которых сажали в тюрьму «за либеральное отношение к врагам народа».

И лишь после того, как в 1939 году был арестован этот подлый человек Ежов, именовавшийся секретарем ЦК партии, членом Политбюро и наркомом внутренних дел СССР, тогда чекисты осторожно стали высказывать свои сомнения нам, молодым начальникам, пришедшим в органы по решению ЦК.

И вот в такой обстановке вдруг наметился крен в политике Советского Союза, крен в сторону улучшения отношений с Германией. Молотов летал в Берлин на переговоры с Гитлером, а Риббентроп* (МИД Германии) должен был прилететь в Москву (Серов ошибается в последовательности событий). Визит Молотова в Берлин проходил в ноябре 1940 года, уже после прилета Риббентропа в Москву. —

Прим. ред .).

Я старался переварить в своей голове этот переломный момент, но все равно недоверие к политике Германии оставалось, фашистов называли фашистами, и о какой-либо дружбе не могло быть и речи. Мотивов такой политики мне не удалось узнать, да тогда и не полагалось любопытничать.

В день прилета Риббентропа в Москву мне срочно позвонил К. Е. Ворошилов и сказал: «Товарищ Серов, хозяин приказал вам вылететь в Бежицу Калининской области на аэродром и обеспечить пролет немецких самолетов. Если они там сядут, то обеспечьте немцам закуску», и добавил, что «в Бежице стоит зенитный полк, так проверьте, чтобы не вздумали стрелять по немецким самолетам»[29].

Я спросил, когда вылетать. К. Е. Ворошилов ответил: «Сейчас же, самолет вам даст начальник ГВФ Картушев*». Я ответил, что сейчас же выеду на центральный аэродром и вылечу. На аэродроме мне дали самолет Картушева — американский «Локхид», скорость 270 км/ч, небольшой, аккуратный самолет на 8 человек. Летчик был уже проинструктирован, и мы взлетели.

Сравнительно быстро мы приземлились в Бежице. Я там проверил готовность диспетчера и радиста к приему гостей и связался с командиром зенитного артполка, прикрывавшего аэродром. Командир полка заверил меня, что у него орудийный расчет на месте, строго проинструктирован «не стрелять».

Я сказал, что лучше было бы орудийный расчет отвести. На это мне командир полка резонно ответил, что надо же артиллеристам посмотреть опознавательные знаки немцев и, кроме того, потренироваться в наводке по самолетам, тем более, они пойдут на большой скорости. (В те времена скорость у Ю-88 была 450 км/ч, у нас — ТБ-3 со скоростью 320 км/ч.) Мне, как артиллеристу, все эти рассуждения показались основательными, и я согласился.

Поехать на артпозиции не было времени, так как радист доложил, что «вошел в связь с гостями», они на подходе. Я вышел на летное поле и стал вглядываться.

В воздухе показались два бомбардировщика на высоте 3 тысячи метров, которые шли на большой скорости. Радист сообщил, что идут на Москву, и стали разворачиваться над аэродромом.

В это время в воздухе недалеко от самолетов я увидел разрыв шрапнели, за ним — второй и третий, а затем три разрыва возле головного самолета. Я схватил висевший на шее бинокль. Никакого сомнения: зенитчики шрапнелью начали обстрел «немецких гостей».

Я бросился к телефону, оглядываясь, и видел, как еще несколько снарядов разорвались вблизи самолетов. Вызвав командира зенитного полка, я закричал на него: «Прекратить стрельбу!» Тот, заикаясь, отвечал, что он и сам не знает, как это случилось, сейчас разберется и т. д.

Я бросил трубку и по ВЧ позвонил в Москву, доложив об этом происшествии, с тем чтобы они были в курсе дела. Я, правда, еще не знал, были ли пробоины на крыльях, но оба самолета пролетели. После этого быстро побежал к своему самолету и вылетел в Москву.

На центральном аэродроме спросил у ребят, как себя вели немцы. Мне сказали, что нормально. Сам же я пошел к немецким самолетам под предлогом посмотреть Ю-88. Я тщательно вглядывался, нет ли пробоин на крыльях. К счастью, ничего не заметил и поехал на работу.

Созвонившись с т. Ворошиловым, я ему все доложил и написал донесение, после чего на место для расследования был послан начальник Особого отдела НКВД Бочков*, который мне потом говорил, что командир полка и командир батареи за преступное отношение были отданы под суд. Эта крайность, мне думается, не вызывалась необходимостью[30].

Об этом случае почти никто не знает, но я перетрусил сильно, так как представлял, что если бы стрельба окончилась сбитием самолета с Риббентропом, или даже сопровождающего, то это, я думаю, вызвало бы бурную реакцию у сумасшедшего Гитлера, и не исключаю, что могла бы вспыхнуть война. К счастью, этого не случилось.

Тогда же был подписан пакт о ненападении между СССР и Германией. Кстати сказать, до подписания пакта Москва-Берлин советское правительство неоднократно предлагало англичанам и французам договориться и вместе выступить против агрессивных замыслов Гитлера. Однако из этого ничего не вышло.

Мы знали, что по линии НКВД СССР предпринимались неоднократные попытки вести переговоры. Советское правительство, Политбюро не исключали возможность конфликта с Германией. Поэтому нам ничего не оставалось, как идти на вынужденный пакт, чтобы оттянуть этот страшный момент — войну. Другого выхода не было.

В связи с этим 27 августа 1939 года нарком обороны К. Е. Ворошилов в интервью представителям западной прессы объявил причины заключения договора с Германией следующими словами: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт в силу того обстоятельства, что военные переговоры с Англией и Францией зашли в тупик в

силу непреодолимых препятствий».

Во время переговоров с Риббентропом 23 августа отношение советского правительства было сдержанное, хотя Риббентроп распространялся в Кремле на заседании, что началась новая эра отношений СССР и Германии. Сталин на это спокойно сказал: «Ну, положим, 6 лет Германия обливала грязью СССР, и наш народ не поверил бы, что так быстро отношения стали дружественными».

Тогда же договорились о переходе к нам западных областей Украины и Белоруссии, тогда же был решен вопрос о Прибалтике. Ну и, кстати сказать, тогда же, видимо, Политбюро было решено послать меня на Украину наркомом внутренних дел Украинской республики.

Буквально через несколько дней меня вызвал нарком и сказал: «Принято решение послать вас на Украину наркомом внутренних дел». Я сказал: «За полгода я уже дважды сменил работу, а теперь в третий раз ехать на новую, незнакомую мне работу. Я не могу дать согласия и прошу меня не посылать».

Эти слова разозлили его, и он, швырнув мне выписку из протокола Постановления Политбюро за подписью Сталина, сказал: «Распишитесь!» Я прочел решение, встал, затем сказал «Слушаюсь!» и расписался[31].

Нарком нажал кнопку, вызвал секретаря и сказал ему: «Закажи билет товарищу Серову на сегодняшний поезд до Киева», а затем, обратившись ко мне, спросил: «Семью берете?» Я ответил: «Нет», а затем он добавил: «Приказ о присвоении вам звания комиссара госбезопасности 3-го ранга я подписал, ознакомьтесь с работой, и тогда и вызову, Хрущеву я уже звонил. Всего хорошего!»

Я вышел из кабинета и не знал, что дальше делать. Секретарь мне сказал: «Поезд отходит в 18.30. Билет будет через полчаса у меня». Придя в отдел, созвал начальников отделений и помощника начальника отдела и объявил, что уезжаю. Они изумились, начали сожалеть. Я спросил, что мне нужно сделать, может быть, я чего-то недоделал. Некоторые попросились доложить. Через час освободился и пошел домой.

Я ничего не мог понять. В армии так не бывает, чтобы за полгода сменить три должности и получить следующее звание. Когда я дома сказал, что еду на Украину, Вера также была удивлена, но некогда было рассуждать, так как до отхода поезда оставалось чуть более часа.

Раздумывая, я пришел к мысли, что тут, в центре, в НКВД СССР, видимо, не пришелся ко двору, поэтому меня и отправили на периферию, хотя это и продвижение. Этот вывод я сделал потому, что не представлял, что новая работа потребовала большей ответственности и чекистских знаний, которыми я не обладал.

Ведь только подумать — полгода назад я, молодой командир, окончив Академию, мечтал поехать в часть, принять командование арtpолком и служить Родине. Что можно было лучше ожидать?

Вместо этого за полгода я был начальником Главного управления милиции, начальником секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР и сейчас — наркомом внутренних дел Украинской республики, в подчинении которого войска НКВД, пограничный округ и тысячи чекистов. Причем ни одной из этих должностей я еще как следует не освоил, а в ряде случаев действовал в потемках.

Все-таки тяжело так работать. А главное, у меня не было ни одного близкого знакомого в органах, с которым можно было бы поделиться своими горестями или спросить совета. Были только мои начальники и подчиненные. Это произошло потому, что за полгода в трех местах

я не смог таких близких знакомых приобрести.

Даже уже будучи на Украине, ко мне приезжали из НКВД СССР однокашники по Академии из бывших пограничников по делам своей службы, и те, видя у меня в петлицах три ромба, становились навтыяжку и «докладывали» результаты проверки частей НКВД по охране железных дорог, или внутренних войск, или пограничного отряда. Я чуть не взорвался один раз на такого ретивого однокашника, но сдержался, так как на совещании присутствовали его подчиненные. Когда уходили, мне становилось не по себе, почему эта глупая субординация преследует нас всюду.

Глава 2. ШЕФ УКРАИНСКОЙ РАЗВЕДКИ. 1939–1941 годы

Итак, 2 сентября 1939 года Серов совершенно неожиданно для себя стал наркомом внутренних дел 40-миллионной Украины; второй по величине и значению союзной республики. Через день ему присвоили звание комиссара ГБ 3-го ранга (по-армейскому — комкор, генерал-лейтенант).

К тому моменту известный всему Киеву особняк на Владимирской улице почти год простаивал без хозяина. Предыдущий нарком Александр Успенский исчез при таинственных обстоятельствах еще в ноябре 1938-го. (Впоследствии выяснится; узнав о предстоящем аресте, он инсценировал самоубийство и бежал с Украины под чужими документами.)

После пропажи Успенского Москва, правда, направила в Киев нового эмиссара — Амаяка Кобулова, младшего брата Богдана Кобулова, ближайшего соратника Берии. 7 декабря 1939 года его назначили первым заместителем наркомвнудел УССР. С того же дня он исполнял обязанности наркома, но окончательно в должности его почему-то не утверждали.

Поработать совместно Кобулову-младшему и Серову, впрочем, не удалось: их развели синхронно, день в день. Когда последний отправлялся в Киев, первый уже паковал чемоданы; 2 сентября 1939 года Кобулов был назначен резидентом НКВД в Берлине под «крышей» советника полпредства. Как утверждал в предыдущей главе Серов, он сам «поставил вопрос, что мне в роли заместителя не нужен Кобулов».

Именно отсюда, вероятно, берет свои корни их взаимная нелюбовь с братьями Кобуловыми, о чем Серов упомянет еще не раз.

Спешность назначения Серова, которому толком даже не дали собрать вещи и проститься с семьей, объяснялась просто. Накануне, 1 сентября, Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война, о чем мир, правда, еще не догадывался.

В соответствии с секретным советско-германским соглашением (пакт Молотова-Риббентропа), польская территория должна была быть поделена между двумя сверхдержавами. К СССР отходили западные (для Польши — восточные) области, с преимущественно украинским и белорусским населением, которые вливались в состав Украины и Белоруссии.

Эту огромную и вдобавок откровенно враждебную территорию в кратчайшие сроки следовало «советизировать» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На молодого наркома возлагалась серьезная ответственность. Требовалось не только разгромить все позиции польской разведки, но и задушить в зародыше любое сопротивление. В числе главных задач — быстрое развертывание лагерей для плененных польских военных

и их фильтрация.

При этом не стоит забывать, что спецслужбы Польши в те времена выступали в качестве многолетнего и постоянного спарринг-партнера в поединке с НКВД, отличались коварством и профессионализмом. На протяжении почти 20 лет они вели активную подрывную, диверсионную и шпионскую деятельность против СССР, создавая особенные проблемы на приграничных территориях. Даже после оккупации Польши большинство сотрудников «двуйки» и «

дефензивы» [32]

не сложили оружия, а влились в ряды подпольных резидентур польского правительства в изгнании.

В следующем, 1940 году, аналогичную миссию Серову доведется выполнять на еще одной «освобожденной» территории: возвращенной Румынией части Бессарабии. (Сталин сделал из нее новую союзную республику: Молдавскую СССР.)

«Украинский» период оказался для Серова во всех смыслах судьбоносным и определяющим.

Во-первых, здесь он впервые сумел показать свою эффективность и жесткость, что заслужило высокие оценки Берии и Сталина и обеспечило его дальнейшее продвижение.

Во-вторых, он тесно сблизился с 1-м секретарем ЦК КП(б) Украины, будущим советским лидером Никитой Хрущевым: не случайно, придя потом к власти, Хрущев поставит Серова на КГБ.

К числу важных знакомств относилась, без сомнения, и встреча с командующим войсками Киевского военного округа Георгием Жуковым: через 5 лет они вместе будут входить в осажденный Берлин. Именно маршал Жуков в мае 1945-го представит Серова к звезде Героя Советского Союза. Они будут дружить вплоть до смерти «Маршала Победы». В архиве Серова есть даже вопросник, переданный ему Жуковым при работе над своими мемуарами (ну, например: «Написать на 5–6 страниц характеристику Хрущева Н. С...его прошлое как троцкиста...»).

Кстати, и опыт по «советизации» бывшей польской территории, особенно в части борьбы с вооруженным подпольем, также весьма пригодится Серову. Этой работой ему предстоит заниматься еще не единожды, вновь и вновь сталкиваясь со своими старыми знакомыми по Украине.

Первые шаги

На Украине, когда я начал знакомиться со структурой органов госбезопасности, пограничных и внутренних войск, войск по охране железных дорог, с милицией, с лагерями, то первые дни у меня не вмещались эти понятия. Одно дело — работать начальником СПО, объем которого замыкался на 6 отделениях, и другое дело — 14 крупных областей, Молдавская автономная область, десятки полков НКВД и несколько крупных погранотрядов, управления пограничного округа и внутренних войск, особый отдел округа, милиция, лагерь и т. д.

В первые дни я знакомился с членами Политбюро ЦК КП(б)У — с Хрущевым и Бурмистенко* (2-й секретарь) в один день. С председателем Президиума Верховного Совета Гречухой* и председателем Совета Народных Комиссаров Корнийцом* — в последующие дни, с генералом Тимошенко* — КОВО [33].

Принят был, как мне показалось, настороженно. Пожалуй, это и понятно. Ведь я приехал в то время, как у них скрылся нарком внутренних дел Украинской ССР, Успенский*, член Политбюро Украины, и не был разыскан[34].

Причина бегства — почувствовал, что натворил много бед, расстрелял тысячи честных людей, арестовал десятки тысяч человек, в том числе Косиора*, Постышева* и др.<угих>. Нередко просил у Ежова еще дополнительно к плану разрешить арестовать, а затем в конце месяца Ежову рапортовал, что: «Рад доложить, что ваш план по операциям перевыполнен» [35].

Будучи членом Политбюро ЦК Украины, естественно, был в хороших отношениях с Хрущевым, и, кстати, немало руководящих людей Украины были арестованы с санкции члена Политбюро ЦК ВКП(б)У, секретаря ЦК Украины Хрущева, в том числе Косиор, Постышев и другие. Также в областях секретари обкомов санкционировали аресты, хотя они зачастую не знали материалов обвинения.

И в то же время, как потом показала жизнь, ярые украинские националисты, ориентировавшиеся на Бандеру* и на самостийную Украину были не тронуты и проявили себя во время событий в западных областях.

Пока я знакомился, мне из Москвы намекнули, чтобы я готовил списки украинских националистов-эмигрантов, проживающих в Польше, в городах — Львове, Тернополе, Ровно, Станиславове, Луцке и др.

Я принял это к исполнению, но не понял, в чем дело. Спросил у Хрущева, он тоже ничего не знает.

Присоединение Западной Украины

1 сентября 1939 года без объявления войны Польше, Гитлер двинул войска в Польшу. Англия и Франции 3 сентября объявили войну Германии.

Затем через несколько дней в Киев внезапно приехал 1-й замнаркома внутренних дел Союза Меркулов. У меня уже были готовы материалы на активных украинских националистов и на поляков, которые засылали в СССР агентуру и вели антисоветскую работу.

Меркулов мне сказал, что 17 сентября наши войска займут восточные области Польши, где живут украинцы, а на Белорусском направлении, где живут белорусы. Затем приступили к подготовке оперативных групп НКВД, с тем чтобы каждая из них с приходом в город сразу же приступала к выявлению и изъятию враждебных нам лиц[36].

В ЦК КП(б)У, когда я зашел, то тоже велась подготовка, но там только готовили штаб по руководству, а до деталей не доходили. Я сказал Хрущеву, что неплохо бы и в городе подготовить людей, как это сделали мы в НКВД.

Он небрежно ответил: «Там, на месте назначим». Конечно, для него 34-летний нарком, видимо, не гармонировал. Но что поделаешь, я ведь не сам напросился.

Перед выездом к польской границе 15 сентября мы собрали всех чекистов и проинструктировали по всем вопросам. У многих глаза расширились, когда все было сказано.

Неслыханное дело: взять у Польши 6 областей и присоединить к Украине и 4 области — к Белоруссии[37].

На следующий день ко мне потянулись с вопросами. На некоторые я и сам не мог ответить, так как такой практики у меня не было. Оказывается, присоединение западных областей было оговорено в договоре с немцами.

Ну, мы начали активно собирать данные о вражеской агентуре на территории Польши, о белоэмигрантах и другие данные, чтобы сразу и захватить их.

Когда мы приехали в Проскуров Каменец-Подольской области, там собрались Хрущев, Бурмистенко, Корниец, Гречуха, Тимошенко (командующий КОВО).

На рассвете войскам была дана команда перейти границу с Польшей и двигаться по разработанным штабом КОВО направлениям. Предварительно авиаторы отбомбили железнодорожные станции и места дислокации польских войск. Я со всей оперативной группой направился на Гусятино, Чертков и далее — на Тернополь[38], с тем чтобы быть в центре событий.

При пересечении границы я встретился с Буденным, который с усиленной охраной также двинулся посмотреть Польшу. Он все выспрашивал меня, можно ли ехать дальше, не опасно ли и т. д. Он мне сказал: «Спросил разрешения „хозяина“ (Сталина) и хочу посмотреть, что тут будет твориться».

Когда наши войска сосредоточились в исходном положении, и была дана команда отбомбить польские части, одновременно выступать, я с небольшой группой сотрудников двинулся через польскую границу в районе Гусятина. Пограничники были уже поставлены в известность[39].

В местности Гусятино мы не встретили поляков военных никого. Разговаривая с местными жителями, к нам прибежала одна запылившаяся полька и говорит, что у нее в сене спрятался жандарм. Все жители хором начали просить задержать его, так как это вредный человек.

Мы пошли в сарай. Все тихо. Я крикнул: «Выходи!» Тихо. Я еще раз сказал: «Выходи, иначе вилами будем щупать сено». Первый удар вилами попал в сапог жандарму, и он выскочил из сена. Мы отобрали у него оружие и отправили пограничникам для задержания, а сами поехали вперед.

В Копычинцах уже было много народу. Польские офицеры быстро сообразили и переоделись в санитаров госпиталя, во врачей с повязками Красного Креста и др. В Копычинцах так много их застряло, что пришлось всех оставить под охраной на месте (был приказ интернировать офицеров, жандармов и полицейских). Одному поляку-подполковнику я поручил возглавлять всех оставшихся и отвечать перед советским командованием о полной сохранности госпиталя и всех военнослужащих. Поехали дальше.

В одной из деревень я обратил внимание на развешанные на домах флаги желто-красно-черного цвета. Остановился поговорить с крестьянами. Спрашиваю: «Части Красной Армии прошли?» Отвечают: «Нет, вы первые».

Меня это смутило, так как на этом направлении 24 польская кавалерийская дивизия уже себя проявила, оказывая сопротивление. Я слышал стрельбу, и нам попадались раненые красноармейцы.

Затем я спросил: «Что это за флаги?» Мне, улыбаясь, ответили, что это национальный флаг организации украинских националистов ОУН, возглавляемой Бандерой. Вот тут-то я только и разобрался. Целая деревня поддерживает оуновцев, лозунг которых — «Самостийная Украина». Я подумал, что нам придется помучиться с этими самостийниками. Так оно потом и оказалось.

Выехав из деревни в сторону Тернополя, я увидел по дороге, параллельно идущей, движение большой колонны войск. Полагая, что наши уже своими боковыми отрядами прошли и по нашей дороге, я двинулся вперед. Проехав километров 10–15 сбоку дороги, увидел на опушке польское подразделение с кухней. Шоферу даю команду развернуться и следовать обратно.

Дело происходило в лесной части. Адъютанту сказал, чтобы смотрел по сторонам, а сам — вперед. Отъехали два километра, смотрю — из леса выходят два военных с винтовками, но не видно — наши или поляки. Я шоферу говорю: «Давай полный газ!» В это время поляки (я уже разглядел) встали посередине дороги и взяли винтовки наизготовку.

Положение создалось неприятное. Остановиться — значит, захватят. Если вступить в бой — неизвестно, чем кончится. Не остановиться — откроют огонь и могут пристрелить. Раздумывать некогда, говорю шоферу: «Гони быстрее!»

Солдаты сблизилась и выставили винтовки. Я успел крикнуть: «Газу давай!» — и проскочили мимо них. Я рассчитывал, что сильная пыль за машиной да неожиданное движение шофера не дадут возможности полякам быстро среагировать.

Так и получилось. Когда мы проскочили, раздались хлопки выстрелов, которые не попали в нас. Этот случай заставил призадуматься: можно попасть в неприятность. Пришлось выбирать другую дорогу, по которой уже прошли наши войска.

К вечеру подъехал к окраинам Тернополя, вокруг были наши войска. Увидел там и своих сотрудников оперативной группы, предназначенных для работы в Тернополе. Наши части остановились вокруг Тернополя ввиду того, что там остались польские части и оказывали сопротивление.

Встретился с командиром корпуса. Посоветовал до наступления темноты войти в город. Он отдал соответствующее приказание на наступление, и через час части пошли, постреливая. Мы — за ними. Когда входили в город, то из 2–3 этажей из костелов поляки открывали огонь. Пришлось прижиматься к домам. Однако добрались до центральной улицы. Нашел бывшее полицейское управление и приказал разместиться опергруппе.

Стати поступать задержанные нашими войсками жандармы и полицейские. Сначала их размещали внизу, а затем заняли лестницу 2-го этажа, а потом — во дворе и на улице. Часов в 9 вечера из аптеки и других домов, расположенных напротив полицейского управления, поляки открыли сильный пулеметный огонь по нашему помещению.

Я выскочил вниз, наших никого, только жандармы и полицейские трусливо жались к стенам. Взгляды злобные, я приказал всем сесть. Выскочил на улицу, слышу стоны раненых. Нашел одного сотрудника, он мне рассказал, с чего началось.

Я приказал найти всех сотрудников опергруппы (они были в тюрьме, откуда уходившие поляки выпустили всех уголовников и оуновцев) и занять на ночь окопы, уже вырытые перед зданием, где мы находились, с тем чтобы внезапно нас не захватили. Через час я проверил, на месте ли сотрудники, и вместе с ними просидел в окопе до утра. Стрельбы больше не было.

Когда рассвело, то из нашей группы было убито два сотрудника и один старшина войсковой части. Я приказал сейчас же вырыть три могилы, и решили тут же похоронить их около деревьев. Часов в 8 вечера доложили, что могилы вырыты, можно хоронить.

Собрали всех сотрудников и красноармейцев, поблизости находившихся, и я начал речь: «Наши товарищи погибли от вражеской руки, честно выполняя свой долг перед Родиной по воссоединению украинского народа и присоединению исконно украинских земель к территории Советского Союза».

Только я это сказал, как со 2-го этажа дома, расположенного напротив, и из чердака этого дома открыли по нам пулеметный огонь. Мое счастье, что я стоял у дерева спиной, а лицом — к участникам похорон.

Пули обсыпали дерево, а я сразу прыгнул в могилу к убитому и крикнул: «Всем ложиться!» Через несколько минут огонь прекратился, было несколько человек ранено. Я распорядился зарыть могилы (продолжать митинг не решился), перевязать раненых, а сам с группой сотрудников и солдат пошел обыскивать дома, где были вооруженные поляки.

Следует отметить, что все участники так называемой «польской кампании» были не обстреляны, поэтому, когда посылал с обыском или для ареста выявленных руководителей борьбы, то действовали нерешительно.

В то же время, когда шел на операцию сам, то сотрудники совершенно по-другому себя вели. Не нужно было подталкивать, сами рвались вперед. Вот что значит — личный пример. Это большое воспитательное значение имеет.

При обыске мы задержали несколько человек, изъяли оружие, а кто стрелял, поляки так и не сказали. Днем снова повторилась стрельба по нашему дому из аптеки. Тогда я приказал открыть ответный огонь из крупнокалиберного пулемета, охранявшего наш дом.

Эффект получился хороший, побили все оконные переплеты, и из одного окна появился белый флаг. Когда пошли с обыском, оружие нашли, а стрелков снова не нашли. Тогда мы взяли молодых мужчин, находившихся в доме, а арестовали тех из них, кто не проживал в этом доме. В дальнейшем, в ходе следствия оказалось, что мы были правы.

Ночью произошла неприятная история. На противоположном конце улицы какой-то красноармеец открыл огонь из винтовки в нашу сторону. Находившаяся рота около нас ответила огнем в сторону, откуда послышался выстрел. Началась жаркая перестрелка.

Когда я выскочил на улицу, то слышалось сплошное шлепанье пуль о деревья и стены. Я забежал за угол и стоял минут 15, пока не утихла стрельба. Затем я пошел на тот конец улицы.

Солдаты и командиры были странно возбуждены. Несмотря на мои ромбы на петлицах, меня проверяли, освещали и т. д. Я командирам разъяснил, что нельзя паниковать и стрелять по своим. Сначала надо проверять перед тем, как давать команду к стрельбе.

Когда рассветало, в трех местах города началась опять ожесточенная стрельба, а около нашего дома загорелся костел. Я бросился туда, полагая, что наши нарочно подожгли.

Когда спросил у командира, он доложил, что утром из костела сверху открыли огонь по красноармейцам, которые ответным огнем подожгли костел.

Как я потом выяснил, и в других районах из костелов поляки открыли огонь, поэтому наши и ответили им.

Из костелов мы изъяли молодых гимназистов, которые на допросе показали, что оружие они подобрали у отходящих польских частей, что они «не согласны с оккупацией Польши русскими», поэтому будут бороться с нами.

Характерно отметить, что возраст их был 16–18 лет. Среди них были девушки. Нас называли «пся крев» (собачья кровь). Настроены исключительно враждебно[40].

Зачистка Львова

Днем в Тернополь приехали товарищи Хрущев, Тимошенко, Корниец. Встретились в доме губернатора. Я рассказал обстановку и проводимые мероприятия. Замечаний не было, а потом, к концу беседы, был довольно неприятный разговор с Хрущевым.

Тимошенко сказал, что НКВД забрали все автомашины, оставленные поляками. Я возразил, так как это была неправда. Хрущев поддержал Тимошенко.

Я сказал, что каждой опергруппе нужна автомашина для поездки на обыски, для арестов, для подвоза продуктов и т. д., так как из Киева опергруппа в 28 человек приехала с войсками, своих машин не было. Остались все при своем мнении, но осадок нехороший[41].

На следующий день я, проинструктиввав начальников опергруппы, двинулся во Львов. Наши войска уже тоже подходили.

Около Львова создалась интересная ситуация. С западной стороны город окружили наши части, которыми командовал Голиков*. С восточной стороны находились гитлеровские войска [42].

Командование немецких войск обратилось к дивизионному генералу, поляку Лянгнеру*, оборонившему Львов, чтобы он сдал город немцам. Он ответил отказом.

Немцы прислали к нам своего парламентаря, заявившего, что немцы уже почти заняли Львов, поэтому мы не должны туда вступать. Мы возразили. Все это показалось подозрительным.

К вечеру к нам вышел парламентар от Лянгнера, который сказал, что генерал решил на определенных условиях сдать Львов славянам, т. е. нам, а не немцам. Мы условились утром с Лянгнером встретиться в Винниках (предместье Львова).

Рано утром Военным советом округа было поручено товарищам Курочкину*, Яковлеву[43] и мне встретиться с генералом Лянгнером, который прибыл с двумя офицерами и машинисткой. Поздоровались. Оказался небольшой, но довольно суровый генерал.

Разговоры были короткие. Он нам рассказал, что немцы вынуждали сдать Львов им, но он решил твердо сдать русским. Изложил условия:

а) не открывать огня, дабы не губить народ;

б) дать свободу солдатам, геройски защищавшим Львов;

в) отпустить по домам офицеров, которые не будут воевать против русских.

Мы, в основном, приняли предложение с добавлением, что войска выйдут организованно за город и сложат оружие, чтобы его не растаскали. Строго прикажет офицерам, чтобы не было провокационных выстрелов. Лянгнер согласился с нашими добавлениями, и был тут же составлен документ в 2-х экземплярах.

К вечеру уже начали поляки выходить из города. Наши части рванули в город. Не обошлось без неприятностей.

При входе в город наши увидели поляков с оружием, открывали по ним огонь. Это объяснялось тем, что все-таки в ряде городов при занятии с поляками пришлось воевать. Ну, и тут начали.

Как правило, по всем улицам шла стрельба. В большинстве начинали наши. Но вместе с этим и поляки, огорченные занятием западных областей, были на нас озлоблены. Я видел много

задержанных офицеров с оружием. Да и в последующие дни пришлось немало с ними повозиться.

К вечеру пришло указание из Москвы всех офицеров задержать и направить на сборные пункты на Украину. Пришлось срочно организовать эту работу.

К счастью, в последующем приехали офицеры из НКВД, которые и полностью занялись этой работой, кстати сказать, вопреки нашему договору с Лянгнером[44].

Лянгнера я разместил с денщиком в особняке и организовал охрану. В дальнейшем, когда убедился, что он не представляет никакого интереса для Советского Союза, и получил указание не чинить ему препятствий, он уехал в Румынию, и больше о нем я никогда не слышал[45].

Вот сколько я не замечал, при всяких ситуациях массой, а в военном деле — солдатами, овладевает «психоз» по какому-либо поводу. В частности, при занятии западных областей Украины с первых дней, особенно во время занятия Тернополя, овладел «психоз» в том, что поляки по нашим стреляют с крыш и из чердаков домов. И уже во всей дальнейшей операции по овладению городом этот «психоз» преследовал всех.

Не обошлось без этого и при занятии Львова, хотя никаких оснований к этому не было (кроме крайне редких случаев, когда отдельные фанатики все же пытались обстреливать).

В первую ночь во Львове я с группой сотрудников остановился в гостинице «Астория», напротив которой была небольшая площадь. На площади стояли наши танки и бронетранспортеры. С вечера я обошел танкистов, поговорил, все было спокойно. В городе слышны были редкие выстрелы.

Часов в 22 я сел покушать с адъютантом. Вдруг раздался выстрел, за ним — пулеметная очередь. Адъютант бросился к окну, которое было зашторено. Я крикнул ему, чтобы не открывал шторы, так как красноармейцы увидят свет и откроют по окну огонь.

Ко мне тревожно постучали. Открыл дверь, стоит с растерянным видом гражданский человек и, называя по имени, просит подняться этажом выше, так как там убили редактора «Советской Украины», как будто фамилия его была Чеканюк.

Я бросился к ним. На полу лежал весь в крови редактор. На столе — кушанья и вино. Спрашиваю, как случилось. Рассказывают, что редактор, как и мой адъютант, после выстрела бросился к окну посмотреть, что происходит на площади. Оттуда из нашего танка раздалась очередь, и он упал.

Осмотрели голову, оказалось — три пули одна за другой. Человек еще живой, страшно мучается.

Я бросился во двор, а людям сказал, чтобы спускали на руках редактора вниз, для того чтобы отвезти в больницу. Во дворе я взял бронетранспортер и на нем отправил редактора в военный госпиталь.

Утром мне сказали, что он еще жил 4 часа. Вот что значит — здоровое сердце, работало при простреленной голове 4 часа. Интересный случай.

С осени начали осваивать западные области УССР. Провели Народные сборы украинцев в Большом Театре Львова. В общем, хорошо прошли. Украинцы западные присутствовали и дружно проголосовали за принятие обращения к Советскому Правительству с просьбой воссоединить украинские земли и народ с Украинской ССР.

Состоялась Сессия Верховного Совета СССР, на которой было принято решение

удовлетворить просьбу украинцев[46]. На 7 ноября товарищ Хрущев был вызван в Москву, затем и меня вызвали.

Товарищ Сталин был, видимо, очень доволен этим мероприятием. Как мне рассказывал Хрущев, «7 ноября я находился вместе с сотрудниками на Красной площади. Вдруг пришел охранник и позвал меня на Мавзолей, сказав; „Хозяин зовет“. Я крайне удивился. Встал слева на краю Мавзолея и простоял весь парад и демонстрацию. Я так и не понял, почему меня пригласили и что бы это значило».

ZWZ: тайна трех букв

Возвратившись на Украину, там началась боевая жизнь чекистов. Польские националисты оправившись от удара и организовали подпольно боевую организацию ZWZ («Зет-Бу-Зет»), т. е. «Звензек-Вальке-Збройне», или по-русски «Союз вооруженной борьбы».

Во главе этой организации встал генерал Сикорский*, который находился в Англии, а на местах эти организации возглавили видные польские военные, имеющие опыт в агентурной работе[47].

В частности, на все западные области Украины и Белоруссии был назначен бывший начальник знаменитой польской «двуйки» — Окулицкий*, т. е. бывший начальник 2 отдела Польского Генштаба, ведавший разведывательной работой для армии.

Организация ZWZ находила горячее сочувствие многих поляков, оставшихся на жительство в УССР. Мелкие организации ZWZ расплодились повсюду. Кое-где организовали выступления с оружием в руках, так как оружия нахватили при ликвидации польской армии.

Характерно подчеркнуть, что эта организация очень конспиративно вела работу. Регулярно осуществляла связь с центром — Варшавой (генерал-губернаторством называли немцы захваченную Польшу).

К тому же поляки — очень фанатичные люди, если они поверили, что борьбу надо вести, что победа будет на их стороне. Причем они очень хорошие конспираторы, но как потом выяснилось... <

нрзб >. Религия католическая их тут подвела.

Если допрашиваешь умело католика, а затем призовешь в свидетели «матку боску» (Божью мать), то тут зачастую получалась с ней неувязка. Он мог обмануть умело следователя и не мог обмануть богородицу, поэтому появлялось смущение, из которого было видно, что все предыдущее сказанное шито белыми нитками.

Когда попадались таким образом участники подпольных организаций и признавались в этом, то заявляли, что сказать правды не могут, так как поклялись богородице и нарушить клятву не могут. Но и тут помогла религия.

Один раз мы получили данные, что весь ломбард с ценностями г. Львова не был эвакуирован, а был спрятан во Львовском костеле «Бенедиктин», что место хранения хорошо знает ксендз этого костела, по национальности — армянин.

Помню, в жаркий июньский день я приказал привести во Львовское Управление НКВД этого ксендза-армянина. Ввели в кабинет выхоленного, в белой шелковой сутане ксендза. Я тоже, кстати сказать, был в белом шелковом кителе.

Поздоровавшись, я сразу сказал, что нам все известно о ценностях в его костеле и придется их вернуть хозяевам, т. е. Советской власти в г. Львове. Ксендз, не отрицая моих слов, заявил, что показать, где спрятаны эти ценности, он не может, так как они принадлежат организации ZWZ, и он не вправе ими распоряжаться.

После того, как я довольно твердо сказал, что ценности придется отдать, в противном случае ксендз будет привлечен к уголовной ответственности за укрывательство государственных ценностей, а вернее, народных, т. е. жителей г. Львова, тогда ксендз, немного подумав, заявил: «Если вы, пане генерал, освободите меня от клятвы, я скажу, где ценности».

Я тоже «подумал» и говорю: «Могу. Что для этого требуется?» Он отвечает: «По нашим духовным законам меня может спасти от наказания за выданную тайну только физическое нестерпимое воздействие».

Я подумал, что он, может быть, заставит меня жечь его раскаленным железом, но ксендз оказался смысленнее меня. Он мне сказал: «Побейте меня, а рядом посадите в комнату поляка, чтобы он слышал, как меня „истязают“, в этом случае грех с меня будет снят».

Я еще раз удивился изворотливости католиков и сказал ему: «Зачем нам портить с вами отношения? Мы несколько раз хлопнем в ладоши с соответствующими угрожающими фразами, а вы крикните „Больно!“, и таким образом дело будет сделано». Ксендз согласился.

Через полчаса эта сцена была разыграна в присутствии (в соседней комнате) одного поляка, который нами намечался к освобождению, и, таким образом, ксендз рассказал, что ценности спрятаны между рамами стекол на втором этаже общежития ксендзов, а также замуровали в стене у привратника костела. Вечером, когда в костеле была служба, мы забрали все ценности.

Интересно отметить, что ксендзы не имеют права жениться, однако во время изъятия ценностей мы, для видимости, у некоторых ксендзов также просматривали комнаты, и сотрудники находили у многих святых отцов фотографии девочек в довольно фривольном виде.

В общем, освобождение от клятвы таким образом нам помогло в дальнейшем взять многих крупных подпольных деятелей из числа поляков. В частности, представляет интерес описание событий, связанных с работой нашей опергруппы по выявлению связей и самого Окулицкого, который прибыл из Варшавы для руководства организацией ZWZ на территории западных областей Украины и Белоруссии.

Ошибка резидента

Данные от агентуры каждый день поступали о действиях организации. То подорвут склад, то убьют солдата, то выступление против районной власти организуют, в общем, подлостей делали мною. Окулицкий, под псевдонимом «Мрувка» (Муравей), начинал приобретать значение.

Один раз Н. С. <Хрущев> сказал: «Нельзя ли его „прихватить“?» Я и сам знал, что надо, но никак не удавалось. Уж очень хитер был, а главное, много поляков помогало ему. Были случаи, что его устанавливали, вели наружное наблюдение, но он уходил. Добыли мы его фотографию, но результаты были те же.

Однажды поступило донесение, что женщина по имени Бронислава встречалась с

Окулицким, и он ее снарядил с донесением в Варшаву. Ночью собирается уходить и утренним поездом выехать вначале в Луцк, а оттуда через зеленую границу — в Варшаву. Я приказал ночью задержать ее и привести ко мне.

В 4 часа утра привели женщину лет 54-х по имени Бронислава. Я сотруднице Воробьевой приказал обыскать Брониславу. Обе удалились в комнату. Через 5 минут Воробьева доложила, что ничего у нее нет. Я рассчитывал, что у нее должно быть донесение Окулицкого в Варшаву. Выходит, что наши при задержании прозевали, и Бронислава сумела выбросить бумаги.

Затем Воробьева спросила у меня, можно ли пустить Брониславу в уборную, так как она запросилась. Я разрешил. Воробьева передала Брониславе, и та пошла рядом в туалет. Я моргнул Воробьевой, чтобы та шла за ней. Воробьева смутилась, но пошла.

Через минуту из уборной понеслись крики. Бронислава кричала: «Это рахунки!»[48]. Воробьева: «Какие рахунки?» Мне войти нельзя было.

Затем оттуда вышли обе красные, и в руках у Воробьевой были тонкие листы бумаги с напечатанными на них рядами пятизначных цифр. Я схватил и сразу сообразил, что это зашифрованная телеграмма Окулицкого.

Спрашиваю Воробьеву, где нашли. Девушка вся вспыхнула и ничего не ответила. Потом мне рассказали, что «рахунки» были спрятаны в самом неприличном месте. Поэтому Бронислава и попросилась в уборную, чтобы вынуть их и с водой выбросить. Молодец Воробьева, не растерялась.

После этого пани Бронислава заметно скисла и сказала мне: «Если бы вы знали, кто я такая, то не задержали бы». Я спросил, почему. Она говорит, что у нее в 1912 году (не точно) скрывался Ленин, что она знакома с ним, и что в одном из томов Ленина он пишет об этом, благодарит мужа и Брониславу.

Я ей сказал, что если это так, то почему же она сейчас впуталась в это дело Окулицкого. Она ответила, что организация ZWZ стоит на стороне народа, поэтому она и помогает.

Я, кстати сказать, проверил сочинения Ленина, и действительно в одном томе было сказано, что сенатор... (фамилию не помню) скрывал Владимира Ильича от польской охраны.

Стал допрашивать, после получасового допроса запуталась и заявила: «Знаю, где пан Мрувка, но не скажу». Ну, мне уже стало легче.

Через час следователь доложил, что она заявила, что присягу может нарушить, только если ее побьют. Точно такой же номер, как и у Ксендза. Затем началась та же комедия, только более серьезная. После двух-трех шлепков Бронислава назвала адрес, где живет Окулицкий.

Срочно я послал группу на установку адреса. Оказалось, что дом этот сгорел во время войны в 1919 году. Пришлось стыдить Брониславу, что она обманывает «матку боску». Дала второй адрес Окулицкого, который также на проверку липовый. Там был магазин. Пришлось серьезно ссориться с Брониславой. Дала третий адрес. Проверили — маленький домик на окраине. Вернулись, доложили.

Решил посоветоваться с начальником УНКВД Сергиенко* и его заместителем. Основной вопрос — брать ли Окулицкого сейчас (время было половина шестого утра) или ждать, когда проснется? Сергиенко — за утро, я — против, так как убежит до утра.

Приказал позвать начальника уголовного розыска г. Львова. Сергиенко удивился: «Зачем?» — говорит. Я ему разъяснил, что если послать чекиста, то Окулицкий — человек

решительный, узнает и может отравиться. Будет скандал.

Явился начальник милиции. Сонный, задаю вопросы, ничего не соображает и что-то бормочет. Спрашиваю, не пьян ли. Говорит, нет. Для проверки прошел мимо него. Пахнет одеколоном.

Потом мне рассказали, что он был пьян с вечера. Когда его ночью разбудили и сказали, что вызывает нарком Украины, он выпил полфлакона одеколona, чтобы не пахло. А получилось еще хуже.

Пришлось на ходу перестраиваться. Срочно в помощь милицейскому выделил сотрудника, и две машины с двумя сотрудниками на каждой, и придумал следующую легенду для обыска и задержания Окулицкого.

Сотрудника Кондратика одели под еврея, и пальто подпоясали ремнем, как это делали евреи во Львове. Внешний вид Кондратика был похож на еврея. В квартиру должны войти работник милиции, Кондратик и милиционер.

После того, как Кондратик по имевшейся у нас фотографии опознает Окулицкого, закричит: «Пане милиционер, вот этот пан у меня вчера купил полкило сахарина и не отдал деньги!» В то время во Львове сильно спекулировали сахаринoм, так как не хватало сахара. После такого крика милицейский говорит «пану»: «Пройдемте для выяснения!» и везет в милицию.

Когда Кондратик с группой постучали в дом, оттуда вышел хозяин и открыл. Ему заявили, что: «Милиция ищет одного человека, покажите все комнаты». Хозяин перетрусил и привел, где жил «пан». Кондратик посмотрел на пана и видит, что внешность схожа, а усов нет, сбриты. Но он не растерялся и закричал заученную фразу.

Пан, видя, что еврей ошибся, рассердился и говорит: «Что ты кричишь, жид проклятый! (в Польше евреев зовут жидами) Я не покупал у тебя сахарина». Милицейскому это и нужно было. Пан долго одевался, раздумывал, затем оделся и пошел. В машинах «пана» и «жида» рассадили.

Когда привезли в милицию, «пана» обыскали и нашли у него ампулу с ядом. После этого два сотрудника посадили «папа» к себе и поехали.

При выезде в машину стал садиться Кондратик. «Пан» запротестовал: «Куда лезешь, жид проклятый?» Тут уж Кондратик ему сказал соответствующую фразу, и «пан» успокоился[49].

В 7 часов утра привезли «пана» ко мне на допрос. Поздоровались. Я был в гражданской одежде. Окулицкий сразу мне сказал: «Я вас знаю, вы — шеф разведки Украины». Я подтвердил и добавил: «А вы — не Заржевский, как значитеь по паспорту, а Окулицкий, он же — Мрувка».

Пап нисколько не смутился моими познаниями. Я улыбнулся и сказал, что: «Не нужно было усы сбривать, ведь в паспорте вы с усами». И добавил: «Мы с вами — коллеги, разведчики, с той разницей, что я еще и следователь, а вы уже арестованный, поэтому рассказывайте все, что положено».

Окулицкий понял меня и сказал, что все расскажет, так как ему все равно уже на свободе не быть, но фамилий своих единомышленников называть не будет, что бы с ним ни делали. Я ему ничего не ответил, а спросил, почему он сбрил усы.

Он сказал, что «если бы вы пришли за мной на один час позже, меня уже на этой квартире не было». Он почувствовал, что мы вплотную добираемся до него, — решил сменить квартиру, связи, сбрить усы и немного подождать, чтобы пропали его следы.

Я сам себе сказал, что правильно поступил и не послушался Сергиенко, который предлагал проводить операцию по задержанию Окулицкого утром.

Окулицкий свой «рассказ» начал с его ареста, похвалив нас за милицейскую легенду. Он сказал, что если бы арестовывать пришли чекисты, он тут же бы отравился. У него у кровати лежали две ампулы с цианистым калием. Он даже когда надевал ботинки, думал отравиться или нет, но когда увидел «жида» и милицейского, то успокоился. Тут я себе опить поставил плюс, так как при другом варианте Окулицкого не было бы.

Возвращаясь к утру, когда Окулицкий хотел сменить квартиру, я сказал ему, что мы все равно бы его нашли. Вот тут-то он и начал нам выкладывать наши ошибки.

Основная наша беда в том, что наших советских людей, прибывших в Западную Украину и в Белоруссию, местные жители, т. е. поляки, белорусы и украинцы, бывшие польские подданные узнают за километр по одежде, по обращению и т. д.

Окулицкий сказал, что несколько раз он наблюдал за собой нашу разведку (наружку), но уходил от нее. Он сразу же узнавал нашего разведчика. Я спросил как. Во-первых, во всем мире мужчины носят шляпу бантиком слева, а наши разведчики — справа, во-вторых, свободный покрой пиджака и особенно брюк сразу выдают нашего, в-третьих, невежливость наших людей при входе в трамвай, в магазин и т. д. резко выделяется и т. д. и т. п.

Мне было неприятно это слушать, но я терпеливо выслушал до конца, с тем чтобы принять меры.

Стали дальше разбирать ошибки в его действиях: курьеров мы перехватывали (посылал, как правило, девочек), которые давали показания, конспирация слабая, а главное, это ошибка в организации ZWZ на территории западных областей Украины и Белоруссии, так как поддержки в этом деле не будет ввиду того, что это земли украинские, живут абсолютное большинство украинцев и белорусов, поляки составляют единицы. Поэтому идея возврата полякам не будет поддержана местными жителями. Окулицкий согласился. Кстати сказать, он на меня произвел впечатление умного и хорошего грамотного разведчика.

Однако когда дошли до организационного построения ZWZ, он отказывался говорить. Я тогда применил свой метод допроса. Я ему стал говорить, как у него дело было организовано, и в чем ошибки. В ряде случаев я, не зная вопроса, фантазировал, он меня поправлял, как было дело на самом деле. Таким образом, я все узнал, а фамилии основных лиц мне были известны, а впоследствии не так-то уж и важны.

Одним словом, сел я его допрашивать в 7 часов утра, а закончил в 4 часа вечера. После обыска он попросил разрешения курить и из кармана пальто взял пачку сигарет 200 шт. Когда я закончил допрос, в пачке осталось 3 сигареты, а 197 выкурил.

Побыл у нас Окулицкий всего лишь два дня. Как только я донес в Москву, что он арестован, сразу же следственная часть (Кобулов) дал телеграмму «направить отдельным вагоном, по указанию наркома, в Москву». Я знал, что это подлость Кобулова, и попросил Хрущева поддержать нас и не передавать в центр, но он сказал, что не стоит спорить.

Потом мне о нем стало известно следующее. В Москве стали допрашивать с угрозами. Окулицкий твердо заявил, что своих товарищей не выдаст. Следователь накричал на него и несколько раз ударил по лицу. Окулицкий замкнулся и ничего не стал больше говорить.

В 1941 году, когда формировали армию Андерса* (по решению Ставки), Окулицкий был назначен начальником штаба. Он уже тогда рассказал своим друзьям об ударах следователя и поклялся, что отомстит за эту пощечину. И действительно, в конечном счете, армия Андерса ушла вначале в Ирак, а затем перекочевала к англичанам.

Несомненно, Андерс[50] и Окулицкий провели достаточную разлагающую работу среди бойцов и офицеров польской армии с расчетом вывести ее из-под Советского командования.

Описывать дальше действия ZWZ в западных областях нет смысла, потому что после ареста Окулицкого эта организация стала затихать и не приносила больше того беспокойства.

В схватках с оуновцами

Пока я возился с ZWZ, в это время оуновцы организовали широкую антисоветскую организацию для того, чтобы активно бороться с Советской властью и добиться «Самостийной Украины».

Мне пришлось изучить историю этой оуновской организации по имеющимся материалам в НКВД Украины.

До 1918 года Западная Украина, или как ее называли — Восточная Галиция, где жили украинцы, входила в состав Австро-Венгрии, а затем попала под польское ярмо. Австрийцы и поляки жестоко угнетали украинцев и подавляли национальную культуру. Украинские буржуазные националисты были верными слугами вначале австрийцев, а затем поляков.

Город Львов был центром пребывания главарей украинских националистов. Они не гнушались выполнять задания польской разведки, а затем и гестапо.

История украинских националистов идет еще от Первой мировой войны, когда они пытались организовать самостийную Украину, отделив ее от России. При поддержке австрийской и германской разведок украинцы создали организацию «Союз освобождения Украины»[51], вдохновителем которой был Донцов*.

Этот старый провокатор и немецкий агент, бежавший из России в 1905 году во Францию, в дальнейшем обосновался во Львове и занимался контрреволюционной деятельностью против СССР. Его активным помощником был Коновалец* руководитель террористической организации, которую субсидировал Гитлер.

Подлую роль духовного наставника играл митрополит Андрей Шептицкий*, организовавший в 1930 году униатскую церковь, т. е. смешал православную религию с католической (уния) с подчинением Ватикану и благословлял всех отщепенцев на борьбу с СССР. Основная же его задача была ополячить украинцев.

Когда мы пришли во Львов, ко мне стали поступать данные, что у митрополита Шептицкого собирается различный антисоветский сброд под видом моления и разрабатывает программу борьбы с Советами. Все попытки просунуть к нему нашего человека не удавались, а на местных украинцев нельзя было полагаться, так как стоило митрополиту припугнуть «маткой боской», как сразу признавались, что подосланы НКВД. Сразу видно, что стреляный воробей. Сергиенко (начальник Львовского УНКВД) неоднократно мне об этом докладывал.

Один раз я сам решил пойти в резиденцию Шептицкого, тем более, он жил при костеле, в особняке с шикарным садом. Нажал кнопку звонка, ко мне вышел послушник и через окошечко спросил: «Что треба?»

Я сказал смиренным тоном, что у меня большое горе, о котором я хотел бы посоветоваться с митрополитом и просить его преосвященство помощи. Послушник подозрительно на меня посмотрел и по-украински строго ответил, что «митрополит вообще никого не принимает», и захлопнул перед моим носом дверку окна.

Я подумал про себя, неужели шеф разведки, как меня называли в Западной Украине, не перехитрит митрополита Шептицкого, но, к сожалению, в течение полугода мне ничего не удалось сделать, и лишь случай меня выручил.

В январе 1940 года я приехал в Киев, так как все-таки там наркомат внутренних дел УССР, а я являюсь наркомом. Даже дочь моя Светлана родилась без меня, и я увидел ее лишь через два месяца[52].

В Киеве на одной из явок я увидел студента пединститута, внешний вид и поведение которого, скорее, было похоже на монаха, чем на студента. В разговоре стесняется, опускает глаза, движения медленные, во взоре — услужливость и покорность. И у меня мелькнула мысль: нельзя ли его послать к Шептицкому?

После того, как я узнал, что он в марте оканчивает институт, что учится хорошо, я ему задал терзавший меня вопрос — поехать во Львов для выполнения важного задания. Он смутился вдвойне.

Во-первых, в западные области въезд был запрещен, кроме официальных лиц, да и то по решению ЦК или Совмина. Это были вынуждены сделать ввиду того, что в первый месяц столько появилось желающих поехать в западные области, а руководства ведомств всячески добивались послать своих людей и, кстати сказать, «побарахолиться». Во-вторых, видимо, «важное задание» на молодого студента произвело глубокое впечатление.

Он, подумав, ответил, что «поехать согласен, но как с институтом?» Я сказал, что институт при хороших отметках может и досрочно выпустить. «А диплом?» — спросил он. Я говорю: «И диплом выдадут». Тогда он полностью согласился.

Когда все это было оформлено, я встретился с ним и сказал: «Поедете с сотрудником во Львов и там две недели присматривайтесь к местным жителям, изучайте их, познакомьтесь с расположением резиденции, вернее, церкви Шептицкого, сходите туда „помолиться“ и постарайтесь своим усердием молении попасть на глаза не раз служителям. А через две недели я приеду и скажу, что делать дальше».

Как условились, я во Львове вызвал студента. Смотрю: он уже посмелее стал и когда рассказывал свои похождения, то проявил толковую сообразительность. Мне понравился, и я решил, что можно ему сказать мой замысел.

Когда я ему рассказал, он ответил, что постарается, и рассказал, как будет действовать. Уточнив ряд деталей, я его отпустил, обусловив встречу на следующий день, если будет неудача, и через две недели — если удача. На следующий день на явку он не явился. Похоже, что дело получилось.

Две недели я ждал и думал о нем. В назначенный день я поехал на квартиру, куда он должен прийти. Прождав полчаса, я уже собирался уйти, как раздался звонок. В комнату вошел улыбавшийся ксендз с крестом на шее. Я с удовольствием с ним поздоровался и начал расспрашивать. Тогда он рассказал следующее.

Когда он явился в резиденцию Шептицкого, на звонок вышел «знакомый» по церкви служитель. Студент рассказал ему о своем горе, что он ушел от родителей, которые проживают на Украине, и решил посвятить себя службе богу. Родители его проклинали, и вот он сейчас в безвыходном положении. Решил просить благословения у митрополита, и «как он скажет, так и поступлю».

Служитель долго молчал, а затем сказал: «Посидите». Через полчаса вернулся и сказал: «Его Преосвященство вас зовет».

«Я опустил низко голову и пошел за служителем. Пройдя анфилады комнат, мы вошли в полуосвещенную комнату, где на возвышении сидел Шептицкий. Я сразу же грохнулся на колени. Шептицкий сказал: „Сын мой, подойди ко мне“. Я ползком на коленях полз до его трона, не поднимая глаз. Это на него произвело впечатление. Затем он сказал: „Я все знаю, сын мой. Бог тебя не оставит“. Затем задал несколько незначительных вопросов и сказал: „Будешь служить богу у меня“. Затем сказал: „Встань!“, а я лишь выпрямился и так простоял на коленях до конца аудиенции, затем спиной вышел от него, а в дверях еще раз в благодарность грохнулся на колени».

В общем, спектакль был разыгран, как в лучших театрах. Я был доволен, что перехитрил Шептицкого.

В дальнейшем этот студент за особые способности дважды получал духовный сан, а через год митрополит для общения с духовной братией и верующими предложил ему приход (костел округа). Студент, опустив глаза, сказал, что недостойн этого, и просил оставить еще на год при Святейшем.

Вот таким длинным путем удалось внедриться к Шептицкому. Зато мы знали намерения униатской церкви и ее посетителей[53].

Там же, во Львове, подвизались ряд лет руководители Украинской военной организации (УВО) Евген Коновалец и Мельник*, которые с 1929 года переименовали свое название на ОУН (Организация украинских националистов), и начальник разведки Германской армии Николаи* рекомендовал Гитлеру в качестве руководителя этой организации Коновальца, который полностью согласен с планами Германии о превращении Украины в немецкую колонию.

Правда, у немцев был еще один вожак ОУН — Степан Бандера, который, окончив в Берлине спецакадемию, специализировался на «мокрых» делах. Бандера организовал убийство секретаря советского консульства в Германии Павлова, он организовал зверское избиение антифашистов. Перед войной Бандера уже выдвигается в первые ряды вождей ОУН.

После убийства Коновальца руководителем ОУН был Гитлером назначен Андрей Мельник, бывший управляющий имениями Шептицкого, агент гестапо под кличкой «Консул I». Но когда Гитлер увидел, что Бандера хорошо выполняет террористические задания, то решил, что более подходящая кандидатура для ОУН это — Бандера, который также был агентом немецкого гестапо под кличкой «Сергей».

В течение 1940 года шла борьба между Бандерой и Мельником на территории Польши. И оба подлеца засылали в западные области Украины своих эмиссаров для борьбы с Советской властью, чтобы выслужиться перед фашистами. Имевшиеся у нас документы свидетельствовали, как Бандера и Мельник наперебой докладывали гитлеровскому командованию о проводимой борьбе с Советами.

Оуновцы вместе с гитлеровцами активно готовились к нападению на Советский Союз и заверяли своих хозяев, что на Украине будет быстрый успех гитлеровцев. Они заявляли, что там организуют «Самостийную Украину», для этого подготовили герб — «трезуб» и два знамени — оуновское черно-красное и государственное желто-голубое.

Мне не раз приходилось участвовать в стычках с оуновскими бандитами, и я видел, какие это фанатики, которые дрались до последнего патрона и в ряде случаев при захвате пытались покончить жизнь своими руками. Одним словом, украинские националисты — очень вредная, злобная и подлая организация, так же, как и их «вожди». Десятки чекистов Украины и бойцов войск НКВД погибли от рук этих подлецов[54].

Когда нас в 1940 году награждали орденами за борьбу с контрреволюционным охвостом, то М. И. Калинин сказал: «Мне доставляет удовольствие вручить вам ордена за то, что вы

мужественно отстаивали власть Советов на Украине, рискуя жизнью». Мне был вручен орден Ленина[55].

Мне не раз приходилось наблюдать дружеские отношения немцев и украинцев-националистов и в то же время довольно плохое отношение немцев к полякам и особенно к евреям.

Весной 1940 года с немцами было подписано соглашение об обмене поляков и украинцев с нашей территории в «Генерал-губернаторство», как немцы называли Польшу. Тысячи поляков из западных областей Украины записались для переезда в Польшу. Стояли тысячные очереди поляков во Львове, Станиславово, Ровно и других городах, желающие переехать в Польшу для соединения с семьями. Однако евреев немцы туда не брали, хотя они и становились в эти очереди.

Я решил посмотреть, как немецкие офицеры СС сортируют поляков. Явившись на сборный пункт в гражданской одежде и будучи представлен как заместитель председателя горсовета, я пошел за офицером СС, который оглядывал записавшегося с ног до головы и, увидев еврея, говорил «Юден», махнув пальцем: «Вон из очереди!»

По окончании процедуры я спросил ССовца, как он узнает еврея. Он мне объяснил основные признаки этой национальности, и и потом во многих случаях почти без ошибки узнавал еврея.

Новый командующий

Весной 1940 года командующий Киевским особым округом Тимошенко был назначен наркомом Обороны СССР, вместо К. Е. Ворошилова...

Вместо Тимошенко приехал на округ комкор Жуков* Г. К., который до этого был на Дальнем Востоке, воевал с японцами, был в Монголии и на Халхин-Голе, где и было присвоено ему звание Героя Советского Союза. Через некоторое время Г. К. Жуков был введен в состав Политбюро Украины, где мы встречались на заседаниях, как члены Политбюро.

Первое время у нас отношения были чисто официальные. Он на меня смотрел, очевидно, как на чекиста, не понимающего в военном деле. Да и вряд ли он знал, что я — военный, что я окончил Военную Академию и что в органах всего полтора года.

Кроме того, видимо, ему не нравилось (при его суровом военном характере), что на территории округа есть войска (полки, отряды, дивизии), не подчиненные ему, да к тому же еще пограничный округ. Правда, все это — мое предположение.

Кстати сказать, мы оба были члены Политбюро, депутаты Верховного Совета СССР и т. д. Хотя положение командующего Военным округом более высокое, чем наркома внутренних дел Украины, но при моем прямом характере, да еще я подхалимствовать и подыгрывать не могу, получилось так, что наше знакомство носило формальный характер до случая, о котором я хочу рассказать.

Вскоре после приезда в Киев Жуков с генералами округа поехал на охоту на коз в район границы с Польшей. Во время охоты кто-то из генералов сказал Жукову Г. К. о том, что коз много непосредственно у границы. Г. К. Жуков сразу сказал: «Поехали туда».

Когда подъехали к границе, пограничники не разрешили охотиться, заявив: «Без указания наркома внутренних дел Украины не можем никого допустить». Жуков вскипел, заявив, что он

— командующий округом.

На это пограничники ответили, что у них свой командующий пограничным округом — генерал-лейтенант Осокин*. Тогда Г. К. Жуков приказал позвонить в Киев наркому и доложить. Это все я рассказываю со слов начальника погранотряда.

А далее раздался телефонный звонок, и мне начальник войск пограничного округа доложил об этом. День был выходной. Звонить в Москву я не стал, подумав, что поохотятся и в другом месте, и сказал на границу не пускать во избежание недоразумений, тем более, я знал из предыдущих докладов, что немцы ведут себя нервозно, а точнее — злобно. Стрельбой же охотников мы сами могли их спровоцировать на конфликт.

Когда Жукову доложили, что не разрешается охота на границе, он рассердился и уехал. В понедельник утром раздался звонок, и произошел следующий разговор: «Серов?» Я ответил: «Да».

«Вот я пишу телеграмму хозяину (так все звали Сталина) о том, что украинские пограничники нас, генералов округа, выехавших на рекогносцировку района сосредоточения войск, не пустили в этот район, при этом сослались на твой запрет».

Я: «Да, я не разрешил, поэтому можешь написать это, но только вместо слова „рекогносцировка“ поставь слово „охота“».

Жуков Г. К. сразу, видимо, не ожидал такого ответа и замолчал, потом немного подумал и говорит: «Вот черт, и тут все знает». Ну, я на это начал шутить с ним про охоту, и мирно закончили разговор — идти или нет на премьеру в театр после звонка помощника Хрущева. После этого случая у нас с ним установились хорошие товарищеские отношения.

Присоединение Бессарабии

Жуков Г. К. всегда делился указаниями, получаемыми из Москвы, а я, в свою очередь, говорил ему, что я получал по нашей линии и что намечается.

Более того, в 1940 году, когда назревали события в Бессарабии, мы с ним вместе разрабатывали план взаимодействия войск и органов, чтобы общими усилиями обеспечить готовящиеся мероприятия.

Затем в июне месяце Хрущева и меня вызвали в Москву, где было сказано, что 26 июня 1940 года МИД СССР предъявит Румынии ультиматум о том, чтобы вернули румыны нам Бессарабию, незаконно захваченную в 1918 г., и Северную Буковину. Наши войска к этому времени сосредоточатся на границе, с тем чтобы забрать Бессарабию.

В дальнейшем наша Молдавская Автономная область Украины будет преобразована в Молдавскую Союзную республику со столицей в Кишиневе[56]. У Г. К. Жукова в округе был разработан детальный план движения войск.

28 июня мы, все члены Политбюро ЦК КП(б) Украины, а также прилетевшие из Москвы В. М. Молотов и Тимошенко собрались в Тирасполе и сидели до 2-х часов ночи. В 2 часа Молотов позвонил Сталину и спросил, как дела и можно ли действовать.

После короткого разговора Молотов нам сказал, что нота румынскому послу вручена, что он сказал, что доложит правительству. Затем Сталин сказал, что ждать нечего, так как румыны будут тянуть с этим ответом, надо начинать. И последовала команда Г. К. Жукова двинуться.

Когда я подъехал к расположению войск, то там бойцы уже поднимались. Начало светать. Подъем был коротким, и лавина войск двинулась через границу и через реку Днестр.

Я по карте взял направление на Кишинев, так как по моим данным там находится «Русское офицерское общество», возглавляемое князем Долгоруким* и его сыном, а также видные националисты, которые направляли борьбу против СССР.

Когда переходили границу, румынские пограничники разбежались, некоторые успели переодеться в гражданскую одежду, особенно работники сигуранцы (полиция).

Характерно отметить, что некоторых пограничников мы догнали уже под Кишиневом, следовательно, они бросили охрану границы, видимо, с вечера, как только увидели наши войска. Ведь не могли же они 45 км пройти за 4 часа.

Войск в Бессарабии было немного: 24 кавдивизия и отдельные части. В 9 часов мы были уже в Кишиневе.

Первое впечатление от города — это население, которое встречало нас и войска с удивлением, как, мол, так, появились русские. Видимо, подробно не сумели их предупредить. Потом уже часов в 12 дня я слышал, как румыны что-то говорили. Среди кишиневцев многие говорили по-русски и по-украински. Я расспросил, где главные учреждения города.

Мне указали на дом губернатора, тюрьму и сигуранцу. Ничего примечательного в этих домах внешне не было, 2-3-4-этажные. Внутреннее оборудование соответствовало положению.

Губернаторский дом был шикарно обставлен мебелью, коврами, гобеленами, и много было различных воинственных скульптур с шашками, в шлемах, латах и т. д. Этой воинственности практически и за румынами не наблюдал ни раньше, ни потом. В городе много было евреев, которые быстро приспособились к нашим и ходили с красивыми бантиками на груди.

В середине дня, когда я вышел пройтись, увидел много мужчин в полосатых пижамах и таких же брюках. На них жители странно, с опаской, смотрели.

Я спросил у одного, что это за люди. Оказалось, что это арестанты, уголовники и другие, которых румыны, убегая, выпустили из тюрем. При этом в тюрьмах вырвали все замки и запоры.

Я приказал генералу Сазыкину*[57] (который Москвой предназначался наркомом Внутренних дел Молдавской ССР) немедленно всех водворить в тюрьму, разобраться со следственными делами и решить, кто должен продолжать находиться в тюрьме, а других освободить. При этом руководствоваться советскими законами, а не румынскими.

Оперативную группу НКВД Украины я взял с собой, так как по указанию НКВД СССР мне, как наркому Внутренних дел УССР, было приказано до организации Молдавской республики организовать всю работу по изъятию контрреволюционного элемента, а ЦК Украины Хрущеву — организацию партийно-советских органов. В течение первых суток мы изъяли известных нам контрреволюционеров, в общем количестве до 200 человек. Правда, некоторые сумели убежать в Бухарест[58].

Задержанных сосредоточили в здании сигуранцы в одном зале. В течение ночи наши люди вставляли замки и восстанавливали всякие запоры.

На следующее утро чекисты распределили между собой задержанных и начали допрашивать. Русские (царские) офицеры трусили, зная, что за подлости, которые они творили более 20 лет, им придется поплатиться.

Я на полчаса прошелся по Кишиневу. Население чувствовало себя спокойно, как у нас в

выходной день, гуляли, заговаривали с нашими военными. На главной улице «рестораторы» открыли кафе, и прямо на улице под тентом пьют кофе и вино.

Придя в сигуранцу, я донес в Москву о результатах первых суток и решил допросить несколько задержанных, начиная с князя Долгорукого. Я знал, что это прапраправнук основателя Москвы Долгорукого.

Когда князь Долгорукий вошел ко мне в кабинет, то я увидел бодрого старичка лет за 70, опрятно одетого, в кителе и брюках из сурового полотна. Волосы на голове, борода и усы были седые до белизны. Внешний вид князя был внушительный, вроде профессора с умными глазами, но выглядевшего молодо.

Я предложил ему сесть и начал задавать общие вопросы:

— Сколько вам лет, князь?

— 82 года в этом году, господин большевик.

— Вы все время жили в Кишиневе?

— Да, я сразу после войны в 1917 году как тут жил, так и остался.

— Много тут было белогвардейцев?

— Не особенно много, а точно не знаю.

— Как же вы, князь, не знаете, ведь вы — председатель этого общества?

— Господин комиссар, это было давно, несколько лет назад. Я сейчас все вам расскажу, только позвольте мне ходить по кабинету, так как я все-таки несколько волнуюсь, потому что впервые вижу большевика. И во-вторых, я переполнен чувствами, что пришли сюда русские.

— Пожалуйста, можете ходить.

— Так вот, господин большевик! Сразу после революции сюда прибежало много всякой дряни. Ну, меня знали все и относились с уважением. Затем некоторые горячие головы, будучи озлоблены на Советскую Россию, стали предлагать разные сумасбродные идеи. В первые годы — устроить набег на Россию и захватить Одессу, послать шпионов и перебить Советское правительство и другие глупости. Я, как мог, отговаривал и высмеивал эти идеи. Затем, когда узнал, что румыны с помощью немцев засылают в Россию шпионить, я отказался от должности председателя «офицера общества» и больше там не появлялся. Я предателем Родины не был и не буду. С сыном, который вчера убежал с румынами в Бухарест, я крепко поссорился и не разговаривал, он — ярый противник Советской России. Сейчас он тащил меня в Румынию, но я сказал — родился в России и умру в России. Последние годы я стал ходить в церковь. После этого надо мной смеялись и говорили, что «князь рехнулся», но я не обращал внимания и стыдил всех русских офицеров, как они низко пали и предают Россию. У меня по этому поводу был крутой разговор с губернатором, который увещевал меня остепениться и прекратить всякие разговоры в пользу большевиков. Такой же разговор был и с сыном, который является консулом Румынии в Бессарабии. Румыны Бессарабию разыгрывали, как Русско-Молдавскую автономию, а на самом деле грабили бедных молдаван и все.

Я продолжал слушать князя, а он все время меня величал то господином большевиком, то комиссаром. Я предложил ему чаю, он вначале было отказался, а затем в спешке выпил стакан и, продолжая ходить, говорил.

«Вы, господин большевик, видимо, ошибочно задержали меня, предполагая, что я богат.

Известный по России богач князь Долгорукий — это мой брат, это у него было много имений в России и на Украине, где были сотни тысяч десятин земли. А у меня этого не было».

И, продолжая говорить, перечислял: «В Полтавской губернии у меня было 16 тысяч десятин земли, под Москвой — тысяч 40, не больше, в Тульской губернии — 7 тысяч десятин и в Новгородской губернии — 12 тысяч. Вот и все, — закончил князь. — Так что вы не того Долгорукого хотели задержать-то».

Ну, после такого разъяснения о своей бедности (80 тысяч десятин!) я ему спокойно сказал: «Князь, меня ваше и вашего брата богатство не интересует, так как эта вся земля в руках наших крестьян-колхозников, также и имения. Меня интересовала антисоветская деятельность „Русского офицерского общества“, которое шпионажем против Советского Союза наносило вред моей и вашей Родине. Вот что больно!»

Князь заулыбался и попросился выйти походить по коридору. Надзирателя, который привел князя, я вызвал к себе, а князю сказал: «Пожалуйста, идите!»

Минут через 10 князь вернулся, и мы продолжали разговор. Он рассказал про мещанскую жизнь кишиневцев, про пьянство, в том числе и молодежи, и высших кругов и т. д. Затем я решил прощупать его политические взгляды, в связи с чем спокойно сказал: «Ну, у нас в Советском Союзе все обстоит по-иному, и вам, боюсь я, трудно все это понять».

Вот тут-то князь и показал себя. Он вскипел и ужасно обиделся моим замечаниям, он сказал:

«Господин большевик, вы меня в два раза моложе, поэтому и имею право вам сказать. Молодой человек, вы ошиблись, я все время, находясь здесь, следил за своей Родиной, жил ею и был уверен, что кончится тем, что произошло вчера, т. е. вы пришли на свою родную землю.

В первые годы Советской власти я действительно был озлоблен против большевиков, а со временем, когда увидел дела румынских бояр и сравнивая с тем, что делают большевики, то я возненавидел румын и стал сочувствовать большевикам. На этой почве я поссорился не только с сыном, но даже перестал встречаться с невесткой и внуками, которых я люблю. Вот вы посудите сами, господин большевик, что происходит. Советская Россия существует 20 с лишним лет и, несмотря на карканье Черчиллей*, Пуанкаре и других о том, что ей осталось жить полгода, год, два, а тут — 22 года. Просчитались, господин большевик!»

Он это сказал таким тоном и так посмотрел на меня, словно я просчитался. «Сталин забрал у поляков исконно русские земли Украины с городами Львов, Ровно, Брест, Станиславов и др. Bravo ему! Сталин прибирает к рукам Прибалтику, этих эстонцев, латышей, литовцев, это ведь исконно русские земли, они всегда принадлежали России, начиная от Петра Великого. Bravo Сталину, ура ему! Вот когда Красная Армия осеклась на чухонцах (финнов он так называл), и война с ними получилась неудачной, так я читал газеты и плакал, сердце кровью обливалось, а надо мной смеялись, говорили: „Вот твой Сталин!“. Разве это не обидно? Вот сейчас забрали нашу русскую Бессарабию, bravo вам всем, молодцы! Когда я вчера увидел нашу пехоту, танки, кавалеристов, как они четко шли, эти русские солдаты, блондины со вздернутыми носами, да пели песни, так мне хотелось броситься их обнимать и целовать!»

После этой тирады он так растрогался, что появились слезы на глазах. В общем, беседа у меня с ним длилась часа три. Она была и первой, и последней.

Смерть князя Долгорукого

Я решил съездить в Черновицы и проверить, как там начальник опергруппы Трубников* организует работу в городе, только что занятом нами. Ехали мы быстро и через два часа уже были в районе Бельцы.

Подъезжая к окраине, я спросил местных жителей, прошли ли части Красной Армии. На меня они смотрели с удивлением и сказали, что не знают, а затем показали, где находится полицейское управление: «Там вам скажут». Я удивился их словам.

Пока разговаривал, мне адъютант показал на пыльное облако, тянущееся вдоль полевой дороги более чем на километр. Я решил, что это идет колонна наших войск, и поехал навстречу. Когда подъехал ближе, то увидел, что идут кавалеристы, впереди которых румынское знамя, затем духовой оркестр, впереди офицер и адъютант.

Я, естественно, смутился, так как оказался как бы в тылу у румын, которые могли меня прихватить, и кончено.

Да тут еще у меня шофер — здоровый парень, а ума мало, — как-то растерялся и заохал: «Что будем делать?» Я на него прикрикнул и сказал, чтобы не выключал мотора.

Мгновенно у меня возник план. Я адъютанту сказал: «Делай, что скажу, без промедления».

Подойдя к головному румынскому офицеру, по-кавалерийски поднял и опустил руку, означающую команду: «Внимание и стой!» Колонна остановилась. Спрашиваю, что за часть. Еврей из оркестра перевел. Офицер отвечает: «Румынская кавалерийская дивизия на марше». Спрашиваю, где командир дивизии. Ответ: «В колонне».

Приказываю командирским тоном: «Командира дивизии — в голову колонны». Сам начинаю спрашивать еврея-трубача, откуда идут, куда и когда вышли.

За это время на лихом коне с адъютантом подскакал расфранченный с эполетами командир дивизии и, сидя на коне, обратился ко мне. Я, не дав ему закончить фразу, рукой показал слезть с коня. В этих случаях мне сильно помогло знание кавалерийских команд знаками, когда в бою управляют конницей не голосом, а шашкой, т. е. знаками.

Командир слез и подошел ко мне. Видимо, он уже сообразил, что имеет дело с русским генералом.

Приложив руку к фуражке, отрекомендовался: «Дивизионный генерал Попеску», я ему спокойно ответил: «Корпусной генерал Иванов». На него это произвело впечатление.

Затем я начальническим тоном спрашиваю: «Почему медленно отходите?» Комдив стал мне по карте и по часам показывать, когда выступили, сколько прошли и где будет привал.

Я сморщился и говорю: «Медленно идете, сейчас же скомандуйте „Садись!“ и рысью двигайтесь, так как вас настигают наши войска, и встреча нежелательна во избежание недоразумения». Я откозырял и встал в сторону, ожидая исполнения моего распоряжения.

Румын что-то залопотал, его команда пошла по эскадронам, сели по коням, откозырял и двинулся быстро вперед. Потом шофер и адъютант всю дорогу смеялись, как я ловко вышел из положения.

Конечно, об этом происшествии я в Москву не донес и никому не рассказал, так как за такой скачок мне бы здорово влетело...

Когда я к вечеру вернулся в Кишинев, меня ожидала неприятность. Мне доложили, что князь Долгоруков застрелился.

Я спросил, как это могло случиться. Мне рассказали, что, когда восстановили камеры, решили развести по камерам задержанных, в том числе и князя.

Когда спустились из общей залы вниз, надзиратель подвел князя к общей камере и сказал: «Вот, вам сюда». Князь посмотрел на надзирателя и сказал, что он никогда не сидел в тюрьме и не будет сидеть.

Надзиратель решил, что старичок пошутил, и сказал ему: «Ну, давай, папаша, все должны разместиться по камерам». Князь сунул руку за пазуху, и раздался выстрел. Когда прибыл врач, он уже был мертв. В руке зажат пистолет вальтер № 1, маленький, словно игрушечный.

Я долго раздумывал, почему он это сделал, и как мне донести в Москву об этом. Поздно вечером, точнее, ночью я написал телеграмму в Москву, коротко изложив суть вопроса.

На следующий день, несмотря на свой план поездки на юг Бессарабии, я весь день находился на месте, так как знал, что будет звонок из Москвы. Около 2-х часов дня по ВЧ позвонили из Москвы, и вопреки моим ожиданиям, что позвонит нарком, мне телефонистка сказала: «Вас вызывают по большой молнии». Значит, будет говорить Сталин.

В трубке послышался известный мне приглушенный голос: «Да». Я сразу сказал: «Серов слушает вас, товарищ Сталин».

Сталин, не поздоровавшись, сказал: «Слушайте, как это получилось с князем Долгоруким?» Я, стараясь сохранить спокойный голос, сказал: «Очевидно, плохо обыскали его».

Сталин, рассердившись, сказал: «Это я здесь могу сказать — очевидно, а вы должны знать это». Я промолчал. Затем Сталин сказал: «Эх вы, единственного князя и не могли сохранить!» — и хлопнул трубку.

Ну, после такого разговора можно только представить мое настроение. Я ходил как в воду опущенный. Правда, я об этом разговоре сказал только Сазыкину, да и то предупредил, чтобы не болтал.

Правда, он мне еще потом сказал, что: «Иван Александрович, а ведь когда Вы с ним беседовали несколько часов, так он и Вас мог застрелить, ведь револьвер-то у него был». Я согласился с этим, но на фоне такого разговора со Сталиным это предположение уже не имело значения.

Вечером Хрущев собрал членов Политбюро и командующего КОВО г. Жукова на совещание по ряду вопросов организации Молдавского правительства, о размещении наших войск и других вопросов.

У меня с Хрущевым произошел крупный разговор из-за военного городка, который у румын занимал полицейский полк, а я туда успел разместить полк внутренних войск, т. е. по аналогии. Городок хорошо оборудован, казармы хорошие. Хрущев потребовал передать войскам, а я ему на это сказал, что полк НКВД — это тоже войска.

Хрущев рассвирепел, остальные члены Политбюро Украины на меня смотрели с удивлением, ведь у нас не принято не соглашаться или возражать Секретарю ЦК, а тут еще Хрущев — член Политбюро ЦК ВКП(б).

Получилась неприятная пауза. Я громко сказал, как бы сам про себя: «Донесу в Москву, а там — как решат, так и сделаю». Все замолчали.

Ко мне подошел Г. К. Жуков, обнял за плечо, улыбнулся и говорит: «Ты не горячись, а Хрущев отойдет». Я ему сказал, что полк НКВД в Бессарабии нужен, так как мы не знаем, как себя будут вести вновь обретенные румынские молдаване. Жуков Г. К. согласился. А затем, также

вслух, высказал эту мысль.

Вот тогда-то я и убедился, что это человек разумный, имеет свое мнение и не боится его высказать. И не поддакивает, как это делают другие. После этого, казалось бы, незначительного случая я еще с большим уважением стал относиться к Г. К. Жукову.

В Молдавии мы, «украинцы», были около двух месяцев, так как нам было поручено ЦК ВКП(б) до организации Молдавской республики, т. е. создание Совета Народных Комиссаров, ЦК Партии и соответствующих наркоматов.

Обида генерала Шульца

Возвратившись на Украину, мне большую часть времени пришлось быть в западных областях ввиду больших, а порой и неприятных дел, как то: организация борьбы с украинскими националистами, которые с каждым днем нагнали, с польскими националистами, вернее, с остатками, но все же вредными, порой приходилось разбирать конфликты наших пограничников с немцами, которые теперь стали «соседями», и др.[59]

В августе 1940 года вышло постановление СНК СССР о демаркации границы на западе, куда я был записан членом Государственной Комиссии[60].

Границу надо было более четко обозначить, так как она условно проходила с юга по реке Сан через Перемышль, а затем — по сухопутью до Рава-Русской, и далее — на север. Немцы из Польши сделали «Генерал-губернаторство», столица — Краков.

На первой встрече, которая у нас проходила в Перемышле, условились встречаться в вагоне немецкого генерала СС на ст. Перемышль на немецкой стороне. Как ни странно, г. Перемышль рекой Сан делится пополам. Соответственно, и половины: одна — наша, другая — немцев.

У немцев в комиссии военных не было, а все гестаповцы — ССовцы и солдаты. Председателем советской комиссии был Иван Иванович Масленников* — замнаркома внутренних дел СССР по войскам. Был также представитель МИД СССР, который следил, чтобы мы с Иваном Ивановичем не отклонились от дипломатического этикета и не наговорили немцам грубостей.

Меня с первой встречи возмущало высокомерное, наглое поведение немцев, как при встречах с нами, так и после нашего ухода, как мне рассказывал наш человек, у которого в вагоне был приятель, а также наш офицер связи при немцах, который раньше нас приходил и позже ушел. Он знал немецкий язык, однако я строго проинструктировал его делать вид, что не знает.

Демаркационную линию мы довольно быстро установили, так как немцы почти во всем с нами соглашались. Меня это несколько удивляло, и я не мог дать этому объяснения. Причем наши возражения они тщательно записывали.

Мне несколько раз приходилось спорить с немецким генералом Шульцом*, который в выступлениях поучал, как надо решить тот или другой вопрос. Я обозвал его «ментором», он страшно разозлился, начал стучать кулаком, а я демонстративно вышел и смотрел на звездное небо.

Затем, когда он затих, я вошел и с улыбкой спросил, улеглись ли страсти. Он зло посмотрел на меня. После заседания МИДовец мне сказал, что немец разозлился, потому что «ментор»

— это еврейское слово, а немцы ненавидят евреев.

На заключительном заседании немцы членам комиссии принесли какие-то подарки-безделушки. Я не взял...

Когда я восстановил в памяти 1940 год по месяцам, то у меня также появилось неприятное чувство, которое усугублялось какой-то беспечностью нашей печати и радио. В газетах писалось о наших внутренних делах, различные хвалебные статьи. Радио танцевало и играло почти круглые сутки. Да и на партийных собраниях не было ни разу высказано какой-нибудь тревоги.

Летом 1940 года Тимошенко назначили наркомом обороны вместо Ворошилова. Как мне рассказывали, эта перемена не обошлась без участия злополучного Мехлиса, который после финской кампании резко выступил против порядков в армии и в частности — против Ворошилова. Очевидно, эти обстоятельства сыграли известную роль.

Осенью Мерецков* был назначен начальником Генштаба вместо Шапошникова*, который стал заместителем наркома по оборонным сооружениям.

В декабре 1940 года в ЦСКА проходили сборы высшего командного состава армии, где обсуждались доклады о состоянии боевой подготовки войск, оборонительные и наступательные операции, бой стрелковых дивизий.

Совещание длилось 6 дней. Выступило 50 военных начальников. Все говорили правильно, как будем наступать и бить врага. А после совещания мне генералы в округе высказывали серьезные упущения в боевой подготовке войск, критиковали Тимошенко, Кулика* (заместителя) и других, об устаревших уставах, так как боевые порядки не соответствовали требованиям современной войны, которую вели немцы в ряде стран.

Об обороне нельзя было и говорить, так как всем внушалась доктрина громить противника на его же территории. Тактические учения и боевая подготовка бойцов не соответствовала требованиям суровой войны, о бойцах заботилась, как бы он не простудился, вместо того чтобы физически его закалывать. Уже попутно я скажу и свое мнение по этим вопросам.

К 1940 году в армии командные кадры «освежились» за счет трагедии, которая произошла в стране, когда в 1937–1938 годах подлый Ежов и его сподручные, в том числе и Мехлис, подогревавший шпиономанию, арестовывали тысячами честных людей и командиров Красной Армии, чем нанесли непоправимый вред Родине, истребив лучших людей: командиров, конструкторов, коммунистов и тысячи честных людей.

Да если еще добавить, что, к сожалению, находились бесчестные люди, которые в угоду органам старались «выявлять» врагов народа и шпионов и писать на них заявления, в том числе на родных братьев, так отсюда будет ясно, какой вред был нанесен стране. В армии к этому времени на командных должностях были выдвигенцы без достаточного опыта и знаний.

Приведу простой пример, что если в 30-х годах командиру взвода или батареи для того, чтобы продвинуться до следующей должности командира дивизиона, нужно было минимум 5–7 лет, а в 1939–1940 годах нас, командиров рот, батарей по окончании Академии (а некоторых — с 3-х курсов) назначали командирами полков, начальниками штабов дивизий, начальниками Особых отделов округов, а меня — начальником Главного Управления НКВД СССР. Ну, об этом историки расскажут.

6 апреля немцы вторглись в Югославию и Грецию. Незадолго до этого принц-регент Югославии Павел* под давлением Германии присоединился к пакту Германия-Италия-Япония. Сербы не согласились с таким унижением, и 27 марта группа

офицеров под руководством генерала Симовича* захватила власть и возвела на престол Петра II*. В Югославии — ликование и избиение немецких посольских работников.

6 апреля немцы разбомбили Белград и двинули войска. Соппротивление было незначительное ввиду неравенства сил. и Югославия была оккупирована. В Греции это же немцы проделали почти без соппротивления.

Как мне рассказывали участники, последующие события у нас в Москве развивались в следующем порядке. В начале января 1941 года после военного совещания руководящие начальники решили провести в Генштабе учение на картах, в котором участвовали секретари ЦК Маленков и Жданов.

Один из военных деятелей играл за красных, а Г. К. Жукова заставили играть за немцев. Руководил игрой Тимошенко. В результате Жуков на карте «разгромил» войска красных, учтя пробелы в нашей подготовке Красной Армии, и получился конфуз.

После игры всех участников вызвали к т. Сталину, где после короткого разговора т. Сталин предложил назначить Жукова начальником Генштаба, освободив Мерецкова от этой должности. При этом были высказаны упреки в адрес Мерецкова о том, что, несмотря на указание Сталина создавать механизированные корпуса, дело плохо двигалось.

Также плохо дело обстояло с обучением войск. Получался парадокс. С мест, я имею в виду из военных округов и от органов и погранвойск, поступают тревожные сигналы о наглом поведении немцев, граничащих с нами, т. е. практически от Балтийского до Черного моря, и в то же время в наркомате обороны дается установка укреплять обороноспособность армии, но в то же время не волновать немцев на границах!

Вот и получилась глупость. Вместо того чтобы Главному Разведуправлению Генштаба, начальнику Генштаба, наркому прийти в Политбюро и твердо, по-партийному, доложить, что назревает война, и эти слова подтвердить десятками фактов, которые были в руках, и просить Политбюро привести войска в мобильную готовность № 1, этого не сделали, и наркомату обороны во главе с Тимошенко все еще было неясно, нападет ли Германия на СССР.

Первые провокации немцев

Примерно в марте 1941 года мне позвонили из Ровно, что там приземлился немецкий двухмоторный самолет. Когда наши товарищи подходили к двум летчикам, то видели около самолета огонь. Подойдя ближе, увидели горящий самолет и сожженные карты.

Я приказал летчиков доставить в Киев. В Киеве мы поместили их в хорошей гостинице, а затем их привели ко мне. Во время разговора немцы вели себя самоуверенно, я бы сказал, нахально.

Довольно откровенно на мой вопрос ответили, что самолет сожгли, чтобы не достался русским, так как <он> новейшего образца, работающий на дизельном топливе, чего у нас, русских, нет. Вот примерно и все, что мне удалось от них узнать, так как они заявляли на любой мой вопрос, что им присяга не позволяет отвечать на них.

Затем я все это доложил в Москву, а через день получил указание из Москвы отправить их в Германию, а сгоревший самолет дать осмотреть военным. Меня поведение немцев удивило, так как у нас с ними заключен договор о ненападении Молотов-Риббентроп, а действия

недоговорные.

Через месяц после этого вроде незначительного события к нам через границу перебежал немецкий солдат, который уверял допрашивавших военных, что немцы готовятся к войне против СССР, и привел ряд фактов, доступных ему.

Когда я был во Львове, я нарочно поехал в Перемышль и далее по р. Сан проверить поступившие ко мне данные, что немцы возвели различные военные укрепления на своей стороне, вплоть до установки рогаток против танков, которые привезли из Франции.

Походив и поездив с начальником пограничного отряда по этим местам, я убедился, что немцы очень укрепляют этот район. Спрашивается, при наличии договора о ненападении, зачем это делать?

Вернувшись в Киев, и написал подробную записку в ЦК КП(б)У тов. Хрущеву Н. С. об этом и копию послал в Москву.

Мне Хрущев сказал, что записка интересная, и он ее доложит тов. Сталину. Из Москвы позвонил Кобулов и передал, что нарком сказал не заниматься глупостями. Странно все это было.

Глава 3. В НАРКОМАТЕ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ. 1941 год (февраль-июнь)

Накануне войны Сталин затевает очередную реорганизацию своих спецслужб.

3 февраля 1941 года из единого прежде НКВД СССР выделяется самостоятельный Наркомат госбезопасности (НКГБ), которому передаются все службы, непосредственно связанные с ГБ: разведка, контрразведка, правительственная охрана, шифрование.

Получает повышение и Лаврентий Берия: он назначается зампредом Совнаркома (проще говоря, вице-премьером), курирующим оба ведомства. Формально — Берия продолжает оставаться наркомом внутренних дел. Шеф НКГБ Всеволод Меркулов — тоже его человек, привезенный из Грузии. Всем подбором кадров в оба наркомата, естественно, руководит Берия.

К тому времени Серов уже не раз сумел продемонстрировать свою эффективность, особенно при «освобождении» Западной Украины и Молдавии.

О высокой оценке его заслуг Центром (то есть Сталиным и Берией) говорят сухие биографические факты.

26 апреля 1940 года он удостоивается высшей награды страны — ордена Ленина.

17 мая 1940-го — его избирают членом ЦК и Политбюро ЦК КП(б) Украины.

С января 1941-го — Серов уже депутат Верховного Совета СССР, а с 20 февраля — кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Неудивительно, что вскоре его возвращают в Москву — 1-м зам. наркома в созданный НКГБ. Свою роль, очевидно, сыграло и то, что новый нарком Меркулов видел его в деле, приезжая на Украину в ходе подготовки польской кампании.

Кстати, точная дата назначения Серова вызывает вопросы. Во всех официальных источниках

называется 25 февраля 1941 года. Между тем, в личных документах Серова, в том числе в послужном списке, составленном еще в его бытность председателем КГБ, значится другое число: 17 апреля. Подтверждается это и его дневниковыми записями.

В числе первых задач, полученных Серовым на новом месте, становится «зачистка» Прибалтики, присоединенной к СССР лишь накануне.

В соответствии с постановлением ЦК и Совнаркома «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента», в мае 1941 года Серова командируют в Прибалтику. Старшим от НКВД вместе с ним едет молодой зам. наркома Виктор Абакумов, еще недавно возглавлявший Ростовское УНКВД.

Именно здесь впервые пересекаются дороги двух будущих руководителей советской госбезопасности. Отсюда берет истоки их вражда, которой суждено будет вылиться в непримиримую, полномасштабную войну, превратившуюся в войну спецслужб. На долгие годы вперед Абакумов станет для Серова одним из самых опасных и ненавистных противников.

Разумеется, «очистка» Прибалтики не ограничивалась одним только разоружением офицеров, о чем вспоминает Серов. По плану операции репрессиям должна была подвергнуться вся прежняя элита: члены политических партий и национальных организаций, бывшие полицейские, крупные чиновники, помещики, фабриканты, русские эмигранты. Эта «категория лиц» подлежала аресту и направлению в лагеря сроком на 58 лет с конфискацией имущества.

Членов их семей ждала всего лишь ссылка на поселение «в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет»[61].

Справедливости ради следует, однако, сказать, что массовые депортации «враждебного элемента» начались лишь 14 июня 1941 года, то есть уже после отъезда Серова из Прибалтики. Принять в них непосредственного участия он уже не успел.

Спецоперации в Прибалтике

В апреле 1941 года я вновь выехал во Львов. Вернувшись, мне начальник секретариата подал вчерашнюю газету «Правда», где написано постановление Совнаркома о назначении меня 1-м заместителем наркома госбезопасности.

Я созвонился с Хрущевым и спросил его, что это значит. Он ответил, что он возражал, но затем дал согласие, придется ехать. Для моих родных это также было неожиданным. А со мной даже никто и не поговорил. Вот как бывает. Ну что ж, переехали в гостиницу «Москва».

В Москве сразу мне не понравилось. Наркома госбезопасности Меркулова я мало знал, с Кобуловым, которого назначили заместителем наркома Госбезопасности, были стычки. Он меня не любил, а я его — еще больше[62].

Но вместе с этим Берия, который стал заместителем председателя Совмина СССР и наркомом внутренних дел, их всех поддерживал.

С первых дней я увидел, что Кобулов хочет прибрать все в свои руки. Я воспротивился и сказал Меркулову, тот ничего не ответил, а через 5 дней был подписан приказ НКВД и НКГБ СССР о командировании меня и Абакумова (заместителя НКВД) в Прибалтику для разоружения офицеров Латвии, Литвы и Эстонии[63]...

Работать на пару с Абакумовым мне тоже не хотелось, так как это был барин, малограмотный пижон, вышедший в «люди» на следственных делах Кобулова, и больше всего — битьем заключенных. Одним словом, мне не повезло[64].

В Риге мы с Абакумовым дважды поругались. Он пожаловался на меня Берия, что я не даю ему работать. Он был заместителем у Берия.

Разоружать офицеров войск бывших буржуазных армий Литвы, Латвии и Эстонии оказалось не таким легким делом.

Посоветовавшись с командующим Прибалтийского Военного округа генерал-полковником Кузнецовым*, он сказал, что выделит необходимое количество войск, автотранспорт, продовольствие и железнодорожные вагоны, но помочь в методике разоружения он не может, «вам виднее».

Абакумов — это дуб, который ничего умного предложить не мог, поэтому я ему сказал, чтобы он занимался обеспечением порядка в тех городах, где я буду разоружать.

С эстонскими офицерами я поступил просто: приказал нашему советнику при эстонской армии собрать всех офицеров в клуб «на совещание в связи с предстоящим учением», те собрались. В это время вокруг клуба были сосредоточены наши бойцы и командиры, которых было видно в окна.

Я вошел в зал и сказал, что: «Правительством Эстонии принято решение расформировать эстонскую армию. Прошу господ офицеров это принять как должное решение и подчиниться».

Затем, не дав время для размышления, я предложил сдать оружие при выходе из клуба. И медленно цепочка офицеров потянулась к выходу, а там наши 4 офицера обыскивали и изымали револьверы и пистолеты и тут же сажали в автомашины для отправки в поезд, который их должен <был> увозить в глубь территории СССР.

Следующим мы разоружали литовский корпус. При этом пришлось предварительно продумать ряд вариантов с тем, чтобы безопаснее сделать, и главное, чтобы не разбежались.

Окончательно был принят вариант — выезд в поле на учение по картам. Разоружать намечено двумя группами: «синяя» сторона и «красная» сторона.

Когда я подъехал к «синей» стороне, то офицеры лежали на опушке леса. Внутри леса была сравнительно широкая просека, по которой проходила дорога, выбрав хорошее место (пошире), я туда послал два взвода красноармейцев с автоматами и приказал командиру роты расположить их лежа вдоль дороги.

Туда же решил завести в шеренге по 2 офицера. Условились, что по команде полковника первая шеренга «направо», а вторая — «налево» (чтобы они встали лицом друг к другу), красноармейцы вскакивают и берут наизготовку автоматы.

Я пошел во главе этой колонны офицеров и в нужном месте остановился, полковник перепутал команды, и получилось так, что офицеры-литовцы встали лицом к красноармейцам, а спиной — друг к другу.

Когда они увидели перед собой дула автоматов, то два литовца не растерялись и открыли по нам огонь из пистолетов. Я присел и крикнул командиру «Разоружить!», началась нервная обстановка.

Литовцы разозлились и нехотя сдавали оружие. Наши бойцы, вместо того чтобы изъятые

оружие прятать в карманы, стали засовывать за пояс, а литовцы — отнимать у них. Я крикнул громко: «Слушайте мою команду! Немедленно сдать оружие, а затем я объясню, в чем дело».

В общем, справились, затем я им, как мог, объяснил, что «сопротивление вызовет только напрасное кровопролитие, так как есть приказ высшего командования о разоружении, поэтому вы должны подчиниться».

Злые, понутив голову, офицеры пошли в указанное место. «Красная» сторона была разоружена более спокойно, так как мы уже учли ошибки разоружения «синей» стороны.

С латышами справились более спокойно. Там мы собрали в одном месте, вокруг были наши красноармейцы. Я выступил и объяснил обстановку и приказал сдать оружие, с ними инцидентов не было.

Потом через месяц, когда немцы напали на Советский Союз, мы почувствовали, как правильно было решено с разоружением. Мне рассказывали наркомы госбезопасности Латвии, Литвы и Эстонии, как подло, предательски вели себя семьи этих офицеров, и как сразу начали помогать немцам.

«Пошлите этого агента к... матери!»

Пользуясь тем, что нахожусь в Прибалтике, решил проехать на границу, где на противоположной стороне стояли немцы.

Приехали в погранотряд. Начальник отряда доложил, что немцы ведут себя нервозно, безобразничают, встречаться не приходится, так как они не идут на это, ежедневно засылают на нашу территорию шпионов и уголовников.

Мне вначале показалось, что он сгущает краски. Поехали на заставу. Начальник заставы после доклада в разговоре также привел эти факты. Я спросил, где ближайший пост у немцев. Начальник заставы показал 3 дома на горе, и я решил туда пройти. Граница (демаркационная линия) была условная, расстояние между нашими и немцами было не более 50–70 метров.

Когда немцы увидели подходящую группу офицеров (нас было человек 6–7), то из домика вышло несколько человек. Один немец погрозил нам кулаком. Мы не реагировали и продолжали наблюдать, стоя во весь рост. Затем отделился от группы немец и стал оправляться в нашу сторону. Я плюнул, отвернулся и пошел вдоль границы, вслед послышались улюлюканье и свист.

Я был удивлен таким поведением немцев. Ведь еще не засохли чернила на договоре о дружбе, подписанном Риббентропом и Молотовым. Мне это показалось странным.

Возвращались в Москву мы с Абакумовым разными самолетами.

Я сразу рассказал наркому Меркулову о посещении границы и поведении немцев. Он со свойственной ему выдержкой выслушал меня и сказал, что на днях было получено сообщение из Берлина от резидента, которому надежный агент сообщил, что Гитлер в мае или июне выступит войной против Советского Союза.

Я сразу сказал ему: «Так надо донести в ЦК, надо и нам меры принимать». На это мне Меркулов грустным голосом сказал: «Доносил».

Я уже понял, что видимо там, в ЦК, не обратили внимания на это донесение. Затем Меркулов сказал, что от премьера Англии есть сообщение Сталину, что немцы на нас нападут, но просил об этом никому не говорить.

Читая эту запись своих воспоминаний, я должен уточнить и дополнить <eё> следующими фактами, которые я узнал позже.

В 1954 году <подчиненные>, разбирая документы в Комитете государственной безопасности, мне доложили подлинную записку резидента из Берлина от 17 марта 1941 года, <которую> докладывал Меркулов Сталину[65].

Резидент доносил, что он встретился с проверенным агентом, данные которого не вызывают сомнения. Агент сообщил, что Гитлер готовит армию для нападения на Советский Союз и планирует начало наступления в мае или, в крайнем случае, в июне 1941 года.

Это донесение Меркулов (нарком госбезопасности) направил лично т. Сталину со всеми мерами предосторожности и соответствующей серией в собственные руки. В препроводительной записке было коротко сказано: «Направляю при этом донесение агента из Берлина. Дата — март 1941 г.».

Документ этот был возвращен обратно в НКГБ. На препроводительной было рукой т. Сталина написано: «Товарищу Меркулову. Пошлите этого агента к... матери», и подпись — «И. Сталин»[66].

Мне стало ясно, почему Меркулов таким грустным тоном ответил: «Доносил». Он даже мне, первому заместителю наркома, кандидату в члены ЦК ВКП(б), депутату Верховного Совета СССР не посмел большего сказать, не то что показать это донесение. Поэтому всякие слухи и кривотолки о том, что разведка не доносила и не предупреждала Советское Правительство и ЦК об опасности войны против СССР, являются неверными.

Я в 1954 г. показывал Первому секретарю ЦК Хрущеву это донесение и резолюцию Сталина, однако тот не придал <этому> никакого значения и ничего не сказал.

Мне было не ясно, почему Сталин не поверил донесению разведки из Берлина и другим фактам, как то: сосредоточению немецких войск вокруг нашей границы, их наглom поведении и другим фактам. Но и после этого вместо того, чтобы анализировать обстановку и сделать правильный вывод, газеты продолжали публиковать успокаивающие статьи, что все идет хорошо.

В 1959 году, когда я работал заместителем начальника Генерального штаба МО, мне М. В. Захаров* сказал, что Кузнецов* Ф. Ф. ему рассказал, что якобы есть в архиве донесение бывшего начальника ГРУ генерал-лейтенанта Голикова в марте 1941 г. о войне. Попросил найти его.

Когда мне принесли это донесение, и я его прочитал, то стало ясно, почему Сталин не поверил донесению резидента НКГБ из Берлина, которое посылал Меркулов.

В донесении Сталину указывается: «По донесению наших военных атташе (идет перечисление 5 или 6 стран) стало известно от немецких военных атташе, что немцы готовят нападение на Советский Союз ориентировочно между 15 мая и 15 июня сего года», и указывались наиболее вероятные направления ударов, в том числе и на Москву. В числе перечисленных сообщений военных атташе было такое же сообщение военного атташе и из Берлина от 14 марта 1941 года.

Вместо того чтобы Голикову ради объективности направить эти донесения Сталину и не делать своих глупых выводов, Голиков пишет:

«1. Считаю, что наиболее возможным сроком начала военных действий против СССР будет момент победы немцев над Англией или заключения с ней мира. 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской или даже может быть от германской разведки. Подпись: 20 марта 1941 г., генерал-лейтенант Голиков»[67].

Несколько раньше «постарался» и нарком военно-морского флота Кузнецов* Н. Г. Он доносил 6 марта в ЦК Сталину, что «Военно-морской атташе в Берлине донес, что со слов германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию».

И в конце Кузнецов пишет: «Полагаю, что эти сведения являются ложными и специально направлены с тем, чтобы проверить, как будет на это реагировать СССР».

Вот эти два безответственных угодника настолько убедили Сталина в том, что в ближайшие месяцы немцы не нападут, что он не поверил разумному и правдивому донесению резидента НКГБ, о чем сообщал Меркулов. Голиков и Кузнецов своими безответственными выводами поставили нашу Родину в тяжелейшее положение...

Что касается «Зорге», кинокартину, которую сделали итальянцы, французы и японцы, и последующее награждение Героем Советского Союза, за то, что только он предупреждал о начале войны, — как видите, не соответствует действительности. И более того, я, будучи в этот период в МГБ, не помню об этом и сейчас не представляю, чей это был агент[68].

В одном случае в газетах писал чекист, что Зорге был у него на связи, а в другом случае, в Кр<ит>асной<ит> Зв<ит>езде<ит>, было сказано, что его завербовал Берзин, нач<ит>альни<ит>к ГРУ. Вот и пойми.

И наконец, я помню, когда началась война, Сталин дал указание МГБ во что бы то ни стало расшифровать японские шифры, чтобы их читать и знать, нападут ли японцы на СССР. Если бы был хороший агент в МГБ или ГРУ, он бы их добыл, но такого не было, в то время как по картине и записям журналистов получается, что шифрами мы владели.

Это верно, но получили не от Зорге, а другим известным мне путем. И я знаю людей, награждённых за это[69].

«Границу не переходить!»

После возвращения из Прибалтики включился в работу. Нужно сказать, что мне не понравилось «наследство», с которым пришли в НКГБ Меркулов, Кобулов и другие деятели из НКВД. Много запутанных следственных дел.

По-прежнему грузины, армяне и их прислужники дружат между собой, я один — как «варяг», приехавший из Украины, да к тому же еще и не чекист, а военный.

Всем им нравится, чтобы перед ними лебезили, заискивали и подхалимничали. Но от меня этого не дождутся. Я унижаться не собираюсь и свою совесть менять на хорошие отношения с кем-либо и в угоду кому-либо никогда в жизни не буду...

По работе у меня вроде все идет нормально, но на душе как-то беспокойно. Я частенько звоню в приграничные с немцами области — Львовскую, Брестскую и другие, оттуда отвечают: «Все нормально», но я настаиваю, чтобы тщательно наблюдали за немцами.

1 мая был большой парад, прошел хорошо, техника прошла хорошо, все были довольны, что у нас хорошая Красная Армия.

5 мая был выпуск академиков, на котором Сталин сказал, что обстановка сложная, поэтому надо выпускам в частях укреплять воинскую дисциплину и боевую мощь Красной Армии[70]. Затем был прием, Сталин был в хорошем настроении.

6 мая вышло постановление Президиума Верховного Совета об утверждении т. Сталина председателем Совета Народных Комиссаров. В. М. Молотов стал первым заместителем председателя СНК и министром иностранных дел.

Как мне стало известно от работников ЦК, на Политбюро этот вопрос обсуждался очень серьезно, и решили для усиления авторитета правительства и нашей страны назначить т. Сталина главой правительства. При этом М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов и другие высказывали серьезные опасения и тревогу в связи с наглым провокационным поведением Германии.

12 мая час от часу не легче. В Лондон прилетел на самолете заместитель Гитлера — Гесс*. По линии органов к нам никаких сигналов не поступало, что это за номер, не знаем. ТАСС сообщило, что Гесс тронулся и на этой почве прилетел. Поживем — увидим[71].

14 июня было опубликовано сообщение ТАСС о том, что в Лондоне и другой иностранной печати стали муссироваться слухи, что будет война СССР с Германией, что будто бы Германия предъявила территориальные претензии, а СССР отклонил их. Поэтому Германия стала сосредоточивать войска на границе с СССР с целью нападения, что СССР усиленно готовится к войне.

Эти слухи бессмысленны, говорилось далее. Ответственные круги СССР уполномочили ТАСС заявить, что Германия не предъявляла территориальных претензий к СССР и что если Германия будет соблюдать условия советско-германского пакта, то СССР также будет &t;их&t; соблюдать, что переброска германских войск на границу освободившихся на Балканах, надо полагать, не связана с советско-германскими отношениями, что проводимые летние маневры Красной Армии являются ежегодной проверкой боевой подготовки и их нельзя рассматривать как враждебные действия против Германии.

Как видно из сообщений ТАСС, голиковские и кузнецовские домыслы и дезинформация их в ЦК, я думаю, в значительной степени повлияли на это сообщение ТАСС. В разговоре с Меркуловым я понял, что дело обстоит серьезнее, и в правительстве высказывают тревожные факты.

Война

21 июня днем мне МИДовцы сказали, что они вручили послу СССР в Берлине вербальную ноту с требованием к Германии объяснить концентрацию немецких войск вдоль границ СССР. Но в тот день Деканозов сообщил, что ни Риббентропа (МИД), ни его заместителей «не оказалось в МИДе».

В 21 ч. 30 мин. Молотов вызнал Шуленбурга* (посол Германии) и спросил, почему немцы не отвечают на запрос СССР о стягивании своих войск к нашим границам. Тот ничего не мог сказать.

Вечером мне из Львова доложили, что пограничники задержали немца-фельдфебеля,

который сказал, что 22 июня немцы переходят в наступление на СССР.

Через несколько часов было Политбюро ЦК, куда были вызваны Тимошенко (НКО) и начальник генеральной штаба Жуков. На Политбюро было решено привести в боевую готовность войска Красной Армии, в связи с тем, что «22–23 июня возможно внезапное нападение Германии на СССР».

21 июня, несмотря на то, что в субботу мы уходили немного раньше, на сей раз задержались. Ночью позвонил секретарь наркома и предупредил, чтобы я не уходил, будет нарком и вызов.

В 3 часа 30 минут мне позвонил начальник Львовского УНКГБ и доложил, что на границе беспокойно, немцы открыли огонь по пограничникам. Я приказал уточнить, в чем дело.

Через минут 10 позвонил вновь и говорит, что Перемышль обстреляли немцы и вошли в город. Затем мне позвонили из Бреста и примерно то же сообщили[72].

Я быстро пошел к наркому, а в это время все заместители наркома собрались у Берия, я пошел туда.

Берия объявил, что «немцы напали на СССР, перешли в наступление и продвигаются. Всем быть на местах и следить за обстановкой». Я пришел к себе в кабинет, ко мне зашли заместитель НКВД Круглов* и Аполлонов*.

Настроение ужасное. Мы высказывали различные предположения, чем это кончится, хотя это было только тяжелое начало. С упреком мы говорили о том, как наше радио и печать ежедневно благодумствовало и не предупреждало наш народ о грозящей опасности и, более того, сообщение ТАСС 14 июня от Советского правительства усыпляло народ, что немцы не нападут.

Как горько было за нашу Родину, вспоминая слова Сталина и Ворошилова, что «если враг нападет на СССР, то мы будем бить его на его же территории».

Все эти слова никак не вязались с действительностью. Конечно, элемент внезапности имел большое значение для немцев, но мы-то не должны были благодумствовать.

Я каждые полчаса звонил то во Львов, то в Минск, то в Ленинград, и спрашивал обстановку у начальников УНКГБ или у начальников пограничных войск. От всех получал ответ, что немцы бомбят, занимают города, спрашивали указаний, что делать с секретными документами органов, готовить ли сотрудников к отъезду, вооружать ли их, и чем. Мне было ясно, что немцы начали наступление в трех направлениях: в центре — на Москву, на севере — на Ленинград и на юге Украины.

Ночь прошла без сна. Нарком дважды вызывал и спрашивал обстановку и просил следить. Воскресенье до 12 часов сидел у телефонов, а днем решил проехать по Москве.

Народ ходил встревоженный. Останавливались возле репродукторов, так как по радио передавали обращение правительства к советскому народу.

Лишь утром 22 июня Тимошенко издал приказ, который мне дали прочесть. Приказ гласил о том, чтобы всеми силами Красная Армия обрушилась на врага там, где он нарушил границу, выбить немцев с нашей территории, но границу не переходить! Авиации разведать места сосредоточения авиации противника и его основные группировки и уничтожить, но далее 100–150 км не углубляться. И далее я уже не хочу повторять этот «приказ», из которого я сделал вывод, что Тимошенко не знает обстановки, а вернее, и тут сказались уверенность нашего руководства в том, что это еще не война, а, возможно, недоразумение[73].

Читал оперсводку Генерального Штаба, было видно, что дело обстоит не так. Сообщения радио таковы: «Германские регулярные войска в течение 22 июня вели бои с погранчастями и Красной Армией, имея незначительный успех на отдельных направлениях».

И далее: «Во второй половине дня с подходом полевых частей Красной Армии атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника». И тут, к сожалению, нельзя было сказать правду, так как немцы уже заняли ряд наших городов — Львов, Брест и др., и быстро двигались, шагая по нашей земле.

К концу дня я узнал, что посла Шуленбурга Молотов вызвал в МИД в 5 ч. 30 мин. утра, т. е. когда уже повсеместно велись военные действия, и посол объявил о состоянии войны с СССР.

Членов посольства мы интернировали, выставив охрану...

Мы сразу же, то есть с 21 июня, переселились на жительство в министерство, и больше я дома не был. Семью вместе со всеми отправили в Куйбышев.

Глава 4. «ОСТАЮСЬ ГЛАВНЫМ РЕЗИДЕНТОМ». 1941 год (июнь-декабрь)

27 июня, уже на пятый день войны, Москва перешла на военное положение. Еще накануне нарком госбезопасности Меркулов привел «весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ-УНКГБ» в мобилизационную готовность [74].

Как один из руководителей Лубянского ведомства, Серов в полной мере испытал эту «мобилизацию» на себе. Он неделями не появляется дома, ночуя в кабинете или мотаясь по командировкам.

С первых же дней Серову поручают наиболее сложные, трудновыполнимые, а порой и беспредельные задачи. Неслучайно, когда 20 июля НКГБ и НКВД вновь сливаются в единый наркомат, руководимый Берией (он же — зампред Совнаркома и член ГКО), Серов остается его заместителем.

Зам. наркома Серов руководит войсками и Главным управлением тыла НКВД, налаживая охрану тылов. Он — один из отцов-основателей Центрального штаба партизанского движения, идеолог создания истребительных отрядов.

По указанию ГКО Серов регулярно вылетает из Москвы для выполнения спецзаданий: в Ленинград, на Донбасс, в Куйбышев. Впрочем, в его послужном списке есть и малопривлекательные страницы. Именно Серову была поручена первая в истории войны массовая депортация народов: в августе 1941 — го он руководит выселением в Казахстан немцев Поволжья.

Тем временем линия фронта все ближе подходит к столице. 13 октября, в самый напряженный момент, Серова назначают начальником Охраны НКВД Московской зоны. В его обязанности входит «наведение жесткого порядка на тыловых участках». Теперь он почти постоянно находится на передовой.

В случае сдачи Москвы Серов должен был остаться здесь нелегальным резидентом НКВД. По решению ГКО и лично Сталина, именно он возглавил особую группу («пятерку») для «проведения специальных мероприятий по предприятиям Москвы и Московской области»: организации взрывов и поджогов более 1,1 тысячи столичных предприятий, которые не должны были достаться врагу.

Как видно, Сталин доверял Серову и считал его человеком эффективным (неэффективным столько задач не поручают; едут на том, кто везет). В записях упоминается о семи его встречах со Сталиным с июня по декабрь 1941 года. Далеко не всякий маршал или нарком мог похвастаться таким вниманием со стороны вождя.

Впрочем, у этого внимания имелась и обратная сторона: достаточно было хоть раз сплеховать, чтобы впасть в немилость...

Как говаривал сам Сталин, «у чекиста есть только два пути — на выдвижение или в тюрьму» [75].

«Настроение ужасное...»

22 июня днем В. М. Молотов выступил по радио от Советского правительства с призывом к народу отстоять Родину от злодейского нападения фашистских захватчиков...

Мне это все понравилось, все сказано хорошо и правильно.

Затем были объявлены указы Президиума Верховного Совета СССР о военном положении в стране и о мобилизации родившихся с 1905 по 1918 год.

В тот же день Италия объявила войну СССР. В общем, «нежданно» на нас обрушилась беда, я нарочно сказал в кавычках «нежданно», так как мне в глаза так и лезли эти противные лица немцев-летчиков, которых я в марте 1941 года в Киеве допрашивал, когда их задержали в районе Луцка после вынужденной посадки...

И вот теперь эти подлецы на нас напали, а мы поверили в договор о дружбе.

Настроение ужасное, особенно когда приходится встречаться с этими деятелями, как Кобулов, Абакумов, так тошно становится. Они только бродят по кабинетам от одного к другому, охают и не знают, чем заняться.

Мне кажется, что если бы их прямо коснулось дело — организовать оборону или встать грудью на защиту Родины, так они разбежались бы, как крысы с тонущего корабля.

Я не выдержал такой обстановки и позвонил Щаденко Е. А. и сказал, что при первой возможности прошу доложить хозяину мою просьбу отправить на любую должность в действующую армию. Щаденко подумал и ответил, что он кадрами НКГБ не распоряжается. Лучше об этом сказать при случае самому.

В тот же день об этом желании я сказал и Меркулову, который сказал, что не советует обращаться к т. Сталину по этому вопросу, так как он сочтет, что ты уходишь от трудностей, которые предстоят органам госбезопасности во время войны. Я на это ему сказал: «На фронте все-таки трудней, чем в органах».

Вижу, что никто не хочет этим заниматься. Придется самому сказать. Позвал адъютанта и приказал выписать со склада ящик гранат, маузер и патронов и в тот же день выехал по шоссе Энтузиастов за поселок, где жил, будучи слушателем Академии, и в ближайшем лесу занялся тренировкой в стрельбе и метанием гранат. Гранаты бросал в ручей, чтобы не так сильны были взрывы.

Затем вызвал начальника Московского УНКГБ[76] и начальников отделов и дал задание выяснить и доложить, какими силами вместе с НКВД и войсками мы в Москве располагаем,

сколько и какого имеем оружия, что надо, чтобы всех вооружить, если потребуется...

А события развивались с головокружительной быстротой. Вторжение немцев для большинства нашего народа явилось полной неожиданностью.

Внезапность нападения немцев поставила в тяжелое положение наши войска, расположенные на западных границах. Они, несмотря на самоотверженное сопротивление, не были обстреляны и не подготовлены к ведению войны в условиях окружения и произошедшего замешательства, вызванного внезапным нападением. Многие части Красной Армии сражались до последнего патрона, но организованного сопротивления крупными силами не было.

Поползли всякие слухи среди населения: «отступают», «окружают» и т. д. Естественно, у народа, и особенно у обывателей, в течение нескольких дней отступления наших войск, которые сдали ряд крупных городов, появилось чувство неуверенности, нервозности, а иногда и панические слухи и разговоры.

В связи с этим перед командованием фронтами и армий встал вопрос об охране тылов войск, так как немцы нередко прорывались с флангов или тыла и там наводили панику, причиняя вред подвозу боеприпасов и продовольствия. Кроме того, они в тылы засылали предателей из числа советских граждан, которые проводили диверсионные акты и распространяли всякие слухи о взятии городов, о неизбежности поражения нашей Армии и о прелестях жизни у немцев.

В связи с этим 26 июня 1941 года было организовано Главное Управление по охране тыла Красной Армии из войск и органов НКВД, начальником назначен генерал-лейтенант Леонтьев*[77], а мне было приказано руководить войсками и Главным Управлением тыла Красной Армии...[78]

30 июня был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, Маленковым и Берия. ГКО был облечен большими полномочиями. Все исходило от ГКО. Вроде коллегиальный Совет обороны.

Действительно, решения принимались весьма оперативно.

Немецкие диверсанты штурмуют Лубянку

22 июля произошел неприятный случай в Москве. Рано утром, уже начало светать, я спустился в приемную наркомата, которая выходила на площадь Дзержинского. Перед этим мне позвонили из штаба ПВО о том, что в воздухе в районе Москвы болтается немецкий самолет, предположительно Юнкерс-88 (Ю-88).

Когда я пришел в приемную, там уже были паникеры Абакумов, Кобулов, Мамулов и др. Вместе со мной вошел Чернышев В. В. — военный человек, заместитель НКВД.

Вдруг раздались выстрелы из пушек. Мы подскочили к окну. Через несколько секунд в воздухе появились разрывы шрапнели. Все закричали: «Парашютисты!» Оказалось, что психоз и до нас дошел.

Я говорю, что это разрывы шрапнели. Со мной с пеной у рта стали спорить, что это парашютисты. Я разозлился и, обращаясь к Чернышеву, говорю: «Ты, Василий Васильевич, военный человек, узнаешь, что это разрыв шрапнели». Он поколебался и сказал: «Да, это скорей всего шрапнель».

Так продолжалось минут 40, а дальше начали поступать «донесения» из разных районов Москвы о выброске немецких парашютистов — из Химок, из Сокольников, из Мытищ и т. д. Часа два шли «сообщения».

Дошло это и до Ставки Верховного Командования, которая запросила ПВО Москвы, генерала Громадина* и Журавлева*. Там растерялись, заявив, что, мол, ошиблись.

Сталин разозлился и назначил комиссию, Маленкова, Берию и меня прихватили. Приехали на ул. Кирова, где был штаб ПВО. Пока начальники докладывали комиссии об этом недоразумении, я спросил у нескольких офицеров, как могла случиться такая ошибка.

Ну, они рассказали, что, когда сообщили о Ю-88, штаб ПВО скомандовал авиаполку послать три истребителя против Ю-88. Когда истребители поднялись, зенитчики, не имея опыта в распознавании самолетов, открыли по нашим самолетам зенитный огонь шрапнелью. Ну, и началась пальба, а затем и паника с «парашютистами».

Примерно то же и узнала комиссия из доклада начальников. Но многие из генералов наркомата обороны всю эту ложную тревогу приняли на веру, да к тому же, как мне потом сказали из наркомата обороны, решили не снижать бдительность войск и не говорить, что это была ложная тревога и пальба.

Слезы маршала Мерецкова

В начале августа ко мне зашел сотрудник следственного управления для согласования по одному вопросу. Расспрашивая, как идут дела в следственном управлении (которое было подчинено Кобулову), он мне сказал, что там ведут дело по группе военных, которых обвиняют в шпионаже, и Влодзимирский* (начальник следственного управления) бьет подследственных. Другие следователи тоже зачастую руку прикладывают.

Я после этого разговора сразу пошел к наркому Меркулову и рассказал об этом. Он выслушал, как всегда промолчал, а потом посмотрел на меня и говорит: «А тебе не приходилось бить врагов на Украине?»

Я ему ответил: «Если бы нарком стал бить, то это делали бы сотрудники». Он на это мне заметил: «До тебя там крепко били». Я ответил, что это битие кончилось тем, что бывший нарком Успенский сбежал, его поймали и расстреляли. Меркулов замолчал[79].

И знал, что Меркулов до 1938 года работал в Грузии на партийной работе в ЦК, поэтому я решил еще добавить и сказал: «Я не думаю, что бывший начальник Генштаба Красной Армии Мерецков мог быть японским или немецким шпионом, чего от него добивается Влодзимирский».

Меркулов строго на меня посмотрел и говорит: «Откуда тебе это известно?» Я понял, что этот вопрос был задан мне ввиду того, что, когда организовали НКГБ СССР, Меркулов в беседе с руководящими работниками сказал, что каждый должен в совершенстве знать дела на своем участке и не проявлять любопытства в делах других управлений.

Я, в свою очередь, тоже после такого вопроса вскипел и говорю, что «Я решением Политбюро ЦК ВКП(б) назначен первым заместителем наркома Госбезопасности и полагаю, что мне могут сотрудники докладывать о положении дел в других управлениях, а я в свою очередь обязан высказывать свое мнение наркому».

Меркулов улыбнулся и говорит: «Все это правильно ты говоришь. Я согласен, что надо

разобраться с этим запутанным делом. Давай завтра пойдем в следственное управление и вместе допросим Мерецкова».

Я про себя подумал, что если это он искренне сказал, то для первого раза такая пикировка по принципиальному вопросу неплохая. И затем я ему добавил:

«Мерецков в армии известен как хороший военный начальник. Старый коммунист с 1917 года, был начальником штаба ОКДВД в 1936 году. Был в Испании в 1937 году. Командовал Армией на финском фронте в 1940 году и получил звание Героя Советского Союза. Был заместителем наркома обороны СССР и начальником Генштаба до февраля 1941 года. И ни с какой стороны он не получается ни японским, ни немецким шпионом».

Он чуть улыбнулся, но ничего не сказал.

На следующий день утром он мне позвонил: «Зайди». Когда я зашел, у него сидел Кобулов, и мы вдвоем пошли в следственное управление.

Когда пришли в кабинет к Влодзимирскому, то там был генерал Мерецков, похудевший, с измученным видом, и следователь, который вел его дело, и Влодзимирский. Когда мы сели, Меркулов, обратившись к Мерецкову, сказал: «Ну, расскажите о своей вине».

Мерецков, почувствовав, что допрос будет вести не Влодзимирский, как-то воспрянул и начал говорить, что все то, что он сказал на предыдущих допросах, было не так, и что-то еще хотел оказать, как Влодзимирский зло посмотрел на него и говорит: «Мерецков, говорите правду, то, что мне вчера говорили».

Мерецков смутился и залепетал: «Да-да, я все скажу». На следующий вопрос Меркулова: «А все, что говорили ранее, это правда или нет?» Мерецков опять начал было что-то говорить, но Кобулов уже перебил его, требуя признания своей вины в участии антисоветской группы вместе с Блюхером и другими.

Я больше уже не мог выдержать такого «допроса» и, взяв со стола бумажку, написал: «Я прошу прекратить эту комедию» и незаметно сунул Меркулову, который так же незаметно прочел, скомкал и говорит: «Ну, ладно, мы вас, Мерецков, вызовем к себе». На этом «допрос» окончился, и мы вышли.

Кобулов в коридоре, выпучив глаза, спросил у Меркулова: «Сева, в чем дело?» (они по-старому друг друга называли по имени). Меркулов, указав на меня, сказал: «Вот т. Серов не согласен с показаниями Мерецкова». Кобулов глянул зло на меня, а я спокойно ему ответил: «Конечно».

Когда мы пришли в кабинет Меркулова, он позвонил Влодзимирскому и приказал привести Мерецкова к нему. Кобулов сидел злой, на меня не смотрел и грыз папиросу.

Я сказал Меркулову, что лучше допросить Мерецкова без Влодзимирского, так как он бил, и Мерецков его боится, что за это еще будет хуже, и не скажет правду, а подтвердит записанное в протоколах. Меркулов согласился. Кобулов начал возражать.

Через 10 минут секретарь Милова доложила, что арестованный приведен. Меркулов сказал: «Давайте сюда!» Открывается дверь, и Мерецкова держа за руку, входит Влодзимирский. Меркулов показал на стул Мерецкову, а Влодзимирскому сказал: «Вы пока будьте в приемной». Тот удивленно посмотрел на своего шефа Кобулова, который опустил глаза.

Когда ушел Влодзимирский, Меркулов, обратившись к Мерецкову, сказал: «Ну, рассказывайте, Мерецков».

Мерецков сразу почувствовал непринужденную обстановку и, увидев, что Влодзимирского

удалили из кабинета, начал говорить и сказал примерно следующее:

«Гражданин народный комиссар, меня били следователи, и я наговорил на себя всяких глупостей, все это неправда. Ничего я не сделал плохого ни против Родины, ни против Сталина. Я — русский человек, сам родился вот здесь, под Москвой. Сейчас идет война, пошлите меня на фронт рядовым бойцом, и я буду сражаться за Родину. Лучше умереть в бою с врагом, защищая Москву, чем тут меня убьют. Прошу доложить т. Сталину мою просьбу».

Под конец его слов слезы появились на глазах. Мы сидели молча. Кобулов тоже молчал. Затем Меркулов сказал Мерецкову: «Идите, доложим».

Когда мы остались одни, Кобулов пытался доказывать, что Мерецков выкручивается и т. д. Я не стерпел и резко ему сказал: «Надо доложить в ЦК, а там решат»[80]...

Через час Меркулов позвонил мне и сказал: «Зайди, прочти записку в ЦК». Когда я пришел, Кобулов был там.

Меркулов протянул отпечатанную записку в ЦК ВКП(б) т. Сталину, в ней было коротко указано, что допрошенный подследственный Мерецков заявил, что ранее данные показания не соответствуют действительности, что он оговорил себя, что он не является врагом Советской власти и просит отправить его на фронт. Я согласился с текстом, и записка пошла.

Около 12 часов ночи Меркулова вызвали к т. Сталину с Мерецковым в Кремль. Там Сталин и другие члены ГОКО любезно встретили Мерецкова, немного поговорили с ним, и Сталин спросил, как он смотрит, если его послать представителем Ставки Верховного Главнокомандующего на Северо-Западный фронт (Волховский), с которым он знаком по финской войне. Мерецков согласился и тут же был освобожден.

В час ночи Меркулов вызвал нас с Кобуловым и сообщил об этом. Кобулову добавил, что надо все документы — орден, книжку и т. д. — к 7 часам утра вернуть Мерецкову.

Кобулов позеленел от злости и сказал, что все это уже отправлено в Куйбышев. На это Меркулов ему сказал, что надо поехать в Президиум Верховного Совета и все документы оформить. Как я потом узнал, Кобулов всю ночь ездил по этим делам, и к 7 часам сдали Мерецкову, который днем уехал на фронт.

Я выше упомянул: «Все отправлено в Куйбышев». Дело обстояло так, что примерно в конце августа, когда обстановка на Смоленском направлении стала опасной, по органам Госбезопасности, да и по другим наркоматам была дана команда архивы, ценные бумаги и ценности Кремля, алмазный фонд и золото отправить в Куйбышев, где по линии НКГБ и НКВД сидел наш представитель заместитель наркома НКВД Обручников*[81].

Бомбардировки Берлина

В августе 1941 года я неожиданно получил решение Политбюро ЦК о назначении меня членом Военного совета Военно-Воздушных сил Красной Армии. Как всегда, со мной никто не говорил и не спросил, понимаю ли я в авиации[82].

Через час мне позвонил Булганин*, он тогда был председателем Госбанка СССР, и спрашивает: «Получил решение?» Я говорю: «Получил». «Я тоже получил. Ну, так давай поедем».

Я ему говорю: «А что мы там будем делать?» «Хозяину виднее». Я тогда сказал: «Ты поезжай один, выясни обстановку и мне расскажешь». — «Ну, ладно».

К концу дня звонит Булганин и говорит: «Я там отвоевал два кабинета нам с тобой, и будет общий секретарь. Давай поедem». Ну, условились поехать вечером.

Когда приехал командующий ВВС П. Ф. Жигарев*, знакомый мне товарищ, поговорили все вместе, а затем он созвонился с Верховным, и вечером поехали — весь Военный Совет — на прием к Сталину[83].

Сталин, поздоровавшись, сказал Жигареву, что: «Решили усилить ВС ВВС, поэтому ввели туда Булганина и Серова, они вам помогут». Потом, после небольшой паузы, говорит: «Немцы на Москву налетают и сбрасывают бомбы. А мы разве не можем бомбить Берлин?», и посмотрел на Жигарева.

Павел Федорович в этом смысле перед Сталиным был трусоват. Он, улыбнувшись, сказал: «Можем». — «Ну так вот, — уже глядя на всех, — и организуйте мощный налет на Берлин, пусть и они почувствуют это. Подготовьте и доложите». Попрощавшись, мы ушли.

В кабинете у Жигарева начали прикидывать, сколько у нас есть самолетов-бомбардировщиков ДБ-3 и смогут ли они без заправки долететь до Берлина и обратно. Оказалось, не так-то много. Да к тому же надо из дальних аэродромов подсаживать ближе, чтобы хватило бензину вернуться.

Подсчитали, что около 50 самолетов мы можем послать на Берлин с аэродромов: Детское село, около Горького, и еще 2–3 пункта. ДБ-3 это тихоходная невысокая машина со скоростью при бомбовой нагрузке 370 км/ч с высотой до 3–4 км.

В то время как немецкие Ю-88 ходили со скоростью 580 км/ч при высоте до 5 тысяч метров. Сравнение не в нашу пользу. Ну что, приказ Верховного есть приказ. Распределили, кто за что отвечает, наметили срок готовности и начали нажимать. Я на себя взял задачу бесперебойной связи по ВЧ, так как с первых дней войны отдел ВЧ связи подчинился мне, и гидрометеослужбу ВВС.

Когда стянули самолеты в нужных аэродромах, под великим секретом, для какой цели, доложили Сталину и получили команду бомбить Берлин.

Всю ночь мы не спали. С бортов самолетов передавали: «Прошли Минск, Варшаву — обстрела не было», «Подходим к Кенигсбергу — незначительный, а затем сильный зенитный огонь», «Подходим к Берлину, над городом масса прожекторов, заходим на бомбежку». Мы сидели и с удовлетворением слушали.

А затем и началось. Ведущий стал доносить: «Открыт сильный зенитный огонь», самолет загорелся, один, другой, связь прекратилась. Одиночки сообщали, что идут обратно, под Кенигсбергом опять огонь. Некоторые успели передать, что преследуют «Мессершмитты». Настроение у нас снизилось.

К утру, когда подсчитали вернувшихся, то оказалось — хоть плачь. В Детском селе сели 7 самолетов, до Горького ни один не дотянул, и кое-где на попутных аэродромах село несколько самолетов. В общем, результат плачевный.

Наша дальняя авиация оказалась слабой, да кроме того оказалось, что вдоль Балтики наши зенитные батареи и корабли били по своим[84].

Но надо было докладывать Сталину. К вечеру собрались с духом и доложили.

Сталин замолчал (по телефону) и сказал: «Сегодня вечером я вас вызову, а с собой

приведите ко мне одного из командиров полка дальней авиации», и повесил трубку Жигарев остановился на подполковнике Голованове* (командир авиаполка).

Когда вечером Поскребышев позвонил, мы пошли все, так как Жигарев боялся идти один. Когда вошли, я в приемной увидел здорового, чуть не 2 метра, подполковника-авиатора.

Вошли в кабинет, Сталин сурово поздоровался и не стал слушать «итоги» бомбежки Берлина, Жигарев представил Голованова. Сталин, сразу обратившись к Голованову, спросил: «А что нужно для того, чтобы защитить наших бомбардировщиков от истребителей немцев?»

Подполковник, не смущаясь, довольно смело, если не сказать большего, ответил: «Товарищ Сталин, прикройте полк звеном истребителей, и у меня не будет потерь».

Сталин, обращаясь к нам: «Видите, правильно говорит т. Голованов. Надо это сделать. Вы продумайте это все организационно и доложите ГОКО». А потом добавил: «Может быть, дальнюю авиацию надо отдельно создать?» На этом мы разошлись.

Потом Жигарев говорил Голованову, что надо было сказать, что: «У бомбардировщиков высоты мало. А главное, как истребители будут сопровождать твои самолеты, если у них заправка на 45 минут, а твои дуры летают 7–8 часов?» Голованов замолчал.

На этом эпопея с бомбежкой Берлина кончилась. В дальнейшем посылали группы по 5–6 самолетов, и все.

Правда, Сталин подписал приказ и объявил благодарность летчикам. А с Головановым эпопея только что началась.

Как рассказал Жигарев П. Ф., Сталин через некоторое время вернулся к вопросу выделения дальней авиации и вспомнил высокого подполковника. Вызвал и поручил продумать выделение дальней авиации из ВВС в самостоятельное соединение. Затем Голованов получил сразу генерал-майора и был назначен начальником управления дальней авиации. Затем он добился выделения его из ВВС[85].

Я хочу сказать несколько о характере Сталина. Сталин, в основном, конечно, не любил возражений в вопросах, о которых он уже сложил определенное мнение, в этом ему всячески помогали его помощники — члены Политбюро. Вместо того чтобы по-деловому оценить возникший вопрос, они старались поддакивать, тем самым укрепляя его мнение, иногда и неправильное.

При этом, кто более активно поддакивал, тот считался самым ему преданным, вот они и старались друг перед другом. Молотов и Ворошилов не раз попадали в неприятное положение, когда смели возразить ему, и он по несколько дней их не вызывал на всякие совещания. Мне это не раз приходилось наблюдать.

Но все-таки было бы неверным говорить, что нельзя Сталину возразить, но потом сам не раз убеждался, нужно было умело выбрать форму несогласия, вроде того: «Может быть, т. Сталин, лучше вот так-то сделать, с тем чтобы обеспечить выполнение вашего решения». И он соглашался, если предлагалось разумное решение.

Он очень тщательно прислушивался и знал авиационную технику, и хорошо помнил всякие новинки, которые предлагали, и сам вспоминал, сделали их или нет. Он не терпел вранье и невыполненных обещаний, и если видел, что человек в угоду приукрашивает обстановку на фронте или в войсках, то он не слушал и прекращал разговор словами «Всего хорошего!», а в ряде случаев строго обрывал собеседника.

Уже в первые месяцы войны ряд генералов был снят с должностей за неправильные

донесения об обстановке или за хвастливые донесения о занятии крупных населенных пунктов, которые не были заняты (Иванов* С. П. — начальник штаба фронта)[86] и др.

Бывая у Сталина, я всегда был начеку, так как не раз замечал, что придешь к нему по одному вопросу, а разговор сразу может переключиться на другую тему, порой и не совсем знакомую тебе.

Об этом мне говорили и военные, которые чаще бывали у него, — Антонов, Василевский*, Жуков, Булганин и др.

Далее меня удивляло, что Сталин иной раз вникал даже в мелкие вопросы, казалось бы, и несущественные. Во время приема военных он спрашивал всякие детали, которых иные генералы не знали. В таких случаях он оставался недовольным и редко вторично вызывал такого генерала.

У генштабистов он тщательно рассматривал карты, изучая обстановку. Если кого-либо вызывал нового, то тем более был с ним вежлив.

Зато на своих (членов Политбюро) я не раз слышал, как прикрикивал или молча, по адресу членов Политбюро, махал рукой, что означало «Замолчи!», он сам наблюдал за людьми. И если разумный человек ему понравился, он мог его вызвать еще или даже продвинуть.

Три дня в блокадном Ленинграде

В первых числах сентября после занятия немцами Таллина, Луги и других городов поблизости от Ленинграда, положение с окружением Ленинграда стало угрожающим.

Военные, которые там были, рассказывали, что командование Ленинградского фронта принимает всяческие меры к усилению обороны рубежей, к мобилизации отрядов ополченцев из числа жителей, студентов вузов допризывного возраста и т. д., но дело обстояло плохо. Там Главком Ленинградским фронтом был К. Е. Ворошилов, члены ВС — Кузнецов, Жданов и др.

Пятого или шестого сентября меня вызвал член ГОКО Маленков и сказал, чтобы я летел в Ленинград, ознакомился там с обстановкой и, вернувшись, доложил ему.

Я попытался узнать подробно мою миссию, но так и не добился ничего. Послал ли он меня по военной линии выяснить или по органам, но я решил, что надо познакомиться и по той, и по другой. Срок дал три дня.

Я вылетел перед наступлением темноты на бреющем полете и убедительно просил ВВС предупредить по трассе, чтобы меня не сбили свои, а от немцев я уже спрячусь. Полет был трудный, под конец ничего не видно, и в Ленинграде мы едва сели и не скапотировали.

Город был действительно на военном положении. Народ ходит вооруженный, я имею в виду стариков и подростков, а также женщин-регулирующих и др.

На улицах вечером темно, кое-где горят костры, на которых готовят кушать. В общем, картина тяжелая. В Ленинграде я учился и кончал военную школу в 1925–1928 годах и хорошо знаю этот город.

С начальником УНКВД Кубаткиным* мы долго сидели и обо всем говорили, а рано утром мы выехали на оборонительные рубежи. Только проехали б. Путиловский завод в сторону

Пулковских высот, там уже проходили две оборонительные линии.

Походили по окопам, посмотрели пулеметные точки, доты и другие укрепления, и у меня как-то появилось чувство неуверенности, что эти малочисленные войска, ополчение, плохо обученное, смогу т удержать подлого фашиста, вооруженного до зубов и одетого в броню.

Может быть, мы попадали на такие места, где было слабее, но не чувствовалось твердого порядка и военной требовательности. Это я говорю, учитывая, что все бойцы и командиры молодые, но мне не понравился и боевой дух, судя по их разговорам. Были мы и в других направлениях, картина тяжелая.

Встретился с К. Е. Ворошиловым и Ждановым А. А., я им это сказал все, но, зная мягкий характер того и другого, я так и думал, что они начнут мне объяснять все это объективными причинами. В общем, за эти три дня, что я был в Ленинграде, мое мнение не улучшилось, с тем я и улетел.

Докладывая Маленкову, я рассказал все это и высказал мнение, что Ворошилов и Жданов искренне стараются сделать все, чтобы удержать Ленинград. Маленков слушал, не перебивая меня, задавал редкие вопросы, но своего впечатления о моем докладе так и не сказал. Я попрощался и ушел.

Через несколько дней положение Ленинграда еще более ухудшилось, и туда был послан генерал армии Жуков Г. К. Я уверен, что не по моей информации эта замена произошла, но думаю, что польза от этого будет большой[87].

Подготовка к сдаче Москвы

В конце сентября вышло постановление ГОКО «совершенно секретно», о том, чтобы заминировать все наиболее важные объекты г, Москвы — гостиницы, театры и т. д. Была создана руководящая тройка: председатель, второй секретарь МГК Попов* Г. М., нарком Госбезопасности Меркулов и первый заместитель НКВД Серов[88].

Пришлось много поработать, так как завезти взрывчатку и заложить — это еще полдела. А вот подвести шнуры, да приготовить запасы так, чтобы не сработало, когда не надо, — вот это целое дело, большое и страшное.

Вместе с саперами несколько дней только этим и занимались, проверили каждую точку, а главное — людей, которые этим занимались, так как под некоторые объекты, как, например, гостиница «Москва», были заложены тонны взрывчатки. Но все сделали, как надо...

Вчера нарком Госбезопасности Меркулов вызвал меня и объявил решение ЦК о том, что я на случай сдачи Москвы назначаюсь главным резидентом и остаюсь на нелегальном положении в Москве[89]. При этом начальство спросило меня, какое прикрытие себе выберу.

Я подумал и решил, что у меня, кроме военной и чекистской, профессий не имеется, а автомашину умею водить с 1932 года, когда в артполк пришла техника и Н. Д. Яковлев (командир полка) приказал всем командирам овладеть вождением тракторов, грузовых и легковых машин. И с тех пор вожу машину сам. Приказал выписать мне удостоверение водителя II класса. Как мне потом сказал Игнатошвили* (правильно: Игнаташвили (Эгнаташвили, Егнаташвили)). —

Прим. ред .), мою фамилию главным резидентом назвал Сталин, так как я в Москве всего 4 месяца и меня никто не знает...

Я твердо решил, что из Москвы я никуда не пойду. Обоснуюсь где-нибудь в районе области, скажем, водителем грузовика, отращу бороду, заранее подберу себе наиболее партийных и преданных Родине товарищей, и будем мы устраивать сюрпризы немцам. Я думал, если Денис Давыдов в 1812 году мог все это делать, так сейчас возможностей больше.

Я уже сколотил взвод толковых младших командиров, которых частенько брал с собой в поездках на фронт присматривался к каждому, знал многих по фамилиям, и эти 30 бойцов могли бы стать основой нашей «работы».

Офицеры у меня на примете тоже были хорошие. Тужлов* мне в этом мог бы очень хорошо помочь. Смелый, решительный и честный русский человек, пограничник. Я заготовил себе водительские права и паспорт, ну а к этому и шоферское обмундирование. Оружие лежало в определенном месте, которое знали только два человека. Одним словом, я был готов...

В Москве в НКВД и НКГБ стали появляться безработные начальники областных управлений органов областей, занятых немцами. Мы посоветовались и пришли к выводу, что чекистов и работников НКВД можно использовать в областях и районах, которым угрожает враг, для борьбы с немецкими захватчиками и их пособниками, а также из чекистов можно было организовать партизанские отряды.

Наша мысль была одобрена, и вышел приказ НКГБ и НКВД о создании штаба истребительных батальонов и партизанских отрядов в областях по борьбе с диверсантами, шпионами и другими враждебными элементами. Меня назначили начальником Центрального Штаба истребительных батальонов НКВД СССР[90].

В тот период распространялись различные нелепые провокационные слухи о выброске немецких десантов и т. д. Причем находились «очевидцы». Вот истребительным батальонам и поручено было разбираться с этими делами и арестовывать действительно выявленных диверсантов и шпионов. Потом к этому штабу истребительных батальонов мы стали подключать организацию партизанских отрядов, возглавляемых работниками НКВД.

В общем, дел было по горло, да если учесть, что через каждую неделю меня куда-нибудь посылали по областям, где дела шли тяжело, а немцы заседали.

Коньяк для Черчилля

Забыл описать свой полет в Куйбышев для встречи Черчилля.

В середине августа (1941 года) позвонили из Кремля и сообщили, что вызывает т. Сталин. Явился.

Сталин сказал, что: «Из Сирии в Москву летит Черчилль. Его надо в Куйбышеве вместе с Вышинским* встретить на аэродроме. Хорошо угостить и отправить в Москву. Он любит коньяк. Вылетайте немедленно!» Через два часа полетели.

Кстати сказать, в 1942 году, когда я летел в Куйбышев со Сталиным* В. И., с самолетом произошла неприятность (Ли-2). Когда дошли до Волги, один двигатель задымил. Летчик принял все меры к тушению, не помогает. Один мотор остановился и загорелся. Остался до города десяток километров. Я летчику говорю идти на снижение и сразу на посадку без захода. По авиационным законам это означает — самолет в опасности.

Пока снижались, на одном моторе еще кое-как летели. Как только над аэродромом надо было идти без снижения на посадку, самолет, как камень, пошел книзу. Кое-как сели, пока бежали

метров 50, и второй мотор встал. (Вот если бы в воздухе!)

К нам сразу подъехали пожарная и санитарная машины, в расчете на то, что будет катастрофа.

Сейчас все прошло благополучно. Мы сели в машину и поехали в город. Там все приготовил к завтрашнему дню, а затем поехал к семье.

Вечером ко мне явился начальник особого отдела с начальником УНКВД Блиновым*, и просили доложить одно дело. Оказывается, придется иметь дело с Леонидом Хрущевым, который содержится в тюрьме за убийство.

Оказалось, что он находился в госпитале на излечении после ранения. Подлечившись, напился пьяный и в номере гостиницы заспорил с одним евреем, тоже пьяным, что он летчик, прекрасно стреляет. Еврей начал возражать.

Леонид говорит: «Давай, ставь на голову стакан, я отойду к другой стене и попаду в стакан». Еврей встал у двери со стаканом на голове. Леонид отошел к стене и выстрелил. Пуля прошла на несколько сантиметров ниже стакана. Стакан и еврей с пробитой головой упали.

Особисты спрашивают: «Как быть?» Мне было жалко Хрущева, который находился на Сталинградском фронте, а сын спяна отколол такой номер.

По тем законам допускалось за такое преступление осудить на условный срок с отправкой на передовые позиции. Я посоветовал им вместе с прокурором принять такое решение. Леонид был отправлен на фронт, где честно воевал, а затем в бою погиб. Это небольшое отклонение [91].

Наутро мы с Вышинским поехали на аэродром и стали тренировать почетный караул, оркестр (гимн Великобритании) и т. д.

Около часу дня в воздухе появился четырехмоторный самолет, но шел, не снижаясь. Мы выложили посадочный знак. Самолет с высоты 3 км покачал крыльями (привет!) и пошел на Москву. Радист с борта передал: «Бензина хватит до Москвы».

Мы позвонили в Москву, а сами поехали на дачу, где была приготовлена встреча и обед. Там был накрыт стол на 20 человек, а нас двое. Ну, мы не растерялись, позвали членов семей руководящих работников ЦК партии, которые жили по соседству и хорошо покушали.

Кстати, моя семья тоже была там. Светланка, к сожалению, болела. Ей было всего два годика. Жалко. Жили они, скучали и о положении на фронтах знали лишь по газетам и радио. Вовка[92] сообщал мне сводки «Совинформбюро».

Как я потом узнал, Черчилль привез плохое известие, что союзники в 1942 году не могут открыть второй фронт[93].

Взорвать шахты Донбасса

В середине октября немцы предприняли активные наступательные действия на широком фронте, особенно продвигаясь на Москву и на Донбасс.

15 октября меня вызвали в Ставку, и Сталин, прохаживаясь по кабинету, обратился ко мне и сказал, что:

«Немцы рвутся на Украину, чтобы лишить нас донецкого угля. Надо этого не допустить и не дать немцам пользоваться углем. Вам надо полететь гуда и взорвать все водохранилища Донбасса, с тем чтобы затопить шахты. Свяжитесь на месте с секретарем обкома Ворошиловградского и Сталинского, и вместе организуйте эту работу. Надо это сделать срочно, в два-три дня»[94].

Я сказал, что постараюсь, и ушел. Сразу же заказал самолет и через час вылетел в Харьков, так как летчики сказали, что в Харькове выясним обстановку, можно ли лететь дальше к Донбассу.

Когда подлетали к Харькову, командир самолета Танькин* доложил мне, что с аэродрома передали, что запрещают посадку, так как немцы бомбят город и аэродром.

Тогда я ему сказал: «Давай, походим на малой высоте около города, но не над населенными пунктами, чтобы нас свои не сбили». И там мы, наблюдая, как рвутся авиабомбы, сбрасываемые немцами, крутились часа полтора.

Затем начали запрашивать у диспетчера разрешения на посадку но ответа не последовало, связь прекратилась. Горючее на исходе. Я приказал садиться без разрешения, предварительно выбрав полосу чтобы не было воронок.

Сели благополучно. Подрулили к зданию аэродрома, к нам навстречу вышел военный летчик, с растерянным видом, не спросил, кто, зачем прилетели. Я сказал Танькину заправиться и ждать моей команды.

Созвонившись с начальником Харьковского УНКГБ, он мне сказал, что в городе неприятная обстановка, жители начали убегать, железнодорожная станция «Основа» разбита и т. д. Я сказал, чтобы он приехал ко мне.

Затем мы с ним, посоветовавшись, решили, что ночью лететь в Сталино нельзя, поэтому поехали на ж/д станцию «Основа» с тем, чтобы оттуда, возможно, паровозом доеду в Сталино, а самолет перегнать утром в Ворошиловград[95].

На станции много было разбитых вагонов, и, как на счастье, стоявшие два эшелона с боеприпасами, которые шли на фронт, не пострадали. Загоревшиеся на соседней линии вагоны быстро растащили, и взрывов не было. Много было убитых, буквально приходилось перешагивать через тела и оторванные руки и ноги.

Железнодорожной администрации мы не нашли. Видимо, разбежались. Один молодой парень сидел у телефона и кричал, что принять поезда не может, пока не разберут станцию. В разговоре со мной он совершенно безразлично на все отвечал. Я ему сказал, что: «Давай проверим линию на Сталино, если можно выбраться, то найди машиниста и отправь эшелон». Через пару часов собрали поезд и обходным путем или, как здесь говорят, обходкой, прибыли в Сталино.

Ночью спать не удалось, так как не только вагоны были забиты людьми, так и на крышах сидели и лежали солдаты, потерявшие свои части, и гражданские призывники, направленные военкоматом в Сталино.

Утром я кое-как добрался до обкома партии. Там уже из секретарей никого не было. Спрашиваю: «Где?» «Эвакуировали». — «Куда?» Пожимают плечами. Нашел одного заведующего орготделом, собрали еще человек пять и стали совещаться, как все провести.

Когда распределили, кто, куда должен ехать и что там провести, я решил проверить, кто как уяснил свою задачу. Спросил одного, он что-то невнятно пролепетал, видно, что не об этом думает. Другой тоже отсутствующим тоном начал говорить, а затем закончил тем, что семья

не собралась, надо ее отправлять.

Я вижу, что дело плохо, и давай снова инструктировать, и уже более решительным образом, указав, что: «Будете отвечать за выполнение перед ЦК Партии». Только закончил, как в кабинет ворвался мужчина и истошным голосом вскричал: «Товарищи, немцы к нам в райцентр ворвались, я еле успел вырваться».

Я пытался утихомирить всех, так как поднялся переполох, все вскочили и меня уже не слушали, и начали выбегать из кабинета. Остались мы вдвоем с заведующим отделом.

Я уже видел, что надо принимать другие меры. Затем мы уже стали обзванивать основные шахты, чтобы начальники шахт организовали эту работу, те обещали, но проверить, сделали ли, не удалось.

Затем я поехал в УНКГБ, там провел короткое разъяснение и разослал, кого можно было, на места. Паника охватила также и органы, хотя начальник УНКГБ[96] был на месте, но задавал больше вопросы, куда эвакуировать архивы, следственные дела и т. д. Я потребовал, прежде всего, выполнить задание по взрывам водохранилищ перед тем, как войскам отходить, и выехал в Ворошиловград. Там уже были мои летчики.

В Ворошиловграде было несколько поспокойнее, но тоже уже все ходили с оружием. Тут я уже более обстоятельно проинструктировал и послал на места, сказав, что: «Завтра приеду на место и думаю, что шахты будут затоплены, и немцам не дадим добывать уголь».

Правда, в этом случае задавались с серьезным видом наивные вопросы, вроде того: «А как же потом будем откачивать воду, ведь мы не думаем, что немцы дойдут до нас?» Я им не стал рассказывать, что было в Сталино, хотя я уже знал, что немцы вошли в Сталино.

Вечером я, вернувшись из поездки на две шахты, убедился, что придется прорывать траншеи, чтобы вода дошла до шахт, но, правда, в ряде случаев понижение местности даст возможность небольшим взрывом берега водохранилища пустить воду до 2–3 метров толщиной[97].

Вернувшись вечером, я решил поспать в кабинете начальника УНКГБ и рано утром поехать в шахты. Пока мы договаривались, кто куда поедет, вдруг из приемной раздалась автоматная очередь. Я выхватил маузер и рванул туда.

В приемной сидели бледные мои летчики и какой-то чекист, в руках у которого был немецкий автомат. Спрашиваю: «В чем дело?» Танькин смущенно говорит: «Вот, хотели рассмотреть автомат, а он начал стрелять». На счастье, жертв не было, а стена облупилась от пуль. Я их выругал и сказал, что: «Когда вставляешь магазин, то не держи спусковой крючок нажатым, так как магазин автоматически взводит ударник».

Поспать мне так почти и не удалось. Около часу ночи мне позвонил нарком и приказал немедленно вылетать в Москву. Я доложил, что я еще не выполнил задание, что здесь обстановка сложная, немцы наступают быстро, иначе все захватят.

Он меня перебил, заявив: «В Москве трудно, обстановка не менее опасная сложилась. Вылетайте». Я успел сказать, что ночью меня под Москвой зенитчики собьют, приняв за немца, и сказал, что лучше вылететь на рассвете. Он подумал, согласился.

Ночью раза два поднимали меня по тревоге: «Немцы идут!» В те времена страшно все боялись окружения. Дело доходило до того, что бросали оружие и сдавались без боя только от одной мысли об окружении. Но это было только в первое время.

Утром прилетел в Москву. Сразу вызвали к наркому. В кабинете у Берия был Щербаков*.

Мне еще утром, когда я ехал с аэродрома, рассказали, что вчера в Москве началась паника. Распространили слух, что немцы вот-вот будут в Москве. Это пошло в связи с тем, что было принято решение ГКО об эвакуации ряда заводов в тыл страны. Некоторые директора, вместо того чтобы как следует организовать выезд рабочих и эвакуацию заводов, бросили все, погрузили семьи и стали уезжать из Москвы. На окраинах их хватали рабочие, выкидывали из машин и не пускали.

Когда я вошел в кабинет, Щербаков ходил красный и взволнованно говорил: «Ой, что будет!» Берия прикрикнул на него: «Перестань хныкать!»

Когда я поздоровался, они мне начали наперебой рассказывать то, что я уже знал. Я сказал об этом. «Тогда сейчас же поезжай на артзавод в Мытищи, там на дворе собралось тысяч пять рабочих, зажали Устинова* (министра вооружения) и не дают эвакуировать завод. Возьми с собой 2–3 автомашины солдат и пулеметы. Надо заставить эвакуировать завод». Я поехал.

Подъезжая к заводу, я увидел, что толпа не только запрудила территорию завода, но вылилась за ворота. Там уже было не 5 тысяч, а тысяч 10, не меньше.

Я с шутками стал пробираться сквозь толпу. Мне тоже рабочие отвечали шутками: «Пустите начальство!» Добрался до центра, а затем вошел в дирекцию завода. Там были Устинов, директор завода Гонор*[98] и другие руководители завода.

Поздоровались. Устинов Д. Ф., грустный, заявил мне, что ничего не выйдет. Я говорю: «Пойдем к рабочим». Он: «Я уже был, не хотят слушать». Ну, все же пошли.

Пробрались к центру. Там на грузовой машине стояли «ораторы» и кричали: «Не дадим, не пустим» и т. д. Мы с Устиновым забрались на машину. Я попросил слова. Спрашивают: «А кто ты такой?» Говорю: «Заместитель наркома». Молчат. Начал говорить. Вопрос: «А откуда ты будешь сам-то?» Говорю: «Вологодский».

Кто-то крикнул: «Наш, мытищинский». Оказывается, на этом заводе были потомственные рабочие Серовы. Кстати сказать, из числа трех задержанных мной организаторов волынки был один Серов.

Стал говорить, слушают. Когда дошел до эвакуации, то говорят: «Будем Москву оборонять и пушки делать. Разминируйте завод. Не сдадим Москвы». Разъясняю, что не следует рисковать. Никакого результата.

Вижу — дело плохо. Перешел к другому варианту. Начал спрашивать о зарплате. Кричат: «Не выдали деньги за октябрь!», «Не подвозят хлеба!» — кричат другие. У меня мелькнула мысль, что, если я сейчас организую подвоз хлеба и выдачу денег, тогда с территории завода можно будет всех вывезти.

Говорю: «Вы стойте здесь, а я пойду разговаривать с МГК о деньгах и хлебе». И действительно, договорился с Щербаковым, что он сейчас же направит деньги и хлеб. Вообще говоря, довольно глупо получилось. Денег рабочим не дали, хлеб не дают, а хотят эвакуировать.

Пошел опять митинговать. Залез и говорю: «Сейчас привезут деньги и хлеб, идите занимать очередь около клуба (он стоял вне территории), там выдают деньги и хлеб». Раздались

голоса: «Обманываешь! Не пойдем!»

Я прыгнул с машины, подхватил под руки двух рабочих и говорю: «Пошли, первыми получите деньги и хлеб». Они пошли со мной, к нам присоединились еще, а горлопаны кричат: «Не пойдем, обман!» Я на ходу говорю: «Стойте тут, а мы все получим».

Одним словом, за нами постепенно вышли почти все рабочие, и действительно быстро подъехали с хлебом, и началась раздача. Я выставил посты на всех воротах.

К вечеру завод очистили и оборудование вывезли, а рабочих с семьями — следующим эшелонном. Я про себя подумал: у рабочих настроения хорошие, правильные. Они хотят защищать свою Родину, столицу. Им надо это было разъяснить, они бы поняли, что для защиты Родины важнее организовать выпуск артиллерийских орудий не в осажденном городе, а в тылу. Но этого не было сделано. Секретарь обкома т. Щербаков растерялся, не организовал коммунистов на эту работу, вот и получилось недоразумение. Конечно, такие дела надо решать не солдатами и пулеметами. Это глупо.

Вечером я донес о событиях на Мытищинском заводе. Т. Сталин на моей записке написал: «Т. Щербакову — прочитайте записку. Было дело не так, как Вы говорили». Впоследствии Щербаков в разговоре со мной оправдывался и на меня разозлился и долго помнил этот случай.

Вообще, нужно сказать, что многие деятели растерялись, когда немец подошел к Москве. Правда, в предвоенный период была занята явно неправильная линия, когда мы всему народу внушали, что если на нас нападут, то будем бить врага на его территории.

Когда же эти иллюзии опрокинулись, то растерялись и, кстати сказать, долго не приходили в себя. Некоторые с большой скоростью мчались по сигналу тревоги в «бомбоубежище», которое мы прозвали братской могилой. Это были подвальные этажи 5-7-этажных домов. Конечно, если такой дом завалит бомбой, то оттуда вряд ли откапают, поэтому я сходил один раз и потом продолжал сидеть у себя в кабинете, когда бывал в Москве.

Москвичи же, по моим наблюдениям, вели себя, как настоящие патриоты, партийные организации районов были организаторами народного ополчения и оборонительных сооружений. Все были собраны, подтянутые, строгие. Приятно было наблюдать. В разговорах иногда только спрашивали: «Как на фронте?» Когда говоришь, что скоро немец побежит, то видно было, какое удовлетворение испытывают.

Находились и подлые трусы, особенно они себя проявили в трудные дни для Москвы октября 17–18 дня. Эти трусы из числа руководителей заводов, кстати сказать, больше евреи, бросили все и устремились в сторону г. Горького[99].

В горкоме партии нашлись два идиота, которым было поручено отвезти в тыл партдокументы, а они вместо выполнения задания сдали чемоданы с документами в багаж на ж/д станции, а сами подались в Куйбышев. Такую дрянь потом выгнали из партии. Я об этом написал в ЦК. Сталин разозлился, а мне позвонил Попов Г. М. с упреком: «Зачем доложил?»

Разработка немецкого радиста

Положение под Москвой ужасное. Да и не только под Москвой, так как на других фронтах дело обстояло не лучше.

19 сентября нашими был оставлен Киев. 15 сентября немцы были уже под Ленинградом,

пытаясь его окружить и взять с ходу или измором. 17 октября немцы заняли Брянск, 7 октября — Вязьму. Проще говоря, весь западный фронт, которым командовал скороспелый генерал Павлов*, быстро выдвинувшийся в Испании, потерял управление, не сумел организовать сопротивление правильной обороной и поэтому убежал от фронта, был снят и отдан под суд Военного Трибунала[100].

Все белорусские руководители еще в конце июля были уже в Москве, охали и возмущались неорганизованностью командующего и пока ходили без работы.

Проще говоря, за 2 1/2 месяца немцы захватили Белоруссию, Молдавию, почти всю Украину, Литву, Латвию, Эстонию, окружили Ленинград и подходили с трех сторон к Москве.

Я все время войны подробно знал обстановку на фронтах, так как регулярно ездил сам туда в штабы армий и фронтов, которые находились недалеко от Москвы, и, кроме того, вызывал начальников охраны тыла фронтов с картами, которые регулярно докладывали обстановку на фронтах. Потом, когда мне было некогда вести карту, довольно неплохо ее подправлял адъютант. Кроме того, мое счастье, что в наркомате обороны, вернее, в Генштабе, были мои сослуживцы, с которыми я созванивался, и они мне рассказывали все события.

Так вот, в первых числах октября, когда немцы уже стали окружать Москву со всех сторон, — с севера был взят Калинин, Клин, Волоколамск, Звенигород, Можайск, Наро-Фоминск, Малоярославец и далее продвигались к Туле, Сталиногорску и Епифани, — а Верховное Главнокомандование и Генштаб получали невнятные донесения от Конева и почти ничего не получали от Буденного, который где-то скитался и совершенно не знал обстановки на фронте, то, естественно, Верховный Главнокомандующий Сталин был обеспокоен и решил послать на этот фронт генерала армии Жукова Г. К., который командовал Ленинградским фронтом и был оттуда отозван Сталиным, и которому он приказал разобраться и доложить, в чем там дело.

Жуков уехал на Западное направление и доложил о неразберихе и о том, что командующие фронтами, особенно Буденный, вообще не знал ничего о своих войсках фронта, и внес предложение объединить Западный и Резервный фронты, для того чтобы лучше управлять. Ставка Верховного Главнокомандования решила назначить командующим объединенным Западным фронтом Жукова Г. К. Конев командовал только с 12 сентября до 9 октября.

Я не знаю, как потом Конев и Буденный будут оправдываться перед народом за их командование, немцы продвинулись более 200 км, за столь непростительное руководство войсками под Москвой, но мне точно известно, что когда Жуков принял фронт, то по данным Генштаба и на моей карте значилось, что в районе Вязьмы были в окружении и полуокружении 16, 19, 20, 24 и 32 армии и группа войск Болдина*. Конева оставили заместителем командующего фронта, а затем назначили по рекомендации Жукова Г. К. командующим Калининским фронтом.

Но немцы рвались к Москве. Столица ежедневно бомбилась, правда, ущерб был невелик, так как ПВО сразу открывало огонь, но, кстати сказать, предупреждение налетов было крайне медленное. Имевшиеся у нас радиолокаторы могли встретить противника лишь не более чем за 200 км.

Если учесть скорость Ю-88 немецких бомбардировщиков до 600 км/ч, то, естественно, 15–20 минут мало для того, чтобы успеть предупредить зенитчиков, а тем — приготовить орудия к бою и разыскать в небе самолет, да еще при сплошной облачности. Поэтому и прорывались Ю-88 на Москву.

Я помню, поехал на авиазавод в районе «Динамо» в час дня. Напротив Телеграфа раздался взрыв авиабомбы, и нас волной резко толкнуло вперед.

Я шоферу велел остановиться и увидел следующую картину: против парикмахерской остановился грузовик, шофер, как живой, сидит за рулем недвижим. Рядом — солдат растерявшийся. Спрашиваю: «Что стоите? Уезжайте в сторону!» Солдат отвечает: «Шофера убило». Я взглянул на него и изумился. У него от взрывной волны сзади выскочили оба глазные яблока и на мышцах висят на щеках. Ну, мы с солдатом отодвинули его в сторону, и я отвел машину в переулок, а солдату приказал позвонить в милицию. Затем напротив магазина «Сыр» я увидел толпу женщин и стариков, которые ахали и плакали. Подошел и увидел несколько убитых, раненых, все в крови, а одна женщина сидит на тротуаре, а ноги у нее на плечах, и вся обливается кровью и кричит: «Спасите, помогите!» Оказывается, у нее осколками ноги перебило в двух местах — в голени и выше колена, и они завернулись на плечи, когда она падала. Они все стояли в очереди за хлебом, и в это время разорвалась авиабомба.

Ну, я быстро вызвал «скорую помощь», и всех развезли. Такая злость после этого появилась, что я был готов своими руками разорвать любого немца. И случай представился скоро.

Выехав на следующий день на Волоколамское шоссе, я увидел, как <немецкий самолет> сначала на высоте метров 600–700 выделял какие-то фигуры, а потом задымил и пошел на снижение на лес. Мимо нас прошел уже на бреющем полете. Я ясно различил впервые близко фашистские черные кресты на крыльях. Затем в лесу совсем опустился и скрылся.

Мы с адъютантом и шофером бросились к месту посадки. Когда подбежали к поляне метров 400 длиной, там увидели немецкий Ю-88. Выхватив револьверы, подбежали к нему.

За штурвалом сидел немецкий офицер, рядом застреленный им штурман, сзади видна была голова радиста-пулеметчика. Я быстро скомандовал офицеру и показал рукой: «Вылезай!» Он тут же застрелился. Как потом я разглядел погоны — полковник. Радиста я взял с собой, а бортмеханик потом вылез побитый. Его отправил в медпункт.

Когда я привез радиста в Москву и поместил во внутреннюю тюрьму, это на всех произвело отличное впечатление. Ведь немцы под Москвой, и живьем их никто не видел. Нужно прямо сказать, что выучка солдат не сдаваться в плен в первые месяцы войны строго ими выполнялась.

Ну, я решил из этого немца выжать, что можно. Вызвал на допрос, стал спрашивать, а он молчит и считает: «Айн, цвай, драй, <фир>, фюнф, зекс, зибен...» и опять снова. Мучился целый час — и ничего. Отправил в камеру.

К тому времени мы уже разменялись с немцами посольскими работниками. Немецкое посольство в Москве мы отпустили, а нам взамен немцы вернули через Турцию наших.

Мне доложили, что из Берлина прибыл толковый чекист — полковник Коротков[101]. Я его вызвал и говорю, что «немец-летчик придуряется и не хочет говорить, зачем прилетали в Москву, видно, что не с целью бомбежки. Поэтому вас переоденут немцем, и вы будете сидеть в камере вместе с ним и узнавать все, что можно». Немецкую форму я приказал привезти с самоубийцы-полковника, отмыть кровь и одеть Короткова.

Когда его одели, и сотрудник привел в камеру, то надзиратели и начальник тюрьмы мне докладывали о двух немцах. И более того, когда я Короткова вызывал на допрос, то его вели по коридорам два надзирателя, держа за руки, чтобы не вырвался.

На первом «допросе» Коротков об этом мне ничего не сказал. В разговоре с ним я услышал его предположение, что радист при посадке на лес, чувствуя неминуемую гибель, сошел с ума. Говорит невнятно, больше всего валяется на полу, а не сидит на кровати, и ему, Короткову, тоже приходится валяться на полу.

Суток через трое я сумел вызвать Короткова, который похудел, осунулся и пришел сердитый. Он вновь мне сказал, что он сумасшедший и от него ничего не добиться. Я ему сказал, что постараюсь скоро вызвать их вместе, и тогда решим. Тогда Коротков уже с обидой начал мне говорить, что долго ли его будут водить надзиратели за обе руки, смотреть на него — все надзиратели и сотрудники, которые встречаются в коридоре, как на звери. Я засмеялся и сказал: «Скоро кончится».

Ввиду того, что я ни одного часа не имел свободного времени, мне удалось вновь вызвать Короткова с немцем через два дня. Когда они вошли и сели, я начал допрашивать немца, Коротков переводить. Это на немца не произвело никакого впечатления. Я убедился, что он ненормальный.

По окончании допроса я крепко пожал руку Короткову, сказал «спасибо», немец и на это не обратил внимания. Потом я вызвал надзирателей, которым сказал: «Немца в тюрьму, а полковника освободить, ему принести костюм, и он уйдет». Надзиратели выпучили на меня глаза и молчат.

Когда мы с Коротковым заговорили на русском языке, и я ему сказал, что буду его иметь в виду в дальнейшем, а он меня назвал Иваном Александровичем, тогда только надзиратели прозрели.

Бункер Сталина

Я отклонился от основных вопросов, но их накопилось так много, что не успеваю записывать.

Ввиду того, что немцы продолжали двигаться к Москве, ломая сопротивление наших войск, создалось угрожающее положение. В некоторых местах немцы подошли на 25–30 километров от Москвы.

Геббельс* всюду трубил, что фюрер дал команду к 7 ноября взять Москву. 16 октября ГОКО принял постановление эвакуировать все наркоматы и центральные ведомства в Куйбышев. Паникеры и трусы начали кричать о сдаче Москвы и бросились наутек.

Мне позвонил Молотов и сказал: «Соберите всех наркомов и объявите, чтобы в трехдневный срок с министерствами выехали в Куйбышев. В Москве оставили бы только охрану зданий. Военные министерства, т. е. которые изготавливают боеприпасы, танки, самолеты, ракеты и все необходимое для армии, должны в Москве оставить небольшие оперативные группы 10–15 человек для руководства производством».

Я к 12 часам ночи успел всех обзвонить наркомов, и они собрались у меня в кабинете. Ввиду того, что Серова знали почти все наркомы, то у них мой звонок не вызвал удивления.

Правда, когда уже стали собираться наркомы, у меня мелькнула мысль, что ведь фактически я собрал как бы совет народных комиссаров, только не было председателя и заместителей. Но раз мне поручил 1-й заместитель председателя СНК, то, видимо, и имел право.

Когда собрались, я проверил, все ли, по списку. Не было Папанина* — Главсевморпуть, Шашкова* — Речной флот и Малышева*. Но я не стал дожидаться и в час ночи сказал, что принято постановление ГОКО об эвакуации наркоматов в Куйбышев, и разъяснил порядок, снабжение подвижным составом и т. д.

Все понимали, что обстановка вынуждает это сделать, и вопросов задавали мало. Основной вопрос был задан, на который я сам не знал, что отвечать, это: «Наркомам уезжать или нет?»

Я и сам не знал, что на него ответить, так как мне и Молотов ничего не сказал. Но я подумал и сказал, что наркоматы, у которых остаются оперативные группы, должны остаться во главе их. И как потом подтвердилось, я угадал.

С опозданием пришедшим Малышеву, Папанину и Шашкову я так же объяснил.

Когда разошлись, я все же решил свое сомнение высказать Молотову. Позвонил, он оказался на месте. Я ему все рассказал, он подтвердил, а потом и говорю: «Лучше было бы, если завтра вы еще подтвердили мой разговор с наркоматами». Он подумал и говорит: «Вы, пожалуй, правы», и на следующий день утром он собрал всех наркоматов и подтвердил мое объявление.

Через три дня, т. е. 19 октября, Москва объявлена на осадном положении. Левитан* по радио грустным голосом говорил: «Сим объявляется, что в связи со сложной военной обстановкой и т. д. г. Москва и прилегающие районы к Москве объявляются на осадном положении». И далее предписывалось, что делать, как себя вести населению и т. д.

В связи с таким осложнением обстановки в Москве было выбрано место пребывания Ставки Верховного Главнокомандования — это на станции метро «Кировская». Там был приготовлен кабинет Сталина и другим членам ГОКО.

Но там Сталин был, может быть, один раз, не больше. Когда же по тревоге туда выезжали, то он был в особняке недалеко от станции метро. Вообще, нужно сказать, что он в трусости не замечен. Всегда спокоен, нетороплив, серьезен.

На днях приехал из Арзамаса Завенягин* и зашел ко мне. В Арзамасе он по поручению ГОКО строил командный пункт для Ставки, на глубине 30 метров, врытый в берег Волги (а, скорее, на берегу р. Тёши, притока Оки. —

Прим. ред.). Как он рассказывал, там сделан лифт, кабинеты, ВЧ-связь, телетайпы и т. д., т. е. все необходимое для руководства фронтами. Об этом докладывал Берия, тот одобрил[102]

В общем, день и ночь я был занят по горло различными поручениями, в том числе и подготовкой резидентур и агентуры, на случай, если паче чаяния с Москвой будет неблагополучно. И в этом деле не обошлось без курьезов. Нашлись трусы и среди чекистов.

Был такой генерал Мешик*, на которого возлагались большие надежды Кобуловым и иже с ним. И вот когда была наиболее опасная обстановка под Москвой, где он должен был остаться шофером автомашины, так этого «шофера» милиция доставила пьяным в комендатуру НКВД, где он кричал: «Свяжите меня с Серовым!»

Ну, пришлось подальше от такого человека отделиться. И, несмотря на это, Кобулов его пригрел...

Вчера заходил ко мне заместитель начальника 9 управления охраны (членов Политбюро) Саша Эгнатошвили. Пришел навеселе. Я знал, что он в молодости со Сталиным вместе учился в духовной семинарии. До сих пор у них товарищеские отношения сохранились. Называли друг друга уменьшительными именами. Сталин звал его «Сашо», Эгнатошвили Сталина — «Сосо». Были на «ты».

Эгнатошвили частенько ко мне заходил и кое-что рассказывал. То ли ему не с кем было поделиться или еще какой мотив, не знаю.

Эгнатошвили начал так: «Сегодня с Хозяином разговаривал. Вызвал к себе, был сердитый. Говорит: „Сделай сациви, и покушаем“. Я сказал „Хорошо“ и ушел.

Когда все было готово, я пошел к нему в приемную и ждал. Он вышел один и пошел. Я за ним. Когда пришли в комнату, где был накрыт стол, он сел и спросил: „Давай выпьем цинандали?“. Выпили. Стали кушать.

Потом он посмотрел на меня и говорит: „Сегодня эти сволочи (члены ГОКО) знаешь, что мне сказали? Берия говорит, что построено в Арзамасе бомбоубежище для Ставки Верховного Главнокомандования, поэтому они постановили, чтобы Ставка и я переехали из Москвы туда. Я сказал, что нет надобности. Они начали настаивать. Я тогда разозлился и сказал им: „Если я уеду из Москвы, вы, сволочи, сдадите немцам Москву и сами разбежитесь. Пошли к черту!“, и ушел. Ты подумай, Сашо, какие подлецы!“. Я ему сказал, что: „Правильно ты поступил, Сосо, разбегутся и Москву сдадут“. Мы еще выпили, и он ушел».

Я внимательно слушал и подумал, что Сталин все-таки, видимо, переживал, что поступил опрометчиво, доверившись договору Молотова-Риббентропа, и не послушался донесения нашего агента в апреле из Берлина, предупреждавшего нас о готовящемся нападении на СССР. Еще немного поговорили о войне с Эгнатошвили, и он ушел...

Мне запомнился хорошо случай, когда он рассердился, узнав, что в Куйбышеве уехавшие туда члены Правительства после 16 октября 1941 года, — Вознесенский, Ворошилов, Молотов, Каганович и остальные члены Политбюро «вообразили, что они там вершат судьбы страны», и многие местные товарищи, — я имею в виду обкомы, облисполкомы, — со всеми вопросами стали обращаться к «Куйбышевскому правительству», а те, как настоящие правители, стали решать все вопросы.

Я не помню, кто-то из министров, возглавлявших здесь свою оперативную группу, доложил Сталину, что ему не дали необходимых заготовок для изготовления минометов. Сталин разозлился, тем более в решении Политбюро, которое все принимали, в том числе и «куйбышевские правители», было сказано, что на ГОКО возлагается вся полнота власти и ответственности по военным, политическим и хозяйственным вопросам. Поэтому он и разозлился.

В таких случаях, перезваниваясь с министрами, а они мне часто звонили, зная, что я все время держу непосредственную связь с фронтами и знаю обстановку не со слов, а бываю на передовых, некоторые зачастую просили зайти попить чайку и поговорить. Ну, гроза с «Куйбышевским правительством» разразилась быстро.

Вечером мы все получили шифровку «Всем, всем...», имея в виду совнаркомы и ЦК республик, обкомы, облисполкомы, наркоматы СССР и т. д. Текст примерно такой:

«Вопреки всяким слухам и разговорам о том, что Советское Правительство находится в Куйбышеве, настоящим предлагается по всем вопросам — военным, политическим и экономическим — представлять предложения, запросы и просьбы по адресу: Москва, Кремль, Совет народных комиссаров, подпись: И, Сталин».

Вылет в Ростов

Пишу непоследовательно, но точно, так как между событиями, которые описываю, и изложением их проходит несколько дней, как правило, поэтому они свежо воспринимаются, а следовательно, и излагаю, как они были.

В конце октября немец подошел к Ростову-на-Дону. Я часто связывался с начальником УНКВД и секретарем обкома Двинским* ввиду того, что в области развернулась большая

работа по организации истребительных батальонов и партизанских отрядов. Вроде все шло хорошо.

Затем, когда подступили фашисты, оттуда пошли тревожные телеграммы о том, что в городе началось мародерство, начали неорганизованно выезжать, забирая для себя вплоть до заводских ценностей и т. д.[103]

В связи с этим мне приказали вылететь на 3 дня, разобраться и помочь навести порядок. До Ростова долететь не мог и сел около Новочеркасска, а там на машине добрались.

Везде чувствуется тревожное состояние. В городе действительно нашлись бесчинствующие элементы, но главная беда заключалась в том, что руководители предприятий, горсовета и других административных органов растерялись и не руководили.

Собрали совещание руководителей, долго заседали, при этом задавались вопросы почти те же, что и в Москве. Меня т. Двинский познакомил с планом организации истребительных батальонов и партотрядов, и выглядит это довольно продуманно. Потом я поехал в УНКВД и там поговорил с руководителями штабов истребительных батальонов[104].

Люди подобраны толковые, большинство милицейские работники. Чекистов было мало, и я узнал, что они неохотно идут на это дело. Я выругал <их> и провел с ними совещание и приказал назначать <их> в штабы истребительных батальонов на равных с милицейскими работниками. Кто будет отказываться отправлять в Красную Армию на фронт. Думаю, что это подействует.

Ночью разбирался с арестованными мародерами и различными сомнительными лицами, которых и в мирное время было достаточно.

Ночью, вернувшись в Ростов уже, получил записку по ВЧ из НКВД СССР вылететь обратно.

«Дурачок этот Гитлер»

Через несколько дней я был у т. Сталина в связи с плохой работой ВЧ-связи.

В воскресенье, часов в 8 утра, мне позвонил т. Сталин и говорит: «Вы ведаете ВЧ-связью?» Я ответил утвердительно. «А почему она плохо работает? Я пытаюсь соединиться с Калининским фронтом, а мне не дают, а потом соединили, но ничего не слышно. Неужели я не могу говорить с командующим?» Я сказал, что разберусь и доложу.

Мне его стало жарко. Действительно, человек руководит войсками и не может связаться. Я быстро узнал, в чем дело. Оказывается, наркомсвязь 270 км от Москвы до Калинина не может вот уже две недели восстановить связь напрямую, а соединили т. Сталина через Волхов и другие станции в обход. В общем, линия получилась более 1500 км, конечно, ничего не слышно.

Кроме того, несмотря на мои настоятельные просьбы решить вопрос о том, чтобы станции ВЧ и линии связи были в одних руках, не решен, и получилась чепуха. Станции ВЧ — у МВД, а линии (провода) — у наркомата связи. Что бы ни случилось, виновного не найдешь. Я позвонил наркому связи Пересыпкину* и рассказал об этом разговоре, а затем доложил Сталину. Он возмутился и сказал: «Вечером вызову».

Действительно, вечером вызвали в Кремль меня и полковника Пересыпкина (он тогда был наркомом связи и заместителем наркома обороны).

Тов. Сталин сразу обратился к Пересыпкину: «Почему плохо работает связь?» Он пытался свалить вину на станцию ВЧ-связи. Я в начале было молчал, а потом не выдержал и говорю: «Т. Сталин, спросите у него, почему он с Калининским связывается через Волхов, а не напрямую?», и Пересыпкин вынужден был признаться, что прямой линии связи «Москва — Калинин» нет.

Т. Сталин возмутился, выругал его и сказал, обращаясь ко мне: «Что надо сделать, чтобы выправить дело?» Я сказал, что станция ВЧ-связи и линии связи (провода) должны быть в одних руках, тогда будет толк. Т. Сталин сказал: «Правильно, надо передать в НКВД линии связи и войска, которые их обслуживают»[105].

Пересыпкин пытался возражать, но т. Сталин на него обрушился за непорядки в войсках связи, и решение о передаче состоялось. И все же после этого Пересыпкин попытался попросить у Сталина 2 полка связи сделать гвардейскими. Сталин с усмешкой сказал: «Какие там гвардейские, если связь наладить не могут?»

В это время в кабинет вошел секретарь МГК, он же начальник ГлавПУРа Щербаков А. С. и смущенно, переминаясь с ноги на ногу, заглядывая в бумажку, доложил Сталину И. В., что на Западном фронте захвачен немецкий офицер связи, у которого отобрали приказ Гитлера войскам овладеть Москвой к 7 ноября, где он будет проводить парад войск на Красной площади.

Сталин И. В. посмотрел на нас и спокойно сказал: «Дурачок этот Гитлер. Мы на Западный фронт вместо Конева назначили более способного и боевого командующего Жукова. Кроме того, скоро придут войска с Дальнего Востока, которые направим на Западный фронт, так Гитлер побежит от Москвы, только пятки засверкают».

В этих словах была уверенность Верховного в боевых способностях нового командующего, а также убежденность, что Москву не сдадим немецким захватчикам.

Я потом созвонился с Щербаковым А. С. и поинтересовался, что за приказ изъяли у захваченного немецкого офицера, о котором он доложил т. Сталину. Щербаков А. С. мне рассказал, что в приказе говорится о том, что противник, т. е. Красная Армия уже разбита, и немцы преследуют отходящие части к Москве, и зачитал некоторые места:

«Необходимо обойти Москву с юга и с севера и отрезать пути снабжения Москвы, а также Тулу, Каширу и Сталиногорск. Кольцо окружения должно быть сужено до окружной железной дороги. По указанию фюрера всякая капитуляция Москвы должна быть отклонена».

Начальник охраны Московской зоны

Я продолжал каждый день ездить на «фронт», т. е. за 20–25 км от Москвы, где стояли части Советской Армии. «Стояли» тоже следовало бы взять в кавычки, так как в последние дни сотни и тысячи солдат и командиров стекались в Москву под разными предлогами. Я в одном из ежедневных сообщений написал об этом в Ставку...

Через несколько дней мне поручили составить план охраны подступов к Москве, имея целью на всех основных магистралях, идущих к Москве, — это на Минском шоссе, на Можайском, на Горьковском, Калининском, Смоленском, Калужском и др. — поставить подразделения пограничников непосредственно за линией фронта с задачей задерживать отходящие части Красной Армии и отдельных бойцов, беспорядочно отступающие или потерявшие управление, затем их быстро формировать и передавать в распоряжение Западного фронта,

в то время которым командовал Жуков Г. К.

Я все подготовил, составил карту, указал численность, необходимую для выполнения этих задач, подготовил проект постановления ГОКО, оставил прочерки в тех местах, где надо было поставить фамилии начальников, и послал в Кремль.

В 2 часа ночи ко мне уже вернулся этот документ в виде постановления ГОКО. И, к своему удивлению, я увидел, что начальником охраны Московской зоны обороны назначен генерал-полковник Серов И. А.[106]

Ну что, постановление для меня — закон. Я на следующий день подобрал генералов, знакомых мне по Академии, на должности начальников секторов Московской зоны обороны, выделил имевшиеся подразделения, и к вечеру уже все 8 секторов заняли свои места и приступили к работе[107].

Ежедневно мне доносили о задержании сотен и тысяч бойцов и командиров, которые запрудили дороги и двигались на Москву. Вообще на некоторых участках я, выезжая на место, наблюдал картину отступавших воинов, которая в значительной мере напоминала описание Л. Толстым 1812 год<a>.

Я для себя установил такой порядок, что утром одевался потеплее и выезжал на определенную трассу. Там я находил начальника сектора и командующего по линии Красной Армии, узнавал обстановку, положение и состояние войск, выслушивал просьбы командиров, оборонявших рубежи, и, возвращаясь в Москву, писал сводку, которая шла Верховному Главнокомандующему, и по ней принимались меры, о чем я в ряде случаев узнавал потом...

И еще я наблюдал, что в те времена — сентябрь, октябрь, ноябрь 1941 года — командиры полков и дивизий мало выезжали на передний край, к бойцам, а находились в 3–4 километрах от переднего края. Поэтому в этот тяжелый момент в жизни войск не могли быстро и оперативно влиять на успешный ход боя или вовремя остановить отступление. А немцы этой нашей растерянностью и пользовались.

Правда, к этому времени Ставка приняла решение подтянуть под Москву до 30 тысяч свежих частей из Средней Азии, Центральной России и из Сибири. Некоторые дивизии уже прибыли и заняли позиции.

Мне пришлось побывать в дивизии ныне легендарного комдива Панфилова*, только что прибывшего под Москву. Проверив сектор, я свернул в одну деревню, откуда все время слышались взрывы снарядов и трескотня пулеметов.

Когда я подъехал к деревне, все было спокойно, но около каждого дома стояла небольшая группа бойцов в 5–6 человек с автоматами. Я, остановившись, разговорился с ними. Они мне рассказали, что немцы вот уже четыре раза за день атаковали эту деревню, но мы не сдаем.

Я спросил: «А кто тут командует?» Мне ответили: тут их «старшой», а кто он — не знают. Я спросил: «Где он?» Мне ответили: «В середине деревни»...

Зашел в дом, там генерал-майор стоял над картой и рассматривал. Я поздоровался и представился. Он сразу надел на себя снятый ремень, подтянулся и стал мне докладывать обстановку.

Генерал производил хорошее впечатление. Это был Панфилов. Когда он дошел до наличия своих войск в дивизии, затрещали пулеметы, стали рваться мины, послышались крики, и во всю прыть по деревне мчались санитарные двуколки. Я выхватил маузер и к дверям.

Панфилов, накинув на себя шинель, — за мной и в дверях, остановив меня за руку, сказал:

«Я вас не пущу». Посмотрел на него с удивлением и увидел у него на петлицах шинели четыре шпалы. Видимо, он еще не успел поменять, так как ему только что присвоили генеральское звание.

Я его спросил: «В чем дело?» Он ответил: «Пошлем офицера на улицу, он выяснит обстановку, а рисковать не надо». Ну, я тогда спокойнее сказал: «Пойдемте вместе посмотрим», — и мы вышли. Оказывается, немцы в пятый раз ворвались в деревню и овладели двумя-тремя крайними домами. Наши их контратаковали и отбили дома. Дом, в котором мы были, был следующий, который могли бы захватить немцы.

На улице спокойно стоял капитан из штаба Панфилова, который на мой вопрос «Как дела?» ответил: «Ничего. Если бы туго было, то я прибежал бы вас предупредить». А ведь это «туго» высчитывалось секундами, тогда бы и нам пришлось пускать в ход оружие. На улице валялись трупы убитых немцев вперемешку с нашими.

Я этот привел пример, потому что, когда начальник возле бойцов, то они себя увереннее чувствуют, и их атакуют по пять раз, а они не сдаются и отбивают атаки.

Правда, в дальнейшем ходе войны был приказ Верховного, определяющий, за сколько километров должны находиться начальники и штабы от переднего края, по этому приказу командир дивизии мог быть в 3—4 километрах от этой деревни, но Панфилов был с бойцами, с ними же он потом и погиб, получив звание Героя Советского Союза.

В это же время погиб и Доватор*, командир кавалерийского корпуса, мой однокашник по академии. Но тот глупо рисковал. Выехал на бугор в целях рекогносцировки, а немцы увидели группу бойцов, обстреляли из минометов и убили его. Да еще в придачу несколько человек ранили и убили, когда тело Доватора вытаскивали с этой высоты...

Наши начальники секторов хорошо подружились с командующим 16 армией генерал-лейтенантом Рокоссовским, В. И. Кузнецовым*, Болдиным, Захаркиным, Беловым, Говоровым, Ефремовым, стоявшими тогда на подступах к Москве, каждый в своем секторе.

Мне приходилось встречаться со всеми. С К. К. Рокоссовским я встретился в районе деревни Нефедовка. Встреча была не из приятных, так как я видел, что войск у него кот наплакал, как говорят в простонародье, но он держал себя стойко и с достоинством...

Кстати сказать, на днях вызвал меня т. Сталин, и в ходе разговора я ему тоже рассказывал, как обстоят дела под Москвой...

В первых числах ноября немец остановился почти на всех участках. В этом году выпал снег очень рано. Первый раз — 17 октября, затем — в конце октября и больше не таял.

Последний парад наступает...

5 ноября в час ночи мне позвонил Поскребышев и сказал сейчас же выехать на ст. метро «Маяковская». Я быстро приехал и стою на улице. Смотрю — идут автомашины с синим светом. Это во время воздушной тревоги машины включали синий свет (члены правительства).

Из первой машины вышел т. Сталин, за ним — Микоян, Маленков и Берия. Поздоровались. Стали входить в метро, он мне сказал, что надо выбрать место для торжественного заседания 6 ноября, а то немец может разбомбить.

Спустились вниз. Там вся посадочная площадка была забита женщинами с детьми. Все спали. Некоторые, увидев т. Сталина, сели и стали с любопытством разглядывать.

Потом т. Сталин спросил, почему они здесь, я сказал: «Тревога». Затем он сказал: «Завтра к 6 часам организуйте небольшую трибуну и стулья для москвичей. Здесь будет торжественное заседание».

Я за ночь и часть дня 6 ноября, вместе с председателем Моссовета Прониным* и НКПС Хрулевым*, приняли необходимые меры к оборудованию как «зала», так и буфетов вдоль зала. Все получилось хорошо.

Часа в 4 вечера мне позвонил т. Микоян и сказал: «Хозяин сказал, чтобы ты к 17.00 был на Белорусском метро». Я в начале не понял, почему туда ехать, а затем он мне сказал: «Закажи туда поезд-метро, и мы доедем до станции Маяковская». Я быстро все это сделал и вовремя был на Белорусском.

Опять подъехали машины, поздоровались, т. Сталин спросил, все ли готово, и спустились к поезду. На станции Маяковская уже народ был в сборе. Вовремя начался доклад т. Сталина. Очень хорошо был изложен...

После доклада был концерт. По окончании 1-го отделения Сталин спросил: «А что, 2-го отделения не будет?» Я сказал: «Нет». Он сказал: «Напрасно».

Я быстро вышел в зал, увидел артиста Дормидонта Михайлова* и договорился на 2-е отделение. Сталин был доволен, аплодировал.

Потом мы все сели в вагон метро, чтобы следовать на станцию Белорусская. Сталин, стоя, держался за петлю. Машинист поезда метро был подобран лично наркомом путей сообщения Хрулевым, с орденом Ленина.

Только тронулись и стали набирать скорость, вдруг сразу поезд встал как вкопанный. Сталин полетел вперед. Я стоял сзади и успел его схватить в обнимку, и удержал от падения. Он рассердился.

Я пошел к машинисту. Он стоит белый, как полотно. Я спросил спокойно, в чем дело. Он посмотрел на меня и пересохшим голосом сказал: «Не ту кнопку нажал». Я понял, что парень от волнения нажал не ту кнопку. Я ему сказал: «Давайте спокойно, поедem» и от него не выходил.

На станции Белорусской Сталин вышел и сразу пошел к машине. По дороге он спросил у меня, в чем дело. Я ему спокойно сказал: «От волнения нажал не ту кнопку». Затем мне Сталин сказал: «Предупредите Артемьева* (командующего МВО), чтобы завтра парад не в 10 часов утра, радио выключить, не транслировать парад».

Я заехал в наркомат и дал указание Спиридонову* (комендант Кремля) поставить трибуны на Мавзолей. Он говорит, что не знает, где они зарыты. Их спрятали на случай прихода немцев. Я сказал найти и к 8 утра поставить. Затем, созвонившись с Артемьевым, и поехал на Красную площадь.

Когда приехал Артемьев, я спросил, сколько будет войск. Он ответил, что больше одной дивизии выставить не может, и немного танков и кавалерии. «Причем, — добавил, — эта дивизия сразу пойдет на фронт». Парад, вопреки всякой традиции, как я уже упоминал, был назначен не на 10.00, а на 8.00. Строго объявили никому не говорить и по радио не передавать.

Часа в два ночи я поехал уснуть, а в 6 часов утра уже был на Красной площади. Шел густой

снег.

К 8.00 появился т. Сталин с другими членами Политбюро. К моему удивлению, Сталин, несмотря на мороз, был одет в своей легкой шинелишке и в фуражке и грузинских сапогах. Заходя на Мавзолей, он повернулся ко мне и сказал: «Надо дать радио с Красной площади, снег идет, бомбить не будут».

Я пошел вниз. С вечера я всех радистов строго-настроено предупредил не включать радио для трансляции Красной площади. Пришлось переделывать.

Связался с радиоцентром. Нет никого, кроме дежурной девушки. Начал уговаривать включить для трансляции — не хочет. Ссылается на т. Серова, который арестует, если будет включено.

Торговаться было некогда, так как т. Сталин уже собирался выступать перед воинами с речью. Пришлось сказать, что я и есть Серов. Девушка говорит: «Я включу, а отвечать вместе будем». Я согласился.

Поднялся на Мавзолей, т. Сталин спрашивает: «Включили радио?», отвечаю: «Включил». — «А проверили, что работает?», говорю: «Нет». Он сказал: «А вы проверьте».

Соединился по ВЧ с Горьким и Куйбышевым, спросил, что передают по радио. Отвечают: «Идет настройка Красной площади». Все в порядке. Доложил. После этого т. Сталин начал выступление.

Парад прошел хорошо. Солдаты шли суровые, одеты в защитное обмундирование, в шапках, настоящие воины. Речь хорошая была т. Сталина. Он сказал, что немцев разобьем, несмотря на имевшиеся неудачи, а затем закончил:

«Пусть вдохновит вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова»[108].

Контрнаступление под Москвой

Несколько дней на фронтах было тихо, но бомбить Москву немцы прилетали каждый день по несколько раз. Тяжелая была обстановка. Народ изнервничался. Жалко.

С 15 ноября немец повсеместно зашевелился и перешел в наступление. Везде наши войска держались. Но, к сожалению, на Можайском направлении, откуда только что вернулся, там войск было мало, фронт растянут на 200 километров. Там было 4 дивизии, 3 московских училища: артиллерийское, военно-политическое и Верховного Совета. В общем, слабо. Я разговаривал с командирами дивизии, жалуются на малочисленность войск.

На других направлениях или, вернее, подступах к Москве дело не лучше. Я за эти дни побывал на Волоколамском направлении, Малоярославецком, на Подольском и Серпуховском направлениях. Наши сектора тысячами задерживают отходящих с других фронтов и выходящих из окружения и сразу передают военным, а те — винтовку в руку и в окоп.

Жуков, явившись на Западный фронт, резко улучшил дело и твердой рукой заставил подтянуть дисциплину. Он издал приказ, где четко указал разграничить линии между войсками, поставил задачи и указал, чтобы ни один человек, ни одна повозка или машина не

должны быть пропущены через Москву...

Примерно 15 ноября мне рассказал генерал Грызлов* из Генштаба о разговоре между Сталиным и Жуковым по поводу наступления следующее: Сталин потребовал от Жукова для срыва наступления немцев на Москву предпринять наступление наших войск в районе Волоколамска и Серпухова. Жуков возразил, что ему нечем наступать, так как фронт очень растянут. Сталин все <же>, потребовал организовать наступление и предложил представить план.

Я знал твердый характер Жукова, но не думал, чтобы он посмел так решительно возражать Сталину. Однако последующие дни показали, что это было так.

В двух направлениях были проведены наступательные операции, почти безуспешно. А 17 ноября немцы перешли в наступление на стык двух фронтов — Калининского и Западного. Они ударили по флангу 30 армии Калининского фронта и устремились на Клин. Через 5 дней упорных боев Клин был захвачен немцами, и они продолжали наступление на Дмитров.

Я под вечер выехал к Московскому морю по Дмитровскому шоссе. Части отступали. Ничего путного добиться не мог, где немцы. Стемнело. Свернули с основной дороги и поехали на Крюково. Попали на проселочную дорогу, а далее пошло водохранилище, ехали по льду.

Когда фарами осветили дорогу, впереди показался конный обоз. От лошадей шел пар. Мы осторожно стали приближаться, приготовив автоматы и гранаты.

Когда поравнялись с головным, я вышел и спросил: «Куда едете?» Мне на ломаном русском языке, в полушубке, в ушанке, весь в инее отвечает: «Снаряды везем». Я подошел поближе и говорю: «Ты татарин?», отвечает: «Казанский». Затем подозвал еще двух солдат и стал выяснять, откуда везут и куда.

Оказалось, что они заблудились и вместо того, чтобы снаряды вести на передовую, они их везут к Москве. Я по карте ориентировался и направил их в Крюково. В ту ночь я тоже еле выбрался в Москву, так как проселочные дороги узкие, снегу много, разъехаться трудно, да к тому же ударил крепкий мороз.

Утром созвонился с генштабистами, они мне сказали, что 16 армия Рокоссовского отошла под давлением немцев от Солнечногорска, хотя командующий фронта все, что мог, сделал, чтобы усилить 16 армию. Обидно, но ничего не поделаешь.

Несколько дней было затишье. Я вызывал начальников секторов, а к некоторым сам ездил и выспрашивал там военных, что бы означало это затишье. Пожимают плечами: «Не знаем*».

К сожалению, с войсковой разведкой обстояло плохо. Посылали накоротке, с перестрелкой, и возвращались. Агентурной разведки не было. Да и трудно было спрашивать с войсковых командиров, не имевших понятия об агентурной работе.

Но ближайшие дни показали, что затишье объяснялось просто. Немцы выдохлись, и особенно на морозе они уже не вояки. Отдельные контр наступательные действия наших войск уже показали, что наши солдатики, обутые в валенки, в полушубки и в ушанки, да в рукавицах, готовы наступать и бить немцев, которые ходили в соломенных лаптях, с опущенной пилоткой до глаз и в накинутой шали или одеяле, украденном у русской женщины. В таком наряде это уже не вояки. И 6–7 декабря части Западного фронта пошли в наступление...

Как я потом не раз читал радиоперехваты, они операцию захвата Москвы называли „Тайфун“ и планировали закончить ее в сравнительно теплое время, а тут нам еще и погода помогла. Ведь редкий год было, что выпадет снег в конце октября (22 октября) и не растает. Ни разу не

было, чтобы 7 ноября парад проходил по снегу при температуре 8 градусов.

Ну, я думаю, одной из главных причин нашего успеха явилась моральная стойкость солдат, рабочих, женщин, командиров и генералов. Все под Москвой сплотились воедино, помня, что они отстаивают столицу, что отступить уже некуда, и были готовы к самопожертвованию.

Контрнаступление наших войск под Москвой началось с маленьких контрнаступлений, успех которых окрылил командование более крупных соединений, и они стали планировать и проводить наступательные операции. Они уже видели живого „фрица“, какой курицей он уже был.

Немалое значение имеет также и то, что Ставка Верховного Главнокомандования находилась в Москве, хотя враг был местами в 30 км, что Верховный Главнокомандующий Сталин 6 и 7 ноября выступил и, не скрывая, сформулировал наши неудачи и высказал твердую уверенность в полной победе над фашистской Германией.

Однако где я не побывал, численного превосходства наших войск не чувствовалось, командиры жаловались, что в ротах вместо 120 человек по 50–60 солдат, боеприпасов не хватает, из-за автоматов командиры батальонов и полков чуть не дерутся. Но все же мы двинулись выгонять фрицев из нашей страны. Это уже половина победы. Ура!

Нужно сказать, что сколько мне приходилось наблюдать, члены ГОКО, Ставка Верховного Главнокомандования, Генштаб проделали большую работу по организации резервов, по снабжению техникой, необходимой войскам. Сталин в период битвы под Москвой внимательно прислушивался к советам и докладам членов ГОКО и жестоко требовал говорить правду и добивался этого.

Ежедневно были сообщения по радио, передавал Левитан: „Войска Западного фронта под командованием генерала Жукова заняли...“, затем уже стали передачи, что „войска Калининского фронта под командованием генерала Конева заняли...“, „Юго-Западный фронт под командованием маршала Тимошенко...“ и т. д. Я выезжал часто в районы боев, занятых теперь нашими войсками, и видел ликующие лица бойцов, их проделки (с замороженных трупов немцев снимали штаны и ставили в снег головой, вверх ногами).

Привозил я часто образцы немецкого оружия, минометы, боеприпасы и т. д.

Один раз с этими образцами была неприятность. Бойцы истребительных батальонов задержали 5 подростков лет по 14–15. У них были полные сумки каменного угля и деньги были у каждого. Стали их допрашивать, они говорят, что наворовали на железнодорожной станции угля и несут топить домой печи.

Когда я приехал в этот сектор охраны Московской зоны обороны, мне доложили, что: „Задержанные ничего больше не говорят, и разрешите отпустить“.

Мне показалось странным, что у каждого деньги, и я приказал доставить на допрос. При первых же вопросах „Откуда деньги?“ сопляк этот замолчал. Я на него прикрикнул, и он расплакался. Тогда я ему сказал: „Расскажи правду, и я тебя отпущу“.

И он мне рассказал, что немцы подготовили таких несколько групп по 3–5 человек, дали денег и сказали, чтобы они шли на железнодорожные станции, побросали в тендер с углем по куску угля, который находился у них в котомке. Когда все побросают, пусть вновь приходят к ним, и они дадут еще денег.

„Ну, и сколько раз вы ходили?“ — спросил я. Он сквозь слезы ответил: „Первый раз, а там Толька и Мишка — по второму разу“. Мне принесли куски угля. В них были высверлены каналы, вложен динамит и тщательно заделано отверстие. Я приказал разжечь костер и

бросить туда уголь.

Через 20 минут за домами, где мы находились, раздался сильный взрыв, который разнес костер по кусочкам. Расчет был на то, что такой уголек, попав в паровозную топку на полном ходу, разорвет котел и вызовет крушение поезда.

Ну, я этого сопляка вызвал, сказал, что за эту подлость, на которую ты согласился, надо тебе набить задницу до крови». Он молчит. Спрашиваю: «Правильно?» Отвечает: «Да». Затем говорю: «Иди домой, тебе дадут хлеба, разыщи мать и больше таких дел против Родины не замышляй». С собой я прихватил пару кусков угля.

Вернувшись в Москву, я, как обычно, звонил начальнику секретариата, что прибыл. Меня вызвал Берия, там же были Меркулов, Кобулов. Я рассказал об обстановке на фронте, настроениях бойцов и командиров. И в конце рассказал случай с подростками-диверсантами и о костре. Затем взял замотанный кусок угля, развернул и положил на стол перед Берия.

Вот тут-то и начался цирк. Берия спросил: «Он разряжен?» Я говорю: «Нет, натуральный». Он вскочил и кричит: «Забери!» Кобулов отпрянул и закрыл свою физиономию блокнотом. Меркулов спокойно встал. Берия вновь крикнул: «Забери и уноси!»

Глава 5. БЕГСТВО ОТ СМЕРША. 1942 год

В записках Серова часто можно встретить уничижительные и презрительные характеристики по отношению ко многим своим коллегам и сослуживцам — генералам НКВД, НКГБ, СМЕРШа, избегавших поездок на фронт и, вообще, не отличавшихся изрядной храбростью.

В чем-чем, но в малодушии самого Серова заподозрить не поворачивается язык.

Человек решительный и жесткий, он не щадил ни других, ни себя. Не случайно именно его Сталин выбрал на роль резидента НКВД в Москве: знал, что точно не струсит и не сбежит...

1942-й — пожалуй, самый «фронтной» год в жизни Серова. Почти непрерывно Сталин и Берия кидают его на различные, наиболее тяжелые участки театра военных действий. Несколько раз он попадает в окружение. Многократно находится на волосок от смерти. В боях получает тяжелую контузию.

Серов был в знаменитом крымском котле, когда весной 1942-го армия генерала Манштейна наголову разгромила Крымский фронт. Только чудом, под огнем, через море, ему удалось вырваться к своим.

Летом 1942-го — он в осажденном Сталинграде, железной рукой наводит порядок в войсках и городе.

С осени — снова на передовой, в горах Кавказа. Здесь ему очень пригодится прежний армейский опыт: он лично руководит обороной горных перевалов, нередко заменяя погибших в бою командиров. Во многом именно его усилиями был спасен от сдачи Владикавказ.

За мужество и героизм Серов вскоре будет награжден вторым орденом Ленина.

И борьба с бандподпольем и диверсантами на Северном Кавказе — Осетия, Карачаево-Черкессия, Чечено-Ингушетия — это тоже важнейший этап его службы, продолжавшийся вплоть до конца 1942 года.

Видимо, со своими обязанностями Серов справляется успешно, раз Сталин даже предлагает ему возглавить военную контрразведку страны: будущий СМЕРШ...

Крымский котел

В марте 1942 года немец повел наступление в Крыму. Меня послал туда т. Сталин с тем, чтобы я ознакомился с обстановкой на Крымском фронте и посмотрел готовность Кубани к оборонительным действиям, где уже Ставкой Верховного Главнокомандования был замещен Северо-Кавказский фронт (второе направление), а командующим был назначен т. Буденный (несколько позже), а сейчас Буденный из Темрюка «руководил» войсками Крымского фронта [109]...

Когда я прилетел в Крым, там фронтом командовал безвольный генерал-лейтенант Козлов*, который полностью подчинился нахалу — члену Военного совета Мехлису.

Конечно, Козлову было трудно сопротивляться, так как Мехлис занимал следующие должности: зам. министра обороны, начальник Главного политуправления, министр госконтроля, член ГОКО и член Военного совета фронта. Поэтому, что Мехлис говорил, то Козлов и делал, а не командовал.

Я прилетел в Краснодар в апреле месяце 1942 года. До Керчи, где стоял штаб фронта (в катакомбах, образовавшихся от выработки каменных солей, на глубине 30–40 метров), надо было добираться автомашиной до Темрюка, а там через пролив катером или, как мне сказал в то время полковник Грачев*, который командовал в Москве авиадивизией «особого назначения», можно «на брющем» проскочить и сесть возле штаба фронта. Я ему показал удостоверение свое члена ВС ВВС, и он, откозыряв, пошел готовить самолет...

Все шло хорошо. Когда зашли над Керченским проливом, появилось какое-то неприятное чувство. Я подумал, если подобьют над водой, тут уж не спастись. Только пролетели половину пролива, я увидел, что на берегу рвутся бомбы. Показал Грачеву. Он с недоумением смотрел, но не мог сообразить, в чем дело. Я тогда стал смотреть по сторонам и вверх и увидел на развороте в 3–4 км «раму» — так звали мы немецкие бомбардировщики Фокке-Вульф.

Показал Грачеву, он заволновался и говорит: «Давайте, товарищ генерал, назад». Я ему говорю, что если пойдем назад, то он обязательно пристроится и собьет. Грачев согласился. И тут же решили, что, пока идет бомбежка аэродрома, мы будем крутиться возле него. Как только увидим, что на земле взрывы прекратились, сразу идем на посадку.

Потом я говорю Грачеву, это не годится, так как, не осмотрев площадки, мы можем попасть в воронку и погибнем. Грачев согласился и сказал: «Я на брющем покручусь и рассмотрю все воронки». Я добавил: «Только не выходить за зону аэродрома, так как наши же зенитки и собьют».

Пока рассуждали, мы уже крутились. Затем увидели, что взрывов больше не было, и Грачев ринулся вдоль аэродрома. Он увидел одну воронку, а я справа вторую.

Резко развернув самолет, он пошел на посадку и успел мне сказать, как только остановились: «Вы выскакивайте, а я разворачиваюсь и в Краснодар». Пришлось так и сделать. Так я оказался на аэродроме в Керчи.

Грачев забил мне все глаза пылью на развороте и улетел. Я дошел до деревьев, которые

росли на краю аэродрома, и вновь немцы начали бомбить аэродром. Достаточно нам было задержаться на 5 минут, и неизвестно, что было бы дальше.

Уже с наступлением темноты немцы закончили бомбить. Я добрался до г. Керчи, где меня с удовольствием встретил генерал-лейтенант Каранадзе*, очень приятный человек и хороший работник.

До темноты мы сидели с ним и горевали, что так плохо получается. Затем, созвонившись с Мехлисом, который находился на передовом командном пункте, поехали к нему.

Всю ночь мы блуждали, так как немец хозяйничал и шоферы боялись зажигать фары, так как и ночью штурмовики били, даже по отдельным машинам. 25 километров мы ехали часа четыре. Остановились у особистов.

Я поспал два часа и в 7 часов утра зашел к Мехлису. Поговорив с ним минут 40–50, я убедился, что этот глупец воображает себя полководцем. Условились, что будем часто встречаться. Он спросил у меня, зачем я приехал, на что я сказал, что здесь, на фронте, четыре пограничных полка полнокровных, так вот я с ними буду и помогу им.

Как и положено артисту, он не преминул при мне «продемонстрировать» свою честность министра госконтроля. При нас вошла девушка и сказала, что завтрак готов.

Мехлис не удержался и спросил: «Что на завтрак?» Та ответила: «Жареная курица». На фронте курица?! Вопрос: «Что, это всем положено?» Девушка смутилась и замолчала. Мехлис: «Если не положено всем, и я есть не буду». Вот в этом весь Мехлис[110].

Когда мы в тот же день вернулись в Керчь и переночевали, утром я услышал интенсивную бомбежку города, быстро выехал за город и наблюдал с высоты, как смело немцы бомбили.

Пока я стоял пару часов, ко мне на высоту поднялся зам. командующего фронтом. Я поинтересовался: «Как обстановка на фронте?» — он ответил: «Штаб фронта спешно перемещается в катакомбы». Я спросил: «Почему?» — «А потому, что немцы, а точнее румынская дивизия, прорвала фронт 21-й стрелковой дивизии (грузинской), те начали отступать, и фронт покотился назад».

И действительно, когда я поехал в сторону фронта, то видел отходящие наши части, довольно неорганизованно. А вечером я уже на КП командующего одного из армии наблюдал сцену, как Мехлис разносил командующего, называя его предателем, изменником и т. д. Тот растерялся.

Когда Мехлис уехал, то я ему сказал: «Не обращайте внимания на болтовню». Он посмотрел на меня, увидел мои ромбы и успокоился. В общем, весь фронт покотился, как игрушечный [111].

Сутки назад Мехлис меня уверял, как они перейдут в наступление, сколько у них «катюш», реактивных установок, что ни на одном фронте этого нет, это ему дал тов. Сталин и т. д. И вот тебе на![112]

Поздно вечером я поехал в катакомбы. Зашел к Мехлису, там же сидел и командующий фронтом Козлов. Я сказал Мехлису: как же понимать его заверения, что «перейдем в наступление»?

Этот хитрец вывернулся, что мол-де на войне всяко бывает, и добавил, что отход остановлен, наши части прочно удерживают оборону по Турецкому валу, о чем они уже донесли тов. Сталину, который сказал: «Очень хорошо будет, если вы удержитесь на Турецком валу и не пропустите немцев на Таманский полуостров и Северный Кавказ».

На следующее утро, собравшись поехать с пограничником Серебряковым на Турецкий вал, я решил заехать в катакомбы и узнать, нет ли чего нового. Туда, оказывается, прилетел «главком Буденный» и интересуется обстановкой. Я побыл несколько минут и выехал к Турецкому валу.

Вначале все шло нормально, правда, мне показалось подозрительным, когда я видел отдельные группы бойцов, которые шли к Керчи. Я спросил у одних: куда идут и почему. Это были грузины, они ответили: «На формирование».

Так как я «на формирование» слышал сотни раз под Москвой, то начал детально спрашивать, где стояли, откуда идут, где командиры и т. д. Оказалось, что они вторые сутки не видели ни командиров, и не знают, где штаб, и более того, они идут от Турецкого вала, на котором уже немцы.

Теперь я уже не знал, кому верить: Мехлису, который «прочно обороняет Турецкий вал» или грузинам. Опросив еще две группы отходивших, я уже был почти уверен, что Турецкий вал оставили немцам[113]...

Учитывая, что обстановка на месте вырисовывается вовсе не так, как представляют себе главком Буденный и «главком» Мехлис, я решил проверить и донести в Ставку Верховного.

Мы объехали д. Сараймин справа (с севера) и стали продвигаться в сторону Турецкого вала. Вдруг я увидел слева разрыв мины. Всем сидящим в машине сказал смотреть во все стороны, а водителю тщательно следить в случае, если придется быстро уезжать обратно.

Через несколько минут мины стали рваться со всех сторон. Я шоферу сказал: «Быстро вперед». Оказалось, что мы ехали боком к минометам, поэтому меньше вероятность, что они нас поразят.

Заскочили в другую деревню. Вышли из машины и стали говорить с жителями. Они говорят, что многие уехали из деревни в Керчь, на Тамань, в Темрюк, а здесь остались только крымские татары.

Я спросил, сколько от этой деревни до Турецкого вала. Мне крестьянин показал рукой и говорит: «Видишь вал?» — «Вижу», — отвечаю. «Вот это и есть Турецкий вал». Спрашиваю: «Кто на валу ходит?» Отвечает: «Немцы». — «А где наши?» Он ответил: «Вчера утром еще были, а к вечеру уже немцы стреляли по нашей деревне с вала».

Выходит, что когда Буденный и Мехлис писали донесение в Ставку, то уже вал был у немцев. Вот же стервецы как врут.

Пока мы рассуждали, немцы, видно, разглядели группу, машину и открыли огонь. Все попрятались, а мы с Василием Ивановичем Киселевым* начали за углом дома думать, как уйти из-под обстрела. А главное, если немцы пойдут в наступление, то нам, 5 воинам, единственный выход — удирать или стреляться.

Обстрел деревни продолжался с полчаса. наших ни одного бойца и близко не было. Немцы, видимо, тоже боялись наступать, и вот мы только «сидим у моря и ждем погоды». Ведь до вала всего 300–400 метров, бросок, и мы попались. Откровенно сказать, я в душе себя ругал, что так рискованно близко подъехали, но вместе с этим я должен был и проверить, потому что дело ответственное.

В общем, под вечер нам удалось сначала вытолкнуть из деревни автомашину, вслед за которой посыпались снаряды, а затем задами дворов потихоньку мы пробирались до машины.

На обратном пути мы увидели полковника Серебрякова (начальника пограничного отряда), который сообщил, что частей Советской Армии здесь уже нет, он снял последнюю заставу и сейчас идет в Керчь, занимать оборонительный рубеж.

Вернувшись в Керчь, я до утра подробно описал обстановку, вранье «главкомов» и поехал в Темрюк, чтобы оттуда передать по ВЧ записку, так как боялся, что в Керчи где-нибудь немцы или подлецы татары могут подслушать.

В Темрюке из горотдела передал и вернулся в катакомбы. Поездка из Темрюка и переправа через Керченский пролив заняла часа четыре.

В катакомбах встретил начальника разведки фронта полковника Сурина*, с которым вместе кончали академию. Поздоровавшись, спрашиваю: «Какие новые данные о противнике?» Он все рассказал и добавил, что еще вчера ему было известно, что оборона прорвана, нигде не закрепились наши части и продолжают отступать. Я подтвердил ему это.

Затем зашел к Мехлису, который сидел хмурый, ухватившись руками за голову. Не успел я рта раскрыть, как он мне глухим голосом сказал: «Звонил Хозяин и сказал, что Серов донес, что Турецкий вал прорван немцами, что мы его обманули».

Затем сделал паузу и продолжал: «Он сказал: „Будьте вы трижды прокляты, вы опозорили себя и подорвали доверие партии“, — и повесил трубку».

Я ему говорю: «Так зачем без проверки писали донесение?» Он ответил: «Вот в этом все дело». Затем мне подал шифровку Сталину, подтверждающую о занятии немцем Турецкого вала с подписью в конце «Трижды проклятый Мехлис».

В дальнейшем события развивались мгновенно.

К утру уже немцы подошли к г. Керчи. На окраине завязался бой танкистов. Наши отбили попытку танков прорваться в город...

Позвонил из Темрюка главком Буденный. Спрашивает: «Кто здесь главком?» (Сам сидит за 100 с лишним километров от боя в Темрюке.) Я ему отвечаю: «Насколько мне известно, ты главком». Я подумал, что он шутя спрашивает.

«Так какое ты имеешь право писать донесения Сталину?» Я отвечаю: «Когда командующие врут и обманывают, то я обязан об этом сказать Ставке». Буденный: «Ты не имеешь права это делать, ты знаешь, я за это тебя могу расстрелять».

Ну, тут уж я вижу, что этот идиот серьезно говорит, и я ему ответил: «За вранье надо расстреливать того, кто это делает». Тогда он мне на это ответил матом и продолжал угрозы в том же духе. Я его перебил и ответил тем же и повесил трубку.

Не прошло и пяти минут, как вдруг мне снова звонок. «Вас вызывает Москва». Я взял трубку. «Говорит Берия. Мне звонил Буденный и жаловался, что вы его оскорбили?» Я ответил, что он первый начал меня оскорблять, и я ему ответил тем же. Причем весь вопрос в том, что я разоблачил вранье по Турецкому валу.

Берия перебил меня и говорит: «Это вы правильно сделали. Ставка так оценила. Но чтобы у вас больше не было недоразумений, вы извинитесь перед Буденным». Я возмутился и говорю: «Этого я делать не буду, он первый начал, пусть и извиняется». Берия настаивал, а я не согласился.

Тогда он под конец сказал: «Смотрите, может быть плохо», — и повесил трубку. Моему возмущению не было конца. Какой провокатор Буденный, вот подлец!

Не успел я с мыслями собраться — опять звонок. «Ну что, звонил Лаврентий Павлович?» — я по голосу узнал Буденного и отвечаю: «Как тебе не стыдно, взрослому человеку, известному в стране, заниматься такими подлостями?» Он же отвечал мне опять как дурак: «Ну что, звонил, попало?» Вот ведь какой подлец!

В конце дня мы с ним встретились, и он себя вел как ни в чем не бывало. Вот ведь какие есть люди.

Как известно, кончил командование он бесславно. Пропустил немцев не только через Турецкий вал, но и через Таманский полуостров, через Краснодар, через Новороссийск и до Геленджика по побережью Черного моря. Кончил тем, что добежал до Сухуми, отступая, после чего Ставка отстранила его от «главкома».

В Крыму же трагедия продолжалась. Через день немцы ворвались в город. Началась стрельба из пулеметов и пушек, когда мы утром сидели с Каранадзе в здании НКВД.

Выскочив к машинам, мы пытались выбраться из города через центр, но там уже были немцы. Тогда мы пошли окраиной и там увидели, как немецкие танки шли в обход города. Таким образом мы оказались отрезанными[114].

Тогда мы ринулись вдоль берега Керченского пролива. Там немцев еще не было, и мы добрались до катакомб, где размещался штаб фронта. Но и там увидели только отдельных командиров штаба, которые ходили мрачные. Когда я спросил одного «где штаб?», он ответил: «Переселились на большую землю». Это означало, они бросили войска и переехали на Таманский полуостров.

Вышли мы из катакомб и пошли на возвышенность, где стояла группа командиров. Там оказались наши пограничники: генерал-майор Зимин*, полковник (

нрзб), и другие.

Несколько дней назад я им строго сказал, чтобы были готовы ко всякой неожиданности и части держали в кулаке. Без моего приказа за пролив не переходить. Когда мне доложил Зимин обстановку и показал, где расположены пограничные полки, я увидел, как на один из полков движутся танки немецкие. Пограничники открыли огонь из мелкокалиберных пушек, и танки вернулись назад. С наблюдательного пункта я пошел к маяку Еникале, то есть там, где проходила переправа наших войск на большую землю.

Я уже с высоты видел столпотворение, куда двигались люди, пушки, обозы и т. д. Когда подошел ближе, моему ужасу не было конца. Все бойцы без винтовок — побросали, голодные, из-за (

нрзб) дерутся, командиры ведут себя не лучше бойцов, никто никого не слушает. В общем, полная деморализация армии. Старших командиров, не говоря уже о генералах, не было.

Я послал к Зимину, чтобы отобрал 15 человек толковых командиров навести порядок. Пока за ними ходили, в это время прилетели две «рамы» — Фокке-Вульффы — и начали с высоты 150 метров нас бомбить. Я где стоял, тут и упал, а бомбы рвутся. Это издевательство длилось минут 40.

Когда улетели немцы, я встал и пошел по рядам лежавших раненых и убитых. Даже сейчас невозможно <передать> всего ужаса, который мы пережили. По дороге валялись убитые, раненые, отдельные руки, ноги, на траве кишки убитых, покалеченные орудия и автомашины. Картина страшная.

И все из-за того, что бездарное командование в лице Буденного, Козлова, Мехлиса, спасая

свою шкуру, не организовав отход, как это нужно было сделать, удрало трусливо «на большую землю». Ведь пограничники могли организованно отходить, да еще и огрызаться. А если бы армейцы это сделали, так неизвестно, удалось ли бы немцам выгнать нас из Крыма.

Когда я подошел к берегу, где была переправа, там картина была еще страшнее.

«Катюши», только что полученные на фронт, еще не рассекреченные, были брошены и остались немцам. Это те, о которых мне неделю назад хвастался подлец Мехлис.

Через пролив ходили два небольших катера и забирали бойцов на ту сторону. Каждый из них брал 50–60 бойцов и немного техники. При посадке катера брались с бою. Никто никого не слушался. На стоянке катера силой брали и перегружали до того, что он не мог сдвинуться, так как корма стояла на дне. Мне пришлось вмешаться, навести порядок, но я знал, что это только на час, а уйду — будет по-прежнему, потому что десятки тысяч ожидали переправы.

Некоторые отрывали борты у автомашин и из их бортов делали плот, середина пустая. Затем человек 15 брались за края, с тем чтобы хоть таким образом переправиться, некоторые под углы бортов прикрепляли камеры от авто. Ну, как и следовало ожидать, вместо 15 человек цеплялось за борта 30–40, и, отплыв от берега километр, многие из них тонули, так как на середине пролива вода холодная, да к тому же течение быстрое.

Когда я на берегу показывал бойцам на тонущих и говорил, что ведь предупреждали, что нельзя так делать, так они смотрели безразличными глазами, а через полчаса сами цеплялись в надежде, авось выберемся на большую землю.

Все желали уйти от немцев, но командование не приняло необходимых мер сохранить тысячи бойцов. Я не пишу о том, что я поминутно говорил с бойцами на разные темы, призывал к порядку, они соглашались со мной, а делали по-своему, как быстрее, но хуже.

Инстинкт самосохранения в этот тяжелый момент очень был развит. Ведь Керченский пролив — 4 км.

Я поговорил с капитанами катеров, чтобы они не прекращали перевозить бойцов, но они сказали, что горючее на исходе. Надо идти в Тамань на заправку, а немцы, говорят, за нами гонятся. Он был прав, даже на наших глазах после бомбежки людей, на развороте, заходил немецкий самолет над катером и пикировал на него. наших истребителей не было. Немцы били беззащитных людей.

Несмотря на то, что я за эти дни насмотрелся убитых, раненых, не раз сам попадал под такую бомбежку или обстрел, что и не думал, что останусь живым, но и то, когда я наблюдал переправу, то сердце кровью обливалось.

Если бы я в тот момент увидел Мехлиса, я бы отдал его на растерзание бойцам, которые страдают и умирают из-за его бездарности. У меня до сих пор стоят перед глазами отдельные трагические сцены...

Через час я добрался до КП Зимина. Он стоял на нем как статуя, не прячась, не пригибаясь. Справа обходили танки немцев и двигались в глубь полуострова. Я уже видел безнадежность положения и приказал постепенно, прикрывая друг друга (то есть один полк отходит, другой его прикрывает), отходить на переправу и далее на косу Чушка, это уже на Таманский полуостров, а там я к утру буду...

Часам к 23-м мы вправо от себя услышали пулеметные очереди, а затем сильный хлопок, и все побережье осветилось заревом огня. Оказывается, это немцы-автоматчики подошли к трем резервуарам, которые стояли на берегу с горючим для заправки пароходов, и подожгли их.

Причем мы, спрятавшись за скалы, видели в 50 шагах немецких автоматчиков, которые шли по берегу и изредка стреляли, переговариваясь между собой. Они прошли над нами. По берегу (низом) они, вероятно, все же боялись идти, так как нарвались бы на наших, которые, кстати сказать, были безоружные.

Таким образом, в довершение неприятностей, мы еще оказались и в тылу у немцев. Так мы сидели всю ночь. К рассвету резервуары выгорели, и освещение прекратилось. Видимо, с Таманского полуострова наблюдали и послали вновь катер, который благополучно пристал к берегу. Немцы, видно, утром еще спали.

Мы погрузились и поплыли на косу Чушку. Там я вздохнул уже свободнее. От немцев ушли.

Коса Чушка длиной до 7 километров была запружена бойцами и ранеными, кто успел переправиться. Многие лежали, а другие двигались на остров.

Картина, правда, и смешная, и трогательная. Смешная, потому что многие шли в гимнастерках, но без брюк, в кальсонах или трусах, чтобы легче было плыть. Оружия ни у кого не было.

Пройдя километра четыре, я увидел своих пограничников, которые закончили в ночь переправу, и подразделения с автоматами и винтовками стояли. Я подошел. Мне доложил полковник Серебряков, что «ваше приказание выполнено, вверенные вам части переправились, выполнив свою задачу».

Я спросил о потерях. Оказалось, что из 800 человек, бывших в полках, осталось по 130–150 человек. Остальные погибли. Спрашиваю: что ждете, идите на сборный пункт в г. Темрюк.

Серебряков повеселел, крикнул командира полков ко мне, а потом и говорит: «Вон там стоит генерал, который приказал мне сдать все автоматы и винтовки по приказанию Мехлиса. Штаб фронта будет доносить в Ставку, сколько вышло бойцов с оружием». Я-то видел, сколько. Единицы, а ему надо отчитаться.

Я решил <представить>, что будет, когда головной полк пойдет. Серебряков отдал приказание: «Шагом марш!» В это время к нему подошел генерал и что-то начал говорить. Серебряков кивнул в мою сторону.

Тогда генерал подходит и говорит: «По приказанию товарища Мехлиса оружие должно быть сдано». Я ему отвечаю: «Передайте Мехлису, что надо оружие собирать на той стороне пролива и заставить тех, кто бросил его, а те, кто сражались и вышли с оружием, они его не сдадут».

Подразделения пограничников уже пошли. Генерал еще пыжился, что он так и доложит тов. Мехлису. Я ему подтвердил, что пусть обязательно передаст мои слова. Он растерянно отошел в сторону.

Пока все это происходило, солнце уже поднялось, было часов 7–8 утра. Немец, видимо, проснулся, и стали рваться снаряды — недолеты и перелеты. Коса Чушка местами была шириной всего 200–300 метров. При выходе с косы стояла телефонная каменная будка Индо-Европейской линии. До войны какая-то компания организовала вокруг земного шара телефонную линию. По нашей территории в Крыму такая линия была. Во время войны ее использовали в наших целях. Я созвонился с Темрюком и попросил на Чушку выслать машину, так как до Темрюка было не менее 70–80 километров.

Как только повесил трубку, раздался страшный взрыв. Вылетели все стекла, вырвало входную дверь, и я услышал стоны и крики. Выскочив на улицу, я увидел громадную воронку от разрыва снаряда, убитых бойцов и стоны раненых...

Мы с Гришей Каранадзе двинулись разыскивать «штаб фронта». В поле на ровном месте я увидел прохаживающегося бойца с винтовкой. Пошли туда.

Когда подошли, то увидели врытые в землю ступеньки. Солдат пытался остановить меня. Когда вошли в землянку, то увидели там сидящих за столом с водкой Козлова, Мехлиса и начальника особого отдела фронта Белянова.

Когда увидел нас Мехлис, то запел: «Тра-та-та, немцам нос натянули». Я вижу, что он пьяный. Говорю: «В чем нос натянули?» Он отвечает, что они хотели нас захватить с войсками, но не вышло.

Я хотел сказать ему, что кому такая дрянь, как ты, нужен. Но сдержался и сказал: «Придется вам отвечать перед партией за допущенные безобразия, за тысячи убитых, десятки тысяч брошенных немцам в плен и за раненых. За новую технику, оставленную врагу».

На последнюю фразу Мехлис огрызнулся и говорит: «„Катюши“ мы вывезли». Я разозлился и говорю ему: «Выйди на косу Чушку и посмотри, как они там стоят, и не ври». Мехлис замолчал, а затем налил два стакана водки и предложил нам. Я отвернулся, и мы вышли.

На этом закончилась трагическая эпопея Крымского фронта, на котором, по заявлению Мехлиса, было 120 тысяч бойцов[115].

Через пару дней я получил указание Ставки обеспечить отправку в Москву самолетом Мехлиса и Козлова. Там их разжаловали, хотели судить, но затем опять их использовали[116].

В Москве

После неприятностей в Крыму вернулся на несколько дней в Москву. Был уже конец мая месяца. Здесь обстановка переменная.

Разгром немцев под Москвой зимой 1941/1942 года радует всех, но вместе с этим немцы резко рванули на юге. Занятие Крыма, движение в сторону Краснодара, занятие Ростова и движение к Сталинграду — все это действовало удручающе.

Правда, многие мои «друзья-приятели» прекрасно себя чувствуют, сидя в Москве, жизнь идет у них нормально, из Куйбышева вернулись с победой, ездят на дачи, приезжают на работу в 11–12 утра.

Многие делают вид, что обеспечивают фронт, а чем — неизвестно. Встречают меня и делают вид, что завидуют мне, что я нахожусь в «пекле» войны. А сам я думаю, что многие довольны, что их не посылают. Ну да пусть это будет на совести у них.

Особенно меня поразило, что многие из этих товарищей уже за год войны получили по два ордена. Спрашиваю — за что, говорят — за обеспечение выпуска боеприпасов, другие — за артиллерию, а фактически один мне сказал: «Составляли списки, вписали себя на награду и в списке остались до самого конца, т. е. пока выдали орден». Здорово. Некоторые даже умудрились получить монгольские ордена.

Я спросил одного особиста, работающего в Москве, как получилось, он говорит: «В Перхушково (30 км от Москвы) стоял штаб Западного фронта. Приехал туда Чой-бол-сан* (правильно: Чойбалсан. —

Прим. ред .) и раздавал ордена, я тоже встал в очередь и получил». Ну ладно, меня это не касается.

За время моего отсутствия новостей накопилось много. 26 мая был заключен договор о союзе между СССР и Англией о войне против фашистской Германии, а 11 июня — такой же договор с США. Это уже хорошо. Теперь вместе воевать будут с Германией еще две больших страны. Посмотрим, во что это выльется. До сих пор Англия и США, скорей всего, можно назвать, условно воевали.

Здесь стало известно, что на Волховском фронте командующий 2-й армией генерал Власов* стал предателем. Его армию немцы окружили, однако все стали отбиваться и выходить из окружения. Многие, а вернее, большинство отбились и вышли, а этот подлец, член партии, вначале скрылся в деревне от своих, а затем оказался в деревне Пятница и там перешел к гитлеровцам.

Обстановка на фронтах осложнялась. 23 июля немцы заняли Ростов. Немцы ставили задачу овладеть Черноморским побережьем и далее идти на Грозный и Баку, с тем чтобы лишить нас нефти, горючего. Другие направления их наступления — на Сталинград.

И наконец, видимо, во что бы то ни стало хотят овладеть Ленинградом. Геббельс надрывался ежедневно, и, читая сводки, становится не по себе.

Мне тяжело перечислять областные города и территории, занятые немцами. От Ленинграда до Воронежа, минуя Москву, и далее — на Сталинград и Астрахань.

Если прочертить извилистую линию, то таков наш фронт войны с фашистами. Больно до слез.

Очень хорошо, что развернулись в тылу партизаны. Был постановлением ГКО создан центральный штаб партизанского движения во главе с Ворошиловым, его заместителем был секретарь ЦК Белоруссии Пономаренко*. Отовсюду поступали к нам данные о подрыве немецких поездов, уничтожении штабов дивизий, взрывают отдельные группы немцев в населенных пунктах и т. д. В общем, это дело хорошо пошло.

Полет в Сталинград

Ночью, часа в три позвонили мне от наркома и сказали, чтобы я летел в Сталинград, так как там очень плохо, а сидит Абакумов, который паникует и просится в Москву. Утром попрощался с родными и улетел.

В Сталинграде обстановка действительно была тяжелая. В первый же день прилета немцы под вечер впервые отбомбили Сталинград. Население ходит с хмурым видом, проклинает гитлеровцев, но паники или беспорядков нет. Суровы по-деловому[117].

Кстати сказать, когда я вечером возвратился отдохнуть в гостиницу, где я остановился, она была разбита. Пропал мой чемодан с вещами. Наверное, если бы я в это время находился тут, то тоже бы погиб.

Нужно сказать, что за время вот уже более года войны мне ужасно везет. Как правило, где бы я ни был, после меня либо разобьют бомбежкой, либо снаряд попадет, а я уже уехал. Видно, под счастливой звездой родился, ну, посмотрим еще, война только началась.

Утром поехал в сторону Калача или, как здесь называют, «Излучина Дона».

Да, забыл сказать, что до этого съездил в Штаб фронта, встретился с Хрущевым и передал ему письмо от Нины Петровны. Хрущев был членом ВС Сталинградского фронта[118]. Вот тоже бедняге везет. Назначают на самые тяжелые фронты. До этого был на Харьковском направлении у Тимошенко.

Продолжаю. Отъехал от Сталинграда километров 30, как вижу — немцы бомбят железнодорожную станцию. Самолеты летают низко, нагло, бензохранилища горят.

Поехал дальше. Смотрю — идут группы красноармейцев в кальсонах, в гимнастерках, многие — с винтовками. На груди гвардейские знаки. Остановил офицера, спрашиваю номер дивизии и что случилось.

Оказывается, это бойцы Московской Гвардейской дивизии, прибывшие в оборону Сталинграда, и находились в Излучине Дона. С утра немцы перешли в наступление, и наши начали отходить. Когда дошли до Излучины, то стали переплавляться вплавь. Многие для облегчения сняли штаны и сапоги и оставили на том берегу.

Одним словом, и смех, и слезы, и обидно. Но отраднo, что бойцы не унывают духом, знают, что идут в Сталинград на переформирование. Оружие не бросили.

В одной деревне нашел штаб 4ТА и командарма, бывшего кавалериста, генерал-майора Крученина*[119], который оборонял излучину Дона.

Когда и вошел, поприветствовав, говорю: «Ну что, навоевались?» Крученин побледнел и молчит. Я только потом сообразил, что я в форме НКВД — 4 ромба. Он подумал, что я его арестовать приехал.

Спрашиваю, как же случилось, что ушли из Излучины, он говорит: «т. Серов, наша 4 танковая армия, только по названию танковая, а на самом деле танки еще не поступили. Всего есть 7 штук. Немец накануне в двух-трех местах прощупал нас, узнал, что нет танков, и пошел в наступление при поддержке танков и авиации. Вот и пришлось отступить».

Я ему посоветовал быстрее собрать отходящие войска и организовать их для дальнейших боев.

Когда мы возвращались в Сталинград, немцы, вернее, отдельные истребители, всю дорогу нас преследовали на бреющем полете, пикировали и обстреливали из пулеметов, но ничего не могли сделать, ни одной царапины.

Я два раза ложился в кювет, а где не было, то убежал от машины. Правда, впереди нас шла тоже военная машина, так ту побили пулями, шофера ранили.

По прибытии в Сталинград я вызвал командира дивизии НКВД полковника Сараева и начальника УНКВД Воронина. 20 лет назад мы с Сараевым вместе учились в т. Кадникове в школе 2-й ст^иупени^и.

Растолковал ему, что надо делать, где выставить посты для задержания неорганизованно отходящих с фронта, где организовать оборону на подступах к городу, доложить ВС о принятых мерах и с дивизией никуда не уходить.

Сараев, как мне потом говорили, стойко держался с дивизией и был награжден ВС фронта орденом[120].

Их надо сбросить с перевала...

Через два дня после описываемых событий мне приказали из ГОКО срочно вылететь в Тбилиси и принять участие в обороне Кавказских перевалов, куда устремлялся немец. Туда же прилетели генералы Бодин* и другие из Генштаба.

Когда я 25 августа прибыл в Штаб округа, там собрались генералы во главе с командующим Закавказским фронтом Тюленевым. Затем появился Берия, член ГОКО. Берия спросил у Тюленева: «Откуда ждете противника, и где наших войск мало?» Тот невнятно ответил, что немец рвется через Клухорский перевал и Марухский перевал к Сухуми, где наступает дивизия СС (командир дивизии генерал-майор Майнц)[121].

Видно было, что штаб округа плохо был знаком с обстановкой и не готов был для боевых действий, работали по мирному, как будто и войны не было. Кругом в кабинетах, в приемных и коридорах развешаны портреты бывшего министра обороны Тимошенко.

Берия подметил это и, выйдя из уборной, спрашивает у Тюленева: «А почему, кацо, нет портрета Тимошенко в уборной?» Тюленев смутился и ответил: «Учтем». Все захохотали. Это дело происходило более чем через год, как министр обороны был т. Сталин, а не Тимошенко.

Когда было учтено, что самое опасное направление движения немцев — Клухорский и Марухский перевалы, что там немцы продвигаются по 4–6 км в сутки, то Берия сразу сказал, обращаясь ко мне: «Забирай, кого тебе надо из генералов, и сейчас же отправляйся на перевалы. Немца надо задержать»[122].

Мне показалось, что он как-то неприязненно на меня посмотрел. Ведь на этом совещании были грузины из ЦК, ни одного не послал туда, хотя оборонять надо было Грузию, побережье, Сухуми. Я сказал, что мне нужны в помощь генерал Добрынин* и генерал-лейтенант Сладкевич*, которые со мной учились в Академии Фрунзе. Берия согласился. Мы вышли.[123]

Через час нам организовали отдельный паровоз, куда мы прицепили вагон с оружием и выехали в Сухуми.

Утром в Сухуми нас встретили, дали верховых лошадей, и мы подались в горы. Надо было пройти 60 км по горам. Погода стояла жаркая, сухая (конец августа).

В Сухуми мы узнали, что немцы заняли Краснодар и двигаются к Новороссийску. Буденный теперь уже вместе с членом ВС Л. Кагановичем и адмиралом Исаковым* отступали к Новороссийску[124].

Бездарный «полководец» в условиях Отечественной войны, имевший в составе фронта 8 армий и два корпуса, не мог организовать оборону и отступал на всех участках. В гражданскую он мог воевать неплохо, комбинируя партизанские наскоки с военными тактическими приемами. А сейчас, когда от него потребовалось грамотное и обоснованное решение на упорную оборону, то этого образования у него не было.

Немцы же — хитрый, коварный враг, который оперативно, грамотно организует наступление. Колонну автомашин Штаба фронта немцы бомбили, и Исакову осколком перебили ногу (ампутировали).

В дальнейшем, когда Буденный сдал немцам и Новороссийск, а сам находился где-то возле Геленджика, то его сняли с должности командующего фронтом (второй раз за год войны)[125]

Весь день при жаре ехали на лошадях и, наконец, к вечеру приехали в Штаб корпуса, который руководил операциями на перевале. Командир корпуса — генерал-лейтенант артиллерии грузин Леселидзе*. Корпус входил в состав 46-й армии (штаб в Сухуми), а одна дивизия обороняла перевалы (штаб дивизии в ауле Гвандра), в 4-х км от переднего края. Когда я беседовал с командиром дивизии Кантария*, тот безграмотно мямлил об обстановке, так что я в конце сказал ему: «Сам поеду на передний край».

Там полковник Коробов* довольно толково доложил: «16 августа части 1-й горно-стрелковой дивизии СС „Эдельвейс“ по долине р. Теберда вышли на перевал, сбив роту 815 полка 394 дивизии. Два батальона находились далеко в тылу от перевала. Один батальон — на обратных скатах перевала в сторону Сухуми, а 2-й батальон — за 15 км от перевала, в районе аулов Гвандра, Ажара, Клыдж, а 3-й батальон — на 70 км от перевала в Сухуми». И это называется оборона?

Вот где бездарность командира 46 армии, генерал-майора Сергацкова и грузина, генерала артиллерии Леселидзе. Одной ротой оборонять перевал, где можно было разместить полк (я был на месте), и растянуть 3 батальона на 70 км в затылок, делая вид, что они обороняют перевал.

О том, что немцы овладели перевалом, командование 46 армии узнало через 3 дня!!! Вот тут-то и начали посылать подкрепления — три батальона других частей и отряд НКВД. Но пока подошли эти части (через неделю), немцы уже перевалили горы на 17 км от перевала в ущелье Клыдж[126]. «Вот тут мы и стоим, — закончил т. Коробов. — Правда, дальше пока не пускаем».

Жалуется, что войск на Клухорском перевале — один неполноценный полк и штаб дивизии. На Марухском перевале тоже полк. Каждый день 150 человек убитых и раненых. Таким образом, войск хватит на 2–3 дня, а потом не знает, что делать.

Пока разбирались, а ночью немного уснули, утром мне Леселидзе говорит: «Получил телеграмму из штаба 46-й армии, куда подчинен, о том, чтобы выехал в Сухуми со штабом». Выходит, штаба нет, командира корпуса нет, а остался Серов и с ним два генерала. Здорово воюем...

На следующий день я вновь верхом поехал на передовые позиции. Там держал оборону полковник Коробов. Хороший командир, но измученный непрерывными попытками наступать со стороны немцев. Я подбодрил его. Спросил, где можно мне расположиться и находиться с ним на передовой.

Он удивился и начал меня уговаривать уезжать в штаб дивизии (за 3 км), так как не ручается, что немцы не обойдут и не захватят в плен. Я его успокоил, и мы помирились на том, что я буду находиться у него, а иногда буду в штабе дивизии...

Затем мне Коробов рассказал всю неприглядную картину бездействия и беспечности Сергацкова, который нигде не был, а сидит в Сухуми в 60–70 км от переднего края и не знает обстановки. На перевалах нет взрывчатки, с тем чтобы можно было устроить завалы. Саперы, которые тут были недолго, почти ничего не сделали, и немцы уже подступали к перевалам.

Выдвинутые в небольшом количестве войска не подготовили себе позиций. Штаб армии и корпуса не проверил. Леселидзе — командующий корпуса — никакой обороны на перевалах не организовал, так как не ожидал, что придут немцы.

Разведки войсковой на перевалах не было. Большой состав в полках азербайджанцев и других восточных национальностей, которые не обучены, трусливы и нередко, чтобы уйти с передовых, поднимают рукой каску, немецкие снайперы стреляют, и с раненой рукой вояка

отправляется в полевой санпункт.

Перевалы к моменту выхода немцев не были заняты нашими войсками. Это на второй год войны. Это уже не безответственность, а преступление со стороны командования фронта и 46-й армии Тюленева и Сергацкова[127].

На следующий день я связался с Сухуми, где уже отвечал вновь назначенный командующий армией Леселидзе.

Оказывается, генерал-майора Сергацкова 28 августа Берия снял с 46-й армии и назначил Леселидзе, а Сергацкова послал командовать 351 стрелковой дивизией на Мамисонский перевал. За какие такие заслуги Леселидзе повысили?

Я потребовал боеприпасов и мин. Он обещал выслать на ишаках (в тюках), так как к нам дороги не было. Я также попросил хлеба и крупы, которых мало было в наличии. Он пообещал послать несколько самолетов У-2 и сбросить к нам. Условились, куда сбрасывать.

Кстати сказать, все, что происходило, — это в горах на высоте 2800 метров. Дышать первые дни было непривычно, но потом ничего. Спали мы в палатке под деревом, так как могу признаться, что это я делал из-за боязни, что немцы могут в домике (где размещались офицеры штаба дивизии) окружить и побить, а под деревом я все услышу. Как потом оказалось, эта моя осторожность и помогла мне.

Питались мы сухарями, которые нам сбрасывали с самолета, а вода, в которой размачивали, — чистая, горная. Кое-где попадались ягоды. В общем, снабжение было неважное.

Через 3–4 дня из штаба фронта (Сухуми) стали на меня <жать>, ссылаясь на члена ГОКО Берия, чтобы я организовал наступление и выгонял немцев из гор. Я понял этот нажим как желание нового командования (Берия, Тюленева, Леселидзе) показать Ставке Верховного Главнокомандования, что с вступлением в командование они успешно бьют немцев и заставляют его отступать. Странно.

Они не представляют, что здесь происходит. Здесь мало боеприпасов. Неполюценные войска (азербайджанцев, армян и других национальностей большой процент)...

В общем, наступление окончилось неудачей, так как в горах наступать — не то что на равнине. В горной практике обходной маневр, да особенно сверху — это главное преимущество. Придется это учесть на будущее.

В середине дня подсчитали наши потери. Оказалось, до 120 бойцов убитых и 200 человек раненых. У меня настроение понизилось, так как войск и без того было крайне ограниченно...

Через пару дней опять из штаба фронта по полевому проводу звонок. Надо наступать. Я отвечаю, что донес об одном наступлении, и кончилось дело плохо. Настаивают. Я опять отказался. Приказали выехать в Сухуми. Я говорю: «Хорошо, завтра буду». — «Нет, спасибо». Я отвечаю, что на лошадах я не смогу сегодня 60 км проехать. Говорят: «Приготовь площадку для посадки У-2»... Самолет после третьего захода еле сел. Полетели в Сухуми. Там меня на машине повезли в особняк Берия.

По дороге я видел мирных жителей Сухуми, у которых праздный вид, вроде и войны нет. Шофер грузин с возмущением рассказал, как ночью прилетел немецкий бомбардировщик, сбросил бомбу, свет в городе потушили и т. д. Я хотел сказать, что нас каждый день с утра до вечера немцы минами забрасывают, да и есть зачастую бывает нечего, но мы не ропщем.

В штабе руководство «отдыхало». Устроились они — как в раю, на госдаче. Кругом цветы, пальма, бамбуковая роща, одним словом, не то что у нас, спим на земле, подотслаив ветки

деревьев по-туристски...

В Сухуми, куда меня привезли, возле Берия вертелись Тюленев, Кобулов, Леселидзе и другие...

Попутно хвастаясь, как быстро тут решаются вопросы, они — Тюленев и Кобулов — мне рассказали: Буденный, отступая от Новороссийска, добежал до Сухуми со своей свитой и конюшней. Когда он появился в Сухуми, председатель Президиума Абхазской АССР устроил ему пышный прием. Пили всю ночь, перед приездом Берия в Сухуми[128].

Утром, когда узнали они об этом, то председателя Президиума немедленно сняли с работы [129], а в отношении Буденного Берия послал телеграмму в Ставку, в которой изложил все его чудачества, неспособность командовать фронтом и в конце написал, что Тюленев тоже не лучше, так как не обеспечил охраны кавказских перевалов, проявил беспечность и т. д. Но если выбирать из этих двух «полководцев», то Тюленева можно оставить командующим фронтом, а Буденного отправить в Москву. Через несколько часов из Ставки пришло согласие.

«Причем, — добавил Кобулов, — Берия телеграмму дал прочитать Тюленеву, который поблагодарил Берия за доверие и поцеловал ему руку»[130].

За минуту до смерти

С начальством разговор был короткий. «Наступать». Я рассказал нецелесообразность этого предприятия и перешел сам в наступление. Стал просить хотя бы еще полк туда, так как войск очень мало. Выпросил горно-стрелковый полк, который обещали через день-два.

Вместе с этим пообещал организовать ночное наступление, хотя и высказал соображения, что лучше 2 недели подождать, не губить людей, и когда в горах выпадет снег, немцы сами уйдут из гор в сторону Северного Кавказа. Со мной не согласились и приказали наступать.

Вернувшись на фронт, вновь стал организовывать наступление. Учел все промахи. Однако и немцы были уже настороже. Ночью мы сумели продвинуться вплотную к ним, но ураганным огнем, хотя и нецельным, заставили наших залечь.

Хитрый мой замысел — одной ротой выйти в тыл к немцам — не удался. Командир 4-й роты, который должен это выполнить, переправившись на другой берег р. Клыдж, струсил, бросил роту и вернулся обратно. Его поймали и привели к нам.

Кстати сказать, видно, для контроля моих действий по наступлению из Сухуми приехали член военного совета фронта Саджая* и секретарь ЦК Грузии, фамилия Шерозия*. Я воспользовался их присутствием, посоветовался, как быть с командиром роты, не выполнившим приказ в боевых условиях...

Тут же решили военным советом расстрелять. Построили роту минометчиков. Я опрашиваю: «Вот командир 4-й роты дважды бросил роту и позорно дезертировал. Что за это ему полагается?» Все хором: «Расстрелять!» Таким образом, наш приговор был еще скреплен решением бойцов, которые были возмущены поведением предателя. Приговор был приведен в исполнение. К вечеру «начальство» уехало.

Недолго мне пришлось побыть без неприятностей. Через несколько дней ко мне прислали пополнение — взвод политработников из армянской военной школы. Я поговорил с ними и направил к Коробову. Дело было под вечер.

Поздно вечером позвонил т. Коробову и справился, как дела и пришли ли политработники. Отвечает: «Нет». Я забеспокоился и послал офицера из штаба найти взвод. Тот вернулся и говорит: «Нет нигде». Странно! Ну, думаю, утром сами придут.

Часов в 11 вечера позвонил генерал Сладкевич, который находился в Гвандре, и доложил, что прибыл 121-й горно-стрелковый полк 9-й горно-стрелковой дивизии под командованием полковника Аршава*. Все-таки Леселидзе выполнил обещание и прислал! Передал трубку. Тот мне представился и попросил разрешения заночевать.

У меня как-то беспокойно было на сердце, особенно с пропажей взвода, и я приказал накормить бойцов и следовать сюда ко мне (надо было пройти 12 км). Через полчаса звонит Сладкевич (а я уже из помещения штаба ушел в свою палатку метров за 150). Пришлось одеваться и вновь идти к телефону.

Докладывает: «Бойцы и командиры, как пришли, упали на землю и уснули. От обеда отказались. Ходим с командиром полка, поднимаем за рукава, толкаем в ноги, поднять не можем. Они уже по горам прошли 50 км. Разрешите ночевать и рано утром выступить».

У меня уже появилось предчувствие чего-то нехорошего. Приказываю поднять полк по тревоге и немедленно выступить. Когда полк уйдет, доложить мне. Сладкевич замолчал, потом сказал: «Слушаюсь!» и повесил трубку.

Позвонил Коробову, спросил, как дела. Он почему-то тоже не спал, а время было уже более 12 ночи. Отвечает, что тихо, немцы молчат, вопреки обычному. Сказал: «Следите».

Сам себя изловил на том, что у меня появился страх перед немцами. Потом внимательно стал рассуждать (конечно, сам с собой), были ли основания. И да, и нет.

Почему у меня возникло чувство страха? Да потому, что создалась опасная обстановка, и не только вокруг меня лично, но и для других. В чем у меня выразился страх? В беспокойстве, волнении, в чувстве надвигающейся беды. И все же решил, что основания были и есть. Взвод пропал, немцы затихли, ну и плюс предрассудок — жду полк, а прибытие тормозится. Какой вывод?

1. Не проявлять малодушия.
2. Особенно — трусости.
3. Мобилизовать всю свою волю на правильное решение.

Примерно через час Сладкевич позвонил и хриплым голосом сказал: «Ваше приказание выполнено, полк выступил».

Между прочим, Сладкевич — больной человек. У него туберкулез легких. Когда к нам стали садиться У-2, то по моему указанию несколько раз прилетал врач делать ему пневмоторакс. И, несмотря на это, Сладкевич с чувством высокого долга перед Родиной находится на высоте 2800 м.

Пошел к себе в палатку и, не раздеваясь, лег и заснул. Это было около двух часов ночи. Спал не более часа. Вдруг слышу — очередь из автомата. Вскочил, схватился за маузер. Тужлов тоже. Затем другая очередь, и пошла пальба. Я послал Тужлова узнать, пришел ли полк, и немедленно привести сюда три роты.

Прошло минут 15. Автоматчики-немцы стали спускаться с гор уже ближе к нам. За это время я имевшемуся у меня взводу пограничников приказал расположиться вокруг палатки лежа. Сквозь деревья уже были видны немцы, перебегавшие от дерева к дереву.

оказалось. Тогда я взял четырех бойцов из взвода НКВД, и мы с Тужловым сели на лошадей, а бойцы за нами, и двинулись. Впереди послали двух дозорных.

Я ожидал обстрела с моста через ручей Гвандра, где вчера было порядочно немцев. Подошли к мосту, их нет. С тем, чтобы сократить путь на 1/2 км, я решил пройти по лесной тропе, где стояла горная батарея.

Когда вошли на площадку, где стояли орудия, ни одного бойца не было видно. Я спешился и пошел.

Смотрю — возле дерева сидит боец, убитый, руки кверху, так и застыл. Пробоина в голове. Винтовка рядом. Приклад разломлен пополам. Недалеко валялись убитые из автоматов лошади, животы которых уже за ночь вздулись, как горы, И такая картина около каждого орудия.

Видно было, что на артиллеристов с тыла наскочили внезапно немцы, те растерялись, и их немцы всех побили. При этом у многих были руки вверх. Вот что значит — растеряться, не проявить воли, не сопротивляться. Я подумал, что руки вверх поднять их заставили командой на русском языке, так как немецкую команду бойцы не исполнили бы.

В общем, картина страшная, и в то же время у меня осадок неприятный остался. Ведь, если бы командир батареи организовал быстро вокруг себя бойцов и дал дружный отпор, то немцы не побили бы их. А они, видя неорганизованность командира, обнаглели и побили всю батарею.

Добрался до Коробова. Жив, здоров. Говорит: «Слышал стрельбу у вас, выставил охранение, но никто не появился, ни с фланга, ни с тыла. Значит, немцы отступили». Я приказал вокруг места боя километра на 2–3 прочесать всю местность. Возможно, где-нибудь еще сидят.

Поехал обратно к штабу дивизии другой дорогой. Кругом стоит трупный запах. Убитые немцы стали разлагаться, так как температура днем 25–27 градусов, ночью тоже градусов 12. Пришлось дать команду расчистить от трупов дорогу и забросать их ветками, где нет земли. Но вонь так и продолжалась.

По прибытии к себе привели одного задержанного армянина из взвода политработников, которых я послал к Коробову два дня назад. Он добился, чтобы его привели ко мне.

Он мне рассказал следующее: два дня назад, когда их я направил в полк, по дороге взвод сразу за ручьем встретили немцы и скомандовали: «Руки вверх!». (Взвод политруков был без оружия.) Взвод сдался.

Тогда немцы нагрузили их ящиками с пулеметными лентами, минами для минометов и другими военными принадлежностями и заставили их нести за собой. Когда вчера шел бой, политработники так же подносили мины и боеприпасы для немцев. Сегодня утром немцы находились в лесу за ручьем около моста.

Я тут же ему сказал: «Врешь», а сам подумал: «Только что проезжал я там, и никаких немцев нет». В доказательство своей правоты он мне сказал следующее: «Товарищ начальник, спросите своих подчиненных, кто из них два часа назад проходил по тропе мимо артпозиций. Немцы и мы сидели в кустах и видели проходивших».

Я почувствовал, что у меня по голове мурашки забегали. Он продолжал: «Впереди на коне ехал начальник в красной фуражке (это я), а за ним — в зеленой (это Тужлов), а затем шли бойцы с автоматами в красных фуражках. Один немец хотел поднять всех немцев и броситься на эту группу, а их офицер запретил, так как увидел, что группа вооружена, может подняться стрельба, а мы все находимся в тылу. Когда эта группа наша прошла, то немцы

собрались и стали отходить по лесу к своим, а взвод наших увели.

„Я, — говорит, — лег и не поднялся. Они ушли, а я бросился уходить обратно к своим, а затем меня задержали бойцы“».

Таким образом, он рассказал, как немцы из кустов наблюдали за нами. Стало жутко. Началась бы рукопашная схватка, которая кончилась бы плохо, так как нас было 8 человек, а немцев — более 30 человек.

После этого рассказа я послал вдогонку взвод, но немцы уже отошли. Вот это случай! На волосок от смерти. Правда, я строго предупредил Тужлова, что если меня тяжело ранят, то он обязан пристрелить меня, а сам застрелиться. Он твердо сказал: «Выполню, Иван Александрович». Я не сомневаюсь, что он бы это выполнил.

Через несколько дней для прочесывания местности в горах, откуда спустились к нам на рассвете немцы, я послал со взводом генерал-лейтенанта Сладкевича. Вернувшись к вечеру, Сладкевич привел раненого немца из батальона, который напал на нас. Нашли политрука, знающего немецкий язык, и начал допрашивать. Оказалось, что этот батальон немцев из дивизии СС, которой командует генерал Ланц. Дивизия все время тренировалась в горах на юге Германии в Тироле[132].

Этот батальон — 850 солдат, наиболее подготовленных головорезов, сильных физически. Батальон получил задачу «захватить штаб генерала НКВД», т. е. речь идет обо мне. В качестве проводника, знающего хорошо тропы и подступы к штабу, взяли карачаевца местного. Он их и привел. Но затем с сожалением немец сказал, что они не ожидали, что у генерала окажется войска.

Выходит, что не зря у меня было предчувствие во что бы то ни стало подтянуть к себе полк Аршавы. Если бы его не было, конечно, они меня захватили бы.

Когда я немного выяснил обстановку у пленного, то предложил ему большой сухарь хлеба, смочив в воде, и налил полстакана вина, которое у меня было без использования. Немец поблагодарил, откусил два-три раза по маленькому кусочку сухаря, запил двумя глотками вина и больше не стал есть.

Я удивился и предложил все съесть. Он поблагодарил, но отказался, прибавил при этом: «Я неделю не ел, желудок и кишки за это время резко уменьшились, поэтому надо их расширять постепенно, а не сразу много кушать». Я удивился выдержке рядового солдата. Как его вымуштровали!

После допроса немец попросил сделать ему перевязку. Позвали сестру. Он снял рубаху и показал рваную рану на спине сантиметров 15 длиной и 5 шириной. Вся рана была покрыта серыми червями. Я впервые увидел это и удивленно сказал сестре, что черви могут заразить кровь. Сестра мне спокойно ответила, что в червях у него счастье, так как они поедают гнойные выделения и тем самым очищают рану.

Я спросил немца, знает ли, а вернее, чувствовал ли на ране червей. Он ответил утвердительно. Сестра палочкой соскребла червей, смазала йодом и сказала, что теперь рана будет заживать. И тут у немца проявилась выдержка — 7 суток чувствовать, что у тебя на спине в ране черви и не согнать их, это надо было иметь характер и волю.

Когда немцев мы побили, это был уже конец августа, и они затихли. Я с Добрыниным и Тужловым с утра поехали верхами на другой перевал, более спокойный с точки зрения войны, на Марухский перевал. Передвижение на лошадях в условиях гор, да к тому же еще высотой от 3000 м и более, — это не такая легкая история. Того и гляди, как бы не угодить в пропасть.

В одном месте Тужлов зевнул, ослабил поводья, и лошадь поплыла по обрыву. Он успел соскочить и стал держать поводья, обернув их за дерево. Ну, конечно же, не удержал, и лошадь метров двадцать плыла на боку. Внизу за что-то зацепилась и легла. Мы быстро подоспели к ней. Подняли на ноги, а как вывести на тропу из ущелья, не знаем. Пришлось с километр отвести лошадь от места падения и вывести на тропу.

К вечеру добрались до Марухского перевала. После того, как я убедился на Клухорском перевале, насколько безответственно подошло командование Западного фронта и 46-й армии к обороне Кавказских перевалов, я был готов ко всяким неожиданностям и на Марухском перевале...

К вечеру с Добрыниным добрались до подножия Марухского перевала. Нигде никого — ни наших, ни немцев. На самом перевале тоже тихо. Ездили мы часа два по холмам и горам, наконец, почти вплотную подъехали к бойцам, которые лежали, а впереди — небольшие насыпи, окопов не было.

Вызвал командира роты. Спрашиваю: «Где войска, и давно ли вы тут?». Отвечает: «Войск всего один батальон, немцы ведут себя тихо, на перевале не беспокоят, ну и мы молчим». Спрашиваю: «Давно с ротой стоите?» — «Больше недели», — отвечает. «Почему же окопов не роете?» — «Да мы вон на том рубеже (показывает на южный скат Марухского перевала) отрыли было, а немец пошел в наступление и занял их».

Вот легкомыслие, от Тюленева, Сергацкова и до командира роты. Мы с Добрыниным возмущаемся. Наконец, добрался до командира батальона 810 стр<елкового> полка. Оказалось, что он тут самый старший начальник. Спрашиваю, где же войска. Он говорит — там, показывая в тыл.

Оказалось, та же самая картина, что и на Клухорском перевале. Оборона перевала организована не по фронту перевала и со вторым эшелоном, а подразделения раскиданы за 5-10 км в глубь Грузии. Ну, хоть плачь после такого полководческого таланта командующего армией и командира корпуса Леселидзе.

На следующий день мы объехали или обошли все позиции, дали указания в соответствии с приказом Ставки, о котором защитники перевалов не знали, приказали заминировать наиболее узкие проходы. Но у меня не было уверенности, что все это поможет или, точнее, усилит оборону, так как с Марухского перевала сразу открывался широкий простор для обходных движений, если противник начнет наступать. Связи с командиром полка у командиров батальонов не было, вообще, одним словом, слезы, а не оборона.

Единственная надежда была — это, как предсказывали сваны, по ежегодным данным в конце сентября — в начале октября на перевалах появляется снег, следовательно, движение закрывается, и немцы удерут за перевалы. Я больше всего рассчитывал на это, так как войск для обороны фактически не было. Но немцы вели себя тихо.

Как потом и оказалось, что в начало сентября немцы пошли в наступление, около полка той же дивизии «Эдельвейс» сбили наши подразделения и заняли перевал. Но вовремя выделенное подкрепление (три батальона) пыталось выбить немцев с перевала, но не смогло. И лишь в начале января 1943 года, когда в горах выпал обильный снег, немцы ушли сами.

Раздумывая далее, я предполагал, что, очевидно, основное наступление было <намечено> немцами через Клухорский перевал, с тем чтобы напрямик выйти к Сухуми.

Побыв несколько дней на Марухском перевале, вернулись на Клухорский перевал. Был уже сентябрь, но снег не выпадал. Немцы вели себя тихо. Надо прощупать. Приказал утром послать в разведку отделение, которое через полчаса вернулось и доложило, что окопы

пустые.

Ушли! Ура! Перепугались снега. Это уже хорошо. Через полчаса мы уже на лошадях двинулись сперва к немецким окопам, а затем к Клухорсхому перевалу. Окопы немцы загадили нарочно. Вдоль всей дороги, точнее, тропы валялись застреленные итальянские мулы, на которых они подвозили мины.

Двигаясь, мы все время разглядывали, не заминирована ли тропа. И так мы прошли 15 км. Осталось до перевала километра 3–4.

Когда мы вышли в ущелье перевала и увидели перевал, то немцы, засевшие на самом перевале в снегу, нас тоже увидели и открыли огонь из минометов. Мы залегли, но место было открытое. Убежать в укрытие не успели.

Немец начал пристрелку по нашей группе (я, Добрынин, Тужлов, командир полка Коробов и командир батальона). У меня оказалось наиболее удобное место. Я был защищен камнем от прямого попадания миной, и мне можно было сбоку, высунув голову, видеть, куда бьет немец.

Оказалось, что немец начал по нам пристреливаться с недолетов. Причем, метров за 150. Следующий снаряд уже упал ближе. Я вижу, что дело может кончиться плохо. Может накрыть нас залпом из 4–5 минометов, и от нас будет мокрое место.

Я быстро прикинул, что мина летит 40 секунд. Мне был виден дымок с перевала, когда происходил выстрел и разрыв мины у нас под носом. К 40 секундам я добавил 20 секунд на зарядку миномета. Получается минута. Бежать до укрытия метров около 90–100. Следовательно, потребуется тоже 60 секунд.

Как только упала мина, я командовал, чтобы командир дивизии и Коробов бежали в укрытие. Оба бросились. Коробов тут же споткнулся и упал. Когда встал, охнул, но все же побежал. Перед укрытием упал и командир дивизии. Разорвалась очередная мина, и я их больше не видел. Подсчитал снова и крикнул Добрынину и Тужлову бежать. Ни тот, ни другой не побежали, заявив, что «мы вас одного не оставим».

Пока торговались, разорвалась мина непосредственно между нами. Меня засыпало землей. Когда очнулся, то увидел, что поцарапало руку осколком мины. Когда рассеялся дым, я увидел, что у Тужлова разорвало автомат пополам, который лежал рядом. В голове ужасный шум, Тужлов лежит недвижим. Слышу, Добрынин спрашивает: «Тужлов, ты жив?» Тот отвечает: «Да».

Я вижу, дело плохо. Разозлился и кричу: «Немедленно убегайте!» Добрынин и Тужлов побежали. Я подождал еще разрыва и по своим расчетам тоже побежал в укрытие.

Когда все собрались за скалу, то оказалось: командир дивизии сильно ушиб ногу о камень при падении и хромотает, командир полка Коробов, споткнувшись, ударился о камни и сильно ушиб острыми краями грудь. Выступила кровь. У меня осколком руку повредило, кровь пошла. В общем, «пострадали», но вырвались.

На следующий день я из штаба фронта получил приказ по моему представлению о награждении командиров и бойцов дивизии орденами «За мужество и храбрость, проявленную в борьбе с немецкими захватчиками на Клухорском перевале».

Кроме списка, по которому я представлял боевых друзей к орденам, мне еще привезли несколько орденов в запас с правом решить самому, кого наградить. Я на следующий день с великим удовольствием построил награжденных за скалой и вручил им ордена, а командиров расцеловал, в том числе и Коробова.

Мамисонский перевал

В середине октября снегу на перевалах столько выпало, что я с разрешения штаба фронта выехал в Тбилиси и был уверен, что немцы не перевалят на нашу сторону.

В Тбилиси узнал, что есть указ Президиума Верховного Совета о награждении Добрынина, Сладкевича и других орденами Красного Знамени, а меня — орденом Ленина. Мы тоже были довольны и благодарны, что нас не забыли[133].

В Тбилиси нарком внутренних дел Каранадзе наутро мне сказал, что из Москвы передали, чтобы мы проверили положение на Мамисонском перевале, так как там командует дивизией снятый с 46-й армии Сергацков, который вряд ли сумеет хорошо организовать оборону[134].

А я-то уже собирался после почти 3-месячных путешествий вернуться хоть на день в Москву. Ну ладно, война есть война, все переживают, сражаются и многие погибают за родину.

В ночь мы с Каранадзе и Добрыниным выехали в Кутаиси, так как иного пути на Мамисонский перевал из Тбилиси нет. Ночью мы с Гришей много говорили, мечтали, как хорошо будет, когда разобьем Гитлера и т. д. Каранадзе очень толковый, умный человек и в Грузии пользуется авторитетом. Генерал Добрынин, который со мной поехал, тоже рассудительный, смелый войсковой генерал. Мы с ним вместе кончали Академию Фрунзе. Все время служит в войсках НКВД...

В штабе дивизии представился генерал-майор Сергацков. Сергацкова я знал по Академии Фрунзе, он там, будучи полковником, читал лекции по горной тактике, как надо воевать в горах. И нам, слушателям, казалось, что он специалист...

В штабе дивизии Сергацков доложил обстановку, причем ему больше помогал начальник штаба. Видно было, что и тут Сергацков был не в курсе дел.

Переночевав, мы взяли лошадей и поехали на позиции. Мне хотелось проверить занимаемые позиции наших войск и их выгодность по сравнению с немецкими и обеспеченность войск продовольствием и боеприпасами, так как на Клухорском и Марухском я наглядился и на себе испытал, как нам каждый день сухари с самолетов сбрасывали, тем и питались.

За день мы побывали в 2 батальонах, осмотрели позиции 7 рот. И все позиции были заняты на 200–300 метров ниже, чем позиции немцев.

Когда я начал возмущаться и выговаривать начальнику штаба дивизии и командиру полка, что это неправильно, что в горах кто сидит выше, тот хозяин положения. Его не обойдут, его не забросают каменными обвалами, ему можно скрытно подвозить боеприпасы и питание, он сверху, как орел, все видит, малейшие движения противника. Немцы правильно выбрали позиции, они вас всех просматривают и видят малейшее ваше движение. Когда мы их допекли этими убедительными доводами, то они признали, что все позиции выбирал генерал. Мы были возмущены.

Приехали на артпозиции. Они были выбраны тоже вопреки горной тактике. Я командиру батареи показал наверху копошившихся немцев и говорю: «Они вас видят?» — «Видят», — говорит, «По вам стрелять могут?» — «Могут», — говорит. «А вы по ним?» Смутился.

Говорю ему: «Расскажите, как будете стрелять из пушек». Отвечает: «Прямой наводкой». — «А где будут ложиться снаряды?» Молчит. Я опять свое. Он, наконец, выдавил из себя: «В тылу у немцев». — «Так какая польза от батареи?» — тут уже я спросил у начальника штаба

дивизии. Отвечает: «Никакой!» Ну, это все возмутительно!

В конце дня, когда возвращались в штаб, на одной из площадок было раскинуто несколько палаток. Поехали. Оказался склад.

Поговорили с бойцами, вид не боевой, грязные. Спрашиваю: «Давно в бане не был?» Ответ: «Месяц» — «Почему?» — «Негде организовать мытье». А бойцов батальонов давно не мыли. Тоже месяц. Ведь все, наверное, обовшивели. Или война все безобразия спишет?

Приехали в штаб. Сергацков отдыхал. Вызвал. Спрашиваю: «Расположение подразделений вы считаете правильным?» Смутился и выдавил из себя: «В основном».

Я тут не выдержал и говорю: «Вы в Академии на своем уроке говорили нам, слушателям, что война в горных условиях сложная, и главное — кто расположен выше, тот хозяин положения. Мы здесь вот с <енералом> Добрыниным, бывшие ваши слушатели, согласны и сейчас с вами, то, что вы говорили в 1937 году. Так почему же вы практически все делаете наоборот?»

Он посмотрел на начальника штаба, словно тот в этом виноват, и говорит: «В чем дело?»

Начальник штаба осмелел и говорит: «Вы же сами указывали позиции командирам рот и батальонов».

Я высказал бессмысленность такого расположения, в том числе и артиллерии, и приказал сменить позиции не спеша, толково, и добавил: «Неплохо иногда поучиться и у немцев, если сами не можете разумно решить».

Он покраснел. Видимо, он счел себя обиженным, когда его сняли с командующего армией, и сейчас ничего не сделал, чтобы по-честному выправиться. Хорошо, что немцы не наступают и не рвутся через перевал, а если бы пошли, так от дивизии Сергацкова пух полетел.

Заканчивая совещание в штабе, я спросил заместителя командира дивизии по политчасти, давно ли мыли бойцов. Он, не смущаясь, ответил: «Недавно». Сергацков, видимо, желая тут проявить свою осведомленность, сказал, что здесь в позиционных условиях нет возможности нагреть воды.

Ну как тут не взорваться. Один врет, другой подвирает. Я не выдержал и говорю:

«Ну как вам, товарищи начальники, не стыдно! В полукилометре отсюда хлещет горячая вода без ограничения. Сделайте брезентовое укрытие и поочередно роту за ротой водите и купайте». И ушел. Каранадзе и Добрынин тоже поднялись и пошли.

На следующий день мы опять поехали по подразделениям. Правда, командиры рот получили команду сменить позиции. Когда я с ними разговаривал, то они уже наметили и разведали участок наиболее выгодного расположения.

Я нашел Сергацкова и сказал ему, чтобы замену позиций провели ночью, бесшумно, чтобы для немцев это было неожиданным, иначе они начнут стрельбу и будут потери. К вечеру я около источника уже видел моющихся бойцов.

Побыв несколько дней, за все было сделано, как я сказал — позиции сменили, бойцов помыли. За эти дни незначительные стычки с немцами, но наши не отступили.

В один из дней я возвращался из штаба дивизии в домик в Садоне, где мы жили. Было уже темно, около 22 часов.

Смотрю, едет автомашина с зажженными фарами, что на фронте является тяжким грехом. Я

остановил машину и приказал потушить свет. Потом, когда повнимательней глянул, шофер — немец. Сзади немецкий офицер и два наших автоматчика.

Спрашиваю: «В чем дело?» Мне отвечают: «Эти немцы по ошибке к нам в роту приехали». Ну, пришлось вернуться в штаб и допросить их.

Оказывается, это был офицер связи, который объезжал роты с приказанием сменить позиции, так как русские их обходят, и по ошибке попал в плен, в том месте, где «по карте русских частей не было».

Ну, это уже неплохо. Допросив о намерениях командира немецкого полка, мы узнали, что немцы не собираются наступать, так как «ситуация не позволяет». Я сказал начальнику особого отдела дивизии тщательно допросить офицера и представить возможность нашим частям организовать наступление и выгнать немцев из предгорья Кавказа.

Через несколько дней, когда уже в дивизии улучшилось положение, мы выехали.

Обратный путь был трудным. Начались обвалы снега. Местами дорогу завалило до 0,5 км, но снег был настолько плотным, хотя слой достигал 7–8 метров, что мы свободно на газике проезжали по верху снега. Но выбрались благополучно.

Подъезжая к Амбролаури, райцентру, мы вынуждены были остановиться у шлагбаума, которого не было, когда мы ехали туда. Мы удивились, а Каранадзе улыбнулся. Подошел милицейский работник и доложил, что секретарь райкома партии просит заехать в Райком. Я вначале не хотел, но Гриша настоял.

В Райкоме секретарь собрал всех членов бюро и поблагодарил за участие в обороне Кавказа и Грузии, а затем мы сели в машины и нас повезли на винный завод в аул Хванчкара, известный своим вином. После короткой экскурсии по заводу был ужин. Вот где я насмотрелся, как пьют грузины. За столом ни одной женщины. Когда я об этом спросил секретаря Р. К., он, улыбнувшись, ответил: «Это не женское дело».

Из Кутаиси мы на поезде вернулись в Тбилиси. Подвернулось два часа свободного времени, и я решил сделать некоторый итог действий войск Закавказского фронта по обороне Кавказских перевалов.

Несмотря на неорганизованность и полное отсутствие руководства войсками со стороны штабов фронта и 46-й армии, на которую была возложена оборона Кавказских перевалов, части и подразделения, находившиеся в обороне, действовали самоотверженно, храбро защищали советскую землю, все делали для того, чтобы остановить немцев, но у них не было достаточной численности, боеприпасов, продовольствия и опыта действий в горах.

Находясь в Тбилиси, штаб фронта не позаботился подготовить альпинистов, которые могли бы стойко держаться и помогать войскам. На Клухорский перевал прислали ко мне для смеха «группу альпинистов» во главе с моряком. Когда я с ним поговорил, то, оказывается, они и в горах-то не бывали, кроме моряка, который родился в ауле.

На мой вопрос, как же вы стали альпинистами, они сказали, что, когда была мобилизация, их в военкомате «зачислили» в альпинисты, и они сидели на своих местах. Тренировок не было, так как в Сухуми не было инструктора-альпиниста.

Командование фронта — Тюленев и 46-й армии Сергацков — проявили преступную безответственность, когда полагали, что перевалы недоступны для противника, и не подготовили их для обороны.

Один раз, когда меня вызвали в Сухуми для того, чтобы я организовал наступление, мне

удалось задать вопрос Тюленеву, почему не организована оборона на перевалах, он на это ответил, что штаб фронта считал главной задачей войск оборону Черноморского побережья, где и были развернуты основные силы.

Я ему в глаза сказал, что это вранье и невыполнение приказа Ставки. Вместо того, чтобы честно сказать «проморгали», он начал выкручиваться. Ведь он как военный человек должен знать, что противник через горы пойдет горно-альпийскими частями, натренированными, которые преодолеют перевалы.

Дальше — в то время как ему было известно, что немцы уже подходят к перевалам, а он, командующий фронтом, сидит в Тбилиси почти за 1000 км от боевых действий, несмотря на серьезный приказ Ставки, где четко и ясно все расписано. Ссылка на то, что 46-я армия была развернута для отражения противника, наступающего вдоль Черноморского побережья, тоже не серьезна, так как противник почти беспрепятственно следовал вдоль побережья, заняв город Новороссийск, и подошел к Геленджикю.

Ставка Верховного, видя беспомощность командующего фронтом Тюленева, будучи озабочена серьезным прорывом немцев в Закавказье и к бакинской нефти через Владикавказ-Грозный-Махачкалу, направила группу генералов (Добрынин, Сладкевич, Корсун, Серов и др.).

Туда по указанию Ставки прибыл член ГОКО Берия. Мне думается, посылать невоенного человека на фронт неразумно, но одно ясно, что до его приезда Тюленев из 20 тысяч войск НКВД, находившихся в Грузии, ни одного не тронул, и все стояли в тылу, видимо, боялся, хотя ввиду создавшейся обстановки для республики он был обязан войска НКВД использовать для обороны.

С приездом Берия они все были использованы для обороны, Тюленев мог бы и без Берия дать телеграмму в Ставку — и ему бы разрешили.

И нужно сказать, части НКВД, направленные на оборону перевалов, мужественно сражались, многие погибли смертью храбрых и многие награждены орденами. И вместе с этим кадры, подобранные командиром фронта, такие как Сергацков, Кантария, не оправдали возложенных на них обязанностей по защите Родины.

Осетия, Чечня

В Тбилиси мне позвонили из Москвы и дали команду немедленно выехать во Владикавказ [135] (так как немец уже подошел на 4 км к городу) и проверить организацию обороны Владикавказа, особенно на участке, который занимает дивизия НКВД, командир которой Киселев В. И., боевой генерал[136].

Проехал по Тбилиси, город жил, как будто никакой войны нет. Грузины ходят веселые, разодетые. Молодых людей призывного возраста — сотни. Я с удивлением спросил водителя-русского, он мне ответил, что тут за деньги можно откупиться от призыва, а на базаре купить любую справку о болезни.

Странно! По книгам грузины значатся воинственным народом, а практически не получается. Избаловали их всякими привилегиями.

Во Владикавказ приехали на автомашине по военно-грузинской дороге в двадцатых числах октября. На подступах расположены войска, хоть и не так густо. Контрольные посты.

Проверяют документы. Нарыто много окопов. Народ ходит озабоченный.

Местами нас останавливали и предупреждали, что ехать нельзя, этот участок немцы просматривают и обстреливают. Ну, а нам-то ехать надо. На полном ходу удавалось проскакать. В таких случаях я сам садился за руль, чтобы шофер не растерялся.

Только один раз с полного хода чуть не заскочили в воронку снаряда, разорвавшегося перед нами.

В горкоме партии никого не нашел. В НКВД вахтер сообщил, что все сидят в бомбоубежище, и указал, куда ехать. Там я нашел все начальство.

Рассказали об обстановке. Войск мало, немцев наступает много. Созвонился с командующим фронтом Тюленевым, командующим Северно-Кавказской группой войск генералом-полковником Масленниковым И. И.

Обрадовались, что я во Владикавказе. Они находились в Грозном. Условились встретиться в штабе дивизии около Владикавказа генерала НКВД Киселева В. И. (рыжего). Киселевых в НКВД было три генерал-майора[137].

Поехал в штаб дивизии. Там генерал-майор Киселев ознакомил с обстановкой на фронте. Картина безотрадная, протяженность большая, а войск мало. Через полтора часа приехали Тюленев и Масленников в блиндаж к В. И. Киселеву. Поговорили, почертыхались, что дела плохие. Потом Тюленев говорит: «Хорошо, что ты заехал, нам легче».

В конце разговора Тюленев, откашлявшись, говорит: «Мы с И. И. Масленниковым взвесили обстановку и пришли к выводу, что надо доложить в Ставку Верховного Главнокомандования выводы и предложения об обстановке».

Я поддержал, что надо это сделать. Тогда Тюленев вынимает из полевой сумки написанную шифровку на бланке, подает мне и говорит: «Вот тут мы сочинили донесение т. Сталину и сделали подписи „трех Иванов“ (Тюленев, Масленников, Серов)».

Я начинаю читать. Вначале все идет гладко. Излагается обстановка. Я киваю головой правильно. А затем читаю дальше и вижу, что они предлагают в Ставку «Занять оборону по линии станицы Слепцовская-Малгобек», т. е. в 30 километрах в тылу Владикавказа.

Перечитал это место еще раз. «Ну как?» — спрашивают меня. Я посмотрел на них, они были уверены, что я согласен. Я говорю, что подписывать эту «грамоту» не буду. Спрашивают: «Почему?»

Я набрался спокойствия и говорю: «Вы задумали отдать без боя немцам Владикавказ? Так я понял телеграмму?» Тюленев: «Ну, ты сам убедился в обстановке, что мы и трех дней не продержим его».

Я: «Так надо и написать в телеграмме, что хотите сдать Владикавказ, а не выкручивать всякие Слепцовские рубежи и т. д. Подписывать я не буду и вам не советую, так как есть возможность защищать Владикавказ, а не сдавать его немцам».

На этом мы и расстались. Тюленев покраснел, но ничего не сказал, а И. И. Масленников смутился, ведь Тюленев его начальник, но не мой.

Однако, как я потом узнал, они вместо моей подписи проставили подпись члена Военного Совета Фоминых* и послали.

Я позвонил Поскребышеву и рассказал об этой телеграмме, чтобы он доложил т. Сталину, и от себя добавил, что тяжело, но надо держаться, так как оставляя Владикавказ, мы

открываем Военно-Грузинскую дорогу в Закавказье, в Грузию, и второе — <если>; переходить на равнинную площадь к обороне Слепцовской, где немцы нас будут гнать до Каспия, до Баку, <то>; полетит и Грозный, и нефть.

Как мне потом рассказывал Иван Иванович Масленников: когда они послали шифровку о сдаче Владикавказа, на следующий день от Сталина последовала страшная ругань и приказание держаться и не сдавать Владикавказ. Я в последующие дни еще раз проверил дивизию В. И. Киселева, которая держала оборону, затем нам подбросили стрелковую бригаду[138].

Когда я ознакомился несколько с обстановкой под Владикавказом по докладу Киселева и выездом в части, и поехал к Ивану Ивановичу в штаб, который был в Грозном.

Нужно справедливо сказать, что Масленников практически в штабе не бывал, в отличие от Тюленева. Он все время был в частях и непосредственно на поле боя.

Обстановка к тому времени складывалась следующая: у нас были данные, что Гитлер приказал частям во что бы то ни стало захватить Майкоп и Грозный, иначе нечем будет немецкой армии без горючего воевать, и, кроме того, он рассчитывал, что, захватив Кавказ (имеется в виду: если Гитлер захватит Кавказ. —

Прим. ре д.), Турция выступит войной против СССР. Эти данные похожи на правду. Было видно, с каким упорством он двигал войска на перевалы и Владикавказ.

У Ивана Ивановича я узнал, что к моменту активности наступательных действий немцев на Северный Кавказ... у командования Северо-Кавказской группой войск, т. е. у Ивана Ивановича, было 5 стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад и 5 танковых бригад. Казалось бы, достаточно войск, чтобы обороняться.

Масленников — честный командир, по-честному мне сказал, что Тюленев его игнорирует. И добавил, что «когда мы уехали от тебя, я дорогой ему говорил не раз, что Иван Александрович прав, когда он говорил, что нельзя посылать такую шифровку т. Сталину, но он настоял на своем».

Он мне рассказал, что сейчас из Генштаба прилетел генерал Бадин (описка: генерал-лейтенант Бодин. —

Прим. ред .), и они разрабатывают план наступления наших войск. И упор делается на окружение большой группировки войск, сосредоточенной под Владикавказом в районе Алагир.

Там же в штабе я познакомился с командующими армиями: генерал-майором Хоменко* (ну, этого генерала я знал по НКВД, где он служил), с Рассказовым*, хорошим генералом, генералом Коротеевым* (боевой генерал), с Мельником* и другими. У всех у них в составе армий были дивизии НКВД, хорошие, боевые, стойкие дивизии.

Дивизии НКВД были: под Владикавказом, в Грозном, Махачкале, Баку и т. д. В том числе и на перевалах Кавказа, где были использованы пограничные отряды НКВД под названием «особый отряд»[139].

Вдоль Военно-Грузинской дороги я организовал так называемую «дивизию НКВД» из работников НКВД, милиции, пожарной охраны, подсобных отделов НКВД и других организаций. Эту дивизию, когда уже была готова, я в районе Грозного осмотрел и представил им командира дивизии, комиссара милиции Орлова. Здоровый парень, достаточно волевой.

Этой дивизии была поставлена задача курсировать по Военно-Грузинской дороге, выставять боевые посты, а в наиболее уязвимых точках, ущельях, на поворотах дороги — боевые точки с пулеметами, подготовить взрывные шашки для обвалов в наиболее узких местах и т. д.

Это все они быстро выполнили, я приехал, осмотрел, вроде все было хорошо. Затем мне Орлов стал докладывать, что в ряде мест чеченцы начинают безобразничать. Застрелили несколько бойцов дивизии, зарезали командира роты, подрывают заложенные мины и т. д. Я приказал начальнику УНКВД Грозненской области чеченцу Албогачиеву разобраться в этом и доложить. Тут что-то дело нечисто...

К несчастью, где тонко, там и рвется. В Грозном получены данные, что немцы в тыл за Грозный в горы выбросили несколько офицеров во главе с полковником, задача которого организовать из чеченцев и ингушей диверсионный отряд 200–300 человек, с тем чтобы в нужный момент, когда будет по радио дана команда, они бы ударили нам в тыл и заняли Грозный[140].

Поехал во Владикавказ, чтобы там разобраться, а затем уже в Грозный. В общем, все подтвердилось. В Грозном я съездил проинформировал секретаря обкома Иванова* и председателя Совнаркома Моллаева* (ингуш).

Иванов мне рассказал, что у него есть данные, что чеченцы особенно плохо настроены против советской власти, что он им не доверяет. Пришлось разрабатывать план мероприятий против этого диверсионного отряда.

Ночью я поехал в Ведено (аул, откуда воевал против царского правительства Шамиль). Хотя мы ехали поздно вечером, но при свете луны было видно, как чеченцы группами по 5–6 человек сидели на корточках и что-то болтали, словно готовились к чему-то. Мы, не останавливаясь, проехали аул и выехали за него в горы, но много не пришлось ехать, так как там дорога переходила в широкую тропу, и мы остановились.

Была тихая звездная ночь. На юге особенно яркими кажутся звезды и луна. Пока мы любовались ночной природой, красотой гор, которые необыкновенно освещались луной, и уже собирались обратно, как услышали гул самолета, хотя и отдаленный.

Кто-то сказал, что, наверно, наши из Баку пошли на разведку, но, к сожалению, через пару минут мы услышали завывающий звук немецкого самолета. Стали наблюдать. Шел на высоте 1,5 тысячи метров.

За горами мы заметили вроде каких-то вспышек, он туда и направлялся. Через пять-семь минут он развернулся над этим освещенным местом и стал кружить. От нас это было 10–12 километров. Мне стало ясно, что немец пришел на связь с диверсионным отрядом и, вероятно, что-нибудь сбрасывает.

Мы поехали обратно в Грозный. Там в городе я решил пройтись и вновь услышал звук этого самолета, возвращавшегося обратно. По моим подсчетам он там над отрядом был не менее 40 минут.

Утром я послал в аул двух сотрудников-чеченцев с задачей разузнать поподробнее об этом отряде, и послать на место хорошего агента...

После совещания приказал Албогачиеву* (нарком внутренних дел) часов в 10 вечера собрать на конспиративной квартире лучших из лучших чекистов 10 человек русских и 2 чеченцев, наиболее преданных. Туда подбросить солдатских шинелей, телогреек и сапоги. Албогачиев удивился, для чего это нужно, однако пошел выполнять.

Обстановка в г. Грозном, как мне доложили, тревожная. Боятся немцев. Чеченцы ходят нагло,

а в некоторых случаях грозят русским убить, когда придут немцы.

Имелись случаи, когда находили трупы солдат, которые везли продовольствие на фронт. Лошадей забирали вместе с продовольствием. Поступили данные от агентов, что нарком просвещения Чентиева* через своих людей связывает заброшенных в горы немцев с антисоветски настроенными чеченцами. Придется завтра допросить ее.

В 22.00 с Албогачиевым пошли на конспиративную квартиру. Сотрудники собрались. Кто-то не растерялся, принес нам покушать. Очень кстати.

Я ребятам сказал: «С сего часа вы все бандиты. Один из вас дезертир из Советской Армии, другой уклонился от призыва, третий — антисоветчик, бежавший из Грозного и т. д., придумывайте всякий себе легенду и соответственно одевайтесь и берите оружие». Все смотрят на меня и думают: «Рехнулся генерал».

Продолжаю дальше: «На рассвете отдельными группами выйдите в район Ведено (бывшая крепость Шамиля) недалеко от Грозного. Там вы сходитесь в горах в лесу в одну банду и питаетесь за счет местных жителей. Задача: разведать, где находятся немцы и их пособники, что они замышляют. Все это разведать и выслать ко мне человека или, возможно, двух. Самим оставаться до моего приказа в горах. Ясно?» — «Ясно». Албогачиеву остаться до утра, отработать все вопросы до деталей, проводить и доложить.

Через два дня после этого, ночью мне позвонили из Курчалоевского района и доложили, что туда вечером явилась банда в 200 человек, все местные власти разогнала, а имевшийся взвод солдат блокировала и предлагает им сдаться.

Час от часу не легче. До района примерно километров 40. Приказал к утру приготовить лошадей мне, и еще десяти сотрудникам, и решил выехать на место. Ведь там взвод наших солдат. Не может быть, что всех побили. Доехали до Ведено на машинах, а дальше верхом.

Километров 20 ехали все хорошо, а потом у некоторых стали лошади приуσταвать. Это плохо. Лошадей оставили, а сотрудникам с оружием приказал идти.

Подъезжая к райцентру, на горах увидел костры и людей. Они, видимо, нашу конную группу тоже увидели.

Когда подъехали к дому, где был райисполком, оттуда вышел чеченец, а за ним красноармеец. Спрашиваю: «Где взвод?» Не отвечает. Оказывается, бандиты три раза посылали парламентария, чтобы взвод сдался, те не сдались. Пытались поджечь дом, отбили стрельбой. Бойцы обрадовались, когда мы вошли.

Рассказали все по порядку. «Где власти?» — спрашиваю. Оперуполномоченный говорит: «Как бандиты вошли в райцентр, все разбежались по аулам и в лес, так как боялись, что убьют».

Я оперуполномоченному приказал находиться там, на месте, и пообещал прислать еще взвод. «Если будут приходиться районные работники, то помогите им оружием и берите под защиту».

Вообще говоря, среди чеченцев столько всякой подлости. Как только почувствовали, что близко немцы, сразу подняли голову и давай в тылу безобразничать. Ведь им советская власть 23 года помогала, людьми стали, а как только советской власти стало тяжело, и они руку на нее подняли. Подлые люди.

На обратном пути уже почти темно было, имел место курьезный случай. Я еду впереди, маузер в руке, вальтер в кармане, вдруг из кустов выскакивает бандит с автоматом и ко мне.

«Товарищ комиссар, мы бандита поймали!» Ничего не пойму. Где, что, кто вы. Отвечает: «Я из вашей группы».

Наконец, я понял, что это мои «бандиты». Спешился. Повел меня в кусты. Там стоят два «бандита» и держат человека, на голову которого одета конская торба, чтобы он не видел.

Оказалось следующее. Этот бандит был полгода назад председателем Веденской райисполкома, член партии. Забрав деньги и оружие, ушел к бандитам. Затем поругался с бандой и ходил в одиночку.

Встретив нашу «банду», он решил примкнуть к ней. Все это он рассказал и в подтверждение привел ряд случаев, кого он за полгода убил из советских людей. Наши сотрудники знали об этих убийствах, но не знали, что это он сделал.

Видя такое дело, наша «банда» разоружила его под видом провокатора, который может выдать «бандитов», и сказали ему: «Мы тебя покажем нашему главарю и тогда решим».

Когда я стал с ним разговаривать через торбу, то он мне все время доказывал, что он кадровый бандит и имеет заслуги в убийствах. Я тогда приказал снять с него торбу. Когда он увидел мои ромбы, побелел как бумага и сел на землю.

После этого мы с группой бойцов нашли в горах ущелье, где скрывались немцы, и забросали гранатами. Много было побито. Изъято было до 200 винтовок с иранскими клеймами. Потом выяснилось, что это немцы изготовляли под видом иранцев.

Битва за Владикавказ

Через сутки резко изменилась обстановка под Владикавказом. Немцы прорвались и заняли аул Гизель в 7 километрах от Владикавказа.

В Северо-Кавказскую группу приехали Саджая и Бадин (из генштаба). Затем Саджая, Бадин и нарком внутренних дел Северной Осетии Зоделава поехали в район Гизеля, и все трое были убиты при бомбежке[141].

6 ноября я уже был во Владикавказе. В тот же день я из Грозного, куда прилетел, переехал во Владикавказ. Обстановка была тяжелая.

Немцы подошли к городу и обстреливали электростанцию города из пушек. Все местные власти сидели в бомбоубежище, врытом в гору. Правда, они устроились довольно хорошо, вплоть до ковров. Ходили все по-партизански, в полушубках, сапогах, штанах.

Секретарь обкома Мазин, вздыхая, рассказал, как погибли эти три генерала. Условились, что я буду к ним приезжать каждый день, а сейчас поеду в штаб дивизии, которая обороняет город, к Киселеву В. И.

Командир дивизии наш пограничник В. И. Киселев. Не путайте с крымским Киселевым, тот Н. И. тоже генерал. Киселев мне доложил обстановку: войск мало. Справа от него обороняется стрелковая бригада, которая вытянулась на участке более 10 километров (положено максимум 56 километров для бригады, да еще полностью укомплектованной).

Я остался ночевать у него в землянке. Предупредил, что в Ставке особенно наказывали, чтобы не пропустить немцев по Военно-Грузинской дороге в Тбилиси. Военно-Грузинская дорога шла прямо из Владикавказа через перевал и в Грузию.

Поутру мы с Киселевым поехали по Военно-Грузинской дороге и определили, где надо поставить пушки, чтобы не пустить немцев, и какие узкие проходы взорвать. С вечера уже начались работы, долбили колодцы для взрывчатки, подводили провода, устанавливали наблюдательные пункты и т. д. Вдоль северных скатов Кавказских гор выставили посты, с тем, что если немцы пойдут в обход, то сразу наткнутся на них, и мы будем знать.

Вечером созвонился с двумя наркомаами Северно-Осетинской и Чечено-Ингушской <республик>, чтобы они из сотрудников создали заградительный отряд, по типу Москвы, с тем чтобы задерживать всех военных, опрашивать и направлять на передний край обороны...

Праздник 7 ноября 1942 года я сидел в окопах вместе с бойцами. Немцы обстреливали из пушек Владикавказ. Вечером позвонил мне секретарь Северо-Осетинского обкома т. Мазин и пригласил вместе пообедать. Я, поблагодарив, спросил, где он. Отвечает: «На КП Обкома».

Ну я все-таки уговорил его не срамиться, а поехать на квартиру, в город, авось не обстреляют. Так и сделали. Дома у него мы пообедали и опять разошлись по своим местам...

В общем, во Владикавказе период был очень напряженный. Я описываю события не последовательно, наиболее яркие в начале, а потом остальные.

В октябре пришлось нам туговато. Немцы, видя, что через Малгобек это километров 20 с.-в. Владикавказа и сильно продвинулись^[142]. Пришлось нам с Масленниковым срочно затыкать эту дырку.

Правда, к тому времени уже ему подбросили войск, хотя и не полностью качественных, но количество было. Я сказал — некачественных, имея в виду — некоторые части оказались морально не подготовленными для защиты нашей Родины.

Был такой случай. Утром позвонил Масленников и говорит: «Давай быстро съездим в Армянскую дивизию, там неприятность». Я быстро к нему подъехал, и мы помчались.

Приезжаем на КП, докладывают: командир дивизии Петросянц или Саркисянц, полковник. Оказывается, против одного из полков его дивизии немцы поставили «Кавказский легион», составленный из предателей Родины. Туда входили грузины, армяне и азербайджанцы.

Так как позиции немцев были близко от наших, 150–200 м, то немцы поставили громкоговорители и стали на армянском языке призывать наших армян переходить к ним. На рассвете политрук батареи, армянин, поднял батарею и повел к немцам.

Командир батареи, русский, выхватил револьвер, подбежал к политруку и приказал вернуться. Сзади выстрелом командир батареи был убит, и все ушли к немцам.

Мы возмутились и начали ругать командира дивизии, как он это допустил. Он вместо оправдания заявил: «Товарищ командующий, дайте мне русскую дивизию, и я покажу, как умею с ней воевать».

Я ему сказал, что с русской дивизией всякий может воевать, а ты со своими армянами повоюй. Потом эту дивизию отвели в тыл. Правда, в том же месте из этого «легиона» к нам тоже перешла группа...

Вот какие бывают в жизни моменты. Я Масленникову рассказал, что на перевалах, где я был, там азербайджанцы, армяне и грузины для того, чтобы уйти с переднего края, брали в руку шлем, подымали его над головой и держали, пока немецкие снайперы не пробьют руку. После этого его отправляли в медсанбатальон.

Когда я приехал, мне начальник о<собого> о<тдела> дивизии доложил об этом, я пошел в медсанбатальон, осмотрел этих больных, и тех, у кого рука не была раздроблена, приказал отправить в окопы. Когда на передовые явились эти вояки, резко снизились случаи самострелов и ранений в руку.

Как потом я уже жалел о том, что рассказал об этом Ивану Ивановичу. Оказывается, после разговора со мной он дал телеграмму в Ставку с просьбой расформировать и разослать по русским частям национальные дивизии: армянскую, азербайджанскую и грузинскую, которые были у него в составе группы войск.

Секретари ЦК Грузии, Армении и Азербайджана, знатные люди республик, дали телеграмму т. Сталину с возмущением, что Масленников разжигает национальную рознь, клеветает на бойцов и т. д. И Ивану Ивановичу пришлось каяться и отмежевываться. Я пожалел его, что он так опрометчиво поступил...

«Должен сказать всю правду...»

Я должен сказать всю правду, то, что я видел, что испытал на себе в числе других генералов, офицеров и солдат, что Закавказский фронт и Северная группа войск, я имею в виду командование, легкомысленно отнеслось и не придавало серьезного значения предупреждениям Ставки и телеграммам Сталина об опасности, которая надвигалась на Кавказ. Не приняли мер по обороне перевалов и созданию крепкого оборонительного рубежа под Владикавказом, Малгобеком.

Ведь, кстати сказать, там места позволяли сделать оборону неприступной, как это было под Москвой. О легкомысленности Тюленева я слышал еще в 1939 году, когда он был в Одесском военном округе.

И когда войска округа принимали участие в присоединении Западных областей Украины, то Тюленев, побыв в Тернополе 2–3 дня, приехал в Москву с Тимошенко, который повел его к Сталину, где Тюленев со смехом рассказывал, как он напугал Ксенодза, что отрежет ему важное мужское место, если из костелов будут продолжать стрелять по нашим бойцам. Тюленева так и звали среди военных — «Ванька-шутник».

Так вот на Кавказе он тоже шутил, вертелся в Сухуми возле Берия, который приезжал на несколько дней, а затем также сопровождал Берия во Владикавказе вместе с генерал-майором Вершининым* (командующим авиацией Закавказского ВО), где побыли одни сутки, «накрутили» Масленникова и меня, чтобы держались и не отступали, и на этом руководство кончилось.

Нужно прямо сказать, что 37-я армия, на которую была возложена задача организовать прочную оборону под Владикавказом и на Моздокском направлении, не справилась с этой задачей. Командующий Козлов в ряде случаев терялся и не мог управлять армией, а иногда выжидал с расчетом, если немцы не пойдут в наступление, то и ему нечего их тревожить.

Нужно по-честному сказать, что за два года войны я насмотрелся на такие случаи и на других фронтах. Это объясняется все же недостаточным опытом войны, боевой закалкой...

Мы на обороне Кавказа находились на сегодняшний день уже почти 5 месяцев, и нужно сказать, что бойцы и командиры мужественно, с чувством долга перед Родиной сражались и упорно отстаивали родную землю.

Ради объективности должен сказать, что и среди военных были трусы и маловеры, которые бросали поле боя или подставляли руку под пулю, но таких единицы. Абсолютное большинство храбро отстаивали каждую пядь земли...

О том, что на гитлеровскую удочку клюнули некоторые люди из наших восточных национальностей и подались в армянские и грузинские «легионы», — это также известно, и я об этом слышал в передаче по радио, когда мы сидели в окопах у командира армянской дивизии, где со стороны немецких окопов почти круглые сутки шумело радио, выставленное в окопах, чтобы армяне переходили к немцам.

Мне также приходилось организовать борьбу, я уже говорил с «представителями мусульманского народа», которые в тылу Грозного и Владикавказа организовали банды и чинили подлости Красной Армии. Нашлись отщепенцы и трусы, которые пошли за немцами.

Но их было немного. И не уверен в том, что их так много, как об этом говорили мне не раз русские, проживающие в Грозном и Владикавказе, якобы их ежедневно чеченцы и ингуши пугают, что зарежут, когда придет Гитлер.

В отличие от чеченцев, северо-осетинцы вели себя хорошо. Помогали Красной Армии, и я не слышал от них жалоб, ни нытья от бомбежек немцами Владикавказа.

Почти весь декабрь 1942 года я и занимался чеченцами-бандитами. Эта подлая Чентиева так и не сказала, через кого она связывалась с немцами, никого не выдала. Вела себя нагло. Расплакалась, а отказалась сказать правду.

Председатель Совнаркома Чечено-Ингушской АССР Моллаев и секретарь обкома Иванов требовали арестовать её. Я донес в Москву об этом и оттуда получил указание Кобулова (этого негодяя): «Нарком приказал направить Чентиеву в Москву». Видно, ему сказали, что она красавица, и вот решил посмотреть на нее.

Нужно объективно сказать, что она была действительно красавица, 26 лет. Потом я узнал, что ее завербовали, а толку не было никакого. Глупо!..

В январе везде началось повсеместное отступление немцев, в том числе из Северного Кавказа и Кубани, и Чентиева-то не нужна уже была, и ее освободили. Мне не дал Кобулов дела сделать и сам не сделал, а подлецы остались на свободе.

Покушение на Микояна

Когда нахожусь в Москве, то и писать не хочется. Хотя день и ночь работаешь. Много всяких впечатлений, наблюдений и т. д.[143]

Меня особенно поражает, когда наблюдаешь за людьми, которые в трудную минуту ведут себя трусливо, угодливо, подхалимски, а как только положение начинает улучшаться, и кстати сказать, не на фронте Отечественной войны, а его личное положение, так сразу такие люди начинают драть нос, делать умный вид, вроде он спас Россию.

Этим характерен Кобулов и его приспешники Цанава, Мешик, Абакумов и др. Ни один из них не был на фронте, а всё в тылах или в бегах. А сейчас посмотришь на них и удивляешься. Набираются наглости рассказывать о фронте, об ужасах, о своем героическом поведении, когда попадал в Москве под бомбежку, бесстрашии и т. д.

На следующий день после прилета в Москву, когда я зашёл к Меркулову, он довольно

мрачным тоном сказал, что в 19 часов <Сталин> вызывает нас с тобой и Абакумова на «ближнюю». Ближняя дача находилась в 4-х км от Поклонной горы при въезде в Москву по Минскому шоссе. Дача расположена в лесу, особенно примечательного не представляет ни снаружи, ни внутри.

Я спросил Меркулова, а почему вызывает. Он сказал, что позавчера солдат Московского округа Николаев залег около памятника Минину и Пожарскому с «СВ» (скорострельной винтовкой) и, дождавшись выезда из Кремля кого-либо из членов правительства, начал стрелять[144].

В машине был А. И. Микоян. Две пули, попавшие в машину, только поцарапали и все. (Паккарды, на которых ездили члены Политбюро, были бронированные). Я почувствовал что будет неприятное, потому что такого случая не было с 1934 года (с убийства С. М. Кирова*).

Поехали все трое на одной машине. Когда вошли и разделись, Сталин ходил в с головой и курил.

Кстати сказать, несмотря на то, что все мы имели звания и к тому же большие — Меркулов 4 звезды, мы с Абакумовым по 3 звезды, т. е. генерал-полковники (по линии органов), но Меркулов и Абакумов, видимо, подражая Сталину, форму не носили. Я всегда был в форме, кроме случаев, когда нужно быть в гражданском платье по оперативным соображениям[145].

Когда вошли, Сталин поздоровался; вернее, мы, а он ответил и начал сразу, обращаясь к Меркулову: «Вам известно о случае стрельбы по Микояну?»

Меркулов: «Да, т. Сталин, мы вместе ведём следствие с т. Абакумовым».

Сталин: «Что следствие, следствие, на черта мне нужно ваше следствие. Позор, не знаете, что у вас под носом делается».

В ходе первых фраз как-то получилось, что мы встали в ряд, я с краю. Сталин продолжал, обращаясь к Меркулову: «А вы в армии служили?» Меркулов: «В 1916 году по окончании Петроградского университета был вольноопределяющим».

Сталин скривился и начал: «Ну вот, что с него взять, в армии не служил», потом посмотрел на меня и добавил с иронией: «Вольноопределяющий». А потом, обращаясь сурово к Абакумову: «А вы?» Абакумов: «Нет, не служил».

Ну, это его уже окончательно взбесило. «Ну вот, что с них взять. Военного дела не знают», а затем, обращаясь ко мне: «И это называется начальник особого отдела Красной Армии».

(Абакумов к тому времени был начальником Главного управления особых отделов СМЕРШ.). [146]

И далее Сталин продолжал: «Так дальше не пойдёт, надо нач<альни>ком особого отдела военного. Война идёт, мало ли что может быть, а тут гражданские люди».

И далее, посмотрев в мою сторону сказал: «Товарищ Серов вам надо взять и руководить особыми отделами фронтов, вы человек военный и с этим делом успешно будете справляться». Я промолчал. А сам подумал, что если еще раз об этом скажет, то я буду отказываться.

Я знал, что на особых отделах фронтов были Абакумовым назначены малограмотные особисты, как в общеобразовательном плане (3—4 класса образование, но большой стаж в органах), так и в военном ничего не знают. Потому трудно будет переделывать таких особистов в короткий срок.

И дальше Сталин, решив, что назначение уже состоялось, обращаясь к Меркулову, продолжал: «Соберите всех начальников особых отделов фронтов и все вместе проведите совещание, на котором укажите на серьёзные недостатки в работе особых отделов и поставьте задачу в кратчайший срок устранить их, вы потом, т. Серов, мне доложите».

Я снова промолчал. Затем Сталин сказал: «Вы с этим не затягивайте. Идите и проводите».

Мы вышли, сели в одну машину, Абакумов посмотрел на меня и говорит: «Ну вот, принимай дела», я ответил, глядя на него: «Ничего я принимать не буду». Меркулов молчал. Когда приехали в Наркомат, я ушёл к себе.

Вечером позвонил Меркулов и спросил, что будем делать. Я опять уклонился от ответа. Тогда он сказал, что уже подписал шифровку о созыве совещания через сутки.

Совещание открыл Меркулов, он довольно подробно пересказал разговор с т. Сталиным. Абакумов сидел как оплётанный, а я тоже мрачный. После совещания некоторые начальники особых отделов — генералы — стали подходить уже ко мне с вопросами по фронтовым делам, но я не стал слушать, сказав, что когда будет приказ, то и дам необходимые указания.

Когда разошлись, я сел у себя и долго думал, как браться за работу, где кадры мало того, что слабо подготовленные, а главное — испорченные. Раз они не могут организовать как следует работу по выявлению шпионов и диверсантов в частях и в тылу войск, то все это должны чем-то восполнить, чтобы «показать» видимость и работы и «свои успехи».

Тогда они встали на наиболее успешный и легкий путь это следить, какой генерал или офицер имеет п.п.ж. (полевую походную жену), кто что взял себе при взятии города и отправил семье, причём мелочи: радиоприемник, безделушки, зачастую продукты и т. д. При этом с вещами посылали нарочного. На таких офицеров и генералов заводились «дела» с подробным добавлением отсебятины и направлялись донесения Абакумову.

Я это все знал, так как многие особисты работали у меня на Украине или здесь в Москве и охотно заходили ко мне, когда я был в Москве или на фронтах. Вот поэтому мне ужасно не хотелось идти в управление СМЕРШ, хотя начальник управления был заместителем Наркома обороны (т. Сталина).

Я решил сидеть и не приступать к работе, в расчёте на счастливый какой-нибудь случай...

Утром, разбирая почту, я увидел шифровку Уполномоченного ГКО по ленд-лизу Папанина И. Д., в которой он докладывал, что караван судов, шедший из США в Архангельск, в Белом море (указывал параллели) подвергся налету немецкой авиации, и 12 кораблей с сотнями танков, самолетов, автомашин и военным снаряжением были потоплены, только один пришел в Молотовск[147]. На телеграмме резолюция Сталина: послать на место Серова. Тщательно расследовать и доложить[148].

Я Меркулову показал телеграмму и сказал, что завтра утром вылетаю. Меркулов пожал плечами и ничего не сказал. Я родился в рубашке — не хочу принимать особые отделы и удаляюсь от них в Архангельск.

«Бегство» в Архангельск

В Архангельск прилетели нормально. На аэродроме встречал Папанин, который тут же, волнуясь, спросил, какой у меня план. Я сказал, что буду расследовать, как это поручил т. Сталин, а потом с результатами ознакомлю.

Он предложил мне остановиться у него, но я сказал, что неудобно его беспокоить. Буду в УНКВД, а жить в гостинице.

В первый же день познакомившись с городом, я к вечеру вызвал командующего ВВС Архангельской зоны и тщательно разобрался, смогли бы истребители вылететь на помощь американским кораблям. Когда промеряли расстояние от аэродрома до места происшествия в море, то оказалось, что самолетам не хватило бы горючего возвратиться на аэродром. Значит, авиация не могла спасти положение.

На следующий день вызвал моряков, с которыми так же по карте разобрался, смогли ли <бы> они направить быстроходные катера для того, чтобы вызволить из беды корабли. Оказалось, что по их скорости они пришли бы к шапочному разбору.

Далее осталось выяснить, почему же американцы, 12 экипажей кораблей, не могли побить немецкие самолёты. Переоделся в гражданский костюм, взял с собой работника УНКВД, местного переводчика и поехали в Молотовск, чтобы встретиться с американским капитаном корабля.

Там я представился как мэр г. Молотовска и прибыл приветствовать капитана со счастливым прибытием в Архангельск.

Передо мной стоял высокий, седой, бодрый старикан лет 72 с гвардейской выправкой. На моё приветствие он улыбался. Затем поблагодарил меня за внимание, и у нас завязался непринуждённый разговор.

Когда я его спросил, как же ему удалось выскользнуть от немцев, — это его уже совсем подкупило, и он, не отвечая, взял меня под руку и повел на палубу. На палубе капитан совсем разошёлся.

Поведал он следующее: когда они подошли к такой-то параллели, над ними прошёл немецкий самолёт Фокке-Вульф-амфибия. Через несколько минут появились ещё несколько таких же самолетов и сели на воду. С самолетов были выброшены морские знаки, чтобы экипажи покинули корабли и на шлюпках следовали в Норвегию или Финляндию, в противном случае вместе с кораблем будут торпедированы.

«Я вижу такое дело, приказываю, — капитан разошелся, — Гарри, ставь дымовые шашки по левому борту, Томми по правому борту, Джон на корму. Когда шашки были расставлены и около каждой стояли матросы, я даю команду „зажечь шашки“, а в этот момент уже началась на некоторых кораблях паника, так как немцы торпедировали один корабль, с которого уже сошли матросы. В этой суматохе наш корабль, объятый дымом, начал медленно отходить в сторону Архангельска. Когда вышли из зоны, где были немецкие самолёты, я даю команду „полный вперед“. Немцы подумали, очевидно, что горящий корабль далеко не уйдет, и не стали нас преследовать. Таким образом мы здесь. О'кей!»

Я ему сказал, показывая на защитные пушки вдоль борта, так ведь на других кораблях также были пушки. Если бы все корабли обрушились на немецкие самолеты из пушек, так побили бы их. Он посмотрел на меня, улыбнулся и говорит: «г-н мэр, там вояки собрались с пустыми головами. Они бросились по шлюпкам, чтобы удрать скорее от взрывов».

Дальше он уже меня пригласил в кают-компанию и под джин и виски продолжил рассказ, и я еле ушёл, так как он всё ещё хотел рассказывать.

Вообще говоря, он молодец, старикан, но действительно у американцев с пустыми головами, очевидно, не было намерения вступать в бой с немцами. Поэтому так быстро и удрали от своих кораблей. Я ему рассказал о наших успехах на фронтах Отечественной войны. Он очень остался доволен.

На следующий день я в УНКВД сел писать шифровку в Москву. Я доносил:

1. Что авиация не могла оказать помощь кораблям, так как не хватило бы бензина туда и обратно.
2. Катера не смогли бы вовремя прибыть.
3. Американцы сами уклонились от защиты кораблей, хотя могли бы.

Я долго думал, указать или нет, что и Папанин в момент, когда получил сигнал бедствия, не обратился за помощью ни к авиаторам, ни к морякам, а потом решил, что раз ни те, ни другие не могли помочь, то не стал писать.

Папанину, видимо, наши работники НКВД или кто, не знаю, сообщали, где я и чем занимаюсь, так как в Архангельске он пользовался авторитетом.

Когда я уже кончал донесение, мне начальник УНКВД доложил, что И. Д. Папанин ждёт в приёмной. Я его вызвал. Он сразу начал спрашивать, что ему за эту вину будет. Я рассмеялся и подал ему шифровку для прочтения. Когда он закончил, то бросился меня целовать и обнимать, заявив, что я его спас.

Конечно, могли бы его наказать.

Затем я ещё пробыл в Архангельске ещё 2 дня, слетал в Мурманск для ознакомления с обстановкой. Там стояли торпедные катера, которые тоже не смогли вовремя подойти и помочь американцам.

На обратном пути, когда летели над Белым морем, за нами на высоте летел немецкий бомбардировщик, и наш штурман самолёта всё время наблюдал за ним, чтобы немец не стал снижаться над нами. Но мы проскочили благополучно на бреющем полёте.

Возвратились в Архангельск, за эти дни, видимо, в Москве ознакомились с моей шифровкой, так как мне позвонил начальник секретариата НКВД Мамулов и поинтересовался, когда вылетаю в Москву. На следующий день я вылетел.

На аэродроме И. Д. Папанин мне преподнёс спальный мешок на собачьем меху, в котором он якобы спал на льдине (в чём я сомневаюсь).

Глава 6. ТРИ НОЧИ СО СТАЛИНЫМ. 1943 год

1943-й стал годом перелома в войне. Серов видел этот перелом собственными глазами, в Сталинграде, куда прилетел сразу после разгрома армии Паулюса в феврале. Ему доведется не только руководить наведением порядка в Сталинграде, но и лично допрашивать плененного генерал-фельдмаршала.

В апреле Сталин затевает очередную — третью по счету — реорганизацию своих спецслужб. Почти полностью повторяется предвоенная модель: Лубянка вновь делится на 2 наркомата с Берией (НКВД) и Меркуловым (НКГБ) во главе.

(Единственная разница — военная контрразведка выводится из-под Берии. Теперь это ГУКР СМЕРШ внутри Наркомата обороны. Поскольку наркомом в годы войны был Сталин, начальник СМЕРШа Виктор Абакумов подчинялся теперь лично вождю.)

Как и в 1941-м, Серов — теперь уже комиссар ГБ 2-го ранга — назначается зам. наркома внутренних дел: на круге его обязанностей, впрочем, это не сильно отразилось.

Он по-прежнему много бывает в командировках, занимаясь организацией истребительных отрядов, созданием фильтрационных лагерей.

Летом по решению ГКО Серов инспектирует Алсиб: построенную накануне воздушную трассу между СССР и США «Аляска-Сибирь». Он проверяет аэропорты и персонал по всему маршруту — от Москвы до Аляски, залетая в том числе и в американские города.

Когда в августе Сталин решил в кои-то веки выехать на фронт, всю организацию поездки он доверил именно Серову: втайне даже от собственной охраны. Большого доверия со стороны вождя трудно представить. За это, и не только, в сентябре его наградят орденом Красного Знамени.

Осень 1943 года Серов проводит в степях Калмыкии, охотясь за бандами дезертиров и немецких пособников.

Конец года он встречает на Памире, на границе с Ираном и Афганистаном: по указанию ГКО проверяет разведданные о подготовке военного нападения со стороны Турции и Ирана. Эти сведения не подтвердились, о чем Серов и доложил Центру, приготовившись ждать новое задание...

Снова Сталинград

В январе мне приказано было вернуться в Москву. Почти 5 месяцев пробыл на Кавказе.

На Кавказе хорошо действовали и войска НКВД, которые зачастую были на самых трудных участках. Когда я приезжал к ним, то у меня была уверенность, что эти-то не отступят. Я вспоминаю хорошим словом генералов Коротеева, Хоменко, Мельника, Рослова*[149], Пияшева*, полковников Микрюкова* (кд.), Ширяева* (Сухумская дивизия), Никольского* (Грузинская дивизия)[150], генерала Зимина П., полковника Булыгу*, Титкова* и других.

Перед отлетом и созвонился с Иваном Ивановичем <Масленниковым>, который со штабом уже продвинулся дальше. Он мне грустно сказал, что опять они с Тюленевым получили от Верховного нагоняй о том, что оторвались от войск, потеряли связь и т. д.[151]

Побыл в Москве месяц. В войсках по охране тыла фронтов, за которые я отвечал, все в порядке. Хорошие результаты по задержанию шпионов, диверсантов, парашютистов. Командующие довольны работой[152].

Я разговаривал с Толбухиным*, Ватутиным, Черняховским*, Мерецковым и другими командующими...

В Сталинграде тоже дела шли хорошо. Почти полностью наши войска окружили армию Паулюса. Туда подбросили войска Донского фронта, которыми командовал Рокоссовский. Вся операция по окружению немцев Ставкой была возложена на 2 заместителя верховного Жукова Г. К. и начальника Генерального штаба Василевского А. М., а также генерал-полковника Воронова Н. Н.

8 января наши командующие послали парламентариев в штаб Паулюса и предложили почетную капитуляцию. Встречали наших плохо, одного ранили, и предложение отклонено. Тогда наши стали сжимать кольцо окруженных немцев, которые еще огрызались[153].

К концу января наши стали бить немцев уже ею частям. По донесению командования из Сталинграда, там создалась серьезная обстановка. Десятки тысяч пленных, тысячи убитых и раненных немцев. Такой внезапный наплыв наши медики не ожидали[154]. Начались тиф и другие болезни, голодовка, размещать негде (нет теплых помещений), все были разбиты немцами в боях[155].

Меня вызвали к Сталину, там были Маленков, Берия, Молотов[156]. Коротко рассказали мне о неприятном положении и приказали сейчас же вылететь, разместить военнопленных, организовать питание, лечение, охрану и помочь военным в срочной переброске Донского фронта на Центральное направление и исправить ж/д линии и станции, которые были разбиты в боях.

В общем, заданий много. Попрощался. Настроение у всех веселое. Особенно мне запомнился Сталин, который ходил по кабинету спокойный, вставлял фразы, часто подходил ко мне и уточнял некоторые вопросы.

Вылетаю в Сталинград. Там за эти два-три дня закончили окружение Паулюса, и 30 января войска капитулировали. Паулюс и его штаб сдались на волю победителей. Ура![157]...

В Сталинграде я нагляделся страстей-мордастей. Когда подлетел, увидел чёрные колонны немцев. В самом городе (если так можно назвать развалины, руины) по трупам замерзшим ездят танки, машины. Кругом, куда ни глянешь, везде трупы.

Поехал в место сбора военнопленных. Картина ужасная. Высшая арийская раса вся сплошь оборвана, небрита, истощала, взгляд робкий. Стоят в очереди за супом. Причем дисциплина видна и в этом. Мл<адший> k<омандный> c<остав> командует, и их слушаются.

Подхожу спрашиваю, ну как, подлецы, довоевались. Отвечают бодро: Яволь! (Точно!). Не подумайте, что поняли мой вопрос. На скорую руку организовали им помещение, койки и погнались набивать матрасы. Всё делают сами...

Наутро поехал на конный завод, куда направил для размещения несколько тысяч военнопленных. Только выехал за город, смотрю, на дороге стали попадаться трупы немецких военнопленных. Проеду 500 метров — лежит, ещё дальше — опять лежит, вышел из машины, присмотрелся, вижу — подстрелены. Ну, уж это безобразия[158].

Приказал шоферу гнать быстрее. Через полчаса догнал колонну тысяч 5 военнопленных. Сзади колонны идёт сержант, возле него два военнопленных еле плетутся, он их подтыкает наганом. Спрашиваю: как дела?

Жалуется: плохо идут. Хилые. «Ну, и что ты делаешь?» Он посмотрел и спокойно, словно так и нужно: отвечает: «добиваю». Я говорю, ты что, с ума сошёл? А он — А как же т. генерал. Я говорю: убери наган. Если ещё одного добьёшь — посажу в тюрьму. Кто отстанет, пусть тут и сидит. Когда приведёшь колонну, пошли автомашину и подбери отставших. Они никуда не убегут.

Он на меня посмотрел недовольным взглядом, сказал — слушаюсь, и мы поехали дальше. Думаю, что больше он этого не делал, но не ручаюсь, на войне как на войне.

На конном заводе уже разместились тысячи 3 военнопленных, прямо в конюшнях, не отапливаемых. Я разрешил организованно жечь костры, так как здания были каменными. Наблюдаю за военнопленными, и тут видна арийская раса. К итальянцам немцы относились презрительно, да кстати сказать, они ужасно и выглядели, мерзли и казались беспомощными. К венграм и румынам несколько лучше, но всё же себя ставили на первое место.

Поздно вечером вернулся и заслушал начальников, где ещё организовали лагеря. Картина

прямо неутешительная. Размещать негде. Все здания немцы и мы разбили, что хочешь, то и делай. Созвонился по ВЧ с А. В. Хрулёвым и попросил сотню штабных палаток. Обещал[159].

На следующее утро пошли с генералом медицинской службы (фамилию забыл) двухметрового роста, и особенно у него были большие полуметровые погоны. Пошли по мед. сан. батальонам, ну это только название. Сараи, склады и т. д. — это где размещались раненые.

Генерал мне в разговоре сказал, что большая часть раненых помрёт, так как они несколько дней до пленения не получали медпомощи, такая же участь ждет и легко раненых, так как в таких антисанитарных условиях получают гангрену и другие гадости. На это я ему сказал, что мы сюда их не звали, поэтому пусть сами и расплачиваются[160].

Днём мне Воронин (начальник УНКВД) показывал карьеры-ямы и другие места, куда решили вывозить трупы и закапывать тракторами. Ну, я согласился. Другого выхода не было. Иначе весной началось бы разложение и заразы. Запросил эшелон извести, чтобы ряды трупов посыпать, чтобы быстрее уничтожались.

Всё время поддерживал связь с Рокоссовским, Еременко*, который был командующим фронтом вместо снятого Гордова. Рокоссовский, я с ним уже второй раз встречался, первый раз под Москвой, когда он командовал 16 армией, и сейчас. Он и тогда, и сейчас производил впечатление грамотного, вдумчивого генерала, в отличие от Еременко, этого малограмотного самовлюбленного, хвастливого и довольно трусливого перед начальством генерала.

Пока возился с военнопленными, получил решение из Москвы, обязывающее организовать переброску войск фронта Рокоссовского в центр<а>альную</а> часть в течение 5–6 суток. Стал железнодорожником.

Вот где раскардаш, так это в железнодорожной державе. Никто никого не слушает, сам себе командир. Угля нет, поезда не принимают, порожняка Москва не шлёт. Беда. А отвечать перед Сталиным придётся.

Дал телеграмму в Москву, оказывается, Кобулов уже сидит в НКПС и регулирует, кому сколько вагонов подать. Созвонились, пузырится, почему дал телеграмму.

Прошу вагонов. Говорит: нет. А я знаю, что на соседнюю дорогу даёт. Это он делает мне в пику, чтобы подвести меня и потом сказать, вот какой я нерасторопный. Поругались. Звонил Хрулёву, а тот ссылается на Кобулова, который всё взял на себя.

Как назло, начались заносы. Мои планы начали срывать. Поехал сам на станцию наводить порядок. Оказалось, что на станцию подали вагоны, но нет войск. Я к Рокоссовскому, почему срывает план, который мы вместе утвердили. Клянётся, что все идет по плану.

Попросил ещё подкрутить командующих армиями и дивизиями, чтобы не срывали и вовремя подвели войска. С большими мучениями уложился в срок. Войска были отправлены под Курск.

Только отправились последние эшелоны, как получил телеграмму из Москвы: немедленно вылететь в Краснодар, и там будут даны дальнейшие указания. Это был уже март месяц.

В Краснодаре в УНКВД узнал, что вызваны командующие армиями Северо-Кавказского направления, которые собираются на вокзале. Туда прибывает член ГОКО Берия.

Поехал на вокзал. Увидел — военные «виллисы» стоят. Пошёл туда, стоит поезд и два вагона. Около них генералы, когда подошёл поближе, то увидел знакомых: И. Е. Петров, И. И.

Масленников, командующий 18 армией Леселидзе, 9 армией Гречкин, генералы Мельник, Коротеев, Гречко* — 56 армия.

Поздоровался. Спрашиваю: зачем собрались? — Не знаем. — Они начали у меня спрашивать, а я тоже не знаю. Затем увидел охранника Саркисова*, подозвал и говорю, для чего нас вызвали. Он ответил: сейчас вызовут.

И действительно, нас всех пригласили в салон вагона, где с нами общим кивком поздоровался Берия и справа от него стоял полковник с рыжими усами. Сели.

Берия сказал, что он послан ГОКО организовать наступление войск, для того чтобы вышибить немцев с Таманского полуострова[161]. Заслушал командующих, кто как это думает выполнить. Потом, обратившись к Гречко, спрашивает: ну как т. Гречко, успех будет, если так организовать. Встал генерал-лейтенант Гречко А. А., командующий 56 армией, высокий, худой и говорит по-украински, улыбнувшись: «Не знаю, чи будет, чи ни».

Берия хмуро надвинул пенсне на нос и ничего не сказал. Затем он объявил, что командовать группой войск, которая будет обеспечивать наступление на Таманском полуострове, назначается И. Е. Петров, и далее добавил: для координации действий двух армий Мельника и Коротеева выделяется зам. НКВД Серов[162]. Можете разъезжаться и приступать к организации. Сидевший усач-полковник всё записывал.

Когда мы вышли из вагона, Гречко у меня спрашивает: ты не знаешь, кто этот полковник, я ответил — нет. Затем вышел Саркисов, и я спросил у него. Он ответил, что это полковник Штеменко, ведёт Северо-Кавказское направление[163]. Ну, после этого «инструктажа» мы разъехались.

Поздно вечером я был уже у командующего Мельника. Посоветовались, как будем действовать, и около часу ночи я собрался на отдых, вдруг звонок по ВЧ. Я подошёл, так как телефонист сказал: из Краснодара просят Серова.

В трубке голос Берия: сейчас же вылетай в Краснодар и приезжай ко мне. Я говорю, ночью меня ПВО собьёт. Ну, а когда? Я говорю, с рассветом. Потом спросил, надолго ли? Так как тут я был только у т. Мельника. В ответ услышал: с рассветом будь у меня.

Утром в 7 часов я уже стоял возле вагона. Вышел Саркисов, позвал. Там Берия в одной нижней рубахе, сухо поздоровавшись, сказал: вылетай сейчас же в Москву. Звонил Сталин, там неприятность, но не сказал, какая[164].

Я сказал «хорошо» и вышел. Поехал на аэродром, где находились мои лётчики, и через полчаса вылетел.

Когда прилетел в Москву, так народ даже не узнал, как за это время всё изменилось. Радость. Ликование. Немцы повсеместно отступают. Правда, дают частенько бой, но немец уже стал не тот, как в 41 году.

Правда, нужно сказать, что и солдаты стали не те. Обстрелянные, с опытом. Солидные. Уже отличишь старослужащего от недавно призванного.

Допрос Паулюса

На днях ко мне заходил Василий Сталин, правда, не в первый раз. В начале войны он был у меня сразу по окончании авиаучилища в чине капитана. Командовал эскадрильей где-то под

Москвой и просил поставить ему правительственный аппарат ВЧ. Я ему разъяснил, что не положено, так как даже у командующих армиями пока ещё не у всех имеется ВЧ[165].

Затем он несколько раз еще заходил по разным вопросам, в том числе, ходатайствовал за какого-то особиста, «очень умного парня». Я его направил к Абакумову.

На этот раз пришёл В. Сталин тоже просить ВЧ командиру авиадивизии. Василий командует уже авиаполком. Я опять отказал.

В. Сталин производил впечатление неуравновешенного человека, чувствовавшего, что все ему угодяют, и он этим пользовался.

Прошло несколько дней. За это время я слетал на Южный фронт. На Южном фронте разбирал вопрос о начальнике особого отдела фронта Зеленине, который, используя право Военного Совета фронта награждать подчинённых орденами за подвиги на войне, выпросил у членов Военного Совета фронта орденов и медалей и наградил сначала свою ппж-машинистку, а потом, когда поползли об этом слухи, то раздал ордена и медали и другим машинисткам и сотрудникам, которые близко фронта не видели. Когда я потребовал объяснения, то он как баран моргал глазами и не мог ничего сказать в своё оправдание[166].

Вернувшись в Москву, мне приказали выехать в Суздаль и допросить фельдмаршала Паулюса, который с группой пленных офицеров содержался в Суздальском монастыре, который превратили в лагерь для военнопленных[167].

Когда ознакомился с расположением военнопленных и поговорил с немецкими офицерами, то выяснил, что некоторые подлецы все еще Сталинградское поражение рассматривают как частичный неуспех гитлеровских войск. Настроены враждебно.

Затем я пришел в комнату, где был размещен Паулюс с адъютантом — полковником[168].

Паулюс хотя и настроен мрачно, но рассуждает здраво, говоря о том, что он дрался, как подобает солдату, и, когда Гитлер требовал быстрее продвижения войск его армии, он ему докладывал, что тылы у него не подтянуты, боеприпасов недостаточно и т. д. Однако несмотря на это Гитлер требовал наступления.

Паулюс, как он говорил, не раз доносил, что надо подтянуть тылы, и просил помочь войсками и техникой, так как создаётся тяжелая обстановка и угроза окружения Советскими войсками, однако никакой помощи он не получил, и вот результат — как он закончил.

Говорили мы с ним об обстановке на других фронтах, в чем он проявил интерес, так как он сказал: «отстал от жизни».

Я ему сказал, как у нас хорошо пошли дела под Москвой и на других фронтах, и сказал, что участь немецких войск будет та же, что и под Сталинградом. Паулюс улыбнулся, но ничего не сказал[169].

Я даже грешным делом подумал, что он иронически принял мое сообщение, но потом после некоторой паузы сказал, оживившись: «Г-н генерал, я с вами согласен, что немецкой армии не выстоять против Красной Армии, но вы подумали, что будет дальше у вас. Ведь вы по окончании войны, после победы над Германией, поссоритесь со своими союзниками, а может быть и подерётесь».

Я не ожидал такого мудрого заключения Паулюса, но, сделав спокойный вид, спросил, почему он пришёл к такому выводу. Он так же спокойно мне сказал: «У вас с союзниками разный социальный строй, разные взгляды на жизнь, и никогда эти взгляды не совпадут». Пожалуй, он прав.

На следующий день меня вызвали в Москву, и там и писал записку о встрече с Паулюсом.

Поездка на фронт со Сталиным

В августе 1943 года меня вызвал в Кремль Верховный Главнокомандующий Сталин. Примерно в 3 часа ночи, когда я явился, он посмотрел на меня, улыбнулся, затем, поздоровавшись, сказал:

«Я собирался ехать на Западный фронт к Соколовскому и на Калининский к Еременко, с тем чтобы ознакомиться на месте с дальнейшими наступательными действиями войск и подтолкнуть Ерёменко к более активным действиям»[170], — и далее продолжал:

«Руководство охраной и организацией поездки возлагается на вас. Весь маршрут по фронтам я скажу вам потом. Сейчас надо вам выехать в Гжатск и подготовить домик для ночлега и место, где кушать. Завтра утром встречайте наш поезд. Всё ясно?» Я говорю: ясно.

И далее добавил: «об этом никто не должен знать, в том числе и начальник Управления охраны генерал Власик»[171].

Я повернулся и ушёл. Захватил на работе походный чемодан и выехал на машине в Гжатск. Со мной были адъютант Тужлов и шофёр Фомичёв*.

Приехал в Гжатск. В городе пусто. Его недавно освободили от фашистов. Кое-где появляются женщины с детьми и старики. Мужчины все были призваны в армию, как только освободили город.

Присмотрел на окраине небольшой домик, кругом деревья. В домике оказался работник НКВД. Спрашиваю, с миноискателем прошлись? Отвечает, да. Затем пошутил, что дом реквизируем на день, и вместе с ним стали наводить порядок, и приказал подключить телефоны ВЧ-связи.

Затем поехал на железнодорожную станцию. Спрашиваю начальника, имеются ли брошенные немцами мины, снаряды, гранаты. Ответил — есть. Затем я пошёл по полотну. Отойдя с полкилометра, обнаружил снаряды, брошенные около рельс, а чем дальше шёл, тем больше попадалось немецких снарядов разных систем. Тут же валялись и заряды с порохом.

Быстро вернулся на железнодорожную станцию. Связался с Москвой и передал начальнику транспортной управления НКВД, что надо принять меры по уборке боеприпасов, так как движение поезда небезопасно. Начальник Управления отвечает: везде, где немцы отступают, полно брошенных боеприпасов. Вижу, что его не проймёшь, и я прекратил разговор.

После этого я недолго ждал на станции приезда Сталина, он в назначенное время приехал спецпоездом в Гжатск. Встретил я Сталина и повёз в подготовленный домик.

Вместе с ним в прицепном вагоне приехало 75 человек охраны под видом ж/д служащих. Все в штатском. Начальнику охраны я указал, где выставлять посты. Я думал, что взятая охрана согласована со Сталиным.

По приезде я разместил т. Сталина. Ему, видно, понравилось, и он остался отдыхать в комнате. Ефимов* (начальник отделения по хозяйству) начал возиться возле печурки, которая была выложена во дворе. Я прошёл к Ефимову, он уже поставил вариться первое и чайник кипятку. Прошло минут 35.

Стоим, разговариваем, вдруг со двора подходит т. Сталин и спрашивает, что мы тут делаем. Говорю, готовим обед. Он заглянул под крышку и сказал, что похлёбку (первое он всегда звал похлёбкой) есть не будет. Съешьте сами. Потом, обернувшись, увидел за кустом охранника (тот плохо замаскировался).

Сталин с удивлением посмотрел на меня и спрашивает, что это за человек? Я ответил, что из охраны. Он подумал, что я выставил. Прошло несколько минут, он увидел другого охранника под кустом и опять спросил, кто это. Я ответил, а он нахмурился и потом сказал, а откуда вы их взяли? Я ответил, что они с вами приехали. Он рассердился и сказал: «Убрать их всех. Среди населения мужчин нет, а они болтаются. Убрать!» Я возразил, а он опять — «убрать!»

Ну, я вызвал потом старшего по охране и говорю: уезжайте. Он на меня посмотрел недоуменным взглядом и говорит: а как же охранять т. Сталина? Я ему говорю: вы не спросились у него и выехали, поэтому он сам приказал убрать вас. Спрашиваю, на чём поедете? Оказалось, что они с собой грузовики взяли. Ну, я и говорю: забирайте и отправляйтесь. И больше я их не видел.

Таким образом у меня осталось охраны: я, Тужлов, мой шофёр Фомичёв, начальник отделения Ефимов и шофёр Смирнов, который был в резерве, но в прошлом возил т. Сталина, и полковник Хрусталёв*. Его старший брат охранял В. И. Ленина. Ну, думаю, придётся попеременно ночами не спать.

По первоначальному плану, как мне сказал т. Сталин, он должен был ночевать в Гжатске. Потом слышал, как он говорил по ВЧ с Соколовским В. Д. — командующим Западным фронтом, назвав себя Ивановым (его псевдоним).

После этого он внезапно передумал и говорит мне: «Сейчас вам надо выехать в район Штаба Зап<адного> фронта (Юхнов) и в лесу найти несколько домиков, где стоял штаб фронта, который теперь продвинулся вперёд. Там будем ночевать».

Я по карте прочертил дорогу, как они поедут, а сам связался с генерал-полковником Соколовским В. Д., он мне рассказал, где в лесу искать штаб. Затем прошёл в комнату к т. Сталину и доложил, что я выезжаю, и просил его выехать не ранее как часа через два, с тем чтобы я мог там всё приготовить. Шофёру я дорогу рассказал. Затем Сталин спросил, почему ему так долго тут сидеть. Я ему разъяснил, что мне нужно полтора часа ехать, да кроме того приготовить ночлег. Ну поезжайте, сказал он.

Как только мы сели в «виллис», началась гонка, которую я сейчас не повторил бы. Сперва за рулём сидел я, а потом Фомичёв. Полевые дороги сами по себе плохие, да к тому же там прошли войска и танки. И несмотря на это мы ехали не более 40 минут. Быстро нашёл в лесу домики, к счастью, там осталась фронтовая ВЧ-станция.

Созвонился с генералом Любым (начальник охраны тыла Западного фронта) и приказал, чтобы мне подбросили заставу пограничников, а самому явиться ко мне. Вызвали девушек со станции ВЧ-связи, и они соорудили кровать с соломенным матрасом и подушкой тоже из соломы для т. Сталина. Штаб фронта, продвинувшийся вперёд, всю мебель и кровати вывез с собой.

Остались железная кровать, которую девушки забрали себе, а нам дали попримитивнее. Собрал я два стула. Девушкам сказал, чтобы вымыли полы, а сам поехал навстречу, полагая, что они будут не ранее как через час. Выехал из лесу на дорогу, чтобы не пропустить их, а сам стал бриться из лужи.

Только умылся, смотрю — идёт «паккард», а грузовика с вещами нет. Выхожу на дорогу, подымаю руку и командую: «Стой!»

Вышел Сталин, я ему начал рассказывать, что военные все вывезли с собой. Только соломенный матрас и подушку сумел подготовить. Он посмотрел на меня и говорит: «А что я, князь, что ли, мне не дворец нужен».

Ну, думаю, все в порядке, Затем я говорю т. Сталину, чтобы следовал за мной, а шофера предупреждаю о плохой дороге, ведь «паккард» бронированный, весит 7 тонн, его в поезде привезли из Москвы.

Благополучно добрались до домиков. Показал т. Сталину, где он будет спать. Он увидел ВЧ и сразу же стал звонить т. Соколовскому, чтобы приехал и доложил обстановку на фронте. Потом мне сказал, чтобы в соседней комнате поставил бутылку вина и фруктов. У нас это было с собой, а продуктовая автомашина ещё не пришла. Я сделал, что было сказано, и вышел в лес.

Т. Сталин тоже вышел и услышал шум немецкого бомбардировщика, а недалеко от нас стоял «паккард», на котором он приехал, на открытой местности. Сталин рассердился и говорит: «Заставьте этого чудака убрать автомашину в укрытие, а то разбомбят немцы».

Когда я подошёл к водителю, то он, оказывается, не может завести машину, так как мотор перегрелся. Тогда я ему сказал быстро закидать ветками деревьев автомашину, что он и сделал.

Возвращаюсь к домику, т. Сталин стоял около домика. Затем он меня отозвал в сторону и тихо говорит: «А кто это там за бугром?» Я туда, а там Тужлов лежит с автоматом, потому что Любый еще не приехал с охраной. Я подошел к т. Сталину и говорю, что это мой адъютант. Он ничего не сказал, немного мы поговорили, и он ушел в дом. Потом мне Тужлов рассказывал, как он сам испугался, когда увидел Сталина на бугре, но продолжал лежать.

Через несколько минут подъехали Соколовский и Булганин. Я подошел к Булганину и спрашиваю: у тебя, Николай Александрович, продукты есть, а то нечем кормить т. Сталина, наша машина заблудилась[172]. Оказалось, что он только что получил продукты из Москвы. Я тут же забрал их у него и отдал их Ефимову изготовить обед.

Пока Сталин, Соколовский и Булганин совещались, я размышлял сам с собой, что всё-таки т. Сталин мнительный человек, мало кому верит, всё проверяет, так нельзя жить. Ему должно быть нелегко. Я почему-то подумал, что он, из Москвы уезжая, не сказал членам Политбюро, куда едет. Почему?

Доклад Соколовского длился не особенно долго. Вышли навеселе. Бутылочку «Цинандали» выпили. Я их проводил. Когда шли к машинам, Соколовский и Булганин наперебой мне рассказывали, как хорошо к ним отнёсся т. Сталин. Обсудили план дальнейшего наступления войск в августе.

Соколовский сказал, что на докладе Сталину он похвалил генерал-полковника Голованова (командующий дальней авиацией), который был у них на фронте и обеспечивал бомбёжку переднего края немцев перед наступлением войск Западного фронта. В общем, настроение у них отличное.

Затем я вернулся в домик. Слышу, т. Сталин вызывает в Москве Маленкова. Когда соединили, он, поздоровавшись, сказал: «Здравствуйте, Иванов говорит». Тот, видно, спросил, откуда он звонит. Сталин на это ответил: «это не важно, откуда», и продолжал следующий разговор:

«Мне докладывал командующий Западным фронтом т. Соколовский, что генерал-полковник Голованов неплохо обеспечил бомбёжку переднего края немцев перед наступлением Западного фронта. Завтра опубликуйте Указ Президиума Верховного Совета о присвоении

ему звания маршала авиации». Затем он сказал «всего хорошего» и повесил трубку.

Потом Сталин по ВЧ заказал Голованова. Тот ответил. Т. Сталин ему говорит: «Я слышал, вам правительство присвоило звание маршала авиации. Завтра будет объявлено в печати. Поздравляю!» Тот, очевидно, начал благодарить, а т. Сталин ему в ответ: «Я тут ни при чём. Вы благодарите Советское правительство». Итак, Голованов — маршал авиации[173].

Поговорив, Сталин вышел на крыльцо. Когда потихоньку пошли с ним, он обратился ко мне с вопросом: «А что, если у нас сегодня похлёбка будет?»

Я говорю: через полчаса будет. Вижу, что не поверил, так как знал, что грузовик с продуктами заблудился.

Тогда он, видимо, решил меня проверить и говорит: а где готовят? Я ему указал на дом против нас. «А ну, пройдёте!» Решил уличить меня.

Пошли. Пришли, всю горит кухня, варится мясной суп, и готовится барашек на второе блюдо. Я был доволен. Т. Сталин посмотрел на меня и вышел. Я за ним.

Через несколько минут он говорит: «По имеющимся у меня агентурным данным, вы третью ночь не спите». Я, не смутившись, отвечал с улыбкой: «Это дезинформация, т. Сталин». Он на своем стоит, что у него данные проверенные, ну я не стал возражать.

Когда дошли до домика, он добавил: «Идите и ложитесь сейчас же спать». Я говорю: после обеда. Когда пообедали, он приказал Ефимову уложить меня и не отходить, пока не усну. На это потребовалось три минуты, после чего я спал как убитый часа два.

Было уже 9 часов вечера, когда я проснулся, т. Сталин еще не спал и позвал меня. Я вошел, он говорит: «Завтра мы должны быть на Калининском фронте у Еременко. Остановимся в районе Ржева. Мы утром выедем туда поездом, а вы самолётом. Организуйте это. Когда полетите?» Отвечаю утром. Условились по карте, где я буду его встречать.

Утром проводил Сталина до вагона и сразу же на У-2 вылетел. Через 40 минут уже был на месте. Около Ржева имеется маленькая деревня Хорошево, домов 20, и, к удивлению, не сильно разрушенная немцами.

Приехал в деревню, и мне понравился один небольшой домик с крыльцом и дворик сравнительно чистый. Захожу к хозяйке и говорю, что в этом доме остановится советский генерал на пару дней. Она, глупая, как завопит на меня. Что же это такое, при немцах полковник жил, русские пришли, генерала на постой ставят. Когда же я жить буду?!

Я тоже разозлился, говорю, чтобы через полчаса тебя не было здесь. А я уже узнал, что через дом живет ее брат, так что и она может там ночь переспать.

Остановил машину с солдатами, которых туда послал генерал Зубарев*, начальник охраны тыла фронта, солдаты мне вымели двор, сложили печурку, вымыли полы, протерли кровать, столы, и я выставил из них охрану. Всё получилось хорошо. Сам поехал на станцию. А станция оказалась одним названием. Имелись лишь остовы двух домиков, а остальное все было разрушено.

Около ж/д линии ходил какой-то ж/д чин в красной фуражке. Я подошел, поздоровался и говорю, сейчас пойдет паровоз и два вагона, надо их остановить. Он, посмотрев на меня, гражданского человека, хотя и со значком депутата Верховного Совета СССР, и говорит: это пойдет спецпоезд, и я остановить не имею права.

Я спрашиваю, а как останавливают поезда? Он показал круговые движения, а сам отошел в сторону, видимо, чтобы не отвечать за мои действия. Я встал на ж/д линию и, когда подходил

поезд, стал махать кепкой, чтобы поезд остановился. Смотрю, машинист стал замедлять ход, а затем и встал. Это было на разъезде Мелехово. Я вошёл в вагон и доложил т. Сталину о готовности ночлега. Когда вышли на вокзал и сели в машину, за рулём сидел запасной шофёр, который несколько лет тому назад возил Сталина. Он так разволновался при виде Сталина, что ему стало плохо и заболела голова. Но доехали.

По приезде в домик т. Сталину понравилось размещение, но произошло недоразумение, по которому мне пришлось дать объяснение. Телефонистки ВЧ-связи поставили полевой телефон «Эриксон» (английский). Когда надо говорить с абонентом, то вначале покрутить ручкой, а потом прижимать клемму.

Т. Сталин поднял трубку и заказал Еременко (командующего фронтом), а разговор не получается. Я ему рассказал, что надо вертеть ручкой и нажимать клемму, но уже увидел, что он сердится. Я сразу ушёл. Со двора слышу уже по телефону начался «шум», который длился минут десять из-за того, что фронт топчется на месте. Получился разговор «по-русски» раза два в адрес Ерёмченко, что с ним редко случалось, и он повесил трубку. Я впервые слышал такую ругань Сталина. Потом позвал меня и говорит: «Сейчас приедет Ерёмченко. Надо встретить у деревни и проводить сюда. Кто это может сделать?». Я ему говорю: начальник охраны тыла Калининского фронта генерал-майор Зубарев (наш пограничник). — «Давайте его сюда».

Я быстро вышел, послал за Зубаревым, и когда он пришёл, я рассказал ему, какое задание даст т. Сталин. При этом добавил, что называть его надо т. Сталин, без всяких титулов. «Поняли?» — спрашиваю его. Он на меня уставился и говорит: «Я ещё ни разу не видел т. Сталина». Я говорю: «Ну вот и увидите». Он смутился, как балерина, и я его повел. Дорогой еще раз предупредил называть т. Сталин.

Пришли. Смотрю, Зубарев побледнел и молчит. Говорю: вот генерал Зубарев, т. Сталин. В это время Зубарев собрался с духом и начал: «Товарищ Верховный Главнокомандующий, маршал Советского Союза, по вашему приказанию генерал-майор Зубарев прибыл». Сделал шаг влево и щёлк каблуками.

Т. Сталин подошел к нему и поздоровался, тот ему: «Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза». Шаг в сторону, щёлк каблуками.

Т. Сталин посмотрел на меня, я уже понял, что мне будет за этот «доклад». Затем спросил Зубарева, знает ли он Еременко? Зубарев опять отвечал с полным титулом, щёлк каблуками, и так продолжалось, пока Зубарев ушел. Мне бы уйти. Но я знал, что т. Сталин вернет и выругает.

Стою. Он поглядел на меня и говорит: «Ничего не сделает, ничего не понял». Я говорю: приведет. «А что он как балерина прыгает?» Я говорю, он смутился, разговаривая с вами, но приведёт Ерёмченко.

Я ушёл. Через минут 30, смотрю, едет легковая машина, а за ней пикап с людьми, с кино и фотоаппаратами. Чтобы не пылить, я остановил их метрах в 30 от дома. Поздоровались с Еременко, и тут же я махнул рукой пикапу, чтобы уезжал обратно.

Ерёмченко стал просить оставить эту «кинобригаду» для того, чтобы сфотографироваться со Сталиным «в фронтовых условиях». Я сказал: пока убери, а когда договоришься с т. Сталиным, тогда позовём.

Тогда Ерёмченко стал просить меня, чтобы я доложил Сталину о его намерении сфотографироваться. Я уже знал, что будет у них при встрече буря, поэтому ответил — спроси сам. Я провёл его к Сталину. Уходя, я вновь услышал разговор на высоких тонах, почему фронт не выполнил боевую задачу, поставленную Ставкой. И такой разговор

продолжался более получаса.

Я ходил по дворику. Потом они вышли во двор. В это время меня отозвал пограничник из войск НКВД по охране тыла фронта и доложил, что только что по радио сообщили, что наши войска заняли Белгород и выбивают фашистов из г. Орла.

Я подошёл и доложил об этом Сталину. Он, улыбнувшись, сказал: «В старой Руси победу войск отмечали при Иване Грозном звоном колоколов, кострами, гуляньями, при Петре I — фейерверками, и нам надо тоже отмечать такие победы. Я думаю, надо давать салюты из орудий в честь войск победителей». Мы с Ерёменко поддержали эту мысль.

Далее Ерёменко вновь повторил т. Сталину, что его фронт начнёт активные действия и освободит от немцев города. (Кстати сказать, эти обещания Ерёменко так и не выполнил в дальнейшем, и его скоро за обман освободили от <должности> командующего фронтом.) [174]

Перед отъездом Ерёменко Сталин опять потребовал вино и фрукты и выпили по рюмке за успех на фронте. После этого Ерёменко осмелел и говорит: «т. Сталин, мне хотелось бы с вами сфотографироваться во фронтовых условиях».

Сталин посмотрел на него, промолчал и говорит: «А что, неплохая мысль». Ерёменко расцвел. Я подумал, что кинооператоров, которых угнал от деревни, теперь не найду и будет мне неприятность. Далее Сталин сказал: «Давайте, Ерёменко, условимся так: как только ваш фронт двинется в наступление и освободит Смоленск от немцев, вы оттуда позвоните мне в Москву, и я приеду специально к вам туда, и сфотографируемся». Тогда я понял тонкость иронии Сталина.

Начало уже темнеть. Сталин пошёл в избу. Я решил, что он пошёл спать, так как время было около 9 часов вечера. Я проинструктировал пограничников из охраны тыла, а сам пошёл прилечь, так как утром выезжаем в Москву.

Сколько спал, не знаю, наверное, не более 20 минут, как меня Ефимов начал трясти за рукав и говорит: «Зовёт Хозяин», — так охранники звали Сталина. Я ему говорю, так он же пошёл спать. — «Нет, он ждёт вас». Я быстро пошёл. Смотрю, во дворе стоит Сталин и одну руку держит за спиной.

Я подошёл и сказал — прибыл по вашему приказанию, и приложил руку к козырьку кепки (я был в гражданском костюме, косоворотка и кепка). Сталин посмотрел на меня сердито: «А чего вы козыряете?» — «Я военный человек, т. Сталин», — отвечаю ему. «А я гражданский, по-вашему?» — «Нет, вы тоже военный», — отвечаю ему. Сталин: оштрафовать вас за непочтение к старшим.

Затем вынул из-за спины бутылку коньяку и наливает мне рюмку. Затем говорит: «Будьте здоровы, т. Серов, вы хорошо потрудились, спасибо», — и подаёт мне рюмку.

Я отвечаю: «Большое спасибо, т. Сталин, за внимание, но пить не могу». Сталин: как так, почему?

Я отвечаю, что я при исполнении служебных обязанностей, поэтому не могу. Сталин: «А я, что, по-вашему, гуляю, а не исполняю служебные обязанности?»

Я отвечаю: «И вы работаете». Т. Сталин: «Тогда оштрафовать вас ещё раз». Ну, я упёрся и говорю: пить не буду, завтра рано вставать, а сам думаю, я за всю войну рюмку коньяку не выпил, а тут разве буду пить?

Я увидел, около угла стоял Хрусталёв, хороший сотрудник охраны. Его старший брат охранял

В. И. Ленина. И говорю: «Вон стоит, т. Сталин, Хрусталёв, он здорово может выпить». Тогда т. Сталин подозвал Хрусталёва, тот принял рюмку, выпил до дна, крякнул, поблагодарил т. Сталина и отдал обратно рюмку. Я сразу за угол дома и таким образом избежал этой неприятности. Когда Сталин ушёл спать, я сменил Хрусталёва на посту, так как его начало уже развозить.

В 8 часов утра я пошёл разбудить т. Сталина. Он лежал в кровати не раздеваясь. Сам я вышел во двор. Затем вышел т. Сталин, подошёл ко мне и говорит: «А что вы дадите хозяйке этого дома за то, что мы тут жили?»

Вообще говоря, я ничего не хотел ей давать, так как она не хотела нас пускать, но подумал и говорю: дам 100 рублей. (У меня в кармане было всего 100 р.) Т. Сталин говорит: «Мало этого». Я: «Так мы же прибрали ей двор, вымыли полы, убрали грязь, а не она это сделала». Т. Сталин: «Отдайте ей продукты, мясо». Я: «Хорошо». Т. Сталин: «Фрукты отдайте». Я уже не мог выдержать и рассказал, как она не хотела пускать. Т. Сталин: «Ну, ладно, отдайте, и вино если есть». Я: «Хорошо, отдам».

Когда подали машины для отъезда, несколько стариков, крестьян, женщин подошли и увидели т. Сталина. Он, садясь в машину, поприветствовал их. Они радостно замахали руками.

На ж/д станции я посадил их в поезд, попрощался и поехал «расплачиваться» с хозяйкой. Она подошла ко мне и говорит: «Так ведь это же т. Сталин был». Я говорю: «Да».

«Так пусть он у меня живёт, сколько хочет. Я ведь не знала, что это Сталин». Ну, я расплатился с ней, как обещал Сталину, и поехал на аэродром для вылета в Москву[175].

В Москве позвонил генералу Власику, чтобы ехал встречать на вокзал Сталина. Оказалось, что в Москве никто из членов Политбюро не знал, где находился в эти дни Верховный.

В тот же день вечером, согласно приказу Верховного Главнокомандующего Сталина, был произведён салют в ознаменование победы над фашистами, от которых освобождены Белгород и Орёл[176].

Было произведено 12 залпов из 24 орудий поздно вечером.

Из дневниковых записей

Уже октябрь 1943 года. На фронтах дела идут прекрасно. За 1943 год двинулись на некоторых участках до 500 км. Везде громят фрицев.

В октябре наконец-то выгнали немцев с Таманского полуострова.

В октябре меня предупредили, что в ноябре в Тегеране будет конференция союзников — Сталин-Рузвельт-Черчилль, чтобы я готовился к полету в Тегеран. Это хорошо, что все-таки договорились провести конференцию «трех» поближе к нам, в Тегеране[177].

Я стал подбирать людей для поездки в Тегеран и продумал предварительный план обеспечения нашей делегации в Тегеране.

После освобождения Киева Красной Армией 8 ноября 1943 года Хрущев был в Москве и позвонил мне, пригласив на обед. У него была квартира на ул. Грановского.

Я приехал, поговорили о фронтовых делах, сели обедать, и за обедом мне он рассказал о том, что вчера он после заседания Политбюро, на котором было решено, чтобы Хрущев уже занимался Украиной^[178] (он был членом ВС фронта), рассказал следующее.

В связи с этим решением он просил Сталина вернуть на Украину Серова наркомом внутренних дел, так как он там уже все знает, является членом Политбюро ЦК КП(б)У, депутатом Верховного Совета от Украины. Сталин подумал и говорит: «Серов — русский. Найдите для этой работы украинца».

Затем, когда стали расходиться, то Хрущев пошел по коридору вместе со Сталиным и опять стал просить вернуть Серова. Сталин строгим голосом сказал: «Идет война. Серов нам здесь нужен». «На этом, — продолжал Хрущев, — и закончился разговор о вас».

Я, правда, не знал, как реагировать на это, но сказал, что на Украине было бы легче сейчас работать. Хрущев согласился со мной.

Глава 7. ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ. 1941–1944 годы

Одна из самых мрачных страниц как в истории войны, так и самого Серова, связана с массовым выселением народов, обвиненных Сталиным в поголовном предательстве. Отныне наряду с врагами народа в СССР появлялись и народы-враги.

В общей сложности тотальной депортации подверглись тогда 12 народов, которые лишились не только родной земли, но и национально-территориальных автономий, имевшихся у большинства. В кратчайшие сроки, в течение нескольких суток, сотни тысяч человек под конвоем войск НКВД эшелонами отправлялись на другой конец страны — как правило, в Сибирь или Среднюю Азию.

К большинству этих операций Серов имел самое прямое отношение. Он лично руководил депортацией немцев Поволжья, калмыков, крымских татар, участвовал в выселении чеченцев и ингушей.

Не будем касаться морально-этических аспектов: вряд ли Серов терзался угрызениями совести. Никаких эмоций по этому поводу в его записках найти невозможно.

Впрочем, дело даже не в этом. Будучи человеком военным, Серов привык не обсуждать, а выполнять любые, пусть и самые беспредельные приказы. И, надо сказать, делал это весьма эффективно, став в глазах руководства одним из лучших специалистов по депортациям.

Недаром большинство таких заданий поручалось именно ему. За «усмирение» национальных окраин в 1944 году с разницей в 4 месяца он был награжден сразу двумя боевыми орденами: Красного Знамени и Суворова 1-й степени. (Последний орден являлся сугубо полководческим и вручался «за выдающиеся успехи в деле управления войсками», но Сталин распорядился по-своему.)

Мы сознательно нарушили хронологический порядок изложения, объединив в этой главе записи и воспоминания Серова о проведенных им «специальных операциях» с 1941 по 1944 год.

Вместе они дают достаточно объемную, хотя и малопривлекательную картину тех страшных событий.

Уже в августе 1941-го, на 3-й месяц войны, Сталин принимает решение о массовом выселении немцев Поволжья, где они исторически селились со времен Екатерины, в Сибирь и Казахстан. Одновременно упраздняясь и Автономная ССР немцев Поволжья (АССР НП).

Мотивы — хоть и людоедские, но понятные: фашистские войска рвались к Волге. Существовала серьезная опасность, что советские немцы — «фольксдойч» — в большинстве своем окажут поддержку братьям-арийцам.

Вспоминать об этом сейчас почему-то не принято, но СССР отнюдь не являлся здесь первопроходцем.

Еще в 1940 году, с началом немецких бомбардировок, британские власти интернировали 74 тысячи выходцев из государств, находящихся в состоянии войны с английской короной. Подавляющим большинством, естественно, являлись немцы.

То же самое вскоре произошло и в «демократических» США, где в лагеря для интернированных насильственно вывезли 120 тысяч японцев, включая женщин, стариков и детей. Еще 22 тысячи японцев подверглись интернированию в Канаде.

О том, как к «враждебным» народам относился Гитлер и его союзники, — говорить даже как-то не хочется...

То, что первая в истории войны массовая депортация была доверена именно Серову, также имеет объяснение. Схожий, хоть и не столь масштабный, опыт имелся у него в бытность наркомом Украины, правда, выселению тогда подвергались не целые народы, а лишь социальные классы, но...

В середине августа меня срочно вызвал М. И. Калинин и говорит: «Поезжайте, Иван Александрович, в Саратов, там ведь имеется Автономная область немцев Поволжья со столицей в г. Энгельсе, Дела, как видите, на фронтах плохие, не дай бог немцы доберутся в те края, так нам наши немцы наделают много неприятностей. Поэтому мы сегодня на Политбюро решили их всех выселить в сибирские и казахстанские области. Указ о выселении я составляю и по телефону передам в Саратов, а вы там после выселения опубликуете. Секретарю облкомитета Партии Власову* вы расскажете сами, а я потом ему позвоню»[179].

Я выслушал и спросил: «А кто мне будет подавать вагоны или, может быть, по Волге пароходами?» Он сказал, что этой частью будет ведать заместитель НКВД Чернышев В. В. Я сказал, что мне понятно, и мы распрощались. Кстати сказать, в июне-июле всех немцев из Украины переселили в дальние районы, но их было немного, а тут было тысяч 400[180].

В тот же день я вылетел в Саратов. На следующий день мы с И. В. Власовым выехали в Энгельс и в немецкие населенные пункты. Везде у немцев было много скота, хозяйства поддерживались в образцовом порядке. Промышленности никакой, кроме мастерских по ремонту сельскохозяйственных машин и кузниц. Населенные пункты отстояли сравнительно далеко друг от друга.

Я уже для себя наметил план вывоза. Кто поближе к Волге — тех пароходом до Куйбышева, а там — на поезде, а некоторых — сразу в вагоны.

Вернувшись в Саратов, там уже меня предупредили, что звонили М. И. Калинин и Чернышев.

Я сразу же связался по ВЧ с М. И. Калининым, который мне продиктовал Указ, уже подписанный, где говорилось примерно следующее:

«По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в Поволжье, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу из Германии должны произвести взрывы и другие диверсионные акты. Во избежание нежелательных карательных мер и кровопролития Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить немецкое население Поволжья в другие районы, наделить их землей и оказать государственную помощь. Президиум Верховного Совета СССР предписал Государственному комитету Обороны СССР произвести переселение»[181].

Я записал и говорю М. И. Калинину, что тысячи и особенно десятки тысяч шпионов — вроде бы многовато, а Калинин М. И., рассмеявшись, говорит: «Иван Александрович, я уже подписал, так что ты не возражай».

Далее я спросил, когда и где опубликовать Указ. «Опубликовать в Саратове в газетах и можно в Энгельсе». На этом закончили разговор[182]. С Чернышевым согласовал подачи вагонов и пароходы, а также прибытие войск НКВД.

Через два дня войска стали прибывать, я их с ходу отправлял в населенные пункты, согласно моим расчетам[183].

За два дня до выселения я пришел в областной комитет Партии немцев Поволжья и рассказал о принятом Президиумом Верховного Совета СССР Указе. Немцы выслушали с гробовым молчанием мои слова, и секретарь обкома сказал, что: «Мы — коммунисты, и примем соответствующие меры к выполнению этого Указа»[184].

Затем для того, чтобы как-то подбодрить их, я взял с собой секретаря и других членов бюро обкома, и мы поехали по области. Там они грустными голосами рассказывали, что они планировали и т. д. Я им сказал, что в Указе четко сказано, что в новых районах они получают землю и там неплохо устроятся, так как будет правительством оказана материальная помощь.

В день операции наши офицеры и солдаты объявляли немцам, сколько груза разрешается взять с собой, кроме личных вещей, и в течение 2 дней мы вывезли 470 тысяч немцев Поволжья.[185]

Я после этого остался на пару дней, вызвал секретаря Сталинградского обкома Чуянова* и секретаря Саратовского обкома Власова и поделил по карте между ними районы немцев Поволжья. Они между собой поссорились, не желая принимать районы, так как они боялись, что им придется охранять деревни и т. д.

Тогда я их посадил в машину, и мы поехали по населенным пунктам для ориентировки, с тем чтобы посмотреть, что осталось в немецких деревнях и какие нужно принимать меры.

Заехали вначале в Энгельс — областной центр автономной области. Ну, там, к счастью, жили русские, так что остались представители власти и, и все в порядке.

Поехали по деревням. Подъезжая к деревне, видим — ходит стадо сытых коров, овец, телята. В деревне в хлевах заготовлено сено, стоят лошади, также хорошо упитанные. Местами уже скошена трава, стоят копны с сеном. На полях растет урожай пшеницы и др. Одним словом, хорошие дома, скотина и т. д.

Когда проехали 3–4 деревни и везде увидели то же самое, тогда секретари обкомов начали сперва между собой, а потом и меня втянули в разговор о том, что «эти деревни ближе к

Саратовской области» — говорит Власов, а Чуюнов спорит, что ближе к Сталинградской.

Когда я делил районы, то они со мной спорили, что им не надо тот или иной район, а сейчас, когда увидели хорошее состояние скота и деревень, то давай, прирезай к моей области.

В общем, когда закончили объезд деревень, мы еще раз заехали в Саратовский обком и снова по карте уточнили, кому какой район отходит. Правда, Власов остался недоволен моим окончательным решением[186].

Для подтверждения моего решения я позвонил М. И. Калинин и доложил, как я разделил районы. Он одобрил мое решение и добавил: «Мы это не предусмотрели, но хорошо, Иван Александрович, что это решил». Ну, после этого я вернулся в Москву и доложил М. И. Калинин о выполненном указе.

Операция «Улусы»

О второй на своем счету массовой депортации — карачаевцев — Серов ничего не пишет. Есть лишь косвенная ссылка на это. В записях 1954 года Серов упоминает о претензиях, высказанных ему на заседании Президиума ЦК Михаилом Суловым: мол, «когда выселял карачаевцев, то не зашел в крайком» (В годы войны будущий идеолог КПСС был 1-м секретарем Орджоникидзевского крайкома) .[187]

Между тем, из документов известно, что накануне выселения карачаевцев, которое проводилось 2 ноября 1943 года, Серов специально приезжал в г. Микоян-Шахарск (ныне Черкесск) для проверки готовности операции. Он же отдавал последние распоряжения частям НКВД. В общей сложности депортации подверглось тогда 68 938 человек, поголовно уличенных Сталиным в предательстве.

(Гнев вождя вызвало активное сопротивление карачаевского антисоветского подполья после освобождения территории от немцев. В феврале 1943 года именно Серов руководил чекистско-войсковыми операциями против местных бандформирований. Только за первую половину 1943 года здесь было ликвидировано 65 бандгрупп) .[188]

Зато о следующей операции, получившей кодовое название «Улусы», Серов рассказывает весьма подробно. Она проходила в самый канун Нового, 1944 года: с 28 по 29 декабря. Цель — тотальная депортация калмыцкого народа.

Накануне решениями ПВС и СНК СССР Калмыцкая автономная республика была упразднена, а ее территорию разделили между собой соседи: Сталинград, Ростов, Астрахань, Ставрополье. Прежняя столица республики Элиста стала именоваться отныне городом Степным.

Как обычно, поводом к этому послужило возмущение Сталина, посчитавшего, что во время оккупации местное население слишком активно сотрудничало с врагами и не оказывало им должного сопротивления.

Кроме того, уже после освобождения Калмыкии в 1943 году здесь активно продолжало действовать до 50 вооруженных банд из числа бывших легионеров сформированного немцами калмыцкого кавалерийского корпуса, дезертиров, полицаев и проч.

По далеко не полным данным, за 11 месяцев 1943 года бандиты совершили 28 вооруженных налетов и ограблений, не считая убийств солдат, офицеров и советско-партийных активистов, («...многие калмыки, — утверждалось в Указе ПВС, — после изгнания Красной Армией

оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население».)

Впрочем, к концу 1943-го большинство очагов сопротивления уже было разгромлено силами НКВД, поэтому никакой целесообразности (простите уж за подобный цинизм) в депортации калмыков не имелось. Скорее со стороны вождя это было что-то очень личное: операция «возмездия».

В ходе первого и основного этапа операции «Улусы», руководимой Серовым, в Сибирь 46 эшелонами было депортировано 93 919 человек.

Сентябрь 43-го года. Меня вызвали в Ставку, товарищ Сталин дал прочитать телеграмму командующего Ростовским фронтом Еременко[189], в которой он пишет, что успешным действиям на Ростовском направлении сильно мешают калмыцкие эскадроны из дивизии, перешедшие на сторону немцев в первые дни войны, и просит ликвидировать этих бандитов.

История мне вспоминается такая. Бывший герой гражданской войны, кавалерист Городовиков* Ока Иванович, калмык по национальности, исполненный патриотическим порывом (я в искренности его не сомневаюсь), в 1941 году попросился у товарища Сталина (это мне рассказывал Щаденко) и поехал сформировать в Калмыцкую АССР кавалерийскую дивизию из своих земляков.

По окончании формирования он доложил Щаденко, так как тот был заместителем наркома по формированию, и в конце телеграммы приписал, чтобы Щаденко доложил товарищу Сталину просьбу о присвоении калмыцкой дивизии «им. Городовикова», с тем чтобы его имя вдохновляло калмыков на борьбу. Щаденко, правда, об этом не доложил т. Сталину.

Когда Городовиков вернулся в Москву, через некоторое время стало известно, что калмыцкая дивизия перешла на сторону немцев[190].

При мне Щаденко разыгрывал Городовикова (они были друзьями) так: «Ока Иванович, может быть сейчас, когда они у немцев, доложить товарищу Сталину о том, чтобы присвоили калмыцкой дивизии имя Городовикова». Ока сердился, но молчал. Конечно, его патриотических чувств на всю дивизию не хватило.

Товарищ Сталин приказал мне ликвидировать этих подлецов, так как они засели на территории Калмыкии и грабят военные обозы, идущие на фронт, бьют красноармейцев, устраивают налеты и т. д.

Так как в телеграмме было указано, что калмыцкие эскадроны хорошо вооружены немецким оружием, то товарищ Сталин мне сказал: «Мы даем указание командиру авиадивизии в Котельники (под Сталинградом), чтобы в ваше распоряжение выделил авиаполк». Я распрощался и вылетел в Элисту.

Встретился с военными, те действительно жаловались на калмыков резко.

В течение нескольких дней я пытался через агентуру установить, где скрываются бандиты, но как только приезжал в тот район, они уходили, а местные калмыки не хотели о них говорить.

Все бандиты были на конях, легкое оружие — винтовки и автоматы. Размещались в балках глубиной в 3—4 метра, выставляли охрану, а как только появлялись наши войска (полк НКВД), сразу уходили в такие районы, где на машинах трудно проехать.

Я вижу, что с такой тактикой я с ними буду долго возиться. Я вызвал на Элистинский

аэродром звено истребителей с реактивными снарядами и два самолета У-2.

Когда самолеты прилетели, я полетел на У-2 разыскивать по степи бандитов. Примерное направление, где они обычно бывают, я знал. И действительно, минут через 40 полета около одной деревни я увидел — идет колонна всадников до 100 человек в немецкой форме.

Я показал летчику, он развернулся, и пошли справа колонны, чтобы разглядеть их. Вижу — внизу вспышки от выстрелов. Вот подлещы, стали стрелять по самолету. У меня тогда уже отпало всякое сомнение, что это калмыки-предатели.

Я летчику приказал отвернуть в противоположную сторону и полетать вдали от этой колонны, куда не достанут пули. Место по карте, куда шли бандиты, я заметил.

Через полчаса я летчику махнул направление, куда лететь, чтобы еще раз увидеть эту банду. Шли минут 20, а их все нет. Я приказал покрутиться. Не нашли. Как сквозь землю провалились.

Пошли еще вперед. Через несколько минут я увидел дымок в балке. Показал летчику пройти сбоку от дыма, не разворачиваясь, как бы случайно. Проходя, увидели спешившийся эскадрон калмыцких бандитов. Отметил по карте, и полетели на аэродром...

Когда мы на двух самолетах подлетели с тыла к калмыкам, расположившимся в овраге, и стали садиться, они открыли винтовочный огонь трассирующими пулями...

Я летчику показал рукой, чтобы он без пробега поднимался вверх. Он понял, но показал, что придется тогда идти над оврагом. Я ему показал на газ, полный и вперед.

Когда мы пролетали над калмыками, они открыли огонь из винтовок. Я видел внизу вспышки от выстрелов, а потом на аэродроме на крыльях самолета мы нашли пробоины.

Минут через 10 вернулся Тужлов, у него на самолете также обнаружены пробоины.

В общем, в мирном разрешении вопроса ничего не получилось. Время было еще светлое. Я поехал в полк НКВД, который мне был придан[191], и там погрузил в автомашины минометный, пулеметный и взвод автоматчиков и решил окружить калмыков и заставить сдаться или побить их.

Местность в тех краях, кроме оврагов, ровная. Мы быстро доехали до оврага. Огневые средства я расставил с таким расчетом, что если калмыки после нашего обстрела будут убегать из балки от огня минометов, которые я поставил у дороги, то я сразу же со взводом автоматчиков (25 чел.) двигаюсь в овраг, и там «прочищаем» и забираем калмыков.

Поставил на левый фланг пулеметный взвод (4 пулемета). И приказал командиру взвода не открывать огонь, пока калмыки не будут вылезать из оврага и убегать в степь.

Командир взвода, лейтенант — молодой парень лет 20, еще, видно, необстрелянный, на мой вопрос, ясна ли задача, четко ответил: «Ясна», потом посмотрел на меня и говорит: «Товарищ генерал! А ведь меня убить могут?» Я подумал, что он шутку такую сказал, и тоже, шутя, ответил: «Конечно, могут», и ушел к минометчикам.

Странно было, что, пока мы расставляли огневые средства, калмыки, несомненно, видели нас, но не стреляли.

Когда все было готово, я приказал открыть огонь из минометов по оврагу. Калмыки открыли ответный огонь из винтовок, и самое неприятное — трассирующими пулями. Мы залегли.

Когда лежишь и только слышишь, как взвизгивают пули, это неприятное, но не сильное

впечатление. И особенно оно не вызывает чувства боязни, что убьют. Совершенно другое впечатление, когда видишь с 300 метров, как в твою сторону быстро приближается белая или красная точка. Сразу она тебя прижимает к земле. Даже услышать, как она в 2–3 метрах ткнулась в землю, все равно неприятно.

Я прикрикнул на минометчиков, чтобы усилили огонь. Через несколько минут я увидел, что в овраге калмыки задвигались и потянулись вдоль оврага убежать, где стояли пулеметы. Значит, сдаваться не намерены.

Еще немного подождав, я услышал пулеметные очереди. Тогда я встал в рост, несмотря на трассирующие пули, выхватил «маузер» и крикнул взводу автоматчиков: «За мной, в атаку!» Сам бросился вперед. Солдаты, как лежали, так никто и не поднялся.

Я командиру взвода после кричу: «Поднять взвод и за мной!» Командир взвода поднялся, повторил команду, однако и его приказание было не выполнено. Оставалось заставить идти в атаку силой оружия. Я на это не пошел, так как это дело происходило не на передовых позициях.

Отойдя в сторону, я весь горел. Кто воспитывал солдат НКВД, которые в трудную минуту труслили? Вот вам и войска НКВД, так называемые «отборные».

Тут я вспомнил Аполлонова, зам. НКВД по войскам, который сам ни разу на фронте не был и двумя руками держался за внутренние войска, чтобы никому не давать их, иначе «главком» будет без войск, и его могут послать на фронт. Вот результат дисциплины и воспитания. Конечно, это, вероятно, единственный случай, но неприятный. Прислушался — пулеметчики не стреляют, начало темнеть, калмыки, вижу, вылезают из оврага и безнаказанно уходят в степь. Верховом на лошади я бросился на левый фланг, где стояли пулеметы.

Спешился, смотрю солдаты сидят кучками возле пулеметов и не стреляют. Кричу: «Почему не стреляете?» Пом комвзвода подошел и доложил: «Командира взвода убили».

Действительно, смотрю, лежит комвзвода мертвый. Спрашиваю: «Куда пуля попала?» Показывают на колено. Странно! «А еще куда?» — «Больше никуда».

Разорвал брюки на колене и вижу, что пулей разбило надколенную чашечку, и все. При обычных условиях в худшем случае человек мог бы хромать, но не умирать. Ничего не пойму. Неужели от испуга умер?

В общем, все получилось плохо. Калмыки из оврага в темноте ушли в степь.

На следующий день приказал вскрыть труп командира взвода и доложить результат. К вечеру пришел врач полка и доложил: смерть наступила от разрыва сердца. Все стало ясно. Молодой, необстрелянный парень, видимо, мнительный, настроил себя, что убьют, и, получив легкое ранение, умер от разрыва сердца. Мораль — будь мужественный, имей волю и принимай меры, чтобы не попасть впросак.

В дальнейшем еще долго мне пришлось возиться с калмыками, пока их всех не переловили. Пришлось выявлять мелкие группы, так как они разбились по 5–7 человек, а затем окружать и захватывать. Многие переоделись в гражданское обмундирование и с оружием бродили по населенным пунктам. Калмыки этих бандитов не выдавали. Затем из Москвы позвонили, чтобы вылетал обратно.

Затем получил постановление ГОКО о том, что всех калмыков за их антисоветские действия в тылу Красной Армии решено выселить в дальние области Союза[192]. На меня была возложена эта задача.

Собрал в обкоме партии руководящих работников обкома, и стали обсуждать, как выполнить решение ГОКО.

Обсуждение проходило спокойно. Калмыки понимали свою вину, что плохо проводили патриотическое воспитание своих людей, этим и объясняются такие антисоветские выходки.

Обком разослал указание в районы, чтобы приготовились к переселению в другие районы, и, нужно сказать, без особых сложностей они были переселены.

Правда, озлобленность в ряде случаев на советскую власть была и проявлялась в драках между собой. Обогнав одну колонну с калмыками, я увидел, как из одной машины выбросили ребёнка года полутора. Когда мы подъехали, он был мёртв.

Из другой машины вылетела калмычка, поломала ногу, что-то кричала на своём языке. Мы её посадили снова в другую машину.

В общем, решение ГОКО выполнил и вернулся в Москву.

Операция «Чечевица»

На Северном Кавказе Серову пришлось побывать не единожды, о чем подробно рассказано в 5 главе. Осенью 1942 года он уже имел возможность убедиться в существовании в Чечено-Ингушетии экстремистского подполья: в основном, из числа дезертиров и уголовников. Ну, а уж как умеют воевать чеченские боевики — нам с вами хорошо из недавней истории известно.

Для справки: с 1941 по январь 1944 года в Чечено-Ингушской АССР было ликвидировано 55 банд. На оперативном учете НКВД стояло более 150 бандформирований численностью до 3 тыс. штыков. Нелегально действовало Временное народно-революционное правительство. К моменту первого приезда Серова в Чечню, когда немцы, казалось, вот-вот оседлают Кавказ, повстанцы взялись за оружие практически во всех горных районах. Они напрямую контактировали с немецкой агентурой, забрасываемой с воздуха. Существовала реальная угроза нанесения удара с тыла.

Тем не менее до Грозного с его знаменитыми нефтепромыслами фашисты дойти не сумели, фронт покатился назад. Но Сталин Временного революционного правительства чеченцам не простил.

Несмотря на то, что подавляющее большинство призванных на фронт чеченцев и ингушей сражались героически (десятерым присвоено звание Героя Союза), Вождь вновь излил свой гнев на целый народ.

31 января 1944 года Государственный Комитет Обороны СССР принимает совсекретное постановление № 5073 об упразднении Чечено-Ингушской АССР. Все население республики «за пособничество фашистским захватчикам» подлежало депортации в Среднюю Азию.

Операцией, получившей кодовое название «Чечевица», лично руководил Лаврентий Берия. Она проходила с 23 февраля по 9 марта. Вместе с наркомом на Северный Кавказ отправились почти все его заместители, включая Серова.

Не очень понятно, почему, описывая эти события, он ни словом не поминает Берия: возможно, имя опального маршала госбезопасности было изъято из рукописи по политическим мотивам.

Когда мы прилетели в Грозный, четыре зама НКВД (это я, Круглов, Кобулов и Аполлонов) первым делом распределили районы, за которые каждый из нас должен отвечать, проводить учет чеченцев и т. д. По приказу на меня еще было возложено общее руководство[193].

После первого же совещания с руководящими сотрудниками и генералами, которое я провел и рассказал всем, с чего надо начать и что делать, я увидел, что они внимательно слушали, а в конце задавали вопросы, из которых я убедился, что они вообще не представляли, как это — в один час и день начать и закончить операцию.

После инструктажа я их послал по районам для практической работы. Сам же созвонился с секретарем Чечено-Ингушского Обкома партии Ивановым, и условились, что проведем совещание, на котором будут присутствовать секретари обкомов партии, председатель Совнаркома Чечено-Ингушской автономной области Моллаев и его заместители.

На совещании мы с Ивановым сообщили о принятом ГОКО и Правительством СССР решении о выселении, и какие обвинения Советское Правительство предъявляет чеченцам и ингушам.

Я привел ряд примеров предательского поведения чеченцев и ингушей, в том числе сказал и о бандитском отряде из числа чеченцев и ингушей, находившихся в тылу г. Грозного в горах, которым руководили фашистские офицеры, об оружии, которое немцы забросили туда, а чеченцы и ингуши с радостью готовились с тыла в тяжелый момент для Грозного вонзить нож в спину.

Между прочим, руководящие работники обкома и Совнаркома знали о подлом поведении своих братьев, а выступивший председатель Совнаркома Чечено-Ингушской области Моллаев добавил несколько фактов предательства к моему выступлению. Строго предупредили никому об этом решении не говорить, и они разошлись.

Подготовка длилась несколько дней, после чего я вызвал зам. наркомов Внутренних дел СССР проверить готовность в других районах. На этом совещании выявились факты враждебного поведения чеченцев и ингушей и в других тыловых районах, а некоторые, наиболее антисоветски настроенные, в открытую ждали немцев и угрожали русским и работникам НКВД, что они с ними «скоро расправятся».

Конечно, я уверен, что не все чеченцы и ингуши были так настроены, потому что много из них работали на нефтяных заводах и в других организациях, получали неплохо и вряд ли так рассуждали.

Когда я проверил готовность вагонов на станциях погрузки, наличие войск и полную готовность «оперсекторов», как мы условно называли себя, после этого дал команду о дне и часе начала операции.

В день операции началось движение. Выселяемым разрешили взять личные вещи, продукты и т. д.

Нужно отметить, в этот день выселяемые были настроены особенно враждебно, а на улицах я слышал, как русские улыбались и говорили: «Ну что, подлецы, с нами хотели расправиться?», и грозили кулаками отъезжающим.

К вечеру все было закончено, поезда ушли, и мы собрали совещание, на котором уже установили окончательную цифру выселенных — 475 тысяч человек, и я донес в Москву о выполнении постановления ГОКО[194].

Во время выселения было несколько случаев стрельбы и поножовщины по нашим бойцам войск НКВД и по офицерам[195].

На следующий день я получил телеграмму от председателя Совнаркома Моллаева, который <писал> в пути к новому месту жительства, что выселение проведено организованно, что решение ГОКО правильное, а меня поздравил с успешным завершением.

Зачистка Крыма

Вслед за вайнахами (чеченцами и ингушами) настал черед других кавказских народов, обвиненных Сталиным в коллаборационизме.

Уже в феврале 1944 года Берия вместе с Серовым и Кобуловым приезжают в Нальчик, где принимаются за подготовку к депортации балкарцев. (8–9 марта здесь будет выселено свыше 37 тыс. человек.) Правда, в записях Серова упоминаний об этом нет.

Зато о «зачистке» освобожденного вскоре Крыма он пишет очень подробно. Серов даже не скрывает, что именно по его инициативе вслед за крымскими татарами депортации с полуострова подверглись также болгары, армяне и греки.

Первый этап операции проходил с 18 по 20 мая 1944 года: в Среднюю Азию было вывезено всё крымско-татарское население — более 191 тыс. человек.

Лишь накануне наши войска окончательно отбили полуостров. Под немцами крымчане пробыли 2,5 года. Неудивительно, что многие из них перешли к оккупантам на службу.

Из числа крымских татар было сформировано 9 батальонов, а также вооруженные части самообороны, которые активно участвовали в карательных операциях и борьбе с партизанами.

Трагедия заключалась в том, что и партизанское движение среди крымских татар было чрезвычайно сильно, брат в прямом смысле слова шел на брата.

Но теперь прежних заслуг в расчет никто не принимал. Обвинение в измене и предательстве предъявлялось всему народу скопом.

Уже наступил 1944 год, а я еще все возился с чечено-ингушскими бандитами, скрывавшимися в горах.

Когда вернулся в Москву, мне товарищи из Генштаба рассказали, что командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии Толбухин дал телеграмму в Ставку Верховного Главнокомандования, в которой указывал, что после занятия Симферополя в начале апреля местные жители рассказывали о зверствах немцев и, особенно, крымских татар, которые выслуживались перед ними. Сейчас главари-татары ушли в горы и в леса и там скрываются, но часто нападают на местных жителей, грабят их, убивают и вешают. В конце шифровки Толбухин просит ГОКО принять меры.

Через день вышло постановление ГОКО, в котором записано: поручить заместителю НКВД Серову в срочном порядке выселить крымских татар в глубь страны[196].

На следующий день мы вылетели в Крым. Берия всунул мне «в помощь» Кобулова[197].

Мы прилетели в штаб фронта, который дислоцировался в болгарской деревне севернее Симферополя. Там находились: уполномоченный маршал Василевский А. М. и командующий генерал Толбухин, начальником штаба фронта мой однокашник по Академии генерал-лейтенант Бирюзов*.

Встретились по-дружески. Они рассказали о безобразиях татар, которые не ушли с немцами, а возможно, и засылаются ими, так как южное побережье Крыма, начиная от Феодосии и до Евпатории, было занято немецкими и румынскими войсками[198]. Симферополь всего лишь два дня как освобожден, но и то почти каждую ночь немцы, находящиеся в Севастополе, прилетают бомбить с бреющего полета[199].

К слову сказать, в прошлую ночь, вернее, в 21 час налетели немцы и давай бросать 50-килограммовые бомбы. Мы ужинали. Вдруг потолок затрещал, и штукатурка осыпалась. Кобулов побелел и сразу полез под стол!

Я расхохотался, стою и смотрю на него. Потом следующим взрывом порвало освещение. Тогда Кобулов бросился во двор и кричит мне: «Давай в окоп!» Я знал, что во дворе нет окопов.

Прибежали к забору, смотрю возвышение, Кобулов кричит: «Лезь!» Я спустился на две ступеньки и думаю, стоит ли лезть в братскую могилу. В это время разорвалась бомба на нашей улице возле дома.

Кобулов рванул в окоп, сшиб меня и своим 130-килограммовым весом чуть не задавил. Я его начал ругать, а вылезть из-под него не могу. И после этого случая я больше и близко не подходил к этому окопу, который был вырыт в мое отсутствие по указанию Кобулова.

С товарищами Василевским и Толбухиным договорились, что мы выявим количество крымских татар и внесем совместное предложение в ГОКО, как поступить. Я имел в виду, провести в горах облавы и бандитов арестовать.

Военные сразу запротестовали. Вопрос ясен, татар надо выселять, так они заявляли. Войска дадим, автотранспорт дадим, и в неделю выкатить, так как командование фронта по указанию ГОКО должно в течение месяца очистить Крым от немцев.

Ну, начинание хорошее. Я сказал, что нам тоже нужно время разобраться. Условились, что будем чаще встречаться и постараемся быстрее решить этот вопрос.

По возвращении в Симферополь сразу же доложили в центр о встрече и добавили, что через 3–4 дня донесем свои соображения.

Я со своей группой офицеров стал разъезжать по районам и выяснять количество татар и их злодеяния. Во всех районах оставшиеся жители, в основном старики и женщины, со слезами рассказывали, что в Крыму были немецкие и румынские части. И, если взять румын и сравнить с крымскими татарами, так татары — это изверги, людоеды, а румыны порядочные люди.

При этом выяснилась такая деталь: оказывается, татары действуют в большой дружбе с армянами. Если главный бандит татарин, то его заместитель армянин, и наоборот[200].

Через несколько дней возвратились в Симферополь, я рассказал Кобулову, что армяне тоже здесь зверствовали и продолжают сейчас. Ему стало неловко (он армянин), и говорит: «Что ты говоришь, армяне всю жизнь были безобидные люди, и их угнетали и так далее».

Я привел ряд примеров бандитизма, когда армяне сожгли деревни и бросали в огонь малолетних детей, я ему показал «рапорт» армянина предателя в гестапо, о его зверствах, и

так далее, а потом закончил, что их тоже надо включить на выселение. Он не согласился.

Через два дня мы собрали данные о количестве татар, армян, греков и болгар (в отношении последних двух мы получили указание из Москвы — тоже подсчитать) и донесли в ГОКО. Можно организованно их всех выселить в тыловые районы СССР, а на лиц зверствовавших пришлем документальные материалы, так как здесь вести следствие нет времени и нет людей.

На следующие сутки В. В. Чернышев позвонил о решении ГОКО о выселении татар, греков и болгар[201]. Я тогда рассказал ему, что болгары и греки вели себя смирно, а армяне так же отличаются зверством, и сказал, что пошлю записку с фактами, а он ее доложит. Так и сделал. Через два дня пришло дополнение — выселить и армян.

На всю эту операцию дан был небольшой срок, а на южном побережье Крыма, в том числе в Севастополе, еще немцы.

Я проинформировал Василевского и Толбухина об этом и пошутил, что теперь от командующих фронтом зависит срок выселения. Они заверили, что в 10 дней вышибут немцев, и тогда можно во всех районах провести операцию. Действительно, дела пошли хорошо.

Через 3–4 дня немцев вышибли из Севастополя. Остался лишь участок побережья в 2–3 квадратных километра, где немцы сосредоточили технику и кораблями вывозили.

Я в тот же день уговорил Кобулова, взял с собой Вовку (ему было 12 лет), который был со мной, и поехали. На подступах к Севастополю обычное явление: трупы фрицев, убитые лошади, развороченные танки и автомашины. Севастополь местами горел.

В одном месте нам надо было проезжать мимо пещеры, из которой валил дым. Стоявшие там красноармейцы предупреждали, что в пещере склад боеприпасов, в любую минуту может взорваться.

Стоило посмотреть в тот момент на этого горе-героя Кобулова, который начал меня уговаривать не ехать, говоря, что лучше 5 километров объехать, чем рисковать. И только после того, как я сказал, что поеду один, а он пусть едет в объезд, он согласился. Ну, конечно, быстро проскочили это место и все.

При въезде в Севастополь впереди нас шла танковая колонна. В одном месте под танк попал фриц. И после того, как прошла колонна (я был за рулем), смотрю — на дороге лежит комбинезон серого цвета, растянувшись поперек дороги. Я замедлил ход и рассмотрел его. Оказывается, это лежал немец, но так спрессованный танковой колонной, что превратился в толстый лист фанеры, однако форма сохранилась, кроме головы, которая расплющилась и отлетела.

Продолжая ехать дальше, мы въехали с большим трудом в центральную часть города, которую только что оставили немцы. Жителей нет. Только красноармейцы и немного моряков. Кой-где постреливают, но, видимо, добивают отдельных фрицев.

Выехали спокойно за город осмотреть позиции немцев в бинокль, в которых, как стало известно, тысяч 25 сгрудились на мысе Херсонесе около причалов, а частично и на берегу, и под командованием немецкого генерал-полковника Енике* грузятся и удирают. Однако близко к себе не подпускают. Установили вокруг себя минометы, пушки и сидят. Наши самолеты их бомбят, однако погрузка идет. Их зенитки оцетинились, огрызаются, и на наших глазах два наших истребителя задымили и пошли на снижение.

К вечеру мы возвращались в Севастополь. Вот тут-то и было много смеху. Когда стали

подъезжать к городу, надо было проехать по возвышенности, вдоль которой с одной стороны расположены дома, и с другой домов не было, а только земляной забор (видимо, дома сожжены).

Когда мы подъехали к этому месту, нас предупредили у крайнею дома, что немцы обстреливают это место артиллерией.

Ну, я сказал Кобулову: «Давай пробежим, чтобы автомашинами не привлечь внимание немцев». Он побледнел, а деваться некуда, мимо этого места надо идти, так как иначе в город не попадешь, объезда не было. Я ему говорю: «Беги вперед вдоль забора, а к домам не подходи, так как дома просматриваются, а вдоль забора они не видят».

Вот они с адъютантом Харитоновым побежали. Но у Кобулова трусость родилась раньше, чем он сам. Он, пробежав, наклонившись (эта туша 130 килограмм весом!) метров 15 и побежал через дорогу к домам. Немцы увидели и открыли минометный огонь, я ему кричу: «Беги к забору», а он жметя к домам. Мины стали рваться уже совсем близко от нас. Я сидел на «виллисе», пришлось отъехать и укрыться, думаю: потом перебегу.

Кобулов послушался меня, перебежал к забору и залег, а мины рвутся. Я вижу, что эту тушу подобьют, тогда я запустил машину и на полном ходу рванул вперед, чтобы проскочить. А на ходу ему крикнул: не сиди, а убегай.

Когда я проскочил опасное место и остановился, ко мне подполз Кобулов, весь насквозь мокрый, в пыли, которая смешалась с потом, глаза на лоб лезут, хватается за сердце и говорит: «Я умираю». Мы втроем взгромоздили его на «виллис» и поехали.

Когда ночью вернулись в город, он всю ночь охал, на следующий день лежал и принимал лекарства вместе с коньяком. Вот это воин. Представляю, как этот случай он будет описывать в Москве.

В Крыму мы были весь апрель и начало мая. Операция по выселению татар прошла нормально из всех районов, в том числе и из вновь освобожденных от немцев.

В районах Крыма, где мне пришлось много разговаривать со стариками и женщинами, я узнал много интересного, чего раньше не знал....

Когда я был в Крыму перед Сапун-горой, которую штурмовали пехотинцы, 7 мая я встретился с Кошевым Петром, а второй раз на скорую руку при занятии окраины Севастополя. Кошевой* командовал танковым корпусом. Поговорили 10 минут, и он ринулся в атаку с танкистами, а я на «виллисе» за ними, и больше я его в Севастополе не видел.

Встретился там с командующими армией Мельником, Коротеевым и другими, с которыми был знаком с Кавказа 1942 года.

А в общем, нужно сказать, что с Крымом немцы крепко просчитались...

«Любой бы из нас выполнил это решение...»

Забегаю вперед, скажем, что при Хрущеве репрессированные народы будут реабилитированы, большинство вернется к родовым гнездам, восстановив утраченный статус национальных автономий.

Встал вопрос об ответственности организаторов. Втихаря был отменен указ о награждении

руководителей НКВД орденами за организацию депортаций: Серов в числе прочих лишился «чеченского» ордена Суворова 1-й степени. Но поскольку принимали решения покойные Сталин с Берией, ни о какой ответственности для генералов, тем более уголовной, речи не шло.

Вот когда Серов окажется в опале, тогда — да: ему до кучи всё и припомнили.

Завершим главу выдержкой из его письма в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, датированного 1964 годом.

В нем Серов категорически отвергает выдвигаемые ему обвинения (судя по тексту, речь идет об обвинениях во внесудебных расправах с переселенцам) и ретроспективно, с высоты прожитых лет описывает, как разворачивались эти мрачные и позорные страницы нашей недавней истории.

Обратим внимание, что особый акцент он делает на военачальников: реальных, по его мнению, инициаторов депортаций.

Наконец, последний вопрос, это выселение некоторых национальностей, изображено так, словно Серов вздумал и выселял. Я рассказал тов. Петровой* и сейчас хочу повторить следующее:

Многим, кто был в прифронтовых районах Северного Кавказа, известно, что бандитские элементы из числа чеченцев и ингушей убивали солдат и офицеров фронта, препятствовали подвозу для фронта боеприпасов и продовольствия, распространяли панические слухи о приходе немцев, угрожали мстостью партизанам с приходом немцев и так далее.

Командующие фронтами Северо-кавказского — Масленников, Ростовского — Еременко, Толбухин и др. в телеграммах в Ставку вносили предложения о выселении этих лиц, так как они препятствуют успешному наступлению войск Красной Армии. ГКО рассматривал эти вопросы и выносил постановления о выселении этих национальностей полностью в тыловые районы страны.

Бывшие члены ГКО товарищи Ворошилов, Микоян, Каганович, Маленков и другие живы, и они могут сказать, насколько военная обстановка того времени вызывала эти меры.

Меня, как и других генералов и офицеров, обязывали выполнить эту работу. Я думаю, любой бы из нас выполнил это решение. В записке же указано, что выселялись все без исключения, и приводились выдержки из инструкции, написанной мной по исполнению решения ГКО.

Упор делается на абзац, где говорится о применении оружия, причем не указывается, в связи с чем этот пункт вставлен. Я поясню это.

Когда в Карачае двигался наш батальон в ущелье, карачаевцы из укрытий обстреляли. Были убитые и раненые.

В Учкулане (областном центре) были бандитами убиты сотрудники МВД и милиции из числа русских. Когда немцы заняли этот район, то «благодарное» население послало Гитлеру белого коня, шашку и бурку[202].

Перед тем, как вышло постановление ГОКО по выселению чеченцев, в течении 2 месяцев оперативная группа МВД проводила борьбу с бандитскими группами, и лишь когда немцы приблизились к Владикавказу, вышло постановление ГОКО о выселении.

За эти два месяца в борьбе с бандитами погибло много советско-партийного актива, бойцов и

офицеров Красной Армии.

Когда немцы выбросили в тыл района Грозного группу офицеров во главе с полковником, то эта группа в течение недели обросла чеченцами и насчитывала не одну сотню.

Этих предателей немцы вооружили иранским оружием, которое сбрасывали в контейнерах, и рассчитывали, что с подходом немцев к Грозному в тылу будет организовано восстание.

Перед тем, как вышло постановление ГОКО по выселению калмыков, мы две недели с полком МВД и авиаэскадрильей Сталинградского фронта воевали с предателями-калмыками из Кавказской дивизии, изменившей Родине. При этом имели большие потери.

Не раз, когда нам приходилось окружать взводы и эскадрильи предателей, к вечеру они растекались по населенным пунктам и находили там приют и укрытие у местных калмыков. Сейчас, через 20 лет, не зная обстановки того времени, можно писать, что инструкция о применении оружия не нужна.

Другое дело, что из-за этих отщепенцев-предателей не следовало бы выселять весь народ.

Что касается записи, что где-то имели место расстрелы и так далее, — мне это неизвестно.

Во всех частях Красной Армии и МВД были комиссары, политработники, прокуроры, которые непосредственно отвечали за состояние дисциплины, и они не допустили бы этого в отношении невинных[203].

Если где-либо бойцы вступали в перестрелку с бандитами, то они действовали по Уставу. Не знаю, известно ли вам, до выселения на Северном Кавказе для усмирения бойцов туда была переведена дивизия НКВД и сформирована дивизия из числа сотрудников НКВД и милиции и советско-партийного актива русских национальностей. Документы о боевых действиях этих дивизий имеются в архивах МВД.

Глава 8. ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ГОД ВОЙНЫ. 1944 год

Основные записи Серова 1944 года посвящены двум полномасштабным темам: депортация «народов-врагов» и советизация Польши .[204].

К сожалению, о других событиях этого предпоследнего — самого ожесточенного, пожалуй, года войны — Серов пишет крайне скудно. А жаль: ему точно было что вспомнить.

В этот период он руководит ликвидацией оуновских банд на Западной Украине и в Белоруссии, борется с «лесными братьями» в Литве. Активно занимается зачисткой тыла на освобождаемых территориях. Организует новый порядок в Польше.

Осенью 1944 года Серов назначается уполномоченным НКВД по 1-му Белорусскому фронту: своего рода полпредом Сталина, в подчинение которому отданы отныне все силовые структуры фронта — СМЕРШ, пограничники, войска по охране тыла, местные органы НКВД и НКГБ. Здесь судьба вновь сведет его с маршалом Жуковым. Уже через полгода они вместе будут входить в Берлин, а потом и управлять поверженной Германией.

Май-июнь

Вернувшись в Москву в конце мая (1944 года), я с интересом выспрашивал все новости, так как в Крыму я лишь знал официальные сообщения по радио и газет не читал.

В начале апреля наши войска освободили всю Венгрию от немцев.

1 мая был указ об утверждении медалей за оборону Москвы и Кавказа. Мне были вручены обе медали.

Через несколько дней я прочел в газетах сообщение Союза Польских патриотов, где говорилось, что в Москву прибыли уполномоченные Национального Совета Польши (Крайова Рада Народова), Национальный Совет Польши был организован 1 января 1944 года демократическими партиями и группами, борющимися против немцев[205]...

И далее указывалось, что назрела необходимость <в создании> центра, который бы контролировал усилия поляков в борьбе с немецкими оккупантами, так как эмигрантское польское правительство в Лондоне не призывает польский народ к борьбе, а наоборот, занимается провокациями и убийствами отдельных руководителей, борющихся за национальное освобождение Польши.

В заключение говорилось, что все подпольные отряды и формирования объединены в «Армию Людову». Польский народ приветствовал это решение.

Представители Национального Совета Польши прибыли в Москву для ознакомления с работой Союза Польских патриотов и состоянием 1-й Польской Армии и для установления связи с союзными правительствами, в том числе и с правительством СССР.

Сталин принимал польского уполномоченного Моравского (Осубка*). Лондонские поляки через несколько дней назвали прибывших уполномоченных горсткой коммунистических ставленников и авантюристов, у которых нет никаких сторонников...

Я это решил записать потому, что знал, что рано или поздно мне придется заниматься польскими делами, поэтому был внимателен к происходящему в соседних с СССР государствах (Румыния, Польша, Чехословакия, Финляндия и т. д.).[206]

Забыл записать, что еще в январе 1944 года было опубликовано сообщение нашей комиссии по Катынскому делу. В составе комиссии были академик Бурденко, митрополит Николай, писатель А. Толстой, нарком просвещения Потемкин и др. И тут жирный Кобулов отделался испугом[207].

В Москве мне рассказали о Тегеранской конференции, куда летал генерал-лейтенант Аполлонов и выпросил оттуда звание генерал-полковника. Но сделал он это хитро.

На второй день прилета в Тегеран он познакомился с соответствующими представителями США и Англии. Увидев, что те тоже генерал-лейтенанты, он дает телеграмму в Москву, что было бы целесообразным, чтобы советский представитель был выше по званию, тогда он бы имел решающее слово.

В Москве сочли неудобным посылать другого в звании генерал-полковника, а Аполлонов уже представился союзникам, как представитель от СССР, ну и дали ему звание генерал-полковника. Вот это не растерялся! Ни одного дня на войне — и такое звание[208].

Конференция проходила с 28 ноября по 3 декабря 1943 года. На конференции, как мне рассказали чекисты, присутствовавшие там, Сталин предложил Рузвельту разместиться в Советской миссии. Рузвельт согласился. Черчилль ходил и возмущался.

Переговоры велись у нас в миссии и в английской, так как они были рядом. Основным вопросом было открытие второго фронта...

В Тегеране Черчиллю исполнилось 69 лет. На столе горело 69 свечей. Явился туда и шах Ирана Реза Пехлеви*. Кстати сказать, отец шаха — урядник казачьих войск русской царской армии, после революции удрал в Иран и прорвался на престол. Сейчас где-то в эмиграции [209].

На конференции англичане вновь поднимали вопрос о поляках, т. е. как с ними быть, видимо, им очень хотелось Миколайчика* посадить в Варшаве. Сталин дипломатично уклонился от этого вопроса[210].

Июль

Время бежит, не успеваю записывать последние события. Летал в Белоруссию. 3 июля наши войска выбили немцев из Минска. Мы с Тужловым несколько дней жили около железнодорожной станции (

нрзб), так как в городе еще шли бои, а нас нередко бомбили немцы.

Мы с Бельченко* — наркомом внутренних дел — условились, как организовать работу органов по выявлению в Белоруссии предателей и пособников немецким оккупантам. Пробыл там несколько дней, и меня вызвали в Москву[211]...

В западных областях Украины — Тираспольской, Ровенской и других — «бандеровцы» так бандитствовали и не давали мобилизовать призывников в Красную Армию. Командующие дали в Ставку телеграмму, чтобы органы навели порядок[212].

Жаловались на них командующий фронтом Курочкин, Жуков, Конев и другие. Пришлось туда вылететь. Причем «бандеровцы» терроризовали украинцев, не только тех, кого военкоматы призывали для службы в Красной Армии, а и их семьи. В результате молодежь не шла на призывные пункты и скрывалась в лесах.

Туда по линии наркомата обороны выезжал генерал-лейтенант (бывший маршал Кулик, разжалованный за потерю управления фронтом). С Куликом мы условились, что я с войсками НКВД и органами буду бить «бандеровцев» по лесам, где они скрываются, а он пусть активно рассылает повестки на призыв и руководителям военкоматов[213].

На Украине я был недели две, и не обошлось без недоразумений. Со мной был заместитель наркома внутренних дел СССР Круглов С. Н., зачем он напросился — я так и не понял, так как два заместителя наркома не нужно было.

И вот, когда мы были под Станиславом в городишке Городенка, там стоял штаб танковой армии Катукова* М. Е., член ВС Попель. Оба знакомые ранее. Под Станиславом сильное сопротивление оказывала нашим войскам «украинская дивизия добровольцев Галичина». Такие фанатики, что ни одного почти пленного не удалось взять[214].

Пока шла битва за Станислав, в это время войска армии генерал-лейтенанта Гречко А. А. (однокашник по Академии Фрунзе) окружили немецкую дивизию, юго-запад Городенка, т. е. у нас в тылу, и Жуков Г. К. приказал ему держать в окружении, пока немцы не сдадутся[215].

Остановились мы с Кругловым у католической монашки. Она нам неплохо готовила и ухаживала. Один раз утром слышим пальбу из пушек.

Мы вскочили, и я сразу побежал в штаб к Катукову, он сидел и нервно разговаривал по телефону. Я спросил, что за стрельба, Катуков смущенно отвечает: немцы, которых Гречко держал в окружении, прорвались и идут на соединение со своими, через наш Городенков.

Я говорю; «Так надо встретить их достойно танками». Катуков спросил меня: «А где они, товарищ генерал-полковник?» Я говорю: «В танковой армии есть же танки». Он отвечает: «Все на передовых». Я говорю: «А сколько здесь?» Он отвечает: «3 танка в ремонте, а 4 стоят в разных местах по охране штаба».

Я подумал, что против немецкой дивизии 4 танка немного. «Что будем делать?» — спрашиваю.

«Я донёс командующему фронтом маршалу Жукову обстановку и просил во что бы то ни стало заставить Гречко удержать немцев и не дать возможности им соединиться».

Круглов С. Н. как человек не военный слушал и не вмешивался...

Что-то перекусили и пошли к танкистам, которые стояли и «обороняли» город Городенков. Поговорили с бойцами, а вернее подбодрили их, так как у них мало было боеприпасов.

Пошли к Катукову. Рассказали ему. Он говорит: «А где я возьму боеприпасов? 1,5 боекомплекта положено на танк, вот и всё».

Ушли к монашке. Через час прибегают посыльный и просит зайти к командующему. Я пошел один, уже было темно. Спрашиваю Катукова, в чём дело.

Катуков показал телеграмму командующего Жукова Г. К., в которой он ругается, как это так: два заместителя наркома внутренних дел оказались в окружении, и далее приказывает по указанию Верховного на рассвете отправить обоих в Ровно на У-2, которые он вышлет утром.

Я прочитал и говорю: «А зачем ты доносил Жукову, что мы здесь?» Он отвечает: «Как же так? Два генерал-полковника, один из них 1-й заместитель наркома, находятся, и я не доложу». Я ничего не сказал, а только спросил, когда придут самолёты.

Катуков говорит: «Как придут, я пришлю вестового». Я спросил: «А сами как?» Он улыбнулся и говорит: «У нас четыре танка есть. На одном я, а на другом Попель, в случае <если> подойдут немцы, мы и отойдем».

Утром часа в 4 прибежал солдат. Мы быстро собрались и к Катукову. Два самолёта У-2 стояли у хаты на картофельном поле, которое спускалось к ручью. Я посмотрел и подумал: как умно летчики встали. Разбегу почти и не нужно было, так как под гору пробежит 20–30 метров и в воздух.

Зашли к Катукову, распрощались, он нас проводил до самолетов, которые уже были запущены. Мы сели. Круглов говорит: «Ты иди первый». Дали газ и влетели.

Я знал, что от Городенкова до Ровно не особенно далеко, часа 2 лету, километров 250, но неприятность, что на пути некоторые районы ещё заняты немцами. Лётчик мне показал маршрут по карте и кричит: «Напрямик, товарищ генерал, пойдём или где расположены немцы обходить будем?» Причём у него в 3-х местах обозначено синим карандашом, где немцы, а все-таки прочертил линию напрямик и через них. Я подумал: «Что же ты спрашиваешь меня, думаешь, струшу через немцев идти?»

Я отвечаю: «Прижимайся к земле, и пойдём напрямик». Он улыбнулся и ручку взял на себя (т. е. на снижение).

Пролетев минут десять, подлетаем к небольшой деревне, кругом стоят немецкие танки, но

солдат не видно. Затем еще один раз видели немцев, которые голые по пояс умывались. Лётчик мне всё показывал и кричит «фрицы». Я киваю головой. Затем через час или чуть больше подлетели к большой деревне. Вдоль улицы стоят пушки и танки. Немцы без рубах моются холодной водой из ведра, поглядывают на наш самолёт, но никакой стрельбы. Мы быстро промелькнули и пошли дальше.

Летчик начал набирать высоту. Я спросил: «Больше фрицев не будет?» Он отрицательно покачал головой. Через полчаса мы сели около Ровно на военном аэродроме, там хоронили двух лётчиков-истребителей, погибших от зенитного обстрела. Мы тоже участвовали. Офицеры дружески искренне сожалели о погибших и клялись отомстить за их смерть.

С аэродрома нас довели до УНКВД в г. Ровно. Там мы сразу решили позвонить наркому, что прибыли. Я Круглову говорю: «Звони». Он на меня: «Ты звони».

Я заказал по ВЧ Москву, он сидит напротив. Мне ужасно не хотелось говорить, так как я знал, что <Берия> будет ругаться. Москва ответила. Я попросил соединить. В трубке послышался протяжное «да». Я сразу сунул трубку Круглову, тот от неожиданности схватил её и сказал: «Я слушаю, Лаврентий Павлович».

Я в трубку слышу мат: «Серов, тот военный, вывернется, а ты большой дурак, зачем с ним поехал?» Круглов что-то промямлил, а Берия ему сказал: «Вылетай сегодня в Москву, а Серов пусть там продолжает работать».

Круглов, потный, повесил трубку и от волнения мне даже ничего не сказал, что я его разыграл. Стал собираться, вызвал своего секретаря, договорился с лётчиками и после обеда улетел. Я потом долго смеялся сам с собой, как я его беднягу подловил. Круглов хороший партийный работник, но трусоват и опыта не имеет.

Потом я позвонил Г. К. Жукову и сказал, зачем он в Москву звонил, что с Кругловым у Катуква. Он засмеялся и говорит: «А если бы у меня на фронте двух замов НКВД СССР немцы схватили, что бы мне было?» Ну, пожалуй, он прав[216].

Через пару недель, когда мы в тылах фронтов навели страх на «бандеровцев», мне разрешили вылететь в Москву[217].

Октябрь

Во время пребывания в Москве (что приходило нечасто) я узнал, что здесь побывал генерал Тито*, руководитель освободительного движения Югославии, который был принят Сталиным со всеми почестями. Он просил Сталина, чтобы Красная Армия вступила в Югославию и помогла выгнать немцев[218].

Небезынтересно отметить следующее: штаб Тито находился на территории Югославии в районе Басанская Петровича, в горах.

Подхалимы Гитлера решили ко дню рождения «фюрера» 25 апреля 1944 года выбросить десант, 500 человек, и уничтожить Тито и его штаб Народной освободительной армии Югославии. Но югославы оказали сопротивление и отошли в другой район. Тито на нашем самолёте — на советскую базу в Италию[219].

В первых числах сентября 2-й Украинский фронт уже был около югославской границы, в связи с чем Тито прибыл в Москву к Сталину. На совещании Сталин дал согласие, чтобы в Белград вошли вместе войска Красной Армии и Югославии. Ну, кстати сказать, когда наши части были

на территории Югославии, то три дня ждали под Белградом войска Югославии, чтобы вместе войти в город[220].

Я об этом счёл необходимым указать потому, что через некоторое время (в первых числах сентября 44-го года) мне пришлось побывать в его штабе, который расположился в городе Крайова, на румынской территории[221].

Для связи с Тито выделили генерал-майора[222] Корнеева*, а начальником охраны Тито генерал-майора[223] Шадрина* (заместитель начальника управления охраны МГБ СССР). Дело было так.

Вечером мне позвонили, чтобы я явился в Кремль. Когда я приехал туда, товарищ Сталин дал мне прочитать телеграмму за подписью генерала Корнеева, советника при генерале Тито.

В телеграмме говорилось, что румынский город Крайова, недавно освобожденный Красной Армией от немцев, кишит фашистами, что мэр города служил у немцев, что комендант города — румынский генерал — командовал дивизией и воевал против Советской Армии, что не далее, как вчера ночью, при проезде его, т. е. генерала Корнеева, по городу от товарища Тито в автомобиль была брошена бомба, и только чудом он уцелел.

Когда я прочитал телеграмму, Сталин сказал: «Нужно вылететь на место, разобраться, коменданта и мэра города арестовать, навести там такой порядок, чтобы наших боялись. А то там, видно, румыны распустились, хотя и вышли из войны с нами».

Перед уходом товарищ Сталин потрогал мой погон и сказал: «Из трёх звезд оставьте одну звездочку, чтобы меньше пугались наши и румыны», а затем спросил: «Вас как зовут?» Я сказал, и он добавил: «Называйтесь генералом Ивановым, и донесения свои так подписывайте, а я буду знать, кто это генерал Иванов».

Утром на следующий день и вылетел вначале в Бухарест. Походил по городу, войны как и не было. Всё в порядке, веселье.

Прошел с нашим сотрудником мимо королевского дворца. Там король Михай* играл в теннис с девочкой. Я спрашиваю: «Кто это?» Мне сотрудник ответил: «Как только Михай выгнал Антонеску*, сразу появились около него две англичанки, и он теперь с ними проводит время». «Интеллидженс сервис» уже успели[224].

Затем я перелетел на один из аэродромов Украинского фронта, которым командовал генерал Малиновский*, а оттуда добрался до города Крайова.

Часов в 9 утра я нашел особняк, где размещался генерал-лейтенант Корнеев. Когда я пришёл, его адъютант ходил на цыпочках. Я спросил его, где генерал. Он полушёпотом ответил «отдыхает». Я ему сказал, чтобы он разбудил генерала, Адъютант посмотрел на мою единственную звездочку и говорит: «Не могу».

Видя, что дальнейший разговор с ним бесполезен, решил пройти в гараж, где стоит машина, в которую «бросили бомбу». В гараже был шофер генерала Корнеева. Когда я его спросил о том, как вчера ночью доехали от товарища Тито, он мне ответил: «Всё в порядке».

Я сказал, что у меня есть данные, что на обратном пути в автомобиль бросили бомбу. Шофер, улыбнувшись, говорит: «Нет, никакой бомбы не было, а одно колесо раздавило петарду, которая щёлкнула, даже покрышку не повредила, а больше ничего не было».

Я поговорил с ним ещё немного по другим вопросам, осмотрел автомобиль, а потом вернулся на квартиру товарища Корнеева.

Корнеев продолжал спать. Но тут я уже более настойчиво сказал адъютанту, чтобы его разбудили. Он прошёл в спальню. Долго оттуда не возвращался. Наконец, смотрю, с недовольным видом оттуда выходит заспанный человек в пижаме. Поздоровались. Начали разговаривать.

Я представился как генерал-майор Иванов, прибывший по поручению товарища Сталина расследовать и принять меры в связи с его телеграммой о беспорядках в городе Крайова.

Когда стали уточнить все детали, я сказал Корнееву: «Какая бомба была брошена в автомобиль?» Он довольно в резком тоне мне ответил: «Вот вас послали расследовать, вы и расследуйте». Я ему спокойно отвечаю, что «я уже предварительно узнал, что никакой бомбы не было, и к тому же я как бывший артиллерист представляю, что такое бомба, чего, видимо, не представляете вы, товарищ Корнеев».

Генерал Корнеев начал горячиться, и дело дошло чуть не до ругани. Я ему в конце беседы сказал, что никакой бомбы не было, а, по заявлению шофёра, «вы наскочили на петарду, которая щёлкнула, не повредив ни покрышки, ни самого автомобиля». Товарищ Корнеев закончил тем, что «вас послали расследовать, вы и расследуйте, а моё дело было написать». Я посмотрел на него — глупый, петушиный вид, и уехал.

Уехал в дом, где размещалась советская охрана генерала Тито. Там же находился и генерал-майор Шадрин. К себе я вызвал начальника особого отдела гарнизона Крайовы, который мне подробно рассказал о положении в городе, заявив, что никаких враждебных проявлений не было, что комендант гарнизона, румынский генерал, ведёт себя хорошо, все требования советских войск выполняет, а мэр города обеспечивает все необходимые поставки по продовольственному снабжению наших войск в гарнизоне и другие вопросы; никаких претензий к ним не имеется. Я отпустил начальника особого отдела и сделал наброски вопросов, по которым должен сообщить в Москву.

Когда я писал донесение, ко мне пришёл начальник особого отдела фронта генерал-лейтенант Селивановский*, которого я хорошо знал. Видимо, начальник особого отдела гарнизона узнал меня и сказал Селивановскому, что я его вызывал, хотя и не сказал, кто я и почему прибыл.

Я ещё раз расспросил Селивановского о положении в городе, он моё впечатление подтвердил.

Когда мы разговаривали, раздался звонок: звонил генерал Корнеев и уже не тем тоном просился на приём. Я сразу понял, что Селивановский ему назвал мою настоящую фамилию и, возможно, подсказал, что проявленная ко мне грубость неуместна. Я Корнееву ответил, что минут через 30 я смогу его принять.

Когда Корнеев пришел ко мне, и о нём доложили, тут уж я решил его немножко проучить и сказал: «Пусть подождёт». Выдержав полчаса, я вызвал его. Явился уже не тот Корнеев, а другой, который стал извиняться за допущенную бестактность.

Я не стал с ним особо рассуждать и сказал, что всё то, что он написал в Ставку, неправдоподобно, я об этом докладываю товарищу Сталину, и рассказал содержание шифровки. Когда он выслушал, то сказал: «Всё это правильно», а затем спросил: «А как же мне теперь быть?» И что ему за это будет?

Я ему сказал, что этого я не знаю, но одно могу посоветовать: больше не писать таких ложных сообщений в Москву, «там и без вас у товарища Сталина дел хватает, ведь война идёт». Генерал Корнеев, смущённый, вышел.

Тут же я сел и написал в Москву записку по ВЧ, а не шифром, а сам решил слетать в Софию,

только что освобожденную нашими войсками. Расстояние до Софии было около 300 километров, поэтому я подумал: времени у меня хватит...

В Софии мы посмотрели город, встретились с Бирюзовым Сергеем, тоже вместе учились в Академии, и через час вернулись в Крайову.

Вечером ко мне пришел генерал Шадрин с приглашением от Тито поужинать вместе. Я вообще был не против этого, однако под серьезным предлогом отказался, так как подумал, что мне поручения товарища Сталина встретиться с генералом Тито не было, поэтому я не знал, как будет воспринято в Москве моё самовольство. Об этом я сказал Шадрину не для передачи и таким образом уклонился от ужина[225].

Ноябрь

Продолжаю записи в связи с назначением меня в первых числах ноября уполномоченным по 1-му Белорусскому фронту. Конечно, как и всегда, никто меня об этом назначении не спросил, да я и не возражал, так как во время войны не спрашивают[226].

На следующий день поехал к командующему фронтом маршалу Рокоссовскому К. К. Вначале я заехал в особый отдел фронта, где начальником был генерал-лейтенант Вадис*.

Причём получилось так, что особый отдел подчинялся непосредственно начальнику СМЕРШ Абакумову, который являлся начальником Управления особых отделов и заместителем Министра обороны. Постановлением ГОКО на уполномоченных фронтах возлагалось руководство работой особых отделов фронтов по борьбе со шпионажем и диверсиями, а также войсками по охране тыла фронта.

Таким образом, мне пришлось вновь встретиться со своим «неприятелем» с Абакумовым. Он издалека, из Москвы, пытался руководить особым отделом, который находился далеко за пределами Советского Союза, а я рядом, поэтому мои команды исполнялись в тот же день [227].

Приехав к Вадису, который в 1939 году был в НКВД Украины в моём подчинении, начальником Тернопольского УНКВД, я рассказал, как будем работать.

Рокоссовский, оказывается, уже знал, что я приехал в особый отдел, позвонил ко мне и пригласил встретиться, а затем на обед. На обеде мы договорились обо всех делах, как будем работать.

В конце обеда, когда мы пропустили по две рюмки коньяка, Рокоссовский меня спрашивает: «Вы помните, Иван Александрович, октябрь 1941 года, когда вы приезжали на передний край в 16-ю армию, которой я командовал?» Я ему говорю: «Это когда вы по чистой карте мне рассказывали обстановку на фронте?» Он говорит: «Да, да».

А дело было так. В октябре немцы подошли к самой Москве и на некоторых участках были от Москвы в 25–30 километрах. В тот период по постановлению Ставки Верховного Главнокомандования была организована охрана «московской зоны обороны», а я был постановлением ГКО назначен «начальником охраны московской зоны обороны». Функции заключались в том, чтобы на всех дорогах, ведущих в Москву, выставлять заслоны из войск НКВД для задержания убегающих и отходящих с фронтов солдат и офицеров.

Кстати сказать, в итоговой записке в ГКО весной 42-го года я доложил, что за это время было задержано более 300 тысяч солдат и офицеров, отступавших к Москве и бежавших из своих

частей. Я как начальник охраны московской зоны ежедневно ездил на Каширское, Ленинградское, на Рязанское и другие направления и проверял, как несут службу наши секторы.

Когда я приехал в сектор генерал-майора Добрынина, он позвонил командующему 16-й армией генерал-лейтенанту Рокоссовскому и сообщил ему, что приехал заместитель НКВД СССР Серов. Рокоссовский ему ответил, что он сейчас подъедет и доложит обстановку. Пока мы ждали Рокоссовского, Добрынин мне сказал, что перед войной Рокоссовский находился в заключении.

Минут через 20 подъехал Рокоссовский. Поздоровались, зашли в домик в деревне. Из-за пазухи он вынул карту, разложил ее и начал докладывать. Карта была чистая, положения наших войск и противника на ней не нанесено. Я слушал-слушал его и говорю: «Товарищ командующий, надо карту иметь с нанесённой обстановкой». Он смутился и сказал, что обстановка войск есть в штабе. А он не наносит, боясь, как бы не попала карта немцам. Затем я сказал: «Давайте лучше поедем на передний край обороны».

Когда я уезжал из 16-й армии, Рокоссовский мне сказал, что если бы ему дали один танковый батальон и стрелковый полк, то он дальше немцев ни на шаг не пустил бы. Я ничего не сказал, попрощался и уехал. Когда вернулся в Москву, то в ежедневной сводке Сталину И. В. написал о положении на фронте 16-й армии, об отсутствии боеприпасов, мало танков, автоматов и т. д.

Сейчас прошло три года. И вот, после обеда Рокоссовский мне напомнил пребывание в Нефедовке, а затем говорит: «А вы знаете, что после вашего отъезда произошло?» Я говорю: «Не знаю», а сам подумал, не было ли ему неприятностей. И он мне рассказал следующее продолжение[228].

«После вашего отъезда уже вечером раздался звонок полевого телефона в штабе армии, мне доложили, что просят по телефону из Москвы. Я подошел к телефону, в трубке слышу: „Говорит помощник Васильева (Сталина)“. Я поздоровался. Он мне говорит: „Товарищ Васильев просит вас приехать к нему“. Я перепугался, но сказал: „Слушаюсь“. Быстро собрался и поехал.

До Москвы было ехать всего-навсего минут 40. Подъезжаю к Боровицким воротам, меня встречают два чекиста и повели. Ну, так как меня перед войной уже раз водили чекисты, то решил: второй раз тоже поведут за то, что плохо дело на фронте. Видимо, Серов доложил Верховному.

Привели меня чекисты в приёмную товарища Сталина. Через несколько минут я вошёл в кабинет к Сталину, поздоровался. Сталин стал спрашивать, как дела. Я ему сказал: „Хорошо“, а он мне на это говорит: „Я читал сводку товарища Серова, из которой видно, что не так-то дело обстоит хорошо, и войск маловато“. Затем он тщательно стал выяснять положение на фронте. И спрашивает: „Что вам требуется для того, чтобы не пустить дальше немцев?“

Я вижу, что дело принимает неплохой оборот, однако поскромничал и говорю: „Если бы мне дали танковый полк и стрелковую бригаду, то я бы удержался на этом рубеже“. Сталин улыбнулся и говорит: „С этими силами вы бы не удержались. Мы вам даем танковую бригаду и стрелковую дивизию“. Я обрадовался, поблагодарил его, попрощался и, окрыленный таким приёмом, уехал.

Таким образом, с вашей помощью, Иван Александрович, я не только не получил неприятностей, каких ожидал, а, как видите, дослужился до маршала Советского Союза».

Ну, я его от души поздравил с успешным крещением и встречей со Сталиным и сказал, что

этот рассказ для меня является новым, так как и не знал, какова была реакция на мое сообщение о положении на фронте.

Через несколько дней, около 20 ноября 1944-го года, я приехал к новому командующему фронтом маршалу Жукову Г. К.

Рокоссовский К. К. был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом.

Встреча была самой любезной, хотя субординация стала иной, чем была на Украине. Он стал маршалом и заместителем Верховного Главнокомандующего, а я — генерал-полковник и заместитель НКВД.

У меня, однако, по Украине осталось о нём самое благоприятное впечатление. Он мне нравился своей прямоотой и искренностью, и главное, ни перед кем не заискивал, мог заступиться за человека, на которого нападают. Это я на себе испытал в Кишинёве в 1940 году.

У нас по-прежнему были товарищеские отношения. Я рассказал, чем буду заниматься, а он рассказал свои планы по захвату Варшавы и действий войск на фронте. Затем с ним ездили по армиям. В общем, он по отношению ко мне не изменился, и я отвечал тем же.

Он рассказал, что в ГОКО обсуждался вопрос о том, кто должен брать Берлин. Сталин настоял, чтобы командующие были русские, а не поляки или украинцы. И сам назвал Жукова и Конева. Координацию 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов Сталин взял на себя.

Как мне рассказал Г. К. Жуков, он неоднократно побывал в штабах армий, затем с Малининым* М. С. <они> разработали планы дальнейшего наступления на Варшаву и далее и докладывали свои соображения в Ставку с вызовом туда Георгии Константиновича.

Он мне не раз об этом рассказывал. И, наконец, в конце ноября окончательно был утверждён план наступления, но точный срок начала предусматривался примерно в начале января. При этом речь шла не только о Варшаве, а обо всей Висло-Одерской операции...

Глава 9. СНОВА ПОЛЬША. 1944–1945 годы

Начиная с 1944 года Серову вновь приходится вплотную погрузиться в польские проблемы. Его опыт по советизации Западной Украины оказывается как нельзя кстати.

К тому времени его «старые знакомые» — генералы Андерс и Окулицкий — пребывают уже совсем в ином качестве; теперь они ключевые фигуры в польском освободительном движении.

С началом войны приоритеты Москвы резко меняются. Из вчерашних противников Сталин прагматично решает сделать союзников.

Уже 30 июля 1941 года в Лондоне подписывается соглашение между СССР и польским правительством в изгнании, возглавляемом генералом Владиславом Сикорским, о совместной борьбе против Гитлера. Одно из условий соглашения — амнистия осужденных в СССР польских военнопленных и формирование из них новой польской армии для боев с фашистами.

В качестве командующего выбор пал на бригадного генерала Владислава Андерса, кстати, в

прошлом — офицера царской армии и Георгиевского кавалера.

4 августа 1941 года, после 2 лет заточения, прямо из лубянской камеры Андерса доставляют в кабинет Берии. От наркома он выходит уже дивизионным генералом, командующим польской армией в СССР. Вместе с ним на свободу выпускают и полковника Окулицкого, спешно произведенного в бригадные генералы.

Именно тогда, на Лубянке, и происходит их вторая встреча с Серовым, что и отражено в дневниках. Но она была далеко не последней...

Генерал Андерс обманул Сталина. В 1942 году он вывел более 110 тыс. человек в Иран, но назад, вопреки обещаниям, не вернулся. В дальнейшем «армия Андерса» влилась в состав британских Вооруженных Сил, воевала на итальянском фронте и никакой помощи в освобождении Польши не оказывала.

Впрочем, то был лишь один из факторов скорого разлада между эмигрантским правительством и Москвой. Их союз был обречен изначально, ибо конечные цели сторон прямо противоречили друг другу. Если Сталин рассчитывал превратить Польшу в подконтрольную себе прокоммунистическую страну-сателлит, то лондонское правительство, поддерживавшееся западными союзниками, выступало за либерально-демократический строй.

Весной 1943-го, после того как немцы нашли под Катынью захоронения расстрелянных НКВД польских офицеров и организовали масштабную пропагандистскую кампанию, СССР прервал отношения с польским правительством в изгнании. Разрыв также усугубился гибелью премьера Владислава Сикорского, выступавшего сторонником лояльного к СССР курса и неоднократно бывавшего в Москве. Сам Серов не без оснований считал, что смерть Сикорского (он погиб в авиакатастрофе) подстроили англичане, активно разыгрывавшие польскую карту.

Из всех стран Восточной Европы именно Польша представляла для Сталина максимальный интерес — и в силу своего геополитического положения, и в силу исторических предпосылок. Кроме того, лояльная власть означала сохранение отторгнутых в 1939 году земель в составе СССР. Было тут, несомненно, и что-то личное: Верховный Главнокомандующий никогда не забывал позорного похода на Варшаву в 1920-м.

Вопрос о включении Польши в зону советского влияния был обозначен Сталиным на Ялтинской конференции в числе ключевых. Вопреки сопротивлению Черчилля, поддерживавшего, ясно, лондонское эмигрантское правительство, своего он в итоге добился.

Когда уже стало очевидно, что Красная Армия скоро подойдет к польским границам, в Москве из лояльных СССР коммунистов и социалистов было создано альтернативное лондонскому правительству — Польский комитет народного освобождения (ПКНО). ПКНО предстояло взять власть на советских штыках: очень скоро Серову предстоит стать здесь уполномоченным НКВД и помочь новому режиму закрепиться.

Однако ни лондонское правительство, ни его польское подполье власть ПКНО не признавали. Противоречия особенно вспыхнули после освобождения бывших польских земель, отобранных СССР в 1939-м, которые лондонское правительство продолжало считать своими. Начались столкновения между соединениями Армии Крайовой (АК) с советскими войсками, партизанами и частями прокоммунистической Армией Людовой.

Подпольные отряды АК (на пике могущества они достигали 300 тыс. чел.) в подавляющем большинстве не вливались в новую польскую армию ПКНО («Армия Людова»), Оставаясь в тылу Красной Армии, они создавали серьезную угрозу, поскольку их главной задачей являлась «борьба за восстановление государства с оружием в руках». Именно эту угрозу

Серову и было поручено устранить.

Впервые он возвращается к польским проблемам в июле 1944-го; Сталин направляет его в освобожденный накануне Вильнюс-Вильно для наведения порядка в прифронтовой полосе. Серов стал первым, кто повел организованную борьбу с отрядами Армии Крайовой, перейдя таким образом рубикон; вчерашние союзники официально стали врагами.

Всю осень 1944-го и зиму 1945-го Серов продолжает заниматься делами польскими как представитель НКВД при новом польском правительстве и его министерстве общественной безопасности. Под его руководством здесь ведется борьба с агентурой противника и лондонским подпольем, формируется новая «братская» спецслужба.

Именно Серову было поручено окончательно поставить точку в истории эмигрантского подполья и его боевых отрядов; весной 1945-го он лично задержит всю верхушку правительства, включая командующего АК генерала Окулицкого, вице-преьера Яновского, спикера подпольного парламента Пужака (в общей сложности — 16 человек). С их арестом сопротивление в Польше было практически сведено на нет.

...В сегодняшней Польше людей, против которых боролся генерал Серов, считают национальными героями, им ставят памятники, их именами называют улицы.

И вновь — не берусь ни осуждать, ни оправдывать нашего героя; он только выполнял приказы высшего руководства СССР. Вопрос в том лишь, насколько эти приказы были преступны?

Не будем забывать, что польское подполье, действительно, крайне активно сопротивлялось новым порядкам. Это были глубоко законспирированные, хорошо организованные боевые отряды, негласно поддерживавшиеся англичанами и наладившие связи с украинской УПА. Они регулярно проводили налеты и диверсии, занимались ликвидацией польских коммунистов и сотрудников органов безопасности. Созданная в январе 1945-го генералом Окулицким подпольная офицерская организация НИЕ ставила своей целью освобождение Польши.

Только за несколько дней в апреле 1945 года в ходе столкновений с боевиками АК и УПА чекистами было ликвидировано более 900 человек, 1,3 тыс. взято в плен, изъято 37 пулеметов. Накануне, в марте, Серов отчитался о 12 бандстолкновениях, в результате которых 68 человек было убито, 72 ранено, 112 захвачено .[229]

То есть это была самая настоящая война, где действуют законы военного времени. И в этой войне — надо признавать — Серов одержал полную победу...

Мы вновь позволили себе нарушить хронологический порядок книги, объединив в одной главе записи разных лет, посвященные покорению Польши.

Вторая встреча с полковником Окулицким. 1941 год (август-октябрь)

В октябре 1941 года в Москву прилетел польский генерал Сикорский из Лондона, где он возглавлял Польское правительство в изгнании, с которым СССР установил дипломатические отношения[230].

На приеме у Сталина Сикорский договорился, что из числа поляков, проживающих в СССР, в том числе генералов и офицеров, следует организовать польскую армию, которая будет воевать с немцами.

Один раз вызвали меня к наркому, смотрю — в приемной сидит Окулицкий, который сразу меня узнал и встал. Я поздоровался и вошел в кабинет.

Там сидели Кобулов и Меркулов, которые получили указание в срочном порядке пошить польское обмундирование генералам Андерсу и Окулицкому и собрать всех поляков-офицеров и дать телеграмму, чтобы их отправили в приличном виде в Саратовскую область, где будут комплектоваться две дивизии[231].

Вот тут-то Кобулов опять и завертелся. Я сначала не знал, почему он смутился после такого указания, а потом от начальника тюрьмы Миронова* узнал, что Кобулов руководил «операцией Катень», где производились спецмероприятия в 1940 году по полякам[232].

Но все-таки через месяц собрали офицеров-поляков и особенно много младших офицеров, которых сделали офицерами[233].

Андерс, которого я в 1939 году прихватил на Перемышльском мосту, удиравшего в «генерал-губернаторство» сиречь в Польшу, оккупированную немцами, стал здесь командующим армией, а Окулицкий, которого я в 1941 году арестовал как руководителя подпольной антисоветской организации во Львове, стал начальником штаба этой армии, и ему присвоено звание генерала бригады.

Охота на «Вилка». 1944 год (июль)

На днях получил указание Верховного Главнокомандующего Сталина И. В. вылететь в Прибалтику, связаться с командующим 4-м Прибалтийским фронтом генералом Черняховским, который расскажет, что нужно делать[234].

Забрав с собой группу генералов, мы прилетели и сели в районе г. Укмерге, который два дня назад был освобожден от немецких оккупантов. Около города был аэродром, на котором дислоцировалась дивизия В. Сталина.

Полковник В. Сталин, узнав о моем прилете, встретился, мы с ним поговорили, и я выехал в Укмерге в городской отдел НКВД, и когда мы сидели и говорили, вбежал милицейский и кричит: «Немцы заходят в город!» Мы с автоматами выскочили на улицу.

Я сел в машину, но шофёр, хотя и местный, но не знает, как выехать из города, чтобы не попасть к немцам. Наконец, я решил ехать в противоположную сторону стрельбы, и так мы выбрались к аэродрому, а далее в сторону Вильно. Полковник Сталин услышал пальбу, поднял дивизию и передислоцировал по разным аэродромам. Вот молодец!

Приехал в Вильно. Обстановка в городе неопределенная. Литовцы поглядывают на солдат и офицеров Советской Армии внешне с уважением, а внутренне, думаю, враждебно. Это, может быть, объясняется тем обстоятельством, что некоторая часть литовцев думает о том, что Советская Армия теперь уж не уйдет из Литвы[235].

Вызвал начальника охраны тыла фронта генерала Любый. Это тот Любый, который был начальником охраны тыла Западного фронта под Москвой и спутался с женой министра судостроения Носенко, который приходил ко мне с этой жалобой на Любого. Но рассказывать детали разговора считаю неудобным.

Любый доложил мне обстановку в охране тыла фронта. Быстро подтянули ВЧ-связь. Связался с генералом Черняховским, с которым условились, что я подъеду к нему в штаб фронта. По прибытии я встретил молодого, красивого генерал-полковника, дважды Героя

Советского Союза, который, кстати сказать, являлся одним из самых молодых, талантливых командующих фронтами.

Товарищ Черняховский мне рассказал о том, что он дал телеграмму в Ставку Верховного Главнокомандующего, в которой указал, что в тылу фронта действуют отдельные отряды Армии Крайовой (польской националистической организации), которые, несмотря на его неоднократные призывы продолжать наступление против немцев вместе с Советской Армией, не согласились, хотя и не сказали «нет», а вместо борьбы против немцев бродят по лесам и по отдельным населенным пунктам, чинят препятствия бойцам и офицерам, настраивают литовцев против Советской Армии, облагают продовольственным налогом литовцев в ряде населенных пунктов. Одним словом, безобразничают[236].

В выводах генерал Черняховский просил Ставку Верховного Главнокомандования принять необходимые меры к вылавливанию отдельных подразделений Армии Крайовой, мешающих успешному наступлению Советской Армии. Он получил из Ставки ответ, что на место вылетает заместитель министра внутренних дел генерал Серов, с которым вместе будете решать вопрос.

Учитывая, что я не был осведомлен ранее об этих делах, я ему только пообещал, что разберусь и в ближайшие 2–3 дня мы с ним вновь встретимся для того, чтобы конкретно решить эти вопросы.

По прибытии в Вильно я собрал своих генералов и офицеров, прибывших со мной, и вызвал пограничников из охраны тыла фронта, и поставил перед ними задачу выявить настроения литовцев в связи с пребыванием подпольных поляков, которые не скрываются от литовцев, и постараться узнать через подразделения охраны тыла, где отряды АК дислоцируются и чем занимаются.

Сам, переодевшись в гражданскую одежду, решил походить по городу и поездить по окрестным населенным пунктам, с тем чтобы ознакомиться с обстановкой более подробно.

Первое впечатление о жителях города Вильно таково, что многие из них при немцах, видимо, привыкли празднично себя вести, проводить время в ресторанчиках. Правда, с наступлением темноты, как правило, все с улиц убиралось по своим квартирам, завешивали окна от света, так как немцы еще продолжали налеты на город.

В один из таких налетов я по оперативной обстановке находился в загородной вилле одного богача, который удрал, и с балкона наблюдал всю эту операцию по бомбежке Вильнюса. Начали они бомбить примерно в 10 часов вечера с того, что вокруг города подвесили «фонари», т. е. сбросили осветительные ракеты на парашютах. Каждая такая ракета горела в течение 30–40 минут, освещая площадь на несколько километров. Когда ракеты были «подвешены», появились бомбардировщики на значительной высоте — до 2,5 км, и, методически кружась вокруг освещенных ракетами мест, сбрасывали бомбы. Город кругом горел...

Наутро я осмотрел повреждения. Больше всего пострадал вокзал, где было много убитых и раненых, и повреждены железнодорожные пути. В общем, в течение 2–3 дней вечерами повторялись такие налеты. Узнал по радио, что наконец-то 7 июля 44-го года союзники высадились в Нормандии, после больших волнений и приготовлений.

За эти два дня я узнал, что в районе Вильно находится воинская бригада Армии Крайовой, организованная Лондонским правительством Миколайчика и командованием польской Армии Андерса.

При этой бригаде есть «делегатура Жонду», т. е. представитель Лондонского правительства Миколайчика. У бригады есть своя радиостанция для связи с Лондоном (Андерс в 1941 году с

разрешения Советского правительства организовал из поляков 3 дивизии, которые дислоцировались в Поволжье, а затем ушел с армией в Иран якобы для борьбы с немцами в Алжире. К концу войны Армии Андерса появилась в районе действий английских войск в Германии.)

Бригадой АК командует бригадный генерал под псевдонимом «Вилк» (Волк). Однако в дневное время, как правило, подразделения этой бригады не вылезают из лесов, где они находятся подпольно, а больше всего действуют ночами и под утро, добывая себе грабежами пищу и всё необходимое для снабжения[237].

При этом ряд деревень облагают продовольственным налогом и собирают его. При движении наших автомобилей с продовольствием для фронта поляки налетают, бьют бойцов и отнимают продовольствие и боеприпасы. Кроме этой бригады есть мелкие группы поляков «Крыся», которые тем же занимаются[238].

После этого созвонился с генералом Черняховским, он подъехал ко мне, и договорились о том, что необходимо эту бригаду Армии Крайовой выловить, солдат интернировать, а командование разоружить и направить в Москву под конвоем. Товарищ Черняховский согласился с этим планом, и мы вдвоем тут же составили телеграмму в Ставку Верховного Главнокомандования и послали.

Учитывая, что в моем распоряжении были лишь войска по охране тыла фронта, которые в основном были заняты вылавливанием шпионов и диверсантов, забрасываемых немцами в тыл фронта, поэтому я условился с товарищем Черняховским, чтобы при надобности он мог мне выделить полк, на что он дал согласие. Через пару дней он позвонил мне и сказал, что наше предложение Ставкой утверждено.

Посоветовавшись с оперативными работниками, мы составили следующий план вызова командира бригады Армии Крайовой генерала «Вилка» к себе.

За это время мы уже сумели агентурным путем установить некоторую цепочку, идущую в штаб генерала «Вилка». По этой цепочке мы передали, что заместитель командующего фронтом генерал «Иванов» (т. е. Серов) требует к себе генерала «Вилка» с тем, чтобы договориться о дальнейших наступательных действиях бригады Армии Крайовой. Встречу предлагается провести в предместье города Вильно.

На следующий день агент сообщил, что генерал «Вилк» согласен встретиться, но предлагает приехать в лес к определенному пункту.

Я вначале было хотел согласиться с его предложением, чтобы быстрее провести эту операцию, а потом подумал и пришел к выводу: заместитель командующего фронтом — большой начальник и вместе с этим столь охотно соглашается на предложение не столь большого начальника, как командир бригады АК. Если я не выдержу этой субординации, «Вилк» может подумать, что это дело подстроенное, и не пойдёт на встречу.

Поэтому я через агента еще раз передал, что генерал требует к себе, и указал адрес загородного особняка недалеко от Вильно, куда он должен прибыть назавтра.

Товарища Черняховского я предупредил, что я его заместитель «Иванов», и, что если к нему явится поляк, то пусть задержит до моего приезда.

Видимо, столь решительный тон приказания повлиял на генерала «Вилка», и в 14 часов на следующий день подъехали две военных машины с польскими флажками, из которых вышли 4 человека, а шоферы остались в машинах.

Я поручил своему офицеру их встретить, а сам сел в кабинете вместе с генерал-лейтенантом

Петровым* Г. А. — заместителем начальника Главного управления пограничной охраны НКВД СССР.

В кабинет ко мне вошли трое в гражданских костюмах. Представились: генерал «Вилк», майор — «представитель лондонского правительства» Миколайчика, как я потом узнал, он был сброшен с английского самолета в район бригады «Вилка», и адъютант генерала «Вилка».

Перед приездом поляков у меня на ходу возникла мысль о разоружении всего командного состава бригады «Вилка» сразу же после разговора с «Вилком».

Поздоровавшись с поляками, я в присутствии адъютанта начал так: «Господин генерал, надо воевать с немцами, а не находиться в тылу и бездействовать; война еще не кончилась, и советское командование рассчитывает на то, что вы в этом деле окажете существенную помощь, как это и делали в тылу у немцев».

Польщенный такой оценкой генерал «Вилк» выразил удовлетворение моими словами.

Затем обсудили «мелкие» детали, из которых было явно видно, что генерал «Вилк» без команды из Лондона от «законного польского правительства» не может пустить в дело свои войска.

На мое возражение, что на это уйдет время, а надо пользоваться моментом и быстрее преследовать немцев, представитель «лондонского польского правительства» майор по-петушиному начал горячиться, заявляя, что у них будет очень много дел на территории Польши, до которой осталось недалеко, и, кроме того, они считают Виленскую область по-прежнему польской территорией.

Ну, естественно, после таких рассуждений «представителя» мы сразу убедились, что они воевать с немцами не собираются, и, больше того, претендуют на Польшу и плюс на Виленскую область, которая входит в состав Литовской Республики, а вообще, видимо, с ними не договориться.

Я перевел разговор на другую тему и подвел к тому, что мне хотелось бы вместе с генералом «Вилком» осмотреть командный состав бригады и поговорить с ними, узнать их боеспособность и т. д. с тем, чтобы можно было уже окончательно доложить в Ставку Верховного Главнокомандования Советского Союза об этом.

Генерал «Вилк» стал советоваться с «представителем польского правительства» в Лондоне, который, насколько я понял из разговора на польском языке (который я немного понимал), возражал.

Тогда я вмешался и сказал: «От моего посещения вы ничего не теряете, я приеду к вашим офицерам только с адъютантом». Видимо, это их убедило, и они согласились собрать офицеров около одного населенного пункта, который они мне назвали и показали на карте, куда бы мы все могли приехать после нашей беседы.

Дальше я попросил генерала «Вилка» отдать распоряжение по этому вопросу адъютанту, который бы поехал сейчас к себе в штаб бригады и собрал командный состав. «Вилк», ничего не подозревая, тут же распорядился, и адъютант уехал.

Я ещё раз попытался с генералом и «представителем правительства» договориться, чтобы они направили бригаду для борьбы с немцами, однако результат оказался отрицательным, и они высказали уже свои намерения более твердо и откровенно: что они воевать не собираются, с территории Польши никуда не пойдут и будут находиться на своих местах с тем, чтобы сразу войти в Варшаву, как только она будет освобождена, и организовать жизнь

польского народа.

После такого заявления я встал, вместе со мной встал и генерал-лейтенант Петров. Генерал «Вилк» сидел, но встал майор.

Я сказал: «Раз вы так себя ведёте и не хотите сражаться вместе с Красной Армией против немцев, то я вас арестую».

Только я произнёс слово «арестую», как майор из заднего кармана брюк выхватил револьвер и хотел выстрелить в меня. В это мгновение Гавриил Петров не растерялся, схватил его за руку, скрутил её и вырвал револьвер. Молодец Петров, спас меня.

Я разозлился, обозвал майора мальчишкой. Затем обоих обыскали. У «Вилка» оказался вальтер № 2, но он оружие не вынимал[239]...

Потом я вызвал своих офицеров, и их разместили по комнатам под охраной, а сами по карте нашли район деревни, в которой должен был собраться офицерский состав польской бригады АК. Оказалось, что туда требуется ехать около 40 минут.

Я быстро приказал приготовить две автомашины с бойцами, человек 30, и подтянуть к штабу. наших бойцов и офицеров я позвал к себе в помещение и проинструктировал их, где они должны стоять и ждать моего сигнала к разоружению поляков, т. е. когда мы подъедем к группе польских офицеров, я прикажу их старшему офицеру построить офицеров в 2 шеренги с проходом в середине, также им скажу, что сейчас приедет генерал «Вилк».

В тот момент, когда я войду между этими шеренгами и буду говорить, бойцы должны быстро подъехать к нам, взяв оружие наизготовку, и встать сзади польских офицеров, и ждать моей команды «сдать оружие».

Убедившись, что они поняли мой замысел, я скомандовал «по машинам», взял с собой генерала Гавриила Петрова и офицеров, и поехали.

Подъезжая к назначенному месту, я увидел, что там стоит большая группа офицеров в польской военной форме, и адъютант генерала. Я остановил машину с бойцами на опушке леса и сказал командиру роты, сидевшему со мной в машине, чтобы он бойцов спешил и начал выводить скрытно, поближе к тому месту, где мы будем находиться с поляками.

Придя на место сбора поляков, я поздоровался с ними и приказал одному из офицеров, майору, построиться в две шеренги, как я задумал, и начал нести разговоры с польскими офицерами. Во время разговоров я заметил, что со стороны леса идут ещё два офицера, видимо, опоздавшие к месту сбора.

У меня сразу мелькнуло в голове, что если сейчас приступить к операции по разоружению, то эти два офицера скроются к своим подразделениям, и потом мне придется с ними долго канителиться. С другой стороны, если их ждать, то время затянется, и не исключено, что к нашему месту подойдет какая-нибудь воинская часть поляков, так как мне было известно, что в лесу стояла польская рота.

В это время уже мои бойцы подошли к нам и стали заходить сзади поляков. Поляки поглядывали на подходивших наших бойцов. Поэтому я решил приступить к разоружению немедленно.

Я начал говорить, «что, несмотря на принятые меры договориться с генералом „Вилком“ о том, чтобы они участвовали в борьбе против фашистов вместе с Красной Армией, ничего не вышло, генерал „Вилк“ и представитель лондонского правительства, майор, отказались направить на фронт вашу бригаду, чтобы вместе с Красной Армией бить немцев. Поэтому

советское командование фронта приняло решение — их бригаду расформировать. Предлагаю немедленно сдать оружие».

Для большинства офицеров это оказалось неожиданным, и лишь 2–3 поляка выхватили пистолеты, но не стреляли, так как увидели сзади себя своих бойцов с автоматами наизготовку. Поляки-офицеры стали без сопротивления бросать оружие, и кроме того, бойцы ощупывали и изымали из задних карманов мелкое оружие. Следует отметить, что у каждого из них, кроме револьвера в наружной кобуре, оказался маленький пистолет в заднем кармане брюк.

Разоружив поляков, мы посадили их в машины, на которых приехали наши бойцы, отвели их в укрытые места, организовали охрану, а в последующем отвезли на сборный пункт[240].

Кстати сказать, к этому времени на территории Советского Союза из демократически настроенных поляков была сформирована польская дивизия под командованием полковника Берлинга* в составе 1-го Белорусского фронта, которая уже сражалась с немцами под д. Ленино. Затем эта дивизия преобразовалась в корпус и армию[241].

Из числа преданных коммунистов-поляков 25 июля 44-го года в пограничном с нами польском городе Хелм был создан «Польский Комитет Национального Освобождения», куда вошли видные польские коммунисты и беспартийные. Председателем ПКНО был Болеслав Берут*, членами: Осубка-Моравский, Ванда Василевская* и другие[242].

Находясь в Литве, я не терял ни минуты, чтобы выяснить все детали в организации польских националистов, так как нашей Армии придётся освободить Польшу, поэтому полученные мной данные пригодятся моим коллегам, которым придётся двигаться по Польше.

В результате я выяснил следующее: Лондонское эмигрантское «польское правительство», возглавляемое Миколайчиком, видя успешное наступление Советской Армии, всюду развернуло подпольную работу на территории Польши, которую возглавил генерал Бур-Комаровский* (правильно: Бур-Коморовский. —

Прим. ред.), и назывался главнокомандующим Армии Крайовой. Он издал приказ оказывать сопротивление Красной Армии, когда она в Польше попытается устанавливать власть, организовывать диверсии и т. д.

Сам Комаровский (псевдоним «Бур») в гражданскую войну участвовал в походе на Киев, командуя уланским полком, и при этом отличился. Сейчас «лондонское правительство» присвоило ему звание дивизионного генерала.

Были получены данные, что поляки в какой-то степени были связаны с немцами. Довольно при странных обстоятельствах Гиммлер* освободил сына Миколайчика из немецкого плена [243].

Весной 44-го года из южной Италии в район Варшавы были сброшены с парашютами министры лондонского эмигрантского правительства вместе с британским советником.

Заместителем «Бура» был мой знакомый генерал Окулицкий, под псевдонимом «Термит». У него был запасной штаб АК на случай провала «Бура».

Этот знакомый, несмотря на то что у нас комплектовал армию и ушел начальником штаба армии в Иран, вновь появился, и уже более злой на СССР, судя по его директиве, в которой он приказывал оказывать сопротивление Красной Армии, разъяснить всем, что большевики — враги Польши, что они хотят превратить Польшу в советскую республику, а поляков сослать в Сибирь. Хорош знакомый?[244]

Как и следовало ожидать, два офицера, которые сбежали от места разоружения, оказались: один из них — командир роты, а другой — командир взвода. Они в последующем с ротой солдат пошли по лесам в сторону Варшавы, и мне пришлось в течение 4 или 5 дней гоняться за ними, но так и не догнали их.

Эту роту я перехватывал в двух или трёх местах. По показаниям местных жителей было видно, что они два-три часа назад были здесь. Характерным признаком, что это была одна и та же рота, а не какая-либо другая польская воинская часть, так как командир роты был без левой руки. И когда у местных жителей-литовцев мы спрашивали, кого они видели из поляков, то все они начинали свой рассказ с того, что командир роты без левой руки. Так они и ушли в Польшу.

На следующий день мы опросили всех польских командиров рот и батальонов, где их подразделения находятся, и без кровопролития забрали всех солдат-поляков, отобрали у них оружие и организовали лагерь интернированных. После ареста «Вилка» группа «Крыся» скрылась и больше себя не проявляла.

И так бесславно закончила свое существование польская бригада АК генерала «Вилка». Отдельные трупы «аковцев» мы несколько дней ещё ловили и направляли на сборный пункт.

На литовской земле. 1944 год (июль)

Закончив с поляками, мы с Черняховским послали в Ставку телеграмму. Черняховский пригласил меня пообедать и высказал мне комплимент, насколько удачно я действовал с поляками, которые беспокоили его фронт, о чём донёс Верховному[245].

После этого я уже собирался вылететь в Москву, как вдруг стали поступать агентурные материалы о том, что появился какой-то литовский генерал, который находится на нелегальном положении после отступления немцев и организует различного рода бандитские группы для борьбы против Советской Армии. Пришлось задержаться, чтобы разобраться с этим генералом.

С литовцами работать в этом направлении оказалось труднее, во-первых, очень незначительный процент говорит по-русски, вернее, не хочет говорить, хотя многие знают русский язык, во-вторых, литовцы, завербованные для разработки нелегала-генерала, большинство не хотят о нём говорить, хотя известно, что в городе Вильно знают о нём многие.

Даже в одном случае, когда мне было точно известно, что он ночевал в одном из домов города, литовец, который живет в этом же доме, в разговоре всячески отнекивался, что ему не было известно об этом. И, наконец, в-третьих, этот хитрый генерал привлек на свою сторону католическое духовенство, которое в костёлах свои проповеди заканчивало словами: «Да сохранит Бог этого генерала».

Нужно сказать, что литовцы довольно фанатичные католики. Несмотря на то, что в Литву уже прибыли к тому времени сотрудники органов безопасности-литовцы, всё же дело подвигалось туго, причем мне неоднократно приходилось видеть, как жители, заподозрив, что тот или иной литовец является сотрудником органов госбезопасности, довольно неохотно с ним разговаривали и ничего не рассказывали.

Литовцы — антисоветски настроенные, в основном, в прошлом богатые немецкие пособники,

которые группировались и проживали не в посёлках и городах, где родились.

Эти бандитские группы терроризировали местные органы власти, убивали наших бойцов и офицеров, грабили обозы, идущие на фронт. Особенно они зверствовали в Вильно, куда я приказал генералу Любому поставить полк НКВД[246].

Все же в конце концов нам удалось этого генерала задержать, и при допросе он рассказал, что он ненавидит Советскую власть, поэтому решил действовать нелегально, и, кроме того, сообщил, как он скрывался.

Он ежедневно располагал данными о том, какие мероприятия в отношении его готовили, и без особого труда уходил от нас. И лишь допустив беспечность, когда он явился на квартиру к своей возлюбленной, он был задержан[247].

Ну, я, конечно, наркому внутренних дел Гузявичусу* дал духу и приказал выяснить, кто из литовцев оказался предателем...

Затем я вылетел в Москву[248].

Миссия выполнима. 1944 год (октябрь)

Около часа ночи, когда я уже спал, меня разбудил звонок Поскребышева, который затем соединил меня со Сталиным[249].

Сталин сказал, чтобы я немедленно вылетал в Люблин, где находится Булганин, уполномоченный Ставки при ПКНО (Польский Комитет Национального Освобождения), который донёс в Ставку Верховного Главнокомандования, что Люблин окружен «аковцами»; что с часу на час он ждёт, что они могут занять город; что туда мы послали стрелковую дивизию на усиление, поэтому мне необходимо немедленно вылететь и вместе с ним принять соответствующие меры безопасности в отношении членов Польского комитета национального освобождения, в составе которого были товарищи Берут, Ванда Василевская, Берлинг, Гомулка*, Осубка-Моравский и другие[250].

Я попросил разрешения вылететь рано утром, так как ночью могут сбить свои же зенитные орудия, имеющиеся по трассе полёта Плоешти-Львов. Сталин согласился. В конце разговора Сталин сказал, что Булганин там меня будет ждать утром на люблинском аэродроме, но сразу не садиться, а пройти на бреющем полёте и, только увидев Булганина, машущего фуражкой, с группой офицеров, можно садиться. Это нужно потому, что к утру, возможно, Люблин будет занят «аковцами». Попрощались.

Я никак не представлял всего этого в тылу Советской Армии, которая уже подходила к Варшаве. Как известно, к августу 1944 года Советской Армией было освобождено 25 % территории Польши. После этого был создан ПКНО, который заключил договор с СССР, гарантирующий самостоятельность Польши.

В стране была «Крайова Рада Народова», которая объединяла все антифашистские организации Польши. У неё была создана «Армия Людова», которой руководили польские коммунисты[251].

Вместе с этим ставленники буржуазии и польские националисты, бежавшие в Англию, создали в Лондоне «правительство Польши», куда вошли генерал Сикорский, который затем «погиб» при аварии английского самолёта, а может быть, его англичане «погибли», так как он стал сближаться с СССР[252].

После Сикорского «премьер-министром» стал Миколайчик, заместителем — генерал Окулицкий и другие, численностью 15 человек. Они организовали на территории Польши большую сеть подпольных организаций, снабжавшихся из Англии денежными средствами и директивами, с целью восстановить буржуазную Польшу. Для вооруженной борьбы была создана «Армия Крайова», во главе которой стоял вице-премьер генерал Окулицкий.

Рано утром я поднялся на самолёте и, прижимаясь к земле, чтобы зенитчики видели опознавательные знаки самолёта, полетел через Плоешти-Львов на Люблин.

Полёт прошёл без происшествий. Над аэродромом я сделал круг и сразу узнал Булганина, с ним была группа генералов и офицеров. Сразу пошёл на посадку. На аэродроме Булганин, встретив меня, начал повторять более детально то, что мне уже сказал товарищ Сталин, и я ему по-товарищески высказал сомнение в том, что не так они уж страшны, эти «аковцы», как он себе представляет.

Я знал Булганина Н. А. как человека, который обычно преувеличивал опасности, которые встречались. В общем, договорились о том, что я приму необходимые меры к выяснению обстановки по линии особых органов и, кроме того, свяжусь с министром госбезопасности Польши Раткевичем* по этим вопросам, так как он должен иметь подробные данные.

Разместившись в Люблине, я сразу же приступил к делу: стал выяснять обстановку, наличие различного рода реакционных сил и войск АК.

Через пару дней мне Н. А. Булганин сказал, что из Москвы сообщили о решении Ставки, что я назначен уполномоченным НКВД при ПКНО. Правда, я спросил у Николая Александровича, что «вероятно, ты внёс это предложение?» Он засмеялся и ответил, что «хозяин назвал тебя»[253].

Я уже понял, что теперь до окончания войны мне придется тут сидеть. Ну что же, начальству виднее.

Оказалось, что, кроме польской армии, созданной Польским комитетом национального освобождения (в дальнейшем ПКНО), по всей Польше действуют мелкие разрозненные компании (роты) различных политических направлений: от партии Стронитство Людовой, Армия Крайова и других буржуазных партий и групп, что эти подразделения подчиняются соответствующим начальникам и командующим, что они вооружены лёгким оружием, взятым у немцев, а также отнятым у некоторых наших подразделений, на которые они нападали. В частности, подразделения Армии Крайовой (лондонской ориентации Миколайчика) организационно сведены в бригады и военные округа[254].

Однако действовали они разрозненно, стараясь обеспечить самих себя. Армия Крайова — это наиболее агрессивная контрреволюционная организация, считавшая своей задачей восстановление буржуазного польского правительства.

Булганина, видимо, проинформировали обо всех этих «ужасах» как польские товарищи, так и наши «особисты». Несмотря на то, что я вот уже нахожусь <здесь> 4 дня, никакого наступления реакционных сил на Люблин не происходит, хотя «тревожные» агентурные сообщения поступают ежечасно.

Один раз были даже данные, что польская бригада АК движется на Люблин. Я быстро взял две бронемашины и поехал в <том> направлении, откуда двигалась эта бригада. Проехал по всему маршруту, никого не встретил, однако при расспросах местных жителей некоторые говорили: шла какая-то часть, пошла в таком-то направлении, другие показывали в обратном направлении. Одним словом, все врал, кто как мог.

Одно было несомненно: что лондонское «польское правительство», возглавляемое

Миколайчиком, направляет реакционеров против ПКНО, снабжает их золотом и оружием. Следовательно, моя задача заключалась в том, чтобы вскрыть каналы, по которым поступает оружие и золото для подпольной работы, и прекратить их деятельность. Так я и начал проводить эту работу.

В последующем уже стали поступать сигналы о зверствах, чинимых реакционно настроенными поляками, которые делали набеги на определенные населенные пункты, убивали и вешали на столбах волостных старост, дружественно настроенных к Советской Армии, и чинили различного рода безобразия[255].

Я рассказал об этом Булганину, который являлся уполномоченным ГКО при ПКНО. Булганин попросил подготовить информацию в ГКО за двумя подписями, что я и сделал.

Кстати сказать, мои неоднократные вызовы к себе министра госбезопасности ПКНО Раткевича не дали никаких новых данных о положении. Я его каждый раз старательно инструктировал, что надо делать, но результатов было мало. Видимо, у него не было опыта в организации борьбы с контрреволюционерами.

На следующий день я заехал к Булганину часов в 12, в его штаб-квартиру по делам. По ВЧ раздался звонок, Булганин взял трубку, и когда узнал, что говорит товарищ Сталин, встал, руки по швам, и начал отвечать.

Я слышал следующие фразы. Сталин спрашивал: «Где Серов?» Он отвечает: «Здесь, у меня в кабинете», затем: «Есть, есть, слушаюсь, слушаюсь, будет сделано». И на этом закончился разговор.

Когда повесил трубку, облегченно вздохнул, сел и говорит: «Вот, знаешь, Иван Александрович, каждый раз, как только позвонит товарищ Сталин, у меня рубаха мокрая, на, потрогай». Я потрогал действительно мокрую рубашку Булганина и засмеялся.

Затем он мне рассказал о том, что товарищ Сталин требует бандитов, которые убивают представителей местных польских органов власти или нападают на бойцов Советской Армии, судить военным трибуналом и тоже вешать на видных местах с надписями об их преступлениях.

При этом Сталин дал указание подготовить в ближайшую неделю в 4–5 городах такие операции и повесить. В конце сказал: «Передайте Серову моё указание».

Я сказал Булганину, что такие вещи на скорую руку не делают, судить надо через военный трибунал фронта. Булганин сказал, что нужно это в срочном порядке сделать и донести товарищу Сталину. Я ответил: «Давай вместе посмотрим следственные дела, где что есть, и затем ещё раз обменяемся по этому вопросу мнениями».

Практически я так ничего и не сделал, а все дела о преступлениях подобного характера направляли обычными каналами через прокуратуру и судили военным трибуналом, в соответствии с существующими военными законами[256].

Таким образом, видно, что все волнения, которые происходили в тот период у Булганина, в основном оказались преувеличенными. Однако обстановка была напряжённой, так как ежедневно поступали данные или о готовящихся диверсиях, или донесения о том, что диверсии имели место, правда, не особенно крупные. Только в одном случае был взорван фронтной склад боеприпасов. Это дело было так.

Километрах в 10 от Люблина в лесу был расположен большой склад боеприпасов 1-го Белорусского фронта. В связи с предстоящими наступательными операциями было сконцентрировано большое количество авиабомб, артснарядов и других взрывчатых

веществ. Для поддержания порядка, очистки от смазки снарядов и авиабомб и прочих работ в склад привлекались местные жители из числа поляков.

В одно утро раздался страшный взрыв. Я быстро собрался и выехал на автомашине по направлению взрыва. Не доезжая 3—4 километра, вижу, что из населённых пунктов народ вышел в поле, так как в эти населённые пункты долетали неразорвавшиеся снаряды, а были случаи, когда они и взрывались.

Подождав немного, я стал продвигаться в сторону склада. Взрывы утихли, в лесу я увидел, что в местах, где были боеприпасы, образовались громадные воронки, деревья были вырваны и обожжены. Ни одного человека поблизости не было. В последующем я расспросил местных жителей, где находятся офицеры и солдаты, которые охраняют этот склад.

Мне показали деревню. По прибытии туда я нашел начальника склада и других офицеров в полной растерянности. Из предварительных расспросов я установил, что взрыв произошел в одном из хранилищ, где работали поляки, а затем взрывы перекинулись и на другие хранилища.

Одним словом, как потом мы подсчитали, количество взорвавшихся снарядов было настолько велико, что командованию фронта пришлось думать о восстановлении, с тем чтобы не сорвать предстоящую наступательную операцию. Ущерб был нанесен значительный.

Мне пришлось принять соответствующие меры к расследованию всех обстоятельств, но выяснилось, что из числа поляков, работавших в день взрыва, ни одного человека в живых не осталось. Поэтому пришлось лишь ограничиться тем, чтобы сообщить польским органам госбезопасности фамилии погибших для того, чтобы установить их связи и знакомства, через которые можно было бы дойти до организаторов взрыва.

Два пуда золота. 1944 год (октябрь-декабрь)

Я продолжал находиться в Люблине в связи с напряжённой обстановкой: и работал, и учил, помогая органам госбезопасности Польши, как бороться с контрреволюционными элементами.

...В Люблине сконцентрировалось много «аковцев», хочу привести один пример по разоблачению командующего 3-го военного округа Армии Крайовой, который находился на нелегальном положении.

По агентурным данным нам была известна только внешность этого руководителя: выше среднего роста (около 50 лет), солидный, полноватый, круглое лицо, короткие усики, военная походка и тёмно-зелёное пальто-реглан.

Этот военный округ АК имел свои войска, находившиеся на нелегальном положении. Имел связь с Лондоном и получал оттуда указания, готовясь к захвату власти в Варшаве. По тем же данным командир округа проводил большую работу по организации пропаганды против Советской Армии, издавал газету, распространял листовки и всё это делал с такой уверенностью, что мы поражаемся, как смело и безнаказанно он действовал.

Однажды, когда я шёл с адъютантом Тужловым по главной улице Люблина, я встретил подозрительного поляка, который проверялся[257], и пошёл за ним. Мои подозрения подтвердились, когда я ещё раза два заметил, что он проверяется.

Следуя за неизвестным, я увидел, что он направляется в костёл, в котором идёт служба. Мне

тоже пришлось зайти туда. Только мы вошли в костёл, ксёндз закончил какую-то тираду, поднял руки кверху и упал на колени, и все верующие последовали его примеру. Мне ничего не оставалось, как так же встать на колени, но при этом я допустил ошибку: как я потом разглядел, католики опускаются на левое колено, а я опустился на правое.

Эта процедура длилась около 10–15 минут, и я как «верующий» со своим адъютантом стоял на коленях всё это время. По окончании службы неизвестный не вышел из костёла, а у нас были данные, что канцелярия командующего округом АК хранится в прикостельском помещении и там же имеются большие суммы золота, выделенные этому округу польским эмиграционным правительством в Лондоне для организации подрывной работы. Я подумал, что напал на след.

Вечером мы произвели обыск в канцелярии костёла и там же задержали поляка, за которым я ходил. На допросе он довольно быстро признался, что прибыл для встречи с командующим 3-го округа АК. При дальнейшем допросе он рассказал про свой округ и указал дом и подполье, где хранятся оружие и золото округа.

Я послал сотрудников километров за 80 от Люблина в эту деревню вместе с задержанным, и там всё это золото и оружие изъяли. Золото в американских долларах финансисты пересчитали и по акту приготовили для отправки в Москву.

В следующий день мы тщательно разработали план встречи нашего арестованного поляка с командующим округа. В день встречи с утра я проинструктировал сотрудника и сотрудницу опергруппы о том, чтобы они втроем с задержанным (поляком) пришли к месту встречи, и поляк, прогуливаясь, должен встретиться с командующим, поговорить с ним, после чего они забирают поляка и ведут к нам в штаб, а я с адъютантом иду за командующим и затем его задержу, как бы случайно для проверки документов. Таким образом, у него не будет подозрения на предательство со стороны поляка.

Предварительно место встречи мы тщательно исследовали. Это была дамба между двух озёр, соединяющая обе стороны Люблина, обсаженная липами. На дамбе были скамеечки для отдыха.

Одним словом, мы планировали одно, а вышло другое. Когда сотрудник и сотрудница пришли на дамбу и уселись на скамейку любезничать, то на противоположной стороне дороги приведённый на встречу поляк ходил медленным шагом, ожидая командующего. Прохожих было мало. Я находился в стороне и не спускал глаз с поляка.

Вот он повстречался с женщиной, затем с одним мужчиной, с другим, с третьим, но командующего всё нет. Затем шёл навстречу поляку солидный, хорошо одетый мужчина лет за 50. Не доходя метров 3-х, он было взялся за край шляпы (для приветствия нашего поляка), а потом отдёргнул руку и прошёл мимо.

Я подумал, что наш задержанный поляк глазами сумел показать, чтобы встречный с ним не здоровался. А вдруг я ошибся. Но время на раздумье нет. Я сразу пошёл за этим солидным поляком, а мой сотрудник с сотрудницей растерялись и не знали, что дальше делать, так как я уходил.

Как они потом доложили, что всё-таки хотели пойти за одним поляком, но потом не решились, чтобы не потерять задержанного. Отойдя примерно с километр, уже в городе, я сообразил, что задержать вдвоем с адъютантом мне будет трудно, так как, кстати сказать, поляк по комплекции был крепче меня.

Тогда я, остановив первых попавшихся наших солдат, сказал им, что я работник органов и что мне надо помочь задержать человека. Они охотно согласились, и мы с двух сторон подошли к неизвестному.

Я ему сказал: «Прошу пана следовать за мной». Улыбнувшись, он пошел с нами. Придя в помещение, где мы размещались, мы обыскали его, я начал спрашивать у него фамилию, имя, отчество. Он назвал их, но была ли это его настоящая фамилия, мне не было известно, но мы знали его псевдоним.

Я его спросил: «А какой у вас псевдоним?» Заулыбавшись, он говорит, что псевдонима у него никакого нет, так как к подпольным делам он отношения не имеет, работает ректором института в Люблине.

Допрос продолжался полчаса, а результатов никаких. Тогда я, сделав серьёзный вид, сказал ему, что мне всё о нём известно, а поэтому он напрасно пытается скрывать участие в подпольной организации и кем он является. Он опять на это с милой улыбкой говорит: «Если вам всё известно, то не надо и допрашивать меня».

При этом мне было видно, что у него была полная уверенность, что я про него не знаю. Очевидно, это мнение у него сложилось от того, что я в течение получаса, действительно, не мог ни в чём его уличить.

Я подумал, что ведь, кроме псевдонима, я ничего о нём не знаю, и если назову псевдоним, то в ходе следствия ничего не теряю, а самое главное, чувствуя его уверенность, что он не разоблачен, я высказал ему следующее условие:

«Давайте, пан, договоримся так: я даю вам написанный на бумажке ваш псевдоним (подаю ему свернутую бумажку), если он правильный, вы сами расскажете о себе и о том, что я буду спрашивать. Если не захотите говорить, то будем оформлять ваш арест и уличать свидетелями, которые знают вас».

Он в пылу своей уверенности, что я не знаю псевдонима, согласился с условием. Тогда я ему говорю: «Разверните и читайте бумажку». Он развернул, побледнел и еле выговорил: «Всё расскажу».

Рассказал следующее: что является проректором Люблинского института, пишет научный труд и одновременно является командующим 3-го округа АК, на который возложена задача с подпольными войсками округа ворваться в Варшаву, когда русские выбьют оттуда немцев, и провозгласить польское эмигрантское правительство законной властью. Члены правительства в основном находятся в подполье в районе Варшавы с 12 министрами и вице-премьером.

Затем он добавил, что ни одной фамилии он не назовет (своих помощников) — хоть убейте. Далее он сказал, что золото для подпольной организации они получают из Лондона, и спрятано оно на территории костёла.

Я ему сказал, что золото уже изъято. При этом он уточнил, что золото им сбрасывают в поясах с английских самолётов ночью в заранее условленном месте и по разработанным сигналам. В том числе и на территорию, занятую немцами. Там у них есть полковник-авиатор, поляк, который всё организует и переплавляет в Люблин.

С «аковцами», сколько мне приходилось допрашивать, любой разговор кончался так, что они ни на какие контакты с Красной Армией не пойдут, но якобы оружия против Красной Армии не применяют и не будут. Вот враньё! Вот подлецы! Мы воюем, а они ждут, когда можно власть в Варшаве захватить[258].

На следующий день, когда запаковали золото в небольшой ящик для отправки в Москву, я вызвал сотрудника, который должен был ехать нарочным вместе с финансистом, и говорю: «Возьмите этот ящичек и сдайте лично начальнику секретариата НКВД СССР, и возьмите расписку», и подаю ему препроводительную записку.

Он одной рукой взял записку, а второй рукой взялся за ящичек, дёрнул, а поднять не может. Взялся двумя руками — тоже не поднимет. Затем, смутившись, поднатужился и, согнувшись, вынес его из кабинета[259]. Я предупредил, что на аэродроме их встретят сотрудники НКВД.

Нужно, кстати, указать, что путём допроса арестованных «аковцев» и других враждебных деятелей было установлено, что в Польше действовали враждебные Красной Армии, кроме «Армии Крайова», организации: «Неподлеглость» — «Независимость», «Народовы силы збройны» — «Народные вооружённые силы» и, кроме того, отдельные враждебные группы из числа богачей, «кулаков» и др.

Руководителями были в основном буржуазные элементы, офицеры, помещики и др. Все они хотели буржуазной Польши и руководствовались указаниями Миколайчика из Лондона. Непосредственно в Варшаве сидел граф Комаровский, «Бур» псевдоним.

Эти организации подстрекали местных жителей не выполнять указания: ПКНО, военных комендантов из Красной Армии; саботировать мероприятия местных властей; совершать диверсии на железных дорогах; совершать теракты против бойцов и офицеров Красной Армии[260].

В последующем после ряда ликвидаций нескольких крупных организаций обстановка вокруг Люблина стала утихать, «аковцы» попрятались, и каких-либо крупных проявлений не отмечалось. На днях имел место случай, когда мне пришлось столкнуться с методами допроса арестованных сотрудников польского министерства госбезопасности.

Нашей оперативной группой был арестован один активный «аковец», участвовавший в диверсиях против Советской Армии, который вначале немного рассказал о своих преступлениях, а затем замкнулся и прекратил давать показания.

Нам было известно, что у поляков имеется арестованный, который знаком с нашим арестованным и является его начальником. Я позвонил министру госбезопасности Польши Раткевичу и спросил, есть ли у них такой арестованный. Он мне ответил утвердительно. Тогда я ему сказал, чтобы он доставил его ко мне в оперативную группу на допрос. Раткевич сказал, что будет сделано.

Разговор этот происходил утром. Вечером я ему вновь напомнил об этом арестованном. Раткевич снова подтвердил, что доставит его. Однако ни вечером, ни ночью арестованный не был доставлен.

Меня несколько удивило такое невнимательное отношение к моим указаниям, и я поручил начальнику опергруппы созвониться с его заместителем Рамковским и выяснить, в чём дело. Начальник опергруппы пришел и доложил мне, что этот арестованный у них ночью умер на допросе. Я, возмущившись, вызвал Раткевича к себе и потребовал, чтобы он мне доложил, как дело происходило. Раткевич, смутившись, сказал, что действительно арестованный умер.

Я спросил, при каких обстоятельствах. Раткевич сказал, что в тех случаях, когда арестованный отказывается давать показания, они начинают вливать через ноздри в нос воду, и когда арестованный начинает уже «тонуть», тогда они прекращают лить, и он начинает давать показания. Таким образом был «потоплен» и этот арестованный.

Я разозлился и приказал Раткевичу прекратить такие методы допроса и строго наказать сотрудников, которые их применяют. Раткевич удивленно посмотрел на меня и говорит: «Товарищ генерал, этот метод допроса применялся при Пилсудском, при Беке. Что таким путём его самого допрашивали, когда он сидел в тюрьме, и этот метод до сих пор сохранился, у нас в польских органах». Ну, после такого разъяснения, я думаю, они не прекратят «топить».

Я уже выше говорил о восстании Бур-Комаровского в августе в Варшаве против немцев. Сейчас заграничные радио начали шумиху, чтобы наши войска ускорили занятие Варшавы, так как уже подошли к Варшаве и находятся на правом берегу Вислы, и поддержали восстание Бур-Комаровского.

За это время Миколайчик побывал в Москве и вёл переговоры с руководством ПКНО, но почти безрезультатно, так как намерение Лондонских поляков было во что бы то ни стало в Варшаве водрузить польское буржуазное знамя и посадить соответствующее правительство. Вокруг Варшавы по нашим данным было до 40 тысяч «аковцев»-нелегалов. ПКНО стоял за демократическую Польскую республику, которая дружила бы с СССР.

И Советское правительство расценивало восстание в Варшаве Бур-Комаровского как авантюру, в результате которой гибнут поляки от немецких танков, авиации и артиллерии. Для руководства восстанием из Лондона прилетел вице-премьер Янковский с тремя министрами в качестве «полноправного представительства Польши»[261].

Я нередко встречался с командующим 1-м Белорусским фронтом Рокоссовским К. К. и Малининым М. С. (начальником штаба фронта), и мы обменивались с ними в отношении дальнейшего наступления, и они были правы, что наступательный скачок к Варшаве, проделанный фронтом, нужно приостановить для того, чтобы подтянуть тылы, склады боеприпасов и приготовиться для дальнейшего серьёзного наступления, учитывая, что перед нами Висла, широкая река.

Безусловно, всё это верно. При этом они показали на карте участок южнее Варшавы, который нашими войскам был летом занят, и еле его удержали, так как немцы пошли в наступление, ряд населённых пунктов отбили обратно, хотя, в общем, удалось удержать этот плацдарм. Обменялись мнениями по поводу «восстания» в Варшаве.

Я им сказал, что это «восстание» явно антисоветская политическая акция, не подкреплённая ни оружием, ни живой силой, рассчитанная на то, что англичане вынудят нас, СССР, ускорить взятие Варшавы, а там уже будет «законное лондонское правительство Польши». Я с ними поделился имевшимися у меня агентурными донесениями, что возле Варшавы в подполье уже есть полный состав «правительства».

Меня К. К. Рокоссовский поблагодарил за информацию и в свою очередь рассказал, что в конце августа в Люблине при открытии памятника бойцам, погибшим в битве за Люблин, он встретился с корреспондентами и заявил им, что «когда мы с ходу хотели захватить Прагу и Варшаву, то на нас обрушились 4 танковых дивизии немцев, и нам пришлось отойти. Мы довольны, что сохранили маленький плацдарм на левом берегу Вислы (южнее Варшавы), но немцы лезут, и мы теряем много людей. Мы пытались сбрасывать грузы восставшим полякам, до 1500 самолетовылетов, но они попадают к немцам». В конце беседы он просил почаще встречаться.

Мы в Люблине задержали группу польских лондонских эмиссаров, которых здесь полно. Все прибыли, чувствуя, что скоро Варшава будет Красной Армией освобождена, а они тут как тут. Ну а мы в опергруппе хорошо организовали работу и почти всё знали.

На одном из допросов, как я уже говорил, мы узнали, что англичане ночью сбрасывают полякам Армии Крайовой оружие, боеприпасы и золото. Ведает этими делами «командующий ВВС округа, полковник». Я далее не буду поляков называть по фамилиям, так как у них у всех они липовые, да, кроме того, основные руководители имеют псевдонимы.

Пришлось срочно выехать в город Радом, чтобы на месте познакомиться с этим «командующим ВВС». Когда туда прибыли, остановились у одного пожилого поляка с расчётом, что он нам кое-что расскажет.

Мы его хорошо угостили консервами, попили чай, но дело не двинулось, хотя я чувствовал, что он в курсе всех событий. Вечером, когда уже было темно, мы поехали «прогуляться», так сказали хозяину. В городе была наша небольшая комендатура, но они ничего не знали. За городом мы смотрели во все стороны, нет ли костра, но не было. Вернулись ни с чем.

На следующий день мы уже решили заночевать у польки, которая жила с дочерью, «невестой». Невеста оказалась разговорчивая и нам многое рассказала, где жгут костры и ночью летают самолеты. Хотя, нужно сказать, ночных полетов было десятки: наши, немецкие, ну, очевидно, и англичане.

Ночью мы поехали «охотиться». Долго ездили, видели в разных местах костры, но ничего не получилось.

Подъедем к костру, сидит поляк, спрашиваем, чего костёр горит; отвечает, что идёт домой с дровами, но так устал и замёрз, что, не отогревшись, не дойдёт до дома, который называл за 7–8 километров от этого места. Наконец решили уже под утро заехать еще к одному костру.

У костра сидит полька лет 25. «Цо, пани, робишь?» — спрашиваю я. Она, улыбнувшись, шутя, отвечает: «Пана шукаю». Я ответил: «Я естм пан». Одним словом, понял, что полька соображает и сидит не зря.

Я делаю вид, что мне известно, почему она сидит, и начинаю нажимать. Она в пылу горячности говорит: «Не скажу». Я пригрозил арестом. Она упёрлась и не хочет говорить. Тогда мы посадили её в машину и повезли с собой.

В комендатуре я засиделся с ней до утра. Она уже не улыбалась мне, а плакала и под конец назвала «пана пулковника», который её послал жечь костёр, но при этом просила не говорить ему, что она его назвала. Я пообещал.

Весь день искали «пулковника» и нашли его на хуторе в 5 км от города. Полковник оказался более сговорчивый и рассказал, что по радио они связываются с Лондоном и условными обозначениями называют время и место сброса «посылок» из Лондона. Причём для ориентировки костры жгут крестом, а сброс в центре. Золото сбрасывают в американских долларах, зашитыми в парусиновых поясах, которое он направляет в «округ АК для нужд войск».

В конце разговора он вполне серьёзно взялся мне доказать, что мы, т. е. поляки, и вы, русские, делаем общее дело, т. е. воюем. Я согласился с ним, что воюем, и уточнил: «Мы, Красная Армия, воюем с немцами и несём потери, а вы, АК, воюете в тылу с нашими обозами и ждёте, как бы скорее в Варшаве поднять буржуазное знамя».

Он смутился, когда я ему привёл ряд примеров об этом, и мне показалось, что он, выполняя свои обязанности, кое-чего не знал. Полковник назвал радистов, через которых потом мы стали поддерживать радиосвязь с Лондоном.

Я на месте оставил оперработников продолжить игру с Лондоном, но, к сожалению, всего лишь один раз удалось нам получить «золотую посылку с долларами», а затем англичане узнали.

Мои ребята нечётко себя вели и комбинировали всё это. В Лондоне поляки-радисты почувствовали подвох и прекратили связь.

Взятие Варшавы. 1945 год (январь)

В январе 1945 года 1-му Белорусскому фронту Ставка Верховного Главнокомандования окончательно утвердила начало дальнейшего наступления и освобождения Варшавы.

Как я уже писал, в августе из Лондона, от эмигрантского правительства Миколайчика польским подпольным организациям поступила команда организовать выступление в Варшаве. Все это было проделано глупо генералом Бур-Комаровским.

Вместо того, чтобы через Черчилля согласовать план совместного удара по немцам в Варшаве и по всему фронту, он решил восстанием поляков в Варшаве «освободить» столицу Польши от немцев и объявиться законным польским правительством. Когда вошли бы войска Советской Армии, они бы им представились, что, мол, без вас справились.

И вот они выступили мелкими разрозненными группами в одном из районов Варшавы, бились с немцами несколько дней, а итог получился плачевный. Немцы сосредоточили в этом районе большое количество войск и артиллерией разбили все дома, побили сотни восставших и подавили выступление. Нашим войскам была дана команда на начало наступления по утвержденному плану...

15 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта двинулись в атаку и 17 января 45 года освободили Варшаву от немцев.

Мы с Берутом и Гомулкой пошли через Вислу по льду на тот берег Варшавы, так как железнодорожный мост был взорван. Нас сопровождал вновь назначенный комендант Варшавы полковник Спыхальский*.

Мы в районе восстания Варшавы увидели все зверства, учиненные немцами над поляками, все разбитые дома, повешенных поляков на деревьях и др.

Этот факт еще раз свидетельствует о том, что подпольные польские организации — Армия Крайова, ППС (Польская Партия Социалистов) и другие реакционные организации, руководимые лондонским эмигрантским правительством, не хотели совместных действий с Советской Армией и в результате имели громадные потери, не добившись никакого успеха.

Практически вся Варшава была в развалинах, а те дома, которые были не разрушены, стояли мрачные, с выбитыми рамами и побитыми снарядами стенами. Улицы были завалены разным хламом, а во многих местах стояли баррикады или вырытые траншеи.

20 января 1945 года в г. Холм вместо ПКНО было создано Польское правительство, которое послало в Москву телеграмму, что «польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимости государственной жизни, благодаря блестящей победе Советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов». Председателем правительства был Осубка-Моравский, секретарями ЦК КПП Берут и Веслав (Гомулка), министром обороны — Роля-Жимерский* и др. Столицей временно стал Люблин[262].

Велика была радость и ликование наших солдат, офицеров и генералов Советской Армии в связи с успешными действиями войск нашего фронта. Какая твердая уверенность появилась у всех нас, что скоро добьем фашистов и будет мирная жизнь.

Я также был счастлив успехами, но помнил, что мне теперь надо заниматься на фронте и в то же время помогать польскому правительству в восстановлении демократической Польши, а главное — надо было разделаться быстрее с пресловутым Лондонским правительством и дать возможность народному польскому правительству плодотворно работать.

А нужно сказать, что, наблюдая за работой Берута, Осубка-Моравского, Гомулки и особенно министра обороны маршала Роля-Жимерского, <мне> видна была их неопытность и

наивность на такой большой работе. Это объяснялось отсутствием навыка в руководящей работе такого большого масштаба, как вся Польша. Достаточно сказать, что, когда к ним я приходил и информировал о враждебной деятельности АК, они улыбались и говорили: «А мы их не боимся».

Конечно, польский вопрос довольно неприятный, поэтому я хочу несколько остановиться <на нем>.

Поляки не могли простить нам советско-германский пакт 1939 года, воссоединение Западной Украины и Белоруссии и пропажу польских офицеров и сержантов в 1939 году, которая вылилась в Катынское дело, т. е. массовые могилы поляков под Смоленском. Советско-германский пакт поляки в последующем стали забывать, и они надеялись на расширение Польши за счет Силезии и других территорий, занятых немцами, устье Вислы, побережье от Данцига до Мемеля, ну и претендовали на Восточную Пруссию.

Что касается границ Польши, то прилетевший в Москву в декабре 41-го года генерал Сикорский, с которым было заключено соглашение об организации польской армии Андерса, поднял вопрос перед Сталиным о границах Польши, существовавших до 1939 года. Ему было категорически в этом отказано.

Польская армия Андерса, которая уже насчитывала более 70 тыс. человек и 40 тыс. членов семей, сбежала из СССР в трудный для нас момент в Иран, когда немцы подошли к Сталинграду.

Правда, пользы от Польской армии Андерса было бы немного, так как большинство офицеров были реакционно настроены.

Не стоит писать о «катынском деле», но в тот период в результате шумихи, поднятой поляками, были прерваны дипломатические отношения между СССР и правительством Сикорского...

Я это отступление вспомнил, исходя из того, что наша Красная Армия движется по территории Польши, в связи с чем опять возникнут, я думаю, некоторые политические затруднения, хотя сейчас право на нашей стороне. Мы бьем немцев и освобождаем Польшу, а Миколайчик сидит в Лондоне и занимается политическими интригами. Поживем — увидим, что он запоёт. Но ухо надо держать остро.

Зима на Одере. 1945 год (январь-февраль)

Записывать события мне уже стало трудно. Ночами не сплю.

У меня уже не хватало времени, так как я одновременно являлся уполномоченным фронта и уполномоченным по Польше[263]. Польша уже скоро будет вся освобождена.

В Варшаву я часто летал и жил там по неделе, так как было много дел, одно другого важнее. При встречах с Берутом, Гомулкой и Роля-Жимерским я им всё рассказывал, и они, слава Богу, стали понимать, что существует подпольное «польское правительство» на территории Варшавского воеводства. И это они уже чувствовали по различным проявлениям «аковцев».

Польское эмигрантское правительство, видя, что в Польше уже начинают появляться законные административные органы, предприняло ряд мер к тому, чтобы руководители подпольных войсковых организаций Армии Крайовой брали власть в свои руки в отдаленных районах, снабжая их оружием и золотом, сохранившимся от прежних запасов.

Кстати, хочу сказать пару слов о союзниках, которые вторглись в Сааре и Арденнах, но немцы огрызнулись, разбили у них много самолётов на аэродромах.

В связи с этим, как мне рассказали из Москвы, Черчилль заволновался и просил, чтобы Советская Армия на Западном фронте организовала наступление, чтобы отвлечь от союзников.

Вот сукин сын! Когда мы требовали открыть 2-й фронт, так он сопротивлялся, а сейчас паника его охватила.

Сталин солидно ему ответил, что мы готовим наступление, но погода плохая, однако в конце января двинем до Одера, несмотря на то, что немцы перебросили войска от союзников против нас. Но когда мы вышли на Одер, то Черчилль вновь забеспокоился, как бы союзники не опоздали в Берлин.

В плену у «аковцев»

С продвижением войск фронта штаб перебрался в Гнездо. Таким образом, между моей опергруппой в Варшаве и фронтовой в Гнездо 250 километров напрямик. Получалось «Фигаро здесь, Фигаро там».

Самолётом не каждый раз выпустят из-за погоды, а на машине по разбитым фронтовым дорогам <ехать> 4 часа. А из Москвы каждый день звонят: доноси, как дела. Вот и работай. Да еще секретарь у меня малограмотный Никитин*, а адъютант, боевой пограничник, Тужлов, но совсем неграмотный оперативно.

В связи с таким положением я поставил вопрос перед Москвой, чтобы меня освободили от <должности> Уполномоченного по Польше, так как фронт уже подходил к границам Германии.

Через два дня получил отказ с руганью: «Занимайтесь и тем, и другим». Приходилось почти каждый день делать по 300 километров на машине или по 500–600 км на самолёте для того, чтобы везде поспевать.

Один раз, сидя в самолете, я задумался, почему я такой неудачник? Назначают — не спрашивают, поручают — не интересуются, в состоянии ли это выполнить; если не вовремя донес о положении, хотя и выполнил в срок, упрекают.

Ну да ладно. Ведь моя работа идёт на пользу нашему государству. Не дать Польшу Миколайчику — это тоже большое дело.

В результате одного из полётов произошла крупная неприятность. А получилось так. Из люблинской оперативной группы сообщили, что там задержали генерала АК, который являлся организатором подпольной работы в одном из «военных округов» Польши.

С тем, чтобы мне его допросить и выяснить всех соучастников подполья, чтобы прекратить их незаконную диверсионную деятельность против Красной Армии, я решил слетать в Люблин, забрать его к себе в Гнездо и вместе с командующим фронтом товарищем Жуковым выяснить эти вопросы...

В Люблине я встретился с Н. А. Булганиным, а затем предварительно допросил этого генерала АК и сказал ему, что я заместитель командующего фронтом, надо нам все вопросы его «деятельности» выяснить, поэтому мы полетим в штаб фронта, к маршалу Жукову[264].

Поехали на аэродром. Со мной был лишь адъютант Тужлов, а конвоира для генерала я с собой не взял, полагая, что через час прилетим. Вылетели, когда уже начало смеркаться, но так как от Люблина до аэродрома штаба фронта было лёту минут 40, я полагал, что мы успеем приземлиться до наступления темноты.

Когда пролетели минут 40, я осмотрелся на местности и решил спросить у лётчиков, где мы находимся. Зашёл в рубку, спросил, где мы, какая путевая скорость. Лётчик и штурман смутились, начали тыкать пальцами в разные места.

Я вижу, что они заблудились. Сел на место штурмана и давай вместе уточнять обстановку по карте, однако никаких крупных населённых пунктов не было, да и стало темнеть.

С курса сбились, и я знал только одно: что в районе Лодзи проходит линия фронта, там немцы, а от Люблина до Лодзи лететь час с небольшим. Следовательно, если мы идём в направлении к Лодзи, то через 10 минут будет линия фронта, и нас могут сбить немцы и захватить.

К тому же стало совсем темно. Я лётчику дал указание выбирать площадку для посадки и садиться с тем, чтобы сориентироваться, и затем уже утром, на рассвете, можно было бы вылететь...

Пока мы летали минут 10–15 и разыскивали такую площадку, совсем стало темно, видимость плохая. Откровенно сказать, было жутко, и я в мыслях представил себе, что мы можем разбиться, и подумал: неужели на этом кончится моя жизнь?

Когда нашли площадку, я лётчику сказал: «Садитесь, не выпуская шасси, на пузо», потому что все ещё было сомнение, что и на закрытой площадке могут быть какие-нибудь препятствия. Лётчик возразил мне, заявив, что он ни разу не садился «на пузо». Пришлось садиться с шасси. Пошли на посадку.

Когда уже земля приблизилась, я вновь подумал: чем кончится эта посадка? Однако колёса стукнулись о землю, самолёт побежал. Бежал, мне показалось, долго, и я уже вижу, что на нас впереди надвигается лес, но лётчику спокойно сказал: «Притормаживай». Самолёт остановился около самой опушки.

Я из рубки вышел к арестованному генералу и спокойным голосом сказал, что пришлось сесть здесь, так как в темноте до аэродрома не дотянули, переночуем и полетим дальше, а сам подумал: «Где мы сели!» Особенно меня пугала мысль, что сели на территории, занятой немцами, или попали в зону действия Армии Крайовой, одним из руководителей которой был этот генерал.

Когда вышли из самолёта, огляделись. Я заметил, что в нашу сторону едет мужчина с возом сена. Мы с Тужловым подошли к нему и спросили, далеко ли деревня. Поляк ответил: «Отсюда километра два». — «Есть ли какие войска?» Он сказал, что в их деревне нет, а в соседней деревне есть кампания (рота) Армии Крайовой.

У меня ёкнуло сердце. Ситуация могла сложиться так, что я оказался бы в плену у генерала Армии Крайовой, которого везу, и его роты.

Делать было нечего. Я подошел к генералу и говорю, что крестьянин предлагает переночевать нам в его деревне. Генерал охотно согласился, и мы пошли. Лётчикам я сказал, чтобы они закрыли самолет, одного с оружием оставили дежурить в самолёте и шли бы за нами. По дороге в деревню генерал начал интересоваться у поляка, где есть войска. Поляк вновь охотно сообщил об этой роте Армия Крайовой.

Когда пришли в деревню, крестьянин нам показал, где живет солтес (староста). Придя туда,

генерал с ним поговорил, что мы у него остановимся. Тот согласился, и мы вошли в хату. Жена старосты начала что-то готовить.

Мы с генералом расположились на скамейке, и я начал с ним уже заигрывать. Говорю, что завтра прилетим в штаб фронта, поговорим с командующим, маршалом Жуковым, и я надеюсь, что Армия Крайова будет вместе с нашими войсками драться против немцев. Генерал, к моему удивлению, согласился с этим мнением.

Продолжая разговор, я увидел, что в избу начинают входить один за другим поляки, правда, мирно настроенные. Когда собралось человек 15–17, я начал политбеседу о продвижении Советской Армии, о том, как она успешно бьёт фашистов, как будут дела обстоять дальше и т. д. и т. д. Поляки очень внимательно слушали, поздравляли Советскую Армию с успехом, говорили комплименты в мой адрес, а я сам себе думаю: чем всё это кончится?

Нашу беседу прервала хозяйка просьбой освободить ей место для того, чтобы поставить на стол еду. Я воспользовался этим и решил выйти посмотреть, что происходит вокруг дома.

Когда я вышел на крыльцо, то сразу наткнулся на двух вооруженных польских солдат. Они довольно вежливо предоставили мне дорогу. Выйдя во двор, я увидел кругом человек 15–20 поляков с винтовками. Мне ничего не оставалось, кроме как делать храбрый вид, что это так и должно быть.

Я поговорил с «аковцами», где они дислоцируются. Оказалось, крестьянин сказал нам правильно. Затем, как бы между прочим, я спросил, кто их сюда выделил. Они ответили, что они прибыли по указанию генерала, который находится с вами. Я подтвердил: правильно. Затем, войдя в дом, увидел, что там уже был накрыт стол и стояли скамейки. В это время подошли лётчики.

Таким образом, нас было 5 человек, а поляков в пять раз больше. Мы спокойно расселись за столом и начали трапезу. Я, конечно, как всегда, ничего не пил. Тужлову успел шепнуть, чтобы он ложился спать не раздеваясь. Сам тоже решил не раздеваться.

Когда всё это к полночи закончилось, хозяйка мне и генералу любезно разослала постели и предложила раздеваться. Генерал быстро свернулся и лёг. У меня оказалось очень затруднительное положение. Хозяйка предложила раздеться, а я ни за что не хотел, потому что не знал, во что эта история выльется. Я снял только бекешу и папаху, а в гимнастёрке с маузером и пистолетом остался.

Сначала я сел на кровать, но так как спать очень хотелось, я наполовину лёг, а ноги остались на полу. Так как Тужлову таких удобств не было предоставлено, он лёг на скамейке. Подремав минут тридцать, я увидел, что Тужлов не спит. Я ему сказал: «Поспи, я тебя разбужу».

Около часа я лежал, не закрывая глаз, прислушивался, что происходит на улице. Затем разбудил Тужлова, сказал ему, чтобы он не уснул, сам опять упал на подушку. И так продолжалось до рассвета.

Встали мы очень рано. Я начал интересоваться у хозяина, сколько километров до ближайшего районного пункта и как нам добраться. Хозяин мне сообщил, что староста уже выделил две подводы для нас ехать к самолёту. Я поблагодарил, затем выпил чаю, и мы поехали к самолёту в сопровождении «аковцев» с винтовками.

Когда приехали к самолёту и попытались запустить, тут вновь дала о себе знать неопытность лётчиков. Они не разъединили клеммы аккумуляторов, аккумуляторы за ночь сели, и самолет запустить не смогли. Тогда я тут же принял решение немедленно ехать в районный центр — Жешув, до которого было километров двенадцать. Генерал согласился.

Мы поблагодарили «аковцев», которые любезно предложили сопровождать нас до райцентра. Я категорически отказался, чтобы их не затруднять, а сам себе думал, что ещё какая-нибудь гадость мне предстоит. Они между собой поговорили, пожали плечами, двумя пальцами козырнули нам, и мы отправились. Вот только тогда у меня стало на сердце полегче: думаю, что мы почти уже от них освободились. Правда, я не знал, что нас ждёт в районном центре Жешуве.

Ехали мы часа полтора до Жешува. Когда въехали в местечко, и я увидел грузовик, на котором шофёром был наш солдат, мне стало уже легко. Тут же мы отпустили подводы, стали на дороге и, когда шли два грузовика, я их остановил, сел в кабину, посадил генерала, и мы поехали.

Я у водителя спросил, где тут поблизости имеется аэродром. Тот оказался осведомлённым парнем, сказал, что километров за тридцать слева от дороги есть аэродром. Я говорю: «Какие самолеты сидят?» Он говорит, что самолеты больше У-2. Я говорю: «Вези меня туда». Он, действительно, привез на аэродром. Я оставил Тужлова с генералом на месте, а сам пошел на КПП.

Там дежурный полковник мне отрапортовал, кто он и что. Затем я спросил, есть ли Ли-2, улететь мне в штаб фронта в Гнездно. Он отвечает: «Товарищ генерал, самолетов нет».

Я вижу на поле несколько самолетов У-2 и Ли-2. Показываю ему на них и говорю: «А вон же самолеты». — «Товарищ генерал, все эти самолеты задействованы». — «Куда?» — «Ли-2 сбрасывают продовольствие нашей дивизии, попавшей в окружение в районе Познани, а на У-2 с утра прочесываем район Жешува, разыскиваем генерала Серова».

Я ему говорю: «Надо прекратить поиски, я и есть генерал Серов». Он от удивления раскрыл глаза, но продолжает мне отвечать, что не может нарушать распоряжение командующего фронтом. Пришлось показать удостоверение личности, члена ВВС Красной Армии за подписью Сталина[265].

Я пытался выяснить, чем вызван такой розыск, но он, к сожалению, ничего не знал, но сам я почувствовал что-то нехорошее, тем более что один раз меня уже разыскивали, когда мы с товарищем Кругловым попали в окружение в районе Городенко под Станиславом[266].

Полковник мне снарядил Ли-2, я посадил генерала, и мы полетели на аэродром, где были расположены самолеты штаба фронта. Когда прилетели туда, я тут же взял «газик» и приехал к себе. При входе в здание меня встретила заплаканная Вера Ивановна, которая была со мной на фронте.

Оказывается, дело происходило так. Когда я вылетел из Люблина и не прилетел на аэродром штаба фронта, немедленно было доложено Жукову. Жуков тут же донёс в Ставку, что пропал заместитель НКВД СССР генерал Серов. Верховный дал распоряжение искать везде и всюду, пока не будет Серов найден живым или разбитый самолёт.

Начальник особого отдела Вадис получил указание зайти ко мне в штаб и под благовидным предлогом сообщить жене, что я задержался. Так он и сделал, и в течение суток не было проявлено никакого беспокойства. На следующий день, когда Вадис пришёл проведать мою жену, раздался звонок по ВЧ: оказывается, ему в особый отдел звонил маршал Жуков, спрашивал его. Вадис поднялся на второй этаж, где у меня стоял телефон ВЧ, и вызвал Жукова.

Вера Ивановна находилась внизу и слышала ответ Вадиса, из которого можно было понять, что меня не нашли. И, как она мне потом рассказывала, вот с этого периода и начались слезы. Когда я возвратился, слёз было пролито еще больше, хотя мне казалось, что этого, наоборот, не должно было бы быть.

Я сразу же позвонил Жукову. Оттуда полушутя-полусерьёзно послышался мат-перемат: «Я из-за тебя от „хозяина“ получил нагоняй. Где ты был, что с тобой?» и т. д. Я ему коротко рассказал, он успокоился и сказал: «Ну, сейчас пишу донесение, что ты нашелся». Я говорю: «Правильно поступаешь».

Затем я ему рассказал о генерале, который мне уже заявил, что он без указания из Лондона ничего делать не будет. Таким образом, отпала надобность в дальнейших переговорах. Оставалось только держать его или передать полякам, что я и сделал.

В тот же день за этот полёт я уже в серьёзных тонах получил соответствующее внушение из Москвы от наркома с украшающими эпитетами и названием «мальчишка». В последующие дни все затихло.

Последняя встреча с генералом Окулицким. 1945 год (февраль-апрель)

Через несколько дней я получил из Москвы серьёзную телеграмму о том, что законное польское правительство (ПКНО) обеспокоено активной реакционной деятельностью подпольного «лондонского эмигрантского правительства» и всех его министров, которые со своими людьми нелегально расположились вблизи от Варшавы, и находится на нелегальном положении, и ведут большую контрреволюционную работу.

Мне предложено, во что бы то ни стало изъять руководителей подпольного «правительства» и обеспечить работу законному польскому правительству. Таким образом, мне пришлось вылететь в Варшаву и готовить план мероприятий по выполнению этой задачи[267].

В Варшаве встретился с Берутом, и Осубка-Моравским, и Гомулкой и высказал им обиду, почему они вместо того, чтобы мне позвонить по ВЧ и рассказать об этом, дали телеграмму в Москву Сталину, там им делать нечего, а я получил от него нагоняй, что подполковник Крав [268] ещё на свободе. Гомулка извинился, сказав, что впредь он будет звонить мне.

Дело осложнялось тем, что у меня была агентура вокруг АК, но не было никаких прямых подходов к представителям «лондонского правительства», у польского МВД так же.

Созвал оперативных работников, и начали думать. Ни у кого ничего не было конкретного, кроме одной агентурной сводки, что у известной польской солистки (дублерши Евы Бандровской) имеется хороший знакомый, который якобы имеет связь со связником штаба «Рады Народовой», так называли поляки свой совет министров. Я решил ухватиться за эту тоненькую ниточку.

К вечеру привезли эту солистку, необыкновенной красоты женщину лет 30. Битых два часа я ее выспрашивал в отношении этого человека. Она все личные похождения рассказывала, но категорически отказывалась назвать его фамилию и дать возможность нам с ним связаться. Тогда я был вынужден ей заявить, что я гарантирую его полную безопасность, если она назовет его фамилию.

На это она мне ответила: «Вы мне поклянитесь маткой Боской и дайте гарантию, что с его головы не упадет ни один волос». Пришлось дать ей это обещание, но, откровенно говоря, я не был уверен, что я его выполню.

На следующий день связался с этим молодым человеком. Он оказался польским офицером АК. Пришлось с ним также долго разговаривать.

Наконец было обусловлено, что он передаст представителю «польского правительства»

требование заместителя командующего фронтом генерала «Иванова» (мой псевдоним условный) о том, что у командования фронта имеется ряд вопросов к лондонско-польскому правительству в связи с их подпольной деятельностью[269].

Кстати сказать, мне было уже известно от связника о том, что вдохновителем деятельности этого правительства является мой старый знакомый по Львову 1940 года генерал Окулицкий, бывший тогда полковником. Теперь он генерал бригады, вице-премьер «правительства».

Через день встретился вновь со связником, который сообщил, что «правительство» на своем очередном заседании обсудит мое предложение, и через два дня будет дан ответ. Я эти два дня сидел как на иголках и не знал, какой будет ответ.

Наконец к вечеру мой полковник Пименов* встретился со связником, который сообщил, что «правительство» поручило предварительно встретиться с генералом Ивановым вице-премьеру генералу Окулицкому где-либо в лесу.

Мы дали связнику ответ, что его сообщение будет доложено генералу «Иванову», и завтра, вероятно, дадим ответ. Я написал об этом подробно в Москву и внес предложение дать ответ «польскому правительству», что генерал «Иванов» согласен прибыть в условленное место на встречу с генералом Окулицким. А затем добавил, что я на встречу выеду вдвоём с адъютантом, тщательно вооружившись, в том числе и ручными гранатами, и там попытаемся договориться о новой встрече или захватить Окулицкого. Для обеспечения встречи на некотором удалении будет находиться автомашина с 15 бойцами.

Вечером того же дня из Москвы по телефону ВЧ был получен ответ: «Вы мальчишка, а не генерал-полковник, вас „аковцы“ схватят и убьют и т. д. В суточный срок представьте план мероприятий по захвату „правительства“». Я разозлился и уехал в штаб фронта.

Днём мне позвонили из Варшавы и передали — вас разыскивает Москва. Пришлось из Гнездно перелететь в Варшаву, так как если бы я из Гнездно позвонил в Москву, а не из Варшавы, то ругань была бы ещё больше. Пришлось все перестраивать. Окончательный план, представленный мной, был утверждён в двух вариантах.

Первый вариант: я даю согласие встретиться с Окулицким, но на встречу вместо меня выезжает полковник Пименов, который... предлагает ему приехать к генералу Иванову в Варшаву, ввиду его большой занятости на фронте, так как начались активные боевые действия войск. А из Варшавы генерал Иванов и Окулицкий вместе поедут на встречу с министрами польского правительства. Место встречи с министрами пусть назовут поляки.

Второй вариант: мы через связника сообщаем, что генерал «Иванов» выделил для встречи с Окулицким своего представителя, а сам, не дожидаясь результатов переговоров, приезжает в место, куда укажет «польское правительство», чтобы поговорить с министрами. Причём было добавлено, что ввиду занятости генерала он просит министров собраться завтра.

Связник был послан утром и к вечеру вернулся. Оказалось, что он связался с Окулицким, передал ему, тот сделал недовольный вид, очевидно, не хотел, чтобы без него был разговор генерала Иванова с министрами. Однако вынужден был согласиться с предложенным нами вариантом. Фактически так на следующий день и происходило.

Полковник Пименов встретился с Окулицким, провёл соответствующий разговор и намекнул, что генерал «Иванов» готов с ним одним встретиться в Варшаве до того, как выедет на совещание с министрами, а оттуда вместе на машине обоим выехать к министрам.

Окулицкий попался на эту удочку и приехал в Варшаву, где и был помещён в комнату в ожидании генерала «Иванова». Пока он приехал, прошло время, и с места сбора «правительства» дважды мне звонили, что министры ждут[270].

Когда я убедился в том, что Окулицкий уже у нас здесь, я послал опергруппу из 5 человек во главе с полковником Пименовым, который передал министрам, что получено срочное распоряжение из Москвы о том, что с ними будут разговаривать в Москве. Поэтому — просьба никуда не расходиться (а кстати сказать, собрались в одном из бывших дворцов и довольно неплохо там устроились). Когда им передали это сообщение, они довольно спокойно на него реагировали, и даже многие из них были довольны таким оборотом дела.

Я обо всём донёс в Москву. Оттуда последовал звонок Берия, который сразу спросил, видел ли я сам Окулицкого. Я сказал, что полковник Пименов по моему описанию и по фотографии сразу же опознал Окулицкого, и я был уверен, что он не ошибся.

Сам я умышленно к нему не зашел, зная его повадки. В 1940 году во Львове, когда я его арестовывал за контрреволюционную подпольную деятельность, то он мне сказал: «Только ваша хитрость меня усыпила, а бы я сразу отравился». У него тогда при обыске нашли цианистый калий.

Берия сказал: «Так вот, сам посмотри его, но так, чтобы он тебя не узнал, и тогда только пиши донесение». Я ему ответил, что независимо от этого прошу выслать самолёт за членами правительства, Мне было обещано послать самолёт.

Я пришёл в оперативную группу, забинтовал себе один глаз и под видом слесаря-водопроводчика вошёл в комнату, где находился Окулицкий. Тот не обратил на меня никакого внимания, но я узнал его сразу. За 5 лет он не очень изменился.

Мне бросилось в глаза, что у него в маленьком боковом карманчике пиджака две авторучки. Выйдя из комнаты, я приказал работникам немедленно у него изъять авторучки. Окулицкий возмутился, несколько сопротивлялся, однако «авторучки» были изъяты. При исследовании оказалось, что в одной из авторучек был заправлен цианистый калий. Это очень было похоже на Окулицкого, я не ошибся.

Когда я отослал в Москву донесение, то решил зайти в открытую к Окулицкому. Когда я вошёл в комнату, хотя и был в гражданском костюме, Окулицкий узнал меня, встал и, немного побледнев, сказал: «Я так и думал, что авторучки могли отобрать только вы, а не генерал Иванов».

Я утвердительно улыбнулся. Окулицкий на это сказал: «Тогда мне всё ясно». И в дальнейшем в течение 30 минут мы довольно мирно беседовали, вспоминали все наши встречи за последнее время, когда я вот-вот добирался до него, но он уходил. Улыбаясь, он уточнял мои данные и добавлял детали.

После ухода я приказал организовать тщательное наблюдение за ним, чтобы он не покончил с собой, так как я знал его за человека решительного и волевого. Я приказал ночевать вместе с ним в комнате двум сотрудникам. Уходя, я предложил ему скушать котлет. Он поблагодарил меня, но, однако, утром мне доложили, что к еде он не притронулся, почти всю ночь не спал, вздыхал и повторял фразу — как глупо я попался.

Утром к 10 часам я вместе с Окулицким поехал на аэродром, где стоял самолет из Москвы. Туда же были подвезены все остальные министры. По дороге на аэродром мы с Окулицким непринужденно разговаривали, и я к слову ему сказал, что напрасно лондонское эмигрантское «правительство» затеяло резню в Варшаве Бур-Комаровским перед наступлением Красной Армии.

Окулицкий оправдывался и хотел подчеркнуть этим «участие войска польского» в боевых делах против немцев. Я ему ещё раз сказал, что погибли тысячи поляков, а результата никакого. Он сказал: «Но Красная Армия умышленно не помогла нам». Я ему на это сказал, что Красная Армия всё время настаивала вместе бить немцев, но <akovцы>

отказывались[271].

На аэродроме я быстро посадил всех польских министров в самолёт, лётчику скомандовал — запускать моторы, и они улетели. Как потом мне передавали из Москвы, ввиду плохой погоды им не удалось сесть в Москве, и их погнали в Иваново, откуда они добирались уже поездом до Москвы[272].

Отправив «правительство», я облегченно вздохнул и вновь поставил вопрос перед Москвой о том, чтобы меня освободили от уполномоченного по Польше, так как войска фронта уже продвинулись к немецкой границе...

Через несколько дней мне позвонил Шатилов* из Варшавы. Он был назначен после Булганина уполномоченным Советского правительства при польском правительстве. Шатилов передал мне, что приехал Селивановский[273] и попросил, чтобы я его представил Беруту.

Я слетал в Варшаву и проделал эту формальность. Берут и Гомулка поблагодарили меня за проделанную работу по обеспечению деятельности польских властей и изъятие так называемого правительства и дали подарок.

Доклад Сталину. 1945 год (апрель)

В первых числах апреля 45-го года перед решающей битвой за овладение Берлином, откуда Гитлер и его подручные развязали захватническую войну против Советского Союза, меня вызвал Верховный Главнокомандующий Сталин И. В. с фронта.

Мои попытки узнать у Поскребышева, по какому вопросу вызван, не увенчались успехом. Когда я вошёл в кабинет, никого из членов ГОКО не было. Поздоровавшись, он спросил, как дела на фронте.

Я рассказал, как маршал Жуков Г. К. готовит штаб фронта и командующих армиями к штурму Берлина.

Сталин И. В., внимательно выслушав, задал при этом ряд вопросов о настроении войск и количестве техники. Затем, посмотрев на меня, спросил: «А где польская армия Андерса?» (Эта армия была сформирована летом 41 года на территории СССР, но вместо того, чтобы бить немцев вместе с Красной Армией, по указанию лондонского эмигрантского правительства Миколайчика была в конце 1941 г. направлена в Иран.)

Я ответил, что армия Андерса идёт вместе с английскими войсками, штаб её около Ганновера. Сталин внимательно посмотрел на меня и сказал: «Нет, мне чекисты докладывали, что армия Андерса в Гамбурге».

Мне не раз приходилось слышать, когда на утвердительные слова Верховного присутствующие сразу соглашались и поддакивали. Я не мог так поступить, так как был уверен, что поляки находятся в Ганновере, и я вновь сказал, что мне точно известно это, так как на днях вернулся мой курьер и докладывал мне об этом.

Тогда Верховный, повернувшись ко мне, сказал: «Ну, пойдёмте, посмотрим по карте», и двинулся в комнату отдыха, где у него висела большая карта Европы.

Пока шли, я мысленно проверял себя, чтобы без ошибки ткнуть перстом в Ганновер. Подойдя к карте, Сталин сразу указал пальцем на Гамбург, а я без промедления ниже его пальца на

Ганновер.

Мой палец был несколько юго-западнее. Сталин сказал: «Может быть, вы правы». И вернулся в кабинет.

Когда шли, я посмотрел на наши плечи, были почти одинаковой роста, Сталин чуть выше. Затем он взял шифровку со стола и подал её мне.

«Вот Черчилль пишет мне, что происходит в Польше. Я думаю, что всё это выдумки Миколайчика». Я промолчал, так как не читал этой шифровки. Создалась неудобная для меня ситуация.

Я читаю шифровку, а Сталин ходит и ждёт, что я скажу. Как назло шифровка на двух страницах, где Черчилль пишет, что в Польше много поляков арестовано, имеются случаи, когда приговорённых истязают, что там творится произвол и т. д.

Далее было сказано, что командованием фронта были арестованы 12 министров из Польского правительства, совершенно невинных, и вице-премьер генерал Окулицкий.

Прочитав шифровку я сказал, что аресты активно выступающих «аковцев» против законных властей Польши имеют место; что касается истязаний и произвола — это выдумка Миколайчика. Арестованные после следствия предаются суду военного трибунала Польши.

«Я полагаю, что Миколайчик сгустил краски для того, чтобы Черчилль вступился за него перед вами».

Товарищ Сталин, когда я говорил, утвердительно кивал головой и затем сказал: «Да, это выдумка Миколайчика, я так и отвечу Черчиллю»...

Потом мы вели разговор об Армии Крайовой и польском подпольном «правительстве», возглавлявшемся вице-президентом генералом Окулицким на территории Польши, которого мы несколько раньше удалили из Польши в Москву и наконец, <Сталин> начал выспрашивать моё мнение о руководителях ПКНО, с которыми мне приходилось часто встречаться с лета 1944 года.

Когда я сказал свое мнение о Беруте, он кивал головой. Затем сказал о Гомулке, Сталин в подтверждение моих слов сказал: «Схоласт».

Моя характеристика министру обороны Польши Роля-Жимерскому вызвала у Верховного некоторое недоумение (я сказал, что он больше занимается парадами войск и приёмами и церемониями). Сталин повернулся ко мне и говорит: «А почему, вы думаете, он так себя ведет?» Я промолчал.

Затем он сам ответил на свой вопрос: «Потому что в 1917 году мы власть у буржуев сами добывали, с оружием в руках, с боями, а ему власть преподнесла Красная Армия на тарелочке, вот он и радуется». Я согласился и был доволен, что он сам ответил.

Примечание : Как мне потом стало известно, 28 апреля Черчилль обратился к Сталину о 15 поляках, арестованных военными властями фронта в районе Варшавы, и просил их освободить и включить в состав польского правительства.

Сталин ответил: «Во-первых, не 15, а 16 поляков арестовали военные власти фронта. Во-вторых, они обвиняются в подготовке и совершении диверсионных актов в тылу Красной Армии, в содержании нелегальных радиостанций, передаточных и т. д. За это они будут преданы суду Верховного трибунала». Американцы также настойчиво требовали их освободить. Сталин не согласился, кроме Миколайчика...

18 июня в Колонном зале начался над ними суд. Окулицкий признался по основным пунктам обвинения, но отрицал ответственность за убийства советских офицеров и солдат. Затем, когда общественный обвинитель задал вопрос ему: «А зачем подпольно хранили оружие?» — Окулицкий был вынужден признать, что для борьбы против Красной Армии.

Окулицкий был приговорен к 10 годам, а остальные — от 5 до 8 лет[274]. Когда Миколайчик прибыл в Польшу и <был> включен в правительство, правые элементы более активно повели враждебную Польше работу, чтобы показать их намерения против Польши и СССР. В Кракове организовали демонстрацию, чтобы показать, что подполье действует, и убили 2 наших бойцов.

Информация к размышлению. 1945–1946 годы

Сопротивление АК (Армии Крайовой) было большим и привело к тому, что НКВД и СМЕРШ помогли в создании службы безопасности польского комитета национального освобождения. Они-то, поляки, и вели при нашей поддержке всю борьбу с АК, которую поддерживали англичане.

Для координации действий уполномоченные СМЕРШ были одновременно и уполномоченными НКВД. Первоначально польскими делами занимался я, потом Мешик, а поляков непосредственно обслуживал комиссар госбезопасности Жуков.

Особо конструктивную роль сыграл вице-президент Краевой Рады Народовой Станислав Грабский*, который выступил против Миколайчика, он сотрудничал с нами еще в Лондоне (министр и депутат сейма). Он поддержал новую границу Польши с Украиной и Белоруссией, отдав нам Львов. В Западной Украине и Западной Белоруссии население состояло преимущественно из украинцев и белорусов, поляки были только крупными землевладельцами.

Вопрос об аресте польских генералов из Армии Крайовой: такие вопросы решались только в Москве. Окулицкий и его люди занимались диверсиями в нашем тылу и под их руководством убили многих наших людей...

Видимо, польское правительство решило, что настала пора принимать решительные меры против незаконного лондонского.

Не знаю, что имели в виду руководители польского правительства, когда отправляли телеграмму Сталину, но он решил эту проблему. Так что получается, что инициатива ареста «лондонского правительства» исходила от поляков.

Мы неоднократно докладывали о терактах АК против наших военнослужащих. Нам было приказано ничего не предпринимать без согласования с Берутом и Берлингом.

Как мне стало известно, Окулицкого и других судили в Москве, а Окулицкого ликвидировали в тюрьме[275]. Однако это был провокатор, сотрудничавший с НКВД с 1940 года и одновременно — с англичанами.

Мы задержали информацию об аресте Окулицкого и других до получения от них признаний в организации диверсий в нашем тылу[276]. Окулицкий пытался начать переговоры с Берия и писал ему.

Берут и другие польские руководители влияли на следствие по всем крупным польским деятелям, задержанным нами.

Нам сильно помог в разрешении конфликтной ситуации в апреле-мае 1945 года депутат польского сейма Витос*[277]. Тогда же, в 1945 году, было принято решение о выдавливании за границу авторитетных поляков, поддерживавших правительство Миколайчика.

Мы помогли Беруту выиграть выборы в Польше и командировали туда начальника <отдела Д> МГБ Палкина* для технической помощи польской избирательной кампании[278].

Глава 10. ОХОТА НА ГИТЛЕРА. 1945 год (январь-май)

Победный 1945 год. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова упорно продвигаются в глубь Германии. До Берлина — всё ближе и ближе.

Одна из главных задач, которая поставлена уполномоченному НКВД по 1-му Белорусскому фронту Серову, — отыскать Гитлера и главарей Рейха живыми или мертвыми; любой ценой, только бы опередить американцев .[279]

Несмотря на близость победы, отношения между Сталиным и союзниками продолжают ухудшаться. Лидеры сверхдержав откровенно друг другу не верят; бессмертные «Семнадцать мгновений...» — ровно об этом, про сепаратные переговоры американцев с немцами. О том же пишет в записках и Серов.

Генерал сумел выполнить приказ: он нашел и самого фюрера, и его молодую жену Еву Браун*, и Геббельса со всем многочисленным семейством.

Это произойдет уже после того, как Серов вместе с передовыми частями армии генерала Берзарина* войдет в Берлин и первым доложит Сталину о том, что наши войска ворвались в столицу Германии.

День Победы Серов встретит также в Берлине. Ему доведется лично участвовать в подписании акта капитуляции. Именно Серову была поручена доставка на церемонию фельдмаршала Кейтеля. На исторических фотографиях он стоит за спиной у Кейтеля слева...

Бьюсь об заклад — большинству из вас доводилось видеть эти кадры и раньше. Они растиражированы в тысячах книг, учебников, фильмов, вот только без Серова. После отставки и опалы его изображение со всех снимков было удалено. Опальный генерал не имел права оставаться в истории.

Подлинные, неотретушированные фотографии уцелели лишь в архиве Серова: в этой книге они публикуются впервые...

Впрочем, уполномоченному НКВД приходилось заниматься и не самыми приятными вещами. Именно Серов, например, отвечал за принудительную отправку немцев для работы в Союз: мобилизации подлежали трудоспособные мужчины в возрасте от 17 до 70 лет.

Не менее активно велась работа и по зачистке освобожденной территории. К 13 июня 1945 года силами аппарата Уполномоченного НКВД по 1-му Белорусскому фронту было задержано и арестовано 66 339 чел. «вражеского элемента».[280]

2 мая в дополнение к прежним должностям — зам. наркома, уполномоченный НКВД — Серов получает еще одно назначение: зам. командующего войсками 1-го Белорусского фронта (Жукова) по делам гражданской администрации.

Отныне он будет заниматься не только борьбой с немцами, но и за немцев: формировать новую власть, организовывать жизнеобеспечение освобожденной территории, налаживать порядок и безопасность.

Серов — солдат. Любой приказ он привык выполнять; а если и обсуждать — то лишь по прошествии множества лет...

По дороге в Берлин

В связи с тем, что записывать не было времени, то я урывками только перечисляю радостные события, которые были записаны на бумажках...

23 февраля — наконец-то 8-я армия Чуйкова заняла Познань после месячной осады. Было захвачено в плен около 20 тыс. немцев. Я туда съездил, город полуразрушен, немцы ходят, как идиоты, бессмысленный вид, побираются около всяких сбросов, чтобы им пожрать...

15 февраля позвонил Булганин и сказал, что убывает из Варшавы в Москву на должность заместителя наркома обороны[281]. Вместо него — начальник политического отделения 1-го Украинского фронта Шатилов.

Надо и мне убывать из Варшавы, я уже как уполномоченный по Польше все дела, которые поручали, сделал[282].

28 марта был занят г. Гдыня Рокоссовским.

30 марта — занят г. Данциг, до 10 тыс. пленных.

Когда я туда приехал, то страшно <было> смотреть, сколько трупов немецких, и как разбит город.

Пишу раз в неделю, перед сном делаю пометки, а затем восстанавливаю детали.

Через пару дней мне вновь пришлось быть на этом направлении. Впереди был город Ландсберг, так значился по карте. Войска продолжали наступление. Сопrotивление немцев было не особенно сильное[283].

Наши части окружили город со всех сторон. Танкистам была команда на атаку, головной танк с флажком рванул вперед, и все танки пошли на город. Я пристроился на своем бронетранспортере, и за ними. Стрельба была короткой, и мы в городе. Пехота с криками «ура!» также подходила к окраине, стреляя больше от радости, чем по необходимости.

Когда мы добрались до центра города, то нам представилась жуткая картина. Город мёртвый. Я увидел около ворот одного старика лет 70 и двух старушек. Многие дома были разбиты артиллерийским огнем, жители убежали с немцами.

Немецкие солдаты, которых мы захватили, уже были не те наглые. Они уже понимали безнадежность своего положения. Когда спрашиваешь его: «Гитлер капут?», он чётко отвечал: «Яволь», т. е. верно.

Зайдя в дом, можно было увидеть почти всё нетронутым: стояли кровати, мебель и всё, что полагалось в жилом доме. Наши солдаты ходили с автоматами наперевес и более всего для видимости постреливали по окнам. Везде и всюду виднелись дыры от пулевых пробоин в окнах и дверях.

По ходу обстановки на следующий день мне вновь пришлось проезжать через этот злосчастный Ландсберг. В течение суток 75 % домов было сожжено. Везде возникали новые пожары. Я был удивлён, ведь накануне я видел почти не сожжённый город. Как же все это могло случиться? Наших войск уже не было, кроме отдельных автомашин, подвозивших боеприпасы.

Я всё-таки решил выяснить, в чём дело и как это произошло. Захожу в один дом, из которого только что вышли двое солдат. Поднялся на второй этаж, зашёл в квартиру. Смотрю: там на полу разложены занавеси, которые подожжены и тлеют. От занавесей натянута полотно к куче наложенной мебели. Значит, всё это проделали наши солдаты.

По возвращении оттуда я всё это рассказал командующему фронтом Жукову Г. К. Он мне на это ответил, что у него имеются еще десятки таких сообщений, что солдаты жгут дома в городах и населенные пункты и группами насилуют женщин.

Я ему посоветовал донести об этом в Ставку и принять соответствующие меры к прекращению: всё-таки наша политика не заключается в истреблении народа и жилищ. Он мне на это ответил, что мы обсудим на заседании Военного совета и примем соответствующие меры, затем он сказал, что его вызывают в Москву.

Через 3 или 4 дня был получен строжайший приказ Ставки Верховного Главнокомандования о прекращении этих дел. При этом в качестве «отличившихся» фронтов приводился и наш доблестный 1-й Белорусский фронт[284].

Значит, на других фронтах наши солдатики так же вели себя. Правда, нужно понять и наших бойцов, у которых на родине разрушены посёлки, города и убиты родные.

Мне Георгий Константинович, возвратившись из Москвы в начале апреля, рассказал следующее; дальнейшее наступление от р. Одер на Берлин и взятие Берлина Сталин возложил на 1-й Белорусский фронт, когда в Москве собрал командующих: «Берлин брать Жукову». Генштаб же и провёл разграничение линии слева так, что 1-й Украинский фронт должен наступать южнее Берлина.

Оказывается, Генеральный штаб согласился с представленным Коневым планом удара с юга по Берлину. Получилось недоразумение...

Затем уже Генеральный штаб, чтобы выйти из положения, которое сам создал, доложил об этом Сталину. Конев стал настаивать на участии в штурме Берлина. Тогда якобы Сталин сам начертил разграничительную линию 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов и не довёл её до Берлина 40 км, остановился и сказал: кто первый ворвётся, так и будет.

При этом Сталин назвал начало генерального наступления 16 апреля и в две недели сказал взять Берлин. 1-му Украинскому фронту было предписано наступать главным направлением на Дрезден. 2-й Белорусский фронт должен <был> обеспечить успешные действия 1-го Белорусского фронта с севера — Балтийское море.

Георгий Константинович, вернувшись, приступил к разработке плана наступления на Берлин. У меня же теперь главная задача — захватить живьём фашистских главарей и не забывать о польской армии Андерса, которая двигалась вместе с английскими войсками[285].

Попутно следует сказать, что 13 апреля была освобождена от немцев Вена. Союзники, открывшие второй фронт, начали двигаться активнее, да если учесть, как передавало радио, что их встречали немецкие бургомистры городов с белыми флагами в то время, как наши войска вышибали немцев артиллерией и танками. Союзники рвались к Берлину, Особенно Черчилль подстрекал Рузвельта в этом, так как боялся, что у народов Европы сложится впечатление, что Красная Армия является освободительницей Европы, а после смерти

Рузвельта подстрекал в этом Трумэна*.

За время наступления, в период марта, наши войска продвинулись до Одера. Вспоминается один небольшой эпизод, имевший место на Оudere.

Утром Жуков мне сообщил, что войска подошли к реке Одер, взяли Кюстрин. У меня были данные, что в этом городе была школа по подготовке фашистских разведчиков, диверсантов и всякой иной гадости.

Поэтому я решил быстро выехать, с тем чтобы прихватить лиц, интересовавших нас, имея в виду, что через них можно узнать, кто на нашей территории из диверсантов и разведчиков находится. Взял с собой штабную машину «Додж», адъютанта Тужлова и командира отделения с пулемётчиками на бронетранспортере.

Не доезжая до Кюстрина километра 2,5, в одной из деревень стояла девушка-регулировщица. Я подъехал к ней и спросил, как ехать на Кюстрин. Она мне, весело улыбувшись, показала направо, я поехал.

Выехав из деревни, в сторону Кюстрина, я увидел дамбу длиной в два километра, ограждающая поля при разливе р. Одера. На окраине деревни я заметил: стояла наша батарея, орудия которой были направлены в сторону Кюстрина. Осталось не более 150 метров до крайних домов, как справа и слева от нас начали рваться мины.

Я сообразил, что это немцы засели, и у них не выдержали нервы, так как открыли огонь. Выскочили из машины, за мной Тужлов и шофёр, и в канаву. Затем <я> крикнул: «Всем залечь в канавах справа и слева», которые были наполовину заполнены весенней водой, и «приготовить оружие».

Немцы, видя, что мы лежим, усилили миномётный огонь и пулемётный. Оставаться на месте было опасно, немцы, конечно, видели, что нас всего 10–15 человек, поэтому могли пойти в атаку и захватить нас в плен. Убежать в сторону леса невозможно, так как этот участок полей был затопляемый, и вместо земли там была жижа по колено.

Миномётный огонь усиливался. Взрывами около нас были побиты телеграфные столбы, и я крикнул шофёрам быстро задним ходом уезжать. Развернуться было невозможно, так как дамба была узкая.

Пятиться задним ходом с людьми в машинах — это верная гибель всех нас, но всё же пришлось двигаться задним ходом метров 200 до будки, где можно было развернуться. У бронетранспортёра осколком мины была повреждена дверка, и шофёр не мог её закрыть. Я ему крикнул: «Отъезжай». Через 5 минут они уехали.

Миномётный огонь продолжался по уезжавшим машинам. Когда огонь немного стих, я командовал всем своим людям отходить по канавам. И таким образом — одна нога в воде в канаве, а другая на откосе канавы. Так мы отходили около километра, до маленького дорожного домика, за которым укрылись.

Мокрые по пояс, мы собрались в кучу. Немцы уже прекратили огонь, и мы дальше более или менее свободно пошли до деревни. Около деревни сели по машинам.

Когда я проезжал мимо этой весёлой девушки, я ей отпустил пару довольно нелестных эпитетов и спросил, почему она не предупредила, что Кюстрин нашими войсками не взят. Она мне на это спокойно ответила: «А вы меня, товарищ генерал, спросили?» Пожалуй, она права.

По приезде в штаб я почувствовал, что мышцы у меня не работают, все суставы болят, одним

словом, я заболел. На следующее утро я не мог подняться. Причем голова здорова, а ноги и руки не слушаются. Хорошо, что я ещё не простудился, хотя в воде и в мокрой одежде находился более двух часов.

Когда я по телефону рассказал об этом Жукову и упрекнул, что он меня в такое положение поставил, на это он мне и говорит: «А ты проверяй, мало ли что могут командиры сказать: донесут, что город занят, а он на самом деле нет».

Я ему на это сказал, что всё-таки, когда командующий фронтом говорит, что город занят, так надо ему верить. Он засмеялся: «Ну ладно, хорошо, что жив-здоров оттуда вернулся, а то бы опять пропал, и пришлось бы второй раз доносить хозяину»[286].

Связной от Гиммлера

Я забыл записать, что в марте месяце ко мне прибыл полковник Коротков А. М., и он часто ездил по моему заданию в армии.

На днях я его посылал в район Штеттина, так как мы получили данные о том, что около Штеттина у немцев были курсы гауляйтеров (областных руководителей), и мы решили проверить, не осталось ли там в бункерах каких-либо документов[287].

Возвратившись обратно, Коротков захватил и привез связного немца, у которого он изъясил записку, адресованную Гитлеру, от Гиммлера. Оказывается, Гиммлер находился против 1-го Белорусского фронта и командовал двумя армиями группы войск «Висла» и еще какой-то полевой дивизией. Общая оборона Берлина была поручена Гиммлеру и войскам СС.

Из записки было видно, что шеф полиции и войск СС Гиммлер командовал двумя армиями группы войск «Висла» и еще какой-то дивизией против 1-го Белорусского фронта. Гиммлер доносил Гитлеру о том, что положение тяжелое, но он примет все меры к тому, чтобы оправдать доверие фюрера.

Таким образом, мы установили, что Гитлер не от хорошей жизни погнал своего верного слугу и палача Гиммлера командовать войсками. Но все равно они не открутятся, им придется расплачиваться за пролитую кровь.

Я рассказал об этом Г. К. Жукову, он заулыбался и говорит: все равно мы им предъявим полный счет за зверства у нас в стране.

Мы с Коротковым в эти дни нередко слушали немецкое радио, благо, он хорошо знал немецкий язык и был в Берлине резидентом НКГБ.

Так вот, в Берлине, да по всей Германии, был фюрером издан приказ, что все немцы от 16 до 60 лет, освобожденные от армии, должны были включиться в борьбу с большевиками, которые шагают по Германии. Обучение возлагалось на штурмовые отряды СА с общим подчинением Гиммлеру.

Этот приказ подписали Гитлер, Борман* и Кейтель*. Кроме того, Кейтель, Гиммлер и Борман в начале апреля подписали приказ, что все города между Берлином и Одером объявляются крепостями.

Мы смеялись с Г. К. Жуковым, когда я ему рассказал об этих передачах. Раз уж немцы дошли до этого, то дело у них кончилось.

Фольксштурм это не вояки[288].

Последний и решительный...

Наконец завтра наступает долгожданный день — 16 апреля, когда наши войска пойдут в последний и решительный бой, с тем чтобы овладеть гитлеровским гнездом — Берлином. У нас главный удар наносился с кюстринского направления. Четыре армии наносили удар в лоб, на Берлин, а две танковых — в обход — одна с Севера, а другая с Юго-Востока.

С вечера позвонил маршал Жуков и говорит: «Давай поедем вместе на командный пункт и будем оттуда наблюдать за ходом боя и руководить войсками».

Я спросил, во сколько. Он говорит: «Надо приехать к двум часам ночи». Так как я дорогу слабо знал на высоту, а посылал днем шофера для ее уточнения, поэтому я сказал, что приеду к нему к часу ночи.

В темноте Жуков, Телегин* и я поехали и долго крутились по лесу, наконец, подъехали к палаткам, а дальше пошли на командный пункт 8-й гвардейской армии (Чуйкова), который расположился на возвышенности — метров 80–90 высотой.

Когда поднялись, Жукову командующий армией Чуйков доложил обстановку по карте с подсветом ночными фонариками. Тут же были и другие генералы 8-й армии (артиллеристы, танкисты, связисты). Затем сели и минут 25–30 разговаривали, попили чайку, а минуты так медленно тянулись.

Все-таки у каждого из нас было хоть и боевое настроение, но возникали какие-то тревожные вопросы, смысл которых сводился к беспокойству, чтобы все получилось хорошо в этом грандиозном наступлении, ведь это последнее наступление, которым мы должны покончить с Гитлером и его сообщниками, ввергшими мир в кровопролитную войну.

С рассветом была назначена артподготовка. За 5 минут до начала мы услышали гул самолетов: это шла дальняя авиация, которая была придана фронту, и ею командовал маршал авиации Голованов, идет на бомбежку переднего края противника. Причем большинство самолетов были транспортные — Си-47. В эти дни наша авиация уже не боялась гитлеровских истребителей.

К сожалению, и в этом большом деле не обошлось без неприятности. Наши прожектористы, неизвестно почему, навели на один самолет два луча, и зенитчики от крыли по нему огонь. Самолет загорелся и полетел на землю. Также мы увидели еще горящий самолет, который пошел на снижение, но не знаем, чем дело кончилось.

Жуков, увидев, что свои сбили наш самолет, страшно возмутился, приказал немедленно передать зенитчикам, чтобы прекратили огонь по своим. Бомбежка и артобстрел продолжались минут 30, затем взлетели ракеты, после чего прожектористы включили прожекторы, больше 100, которые осветили, как днем, немецкий передний край. Артиллеристы открыли по нему ураганный огонь. Ракетчики стали накрывать немцев катюшами[289].

Зрелище было невероятное. Трудно что-либо подобное себе представить, и я не смог бы описать. Немцы ответили пулеметными очередями и затихли. Достаточно сказать, что на километр фронта стояло до 120 артиллерийских орудий, а всего были тысячи орудий...

Начинало светать. Г. К. Жуков начал отдавать дальнейшие распоряжения. Пехота с криками

«Ура!» пошла в атаку. Того, что мы ожидали, т. е. что пехоте, возможно, будет оказано сопротивление, ничего не было. Мы видели, как вначале пехота шла развернутыми отделениями, а когда увидели, что немцы не оказывают сопротивления, то пошли взводными колоннами.

Подождав еще немного, я сказал Жукову, что хочу проехать к переднему краю немцев, посмотреть. С командного пункта было видно, что уже наши войска продвинулись километра на полтора. Взял свой бронетранспортер, сел в «Додж» и поехал. Так как мы находились на плацдарме по ту сторону Одера, то нам не пришлось пересекать эту реку.

Когда мы подъезжали к переднему краю немцев, то увидели изломанную линию окопов. Было уже светло. Почти каждый метр был изрыт артиллерийскими снарядами, реактивными катюшами или авиабомбами.

Подъехав вплотную к окопам, мимо которых прошли уже наши части, я остановился, вышел и посмотрел, что там есть. Оказалось, в окопах разрозненно сидели, прижавшись друг к другу, немцы, все в грязи, испуганные, некоторые из них раненые. Там же в окопах валялись и убитые.

Я приказал через переводчика вылезти немцам из окопов. Как и полагается дисциплинированным немцам, они еще в окопе подняли руки вверх и начали жалобными голосами говорить: «Гитлер капут». Когда вылезли, я коротко спросил, кто они, но все вопросы оказались напрасными, у них был безумный вид, они ничего не соображали и только повторяли: «Гитлер капут». Видимо, их ошеломила арт- и авиабомбежка и они потеряли рассудок.

Я поехал дальше. За передним краем, километрах в двух, стоял отдельный каменный особняк. Впереди его был немецкий окоп.

Там оказался один немец, у которого я спросил, что это за дом. Оказывается, это вилла фельдмаршала Паулюса. От этой виллы остались рожки да ножки.

Внутри дома все было разбито. Садик, который находился вокруг, был весь сожжен.

Дальше войска также не встретили сопротивления немцев, которого мы ожидали. Но вместе с этим следует отметить, что все же немцы успели предупредить свое командование в Берлине о нашем наступлении. В этом я убедился, отъехав от дома Паулюса полкилометра.

В небе появились самолеты «Фокке-Вульф». Они развернулись, снизились до бреющего полета и начали поливать из пулеметов идущие наши мелкие колонны, а также мои два автомобиля. Мы бросились по канавам, благо, что вокруг дороги росли крупные тополя в два обхвата и можно было легко укрыться от пуль.

В этот день стояла солнечная погода, как по заказу для нас. Успех наступления наших войск был несомненным, причем видно было, что войска горят желанием как можно скорее двигаться вперед к Берлину, и действительно «рванули» неплохо. Я двигался вместе с частями и видел, как бойцы самоотверженно действовали, бдительно следили за обстановкой и несли караульную службу. В частях материального обеспечения по снабжению боеприпасами также чувствовалась боевая обстановка, одним словом, рвались все в бой.

Ведь в эти дни достаточно было посмотреть на солдат и командиров, так сердце радовалось подтянутые, выбритые, белые воротнички подшиты, в глазах радость, ни одною вялого, ну любо смотреть. И чувствовалось, какое единство мыслей, желание закончить войну и вернуться домой.

Я нередко разговаривал с ними на эти темы, они хоть и стесняются об этом говорить, но

чувствуется, что они защищают родину, нашу социалистическую, вспоминают дом, родных и нередко можно было услышать грустные слова, что немцы расстреляли сестру или мать, что отец погиб на фронте.

На следующий день наши танковые части наткнулись на неожиданное препятствие — Зееловские высоты. В районе Зееловских высот немцами были выставлены артиллерийские батареи, которые мало того, что обстреливали наших танкистов, но вследствие незнания этого участка местности танкисты попали в заболоченный участок и застопорились.

Немцы в Берлине на следующий день пришли в себя и стали посылать на главное направление наступления бомбардировщики. Кроме того, этот район был усилен войсками, так как позади Берлин. Было разбито несколько танков.

В общем, произошла задержка на этом участке фронта. Остальные успешно продвигались, однако при занятии некоторых населенных пунктов уже стали захватывать стариков и мальчишек 15–16 лет, вояк с «фауст-патронами», которыми подбивали танки.

Как потом удалось установить, оказывается, по приказу Гитлера, который приводил выше, а выполнял его комендант города Берлина генерал-лейтенант артиллерии Вейдлинг*, мобилизовал 15-16-летних мальчишек и 65-летних стариков для отражения наступления русских.

Этих юнцов и стариков обучили стрельбе из ружей, в которые вставлялись кумулятивные снаряды с дальностью до 200 метров, которые должны встречать в лоб идущие советские танки и стрелять по ним.

Кстати сказать, ряд танков на этом деле и пострадали. Такой снаряд в головной части имеет высверленную в заряде воронку. При ударе такого снаряда о броню танка воздух в воронке взрывом очень сжимается и разрывает броню танка. Такие наши снаряды мы с В. Малышевым и Д. Устиновым в 1941 году проверяли на стрельбищах под Москвой.

В конце первого дня наступления я созвонился с Г. К. Жуковым, который сказал, что он дважды говорил со Сталиным. Первый раз днем, доложил, что оборону прорвали и продвинулись до Зееловских высот, а с высот немцы оказывают сильное сопротивление[290]. А второй раз Сталин был уже сердитый, и высказался, что Коневу с юга и Рокоссовскому с севера Ставка дает указание наступать на Берлин.

Мне стало как-то не по себе. Хотелось, чтобы наш фронт один взял Берлин. Я сказал, что надо, по-моему, обойти высоты и двигаться на Берлин, так как настроение бойцов и офицеров исключительно боевое и рвутся на Берлин. Георгий Константинович сказал, завтра прояснится.

На следующий день, когда танкисты нашего фронта обошли и двинулись вперед, 8-я армия все еще не смогла прорваться через Зееловские высоты, и лишь 18 апреля к утру немцы не выдержали и начали отступать.

Через сутки мы с В. Д. Соколовским были на КП у командира бригады Шевченко*, и мне В. Д. сказал, что наступление на Берлин Рокоссовскому Ставка отменила. Однако танковые армии Рыбалко* и Лелюшенко*, 1-й Украинский фронт, направились на Потсдам.

После первых четырех дней наступления штаб 1-го Белорусского фронта переместился в населенный пункт Гарай. Это было уже недалеко от Берлина.

Я со своими товарищами разместился с краю деревни, сидел и допрашивал немцев. Вдруг слышу пулеметную стрельбу. Вместе с Тужловым я выскочил на улицу с маузером, грешным делом подумал, что какая-нибудь заблудившаяся немецкая часть решила овладеть

населенным пунктом.

На улице я увидел, что наши солдаты пуляют вверх из автоматов, пистолетов, и даже бронемшины тоже открыли огонь. Я подскочил к первой машине, спрашиваю, в чем дело. Мне офицер отвечает: «Товарищ генерал, разведчики наши видели Берлин». Это было 20 апреля. Пока что о Берлине в наших радиосообщениях еще ни разу не сообщалось...

В следующие дни, примерно до 20 апреля, я выезжал на передний край и оттуда наблюдал фабричные трубы и отдельные дома Берлина. Карту Берлина я добыл у одного военнопленного офицера, хотя и замусоленную, но все же по ней следил.

От этого же военнопленного я узнал, что Гитлер в последние дни организовал «Вервольф» — диверсионно-террористическую организацию «Оборотень», которые должны были взрывать важные объекты и уничтожать ненадежных Гитлеру немцев. Но доберемся мы и до «оборотней» и посмотрим, что это за вояки[291].

Протез для Геббельса

Когда войска 1-го Белорусского фронта были в 30 км от Берлина, в деревне Губельдорф была задержана немка 28 лет, с чемоданом, в котором были обнаружены мужские ботинки. Причем один ботинок был на пробковом протезе, что и привлекло наше внимание.

Мы выехали в эту деревню и стали выяснять у задержанной, для кого она несет эти ботинки. Высколенная немка без смущения отвечала, что это она заказала для жениха.

На мой вопрос, что с ногой жениха, она ответила, что одна нога у него короче другой. Тут же был задан вопрос: «Которая?» Немка быстро ответила: «Левая».

Я вынул из чемодана правый ботинок с протезом и говорю, сколько лет вы знакомы со своим женихом, она, смутившись, отвечает: «Три года».

Тогда я, положив перед ней ботинок, сказал, что за три года можно было бы уже знать, что у жениха не левая короче, а правая, и ботинок для правой ноги.

Тут она уж совсем растерялась. Я этим воспользовался и говорю, что мне все известно, куда вы ходили и для кого несете ботинки. Она заплакала и зло сказала, что все равно ничего не скажет. Я о ней ничего не знал.

Пришлось засесть с ней посерьезнее, и удалось выяснить следующее: эта немка являлась секретаршей Геббельса (заместитель Гитлера по пропаганде), работает у него уже более 5 лет. На днях он ей разрешил съездить к родным в пригородную от Берлина деревню и попутно в Берлине взять у сапожника заказ (его ботинки). Она все это выполнила, а вернуться в Берлин не удалось в связи с быстрым продвижением Красной Армии.

Эта упорная немка отвечала, что «не помнит, хромает ли доктор Геббельс», не говоря уже о том, что вначале сказала, что «не знает, как к ней попали ботинки шефа». Большого нам у нее пока не удалось выяснить, но мы её придержали у себя. Вот в таких условиях нам пришлось собирать нужные данные.

«Говорю из Берлина...»

Все-таки нужно сказать, что впечатление, а вернее настроение исключительное — не потому, что наши доблестные советские войска подошли к фашистской столице и вот-вот ее займут.

Эта история имеет место всего лишь второй раз. Первый раз русская армия занимала Берлин во времена Суворова и второй раз — апрель 1945 года. О Берлине я мечтал 4 года, когда возможно удастся захватить Гитлера и его головорезов под Берлином и в Берлине, посмотреть фашистские порядки, которые там существовали, и все-таки самое главное — захватить живым или мертвым кого-либо из числа «фюреров»[292].

На следующий день мы уже ближе подходили к Берлину. Когда нас на КП собиралась группа человек 10–12, немцы открывали огонь минометный. Это свидетельствовало о том, что в предместьях Берлина имеются воинские части. Немецких самолетов и их наглого поведения, как это бывало в прошлом году, когда они на бреющем полете обстреливали наши колонны, не было и в помине.

Я решил войти в Берлин с армией генерала Берзарина, которая действовала с запада на Лихтенбергский район города.

День 21 апреля для меня незабываемый день, и очевидно, самый длинный день по событиям. С утра я выехал по шоссе Берлин-Варшава, как потом выяснилось, это привело в Лихтенбергский район Берлина. Берлин был как на ладони.

Не доезжая километра 3 до Берлина, был сильный минометный огонь со стороны немцев. Я забежал за дом, а там стояли танкисты, которые предупредили, что дальше ехать нельзя: они попытались прорваться в город, а немцы обстреливают танки «фаустпатронами», подбили наших несколько танков, которые двигались по шоссе. И я действительно в бинокль увидел впереди стоящие на шоссе дымящиеся танки, а также и по обе стороны шоссе, когда танки решились обойти подбитых и застряли в болоте.

В пригороде Берлина расположены дачные участки, маленькие домики. Вдоль шоссе, где немцы подбили наши танки, часто друг от друга росли громадные тополя, обойти горящие танки было невозможно. Пехота залегла. Когда я рассмотрел все это, мне как-то обидно стало, что мы не первыми войдем в Берлин. Столько готовились, и вдруг остановились.

Я нашел командира танкового батальона и говорю, доложите ваше решение. Он мне докладывает, что по шоссе двигаться нельзя, так как в дачных домиках сидят немцы с фаустпатронами и бьют наши танки. А обойти шоссе опасаются, так как болотистая местность и местами есть участки, залитые водой.

Я тогда спрашиваю: «А вы знаете, откуда стреляют?» Он мне показал в бинокль, откуда немцы стреляют, а именно несколько домиков, откуда немцы подбили танки и продолжают стрелять фаустпатронами.

Затем я спрашиваю: «И долго будем стоять?» — Стоит и молчит. Тогда я ему приказываю: развернуть пять танков для стрельбы прямой наводкой по этим домикам.

Командир батальона посмотрел на меня с удивлением, однако скомандовал приготовить орудия. Поставили танки на расстоянии 10–15 метров в линию. Я подошел к танкистам, поговорил с наводчиками орудий, проверил в панораму перекрестие, наведенное по домам, прицел и скомандовал: огонь. Танкисты с радостью открыли огонь.

Один дом загорелся, другой, и было видно, как из соседних домов выбегали немцы. Я залез в танк и как бывший артиллерист навел панораму на дом и сделал несколько выстрелов. Одним словом, в течение полчаса эти домики были обезврежены и из них уже не стреляли...

Ура! На сердце радость. Мы врываемся в Берлин и не отстаем от других частей нашего фронта. Ведь четыре года упорных боев с фашистами остались позади. Сейчас наша взяла. Победа!

За нами справа и слева поднялась пехота и пошла, постреливая больше от радости, что подходят к Берлину.

Эти три километра мне показались долгими, так хотелось быть в этом фашистском логове. Наконец мы уже едем по улице. Пехотинцы тоже подтянулись и, прикрываясь танками, с автоматами наизготовку идут. На лицах радость. Танкисты хоть и не видят, но машут рукой.

Продвигаясь по улицам, мы видели 5 — 6-этажные дома и другие признаки большого города. Правда, немцев никого не было. Я поехал дальше. Смотрю, на одном из поворотов стоит наш регулировщик с флажком. Я спрашиваю: а где начальство? К моему удивлению, регулировщик говорит: только что проехал командующий армией Берзарин налево. Я за ним. Увидел пыль и туда.

В общем, догнал Берзарина, и поехали выбирать дом, где бы расположиться. Он показал на большой дом и сказал, я отсюда буду руководить войсками. Сюда телефонисты подтянут связь. Я ему указал на дом напротив и сказал, что в этом доме я остановлюсь. А связистам передайте, чтобы и мне ВЧ-связь. В то время я руководил ВЧ-связью НКВД.

Попрощавшись наскоро с Берзариним, я ему сказал, что наконец-то добрались до Берлина. Мы поздравили друг друга с вступлением в Берлин.

Затем я поехал по улицам Берлина. В одном месте мы увидели большое количество людей. Подъехали — оказалось, интернациональный лагерь военнопленных, загороженный проволокой. Там были французы, голландцы, бельгийцы, украинцы, русские и другие национальности.

Нас обступили, но охранявшие их украинцы не отходили. Я тогда прогнал «охранников» и сказал: «Расходитесь по домам».

Некоторые стали робко задавать вопросы: «А мы французы, куда нам?» Я ответил: «Во Францию». Подскочил один из украинцев-охранников и говорит: «А нам тоже можно до хаты?» Радости у них не было конца. Меня бросились целовать и благодарить Красную Армию.

На стенах многих домов в Берлине довольно часто были отштампованы силуэты мужчин в рост, в шляпе, с поднятым воротником, идущим спиной к зрителю. Под силуэтом надпись, по-нашему у эти три буквы как пш...ш... «внимание». По-немецки, как мне рассказали немцы, это предупреждение берлинцам, что кругом шпионы, не болтайте, остерегайтесь!

Затем, проезжая далее, мы увидели в одном месте лестницу и вход в какое-то подземелье. Вышли из машины. Стали спускаться. Спустились метров на 8-10 и увидели громадный тоннель с рельсами и там человек двести немцев.

Когда мы входили к этим людям, они как-то сжались и боязливо на нас поглядывали. Через переводчика спросил, что это за люди. Оказалось, жители Берлина. Затем я, указав на железнодорожную линию, спрашиваю, что это такое. «Это берлинское метро». Тут уж я окончательно убедился, что нахожусь в Берлине.

Затем я решил все-таки найти командующего 2-й танковой армией генерал-полковника Богданова* и сказать о недостаточной оперативности танкистов. У командира батальона узнал, где штаб армии, и поехал туда.

Захожу туда. Там сидят офицеры и мирно беседуют с девушками. Спрашиваю: где командующий, мне подполковник отрапортовал, а ответа на вопрос не дал. Через две минуты, смотрю: появляется генерал-лейтенант Алексей Радзиевский*, начальник штаба танковой армии. Вижу, что «служба» поставлена неплохо: уже успели сообщить, что в штаб нагрянул какой-то начальник.

Поздоровались. (С Радзиевским мы вместе кончали академию Фрунзе.) Я спрашиваю, где Богданов, Радзиевский замялся. Я тогда, возмущившись, сказал — веди к Богданову. Оказывается, дом, где мы находились, был подсобным, а по соседству в доме находился Богданов.

Говорю Радзиевскому: «Иди со мной». Он по дороге мне говорит: «Товарищ генерал, возможно, генерал Богданов отдыхает, удобно ли?» Я говорю: «Удобно ли среди белого дня отдыхать, когда войска уже в Берлине!»

Вошли в дом. Выскочила девушка. Я спрашиваю: «Где генерал?» Заминка. Затем через минуту выходит Богданов в пижаме, с помятым видом. Поздоровались. Я разозлился, что в такой ответственный момент командующий танковой армией в 2 часа дня находит время почивать, когда его войска уже ворвались в Берлин.

Я напустился на него, говоря, что безобразие с его стороны в такое время отдыхать. Он начал оправдываться, что всю ночь не спал. Тогда я не стал с ним больше говорить. Радзиевский, как и следовало в таких случаях ожидать от него, уже скрылся. Спрашиваю: «Где телефон ВЧ?» Богданов мне показал.

Я поднял трубку, попросил соединить с Г. К. Жуковым. Я ему рассказал всю эту историю и говорю в конце, что если бы командующий более активно руководил танкистами, то думаю, что еще скорее наши войска были в Берлине.

Жуков взорвался и говорит мне: «Вот стервец, дай трубку Богданову». Я передал трубку, и дальше началось: Богданов в пижаме стоял навтыжку перед телефоном и, заикаясь, говорил: «Есть, слушаюсь, так точно, никак нет». Ну, видно Г. К. давал ему духу.

Я не стал больше разговаривать с Богдановым и ушел, не попрощавшись. Радзиевский, ожидавший у крыльца, меня проводил до машины, все время оправдывая своего командующего.

Вернувшись в Берлин, я поехал к выбранному дому. Войдя в дом, послал адъютанта осмотреть двор и соседние квартиры и кто там живет. Кроме дворника, никого в доме не было. Узнали, что в нем жили частные лица. Во дворе стояла дальнобойная пушечная батарея. Бойцы краской писали на снарядах: «Смерть Гитлеру», «По рейхстагу» и другие «приветствия», а на пушках: «Постарайся, голубушка, скоро отдохнешь».

Слева от домика, для стрельбы в направлении рейхстага еще становилась на огневые позиции батарея тяжелых гаубиц. Солдаты рыли окопы, выгружали снаряды и готовились к стрельбе. Поговорил с ними. У всех радостные лица: наконец-то пришли в Берлин.

И тут же, как свойственно нашему, русскому человеку, проявилась беспечность: ходили в полный рост, разделись до рубашек, никакой охраны не выставили, были в полной уверенности, что теперь они уже хозяева положения. Когда я им на это указал, они, улыбаясь, отвечали: товарищ генерал, теперь мы немцев не боимся, они нас боятся.

В последние месяцы войны я чувствовал гордость за наш советский народ, за воинов, которые в тяжелые дни войны не струсил и выдержали борьбу против вооруженного гиганта — гитлеровской армии, побеждали ее до последних дней.

Я был горд, что тоже являюсь таким же русским, как и наши бойцы, и так же, как и они, приложил руку для того, чтобы ковать победу. Я горд этим и до конца жизни буду гордиться, что принимал участие в защите Родины, в Великой Отечественной войне...

Доложили о готовности ВЧ-связи. Я сел писать в Москву короткое донесение, в котором изложил, что нахожусь в Лихтенбергском районе Берлина, описал встречу с узниками разных национальностей концлагеря, затем станцию берлинского метро и находившихся в нем жителей Берлина.

Соединился с Москвой и передал по ВЧ эту записку в НКВД СССР. По опыту прошлых событий, я уже знал, что после такого донесения нельзя уезжать, так как могут вызвать.

И действительно, не успел Тужлов вскипятить чай, как раздался звонок по ВЧ. Я поднял трубку, и телефонистка сказала: будете говорить по «большой молнии».

В трубке я услышал голос Поскребышева (помощник Сталина). Он спросил, откуда я говорю. Я ответил: «Из Берлина». Что-то еще видимо хотел сказать, но трубку взял Сталин.

Я услышал голос Сталина: «Откуда вы говорите?» Я отвечаю: «Из Берлина». — «Как так из Берлина, ведь еще Берлин не взят». Я говорю, что Лихтенбергский район является одним из первых районов, в который вступили наши войска. Штаб командующего армией генерал-полковника Берзарина также находится недалеко от дома, где я нахожусь.

Товарищ Сталин на это говорит: «А от Жукова нет донесения, что войска уже ворвались в Берлин». Я сказал, что, очевидно, сегодня будет. Он попрощался и повесил трубку. Я тут же позвонил по телефону Жукову, сказал об этом разговоре и посоветовал ему послать донесение Верховному, чтобы знал об этом.

На подступах к Рейхсканцелерии

Какая радость — мы в Берлине! Ну, теперь-то мы добьем фашистов. На Берлин у нас нацелены: 5-я ударная армия генерал-полковника Берзарина, в обход 2-й гвардейской танковой Богданова, и 3-я ударная армия генерала Кузнецова В. И., и 8-я гвардейская армия Чуйкова.

Ночью я почти не спал от грохота артиллерийских снарядов. Как потом я утром выяснил, командир батареи приказал командирам орудий всю ночь стрелять попеременно по рейхстагу, а сам лег спать.

И вот командиры орудий, соревнуясь между собой, всю ночь лупили по рейхстагу. Надо было представить, какой грохот был при каждом выстреле, когда стреляло тяжелое орудие возле дома.

Утром 22 апреля, наскоро позавтракав, мы выехали в направлении Рейхстага. Как раз в это время танки продвигались вперед, а под их прикрытием двигалась пехота. Наша авиация прилетала на небольшой высоте на бомбежку Берлина. В небе были видны отдельные разрывы снарядов зенитной артиллерии немцев, которые расположились в центре города.

За весь день я видел только три немецких бомбардировщика, которые беспорядочно разбрасывали бомбы над Берлином в расчете на то, что там могут оказаться русские войска. Но это была уже не та авиация — наглая немецкая авиация, которая на бреющем полете преследовала отдельные группы наших солдат и даже отдельные автомашины. Жителей Берлина почти не было видно.

Отдельные немцы выглядывали из подворотни или встречались изредка дворники в парадной форме, да и те при подходе наших танков или войск старались укрыться во дворах. Разрушенных домов было порядочно, но не так, как я ожидал. Количество вылетов в предыдущие дни на Берлин было столь велико, что, мне казалось, половины Берлина нет.

Поздно вечером, вернувшись в тот же дом, я позвонил в Москву и коротко проинформировал об обстановке. Рано утром 23 апреля опять выехал в город.

Продвигаясь вперед, мы попали под обстрел, я даже и не понял, нашей артиллерии или немецких самолетов, гул которых слышался, и заскочили во двор большого дома. К нам подошла немка лет 45, раскрасневшаяся со слезами на глазах и начала что-то говорить. Я сказал переводчице из штаба армии (которую взяли с собой у Берзарина), чтобы перевела. Переводчица, девушка лет 22-х, покраснела и сказала: «Жалуется на наших солдат».

В течение последующих пяти дней войска 1-й и 2-й танковых гвардейских армий, а также 3-й, 5-й и 8-й ударными армиями бились за овладение Берлином. В центре Берлина сопротивление немцев усилилось, особенно когда наши войска вышли к реке Шпрее, с высокими берегами. Немцы мосты через этот канал прикрывали артиллерийскими орудиями. Многие здания были превращены в крепости, где засели немцы, а между домами были сообщения, через которые снабжались оружием.

Нужно сказать, что бой в городе — необычное явление, а тем более эти бои неудобны в условиях Берлина, где прямые улицы простреливаются во всю длину. Поэтому я считаю, что совершенно правильно было принято решение командармами Берзариним, Чуйковым и Кузнецовым просачиваться отдельными мелкими пехотными подразделениями, овладевая дом за домом, стремясь к основной цели — Рейхстагу, хотя он не представлял ничего особенного. 24 апреля мы были уже у рейхсканцелярии.

Взятие Рейхстага, как я себе представляю, это, собственно говоря, символ Победы, свидетельствующий о том, что столица фашистской Германии взята, а тем самым Германия должна капитулировать. И как оказалось, особенных укреплений вокруг Рейхстага немцы не возвели, но сопротивление было оказано значительное, которое длилось до 2 мая утра. И особенную неприятность создавала река Шпрее с ее высокими каменными берегами.

В течение двух дней 29–30 апреля мы за танками продвинулись в район, где находилась рейхсканцелярия Гитлера.

Наши войска 3-й ударной армии и 5 гвардейской армии бились днем и ночью, сменяя друг друга. В эти дни мы шли вместе с бойцами, с тем чтобы выполнить указание Верховного и захватить Гитлера и его головорезов.

Судя по сопротивлению, видно было, что немцы все, что у них было и не разбежалось, бросили на оборону этих кварталов Берлина. Было много раненых и убитых наших бойцов. Особенно раненных осколками от мин и камней.

Наконец к вечеру, 30 апреля, мы добрались почти вплотную к рейхсканцелярии, и виден был Рейхстаг.

Ночью автоматная стрельба несколько утихла, но артиллеристы долбили по плану, методично.

В ночь на 1 мая поспал немного в бронетранспортере и, как только стало светать, опять в роту, которой была поставлена задача овладеть рейхсканцелярией.

Самое неприятное было — это перебежки от дома к дому. Немец сидит и видит, что бежим и сразу огонь из автомата, а нам-то бежать. Да и пули довольно неприятно шлепаются с визгом

в стены домов.

В поисках фюрера

Весь день 1 мая бились наши бойцы. Подразделения, которые шли к Рейхстагу под прикрытием танков, уже подошли к Бранденбургским воротам, и мы видели колонны этих ворот, а правее их — здание Рейхстага. Нам было обидно, что никак не можем прорваться в рейхсканцелярию, туда, где должен быть Гитлер.

1 мая я на бронетранспортере поехал в дом, где уже ночевал одну ночь, так как там была ВЧ-связь.

Созвонился с начальником штаба фронта Малининым М. С., который рассказал, что сегодня днем на КП к Чуйкову прибыл начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Кребс* для переговоров с Верховным о перемирии...

Кребс показывал завещание Гитлера, что он уходит из жизни (застрелился) и всю власть передает гросс-адмиралу Деницу*. Завещание подписано Гитлером и свидетелями. Затем М. С. добавил, «так что, Иван Александрович, тебе Гитлера живым уже не взять».

Мне стало как-то неприятно, что живым не взять. Я спросил М. С., а когда Гитлер застрелился? Он ответил — вроде днем 29 апреля. Тогда я еще спросил у него, от имени кого же приехал Кребс. М. С. ответил: «От заместителей Гитлера — Бормана и Геббельса, с тем чтобы вести переговоры о перемирии с Красной Армией».

Ну, а дальше переговоры развивались так. Когда Чуйков доложил Георгию Константиновичу Жукову о прибытии Кребса и его полномочиях вести «на равных» переговоры, как с законным немецким правительством (Геббельс и Борман), Георгий Константинович Жуков посылает для переговоров Соколовского Василия Даниловича (1-й заместитель командующего фронта). Василий Данилович уточняет, где находится Дениц, оказывается, в Мекленбурге.

Затем Василий Данилович заявляет, что никаких переговоров, только капитуляция. Кребс просит послать прибывшего с ним полковника фон Дуфвинг* к Геббельсу. Затем просит дать связь с рейхсканцелярией и ведет разговор с Геббельсом, который просит Кребса приехать в рейхсканцелярию для обсуждения. Пока немцы совещались, наши войска вовсю били по Берлину. На ряде участков немцы стали сдаваться, выбрасывая белый флаг.

Наша артиллерия к утру 2 мая усилила огонь по Берлину. Затем, около 4 часов утра 2 мая появился полковник фон Дуфвинг и от имени начальника берлинского гарнизона генерала армии Вейдлинга передал его решение о капитуляции войск берлинского гарнизона, а сам со штабом сдался в плен.

Затем явился в штаб к Чуйкову заместитель Геббельса, который сообщил о Геббельсе и его семье, что их нет в живых, а Фриче* готов капитулировать и просил выступить по радио к войскам и населению прекратить сопротивление.

Все наши условия были Фриче выполнены и к 12 часам дня 2 мая Берлин капитулировал.

Утром 2 мая наши бойцы уже окружили рейхсканцелярию и выставили кругом танки. Медленно продвигались все ближе и ближе. Рейхсканцелярия не выходила прямо на улицу, а была в некотором углублении.

Когда мы пошли туда, стрельба уже прекратилась, только некоторые бойцы для уверенности

давали короткие очереди.

Внешне рейхсканцелярия ничем не выделялась от соседних домов, только при входе в здание был застекленный купол, в стенах которого большие окна. Кругом здания валялись стекла и рамы, и было много воронок от артиллерийских снарядов. Видно <было>, что артиллеристы постарались.

Когда вошли в помещение, то оказалось, что в купол попал тяжелый артиллерийский снаряд, который разорвался под полом и вырвал весь пол. Остались лишь небольшие, с полметра шириной кромки у стен.

Держась за руки, мы прошли по этим кромкам в небольшой, но широкий коридор, который закончился просторным, длинным залом с высоким, метров 12–15, потолком. Стены зала были отделаны мозаикой с изображением крестоносцев и других рыцарей. Справа в стене была невысокая дверь, которая вела в зал таких же размеров, но расположенный перпендикулярно.

Осмотрев пустые залы, мы вышли в соседнюю большую комнату. У окна, выходящего в парк, стоял массивный мраморный стол, как мы потом узнали, за которым работал Гитлер. Из этой комнаты выходила налево просторная комната, а направо небольшой коридор с тремя ступенями вверх.

На ступенях лежал, распластавшись, труп мужчины в черном костюме с жилетом. Когда мы подошли ближе, я сразу же решил, что это Гитлер. Черные волосы свисали на лоб, с усиками, все как на портретах Гитлера. Я про себя подумал, что мне везет. Сразу нашел то, чего ждал 4 года. Хоть мертвый, но Гитлер.

Оставив своего офицера у трупа, я поднялся по ступенькам и вышел в большой парк с редкими, толстыми деревьями, многие из которых были поломаны взрывами авиабомб и <было> много глубоких воронок.

Пройдя метров 30, мы подошли к глубокой воронке, и нашим глазам представилась следующая картина: посредине воронки веером лежали 35–40 офицеров СС в форме. У некоторых пистолеты зажаты в руках. Стрелялись по-разному. Кто в голову — тот в крови, кто в сердце — крови не видно.

Мы стояли и рассуждали — и тут у немцев проявилась дисциплина, все по команде старшего застрелились, лишь бы не достаться русским, которым они больше всех принесли несчастья и которых боялись. Вышколенные эсэсовцы трусили встать перед правосудием народов.

В конце сада мы увидели человека, который ходил с палкой. Позвали его к себе. Подошел старый сгорбленный мужчина 65–70 лет, с блуждающим видом. На задаваемые вопросы отвечал медленно, со скорбью в голосе.

Повели его к трупу, лежавшему на ступеньках. Я спросил: «Фюрер?» Он ответил: «Нет, фюрер старше». Мне стало неприятно, что мы ошиблись. Вглядевшись в лицо трупа, мы убедились, что ему лет 45–47, в то время как Гитлеру было 56 лет.

(Тут я сделаю некоторое примечание к записям моих дневников, которые до сих пор приводил.

В 1945 году и позже я неоднократно видел в газетах и журналах фотографию этого «Гитлера» в разных позах. Даже один корреспондент притащил его в воронку, где лежали застрелившиеся офицеры СС, и на их фоне преподнес читателям этого «мертвого Гитлера». Другой сделал не менее оригинально. Половину этого трупа «Гитлера» прикрыл немецким знаменем со свастикой и поместил в газетах фотографию.

В общем, этого «Гитлера» так затаскали журналисты и корреспонденты, что уже в описании некоторых указывалось, что «труп Гитлера извлекли из котлована в рваной одежде» и т. д.).

Огорченные неудачей, что труп не был Гитлером, мы вновь пошли по парку. У противоположной каменной стены парка мы увидели бетонную сигарообразную колонну, высотой 3 метра, со шпилем наверху.

Когда подошли ближе, то колонна оказалась радиостанцией с антенной наверху. В пяти метрах была невысокая постройка с крышей, со ступеньками вниз, откуда жалил густой едкий дым. Мы спросили у старика, что же это за сооружение. Он нам монотонно ответил: «Бункер фюрера».

Нужно сказать, что наши неоднократные попытки выяснить у этого старика что-либо существенное, интересующее нас, были безуспешными. Он как-то безразлично смотрел на нас или отвечал невпопад. Я не исключаю умопомешательство в результате пережитых дней бомбежки и самоубийств его начальников. Видимо, после падения Германии на него уже ничто не производило впечатления.

Мы все же, переждав немного, решили спуститься вниз, по ступенькам с фонариком, держась за руки. Спустившись ступенек 8, была площадка, а затем поворот в обратном направлении, еще столько же ступенек вниз. Это, очевидно, сделано для спасения от взрывной волны. Стены бункера бетонные, толщиной до 1 метра, грубо отделанные.

Войдя вниз, мы увидели длинную комнату метров 15 и шириной 5 метров, в конце которой горели обрывки бумаг. Слева у стены были сделаны тесовые нары в два ряда. На верхней полке лежали 4 мертвых девочки в возрасте от 4 до 13 лет (а не 5 и не 6, как пишут журналисты). Вид их был довольно естественный, они словно спали.

Напротив нар был короткий коридорчик, из которого было два входа слева в маленькую, метров 6, комнату, где стоял парикмахерский стул и приспособления для завивки волос, а справа тоже небольшую комнату, где стояли кровать и обтрепанный диван.

Во всех комнатах валялись сожженные бумаги и тряпки. Мы быстро поднялись наверх подышать воздухом. И нас постигла вторая неудача. Я все же думал, что в бункере мы найдем труп Гитлера, но и там его не было. Я приказал трупы девочек вывезти.

2 мая я еще раз побывал в рейхсканцелярии, но ничего нового нет. Ночью 2 мая немцы по радио передали, что прекращают военные действия и высылают парламентаров.

Утром (3 мая) мне доложили, что задержан заместитель Геббельса по пропаганде Фриче, поэтому решил с ним поговорить на месте, в рейхсканцелярии, и расспросить все, что он знает.

Когда мы приехали в рейхсканцелярию, там уже был Фриче. Это выше среднего роста немец, седоватый, лет 50, прилично одетый. Держался спокойно, и не чувствовалось, что он признает себя в чем-либо виновным.

Я решил с первых слов показать ему, что он один из главных виновников истребительной войны, развязанной Гитлером, поэтому довольно сухо сказал: «Так это вы по радио вдохновляли немецких захватчиков до последних дней, заявляя, что на фронте у вас временные неуспехи, что скоро дела поправятся, так как появится новое секретное оружие». Фриче улыбнулся, подобострастно закивал головой и сказал: «Что же нам было делать, когда вы уже вступили на территорию Германии».

Я мысленно взял на заметку, о каком это он секретном оружии говорил, и задал несколько вопросов, в числе их о секретном оружии. Фриче ответил: «Мне шеф, доктор Геббельс,

подробностей не говорил!» Ну, думаю, это ты врешь![293]

Затем мы пошли к бункеру и спустились вниз, где он рассказал, что Гитлер последние дни из этого бункера редко выходил в рейхсканцелярию, больше отсюда «руководил» войсками, так как американская авиация часто бомбила рейхсканцелярию. Я добавил, что русская авиация так же нередко вас посещала. Он молча закивал головой.

Поднявшись наверх, мы уселись на сваленное бомбой дерево, и я ломал голову, как подойти к основному вопросу, где же Гитлер, Геринг, Геббельс, Борман и другие фашистские руководители.

Затем как бы между прочим говорю: «А последние три дня вы перетрусили?» Фриче ответил: «И да, и нет». Я говорю: «Как вас понимать?»

Фриче, подумав, отвечает: «Мы уже видели неминуемую гибель Германии. Попытка связаться с американцами ни к чему не привела. Геринг, к тому времени находившийся в Берхтсгадене в их зоне, прислал 26 или 27 апреля Гитлеру телеграмму, чтобы он отрекся от власти и ушел в отставку, чтобы спасти Германию и покончить с войной. Фюрер рассвирепел и приказал арестовать Геринга, Вместо него командующим ВВС назначил генерала Грейма*. присвоив ему звание фельдмаршала. До последнего дня с Гитлером были Геббельс, Борман, начальник генерального штаба Кребс и я».

Потом, помолчав, Фриче сказал: «20 апреля праздновали день рождения фюрера, но это скорей было похоже на похороны, хотя и приходили с поздравлениями. В конце Гитлер произнес речь и сказал, что немецкий народ не оправдал наших надежд и оказался слабым». При этом привел пример, как сказал Гитлер про немцев: «Немцы вместо того, чтобы биться с врагами, встречают американцев и англичан с флагами».

«В тот же день было проведено совещание, — продолжал Фриче, — на котором решили, что Гитлер, Борман, Кребс и Геббельс остаются в Берлине, это и будет главнокомандование. Гиммлер и Риббентроп отправляются на север в Шлезвиг и будут пытаться установить связь с американцами.

На этом совещании обсуждались различные варианты обороны Берлина, в том числе и вопрос о необходимости повернуть немецкие войска с запада на восток против Советской Армии. Особенно надежды возлагались на армию Венка, которая должна была прийти на выручку берлинскому гарнизону». Потом, помолчав, добавил: «А эта армия существовала только на картах, а войск у нее не было, чтобы противостоять русским».

Вообще, Фриче, видимо, был нервно потрясен, хотя и пыжился, делая вид, что здраво рассуждает. У него не было никакой последовательности в рассказах, он перескакивал с одного вопроса на другой, долго думал и тёр лоб рукой.

Продолжая, далее Фриче сказал: «27 апреля Гитлер женился на Еве Браун, чтобы скромная фрейлин была его законной женой. На следующий день Гитлер в присутствии близких друзей написал завещание и составил список министров».

Потом я спросил: «Ну и что делает ваше новое немецкое правительство?» Он улыбнулся, пожал плечами и сказал только одно слово — «капут». Я же, продолжая свою мысль вслух, сказал: «Может быть, на запасном командном пункте находятся».

Он на это сказал, что «Майбах I и Майбах II в районе Цоссена были вашими танкистами заняты ещё 30 апреля». Я для себя сделал заметку, что это за запасные командные пункты.

Затем Фриче подумал и говорит: «А ведь из этих запасных майбахов Гитлер хотел руководить военными действиями, но ничего не вышло». Потом, как бы вспомнив, встрепенулся и

говорит: «Господин генерал, а за фюрером 28 апреля от Деница прилетал новый командующий ВВС фельдмаршал Грейм с женой Анной Райч* (известная немецкая летчица-ас) с тем, чтобы забрать фюрера на территорию, занятую немецкими войсками. При посадке ваши минометы обстреляли самолет, и осколком Грейм был ранен в ногу. Однако они добрались сюда, в бункер».

Кстати сказать, Унтер-ден-Линден — широкая улица, на которой ни справа, ни слева не было ни телеграфных, ни электрических столбов, поэтому посадка безопасна.

И далее Фриче продолжал: «Генерал Грейм, прибыв сюда, предложил фюреру вылететь с ним к Деницу. Гитлер отказался, заявив: „Я 12 лет руководил из Берлина немецким народом, который мне оказывал доверие, я ему благодарен, поэтому в Берлине и умру“. После этого генерал Грейм и Анна Райч улетели к Деницу. Затем поступило сообщение, что Гиммлер пытается договориться с англичанами о капитуляции. Гитлер возмутился».

Затем я, выдержав паузу, говорю: «Ну и что же теперь с вашим фюрером? Довоевался?» Он улыбнулся, полагая, что испытываем его, и спокойно ответил: «Вы, наверное, уже откопали его», показав рукой в сторону бункера.

Я промолчал, а внутренне был доволен, что дошли до главного. Затем встали и пошли к бункеру. По дороге я сказал своим, чтобы быстро сбежали и взяли у танкистов пару притороченных лопат.

Вокруг рейхсканцелярии стояли сплошные наши танки. Когда принесли лопаты, мы увидели в метрах 5 от бункера небольшое возвышение, но утоптанное, а Фриче прямо указал на него, дав понять, что зарыты здесь.

Когда стали рыть, то на небольшой глубине с полметра показались лацканы коричневого цвета, а затем обгоревшее лицо и голова, на лице был обгорелый бугорок — кости носа. Кожи на лице не было, обгоревшие скулы выпирали. Пиджак коричневого цвета обгорел вдоль до половины, а брюки и далее ботинки целые. Правая нога вывернута вовнутрь, а ботинок был более толстый, с протезом. Фриче сразу сказал: «Вот мой шеф».

(Тут же уместно дополнить, что в том же 45-м году я видел кинохронику, где был показан труп «Геббельса», прилично одетого, в гражданском черном костюме, с совершенно не поврежденным лицом. Нет сомнения, что это опять-таки произведение журналистов, которым нужно было дать сенсационный снимок.)

Затем следующий был вырыт труп в женской юбке, также с сожжённым лицом. На лацкане пиджака женщины был закопченный значок. Я спрашиваю Фриче: «А это чей труп?» Фриче что-то начал считать по пальцам. Потом он говорит: «Посмотрите номер значка с обратной стороны. Если номер 5, то это фрау Магдалина, жена Геббельса».

Значок на трупе был № 5. Таким образом, мы откопали Геббельса и его жену Магду. Затем он пояснил, что за хорошую работу среди немецких женщин фюрер её наградил золотым значком фашистской партии.

Затем извлекли также обгоревший труп в юбке, который Фриче без размышлений назвал Евой Браун.

Наконец на дне ямы мы увидели мужской труп, лицо и волосы которого сгорели, а также обгорел и пиджак, и верхняя сторона брюк. Фриче долго смотрел и, наконец, выговорил: «Это фюрер».

Мне как-то стало неловко, словно я был виноват, что не выполнил наказа Верховного и не сумел захватить этого головореза живьем. Но что поделаешь, сие от нас не зависело.

Важно, что пришли к победному концу, но в то же время я знал, что в Москву можно сообщать лишь достоверные данные, поэтому надо все уточнять, чтобы не было сомнений.

Стали уточнять у Фриче ряд вопросов. Основным переводчиком был полковник Коротков, в совершенстве владевший немецким языком. Далее Фриче говорил, что он в бункере был до последних минут существования Гитлера, а затем Геббельса, которые тяжело вспоминать.

После завещания и распределения должностей в рейхе Гитлер решил покончить с собой. Ева Браун тоже выразила такое же желание. При этом Гитлер сказал профессору, который находился неотлучно, чтобы он дал цианистый калий, который действовал мгновенно. Сам, кроме того, должен был выстрелить из пистолета в голову.

Как говорил Фриче, при нём Гитлер инструктировал адъютантов Линге* и Гюнше*, чтобы они тщательно сожгли трупы. И он видел, как Гюнше стоял с канистрой бензина. Это было 30 апреля после полудня.

Затем я спросил: «А где Борман?» Фриче ответил, что он решил скрыться. Не знаю, удалось ли ему. Но я понял из разговора, что он будет держаться около танкистов и, возможно, на танке выберется из Берлина.

Трупы я приказал с наступлением темноты вывезти в другое место (о чем знают только генерал Мельников* и Вадис) и захоронить их. После этого мы Фриче отправили обратно, а сами пошли по рейхсканцелярии.

Там в подzemелье в два этажа были десятки комнат и кабинетов, которые завалены ящиками, разбитыми, с провизией, остатками вина, колбас, консервов, хлеба и т. д. На полу валяются фашистские железные кресты и ленты. Валялись клочки сожжённой бумаги, папок. В общем, полный разгром. Было несколько трупов в офицерской форме.

(В 1955 году мне по роду службы пришлось быть на месте захоронения. Там наши военнослужащие, об этом ничего не зная, устроили беседку, столики и в перерывах от работы под деревьями распивали чай).[294]

На следующий день мы поехали с Фриче за город, куда вывезли трупы девочек Геббельса. Я подвел его и спрашиваю, как звали их, словно я уже знал, чьи это дети. Фриче посмотрел на 4-летнюю девочку и с грустью сказал: «Вот эта Грета, недавно сидела у меня на коленях и весело щебетала, а вот Гертруда, а это Гильда», и закачал головой.

Всех девочек звали на букву «Г». Я спросил: «Почему?» Фриче ответил: «Доктор Геббельс и Магдалина захотели так назвать в честь Гитлера».

Я ему сказал, что в Советском Союзе немцы уничтожили десятки тысяч таких детей, и даже грудных детей. Далее спрашиваю: «Как же они умерли?» Фриче начал рассказывать.

Когда фюрер и Геббельс решили покончить с собой, Магдалина вечером сказала девочкам, что в Берлине грипп и надо всем сделать уколы. Я спросил, кто делал уколы. Фриче отвечает: «Хотя в рейхсканцелярии и был всегда профессор Морель, лечивший Гитлера и других, но, я думаю, он сбежал, и уколы девочкам делала фрау Геббельс».

«Какая жестокость! — подумал я. — Они думают, что придут русские и так же будут уничтожать немцев и детей, как это делали у нас гитлеровцы». Я поручил заместителю ОО фронта Мельникову продолжать допрос и расследование по Гитлеру и ежедневно докладывать мне результаты.

Бегство Гимmlера и Геринга

Попутно запишу о проведенных мероприятиях Военного Совета фронта в эти дни.

23 апреля, т. е. когда уже войска фронта окружили Берлин, а передовые части вступили в город, был издан приказ, в котором сказано: «Вся власть управления на территории Германии, занятой Красной Армией, осуществляется военным командованием через военных комендантов городов. Исполнительная власть создается из местных жителей: в городах бургомистры и старосты, которые несут ответственность перед военным командованием за выполнение населением всех приказов и распоряжений». Здорово сказано. Вот как мы с непобедимыми немцами поступаем.

28 апреля комендант Берлина генерал-полковник Берзарин издал приказ № 1 о переходе всей власти в г. Берлине в руки Советской военной комендатуры.

Фашистская партия и ее организации распускаются, и их деятельность запрещается. Нам это всем было радостно, но пришлось в срочном порядке им восстанавливать торговлю, транспорт, метро, свет и т. д.

Теперь расскажу, что предпринимали в те дни бежавшие из Берлина Геринг и Гиммлер в английской и американской зонах. Вот что нам рассказали американцы.

Гиммлер, этот палач народов, решил замаскироваться и таким образом уйти от ответственности. До 21 мая 1945 года Гиммлер бродил с двумя охранниками, переодевшись в гражданское платье. 21 мая в районе г. Бремерверде (английская зона) Гиммлера задержали русские патрули. наших русских военнопленных англичане привлекли для усиления патрулирования.

При задержании Гиммлер предъявил удостоверение, что он Хизигер, а не Гиммлер. Глаз для маскировки был перевязан черной лентой. Русским показалось это подозрительным, и они задержали Гиммлера, направив его в английскую комендатуру, где он сразу сознался, что является Гиммлером, и потребовал, чтобы ему устроили встречу с фельдмаршалом Монтгомери* (командующий английскими войсками).

В комендатуре Гиммлера тщательно обыскали (догола) и изъяли ампулу цианистого калия. Затем приехал английский полковник из штаба Монтгомери и приказал еще раз обыскать Гиммлера. По окончании обыска Гиммлеру предложили открыть рот. Он сжал челюсти и раскусил ампулу. Этот подлец понял, что ему придется отвечать за преступления, и решил таким образом покончить с собой[295].

Преступник № 2 Геринг удрал из Берлина при подходе наших войск примерно в двадцатых числах апреля. Геринг старался установить связь с Эйзенхауэром*.

Вместе с этим он 23 апреля дал телеграмму Гитлеру, что в связи со сложившейся обстановкой берет на себя всю власть по Германии. Ночью в тот же день по указанию Гитлера Геринг был арестован эсэсовцами, но когда его вели, Геринг увидел офицеров ВВС, т. е. своих подчиненных, и они его освободили.

И несмотря на то, что над Берлином взвилось Красное Знамя Победы, Геринг все ещё продолжал пыжиться. 9 мая он послал парламентаря к командиру американской дивизии сказать, что хочет вести переговоры. Командир дивизии задержал его и разместил в особняке, разрешив приехать жене Геринга и прислуге. Но затем <он> был помещен в Нюрнбергскую тюрьму вместе с 20 другими преступниками, где <их> и судили.

1 октября 1946 года, когда Герингу объявили решение Нюрнбергского трибунала о смертном приговоре через повешение, то этот палач, расстрелявший и повесивший тысячи мирных

людей, перетрусил и начал ходатайствовать, чтобы его помиловали или заменили повешение расстрелом. Ему Контрольный совет отказал в просьбе.

15 октября 1946 года, когда пришли за ним в камеру, чтобы его повесить, он уже корчился на кровати и хрипел, раскусив ампулу с цианистым калием. Ампулу могла передать его жена, которая посещала его, и, кроме того, как мне докладывал генерал Мальков*, которого я посылал в Нюрнберг для участия в приведении приговоров над осужденными преступниками, Геринг в камере жил вольной жизнью и имел возможность хранить эту ампулу.

В камере он оставил письмо начальнику Нюрнбергской тюрьмы, полковнику Эндрюс* с благодарностью за хорошее содержание. И в конце написал, что он не мог допустить, чтобы рейхсмаршал Германии мог быть повешен.

Что касается остальных подручных Гитлера, которых насчитывается более двух десятков, в том числе и военных, то о них читатели знают из Нюрнбергского процесса, который начался 18 октября (или ноября) 45-го года и 1 октября 46-го закончился[296].

Могу рассказать несколько любопытных эпизодов, как происходило исполнение приговора Международного Военного Трибунала.

В качестве представителя от Советской военной администрации нами был командирован генерал Мальков, который, возвратившись, привез фотографии «фюреров» и рассказал о порядках, существующих на Западе.

Приведение в исполнение приговора было возложено на американцев, которые и содержали в тюрьме преступников. Как и положено, американцы это провели с помпой.

Был в помещении тюрьмы устроен специальный эшафот, высотой 3 метра. На полу эшафота под виселицей был люк в квадратный метр. Когда на эшафот вводили преступников, сразу же на шею надевали веревки и один из членов трибунала читал приговор. Закончив чтение, спрашивал у преступника, нет ли вопросов или заявления.

После ответа «нет» сержант американской армии, стоявший рядом с преступником, ногой нажимал педаль, и преступник проваливался в люк с петлей на шее. Через несколько минут, когда врач фиксировал смерть, сержант снимал веревку с повешенного и прятал за пазуху.

На вопрос нашего генерала, зачем сержант прячет веревку, тот, счастливо улыбаясь, ответил: «Господин генерал, ведь веревка с повешенного для молодых людей приносит счастье, а мне бизнес. Я по клочкам буду её продавать за доллары».

И тут у американцев бизнес!

В приведении приговора трибунала в исполнение в отношении Геринга, как я уже писал выше, получилась у американцев осечка. Когда за ним пришли в камеру, то он уже лежал мертвый.

На столе лежала записка, адресованная сержанту, охранявшему его. Геринг благодарил сержанта за заботу и внимание и просил, чтобы начальство не ругало сержанта, что он, Геринг, покончил жизнь самоубийством, иначе не мог позволить кому бы то ни было, чтобы его повесили. Сержант был смущен.

Когда осматривали комнату (я умышленно называю комнатой, а не камерой, как полагается содержать преступников), то там было несколько костюмов Геринга, различные бритвенные принадлежности и кремы, чайный прибор, в общем, все удобства. Видно, поэтому он и благодарил американцев.

Сжигали трупы фашистов в Мюнхене, на одной из фабрик. Пепел каждого трупа американцы

всыпали в отдельную урну с надписью фамилии, а затем американский генерал предложил всем представителям выехать за город и развеять пепел в канале, чтобы ничего не осталось от преступников. Все согласились.

Когда генералы садились в 7-местную автомашину, никто из них не хотел садиться впереди рядом с шофером. Генерал Мальков, видя это, сел с шофером. Когда стали подъезжать к каналу, Мальков услышал сзади в машине шум и возню. Обернувшись, он увидел, как американский генерал отбивает руку английского генерала, который пытается первым влезть в урну за пеплом.

Оказывается, по их традициям, кто первый бросит пепел, тот также будет счастлив. Когда машина остановилась, Мальков еле сдерживал смех, глядя на измазанных в золе генералов, бросившихся к воде, чтобы бросить пепел.

Адъютант фюрера

Казалось, можно было бы на этом и кончить повествование о Гитлере и фашистских главарях, так как вопрос предельно ясен. Но полагаю, будет небезынтересно узнать ещё одну деталь, подтверждающую изложенное выше.

В 1947 году, возвратившись из Германии на работу в Москву, я ведал Главным управлением военнопленных НКВД СССР.

Как-то раз начальник Красногорского лагеря военнопленных мне доложил, что один немецкий офицер, антифашист, добивается, чтобы его заслушал генерал Серов, так как другому он ничего не будет говорить.

Через несколько дней я вызвал этого «антифашиста». Вошел высокий офицер лет 30–32. Я спросил его фамилию, он ответил: «Гюнше». Сразу у меня в голове появилась мысль: не тот ли Гюнше, адъютант Гитлера, о котором говорил Фриче?

Представляете мое состояние? Я не должен был показать вида, что страшно заинтересован его выслушать, чтобы не дать повода наплести мне небылиц.

Спокойно спрашиваю, что он хочет заявить. Гюнше говорит: «Я — адъютант Гитлера и могу рассказать о последних днях Гитлера».

Я решил, что терпеливо выслушаю, что он будет говорить, не буду перебивать, а мысленно буду сверять имевшиеся у меня данные, то, что я сам видел. Два часа Гюнше рассказывал со всеми подробностями все то, что я уже знал, кроме незначительных мелочей.

Под конец я не выдержал и начал задавать ему вопросы, из которых он понял, что я знаю все, что он рассказывал.

Я спросил, почему же он плохо сжег Гитлера и остальных? Гюнше улыбнулся и говорит: «Герр генерал, я убедился, что вы были в эти дни в Берлине. Вы же помните, что это было море огня и взрывов, поэтому поймете, что у меня была главная цель жизни — скрыться. Ведь одной канистрой бензина, которую принес шофер Кемпке, не сожжешь 4-х человек. Вы видели, я фюрера больше всех сжег, а остальных — что осталось, а затем бежал, но как видите, не убежал». Я ему сказал, что Фриче тоже не убежал.

Вкратце я выслушал от него, что «30 апреля в 3 часа 00 минут Гитлер отравился и застрелился. В 15.00 меня вызвал штурмбанфюрер Линге в кабинет Гитлера и сказал, что

Гитлер умер. Правда, я там был все время, но выстрелов не слышал. Тем, кто был в приемной Гитлера, я объявил, что фюрер умер. Затем мы понесли труп Гитлера. Когда вынесли в сад, я взял бензин, облил и зажег. А затем жег и остальных».

Через несколько часов генерал Вейдлинг, узнав о смерти Гитлера, выступил по радио с обращением к немецким войскам о прекращении сопротивления, так как Гитлер бросил их на произвол судьбы.

В заключение я ему сказал, чтобы, не торопясь, все подробно написал, а писать в лагере ему будет предоставлена возможность.

Через месяц мне было представлено около 80 страниц перевода. Таким образом, мы имели возможность неоднократно из разных источников убедиться в том, что Гитлер, видя неминуемую гибель Рейха, своей армии, банкротство авантюры и страх предстать перед гневом народов Европы и особенно Союза ССР, над которыми годами издевался, трусливо покончил самоубийством.

Поэтому всякие предположения, легенды, версии, в том числе и фотографии «трупов с усиками», являются вымыслом.

Из рассказов Фриче, Гюнше и других немцев, которые в последние дни были около бесноватого фюрера, мне описали внешний вид и состояние Гитлера следующим: это была развалина, которая уже не сомневалась, что война им проиграна, и не скрывал это от окружающих.

Гитлер в те дни уже с трудом передвигался, волочил ноги и выбрасывал вперед верхнюю часть туловища. Он с трудом сохранял равновесие. Если приходилось переходить в другую комнату, то он отдыхал на скамейке, установленной вдоль стен, или держался рукой за ближайшего спутника. Левая рука не работала, правая дрожала. Возможно, это результат покушения 20 июля 44-го года. Глаза Гитлера налиты кровью.

Все документы, которые предстояло читать Гитлеру, печатались на специальной машинке, буквы которой в 3 раза больше нормальных, и это он читал. Из рта текла слюна. В общем, вид у него был отвратительный.

Что касается памяти и рабочей головы, то тут было все нормально. Он и раньше никому не верил, полагая, что его хотят обмануть. Когда неуспехи германских войск стали очевидными, то Гитлер это считал предательством со стороны генералов и его окружения.

Он был твердо убежден, что при любых обстоятельствах Америка и Англия его не оставят в тяжелом положении и согласятся на перемирие, чтобы дать возможность продолжить войну против большевиков. Особенно он радовался, когда умер Рузвельт, которого он считал своим врагом.

Когда Гитлеру доложили, что Гиммлер вступил в переговоры с англо-американцами о капитуляции Германии, и это предложение отклонено, то Гитлер совсем стал неузнаваемым, такого предательства от Гиммлера он не ожидал. Он смотрел на Геббельса и что-то бормотал...

Как мне говорили вышеуказанные лица, несмотря на то, что комендант Берлина Вейдлинг докладывал Гитлеру о безнадежности обороны города, так до конца жизни и не сказал, что войска не выдержат, надо капитулировать.

Сепаратные переговоры немцев с союзниками. Капитуляция

В последние дни апреля к нам стали поступать данные, что союзники, помимо нас, связываются с немцами. Нам было уже известно, что командиры немецких корпусов и дивизий уже подписали акт капитуляции с союзниками, а немецкие бургомистры городов встречали с флагами американские и английские войска[297].

Наконец, 1 мая, когда в Берлине хозяином положения была Советская Армия во главе с маршалом Жуковым Г. К., Дениц издает приказ: «Я принимаю верховное командование над всеми частями немецкого вермахта, преисполненный решимости продолжать борьбу против большевиков».

Мы смеялись над этим приказом, а Дениц продолжает свое, как и свойственно немецкому упрямцу. Он комплекзует новый состав немецкого правительства и 5 мая заявляет, что он является канцлером и министром финансов. Шутник!

Деницу помогают фашистские каратели — Гиммлер, Риббентроп и другие фашисты. И более того, они стараются договориться с союзниками, оккупировавшими Чехословакию, и даются директивы продолжать войну с востоком.

Мы тщательно следили за этими неуклюжими махинациями фашистов, и нужно сказать объективно, что Эйзенхауэр в отличие от англичанина Монтомгери отказался подписывать акты капитуляции с отдельными соединениями немецкой армии, а потребовал издания Деницем приказа о полной капитуляции немецкой армии на всем фронте.

Это объяснялось тем, что, как мне говорил Георгий Константинович, Сталин узнал, что немцы подписали капитуляцию в Реймсе, и возразил союзникам, заявив, что акт капитуляции должен быть подписан в Берлине всеми союзниками[298]. После этого Эйзенхауэр приказал Деницу отдать приказ о прекращении войны и выслать в Берлин представителя для подписания акта капитуляции.

Однако Дениц ещё сутки хорохорился и лишь 7 мая в Реймсе отдал приказ о прекращении войны на Западном фронте, «где борьба потеряла свой смысл», и продолжении войны на Восточном фронте. Вот ведь какой наглый фашист.

С ведома Деница нацистский протектор Богемии и Моравии Франк* склонял американцев занять всю Чехословакию. Черчилль тоже имел такое намерение, но, как известно, чехи организовали восстание и с помощью Советской Армии выгнали немцев.

Но все эти попытки фашистов ни к чему не привели, и 8 мая Дениц получает от союзников приказ немедленно отправить в Берлин представителей трех видов вооруженных сил Германии для подписания акта безоговорочной капитуляции немецко-фашистских вооруженных сил.

Маршал Жуков послал нас с Соколовским В. Д. и Малининым М. С. встретить на аэродроме союзников США, Англии и Франции, а мне поручил привезти немцев.

Союзников: фельдмаршала авиации Теддера*, генерала Спаатс*, генерала Делатра де Тассиньи* встречали, как и положено, по воинскому уставу, с почетным караулом и оркестром.

Затем из Дугласа вышел высокого роста, худой и злобный фельдмаршал Кейтель, а за ним командующий ВМФ Фридебург* и заместитель командующего ВВС Штумпф*, а сзади английские офицеры.

Я смотрел на них и думал: «Вот они, подлые завоеватели Европы, губители миллионов

людей».

Кейтель, услышав музыку военного оркестра, поправил свою фуражку и с наглым видом направился в сторону почетного караула. Я рукой показал: стой! А затем сказал полковнику Короткову: «За мной!» Он перевел, и в сопровождении кинооператоров Кейтель злобно посмотрел на всех и пошел за мной.

В свою машину я посадил Кейтеля, остальных в другую машину. В машине я с удовольствием задал Кейтелю вопрос: «В каком году прошлого века был русский комендант Берлина?» Он ответил: «В 1813 году».

Далее я спросил: «А кто был комендантом Берлина в то время?» Кейтель не помнит. Я спокойно сказал: «Генерал-аншеф граф Чернышев». А затем добавил, что сейчас комендантом Берлина назначен командующий 5-й ударной армией генерал-полковник Берзарин И. А. Коротков перевел.

Кейтель, выглядывая из машины и видя разрушенные дома и кварталы, качал головой и делал замечания о больших разрушениях. Я ему на это сказал, что «ваши фашистские головорезы у нас в СССР разрушили сотни городов и деревень и истребили миллионы жителей». Он замолчал.

Привезли мы всех в бывшее инженерное училище в Карлхорст и разместили в подготовленных домиках, где они отдохнули и перекусили. Затем союзники явились к маршалу Жукову и сразу приступили к согласованию текста акта капитуляции, который привез из Москвы заместитель министра иностранных дел Вышинский А. Я.

Когда все было согласовано, в акте была запись, что акт составлен в присутствии председателя сил сопротивления Франции генерала Делатра де Тассиньи. Георгий Константинович спрашивает у меня: «А где французский генерал?» Я говорю: «Его не видел». Американцы подтвердили, что он прилетел.

Я послал офицера в домики найти и привести сюда. Привели высокого худого генерала, ни на погонах, ни на фуражке не было знаков различия, лишь на рукаве было пять маленьких звездочек, поэтому я и не заметил этого генерала.

Делатр вошел явно раздраженный, так как он, очевидно, знал, что союзники уже сидят пару часов у маршала Жукова, а его не зовут.

Поздоровавшись, Делатру дали прочесть текст, в чем он не возражал. Затем условились о процедуре подписания акта.

Что касается подписания акта капитуляции, то можно сказать итог: капитуляция немцев — это радость за окончание кровопролитной войны наших бойцов и командиров. Ввиду того, что в текстах на русском и английском языках появились расхождения, переводчики утрясали это до 12 часов ночи. Союзники нервничали, но мы к этому спокойно относились. В половине 12 ночи мы собрались в кабинете у Жукова, а затем перешли в зал для подписания.

Маршал Жуков очень четко и хорошо провел этот торжественный для нас акт, начав в 24 часа 8 мая в клубе военно-инженерного училища.

Когда все сели за стол, Г. К. Жуков сказал: «Мы здесь представители Советских вооруженных сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования. Пригласите сюда представителей немецкого командования».

Я дал знак полковнику Короткову, и он ввел немцев. Кейтель вошел первый и, выдернув из-за

пазухи маршальский жезл, поднял его вверх.

Когда их посадили за отдельный стол, Жуков продолжал: «Имеете ли вы на руках акт безоговорочной капитуляции и имеете ли полномочия подписать его?» Когда перевели этот вопрос, Кейтель ответил: «Да, изучили и готовы подписать его». Затем он передал Жукову бумагу, подписанную Деницем, о полномочиях Кейтеля, Фридебурта и Штумпфа.

Затем Жуков предложил им подойти к столу и подписать капитуляцию. Были подписаны все экземпляры акта.

После этого Жуков приказал немцам удалиться. Примерно около часу ночи, когда все было закончено, Жуков поздравил всех присутствующих в зале генералов и офицеров, наших и союзников, от имени Советского Верховного Командования с долгожданной Победой и капитуляцией фашистской Германии. Затем он сказал о доблестных войсках 1-го Белорусского фронта, которые с честью выполнили волю Советского народа и уничтожили фашистскую армию, ее главарей и доблестно штурмовали Берлин. Я взял себе копию акта капитуляции.

После этого в зале началось невообразимое. Все наши военные бросились поздравлять друг друга с Победой. Кричали: «Да здравствуют войска 1-го Белорусского фронта и их командующий маршал Жуков».

При открытии приема Жуков вновь сказал о победе наших войск и войск союзников над фашистской Германией, и все выпили бокалы за Победу!

Затем выступили маршал авиации Теддер, за ним Делатр де Тассиньи и командующий ВВ США Спаатс. Потом уже произвольно подходили наши генералы и провозглашали тосты. Потом на радостях танцевали, в том числе и Жуков неплохо сплясал. Делатра де Тассиньи пришлось угостить, чтобы не обижался. Когда под утро вышли к домам, то слышалась пальба из автоматов, и даже пушек, вверх, и нередко было слышно, как по крышам падали осколки снарядов.

Но ничего не поделаешь, победа должна быть отмечена.

Глава 11. НА РАЗВАЛИНАХ РЕЙХА. 1945 год (июнь-декабрь)

Закончилась война. Солдаты и офицеры разъезжаются из Германии по домам, но для Серова настоящая работа только начинается.

Уже 6 июня 1945 года его назначают заместителем Главного начальствующего советской временной администрации в Германии (СВАГ), а 4 июля — еще и Уполномоченным НКВД по Группе советских оккупационных войск. При этом он по-прежнему остается в ранге зам. наркома внутренних дел. Отныне в руках Серова собраны едва ли не все нити управления побежденной державы: от формирования новых органов власти до снабжения населения продовольствием и розыска военных преступников.

Учитывая же, что Главным начальствующим стал его боевой товарищ маршал Георгий Жуков, о Серове можно смело сказать: в послевоенной Германии он, если был и не первым, то уж точно не вторым лицом.

Однако Сталин задержал его в оккупированной зоне не только и не столько, чтобы ловить беглых нацистов и спасти от голода немцев. Едва ли не главная задача, поставленная им Серову, — «розыск всего, что представляет интерес для оборонной промышленности:

ракеты, самолёты, радио и т. д.»

К концу войны немецкие ученые сумели здорово обогнать СССР в военных разработках. Собранные ими реактивные ракеты «Фау» совершили первые в мире суборбитальные космические полеты.

Союзные армии еще сражались бок о бок против общего врага, а их разведки уже вели друг с другом тайную войну за обладание секретными технологиями III рейха. Американцам повезло больше: их войска успели первыми занять Тюрингию, где размещалось ракетное производство.

Как только стало известно, что эти территории войдут в советскую оккупационную зону, союзники демонтировали и вывезли в западный сектор все оборудование, лаборатории, забрали документацию, образцы техники и даже самих конструкторов и ученых; только чтоб не досталось русским. После себя они — натурально — оставили голые цеха и лаборатории.

Именно Серову вместе с легендарными учеными — Королевым*, Глушко*, Чертоком, Пилюгиным — предстоит восстанавливать уничтоженное производство. Через несколько лет благодаря их усилиям, в СССР появится ракетное оружие. Необходимые компоненты для него будут добываться в Германии также при непосредственном участии Серова.

Очевидно, автор почти не трогал свои старые дневниковые записи, сделанные по горячим следам (за исключением нескольких добавленных впоследствии примечаний).

Май

Вечером 3 мая мне позвонили из Москвы и передали указание явиться к товарищу Сталину. Когда я доложил Поскребышеву о прибытии, он сказал, чтобы в 12 часов дня <я> был в Кремле. Там я сразу зашел в кабинет к Сталину...[299]

Затем я коротко изложил положение в Берлине, потом товарищ Сталин сказал: «Ну, теперь немцам надо самим организовывать демократическую власть в Германии».

Затем продолжал: «Вчера у меня были В. Пик* и В. Ульбрихт*. Я им все сказал, что надо сделать. Вы поезжайте к Пику и Ульбрихту здесь, в Москве, заберите их с собой в самолет, а также членов ЦК Компартии Германии и отправляйтесь в Германию. Пусть они там расставляют своих людей по магистратам и начинают хозяйничать. Здесь им нечего сидеть» [300].

Затем Сталин спросил: «Когда вылетаете?» Я сказал: «Завтра утром». Он согласился.

Затем Сталин, посмотрев на меня, сказал: «Наряду с оказанием помощи В. Пику и Ульбрихту вы не забывайте вашей основной чекистской обязанности — это выявление и арест фашистских главарей. Гитлер и другие уже доигрались, но еще многие и скрылись». Я молча кивнул головой.

Потом после паузы Сталин продолжал: «Вам надо тщательно, повторяю, тщательно выявлять, где немцы производили ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2, реактивные самолеты и другие военные технические образцы», и далее подошел ко мне вплотную и спрашивает:

«А вы слышали, что на Прибалтийских фронтах в последние месяцы войны у немцев летало несколько беспропеллерных реактивных истребителей, мне авиаторы докладывали?» Я сказал, что мне летчики также об этом говорили.

«Ну, так эту технику непременно надо добыть. Вообще на вас ЦК возлагает большую ответственность по этим вопросам. Докладывайте обо всем. Что нужно, поможем»[301].

Затем попрощались, и я вышел. Выйдя из кабинета, я спросил у Поскребышева, где проживают немцы, он мне сказал, что они живут в гостинице на улице Горького, около Елисейевского магазина.

На 4-м этаже гостиницы я нашел номер Вильгельма Пика, постучал. Вышла его сестра, говорит, что он болен, встать с кровати не может. Правда, ему к тому времени было уже около 70 лет.

Я ей вкратце сказал, что завтра улетаю и, очевидно, вместе со мной улетят Ульбрихт и другие немецкие товарищи, она пригласила в комнату Вильгельма Пика, он мне сказал, что сейчас полетит Ульбрихт, а через несколько дней и он прилетит.

Я пошел в соседнюю квартиру, где помещался Ульбрихт. На мой стук дверь открыла женщина невысокого роста, как я потом узнал, это его секретарша, а впоследствии жена. Я сказал о цели моего прихода. Она позвала: «Вальтер», — и мне навстречу вышел здоровяк цветущего вида в одних трусах.

Поздоровавшись, я почувствовал его руку. Затем передал указание Сталина и сказал, чтобы он и его товарищи собирались к вылету...

На следующий день мы вылетели в Берлин. С аэродрома в Берлине я отвез немцев в заранее подготовленное помещение, и будущие немецкие власти приступили к работе. Вместе с Ульбрихтом было еще 4 немецких руководителя и жена Ульбрихта. Георгию Константиновичу Жукову рассказал о разговоре и указаниях Сталина.

Нужно прямо сказать, что я в последующие дни с ними замучился, так они были беспомощны и нерешительны. По любому мелкому <поводу> им нужно было помогать...

С прилетом немецких товарищей во главе с Ульбрихтом, а затем и В. Пиком жизнь у нас закипела.

Зато в войсках наступило как бы затишье. Стали готовиться к демобилизации. Послужили, завоевали Победу, и по домам. На заслуженный отдых. Все радуются.

Я тоже рассчитывал, что моя миссия закончена, и собирался в Москву, так как официально числился заместителем наркома внутренних дел СССР.

Да, кстати сказать, и с семьей всю войну не удалось жить. Ребята растут, а меня нет и нет.

На днях в разговоре Г. К. сказал мне: «Ты немцами занимайся, так сказал Хозяин» (т. е. Сталин).

Ну, я человек исполнительный и стал заниматься.

На другой день после подписания капитуляции прилетел в Берлин А. И. Микоян, ознакомился с состоянием <дел> в городе, а главное (как я понял из разговора с ним), в Москве интересуются, как у нас тут организовано снабжение немцев (населения) и какие порядки[302]

Поехали мы (Жуков и я) с ним по городу, зашли в пекарни, где он пробовал выпеченный хлеб, и в магазины, где его продают.

Нужно сказать, что немцы все же аккуратный народ. Сами организовали раздачу хлеба, при этом нет никаких злоупотреблений.

Анастас Иванович, посоветовавшись со мной, решил провести совещание районных бургомистров Гросс-Берлина. Это вроде наших председателей райисполкомов. Совещание устроили в Клубе Карлсхорста. В общей сложности собралось человек 150, вместе с нашими районными комендантами.

Я открыл собрание, представил Анастаса Ивановича. Затем он выступил, указав, что война кончилась, мы русский народ не мстительный, что хоть гитлеровцы нанесли громадный ущерб советскому народу, но за это поплатились головами. Теперь надо организовать демократическую Германию.

В конце выступления он у меня попросил перечень продуктов питания, который утвержден СВАГ на каждого немца, и стал зачитывать вслух, а переводчик переводил[303].

Когда он дошел до нормы кофе — 200 грамм на человека в месяц, я ему подсказал, что надо сказать «кофе натуральный». Анастас Иванович в начале не придавал значения моему замечанию и сказал «понятно, что настоящий кофе», но когда объявил, то в зале были аплодисменты.

После совещания Анастас Иванович спрашивает меня: «В чем дело?» Я ответил: «Немцы очень любят кофе. Всю войну их Гитлер поил эрзац-кофе из опилок, смешанных с размолотым ячменем. Поэтому слово „натуральный“ вызвало аплодисменты». Анастас Иванович сказал: «Смотри, ты за неделю уже узнал немцев».

В общем, с немцами нужна большая осторожность. Когда их держишь в руках, то они слушаются и любят подчиняться, и вместе с этим они большие нахалы. Если почувствовали, что можно что-то получить, то готовы за ворот взять и вытряхнуть <это> из тебя...

На днях после отъезда А. И. Микояна мы с В. Д. Соколовским собрали человек 35–40 промышленников, чтобы восстанавливали промышленные и продовольственные магазины, а также производство и с разрешения комендантов городов начинали производить и торговать для населения. Воспринято было очень хорошо. Немцы повеселели.

После совещания приказал устроить небольшой прием, чтобы они почувствовали авторитет СВАГ. Когда на приеме все было съедено и выпито, а поесть за счет ближнего своего они очень любят, то некоторые из них сразу ко мне: «Герр генерал, нам для выполнения ваших указаний надо 10 автомашин, покрышек, бензина» и т. д. и т. п. Причем уже тон разговора не просящий, а требующий.

Ну, я, конечно, одернул, сказал, что <спрашивайте> у облавтотранспорта, а коменданты помогут отобрать, у кого он лишний. И приказал разъезжаться и делать, что сказано. Вот вам немец!

В первом часу ночи ко мне вошел адъютант и говорит: «Только что по московскому радио объявили Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза 7 генералам 1-го Белорусского фронта, Малинину, Соколовскому и вам»[304].

Для меня это было большой неожиданностью, потому что ни Жуков, ни член Военного совета Телегин мне ни слова не говорили об этом, никаких от меня справок не брали. Затем буквально через 5 минут позвонил мне Телегин (Жуков в это время был в Москве) и начал поздравлять. Я поблагодарил Военный совет фронта за внимание.

На следующий день, около двух часов дня, мне позвонил Жуков, который прилетел из Москвы. Поздравив с присвоением звания Героя Советского Союза, он передал трубку Вышинскому — политсоветнику, недавно назначенному по линии Советской военной администрации[305].

Вышинский также поздравил меня и спрашивает: «А что ты сейчас будешь делать?» Я отвечаю: «Вероятно, то же самое, что и вы собираетесь там делать, обедать». — «А ты можешь накормить нас с Георгием Константиновичем?» — Я отвечаю: «Не знаю, сытно ли, но кое-что подать могут». — «Тогда мы к тебе едем».

Я быстро передал, чтобы накрывали на стол на троих. И действительно, минут через 20 появились они оба, веселые. Оказывается, Жукову в тот же день было присвоено звание трижды Героя Советского Союза.

Мы поздравили друг друга. Затем за столом еще по разу отметили это важное событие.

Когда немного выпили, Жуков потребовал баяниста. Я спрашиваю: «Зачем он тебе нужен?» «А что же, ты не хочешь, чтобы мы с Андреем сплясали?» — Я говорю: «Пожалуйста». Я знал, что со мной в бронетранспортере ездил старшина, который хорошо играл на гармошке и возил гармошку с собой.

Когда появился гармонист, то Жуков с Вышинским схватились в перепляс. Я был очень удивлен, что Вышинский здорово пляшет.

Конечно, переплясать Жукова было трудно. Жуков хорошо плясал, но Вышинскому к тому времени было уже под 70 (на самом деле ему был 61 год. —

Прим ред.), и, тем не менее, он отплясывал, как молодой парень. Посидели часа полтора, потолковали о предстоящих задачах и разошлись.

Июнь

Описывать происходящее становится все труднее по ряду существенных причин.

Во-первых, мало для этого времени, так как нужно следить и руководить немцами буквально день и ночь ввиду того, что возникают неожиданные вопросы и происшествия.

Во-вторых, часто приходится выезжать из Берлина в провинциальные центры: Лейпциг, Галле, Мекленбург, Йена, Веймар, Дрезден и др.

Ну и, в-третьих, получил задание из Москвы заняться серьезно демонтажем наиболее ценных для Советского Союза предприятий с военным уклоном. Поэтому, видимо, будут пропуски в некоторых второстепенных событиях, но основное буду стараться записать.[306]

На днях была получена телеграмма от Сталина, чтобы продумали, какой надо создать аппарат в Германии для административного руководства жизнью немцев, как его назвать, и иметь в виду, что главным будет маршал Жуков. Значит, выходит, что Жуков остается в Германии.

Собрались по этому поводу у Жукова. Вышинский, значившийся политсоветником при Главкоме, Соколовский В. Д., я и начальник штаба фронта Малинин М. С.

Судили, рядили, и как будто все вопросы, которые будет выполнять этот орган, обсудили и стало ясно. Но как дело дошло до названия, то тут и получилась загвоздка. Мы с Жуковым сошлись на том, чтобы назвать «Главкомандующий Советской военной администрацией в Германии».

Вышинский был против слова «Главком» по мотивам политическим, т. е. немцы будут бояться

этого слова. Он предложил назвать «Главначальствующий». Вначале это слово показалось мне чересчур гражданским, а с немцами надо обращаться тверже, по-военному. Поэтому я возражал. Потом все же мы все согласились с предложением Вышинского.

Послали в Москву ответ и расписали должности. Жуков хоть мне до этого ничего не говорил, но я понял, что ему было уже сказано назначить меня заместителем Главначальствующего. Я возразил, и тогда все открылось. Он сказал, что Хозяин сам назвал Серова заместителем. Ну, делать нечего, в Москве виднее.

На следующий день мне Жуков рассказал, что ему звонил Сталин и сказал, что надо состав Советской военной администрации в Германии опубликовать в московских и в берлинских газетах. Жуков согласился.

Тогда тов. Сталин спрашивает: «А как Серова звание публиковать? Ведь он комиссар Госбезопасности II ранга». Жуков ответил: «Это звание равно генерал-полковнику, так и опубликовать».

На следующий день мы получили московские газеты, где было так и опубликовано: Главначальствующий Жуков, 1-й зам. Соколовский, зам. Серов, зам. Коваль*[307].

Через некоторое время объявлено в газетах переименование званий всех работников НКВД на генеральские звания. Мне некоторые товарищи звонили из Москвы и говорили, что с легкой моей руки и им поменяли звания на военные[308].

Помещение для Советской военной администрации (СВАГ) выбрали в Карлсхорсте (пригороде Берлина) — бывшее военно-инженерное училище и большие при нем подсобные помещения, где и разместили все службы.

В моем подчинении были военные коменданты всех провинций и городов Германии, а экономические вопросы (восстановление промышленности, транспорта, коммунальных учреждений и т. д.) были возложены на другого заместителя из гражданских торговых работников Коваля. В городах же коменданту города подчинялись все наши советские представители и немецкая администрация. У коменданта был заместитель по экономическим и политическим вопросам.

В общем, пока что только приступили к организации, а жизнь требует уже действовать — решать, снабжать, питать и т. д. У меня же в этих вопросах опыта никакого нет, но придется своим умом доходить.

Но с меня не снята и главная задача — это выявлять активных фашистов, карателей и других подлецов. А также реактивную технику и ракеты. В общем, пока что трудно не только мне, но и моим помощникам, также не имеющим необходимого опыта.

Вчера приходил Ульбрихт и просил дать ему помещение для ЦК комитета, и я на него прикрикнул полушутя и говорю: «Вы — хозяева новой Германии, забирайте любое помещение и назовите ЦК ГКП». Ульбрихт заулыбался и говорит: «Яволь, яволь».

Затем он мне зачитал заявление германской коммунистической партии к германскому народу, в котором излагалась программа антифашистской деятельности партии по организации демократической Германии.

Я ему посоветовал побыстрее выступить с этим заявлением. 11 июня уже было опубликовано это заявление.

Кстати сказать, мы и сами еще размещались кто где попало, но уже подбирали соответствующие помещения с размахом, как завоеватели. Мне надо было в срочном

порядке подбирать и руководителей провинций, а особенно районных бургомистров Берлина.

Для руководства работой я организовал в каждой провинции опер. сектора из работников НКВД.

В связи с решением ГОКО, что я остаюсь в Германии, я просил из Москвы прислать мне несколько человек немецких военнопленных для назначения на должности, которые состояли в антифашистской организации при лагерях военнопленных и проявили себя положительно.

Через несколько дней мне прислали несколько немцев. Я их пропустил через себя и назначил на должности.

Мне особенно понравился на должность полицей-президента Берлина один здоровенный детина 34 лет, обер-лейтенант немецкой армии, сражавшийся под Сталинградом и получивший за храбрость железный крест. Фамилия его была Маркграф*. Оставив его одного в кабинете, я предложил ему должность полицей-президента гросс-Берлина. В то время еще союзников в Берлине не было, и мы полностью подчиняли себе весь Берлин.

Обер-лейтенант Маркграф, возможно, из скромности, мне сказал, что он не имеет столь большого опыта для руководства полицей-президиумом, однако больших возражений не высказал. Я на это ему сказал, что ведь он в прошлом служил в полиции. Он мне ответил, что должность полицейского не равнозначна предлагаемой ему должности. В общем, договорились.

Я ему дал все необходимые указания: организовать полицей-президиум, быстро навести порядок в городе по борьбе с различного рода уголовными и фашистскими элементами и докладывать регулярно мне о выполнении своих обязанностей.

В конце беседы я ему сказал, что звание обер-лейтенанта для полицей-президента не солидно и «с сего дня вы будете полковник». Он поблагодарил и пошел из кабинета.

У двери я решил его вернуть, чтобы добавить еще несколько указаний, и сказал: «Вернитесь ко мне». Нисколько не смущаясь, Маркграф повернулся на каблуках, встал навтыжку и говорит: «Полковник Маркграф слушает». Словно он лет 5 ходил в полковниках.

На днях решил съездить в Цоссен в «Майбах I» и «Майбах II», о которых упоминал Фриче, полагая, что найду там что-нибудь интересное[309].

Цоссен расположен километрах в 40 юго-западнее Берлина в лесной местности. Основные 2-этажные здания (Майбах I) командного пункта ничем не выделялись от других поблизости расположенных домов. Зато в этом здании было под землей еще два этажа с бетонированными стенами толщиной более метра.

В подземелье комнаты оборудованы всем необходимым для командного пункта, связью, радио, подачей воздуха, толстыми, как у сейфа, железными дверьми и прочными запорами. Такое бомбоубежище не разбила бы и 5-тонная авиабомба.

В комнатах, как и в рейхсканцелярии, было много сожженных и разбросанных бумаг, папок, топографических карт. Осталось немного продуктов. Видно, что из этого КП гитлеровские вояки бежали при подходе наших танков, как крысы с тонущего корабля. Ничего интересного для нас в Цоссене мы не нашли.

Метрах в 300 от Майбаха I расположен второй комплекс домиков (Майбах II), где находились генералы управления верховного командования сухопутных сил (ОКХ) во главе с фельдмаршалом Кейтелем, который являлся начальником верховного командования.

Начальником штаба был генерал-полковник Йодль*.

Оба Майбаха были соединены подземным коридором. Хотя мы на месте и убедились, что мы нашли трупы Гитлера и Геббельса, однако, зная строгие московские порядки и наказ Верховного, я считал необходимым еще дать ряд указаний своим товарищам, чтобы добыть подтверждающие факты о правдивости нашей находки и выводов по ней.

Через несколько дней мне доложили, что задержан немец-дантист Эхтман, который в течение ряда лет ремонтировал зубы «фюреру». При подробном допросе дантист сообщил, что незадолго до женитьбы Гитлера он был вызван к Гитлеру, который хотел вставить недостающий зуб. Переводила Коган* из 3-й армии.

Осмотрев зубы Гитлера, дантист через пару дней приготовил вместо недостающего зуба искусственный зуб, а для того, чтобы его прикрепить, он сделал не коронку, а золотой пояс, к которому и припаял искусственный зуб, а затем пояс надел на здоровый зуб. При этом он уточнил, на какой челюсти он поставил этот зуб, и порядковый номер зуба. Нашли там же карточку и записи всей этой процедуры.

Пришлось нашим товарищам выезжать на место захоронения Гитлера, откапывать труп и изымать челюсть для проверки, с тем чтобы убедиться в правильности показания дантиста. Когда все подтвердилось при проверке, и мы были уверены, что нет никаких сомнений, засели за изложение обнаруженного.

Все было оформлено соответствующими документами и фотографиями и направлено в Москву. Я подробно рассказал маршалу Жукову. Правда, он особенного интереса к деталям не проявил, так как у него были на очереди более важные вопросы — это проведение в жизнь решений Ялтинской конференции союзников о разделении Германии и Берлина на зоны и решение внутренних вопросов по демократизации Германии на Контрольном Совете по Германии.

Пришлось проверять ряд других данных, поступавших к нам от агентуры. В ходе этих проверок мы получили сведения, что якобы Борман и Аксман* (руководитель молодежной фашистской организации) бежали из Берлина на бронетранспортере. Что на одной улице образовалась пробка транспорта и со 2-го этажа в бронетранспортер, где был Борман, была брошена граната, от взрыва которой он был ранен, однако большего установить не удалось.

Я не исключаю, что эта легенда понадобилась его приближенным, чтобы скрыть действительность, так как за границей пошли упорные слухи, что Борман жив, сделал пластическую операцию и стал неузнаваем[310].

Был у меня на докладе Вадис (начальник особого отдела). Рассказал, что Абакумов жмет на него, чтобы все докладывал ему, а не мне. Я ему сказал, что пока нет решения, отменяющего постановление ГОКО, он должен руководствоваться прежним решением ГОКО, дальше будет видно[311].

Абакумов на днях прислал оперативную группу для организации разведки на территории Западной Германии во главе с Какучая*. Тот пришел и рассказал, какие ему поставлены задачи и т. д. Просит разместить, питать и т. д.

Ну, Какучая не работник, он, правда, может неплохо выпить, погулять, как и все грузины, а работать от него не жди. Он и сюда привез <с собой> грузинских вин, сыров и прочей еды и своих помощников-грузин. В общем, «поработают»[312].

Вчера Жуков Георгий Константинович при мне отдавал распоряжение Малинину подготовить помещение для переговоров с союзниками, которые 5 июня будут здесь. Решили принять в одном из домов на берегу озера Ванзее в Венденшлоссе, где располагается временно штаб

фронта, в бывшем помещении яхт-клуба. С Советской стороны будут Жуков, Соколовский, Малинин и Серов.

Жуков мне рассказал, что когда был в Москве, то товарищ Сталин сказал: «Надо договориться с Эйзенхауэром, чтобы они поскорее освободили Тюрингию, согласно Ялтинской конференции».

В конце мая Эйзенхауэр приезжал в Берлин для предварительного знакомства с Жуковым и <договориться> о порядке работы будущего контрольного совета.

На днях мне позвонил Дмитрий Федорович Устинов и говорит: «Что слышно насчет ФАУ?» Я ему рассказал имевшиеся у меня предварительные данные. Сказал, что дал задание в оперативные чекистские группы искать среди арестованных инженеров и специалистов по ракетам. Он мне сказал, что хорошо бы ты вызвал нас к себе, вместе искать будем. Я согласился.

Через несколько дней я узнал от немцев, что якобы в Тюрингии в районе города Гарц, в горе высотой 200 метров было подземное убежище с залами, где имелись какие-то трубы, аппаратура, похожая на ту, что ставится на самолеты. Но это пока предварительные данные.

Я позвонил Дмитрию Федоровичу Устинову и говорю: «Посылай специалистов, здесь есть интересные дела». Он мне отвечает, что вчера докладывал «хозяину» просьбу поехать по этим делам. Он сказал, что пока там делать нечего. Вот когда Серов что-нибудь донесет, тогда и поедете.

Я ему говорю: «Ты доложи, что и кое-что нашел, и приезжай». Устинов говорит, ты дай телеграмму и назови Устинова с группой специалистов, и я с радостью вылечу.

Вчера, т. е. 5 июня, были союзники. Впервые встретились. Любопытно.

Приехали к нам главнокомандующие объединенными вооруженными силами союзников в Европе генерал-лейтенант (по-нашему генерал-полковник) Эйзенхауэр с адъютантом полковником Пантюховым* (русский князь из московских дворян), генерал Монтомгери, заместитель главнокомандующего, он же командующий британскими войсками в Европе и командующий французскими войсками генерал армии Делатр де Тассиньи.

Встретили мы их во дворе (садике), бывшем яхт-клубе, где решили провести совещание. Представились друг другу и пошли в комнату. Сели за круглый стол. С нашей стороны Георгий Константинович Жуков, Василий Данилович Соколовский, Серов и Малинин[313].

Начал Эйзенхауэр с того, что нужно союзникам договориться о Берлине, об организации контрольного совета, когда им можно приезжать со своими штабами в Берлин и по остальным вопросам.

Жуков предварительно ознакомился со всеми документами, разработанными главами правительств на Крымской конференции, согласно которым Берлин делится на 4 сектора: русский, американский, английский и французский. От Берлина идет разграничительная линия на север, где за нами остаются Мекленбург и Росток, а на юг за нами Галле (он уже был занят американцами) и далее к Тюрингии до города Хофф.

Таким образом, американцы должны уйти из Лейпцига, из Дрездена, из Тюрингии. Проще говоря, юг они должны весь освободить от оккупационных войск и передать нам. Это десятки километров территории и много городов[314].

Получилось так, что наши войска успешно заняли Берлин и на север от него до Балтики, а на юг до линии Галле пошло по Крымскому плану, а южнее наш 1-й Украинский фронт

задержался, а союзники двинули быстрее. При этом мы города занимали с боями, а союзники подходили к городу, а их уже ждал парламентар с белым флагом и докладывал, что бургомистр ждет вас с хлебом, с солью. Вот они и двинулись успешно.

Первым вопросом обсуждали берлинский. Когда по Берлину вопрос утрясли, то Жуков, улыбнувшись довольно хитро, сказал Эйзенхауэру: «А еще какие у вас, господин генерал, вопросы?»

Тот пожал плечами, вернее, наклонил голову набок и говорит: «Ну, остались мелкие вопросы. Как обеспечить вашими пропусками наших представителей, где будут контрольные пункты и другое».

Жуков тут и проявил свой характер. Он поджал свою нижнюю губу (это <он делал>, когда сердился) и говорит: «А у меня важные вопросы есть». И начал им выкладывать.

1. Когда отведете войска с нашей территории?

2. Отдать приказание, чтобы ничего с территории не вывозили (гражданского предназначения), чтобы оставить все в порядке, не разрушать и т. д.

Эйзенхауэр замялся, начали переговариваться с Монтгомери. Одним словом, пауза произошла. Ну, потом пришли к общему знаменателю, сказали переводчику, что ответить. Тут-то нижняя губа Жукова опять проявилась.

Полковник Пантюхов, сидя против Жукова, положил свою правую ногу на левое колено (поза, конечно не военная), сигара в зубах, и начал переводить. Жуков вскипел и резким голосом говорит Пантюхову: «Вы, господин полковник, встаньте и потрудитесь вести себя с маршалом Советского Союза вежливо». Тот смутился, но не понял, в чем его невежливость.

Жуков не стерпел, да как зыкнет: «Сядьте как следует, уберите ногу», — и лишь после этого до Пантюхова дошло, и он встал. Эйзенхауэр и Монтгомери переглянулись, но не знают, в чем дело. Переводчик Монтгомери на ухо сказал, чем был маршал недоволен.

Ну, мне эта сцена понравилась. Жуков с достоинством отбрил этого дворянчика. Я так и не понял, произвела ли эта вспышка Жукова на них впечатление, так как у них между подчиненным и начальником какие-то не военные отношения.

В конце концов, договорились, что в июле могут они приезжать в Берлин. К этому времени союзники «постараются» вывести свои войска с территории, куда они вошли в ходе войны.

Затем подписали декларацию, что представители правительства СССР — маршал Жуков, США — генерал Эйзенхауэр, Великобритании — Монтгомери и от Франции Делатр де Тассиньи берут на себя верховную власть, которой располагало Германское правительство, верховное командование и муниципальные органы власти.

И далее перечислялись меры, которые будут приняты командующими...

Кстати скажу, что буквально на следующий день Георгий Константинович Жуков издал приказ № 1, где указывалось национал-социалистическую партию распустить. Руководящему составу национал-социалистической партии, гестапо, жандармерии и другим организациям в 48 часов зарегистрироваться в Советских военных комендатурах. В течение 72 часов зарегистрироваться всем немецким военнослужащим, СС, СД и другим организациям. Всем коммунальным предприятиям приступить к работе. Запасы продовольствия зарегистрировать. Финансовые операции прекратить, огнестрельное оружие сдать и т. д.

Забыл сказать, перед заседанием генерал Эйзенхауэр вручил Жукову высший военный орден США Легион почета, которым награждаются главнокомандующие.

Монтгомери также сказал, что король Великобритании его наградила высшим орденом Бани, дающим право называться пэром Англии.

После заседания была небольшая закуска с выпивкой, но «союзники», в том числе и наши, смотрели выжидательно друг на друга. Видимо, это объяснялось тем, что за всю войну первый раз встретились, отсюда и настороженность.

На следующий день мне Жуков рассказывал, что он доложил «хозяину», что его американцы и англичане наградили орденами.

В Москве приняли также решение наградить Эйзенхауэра и Монтгомери орденами Победы. Жуков говорит: «Как пришлют ордена из Москвы, полетим вручать».

И действительно, через несколько дней он мне говорит: «Завтра в 10 часов летим». Я отказался, говорю, что у меня нет указания от начальства. Он рассердился, и говорит: «Я дам телеграмму Сталину». Я ответил: «Если прикажут, полечу».

Вечером того же дня мне показали ответ из Москвы, чтобы во Франкфурт-на-Майне в штаб союзников для вручения орденов Победы вылететь Жукову и Серову. На следующий день мы, забрав своих адъютантов (я взял полковника Короткова Александра Михайловича), вылетели во Франкфурт-на-Майне[315].

На аэродроме нас встретил почетный караул и смешной шотландский оркестр в юбках, с погонями, а дирижер, лет 55, шел впереди оркестра и длинным цветным шестом выделял такие выкрутасы, что дивиться пришлось, как он не выронит из рук палку, и как он умудряется в такт ей работать.

Когда шла рота почетного караула в красивой цветной форме, Жуков мне мигнул и сказал: «Прилетим, я у себя такую форму придумаю».

С аэродрома мы, сопровождаемые эскортом мотоциклистов, двинулись в объединенный штаб союзников. Это было помещение фирмы Фарбениндурии. Прекрасное, как дворец, хороший сад, красивые девочки в военной форме.

При входе в здание нас встретил Эйзенхауэр, а в кабинете у него, куда мы пришли, были Монтгомери и Делатр де Тассиньи. Поздоровались, немного поговорили, и тут Жуков проявил себя военным начальником.

Вот я сейчас опишу весь церемониал вручения.

Жуков: «Господа, разрешите приступить к официальной части». И далее: «Вам зачитаю Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении, а затем вручу ордена. Прошу построиться». Сам поставил Эйзенхауэра и Монтгомери рядом, а за ними Делатр де Тассиньи. «Прошу внимания». Вытянувшись по стойке смирно, Жуков читает полностью Указ о награждении Эйзенхауэра.

Эйзенхауэр, улыбаясь, благодарит Советское правительство. Жуков поздравляет его с наградой, я тоже пожал ему руку. Затем Жуков вручил орденскую грамоту и ленточку.

Эйзенхауэр: «Господин маршал, а где носить орденскую ленточку?» Жуков, не задумываясь, отвечает: «Выше всех орденов. Давайте я вам приколю». Прикалывает. Эйзенхауэр не возражает, хотя очевидно и знает, что иностранные ордена носят ниже своих, национальных.

Далее Жуков зачитывает Указ о награждении Монтгомери орденом Победы, после чего вручает орден. Монтгомери что-то бурчит, вроде благодарности, а затем так же, как и Эйзенхауэр, спрашивает: «Господин маршал, а сколько карат бриллиантов в ордене?»

Жуков, немного смутившись, так как не знает: «52 карата». Монтгомери: «А сколько этот орден стоит?» Жуков: «25 тысяч золотом!»

Я потом у него в самолете спросил, откуда он эти цифры взял. Он говорит: «Наугад сказал».

Затем Жуков вручил орден Суворова I степени Делатру де Тассиньи, который принял его с кислой миной. Потом, после вручения Жуков, решив поправиться, спросил у меня: «Может быть, французским офицерам дать ордена Красного Знамени?» (ордена были с собой).

Я поддержал его предложение, но когда Георгий Константинович сказал об этом Делатру де Тассиньи, он отказался, заявив: «Без разрешения правительства наши офицеры не могут получать иностранные ордена».

Было видно, что французы недовольны, что их командующему не дали ордена Победы, не понимая того, что они название союзников получили только что, т. е. после войны, так как в войне войска не участвовали, а отряды сопротивления были внутри Франции, да и то немного...

Затем Эйзенхауэр пригласил в большой зал на прием, куда собралось человек 150. Жукова посадили в центре, слева Эйзенхауэр, справа Монти (так, оказывается, здесь называют генерала Монтгомери). Я сидел с вице-маршалом авиации Англии Теддером, который прилетел в Берлин подписывать капитуляцию немцев. Так что оказался старым знакомым.

Пока обносили кушаньями, Теддер вынул сигарету. Я взял лежавшую против каждого из нас американскую зажигалку и начал чиркать, чтобы зажечь, а она не загоралась. Тогда Теддер рассмеялся и говорит: «Напрасно господин генерал стараетесь, это американские фокусы, она не работает», и зажег свою зажигалку. Мне ничего не оставалось, как согласиться с ним.

Через несколько минут в противоположном конце зала появилась группа негров мужчин и женщин с гитарами, банджо, барабанами, человек до десяти, и, напевая, стали приближаться к основному столу (столы были расставлены буквой П).

Они подошли к Эйзенхауэру и запели техасскую песню. Эйзенхауэр тоже подпевал. Я обратился к Теддеру, и спрашиваю: «Что, эта группа в составе армии работает?» — «Нет, — ответил он, — это все американские штучки. Они сегодня из Америки прилетели веселить Айку, — так он назвал Эйзенхауэра, — в связи с награждением. Он сам из Техаса, негры его знают, вот и поют вместе».

После этого разъяснения я пришел к выводу, что, видимо, англичане не любят американцев, однако общность языка и политики их сближает, поэтому они вынуждены дружить.

16 июня. Произошла тяжелая утрата командующего 5-й ударной армией Берзарина Николая Эрастовича. Погиб по своей вине. Жалко. Всю войну провоевал и на тебе.

Решил выучиться езде на мотоцикле. То ли учитель был плохой, то ли самоуверенность появилась, но проще говоря, не справился с мотоциклом и на большой скорости головой врезался в впереди идущий студебеккер и умер.

Все мы искренне жалели этого генерала. Гроб с телом выставили в Бабальсберге внизу госпиталя. Все ходили прощаться, так как решено было по просьбе семьи похоронить в Москве.

В день выноса тела Николая Эрастовича Берзарина для отправки на аэродром Жуков Георгий Константинович приказал коменданту штаба приготовить холщовые <концы>, чтобы от госпиталя до автомашины 200 метров мы, его боевые товарищи, могли нести.

Утром пришли, постояли в почетном карауле, взяли за концы и понесли. Мы с Георгием

Константиновичем встали у головы, а Соколовский и Малинин в ногах.

Только подняли и отошли медленно несколько шагов, как я почувствовал, что у меня из рук Георгий Константинович тянет холст. Я ему тихо говорю: «Не тяни, я уроню», — и обмотал для большей уверенности холст вокруг руки.

Слышу, Георгий Константинович шипит: «Не тяни, я уроню». Я ему говорю, что мне не за что держаться, он отвечает: «И мне». И так мы шли, переругиваясь, до автомашины. Я на всякий случай сказал, чтобы офицеры подстраховали, так как нам держать неудобно.

Когда, наконец, поставили тело в автомобиль, Жуков вызвал коменданта и говорит: «Тебе, что, никогда не приходилось хоронить?» Тот отвечает: «Приходилось, товарищ маршал». Жуков: «Так почему же ты, дуралей, обрезал концы короткие, вместо того чтобы можно было через плечо по русскому обычаю перекинуть?»

Комендант, зная крутой характер маршала, молчит. Жуков: «Эх, ты!» и тут же приказал отправиться на гауптвахту на 10 суток.

Я, правда, не стал отговаривать, так как мне самому было тяжело, а потом такие элементарные вещи должен комендант понимать.

Июль

На днях был в Москве, вызывали по делам. Абакумов, этот авантюрист, добился, видимо, у хозяина, чтобы особые отделы нашего фронта подчинялись ему. Так как война кончилась, он не мог смириться, что до сих пор особый отдел фронта подчинялся мне. Назначил вместо Вадиса Зеленина — известного провокатора, которого Абакумов спас на Юго-Западном фронте у Малиновского, когда они вдвоем в 1942 году подписали приказ о награждении орденами сотрудников особого отдела не за боевые операции, а стоя на месте[316].

В приказ вписали всех девочек, которые получили ордена Красной Звезды, сидя в тылу фронта. Меня посылали расследовать, я все это подтвердил, но Абакумов сумел Зеленина защитить.

Вот этот подлец и приехал начальником особого отдела фронта, чтобы не докладывать мне и не иметь связей. Ну, пусть.

В течение нескольких последующих дней союзники вывели войска из Тюрингии, и я сразу бросился туда на розыск ракет. Мы ездили по всем местам, где только имелись данные о ФАУ-2.

Розыск ракет ФАУ-1 и ФАУ-2, Вассерфаль, Рейнтохтер у меня не выходили из головы, так как в последнюю встречу со Сталиным, когда он меня вызывал в мае, для того чтобы я забрал немецких руководителей Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрихта и других, он сказал, что розыску ракет и реактивной техники надо уделить особое внимание, а потом добавил: «Основное внимание вашей работе, так как у нас, к сожалению, с этим делом обстоит пока плохо»[317].

Поэтому даже в тот радостный день 8 мая при подписании капитуляции немцами я воспользовался случаем, что сидел рядом с командующим авиацией союзных войск маршалом авиации Теддером, спросил у него, как велик ущерб, "который" немцы нанесли Лондону обстрелом ракетами ФАУ-2 и ФАУ-1.

Теддер, подумав немного, сказал: «Ущерб небольшой, но неприятностей было много, особенно в первые дни обстрела. Люди паниковали, а главное то, что мы их ракеты не могли ни сбить, ни перехватить».

На мой вопрос, откуда немцы пускали ракеты, Теддер ответил, что в основном из Пенемюнде, но потом мы эту пусковую площадку разбили, тогда они стали пускать с французского побережья. Я почувствовал, что ему этот разговор неприятен, и прекратил вопросы.

Ну, в дальнейшем, в июне я уже, в основном, путем допросов немцев, которые были задержаны и содержались в оперативных секторах НКВД (провинций), а также из поездок по местам, где делались ракеты, узнал следующее.

В конце мая 1943 года министр вооружения Германии Шпеер* уже участвовал на острове Узедом в районе Пенемюнде, где проводили испытание ракеты А-4 (ФАУ) дальностью 265 километров. Первая ракета ФАУ взорвалась на пусковой площадке, где были большие разрушения. Вторая ракета отклонилась и улетела в море на 250 километров.

Туда же затем приезжал Гиммлер, чтобы убедиться в эффективности этого страшного оружия, и доложил об этом Гитлеру, что уже приступили к массовому производству ракет, это было уже в 1944 году.

Гитлер приехал в город Гарц, где было производство ракет, устроил большой прием в честь конструктора ФАУ Вернера фон Брауна*, 35-летнего немца. Гитлер наградил фон Брауна высшим немецким орденом и дал звание профессор. Главным инженером и заместителем Брауна был немец Гретрубб* (Правильно: Греттруп. —

Прим. ред.). Там же Гитлер назвал ракету «А-4» — «возмездие». ФАУ — от начальной буквы возмездие.

После этого немцы уже систематически обстреливали Лондон. Производство ФАУ-1 и ФАУ-2 возглавлял группенфюрер СС, генерал-лейтенант Каммлер* — это тот подлец, который соорудил газовые камеры для узников лагерей.

Разработку ФАУ немцы начали в 1943 году, а в 1944 году уже перешли на массовый выпуск.

Для производства ФАУ была выбрана гора высотой до 200 метров в районе города Гарц, Конштейн в Тюрингии. Около горы создали концентрационный лагерь «Дора», где работало свыше 10 тысяч человек. Сперва делали подземные ходы, затем цеха, в которых и собирали ФАУ-1 и ФАУ-2. Цеха были соединены галереями общей длиной до километра.

В 1944 году, когда немцы почувствовали силу Красной Армии, вот тогда-то бесноватый Геббельс и начал кричать по радио, что немцы изобрели чудо-оружие невероятной силы. Это, видимо, для того, чтобы подбодрить себя после потери до 8 миллионов человек в войне с нами, до 200 тысяч орудий, 60 тысяч самолетов и 50 тысяч танков.

Ракета ФАУ-1 это самолет-ракета длиной 8 метров, размах крыльев до 3 метров, с реактивным двигателем, заправляемым спиртом и жидким кислородом, и взрывчаткой. Дальность 250 километров, скорость до 600 километров, вес 1000 кг. Наводилась на цель ракета ФАУ-1 на земле, так, что неуправляемый снаряд допускал рассеивание до 15 км так, что стрельба велась по площадям.

Впервые стреляли 12 июня 1944 года по Лондону. Конечно, паника в Лондоне вначале была, а затем, когда ПВО научились встречать и сбивать эти ФАУ-1, то все притихло. ПВО и истребители стали сбивать до 70 % ФАУ-1.

Ракета ФАУ-2 длина ее до 20 метров, а толщина 2 метра. Дальность 250–260 км, заправляется 4 тонны спирта, 5 тонн жидкого кислорода и 1 тонна взрывчатки. Скорость полета более 600 км. Много ракет взрывалось на пусковой площадке, а также не долетало до Лондона.

С ФАУ-2 англичанам пришлось труднее, так как истребители не могли их взять, так же как и зенитки, воронки большие. ФАУ-2 впервые применена по Лондону 8 сентября 1944 года.

В Лондон было запущено до 8 тысяч штук ФАУ-2, но до Лондона дошли не более 2,5 тысяч ракет, которые все же побили до 6 тысяч человек.

Кстати сказать, я в 1944 году, когда был уже в Польше на 1-м Белорусском фронте, то узнал, что поляки под Варшавой нашли ФАУ-1, где немцы проводили испытания. Эту ракету поляки разобрали по частям и переправили в Лондон Миколайчику. Вот ведь какие подлецы, не нам, которые кровь проливали, освобождая Польшу.

После того как я все это узнал путем допросов и многих наблюдений при поездках по местам, связанным с производством ракет ФАУ, я еще раз позвонил Устинову Дмитрию Федоровичу и сказал, что послал в Москву телеграмму с просьбой выслать группу специалистов по реактивной технике. Он мне ответил, что подобрана группа специалистов, и они оформляются у Андрея Васильевича Хрулева.

Тогда был установлен следующий порядок поездки за границу, где находились наши войска (Германия, Австрия) и другие страны.

Соответствующий наркомат испрашивает разрешения у ГОКО или в ЦК на поездку специалистов за границу, указывая цель поездки. Выносится соответствующее решение и направляется заместителю наркома обороны Хрулеву для присвоения условных званий, капитан, майор, полковник, для того чтобы наших специалистов за границей не спутали с репатриантами, которых были тысячи и которых собирали на пункты отправки на Родину. Специалистам выдавали военное обмундирование, и эти «капитаны» и «майоры» являлись к нам.

Затем Дмитрий Федорович добавил: «Иван Александрович, а ты дал телеграмму „хозяину“, что просишь направить Устинова с группой специалистов, как мы с тобой договорились?» Я ему сказал: «Жди сегодня, послал».

И действительно, на следующий день мне позвонил Дмитрий Федорович и радостно сказал: «Спасибо, Иван Александрович, получил команду завтра вылетать».

Я понимал его удовлетворение, так как в первые месяцы после окончания войны все в Москве жили, радуясь нашей победе над фашистами, и в то же время каждый хотел побывать в поверженном Берлине и посмотреть Германию.

На другой день Устинов с большой группой «военных» прибыл в Берлин. Там были заместитель наркома Ванников*, генерал-полковник Яковлев, генералы Носовский*, Гайдуков*, полковник Королев, Рязанский* и другие[318].

После того как разместились, мы с Дмитрием Федоровичем провели совещание и наметили план поездок по осмотру производства реактивной техники. Я выступил и рассказал то, что уже узнал про ракеты ФАУ.

Осмотрели в районе Гарца подземный завод и инженеры, приехавшие с Устиновым, сразу сказали, что это детали для ФАУ-2, корпуса, детали двигателя, камеры сгорания, оперение графитное, баки для спирта и т. д. Все были очень довольны, в том числе и я.

Как я выяснил в дальнейшем из допросов немцев, англичане узнали об этих ракетах в августе 1943 года от военнопленного, убежавшего от немцев, но не придали этому особого значения...

Я вкратце рассказал москвичам об этом, и после этого я их повез в Нордхаузен: Устинова, Яковлева, Королева и человек пять специалистов. А в другие места, которые к тому времени нам стали известны, мы послали другие группы.

Вся трудность заключалась в том, что немцы, занимавшиеся изготовлением ракет и их пуском, страшно боялись нас, победителей, и особенно англичан, которых они почти год бомбили. Поэтому боялись признаваться и разговаривать с ними.

В Нордхаузене у меня уже были чекисты, которые кое-кого из немцев вызвали. В частности, там проживал с женой заместитель главного инженера Греттруб. Мы его вызвали для разговоров.

Он, смутившись, сначала пытался отказываться, но потом признался, чем занимался. Ну, а по нему потянулась ниточка, и стали выявлять других, но нужно сказать, не особенно ценных, так как главные специалисты во главе с конструктором ФАУ-2 фон Брауном уже удрали в американскую зону[319].

В Тюрингии мы нашли завод, на котором происходила сборка ракет, но никого из администрации или рабочих не нашли. Затем мы поехали смотреть гору высотой метров 300–400 и вход в нее.

Когда я был там первый раз, то как-то жутко было заходить, от входного отверстия тянулся длинный коридор, который соединялся с громадным залом, вернее цехом. В земле были вырыты длинные траншеи, а сверху застланы камнем, это, очевидно, были столы, по которым шла сборка ракеты. Рядом еще было несколько помещений.

Вот в этой горе толщиной 300–400 метров и происходило изготовление деталей ракеты. Изготовленные детали поступали на сборочный завод и далее на испытательную площадку в горах.

Несмотря на наши усилия, мы долго не смогли найти ни целой ракеты, ни специалистов, нужных нам.

Пока был в Германии Дмитрий Федорович Устинов, мы все же разыскали ряд других специалистов, оснащавших ракеты, которые делали немцы. Мы разобрались с самолетом-ракетой Рейнтохтер (сестра Рейна), Вассерфаль, с реактивным самолетом, с пульсирующим двигателем и рядом других[320].

Но я про себя думал, что мне-то надо найти специалистов по сборке ракет...

В Берлине мы поехали в небольшую лабораторию, в которую я подключил немцев, работавших там во время войны, и при ней цех по изготовлению гироскопов, управляющих полетом ФАУ. Там несколько немцев-специалистов ковырялись с приборами.

Мы их расспросили, они с испугом на нас смотрели, так как <мы> были генералы, но все рассказали. Мы почувствовали, что немцы боятся, как бы мы их не посадили за то, что они занимались ракетами и вообще военной техникой, и все стараются отказаться или сказать, что не знают, куда предназначаются эти приборы. И лишь после того, как им скажешь: «Не бойтесь, ничего вам за это не будет», — начинают понемногу развязывать язык.

В этой лаборатории под конец один немец запустил гироскоп величиной с кулак и дал нам поддержать. Я взял, он мне говорит: «А вы попробуйте повернуть его в сторону». Все мои

попытки были неудачными. Оказывается, внутри работает машинка с программным управлением, поставленная под определенным градусом, делает 60–80 оборотов в секунду и тем самым удерживает нужное направление в полете ракеты.

Вот это здорово! Наши инженеры говорят, что у них есть экспериментальные образцы гироскопов, которые дают 10–12 тысяч оборотов. Ну, ничего, догоним[321].

Устинов к этой лаборатории прикрепил инженеров системы управления, чтобы они учились у немцев уму-разуму — пригодится.

Через пару дней мы съездили на остров Рюген, в местечко Пенемюнде, на стартовую площадку, откуда немцы обстреливали Лондон. Ну, как и следовало ожидать, пусковая площадка взорвана, на складах ничего нет. Остался один сторож, который сказал, что ракеты целиком не приходили, а посылали детали из разных мест, в том числе упомянул и гору в Тюрингии. Здесь ракеты собирали, потом на стенде проверяли, а затем стреляли.

В последние дни войны англичане разведали эту площадку и разбомбили, а часть сами <немцы> взорвали.

Руководителем (главным конструктором) ФАУ-2 он назвал фон Брауна и какого-то генерала, которые находились в Клайпеде, а сюда приезжали редко. Вот и все данные. Мало!

По приезду в Берлин мы с Устиновым и Яковлевым провели совещание со всеми специалистами, которые за это небольшое время успели кое-что узнать. Хорошее впечатление произвели молодые наши инженеры, Королев Сергей Павлович, Глушко, Рязанский, Кузнецов* и ряд других[322].

Условились с Устиновым, Яковлевым, Ванниковым, Носовским (это старший по инженерам), что они будут находиться здесь, а я им буду оказывать всяческую помощь, главное — в выявлении новых данных по ракете.

Через несколько дней московские гости, Устинов, Яковлев и другие, улетели в Москву, а появился новый гость, Завенягин Абрам Павлович, новый представитель по атомным делам.

Перед этим я дал телеграмму в Москву, что нашел уран и тяжелую воду. Атомное дело большое, а американцы говорят, что они имеют сверхмощную бомбу, а мы пока мало знаем.

Абрам Павлович рассказал московские новости, говорит, что атомному делу хозяева придают важнейшее внимание. Документы пошли в ход, и начинается освоение.

Спросил, что у меня имеется, я ему рассказал, что из допросов немцев я узнал, что немцы были близко к изготовлению атомной бомбы. В Норвегии, а затем и в Германии уже добывали тяжелую воду, откуда-то они достали уран. Я ему сказал, что уран и тяжелую воду я забрал и отправил на днях в Москву. Видимо, с ним разошлись, так как он ехал два дня поездом[323].

В конце разговора я ему советовал съездить в соляные копи, около Галле, где имеются большие выработки (залы), там мы нашли сложную аппаратуру, поставили охрану, надо давать команду на вывоз аппаратуры в Москву.

В заключение я ему продемонстрировал кусок урана, который лежал у меня в столе в кабинете. Я взял уран в руки и, чиркая по урану гвоздем, показал, как искры железа от гвоздя, сгорая под действием урана, раскаленными падали на пол.

Абрам Павлович разволновался, заохал и говорит: «Брось немедленно уран, убери из кабинета и не притрагивайся руками, потому что можешь заболеть радиоактивной болезнью или еще хуже». Рассказал при этом случай, произошедший с одним из сотрудников в Москве. Пришлось послушаться его рекомендаций.

По возвращении из соляных копей, где мы были, Завенягин мне сказал, что это очень ценные приборы и он заберет. Я дал команду на погрузку. Я Завенягину рассказал, что американцы выслали на розыск в 1944 году атомных дел специальную миссию «Алсос», которая имела целью захватить всех ученых по ракетам ФАУ-1 и 2 и особенно атомщиков-немцев, так как боялись, что немцы обогнали в разработке атомной бомбы американцев.

Вот эта «Алсос» и следовала вместе с наступающими войсками союзников и успела забрать 18 ученых-атомщиков во главе с руководителем Вернером Гейзенбергом*. Они нашли все разработки и документы по ядерной физике[324].

Все эти ученые попали не к нам, так как боялись последствий. Незначительная часть их ушла к англичанам и французам.

Исследования немцы вели в основном в институте кайзера Вильгельма, начиная с 1939 года.

Попрощавшись, Завенягин уехал в Москву.

Что-то из Москвы стали прибывать многие делегации для ознакомления «по разным отраслям промышленности» и др., а некоторые, я посмотрел в СВАГ, болтаются и боятся выехать куда-нибудь на периферию, так как распространили слухи, что немцы русских из-за угла убивают.

На самом деле были два-три случая, когда репатрианты русские, еще не выехавшие на родину, напивались пьяными, дрались с немцами, и дело доходило до убийства.

Вернувшись в Берлин, я прочел в газетах, что Союзники договорились провести 16 июля в Потсдаме конференцию на высшем уровне по Германии и договориться о союзнических правах над Берлином.

Начались звонки из Москвы от Абакумова НКГБ, с выяснением, где размещаться и т. д. Потом приехала группа МИДовцев и НКГБ из охраны. Состав конференций объявлен таков: Сталин, Трумэн (Рузвельт умер) и Черчилль.

Союзники также начали проявлять активность. На днях была вторая встреча с союзниками, на которой были те же, что и в первый раз, только сейчас в расширенном составе. С Эйзенхауэром приехал генерал Клей* (его зам.) с Монтгомери генерал Робертсон*, с французом тоже какой-то носатый генерал.

В основном договорились, что Берлин делится на 4 сектора. Мы берем восточную часть, а американцам, англичанам и французам западную часть Берлина. Определили трассу движения от западной границы между нами и союзниками. Через Магдебург и далее на Потсдам и в Берлин. Воздушную трассу наметили, условились вместе подыскать здание для заседаний «Контрольного совета над Германией».

Одним словом, все прошло дружно, с согласием. При этом я заметил, что Эйзенхауэр охотно шел на уступки, когда Жуков с чем-либо не соглашался, и в то же время Монтгомери в таких случаях мямлил, что-то пищал под нос (у него тонкий женский голос), но когда видел, что Жуков и Эйзенхауэр согласны, то ему нечего было возражать. Делатр де Тассиньи только мило улыбался и особых возражений не высказывал. И вот такой четверке придется решать судьбы Германии. Ну что же, поживем, увидим.

В последующие дни стали вырисовываться более четко задачи СВАГ, которыми я руководил. Тут пришлось решать задачи по демилитаризации всех учреждений и особенно крупных заводов и переводить их на работу в мирных целях.

Более простым <делом> оказалась денацификация всяких крупных синдикатов, трестов,

так как владельцы и совладельцы убежали на Запад к американцам и англичанам, поэтому даешь указания коменданту: назначай добропорядочного немца руководителем, а к нему нашего представителя, и работайте. Так было с заводами и управлением оптической фирмы Цейс, и другими.

Вместе с этим немцы ведь педанты, они сразу ставят вопрос: «А по немецким законам так делать нельзя». Ну, пришлось отменить все немецкое законодательство, изданное фашистами.

Но главная задача — это проведение в жизнь демократических правил, от которых немцы за время гитлеровского правления отвыкли, восстановление экономики и ликвидация последствий войны. В общем, дел очень много, а времени мало.

Вчера был у меня Маркграф — полицей-президент. Уже обрел соответствующий вид и апломб.

В беседе доложил, что за эти дни вновь назначенные военные командиры своих секторов (американские и английские) приглашали его на ланч.

Вначале американец. Маркграф явился. Угощали шнапсом и коньяком. Много выспрашивали о городе, осторожно о русских. Интересовались, женат ли и где семья (у него семья в английской зоне). Ну и в конце довольно откровенно ему сказали, чтобы он встречался с ними, с американцами, и информировал обо всем. Видно, сразу берут быка за рога.

Ну, я, конечно, его потом тоже угостил и проинструктировал о линии поведения. Пока у меня в нем сомнений нет.

В конце, когда он подвыпил, я спросил, а как он дальше думает быть с семьей. Он, смутившись, говорит, что пошлет за ней своего человека, и он привезет. Поездки такие у нас разрешались. Я на это ему говорю: «Может быть, вам самому за семьей поехать в роли частного гражданина?»

Он заулыбался, доволен, что я оказал ему такое доверие, потом подумал, поблагодарил и говорит: «Все же лучше за ними послать». Я согласился.

Через пару дней к Маркграфу я заехал, и он мне рассказал о таком же ланче у англичан, которые угощали джином и виски, более скромно, но разговор был такой же, но, правда, в более короткой форме.

Англичанин, конечно, в этих делах умнее, а конец был про его семью, и предложили организовать ей там питание и уход, от чего якобы Маркграф отказался. В общем, союзники начинают отрабатывать нужных им людей. Учтем.

Ездил выбирать помещение для Потсдамской конференции, с генералом Добрыниным. Остановились на дворце сына Вильгельма, который расположен в Потсдаме в парке Сан-Суси[325].

Парк большой, несколько квадратных километров, дворец в готическом стиле, правда, не на наш вкус, но главное все есть. Зал для заседаний с хорами. Крыло и комнаты для размещения тов. Сталина и его охраны, а также МИДовцев и сопровождающих, которые приедут.

Потом я сказал <o выбранном месте> Жукову, и поехали с Жуковым и Соколовским посмотреть. В основном понравилось. Главное, в стороне от шумных улиц. Донесли в Москву об этом.

На днях приехали из Москвы охранники, хозяйственники и обсуждали состав. Показал все

подобранные помещения и сказал: «Размещайтесь и действуйте». Началась шумиха, движется подготовка, скоро приедет тов. Сталин. Были отремонтированы и покрашены десятки комнат и зал. Каждой делегации свое крыло, свои цвета, свои выходы и общий зал.

Вчера мне сообщили, что где-то в Потсдаме, около нас живет в своем особняке гросс-адмирал гитлеровского флота Редер*. Надо узнать. Также где-то поблизости тоже в своем особняке живет Марика Рокк*, известная кинозвезда Германии. И кроме того, в Тюрингии жена Вильгельма — голландская принцесса Вильгельмина* и разведчик Первой мировой войны Николаи, о которых донес в Москву.

16 июля на вокзале встретили тов. Сталина. Вместе с ним приехали Молотов, Берия, Поскребышев и МИДовцы. Разместили. Вечером виделся с охранниками, вроде, не говорят, что плохо, но и не сказали, что хорошо.

Наутро Молотов и Берия попросили, чтобы я показал им капитуляцию Гитлера и бункер, где он покончил жизнь. Я их повез, рассказал и показал[326].

Молотов В. М. спросил, где трупы, я ответил, что захоронили на территории военного городка одной воинской части вне Берлина. Знают об этом только 3 человека: я, начальник особого отдела генерал Вадис и его заместитель генерал Мельников[327].

Август

Вот прошло уже несколько дней, а тов. Сталин никуда не выезжал. Вчера, 2 августа, закончилась конференция, вроде обо всем договорились[328].

Вчера же вечером на автомашинах все начальство въехало в Франкфурт-на-Одере, где и сядут в вагоны. Это сделано, видимо, в порядке перестраховки, чтобы не устраивать посадку в Берлине.

Может быть, это и правильно. Ведь тут еще фашистов осталось немало. Могли что-нибудь и сделать. Посадили в вагоны и распрощались.

В общем, можно вздохнуть посвободнее, а то целыми днями пришлось переживать, как бы немцы, мои «подчиненные», как Г. К. Жуков сказал, что-нибудь не устроили[329].

Коротко опишу, как проходила конференция, на которую я несколько раз приезжал и следил, чтобы было все в порядке.

По приезде Сталин, Черчилль и Трумэн обменялись визитами. Первыми к Сталину явились Черчилль и Трумэн. Министры иностранных дел засели за документы, которые должны главы подписать.

17 июля было первое заседание в большом темном зале, как в колодце. Под потолком были балконы (очевидно, для оркестров).

На первом заседании присутствовали все, кто приехал с главами. Я помню, американцы и англичане уже сидели за столом, а Сталин прогуливался на улице около своей комнаты, и никто ему не решается сказать, что пора садиться. Потом вошли. Я тоже.

Первый спорный вопрос — это политические принципы Германии, — сразу встретил возражения с нашей стороны, так как американцы и англичане договорились о том, чтобы Германию расчленили на 3 государства: Северная Германия, Южная Германия и Западная

Германия. Сталин резко возразил, заметив, что надо иметь единую демократическую Германию. Союзникам пришлось согласиться.

Далее решили создать Контрольный совет по Германии и определить его действия. Главнокомандующие в своих зонах решали вопрос самостоятельно.

Определили общие принципы по Германии:

Полное разоружение и демилитаризация германской промышленности.

Уничтожение национал-социалистической партии и всех нацистских учреждений, чтобы не допустить нацистской и милитаристской пропаганды.

Военные преступники: кто планировал и осуществлял войну и нацистские мероприятия, подлежат военному суду. Все нацистские начальники должны быть удалены со всех постов.

По экономическим принципам — развитие мирной промышленности и полный запрет на производство вооружения.

На конференции большой спор произошел из-за репараций (правильно: вывоза. —

Прим. ред .) в СССР ряда предприятий из Германии, особенно тяжелой промышленности.

Черчилль и Трумэн не хотели этого, но наши товарищи доказали, сколько немцы уничтожили наших фабрик и заводов и городов.

В итоге, правда, этого не получилось, так как союзники не дали нам вывезти из занятых ими немецких городов. Но кое-что из Западного Берлина, пока мы командовали, все же вывезли, ряд предприятий.

Долго торговались о границах Польши, но все же наша линия прошла. Прилетел Берут[330].

С 28 июля вместо Черчилля прибыл новый премьер-министр Англии — Этли* (правильно: Эттли. —

Прим. ред .).

За несколько дней до этого Черчилль и Трумен пригласили Сталина для беседы втроем. Трумен под секретом сказал, что американские ученые изобрели новую бомбу большой силы, в десятки раз более разрушительной любой нынешней бомбы. О том, что атомная, не сказал. Сталин только выслушал, не задал ни одного вопроса, и разошлись.

Вот коротко все, что я видел, когда там присутствовал.

Из поздних записей

После отъезда т. Сталина и окончания Потсдамской конференции, на которой, как будто, все было уточнено, начались активные регулярные заседания Контрольного совета.

Для того чтобы быть в курсе событий, я вместе с Г. К. Жуковым и В. Д. Соколовским присутствовал на заседаниях. К этому времени уже союзники заняли свои сектора в Берлине, а ранее отвели свои войска из Лейпцига и Тюрингии.

Мы ездили, как всегда, по всему Берлину, тем более что полицей-президент общий на весь

Берлин, так же как и магистрат города, но американцы, англичане и французы в своих секторах назначили своих военных комендантов. И при решении общеберлинских вопросов собирались у нашего коменданта генерал-майора Котикова*, назначенного после смерти Берзарина Н. Э.

На заседания Контрольного совета все подъезжали на шикарных машинах с флажками, хорошо одетыми. У каждой страны были свои комнаты. Буфет общий, а питание в обеденное время попеременно. Союзники особенно нажимали на «Рашен водка», в том числе и их машинистки и переводчики, когда день угощения был наш. Правда, их желание не выходило за пределы одной рюмки.

В зале заседаний столы были установлены с 4 сторон. Перед заседанием Контрольного совета наши советники и союзников предварительно готовили и согласовывали вопросы, а затем уже обсуждал Контрольный совет.

Первое время работа Контрольного совета протекала хорошо, без прений, раз в неделю, но я несколько раз говорил Г. К. Жукову, что союзники либерально относятся к фашистским преступникам, и назвал ему цифру 2500 человек, арестованных в нашей зоне фашистских преступников и руководящих деятелей НСДП.

В то же время такие же преступники в зонах союзников не только не арестованы, но даже им разрешено открывать торговлю, издавать газеты и др. Г. К. мне сказал: «А ты спроси у Эйзенхауэра, сколько они арестовали?»

В те дни были почти на каждой неделе приемы то у одних, то у других. На одном из приемов мы оказались рядом с Эйзенхауэром, и я спросил. Пантюхов перевел мой вопрос.

Эйзенхауэр посмотрел на меня с удивлением и говорит: «Я не знаю, это дело М. П. (Милитер полиция)». Потом я пристал к Пантюхову, чтобы он узнал у начальника военной полиции. Тот, вернувшись, мне сказал, что начальник полиции точно не знает, но, кажется, около 100 человек. Вот вам факт! Несмотря на решение Потсдамской конференции и подписи их президентов.

После этого я рассказал Георгию Константиновичу об этом, и он условился с Эйзенхауэром, чтобы мы съездили в американскую зону и допросили главных военных преступников. Однако после большой оттяжки и отговорок американцы не дали нам, я имею в виду солидной группе военных, выехать для допроса, а ограничились разрешением допросить некоторых, и то не зам. главнокомандующего, которого они уже знали, кто это Серов, а второстепенным работникам фронта. Ездил туда, кажется, генерал Трусов* (начальник разведотдела фронта), который в этих делах не специалист.

В процессе дальнейшей работы Контрольного совета все еще существовали хорошие отношения. Нередко, когда по обсуждаемому вопросу «Монти» начинал писклявым голосом возражать, бормотать, я это говорю, потому что сидевший рядом со мной переводчик ничего не мог разобрать, что говорил Монтгомери, то на это не обращали внимания. В таких случаях Эйзенхауэр прерывал Монти, чтобы он не возражал, и тот замолкал.

Сколько бы я не присутствовал на заседаниях Контрольного совета, я ни разу не понял смысла выступлений Делатра де Тассиньи. Он вроде бы возражал англичанам и соглашался с нами, а как дело доходило до окончательного решения, он голосовал вместе с американцами и англичанами.

Если первые месяцы Контрольный совет более или менее решал вопросы согласованно, то потом, после того как СССР, будучи верен обязательствам о вступлении в войну против Японии, и это выполнил, союзники уже более решительно стали возражать против наших предложений.

Например. Мы знали, что за время войны в зонах союзников остались тысячи советских граждан, угнанных немцами на работы в Германию. Естественно, Георгий Константинович поставил вопрос на Контрольном совете о возврате их на родину.

Этот вопрос тянулся месяцами, но так и не дали им вернуться, и более того, среди советских людей повели антисоветскую агитацию и угрозы, что, вернувшись в СССР, им за это попадет. Поэтому часть наших людей отказывались вернуться и встали на путь предательства, работая на американскую и английскую разведки.

Мы все же настояли перед Эйзенхауэром, чтобы допустили наших людей в лагеря интернированных, и вернувшиеся наши товарищи доложили, что те из советских людей, которые не чувствуют за собой вины перед родиной, захотели вернуться, а различные предатели отказались[331].

Правда, этих подлецов и не жалко, но они должны были ответить за свои злодеяния перед советским судом.

В конце августа Эйзенхауэр был Советским Правительством приглашен в Москву. Георгий Константинович сопровождал его.

К концу 1945 года уже в Контрольном совете стали возникать спорные вопросы, особенно по ликвидации военно-экономического потенциала Германии, то есть крупнейших концернов, которые снабжали фашистскую армию оружием и приборами, разоружение и ликвидация различных воинских и военизированных подразделений, ликвидация фашистских организаций и т. д.

Я все это подробно изложил Г. К. Жукову, который, возмущенный тем, что союзники умышленно не выполняют Потсдамское соглашение, разразился меморандумом в Контрольный совет, где указал, что несмотря на решение Потсдамской конференции в английской зоне существуют военные части немецкой армии, а также воздушные и морские, которыми управляют немецкие военные округа, и перечислил пять городов, где они дислоцируются.

Эти данные мне добыли польские разведчики, муж и жена, которых мы использовали. Также было указано 25 городов, где немцы организовали открытые военные комендатуры[332].

И в заключении в меморандуме было указано, что в Шлезвиг-Гольштейне до миллиона немецких солдат не распущены и продолжается военная подготовка...

В конце требовалось обсудить на Контрольном совете этот вопрос и послать комиссию для ознакомления на месте с положением дел разоружения немецкой армии в духе решения Потсдамской конференции.

Был Контрольный Совет, Монтгомери на заседании вертелся как еж, приводя в объяснение различные трудности в ликвидации воинских подразделений. Эйзенхауэр, видимо, был в курсе дела, так как он ссылаясь зачастую на Монтгомери. Затем <Эйзенхауэр> через некоторое время был отозван в Вашингтон, а вместо него был назначен генерал-полковник Клей.

После Эйзенхауэра дела пошли все хуже и хуже, так как Клей на себя многое не брал, а Монти уже не считался с американским коллегой.

Один раз на последнем заседании Контрольного совета, которые уже проходили не раз в неделю, а раз в месяц, я заспорил с американским генералом, который мне начал перечислять поставки по ленд-лизу, что они дали СССР 400 тысяч автомобилей, паровозы, горючее, 4 тысячи самолетов, 10 тысяч танков, 10 тысяч орудий и т. д.

Я разозлился и рассказал про случай, как топили их корабли с ленд-лизом в Архангельске в Северном море и как они доблестно удирали от немцев по их приказанию. Поэтому потопленную технику не надо считать.

Попутно расскажу <про> отношение американцев к технике.

Летом нас с Жуковым Эйзенхауэр пригласил посмотреть действия авиадесантной дивизии.

Когда мы приехали на Темпельхофский аэродром, там были англичане, французы и авиадивизия, которая демонстрировала выбросы десанта, погрузку в самолет танков, автомашин, пушек и т. д. Мы наблюдали с диспетчерской вышки.

В это время диспетчеру американцу экипаж одного самолета, летевший в Берлин из Франкфурта, доложил, что на аэродроме, куда он должен сесть, поднялся ураган, видимости нет, и спрашивает, как поступить. Со мной стоял полковник Пантюхов и переводил все команды.

Несмотря на то, что на вышке были большие авиационные начальники, диспетчер, не спросив ничего, дает команду экипажу: «Покинуть самолет». Ответ экипажа: «О'кей», — и летчики выпрыгнули, бросив самолет.

Вот какой порядок с техникой у американцев.

В общем, начались прохладные отношения с союзниками.

За этот год я нагляделся, как ведут себя американцы, солдаты и офицеры. Удивляюсь их порядкам в армии.

Никакой дисциплины и уважения к старшим по званию. Все разговоры на равных, с сигарой во рту, по национальности какой-то сброд. Поляки, немцы, украинцы, евреи, и все они себя считают американцами, а видно, что поляк или украинец, и болтает на своем языке. Правда, и Эйзенхауэр по происхождению немец, дед его родился и жил в Силезии.

Сентябрь-октябрь

Сегодня заехал к гросс-адмиралу Редеру. Живет в шикарном особняке на берегу озера. «Обслуживают» его два «гардемарина» (морьяка).

Поговорил с ним. Болтает «Гитлер капут» — мы и без него знаем. В общем, его надо сохранить. Судить подлеца будут, так он в числе ответчиков должен идти. Ведь наш флот на морях по его приказанию топили.

Предупредил, что в его доме, и указал комнату где, будет жить наш офицер. Он смутился, пытался выяснить, с какой <целью>. Жена возмутилась.

Ну, я по-деловому сказал, что будет так, и обсуждению не подлежит. На этом мы и разошлись. Своему офицеру приказал жить и следить, чтоб он не удрал куда-нибудь.

Доложили, что императрица Вильгельмина установлена и живет вместе с дворецким в Тюрингии. Из Москвы получена команда взять под наблюдение до особого указания. Я приказал привезти ее в Потсдам.

Марика Рокк удрала куда-то в глубь страны, а затем оказалась в Австрии. Ну и наплевать.

Оказывается, в 1945 году ее все же уговорили вступить в нацистскую партию, вот она и перепугалась, когда мы пришли в Германию.

Вчера допрашивал известного по Первой мировой войне знаменитого разведчика полковника Николаи, о нем много писали приключенческих книг, как он успешно организовал шпионаж против России в 1-ю мировую войну.

Сейчас ему 82 года. Выглядит, правда, бодро. Рассказал мне, как ему Гитлер в 1944 году предложил поехать к атлантическому валу (линия обороны, организованная немцами против англичан и союзников по берегу атлантического океана, по Ла-Маншу и т. д.) с целью ознакомления и организации разведки противника с тем, чтобы не застать врасплох немцев.

Николаи ознакомился и доложил Гитлеру. Тот предложил возглавить разведку на этом участке. Николаи отказался, сославшись на возраст, а в душе, как он сказал, не хотел подчиняться мальчишкам СС и СД. На этом его деятельность и закончилась. У меня тоже были такие же данные, что он не участвовал в работе разведки при Гитлере.

Мне казалось, что на этом можно было бы и закончить с Николаи, но из Москвы пришла команда отправить его туда. Видимо, это его будет последнее путешествие, а толку никакого.

Это, очевидно, абакумовские или кобуловские штучки. Война кончилась, им делать нечего, вот и хотят отличиться. Ведь привыкли всю жизнь работать на сенсациях или на провокациях [333].

К вечеру привезли императрицу Вильгельмину. Вошла ко мне с гордым видом, вместе с дворецким. Я сказал: «Дворецкий пусть находится в приемной, а принцесса пусть садится» [334].

Когда это перевели, то распоряжение остаться дворецкому она передала, так как он переводчика не послушался. Вот царский порядок. Пора бы уж осознать, что этика царствования Вильгельма давно кончилась, однако у них все по-прежнему.

Вильгельмине лет 56. Внешне выглядит неплохо. Видимо, в молодости была красивой женщиной. Ведет себя высокомерно, но я, правда, сразу ее привел в порядок, когда она начала мне длинно рассказывать, и мы быстро поняли друг друга.

Оказывается, она вторая жена Вильгельма. Вышла за него в возрасте 32 лет. Сама является принцессой Голландской. После смерти Вильгельма ей была установлена немцами большая ежегодная сумма денег, на это она и жила. Содержала небольшой штат прислуги, в том числе «дворецкого», который ведал деньгами.

Деньги держит в Швейцарских банках. Выезжать из Германии никуда не хочет. Когда русские вошли в Германию, она подальше от войны уехала в Тюрингию. Вот коротко и все. Гитлер на нее не обращал особого внимания.

Доложил об этом в Москву. Приказали отправить в тыловой город Германии. Я решил отправить в Франкфурт-на-Одере, в особняк, приставить наблюдателей и следить, чтобы никуда не уехала. Питаться за счет коменданта города.

Вообще говоря, зачем обузу на себя брать, она и там бы жила в Тюрингии и все. Пришлось все это проделать, а для наблюдения послал девушку из числа переводчиц НКГБ с немецким языком.

Проинструктировал. Предупредил об этом Вильгельмину, та как-то сморщилась, но сказала «гут»...

Прошло около недели, вдруг раздается звонок, и мне плачущим голосом говорит

«переводчица». Просит вызвать ее в Берлин, так как она в таких условиях работать не может. Я сказал, что комендант получит указания о приезде вашем ко мне.

На сегодняшний день приехала переводчица и со слезами на глазах начала мне доказывать, что она не может так работать, так как Вильгельмина с ней не считается, игнорирует и требует, чтобы называли ее фройлен и т. д.

И в конце заявила: «Вы только подумайте, товарищ генерал, на днях мы пошли по городу, и она мне говорит: вы идите сзади меня на приличном расстоянии. Я возмутилась, так как я член партии и не позволю над собой издеваться», — и разрыдалась. Я еле сдерживался от смеха.

Затем, когда она проплакалась, я говорю: «Вы поймите простую вещь, нам с вами эту пожилую женщину, мнящую себя императрицей Германии, уже не перевоспитать. Вы — сотрудница органов, приставлены наблюдать за ней, чтобы ее не украли на Запад. Поэтому надо взять себя в руки и делать что поручили».

Похоже, что она начала понимать. И в конце я сказал, что на днях заеду к ним и поговорю с императрицей.

Через пару дней я туда приехал со своим переводчиком. Дворецкий сразу же сообразил поставить бутылку рейнского вина и две рюмки. И вот в такой непринужденной обстановке я этой «царице» внашал элементарные понятия в отношениях между людьми в нашей стране.

Мне показалось, что она кое-что поняла. Однако так до конца беседы она ни дворецкого, ни нашей девушки к столу и не пригласила, хотя под конец беседы я как бы по ходу разговора позвал обоих в комнату, где мы находились.

В последующем девушка регулярно звонила мне и ограничивалась одной фразой: «У нас все нормально».

Декабрь

Кончается 1945 год! Сколько мне придется здесь жить не знаю, но я никак не могу привыкнуть к немцам. Хочется вернуться на Родину. Все уезжают, демобилизовавшись, солдаты радостные.

Сталин приказал, чтобы «они с собой повезли бабам на платье, генералам дать по трофейной машине». У нас с Георгием Константиновичем за это время собралось по несколько машин, которые мне пригнали начальники оперативных секторов, Георгию Константиновичу — командующие[335].

Закончился 1945 победный год. Военный совет фронта хорошо организовал встречу Нового года в офицерском клубе штаба фронта.

До встречи Нового года сидели и поздравляли друг друга с победой и Новым годом. Г. К. Жуков дал возможность выступить почти всем командармам. Прорвался для выступления Василий Сталин, который у нас командовал авиадивизией и нередко безобразничал, но ему все сходило с рук[336].

Попутно расскажу имевший место такой случай. Позвонил он мне и пригласил на охоту на кабанов, которых очень много развелось в районе дислокации его авиадивизии, так как мы запретили немцам охотиться и иметь ружья...

Одну маленькую рошу мы окружили, и немцы погнались. Метрах в 150 выбежал большой кабан, по которому я выстрелил, но он ушел.

Когда мы все собрались, где прошел кабан, немец-егерь увидел кровь и радостно заявил: «Кровь печенки, следовательно, с этой раной он далеко не уйдет». Однако, как мы не искали, но не нашли, и я уехал ни с чем.

На другой день Василий мне звонит и просится ко мне приехать. Когда он приехал, мы пообедали, и он мне сообщил, что он поехал на место охоты, взял за ворот немца и сказал, чтобы он указал, где лежит убитый кабан. Тот показал. Ну, я его похвалил, что он не растерялся. Затем он попросил у меня машину съездить в штаб армии.

Когда я стал разговаривать с шофером Василия, который остался у меня, так как не знал дороги в ВВС, то шофер рассказал, что, когда нашли кабана, Василий пошел к нему на квартиру угостить его. У немца была красивая жена. Василий напоил немца допьяна, переспал с его женой, забрал кабана и уехал. Вот вам сын Сталина.

Ну, я отклонился от встречи Нового года, который прошел очень хорошо. Г. К. Жуков дважды выступал, очень толково, солидно, и все относились к нему с уважением. Он сказал также тост за мое здоровье и за работу, которую и тут веду, и активное участие в боевых операциях, начиная с осени 1944 года.

В общей сложности, засиделись до 2 часов ночи, потом многие пригласили друг друга еще раз встретить Новый год у себя на квартире. Я домой пришел часа в три ночи и сразу спать.

Глава 12. БОЙ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ. 1946–1947 годы

В Германии Серову предстоит задержаться надолго. Весь 1946-й год он продолжает де-факто руководить территорией с многомиллионным населением, где постепенно налаживается мирная жизнь. Круг его вопросов обширен; от руководства комендатурами и полицией до розыска нацистских преступников и формирования новой власти.

В Германии, между тем, было неспокойно. Активно действовали подпольные диверсионные группы, с западной территории шла заброска агентуры. Только за весну 1946 года было вскрыто 14 диверсионно-террористических актов (убито и ранено шесть военнослужащих ГСОВГ), зафиксировано 70 бандпроявлений (убито и ранено 36 человек). [337]

Борьбой с диверсантами, как и всей чекистской работой в Германии, занимается Серов со своими оперативными группами. Вся территория советской зоны была поделена на 6 оперативных секторов НКВД, включая особый берлинский сектор. Одновременно во всех управлениях СВАГ появились отделы общественной безопасности. Люди Серова (а в его подчинении находилось 1,7 тыс. одних только оперативников) занимались не только контрразведкой и внутренней безопасностью, но и ведением разведки, в первую очередь — в отношении американцев и англичан. [338]

Не прекращается и его участие в «атомном проекте». 13 мая 1946 года Серова включают в состав Спецкомитета по реактивной технике при Совмине. Он по-прежнему занят поисками специалистов, способных участвовать в создании нового оружия.

Кроме того, Уполномоченный НКВД-МВД налаживает добычу кобальта и висмута, производство урана; всё это богатство он посылает теперь в Союз.

Звездный час Серова наступает в сентябре 1946 года, после встречи со Сталиным. Вождь

одобрил его предложение об отправке в СССР широкого круга немецких специалистов и ученых: не только по ракетно-ядерной, а по многим другим оборонным отраслям, представляющим интерес. Их мозги должны были помочь в советском технологическом прорыве.

Сталин поручает Серову организовать отбор таких людей и их массовое переселение вместе с семьями. Проводилось оно, как полноценная войсковая операция.

О внимании, которое лидер страны уделял вывозу немцев, свидетельствует хотя бы то, что он четырежды принимал по этому вопросу Серова в 1946 — начале 1947 года.

Отдельной похвалы Серов удостоился осенью 1946 года от Сталина и за другую свою инициативу: отправки в голодающий Союз излишков продовольствия из Германии.

По всему видно: Сталин высоко ценил «антикризисные» способности и заслуги Серова; именно потому и не отдал его на съедение Абакумову, который было уже занес над давним недругом карающий меч пролетарской диктатуры.

Надо сказать, что, несмотря на сталинские симпатии, обстановка вокруг Серова постепенно накалялась. И хотя при реорганизации наркоматов в министерства он сохранил прежний пост (из зам. наркомов — в зам. министры), вокруг него всё сильнее сжималось кольцо интриг.

Всё началось с отъезда из Германии весной 1946 года маршала Жукова, за которым Серов чувствовал себя, как за каменной стеной. Затем, в мае, обновленное МГБ возглавил начальник СМЕРШа Виктор Абакумов, с ходу активизировавший атаки на Серова.

Абакумов обкладывает противника по всем фронтам; с одной стороны, добивается сужения круга задач Уполномоченного МВД. (В пользу МГБ у Серова забирают право ведения в Германии оперативно-следственной работы, кураторство войск МВД и пограничников.) С другой — фабрикует на него уголовные дела.

Близость с Жуковым работает теперь против Серова; в июле 1946 года «Маршал Победы» оказывается в опале. Сталин снимает его со всех постов и направляет с понижением командовать Одесским военным округом. В жуковском окружении начинаются аресты. Из генералов абакумовские следователи МГБ выбивают показания на Жукова и Серова.

Серов выбирает единственно верное решение; сработать на опережение и обратиться за помощью лично к Сталину. 6 сентября 1946 года он пишет эмоциональное письмо, где фактически просит защитить его от нападок Абакумова.

Это был, конечно, риск: высокий адресат вполне мог не отреагировать на письмо, и тогда руки у МГБ оказались полностью бы развязаны. Но Сталин вступает за Серова. Абакумову приходится отойти, несолоно хлебавши.

Увы, ненадолго...

1946 год. Январь

Вот уже пошла летопись и в новом 1946 году. Дни летят быстро, жизнь катится.

С немцами ужасно тяжело. Я уже говорил, что в первые дни, когда мы ворвались в Берлин, то ходили они тихими, как овцы. Теперь, когда за полгода освоились, так готовы с ногами на голову влезть...

Часто езжу в Лейпциг, Дрезден, Веймар, Иену, Мекленбург и другие города. Коменданты городов неплохо взяли власть в свои руки, пользуются авторитетом у немцев, вернее, немцы их боятся. Созданная «Советская военная администрация» в провинциях активно включилась в работу.

Начальники СВА провинций — довольно дельные генералы. Стараются как можно больше выжать из немцев, как по производству на предприятиях, которые идут в СССР по репарациям, так и по демонтажу машин, оборудования и других агрегатов, необходимых нашей Родине, которую немцы разрушили. Шлем вовсю.

Немцы, правда, косятся, но боятся и демонтируют. Нужно сказать, что наши некоторые «деятели» приезжают сюда не работать, а, как говорят, «побарахолиться». Этим мы подрываем себе авторитет.

Контрольный совет стал заседать несколько раз. Появились разногласия по ряду вопросов. Союзники ведут себя сдержанно. Зам. Эйзенхауэра генерал Клей говорит, возражает, а Монтгомери не поймешь — бурчит себе под нос, а когда <выступает>, то он ни за, ни против, не поймешь.

Делатр де Тассини, тот на словах соглашается с нами, улыбается мило, а на деле все делает, как скажут американцы. В общем, получается нескладно. Поживем — увидим. Я стал туда реже ездить, на Контрольный совет — очень много вопросов политики СВАГ, не до этого [339].

Март

Срочно вызвали в Москву по делам НКВД. Перед вылетом в Москву приехал ко мне пообедать В. Сталин. Он здесь уже командиром авиакорпуса[340]. За обедом я ему сказал, что лечу в Москву по делу.

Ну, он, как всегда, поспешный, говорит: «И мне тоже надо в Москву. Возьмите меня, Иван Александрович!» Я согласился. На следующий день вылетели.

Дорогой вели разговоры, и он ни слова не сказал о г. Дессау, где у меня немцы работали на авиазаводе, ранее выпускавшем Ю-88 (юнкерсы), а сейчас делали несколько реактивных бомбардировщиков и пульсирующий двигатель под руководством профессора Бааде*[341].

Прилетели в Москву к вечеру. На следующий день я сижу в кабинете, в два часа дня звонок по «кремлевке»: «Здравствуйте! Сталин говорит».

Я, естественно, опешил, сразу в мыслях: «А вдруг спросит, чего я не знаю?» А мне не раз приходилось наблюдать совершенно неожиданные вопросы, когда он задавал наркомам.

Тут так и случилось. Я ответил на приветствие. Т. Сталин спрашивает: «Вы знаете об авиазаводе в Дессау?» Я ответил утвердительно. И далее: «Мне вот Василий говорит, что там немцы сделали реактивный бомбардировщик и истребитель».

Я ответил, что по моему указанию работает группа немцев под руководством наших офицеров авиаторов и немецкого профессора Бааде. Т. Сталин: «Я думал, что Василий врет».

Я промолчал, думаю: «Уж очень откровенно говорит, что Васька может соврать. Для меня — не диво». Далее, после паузы, т. Сталин говорит: «Было бы неплохо создать комиссию и

проверить, что там есть, а затем и вывезти в СССР Как вы думаете?» Я сказал, что это будет правильно.

Т. Сталин далее говорит: «Вот вы возглавите эту комиссию и доложите в ЦК». Я ему ответил, что было бы лучше, если бы ее возглавил авиатор. Тогда т. Сталин подумал и говорит: «Ну, ладно, вы можете сюда вечером в Кремль приехать?» Я говорю: «Могу». — «Тогда мы и обсудим. Всего хорошего», — закончил он.

Я сразу же начал разыскивать Василия, чтобы выругать, но искать не пришлось. Через 10 минут он сам позвонил. Я ему говорю: «Как тебе не стыдно?! Летел вместе и хоть бы словом обмолвился, что будешь что-то по Германии докладывать». Василий стал выворачиваться и говорит: «Я к вам заеду».

Когда приехал, рассказал следующее. Когда он был со мной в Дессау и видел, что немцы работают, то взял у них альбом, в котором были фотографии и модель 6-двигательного реактивного бомбардировщика (в миниатюре) и реактивного истребителя с двигателем Вальтера (в миниатюре), и повез в Москву показать отцу.

Так как в нашем авиационном ведомстве только начинали работать над реактивными самолетами и случайно купили у англичан реактивные двигатели к самолетам «Нин» и «Дервент»[342], то эти фотографии и модели будущих самолетов произвели впечатление на Сталина, да еще к этому Василий «ввернул», как он говорит, что самолеты он видел почти готовыми. Отец, естественно, усомнился, так как это была просто находка.

Василий, видя, что отец не верит, сказал: «А ты позвони Ивану Александровичу, и он тебе подтвердит». — «Какому Ивану Александровичу?» — спрашивает Сталин. «Серову». И далее Василий набрал ему мой телефон и состоялся разговор со Сталиным. Вечером Сталин сказал: «Соберемся». Я еще раз Василия выругал, и он уехал.

Вечером собрались у т. Сталина — нарком авиапромышленности Хруничев* М. В., Яковлев* А. С., академик Келдыш* — аэродинамик, профессор Шишкин* — моторист, и я. Т. Сталин рассказал про Дессау и в конце говорит: «Надо разобраться, вылететь на место и дать предложение в ЦК». Опять назвал меня председателем комиссии[343].

Я попросил назначить авиаконструктора Яковлева А. С., все согласились, и добавил В. Сталина, в расчете на то, что он уже не будет самостоятельно докладывать о работе <товарищу> Сталину И. В.

На другой день мы вылетели в Берлин, а оттуда на следующий день членов комиссии я отправил на автомашинах в Дессау, а Василий уговорил меня лететь на двухместном немецком трофейном самолете в Дессау...

В Дессау мы были три дня. Все выяснили. Самолеты могут быть готовы через 2 1/2 — 3 месяца. В общем, перспектива неплохая. Особенно с истребителем, который может развивать скорость на высоте несколько тысяч километров в час! Запускается на высоте 8-10 тысяч (туда доставляется подвешенным на бомбардировщике) и на высоте может летать несколько минут (до 30), развивая бешеную скорость. Руководитель работ был немец, профессор Бааде[344].

В общем, дело стоящее, так мы и доложили запиской в ЦК. Там же мне Яковлев сказал, что американцы вывезли чертежи такого самолета, которые добыли через инженера, сбежавшего к ним, в последующие годы американцы называли его «самолет Х»[345].

Весной 1946 года ко мне приехали в Берлин родные: Вера, Вовка, Светланка и Харитина[346]. Все обрадовались. Устроились хорошо. Я с ними кой в какие города съездил, а потом они освоились и ездили с адъютантом Никитиным, так как я был занят. По-семейному

встречались с Жуковым Г. К., Александрой Диевной и их девочками Эрой и Эллой. Жили на берегу озера Ванзее, иногда купались вместе. Через некоторое время, в апреле, Г. К. Жуков был назначен заместителем товарища Сталина (зам. наркома обороны) и главнокомандующим сухопутных войск. Проводили хорошо, по-товарищески[347].

Видимо, Георгий Константинович пойдет на повышение. Ну он этого и заслуживает. Воевал хорошо, всю войну на самых трудных участках, народом признан как полководец, уважением у военных, да и у наркомов пользуется. Трижды Герой Советского Союза и дважды награжден орденом Победы.

Правда, у него характер крутой, не любит возражений, но зато честный, прямой и может взять под защиту человека, в котором он уверен. Смелый, мужественный, патриот Родины, любит Родину и может себя держать с достоинством, не посрамив земли русской. Я уже выше не раз приводил факты.

Мне вот это все в нем нравится. В общем, желаю ему всяческой удачи в жизни, в работе.

Вместо Георгия Константиновича был по его рекомендации назначен В. Д. Соколовский, человек хороший, тактичный, грамотный. Вместо Соколовского в СВАГ приехал генерал-полковник Курасов* Владимир Васильевич, также порядочный человек.

Ну, поживем — увидим.

Апрель

Апрель 1946 года, приезжавшие ко мне В. Пик и Ульбрихт, рассказали, что они договорились с руководством Социал-демократической партии Германии — Отто Гротеволем, об объединении обеих партий в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). В. Пик сказал, что Гротеволь он знает десятки лет как толкового, умного марксиста, который с уважением относится к нам, то есть к В. Пику и В. Ульбрихту, и дела пойдут.

Через несколько дней они меня пригласили на заседание их Политбюро, где окончательно решался этот вопрос. Заседание прошло дружно. 21 апреля 1946 года было опубликовано об объединении обеих партий[348].

На днях имело место в Потсдамской опергруппе происшествие, которое представляет интерес с точки зрения отношений, развивающихся с союзниками. Дело было в Потсдаме.

Для организации оперативной работы, в основном, контрразведывательной, у меня были оперативные группы, в частности, в Потсдаме, где дислоцирован штаб фронта, где проходила Потсдамская конференция, где дворец Вильгельма Сан-Суси, куда был большой приток туристов и, особенно, разведчиков от союзников, так как в этом районе дислоцировались наши некоторые части. Начальник опергруппы был толковый особист, полковник Пименов, который мне хорошо помог в Варшаве, в захвате Окулицкого[349].

Приезжает ко мне Пименов и докладывает: «Товарищ генерал, у меня с явки не вернулся офицер, переводчик и шофер вместе с „виллисом“».

Я начинаю выяснять, в чем дело. Оказывается, их арестовали американцы. Вот так союзнички!

В районе Потсдама есть узенький поясок территории, примыкающей к американскому сектору, на этой территории имеется небольшая станция железнодорожной электрички,

идушей из Берлина. Народу выходит много, вот тут и решил сотрудник провести встречу с немкой — девкой, работающей у американцев в администрации. Она, видимо, была «двойником» и рассказала им о предстоящей встрече с нашими.

Наш сотрудник подъехал. Встретил немку и повез в другое место...Его перегнал американский «виллис» «МП» (военная полиция), встал поперек дороги, а сзади подъехал «Додж 3/4», в котором сидело 10 сотрудников «МП».

Немку высадили к себе, а нашим предложили следовать в военную тюрьму, там же, в Потсдаме.

Я разозлился, дал указание: завтра к вечеру в районе Сан-Суси, куда ездят американцы на экскурсию, захватить 6 американских офицеров с женами (око за око, за зуб — два зуба).

Моих трех задержали, а их 6 задержим. Пименов смутился, так как это впервые случилось, но откозырял и уехал.

Наутро мне доложил, что задержано 4 офицера и 2 женщины. Я ему приказал задержать еще парочку и выяснить, где содержатся наши.

Оказалось, что из военной тюрьмы отправили в американский штаб во Франкфурт-на-Майне. Вон куда!

Днем я подготовил записку генералу Клею, заместителю Эйзенхауэра, от имени Соколовского, о задержке наших военнослужащих. Василий Данилович подписал, и мы ее отправили.

На следующий день Клей ответил, что он проверил у МП, которая сообщила, что таких советских военнослужащих задержано не было.

В тот же день вечером получена Соколовским В. Д. записка от Клея, о том, что нашей военной полицией задержаны 4 американских офицера с женами. Просит проверить и освободить.

Я подготовил ответ (переписал дословно ответ американцев), что Советская военная полиция никого из американских военнослужащих не задержала, и ничего об этом неизвестно.

Когда пришел на подпись к Соколовскому, он спросил: «А что, наши задержали кого-то?» Я, грешным делом, глазом не моргнул, говорю: «Нет».

К вечеру было уже задержано 10 американцев, из них двое — при фотографировании наших солдат около помещения артполка (ничего в этом секретного нет).

Через три дня пришла вторая записка Клея о задержании остальных американцев. С ответом я задержался. Дней через 7 американцы ответили, что действительно М. П. задержала 3-х советских военнослужащих в подозрении в шпионаже и готова их передать в Хофф (пограничный город, где происходит пропуск немцев).

Я перепечатал их ответ из слова в слово и дал на подпись т. Соколовскому, что «При проверке оказалось, что действительно 4 американца были арестованы нашей военной полицией по подозрению в шпионаже (фотографировали артполк), мы их готовы передать в Хофф. Остальных разыскиваем».

Соколовский поглядел на меня и говорит: «Иван Александрович, ведь ты же говорил, что мы не задерживали американцев?» Я ему отвечаю: «Василий Данилович, если бы я тебе сказал, что задержали, то ты бы дал указание немедленно освободить во избежание недоразумений,

тем более что отношения с союзниками стали прохладнее. Ну, уж кстати, скажу, что еще задержано 6 человек, которые содержатся в культурных условиях с женами».

Он, смотрю, надулся. Я ему говорю, что если бы я их не задержал, то они бы на нашу записку об арестованных наших офицерах и до сих пор не ответили. А сейчас они и ума наберутся и поймут, что нельзя нас зря трогать. Он подписал записку и сказал, чтобы не тянул с передачей остальных.

В общем, через неделю сообщили, что нашлись и остальные 6 человек, после того, как наши прибыли из Франкфурта-на-Майне. Вот так мы с союзничками и расквитались.

Я смотрю на них, на их работу, уж очень они похожи на немцев. То же нахальство, то же высокомерие, только храбрости мало. Немцы похрабрее.

На днях был такой случай. Мне комендант Берлина генерал Котиков доложил, что на железнодорожном вокзале американцы застрелили нашего солдата. Деталей он не знает.

Я быстро вызвал машину, и с Фомичевым поехали. Дело было в 9 часов вечера. Приехал к коменданту американской сектора Берлина.

Вхожу в помещение, там сидят (в первой комнате) 4 солдата. Американцы встали. Прохожу дальше, в комнату коменданта, там за столом сидит американский капитан, а у него на коленях — немка. Другой офицер тут же разговаривает по телефону.

Я вошел, офицеры не встали. Я крикнул на них: «Встать, видите, советский генерал вошел!» Они вскочили.

Я стал спрашивать, по-русски не знают. Ну, я к этому времени знал несколько слов по-английски, спросил, где комендант, он оказался дома. Это дежурные офицеры. Комендант отдыхает. О происшествии на вокзале им ничего неизвестно.

В общем, пока я 5–7 минут разговаривал и вышел из помещения, смотрю — около моей машины стоят два бронетранспортера с солдатами, а пулеметы приготовлены к бою, сняты чехлы. Радист сидит в башне и передает что-то по радио начальству. Я удивился быстроте действий, улыбнулся и уехал. На одного генерала и шофера сразу 2 бронемшины, вот это храбрецы.

В дальнейшем оказалось, что наш — дезертир (был в плену, затем его взяли в солдаты в нашу часть, он ушел из части и занимался воровством и бандитизмом). Таких, кстати, в первые дни капитуляции было много, десятками ловили и отправляли в СССР.

Так вот, этот дезертир зашел в один вагон с пассажирами, которые отправлялись в Западную Германию, крикнул пассажирам: «Руки вверх!», наставил на них какой-то пистолет и хотел обобрать пассажиров.

В вагоне были американцы, которые бросились на него. Он побежал, они его на платформе пристрелили. Совсем как в американском детективе. Ну, мы хоть для престижа и заявили протест, но ответных мероприятий не предпринимали.[350]

Май

Позвонил Хрущев из Киева: «С разрешения хозяина скоро прилечу в Берлин». Он был председателем Совета Министров УССР. Я был все еще членом Политбюро ЦК Компартии

Украины.

Разместил Хрущева в особняке, прикрепил автомашину и принял на довольствие. Он мне рассказал, что попросился у «хозяина» слетать в Германию и ознакомиться с сельским хозяйством, уровнем производства и т. д. Я, конечно, знал, что все прилетают к нам в Берлин из любопытства, тем более что есть возможность.

В большинстве случаев они ездили со Старченко*, это зампред Совмина, товарищ весом 130 кг, но по содержанию — хороший, скромный работник.

Хрущев рассказал, что на Украине Каганович — секретарь ЦК, т. е. на первых ролях, а Хрущев — председатель Совета Министров, сменивший Корниевца (правильно: Корнийца. —

Прим. ред.). Видно было, что он недоволен второй ролью и поносил Кагановича, называя нахалом и другими именами[351].

Через несколько дней я сказал Хрущеву, что собираюсь в Тюрингию, он спросил, кто там командующий. Я назвал Чуйкова, тогда он выказал желание туда поехать. Я позвонил Чуйкову. Жизнь в штабах армии уже стабилизировалась, ну и, естественно, Чуйков, располагая возможностями, решил устроить нам обед с размахом человек на 30[352].

Когда мы сели обедать, и я успел скушать первое блюдо, ко мне подошел генерал Бежанов* (начальник опергруппы НКВД в Тюрингии) и доложил, что если мы здесь у них ночуем, то он просит допросить одного немца, которого он подозревает, что был директором сборочного завода ракет ФАУ-2, но Бежанову отказывается признаться в этом.

Ну, после такого сообщения у меня обед вылетел из головы, и я ему сказал: «Привезите его сейчас в соседнюю комнату, и я допрошу». Бежанов отдал распоряжение по телефону, а сам мне рассказал, что он с ним мучается вот уже пятый день, но тот категорически отрицает, заявляя, что он — директор локомотивного завода и никакого понятия о ФАУ-2 не имеет. И добавил: «Может быть, вам он скажет, кто он».

Я спросил, откуда у него данные о том, что он директор ракетного завода. Бежанов ответил, что к нему поступило письмо без подписи, поэтому уверенности нет.

Через несколько минут ввели в комнату верзилу 2-метрового роста, лет 45–46. Я ему предложил сесть, а Бежанову сказал, чтобы он вышел.

Я это сделал умышленно, так как думал, что Бежанов ему за 5 дней надоел, и, кроме того, если немец 5 дней твердил «нет», то и сейчас ему будет трудно занять другую позицию. Бежанов недовольно поднялся и ушел.

Немец понял, что я какой-то начальник, правда, у меня и на погонах было <по> три звезды.

Первым вопросом моим был: «Ну, рассказывайте, кто вы и что вы?» Немец отвечает: «Я — директор локомотивного завода в Бляйхероде», и хотел продолжать версию, что выпускал его завод. Я ему сказал, что этот рассказ меня не интересует, мне о нем докладывал генерал Бежанов. Немец замолчал.

Тогда я ему сказал, что мне все о нем известно, а посему есть предложение: может ли он разыскать специалистов своего завода и в течение двух недель собрать мне из имеющихся запчастей в горе 15 штук ФАУ-2? Если не может, то я найду другого человека.

Когда ему переводчик с большим трудом перевел смысл моего предложения (он не знал технических слов), немец вскочил на ноги, вытянулся по-военному и, щелкнув каблуками, громко сказал: «Яволь!», т. е. «Точно!». «Согласен!» или что-то в этом роде.

Я внутренне удивился столь быстрому обороту дел, но подумал, что немец есть немец, его сбило мое дополнение, что найду другого, и он пошел сразу на все.

Я сказа! переводчику, чтобы позвал генерала Бежанова. Когда тот вошел, я ему сказал, а переводчику сказал, моргнул: «Переводи!»:

«Завтра утром, — показывая на немца, — освободить из тюрьмы, дать автомашину, сотрудника в гражданской форме, владеющего немецким языком, и помочь ему разыскать нужных людей для работы на заводе». Когда переводчик переводил, немец кивал головой. Тут же сказал, чтобы ему дали особнячок.

Затем, когда я сказал, что он должен за две недели собрать 15 ракет, то он встал и начал что-то говорить. Переводчик мне сказал, что он просит генерала дать на сборку 15 ракет не 2 недели, а три, так как не знает, соберет ли людей.

Я на него строго посмотрел и говорю: «Спорить будешь, так я заставлю это сделать в 10 дней вместо двух недель». Немец замолчал.

Затем я его спросил, где семья. Он сказал, что жена и двое детей находятся в американской зоне. Я спросил, что, если он напишет письмо, то они к нему приедут, он ответил отрицательно, так как ему не поверят, зная, что русские заставили его написать. Тогда я решил еще более расположить его на свою сторону и спросил с серьезным видом: «А, может быть, сами за ними съездите, когда немцы будут собраны на сборочном заводе?»

Он раскрыл от удивления глаза, а затем, подумав, сказал: «Я сначала выполню ваше поручение, а затем попрошу кого-нибудь из немцев привезти их сюда». Ну, я уже понял, что дело сделано.

На прощание я ему пожал «лапу» размером с две моих руки и сказал: «Чтобы на заводе был порядок с соблюдением полной секретности, что делаете», и добавил: «Приеду через две недели принимать ФАУ-2»[353].

Когда его увезли, я тщательно проинструктировал Бежанова по всем вопросам работы этого «завода» и наблюдения за директором.

После Тюрингии были в Дрездене. Там Хрущев запросился в зоопарк. Поехали туда. Вначале ходили, все нормально. Потом, когда Хрущев увидел громадное количество зверей и животных, то начал мне говорить: «У нас из Киевского зоопарка немцы вывезли всех этих зверей и животных». Я слушаю его.

Затем подходим к слоновнику, и тут Хрущев говорит: «Вот этот слон, — показывая на самого громадного, — вывезен от нас из Киева». Ну, я ему говорю: «Ну, так заберите его!» Хрущев: «Спасибо!» Подходим к жирафам, он опять указал на двух красивых: «Это тоже киевские». Затем стал уже подряд указывать на зверей, заявляя, что это киевские.

Ну, я вижу, у него аппетит пришел вовремя, и говорю: «Отберите, что нужно для киевского зоопарка, выделите своего человека, и пусть отправят поездом отобранные экземпляры в Киев».

Хрущев повеселел, тут же дал команду Старченко, у которого нашелся нужный человек для этого дела. Я приказал коменданту Дрездена, который ходил с нами, выделить вагоны и завтра отправить...

Ну, я в этом вопросе считаю, что правильно поступил. Несомненно, немцы из наших городов вывезли сотни всяких животных, поэтому надо восполнять паши зоопарки...

В Берлине я написал донесение в Москву о том, что организую сборку ракеты ФАУ-2. На

следующий день вызвал Королева и других советских инженеров, рассказал об этом и просил связаться с Бежановым и включиться в эту сборку, в том числе и Греттруппа[354]. Помню, Сергей Павлович Королев сиял, узнав, что представится возможность участвовать в сборке ракеты.

Июнь

Прошло около двух недель, и я предложил генералу армии Соколовскому В. Д. поехать в Тюрингию и посмотреть этот завод, и в том числе — работу двигателя ФАУ-2 на стенде в горах. Мне не раз Бежанов докладывал, что дело идет успешно, и я почему-то был уверен, что немец не подведет.

С Василием Даниловичем мы рано утром выехали, часов в 11 были около завода. Выйдя из машины, я сразу направился в проходную будку, Василий Данилович — за мной. Переводчик у Соколовского был неважный.

В проходной нас, несмотря на наши погоны и звезды на них, остановили два здоровых немца, загородив дорогу. Я переводчику моргнул, чтобы он сказал, что это главнокомандующий и его заместитель. На немцев это не произвело впечатления.

Я Соколовскому, смеясь, объяснил, что, видимо, мой инструктаж о необходимости соблюдать секретность здорово подействовал на «директора». Переводчику мы сказали, чтобы немцы по телефону вызнали директора.

Через несколько минут вошел верзила-директор и увидел меня. С недоуменным видом я ему говорю: «Не пускают». Он швырнул по сторонам охранников, повел нас на завод. Я его познакомил с генералом Соколовским, и он от восторга заулыбался.

На заводе он показал собранные ракеты и сказал, что еще две дополнительно может собрать, т. е. 17 штук, а больше нет деталей.

Мы внимательно осмотрели, и я сказал, что теперь надо приступать к опробованию двигателей. Директор сказал: «Яволь». Там же мы договорились с нашими инженерами о дне первого испытания двигателя ракеты.

Немцы при Гитлере использовали для испытаний каменный карьер в горах Тюрингии. Этот карьер был выбран для строительства и являлся большим котлованом метров 70 глубиной и метров 200–250 шириной (вернее, диаметром).

В день, назначенный для испытания, нас сопровождали советские инженеры, и хотя все команды подавались немцами, но при полной согласованности с нашими. Ракета ФАУ-2 была установлена на обрыве (на площадке) карьера таким образом, что выхлопное сопло и струя сгоревшего спирта вылезали вертикально вниз.

Пока заправляли ракету и проверяли пусковые агрегаты, мы осмотрели все сооружения, забавляясь замораживанием веток деревьев с зелеными листьями, которые, будучи погруженными в жидкий кислород на несколько секунд, превращались в лед, не изменяя своего наружного вида, и, вынутые из кислорода, при ударе листья и ветка разлетались, как хрупкие стекла. Ну, это и понятно, ведь кислород превращается в жидкость при температуре 160° по Цельсию.

Когда была готова ракета, руководитель спросил разрешения к «пуску» и включил агрегаты. Раздался оглушительный рев, и из сопла вырвалось пламя, которое разлилось до самого дна

карьера, и похоже было, что тягой двигателя ракеты вот-вот сорвет с установки. Этот рев еще усиливался эхом, которое наблюдается в горах. Итак, мы впервые наблюдали работу двигателя ФАУ-2 в несколько тысяч лошадиных сил.

Впечатление громадное. Затем двигатель постепенно начал прекращать работу, так как был заправлен не полностью.

Итак, ракета ожила. Для нас это было большим достижением: все-таки сумели разыскать ФАУ-2, заставить немцев собрать и испытать. С. П. Королев и другие советские инженеры сияли от радости и благодарили меня.

Теперь можно отправлять к нам на Родину. Нет сомнения, что это в значительной степени ускорит производство у нас на Родине ракетной техники, если учесть, что у нас не было таких ракет. Ведь начинать с азав было бы значительно труднее. А тут — готовых 17 ракет с дальностью 260 километров[355].

Я отправил сообщение в Москву, и было получено указание запломбировать и под особой охраной отправлять в Москву, что и было сделано.

Однако я думал о том, что в Москве без немцев вряд ли удастся нашим специалистам привести в действие эту сложную аппаратуру ракеты и заставить ее двигаться. У меня назревала мысль внести предложение двинуть в СССР наиболее крупных немецких специалистов по атомной, реактивной, оптической, радиоэлектронной и иной сложной технике[356].

Но пока еще обдумываю это, но твердо уверен, что для нашей Родины, для вооруженных сил страны это — большое нужное дело, особенно если учесть, что за время войны нам не пришлось много заниматься разработкой этой реактивной техники, а лишь бы справляться с нуждами фронта. А теперь настало время и этими делами заняться.

Ну, поживу — увижу, как подойти к этому вопросу. Черт с ним, что американцы увезли фон Брауна, у нас теперь есть Греттруп — заместитель Брауна, ряд крупных инженеров, а главное, что наши советские молодые специалисты, такие как Королев, Пилюгин*, Кузнецов, Глушко и др., освоили быстро немецкую технику и теперь можем все это двигать вперед.

Забыл записать: когда мы с гор ехали обратно, я посадил директора завода к себе в машину и спросил: «Ну как, за семьей сами хотите поехать?» Мне было любопытно, как он среагирует. Он сразу ответил: «Герр генерал, лючше будить, если за ними поедет ваш чиловек». Он уже русские слова изучил.

Я сказал: «Сделаем». Я думаю, что немец побоялся туда ехать, так как, вероятно, американцы уже знали, что он нам сделал большое дело.

Когда прилетели в Москву, а там, оказывается, Меркулова сняли с наркома госбезопасности и назначили Абакумова, этого провокатора. Кобулова тоже сняли[357].

Мотивы: Меркулов мягкий, нерешительный...

Я написал письмо в ЦК тов. Сталину о том, что Абакумов малограмотный, с авантюристическими наклонностями человек, и, безусловно, на мой взгляд, он не будет соответствовать наркому госбезопасности. Я не сомневаюсь, что Абакумов узнает о моем письме и будет мстить, но я не боюсь. Правду должен был доложить в ЦК[358].

Кобулов и Абакумов ради карьеры готовы утопить любого честного человека.

Однажды прилетел В. Д. Соколовский из Москвы, куда его вызывали на заседание Главного Военного Совета, позвонил мне и просил зайти. Когда вошел, у него никого не было.

После нескольких незначительных фраз он рассказал следующее: «На Главном Военном Совете разбирали итог Отечественной войны, а точнее, Жукова. На него поступили материалы из особого отдела (и тут подлец Абакумов), что Жуков бравирует своим положением, что он считает себя главным героем Отечественной войны, что у него бонапартистские замашки и стремления и т. д., и т. п. Затем выступали члены Политбюро — Жданов, Берия, Маленков, Каганович и др. — с подтверждением всех этих недостатков. Тут же был упомянут и ты, мол, Серов знал обо всех этих замашках Жукова, а также о похождениях по женской линии, однако в ЦК не докладывал».

Я тут же прервал Соколовского и говорю: «Во-первых, я не доносчик сплетен, а во-вторых, я знаю Жукова 5 лет. А где был ты, Василий Данилович? Где был Телегин — член Военного Совета фронта? Выходит, и вы оба тоже это знали. А почему не докладывали?» Он замолчал.

Потом я ему еще повторил, что я в жизни не был доносчиком сплетен и разной болтовни и не буду, и в то же время, если есть что серьезное против Родины и партии, я родного брата не пощажу и скажу вслух и доложу в ЦК. Соколовский глухо сказал: «Это верно».

Потом он закончил тем, что командующим военных округов будет дана телеграмма с изложением всех этих вопросов — про Жукова и про тебя. «Когда получу, приходи, почитаешь», — закончил Василий Данилович. Я сказал: «Нет, я не имею удовольствия читать абакумовскую провокацию».

Под конец столь неприятной беседы Соколовский сказал, что Жуков назначен командующим Одесским военным округом. После этого я ушел[359].

Раздумывая над таким решением, я пришел к выводу, что провокаторы, типа Абакумова, Кобулова, Цанавы, Мешика и других, могут отрицательно влиять на некоторых членов Политбюро, а те, в свою очередь, — на Сталина. Но ведь это глупо.

Видимо, приближенные Сталина в угоду ему могли, используя провокационные материалы Абакумова, раздуть это и представить как якобы желание Жукова затмить Сталина. Никогда Жуков этого не позволит...

Мне на 1-м Белорусском фронте часто приходилось встречаться с Георгием Константиновичем в разных условиях — по-домашнему и на официальных совещаниях, и я никогда не чувствовал, чтобы Жуков противопоставлял себя Сталину или нелестно отзывался о нем. Вот что значит — попался провокатор в органы, и что он мог сделать с заслуженным воином, патриотом нашей Родины.

Жалко Георгия Константиновича по-товарищески, сердечно жалко!

Сентябрь-ноябрь

Когда я в марте был в Москве, то мне товарищи рассказали, что Министерство торговли в плане 1945–1946 годов просчиталось с хлебом для населения. Оказывается, до нового урожая почти ничего не осталось. Т. Сталин рассердился. Решили снять с работы министра Любимова* и строго наказать[360].

По приезду в Берлин я вызвал Ковалю — заместителя Главного начальствующего по экономике, который в СВАГ ведал снабжением немцев и другими делами, и попросил дать мне справку, сколько получают наши советские товарищи, находящиеся здесь на работе, и их семьи, и

главное, сколько нужно до конца года хлеба, чтобы прокормить немцев, и сколько останется в резерве.

Оказалось, наши советники в Германии и их семьи получают в 3–4 раза больше, чем наши москвичи, а самое важное, что до нового урожая у немцев имеется до полумиллиона тонн зерна, а хлеба выпечь можно до 40 млн пудов. Причем наши экономисты в Берлине предполагают этот резерв использовать для изготовления пива, по которому, как они сказали, «исстрадались немцы».

Я про эти запасы написал в ЦК и внес предложение запасы хлеба вывезти в СССР, оставив только <необходимое> для нормального питания. Не знаю, как это будет воспринято[361]

В Москве мне позвонил секретарь ЦК т. Жданов А. А. и сказал, что «В ЦК разобрали вашу записку по хлебу. Согласились с вашим предложением, и т. Сталин объявил вам благодарность за партийное отношение и заботу о москвичах. Об этом т. Сталин сказал мне, чтобы я позвонил вам».

Я сказал, что рад стараться на благо народа и партии. Приятно получить благодарность от ЦК.[362]

Потом начались звонки Хрулева и других товарищей, которые узнали об этом. Быстро была создана комиссия ЦК, которая приняла решение о порядке вывоза и распределения хлеба. Василий Данилович надулся, почему я ему не показал записку.

Встретился с некоторыми наркомками СССР, с Зубовичем* (электропромышленность), с Хруничевым (авиапромышленность), с Устиновым (вооружение) и другими товарищами, заведующими оборонной промышленностью. Все они интересовались, как развернулись немцы и что у них нового в технике.

С Зубовичем мы как-то долго говорили, и он меня спросил, что немцы делают по телевизионной технике, и тут же сказал, что на наших заводах никак не добьются способа нанесения эмульсии на телевизионный экран, поэтому наши экраны пока что все лишь 2 1/2 дюйма.

Я удивился и говорю: «А разве твои специалисты не были в телевизионном цеху около Дрездена?» Он говорит: «Нет».

И я ему рассказал, что в этом цеху немцы мне показывали, как они наносят эмульсию на 12-дюймовый экран. Берут по весу эмульсию и высыпают в телевизионную трубку. Затем берут горсть дроби и бросают в трубку, после чего начинают дробью раскатывать эмульсию по трубке. И через 10–15 минут эмульсия нанесена, и трубка идет в горячую камеру для обжига.

Зубович обрадовался моему сообщению и говорит: «Возьми с собой моего главного инженера, пусть посмотрит и научится». Я согласился.

Вот после этого, вернувшись в Берлин, я еще поездил по некоторым объектам и решил написать записку в Москву в ЦК, что полагаю целесообразным ведущих немецких специалистов по реактивной, атомной технике и по оборонным отраслям промышленности вывезти вместе с семьями в СССР на несколько лет для работы в соответствующих министерствах и ведомствах, с тем чтобы с их помощью ускорить разработку технических и оборонных объектов. Провел совещание с начальниками оперсекторов, чтобы они взяли на учет специалистов. Подготовил такую записку и послал[363].

Через несколько дней с утра раздался звонок по ВЧ, и телефонистка сказала: «Вас вызывают

по большой молнии». Я понял, что Сталин.

Вначале мне т. Поскребышев сказал: «Будете говорить с хозяином». Сталин начал своим обычным голосом: «Да». Я ему: «Слушаю, т, Сталин!»

Сталин: «Вы можете вылететь в Москву?» Я отвечаю: «Могу», Т. Сталин снова: «А обстановка позволяет?» Я отвечаю: «Позволяет». Сталин: «Ну, тогда вылетайте».

Я ответил «Хорошо», и разговор закончился. Я тут же вызвал Тужлова и сказал, что завтра летим в Москву, пусть Завьялов приготовит самолет. В это время опять раздался звонок по ВЧ. Я поднял трубку, опять: «Да». Я сразу сказал: «Серов слушает, т. Сталин».

Сталин мне говорит: «Если погода плохая — не вылетайте!» (строгим голосом). Я отвечаю: «Слушаю», — и дальше: «Я вас знаю, вы можете в любую погоду вылететь» и хлопнул трубку.

Я стоял обескураженный, первый разговор такой спокойный, а второй — такой сердитый, неприятно. Вот и пойми.

Настроение испортилось у меня. Видно, там, в Москве, кто-нибудь из близко стоящих к нему, Маленков или Берия, подсунул фразу обо мне, и он решил позвонить и предупредить, А самое неприятное, что почти никогда не знаешь, зачем вызывает и к чему подготовиться.

Был в Москве, есть что вспомнить. Во-первых, прилетел в тот же день, но доложил на следующий день — как бы ни выругали.

Два дня не вызывали. На третий день вызвали. Захожу в кабинет т. Сталина, поздоровался, сидят все члены Политбюро ЦК[364].

Т. Сталин подошел ко мне, пожал руку и, прохаживаясь по кабинету, говорит: «Мы прочитали вашу записку о вывозе немецких специалистов по атомной и ракетной технике, по локации, по авиации и т. д. Считаем, правильно ставите вопрос».

Я слушаю. Потом подошел ближе ко мне и говорит: «Мы решили это проделать так: вы, как заместитель Главноначальствующего, объявляете им, что советское командование мобилизует вас, немцев, на два года, для работы в СССР по вашей специальности.

Затем подаете вагоны, они берут семьи, кто хочет, и после этого их грузите и отправляете, а здесь соответствующие министры их разместят по специальности на заводы и обеспечат жильем и питанием».

Потом сделал паузу, смотрит на меня и говорит: «Правильно?» Сидевшие члены Политбюро в знак согласия со Сталиным закивали головой, а Маленков, Берия сказали: «Правильно». Я чувствую, что мне надевают петлю на шею. Я промолчал. И сразу видно, что Сталин рассердился и говорит: «Что молчите?» Я продолжал молчать.

Потом он отвернулся и пошел к столу, а я молчу. Члены Политбюро Маленков, Берия, Ворошилов, Микоян — смотрят на меня и кивают головой, что, мол, соглашайся. Я стою и в ответ им отрицательно мотаю головой.

Т. Сталин подошел к своему кабинетному столу, сломал две папиросы («Герцеговина Флор» — это его любимые), набил ими трубку, закурил, резко бросил спички и направился ко мне. У меня за эти минуты в голове, как в счетной машине, работала мысль, как выразить свое отрицательное отношение к их «предложению», вернее, решению.

Я знал, что т. Сталин не любит возражений, точнее, не терпит, если не обоснованы, но вместе с этим я не мог согласиться, так как если заранее объявить немцам, что они будут

вывезены в СССР, который в их представлении — это Сибирь, то они все убегут на Запад к англичанам и американцам, и тогда мне за это те же члены Политбюро голову снесут.

Пока т. Сталин шел своей медленной походкой ко мне, я уже надумал, как сказать. Он подошел и сердито спрашивает: «Ну как?» Я спокойно говорю: «Т. Сталин, ваше решение в основном правильное». Но тут я словчил.

Он насторожился. «Разрешите мне объявить немцам о том, что они мобилизуются на два года, когда я их с семьями уже посажу в вагоны?»

Т. Сталин спросил сердито: «А почему так?» Я отвечаю: «Так будет вернее, чтобы они до отъезда, когда им объявят накануне, не убежали на Запад к американцам и англичанам, так как специалисты они ценные».

Он сразу обернулся к членам Политбюро и говорит: «Правильно Серов говорит». Те стали согласно кивать головой, а голосом подтверждать: «Правильно». Эта сцена на меня произвела тяжелое впечатление. Как это солидные люди, только что мне грозили кулаком — «Соглашайся!», и вдруг поворот на 180°?

Затем Сталин поручил Маленкову и Поскребышеву составить проект постановления и добавил: «А что неясно, то нужно спросить у Серова». И я, простившись, ушел.

Вечером мне Маленков зачитал текст постановления, я согласился[365].

Вернувшись в Берлин, собрал уполномоченных провинций, проинструктировал, как брать на учет немцев-специалистов, как организовать негласную проверку этих специалистов, и примерно сказал день погрузки.

С т. Соколовским договорился насчет автомашин, солдат и вагонов, и дело закрутилось.

Вся подготовка вагонов, сопровождающих и т. д. заняла неделю, а затем мы в условленный день приступили к операции[366].

По подготовленным спискам в 4 часа утра начали свозить на ж/д станцию немецких специалистов с семьями (тех, кто хотел взять семьи, так как некоторые отказались, пока устроятся в России).

По реактивной и ракетной технике мы взяли от фон Брауна главного инженера Греттрупа и его инженеров, которые конструировали ФАУ-1 и ФАУ-2, Вассерфаль, Рейнтохтер с пульсирующим двигателем и т. д.

Я предупредил Устинова, Зубовича, Хруничева, Завенягина и других наркомов, примерно для какого количества специалистов они должны подготовить помещения.

С М. В. Хруничевым я договорился, что пришлю не всех, так как специалистов, которые у меня работают в Дессау во главе с профессором Бааде, пока задержу. Как только они сделают шестидвигательные реактивные бомбардировщики и реактивные истребители по 2 самолета каждого образца, тогда и направлю в СССР.

По атомной энергии я еще раньше направил несколько крупных специалистов Завенягину. Всего с семьями получилось около 5 тысяч человек[367].

В основном погрузка прошла хорошо. Правда, у немцев хмурый и злобный вид, так как они не верили, что их отправляют не в Сибирь, потому что все они работали для немецкой армии Гитлера, которая нанесла громадный ущерб СССР.

Правда, и в этом деле не обошлось без смеха. Некоторые немцы для того, чтобы избавиться

от своих жен, брали подруг и записывали их на свою фамилию[368].

В Москве от своих ребят узнал, что этот подлый Абакумов решил свести со мной счеты, став министром госбезопасности СССР, арестовал маршала авиации Новикова* А. А. и выдавил из него на меня показания, что мы с Жуковым в близких отношениях и оба заговорщики против Сталина. Вот ведь какой мерзавец! Пришлось обратиться за помощью к т. Сталину [369].

В письме, которое я послал в сентябре, написал: «Совет Министров Союза СССР — тов. Сталину И. В.

Считаю необходимым доложить Вам, т. Сталин, о непартийном отношении ко мне Абакумова, который на протяжении всей войны на всяких мелочах пытался меня скомпрометировать, но я не обращал внимания, так как в тот период у него были ограниченные возможности к этому. В настоящее время эти возможности во много раз увеличились, и я счел необходимым обратиться к вам за помощью».

Далее я привожу факты о том, что Абакумов под предлогом технической неграмотности моего экипажа самолета и якобы психически ненормального летчика Панькина* хотел подсадить своих людей, чтобы разрабатывали меня о Жукове Г. К. и моих взаимоотношениях с ним.

Я так писал: «Т. Сталин, мы с Жуковым были в нормальных деловых отношениях, какие требовались во время войны и после, в период работы по линии СВАГ. Т. Жуков всегда говорил, что получает указания только от хозяина (он Вас так, т. Сталин, называет), что его предложения утвердил хозяин и дал указания и т. д.».

И далее: «Я не думаю, что т. Жуков мог решиться на какие-либо действия вразрез политики нашего государства».

Это я писал в то время, когда Жуков был уже скомпрометирован тем же Абакумовым и иже с ним и командовал Одесским военным округом.

Закончил письмо так: «Мне очень обидно, т. Сталин, когда Абакумов незаслуженно меня оскорбляет. Я стараюсь работать без оглядки и добиваюсь выполнения возложенной на меня работы, невзирая ни на что. Я знаю, что если в ходе работы ошибусь, то меня направят. Поэтому прошу Вас, т. Сталин, оградить меня от оскорбительного преследования Абакумова. Со своей стороны заверяю, что любое задание Партии и Правительства для меня является законом моей жизни. Сентябрь 1946 г. Берлин».

В последующем я несколько раз был у т. Сталина, но по поводу моей записки вопроса пока не возникало[370].

Декабрь

Ну, жизнь в Германии идет нормально. С Ульбрихтом приходится возиться, как с маленьким. Придет со своей женой-переводчицей, сядут в приемной и ждут очереди. А когда войдет в кабинет, то поставит один-два вопроса, а затем начинает мелочи выкладывать: то его бензином не заправляют, то прикрепленный офицер не подходит, просит заменить, то помещения нет и т. д.

Я каждый раз сердился и говорил ему, что «вы тут хозяин, действуйте, а мы поддержим. А вы все ходите вокруг да около и хотите, чтобы мы за вас делали». Он после моей тирады сразу переставал понимать по-русски и, обращаясь к жене (она уже теперь не переводчица), стал

спрашивать: «Вас, вас?» («Что, что?»). Ну, потом, когда она перевела, он заулыбался, стал благодарить, и мы мирно расходились.

Я-то все время считал, что т. Пик будет активно работать, мне кажется, он более эрудирован, да мне и т. Сталин так сказал, чтобы он за главного там был. А оказалось, что т. Пик болеет и практически мало работает.

А откровенно говоря, пока что не нравятся мне немцы, из числа руководителей провинций, трудно из них сделать настоящих демократов. Как ни бьемся, а они на нас смотрят волками. Особенно когда видят, как мы вывозим технику, оборудование, демонтируем заводы и т. д. А что они думали, у нас пол-Союза немцы разграбили, сожгли и вывезли, а мы тут на них будем любоваться?

Потом они намекают, что на Западе ничего не вывозят, так как не понимают, что у американцев и англичан они ничего не повредили.

1947 год. Январь-февраль

Наступил 1947 год. «Что день грядущий мне готовит?»

Обстановка в Германии начинает стабилизироваться. Пускают новые предприятия, мы ждем на немцев, они стараются, но мне думается, мы допускаем и большую ошибку. О ней я говорил тов. Соколовскому.

Наши советники, инженеры и специалисты, желая выслужиться перед своим наркоматом, вносят предложение, что мы, т. е. немецкие предприятия, где они сидят, можем выполнить большой план по репарациям. Министры говорят: «Давай».

Наши жмут на немцев — «давай больше». Те сопротивляются, заявляя, что производственные мощности не позволяют. Тогда наши говорят: «Ускорить процесс обработки» Немцы говорят: «Не можем, так как будет низкое качество». Наши говорят: «Учтем при приемке».

Немцы потихоньку идут на это, т. е. за счет плохого качества увеличивают выпуск продукции по репарациям, а наши представители принимают некачественный товар и отправляют в Москву, лишь бы план перевыполнить. Ведь немцы всегда славились качеством производства, конкурировали в этом с англичанами, а теперь посмотришь, как плохо стали делать ружья, велосипеды, ткань и т. д.[371]

Я на совещании комендантов городов и начальников СКП провинций обращал на это внимание, так они мне говорят, что наши советники получили план от своих наркомов и стараются выполнить и получить за это премии. Испортим немцев и будем получать дрянь.

Тов. Соколовский поехал в Москву, возможно, там что-нибудь добьется. Когда я был в Москве, мне многие министры жаловались на плохое качество изготавливаемой немцами продукции.

Глава 13. БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ. 1947–1948 годы

Затянувшаяся немецкая командировка явно тяготила Серова. После лишения его большинства прежних полномочий (их, как уже говорилось, передали из МВД в МГБ), работы, достойной уровня Серова, в Германии для него не осталось. Не было теперь рядом и маршала Жукова.

Будучи «целым» зам. министра внутренних дел СССР, Серов руководил отныне лишь немецкими тюрьмами и спецлагерями. Права на самостоятельную оперативно-следственную работу он был лишен: даже войска МВД в зоне оккупации оперативно подчинялись теперь Абакумову.

Его последний «дембельский аккорд» — отправка в Союз немецких ученых и инженеров с семьями. 2 ноября 1946 года, едва два эшелона с переселенцами скрылись за горизонтом, Серов шлет депешу своему формальному начальнику, министру внутренних дел Сергею Круглову:

«...прошу Вашего разрешения возвратиться для дальнейшей работы по своей должности в Министерство. Для работы в Германии... останется отдел Внутренних дел Советской Военной Администрации во главе с генерал-майором тов. Мальковым ».[372]

Ответа на письмо он, однако, не получил: понятно, что судьба Серова зависела отнюдь не от воли министра Круглова.

Лишь зимой 1947 года Сталин решает вернуть Серова на Родину: его повышают до первого зам. министра, возлагая контроль за основными участками работы МВД, в том числе Главным управлением милиции и Главным управлением по борьбе с бандитизмом. Теперь он должен побороть расцветшую после войны уголовную преступность.

Это был один из самых тяжелых этапов в жизни Серова. В Москве он сразу же попадает в эпицентр лубянского-кремлевских заговоров и интриг.

К тому моменту его заклятый враг Виктор Абакумов уже сменил многолетнего наркома-министра, верного бериевца Всеволода Меркулова. В мае 1946-го он возглавил МГБ СССР. (Накануне, в марте, прошла административная реформа, преобразовавшая наркоматы в министерства.)

Сталин умел, а главное, любил стравливать своих бульдогов под ковром. По решению вождя Берия теперь был полностью отведен от силового блока и целиком сосредоточился на главном национальном проекте: атомном. (В этом проекте, кстати, Серов тоже принимает активнейшее участие и даже входит в состав Спецкомитета по ракетной технике.)

Вскоре после прихода Абакумова между двумя ведомствами разгорается самая настоящая война.

Горячее дыхание Абакумова за спиной Серов ощущает уже давно: об этом упоминается и в предыдущих главах. Год назад из арестованных жуковских генералов в МГБ уже выбили показания против Серова. Только вмешательство Сталина спасло тогда его от расправы. Сталин же и возвращает Серова в Москву: хотя понимает, что Абакумов от него не отстанет.

Новый шеф МГБ системно наступают МВД на пятки: он добивается передачи к себе одной милицеейской службы за другой. Погоны ГБ надевают правительственная связь, внутренние войска, служба наружного наблюдения, Гохран, пограничники, ГУББ, транспортная милиция; а под конец, в октябре 1949-го, и вся милиция в целом .[373]

Куратором большинства этих служб — кстати, наиболее многочисленных в МВД, — был как раз Серов.

Передача подразделений из МВД в МГБ сопровождалась чисто коммунальными склоками. Руководство Лубянки открыто настраивало подчиненных против МВД. Как писал Серов в жалобе Сталину 8 февраля 1948 года, «...под руководством АБАКУМОВА созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД... АБАКУМОВ навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20–25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, другие в МГБ, при встречах боятся здороваться...».[374]

Впрочем, лишение МВД рычагов влияния и междуведомственные распри были еще не самым страшным злом...

С переездом Серова в Москву нападки на него Абакумова не прекратились, а возобновились с удвоенной силой.

Уже весной 1947 года чекисты приступают к проверке его родословной: якобы до революции отец Серова служил в жандармском управлении. Они даже выезжают к нему на родину, в Вологодскую область, но, увы, ничего не находят.[375]

Тогда Абакумов прибегает к прежней тактике: фабрикации компромата на Серова. С конца 1947 года начинаются аресты его бывших подчиненных по Германии: генералов МВД-МГБ Бежанова, Клепова, Сиднева. От них требуют показаний на 1-го зам. министра. Все они, после усиленных допросов (Абакумов беседует с ними лично), уличают Серова в мародерстве, присвоении денег и ценностей.

Это отлично ложится в канву прежних обвинений против маршала Жукова и его генералов: им тоже вменяют вагоны с награбленными трофеями из Германии.

Следователи МГБ вновь пытаются связать Серова и Жукова вместе. (Квинтэссенцию «нужных» показаний четко сформулировал экс-начальник оперсектора МВД в Берлине генерал-майор Сиднев: «Оба они были одинаково нечистоплотны»).[376].

Все протоколы с показаниями на Серова Абакумов регулярно направляет Сталину лично. С письменного согласия вождя происходят и дальнейшие аресты людей Серова.

Абакумов не ограничивается одним шаблоном: ему надо сформировать у Сталина многогранный образ врага.

Из арестованного в ноябре 1947 года генерала Андреева, бывшего начальника отдела правительственной связи МВД, выбивают, например, показания, что Серов, курируя спецсвязь в войну, постоянно интересовался разговорами Сталина и членов Политбюро по спецкоммутатору и чуть ли не пытался их прослушивать.[377].

Той же осенью шеф МГБ докладывает о массовых безобразиях и поборах в московской милиции: в МВД ее курирует именно Серов.

Кольцо опасности сжимается вокруг Серова всё плотнее. В феврале 1948-го арестовывают его бывших адъютантов Тужлова и Хренкова: это уже прямой вызов. Их тоже заставляют свидетельствовать против Серова; на самом деле, протоколы допросов пишутся для одного, главного читателя.

Непосредственный начальник, министр Сергей Круглов не в состоянии защитить Серова (в мемуарах он пишет о Круглове, не скрывая пренебрежения). Берия зачастую лишен возможности вмешиваться в дела Лубянки.

И тогда Серов вновь вынужден прибегнуть к «последнему резерву ставки»: как и в 1946-м, он обращается за защитой лично к Сталину. 31 января и 8 февраля друг за другом он шлет тревожные письма в Кремль.

Обращения возымели действие. Серов подробно воспроизводит последовавший вскоре звонок Сталина: кстати, об этом разговоре прежде никому не было известно.

Судя по всему, вождь решил сохранить баланс интересов между своими «бульдогами». Да и письма Серова, похоже, убедили его в том, что Абакумов сводит здесь личные счеты: а генералиссимус очень не любил, когда путали свою шерсть с государственной.

Не будем забывать и фактор личных заслуг Серова, неоднократно выполнявшего прямые поручения Сталина.

Среди таких «поручений» был и арест зам. начальника охраны «ближней дачи» Сталина подполковника Федосеева, заподозренного в шпионаже.

Дело Федосеева — один из ключевых этапов в битве МГБ с МВД, о чем Серов тоже вспоминает весьма обстоятельно. Этот исторический триллер он излагает в совершенно новой для нас трактовке.

При явном желании автора обелить себя, при всех поправках на субъективизм, бесценность его записей очевидна. Перед нами — первый в истории дневник боевых действий между сталинскими спецслужбами, написанный одним из ключевых участников.

Мы специально попытались сохранить в этой главе принцип дневниковости, чтобы передать динамику тех трагических и лихих событий.

1947 год. Возвращение в Москву

В конце марта 1947 года меня срочно вызвали в Москву. Прилетел, зашел к Круглову, сидит скучный. Спрашиваю: «В чем дело?» Рассказал следующее: Вчера вызвали в ЦК и хотели освободить от должности наркома.

Дело было так. В адрес тов. Сталина написал письмо рабочий московского завода о том, что от воров нет житья, и привел такой пример, что он купил 1/2 кг мяса и положил между окон, чтобы не испортилось. Воры разбили стекло и забрали мясо.

Т. Сталин рассердился, что в Москве такие случаи имеют место, вызвали на Политбюро Круглова и сказали, что снимем с должности.

Берия взял его под защиту, тогда тов. Сталин спрашивает: «А где у нас Серов?» Ему сказали, что в Германии. Он на это сказал: «Надо его отозвать, он поработал, дело наладилось. Назначить его 1-м заместителем министра внутренних дел СССР и пусть в Москве и на периферии наведет порядки, как следует»[378].

В конце Круглов говорит: «Садись, сегодня придет решение и все». Я говорю, что надо слетать в Германию дела сдать.

Действительно, днем позвонил Поскребышев и просил зайти. Я был в Кремле, ходил за постоянным пропуском на 1947 год, там меня встретил Поскребышев и вручил решение Политбюро о назначении 1-м заместителем НКВД.

6 лет был зам. НКВД. Теперь первый зам.[379]

Я попросил его дать мне заявление этого рабочего и обещал его вернуть. Он дал.

Когда я поручил Полукарову*, начальнику московской милиции, проверить, то оказалось, что это не рабочий, а бухгалтер, пенсионер, и не Иванов, а Кузинштейн. Ну, а мясо действительно взяли, так как стекло разбито.

Выходит, что не было бы счастья, да несчастье помогло, и я вернулся к своим родным.

Бегство Грегори Токати

Не прошло и 10 дней, как меня вызвали поздно вечером в Кремль, сижу в приемной у тов. Сталина, со мной сидят нарком авиапромышленности СССР М. В. Хруничев, командующий ВВС Жигарев и какой-то подполковник[380].

Минут через 5 вышел Маленков, а через пару минут тов. Сталин, который увидел меня, говорит, подавая лист бумаги: «Вы читали это письмо?» Я отвечаю: «Нет». — «Прочитайте». И пошел.

Я прочел записку подполковника СВА в Германии Токаева* о том, что из Германии вывезли не всех специалистов, что он знаком с группой немецких ученых, работавших по реактивной авиатехнике, называет при этом профессоров Зенгера*, Танка* и другие фамилии.

Записка написана в адрес тов. Маленкова. Другая записка от Маленкова к тов. Сталину, где говорится, что он вызывал военных ВВС, что все это заслуживает большого внимания и т. д.

У меня эта записка вызывала неприятное чувство. Выходит, что я не всех специалистов выявил и вывез в СССР, и такого крупного, как Зенгер, я не сумел вывезти.

Через 5 минут вызвали нас в кабинет к Сталину, тов. Сталин, обращаясь ко всем, говорит, что тов. Токаев написал письмо, что в ГДР есть крупные ученые, не вывезенные в СССР, и он с ними поддерживает связь. Затем, обращаясь ко мне, говорит: «Вам известны такие лица?»

Я говорю: «Слышал, что есть такие профессора на Западе, а если они были бы в тот период у нас, когда мы вывозили немцев, то, безусловно, их бы вывезли. Мне известно, что профессор Зенгер работал в Вене (Австрия)».

Тогда тов. Сталин говорит: «Давайте на место пошлем комиссию во главе с Серовым, которая все проверит и доложит свои предложения, где кого из них целесообразно вывезти в СССР». Все согласились. Я попросил слово и сказал, чтобы включили в состав комиссии генерала В. Сталина. Тов. Сталин подумал и говорит: «Согласны». Члены Политбюро поддакнули.

Я это попросил, потому что если этот Токаев в записке наврал, то не начал бы потом кляузничать. Тогда бы у меня был живой свидетель в Берлине В. Сталин, который мог бы отцу все рассказать.

По внешности Токаев напоминает еврея. Оказался осетином.

Затем Сталин отвел меня в сторону и тихонько сказал: «Вы один слетаете в Вену и проведаете все о Зенгере, он там учился, писал научные труды. Указания Верховному комиссару СССР по Австрии генералу Курасову будут даны». Я сказал: «Будет сделано».

Вот сколько раз приходится бывать у тов. Сталина, и все равно возникают о нем каждый раз новые моменты. Несомненно, что работоспособность у тов. Сталина исключительная, но день организован неверно.

Сидеть ночью до 2–3 часов утра, приезжать на работу к 1 часу дня, а затем, после небольшого перерыва на пару часов (с 7 до 9 вечера), вновь работать до 2 часов ночи — это никуда не годится. Ведь и наркомам пришлось так строить день с той разницей, что утром приезжали не к 13:00, а в 11 часов.

Обычно, закончив обсуждение вопроса с приглашенным человеком, он, обращаясь к нему, говорил: «Хорошо!» Затем, подняв несколько руку, говорил: «Всего хорошего!» Это означало: «Вы свободны, можете идти».

Людей, которых он ценил, но лично ему они были мало знакомы, он спрашивал, не нуждается ли он в чем-нибудь или его семья.

Память у него была отличная, несмотря на преклонный возраст, и если он что пообещал, то помнил и выполнял. В записках, которые ему приходилось читать, он не раз исправлял, устранял допущенные ошибки, но те документы, которые готовил Поскребышев, были без ошибок. Если и исправлялось, то только содержание или отдельные фразы.

Прилетели обратно в Берлин. Я распределил между членами комиссии обязанности. Мы с Токаевым, В. Сталиным поехали в район, где эта группа «ученых» работала.

Еще до этого Токаев сказал мне, что профессор Зенгер не живет в ГДР, но его «приятель» живет в Берлине и работает на СВАГ. Уже отступление. Я сказал Токаеву, почему он в записке этого не написал? Тот уклонился от ответа.

Приехали в группу «ученых». Я попросил Токаева показать приятеля Зенгера. Он мне указал на тощего немца. Когда я в присутствии Токаева и В. Сталина задал вопрос: Знает ли он профессора Зенгера? — то ответил: «Лично я его не видел, но читал его труды по аэродинамике». Профессия этого немца — инженер по системе Вестингауза (т. е. по тормозам для ж/д вагонов). Ничего себе авиатор!

Стали спрашивать других инженеров, картина еще хуже. Те даже не читали трудов профессора Зенгера и ничего о нем не слышали. Сами «инженеры» даже не дипломированные, т. е. не полностью окончили институты и не получили дипломов. Я поругался и уехал. Всю дорогу молчали.

Приехав в СВАГ, я сразу обратился к Токаеву и говорю: «Ну, что будем делать дальше? Где ученые, о которых писали в ЦК, где приятель Зенгера, где Танк?»

Токаев, видя, что уличен, еще попытался сослаться на какую-то группу, находящуюся в районе Потсдама. Я тогда сказал: «Пусть туда поедут генерал Сталин, Токаев и академик Шишкин из наркомата авиапромышленности».

На следующий день, когда собралась вся комиссия, В. Сталин доложил, что вторая группа, на которую сослался Токаев, такой же блеф, как и первая.

Тогда я говорю членам комиссии, что у меня получены данные, что в районе Веймара (Тюрингия) проживает, действительно, приятель Зенгера, так вот я хочу туда съездить. Всей комиссии делать нечего, поэтому я обеспечу каждого автомашиной, и в течение 2-х дней вы можете знакомиться с Германией, а сейчас давайте напишем предварительно записку тов. Сталину о результатах нашей проверки, а подпишем и пошлем после моего возврата.

Так и сделали. Шифровку подготовили, зачитали, все, в том числе и Токаев, сказали: правильно. В записке в спокойном тоне докладывалось, что никаких ученых нет, что Зенгер никогда не находился в советской зоне, что эта группа занимается разработкой вопросов ж/д транспорта, а профессор Танк находился в американской зоне и вывезен в США в 1945 году.

На следующее утро я вылетел в Вену, благо самолет был свободный. В Вене на аэродроме меня встретил генерал Желтов*, мой однокашник по академии Фрунзе. Он здесь член ЦК по Австрии, которому звонил Сталин в отношении меня, и отвезли меня в гостиницу.

Умывшись, я сразу же взял переводчика в советской администрации и пошел в Высшее техническое училище, где учился и работал Зенгер. Там удалось выяснить, что действительно Зенгер занимался реактивной авиацией и сверхзвуковыми полетами. Издал свой труд, я его попросил, и мне дали. Здесь же защитил докторскую степень. Сейчас он живет, по их данным, в Западной Германии. Я узнал адрес, где жил Зенгер, и пошел туда.

Там с хозяйкой, австрийкой, все выяснил. Она с ним переписывается. Живет в г. Геттингене и работает у американцев, но якобы не по своей специальности. Вот и все.

Я на следующий день назначил вылет, ну, а вторую половину дня решил посмотреть Вену. Город прекрасный, окрестности красивые, зеленые. Там уже как летом, хотя апрель месяц...

Прилетев в Берлин, собрались всей командой, еще раз прочитали донесение о вранье Токаева, добавили, где находится Зенгер, и подписали. Токаев, смущенный, сказал, что все написано правильно. Отношение членов комиссии было к нему явно презрительное.

Перед отлетом в Москву встретился с В. Д. Соколовским и все ему рассказал про Токаева. Он возмущался, что такую дрянь из ВВС посылают в СВАГ для работы.

В конце беседы я предупредил Василия Даниловича, чтобы он поручил особистам наблюдать за Токаевым, как бы он не сбежал на Запад, струсив, что наврал в ЦК. Василий Данилович пообещал все это обеспечить.

Но, к сожалению, в жизни получилось иначе. Когда мы улетели, Токаев забрал семью и на метро переехал в английскую зону Берлина, где явился к англичанам, т. е. стал предателем. Затем я читал в сводках ТАСС, что он выступил на радио в Лондоне, называл себя доктором наук и хвастался, что является помощником Сталина по авиации и т. д.

Вот подлец! Я удивляюсь англичанам, которые очень умно ведут разведку и не могли распознать этого авантюриста[381].

Милицейские будни

В Москве так включился в дела, что не было ни минуты свободного времени. На работу уходил в 10 часов утра, до 18 часов работал. В 19 дома обед, в 20 часов снова на работу и до 2–3 часов ночи, и так ежедневно.

Нагрузка большая. Я в Берлине был посвободнее. «Ну, ничего, выдюжим», — как говорят в народе.

Много времени отнимает милиция, непорядков много, да и народ после войны подраспустился, выпивать чаще стали. Жулье более квалифицированное пошло.

На днях был интересный случай. Мне позвонил нарком Максарев*[382] и говорит: «У меня на приеме дважды Герой».

Заинтересовался им. Я дал указание привести его на Петровку, этого дважды Героя Советского Союза. Когда приехал туда, увидел человека с полностью ампутированными ногами, а на руке отняты три пальца. Его подняли вместе с коляской на стул, и я стал

допрашивать.

Оказалось следующее. Передо мной сидел еврей лет 32-х, довольно умное лицо. После двух-трех вопросов он сразу сказал, что вижу, что перед вами крутить нечего, и стал рассказывать.

Как он говорит, с детских лет занимался карманными кражами, как правило, не попадался. Сестра — профессор медицины в Киеве. Неоднократно пыталась его перевоспитать, но безуспешно. Пару лет назад он попался на краже.

Все произошло, как он говорил, по глупости. Стал выпивать. После войны все выпивают. Его арестовали пьяным в Вологде и сопроводили в комнату предварительного заключения (КПЗ), но так как он буянил и кричал, что не виноват, ему милиция связала руки и ноги и положили на скамейку в холодную.

Видимо, там застудили руки и ноги (обморозил), его положили в больницу, началась гангрена, и ему «рубанули ноги» и три пальца. Ну, в таком состоянии через полгода его выпустили.

Обращаясь ко мне, он спрашивает, что же ему оставалось делать, он лишился «профессии». Ведь раньше он как делал?

«Приду в Большой театр на первое действие, в антракте в буфете присмотрюсь, у кого толстый кошелек, постою 5 минут возле него в очереди, забираю у него кошелек и ухожу домой. И так раз или два раза в неделю схожу в театр, и жил „кум королю“. Иной раз попадалось, что брал 2–3 тысячи рублей за два приема. Выйдя из больницы, мне ничего не оставалось, как перестраивать жизнь. Я тщательно все обдумал и делал так: узнавал фамилию и имя наркома, узнавал какой-нибудь крупный завод на территории, подчиненной этому наркомату, узнавал также фамилию, имя и отчество директора завода и какие имеются цеха. Затем звонил в приемную министра и говорил, что обращается дважды Герой Советского Союза, бывший заместитель начальника производственного цеха завода такой-то и просился на прием. Когда появлялся на роликах в приемной, то все с жалостью и уважением на меня смотрели. Когда меня затаскивали в кабинет наркома, я ему рассказывал, что бывший работник наркомата такого-то завода, добровольно пошел на фронт».

Если завод был оборонный, скажем, танковый, то он говорил танкист, что при штурме Берлина фашисты подбили танк, он горел, и отняли ноги и пальцы. Если артиллерийский завод называл, то говорил, что он артиллерист и т. д. Для большей убедительности называл имя и отчество директора завода, что он туда собирается съездить, и в конце беседы просил 2–3 тысячи денег для содержания семьи.

Ни один нарком ему не отказывал, а наоборот добавляли. Ни один нарком не спрашивал у него удостоверения. Таким образом, он уже обработал 12 наркоматов и два десятка ведомств.

У него была феноменальная память. Он мог подробно описать каждого наркома и его особенности. Так как я всех наркомов знал, то убедился в правдивости его слов.

В последнем случае он был у наркома Максарева, и после того как вышел, заболтался в приемной, а нарком позвонил в милицию с просьбой проверить, так как ему показался он подозрительным, и его задержали. И тут, как он говорит, спяна допустил ошибку. Пошел к Максареву — это уже во второй раз, что и показалось ему подозрительным.

Рассказывая далее, он сожалел, как его все хорошо принимали, а «нарком Малышев Вячеслав Александрович сам на руках внес в кабинет. Хороший человек!» — умилился вор...

Я спросил: «Где Звезда Героя?» Он ответил, что один раз была у него подделка, но плохо

сделана, поэтому он не стал носить, чтобы не попасть. А когда спрашивали некоторые, почему не ношу, то я скромно отвечал, что в таком состоянии, без ног, не хочу компрометировать Звезду Героя. Одним словом, все получалось логично. В конце он рассказал, что «был в Киеве, получил квартиру с помощью секретаря московского горкома партии тов. Попова Г. М., который меня отправил из Москвы бесплатно на самолете и позвонил в Киев, чтобы дали квартиру. К сестре не заходил».

Закончив допрос, я проверил, в том числе и жену, и обо всем этом, с указанием фамилий наркомов и руководящих должностей, написал в ЦК. Все же это не обычный случай, быть такими доверчивыми. Правда, к военным все относились очень хорошо.

Через пару дней ко мне затрещали звонки наркомов. «Иван Александрович, это не так было, как ты пишешь».

Я сперва не сообразил, о чем речь, так как я наркомам не писал. Оказывается, мою записку по указанию тов. Сталина размножили всем провинившимся наркомам, и тов. Сталин потребовал дать объяснения в ЦК.

Я насторожился, думая, что, может быть, этот жулик и наврал что. Я спрашиваю: «А что не так было?» Отвечает: «Во-первых, я его не принимал и денег не давал, во-вторых, принимал мой зам., он же и давал деньги, в-третьих, дали ему не три тысячи, а только две».

Я вижу, что поправки «существенные», и спрашиваю: «А ты-то его видел?» — «Да, видел, только две минуты и отсылал к заместителю».

Спрашиваю: «Заместитель по твоему указанию давал деньги?» Отвечает: «Я сказал помочь, а сколько он дает, я не знал».

«Так, — спрашиваю, — в чем же не так было?» Смеется и говорит: «А здорово ты сделал» и добавляет: «А Малышев-то на руках внес!»

Одним словом все, кроме Максарева, были согласны, ну, а тот позвонил и говорит: «Не давал денег и сразу позвонил в милицию». Ну, возможно это и так, но у него, т. е. у жулика, при обыске обнаружили 2 тысячи рублей. Видимо, все-таки ему деньги дали.

Еще обижался Попов Г. М., и то, почему упомянул его, но я не мог же по выбору в ЦК докладывать.

Стали поступать ко мне данные, что в Москве развелось очень много девиц легкого поведения, которые не дают проходу мужчинам у основных московских гостиниц, особенно на центральных улицах.

Я выбрал время после 12 часов ночи и приказал работникам уголовного розыска задержать десяток таких девиц, с тем чтобы допросить и сделать соответствующие выводы, как с ними дальше поступать.

Позвонил зам. генпрокурора генералу-лейтенанту юстиции Вавилову* и договорились, что к 2 часам ночи подъедем на Петровку и допросим.

Когда стали вызывать этих девиц, то мы были удивлены тем, что некоторым из них было не более 16–17 лет, и они без стеснения разговаривают и приводят примеры о мальчишках, их друзьях 13–14 лет.

Рассказывают о легкой жизни, о болезнях и т. д. Все шло нормально. Вдруг вводят женщину лет 30, беременную на 7-м месяце. Меня Вавилов под столом толкнул ногой, мол, недоразумение. У нее в руке хозяйственная сумка с продуктами, маслом и т. д.

Стали допрашивать, она со скромным видом и возмущением говорит, что не знает, за что ее задержали, что она замужем за кандидатом наук МГУ, что живет в Кунцево и т. д.

Тут Вавилов уже почувствовал, что явная ошибка. Я вышел и спрашиваю у сотрудника, как она сюда попала. Тот докладывает, что он ее и раньше знал и сейчас задержана у гостиницы «Москва».

Вернувшись, мне Вавилов говорит: «Ну вот, я вроде все выяснил, нужно отвезти ее на машине в Кунцево».

Ну, я тогда уже, улыбаясь, спрашиваю у беременной, занималась ли она раньше таким делом? Отвечает, занималась. Тогда я задаю второй вопрос, а чего она на ночь глядя (ее задержали в 12 ночи) пришла к гостинице «Москва»? Она засмеялась и говорит: «Вы знаете, когда мимо иду, даже по другой стороне, так и тянет туда зайти, авось, что и выйдет. Вот так и сегодня получилось».

Ну, после такого разъяснения и Вавилов успокоился, что ошибки не произошло. Ну, машину я приказал дать ей, но спросил, как она объяснит столь позднее прибытие домой? Она показала на хозяйственную сумку, где были продукты, и сказала: «Это меня вырчит».

Закончив допросы, мы пришли к выводу о том, чтобы закоренелых девиц удалить из Москвы в другие <города> сроком на год, а милиция на этих примерах должна проводить разъяснительную работу среди них и трудоустраивать в принудительном порядке.

Комитет информации

Наконец-то Абакумова стали поджимать. Когда были в Кремле у тов. Сталина, заседало Политбюро ЦК. Возник вопрос о необходимости объединить всю разведку в одних руках, чтобы действовала не растопыренными пальцами, а организованно. Тов. Сталин спрашивал, целесообразно ли это сделать.

Я высказался решительно за объединение, чтобы не было параллелизма. Получается, что МГБ имеет внешнеполитическую разведку, Министерство обороны свою, МИД, да, вероятно, и Внешторг, тоже кое-что по заданию НКГБ собирает. Так было у Гитлера, все занимались, а Советский Союз слабо разведали и получили по мордам.

Будет правильно, если внешнеполитической разведкой будут руководить из одного центра. Абакумов выступил против, но ему щелкнули по носу, сказав: «Вы ведомственно подходите», и он замолчал.

Кобулов произнес обтекаемую речь, ни за, ни против. Ведь Абакумов — дружок, как он мог выступить против. К тому же теперь министр госбезопасности.

После совещания в Политбюро решено было разведки объединить. Практические предложения и проект постановления ЦК предложено представить комиссии товарищей Молотова, Абакумова, Серова, Кобулова.

У тов. Молотова собирались, оказалось, что основа уже была Вячеславом Михайловичем подготовлена. Мы только обсудили, поправили и подписали записку в ЦК. Координировать усилия разведки было возложено на В. М. Молотова, но на этом все и остановилось, не знаю почему[383].

На днях, в воскресенье вечером, часов в 9, позвонил Микоян и говорит: «Ты можешь приехать на ближнюю дачу?» Я сказал: «Могу» и быстро вызвал водителя Фомичева.[384]

Приехал туда, а там на крытой веранде сидели т. Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян. Они ужинали.

Посадили за стол. Стали угощать куропаткой и рябчиками. Я благодарил, сказал, что уже ужинал, а сам себе думаю: «Не на ужин же меня пригласили».

Т. Сталин выпил за мое здоровье. Я весь настороже, не знаю, зачем позвали. Затем Сталин прикрыл дверь и говорит: «У нас к вам такой вопрос. Вот если человек живет со мной и все время подслушивает, подглядывает, дверь оставляет не закрытой, во время войны телеграммы от командующих фронтов на моем столе читал, тапочки одевает вечером, чтобы не слышно ходить, что это за человек?»

Я отвечаю: «Конечно, надо с ним разобраться. Все это выяснить». Т. Сталин говорит: «Вот мы для этого вас и пригласили, чтобы поручить вам разобраться». Я спросил: «Где и кто этот человек?» Т. Сталин говорит: «Это начальник хозяйственного отдела Федосеев*».

Я сразу подумал: он сотрудник МГБ, а почему мне это поручают. Затем т. Сталин говорит: «Его надо допросить, а также допросить женщин, которые здесь работают, Фросю (хозяйка), они все это поведение Федосеева видели и расскажут вам».

Ну, я вижу, что мне больше делать нечего, спросил: «А сейчас он здесь?» Т. Сталин говорит: «Да». Тогда я говорю, что сейчас его возьму и повезу в МВД.

Т. Сталин нажал одну из двух кнопок. Вошел человек в гражданском костюме. Т. Сталин говорит: «Вот он». Я подошел, ощупал его, нет ли оружия, взял за руку и сказал «До свидания» присутствующим, а Федосееву сказал: «Идите со мной». В автомобиле я посадил его между шофером Фомичевым и мной, и мы поехали[385].

У себя в кабинете я его еще раз обыскал, сказал, что завтра побеседуем, и сдал надзирателю, уехал домой. Вера Ивановна, естественно, ждала, волнуясь. Вообще, я ей в жизни приношу больше волнений, чем радости. Но что сделаешь, я тут не виноват. Так сложилась служба.

На следующий день я стал Федосеева допрашивать. Он подтвердил. «Зачем?» — «Из любопытства, тогда, когда я их убирал со стола». — «Куда убирал?» — «Уносил и клал их в папку т. Сталина, которую он всегда брал с собой, когда ехал в Кремль». — «Зачем подглядывал и подслушивал?»

Он довольно разумно отвечает, что мы все, т. е. сотрудники охраны, старались наблюдать за хозяином, чтобы ему не мешать, если спит, не шуметь, поэтому не я один, а и Кузьмичев* (генерал), и другие заглядывали, чтобы узнать: если спит, то не шуметь.

Зачем тапки надевал? Все с той же целью. Одним словом, я его допрашивал часов 5, и все довольно внятно говорил.

Круг знакомых у него ограничен. Я проверил, действительно так. В общем, довольно ограниченный человек, хотя и подполковник, а то, что он читал телеграммы, то за это подлежит к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением, не больше.

Днем позвонил т. Сталин и просил приехать доложить. Я поехал в Кремль и ему все доложил, что мог предварительно выяснить, и также доложил, что сейчас думаю вызвать его жену для того, чтобы все это перепроверить. Выясню также всех его знакомых, с которыми он общался, и, возможно, вызову брата, который работает в Киеве в особом отделе МГБ. Т. Сталин согласился. Затем он мне сказал: «Сейчас звонил Абакумов и говорит — арестовали сотрудника МГБ Федосеева и следствие ведет Серов, а не МГБ. К тому же, я не знаю, за что он арестован. Я ему ответил, что вы — министр МГБ и мне должны доложить, за что арестован Федосеев, а не я вам буду докладывать. А следствие ведет Серов, потому что ЦК ему доверяет, а не вам».

Причем, он добавил, улыбаясь: «Я ему строго сказал и повесил трубку». Я собрался уходить, он мне сказал: «Вы чаще докладывайте». Меня несколько удивила такая заинтересованность этим делом т. Сталина.

Все эти дни занят только Федосеевым. Рассказал Круглову — тот машет руками: «Ты мне это не рассказывай».

Допросил жену. Тупая деревенская женщина. Работала 12 лет у т. Сталина, знает все сплетни. Кто с кем живет, начиная от сотрудников, в том числе, и федосеевских, и кончая большим, самым большим начальством, т. е. Сталин с Фросей. В общем, такую грязь плела, что мне неприятно сделалось.

Сказала, что иногда в кругу своих они вели разговоры о неправильном поведении некоторых начальников. Иногда при этом присутствовал брат Федосеева, приезжавший из Киева. Допрошенный брат, сотрудник ОО Киевского военного округа, это подтвердил. Причем брат оказался грязным человеком, хотя и сотрудник МГБ.

Он рассказал, что в числе репатриантов он допрашивал артистку красивую, которая путалась с немцами, была в Берлине и т. д. Так вот, с этой арестованной артисткой он спутался, в кабинете с ней возился, а затем за золотые часы он ее освободил.

В общем, грязный тип. Пришлось арестовать.

В общей сложности, вот уже около двух месяцев, как я вожусь с этими людьми. Кажется, все проводил.

Созвонился с т. Сталиным, приехал в Кремль и доложил ему, что можно заканчивать дело и привлекать Федосеева к уголовной ответственности, судить военным трибуналом за злоупотребление служебным положением.

Он, как-то мне показалось, остался недоволен моим выводом и сказал: «Мне думается, он англо-американский шпион. Его могли завербовать англичане, когда мы были на Потсдамской конференции в 1945 году. Вот там его и завербовали. Поэтому он подглядывал и подслушивал, а затем здесь передавал эти данные американцам. Ведь он признался, что телеграммы читал. Значит, американцы и англичане знали наши секреты. Вы еще раз его допросите и побейте, он трус и признается».

Я в конце этих указаний спросил, можно ли мне привлечь для допросов одного надежного сотрудника. Т. Сталин согласился. Я ушел.

Когда я приехал к себе, то сразу записал эти указания.

1. Ему никто не поручал перечитывать бумаги, это он делал самовольно. Его дело — подбирать рваные бумажки и жечь их. Проверить показания <Поскребышеву> А. Н. не поручал.

2. Вообще, он подлец. Я почти уверен, что он агент и кем-то подослан, чтобы нас отравить. Он нас со Ждановым в прошлом году отравил. Мы болели страшным поносом. А в этом году болело 12 чекистов.

3. Его надо крепко допрашивать, он трус, набить как следует.

4. Надо организовать внутрикамерную работу.

5. Предупредить, пусть он признается, тогда <

нрзб >. Пусть скажет, кто его подослал. У американцев ничего не получилось, так он решил. Он врет и обманывает. Кому-то сведения передавал.

6. Кузьмичев проспал. Он уже ленивый, сам не проверяет, доверился <Федосееву>, а это хитрый деятель и обдурил его. Все эти факты проверить.

По дороге у меня было ужасное чувство о том, что Федосеев шпион, это никак не вяжется с его образом жизни. Он никуда не ходил. Кругом него живут сотрудники и бывшие сотрудники МГБ. Если бы к нему кто ходил посторонний, тоже было бы известно.

Придя к себе, я сел и стал думать. Все это мне показалось довольно странным. Я уже жалел, что мне поручили это дело. Я не привык и не могу делать против своей воли и сложившегося мнения. Плохо получается.

Все дни, проверяя связи Федосеева, еще раз допрашивал жену. Поручил следователю, которого я привлек по делу Федосеева, ознакомиться с делом и допросить его.

Он пришел с допроса и добавил, что он стоит на своем и просится ко мне на прием. Новых данных никаких не получил, хотя организовал все необходимые «литера». Брат оказался такая болтливая дрянь, что просто ужас. Он в камере все рассказал о себе и брате, но ничего шпионского.

Вызвал на допрос Федосеева и стал час за часом уточнять, где он <бывал> в Потсдаме. Тот все вспомнил и довольно детально все рассказал. Причем, я там около них тоже был, и он мне в ряде случаев напоминал: «Вы помните, т. генерал, то-то, вы там были». И действительно так было. В конце допроса я его подвел к тому, что не завербован ли.

Мне и самому неприятно было об этом спрашивать, так как я был уверен, что никто его не вербовал. Федосеев заплакал и говорит: «Неужели бы я на такую гадость пошел, находясь на таком месте, всем обеспеченный, чего еще мне было надо?» Все это он рассуждает правильно.

В конце я строго сказал: «Подумайте еще раз и честно расскажите следователю». Когда его увели, я, посоветовавшись со следователем, сказал ему, что подозрения на шпионаж высказал т. Сталин. При этом он сказал, что «надо побить, он трус и признается».

Следователь говорит: «Давайте припугнем его немножко». Я ему сказал: «Пойдите в камеру, допросите, за ворот потрясите, но не сильно», — и придете ко мне.

Через 15 минут является улыбающийся следователь и заявляет: «Федосеев просится к вам». Я вызвал его. Он мне говорит: «Прошу меня вызвать к хозяину, я все расскажу». Я был ошеломлен. Неужели я ошибся? Неужели шпион! Я ему ответил, что «доложу о вашей просьбе т. Сталину».

Когда я позвонил т. Сталину и сказал, что он хочет вам толковое рассказать, на это он ответил: «Мы вас вызовем». Я почувствовал прохладность ко мне т. Сталина после того, как доложил, что кроме злоупотребления служебным положением Федосеева, больше я вины не

нахожу.

Вечером позвонил Берия и говорит: «Я через полчаса подъеду на машине к подъезду, вы вместе с Федосеевым поедете со мной в Кремль».

Я взял следователя, Федосеева и вышли к подъезду. Берия подъехал, сели и молча поехали в Кремль и пошли в кабинет к Берия. Там уже сидел т. Сталин. Когда вошел Федосеев, т. Сталин спрашивает, что он хотел сказать?

Федосеев начал заикаться и сказал: «Я виноват, т. Сталин, перед вами, что читал телеграммы, и готов нести ответственность, но больше ни в чем не виноват. Сейчас меня допрашивают, не шпион ли я американский. Т. Сталин, я 15 лет честно вам служил, помилуйте меня, я не виноват».

Т. Сталин сердито сказал: «А вы признайтесь, кем завербованы?» Федосеев: «Честное слово, я никем не завербован». — «Ну, тогда убирайтесь отсюда», — зло сказал Сталин.

Я подошел к нему, чтобы увести. Федосеев заплакал и говорит: «Т. Сталин, меня побили». Т. Сталин: «Признайтесь, тогда не будут бить». Федосеев: «Я ни в чем не виноват».

Т. Сталин встал и повернулся спиной. Я вывел Федосеева. У меня было тяжелое чувство. Вместе с этим, я был доволен, что Федосеев сам сказал о своей невинности, как бы подтвердив мое о нем мнение. Меня больше в кабинет не вызвали, я спросился, можно ли ехать, через секретаря, и уехал.

Позже мне т. Сталин звонил, а один раз меня вызвал Берия и творит: «Ну, что нового?» Я сказал, что проверял каждый шаг Федосеева и жены, начиная с 1945 года, и ничего подозрительного на шпионаж нет. Поэтому составляю обвинительное заключение о привлечении к ответственности за злоупотребление служебным положением и записку в ЦК т. Сталину об этом.

Берия сморщился, но ничего не сказал. Я ушел. Через три дня все сделал и послал в ЦК. В записке указал, что по ст. <109> Уголовного кодекса за это полагается нести ответственность. Мне и это казалось суровой мерой, хотя и справедливой.

Через два дня звонит Абакумов: «Здравствуй!» Я ему холодно ответил. «Хозяин велел передать дело Федосеева в МГБ. Я сейчас пошлю следователя по особо важным делам». Я ответил: «Посылай»[386].

Потом я позвонил Поскребышеву, перепроверил, было ли такое указание т. Сталина, он что-то пробурчал. Тогда я говорю: «Может, мне самому у него спросить, так как я на Абакумова не надеюсь». Поскребышев ответил: «Не надо».

Мне все стало ясно, Сталин недоволен моей «мягкотелостью» и тем, что я не послушался его и не закончил дело по статье шпионаж.

Ну, как я мог это сделать! Это пойти против своей совести, против убеждения в угоду ложного мнения. Не могу. Вместе с этим я чувствовал, что надо мной надвигается гроза. Дело попало к моему врагу, и он постарается сделать все, чтобы меня скомпрометировать. Настроение жуткое.

Круглову вкратце рассказал, он тоже загрустил. Дело передал следователю МГБ. Будет вести какой-то новый начальник следственного отдела Рюмин*. Вот накрутит. Ну, а что я могу сделать? Ничего. Хоть бы отстали от меня и никуда больше не посылали и ничего не поручали.

Я смотрю на других заместителей МВД, сидят, годами почти никуда не ездят, и все хорошо.

Более того, есть министры, по 5–6 лет работают министрами, ни разу не были у т. Сталина, и даже когда их снимают, тоже без вызова. Мне кажется, так спокойнее. Я понимаю в этих случаях их переживания, когда без объяснения, без вызова снимают, но и то это лучше, чем с шумом и руганью. Ну что ж, проживем — увидим.

Ужин со Сталиным

Время бежит неумолимо. Пробежало лето. Я уже был в отпуске в Сочи. Вроде неплохо отдохнул за 9 лет первый раз, до этого не приходилось.

В Сочи был интересный момент. Один раз, вечером, к нашему домику, где мы отдыхали с женой, подошла машина — «паккард» с журавлем. На «паккардах» таких ездили члены Политбюро ЦК. Офицер вышел, спросил меня и поведал просьбу тов. Сталина приехать к нему на дачу, а у меня военного костюма не было, пришлось в штатском.

Когда поднялись на гору, где расположена дача № 1, навстречу вышел Поскребышев и провел меня на веранду, где находились тов. Сталин, Маленков, Молотов, Берия, Микоян, Булганин.

Поздоровались, тов. Сталин, обращаясь ко мне, говорит: «Мы вас побеспокоили по такому вопросу. Тов. Соколовский из Германии донес, что к нему обратился профессор авиационщик Танк из Западной зоны с предложением своих услуг в деле развития авиационной, реактивной промышленности в СССР. Он может 2–3 года работать у нас по договору. Каково ваше мнение?»

Я по лицам присутствующих понял, что они этот вопрос уже обсудили и имеют свое мнение. Вот тут и попробуй угадай.

Ну, я сразу думаю, что угадать не угадаешь, поэтому лучше сказать свое мнение прямо, как думаю. И я сказал, что вряд ли с этим стоит соглашаться. Я думаю, тов. Хруничев и без него обойдется, так как мы же вывезли еще специалистов по реактивной технике, профессора Бааде и др. Да к тому же не исключаю, что его американские хозяева сами посылают. Меня перебил тов. Сталин и, обернувшись к присутствующим, говорит: «А я что вам говорил?» Все молчат. «Правильно Серов говорит».

Далее я продолжал: «Побудет у нас 2 года, узнает уровень нашей техники, уедет туда и все доложит американцам». Тогда Сталин перебил меня и сказал: «К черту, он нам не нужен», и пошел.

Я был доволен, что сошлись мнения, члены Политбюро смотрели на меня сдержанно. Затем тов. Сталин в соседней комнате заказал по ВЧ Берлин и вызвал тов. Соколовского, которому сказал, что «мы советовались с Серовым, профессор Танк нам не нужен». Потом тоже позвонил тов. Хруничеву и сказал: «Мы советовались с Серовым и решили не брать Танка» [387].

После этого тов. Сталин зашел на веранду и спросил, что я здесь кроме отдыха делаю. Я сказал, что был в горотделе МВД и других организациях, подведомственных МВД.

А. И. Микоян после этого стал высказывать тов. Сталину свои соображения по организации хозяйств в Крыму и на Кавказе по выращиванию овощей и фруктов, при этом он высказывал предложения использовать в качестве рабочей силы военнопленных немцев и итальянцев, которые хорошо это могут делать.

Сталин, видимо, знал, что Главным управлением лагерей военнопленных ведаю в МВД СССР я, и сразу спросил мое мнение по этому вопросу.

Я подумал и сказал, что вряд ли целесообразно пускать немцев в глубь нашей страны, особенно на Кавказ, так как через год-два все равно их придется распускать по домам, часть которых окажется в зонах у американцев и англичан. Тов. Сталин, обращаясь к А. И. Микояну, сказал: «Пожалуй, тов. Серов правильно рассуждает». Анастас Иванович согласился[388].

И затем они закончили обсуждение других вопросов и стали подниматься. Я при выходе взялся за шляпу и хотел проститься, так как время было уже 22 часа. Тов. Сталин говорит мне: «А вы что, не хотите с нами пообедать?» Я поблагодарил, а сам думаю, какой обед в 10 часов вечера? Поскребышев забрал у меня шляпу и сказал: «Мой руки».

Когда, помыв руки, пришли в столовую, там был сервирован стол закусками, а сбоку стоял другой столик, на котором были накрыты супники с первым. Обслуживающих не было.

Сели за стол, и тов. Сталин спрашивает: «Ну, что будем пить, есть молодое вино Маджари, давайте его». Ну, все поддакнули. Причем наливал сам, да большими фужерами.

Сам же произносил тосты, называл своих приближенных их кличками «главный хлебороб» (Маленков), «прокурор» (Берия), «дипломат» (Молотов), «главнокомандующий» (Поскребышев) и т. д. (Поскребышев в гражданскую войну командовал батальоном, сам он мордвин.). Ну, за меня просто: «За тов. Серова».

Я, как не имеющий опыта к выпивкам, после первую фужера опьянел, и давай разбавлять боржоми, а тут тосты один за другим[389].

У меня от жары в комнате, да видимо и от молодого вина стало живот пучить, но держался храбро.

В конце обеда я допустил глупость, тов. Сталин взял бутылочку водки, настоящую малиной свежей, и стал разливать всем, приговаривая, что водка осадит Маджари и голова будет свежей. Когда он протянул ко мне бутылку, я поблагодарил тов. Сталина и отказался, накрыв рукой рюмку.

Он на меня посмотрел сердито и говорит: «Вы что, боитесь, что отравим вас?» Только тогда я сообразил, что глупость сделал, да и сидевший рядом Булганин толкнул меня под бок, после чего я сам протянул рюмку с извинениями.

В общем, вышли из-за стола в 4-м часу утра, да и то тов. Сталин говорит: «Ну, что, пройдем на веранду и там покушаем фруктов и выпьем вина».

У меня глаза на лоб полезли. Думаю, куда же дальше пить и есть? Но потом Маленков подошел к нему со сводкой заготовок хлеба, а за ним Молотов и другие стали заговаривать тов. Сталина, чтобы отвлечь его от продолжения пить вино, и через 10 минут попрощались и разъехались.

Вспоминая об этом, мне понравилась простота и непринужденность обстановки, отсутствие посторонних и хозяйничанье всех гостей. Тов. Сталин после закусок первым подошел с тарелкой к столику и говорит: «Ну, кто хочет похлебки, наливай!» Налил себе, и мы последовали его примеру.

После первого он нажал кнопку на стене, вошла девушка, и просто спросил ее, что у нас на второе. Она, не смущаясь, назвала форель жареную и вареную. Берия сказал, что вареная вкуснее, тогда тов. Сталин ответил: «Вы всем принесите жареной, а Берия никакой не давайте». В конце та же девушка принесла и вареную форель.

На обратном пути мы сели в одну машину к В. М. Молотову, когда отъехали, Вячеслав Михайлович предложил выйти, прогуляться. Мы с А. И. Микояном пошли вместе, а Вячеслав Михайлович с Булганиным.

Я слышал разговор Вячеслава Михайлович и Булганина, где они говорили, что Маленков и Берия действуют вместе и поддерживают друг друга, а Анастас ни то ни се, как ему выгодно. Микоян это не слышал, так как отстал. Затем Вячеслав Михайлович почувствовал, что в моем присутствии неудобно говорить на эту тему, и крикнул Микояну, чтобы догонял нас.

Наблюдая не раз, я убедился, в том числе, что среди членов Политбюро существует какая-то ревность к Сталину. И более того, каждый из них норовит выслужиться, чтобы его предложение одобрил Сталин.

Это мне очень не понравилось. Или те примеры, которые я приводил выше, когда на любое замечание или высказывание Сталина все согласно кивали головой, хотя это было и в ущерб делу или государственным интересам.

Вот и получается, что когда вопрос был решен кивками головой и поддакиванием и оказался неудачным, то начинали искать виновного из своих членов Политбюро.

Вот, видимо, этим и объясняется, <что> когда Сталин едет в отпуск, то все стараются подогнать свой отпуск к этому месяцу или выпроситься у Сталина отдыхать вместе с ним, так как у него, мол, есть дела на Кавказе или в Крыму, которые надо решить.

Мне Саша Игнаташвили как-то сказал, что хозяин, рассердившись на Ворошилова (который, кстати сказать, зачастую свое мнение высказывает вслух или возражает), сказал: «Вот когда я умру, то вы все передеретесь». Видимо, Сталин всех знал, так что пришел к такому выводу.

Хочу еще высказать мнение о Берия. Это смысленый и наделенный восточной хитростью человек, высокомерный насмешник. Сталина так же боится, как и все, но умел держаться и сразу не подавал виду о своих настроениях. Но когда от Сталина возвращался в наркомат, то начиналось такое, что все боялись попадать <ему> на глаза.

Устинов Д. Ф., Яковлев Н. Д. во время войны подчинялись Берия и почти каждый день бывали у него, поэтому я думаю, они согласятся с моей оценкой Берия. Берия был членом ГКО и руководил оборонным наркоматом вооружения и боеприпасов, а также главного артуправления наркомата обороны.

Берия умел выжать от других наркоматов, что нужно для выполнения планов по вооружению. Ну, кроме ГКО Берия был нарком Внутренних дел, поэтому и <все> его побаивались. Поэтому другие наркоматы поставщики выполняли его требования и просьбы.

Приехав под утро домой, я застал Веру Ивановну бодрствующей. Спросил: «Почему не спишь?» Оказывается, она всю ночь волновалась, так как не знала, зачем вызвали и чем кончится вызов. Ну, а когда увидела, обрадовалась.

Испытания новых ракет

Получил постановление ЦК и Совета Министров о том, что назначен членом государственной комиссии по пускам ракет ФАУ-2, вывезенных нами из Германии. Председатель — Устинов Д. Ф., члены — Яковлев, Зубович и др.

Вылетели на полигон в Капустин Яр вместе с Устиновым Д. Ф., Яковлевым Н. Д. и другими известными мне товарищами, в том числе и нашими главными инженерами молодыми, которые находились возле немцев — ракетчиков. Королев С. П., Рязанский, Глушко и др.[390]

К первому пуску долго готовились: то не готов стенд, то плохо с заправкой, то защитный бункер не закрывается, то аппаратура не работает и т. д. и т. д.

Наконец, наступил долгожданный день, стали заправлять ракету для запуска на дистанцию. Все волнуются, нервничают, а отсюда и неудачно получается.

Наконец начались отсчеты. 05, 04, 03, 02, 01 — ПУСК! На пусковом столе ракету для запуска мы увидели впервые. Видели мы ее на стенде в Германии, когда пробовали двигатель, и здесь дважды, когда проверяли двигатель. А тут дело другое. В общем, зрелище неповторимое.

Наконец, эта большая свеча стала медленно отделяться от Земли, поднимая клубы дыма и земли. Рев страшный. Затем движение ракеты увеличилось, но все еще идет вертикально вверх. Потом постепенно начала ложиться на курс, и видимость ее уменьшилась, а затем совсем стала не видна, а только огненный хвост и белая линия пара.

Нашей радости не было конца. Поздравляли друг друга, целовались и т. д. Потом побежали на пункт наблюдения к радиометристам и <

нрзб >. Ну, те нас не сильно обрадовали, ракета пошла с отклонениями на 17°.

Запросили летчиков, они сказали, что в район бомбардирования ракета не прилетела и взрыва они не видели. Мы в головную часть ракеты заложили взрывчатку с тем, чтобы летчики с воздуха могли видеть взрыв, где упала ракета.

Пришлось высчитывать, где примерно (по траектории) упала ракета. Когда посчитали, то мы с Д. Ф. Устиновым сели на самолет и полетели в тот район.

Вскоре мы разыскали около деревни (в 14 км), воронку и возле нее группу людей. Когда сели, то весь народ (мальчишки) бросились к самолету. Когда мы вышли, они охотно нас повели к взрыву. Оказывается, когда летела ракета над школой со снижением и страшным ревом, учительница распустила учеников. Затем, услышав взрыв, все бросились туда.

Мы осмотрели воронку, довольно глубокая (метров 5–6) и шириной метров 15, увидели в глубине воронки исковерканный двигатель ракеты и поехали обратно. Там все рассказали своим товарищам, промеряли расстояние, примерно 250 км, но направление не выдержано.

На следующий день примерно тот же результат, да и дальность меньше. Значит, еще и с двигателем не все в порядке.

Третий запуск совсем нас сконфузил. Ракета полетела в противоположную сторону и упала, мы слышали гул, километрах в 15-ти. Мы опять с Д. Ф. Устиновым за ней на У-2. Летали по степи, вернее, над степью 40 минут, а ракеты нет. Я сбоку увидел пастуха и стадо баранов. Летчику говорю: «Садись». Тот сел.

Мы с Дмитрием Федоровичем пошли к пастуху, а он от нас бежать, мы были в шлемах летных, и он испугался, тогда мы с двух сторон стали его ловить и поймали. Оказался казах лет 14. Спрашиваем: «Ты видел, здесь самолет упал?» — «Нет». — «А не слышал взрыва от самолета?» — «Нет».

Что делать? Сидим и думаем. Потом пастушонок осмелел и говорит: «Самолет — нет, а то, что вы жу-жу...» — это так он изобразил запуск ракеты и показал вверх рукой, «то это видел»,

— и указывает пальцем в сторону — «Вон там!»

Мы отошли 150 метров, в маленькой балке увидели нашу ракету, развалившуюся пополам. Подошли, а от нее запах спирта. Выходит, что мы перед пастухом секретничали напрасно, он умнее нас оказался.

Прилетели обратно и давай совещаться, что делать? Ведь если так пойдет, так мы и по Сталинграду угодим, который от нас в 60 км, а после такого выстрела и сами угодим на отдых.

Устинов и Яковлев говорят: «Надо немцев припугнуть». Я согласился и говорю: «Давайте проведем совещание с ними и выясним, в чем дело».

Дмитрий Федорович говорит: «Я предлагаю так сделать. Соберем немцев, Иван Александрович строгим тоном скажет: „В чем дело, кто виноват?“ Предупредит, что „посажу и на этом разойдемся“».

Ну, в общем, разработали план «совещания» и все же настояли, чтобы я председательствовал. Пришлось согласиться.

На этом совещании у меня в вагоне (жили все в вагонах), примерно я так сказал, обращаясь к Греттруппу (главный инженер): «Ну, долго мы еще будем в белый свет денежки выпускать?» Немцы молчат.

Я спрашиваю: «Кто что может посоветовать?» Начали немецкие инженеры выступать, а они поговорить любят. Я вижу, что никто ничего не предлагает. И хотел уже закончить совещание условленной тирадой.

Вдруг встает один невзрачный электротехник по системе управления и говорит: «Господин генерал, я полагаю, что отклонение ракеты от курса происходит вследствие сильного напряжения электроприборов, которые передают это на гироскопы».

Я его перебил и говорю: «А почему у вас в Пенемюнде приборы не тряслись и не напрягались, когда вы по Лондону стреляли»? Он отвечает: «У нас было горючее послабее, чем ваше, у нас древесный спирт был, а у вас чистый спирт».

Думаю: логично. «Ну, и что предлагаете?» Он отвечает: «Надо от силовой электроустановки к приборам управления поставить стабилизатор, тогда напряжение на приборы будет ровнее, а сейчас напряжение от сгорания чистого спирта большое, и приборы управления дают отклонение».

Немцы пожали плечами и были не уверены, что это даст результат. Но Зубович, Королев, Рязанский и я согласились попробовать, так как других предложений не было. Мы решили это сделать на следующей ракете.

Когда все было готово, в 4 часа утра поставили ракету на стол и опять отсчеты и пуск! Смотрим, голубушка пошла. Мы на пункт управления, отвечают: «Идет по заданному курсу».

Минута полета нам показалась вечностью. Спрашиваем: «Как?» Наблюдатели боятся сразу сказать. Подсчитывают, сверяют робко данные с теодолитом. Наконец говорят: «До конца по курсу». Мы опять с Д. Ф. на самолет и туда.

Да, забыл сказать, летчики тоже сообщили, что упала, и назвали квадрат.

Прилетели к месту цели, увидели воронку, шагами вымеряли отклонение, оказалось всею лишь 700 метров. Ура! Дальность 260 км.

Это была уже пятая ракета, донесли в Москву. Когда вернулись, решили устроить в вагоне обед для немцев. Поставили водки полно и сухих закусок, шпротов и т. д. Пришли немцы, мы им сказали: «Молодцы!», особенно технику, который предложил стабилизатор, и сели за стол в 8 часов вечера.

Когда немцы уже набрались порядочно, один из них сказал, что в Пенемюнде, когда приехал Гитлер на запуск ФАУ-2, то эсесовцы предупредили их (инженеров), чтобы все было в порядке, но когда выпустили ракету, то она начала крутиться, а затем взлетела и разорвалась. Гитлер едва успел скрыться в бункер.

«Мы все перепугались и не знали, что нам будет, но выручила вторая ракета, которая пролетела 265 км в заданном направлении, так что, герр генералы, и у нас так было, как у вас», — закончил он. Правда, нам от этого не легче. Нам хотелось, чтобы все ракеты пошли в цель.

Я посидел с час и говорю: «Завтра в 4 часа утра пуск, не задерживайтесь», и мы ушли.

Ночью я проснулся от шума в вагоне, где был обед, посмотрел на часы — 2 часа утра. Это немцы начали выползать из вагона. Позже, в 4 утра, я их увидел на КП все еще не в себе. Ну, а дальше запуски пошли удачно.

Доложили тов. Сталину, и нам разрешили вернуться в Москву (вернее, сами внесли предложение нам вернуться, а остальные ракеты пустить в экспериментальных целях позже). Получили ответ от тов. Сталина: «Возвращайтесь».

Наши инженеры теперь поверили в эту ракету и активно включились в ее освоение. Наиболее толковыми были Королев С. П., Глушко по двигателю, Рязанский по радио, Воскресенский* по приборам, Бармин* и др. Эти ребята, я думаю, дело двинут.

На один из последних пусков прилетал маршал артиллерии Воронов Н. Н., с которым мы сходили пару раз на охоту.

Из более поздних записей

После войны американцы окружили СССР военными базами. Их самолеты из Турции могли сбросить атомные бомбы на такие города, как Киев, Одесса, Севастополь. Поэтому Сталин и решил искать новое решение. Наши бомбардировщики не могли достичь Америки. Ставка была сделана на создание межконтинентальных ракет и ракет ПВО.

За этот проект отвечал лично Маленков, а я был членом этого комитета[391].

И наша заслуга в том, что мы масштабные работы по МБР и ракетам ПВО развернули раньше Америки и вложили в это дело в процентном отношении больше в своем бюджете, в сравнении с затратами на авиацию. Не помог американцам и Вернер фон Браун.

В 1948 году прошли испытания первых наших ракет. А в 1950 году был принят на вооружение первый отечественный ракетный комплекс. Была выполнена огромная программа и решена важнейшая для страны оборонная задача[392].

В ракетной эпопее были мало кому известные драматические моменты. Сотрудник отдела режима запыл, влез в долги и в 1952 году подбросил в машину атташе американского посольства копии документов и отчеты бюро Королева с предложением о сотрудничестве. Американцы расценили это как провокацию. Мы его быстро вычислили и расстреляли[393].

О его аресте я сразу сказал Королеву, что претензий к нему нет, документы вынес сотрудник, который должен был обеспечить сохранность гостайны (он был вольнонаемным инженером).

Но этот случай не нарушил атмосферу полного доверия на объектах. Королев и его ближайшие сотрудники были ранее репрессированы и реабилитированы только в 1956–1957 годах. Кстати, своей реабилитацией они были искренне удивлены, потому что считали, что их освобождение уже означало полную реабилитацию. И тогда я объяснил им, что разница есть. Реабилитация подтверждает юридически то, что уже состоялось фактически[394].

Денежная реформа

Мне позвонил министр финансов СССР А. Г. Зверев* и спросил, получил ли я решение Политбюро по вопросу обмена денег[395]. Я ответил, что не получил.

Тогда он сказал, что меня включили членом правительственной комиссии, поэтому, «если хочешь <знать>, как это было, — приезжай, расскажу».

Когда мы встретились, он мне поведал следующее. Вчера на Политбюро обсуждался вопрос об обмене денег, так как рубль после войны обесценен. Решили создать комиссию из членов Правительства, которая должна подготовить предложения.

Когда комплектовали комиссию, то в конце Сталин сказал: «включить туда Серова, чтобы он взял под контроль эту работу, особенно по выпуску новых денег и секретности о предстоящем обмене и особенно дне обмена». Все согласились, так что ты сегодня получишь решение. Затем он сказал, что в день обмена у населения будут принимать старые деньги и давать за них новые знаки в пределах 3000 рублей. У кого денег собралось больше, остальные пропадут.

Вечером я получил решение ЦК, частенько приходилось ездить в т. н. Монетный двор (Госзнак), где печатались деньги, там собиралась правительственная комиссия для обсуждения текущих дел по обмену. Предварительно, перед печатаньем денег, нам специалисты доложили, как готовится бумага для денежных знаков, как делается водяной знак на деньгах, а затем уже процесс печатанья различных изображений на рублях, на 3, 5, 10 и т. д. бумажных. Самый сокровенный и ответственный момент был в конце изготовления денежного знака — это печатанье серии, чтобы исключить подделку денежных знаков.

На все основные процедуры я посадил толковых работников МВД, которые работают по распознаванию подделки денег, а работникам Госзнака сказали, что это специалисты по красителям, по бумаге, по печатанью и т. д.

Когда работа стала подходить к концу, мне доложили, что на предпоследнем этапе, когда уже денежный знак был готов, осталось поставить серию, пропало несколько знаков 50 и 100 рублевого достоинства. Видимо, вору рассчитывали серию сами нарисовать. Я приказал во что бы то ни стало найти воров.

Через несколько дней мне доложили, что при обыске нашли у двух сотрудников Госзнака эти бумажки. У одного из них был знакомый художник, который не раз рисовал серию на денежных знаках очень искусно.

Ну, естественно, они были задержаны, привлечены к ответственности и признались во всем, а также и в том, что и ранее они уносили денежные знаки, а их приятель художник проставлял серии. Мы на заседании правительственной комиссии решили огласить этот факт перед

сотрудниками Госзнака, чтобы и другие не повторили этого.

Когда деньги были отпечатаны, А. Г. Зверев доложил о готовности Сталину, и нас вызвали в Кремль. Там мы все доложили. Тов. Сталин сказал, чтобы деньги отправили по республикам и областям с указанием «посылки не вскрывать до особого распоряжения».

Затем тов. Сталин сказал, обращаясь ко мне: «Вы, тов. Серов, пошлете начальникам областных и республиканских управлений совершенно секретное письмо, в котором тов. Зверев приложит инструкцию об обмене денег. В письме скажете, чтобы эту инструкцию они сразу передали бы в Госбанк области, республики. На пакете укажете, чтобы они его вскрыли по особому вашему распоряжению».

Ну, мы приняли к исполнению эти указания и стали их реализовывать. Когда Зверев уже отправил денежные посылки, я заготовил письма и вложил туда за подписью министра финансов инструкцию об обмене.

Затем условились, что я накануне дня обмена дам шифровку вечером «пакеты вскрыть сегодня в 18:00». Затем Зверев спросил у тов. Сталина день обмена и позвонил мне сразу же.

В общем, было задумано нами неплохо, а получилось не везде хорошо. Когда в областях и республиках получили мою шифровку вскрыть пакеты, то некоторые ретивые начальники побежали с этой новостью в обком партии, а там товарищи решили, что надо поутру быстро истратить накопления до обесценивания денежных знаков. Так и сделали.

Начался ажиотаж в магазинах, где скупали дорогие вещи, лежавшие годами. Ну, вполне понятно, что нашлись товарищи, которые сообщили о таких ретивых руководителях в ЦК, и многих виновных строго наказали. В КПК Шкирятов* разобрал такие дела, и их прозвали «декабристами», так как это все происходило в декабре месяце. Ну а в общем-то, обмен прошел нормально[396].

Через несколько дней зашел ко мне В. Сталин и рассказал, что за два дня до обмена Сталин позвал Ваську и Светлану и вынул из сейфа жалованье, которое он складывал годами, подал пачку и сказал: «Вот поделите между собой». Я не спросил, сколько было денег, и не уверен, что Васька не придумал сам этот рассказ.

Взрыв в магаданском порту

Жизнь кипит, а в жизни бывают приятности и неприятности. Последняя случилась в Магадане. Туда, в порт привез взрывчатки для Дальстроя, в Магадан, пароход «Генерал Ватутин». Пока он готовился к разгрузке, на третий день взорвался и наделал бед.

Вышло решение Правительства образовать комиссию под моим председательством и расследовать на месте. Завтра вылетаем[397].

Пролетели мы поблизости «полюса холода» Оймякон. Считается, что этот район самый холодный в мире, где температура достигает -68° . По-якутски оймякон — «ой, мне холодно».

Перед Магаданом горы стали пониже, но, тем не менее, когда подлетели к аэродрому, то он оказался с двух сторон зажатым горами, и посадка возможна лишь в одном направлении от моря. Охотское море выглядело на солнце великолепно, большие просторы. Прилетев в Магадан, мы сразу решили поехать в порт.

Ну, там мы увидели опустошенную пристань с разбитыми постройками. Оказывается, предварительно, дело выглядело так.

«Генерал Ватутин» стоял в заливе метров 700 800 от причала. У причала выгружался <пароход> «Надежда Крупская» и другой пароход. Ночью пароход «Ватутин» взорвался, так как осадка была у него глубокая, 6–7 метров, и взрывчатка находилась в трюме, то образовались от взрыва волны высотой до 12 метров и пошли к берегам. Этими волнами выбросило на берег «Крупскую» и другой пароход. Все причальные постройки были разрушены, а часть их смыло в море.

К счастью, жертв оказалось немного. От судовой команды «Ватутина», кроме одного моряка, который пьяный гулял на берегу, никого не осталось. Было несколько раненых осколками на «Крупской» и кто был в помещениях пристани. Много получило ушибов, синяков и т. д., когда ударила волна. Вот коротко трагедия[398].

Теперь причины взрыва. Позвали единственного моряка. Он довольно невнятно рассказал, что некоторые отсеки корабля заполнены балластом — водой для устойчивости корабля. При низкой температуре вода в отсеках замерзает, поэтому ее прогревают паром. Высказано предположение, что от этого вспыхнула взрывчатка[399].

Мы тщательно взвесили это, и решили проверить практически на взрывчатке. За городом устроили эксперимент, но никакого взрыва не получилось, хотя вода не только кипела, но и превратилась в пар.

Тогда мы взяли взрывчатку и высекли вблизи от нее искру. Взрывчатка не загорелась, и, наконец, мы около взрывчатки устроили взрыв детонатора — взрывчатка сдетонировала и взорвалась. В выводах мы указали, что взрыв мог быть от неосторожного обращения с взрывчатым веществом кого-либо из состава команды, тем более, этот разгильдяй матрос рассказал, что как раз мы прогревали замерзшие клапаны зажженной паклей, зная, что в трюмах взрывчатое вещество.

Ну, при таких «порядках» мог быть и взрыв.

Когда заканчивали эксперименты, я решил слетать в наиболее северные районы добычи золота, как здесь говорят, за полярный круг, это Чаун-Чукотский район, Индигирка и др., так как все эти предприятия по добыче золота подчинены нам, НКВД СССР[400].

Вначале я пролетел километров 800 на самолете на север. Дальше аэродромов не было, и мы поехали на машине. Несмотря на то, что я был одет в меховые брюки и пальто, в машине ехать было холодно. Температура воздуха была до -60°. Но беда была еще и в том, что товарищи не рекомендовали пробежки для прогрева, так как от учащения дыхания после пробежки на морозе остывают слизистые оболочки носа и горла, и человек простужается, и легкие так можно простудить. У меня, к сожалению, к концу командировки так и получилось.

В этой заполярной поездке мне все было интересно. Запомнилась стрельба по полярным куропаткам. Мы с собой прихватили ружье.

Поднявшись на одну гору на автомашине, я увидел: на дороге возле конского помета сидит 5–6 голубей пестрых. Водитель говорит: «Это полярные куропатки, стреляйте».

Я вышел из машины и одну подстрелил. Очень красивое оперенье, мохнатые лапки, и довольно жирная. Я не знаю, чем они питаются. Но, в общем, завтрак получился хороший.

Заехали в один из лагерей, который занимается добычей золота. Название «лагерь» здесь понятие условное, так как бежать заключенным некуда, потому что на расстоянии 200 км, кроме лагерей, хлебопекарен и шахт с песком ничего нет. Убежишь за 10 км и погибнешь от

холода.

Правда, мне рассказывали, один вор-рецидивист не желал работать, встал утром рано, разделся догола и побежал вокруг барака. На улице было более -60°. Обежав барак, он свалился и умер. Когда врачи вскрыли, то оказалось, что от низкой температуры легкие сначала остыли, а затем замерзли, превратились в ледышки. Вот что значит Заполярье.

Обратный путь у нас тоже был с происшествиями. Вылетели из Магадана. Пролетели вдоль побережья Охотского моря часа полтора, и нам на борт скомандовали сесть в Охотске, так как кругом метет.

В Охотске с аэродрома мы сразу поехали на местном транспорте — на собаках. Довольно неплохо упряжка 6 штук тащит. Правда, между собой нет-нет, да и подерутся. Вожак ведет себя более солидно. На следующий день вылетели в Киренск и далее более уже благополучно добрались домой.

1948 год. Атака МГБ

После трудов получил неприятность, точнее, провокацию со стороны этого подлеца Абакумова. Видимо, он поставил целью сжить меня со света. Но я голыми руками не дамся. Для того чтобы меня скомпрометировать хоть чем-нибудь, там он арестовал генерал-майора Бежанова, который у меня в Германии был начальником Тюрингской опергруппы. Я о нем говорил ранее, когда он задержал директора локомотивного завода.

Причины ареста мне неизвестны, но мне казалось, что это был неглупый армянин, и при проверках его группы всегда находили везде порядок.

После ареста, видимо, основательно избив его, он <Бежанов> дал показания на меня, что я, когда приезжал в Тюрингию (а я там был у него в опергруппе только несколько раз), то увез целую легковую автомашину игрушек[401]...

Как видно, показания Бежанова читал тов. Сталин и приказал послать мне протокол допроса. Я рассказал Круглову. Тот, как и водится, смутился больше меня, так как он боялся Абакумова. Я ему сказал, что напишу в ЦК обо всем. Он стал открещиваться, что-де, мол, твое дело, и я ушел.

Сгоряча написал довольно резкое письмо тов. Сталину (прилагаю копию). А потом, когда прочитал, то пришлось поправить, после чего послал[402].

В письме напомнил, что я в записке в ЦК в связи с его назначением министром госбезопасности писал, что он против меня будет направлять и использовать органы Госбезопасности[403]. И вот теперь конкретный пример этому.

По поводу «увезенных игрушек в автомашине» я написал, как это было, и сказал, что «эта мелочь, может быть, и не заслужила внимания, но я решил о ней вам сказать, так как вы, тов. Сталин, отец, имеете детей, и вы меня поймете, почему я их покупал. Абакумов же этого не поймет, так как у него нет детей, значит, и нет отцовских чувств».

В общем, я думаю, письмо получилось убедительное. Показал Круглову, ну а тот прочел и даже ничего не выговорил. Потом уже произнес: «Ты зря с ним связываешься, видишь, он в фаворе. Его Берия боится». Я ему сказал, что когда я прав, то буду биться до последней капли крови.

Дня через три сидим мы у Круглова, раздался звонок. Круглов взял трубку и сразу пошел пятнами (лицо) и передал мне трубку. Оказывается, звонит Поскребышев и разыскивает меня.

Поздоровались, говорит: «Позвоните хозяину 21–24». Я повесил трубку, Круглов спрашивает встревоженно: «Что?» Я говорю: «Сейчас позвоню тов. Сталину». Он замахал руками и говорит: «Иди к себе».

Я ушел к себе, набрал телефон, занято. Второй и третий раз тоже. Наконец отвечает: «Да». Я доложил, что «докладывает Серов».

Он, обрадовавшись, говорит: «Я прочитал ваше письмо. Вы что, волнуетесь, что ли?» Я отвечаю: «Как же не волноваться, тов. Сталин, если Абакумов вокруг меня с топором ходит». Тов. Сталин: «А вы не волнуйтесь, ЦК вас в обиду не даст, у вас есть заслуги перед Родиной и перед партией. Ясно? Не волнуйтесь и работайте».

Я стал благодарить за внимание и успел выговорить, что моя жизнь принадлежит партии и Родине. Тов. Сталин спокойно сказал: «Не обращайтесь на все это. Всего хорошего».

Я остался со своими мыслями в кабинете. Минуты через две зашел Круглов: «Ну, что?» Я ему отвечаю: «Все нормально». — «Ну, зайти». Вообще-то мне не хотелось идти к этому трусу.

Когда я рассказал, так он замахал руками, захохотал, запрыгал и стал переспрашивать: «Так и сказал: „В обиду ЦК не даст“? Еще и сказал: „Не беспокойтесь“? Вот это ты здорово не боишься Абакумова». Ну, для меня такая поддержка тоже имеет большое значение.

Вот вкратце содержание письма.

31 января 1948 г.

Тов. Сталину И. В.

«

Прочитав протокол допроса арестованного МГБ Бежанова, я до крайности удивлен такими нечестными методами работы Абакумова.

Т. Сталин, я через 3 месяца после назначения Абакумова Министром Госбезопасности личной запиской докладывал Вам о непартийном поведении Абакумова <по отношению> ко мне.

Я докладывал, что Абакумов затаил злобу в отношении меня еще с 1941 года, а затем с годами эта злоба перешла в ненависть, в результате чего Абакумов уже стал давать задания своим подчиненным подбирать на меня материалы, а сейчас, используя аппарат МГБ, Абакумов решил свести личные счеты с ненавистным ему человеком Серовым.

Меня неоднократно предупреждали, что Абакумов примет все меры, чтобы меня устранить. Я не верил этому. Я считал, что он член партии и не может стать на такой путь, но жизнь показала обратное.

После вашего поручения летом 1947 года о проведении следствия в отношении арестованного (Федосеева), я почувствовал, что Абакумов этим доведен до крайности и что он способен на все. Теперь я убедился, что Абакумов для выполнения своей гнусной цели не остановится ни перед чем.

Он, очевидно, решил, что настал момент, и в результате появилось первое, но не последнее показание.

Зная несколько характер Абакумова, он сейчас использует все средства для того, чтобы как можно больше очернить меня. Поручите, т. Сталин, объективным работникам ЦК ВКП(б) проверить это, и Вам доложат, что следователь получил инструктаж от Абакумова, как составить протокол по вопросу, касающемуся меня.

В протоколе Бежановым записано: „Серов, вместо того чтобы выделить для моего оперативного сектора денежные средства, заявил, что никаких средств отпущено не будет, а я должен работать и жить за счет изъятия имущества и ценностей у немецкого населения“.

Т. Сталин, эта фраза лжи, записанная следователем, опровергается документами. Оперсектор Бежанова, как и другие 5 секторов, получали деньги по ведомости и отчитывались за них в финансовом отделе НКВД, о чем есть документы и акты комиссии.

Так как же можно верить таким показаниям?

Это лишний раз подтверждает желание Абакумова облить грязью своего врага, и я думаю, в этом он зашел далеко, не предусмотрев последствий.

В показаниях особо отработан <вопрос> о закупленных мной „дорогостоящих механических детских игрушках“.

Т. Сталин, у Абакумова нет детей, и ему этого не понять, а Вы меня поймете.

Да, я действительно проездом через Веймар купил шестилетней дочке и 12-летнему сыну обыкновенные игрушки.

За время работы в Германии я получил жалования около 150 тысяч марок. Спрашивается, куда мне было их девать.

На все вещи, что я покупал, у меня имеются счета об оплате. Ведь у нас в Германии были и есть генеральские магазины, где можно все это купить.

Поэтому мне теперь ясно, почему Абакумову захотелось это представить в ложном виде.

В результате всего у меня сложилось мнение, что Абакумов, для того чтобы очернить меня, решил пожертвовать тремя-четырьмя покладистыми генералами, но получилось наспех не проверено ».

Далее я указал о работе, проведенной в Германии на благо нашей Родины, и закончил так:

«

Обидно, т. Сталин. Всю свою сознательную жизнь старался от всего сердца, ночами не спал, в любую погоду летал, все для того, чтобы сделать лучше для нашей Родины. А самое обидное, что все это построено на личной мести, из ненависти ко мне Абакумова.

Я прошу Вас, т. Сталин, назначить комиссию ЦК ВКП(б), пусть она разберется объективно и доложит Вам результаты.

Я со своей стороны любое задание выполню с честью, а если потребуется моя жизнь, то я готов ее отдать в любую минуту за нашу Родину.

И. Серов ».

Через месяц, когда Абакумов арестовал моего адъютанта Хренкова, я еще написал Сталину [404].

Карьера карьериста Абакумова

Мне хочется отразить ещё один вопрос, не менее серьёзный. Это нарушение советской законности, допущенное в период 1947–1950 гг. подлецами и карьеристами типа Абакумова и чекистов того времени, ныне подвизающихся на руководящих в КГБ ролях. Тут я на себя беру вину, что за время работы в КГБ не сумел всех выявить и удалить, хотя многое было сделано, остались единицы.

Я хочу рассказать об арестах в тот период генералов Советской Армии общим количеством 70–80 человек, в том числе и отстранении маршала т. Жукова Г. К. от дел в Министерстве обороны СССР[405].

Пробравшийся в органы Государственной безопасности министр Абакумов, этот авантюрист с 3-классным образованием, до этого работавший приказчиком в Москве, по окончании войны дал команду своим подчиненным, чтобы почистить генералов, которые привезли с фронта трофеи.

Нужно сказать, что часть из них действительно потеряли моральный облик, когда нахватали целые грузовики разного имущества не только себе, но и знакомым.

За это можно было бы привлечь в партийном порядке и намылить шею, но не арестовывать, да к тому же при аресте на следствии добавлять различные измышления об антисоветских настроениях и т. д.

И вот этих боевых генералов за время абакумовщины набралось до 80 человек в тюрьме.

С моим приходом в КГБ в 1954 г. я занялся этим, и вместе с генеральным прокурором Руденко мы внесли предложение в ЦК списком освободить их и реабилитировать.

Ну, конечно, радости у генералов не было конца. Попутно был так же освобожден помощник ген. прокурора — ныне писатель Шейнин*.

Нужно сказать, что часто собственнические тенденции настолько у некоторых развиты, что даже после того, как освободили и многим вернули все необходимое, некоторые все же претендовали на большее...

О вопросе компрометации Жукова Г. К. в 47 году, тут культ сыграл основную роль. Я, правда, не мог знать деталей, так как находился не в Москве, а в Берлине, но туда осенью 1946 года пришла довольно странная телеграмма, после того как Соколовский В. Д., вернувшись с Главного Военного совета, рассказал об освобождении Жукова Г. К. из Министерства Обороны и назначении командующим Одесским Военным округом.

<Смысл> заключался в следующем. Авантюрист Абакумов, которого Жуков не признавал, так как он и не считался с Берией, спровоцировал, видимо, с благословения Берии, записку Сталину, что Жуков восхваляет себя как полководца, что его подчиненные нередко говорят, <

нрзб > жуковцы, что этим принижается роль Верховного Сталина и т. д. и т. п.

В телеграмме войскам было сказано, что Жуков проявляет «бонапартистские замашки!!», что он честолюбивый военачальник, поэтому Главный Совет решил его освободить.

На Главном военном Совете якобы было сказано, что Серов находился там во время войны и после не предупредил Ставку о таком поведении Жукова. В общем, мне было крайне неприятно, что Г. К., заслуженный полководец, блестяще завершивший операцию по разгрому гитлеровцев в Берлине, признанный народом, попал в такую немилость Сталина. Я понимал, что все это сделано Берия и Абакумовым.

Один раз я присутствовал на совещании у Берия по вопросу обеспечения Советской Армии артиллерией и боеприпасами, так как он ведал Министерством вооружения как зам. председателя Совета министров. На этом совещании были Жуков, Яковлев и, кажется, Волкотрубенко* и Устинов Д. Ф.

Когда Берия стал делать руководящие указания, Жуков перебил его и говорит: «Слушай, Берия, что ты понимаешь в военном деле и берешься рассуждать, ты послушай нас, военных». Берия побледнел от злости, но сдержался, ну а уж потом, наверное, всё время помнил, как бы отомстить Жукову. И вот отомстил.

По возвращении в Москву в 1947 году и только после этого один раз и видел Г. К. в Большом театре, где мы поздоровались, и я его предупредил, «смотри, как за нами следят чекисты», он усмехнулся и сказал: «Черт с ними»[406].

Глава 14. НА СТРОЙКАХ КОММУНИЗМА. 1948–1952 годы

Большинство записей Серова этого периода посвящены многочисленным поездкам по стране. Если не знать, что их автор — 1-й зам. министра внутренних дел, может показаться, что они принадлежат кому-то из руководителей Госплана.

Серов инспектирует тресты по производству алмазов и золотые прииски; руководит строительством Волго-Донского канала и останавливает прорывы плотин.

Надо сказать, что к концу 1940-х годов МВД представляло собой огромную производственную империю, на стройках и объектах которой трудилось несколько миллионов заключенных, военнопленных и интернированных. Помимо знаменитого ГУЛАГа в структуру Министерства входило еще 11 производственных главков и управлений, каждое из которых использовало труд «зэков» в отдельно взятой отрасли: от строительства железных и шоссейных дорог, объектов промышленности и Дальнего Севера до производства асбеста, слюды, добычи драгметаллов, угля и нефти.

Во многом успех послевоенного восстановления страны — это результат труда заключенных. Бесплатная рабсила была основой сталинской экономики. Не случайно правительство регулярно ставило перед МВД всё новые и новые «хозяйственные» цели.

Только в 1949 году «для полного выполнения всех заданий, вытекающих из постановления Совета Министров СССР», писал в инстанции Серов, требовалось «выполнить капитальных работ (без спецстроительства) на сумму около 7 млрд рублей». Именно Серов, как первый зам. министра, и курировал теперь большинство этих заданий. Он не только лично объезжал (а точнее, облетал) свое гигантское хозяйство, но и периодически направлялся Сталиным в экстренные командировки, на «прорыв». Вновь повторялась обычная история: опытного кризис-менеджера бросали туда, где сложнее всего.

Когда в 1952 году забуксовало возведение Волго-Донского канала — амбициозной сталинской стройки, призванной соединить две великих реки, — Серову пришлось прожить на объекте 3 месяца, приняв на себя всё руководство. Умело чередуя методы кнута и пряника, он добивается невозможного: канал сдали в срок.

Впрочем, в проблемы ирригации и добычи алмазов Серову пришлось погрузиться не от хорошей жизни. Стараниями шефа МГБ, его злейшего врага Виктора Абакумова, МВД потеряло большую часть своих прежних полномочий: все они теперь отошли к Лубянке.

В ведение МГБ постепенно перетекли правительственная связь, внутренние войска, пограничники, транспортная милиция, Гохран, служба наружного наблюдения. В октябре 1949 года погоны ГБ надела вся милиция страны полностью — от постового до участкового. Большинство этих служб прежде подчинялись как раз Серову; вот и пришлось «переквалифицироваться в управдомы».

День ото дня абакумовское МГБ всё сильнее наливалось мускулами, превращаясь в настоящего монстра. Но это, в конце концов, его и сгубило: всемогущество Абакумова стало уже пугающим для самих же кремлевских соратников. 4 июля 1951 года он был снят, арестован, обвинен в шпионаже и вредительстве.

Не исключено, что одной из причин, склонивших в итоге Сталина к аресту Абакумова, была и затеянная им свара против Серова. Генералиссимус не любил, когда кто-то пытался его руками сводить личные счеты; именно поэтому, вероятно, и не дал Серова в обиду. До тех пор, однако, пока Абакумов оставался на своем посту, Серов не мог чувствовать себя в безопасности; от десницы МГБ не укрыться даже во льдах Крайнего Севера. Регулярно он получал от Абакумова «приветы»: с его подачи Серова то и дело бросали на очередной прорыв. (Расчет понятен: авось не справится.)

Кто знает, уцелей Абакумов, может, очередная его попытка уничтожить Серова и увенчалась бы успехом?

...Абакумова приговорят к расстрелу в декабре 1954 г. В это время в его бывшем кабинете на Лубянке будет уже сидеть сам Серов.

1948 год. Хищения золота

Январь и февраль 1948 года. Летал, ездил и вновь летал по всей Сибири-матушке, проверяя работу золотых трестов МВД, которых было много. Был в Бодайбо, был в Ленских приисках, был на Урале, в Чите и т. д.

Все это проделал по решению ЦК: «Послать тов. Серова проверить состояние дел с хищениями золота при добыче».[407]

Правда, нужно сказать, что всеми трестами руководит зам. НКВД В. В. Чернышев, он и должен был летать. Но ничего не поделаешь.

А дело было так: органы МГБ на Украине арестовали одного <уголовника>, вернувшегося из лагерей по отбытии наказания. При обыске нашли небольшие кусочки золота, но общим весом до 14 г. На допросе он показал, что он находился на Ленских приисках в лагерях треста «Лензолото» МВД.

И там, когда заключенные промывают песок, то можно проглотить кусочки золота, а затем извлечь, и таким образом он насобирав <это>. На допросе он сказал, что все в лагерях

так делают.

Ну, Абакумов сразу обобщил это на все 18 трестов МВД, и вышло решение: «Послать Серова проверить и навести порядок»[408].

Вот и пришлось везде проверять и организовывать тщательный обыск заключенных перед отправкой домой. Вообще-то, если бы у нас было достаточно техники, везде можно было бы поставить рентгенограф, и сразу бы кражи прекратились.

Ну, пришлось тщательно изучить, как эти кражи происходят. При промывке проглотить кусочек золота величиной с горошину — дело нехитрое, потом на следующий день, когда кусочек выйдет наружу его также нетрудно найти. Когда насобираешь кусочков за год и более весом до 1 кг, тут уж не проглотишь.

Тогда заключенные перед выходом на свободу проявляли всякие хитрости (перебрасывают через лагерную решетку, прячут в повозках, которые выезжают из лагеря), но все это не надежно. Самое надежное оказалось проносить в прямой кишке. Затолкают золото в мешочек диаметром 3 см, затолкают в надежное место.

Я вначале сомневался. Но случай скоро подвернулся. Мне сообщили, что из Бодайбо такой освобожденный прибывает в аэропорт. Когда самолет сел, я приказал привести этого освобожденного ко мне.

Разговор был короткий. Он посмотрел на мои три звезды на погонах и на мой вопрос: «Сколько везешь с собой золота?», он прямо ответил: «А что, вам уже, гражданин начальник, капнули?» Я говорю: «Капнули». Тогда он сразу сказал: «Около 2 кг». Я его послал в туалет, и он мне принес золото.

В общем, в этих золотых трестах пробыл более 2-х месяцев. При проверке трестов, в которых работают только заключенные, кроме специалистов, выявил ряд недостатков, позволяющих заключенным по крупинке собирать золото.

На месте дал указание более тщательно проверять лиц, работающих непосредственно около конвейера с золотым песком, при промывке и особенно на заключительной стадии получения золота...

Не успел вернуться, как новое решение Политбюро: «Послать Серова проверить наличие, материально-бытовые условия и воспитательную работу спецпоселенцев». Были донесения секретарей обкомов, что чеченцы и ингуши, калмыки и другие нападают на русских, бьют их, устраивают массовые побоища и т. д.[409]

Тоже ездил весь март и апрель. Хоть и измучился, но в то же время получил удовлетворение от работы и познавательные впечатления от новых районов и людей.

1949 год. В дальневосточных лагерях

Давно, давно не писал, все некогда было. За эти месяцы летал по делам: в Молотов, в Хабаровск, в Свердловск, в Кизел, Верх-Нейвинск, в Челябинск, Тюмень, в Омск и в их районы[410].

Наиболее примечательными моментами хочу отметить эту пару случаев.

Первый — побывал на объекте, где занимаются атомными делами, посмотрел весь процесс,

рассказывал Игорь Васильевич Курчатов*. Умный ученый, он большую пользу принесет нашему государству. Все, что добыл Зарубин* В., использовано хорошо, со знанием дела (в 1943 г.). Больше ничего сказать не могу, не имею права[411]...

Наконец опишу и противоположный случай, который я наблюдал в одном из лагерей Хабаровска.

В 1949 году поступило донесение из Хабаровска из лагерей, где содержали военнопленных Маньчжоу-Го во главе с императором Пу И*, о том, что император балуется с мальчиками и в лагере ничего не могут с ним сделать. Мне приказали вылететь в Хабаровск и навести порядок[412].

В лагерях содержались также белогвардейцы, которые убежали в Маньчжурию в 20-х годах. Ну, я императора вызвал к себе и строго предупредил прекратить эти безобразия, иначе он будет помещен в одиночную комнату. Ну, вроде дошло до него. Затем я решил посмотреть в лагере, как себя ведут белогвардейцы.

Дежурным по лагерю был заключенный, который сопровождал меня, как мне показалось, лет 55. Вид у него довольно интеллигентный, поэтому я поздоровался.

Оказывается, ему 82 года, бывший белогвардеец, захвачен нашими войсками в 45-м в Маньчжурии. Я тогда спросил его, каким образом он так мог сохраниться.

Он, улыбаясь, рассказал следующее: в Маньчжурии он 12 лет работал у помещика и ведал стадом оленей, с которых снимал весной панты, т. е. молодые рога, и затем сушил их, а хозяин продавал за валюту. В этот период он узнал полезность пант и стал их употреблять свежими в определенных дозах. Все это время он чувствовал <себя> здоровым и никогда не болел.

Затем хозяин разорился, а он пришел с другом к хозяину, который занимался торговлей корнем женьшень. Там он жил до занятия войсками Советской Армии Маньчжурии и все время употреблял женьшень. Вот потому и сохранился.

«Ленинградское дело»

Забыл написать: здесь, в Москве, этот авантюрист Абакумов создал т. н. «Ленинградское дело», смысл которого следующий: якобы секретарь ЦК Кузнецов*, до этого секретарь Ленинградского обкома партии, стал в Москве, в ЦК и других аппаратах насаждать ленинградцев на все ответственные должности.

В этом ему помогал Попков*, секретарь Ленинградского обкома, и Косыгин*, нарком легкой промышленности[413].

Была создана комиссия ЦК по <проверке> данных МГБ — Абакумова в составе Маленкова, Голикова от военных и представителя МГБ, которые выехали на место в Ленинград и, «разобравшись», внесли предложение в ЦК об аресте Попкова и Кузнецова, а Косыгина — о выводе из состава ЦК[414].

Кузнецов и Попков были арестованы, <как> и ряд других ленинградцев, затем <был> закрытый суд и все были расстреляны.

Вот ведь авантюрист дошел до чего, что таких крупных руководителей, как секретарь ЦК и секретарь обкома, сумел скомпрометировать, облить грязью, изобразить врагами и добиться

расстрела. Многие товарищи, с которыми я мог делиться, были удивлены и возмущены, как ЦК, Политбюро могло поверить этой провокации...

Я не знаю подоплеку этого дела, но мне думается, инициаторами были Берия, который ревновал Вознесенского* к Сталину, так как Вознесенский, прямой и грамотный человек, быстро пошёл в гору и в ряде случаев на моих глазах «поучал» Берия, ну и, конечно, тут участвовал авантюрист Абакумов.

Смысл заключается в том, что был пущен слух, что ленинградцы претендуют на роль второй столицы, что в этом их поддерживают Вознесенский, член Политбюро, Кузнецов — секретарь ЦК и Косыгин. Все трое прибыли из Ленинграда на работу в Москву. Сталину наговорили с три короба, и он начал постепенно на них коситься, а затем дал команду снять с должностей Вознесенского и Кузнецова, а потом и арестовать.

Тревожный год

Весь 1949 год был какой-то тревожный, то тут, то там неполадки в лагерях, на строительствах и т. д. И, несмотря на то, что ни лагерями, ни строительствами, ни золотыми трестами я не ведаю, а как где что плохо, то записывают в решение Политбюро; послать Серова.

Я на днях Круглову сказал: «Пусть летают Чернышев, Рясной*, Богданов по своим объектам, а то я из командировок не вылезаю». Он согласился, но говорит: «А что я сделаю, когда меня не спрашивают, меня к Сталину не вызывают, и кого послать, сами решают».

«Ты видишь, — продолжал он, — за это время ты уже трижды со Сталиным говорил, а я ни разу. Я получаю решение ЦК и Совета Министров, и все. Я бы сам рад поехать куда, да не записывают».

Он, пожалуй, прав, но мне от этого не легче.

1950 год. Дуэль в лагерном бараке

Год начался, а у нас очень плохо дело обстоит со строительством Волго-Донского канала. Я в этом новом году уже дважды <там> был. Рабочей <силы> много, до 60 тыс. человек, а толку никакого <не> достаточно. Рясной сидел там два месяца, Круглов боится, что с него спросят, так как должны окончить в 1952 году, а воз и ныне там[415].

В апреле летал на Дальний Восток и на Сахалин. Там было плохо с добычей нефти и неполадки в лагерях. На Дальнем Востоке мне <много> знакомо, а вот на Сахалине был впервые[416]...

Южная часть Сахалина более благоустроена. Жизнь в северной части довольно суровая, поэтому нашим работникам очень трудно работать, так как туда посылают наиболее отъявленных рецидивистов, которые не убегут с острова. Ну, а раз так, то эти отъявленные так себя и ведут.

Например. Когда мы приехали в Катангли, то в лагере целый барак, человек 50, не выходили на работу. Все з/к в бараке подчинялись только одному бандиту. При малейшем подозрении, что кто-то в лагере «сучит», т. е. выдает администрации секреты барака, его убивали.

Когда мне все это рассказали и просили зайти и поговорить с з/к, я пошел. При этом о поведении барака знали з/к соседних бараков и говорили, что они тоже не пойдут на работу, так как администрация не принимает меры к тем, кто не хочет работать. С собой я в «барак отказчиков» взял начальника и врача, так как все отказы от работы мотивировались болезнью.

Зайдя в барак, дневальный шепотом доложил о количестве з/к. Спрашиваю: «Почему шепчешь?» Мнется.

Начальник лагерного отделения докладывает, что з/к не разрешают громко разговаривать, чтобы не нарушать их спокойствие. Я заставил дневального громко повторить доклад.

Зайдя в первую камеру, а там было 8 человек, стал опрашивать каждого в отдельности: «Почему не работаешь?» И каждый докладывал, что он болен, но было видно, что врет. Тогда я врачу говорил, чтобы он взял на заметку болезнь и лечил. То есть давал лекарство и заставлял принимать его в присутствии медиков.

Некоторые видно, что искусственно вызывали себе различные травмы (друг другу рубили пальцы). Спрашиваю, как получилось, что нет пальцев на правой руке, говорит, рубил ветку и попал по пальцам.

Я внимательно выслушал, выразил «сожаление», задал ряд вопросов, а потом внезапно спрашиваю: «А ты правша или левша?» Он отвечает: «Правша». Тогда я говорю: «Так как же ты, правша, работая с топором правой рукой, умудрился на правой же руке отрубить у себя пальцы?» З/к смущен, вся камера хохочет.

Один з/к мне показал на руке большую опухоль. Я ему говорю: «Отчего возникла опухоль?» — «Не знаю». Тогда я говорю ему: «Ты больше не скобли зубов и не вноси в рану гнилостность с зубов. Тогда пройдет опухоль. А на работу его выводить».

Опять в камере хохот. А мне эти приемы з/к врач заранее доложил.

Когда вошли в камеру, где был их главарь, а мне про него рассказали, что он 6 раз судился за бандитизм, убил в лагере з/к, но не сумели доказать, и три раза бежал из лагерей.

Спрашиваю одного, другого и дошел до него. «За что сидишь?» — «Не знаю». — «Как же так?» — «Меня привлекли по статье за бандитизм, но я не участвовал, это ошибка». — «И больше не судился?» — «Нет». — «Почему на работу не выходишь?» Показывает правую руку, на которой большой и безымянный пальцы плотно срослись и не сгибаются.

Я посмотрел, выразил сожаление, а потом, обращаясь к врачу, говорю: «Сегодня же разрежьте пальцы, и чтобы через неделю выходил на работу». Камера захохотала. А ему говорю, что впредь напрасно себя будешь мучить и срывать пальцы, можешь еще заражение крови получить от такой процедуры. Он понял, что я его раскусил.

Дальше спрашиваю: «А за что судился второй раз?» Он ответил. «А третий раз?» Он смущен и молчит, а я продолжаю: «А 4-й, 5-й и 6-й?» Молчит. Я ему тогда говорю: «Я тебе напомню. Третий раз судился за бандитизм на Украине, а четвертый, пятый и шестой — за побеги из лагерей». Затем спрашиваю, может, я чего перепутал? Он рассмеялся и говорит: «В основном, правильно». Все засмеялись.

Одним словом, после того как я поговорил со всеми и приказал вывести на работу сегодня же, оказалось, что администрация не готова выделить для них участок работы. Боятся им выдать топоры для рубки леса. Тогда я приказал послать их на земельные работы по прокладке ж/д путей из Охи в Коломну.

Вечером все вышли на работу. И я уехал. Потом через два дня спросил, как работает этот барак. Мне доложили: нормально.

Вот, посмотрев на таких отъявленных, я пришел к выводу, что концентрировать их в одном месте нецелесообразно, так как они готовы сделать любую пакость, да и трудно ими управлять. С другой стороны, если их разбросать поодиночке, то может случиться, что паршивая овца все стадо испортит.

Вот тут надо серьезно подумать, как лучше сделать. Посоветоваться с работниками лагерей.

Снова дело Федосеева

Находясь в Москве, я у следователя, который участвовал в допросе Федосеева, узнал, что дело Федосеева, полученное от нас, в тот же день Абакумовым было переквалифицировано на ст. 58-6 — военный шпионаж — и направлено в военный трибунал.

На следующий день военный трибунал рассмотрел дело Федосеева и приговорил за шпионаж к расстрелу. В тот же день приговор привели в исполнение. При этом Федосеев даже не был допрошен. Но ведь это &t;

нрзб &t;! Так мог сделать только авантюрист Абакумов, чтобы выслужиться перед Сталиным, не пожалел жизни Федосеева[417]...

Вчера, поднимаясь на лифте в Кремле вместе с заместителем Абакумова Селивановским, я сказал ему: «Я уверен, что ваш шеф Абакумов за все подлости ответит перед партией». Он мне на это только сказал: «Иван Александрович, ведь он по всем вопросам получает указание от Сталина и туда же докладывает». Я добавил: «И много подлостей делает и от себя». Он промолчал[418].

Конечно, он мой комментарий в адрес Абакумова передаст ему. Но я не удержался и сказал правду. Ну, теперь жди от подлеца гадости. Ну, ничего, выдержу, не поддамся. Все равно ему меня не сломить.

1951 год. «Стране нужны алмазы»

1951 год. Почти весь январь просидел в тресте «Уралалмаз». Этот трест МВД добывает алмазы, а план срывается. Сейчас стране нужны очень технические алмазы для металлопромышленности (шлифовка алмазами)[419].

Правда, нужно сказать, что добыча алмазов — очень трудоемкая работа. Для добычи одного карата, а это немного больше булавочной головки, требуется промыть более 100 кубометров песку...

На одном из участков конвейера есть контрольная будка, где девушки под охраной просматривают камушки через рентген. Алмазы, попав в поле зрения, будучи освещены рентгеном, начинают светиться. Тогда девушка останавливает конвейер и щипцами, вмонтированными внутрь конвейерной ленты, вынимает алмаз, и там же внутри, где идет лента, сбоку коробочка, куда и кладется алмаз. В конце смены комиссия принимает уже по весу и количеству алмазы. Уходя с работы из контрольной будки, всех пропускают через

«рентгеновские ворота».

Если кто проглотил алмаз, загорается в дверях лампочка, и этого человека задерживают и в течение суток забирают алмаз и увольняют с работы. Я был в золото-трестах, там таким образом пропускают заключенных, идущих из забоя, но пока это не везде.

Как правило, алмазы добывают 0,5–0,8 карат. Если найдут 1,5–2 карата и более, так это на прииске большое событие. В тресте детально познакомился с особенностями добычи алмазов и прочел книгу о мировых запасах алмазов с указанием наиболее крупных. У нас в СССР алмаз «Граф Орлов» — один из крупнейших в мире. Я его видел в хранилище. Он был величиной с небольшое яйцо.

Два месяца побыл дома и опять летал в Кузбасс. Это в Кемеровской области, Кузнецкий угольный бассейн. Там, где добывают уголь.

План плохо выполнялся, и меня туда послали разобраться. Пробыл около месяца. Условия работы тяжелые, но план стали лучше выполнять. Я убедился, что наша администрация сжилась с недостатками и терпимо относится к руководству. Правда, им тоже не зря жалованье платят. Они должны следить за содержанием з/к, да еще в ряде случаев и за тем, как работают з/к и выполняют план.

В то же время угольщики (шахтеры, техники гражданские) видят на поверхности и только командуют, не учитывая, что состав лодии сменяется, имеются новые необученные люди, а им подай план.

А в Москве сидят наркомы <

нрзб >, Засядьки, Задемидько*, и каждый день строчат кляузы в адрес зампреда Берия на МВД, что з/к плохо работают, что им не хватает рабочей силы для выполнения плана и т. д. Особенно скверный человек Засядько*, пьянчуга[420]...

Вчера в Госплане у Косяченко* (зам. пред. Госплана) разбирали вопрос обеспечения рабочей силой трестов угольной промышленности. Меня пригласили вместо Чернышева, который заболел.

Я рассказал, что количество з/к резко сократилось, так как в стране навели порядок, стало меньше жуликов и т. д., поэтому надо Засядько самому нанимать рабочую силу. А вместо этого, как я слышал, только на Донбассе у него за

1950 год 240 тысяч человек пришли на работу, получили подъемные и через полгода ушли.

Это же безобразие. Сколько выплатили подъемных. И более того, он из этого треста ушел и пошел в другой трест, и там второй раз получил подъемные.

Сидевшие там наркомы поддержали меня. Встал Засядько, вылупил пьяные глаза и говорит: «А мне хрен с вами. Не дадите з/к, не дам угля стране».

Я не выдержал и говорю: «Что ты за хам такой! Ты на кого работаешь: на нас или на партию? Что ты грозишь, лучше было бы, если бы делом занимался и меньше кляузничал Берия на всех».

Ох, как он, подлец, взбеленился! Заорал: «Вы не имеете права меня оскорблять!» Я ему ответил: «А ты можешь здесь перед всеми хамить!» В общем, покричал и ушел. Так ничего и не решили.

Я Круглову рассказал, он замахал руками и говорит: «Он пожалуется Берия и тебе попадет». Ну, и черт с ним, но хама я обрезал.

В тот же день мне звонили Зверев, <

нрзб > и др. и поздравляли за то, что я этого хама оборвал.

Пуля для Сталина

...Вернулся в Кемерово, и пришлось на скорую руку подвести итоги и вылетать <обратно>, так как Круглов позвонил и встревоженным голосом сказал: «Крупная неприятность, вылетай». Еле упросил провести совещание с начальниками трестов и вылететь на следующий день[421].

Прибыв в Москву, утром пришел к Круглову. Ходит расстроенный. Рассказал следующее.

На строительстве МГУ находится лагерь з/к по Постановлению Правительства[422].

Позавчера вызвал Берия, показал записку Абакумова в адрес т. Сталина и конверт, в котором вложена пуля от винтовки.

Абакумов тут присутствовал у Берия с торжествующим видом, а затем доложил Берия, как было дело: охранник лагеря МВД, будучи на посту, увидел, что один заключенный близко подходит к ограждению. Часовой предупредил его отойти, но тот не отошел, тогда часовой сделал выстрел. Прибежал караул, разобрались, з/к наказали, и этим дело кончилось.

В тот же день сотрудник охраны на ближней даче у Сталина у ворот подобрал валявшуюся пулю, доложил своему начальству, сказал, что стрельба бывает ежедневно, а те <доложили> Абакумову, и сразу решили, что это стрелки охраны лагеря обстреливают ближнюю дачу т. Сталина.

Абакумов в записке написал, что так могут «пули» долетать и до дома, где гуляет «хозяин», и он не может гарантировать его жизнь.

После этого вдвоем Берия и Абакумов навалились на Круглова и Комаровского* (так как Главпромстрою было поручено строить МГУ, а Комаровский — начальник Главка), приказали отобрать винтовки у охраны и выдать пистолеты ближнего боя в течение 24 часов и «доложить об этом Абакумову». Я спросил Круглова: «А ты докладывал и Абакумову?» Тот ответил — да. Вот же трус! Хороший человек Круглов, а трусоват.

Вот как разыграли МВД. Ну, как водится, Круглов покрылся от волнения пятнами и спрашивает меня, что делать. Тогда я начал его спрашивать: «Ты пытался проверять в лагере, как это было дело все?» — «Нет, это проверяли сотрудники МГБ». — «Ну а ты узнал, в какую сторону стрелял часовой?» — «Нет. Абакумов говорит, в сторону дачи т. Сталина».

Тогда я ему говорю, что Абакумов известный провокатор, ты это знаешь, так почему же все его слова принимаешь на веру? «Ну а как же быть, если он уже записку написал? Сейчас мне надо писать доклад Берии и Абакумову о принятых мерах». Я ему говорю: «Подожди, я съезжу на место и разберусь».

Переодевшись в гражданский костюм, я поехал в район МГУ. В лагере сказали, что за месяц было два-три выстрела, и «ежедневно» никто не стрелял. Затем пошел в одну деревню, стоявшую недалеко от строительства МГУ и меньше километра от дачи Сталина. Там поговорил с мужиками на разные темы, а потом спросил, не беспокоят ли их лагерники. Те ответили — нет.

Тогда я уже более определенно спрашиваю: «А ведь они иногда и постреливают». Те отвечают, из лагеря они стрельбы не слышали, а вот тут у нас возле деревни стреляют каждый день по 2–3 часа. Спросил, кто стреляет, — говорят, милиционеры в красных фуражках, у них тут стрельбище.

Пошел на стрельбище, и действительно, там валяются отстреленные гильзы, поставлены из дерна упоры для стрельбы лежа, с колена и стоят столбики, куда крепят мишени.

Ну, я сразу же определил директрису стрельбы. Получается, направление прямо на дачу т. Сталина, а расстояние до нее менее километра, а пуля летит <со скоростью> до 1800 м/с. Следовательно, угроза для окружающих большая.

Начертив схему расположения стрельбища, я пошел в лагерь узнать, чье это стрельбище. Начальник лагерного отдела мне сообщил, что это стрельбище транспортного отдела МГБ. Вот это здорово! Сотрудники МГБ обстреливают из винтовок дачу т. Сталина.

Приехав к Круглову, я ему все рассказал и говорю, что надо об этом доложить т. Сталину. Круглов, повеселев, говорит: «Давай не будем поднимать шума, а ты напишешь об этом мне рапорт, а я его перешлю Берия и Абакумову».

Я ему говорю: «Когда Абакумову понадобилось без всякой проверки скомпрометировать МВД, так он не постеснялся это сделать и написал Сталину, а почему мы должны это сделать по-семейному». Ну, в общем, Круглов побоялся.

Я написал записку Круглову, которую он и послал Берия и Абакумову. На следующий день Абакумов признался Берия, что стрельбище его, в записке добавил, что им пользовались и войска МВД. То есть и тут попытался укунить МВД. Вот какой подлец! Кончилось все в нашу пользу. Круглов благодарил меня, а я его поругал...

Правда, Арсений Григорьевич <Зверев> предупредил: «Смотри, он, подлец, нажалуется». Но ничего, пронесло.

Падение Абакумова

<На днях> узнал, что Абакумова арестовали за злоупотребления служебным положением. Ведь я об этом писал т. Сталину сразу, когда его назначили. Ну, слава богу, этого подлеца посадили, куда ему и следовало. Провокатор и авантюрист[423]...

Какой-то Рюмин, начальник следственного управления МГБ, на этом деле выдвинулся в заместители Министра Госбезопасности из рядовых следователей Архангельской области. Тоже странно[424].

Министром назначен Игнатъев, бывший секретарь обкома, работал в ЦК. Наконец-то подобрали партийного работника. Рясной остался заместителем МГБ. Ну, кажется, кроме Рюмина в руководстве МГБ нет провокаторов. Поживем, увидим. А время бежит, бежит, работы много.

Ведь всем было известно, что по окончании войны Абакумов арестовал более 70 генералов и маршалов. Новикова (авиатора), Яковлева (артиллериста) и др., т. е. генералов, которые сражались за Родину, командовали армиями, были членами Военного Совета армий, фронтов, и в основном за то, что по донесениям абакумовских особистов после войны у них были обнаружены картины, мотоциклы, одежда и т. д.

Ну, и что тут такого, многие из них <v> 1945–1947 годы работали в Германии, Австрии и других частях, получали большое жалованье.

Я сужу по себе. Я в 1945–1946 годах получал 13 тысяч немецких марок в месяц, кроме оклада по должности зам. министра внутренних дел СССР. Ведь не мы выдумывали эти оклады, а по решению правительства <они> были установлены.

В общем, видимо, т. Сталин убедился, что это подлец и провокатор, вот и арестовали его.

Игнатъев. Из более поздних записей

Попутно уж скажу и о «деятельности» бывшего министра госбезопасности при Сталине с 1951 по 1953 год. Это о С. Д. Игнатъеве. Всем известно, что при нём развернулась «широкая сеть» врагов и шпионов из числа врачей, «которые травили советских людей» лекарствами и т. д. В числе таких «отравителей» попался и мой хороший знакомый Б. С. Преображенский*.

Как и положено в те дни, от семей арестованных сразу все друзья и знакомые отворачивались, а бедные семьи переживали и не верили, что их мужья и отцы — враги. Я тоже не верил и спросил у зам. министра госбезопасности Гоглидзе, правда ли всё это. Тот замаялся и сказал: «Пока конкретных данных нет». Спрашивается, если нет данных, то зачем посадили?

Об этом я спрашивал и зам. МГБ Епишева*, ныне начальника Главного Полит. Управления Советской Армии. Ну, этот, видимо, не знал или не хотел сказать.

Тогда я вторично через неделю спросил о Борисе Сергеевиче у Гоглидзе. На этот раз он сказал: «На него дают показания другие, и кроме того, он (если я не ошибаюсь) в 1923 году был в Англии». Ничего себе криминал!

Жена Б. С., Раиса Ивановна, обратилась ко мне через Веру Ивановну с просьбой принять её. При этом у женщины тактичной сразу явилась мысль, что она должна прийти не домой, а на работу. Я ответил, пусть приходит, куда удобней.

Явившись ко мне на работу, она расплакалась. Я согласился с ней, что тоже не верю, что он враг, и постарался успокоить как мог, что всё должно кончиться благополучно, хотя сам в это благополучие не верил. Да и не кончилось бы хорошо, если бы не умер Сталин.

В этом я убедился из объяснения т. Игнатъева в политбюро ЦК, которое он написал в первые дни после смерти Сталина. Я сам читал это объяснение, длинное и трусливое, но, очевидно, правдивое.

Он писал, что Сталин на него жал часто по телефону, чтобы арестовывал врачей, высказывая предположение, что Жданова они утомили. Игнатъев выполнял его желания, объясняя тем, что если бы он не выполнил, то его самого Сталин арестовал бы[425].

Нужно сказать, что логика довольно подлая. Другое дело, что Игнатъев не понимал ничего в чекистских делах, а его заместители типа Рюмина (по следствию) делали что хотели, но в то же время для того, чтобы утвердиться самому за счёт голов других честных людей — это мораль преступника и не члена ЦК, секретаря обкома, куда он пошел после освобождения с должности МГБ.

За время его деятельности, как мне рассказывали бывшие сотрудники, все подручные Рюмина (расстрелян) — ввели пытки, битьё и т. д., как было в 1938 году[426].

Кстати сказать, всё это делалось с ведома ныне здравствующих бывших ген. прокуроров Сафонова*, Горшенина*, Главного Военного прокурора Вавилова, многих других, у которых за это с голов волоса не упало.

1952 год. Волжская ГЭС

Писать некогда, в январе летал в Куйбышев на строительство гидростанции на Волге в районе г. Ставрополь[427].

Начальник гидростанции Комзин* развернул дело широко, а порядку пока мало. Да я и сам-то в гидростроительстве ничего не смыслю. А вода, говорят, страшный враг, если не уметь с ней обращаться. (Это говорят гидростроители.)

Ну, а о том, какую пользу она приносит, они молчат. Я их понимаю. Как только они допустят оплошность или плохо сделают, вода сразу это место найдет и просочится туда, а затем будет расширять свою деятельность, смотришь, и полетела плотина. Вот почему ее боятся строители.

В конце марта мне еще раз пришлось лететь в Куйбышев, так как на Комзина посыпались заявления, что грубит, дело идет плохо, что толку не будет, что в паводок все снесет и т. д. Пришлось разобраться. Да и в обкоме партии на него зуб имеют[428].

Поступило заявление, что он скрыл социальное положение, что папа был жандармом, Шкирятов хочет разбирать это дело и исключить из партии. Мне все это не ясно. Т. Сталин сказал, что сын за отца не отвечает. А сын сейчас генерал-майор, сам отец семейства, прошло много лет, и сейчас разбор. Я об этом сказал т. Пузанову*, секретарю обкома, тот тоже пожимает плечами, но ссылается на Матвея Шкирятова.

Волго-Донской канал

Не успел вернуться из Куйбышева, вышло постановление Совмина командировать Серова на Волго-Дон. Спрашиваю Круглова, в чем дело? Ведь Волго-Доном руководит зам. министра Рясной[429].

Он отвечает: «Какой-то гидростроитель итальянец (советский подданный) написал т. Сталину, что к 1952 году никакого Волго-Дона не будет, так как строительство идет плохо, вековая мечта соединить Волгу с Доном не осуществится и т. д. В общем, растревил т. Сталина. Он всех вызвал, изругал и сказал послать Серова, и чтобы к 1 июня 1952 года строительство было закончено»[430].

Ну, что делать, надо лететь...

Ввиду того, что в Постановлении Совета Министров записано: «Командировать т. Серова до окончания строительства Волго-Дона», я собрался по-настоящему.

Прилетел в Калач в Управление Волго-Дона, разместился и в тот же вечер заслушал начальника Главного управления Волго-Донского строительства генерал-майора Раппапорта* (правильно: Раппопорт. —

Прим. ред .) и главного инженера генерал-майора Жука*.

Выступали начальники объектов, Цимлянского гидроузла, начальники шлюзов и т. д. Мямлили, и никто не говорит, выполнят <работу> в срок или нет. Какая-то неуверенность. Ссылались на погоду, что две недели марта пропали, идут дожди, машины стоят, много поломок и т. д.

Когда я спросил, сколько еще копать канал, то оказалось, что из 48 км осталось 14 км, где еще и конь не валялся, целина, лопатой не копнули. Выходит, что за 4 года сделали 32 км канала, а за оставшиеся два месяца надо сделать 14 км.

Я пришел в ужас. Спрашиваю: «Сколько готово шлюзов?» Из 12 ни один не готов, насосные станции не готовы. Мне уже стало не по себе.

Спрашиваю: «Что же вы делали 4 года?» Мнутя, называют громадные цифры выброшенной земли. Спрашиваю: «Какая по общему объему работ Волго-Дона осталась?» Говорят: «Примерно 1/3 часть, но на шлюзах это самая ответственная — это монтаж агрегатов, проводка электросетей и наладка аппаратуры».

Сколько <времени> требуется до конца работ? «Не меньше 1,5 лет», — отвечает главный инженер Жук и добавляет: «Надо написать т. Сталину, чтобы продлил строительство на 1,5 года».

Волосы становятся дыбом. Распустил совещание, даже сказать ничего не мог. Говорю: «Завтра приеду на место»...

На следующий день объехал почти все стройки, кроме Цимлян. Работы идут плохо, кое-где з/к копошатся, а не работают. Спрашиваю: «Почему стоите?» Отвечают: «Не подвезли материалы». — «Почему не подвезли?» — «Не идут машины — грязь». — «Почему не везете на тракторах?» — «Не додумались». Ну, что будешь делать! С ума сойти можно!

Приехал вечером домой я, весь разбитый, усталый, злой. Раппапорт с Жуком живут в этом домике, где и меня разместили. Раппапорт, видя мое настроение, решил удалиться.

Хитрый черт, говорит: «Позвольте мне жить в другом доме, чтобы вам здесь не мешать». Я говорю: «Вы мне не мешаете и всегда нужны. Садитесь и пишите приказ о переводе з/к на круглосуточную работу».

Ведь з/к 67 тысяч человек. Можно горы свернуть. За это время оборудовать стройплощадки ночным освещением. На каждый объект выделить ответственного офицера-инженера из главного управления. За состояние строительства на его участке он отвечает головой за объект.

Раппапорт пытался доложить, что в Главке инженеры сидят на расчетах, на отчетности, на статистике. Приказал все это прикрыть, расчетчиков перевести на объекты. Заключение обеспечить хорошо питанием, одеждой и инструментом. Возложить ответственность на одного толкового работника вопросы материально-технического обеспечения, пусть сядет у ВЧ и день и ночь звонит от моего имени и имени министра, выбивает оборудование, <

нрзб > и т. д. и докладывает результаты мне, а я уже буду потом принимать меры.

В ночь приказ отпечатали и... довели его до исполнителей. На следующий день поехал по лагерям, поговорить с заключенными, а их было ни много ни мало, как я уже говорил, 67 тысяч человек. Один лагерь обходил часа три, народ настроен неплохо. Приказ знают.

В этом же лагере, когда мы пошли к машине, то проходили мимо барака, где я беседовал в начале осмотра. Стоит группа з/к, курят. Один говорит: «Ну и приказ, видно, этот Серов —

суровый человек». Другой добавляет: «Говорят, гроза, не попадайся, упекут». Третий: «Вот бы посмотреть на него».

Как раз я уже подходил, поравнялся, подошел в центр и, обращаясь к третьему, говорю: «Ну, посмотри на меня». Он, несколько не смущаясь, отвечает: «Вас мы видели, гражданин генерал, вы у нас были, мы это про Серова говорим».

Я засмеялся и говорю: «Вот я Серов и есть». Все дружно засмеялись. Оказывается, они

нрзб >. В общем, мне настроение понравилось, обещают работать.

Плохо дело с женскими лагерями. Распустились, связи с мужиками, не желают работать, драки, ругань. Надо заняться, ведь их тоже более 10 тысяч.

И прорвало однажды плотину одну...

Сегодня Жук в разговоре говорит: «Иван Александрович, я думаю, все равно к 1 июня ничего не выйдет с пуском Волго-Дона, поэтому надо доложить т. Сталину и просить на полгода отсрочить».

Я себе думаю: только вышло решение Совмина, и Серов сдрейфил. На это меня подбивает главный инженер Жук. А я знал, что т. Сталин Жука уважает, не знаю только, почему. Мне он показался безвольным администратором, но, видимо, неплохим проектантом гидростроительства[431].

Я сказал: «Сейчас надо не об этом думать». И дал задание пересмотреть все сроки выполнения и назначить другие, более реальные с расчетом окончания к 1 июня, как это сказано в решении правительства.

Он улыбнулся и говорит: «У нас 12 шлюзов предстоит затопить. Мы на канале Москва-Волга затопляли каждый шлюз по две недели, да и то один прорвало. Надо, чтобы вода постепенно наполнила все поры, тогда будет плотина держаться, иначе прорвет». Я ему говорю: «Значит, надо 24 недели, то есть полгода». Жук отвечает: «Да».

Я ему говорю: «Вы, товарищ Жук, прекратите такие разговоры, или я вас отправлю в Москву, а главным инженером сделаю Руссо» (зам. главка министерства). Жук замолчал. Пришлось у Руссо попросить книгу по гидростроительству и несколько ночей читал ее, так как познаний в гидротехнике у меня не было. Кроме того, ознакомился с проектами, чертежами и выяснил следующее: работы до 1950 г. велись медленно, и в декабре 1950 г. вышло Постановление Совета Министров СССР о том, чтобы МВД СССР закончил <строительство> весной в 1952 г.[432]...

Пустили через неделю Каланчевскую насосную станцию и стали заполнять водохранилище, т. е. качать донскую воду в водохранилище. Плотина у насосной станции была закончена еще зимой. Я стал нажимать на 12-й шлюз у Калача, чтобы его быстрее вводить в строй, так как он первый к Дону. Дела пошли хорошо.

Дня через три, когда накачали воды в водохранилище порядочно, и вода поднялась у плотины до 4 метров, а в водохранилище было 3 млн кубометров воды, я решил опробовать 12-й шлюз, т. е. пустить в него воду, так как он стоит давно, земля засыпалась на него осенью. Так мне доложил Жук и назначил на утро следующего дня приготовить старт.

Вдруг в 11 часов вечера мне звонит дежурный по строительству и докладывает: «Прорвало Калачевское водохранилище, вода идет <со скоростью> 1/2 кубометра в секунду». Я скорее с Жуком на машину и туда. Через 15 минут подъехали, там 10–15 з/к с лопатками кидают с места на место землю, песок, а пробой, куда идет вода, становится все больше и больше.

Я рассердился, так как не знаю, что делать. Спрашиваю Жука: «Почему прорвало?» Он говорит: «Видимо, когда насыпали плотину землей, вместе с землей утрамбовали и снег. Сейчас снег оттаял, образовалось пустота, а вода не любит пустоты, ну и хлынула. Я боюсь, что прорвет всю плотину и унесет».

Я говорю: «А где вы были, товарищ главный инженер, когда вместо земли снег в плотину клали?» Молчит. Спрашиваю, что теперь делать (а вода хлещет все больше и больше)? Жук отвечает: «Надо открыть шандоры в Донской станции и выпустить воду из водохранилища обратно в Дон, сбавив уровень воды на 2–3 метра высотой».

Я его спрашиваю, чтобы вновь набирать этот уровень воды, сколько потребуется? Он отвечает: «После ремонта плотины месяца полтора-два». — «Так, значит, опять к 1 июня не будет Волго-Дона?» Отвечает: «Попросим отсрочки».

Вот стервец, как нервы портит в такой ответственный момент. И я стою как дурак, не знаю, что делать. Спрашиваю начальника насосной станции. Он говорит: «Надо выделить 15 автомашин и подвозить гравий». Спрашиваю Жука. Тот совсем растерялся.

Я приказал немедленно направить 15 груженых самосвалов на насосную станцию для засыпки прорыва. У нас в карьер круглосуточно приходило до 250–300 автосамосвалов и развозили песок по разным шлюзам.

Прибыли 15 автомашин, свалили в прорыв гравий, а струя уже была сильная, до 1 кубометра в секунду, и как машину свалим, ее подхватывает вода и выносит. Не пойму, что надо делать.

Спрашиваю Жука, он совсем уже одурел и говорит: «Товарищ зам. министра, я снимаю с себя ответственность за дальнейшее состояние плотины, ее всю унесет. Я вам об этом официально докладываю». Вот идиот!

Я набрался выдержки и говорю как можно спокойнее: «Вы мне скажите, чем забивать дыры, песок водой выносит», он подумал и говорит: «Снова надо несколько машин засыпать больших камней, затем десяток машин гравия, а потом уже песок».

Я ему говорю: «А теперь убирайтесь к чертям!» Он отошел. Я тут же дал распоряжение подать камни, гравий и выделить 50 автомашин с песком.

Подошли машины с камнем. Там, где сыпали их, вода пошла меньше, зато с боков стало заливать. Тогда я дождался 5 автомашин, расставил их в ряд, и высыпали. Стало затихать. Затем построили машины с гравием и так же высыпали. Хватились песку, а на подходе к насосной станции сгрудились до сотни автомашин и не могут проехать. Все кричат, ругаются, охрипли, а толку нет. Пришлось самому вмешаться. Стали засыпать песком.

Наступил рассвет. Ну, слава богу, вроде справились. В итоге с 11 часов ночи до 7 утра вбили в эту проклятую дырку 780 автомашин с камнем и песком! Я оставил ответственным Руссо и поехал позавтракать, передохнуть. Вот это вода!

За завтраком Жук говорит: «Хорошо, что вы не растерялись, а то бы все пропало». Я-то как раз растерялся, так как не знал этих приемов. Затем рассказал Жук аналогичный случай, имевшийся на канале Москва-Волга. Там они в проыв поставили баржу с песком и затопили

и так ее там и похоронили. Раппапорт боится показаться, завтракает и обедает в другом месте...

Когда вечером ложились спать, звонит секретарь Берия Муханов* и говорит: «К нам поступило сообщение о прорыве на Волго-Доне, что плотину унесло и так далее». Я спросил: «Кто донес?» Он не сказал и дальше спрашивает: «Почему Серов не доносит, сейчас же донести». Я говорю: «Соедините меня, я сам расскажу, чем слухами пользоваться».

Вначале Берия на меня с криком: «Что там у тебя, почему не докладываешь?» Я спокойно сказал, как было и все уже ликвидировано, а затем говорю: «Желаете ли убрать Жука?» Берия говорит: «Не надо. Он и так на тебя написал товарищу Сталину», Вот стервец.

Потом позвонил Крылов, волнуется, Берия его выругал, он ничего не знает и так далее. Я ему рассказал, что все устранено. Он говорит: «Напишите, я донесу». Я отсоветовал, так как это будет хуже. Больше у нас таких дел не было.

Жук потом мне говорил, что я в рубашке родился, что прорыв в плотине водохранилища неминуемо по гидротехнике грозит катастрофой, а нам удалось ее предотвратить. После всего этого я убедился, что гидростроители действуют строго по науке и никаких отклонений в таких случаях не допускают, то есть берут самый легкий способ избежать аварии — это выпустить воду, чтобы снизить напор.

И в то же время в ходе работ идут против науки. Наука им говорит, что при отсыпке плотины надо класть хороший грунт, а не со снегом, и утрамбовывать, а они это нарушают. Вот и прорвало.

«Будете отвечать головой!»

Уже наступил май месяц. Дела шли хорошо. Начался монтаж агрегатов на шлюзах. Я езжу, подбадриваю: «Заканчиваем рытье канала».

Работают шагающие экскаваторы, которые выбирают грунт ковшом сразу 14 кубометров. Длина стрелы 48 метров, работает на электричестве. В лагерях все в порядке, женщин заставил работать. Они покрывают дерном насыпи вокруг шлюзов и станций.

Провели совещание со всеми з/к. Пообещал, что если все сделаем хорошо, то я выйду с предложением в Правительство, чтобы лучших досрочно освободить за хорошую работу, а отличившихся наградить орденами.

Это вызвало небывалый подъем в работе. Но не обошлось и без подлецов. В одном лагере з/к армянин подстроил двух русских «Иванов», и начали выпускать листовки: «Зачем мы тратим и губим здоровье», «Прекращай работать» и так далее. Я сразу решил пресечь.

Подозрение пало на одного из распространителей. Я его допросил. Он признался и показал на армянина. Вызвал его, прижал как следует, и он признался. Оказывается, он осужден якобы за кражу, а фактически и на воле занимался антисоветской агитацией.

Подумал, что делать. Ведь паршивая овца все дело может испортить и приказал провести следствие и судить, а затем отправить в другой лагерь...

Строители мне не нравятся еще и потому, что у них привычка — «сделать основное», а что кругом недоделки мелкие, то «это они сделают потом». А когда я смотрю на эти недоделки, хотя и мелкие, так у меня глаза сводит и кажется, все дело плохо сделано. Разные понятия. В

общем, настроение у меня испортилось.

Когда приехал с шлюза в управление, собрал инженеров, и раздался телефонный звонок. Я поднял трубку: «Вас вызывает Москва». Так как Тарабанову поминутно звонили из Москвы из Гидропроекта, я ему передал трубку.

Вдруг Тарабанов встал, засуетился и говорит: «Это вас, товарищ генерал». Я взял трубку, говорил Поскребышев: «Будет говорить хозяин». Я приготовился и слушаю.

Раздалось обычное тихое «Да». Я говорю: «Серов слушает, товарищ Сталин». Он поздоровался и говорит: «Как идет строительство Волго-Дона?» Я ему сказал, что пока особенно похвастаться нечем, и перечислил, что вызывает беспокойство: шлюз на Цимле, и что не готовы шлюзы в Калаче.

И хотел сказать про выпуск воды из-под шлюза, как он вдруг сразу как-то изменил тон и говорит: «Чтобы Волго-Дон был готов в срок, вы головой будете отвечать. А то нашумели на весь мир в газетах, что вековая мечта исполнится, и Волга с Доном соединятся, а на самом деле вранье» — и повесил трубку.

Я был смущен. Ведь не я же шумел, а газеты об этом трещали, и не я два года «руководил» строительством. А я попал как <кур в ощи́п>. Барабанов* ерзал на стуле, сам не свой. Я ему сказал, чтобы все внимание уделил шлюзу, а то дело может кончиться плохо.

Когда прилетел в Калач, рассказал Раппапорту и Жуку об этом разговоре со Сталиным и о непорядках в строительстве. Ну, а те чувствуют, что теперь уже больше я буду отвечать, а не они, так все это приняли довольно спокойно.

Я позвонил Круглову и сказал, чтобы узнал, почему такой звонок был. Сам я три дня ходил под впечатлением от этого неприятного разговора. Я думал так: всю жизнь тружусь, стараюсь, как лучше, не люблю, когда меня подталкивают да еще пугают. Я ведь сам знаю, что надо сделать. Просто обидно.

Ведь я мог проще сделать: ознакомившись с ходом строительства, послать подробную депешу в ЦК, что нужно полгода для окончания, дал бы подписать любимому Жуку, Раппапорту, и сам подписал, и пришлось бы согласиться. Ну, попало бы Круглову, <Рясному>, но не мне. А теперь нужно проявить нечеловеческие усилия самому и подчиненным, чтобы вытянуть стройку.

Видимо, я такой несчастный человек. Не рад, что меня послали в это министерство. Был бы в армии на командной должности и меньше нервы трепал. Ну, теперь уже ничего не поделаешь. Время идет...

Настроение гадкое. Я все думал, почему у товарища Сталина такой характер. Ведь мне за время войны и после приходилось не раз с ним встречаться и быть вместе иногда вдвоем...

Историческая смычка

15 мая. Осталось 2 недели до конца. Сегодня и завтра будут закончены работы по отсыпке и уборке шлюзов и днищ. Будем затоплять водохранилище.

Советуюсь с Жуком, он говорит: «Надо воду в шлюзы давать потихоньку и каждый шлюз топить хотя бы двое суток». Я ему говорю: «Дней осталось 15, а шлюзов топить 10. Где мы пять дней возьмем?» Молчит. Раппапорт тоже молчит.

На следующий день я назначил затопить два шлюза сразу...

Два шлюза затопили, на ночь оставили дежурного, самосвалы и людей, чтобы сразу ликвидировать прорыв. Но, видимо, укатка дала свой эффект. Вода никуда не просочилась.

В следующие три дня потопили еще 5 шлюзов. Все обошлось нормально. В одном шлюзе была вода пошла, но сразу забили. Жук, естественно, опять за свою теорию, что я в рубашке родился.

30 мая затопили последние два шлюза. Остался не затопленный участок между первым и вторым шлюзами, где должны объединиться Волжские и Донские воды.

Накануне я позвонил секретарю Сталинградского обкома Гришину* И. Т. и говорю: «Если хочешь посмотреть, как будем соединять Волгу с Доном, приезжай». Гришин во время строительства помогал и оказывал содействие. Он говорит: «Обязательно. Я с собой возьму председателя облисполкома, киношников, корреспондентов и пр.». Я ему не посоветовал брать киношников.

Еще забыл записать, что три дня назад приехал ко мне скульптор Вучетич* и попросил проехать посмотреть, как он поставил монумент т. Сталину около шлюза № 1. Он уже закончил отработку верхней части монумента — головы и теперь откроет всю фигуру, и мы должны решить, все ли правильно.

Ну, поехали. Приехали, сели на катер и поплыли по Волге. Заплыли за 3 километра, посмотрели. Мне показалось, что фигура т. Сталина обращена не к Сталинграду, а в сторону. Подплыли ближе — действительно, голова повернута в сторону от города.

Говорю Вучетичу: «Как же так вы небрежно поставили». Он, заикаясь, говорит: «Иван Александрович, вот и хорошо, что вы заметили это». Я говорю: «Чего же хорошего, нас за это изобьют». Он, улыбаясь, говорит: «Завтра приезжайте в это время, и т. Сталин будет смотреть на Сталинград».

Я, по-честному говоря, усомнился. «Ну, хорошо, завтра приеду», и распрощались. На следующий день и действительно убедился, что голова повернута на Сталинград. Вот чудесники.

А ведь вся фигура 20 метров, голова 3 с лишним метра, вес более 10 тонн, и как они ее поворачивали, для меня осталось загадкой, а времени слазить внутрь фигуры не было[433].

Наступил день 31 мая. Я решил не 1 июня, а накануне соединить воды Волги и Дона, досрочно за сутки. Поехали на место, все осмотрели. Я т. Гришину показал пару шлюзов. Мне доложили, что люди на перемычке, которую будем со стороны Волги раскапывать, готовы и экскаватор тоже готов.

Мы условились так: с обеих сторон наблюдают за мной, как я махну фуражкой, со стороны шлюза откроют <перемычки>, и донская вода побежит к 1-му шлюзу, а около 1-го шлюза откопают перемычку, и волжская вода побежит навстречу донской. По обе стороны собрались народу человек по 200–300, в том числе и местные жители поселков.

Ну, я махнул фуражкой, и вода от шлюза пошла. Тракторист от 1-го шлюза прорыл отверстие в перемычке, и вначале вода побежала небольшими ручейками, а через 10 минут рекой.

Момент соединения вод был самым торжественным, люди бросались в воду, надо сказать, довольно мутную, бросали майки в воду, толкали друг друга, смеялись, кричали «Ура!». Местные власти поздравили нас с окончанием и разошлись, а на сердце у меня было невесело. Как это все будет воспринято в Москве.

Я приехал к себе и составил записку по ВЧ об окончании основных работ, о воссоединении Волги с Доном и послал в ЦК. В записке просил некоторых з/к наградить, а других освободить. Круглов все устно рассказал. Он сказал: «Пока будь там».

На следующий день в газете «Правда» появилась фотография соединения рек и небольшая статья сталинградского корреспондента.

Круглов позвонил, еще раз поздравил и говорит, что можно было бы заранее тебе донести, что будешь соединять, тогда побольше пошумели и наверху бы узнали об этом ранее, а теперь что-то молчат. Пожалуй, он прав.

Ну, кто же знал, как тут обставить? Я никогда не преследовал тщеславных целей. Поручили, с трудом, но сделали, ну, вроде и хорошо.

Прошло еще 5 дней, а мне ни «спасибо» не говорят, ни «наплевать» тоже не говорит, и в Москву возвращаться вроде нельзя. Вот сижу и думаю, может, за то, что самовольно Волгу с Доном соединил, накажут.

Наконец-то. 7 июня позвонил Круглов и говорит: «Давай свое представление, кого из заключенных награждать, кого освободить, составляй списки и прилетай сюда». Слава богу, решили.

Ну, я быстро все это за два дня оформил, так как вчерне было готово, и вылетел в Москву. Круглов посмотрел все представления, согласился и говорит: «Тебя тоже сказали представить к Герою Социалистического Труда, ты уже Герой Советского Союза, поэтому, может быть, ограничимся орденом Ленина». Ну, что я мог ответить — ничего.

Видимо, все же он от зависти не мог меня представить, в то время как я представил Жука, Барабанова, Александрова* и двух экскаваторщиков к званию Героя Социалистического Труда, и всем дали.

Ну, ладно, хорошо, что закончили, и все благополучно. Указ о награждении вышел быстро. Всех наградили, меня тоже орденом Ленина[434]. С моими предложениями согласились. Было освобождено досрочно несколько сот заключенных и более 100 заключенных награждены орденами.

Я больше всего был доволен, что наградили заключенных и некоторых разрешили досрочно освободить, которые действительно честно трудились. Я соответственно проинструктировал Раппапорта, как организовать освобождение з/к. Вот радость будет у з/к. Поработали хорошо [435]...

Когда мы получили ордена, вдруг звонит мне Суханов*, помощник Маленкова из ЦК, просит позвонить Маленкову. Я позвонил Георгию Максимилиановичу, отчество не выговоришь.

Он спрашивает: «С каких это пор МВД стало представлять секретарей обкомов к орденам?» Я спросил: «Кого он имеет в виду?» Он говорит: «Секретаря обкома Гришина».

Я ему сказал, что т. Гришин помогал пять лет строителям Волго-Дона, и когда мне поручили составить список, я его включил и не считаю, что это плохо. Маленков: «Ну, плохо или хорошо, увидите дальше». Вот же люди. Что я плохого сделал?

Ну, ладно, всем не угодишь. Видимо, списки, мной представленные, в ЦК не смотрели или невнимательно проводили. Поэтому Гришин И. Т. получил орден Ленина.

Генеральский компот

Месяц я уже работал в Москве. Вдруг ночью в 2 часа звонит Круглов: «Зайди». Я спустился и спрашиваю: «Что случилось?»

Он говорит: «Сейчас звонили из Волго-Дона, была гроза в Сталинграде, и в районе канала молнией выбило фидер на транзисторной станции. В результате Мариновская насосная станция перестала качать воду в гору, и вода хлынула обратно и заливает насосную станцию. Немедленно вылетай». Вот неприятность.

Тут же я послал за летчиками, сам быстро на машину, заехал на минуту домой и на аэродром. Летчики уже разогревали мотор. Сели и полетели, через три часа приземлились [436].

В 7 часов я уже был на месте. Из всех трех труб, каждая диаметром 2,5 метра, хлещет вода на насосную станцию. Начальник станции рассердился, бегает, и ничего не могут сделать. Закрывать шлюзы, чтобы перекрыть воду, не могут: нет тока.

Я быстро поднялся к перемычке, там было человек 25 заключенных и водолазов. Водолаз боится лезть, так как вода глубиной 4 метра хлещет вниз по трубам и его может прижать к решетке или там задавить...

Я быстро водолаза спросил: «За что посадили в лагерь?» Он мне, улыбаясь, говорит: «Приехал в Череповец в отпуск с флота (оказался земляком). Ну, с друзьями выпили, пошел домой, было грязно на мостках (в Вологодской области в ряде городов во время грязи весной и осенью устраивают тесовые мостки и по ним ходят), мне навстречу шел милицейский чин. Когда расходились, я его плечом толкнул. Он начал на меня кричать, я возмутился, взял за плечи, с мостков поставил в грязь и сам пошел. Он взвыл, позвал еще двух милицейских, и втроем только меня взяли, а потом на меня на суде наговорили, что оскорбил представителя власти, и дали мне 2 года».

Моряк действительно был такой мощный, что мог милицейского «поставить в грязь». Я спросил, кем он был на флоте. Оказалось, подводником. Тогда я ему сказал: «Полезай в воду, осмотри и скажи, что надо сделать, чтобы остановить воду. Сделаешь хорошо, через пару недель пойдешь домой».

Он надел скафандр и спустился, потом запросился на вдох, отвинтили ему голову, он говорит, обращаясь к заключенным: «Давайте скорей все снимайте ватники, я ими забью отверстия решетки, и вода прекратится». Оказывается, шандоры несколько опустились, так как уменьшилось давление, и остались 0,5-метровые щели. Мы так и сделали.

Смотрим, одна труба прекратила течь, другая меньше, а время прошло 40 минут. Больше 40 минут водолазу нельзя работать. Мы его вытащили, распечатали, а он вылупил глаза и давай ругаться: «Зачем вынули?» Я, говорит, доделаю, тогда и вытаскивай. То боялся лезть, а сейчас: зачем вынули? Одним словом, течь прекратилась.

Осталось поставить на место сбитые водой фундаменты, каждый весом по 20 тонн, сварить разорванные трубы, заменить искореженные трубы с разрывами 10–15 метров каждая. Затем смонтировать все это и вновь запустить работу насосной станции. Да, и очистить около станции песок, которого нанесло десятки тонн. В общем, если нормально работать, то нужно две недели.

Мне не хотелось нервировать этим Волго-Донем Москву, поэтому я поставил перед собой задачу — сделать за 4 дня. Поехал в лагерь, собрал человек 15 бригадиров з/к разных специальностей, сварщиков, электриков — и на земляные работы.

Потом выяснил, что есть один инженер по установке ж/д мостов, армянин. Собрал всех, посадил на грузовую машину и повез к месту аварии. Показал все и говорю: «Надо вам подобрать каждому бригаду с тем, чтобы выполнить все работы за 4 дня».

Землекопы согласились, электросварщики мялись, но сказали: «Если все будет под рукой, сделаем», а это одна из основных работ. Не будет фундамента — не на что ставить трубы и крепить их.

При этом я сказал, чтобы подбирали хороших ребят, чтобы можно было потом освободить. Сразу стали спрашивать, а когда освободите? Я ответил: «Как сделаем, после этого через 2 недели».

Все заулыбались, но мне верили, так как неоднократно я на стройке давал обещания дать день отдыха, разрешить посетить родственников и другие <делал> ограничения, которые ранее не делались, и всегда исполнял.

Спрашиваю: «Когда укомплектуете бригады?» Кричат: «Через час, через 2 часа». Я тут же приказал развернуть палатку около места аварии для работы на 200 человек, там же варить еду там же спать и работать круглосуточно при электрическом освещении.

Через три часа пришел к месту аварии, работа кипела. Инженер-армянин бригаду подобрал и ходит с ней советуется. Когда я подошел, он начал меня упрашивать дать неделю. Я еще повторил ему: «4 дня». Он опять стал просить неделю, так как сложная работа.

Я сделал вид, что рассердился, и говорю: «Раз споришь, то даю только три дня, не можешь сделать за 3 дня, другого найду». Тогда он стал упрашивать дать 4 дня. В общем, я с ними провозился по колено в грязи до утра всю ночь.

В 7 часов утра слышу: потянуло супом. Я прошел в лагерь...

Пришел к столам и говорю: «Позовите повара». Заключение с любопытством смотрят, что будет дальше. Приходит повар, докладывает: «Повар з/к Федоров». Я говорю: «Какой там з/к, говори: повар Федоров. З/к — это две буквы, а ты человек, а не буквы, да к тому же еще и повар». Все смеются.

Ну, говорю: «Соловья баснями не кормят, давай миску борща, ложку и хлеба, буду кушать». Все забегали, давай освобождать место, я говорю: «Вы продолжайте кушать, я вместе с вами».

Ну, для заключенных это событие: генерал кушает с арестантами. Набежало их полно, слышу, рядом в палатках будят приятелей, говорят: «Иди, посмотри». Мне и есть хочется, и гнать их неудобно, говорю: «Разойдитесь, иначе я не буду кушать». Ну, утихомирил.

Покушал хорошо, от компота отказался, а то днем жара, потеть будешь. Когда сказал «спасибо» повару, тот расплылся в улыбке. Поднялся и пошел.

Когда шел мимо палатки, увидел бумажку «парикмахерская», а я два дня не брился, как прилетел из Москвы. Зашел туда, жарница. Говорю: «Побрей меня». Парикмахер вылупился на меня и говорит: «Я з/к». Я ему отвечаю: «Ты парикмахер, а не з/к. Брить можешь?», тот: «М...могу». Ну, вот и побрей меня.

Парикмахер за плечо схватил сидевшего клиента, такого же з/к, и сдернул со стула. Я ему говорю: «Добрей, и тогда он уйдет». — «Он не хочет», — говорит. Я его потом так и отпустил с одной щекой небритой.

Когда намыливал мне щеки, говорит: «Гражданин генерал, у меня руки дрожат, боюсь, порежу». Я ему: «А ты салфеткой закрой погоны и брей, как любого клиента». Он так и

сделал, но руки все равно дрожали.

Я на самом деле подумал, мог порезать. Когда закончил работу, я попросил теплой воды, он полил, я умылся. Когда умывался, опять толпа обступила.

В общем, я это сделал специально, чтобы показать, что я ликвидации аварии настолько большое значение придаю, что не считаю ни с чем. В последующие дни, где работали на аварии, я не раз за спиной слышал голоса: «Вот этот генерал», и дальше не договаривали. Что хотели сказать, не знаю.

На третий день мне начальник лагеря доложил, что его замучили желающие работать на аварии. Видимо, разнесся слух, что будут досрочно освобождать. В общем, за 3,5 дня трубы подвезли, все сварили, восстановили.

Наступил ответственный момент — опробовать, как будет работать насосная станция, и главное, как будут вести себя трубы, когда станция закончит работу и по трубам сверху вниз пойдет вода. Будет гидравлический удар, выдержат ли трубы?

За эти дни электросеть подключили, фидеры восстановили и запустили станцию. Станция сразу пошла работать хорошо. Поработали 2 часа, я сказал остановить насосы. Через несколько минут получились гидравлические удары, хлоп, хлоп, хлоп — все три трубы выдержали испытание, и я вечером улетел в Москву[437].

Осушение Каспия

После Волгодона, ввиду того, что Рясного Абакумов взял к себе, заместителем МГБ СССР, мне поручили ведать Гидропроектом, который возглавлял Жук С. Я.[438]

Однажды вечером пришел ко мне Жук и говорит: «Вызывают с картой Каспийского моря к т. Сталину». Ну, говорю: «Подготовьте хорошую карту и идите, а потом доложите, какие указания будут».

В 2 часа ночи вернулся Жук и докладывает: т. Сталин сказал, надо подготовить предложения и расчеты, как можно и в какие сроки осушить Каспийское море.

Я смотрю на него удивленными глазами, а он на меня с серьезным видом. Затем я обрел голос и говорю: «Ну, а вы что сказали?»

Он отвечает: «Я сказал, это возможно, но я подсчитаю». Правда, т. Микоян выступил и сказал т. Сталину, что мы лишимся черной икры, которую экспортируем на весь мир за валюту. Тогда т. Сталин строго сказал т. Микояну, что ты рассуждаешь с торгашеских позиций, нам нефть нужна.

При этом было сказано: Волгу отвести в казахские степи, Куру запрудить, а на других реках, впадающих в Каспийское море, подумать, что сделать, чтобы они не наполняли Каспийское море. Срок дал две недели. После этого сообщения я больше не мог ничего сказать, кроме как: «Ну, идите, думайте», но у меня в голове не укладывалась эта идея. Ну, проживем, увидим.

На днях зашел Жук и доложил, что днем был у т. Сталина и докладывал соображения по Каспийскому морю. Ну, и что, спрашиваю, решили? Жук говорит:

«Я доложил расчеты. Для того, чтобы осушить Каспийское море и оголить Апшеронский

перешеек, где имеется нефть, и выйти к нефтяным камням, необходимо распределить воды Волги в степях Казахстана. Для этого надо строить каналы, что потребует до 10 миллиардов рублей, срок 4–5 лет. То же самое нужно сделать с рекой Урал, но ее воды некуда будет девать. Надо отвести Терек, который может быть использован для орошения полей. Реку Кура можно запрудить, но строительство плотины обойдется очень дорого и, кроме того, с годами образуется громадное озеро, которое зальет большую площадь плодородной земли. Если мы удачно отведем реки, то все равно Каспийское море будет немного наполняться от осадков, так как площадь зеркала составляет сотни квадратных километров. Однако испарение воды из моря будет только 4 см в год. Если еще организовать откачку воды из моря и плюс испарения, то и при этих условиях потребуются для осушения дна 16–17 лет».

Т. Сталин заслушал и сказал: «Пожалуй, не стоит». Все поддержали его так же, и когда сказал «осушить».

Я про себя подумал: «Слава богу, что не решились на это осушение»[439].

Опять золото

Был еще раз на Дальнем Востоке. Начал с Новосибирска и закончил Читой[440].

Был в Якутске еще раз, оттуда на машине в Читу, трактором, которым раньше гоняли каторжников через «Манькин путь». Возвышенность, на которой был дом ссыльной Маньки, у которой ночевали прохожие золотоискатели и вознаграждали ее за ночлег щепоткой золотого песка, объемом, помещающимся в ее пупке. Такова народная легенда, хотя она не так стара для революционеров.

Был на Ленских приисках, Бодайбо и т. д. Морозы там страшные, условия работы тяжелые, но так как заработок хороший, туда идут и дело делают. Все же Специальное главное управление МВД дает план добычи цветных металлов и золота в 6–7 раз больший, чем Министерство цветной металлургии Ломако*[441].

Глава 15. ПОСЛЕ СТАЛИНА. 1953–1954 годы

В начале марта 1953 года Сталина разбивает паралич. Последние дни он лежит, прикованный к постели, никого не узнает и лишь беззвучно шевелит губами. Вождю народов уже не суждено было увидеть, с какой беспардонной поспешностью его соратники и ученики кинулись делить власть.

Сталин даже не успел окончательно испустить дух, как вечером 5 марта в Кремле началось экстренное заседание Пленума ЦК КПСС, Совмина и Президиума Верховного Совета. На смену единоличному диктатору заступало отныне «коллективное руководство»: Хрущев (де-факто 1-й секретарь ЦК), Маленков (премьер) и 4 первых вице-преьера, возглавивших ключевые министерства, — Берия (МВД), Молотов (МИД), Булганин (Военное министерство), Каганович (строительство, транспорт, «социалка»).

Формально — главные партии в этом секстете должны были исполнять Маленков и Хрущев. На деле же — совершенно особую, едва ли не ключевую роль играл теперь Берия; в его руках вновь находилось главное оружие и оплот режима — спецслужбы.

Сразу после смерти Сталина МГБ и МВД опять слили в единое ведомство — на этот раз под вывеской МВД. Новым-старым министром становится Берия.

Из 18 заместителей (10 в МГБ, 8 в МВД) Берия оставляет лишь четверых, и Серова — в их числе. 11 марта 1953 года его назначают 1-м зам. министра, курирующим милицию, пожарную охрану, тюрьмы и контрразведку на транспорте.

Лаврентий Павлович — фигура, конечно, куда более сложная и многогранная, нежели та жуткая агитка о маньяке в зловещем пенсне, которой нас потчуют шесть десятилетий подряд. Именно Берия был инициатором первых реабилитаций, включая знаменитое «дело врачей», а также — массовой амнистии.

С его легкой руки было упразднено особое совещание, как орган внесудебной расправы, запрещено применение к подсудимым «мер физического воздействия», а из МВД в профильные министерства переданы все производственно-промышленные и строительные главки, вроде Дальстроя, Главасбеста и Главслюды. Кстати, тогда же из МВД в Минюст впервые отошел и ГУЛАГ.

Не меньшую активность проявлял Берия и в вопросах политических. Многие его идеи воспринимались для того времени как невиданное вольнодумство. Он, например, пытался изменить национальную политику, требуя дать республикам больше прав, в том числе — делая ставку на местные кадры. После народных волнений в Берлине предлагал ослабить насильственную советизацию ГДР: вплоть до привлечения частного капитала в экономику и массовой реабилитации репрессированных. С подачи Берии началось примирение с югославским лидером Тито.

Чем энергичней и напористей вел себя Берия, тем большую тревогу вызывало это у его товарищей по «коллективному руководству». Они видели в нем угрозу и для себя, и для режима в целом.

26 июня 1953 года прямо на заседании Президиума ЦК КПСС Берия был арестован. Главную скрипку в этом мини-перевороте играл тандем Хрущев-Маленков.

Операция проводилась в обстановке тотальной секретности: любая оплошность могла стоить заговорщикам жизни. Всю силовую часть поручили военным. Единственные люди в МВД, которым доверился Хрущев, были Серов с Кругловым.

В воспоминаниях Серов подробно описывает свое участие в акции. К самому захвату Берии его, правда, не привлекали: как и прежде, в задачу Серова входила «зачистка» занятой территории — на этот раз внутри МВД.

(Существует, впрочем, версия, основанная на рассказе маршала Жукова, о том, что Серов участвовал в вывозе маршала госбезопасности из Кремля: опасаясь сопротивления охраны, Берию, точно мумию, завернули в ковер и уложили на пол машины).

Именно Серов организовывал аресты приближенных Берии, включая своих старых недругов — братьев Кобуловых. Он лично разоружал охрану министра и опечатывал кабинеты.

Трудно сказать, какие чувства испытывал в эти дни Серов: все-таки Берии он был во многом обязан карьерой. Справедливости ради, надо, впрочем, признать, что ни о каком покровительстве речи здесь не шло. Серов был рабочей лошадью, на которой просто пахали; и, кстати, довольно грубо.

Кроме того, как не раз уже говорилось, Серов привык не обсуждать, а исполнять приказания: тем более что исходили они от высшего руководства страны.

Хрущев не ошибся в старом соратнике: Серов полностью оправдал его доверие. В будущей кремлевской конфигурации это имело решающее влияние.

Смерть вождя

Вот уже и 1953 год. Настроение хорошее. Вроде дела идут нормально. Правда, МГБ добавляет к арестам врачей еще кое-кого[442].

Я Игнатьеву, МГБ СССР и заместителю Епишеву говорил, так ли это, что они травили людей и т. д. Это видные профессора Виноградов*, Преображенский и др. Они жмут плечами, а Игнатьев мне по секрету говорит: «Хозяин интересуется и жмет на следствие. Следствие ведет лично Рюмин». Кто его знает, но мне не верится, чтобы профессора травили своих больных.

Летал в Куйбышев и в Уфу. Возникли пожары на нефтяных промыслах, приказали расследовать Байбакову*, мне и из МГБ одному. Вот там и разбирались. Причин много для возникновения пожара, а основная — халатность[443].

Один раз, будучи у Круглова, наблюдал разговор его с Хрущевым секретарем московского горкома партии, который к тому времени был переведен из Киева в Москву в связи с несработанностью с 1-м секретарем ЦК Украины Кагановичем.

Хрущев сказал Круглову, что надо помочь Москве в строительстве дорог и благоустройстве. Круглов резонно ответил, что на МВД СССР правительством возложено очень много обязанностей по всему Союзу, поэтому не можем. Разгорелся спор, начались взаимные оскорбления в резком тоне, и кончилось тем, что повесили телефонные трубки, ни о чем не договорились.

Круглов, возмущенный, мне рассказал, как Хрущев оскорбительно с ним разговаривал. Ну, я поддакнул в этом Круглову и добавил, что он не подчинен Хрущеву, а заданий правительства много возложено на МВД СССР[444].

4 марта 1953 года появилось сообщение в газете о том, что заболел т. Сталин. В народе это как-то восприняли с тревогой, потому что ранее никогда не было сообщений о его болезни.

На улицах люди толпами останавливаются около киосков с газетами, у кого были в руках газеты, читали медицинскую сводку вслух. Мне представляется, что сожаление народа искреннее.

На работе я узнал от Игнатьева, который ездил в Кремль, о том, что ночью, после того как все разъехались с ближней дачи, Сталину примерно под утро сделалось плохо.

Когда вбежали в комнату охранники, то т. Сталин лежал на полу около дивана одетый (он часто ложился одетым, прилечь на диван). Немедленно вызвали врача, который запретил поднимать, пока не приедут члены Политбюро[445]. Стали всем звонить, а т. Сталин лежал без чувств[446].

Когда съехались, подняли его на диван, и врачи определили кровоизлияние в мозг и другие побочные явления, что положение катастрофическое, надежд на выздоровление почти никаких. Члены Политбюро устроили дежурство у постели т. Сталина.

На следующий день в сводке указано, что состояние здоровья еще было хуже, а уже на третий день объявлено, что умер т. Сталин.

Был объявлен траур по всей стране, народ плакал. Я пришел домой, и тоже сделалось грустно. Мне было жаль по-человечески, а кроме того, я боялся, как бы не было разлада между членами Политбюро, так как народ разнохарактерный, друг другу не уступит, и только т. Сталин мог приводить их в чувство и сдерживать.

И главное, чего я боялся, среди них были люди интриганские, я это не раз замечал. Поэтому у меня было тревожное чувство за работу, за партию. В газетах был объявлен порядок доступа к телу, которое будет выставлено утром в Колонном зале.

Вечером мне позвонили и сказали, что Круглова и меня вызывает в Кремль Берия. Когда мы поднимались на лифте, я говорю Круглову: «Вот увидишь, у Берия будет Кобулов и его братия». — «Ну, что ты, Кобулов уже утих»[447].

Только вошли в приемную, нас встретили Кобулов, Меркулов и Игнатъев из МГБ СССР. Я Круглова толкнул локтем, он понял.

Вошли к Берия. Он сказал, что МВД и МГБ сливается, что Берия — министр, и начал инструктировать, что делать. А к этому времени, т. е. вечером, накануне утра, когда будет доступ в Колонный зал, уже тысячные толпы стали собираться вначале у Колонного зала, а затем уже милицией вытягивались в колонны на километры[448].

В заключение Берия сказал: «Ты, Кобулов, включайся в работу МГБ, Круглов в МВД, Серов, наведи порядок в городе Москве, а потом решим». Круглов и Игнатъев оказались уже не министры.

Я вышел оттуда удрученный. Опять Кобулов, опять мы с ним не уживемся, будь он трижды проклят. Я Круглову сказал об этом, тот только плечами пожимает и охает. Я сразу поехал в оперативный штаб, созданный Игнатъевым для <поддержания> порядка в г. Москве. Там были Рясной, зам. МГБ, работники милиции, пограничная охрана и т. д.[449] Когда я пришел и сказал, что поручено руководить штабом, все сначала довольно холодно встретили. Затем я Рясному сказал, что меня послали за старшего навести порядок. После этого немного потребовалось, чтобы меня признали.

Часам к 20-ти вечера стали поступать доносы о том, что в давке населения многие получили травмы и направлены в больницы. Затем сообщения стали нарастать быстро. Я связался с 1-м секретарем МГК Хрущевым и все ему рассказал, он выразил удовлетворение, что меня к этому делу подключили, и сказал, что он едет сейчас на улицу Дзержинского (я ему сказал, то там давка, несколько человек вынесли и отправили в тяжелом положении в больницу).

Встретились мы с Хрущевым на площади Дзержинского. От Колонного зала до Садовой через площадь Дзержинского стояла длинная колонна по 8 человек. Мы поехали по Садовой, по улице Дзержинского, не доезжая, мы были остановлены толпой в несколько тысяч человек. Были страшные крики, давка, слезы и т. д.

Оказалось, что в колонну, идущую по улице Дзержинского к Колонному залу, стали вливаться две колонны из переулков. Задние напирают, а спереди милиция перегородила улицу Дзержинского и проулки автомашинами, грузовиками.

Мы с Хрущевым начали уговаривать передние ряды успокоиться, но потом убедились, что на них давят сотни людей. Тогда мы залезли в кузов грузовика и оттуда давай агитировать, чтобы спокойно стояли, так как все успеют пройти.

Хрущева сразу узнали, тогда он говорит: «Вот, т. Серов, зам. МВД, вы знаете его?» Кто кричит — знаем, кто — нет. «Так вот он будет тут наводить порядок, и гарантировано, что все пройдет. Если какие вопросы возникнут, то у милицейских спросите, они покажут Серова, его все знают».

В общем, час мы с ними перекрикивались, так ни с чем и уехали. Пока ездили на улице Дзержинского, в это время <на> Садовом кольце, около Трубной площади произошла катастрофа. Там по Садовой также двигались в несколько рядов колонны. Одна из колонн двигалась не по основной магистрали Садового кольца, а сбоку около домов. В этом месте по дороге движения автотранспорта не было, и ребяташки укатали дорогу на санках, и она стала скользкая, и значительный спуск был в этом месте. На спуске несколько человек упали, на них начали падать другие, а уже кто был в колонне выше, видимо, из озорства разбегались и бросались на лежавших.

Так как людей было тысячи, то в результате оказалось до 200 человек пострадавших. Начали работать автомашины скорой помощи. К 12 часам ночи по предварительным данным было задавлено насмерть более 100 человек. Вот ведь несчастье какое.

Когда я об этом доложил т. Хрущеву, а затем Берия, то это сообщение не произвело особого впечатления, так как все были под впечатлением смерти т. Сталина.

Ночь прошла тревожно. Давки продолжались. Были разграблены несколько продовольственных машиной, так как люди стояли сутками в очереди и ничего не ели.

К утру следующего дня из больницы Склифосовского сообщили, что по Москве подобрано в общей сложности 127 трупов! Никогда такого не бывало. Я спросил работников милиции, почему же так плохо организован порядок (в то время милиция подчинялась МГБ, ее Абакумов забрал), ну, а Рясной и другие стояли растерянные и не знали, что ответить[450].

На всех, с кем приходилось говорить, напал какой-то «транс». Стоит, смотрит, а ничего не соображает. Многие из моих знакомых руководящих товарищей, обращаясь, говорят: «Иван Александрович, что же будет?» Действительно, у многих была какая-то растерянность.

В 5 часов утра заехал домой и сказал, чтобы утром в 9 часов приходили на угол к Госплану, и я проведу попрощаться с телом Сталина.

В Колонный зал утром стали съезжаться члены Политбюро, чтобы стоять в почетном карауле, когда откроют доступ населению. Товарищ Молотов, Маленков, Хрущев, Берия, Каганович, Микоян и другие вошли посмотреть, как убран гроб.

Вошли и расплакались. У т. Молотова чуть меньше было на глазах слез, но все же были. У остальных, без исключения, глаза в слезах, красные, да еще <наряду> с этим бессонные ночи. Вид у всех усталый.

Затем сели в комнате. Заслушали меня, как обстоят дела в городе. Я рассказал и, в том числе о подобранных трупах. Посоветовавшись, решили, что доступ не растягивать на несколько дней, как это просили Светлана и Василий Сталины, а следует во избежание дальнейших беспорядков и жертв похоронить на следующий день. Ночь всю (с 2 часов) бальзамировать, а день и до 2-х ночи пропуск трудящихся.

Когда члены Политбюро ушли и встали в почетный караул, тогда начали проходить трудящиеся. С первых же рядов посыпались рыдания, почти у всех слезы на глазах. Одним словом, очень трогательная картина.

Сталин лежал в военном костюме с орденами, <у него> спокойный и строгий вид. После членов Политбюро в почетный караул стали становиться министры, маршалы, генералы, и так беспрерывно целый день. Народ скорбно проходил по Колонному залу.

В конце дня пошли дипломаты, военные, атташе из стран народной демократии, руководители Польши, Болгарии, Румынии, ГДР и т. д. Венков и цветов накопились торы, пришлось понемножку убирать. В 2 часа ночи доступ прекратили.

На следующее утро вновь собрались члены Политбюро, военные и, постояв последний раз в почетном карауле, подняли венки, ордена и понесли т. Сталина в последний путь на Красную площадь. Там был проведен траурный митинг.

На мавзолее рядом с надписью «Ленин» уже была надпись «Сталин». После митинга тело т. Сталина поставили в саркофаг рядом с Лениным. Народ до поздней ночи проходил по Красной площади мимо Мавзолея.

Ну, вот и без Сталина был созван Пленум ЦК. Было объявлено предложение Политбюро ЦК о том, что председателем Совета Министров рекомендуется т. Маленков, 1-м секретарем ЦК т. Хрущев. Затем было сказано, кто заместителем председателя Совета Министров и т. д.[451]

Булганин пошел в Совет Министров, зам. председателя Совета Министров. МВД и МГБ объединились. Министром стал Берия, он же и заместитель председателя Совмина.

Мы своих должностей не знаем, но Круглов активно занимается МВД, Кобулов — МГБ. Меркулов написал просьбу взять его обратно в МВД, хотя он был Министром Госконтроля. Спрашивается, что ему надо?

В общем, мне не нравится эта расстановка. Опять тот же Кобулов пытается верховодить, так как Берия зам. председателя Совета Министров, ему не до МВД, и все передаст Круглову и Кобулову. Ну, видно будет.

Бериевская амнистия

На днях вышло Постановление ЦК о назначении Кобулова, Круглова и меня 1-ми заместителями МВД СССР[452].

Теперь уже бывший министр Госбезопасности Игнатъев (бывший секретарь обкома партии и бывший зав. отделом ЦК), который принял Министерство Госбезопасности после Абакумова, а заместителем у него по кадрам был секретарь обкома Епишев. Работали около 3-х лет, стали безработными.

На днях я прочел записку Игнатъева в ЦК партии, в которой пишет, что аресты врачей, маршалов (Новикова, Яковлева), генералов, зам. министров и других видных деятелей он, Игнатъев, проводил по прямым указаниям Сталина, при этом Сталин каждый день спрашивал, как идет следствие, признаются ли они в шпионаже. Когда, якобы, Игнатъев говорил, что доложил мало, то Сталин угрожал, что, якобы, ему, Игнатъеву, плохо будет. Было ли так, неизвестно.

Далее он писал, что все следствия вел Рюмин, начальник следственного управления МГБ, а затем зам. министра МГБ. Очевидно, авантюрист такой же, как и Абакумов, который его с рядовой работы в Архангельской области взял к себе за провокационные дела.

Далее Игнатъев пишет, что когда Сталин называл ему ряд фамилий, которых следовало бы арестовать, как подозрительных по шпионажу, и Игнатъев, якобы, говорил, что в МГБ нет данных для их ареста, то Сталин ему говорил: «Если вы их не арестуете, так мы вас арестуем», поэтому он был вынужден арестовывать.

Был ли такой разговор, неизвестно, но на мертвых все можно сказать. Одним словом, оказался такой хлюпик малодушный, что из-за боязни о своей шкуре он арестовывал невинных людей.

Я, когда прочитал его письмо, адресованное членам Политбюро, то мне стало противно вспоминать о нем. И это называется работник ЦК, секретарь обкома. Позор!

Ведь мне приходилось возражать Сталину, я убедился, что если возражения разумные и идут на пользу дела, то он считался. Нужно предположить, вероятно, в последние годы жизни мнительность Сталина выросла, а его окружение, т. е. члены Политбюро, вместо того, чтобы как-то на него воздействовать, поддерживали, и он думал, что делает правильно. Это тоже называется беспринципность, основанная на боязни потерять место или быть наказанным.

После этой записки Рюмин был арестован и привлечен к уголовной ответственности, а некоторые арестованные МГБ были освобождены и реабилитированы. Берия сам вызывал Яковлева Н. Д и других и поздравлял с освобождением[453].

Ну и дела. Я несколько раз в тот период, когда Абакумов и Игнатъев были министрами, заходил к Епишеву по ряду кадровых вопросов и, оставаясь наедине, высказывал ряд сомнительных вопросов, в частности, об аресте врачей и др.

Епишев пожимал плечами, делая вид, что он не вникает в оперативные дела и ему это не поручено, но ведь как зам. МГБ он же бывает на заседаниях коллегии МГБ СССР у Игнатъева и знает, что делается в Министерстве, а он ведет себя как посторонний наблюдатель. Тоже мне оперативный работник. Я бы не мог себя так вести. Стыдно за таких деятелей.

Через некоторое время Игнатъева назначили секретарем обкома партии, а затем вывели на пенсию. Епишева тоже послали на периферию. Вот вам и пример, как не нужно поступать [454].

Когда распределяли обязанности, то, как я и предлагал, мне поручили ведать Главным управлением войск, внутренними войсками Главного управления, главками. Кобулов развил бешеную активность, пошли в ЦК записки с разными предложениями о перестановке кадров в союзных республиках.

В Москву были вызваны на совещание министры внутренних дел, затем, когда они побывали у Кобулова, то он доложил Берия, что на местах товарищи докладывают много интересного, поэтому их всех с Украины, с Белоруссии, из Прибалтики и других республик вызвали к Берия, где они коротко доложили о положении в республиках, о том, что кадры в ЦК и Совете Министров расставили неправильно, и тогда Берия дал указание на месте еще раз разобраться и доложить в МВД. В помощь к ним из центра будут посланы руководящие товарищи, и туда поехали приближенные Кобулова[455].

После совещания я зашел к Круглову и выразил удивление, почему МВД должно выносить предложения о расстановке кадров в ЦК республик. Круглов тоже на сей раз выразил возмущение, что это все Кобулов старается, а Берия поддерживает.

Через 3 дня вышло Постановление об освобождении врачей. Ну, это как раз неплохо[456].

Затем мне сказал Круглов, что вернувшиеся деятели из республик подготовили вместе с Кобуловым записку в ЦК, по которой в союзных республиках в проекте Постановления ЦК записали, чтобы на Украине вместо русского Мельникова*, секретаря ЦК, назначить Кириченко* А. И., украинца. В Латвии, Литве тоже соответственно местных товарищей. Не успела записка уйти в ЦК, как получено решение «одобрить предложение т. Берия и назначить...» и утверждено. Круглов уже в этом случае мог сказать: «Здорово Берия ЦК поддерживает!»

На следующий день я зашел к Кобулову по делу, у него лежало это Постановление ЦК. Я прочитал его и говорю: «Да, принять преобразование МВД т. Берия». Кобулов улыбнулся и говорит: «Знаешь, дальше еще не то будет»[457].

Меня внутренне передернуло, думаю, что же они еще замышляют, затем спокойно спросил: «А что еще?» Он уже дальше уклонился от прямого ответа, а я сам себе думаю: «Если ЦК так будет принимать их предложения, так расставят кадры, уже кого, а меня-то Кобулов выживет».

Ну, да ладно, в случае чего кланяться не буду, уйду в Министерство обороны и буду продолжать честно службу.

Подготовили «деятели» записку в ЦК о том, чтобы освободить из тюрем з/к, осужденных за мелкие преступления (один раз кража, уход с места работы и т. д.). Насчитывается <таких> десятки тысяч человек.

Через 5 дней принят Указ, разработали инструкцию начальникам лагерей о порядке пересмотра дел на эти категории з/к и в срочном порядке разослали в лагеря. Ну, теперь пойдет дело, если комиссии подойдут формально к освобождению, то явятся сотни воров и других ненадежных, которые сумеют обмануть комиссии и выйдут на свободу. Ведь один раз кража — это он попался на ней, а сколько раз обворовывал и не попался[458].

Прошел месяц, как начали освобождать, и из области пошли донесения о грабежах, убийствах, особенно из Ленинграда. Да и в Москве увеличились преступления. Началась трепка нервов[459].

Сегодня вернулся из Ленинграда. Посылался туда для наведения порядка по линии уголовного розыска. Убийства, грабежи среди белого дня, снимают часы, вечером в отдаленных от центра районах народ боится ходить и т. д.[460]

Как я и предвидел, освобождение уголовников оказалось преждевременным, плохо подготовленным. Я допросил тут не один десяток воров, которые рассказали, как работали лагерные комиссии, созданные для проверки освобожденных з/к.

Хуже нельзя. Жулье идет на любой обман, выставляя в качестве причин для освобождения болезни, беременность, «честное поведение», угрозы лагерной администрации и в том числе угрозы «свидетелей», которые подтверждают выдвинутую версию. Некоторые заявляли, что потом освободились все жулики. Ну, это, конечно, вранье, но, я думаю, половина незаконно.

В результате в Ленинград стеклись со всех концов страны сотни жуликов, живут без прописки у всяких проходимцев, а больше всего шляются и спят на ж/д вокзалах. Днем воруют, вечером грабят, а после 2–3 часов ночи собираются сотнями в санитарном парке Октябрьской железной дороги и там ночуют. Утром расходятся по «своим» делам.

Когда я это все выяснил, то пошел в обком партии к секретарю Андрианову*, чтобы рассказать и изложить план изъятия. Андрианова не оказалось, и я все это изложил секретарю обкома и горкома т. Игнатову* Н. Г., в конце сказал, что сегодня ночью <нужно> произвести облаву на жуликов и всех задержим, а затем тщательно проанализируем и решим, как быть. Т. Игнатов согласился и говорит: «Хоть избавимся от уголовников».

Ночью провели облаву и задержали до двух сотен беспаспортных жуликов, живших в вагонах. На следующий день работники милиции всех опрашивали. Руководил начальник управления Ленинградской милиции — Герой Советского Союза Соловьев*, толковый человек, во время войны командовал дивизией.

Вдруг ночью, я сидел в управлении НКВД, раздается звонок от Берия. «Вы, что там делаете, почему столько задержанных?» Я ему рассказал. «Прекратите, почему обком не знает?» Я говорю: «Знает т. Игнатов». — «Выезжайте немедленно, вам нечего там делать». Я ему отвечаю: «С удовольствием!»[461]

Утром выехал, но Соловьеву сказал: «Продолжайте проверку задержанных». Берия взорвало, что его предложение о роспуске уголовников вызвало такую повсеместную реакцию.

Приехал в Москву и сразу же на работу. После обеда Берия вызвал своих «помощников», и стали решать вопросы борьбы с уголовными проявлениями в областях, и в том числе в Москве. Рост уголовных проявлений не прекращается, о Ленинграде разговора не ведется. При этом я выяснил, что Соловьев почти никого из задержанных не освободил, так как все жулье. Я ему сказал, когда закончит, то пусть идет в обком и доложит, как я хотел сделать. Пусть обком и решит.

Я все сидел и молчал, потом, когда стали говорить о Москве, я сказал, что, видимо, сюда нагрянуло уголовников не меньше, чем в Ленинград. Берия посмотрел на меня и поправил пенсне. Ему, видимо, неприятно, что по его предложению принято Постановление Совета Министров об освобождении, а тут еще я задержал их в Ленинграде, 200 человек.

После моего замечания встает Круглов[462] и говорит: «Я считаю, что в Москве мы не должны допустить роста уголовной преступности — это столица. Надо тут квалифицированного чекиста и солидного по положению. Я предлагаю назначить начальником МВД т. Серова». Я не сдержался и, обращаясь к Кобулову, с иронией сказал: «Благодарю за доверие».

Берия не удержался, вскипел и говорит: «Правильно т. Кобулов предлагает» и, обращаясь ко мне, говорит: «А что ты думаешь, и назначим». Тогда я уже окончательно взорвался и говорю: «Я с удовольствием уйду отсюда на самостоятельную работу».

Ну, тут и началось, Берия закричал: «А что ты думаешь, незаменимый, подумаешь, обиделся» и т. д., а меня как назло подмывает еще высказать едкое замечание в адрес этих «деятелей», но решил воздержаться и только заулыбался. Берия еще долго кипел, так и разошлись ни с чем.

Когда вышли из кабинета, меня подхалимы вроде Обручникова начали учить: «Зачем вы, Иван Александрович, распалили хозяина» и пр. Я им сурово ответил: «Не вам меня учить», и ушел к себе.

Ну, теперь начнется на меня гонение. Ну, и черт с ними, уйду в армию.

Скрепя сердце включился в работу, бываю больше не в министерстве, а езжу по районам города, иногда захожу к Круглову, говорим по разным вопросам.

Чувствуется, он тоже стал более осторожный, а Обручников, заместитель по кадрам, тот, подлец, вообще стал себя вести по-хамски, бегаёт все время к Кобулову, на Круглова тоже не обращает внимания, старается выслужиться.

Появились новые люди, ходят по коридорам, шепчутся, спрашивают друг друга: «Был у Богдана Захаровича?» Сплошная подлость.

Арест Берии

Сегодня, во второй половине дня позвонил Суханов — это помощник Маленкова — и говорит: «Вас вызывают на президиум ЦК к 4 часам». — «Хорошо»...

В приемной встретили командующего МВО генерала Москаленко*, командующего ПВО Батицкого*, Баксова* (с последним мы учились в академии). Поговорили, я спросил

Батицкого: «Чего нас вызвали?» Он говорит: «Не знаю».

Затем минут через 10 нас с Кругловым вызвали в зал заседаний. Поздоровались. Председательствовал Хрущев, который говорит, что президиум решил задержать, а вернее арестовать Берия, ввиду того, что он себя неправильно повел, и мы все, члены президиума, решили это сделать. Об этом сейчас сказали ему на заседании, он просил прощения, но мы уверены, что он не исправится, и решили арестовать[463].

Далее Хрущев спрашивает нас: «Правильно?» Я подумал и говорю: «Президиуму ЦК виднее, раз так решили, значит правильно». Круглов промолчал. Тогда Маленков говорит: «Мы подумали, вам сразу трудно сориентироваться, но мы убедились в правильности этого решения».

Затем т. Хрущев говорит: «Вот мы решили назначить Министром внутренних дел т. Круглова, а т. Серова заместителем по работе органов Госбезопасности, а потом мы еще раз обсудим, так как не знаем еще, как назвать органы Госбезопасности. А сейчас вы приступайте к работе, а т. Серов пусть займется только вопросами Госбезопасности».

Ну, мы вытянулись и говорим: «Все ясно». Далее т. Маленков спрашивает у меня, что надо сделать для того, чтобы помощники Берия не натворили дел, и кто они, мы не знаем.

«Вот вы сейчас составьте список приближенных Берия, и мы вам санкционируем их арест или задержание, а потом вы разберетесь, доложите нам, и решим, как быть дальше».

Мы вышли. Круглов смотрит на меня, охает, а я как-то спокойно это принял. Возможно, я был более подготовлен к тому, что Берия вел себя чересчур вызывающе, самоуверенно, но Круглов не ожидал этого подвоха.

Мы составили список в приемной, не выходя из Кремля. В списке назвали ближайших помощников и подхалимов Берия, опасных в смысле авантюрных действий. Вошли в зал и зачитали список, он был небольшой. В числе них были Кобулов, Мешик, а также Гоглидзе и Кобулова брат, которые находились в Германии, в Берлине, их послал Берия в связи с имевшим место там возмущением против ГДР немецких молодчиков[464].

Мне Хрущев сказал: «Их арест вы вместе с генеральным прокурором Руденко оформите, как нужно. Соколовскому[465] сошлитесь на решение Президиума об аресте Кобулова и Гоглидзе и проследите за выполнением сами. Охрану Берия надо обезоружить». Я сказал: «Будет сделано».

Вышли оттуда, я Круглову говорю: «Ты поезжай в Министерство и там находишься, я буду все делать и тебе звонить туда». Тот охотно согласился.

Оставшись в Кремле, я вызвал коменданта генерал-майора Спиридонова (Н. К. Спиридонов в это время был уже генерал-лейтенантом. —

Прим. ред .). И сказал: «Берия арестован», тот изумился. Я Спиридонову верил, вместе учились в академии, и он критически относился к абакумовскому МГБ.

Пошли вместе со Спиридоновым в кабинет Берия. Там сидел Муханов, секретарь. Я Спиридонову говорю: «Ты сиди в приемной, я зайду в кабинет и обрежу телефонные провода кремлевки и ЦК». Так и сделал.

Затем, выйдя в приемную, сказал Муханову: «Идите домой». Тот что-то сообразил: «А как хозяин, не придет?» Я говорю: «Не придет больше», тогда он понял и стал собираться.

Я проинструктировал Спиридонова и зашел в приемную Политбюро. Мне Суханов рассказал все это мероприятие по аресту Берия — это было так.

Члены Президиума с 14 часов собрались на заседание. Все пришли раньше на полчаса, как условились, а когда пришел Берия, начали его разбирать. Жуков Г. К. также был. Затем сказали Берия, что все члены Президиума согласны с тем, чтобы тебя отстранить и вывести из Президиума ЦК.

Берия сначала сопротивлялся, потом умолял, что он понял свои недостатки, обещал исправиться, но ему не поверили. Затем сказали Жукову Г. К., чтобы он взял Берия и держал его в соседней комнате. Жуков сразу строгим голосом сказал: «Ну, пошли, Берия» и, взяв его за руку, повел.

На другой день мне Жуков говорил, что он, придя в комнату, как ты сказал, ножом срезал у Берии пуговицы на штанах и заставил сидеть смиренно. Тот подчинился.

Суханов также сказал, что на Президиуме было решено немедленно убрать из генштаба армии Штеменко, который является агентом Берии. Его разжаловали в генерал-лейтенанты и в тот же день отправили в один из сибирских округов на небольшую работу.

Пока мы разговаривали с Сухановым, в кабинет позвали Москаленко — командующего МВО, генерал-полковника, Батицкого — генерал-лейтенанта, командующего ПВО, и Боканова* заместителя командующего, и сказали им, чтобы арестованного Берия отвезли на гарнизонную гауптвахту и держали под строгой охраной. Через несколько минут они все вывели Берия, и я видел, как он держал одной рукой штаны.

Приехал я в министерство. Я вызвал наиболее преданных партии товарищей, которых я хорошо знал, в том числе Добрынин и Труше... &t;

нрзб &t;. Распределил, кто за кем из подлежащих аресту должен ехать на квартиру, так как время уже было около 8 часов вечера, арестованных привезти сюда, разместив их по камерам. Сам же созвонился с Соколовским и передал &t;информацию&t; об аресте Берии и рассказал, как надо задержать Гоглидзе и Кобулова. При этом сослаться на решение ЦК.

Соколовский начал возражать, что он этого не сумеет сделать. «Приезжай сам, я не знаю как». Пришлось кропотливо рассказать, как разоружить их и задержать у него в кабинете, куда их надо вызвать. Он ответил: «Ну, кажется, понял». Я говорю: «Действуй, Василий Данилович, а мне сразу позвони, а завтра самолетом, под конвоем отправь их в Москву в мое распоряжение».

Затем предупредил телефонисток ВЧ и кремлевской АТС, чтобы с квартирой Берии никого не соединяли, а также с Берлином, кроме Хрущева и Молотова. Через час стали приводить арестованных, и с этим в течение 1,5 часа справились.

Около 11 часов утра мне позвонил Соколовский и сказал, что все сделал, как я рассказал.

Ночь «спали» в министерстве, за это время и поодиночке разоружал бериевскую охрану. Вначале полковника Саркисова, затем полковника Надарая*, а потом уже остальных. Саркисов вел себя нормально, а когда у Надарая я стал забирать револьвер, он ухватил мою руку и говорит: «Не отдам», но в это же время смотрит мне в глаза, мол, как быть?

Я знал, что он ко мне всегда с уважением относился, и нередко, когда я спрашивал: «Как живешь?», то он махал рукой и показывал вид, что недоволен своей работой, а иногда у него и проскальзывало это настроение в разговорах со мной, а как только кто появлялся, он прекращал разговор.

Я ему строго сказал: «Надарай, слушайся меня. Берия арестован, если сделаешь какую глупость, будет хуже». Он потихоньку стал разжимать руку, и я взял револьвер. Когда я стал его ощупывать сзади, а там, в кармане был «Вальтер», он опять меня схватил, но тут я уже

резко выдернул у него револьвер. Затем спокойно с ним поговорил, чтобы он, как горячий грузин, не кипятился, и отправил его под охрану в комнату. В дальнейшем я их всех распустил по домам. Вот примерно так всю ночь и возились.

Морока была, когда я послал снять наружную охрану, стоявшую на улице, у особняка Берии [466]. Один <постовой> ушел, а другой ни в какую не захотел. Тогда я приказал предупредить его, что если он сейчас же не уйдет домой, то мы его посадим в тюрьму, и он ушел.

На следующий день пошли непрерывные звонки любопытных министров и других руководящих товарищей, с которыми мы были в хороших отношениях.

Часов в 15 нас с Кругловым вызвали в ЦК и сказали, чтобы мы приготовились и ехали допрашивать Берия в тюрьму, вернее, на гарнизонную гауптвахту, где он сидел. Нам Хрущев и Маленков подсказали ряд важных вопросов его автобиографии, а также выяснить, что он затевал с правительством.

Вернулись в кабинет к Круглову, а тот и заволновался: «А как мы будем смотреть ему в глаза? А что мы будем его спрашивать? А если он нас пошлет подальше?»

Вижу, что толку никакого не будет, я ему говорю: «Я составлю вопросник и буду сам допрашивать, а ты сиди и молчи». Тот согласился. Когда я пошел из кабинета, он не пускает: «Пиши тут». Полная растерянность. Я ему сказал, что буду составлять у себя, и ушел[467].

В 17:00 позвонили Москаленко, командующему МВ О, в ведении которого была охрана Берия, и сказали, что едем допрашивать. Выехали, Круглов всю дорогу охал.

Приехали, там уже был Москаленко. Вошли в подземелье, там было несколько камер для пьяных буйнов. Начали разговаривать, затем я говорю: «Ну, пошли». Только вошли в камеру, Берия сидел и хмуро глядел на нас.

В это время раздался звонок. Я подошел, мне Суханов передал, что т. Маленков и Хрущев вызывают вас обоих к себе. Они находятся в Большом театре на опере. Мы поехали обратно. Круглов доволен, а у меня неприятное чувство, почему не дали допросить.

В Большом театре, когда мы вошли, члены президиума сидели за кулисами, так как был антракт. Стол накрыт.

Выпили за наше здоровье, пригласили посмотреть оперу, я отказался, так как знал, что не для оперы вызвали, а затем они сказали: «Мы подумали и решили, что лучше будет, если следствие поведет генеральный прокурор Руденко, а потом мы создадим судебную комиссию».

Мы согласились, попрощавшись, поехали в МВД. Круглов радовался, а я ему сказал: «Видимо, Москаленко позвонил и внес предложение, чтобы допрашивал Руденко».

Как я потом узнал, так оно и было. Москаленко, как его характеризовали военные сослуживцы, очень мнительный человек, кругом всех подозревает, на войне, говорят, на подчиненных кричал «шпион», в общем, своеобразный человек, поэтому он мог заподозрить нас как верных людей Берии[468].

Ну, да неважно, только мне хотелось бы припомнить Берии все унижения, которые он отпускал людям, и оскорбительные эпитеты, в том числе <по отношению> ко мне[469].

Ну, правда, не это главное. Важно разоблачить его работу в мусаватистской разведке, где он служил якобы по поручению Закавказской чека и одновременно работал на мусаватистов[470]

Через несколько дней нас с Руденко (генеральный прокурор) вызвали на заседание президиума ЦК и поручили разобраться в особом архиве ЦК все документы, касающиеся Берия и взаимоотношений со Сталиным. Особый архив ЦК находится в полуподвальном помещении Кремля. Вот мы недели две ходили туда на весь день, чтобы разбираться с документами, а вечером до 12 ночи работали в Министерстве.

С первых же дней, как мы приступили, у меня появилось чувство гадливости к тому, что я увидел. Я уже не говорю, что Берия был депутатом Верховных Советов всех союзных республик и многих областей... <

нрзб > секр. ЦК — моему дорогому, любимому и т. д.

К чему было это делать? Ведь он за 15 лет работы в Москве никуда ни разу не выезжал, никого не видел, и его никто не знал на периферии в лицо, кроме как из газет и портретов. Зачем было это делать? Разве так завоевывают популярность, в принудительном порядке.

Много было книжек авторов с благодарственной надписью. Тут же мы познакомились с т. н. «интимной» жизнью членов Политбюро, которые день и ночь выслуживались перед Сталиным, готовые утопить друг друга, или проявляли большую преданность, чем другие. Все это было изложено записками в адрес Сталина.

Например, в 1938 г. Каганович пишет Сталину <донос> на 120 железнодорожников (Каганович был тогда нарком путей сообщения), которых считает подозрительными, и просит разрешения их арестовать. На этом списке резолюция Сталина «согласен» и далее Молотов «правильно», Микоян «поддерживаю», Маленков — «немедленно арестовать и расстрелять», Ворошилов, Андреев* и другие — «за», «за» и т. д.

Но ведь это черт знает что! И все 120 человек были арестованы и, вероятно, расстреляны. Там же записка секретарю Политбюро от НКПС Дудорова, где он пишет Кагановичу, что такие товарищи ведут себя подозрительно, а Дудоров полагает, что это враги народа и надо их арестовать. Этот идиот, тупица тоже решил идти в ногу с Кагановичем. Вот подлец!

Или еще. Берия пишет короткую записку Сталину, что на 1939 год надо дать задание Грузии выработать: вина — столько-то, коньяка — столько-то, винограда и т. д. Сталин пишет — «за», Молотов, Ворошилов, Каганович и другие — «одобряем, поддерживаем» и т. д.

Спрашивается, где Госплан, который должен по согласованию с Грузией дать реальный план. Это же не планирование, а безобразие.

Разобрали много подлейших записок Ежова — члена Политбюро, секретаря ЦК, наркома внутренних дел СССР, где он ставит вопрос об аресте ряда руководящих деятелей краев и областей. Все члены Политбюро штампуют «одобряем, поддерживаем».

Когда читаешь эти записки, то волосы становятся дыбом, как могли так подло поступать руководители страны в отношении своих же товарищей, с которыми годами работали вместе.

<Были> записки с Украины за подписью Хрущева такого же характера, видимо, шел в ногу и не хотел отставать. Он пишет всякие гадости о <Косиоре>, Постышеве и других. Такие же записки из Ленинграда от Жданова, что кругом враги, что он борется и просит его поддержать.

Нет, я больше не могу писать, нервы не выдерживают. Как можно менять свою совесть за мнительность Сталина. Один сходит с ума, и все его поддерживают, Нельзя так. Нельзя. Ведь они должны знать, что наш народ доверяет им, что они непререкаемый авторитет для страны, а они так себя вели. Плохо! Не могу больше писать...

Руденко, когда уже разбор подходил к концу, сказал мне откровенно: «Честно говоря, я думал, что ты, Иван Александрович, был близок к Берии, а теперь убедился, что нет».

Особенно <это стало очевидно>, когда мы в конце нашли записку, написанную Берия в адрес Сталина в 1947 году о назначении Круглова министром внутренних дел. Из записки было видно, что Сталин назвал мою фамилию, Серова, на должность, а Берия всячески расхваливая Круглова, настаивал на назначении Круглова, и в то же время боялся перед Сталиным сказать обо мне плохое.

Ну, может быть, и хорошо, что я не был назначен, Ведь и никогда за должностью не гонялся. Что поручают, то и делаю.

Закончили разбор документов. Составили опись, доложили в ЦК, а затем сожгли, что не нужно, причем это делали вдвоем, и опять все наши предложения и исполнения утвердили в ЦК[471].

«Серов ведет себя по-партийному»

Прошел Пленум ЦК довольно дружно, все «активно» выступали и поддерживали решение об аресте Берия и его приспешников, в том числе и те, кто перед ним подхалимствовал. О нас с Кругловым говорили неплохо, в том числе и Хрущев[472].

Когда Хрущев сказал, что Серов себя ведет по-партийному, все захлопали. О чекистах сказали: «Надо разобраться, а тех, кто активничал при Берия (а про Ежова не сказали), убрать из органов».

Меня удивило только одно. Ряд руководящих товарищей, Завенягин, Засядько, Задемидченко, <

нрзб > Кожевников*, министры, которыми руководил Берия и которые смотрели на Берия, как на бога, выступали на Пленуме и лепетали, что он их угнетал, в то время как я на себе не раз испытывал, когда Берия, их защищая, ругал меня и тех, кто «обидел» этих сподвижников Берия.

Мне было стыдно за выступления Завенягина, Ванникова и других. Ведь Берия их представлял к дважды Герою Социалистического Труда, а Ванникова трижды. Это называется обличение. Противно на таких людей смотреть, и эти люди сейчас перестроились и опять пойдут в гору.

Завенягин уже назначен министром среднего машиностроения. Я бы так не мог поступить, чего бы мне ни стоило. У меня в три раза было больше оснований рассказать, как Берия меня гонял во все трудные места, даже связанные с риском для здоровья, а иногда и <для> жизни, а Кобулова держал под рукой, и тот пузо отращивал, но мне казалось нескромным выставлять себя в таких случаях.

Выступил секретарь Киевского горкома Сердюк* с исторической речью и кричал: «Возле меня ходил Мешик (нарком МВД), он меня мог бы арестовать». Потом все смеялись в перерыв: «За что бы Мешик Сердюка мог арестовать? Никто не знает, в том числе и Сердюк». Конечно, такие выступления бестолковы[473].

В общем, включились в работу в новых условиях. Как-то свободнее стало дышать... Не боишься провокации или какого-нибудь подвоха, что практиковалось при Берии и Абакумове.

Освобождение генералов

Подготовили вместе с Руденко записку в ЦК с предложением освободить из тюрьмы более 70 генералов, в том числе Телегина, бывшего члена Центральной ставки 1-го Белорусского фронта, Крюкова* — командира Кавказской бригады и других.

Предварительно я сходил в камеры к некоторым знакомым генералам и поговорил с ними. Когда я здоровался и подавал руку, то они не знали, как себя вести. Были удивлены, что генерал-полковник, Герой Советского Союза Серов подает руку заключенному. Заходил к Телегину, тот тоже смутился и не знал, как себя вести.

Через несколько дней наше предложение с Руденко в ЦК было принято об освобождении всех генералов, посаженных Абакумовым, Игнатьевым и Епишевым, и восстановили в воинских званиях[474].

Я приказал начальнику тюрьмы проследить, чтобы одеты были нормально, а если нужно, то послать домой за одеждой, чтобы явились по-настоящему.

Через несколько дней позвонил Телегин и просил принять его. Я затребовал следственное дело на него и там увидел показания Телегина о том, что Жуков и Серов заговорщики против Сталина. Вот ведь какой подлец[475].

По пути посмотрел список изъятых у него вещей на 3 страницах, где были перечислены сотни метров шерсти, 12 аккордеонов, десятки наименований одежды, мехов, обуви и т. д. Я был удивлен: член центральной ставки фронта, партийный работник — и так наворовал. Мы в Германии получали по 10–12 тысяч марок в месяц, но столько закупить было невозможно [476].

Когда пришел ко мне Телегин, я спросил, что он хочет. Он набрался духу и говорит: «Я прошу вернуть отобранные вещи». Я ему говорю, что сам решить не могу, так как велик список вещей. Могу вернуть лишь то, что в моей власти. Он начал настаивать вернуть все вещи.

Я ему говорю: «Ну, зачем тебе 12 аккордеонов?» Он отвечает: «У меня играет и сын, и дочь». Я отвечаю: «Ну, возьми 4 аккордеона». Телегин не хочет.

Далее спрашиваю: «Зачем тебе сотни метров материалов? Возьми 200 метров, и тебе хватит до конца жизни». Не соглашается. Тогда я ему сказал: «Обратись в ЦК партии, мне дадут согласие, и я верну».

В конце разговора я спросил: «А зачем ты нас с Г. К. Жуковым заговорщиками сделал? Какие у тебя были основания нас грязью мазать, ведь мы вместе воевали против фашистов, Родину защищали, а ты нас заговорщиками обозвал. Стыдно тебе!»

Он смутился и, засучив рукав, показывает мне пятнышко на руке. «Вот, видишь, — говорит, — это мне папиросой прижгли, чтобы я такие показания дал на вас с Жуковым».

Я ему на это сказал: «Какой же ты малодушный человек, да мне бы руку отрубили, я и то не сказал бы этого. Немного у тебя мужества, если ты от папиросы оклеветал ныне министра Вооруженных сил СССР маршала Жукова Г. К. и председателя КГБ генерал-полковника Серова, вместе с которым штурмовал Берлин»[477].

Он покраснел, а я попрощался с ним, не подавая руки. Вот ведь какой трусливый и блудливый «политработник».

Через пару дней мне позвонил зав. Административным отделом ЦК Дедов* и говорит: «Ты что же, Иван Александрович, генералов освободил, а отобранные вещи не возвращаешь?» Я спрашиваю: «Кому?» — «Телегину», — отвечает Дедов. Я ему сказал: «Пришлю тебе опись изъятых у Телегина вещей, ты доложи в ЦК, и какие будут указания, я выполню». Прошло два дня, и вновь звонит Дедов. Он мне говорит: «Ты что, Иван Александрович, с ума сошел?» Я отвечаю, что чувствую себя нормально.

«Ты читал список изъятых вещей у Телегина?» — «Я не только читал, но принимал Телегина». — «Так я докладывал секретарям ЦК список изъятых вещей, так они мне сказали, что за это Телегина еще раз надо посадить, а не только возвращать ему вещи. Они возмущаются его поведением».

Я Дедову говорю: «Вот видишь, какие политработники бывают», и добавил о его показаниях о нас с Жуковым как заговорщиках. Дедов возмутился и говорит: «Ты бы написал об этом в ЦК». Я не стал писать в ЦК, а Г. К. <Жукову> в частном порядке об этом сказал, он мне на это ответил: «Ты, Иван Александрович, наверное, во время войны не раз наблюдал его подлое поведение».

Второй разговор у меня был с женой генерала Крюкова — Руслановой*, которая также просила вернуть вещи, но когда я проверил, то у Крюкова было, пожалуй, не меньше, чем у Телегина. Правда, Русланова никуда не обращалась, видимо, сообразила, что если узнают список изъятых у нее вещей, то неприятностей не оберешься[478].

Приговор

Прошел процесс высшего трибунала по делу Берия. Председательствовал И. С. Конев. Вскрылась глубокая картина разврата и злоупотреблений Берия[479].

Нашли у него записную книжку с фамилиями женщин, с которыми он сожительствовал, их было более 120. Одну молодую девушку, которую он изнасиловал, и она родила ребенка, вызвали в суд, где она дала показания. Одним словом, законченный подлец[480]. Доказано было также, что он работал на мусаватистскую <английскую> разведку против Советской власти в период гражданской войны. Мне рассказывал Москаленко, когда привели Берия на расстрел, то он перетрусил больше всех, кричал, сопротивлялся и т. д. Также себя вел и Кобулов. Оказались блудливы, как кошки, а трусливы, как зайцы. Ну, черт с ними, воздух чище будет.

Глава 16. ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КГБ. 1954–1955 годы

Три этих буквы были известны всему миру. За 37 лет своего существования КГБ сумел заслужить славу одной из самых могущественных и профессиональных спецслужб на планете.

Рождение этого ведомства неразрывно связано с фигурой Серова. Он был не только первым председателем КГБ, но и идеологом его создания.

«Существующее организационное построение МВД СССР и его органов громоздко и не в состоянии обеспечить должного уровня агентурно-оперативной работы... — говорилось в записке, направленной 4 февраля 1954 года из МВД в ЦК КПСС. -...Для улучшения

разведывательной и контрразведывательной работы считаем целесообразным выделить из МВД СССР оперативно-чекистские управления и отделы...» .[481]

Трудно сказать, чем объяснялись регулярные пертурбации сталинских спецслужб, все эти постоянные «слияния» и «разделения» госбезопасности с милицией. (Самому Серову довелось пережить пять таких реорганизаций). Но именно последняя реформа, проведенная под его руководством, окончательно положила конец этой свистопляске. «Развод» МВД и КГБ был оформлен теперь раз и навсегда; вплоть, кстати, до дня сегодняшнего.

8 февраля 1954 года Президиум ЦК одобрил выделение из состава МВД нового самостоятельного ведомства — Комитета госбезопасности при Совете Министров. Официальный Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании КГБ и назначении Серова его председателем был подписан, правда, лишь месяцем позже, 13 марта, но это роли никакой не играло.

Разумеется, «инициативы» Серова, в действительности, исходили от самого Хрущева. Разделавшись с Берией как с основным конкурентом, первый секретарь двинулся его же дорогой: чтобы окончательно избавиться от пут коллективного руководства, ему требовался контроль над спецслужбами.

В этом смысле кандидатура Серова подходила Хрущеву, как нельзя лучше; в преданности многолетнего соратника он имел возможность убедиться не единожды.

Уже через год, в январе 1955-го, при первом же удобном случае Хрущев сместит второго своего конкурента — премьера Георгия Маленкова, несостоявшегося сталинского наследника. На очереди были остатки сталинской гвардии: Молотов, Каганович, Булганин. Поддержка КГБ и лично генерала Серова сыграет важную роль в укреплении режима правления Хрущева.

1-й секретарь целиком доверяет своему председателю. Он не расстается с ним даже на время иностранных визитов. (Интереснейшие детали поездок описываются Серовым). Только за один 1955 год председатель КГБ будет награжден сразу тремя орденами, станет генералом армии: такого «звздопада» он не испытывал и в войну.

Правда, близость к Хрущеву таит в себе серьезную опасность. И дело даже не во взбалмошном характере нового вождя, который то приближал, то удалял своих соратников. Куда сложнее разобраться с самим собой и справиться с разочарованием, все сильнее охватывающим Серова.

Дневниковые записи этого периода крайне занимательны еще и тем, что в динамике показывают, как менялся Хрущев, а вслед за ним менялись и настроения автора. День за днем он всё трезвее и безжалостнее оценивает окружающую его действительность.

Мелкие интриги, наушничество, чисто коммунальные свары — вот что, оказывается, занимало основную часть времени первых лиц государства.

Мемуары Серова восстанавливают картины кремлевского бытия, которые, боюсь, не сильно изменились и до сегодняшнего времени...

Рождение КГБ

В январе 1954 года вызвали нас с Кругловым на президиум и стали обсуждать вопрос об организации отдельно МВД и Госбезопасности. Примерно по линии Госбезопасности

остановились на названии «комитет», чтобы не повторять прежнее название МГБ[482].

Тут же решили назначить министра внутренних дел — Круглова и председателем Комитета Госбезопасности — меня. При этом в адрес Круглова члены президиума высказали много суровых замечаний о его поведении, характере и т. д. Про меня только Суслов* сказал, что когда выселял карачаевцев, то не зашел в крайком[483].

Я не хотел его уличить, так как в крайкоме был дважды, и оба раза т. Суслов «болел», а с секретарем крайкома я все согласовал, а председатель облисполкома присутствовал не один раз у меня на совещаниях. Ну, да бог с ним[484].

Приступили к работе в новых условиях[485]. Круглов вначале ходил недовольный. Видимо, его больше устраивало, чтобы было объединенное МВД, а я его первый зам., но потом утих. Внесли мы предложения, какие управления остаются в МВД, а какие в КГБ[486].

Так поделились объективно, исходя из государственных интересов. Правда, в дальнейшем, когда было принято в ЦК мое предложение о передаче в КГБ пограничных войск, то Круглов совсем скис, да к тому же у него пошли неприятности одна за другой[487].

В начале года застрелился зам. МВД И. И. Масленников[488]. Круглов растерялся ужасно и не знал, что делать. Я пришел к нему. Успокоил его и посоветовал поговорить с врачами, все ли у него в порядке было с головой, так как я помню, он мне не раз жаловался на головные боли, а затем мне несколько странным казалось, что он очень любил лечиться от всех болезней.

Вообще же это глупейшее его решение, покончить жизнь самоубийством, чего я от него никак не ожидал. Если подумать, что он был заместителем по войскам у Берия, то это не причина, тем более, он участвовал все время на войне, Герой Советского Союза, ранен тяжело и т. д. Глупо!

В конце дня Круглов повеселел и говорит, что врачи доложили, что сестра у Масленникова повесилась несколько лет назад. Врачи высказали предположение, что все это на <почве> шизофрении, которая бывает в некоторых семьях. При этом, если в поколении имеются такие случаи, то зачастую эти явления сказываются на детях и даже на внуках.

Первые вопросы КГБ

На днях интересно мне рассказал Руденко, что он просматривал дело Федосеева. Видимо, какой-нибудь провокатор донес, что я вел это дело.

Так, Руденко говорит: «Оказывается, ты у Сталина до последнего сопротивлялся, чтобы Федосеева не расстреляли. Из дела видно, что Абакумов принял от тебя дело, в тот же день, не допросив Федосеева, переквалифицировал твою статью „злоупотребление служебным положением“ на шпионаж 58 „б“. В тот же день представил на рассмотрение трибунала, который на следующий день вынес приговор „расстрелять“ и через час его расстреляли»[489]

Я спрашиваю Руденко: «А где же был главный военный прокурор т. Вавилов, а куда девался председатель военного трибунала?» Руденко по секрету сказал, что Вавилова увольняем. Вот ведь провокаторы, как изображают. Прокурор, который все переквалифицировал, в стороне, а на меня, который сопротивлялся, написали провокацию. Ну и подлецы[490].

Это все абакумовские и бериевские прихвостни. Особенно много их осталось в управлениях особых отделов, которые комплектовал Абакумов по принципу неграмотности. У Абакумова

было 3 класса образования, зато большой провокационный опыт, перенятый у Кобулова. В особые отделы он грамотных не брал, лишь бы умел провокациями заниматься.

Я обратился в ЦК, чтобы мне разрешили отобрать людей из партийных агитаторов для особых отделов* Начальником управления комитета Госбезопасности дали бывшего члена Верховной Ставки фронта генерал-лейтенанта Леонова*[491], Очень хороший человек, но через некоторое время он стал жаловаться на своего заместителя Миронова*, который остался от старого состава, был заместителем расстрелянного Гоглидзе...

Вот <центральный> аппарат укомплектовывать оказалось труднее. В основном, старые чекисты, кого ни возьмешь, у каждого различные грехи, то дело спровоцировал и в угоду Абакумову или Игнатьеву арестовали и осудили, пришлось пересматривать, освобождать [492].

Например, Федотов старый чекист, толковый, но таких дел у него на совести порядочно, верткий подхалимистый генерал, таких провокационных дел полно. Допрашивал на ЦК <

нрзб > и др. и прикладывал руку при этом. И ряд других[493]. Попросил в ЦК 1-го заместителя, думаю, подведут солидного человека, а назначили Лунева*, который в <чекистских> делах ничего не знает и не хочет знать. Прибыл как контролер. Ранее работал заместителем заведующего административным отделом в московском горкоме партии[494].

Пошлешь куда-нибудь в область проверить и навести порядок. Он возвращается и докладывает о безобразиях, по которым его посылал. Спрашиваю: «А ты на месте что сделал, чтобы устранить недостатки?» — «Ничего не сделал». Ну что, сидит, молчит...

Празднование 1 мая прошло, в общем, неплохо, кроме как в Архангельске, нашелся один идиот, освобожденный из тюрьмы, который на демонстрации открыл огонь из пистолета по трибуне и ранил двух человек. При проверке оказался больным сифилисом, злобно настроенным. Сам застрелился[495].

На этом случае я специально проинструктировал сотрудников управления по повышению бдительности, так как некоторые члены президиума бравадируют своей смелостью, выходит в толпу и так далее. Идиот всегда может оказаться...

<По оперативной> работе взял заместителем Ивашутина, бывшего следователя по особо опасным делам округа с неоконченным высшим образованием. В оперативной работе не силен, в разведке совсем не кумекает. Но выбирать было не из кого. Разведку и контрразведку взял на себя, вот так и приходится крутиться.[496]

Операция «Снежок»

На днях мне позвонил Жуков Г. К. и говорит: «Тебя записать в число участников общеармейского учения, где будет правительство?» Я ему отвечаю: «Если считаешь <для> меня важным, то, конечно, запиши».

В общем, 12 сентября 1954 года будет учение дней 5, где будет взорвана первая атомная бомба. Надо обязательно присутствовать. Я согласился[497]...

Всем выдали меховые шлемы, темные очки толщиной почти сантиметр, для того чтобы смотреть на атомную бомбу в момент взрыва. Находились от места взрыва мы в 8 километрах. Я не буду говорить обо всех приготовлениях, а только опишу момент взрыва, так

как это уже не секрет, и американцы не раз описывали взрывы в Хиросиме.

Взрыв был на высоте до 2 км. Когда надели очки, наступила темная ночь. Ну, например, если закрыть глаза днем, сквозь веки виден дневной свет. Если закрыть глаза еще рукой, все равно как-то свет проходит и не создается темной ночи, а тут сплошная темень.

Затем вдруг в том направлении, куда была обращена голова и глаза, вспыхнул вначале ярко-красный шар, но более яркий, а затем мгновенно этот огненный шар стал больше солнца и осветил кругом, как днем. Звука пока не было. Затем из огненного шара вниз стали закружаться волны, а потом они поднялись вверх в виде грибовидной шапки и раздался сильнейший взрыв.

К стыду и смеху некоторые генералы, видимо, себя так настроили, что полетели со стульев, медик Смирнов* и другие. В это же время вниз от шара появился хвост, растянулся книзу и через несколько секунд, когда сняли очки, перед собой увидели, что на земле кусты, а затем и ближе к нам трава ровным рядом пригибается. Это взрывная волна шла к нам не быстро.

Все снова насторожились, и когда эта тепловая и взрывная волна дошла до нас, то опять у многих полетели фуражки с головы, и обдало палящим жаром, словно мы попали в 50° жару. Вот и все.

Следовательно, после взрыва атомной бомбы вначале мы видим ярчайший свет (световая волна), затем сильный звук (звуковая волна), затем взрывная и тепловые волны. Скорость их распространения разная.

Через полчаса, когда радиометристы сказали, что на месте взрыва радиоактивность незначительная, мы поехали на осмотр местности, над которой был взрыв. Могу только сказать, что впечатление ужасное от разрушений. Там, где рос дубовый лес, остались только пеньки, а стволы все разбросало, даже близко ничего не было, ну, а дальше мы смотрели бывшие окопы, бывшую технику и т. д., о чем не следует говорить. В окопах были лошади, коровы, некоторые убиты, другие опалены и ослепли.

Одним словом, впечатление страшное. Когда мы приехали обедать, то доложили, что в соседних деревнях, расположенных за 30–40 км, побил стекло.

Надо, чтобы все это посмотрели подлецы из Пентагона, которые пропагандируют войну, тогда бы не захотели воевать, да особенно, если бы дошло до их сознания, что и они, и их семьи будут в случае войны подвергнуты такому разрушительному удару. Тогда, может быть, и образумились <бы>. Правда, и нас бы ждала такая же участь.

Визит в Китай

Через несколько дней вылетели в Китай. Вернулись из Китая. Там не было возможности писать, а только делал заметки, которые могу сейчас расширить[498].

Вылетели из Москвы 28 сентября 1954 года на двух (ИЛ-14) самолетах, по маршруту Москва-Иркутск-Улан-Батор-Пекин. В Иркутске ночевка, еле разместились, да к тому же члены партийно-правительственной комиссии попались капризные, вроде <Фурцевой>* Михайлова*, увидели меня и давай гундосить: «А почему меня плохо разместили?» Шепилов*тоже ко мне с претензией. Ну, я сказал, что надо не ко мне обращаться, так как я такой же член комиссии, как и вы. Надо сказать секретарю обкома, он встречает, он и размещает.

Ну, в общем, утряслось после того, как плотно «поужинали», где было выпито изрядно. Это тоже плохо, ведь не молодые люди, Булганину 59-й год, Хрущеву уже 60 стукнуло, Анастасу Ивановичу <Микояну> тоже под 60 лет. Я Анастасу Ивановичу сказал об этом, он улыбнулся и говорит: «Ну, это мы с радости, а потом ты нас придержи». Ну, посмотрим, как будут слушаться... Надо учесть следующее обстоятельство. При жизни Сталина никто из членов правительства не мог никуда за границу летать или ездить, так как он сам не ездил. Ну, а теперь сами власть, да и тем более, приглашены Мао Цзедун* (правильно: Мао Цзэдун —

Прим. ред .), поэтому приятно, что более активные будут контакты, если умело будут использованы...

На аэродроме нас встретил Чжоу Эн Лай* (правильно: Чжоу Эньлай. —

Прим. ред .) и другие государственные и партийные деятели. Сразу повезли нас в загородные особняки, где и разместили в разных домах. Михайлов и Фурцева опять в претензии, почему их не поместили в том же доме, где Хрущев, Булганин и Микоян.

Я опять ответил, что размещали китайские товарищи, а мне неудобно вмешиваться, но видно было, что грудастый Михайлов уже успел что-то проговорить с Хрущевым, который косо на меня посматривал.

На следующий день утром все вместе поехали с визитом к Мао Цзедуну. За нами приехал Министр общественной безопасности Ло Жуйцин*, это в прошлом командир дивизии или корпуса, где Мао Цзедун <служил> комиссаром[499].

ЦК КПК и Мао Цзедун размещаются в Пекине, в районе, где очевидно в прошлом жили какие-то царственные фамилии, потому что пока добрались до Мао, то мы пересекли вначале каменную стену, затем водяной ров, потом еще каменную стену и ворота, затем поехали вдоль озера примерно 1 км x 1 км, затем каменная стена, где машины остановились...

Я тщательно присматривался к Мао. Я первый раз видел его в Москве, когда он приезжал на 70-летие Сталина. Здесь же я увидел его ближе. И вот, я все более, более приходил к заключению, что он в движениях, в разговоре, в поведении, в походке, в одежде копирует Сталина, а <иногда> у него в этих привычках полное сходство со Сталиным. Такие же медленные движения и походка, так же одет, как Сталин, так же складывает руки на животе, такая же непродолжительная улыбка и смех, ну, одним словом, сходство большое...

После визита мы вернулись к себе. Хрущев, видимо, был недоволен приемом у Мао Цзедуна. Угощения были только зеленым чаем. Ужинали дома. У нас там же была своя китайская кухня. Повар хороший, но кушанья — половина нам незнакомые.

Например, плавники акулы, креветки, рыбные блюда — это все приемлемо для нас, картофель сладкий, разные специи, это тоже приемлемо. А, скажем, яйца по-китайски — это яйца, лежавшие в земле ряд лет, после чего белок становится янтарем, а желток неизвестно чем, — это для нас неприемлемо. Или какие-то улитки, слизняки всякие и прочее. Это только пробовал А. И. Микоян, да и то после того, как выпивал коньяку...

В тот вечер все сильно набрались. Микоян с Булганиным сильно поссорились. Когда я услышал крики в туалете, то выскочил их разнимать. Булганин, взяв за ворот А. И., кричал: «Ты и Берия не хотел сразу арестовывать, а просил разобраться. Ты у Сталина любимчик был».

Ну, последнее я знаю, что это не так. Все прислуживали Сталину активно, безоговорочно, кто как умел.

Ну, я их разнял и Булганина повел спать, он по дороге начал целовать меня и продолжал всячески ругать А. И. «Ваня, он б..., сука и т. д.» Я ему говорю: «Николай, успокойся, завтра разберемся» и уложил.

Вот их и сдерживай. Кажется, не малолетки, а ведут себя неважно. Хорошо, что нет вместе с нами Михайлова, Шепилова и других. Пошли бы разговоры и т. д.

Справляли в Пекине пятилетие Китайской народной республики. В начале торжества все собрались во дворце перед площадью, там были накрыты столы с закусками и фруктами. Затем прошли на балкон, оттуда открывался вид на площадь. Балкон был огражден каменными стенами, двумя рвами с водой.

Перед собравшимися выступили Мао Цзедун и т. Хрущев. Затем пошли войска, и когда кончился парад, то пошли демонстранты. Настроение у народа хорошее. Некоторые костюмы украшены были драконами и змеями и другими страшными существами, длиной 10–15 метров.

Авторитет Мао велик. Достаточно привести такой пример, что когда он появлялся на балконе (стояли долго 3–4 часа) и уходили в комнату отдохнуть, покушать, то все демонстранты оставались, замирали, а затем на месте начинали хлопать и кричать: «Мао, Мао!!!»

Или так. Идет колонна, Мао стоит и разговаривает с нашими, затем механически делает полуоборот к демонстрантам и поднимает руку, не глядя на них. Этого достаточно, чтобы все движение остановилось и заплясало на месте. Возможно, я ошибаюсь, так как это у них привычка, но спросить эту деталь мне было неудобно.

На следующий день мы, согласно расписанию, выехали по стране, в город Нанкин. Там мы были приняты мэром города (у них он так называется), а затем переехали в Шанхай. Это громадный город, порт, расположенный на берегу Восточно-Китайского моря...

Подлетая к Кантону, уже мы почувствовали жару, хотя был октябрь месяц. На аэродроме нас встретили в одних легких рубашках, и нам пришлось также снять пиджаки. Для начальства была подана американская машина «кадиллак» с опускаемым верхом. Достаточно было нажать кнопку, как весь верх опускался в течение минуты. Т. Хрущев сказал: «Неплохо бы подсказать нашему заводу имени Сталина делать такие машины».

Проехали по городу, осмотрели его. Со мной ехал Ло Жуйцин, министр общественной безопасности КНР, и я мог спрашивать у него интересующие меня вопросы.

Увидев небольшую очередь, я поинтересовался, что они хотят купить? Он посмотрел иероглифы, написанные на бумаге, на дверцах, и сказал: «Имеется в магазине 40 порций удава, вот и стоят 40 человек».

Вот это здорово. За удавом стоят, как у нас за каким-нибудь деликатесом. Нужно сказать, что китайцы довольно дисциплинированный народ. Если сказали на 40 человек, то 41 не встанет в очередь.

Далее, когда мы ехали по городу, я увидел грузовую автомашину, на которой было два китайца со связанными руками и два с винтовками. На бортах машины длинная надпись. Я спрашиваю Ло Жуйцина: «Что это?» Он, видимо, уже знал об этом и говорит: «Это два осужденных шпиона, пришедших из Гонконга, а вернее из Тайваня от Чанкайши* (правильно: Чан Кайши. —

Прим. ред .). Их осудили к расстрелу и сейчас везут на расстрел, чтобы все люди видели это, их везут открыто, и на бортах надпись, что они шпионы». Тоже неплохо, если действительно шпионы[500].

Когда приехали в резиденцию, то там после освещения погуляли по саду и заинтересовались денежным деревом. Дерево с большими листьями, высотой 6–7 метров, ствол гладкий, наверху крона, и там висят дыни. Когда мы улетали, я взял с собой 2 штуки и в самолете разрезал их и дал попробовать начальству. Вкус не особенно приятный, похоже на репу и дыню. Внутри много семян. В общем, не понравилось, а по сему случаю стали запивать коньяком. Вот тебе и удерживай нас!

Вечером того же дня мэр города Кантон устроил прием в доме на той же территории, где мы жили. Вначале все хорошо шло, пока подавали закуски. Затем Ло Жуйцин подсказал мне, что сейчас подадут на первое кушанье, которое в Китае шутя называют «бой дракона с дьяволом». Дракон — это змея или удав, а дьявол — кошка.

То есть суп из кошки и змеи. Я на всякий случай сказал Хрущеву и Булганину, что блюдо такое. Оба они сказали, что учтут, есть не будут. Другим не говорить. Со мной сидели рядом А. И. Микоян и Шверник. Я им тоже сказал. А. И. говорит: «Я буду есть», Шверник тоже. Потом, когда они попробовали, Шверник мне подвинул чашку и говорит: «Понюхай И. А., пахнет курицей». Затем он зачерпнул со дна ложкой, и там я увидел мелко нарезанные ломтики удава серовато-пестрого цвета, ну, а кошачье мясо как мясо. Ну, я говорю: «Доедай, если начал».

Когда кончился обед и китайцы уехали, мы пошли гулять, и Хрущев громко спросил у Фурцевой: «Что было подано на первое?» Она ответила: «Курица». Хрущев сказал, что кошка и удав.

Вдруг Насриддинова*, секретарь ЦК Узбекистана, отскочила в сторону и пошла в кусты. Я почувствовал недоброе и пошел за ними. Они остановились, эти бабочки, у Насриддиновой на глазах слезы, начало тошнить, Катя ее уговаривает. Когда я подошел, то они на меня: «Почему, Иван, не сказал нам, нас тошнит». Ну, что мог я им сказать, стал уговаривать, чтобы не шумели, что мы обидим национальные чувства китайцев и т. д., а сам подумал: «А почему я за всех должен отвечать, у каждого своя голова, как маленькие».

В конце прогулки часа через два перед сном я рассказал Хрущеву об этом, он выругался и говорит: «Подумаешь, какие неженки, пусть не едят, лучше будет»...

После возвращения из Ханькоу на следующий день мы были у Мао и вели переговоры, в общем-то, по ряду партийных и государственных вопросов. Была выявлена общая точка зрения. Мао кое-что попросил у нас: по строительству, по специалистам и т. д. Условились, что СССР поможет[501].

Зашла речь и о Сталине. Товарищ Хрущёв высказал ряд сообщений, что тяжело было с ним работать, что его боялись, а поэтому многие вопросы тормозились и т. д. Мао согласился, что у нас был создан культ т. Сталина, что вредно отражалось на развитии. Но вместе с этим подчеркнул, что он был предан делу революции, марксизму-ленинизму. Я заметил, что <vo> время празднования много было портретов Мао и Сталина[502].

Я как-то, когда уже мы поехали из Пекина в Маньчжурию, в вагоне спросил Ло Жуйцина: «А у вас как с культом личности, не проявляется?» Я не сказал, кого имею в виду. Ло ответил: «Нет у нас культа ничьей личности! У нас что Мао скажет, то мы и делаем». Вот так нет культа! Я не стал говорить больше на эту тему.

В конце пребывания в Пекине никакого приема не было устроено, встретились с Мао попросту, угостили нас зеленым чаем и попрощались, с расчетом, что мы побываем в ряде городов в направлении нашего Владивостока. Хрущев остался этим недоволен.

Поездом выехали из Пекина в Порт-Артур. Ехали поездом, мне показалось, долго, кушали по-прежнему китайские угощения, учились кушать двумя палочками макароны, но ничего не

получилось, в то время как китайцы ухитрялись палочками вылавливать из супа рис, капусту, макароны. По дороге мы на большой остановке все вышли на перрон. <По Жуйцин> сказал китайцам, <чтобы> с перрона при нашем движении всех удалять, и лишь за заборами мы видели людей.

Когда мы вышли на перрон, то за забором я увидел русские лица. Подошел и спросил, откуда они, чувствуя, что русские. Они ответили: «Тверские». Затем ко мне подошли Хрущёв, Микоян и Булганин.

Начался разговор с русскими, и вдруг одна женщина говорит: «А который из вас Булганин-то?» Булганин смутился и говорит: «Я». Тогда женщина, обрадовавшись, говорит: «Милой, так мы с тобой ведь земляки, ты из деревни... (не помню название)». Булганин уже совсем покраснел. Хрущёв его всю дорогу разыгрывал в том, что у него нашлись эмигранты-родственники в Китае[503].

Вечером поздно прибыли в Порт-Артур и разместились в штабе армии. Кстати сказать, Штаб армии довольно плохо размещён, не могли как следует устроиться. Сразу начались уже капризы.

Когда вечером вышли на прогулку в районе штаба Булганин, Хрущёв, Микоян, за ними пошли охранники. Вдруг прибегает за мной охранник и говорит: «Зовут». Я быстро догнал их и подошёл.

Ко мне в повышенном тоне обратился Хрущёв: «Почему эти лоботрясы не дают нам свободно походить, а идут следом? Даже пукнуть не дают. Что за безобразие, наведите порядок!»

Я был удивлён такой тирадой, но спокойно говорю: «Они несут службу по охране вас, действуют на основании утверждённой инструкции, нарушений никаких не вижу». Он опять ко мне: «Переделайте инструкцию» и т. д.

Я ему отвечаю: «Пусть с приездом в Москву президиум ЦК рассмотрит этот вопрос и как решит, так и буду действовать, а сейчас надо оставить как есть, тем более находимся в чужой стране и городе». Тут вступился Анастас Иванович, этот разумный человек, и говорит: «Конечно, Серов прав», в общем, замял этот вопрос.

Пужинали и легли спать. Ночью часов около 2-х меня разбудил Столяров* и привёл в комнату к Хрущёву. Он стоял в трусах и ругался: кровать неудобная, спать не могу и т. д. «Сейчас вызывайте машины и поедem в город в гостиницу».

Я ему сказал, что «без уведомления китайцев нельзя это сделать, а китайские товарищи уехали ночевать и сказали, что придут утром». Он остался недоволен. Я связался с военными, и мне показали по соседству неплохой особняк, который я осмотрел и, вернувшись, сказал, чтобы собирались.

Мне ужасно не понравился этот каприз, причем без всяких оснований. Кровать как кровать, а бессонница оттого, что, видно, на ужине выпили коньяку и не мог уснуть. Вообще, мне это начинает не нравиться[504].

Когда приехали, всё было нормально. Кстати сказать, наши военные могли бы и сразу придумать этот вариант...

Из Порт-Артура мы подались в Мукден. По дороге сделали остановку в г. Аньшань, где с помощью СССР строился завод, и уже ряд цехов были закончены и работали по металлургическому прокату. Завод — громадный, десятки цехов. Наши специалисты стараются, работают хорошо, но и китайский «шагающий экскаватор» тоже трудится[505].

Мы про себя, не при китайцах, прозвали «шагающим экскаватором» китайцев, которые тысячами, нагрузивши плетёные корзины землёй в котловане для фундамента здания, шагают к месту свалки фунта. И нужно сказать, что если постоять 30–40 минут, то и при этом способе «механизации» дело спорится, заметно увеличивается котлован.

Осмотрели также город Мукден, но тут китайцы ничего примечательного не показали. И вообще, у меня сложилось впечатление, что встреча и проводы советской партийной правительственной делегации не были трогательными, искренними, откровенными. Дай Бог, чтобы я ошибся.

И мне кажется, всё это зависело от Мао, который не дал соответствующую команду, и мне показалось, что он, как заядлый сталинист, не считает наших руководителей достойными для замены Сталина. Может быть, он хотел видеть во главе делегации не Булганина-Хрущёва, а, скажем, Молотова, но мне так показалось.

Почему бы ему не проехаться с нашей делегацией в какой-либо город, почему бы не пригласить нашу делегацию к себе в гости, по-семейному, по-партийному. А все это проходило сухо, официально, безрадостно, в общем, мне всё это показалось неискренне, хотя всегда были улыбки во всё лицо. Ну ладно, поживём — увидим.

В Харбине мы тоже были недолго. В городе вышли посмотреть на р. Сунгари — это приток Амура. Красивая, хорошая, судоходная река. В городе много сохранилось вывесок русских торговцев, а ещё больше мастерских сапожных и портняжных с русскими вывесками вроде «Дамский портной парижских мод Василий Сидурич». Так же было много вывесок, особенно на сапожных мастерских, с армянскими фамилиями. В связи с этим разыгрывали А. И. Микояна...

Из Харбина выехали поездом. На пограничной станции распрощались с проводившими нас китайцами. И нас встретили секретарь крайкома, командующий Дальневосточным округом Малиновский, командир Военно-морским флотом Кузнецов и другие официальные лица.

Из Владивостока члены комиссии стали расплываться по своим делам, а товарищи Хрущев и Булганин поехали посмотреть морской бой (учения) в водах Японского моря, после чего вернулись в Москву.

1955. Отставка Маленкова

Встретили дружно 1955 год. Все прошло хорошо. Правда, на заседаниях президиума иногда имели место крупные разговоры, особенно между Хрущевым и Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем по ряду даже непринципиальных вопросов. Хрущев хочет тот или иной вопрос решить побыстрее и по-своему, а те говорят: «Не торопись, давайте обдумаем, взвесим и тогда примем решение».

Начали руководящие товарищи, члены Политбюро, чаще бывать на заводах, выступать перед общественностью. Это хорошо. Но почему-то некоторым, и особенно Хрущеву, это не понравилось, и приняли решение ЦК — перед тем, как опубликовать свое выступление на заводе или в печати, надо показать всем членам президиума и только после этого опубликовывать или выступать. Это хорошее дело, если никто не будет возражать.

Случилось это после выступления председателя Совета Министров СССР Маленкова в Колонном зале на московском партактиве, где он сказал, что мы, правительство, будем стараться развивать промышленность, изготавливающую изделия широкого потребления для

населения, но не добавил, что все же и при этом тяжелая индустрия будет развиваться преимущественно[506].

Товарищ Хрущев это поднял на заседании президиума, и разгорелся спор, в результате которого было принято такое решение, и кроме того, было решено сменить Маленкова и назначить председателем Совета Министров Булганина[507].

Первые успехи в разведке

По работе в НКГБ. Наконец-то появились хорошие результаты. Все-таки я сумел перехитрить американцев, причем таким ходом, как они не ожидали, уж очень просто.

Хотелось бы также добраться до англичан, но те умнее и на такую хитрость, как американцы, не пойдут из осторожности.

Доложил в ЦК и попросил для осуществления моей хитрости средств для изготовления электронной машины. В президиуме некоторые отнеслись с недоверием, будет ли успех, но я сумел убедить. Средства отпустили. Подобрал хороших инженеров, и они мне выполнили задание в полгода. Теперь осталось начать это дело. Сам <составляю> смету, сам подбираю людей, сам инструктирую и надеюсь на успех[508].

В «логове» Тито

После праздника мне Хрущев сказал, что послы договорились с Тито встретиться и обменяться мнениями по партийным и государственным вопросам.

Мы в течение восьми лет поливали грязью Тито, Ранковича* и других. Называли их фашистами и бандитами и так далее. Когда обсуждали на президиуме этот вопрос, то Каганович, выступая, говорил обращение ко мне: «Товарищ Серов, гляди в оба, возьми больше охраны, ничего не кушайте ихнего, только свое», и так далее. В. М. Молотов тоже высказал опасения, что устроят гадость. Одним словом, у некоторых по-прежнему сохранилось о Югославии понятие как о логове фашизма[509].

Видя такое настроение, я внес предложение. «Я завтра договорюсь с МИДом, чтобы югославы дали мне визу, и я с переводчиком вылечу в Белград на два-три дня, договорюсь о порядке встречи и увижу, как меня примут, затем доложу вам, и тогда будет виднее». Все согласилось, но опять Шверник, Каганович начали настраивать меня, чтобы я опасался, взял с собой побольше людей и так далее.

Через день я вылетел в Белград[510], взял с собой только генерала Добросердова*.

На аэродроме было много любопытных, но встречал госсекретарь безопасности Стефанович*. Первое знакомство было довольно скованным, но я решил вести себя свободно, и тем более что Стефанович неплохо говорил по-русски.

Приехали в Министерство Госбезопасности, стали говорить о порядке охраны и так далее. Стефанович, зная охрану, существовавшую при Сталине, сразу предложил мне взять всю охрану на себя, а органы внутренней безопасности Югославии будут помогать и наводить порядок в городах, куда мы будем прилетать. Я быстро сообразил, что в незнакомом месте «в

лагере фашизма» брать на себя такие обязанности я не могу. К тому же, что случится, югославы в стороне останутся.

Я, улыбнувшись, говорю Стефановичу: «Добрый друг (я не знал, как звать: товарищ, господин, он тоже остерегался), у нас, у русских, есть хорошая поговорка: „Со своим уставом в чужой монастырь не лезь“. Вы здесь хозяева, мы гости, вот вы и будьте добры, обеспечьте охрану гостей». Стефанович просиял и говорит: «Я тоже так думал, но не смел этого вам высказать, товарищ Серов». Лед тронулся.

Дальше и я его стал называть товарищем. Все пошло гладко, обо всем договорились.

Тут же появился официант с выпивками и закусками. Условились на следующий день осмотреть дворцы царя Павла, где будет размещаться <советская делегация>, и я уехал в посольство, где и ночевал.

Наутро за мной приехал Стефанович, весьма любезный, и мы все осмотрели. У меня не было никаких замечаний, все у них делается на буржуазный лад. <Президентский> дворец Тито охраняет гвардейская дивизия президента. Разодеты как фазаны красные, голубые, алые, желтые — все перемешалось. В президентскую гвардию подобраны молодые ребята в возрасте 20–23 года, красавцы, высокие, стройные.

После того как я все утряс, вылетел в Москву. В Москве доложил подробно Хрущеву и сказал, что никакого фашизма я не видел. Он тоже остался доволен и сказал, что он расскажет все президиуму.

26 мая вылетели в Белград. Члены президиума, провожая на аэродроме, опять повторили мне: «Гляди в оба». Когда прилетели в Белград, там уже ждал почетный караул, выстроены были члены правительства, Тито и диктатура. Когда исполнили все формальности, сели в машину Тито, Хрущев, Булганин и поехали по городу, где жители скандировали: «Тито-Тито», иногда раздавались голоса: «Дружба», но не более.

Разместились во дворце, а разговаривать между собой выходили в сад, да и то напуганные товарищи спрашивали у меня: «Может ли быть микрофон на дереве?» Я говорю: «Может быть». А сам улыбаюсь. И тогда шли гулять, В тот же день Тито дал прием в честь нашей делегации, присутствовало много дипломатов, Тито и Булганин обменялись речами.

На следующий день состоялось первое заседание по деловым вопросам. На заседание наши шли, ступая, словно в темноте, не зная, как себя вести. Наметили план вопросов, которые надо обсудить, и составили короткое коммюнике о пребывании.

Тут вмешался от югославов молодой парень без ноги (потерял в боях с немцами) и по ряду формулировок стал возражать. Тито спокойно на это реагировал, улыбаясь. Потом мы узнали, что его кличка подпольная, партийная «Темпо», то есть быстрый, и фамилия Вукманович*. Тито его звал «товарищ Темпо».

Но потом всё урегулировали. В перерыве Хрущёв подошёл к нему и говорит: «Не зря вас прозвали „Темпо“, горячий Вы», а он даже не улыбнулся...

Основная резиденция Тито расположена в живописном месте на берегу Адриатики. куда нас он пригласил на следующее утро[511]. Туда мы дважды ездили на переговоры. В общем, дело пошло удовлетворительно, но больше по государственной линии. По партийной линии разговоры начинались и прерывались, так как Тито довольно смело высказывался против неправильной позиции Сталина.

Ну, а наши товарищи считают, что сразу нам критиковать Сталина не пристало, поэтому ограничивались общими фразами, что, мол, он, действительно, не совсем был прав по

Югославии, но и вы, товарищи, неправильно себя вели, и приводили примеры. В общем, на Брионах распрощались с ними, они дали нам сопровождающим Ранковича, и вечером все вместе на яхте выехали в г. Пула, с тем чтобы оттуда съездить в г. Риека (это около Триесты); (правильно: около Триеста. —

Прим. ред .), затем — в Загреб и затем вернуться в Белград.

Ночью на море поднялся шторм, который доходил, говорят, до 7 баллов. Я, правда, спал. Утром меня разбудил Хрущёв и начал смеяться, как, мол, самочувствие. Я ещё лежал, вроде неплохо, а потом, когда встал и стал ходить, чувствую, качает, и довольно неприятно. Качка была не боковая, а с кормы на нос. Моряки говорят, она самая неприятная. Хрущёв говорит: «А вы посмотрите на своих подчинённых».

Я, одевшись, вышел и вижу: один сидит — за живот держится, другой в угол прижался, его тошнит, третий бледный сидит, многих уже стошнило. Когда узнал у штурмана, что мы штормовую полосу миновали и через сорок минут будем у берега Пулы, я успокоился...

Вернулись в Белград. По пути мы осмотрели г. Блед, Боскопну (города с таким названием в Югославии не было. —

Прим. ред .), Любляну и Загреб. В Загребе был большой приём, и после приёма — в поезд и на Белград.

В Белграде ещё раз встречались с югославами, затем был устроен приём большой, и мы 3 июня вылетели в Софию. В Болгарии осмотрели достопримечательности города и 4 июня вылетели в Бухарест. Там был большой митинг Дружбы, затем вечером — приём. На следующий день уже были в Москве[512].

В общем, прошло благополучно, кроме одного случая, когда прикрепленный Столяров, который работает с Хрущёвым десятки лет, в Болгарии лишнего выпил, и Хрущёв мне предъявил претензии, почему ваши сотрудники пьют. Ну, я думаю, что Столяров не у меня научился пить, а там, где работает.

Женевское совещание

В середине июля 1955 г. договорились главы 4-х держав встретиться в Женеве для того, чтобы обсудить вопросы разрядки международной напряженности. На совещании будут от СССР: председатель Совета Министров Булганин, член президиума Верховного Совета СССР Хрущёв и Министр обороны Жуков, Молотов и Громыко*.

13 июля я для предварительной подготовки размещения вылетел в Женеву. Там разобрался, кого где разместить, посмотрел дворец Наций, где будут заседать, дал все необходимые указания работникам посольства и своим, как лучше обеспечить пребывание нашей делегации, затем вечером с Коротковым А. М. осмотрели Женеву, Женевское озеро, а затем по-швейцарски поужинали.

Между прочим, в Женеве многие жители дома не <едят>, а кушают в ресторанах и столовых и т. д. Кормят неплохо. Ужин — обычно сыр, хлеб, бутылка вина, но всё это довольно вкусное. Мы так же сделали и на следующий день вернулись в Москву.

Через два дня вылетели в составе делегации в Женеву с дозаправкой в Берлине[513]. В первый день встретились в Зале Заседаний Наций, где были президент Эйзенхауэр — от США, Иден* — от Англии, Фор* — от Франции, и соответствующие министры иностранных

дел, а также мидовские конторщики и журналисты.

Возлагали на это совещание большие надежды, а по существу было прощупывание друг друга, так как западники не знали, кто такой Булганин, новый глава Правительства. Ну, конечно, практически мало что решили, так как они и не были готовы к этому. Это вполне понятно. Годами нагнетали холодную атмосферу и, естественно, сразу согреть её невозможно[514].

P. S. Сначала не хотел детали описывать, но потом, подумав, решил добавить.

Возле советской делегации вертелись наши журналисты, корреспонденты и фотографы. Всякий норовил услужить. Ввиду того, что некоторые ушлые выпросились заранее вылететь в Женеву, то с приездом нас туда уже нашлись мидовские «специалисты» по международным вопросам, которые якобы узнали у своих западных коллег, с чем приехали бывшие союзники и какие вопросы будут обсуждаться на Женевской конференции.

Прорвались они к Булганину, который представил Хрущёву и Молотову этих деятелей, и те доложили. Разошлись довольные. Булганин, обращаясь ко мне, сказал: «Вот как, Иван, надо работать». Я ответил: «Хорошо сработано», а сам думаю, когда же мои люди доложат, что будет на самом деле, так как улетаю из Москвы, я дал задание получить согласованный американо-англо-французский документ по Женевской конференции, так как у меня такая возможность была в одной из этих стран.

Назавтра основное заседание, а у меня еще нет ничего. Через час приходит ко мне сотрудник и говорит: «К вам из Парижа прилетел посыльный». Встретившись, он доложил, что привёз документы. Я придержал его в своей комнате и пошёл в сад, где за столом сидели Молотов, Хрущёв и Жуков[515].

Когда я подошёл, Г. К. Жуков <посмотрел> на меня и сказал: «У Ивана какая-то новость». Тогда я сказал, что «хочу рассказать, что будет завтра на заседании, только предварительно вам надо забыть, что говорили вам „специалисты“ и журналист». Все улыбнулись. И я зачитал весь документ, о чём договорились союзники. После этого В. М. Молотов сказал, что журналисту нашему союзники нарочно пыль в глаза пустили, чтобы дезинформировать нас.

Хрущёв спросил: «А достоверны ли эти данные?» Я ему сказал, что ход совещания, я думаю, подтвердит мои данные. Он сказал: «Познакомьте с этим документом Громыко, который находится в посольстве».

Ну, ход совещания полностью совпал с моими данными. В первый же день было видно, что они нас прощупывают и ничего конкретного не предлагают. Потом это же прощупывание продолжалось путём вносимых приглашений делегации в резиденции. Журналисты лезли за новостями каждый день к нам, но я их старался не пускать. Один из них притащил известного часового торговца Николу Цоч, который всем: Булганину, Хрущёву, мне и нашим сотрудникам — подарил часы. Мне — самозаводящиеся, т. е. рукой машешь, а они <сами> заводятся. Он, видно, не знал, что я на руке-то не люблю носить часы.

Сотрудникам государственной безопасности Швейцарии мы устраивали новые осложнения, и они старались обеспечить безопасность нашей делегации. Кончилось тем, что они попросились сфотографироваться с нашими руководителями. Я их построил в саду и позвал наших для фотографирования. Все остались довольны...

В результате на Женевской конференции кое о чём договорились, да и то, как мне показалось, условно, а конкретного мало. После заседаний в перерывах вновь беседовали, затем приглашали друг друга к себе в резиденцию.

Большое дело играл Г. К. Жуков при переговорах с Эйзенхауэром. Два старых фронтовика.

Много раз вместе заседали в Контрольном Совете в Берлине. Взаимно награждены орденами за разгром фашизма и т. д. Эйзенхауэр Жукова приглашал в Америку своим гостем. Приглашение было принято.

Там же обменялись подарками. У Жукова выходила замуж дочь, а у Джона, сына Эйзенхауэра, родилась дочь. И на беседах Эйзенхауэр больше разговаривал с Жуковым, а не с Булганиным и Хрущевым, которых не знал.

У Идена встреча, как и полагается у англичан, была вежлива, чопорна, официальна.

Французы выглядели какими-то весельчаками. Фор — премьер-министр, весёлый парень, любит выпить, сам ничего не решает, а говорит: «Я должен посоветоваться с правительством». Так что от него нельзя было большего и потребовать.

Доказательством всею служит такой факт. Я один раз не пошёл на заседание (беседу), когда французы приехали к нам в резиденцию, и вышел во двор, посмотреть, как себя во время приёмов ведут сотрудники. Вот там, когда угощали французов (обслуживающих), я «познакомился» с шофером премьер-министра Фора. Парень весёлый, в прошлом моряк, за 60 лет, подвыпил, стали беседовать, и он свободно отвечал на мои вопросы.

Когда я спросил: «Ну, а как этот премьер?», шофер улыбнулся и говорит: «Знаешь, я тебе что скажу, — (мы с ним были на „ты“, так как я через переводчика представился тоже шофером одной из советских машин), — я возил уже не один десяток премьеров, они у нас сменяются, как перчатки, этот долго тоже не удержится». В этом он прав, судя по Фору.

Затем он меня приглашал в Париж. Там у него свой домик, виноград есть, и «там мы гульнём». Видно, я ему понравился, или он был пьян, но, к сожалению, дальше разговор продлить мне не удавалось, хотя я и виделся с ним ещё 3–4 раза.

Причина этому следующая: в разгар беседы во двор вышел из резиденции Жуков Г. К., в форме. Увидел меня и подошёл, да к тому же ещё и обнял, и говорит: «Ты что тут, Иван, делаешь?» Я говорю: «Вот, беседую с коллегами». И далее: «Вот, познакомься, водитель премьера Фора».

Жуков, как водится простому русскому человеку, протянул руку шоферу и пожал её. Корреспонденты и тут вертелись. Я крикнул одному, чтобы нас втроем сфотографировали, что и было сделано, ну затем с Жуковым ушли. И это всех насторожило.

На следующий день на приеме у президента Швейцарии я вышел во двор к сотрудникам и увидел «коллегу», он робко ко мне подошел и не как раньше поздоровался, издали приложив руку к фуражке. Я подал ему руку, он уже подобострастно пожал её, но разговор не клеился, он был смущён.

Я начал расспрашивать, почему он ко мне изменился. «Коллега» мне робко сказал: «Я вижу, что вы не шофёр». Я спрашиваю: «Почему?», он ответил: «Маршал Жуков обнимать шофёра не будет». Я его пытался убедить, что маршал Жуков у нас простой, из простого народа, сам рабочий и т. д., но у него эти понятия не укладывались в голове.

В конце он мне говорит: «У нас во Франции считают Маршала Жукова самым большим полководцем, наряду с Наполеоном, но только умнее. Наполеон глупо сделал, что пошёл на Россию. Вот если бы вы мне дали фотографию, когда мы вчера с ним сфотографировались, то это для меня было бы большим подарком». И далее добавил: «Я бы на этой фотографии добыл себе авторитет и деньги». Фотографию он получил. Вот проклятая буржуазная идеология — «авторитет и деньги», без этого ни шагу.

В общем, 24 июля распрощались с Женовой и вылетели в Берлин. В Берлине нас ГДРовцы

встретили подобающим образом и повезли к Гротеволю на квартиру, чтобы сразу покушать.

Приехали, помыли руки, сели за стол, и начались разговоры. Сперва начал Гротеволь рассказывать об успехах ГДР, а за тем стал говорить Вальтер Ульбрихт.

Сидим 10 минут, к еде не приступаем — неудобно. Сидим 20 минут, 30 минут, 45 минут, а потом уже Хрущёв говорит: «А мы кушать будем или нет?» И только после этого покушали. Вот как любят говорить немцы.

Когда вернулись в Москву, я проверил, как у нас дела с американской комбинацией, оказалось, очень хорошо.

«Наш» паренёк на службе чувствует себя хорошо. Связь с нами поддерживает регулярно, ну, а мы тут используем машинки, которые сделали для этих целей.

Я Хрущёву регулярно докладываю о планах и намерениях наших противников и каждый раз предупреждаю, чтобы в беседах с иностранцами не дал понять им, что мы их замыслы знаем. Он, правда, каждый раз как-то неприязненно воспринимает мои слова. Очевидно, про себя думает, что нечего его учить, сам всё знает.

«Не суйтесь не в свои дела»

Не знаю, как кому, а мне что-то не нравятся отношения между членами Политбюро и особенно задиристый тон Хрущёва. По всем вопросам, принципиально рассматриваемым на Политбюро, он высказывал свою точку зрения, хочет, чтобы так и решили. А по ряду вопросов Молотов В. М. возражает, и я думаю, разумно. Хрущёв злится и иной раз переходит к оскорбительным замечаниям вроде того, что «Вячеслав, ты ведь в сельском хозяйстве не понимаешь»...

К сожалению, и среди членов Политбюро, и секретарей находились такие, которые в угоду Первому Секретарю поддакивали. Вот и получается, голоса раскололись, и вопрос не решился, или решился не до конца продуманно.

Не знаю, к чему это приведёт. Меня вся эта обстановка как-то угнетает. Хотелось, чтобы после Сталина, при котором в угоду ему делалось много непростительного, решали бы мирно, по-партийному, по-государственному.

Вот и теперь все же выбирали Маленкова председателем Совета Министров СССР и через год освободили. Мало того, среди руководящих товарищей, с которыми мне приходится встречаться, <многие> выражали недоумение, за что сняли Маленкова, почему, в чём провинился, так и на периферии не знают, что и почему, не говоря уже про границу. Ведь Советский Союз — это не Франция, каждый год менять премьера. Непонятно это и мне — члену ЦК КПСС, депутату Верховного Совета и министру. Плохо всё это получается.

Кто её знает, может, я такой бестолковый и не понимаю, хотя и другого министра так же между собой <

нрзб >. А может быть, уже стареем и становимся <

нрзб >. Ведь мне в этом году будет 50 лет, полвека прожил, подумать только!

Понимаю, что Хрущёв хочет сделать быстрее, и чтобы народу жилось лучше, как он всюду говорит, но, к сожалению, в жизни не всегда все это удается, надо выждать и проверить на

практике!

<Ведь> в северных областях, где уже послушались Хрущева и начали сеять кукурузу, она не пойдёт. Ведь уже в тех областях лето бывает всего 3–3,6 месяца. Когда же выйдет кукуруза! Ну что же, посмотрим, как будет дальше[516].

Я изредка пытаюсь, будучи на докладе у Хрущёва, высказывать эти мысли, но получаю ответ: «Не суйтесь не в свои дела» или «Что вы понимаете в политике!»

Индия

Август 1955 года для меня был знаменательным. Исполнилось 50 лет. «За заслуги перед государством и в связи с 50-летием» награжден орденом Ленина. Приятно чувствовать, что ЦК оценило мой скромный труд на благо Родины. Это уже 6-й орден Ленина[517].

Ну, хотя мне уже 50 лет, а я этого пока ни в чём не чувствую. Энергия по-прежнему имеется, голова та же, память та же, в общем, пока всё на должном уровне. Любопытно потом, когда буду совсем старым, наблюдать, какие будут происходить изменения.

В октябре президиум ЦК рассмотрел предложение т. Хрущёва о присвоении мне звания генерала армии. Предложение принято. Мне присвоено звание «генерал армии»[518].

В звании генерал-полковника я был 13 лет, тоже срок немалый. Некоторые военные вроде Штеменко, Кузнецова, Москаленко и др. получали звания генеральские каждый год, а я законно отбыл 13 лет.

Жуков Г. К., поздравляя, говорил, что он сказал в Женеве Хрущёву, что хочет представить меня к званию генерала армии. Якобы Хрущёв сказал, что он сам этот вопрос поставит с приездом в Москву на заседание президиума. И вот решили. Думаю, что Жуков правду сказал.

На днях Хрущёв сказал, что надо готовиться к поездке в Индию. Я сказал, что страна нами не изведанная, поэтому я думаю вначале слетать один, а затем уже и делегация. Он согласился [519]...

Когда мы приземлились на аэродроме и вырулили к зданию аэропорта, нас встретил посол СССР Меньшиков* М. А. и высокого роста индус (я впредь индийцев — их правильное название буду называть неправильным, но обычно применяемым названием европейцев — индус. Это слово происходит от религии индуизм, а не по национальности. Может быть индусом и русский человек, т. е. исповедующий индуизм). Индус был красив лицом, седоват, лет 45, который представился как работник Министерства внутренних дел Ханду*.

Практически, как я потом вычислил, это приближенный человек Неру*, ведающий госбезопасностью. Познакомившись, Ханду нас повез в Хайдарабадский дворец. Послу т. Меньшикову, который тоже приготовил нам место, я сказал, что «нам лучше быть поближе с Ханду, а с тобой мы всегда сблизимся» (Меньшикова я знаю около 20 лет.)[520]. С Ханду мы условились, что первый день мы ознакомимся с городом, а завтра с утра приступим к делу.

Дворец был красивый снаружи и, я бы не сказал, <что> уютный внутри. Правда, залов много и хорошо обставлены...

К 10 часам утра за мной заехал Ханду, и мы с ним поехали: вначале по городу, затем заехали в президентский дворец, осмотрели комнаты, где будут наши размещаться, прошли по парку,

в котором летали, как наши галки, зеленые попугаи и другие птицы. Особенно мною в городе возле дорог орлов, грифов и стервятников. Индусы по их религиозным убеждениям не убивают животных. Я действительно видел, как в Старом Дели шел «священный бык», обыкновенная серая скотина, и трамвай остановился, пока он не перешел дорогу.

Условились с Ханду встретиться на следующий день утром, и затем я поехал в Хайдарабадский дворец, где я располагался.

Созвонившись с Меньшиковым, он послал мне машину, и я поехал в посольство. Живут неплохо, работы почти никакой. Штат громадный...

На следующий день мы с Ханду поехали в МИД Индии к генеральному секретарю Десаи* согласовать ряд протокольных вопросов. Встретил любезно, сразу же начал угощать чаем с молоком и разными сладостями...

Обратный путь прошел нормально. Долетели за один день. К вечеру были в Москве. Рассказал Хрущеву о поездке, сказал, что встреча будет неплохой. Он остался доволен. Булганину тоже позвонил, он позвал к себе и подробно выспрашивал. Потом говорит: «Нет, Иван Александрович, следи сам, чтобы все было хорошо». Я ему сказал, что «не посраммим земли русской».

17 ноября вылетели на двух самолетах в Дели. Ночевали в Сталинабаде, были выпивки и дурачество. Разве их удержишь. Утром поднялись и стали набирать высоту. В общем, полет проходил <так> же, как и я летел. Я давал некоторые пояснения по маршруту. Когда прилетели в Дели, то там на аэродром собралось несколько тысяч народу. Были члены правительства во главе с Неру и ею дочерью Индирой Ганди*. Кстати сказать, многие думают, что Ганди — это родня известному в Индии вождю Махатме Ганди*. На самом деле это фамилия мужа, фактически с которым она не живет. Он работает в редакции какой-то газеты, пьянчужка по фамилии Ганди.

По выходе из самолета всем нам, членам делегации, одели тяжелые желтые венки из разных желтых цветов с характерным удушливым запахом. Это национальный цвет Индии. Кстати сказать, у Булганина на светло-сером костюме остались пятна желтые.

В Индии желтый цвет обожают, как у нас красный. Национальный флаг тоже желтовато-белый. От самолета дорожка была покрыта коврами и посыпана лепестками от желтых цветов.

Когда поздоровались, то Неру пригласил Булганина принять почетный караул, Булганин двинулся, а за ними и Хрущев. Зачем? Получилось немного неловко, не по-военному, когда почетный караул полагается принимать одному человеку. Затем уселись по машинам все трое, за ними мы с Ханду и поехали в город, до которого было не менее 10–12 <километров>[521].

Встреча русских превзошла все наши ожидания. Все 12 км представляли собой сплошные массы народа, празднично одетых, с различными побрякушками, с песнями и в национальных костюмах.

Часто попадались люди на слонах, празднично украшенных. Все приветствовали наших и Неру криками: «Хинди русси бхай, бхай!» — «Индусы и русские братья!», «Дзиндабад!» — «Приветствуем!» и другие.

Маршрут движения был: аэродром — «круг» в центре Дели, а затем дворец президента. На протяжении всего пути индусы приветствовали русских гостей, бросали в машины цветы. Приехали во дворец, разместились, и вечером президент устроил прием во дворце. Народу было не менее тысячи человек. Все подходили, здоровались и приветствовали.

Обменялись тостами Неру и Булганин. Затем вышли в зал, где вели беседы с научными работниками, дипломатами и т. д. Я обратил внимание на высокого красивого индуса лет 26 с не менее красивой женой. У индуса был на голове красный тюрбан (мусульманский).

Я спросил у Ханду, что это значит. Он сказал, что это магараджа Кашмира. Красный тюрбан одел в честь советских гостей, зная, что у нас красный цвет считается государственным. Затем Ханду предложил меня познакомить с ним. Когда знакомились, магараджа что-то сказал Ханду, который мне затем сказал, что раджа хочет пригласить г. Булганина и Хрущева в Кашмир. В то время позиция Советского Союза по Кашмирскому вопросу не была известна, американцы же считали, что Кашмир, населенный мусульманами, должен отойти к Пакистану [522].

У нас по программе Кашмир не был запланирован. Я ответил, что я скажу нашим о желании магараджи. Затем подошел и сказал Хрущеву об этом, предупредив, что будут приглашать в Кашмир. Сам подошел к Ханду и радже и продолжал разговор. Т. Булганин и Хрущев подошли вроде бы ко мне и тут же познакомились с раджей, который в вежливой форме приветствовал их и пригласил посетить Кашмир. Хрущев ответил, что время еще есть и на обратном пути мы дадим знать.

После приема, вечером прогуливаясь по саду, Хрущев сказал, что надо запросить президиум ЦК и спросить согласия на посещение Кашмира, где высказать, что СССР считает Кашмир индийским.

На следующий день утром прогулялись по саду, и Хрущев мне одному высказал мысль, что Булганин неправильно высказывается, оскорбляя национальные чувства индусов. Действительно, на приеме Булганин сказал, что они бедная, а СССР богатая страна. Но я думаю, что вряд ли они придали этому значение. Правда, я ответил Хрущеву, чтобы он сказал об этом Булганину, но Хрущев как-то неодобрительно хмыкнул.

Утром после завтрака поехали в Делийский университет, расположенный за городом. Классы и аудитории — все не по-нашему. В ряде случаев высятся 4 каменных стены без крыши, в середине такого колодца стол для преподавателя, вокруг которого скамейки или столики для студентов.

Видели там преподавателя русского языка, сам он «из Петербурга» выехал в Индию после революции. Живет здесь небогато и все время мечтает вернуться на родину. Хрущев спросил: «Так в чем же дело?» — «Не дают визы на въезд». Хрущев сказал мне записать фамилию, и надо помочь выехать. Я вечером дал телеграмму Ивашутину, чтобы впустили в СССР.

После института поехали в Красный Форт для осмотра, затем поднялись в «Храм Шивы» — индусского бога. Туфли снимали у входа в храм и по ступенькам поднимались босые. Затем поехали на могилу Ганди (вернее, на место, где был в 1948 г. после убийства сожжен Ганди, почитаемый в Индии, а пепел высыпали в р. Ганг, так как, по преданию, душа ушла к богу, а тело в священную реку). Там нас ждали посольские сотрудники с венками.

Не доходя 100 метров до могилы, мы сняли туфли и в одних носках двинулись к месту сожжения, которое обнесено мраморными плитами, а в середине клумба с цветами. Дорогой Булганин рассказал солдатскую шутку, «не сопрут ли наши туфли, пока мы ходим». И затем вполне серьезно сказал Безруку* (прикрепленному): «Поглядывай».

В тот же день мы побывали в Институте ядерной физики, где профессор-баба[523] проводил научные эксперименты с расщеплением атома урана.

На следующий день нас Неру пригласил посмотреть жизнь и учебу в Лицее бойскаутов. Там нас встретили преподаватели и бойскауты. Всем как уважаемым гостям они помазали лбы

пальмовым маслом и приклеили по три рисовых зернышка, обозначающих: «Желаем вам как радхам счастья и богатой жизни». На открытом стадионе бойскауты, мальчики и девочки, выступали с физкультурными упражнениями, танцами, затем преподнесли цветы. Потом осмотрели Старый Дели. Вечером посол СССР в Индии М. А. Меньшиков устроил прием в честь советских руководителей. Все прошло неплохо. Выступали т. Хрущев и Неру.

На третий день пребывания поехали в Агру посмотреть дворец-мавзолей, построенный из белого мрамора царем для своей жены...

Вечером в Агре устроили местные власти прием, на котором присутствовали местные жители. Наши перебрали спиртного и немного поругались.

Хрущев вечером, когда прогуливались, опять высказывал недовольство Булганиным. Правда, я не заметил ничего предосудительного, так и сказал. Вообще мне с ними сложно. Надо смотреть за охранниками, чтобы не перепились, да еще замечать, кто чего неправильно сказал. Друг другу не хотят сказать, а мне вываливают...

Вечером вылетели в Бангалор, от Дели более 1000 км. Нас посадили около ипподрома и повезли ночевать в гостиницу ипподрома. Помещение, правда, плохое. Мы сели с Ханду в одну машину и поехали впереди, чтобы не блуждать, так как уже темнело.

Нашим деятелям то ли не понравилась встреча, не было народу, то ли мы ехали впереди, и за нами была пыль. В общем, не знаю, в чем дело. Когда разместились и улеглись, вдруг за мной приходит Безрук (а я помещался через две комнаты от Булганина) и говорит: «Зовут к себе». Я почувствовал недоброе и насторожился.

Когда вышел, то начал Булганин: «Товарищ Серов, мы считаем ваше пребывание здесь нецелесообразным». Я спрашиваю: «По каким причинам?» Хрущев: «А мы и без вас обойдемся. Что вы думаете, вы все знаете, а мы при вас. Мы сейчас напишем телеграмму в ЦК, а вы уезжайте».

Я еще раз спросил: «А в чем дело-то?» Ни тот, ни другой не говорят ничего конкретного. Я тогда говорю, что если я не нужен здесь, то я завтра улечу в Москву. «Ну и улетайте», — кто-то из них сказал. Я вышел.

Увидел Столярова (прикрепленный Хрущева) и сказал ему, что я завтра улечу в Москву, ты оставайся за старшего и следи, чтобы сотрудники бдительно несли службу. Столяров стал отказываться, что он с этим не справится, что без меня за ними, то есть Хрущевым и Булганиным, не уследить, и прочее. Разошлись.

Я пошел в душевую умыться. Пока мылся, Булганин пришел ко мне в номер и ждал. Когда я вошел, он говорит: «Ты не сердись, Никита сегодня не в духе. Ты сходи к нему сейчас, попроси прощения, и все обойдется». Я ему отвечаю: «Мне не в чем просить прощения, так как я не противился, а улечу, я улечу, меня этим не запугаешь», Он опять начал говорить: «Зайди к Никите, поговори».

Я, конечно, не пошел. Часа через полтора я занес Хрущеву телеграмму из Москвы, которую мне привез из Дели сотрудник, в которой президиум считает целесообразным делегации залететь в Кашмир и высказать там позицию СССР по Кашмиру. Передав, я повернулся и пошел.

Хрущев сказал: «Подождите». Я остановился. Он выглянул в коридор и сказал сотруднику, чтобы позвал Булганина. Когда тот пришел, мне Хрущев говорит: «Прочитайте телеграмму». Я прочел, стали разговаривать и советоваться со мной, что посещение Кашмира полезно. Я молчал.

Потом спросили у меня: «Какой завтра распорядок?» Я сказал, что утром вам вылет в Бангалор. У меня спрашивают: «Во сколько поднимать будете?» Я сказал и ушел. Поутру Булганин сказал, чтобы я не сердился и ехал с ними.

Странное поведение оказалось у них. Видимо, кто-то наговорил на меня Булганину всякую чушь, (Цыгичко* его помощник) подхалим или Лебедев* — мальчишка, помощник Хрущева. И тут проклятые интриги. Терпеть не могу, а люди на этом в рай въезжают, карьеру себе делают. Фу, противно. Мне даже стало неприятно смотреть на них.

Я заметил, что Хрущев уже чересчур мнит о себе, а Булганин прислушивается...

Из Джайпура мы прилетели на Дакоте (американский самолет типа ИЛ-17, тоже тихоход) в Калькутту. Громадный семимиллионный город — столица западной Бенгалии. Встречал Магараджа Мукерджи. Чиф-министр у него Рой. На аэродроме расселись по машинам и поехали нормально.

В городе все жители вышли посмотреть русских. На балконах, на крышах, на деревьях — везде люди. Такого количества я нигде не видел. В городе уже по улицам проезд начал суживаться, и пришлось делать остановки. Я волновался, что может найтись какой-нибудь глупец и учинить неприятность. Затем заторы стали больше, а не доезжая до дворца с километр весь кортеж остановился. Не дают проехать, что-то кричат, хватают за руки, жмут.

Я вижу, дело плохо. Ханду возмутился не меньше меня, кричит, ругается по-своему, а двинуться не можем. Впереди идущий полицейский автобус может медленно двигаться, но легковым машинам, где сидят наши, не дают двигаться.

Чтобы выйти из положения, я с Косовым* вылез на крышу своего автомобиля через окно. По крыше перебежал к радиатору и пробрался к машине Булганина. Вижу, у них настроение неважное. Спрашивают: «Что делать?» Я говорю, что сейчас сбоку подойдет полицейский автобус, вы пересядете, и уедем. Они согласились.

Я стал пробиваться к полицейскому автобусу с Косовым. Когда пробрались, а нам это удалось, потому что индусы, видя, что мы оба блондины, значит, русские, и дают продвигаться. Водителю автобуса сказали, чтобы встал сбоку легковой. Он сначала не послушался, а когда Косов сказал, что у вас поедут Булганин и Хрущев, он заулыбался.

Так и сделали. Я из легковой Булганина и Хрущева за руки схватил и протаскил к дверце автобуса. Оба толстые, неповоротливые, еле под зад подтолкнул, чтобы сесть в автобус, так как подножка высоко.

Когда усадил, сам встал на подножку, и поехали, а легковые машины остались. Полицейская давала сирену, и ее пропускали, зная, что там нет гостей. Когда въехали во дворец, за нами буквально через 10–15 минут въехали остальные машины, так как индусы видели, что идут пустые машины, или же в них сидят такие же индусы.

Когда мы с Магараджей собрались около дворца, то Булганин решил подойти к воротам металлическим (решетчатым) и показался публике. Публика стала ломиться в ворота. Я сказал: «Давайте лучше уйдем с глаз долой».

Только нам показали комнаты, где размещаться, как прибежал Ханду и, волнуясь, говорит: «Прорвали ворота. Чтобы не пропустить во дворец, пусть приготовятся господин Булганин и Хрущев выйти на балкон и показаться, иначе будут рваться во дворец». Тут наши не на шутку струхнули, но, к счастью, эскадрон полиции выгнал со двора прорвавшихся. Когда я выскочил, то уже у ворот было не более 100 человек, которых через 10 минут кавалеристы бесцеремонно вытолкали.

Когда наши успокоились, приняли ванну, я сказал, что народ утихомирился, и сказал, что хочу проехать по городу, посмотреть. Булганин говорит: «Не надо, не пробьешься обратно». Я его успокоил и поехал. Город был красиво расцвечен огнями. Мы случайно попали на одну улицу, вернее, на набережную и еле оттуда выехали. Вся улица была полна спящими пакистанцами, которых, наверно, было сотни тысяч. Оказывается, они переселяются из восточного в западный Пакистан.

Вообще, дележ Индии англичане провели глупо, очевидно, преднамеренно. Пакистан, в общей сложности 90 миллионов населения, разрезан Индией на две части, одна от другой 1,4–2 тысячи километров. Вот и путешествуют да, к тому же еще враждуют.

На следующий день был назначен городской митинг, на который прилетел Неру. В отличие от нашего въезда в город, здесь был полный порядок, хотя собралось 3 миллиона человек. Первые 20–30 рядов индусов сидели на земле. Их огородили бамбуковыми палками, квадратами, на которые натянули веревки. Затем такие же квадраты, но уже индусы стояли.

Неру <перед> началом митинга призвал по радио к порядку, затем приветствовал «встать, сесть» и так далее. Митинг прошел нормально. Выступали Неру и Хрущев, потом мне Хрущев сказал, чтобы не говорить глупостей, будет высказываться он, а не Булганин.

На обратном пути впереди наших машин ехали полицейские мотоциклисты. Ближе к дворцу публика стала по обеим сторонам дороги сближаться, чтобы лучше разглядеть гостей. Но пространство между стенами публики было достаточно для движения двух машин в ряд.

Видимо, полицейские, обозленные вчерашним прорывом, решили отомстить публике и на полном ходу на мотоциклах врезались в толпу, сбивая мужчин и женщин. На наших глазах мотоциклист ударился в женщину, которая упала насмерть. Другой мужчина, сбитый мотоцикл истом, упал в коляску мотоциклиста. Полицейский с презрением ногой вытолкнул пострадавшего из коляски и поехал дальше, не обращая внимания.

Когда приехали во дворец, Ханду, улыбаясь, спросил меня: «Забавно доехали, гражданин генерал». Я ответил: «Здорово!», а сам подумал, что, если бы у нас так проехали, то назавтра виновников хулиганства отдали бы под суд.

После митинга поехали осматривать город и морское побережье. Михайлов поехал побеседовать с Роем и министром культуры Индии. Потом мне рассказывали журналисты, которые присутствовали при беседе, что Рой завел разговор о русских классиках, попутно задавая вопросы Михайлову, делая вид, что не знает.

Он несколько раз посадил в галошу Михайлова, который не знал элементарных вопросов о Некрасове, Толстом и других писателях. Ну, я не удивился, так как семилетнее образование не гарантирует знание таких вопросов. Но, а у нас он сходит за умного.

Из Калькутты ездили в один из городов, где много учебных заведений, на митинг. Там выступал Булганин. Хрущёв опять остался недоволен, так как Булганин сказал: «Мы вам можем помочь» и еще что-то. В разговоре со мной на митинге Хрущев мне сказал: «Не может выступать, все дело портит».

Я подумал, что все-таки Хрущев ревниво относится к выступлениям Булганина. Так нельзя. И не стал ничего говорить.

После митинга получилась давка. Нам всем пришлось взяться кольцом за руки и довести их до машины. Начинаю уставать от всех этих волнений. Да и спать не удастся полностью, то ночью сотрудник дежурный разбудит, то сам не могу уснуть. Одна трепка нервов.

Из Калькутты полетели в Бомбей, тоже приморский город — ворота в Индию для англичан

прошлого века...

Там уже был Неру. Из самолёта хорошо виден город, море, много зелени, красивый крупный город. Разместили в одном дворце на высоком берегу моря.

После ужина подошёл ко мне Лебедев, помощник Хрущёва, и сказал, что он написал заметку о пребывании делегации для газеты «Правда», и надо её передать по каналам КГБ. Я ему ответил, что такого «канала» в Бомбее нет, кроме шифра. «Ну как хотите», а я ему говорю: «Нет уж, ты как хочешь».

Потом он пошёл к Хрущёву, наговорил ему на меня что-то, а Хрущёв, выйдя из помещения на крыльцо, где мы стояли с сотрудниками, мне резким тоном сказал, что записку надо передать. Я ничего не ответил, но ничего и не сделал.

На следующее утро ездили с Неру осматривать город. Проезжая мимо одного храма секты неприкасаемых Хрущёв спросил у Неру: «Говорят, что эта секта не хоронит умерших, а после определенного ритуала сбрасывает тело умершего во двор храма, и там орлы, стервятники и грифы за несколько часов обгладывают труп до костей» (я Хрущёву накануне рассказал этот обычай, а мне рассказал Ханду).

Неру, подумав немного, ответил, что это так. Тогда Хрущёв ему сказал, что птицы, которые питаются трупами, разносят по городу трупный яд. Неру сказал, что это так, но секта небольшая, их всего 50–60 тысяч человек, скоро, видимо, вымрет, и тогда само собой все эти обычаи отпадут.

Неру, видимо, от своего учителя Ганди перенял непротивление злу, которое он проповедовал, поэтому так и рассуждает...

Рано утром, проснувшись, Ханду мне сказал, что надо выехать на аэродром пораньше, так как жители города знают, что здесь русская делегация, все выйдут на улицы, и нам, как в Калькутте, не проехать к аэродрому. Я счёл мотивы убедительными и, посоветовавшись со своими сотрудниками, решил разбудить Хрущёва и Булганина, а то они обычно подолгу одевались и сидели в туалетах.

Когда я вошёл в спальню Хрущёва, там уже тихонько ходила девушка наша, которая была с Хрущёвым, готовила бельё, рубашки и т. д. Я подошёл к Хрущёву, он не спал, и сказал ему, что во изменение вчера назначенного выезда в 9.00 часов надо выехать на час раньше, и сказал мотивы, высказанные Ханду. Он стал вставать. Булганина разбудил Безрук.

Через 15 минут Столяров вышел из спальни Хрущёва и сказал, что меня зовут. Когда я туда вошёл, там стоял уже Булганин.

Хрущёв сразу набросился на меня: «Почему вы заходили ко мне в спальню?» Я отвечаю, что надо было предупредить, что раньше выезжаем. «Почему вы бесцеремонно с нами себя ведёте? Ведь к Сталину вы бы не вошли в спальню? Не посмели бы».

Я подумал и сказал, что к Сталину я входил в спальню в Юхнове, когда он в 1943 году ездил на Западный фронт, разбудил его, и он ни слова не сказал. Затем добавил: «При чём здесь Сталин, ведь надо ехать, вот я и пришёл».

Тут Булганин на подхвате: «Ты, Иван Александрович, зашёл, а Никита не выспался и подумал, что-нибудь серьёзное случилось». Я понял, что всё это разыграно, и ответил, что я учту это, и вышел.

Меня этот разговор ошеломил. Сами всё время подсмеивались над Сталиным, вспоминая отдельные моменты его мнительности и подозрительности, а тут начали себя сравнивать со

Сталиным. «Вы бы не посмели к нему зайти». Странно!

Ничего не пойму. Сталин умер, выходит, что на смену явился ещё Сталин! Я не ожидал от Хрущёва этого, потому что знаю его неплохо на протяжении 16 лет, и он не был таким. Сейчас что-то с ним происходит. Неужели власть и положение начинают кружить голову не в ту сторону? Может быть! Ну что ж, поживём — увидим, но меня это и обидело, и обескуражило.

В Майсуре нас встретили местные власти и представители Военного округа, и на машинах поехали к озеру шириной 2 километра. На озере сели в пароход, который нас доставил на другой берег. Там встретил командующий.

После этого устроили приём, где присутствовали слушатели академии. Хрущёв пригласил командующего Военным округом посетить СССР. Тот согласился. Там же обоим генералам Хрущёв пообещал подарить украинские костюмы и рубашки, а мне Хрущёв сказал, чтобы доставить их сюда, пока мы будем в Индии. К чему это было обещать — непонятно. Это надо гнать самолёт из Москвы в Индию из-за рубашек. Ну что поделаешь! Когда подвыпьешь, то что угодно пообещаешь...

Из южной части Индии мы вернулись в Дели. Утром, прогуливаясь по саду, Хрущёв снова начал мне говорить, что Булганин не может выступать, говорит глупости, задевал национальные чувства индусов и т. д.

Ну что я мог сказать?! Лучше всего сказать это самому. Причём мне не нравилась игра в прятки. В разговорах с индусами, с Неру и другими Хрущёв говорит: «Вот мой друг Иван Александрович...» и т. д., а мне говорит противоположное, это уже получается двуличие.

Сказать Булганину я ничего не могу, сталкивать их лбами не в моей натуре, да и главное — хочется, чтобы в руководстве ЦК и правительстве СССР была дружба, единомыслие, а не раздоры. Это главное. Тогда авторитет Советского Союза будет высокий, и народ будет уважать, а если начнутся драки, то от этого только проиграем, а не выиграем. Причём и оснований-то к этому не вижу.

Мне становится непонятной раздражительность Хрущёва. Если самому хочется выступать, то надо было договориться с Булганиным, и было бы все в порядке. Не пойму!

Утром нам передали, что Неру приглашает на завтрак к себе в резиденцию. Там он познакомил со своими внуками (у Индиры их двое), показал на дереве двух гималайских медведей, которые там сидят всё время и спускаются лишь кушать. Внизу дерево огорожено решёткой, чтобы медведи не убежали. Вообще, они довольно миролюбивые. Тёмно-бурого цвета, в два-три раза меньше нашего бурого медведя, и на груди большая белая салфетка (шерсть). В общем, интересное животное.

После завтрака условились с Индирой, которая должна встречать нас в Сринагаре в дальнейшей программе. Неру, очевидно для того, чтобы придать большее значение нашему посещению Кашмира, направил свою дочь представлять там.

Я везде пишу во множественном числе «нас», «нашу» и т. д. вот почему. Во-первых, в целях сокращения (вместо Хрущёв, Булганин), хотя все описанное относится к ним, и, во-вторых, правительственная делегация в Индию большая. По указанию Хрущёва во многие места было сказано не брать с собой членов правительственной делегации (Кузьмин* — Министерство внешней торговли, Михайлов, Расулов*, Ильичев* из МИДа и т. д.), «без них свободнее». Им же поручалось заняться своими делами: культурной Михайлову, торговлей — Кузьмину, национальными вопросами — Расулову и т. д. Из членов делегации один я только был с ними, поэтому для сокращения и пишу «они», имея в виду их двоих...

На приёме в разговоре со мной Индира Ганди рассказала два интересных эпизода. Я спросил у неё в отношении племени нага — это по описанию дикари, живущие в горах на юге Индии в первобытном состоянии.

Индира сказала: «Папа как-то решил съездить к нага и узнать, как они живут. Я попросилась поехать с ним. Когда мы добрались к ним и стали беседовать, то они не знали премьера Индии, не знали, что такое власть, не видели англичан-колонизаторов и живут по своим законам, которые установились их вождём. Говорят, что они людоеды, но эту часть не удалось уточнить, однако, по их правам самым храбрым считается нага, у которого на поясе висит несколько человеческих черепов убитых врагов. Вождь племени нага перед танцами, после того, как угостил нас бананами, посадил папу в ноги у трона вождя, а меня рядом. Девушка неохотно выходит замуж за молодого человека, у которого на поясе нет черепа. После беседы мы с папой собрались уезжать. Нам переводчик сказал, что вождь устраивает в честь гостей танцы. Но так как дело было уже к вечеру, папа поблагодарил их и хотел ехать. Переводчик тихонько сказал, что это их страшно обидит и они могут по дороге убить их. Пришлось остаться. Начались танцы часов в 7–8 вечера и продолжались до 4-х утра, когда уже начало светать. Так мы и сидели 8 часов подряд, наблюдая танцы и делая вид, что они нам нравятся, а самим страшно хотелось спать. При этом вождь нага сидел на троне, а Неру у него в ногах, на нижней ступеньке. Вот это вождь!»

Затем Индира рассказала <в ответ> на мой вопрос, кто сильнее — тигр или кабан, такой случай. Они ночевали с отцом в Майсуре (примерно там, где и мы были), и с вечера им жители сказали, что видели тигра (нас тоже предупреждали, чтобы вечером мы не выходили из гостиницы). Ночью к этому месту, где был тигр, вышел кабан. Началась драка между ними, которая длилась 4 часа. В конце концов, тигр, израненный клыками кабана, всё же победил его, перегрыз горло кабану, а сам, отойдя от места боя за полкилометра, был найден мертвым. Значит, силы равны...

На прогулке Хрущёв спросил, что завтра. Я ответил, что мы должны поехать на выставку кашмирских изделий, после чего гражданский митинг, где должен выступать Булганин. Хрущёв сказал: «Пойдёмте, прочитаем его выступление».

Я несколько удивился такому предложению, почувствовав, что-то не так. Когда пришли в гостиницу, то там уже после чтения Шуйский*, Лебедев и <Булганин> поссорились, что выступление плохо составлено и т. д. Мне показалось, что всё это было подстроено.

Когда стали вести на эту тему разговор, Булганин рассердился и сказал Хрущёву: «Чего ты всё время ко мне придираешься? Если хочешь, то и выступай сам». Хрущёв сразу согласился, и «контора» Шуйский-Лебедев приступила к составлению текста выступления.

Наутро осмотрели выставку изделий, нужно сказать, что очень тонко и из хорошей шерсти делают кашмирцы шали, ткани и другие ручные изделия. Но в процессе перепродажи она возрастает в 2–3 раза. Нам всем сделали соответствующие подарки.

Затем пошли к клубу, на площадке которого был митинг. Сперва выступил премьер-министр Кашмира (так как Магараджи не выступает), а затем — товарищ Хрущёв, который изложил позицию СССР по Кашмирскому вопросу, что страшно понравилось местным руководителям [524].

Булганин сидел сердитый, еле аплодировал для видимости. После митинга пошли врознь. Один с одной группой кашмирцев, другой с нами. В общем, чёрная кошка между ними пробежала. Как быстро всё случилось. К большому сожалению.

Бирма-Афганистан

На следующее утро мы вылетели в Дели, а оттуда в Рангун, в Бирму...

На аэродроме встретили члены правительства Бирмы во главе с У Ну* и повезли нас в президентский дворец...

На следующий день мы по плану выехали на машинах в Шанское государство. Это группа бывших княжеств объединилась в так называемое государство и входит на суверенных правах в Бирманский Союз. Причём это «государство» объединяет ряд племён инородных, не бирманцев — лаосцев, тибетцев, китайцев и других народностей.

Бирманцы — это <народность> монгольской расы, а Шанское государство — это смесь инородных. Живут они в горах, вокруг большого озера километров до 10 длиной. Из этого озера вытекает небольшой ручей, а возможно и был проделан канал, так как сейчас это всё заросло тростником, и местами ширина этого канала не более 3–4 метров...

Вся Бирма имеет населения до 16–18 млн. Даже они точно не знают, так как на севере, куда мы поехали, там граница перепуталась с Китаем и Индией, а на юге — Таиландом. Причём на севере до сих пор они ведут бои с чанкайшистами и с коммунистами, которые в свою очередь враждуют между собой. Половина компартии называет себя «Красной розой», а вторая — «Белой розой», и враждуют.

Когда мы после Мандалая пересели в машины, то впереди нас шли военные на машинах, с автоматами наизготовку, и, кроме того, я заметил, на протяженности 30 километров в лесу было расставлено до одной дивизии солдат и офицеров из гарнизона Меймье, где дислоцируется штаб округа.

В общей сложности мы поднялись на высоту примерно до 2 1/2 километров и там в двух офицерских домах разместились. Вокруг домов ходила охрана, и нас предупредили не открывать окна. Правда, я ночью проснулся и посмотрел на воинов, которые мирно дремали.

Ночью там было холодно. Вообще в Бирме проходит самые характерные муссоны, много влаги, частые дожди, кроме зимних месяцев: февраль, март, апрель, когда бывает сухо. Температура днём средняя по году +30° в Центральной части, 23° — в Северной части. Растительность буйная, на юге Бирмы водятся крокодилы, слоны, тапиры и другие тропические животные.

На следующее утро командующий военным округом устроил парад войск. Прошла моторизованная пехота и артиллерия, всё это по английскому обычаю. На параде было много англичан, американцев и других журналистов, которые с бирманцами не считались, видимо, привыкли считать Бирму своей колонией, так и не могут отвыкнуть. Многие из них уже меня знали, хотя был в гражданском, но все они меня называли «господин генерал».

Один журналист, англичанин из «Дейли миррор» (лондонская газета «Зеркало») набрался нахальства, подошёл вплотную и уставил на меня фотоаппарат и хотел сфотографировать. Я пальцем ткнул фотоаппарат в сторону и говорю: «В порядочном обществе просят разрешения сфотографировать, а без этого бьют по носу». Я фотоаппаратом ткнул его по носу. Он пытался что-то возразить, но на него навалились другие журналисты, и он злой отошёл в сторону.

По окончании парада под навесом устроили приём, опять все поднабрались и еле добрались до кроватей.

Наутро выехали в Рангун, вернее, в Мандалай, а оттуда на самолёте в Рангун. Ехали опять со всякими предосторожностями. Один раз только вышли из машин, так как полковник из МГБ

Бирмы всё время меня просил не выходить. Видимо, у них там стычки бывают часто.

По придёте в Рангун У Ну предложил поехать в храм Будды, расположенный на окраине города. Внешне храм — большое, длинное здание типа манежа, но меньше. Внутри расположены различные достопримечательности, связанные с легендами о Будде...

Вечером был большой приём, устроенный в парке президентского дворца. Украшения, иллюминация — всё такое же, как в Индии. Выступления артистов тоже похожи, но более резкие танцы, показывающие борьбу уже не только со злыми духами, но и со зверьми, между собой и т. д. Видимо, местные условия Бирмы: много лесов, где много зверей, сельскохозяйственное устройство страны — всё это наложило отпечаток и на культуру[525].

На следующий день распрощались, и мы вылетели в Дели. Там сделали короткую остановку для заправки и двинулись в Кабул (Афганистан). Для того чтобы в Кабуле хоть мало-мальски ознакомиться и встретить наших товарищей, я вылетел на 2 1/2 часа ранее на своём самолёте. И хорошо сделал, так как условия посадки сложные.

Кабул расположен в котле, кругом горы, аэродром на высоте 1800 м, принимает только в одном направлении. Поэтому, когда я прилетел, то кое-что дал <понять> местным афганцам, как принять, успел съездить в резиденцию, которую нам отвели. Оставил там несколько сотрудников и сказал, что надо сделать, чтобы более или менее прилично устроиться.

На аэродроме встречал премьер-министр, министр двора, министры и дипломаты. С аэродрома поехали в резиденцию, где привели себя в порядок, и через час поехали с визитом к королю Мухаммеду*. Королевский дворец расположен на окраине города, огорожен дувалами (стенами из прессованной глины), а помещение короля ещё за одной стеной. Охраны, конечно, полно.

Внутренний вид дворца довольно мрачный, в восточном стиле, старинная архитектура. Визит был короткий, вежливости. Распрощавшись, поехали возложить венки на могилы отца короля и Амануллы-хана*, который царствовал до этого короля (его двоюродный брат).

Я Амануллу видел в 1926 году в Ленинграде, он приезжал с женой и племянницей. Здесь к Амануллу относятся как-то неважно, но он был прогрессивный король. Он отменил неравноправие женщин и паранджу (покрывало). Однако, как мы убедились, нынешние власти всё это восстановили, и мы в городе не увидели ни одного открытого лица женщины.

Приехав в свою резиденцию, и предупредил наших о том, что король болен сифилисом, что его жена лечится <в> ФРГ. Они начали плевать, попросили спирту протереть руки и шуметь на меня, почему не предупредил раньше. Я сказал, что в спешке не до этого было.

На следующий день был назначен гражданский митинг на стадионе. Ну, как и водится, ни одной женщины-афганки не было ни на стадионе, ни в ложе, где мы находились, кроме иностранок.

Произнёс мэр города Кабула речь, на которую ответил Булганин, и начался праздник «козлодрание». Коротко смысл такой: две команды человек по 20 на лошадях, у одних лошади гнедые, у других серые и белые, 3—4 судьи, тоже на лошадях.

В середине футбольного поля лежит козёл без рогов. По свистку судьи всадники хватают козла и стремятся затащить как бы в ворота, а в данном случае принести через всё поле на маленькую площадку напротив ложи премьера. Противная сторона нападает на обладателя козла и старается перехватить его с той же целью. Происходит дикие схватки, столкновения коней, всадники стаскивают друг друга с лошадей, лошади прыгают на круп друг другу и т. д. В общем, если учесть их горячность, то игра опасная. И вот они нам её показали.

Вечером был приём у короля, а на следующий день должны принимать короля мы. В разговоре с Министром внутренних дел, ныне послом Афганистана в СССР (довольно приличный человек), когда я ему рассказал, какая у нас будет концертная программа, он сказал, что весьма нежелательны выступления женщин.

Я ему сказал, что у нас уже все прибыли, причём женские номера хорошие, в том числе акробатический номер мужчина и женщина, и мы их не можем огорчать и не дать выступить. Он мне сказал, что по нашим законам мужчина не может смотреть на полураздетую женщину, и если в народе узнают, что король смотрел на это, то его престиж пошатнётся. Я его убеждал, что мы заставим артисток закрыть платками, шарфами шею и спину, и будет не полуголая. Он посоветовал спросить мнение короля, когда мы сегодня будем у него.

Я всё это рассказал начальству. Булганин говорит: «Они будут у нас гости. Что покажем, то и пусть смотрят». Хрущёв подошёл к этому делу с учетом национальных чувств и сказал: «Я спрошу у короля, а вы мне напомните».

На приёме было народу немного, прошло всё непринуждённо. Я напомнил Хрущёву вопрос о женщинах. Хрущёв стал подводить разговор к этому вопросу. Король насторожился, сперва говорит: «Ну, конечно, можно участие женщин», а потом, когда ему сказали, что можно и без них, тогда он оживился и сказал: «Да, да».

Я тогда вмешался и сказал, что у нас половина программы — женщины, причем исполняют классические произведения, поэтому не стоит их огорчать после того, как они мучились на самолёте 4000 километров. Тут король сразу согласился, и всё урегулировали.

После приёма, когда приехали, я рассказал нашим, что прилетели также акробаты <Милаев>* (зять Брежнева*) и Качалова, очень эффектные номера. Ну, тут решительно сказали «нет», так как она выступает в плавках, почти голая.

На следующий день к вечеру министр внутренних дел начал на грузовиках свозить нам подарки. Когда приехал король, то сразу все вошли в комнаты, где были разложены подарки, король сам стал называть, кому что. Подарки были дорогие, в том числе почти всем членам делегации серые каракулевые шкурки, которых в Афганистане много.

И, кстати сказать, мне, кроме того, король подарил старинную восточную шашку с золотой инкрустацией и мраморный стол на железных витых ножках весом 150–200 килограмм. Про кинжал сказал, что мне он нужен для борьбы с врагами Советского Союза, а стол — для работы. Кстати сказать, я послу сказал, чтобы стол оставили в посольстве и не возились с ним.

На следующий день попрощались и вылетели в Сталинабад. Прощаясь с Афганистаном, я ещё раз посмотрел с высоты на хребты Гималаев, Гиндукуша, Памира и других гор[526].

Там нас встретил Секретарь ЦК Гафуров* и так плохо организовал встречу, что нам, как в Калькутте, пришлось вылезти из машин, войти в старое, разрушенное здание, пересидеть, пока я подогнал к противоположной улице этого дома машину, и через второй <выход> скрытно уехали на дачу Гафуров растерялся, но ничего не мог сделать.

Когда устроились, я сказал, что завтра они спокойно долетят до Москвы, а я хочу уехать в Карши (аэродром), там стоит ТУ-104. Машина находится на экспериментальных испытаниях, и меня Туполев* же попросил облетать, так как возможно, она будет предложена для полетов членов правительства, в том числе и за границу. Хрущёв сказал: «Это хорошая идея. Может быть, мы на нем полетим в Лондон, куда Иденом приглашены»[527].

Я попрощался и уехал на аэродром. Там уселся в штурманскую кабину ТУ-104, и нам разрешили вылет. Я впервые на реактивном самолёте. Когда стали запускать двигатели, то

сперва застрекотал мотоциклетный движок, который раскручивает турбину, а затем взревела турбина и с визгом стала раскручиваться. Впечатление непривычное. Минут 10 прогревали двигатели, а потом вырулили для взлёта. Разбег проходил медленно, видимо, и лётчик-то не совсем уверенно на нём летает, так как мало времени еще прошло с момента выхода самолёта с завода, вернее, из КБ.

Потом скорость стала нарастать, но самолёт, я чувствую, всё ещё бежит. Пробежал один километр, бежит дальше, уже второй километр кончается, а он бежит. Спросить лётчика — нельзя отвлекать в самый ответственный момент, а аэродром кончается, потом уже лётчик взял штурвал на себя, и самолёт перестал бежать и, не поднимаясь, на высоте 2–3 метров ещё долго летел. Затем набрали высоту над аэродромом 3 км и пошли на Москву[528]...

В это время, как мне рассказали, и Туполев, и моя многострадальная Вера Ивановна стали волноваться. Нас нет и нет. Не случилось ли что. Но потом мы появились. Когда приземлились и зарулили, Туполев меня расцеловал и говорит: «Ну, теперь раз ты опробовал, то у меня дело пойдёт, спасибо». Впоследствии он вручил мне грамоту со своей подписью «Первому пассажиру ТУ-104» и золотой значок с изображением ТУ-104.

Интриги заместителей

С приездом включился в работу. Много нерешенных вопросов. Заместители сидят, как святые, ждут начальника и ничего не решают. К тому же до сих пор сотрудники органов госбезопасности перестраховываются, как бы чего не вышло, потому что десятилетиями видели, как их подымали наверх, потом бросали вниз. Потому что на этом деле, если не советоваться с ЦК и не докладывать всех неприятностей, то можно уподобиться Ежову и Берия, которые пришли из ЦК и возомнили, что им всё дозволено, и начали самовольничать. Этого нельзя допустить.

Мой первый заместитель Лунев оказался пустым, безграмотным кляузником, который десятки лет сидел в аппарате Московского обкома партии и бездельничал. Всегда был в роли заместителя заведующего, сам ничего на себя не брал. И тут такую же политику повёл.

Я с ним крупно поговорил после одной командировки, откуда он вернулся. Ездил на периферию, я его еле вытолкал. Проверял транспортные органы КГБ, которые по распределению ему же непосредственно подчинены. Приехал и докладывает мне о непорядках, что плохо работают и т. д. Я ему говорю: «А почему же вы плохо так ими руководите? Вы же отвечаете перед ЦК за это».

Он в амбицию, он представляет себе, как в обкоме, инспектором, приехал, проверил, выявил недостатки и доложил, а сам в сторону. Я говорю: «Так не пойдёт, товарищ Лунев, надо засучить рукава и самому трудиться, решать, брать на себя ответственность, тогда и устраним недостатки».

Начальник транспортного управления КГБ, бывший секретарь ЦК Таджикистана, хороший партийный товарищ Егоров* дважды приходил жаловаться, чтобы его передали другому заместителю, так как товарищ Лунев — пустой человек, больше болтает и ничего не делает. Весь день читает сводки ТАСС, в которых пишутся все новости в мире, и газеты, да бегаёт в административный отдел на всех кляузничать.

Я это всё Луневу высказал. Днём мне он понадобился по делу, позвонил, а секретарь отвечает: «Выехал в ЦК», т. е., видимо, в административный отдел сплетничать. Вот с таким первым заместителем и поработай![529]

В общем-то, Комитет Госбезопасности за работу в последующем в ЦК товарищ Хрущёв на президиуме похвалил и сказал, что дела в разведке идут успешно. Утвердили попутно проект постановления ЦК о награждении сотрудников КГБ, которые обеспечивали поездку правительственной делегации в Индию, Бирму и Афганистан. Меня дописали в ЦК на орден Красного Знамени.

Это уже 13-й орден, число довольно не сладкое[530].

На днях приходил ко мне на доклад генерал-лейтенант Леонов, начальник Главного управления особых отделов, им руководит мой заместитель Ивашутин, тоже бывший «особист».

Леонов довольно приятный коммунист, всю жизнь прослуживший в Армии на политработе. Во время войны был членом Военного Совета фронта. Прямой, смелый коммунист, свои мысли не скрывает, не подделывается, не подхалимничает, с большим партийным стажем.

Так вот этот Леонов после решения деловых вопросов мне говорит: «Иван Александрович! Я решил с вами ещё раз поговорить по-товарищески. Я знаю, вы меня поймёте. У меня заместителем работает полковник Миронов, хотя он друг, приятель товарища Брежнева (это бывший заместитель начальника Главного управления Советской Армии), но, — при этом многозначительно улыбнулся, — всё-таки я скажу, что это сутяжник и провокатор высшей марки. Он, видимо, задался целью занять моё место начальника Главного управления. Если вы скажете мне уйти, я тотчас же уйду в отставку, так как у меня выслуги предостаточно. А с таким подлецом я больше работать не могу. Всё время строит интриги между заместителем начальника управления и мной, подсиживает, и, в общем, ничего в нём нет партийного, хотя он до этого где-то с товарищем Брежневым работал в обкоме партии. Я сам партийный работник, но такой дряни ещё не видел. До меня он был заместителем у ныне расстрелянного врага, „бериевца“, Гоглидзе. С ним он, говорят, хорошо сработался, вместе арестовывали генералов Советской Армии в 1951–1952 годах, за разные мелочи, а теперь он поднял нос, чувствуя поддержку товарища Брежнева».

Я, выслушав его, сказал, что если нужно, то поговорю с ним и предупрежу о том, чтобы он перестал подлостями заниматься. Товарищ Леонов согласился, и на этом мы договорились [531].

Утечки информации от Хрущева

Я на днях перечитывал одну тетрадь моих записей за 1954–1955 годы, по записям и впечатлениям получается, что я много летаю по командировкам. В связи с этим и хочется сказать два слова, вернее, внести ясность.

Если взять по датам мои командировки, то это впечатление сразу рассеется, так как всего отсутствовал 27 дней. Между командировками есть периоды по 4–5 месяцев, когда сижу и работаю, а командировки бывают не более 5-10 дней, но так как страны, где я был, для меня новые, вот я пишу подробно об их нравах и обычаях[532].

Но, к сожалению, я не имею права писать о работе органов госбезопасности, потому что 90 % вопросов представляют государственную тайну, зачастую особой важности. Вот таков мой удел.

Однако в пределах допустимого могу сказать, что дела пошли успешно как по линии разведки за границей, так и внутри страны. Электронная машина помогла.

Американский госдепартамент мы раскусили, и теперь он для нашего государства секретов не представляет. К англичанам подобрались, но они умнее, поэтому знаем их частично, но и то хорошо. С французами вообще проще иметь знакомство, как об этом докладывают из Парижа. Но при всём этом нужно держать ухо востро, а вот тут у нас и нехорошо[533].

В ряде случаев все, что мы узнаем и докладываем в ЦК, зачастую Хрущев не может удержаться, чтобы не сболтнуть. Когда я сказал об этом Хрущёву, так он вместо того, чтобы учесть моё замечание, сказал: «Всякий секрет рано или поздно рассекречивается и держится, пока он в голове».

Я ему сказал, что мы можем лишиться возможности получать эти секреты. Он промолчал, а буквально через два дня на приёме в Кремле сболтнул послу США о намерениях Госдепартамента и по ряду политических вопросов.

Посол донёс в Госдепартамент и высказал предположение, что где-то происходит утечка особых секретов США. Вот в таких условиях и добывай секреты. Но я всё равно буду предупреждать Хрущёва, чего бы это мне не стоило.

Бывая на заседаниях президиума, члены Президиума нередко говорили при мне, что «Серов молодец, дело идёт у него неплохо».

Хочу добавить. Через три дня после того, как американский посол Боулен* донёс в Госдепартамент о разговоре с Хрущёвым, сразу же оттуда поступило строгое указание всем послам донести о том, что русские много знают, что идёт утечка их секретов, и требуют принять меры к выявлению источника утечки. Не знаю, чем это кончится.

Я опять об этом сказал Хрущёву, который на это пробурчал, что «всякий секрет держится, пока он на бумаге». Это он верно сказал, т. е. как попадёт ему в голову этот секрет, то рот у него уже не удержит.

Трудно так работать. Американцы у нас начали перемещать в некоторых странах своих работников, подозревая об утечке государственных секретов.

Глава 17. КУЛЬТ ПРОТИВ КУЛЬТА. 1956 год

1956-й год — переломная веха хрущевского десятилетия: год XX съезда КПСС и прозвучавшего на нем знаменитого антисталинского доклада. «Оттепель» официально вступала в свои права.

Мало кто знает, однако, что именно в период «Оттепели» масштаб политических репрессий последовательно нарастал. Только за два года, прошедших с «покаянного» XX съезда, за «антисоветскую агитацию и пропаганду» в СССР было осуждено 3380 человек; в два раза больше, чем за все 18 лет брежневской борьбы с диссидентами.

А разве не парадокс, что и знаменитый доклад Хрущева в действительности готовился на Лубянке, хотя репутации именно этого ведомства он и нанесет непоправимый удар; по сей день наследникам чекистов трудно отмыться от крови 1937-го.

Вовсе не праведный гнев или жажда справедливости двигали Хрущевым, когда оглашал он этот доклад. То был обычный политический расчёт: нет лучшего пьедестала, чем тело поверженного предшественника.

В своих мемуарах Серов демонстрирует это наглядно и очень подробно: в первую очередь

Кремль интересовала не истина, а сиюминутные интересы. Неслучаен и его рассказ об уничтожении архивных материалов, уличающих Хрущева в причастности к репрессиям.

Первый секретарь по-прежнему доверяет своему председателю КГБ, но в их отношениях уже заметны трещины. Хрущев всё глубже погружается в царство теней. Вокруг него появляются новые фавориты: молодые, рьяные, рвущиеся к власти. Пока они еще не в силах противостоять шефу всемогущей Лубянки, но время, увы, работает против него...

Антисталинский доклад

В январе 1956 года нас с генеральным прокурором Руденко вызвал Хрущёв и поручил составить записку в ЦК о том, сколько было арестовано в 1937–1938 годах, а также расстрелянных. Этот материал ему нужен для отчётного доклада XX съезду партии.

Президиум образовал комиссию ЦК: Аристов* — председатель, члены комиссии — Фурцева, Шепилов. Вот он им периодически и докладывал[534].

Мы с Руденко вызвали к себе толковых работников органов и прокуратуры, рассказали, как организовать эту работу, и поручили следить, чтобы всё было точно.

Старшим назначили Плетнева* — начальника первого специального отдела, в прошлом партийного работника, очень честного и дельного[535].

Когда пару недель поработали и мы послушали <собранные данные>, то получилась довольно неутешительная цифра арестованных и расстрелянных. Причём в основном это всё было проделано Ягодой и больше всего Ежовым. Мы решили доложить это членам комиссии, но они, к сожалению, не проявили интереса, и ни разу полностью комиссия не собиралась [536].

Приезжал один раз Аристов и один раз Фурцева. Мы им сказали: «Стоит ли выходить с такими цифрами на съезд, так как это скомпрометирует наше социалистическое строительство?» Те пожали плечами и сослались на «указание Никиты Сергеевича».

Затем мы эту итоговую записку послали в ЦК. Ну, а там помощники Хрущёва Лебедев и Шуйский — «обрабатывали» её в духе «указаний Никиты Сергеевича», и часто нам звонили, усиливая отдельные моменты произвольно, но я не соглашался.

На XX съезде партии я был делегатом съезда. Описывать ход съезда нет надобности, так как основные вопросы освещались печатью.

На закрытом заседании съезда Хрущёв выложил свой доклад о культе личности Сталина, с приведением примеров личного свойства, когда он общался со Сталиным. Я-то помню, с какой он гордостью в 40-м году показывал фотографию, на которой они со Сталиным сидят рядом[537].

На делегатов съезда этот доклад произвел громадное удручающее впечатление. Многие в кулуарах делились со мной, что не надо было об этом говорить, так как 30 лет Сталин стоял во главе партии и государства, строили социалистическое общество, имеются большие успехи, а получилось, что все делалось на костях.

И ведь все ему поклонялись и верили, что дело идет успешно, а теперь вот что оказалось. И все говорили: «А где были ныне сидящие в Президиуме Хрущев, Молотов, Ворошилов, Маленков, Каганович, Шверник и другие?»

Ко мне подошел секретарь Приморского обкома партии, Герой Советского Союза Чернышев* В. Е.[538] и говорит: «Иван Александрович! А где были эти мерзавцы, которые сейчас сидят в Президиуме съезда и поливают грязью Сталина, а тогда подхалимничали перед ним и подписывали все эти аресты и расстрелы?» Мне было неудобно объяснять, где были, в том числе и Хрущев (старались не отстать друг от друга, а то и превзойти), поэтому сказал: «Видно, кишка у них тонка была».

Что уж говорить, темные дела при правлении Сталина были хорошо известны Хрущеву, Маленкову, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, может, и не полностью, но они участвовали в принятии всех решений по арестам, выселениям, процессам, ликвидациям и т. п.

Может, отдельные спецсообщения НКВД-НКГБ, адресованные Сталину Ежовым, Берией, Абакумовым, они и не знали, тем более конкретные оперативные материалы по делам.

Когда Берия расстреляли, Хрущев приказал нам с Руденко, не привлекая никого, вскрыть сейфы Берии, доложить и по его указаниям составить акты и уничтожить часть материалов. Остальные материалы и архив из сейфов в Совмине, Спецкомитете по атомной бомбе и в НКВД-НКГБ были переданы в канцелярию общего отдела ЦК Суханову.

Еще до этого, как потом мы с Руденко узнали, сразу после смерти Сталина Хрущев, Берия и Маленков поручили Суханову и Людвигову* просмотреть личный архив Сталина.

В начале 1954 года было принято решение проверить соответствие копий исходящих материалов НКВД-МГБ-МВД за 1934–1953 годы оригиналам в ЦК. Занимался этим Доброхотов*.

Пересмотр дел начался с изучения обстоятельств убийства Кирова. Хрущев был уверен, что его убили по приказу Сталина. Я дал команду поднять все материалы, но их оказалось слишком мало. Подтверждений этой версии не было, даже если это было так на самом деле, были только версии и слухи[539].

Хрущев был недоволен, ему это было нужно для доклада. Это было наше первое столкновение.

Затем Хрущев приказал Руденко пересмотреть «Ленинградское дело». Молотов и Булганин тоже хотели, чтобы его пересмотрели, чтобы насолить Маленкову[540].

Вообще-то, правда мало интересовала Хрущева. Несмотря на то, что мы представили данные об арестованных и расстрелянных, особенно во времена Ежова и Ягоды, он удивил меня, когда заявил, что Ягода и Ежов — честные люди.

Комиссия Молотова установила факты беззаконий. Доброхотов вместе с помощниками Хрущева отобрал факты для комиссии Пospelова*. Это было трудным делом, поскольку в том, что вносили в доклад, не должны были упоминаться нынешние руководители (Хрущев, Молотов, Булганин, Ворошилов, Каганович)[541].

Конечно, это было нелегко сделать. Поэтому для комиссии подбирались из архивов только нужные выдержки из показаний и заявлений, а не целиком.

В таком виде доклад прошел, хотя Хрущев сделал в нем свои отступления, обращаясь к Булганину и Ворошилову, которые сидели в зале[542].

Тогда же сталинскими арестами стал заниматься ЦК. Была определенная цель.

Золотухин*, Тикунов* и работники КПК Климов*, Бойцов*, Богоявленский* по материалам НКВД-МГБ разыскивали всякие упоминания об участии Хрущева в беззакониях и, как рассказывал мне Малин*, эти материалы из общего отдела ЦК, которые были в единственном

экземпляре, были уничтожены[543].

Каждый из руководителей ЦК старого состава при Сталине был обижен, и каждый думал использовать антисталинские материалы в своих целях. Особо интриговали Микоян и Сулов, но это было наивно, поскольку использовать эти материалы можно было, если у тебя в подчинении КГБ, МВД и прокуратура. А эти организации лично курировал Хрущев.

К процессу Берия я не имел отношения, но дело Абакумова знал хорошо. Его расстреляли в 1954 году за действительно совершенные тяжкие преступления. В июне 1954 года мы с Руденко пришли к Хрущеву доложить о его деле. Хрущев и Маленков несколько раз повторили, чтобы мы запретили следователям прокуратуры и КГБ допрашивать Абакумова, если речь шла об участии кого-нибудь из членов Президиума ЦК в делах по линии НКВД-МГБ [544].

Многих бывших руководителей НКВД-МГБ арестовали и расстреляли сразу после ареста и расстрела Берия и Абакумова[545].

Должен сказать, что первоначально Хрущев был настроен обновить полностью состав органов. Я сказал ему, что те, кто запятнал себя серьезными преступлениями, должны отвечать, но нельзя всех стричь под одну гребенку. Кому-то надо работать, и вообще все зависит от руководства. Можно набрать всех новых, но они будут выполнять приказы, как и раньше.

После разгрома антипартийной группы были привлечены к партийной ответственности еще ряд сотрудников органов — Федотов, Круглов, Обручников, Огольцов*, потому что уже не опасались, что они станут ссылаться на прямые указания Молотова, Маленкова и др.

Интересно, что и расправились с Кругловым, Огольцовым, Федотовым, дискриминировав (правильно: инкриминировав. —

Прим. ред .) им в общем мелкие эпизоды. Не дай Бог им было вторгнуться в крупные дела, выносить решения Президиума ЦК[546].

Из дневниковых записей

Постановление съезда по культуре личности Сталина поручили выработать комиссии и опубликовать в последующем.

Выбрали Центральный комитет партии. Меня также избрали членом ЦК КПСС. Таким образом, я уже в составе ЦК 15 лет, стараюсь оправдать работой доверие партии.

В состав нового президиума ЦК партии были избраны новые товарищи, которых я знаю как секретарей обкомов и крайкомов партии десятки лет. Хорошие товарищи Аристов, Беляев*, Игнатов, Козлов*, Фурцева. Правда, Фурцевой благоволил Хрущёв, но может быть и политически целесообразно иметь в составе президиума женщину.

Членом президиума также выбрали Кириченко из Украины и Брежнева из Казахстана. Шепилов — секретарь ЦК — это из зав. отделом.

Кириченко я знал с 53-го года, когда его Берия выдвинул первым секретарём ЦК Украины вместо Мельникова, и вот с тех пор, сколько мне приходилось с ним встречаться и разговаривать, — он производил впечатление безалаберного человека, болтающего языком, не отдавая отчёта в своих словах. И более того, те ребята, которые хорошо знают его,

говорят, что может наговорить гору, а не сделать ничего.

Брежнев я мало знал. Первый раз увидел его в 54-м году, когда он в чине генерал-майора крутился возле Жукова и других военных руководителей на Тушинском аэродроме в день авиации. Тогда он был заместителем начальника Главного политического управления Красной Армии. После этого он был в Казахстане одним из Секретарей ЦК, а сейчас Секретарь ЦК КПСС.

Брежнев, как мне рассказывал Аристов, был на войне, полковник политотдела в армии у Леселидзе на Кавказе, где и я был, но о Брежневе я так и не слышал и не встречался с ним [547]...

На днях приходил опять Леонов жаловаться на интригана Миронова и просил решить, т. е. убрать Миронова от него или уволить его, Леонова, в отставку. Я вызвал Миронова и в присутствии Леонова и Лунева спросил его, в чём дело, почему не работает, как нужно, а занимается интригами и подсиживанием.

Миронов засуетился, как пойманный воришка, начал выкручиваться и оправдываться. Леонов начал приводить факты его подлостей, которые до этого мне не говорил. В общем, надо их разводить.

Видимо, Миронов, пользуясь знакомством с товарищем Брежневым, злоупотребляет этим. Я созвонился с Брежневым, и решили Миронова убрать из Главного управления особого отдела и предложить его в Ленинград — начальником УКГБ.

Когда я позвонил товарищу Козлову Ф. Р., он говорит: «Присылай, я посмотрю». Я поговорил с Мироновым, он, видимо, <уже> был в курсе дела от Брежнева, и он выехал в Ленинград.

Через тройку дней позвонил Козлов Фрол и говорит: «Ты что, Иван, в Ленинград спихиваешь, что тебе не нужно в Москве?», и закончил: «Ну, давай, оформляй, потом видно будет». Видимо, Брежнев его уговорил.

В общем, видимо, не с охотой согласился. Через неделю вышло решение ЦК об утверждении, и Миронов уехал[548].

«Иван Грозный в Лондоне»

На днях Хрущёв сказал, что Президиум принял решение о составе правительственной делегации в Англию и о сопровождающих лицах, назвав в том числе меня. Я на это сказал, что было бы целесообразно на сей раз удивить мир и прилететь делегации на ТУ-104, который уже более или менее облётан, и за 3 1/2 часа Москва-Лондон.

Сейчас английский турбореактивный самолёт «Каравелла» примерно такой же, как ТУ-104, летает, но он хуже, так как недоработан и часто бьётся. А мы бы показали всему миру наш отечественный самолёт со скоростью 900 км в час. Хрущёв согласился, и я стал готовиться к отлёту. Позвонил Туполеву А. Н., тот с радостью готовит ТУ-104...

Получили визы на пролёт в Лондон, и я вылетел 22/III утром из Москвы. С собой взял продуктов, и так как со мной летел штурман, майор английских ВВС, военно-воздушный атташе в Москве, то я для нас прихватил бутылку лучшего коньяку, с тем чтобы дорогой «развлекать», пока лётчики выполняют свои обязанности по фотографированию маршрута.

Март 1956 г. На ТУ-104 приземлились на Лондонском аэродроме. «Дейли экспресс» писала: «Советский самолёт превосходит всё», а английский маршал авиации заявил: «Запад не видел ничего подобного»...

Когда подрулили к аэропорту, то я был удивлён, как много стояло народу около трапа, подготовленного для ТУ-104. Было не менее 300 человек. Когда мы спустились по трапу с переводчиком Курбиным[549], то нас встретил посол СССР Малик* и другие сотрудники посольства, и тут же представил меня начальнику отдела (особого) Скотланд-Ярда.

Отдел ведаёт контрразведкой. Фамилия Барт*, 62-х лет, довольно молодо выглядит, безупречно одетый. Я спросил у Малика, что это за народ, он сказал: «Большая половина военных, в том числе переодетые генералы и маршал авиации». Тогда я лётчику сказал: «Самолёт вырулить на место стоянки, — а место оказалось тут же (всё это сделано для удобства разведчиков), — запереть самолёт и никого не пускать».

Поехали в посольство и вместе с Бартом условились с завтрашнего дня приступить к решению практических вопросов. Тут же он спросил: «Господин генерал, вы, очевидно, все вопросы охраны при поездках господина премьера возьмёте на себя, а мы вам будем помогать?» Я ему ответил наоборот: «Вы берёте на себя все вопросы охраны, а мы, возможно, и помочь вам ничем не сумеем». У него вытянулось лицо от неожиданности. Я ещё раз попрощался, и он уехал.

Пока мы беседовали с Маликом, затем позавтракали, прошло 2–3 часа. Потом я ему сказал, что неплохо проехать по городу, осмотреть и вечером пройтись, когда будет потемнее. Он согласился, но предложил посмотреть, что пишут газеты. Когда он развернул газеты, то пришёл в изумление...

В утренних газетах уже сообщалось, что начальник государственной безопасности генерал Иван Серов прилетает в Лондон, и подробно указывалось, с какой задачей.

В дневных газетах, вышедших к часу дня, уже были крикливые заголовки «Терри Джон ин Лондон», «Иван Грозный в Лондоне», и ниже начиналась всякая брехня вроде того, что «Иван Серов и с ним 60 охранников прилетели на новейшем русском реактивном самолете и немедленно выехали с представителями Скотланд-Ярда в посольство». Таким образом, один переводчик показался за 60 человек охранников.

Или так: «Иван Серов приехал инструктировать Скотланд-Ярд». Особенно изощрялось «Дейли миррор» — «Зеркало». Я поинтересовался, что это за газета, мне Малик сказал: «Это самая бульварная газета в Лондоне. Все измышления — вранье и т. д. выходят оттуда, хоть никто ее не воспринимает всерьез, но воняет она иной раз сильно».

Я тогда вспомнил случай в Бирме на параде в Меймье, где я по носу ударил корреспондента фотоаппаратом этой «миррор». И подумал: зачем с дрянью связался. Но вместе с этим не мог ему позволить бесцеремонно фотографировать русского генерала.

Вот это «Зеркало» и начало в кривом виде отражать поездку и меня. Ну, плевать мне на него, важно дело делать, чтобы было все хорошо...

На следующее утро я рано, часов в 7, надел спортивный тренировочный костюм и с переводчиком решил сбегать в Гайд-парк, расположенный в двух кварталах от посольства.

Когда вышли из здания, там дежурили всю ночь 10–12 автомашин с журналистами, не покажусь ли я. Вечером, когда мы шли из Гайд-парка, мы вошли в посольство с тыла, и они нас не видели.

Как только я вышел, они сразу меня обступили и начали фотографировать, а другие задавать

вопросы: «Господин генерал, где ваша охрана?» Я обхватил двух журналистов и говорю: «Вот она». Все засмеялись, а я пошутил, говорю: «Кто же из вас моего переводчика принял за 60 охранников? Видно, у этого журналиста от выпитого вина не двоилось, не троилось, а сразу увеличивалось в 60 раз». Все захохотали и уткнулись в блокноты.

Один из тех, которого я обнял, говорит: «Господин генерал, по нашему закону, если наш полицейский генерал двумя пальцами стукнул по руке англичанина, то он считает себя арестованным. Как мне себя считать, ведь вы генерал полицейской службы?» Я ему говорю: «Я генерал русский, и у нас таких строгих законов нет, а вы англичанин, на вас наши законы не распространяются, поэтому можете не волноваться!» Опять все захохотали и стали записывать.

Затем я попрощался и побежал, через 3–4 минуты я оглянулся, и осталась лишь пара дежурных машин, остальные поскорее бросились в редакции сообщать новость об «Иване Грозном».

Несмотря на утро, в парке уже бродили какие-то старички около озера и запускали детские пароходики. У одного парусник, у другого моторчик маленький, и как дети бегали вдоль берега за корабликами. Были и такие, которые кормили голубей. Видно, не каждый из нас будет такими делами заниматься.

К 9-00 после завтрака приехал наглаженный, надраенный Барт. Мы с ним из вежливости посидели за виски и рюмкой вина и поехали по своему плану. Осмотрели театр и другие места, где разрешали нашим быть, а затем сели в лодку и поплыли в Гринвич, где расположена Морская военная школа...

Вернувшись в Лондон, мы заехали в Скотланд-Ярд, Барт сразу же, как вошли в его кабинет, подошёл к шкафчику, вделанному в стену, открыл его, а там стояла батарея бутылок и фужеров, и сразу спросил: «Господин генерал, виски? Бренди?»

Я отказался, однако он стал наливать. В это время к нему постучался сотрудник. Я подошёл к шкафу и прикрыл дверку, сказав при этом: «К вам кто-то идёт». Он, не смутившись, сказал: «Войдите» и продолжал наливать. Когда отпустил сотрудника, то всё же предложил мне на донышке выпить виски.

Поговорив о деле, он показал две-три комнаты, куда поступают донесения о происшествиях, а всего Скотланд-Ярда так и не показал.

Рассказывая о происшествиях, Барт упомянул, как при встрече Тито, когда он вышел из яхты на берег, кто-то бросил вонючую бомбу. Охрана немедленно увела Тито, а Скотланд-Ярд быстро нашёл мальчишку, который бросил бомбу. Подержали пару дней и освободили.

О том, что Барт не подчинён начальнику Скотланд-Ярда, видно из следующего примера. После ознакомления он мне сказал: «С вами хотел встретиться генерал, начальник Скотланд-Ярда». Я согласился. Он хотел звонить ему, чтобы зашёл к нам. Я ему сказал: «Давайте мы к нему зайдём». Он позвонил, и мы поднялись на два этажа.

Нас встретил высокий седой англичанин лет 72-73-х. Поздоровавшись, он поприветствовал меня и сразу за шкафчик, такой же, как у Барта. Тогда я понял, что у них каждый начальник, видимо, этим располагает, но основное — умеют пользоваться этим шкафчиком, чего, к сожалению, нет у наших. Дай такой шкафчик, так будут им пользоваться до тех пор, пока не запоят «Шумел камыш»...

Попрощавшись с Бартом до завтра, я решил съездить в магазин, купить чёрные ботинки, так как в печати меня в смысле костюма не критиковали, кроме коричневых туфель, которые были на мне и вызвали некоторое удивление. Оказывается, англичане цветные туфли носят

только в очень жаркие летние месяцы, июнь-июль, а то всегда только чёрные.

Чтобы не выделяться, я заехал в магазин. Ввиду того, что в печати продолжали помещать мои фотографии в разных видах, видимо, продавцы узнали меня, и когда я выходил из магазина, уже человек 20 стояли и, улыбаясь, разглядывали русского большевика. Я их поприветствовал, и все дружно мне, улыбаясь, ответили...

На следующий день с Бартом договорились обо всех деталях, он познакомил меня со своим переводчиком, видимо, кадровым разведчиком, который был в Германии после войны. Я думаю, что он русский, хотя и с акцентом говорит. Проехались на полицейском катере по р. Темзе, посмотрели мосты, под которыми будем проезжать, чтобы оттуда ничего на головы не сбросили.

Так как день был субботний, т. е. англичане работают до 12, до 1 часу дня, то я не стал задерживать Барта и стал прощаться. Он сказал, что он готов быть со мной весь день сегодня и завтра. Я поблагодарил и отказался, сказав, что думаю съездить на взморье. Барт сказал: «Пожалуйста». Я понял, что в поездке за город они придумают какие-нибудь препятствия, но этого не оказалось, но случилось другое.

Наутро я взял посольскую машину, и мы поехали в сторону Па-де-Кале и Северного моря. Проводник из посольства нам объяснял кое-какие достопримечательности. Лондонцы с утра на машинах двинулись к морю. У многих сзади машин на прицепе были небольшие, но удачные фургончики — комнаты, где были баллоны с газом, кухонные принадлежности, раскладные кровати и продукты. Мы сотни таких машин обогнали.

В одном месте проводник наш запутался, и мы, доехав до небольшого городка, решили узнать дорогу на побережье, куда нам нужно было приехать. Полисмен, не дождавшись вопроса переводчика, сказал: «Вам в N..?», назвал город, куда мы ехали, и тут же показал, по какой дороге ехать. Оказывается, Барт неплохо проинструктировал контрразведку. Если бы мы захотели по ошибке поехать в другое место, то, вероятно, нашу ошибку тут же исправили...

В субботу я дал телеграмму в ЦК о том, что деловые круги Англии через посла высказали пожелание осмотреть самолёт ТУ-104, на котором я прилетел. В конце я высказал свои соображения, что если эта машина выходит для полётов на международные линии, то целесообразно показать «деловым кругам».

Мне товарищ Хрущёв ответил: «Показать», имеется в виду внутри, и дать пояснения. Причём в газетах приводились фотографии, писали о пробеге, расхвалили самолёт всячески. Так что нам выгодно было показать, пусть сравнивают со своими «каравеллами», которые бьются [550].

В понедельник я летчику сказал, чтобы показал машину. Практически пришлось трижды по 50–60 человек водить по самолету. Я хотел в понедельник улететь, но пришлось вылететь во вторник. В общем, все прошло хорошо, и я в тот же день был в Москве[551].

Вечером Хрущев позвонил и спросил, что я буду делать, и пригласил пообедать. Там я все ему в подробностях рассказал, мы долго ходили по саду на Ленинских горах. Он остался доволен и, как мне сказали, на следующий день все рассказал членам президиума. В Лондон мне лететь не пришлось. Я так и не понял, кто тут сыграл шутку, довольно глупую, но смысл таков, что якобы моё присутствие с делегацией Булганин-Хрущёв может вызвать среди студентов Гарвардского Университета волнение (Серов путает Гарвард с каким-то английским университетом. —

Прим. ред.). Об этом мне позвонил Хрущёв и сказал.

Я удивился и ответил, что по линии КГБ таких данных не поступало, а когда я был в Лондоне, то, кроме газеты «Дейли миррор», никаких плохих отзывов обо мне не было. «А вообще-то я туда и не рвусь», — закончил я.

Хрущёв согласился и просил приготовить всё необходимое, так как они не полетят, а поплывут кораблём. Я думаю, что это выдумка Хрущёва, не взять меня и показать, что они обойдутся без меня, как не раз он говорил в Индии[552].

Я выделил людей, проинструктировал, дал телеграмму в Лондон, чтобы следили и доносили, не готовят ли там какую-нибудь провокацию.

Когда в Лондоне были Булганин и Хрущёв, то там было несколько неприятных сборищ и толкучек, но, в общем, поездка прошла нормально. Как мне говорили охранники, Хрущёв с Булганиным неоднократно опять пикировались, а иногда дело доходило до взаимных оскорблений. Я думаю, что заводилой в этом был Хрущёв[553].

Жаркое лето

В комитете Госбезопасности опять пошли срочные и разные дела. Встречали иностранных гостей из Индии, из Бирмы, из Персии, из Финляндии с ответными визитами и т. д. Всех надо обеспечивать размещением, обо всех надо знать, вовремя подсказать, одним словом, гляди в оба.

Счастье, что хоть дела идут хорошо. Людей поприжал, стали более ответственно подходить к исполнению своих обязанностей. Хорошо, что нас ЦК поддерживает. Кто хорошо работает, представляю к орденам. Награждают, к присвоению генеральских званий — присваивают. Это все-таки большой стимул в работе, когда оказывают внимание и доверие. Ну, и сотрудники стараются[554].

В ЦК поддержали мое предложение о распространении воинских званий на структуру органов [555]. В августе представил в ЦК большую группу генералов и офицеров, находящихся в Германии, за хорошую работу к орденам, всех наградили, в том числе, Короткова А. М. и немецких товарищей из МГБ, которые помогают нашим. Министра Госбезопасности Мильке* и других[556].

13 августа полетел вручать им ордена. Прошло все очень хорошо. Побыл 5 дней. Мильке тоже доволен.

Встретился с Ульбрихтом у него на квартире. Я спросил у Ульбрихта, приезжать одному или с переводчиком Коротковым, потому что разговоры у меня с ним обычно с глазу на глаз и переводила его жена, начиная с 1944 года. Ульбрихт ответил: «Можно с Коротковым». С ним он тоже установил хорошие отношения.

Сверх обыкновения Вальтер разошелся, накрыл стол с вином и угостил, что у немцев бывает редко. Потом мы поговорили по душам.

Это имеется в виду, что я ему напрямик говорил о его недостатках правления, он в свою очередь о недостатках органов своих «наших». Но расстались хорошо.

В конце августа поехал отдыхать в Нижнюю Ореанду со своими домочадцами. Отдыхаем хорошо, но мне, да и супруге муторно. Мне, потому что каждый день, да через день приходилось заезжать к Хрущеву по служебным вопросам или готовить особняки для гостей иностранных, или готовить воскресные приемы. То в Александровском дворце, то у них на

дачах, то охота, то рыбная ловля, то встречай, то провожай, ну, а В. И., естественно, переживает за меня, а ведь на каждый прием говорят, кого позвать из членов ЦК и руководящих лиц, находящихся в Крыму, а они живут в разных местах, вот и собери их.

Как-то утром Хрущев на лодке подъехал к даче, где мы с В. И. отдыхали, мы с мостика поговорили с ним, и он, как нам показалось, между прочим, сказал: «Приезжайте обедать». Ну, мы думали, думали, сочли это за обычную любезность и не поехали. Ну, возможно, мы допустили бестактность. Ну, да ничего.

Один раз у меня с Хрущевым был серьезный разговор насчет того, что некоторые лица, антисоветски настроенные, не только между собой, но и при других нередко выходят из рамок, как говорят, приличия и начинают ругать в присутствии других членов правительства и Президиума, а также советские порядки, в том числе и члены партии.

При этом я высказал мнение, что наиболее активных неплохо было бы вызывать в КГБ и предупреждать их, что по нашим законам антисоветская агитация против членов правительства карается, и если они не перестанут, тогда кое-кого может быть, и осудить.

Он не согласился с этим, заявив, что «царя тоже ругали». Я замолчал, но подумал, что царя ругали, ругали, да и расстреляли, а нам-то нельзя до этого доводить. Ну, что поделаешь[557].

Еще рассказал, что у китайцев, по данным наших сотрудников, проходит организация коммун и при этом допускают много глупостей, вроде того, что Ло-Жуйцин, министр общественной безопасности, по указанию Мао запланировал арестовать 3 миллиона китайцев, плохо настроенных к мероприятиям власти на селе. При этом никакого основания не заложено, а на места дадут разверстку по провинциям, где 500 тысяч арестовать, где поменьше и т. д.

При этом я высказал свое мнение, что было бы правильно подсказать китайским товарищам в деликатной форме, что в 1937–1938 годы был у нас при Ежове печальный опыт, когда арестовывали не за преступления, а выполняли идиотский план арестов.

Хрущев сказал: «Не надо с ними связываться, и более того, — он добавил, — посмотрим, не следует ли сократить советников наших в Китае». Я был удивлен таким ответом. Мне казалось, мы по-братски должны были им подсказать.

В конце разговора Хрущев как-то с раздражением сказал, что «черт с ними, чем у них хуже, тем нам лучше»[558].

Уезжавшему старшему советнику я все же высказал свое мнение, чтобы он от себя, а не от меня рассказал Ло-Жуйцину так: «Разверстку давать по провинциям нецелесообразно, потому что, а вдруг окажется в той или иной провинции врагов меньше, а их будут искусственно создавать. Поэтому лучше порекомендовать ему перечислить характеристики врагов, кто активно сопротивляется, призывать народ не повиноваться, и тогда видно будет, сколько надо арестовать».

Через три месяца мне донес старший советник, что вначале Ло-Жуйцин с моим мнением не согласился, однако на всекитайском совещании работников Госбезопасности дал указания по арестам так, как рекомендовали мы, и в итоге таких громадных арестов не было.

В это лето на отдых приезжал новый секретарь ЦК компартии Венгрии Герё*. В общем, одного еврея венгры поменяли на другого. Ракоши они почти насильно выгнали, потому что десятки лет он насаждал свои нравы, и мне думается, обуржуазился, оторвался от народа [559].

Вернулся и из отпуска, отдохнул, можно сказать, неплохо. Был не один раз на охоте, убил

оленя с красивыми рогами. Все эти яркие охотники до того необъективные, всякий считает, что он лучше всех.

Приехали как-то с охоты в домик, Хрущев говорит: «Давайте постреляем по цели». Это он сказал к тому, что Жуков Георгий Константинович похвалил свое ружье, нарезное «слоновик», диаметром около 1,5 сантиметра, и действительно, такие ружья англичане делают для Африки, где охотятся на слонов.

Стали стрелять на 50 метров. Первым стрелял Жуков, выбил из 30 возможных очков 23 очка, затем стрелял Хрущев и выбил 22 очка, потом стрелял я и выбил 24 очка.

Боже мой, какой начался спор! Жуков никак не хотел уступить первенство. Он начал осматривать мою 3 пробоину, которая попала в линию между 6 и 5 кругом. Всегда считается большая цифра, так как она пробита. Жуков же стал настаивать на меньшей, чтобы сказать, что мы с ним одинаково выбили. Я послал их в задницу и ушел.

Курилы в обмен на базы

Меня сейчас спрашивают, кто предлагал японцам Курильские острова в обмен на вывоз американских баз из Японии.

Вопрос этот всплыл, как я помню, с подачи Шепилова, когда его назначили министром иностранных дел в 1956 или 1957 году. Тогда Жуков по заключению Генштаба и КГБ дал отрицательное заключение по этой инициативе Шепилова.

Но Тевосяну*, нашему послу и на резидента КГБ в Токио ушло указание провести, прозондировать у японцев мнение по этому вопросу. В Москве мы <подвели> кое-кого к японскому послу Кадоваки*. Хрущев ему много ненужного наболтал, а затем к этим играм подключили членов соцпартии Японии Имамуру и, кажется, Кадзами.

Так безответственно этот вопрос был, к сожалению, поставлен в советско-японских связях по нашей инициативе.

Японцы использовали и используют вопрос о северных территориях на всю катушку. Но ни у МИДа, ни у Минобороны никаких реальных планов решения этой проблемы никогда не было [560].

Глава 18. ВЕНГЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ. Октябрь 1956 — январь 1957 года

1956 год — это не только XX съезд, оттепель и массовые реабилитации. Это еще и танки на улицах Будапешта.

Советская пропаганда именовала венгерское восстание «контрреволюционным мятежом», организованным с подачи западных спецслужб. В современной трактовке то была народно-демократическая революция, жестоко подавленная советскими войсками. Истина же, как водится, лежит где-то посередине...

С высоты сегодняшнего понимания венгерские события явились первой «цветной революцией» в Восточной Европе. Рассекреченные архивы вкупе с рассказами участников,

разведчиков и политиков дают обширное представление, сколь живое участие принимал Запад в ее подготовке и проведении. (Операции «Фокус», «Просперо».) Да и сценарий оной многократно будет потом повторяться; вплоть до недавнего киевского Майдана.

Председатель КГБ Серов сыграл одну из ключевых ролей в тех событиях. Он не только первым из официальных лиц ночью 24 октября 1956 года вылетел в мятежный Будапешт, но и первым же поставил, вопрос о применении силы. Реализовывать принятое Кремлем решение также было поручено именно Серову: инициатива, как известно, наказуема.

Венгерская революция была хоть и «цветной», но отнюдь не «бархатной». В городах, захваченных повстанцами, полным ходом шли расправы над коммунистами и сотрудниками госбезопасности. После того, как в конце октября 1956 года из Будапешта был выведен советский гарнизон, восставшие разгромили горком ВПТ, принародно повесив 20 коммунистов. Всего же за 17 дней беспорядков в Венгрии без суда и следствия было казнено примерно 800 человек.

Активное участие в революции принимали бывшие «хортисты» — гитлеровские пособники; один из них, приговоренный к пожизненному заключению хортистский офицер Бела Кирай, окажется в числе лидеров восстания и даже успеет стать генералом и командующим национальной гвардией. Только за первую неделю революции из тюрем будет освобождено почти 10 тыс. уголовников, не считая политических узников: большинство из них вольются в ряды борцов за свободу.

Из рассекреченных сегодня документов КГБ известно, например, что с конца октября 1956 года через границу с Австрией и Югославией было переброшено большое число эмигрантов ЦРУ. Тогда же самолетами Красного Креста в Будапешт доставили до 500 боевиков, а австрийскую границу нелегально перешло около 4 тыс. хортистских офицеров. Под Мюнхеном экстренно развернули военную базу ЦРУ .[561]

Революция началась 23 октября по хорошо знакомой нам теперь методе. На улицы Будапешта была выведена 200-тысячная студенческая демонстрация, под вечер переросшая в беспорядки. Полиция отказывалась стрелять в демонстрантов, на их сторону перешла часть армейских подразделений. Начинаются захваты объектов власти и управления. Под давлением «майдана» власти соглашаются вернуть на должность премьер-министра Имрё Надя, известного своими реформаторскими взглядами.

1 ноября Имрё Надя объявляет о выходе из состава организации Варшавского договора и требует, чтобы советские войска покинули Венгрию. Отменяется однопартийная система. Формируется новое революционное правительство, прежняя верхушка бежит в Москву.

В стране наступает хаос. В большинстве городов власть оказывается в руках революционных комитетов, из повстанцев формируется национальная гвардия, на их сторону переходит значительная часть армии.

Прекратилось железнодорожное и авиационное сообщение, перестали работать предприятия, магазины, банки.

Еще немного, месяц-другой, и Москва навсегда потеряла бы контроль за Венгрией. В конце концов, это понял и «либерал» Хрущев.

2 ноября на заседании Президиума ЦК он утверждает силовой вариант: ввод войск для полного подавления восстания и установления новой власти. Одним из авторов этого плана наряду с министром обороны маршалом Жуковым был генерал Серов.

3 ноября он вновь летит в Венгрию. Серову поручено лично контролировать ход операции, захватить вождей восстания во главе с Имрё Надем и восстановить работу местных органов

безопасности.

С беспорядками было покончено в считанные недели. Имре Надь и его правительство бежали, укрывшись в югославском посольстве. Власть перешла в руки Временного Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства под руководством переброшенного из Москвы Яноша Кадара. (Формально — именно обращение ВРП явилось основанием для ввода советских войск.).

Все это время Серов находился в самой гуще событий. В Москву председатель КГБ вернется лишь 1 декабря, когда, по его же выражению, полностью «усмирят венгров».

Еще 30 лет и 3 года этой европейской стране на Дунае предстоит строить социализм; вплоть до новой «цветной» революции...

К запискам Серова мы также приложили его письменные ответы для интервью «Красной звезде», которое так и не увидело свет. Поскольку ответы готовились уже в разгар перестройки, многие подробности и детали проводимых КГБ спецопераций Серов раскрывает гораздо откровеннее, нежели чем в дневниках.

23 октября

В середине октября 56 года мне позвонил из Будапешта Покровский[562], что назревает какая-то неприятность.

Имре Надь*, премьер, и с ним ряд руководителей-венгров ведут себя обособленно от ЦК и секретаря Гере. Я сказал: «Тщательно разберитесь, в чем подоплека, и письменно донесите».

Через несколько дней пришла записка, но она меня не особенно удовлетворила, так как веские причины не были вскрыты. Я послал ее в ЦК.[563]

23 октября вдруг меня вызвали срочно на заседание Президиума ЦК, хотя моих вопросов не было. Когда пришел, то мне сказали, что в Венгрии неблагополучно, что там группа венгров из числа студентов выступила против ЦК и тут же решили, что для того, чтобы разобраться, надо вылететь Серову немедленно, а затем Микояну и Сулову[564].

24 октября

Я вернулся из ЦК, дал необходимые указания и на следующее утро вылетел[565]. Там я проинформировался у своего чекиста, кстати сказать, человека нерешительного и дипломата [566], а больше всего у посла СССР Андропова* о положении дел[567]. Приготовил особняк, где жил Верховный комиссар по Венгрии К. Е. Ворошилов, и стал ждать прилета Микояна и Сулова.

Вечером поездил и походил по городу. Наблюдал, как бродят группы молодежи, о чем-то шепчутся и т. д.

Утром уже мне сказали, что в районе Корвина (кинотеатра) группа молодежи забаррикадировалась и постреливают. Кроме того, захвачен один райисполком группой

молодежи. Непокойно в студенческом городке и в ряде других мест[568].

В полдень съездил на аэродром, встретил Микояна и Сулова и доложил. К вечеру они договорились встретиться в Политбюро с Гере, с Надем и другими товарищами.

Я к этому времени через Министерство внутренних дел Пироша* собрал дополнительные данные, что все дело затеяно Имре Надем, который недоволен политикой Гере, а скорее всего, хочет сам встать во главе Венгрии. Исполнителем его намерений является зять, который активно вооружает молодежь, студентов и разных проходимцев, — начальник главного управления полиции Венгрии Копачи*. Эти данные подтверждаются многими источниками[569].

Оружия роздано несколько сот стволов, а также и автоматов. И сейчас в район Корвин подбрасывают еще, используя городские водосточные трубы большого диаметра, по которым ходят знающие схему люди.

Я вечером все это доложил Микояну и Сулову, и втроем <мы> поехали на заседание Политбюро ЦК. Кстати сказать, ехать пришлось в бронемашинах, так как перед тем, как выехать, на нашей улице напротив советского посольства началась стрельба из автоматов [570].

Я пошел выяснить <причину её>, и оказалось, что из переулка повстанцы стали обстреливать наших солдат и офицеров. Те открыли ответный огонь.

Когда приехали в ЦК, там тоже кругом стояли бронетранспортеры, дежурили военные, одним словом, возникло военное положение.

Заседание политбюро начали с обсуждения положения в стране и в Будапеште. «Информаторов» было много, но ни Гере, ни другие толком ничего не знали.

Я Пирошу сказал, чтобы он выступил и рассказал. Он попытался — его постоянно перебивали, и он замолчал. Из выступлений я единственное, что понял, что студентов подбивают на выступления журналисты и особенно их вдохновитель Лошанцы*, который тоже поддерживает Имре Надея[571].

Я тогда, посоветовавшись с Микояном и Суловым, решил выступить и сказать правду, как обстоит дело. Я выступил и сказал: «С повстанцами надо кончать, так как дело может принять плохой оборот. Уже сейчас десятки убитых и раненых. Все дело в том, что одним из вдохновителей является зять Имре Надея. А Лошанцы снабжает оружием нач. Главного Управления полиции Копачи»[572].

Когда я это сказал, на лице у Имре Надея выступили белые пятна, он заерзал на стуле, а у других вытянулись лица. «Поэтому, — закончил я. — Надо сейчас дать необходимые полномочия т. Пирошу, чтобы он принял решительные меры к выявлению и аресту инициаторов восстания, а политбюро к проведению соответствующей разъяснительной работы с населением».

После меня, смущенный, выступил Надь. Он только мог сказать, что зять у него хворый и вряд ли способен руководить повстанцами. Что касается Копачи, то он его почти не знает, но ему казалось, что он хороший работник.

Еще кто-то выступил с общими рассуждениями, и на этом закрылось обсуждение. Ничего не решили.

Мы сели в броневик: я первым, за мной Микоян и Сулов в отдельных броневиках. Когда мы выехали к президентскому дворцу, я увидел, что от площади идут две грузовые автомашины

с людьми с белыми флагами. На каждой машине по 20–30 человек с оружием.

Я водителю приказал идти в лоб грузовику, чтобы его тем самым остановить затем. Когда сблизилась, грузовик с визгом остановил машину. Я мысленно подумал: «не выдержали у него нервы», а не у нас, и не пошел на столкновение.

Я вышел из бронемшины и спрашиваю: «Что за люди, откуда и кто старший?», оказалось, что «повстанцы, введенные в заблуждение», и они едут якобы для переговоров к Имре Надю об условиях капитуляции.

Я, посоветовавшись с товарищем Микояном, который сидел в бронемашине, сказал, что с нашим офицером направляю их к Имре Надю в ЦК, там пусть разберутся, а когда приедем домой, по телефону проверим. Анастас Иванович согласился, так и сделали.

Созвонились с Герё, тот сказал, что привезли повстанцев, ведутся переговоры с Надем. (Нашли кому вести переговоры!)

25 октября

На следующий день я сказал товарищу Микояну не выходить из дома до моего возвращения, а вечером приеду, мы прогуляемся вместе. Он сказал: «Ладно».

Сам я поехал в МВД провести совещание с руководящими работниками Госбезопасности, чтобы они активно занялись розыском и арестом инициаторов повстанцев. Несмотря на то что я приказал явиться всем, в том числе и Копачи, тот не явился. Видимо, люди Надя его предупредили, и он боялся ареста.

В здании МВД все сотрудники были одеты по-полевому, полувоенные, утепленные ватнички и т. д. Это, видимо, из предосторожности, что им придется, возможно, уходить из города. Я об этом сказал, чтобы они увереннее себя чувствовали, так как закон на их стороне, и потребовал активного розыска, и главное, изъятия руководителей восстания.

Люди вроде все поняли, но видно, что чувствовали себя неуверенно. Затем мы с Пирошем поехали в район кинотеатра «Корвин», где засели повстанцы[573].

Не доезжая до театра, мы увидели поперек улицы баррикады, построенные из заборов, разобранных шпал и рельс от трамваев и т. д. Когда продвинулись ближе, нас обстреляли из пулеметов и винтовок.

По бронетранспортеру прошла барабанная дробь свинца. Потом я увидел дым артиллерий и свист снаряда, очевидно, направленного по бронемашине, но не попавшего. Тогда я водителю приказал развернуться обратно.

Дело принимало серьезный оборот. Навстречу нам попалась артбатарея, которая имела целью разрушить баррикады. Плохо дело, начнется гражданская война[574].

К вечеру я пришел в себя. Перекусил вместе с товарищем Микояном и Суловым (они, оказывается, почти весь день не ели, ждали меня), видимо, пулеметная стрельба не особенно вдохновляла на обед.

Во время обеда я им все рассказал. Анастас Иванович раза два перебивал меня, чтобы я не лез в огонь, не рисковал, а то убьют.

Затем созвонились с Герё, тот ничего нового не знал, никуда из дома не выезжал, поэтому решили в ЦК не ездить до утра. Прошли, прогулялись, везде стоят наши бойцы и офицеры с автоматами и пулеметами. Дома послушали радио и легли спать.

28 октября

В 7 часов 15 минут утра меня разбудил посол товарищ Андропов (которому я посоветовал, чтобы дежурных по посольству было два и следили за всем происходящим и докладывали мне) и сказал: «Сейчас только закончил выступление по радио из президентского дворца Имре Надь, который заявил, что правительством принято решение о роспуске органов госбезопасности. Выступление короткое, невнятное»[575].

У меня мелькнула мысль, что мое предположение о том, что Имре Надь сам руководит повстанцами, подтверждается, так как он чувствует, что органы уже подходят к нему и скоро разоблачат его, поэтому он решил их распустить.

Я немедленно разбудил Анастаса Ивановича и все рассказал. Он стал будить товарища Сулова, одеваться, и поехали в президентский дворец говорить с Надем.

Товарищей Микояна и Сулова я оставил в броневиках, а сам пошел во дворец. В этой громадине я еле нашел радиокомнату. Дворец был пуст. Кроме радиста, я никого не видел. Спросил, где премьер, он ответил, что приехал с кем-то, выступил по радио и уехал.

От дворца мы поехали в ЦК. Там был уже военный табор. Все коммунисты ходили с автоматами, там же питались, кто жарил, кто чай пил, кто спал. При входе какая-то воинская часть заняла помещение, и не пробьешься.

Когда мы вошли на второй этаж, раздалась стрельба из пулеметов. Я сказал товарищу Микояну сидеть в кабинете, а сам выскочил вниз. Военные сгрудились у входа, а на улице никто не выходит.

Я протолкался к дверям (я был в гражданском) и увидел, как на улице лежит человек, заливается кровью, а другой в противоположных дверях и тоже в крови.

Мне сказали, что из дома напротив ЦК повстанцы стреляли из автоматов. Ну, естественно, после этого полнейшая паника. Мы сидели в ЦК до вечера, не раз звонили на квартиру Надю, но жена отвечала: «Болен». Надь так и не явился, сославшись на болезнь.

Поздно вечером все же его вытащили, и началось снова заседание. Товарищ Микоян стал спрашивать: «Что значит ваше выступление?» Имре Надь смущенно говорит, что в Венгрии так озлоблены против Ракоши и органов госбезопасности, что мне подсказали, что лучше удовлетворить желание народа их распустить, тогда все это может кончиться[576].

Анастас Иванович, конечно, этому не поверил. Затем он спросил: «А с кем было согласовано это заявление о роспуске органов госбезопасности?» Оказывается, ни с кем. ЦК тоже об этом узнало от нас. Вообще, это было уже не ЦК, и Герё не секретарь, а мокрая курица[577].

Затем еще раз решили обменяться <мнениями>, что дальше делать. Стали один за одним члены Политбюро высказываться, личные взгляды, доброго слова не стоящие. Герё сказал, что все утихнет само собой. Я возмутился и сказал Анастасу Ивановичу, что они хотят погубить Венгерскую республику.

Тогда встал Имре Надь и, делая болезненный вид, сказал: «Товарищ Микоян, мы понимаем,

что обстановка очень сложная, но дайте нам несколько дней, и мы все выправим. А для того, чтобы успешнее нам решать трудности, выведите войска Советской Армии из Будапешта».

Я так и подпрыгнул, ведь это чистое предательство, без наших войск повстанцы возглавят Венгрию. Анастас Иванович, посоветовавшись с Сусловым, сказал, что мы доложим ваше мнение в ЦК <КП> Советского Союза и вам завтра сообщим.

Члены Политбюро и Герё по этому предложению Надя ничего внятного не сказали. Я так и не понял, согласны они с Надем или нет. На мой взгляд, получилась подлость.

Когда мы приехали к себе, мне доложили, что в городе в ряде районов идет стрельба, полная неразбериха, на улицу выходить нельзя. Ранен посольский работник, наши танкисты, будучи обстрелянные повстанцами из переулка, открыли ответный огонь и снесли снарядом балкон и угол в турецком посольстве. Я приказал командиру бригады пойти с извинениями.

Вечером уже на прогулку не выходили, рискованно. После разговоров с Москвой мне Анастас Иванович сказал, что Никита посоветовал принять предложение венгров и вывести войска наши из Будапешта, а нам всем вернуться в Москву.

Глупее этого решения трудно придумать. Поверить Имре Надю — это глупость в квадрате. Ну, начальству виднее[578].

Я предупредил летчиков, созвонился с военными, которые подъехали. Анастас Иванович сказал, что им делать, и наутро мы в броневиках поехали на аэродром и вылетели в Москву 31 октября.

31 октября — 1 ноября

По прибытии в Москву я все время следил за ходом событий, которые нарастали с невероятной быстротой.

Сразу же, как только мы улетели, Имре Надь развернул активную предательскую деятельность и объявил на следующий день новый состав правительства[579].

Члены политбюро капитулировали и бросились убегать, кто куда мог, но в основном прибежали в наши военные штабы. Сотрудники органов госбезопасности Венгрии тоже разбежались[580]...

Еще на следующий день правительство Надя потребовало от Советского Союза вывести все войска из Венгрии.[581]

На площади, где стоял памятник Сталину, повстанцы веревками зацепили фигуру Сталина, сшибли ее и потащили эту громадину, весом 2–3 тонны и высотой 5–6 метров, по площади на тракторе. На постаменте осталась нога с сапогом.

Я по несколько раз в день разговаривал с генералом Казаковым*, командующим Южной группой войск, и затем с Михаилом Сергеевичем Малининым, который был туда командирован Жуковым Георгием Константиновичем.

Оба мы — старые сослуживцы, каждый раз спрашивали, что нам дальше делать. Я мог только советовать: без команды ни шагу. Сами они в Будапеште уже не бывают. Сидят в Южной группе войск в бывшем Суворовском училище.

Один раз у Имре Надя был Малинин, когда его вызвали и предъявили ультиматум о выводе войск из Венгрии. Я их предупреждал, чтобы они не доверялись по телефону ВЧ, так как могли всегда уже подслушивать[582].

2 ноября

2 ноября меня вызвали на заседание Президиума ЦК не как обычно, а в 9 часов вечера.

Когда я пришел, то увидел в приемной товарищей, которые мне не были знакомы. Это были Мюнних* и Кадар*[583].

Войдя в зал заседаний, <увидел, что> все сидели и обменивались отдельными фразами. Видимо, ждали меня. Затем Хрущев сказал: «Ну, давайте обсудим».

Жуков тогда встал и говорит: «Я тщательно проанализировал наличие наших войск в Венгрии, их дислокацию, и считаю, что уходить нам оттуда нечего, а если будут ершиться, то набьем морду, и они утихнут. Вот решение Министерства обороны».

Мне понравилось такое смелое и четкое решение. В свою очередь я сказал, что «правительство» во главе с Надем надо изолировать.

Хрущев спросил мнение остальных. Все согласились. Тогда Жуков говорит: «От нас, на место для решения этих вопросов вылетит Конев Иван Степанович и там будет руководить войсками».

Затем Хрущев сказал: «А от ЦК вылетит товарищ Серов Иван Александрович и будет там находиться, пока мы ему не скажем». Потом подумал и говорит: «А дальше, когда утихнет, то пусть слетает Анастас, товарищ Аристов и Сулов». Так и было решено[584].

Как мне рассказывал после заседания Малин, когда пригласили Мюнниха и Кадара на Президиум, то Хрущев представил Мюнниха как своего старого друга, с которым в 20-х годах жили в одной палатке на переподготовке. А по рекомендации Мюнниха имелось в виду Кадара использовать также на руководящей работе в Венгрии.

Когда Хрущев сказал, что он полагает, что товарищ Мюнних будет секретарем ЦК партии Венгрии, а товарищ Кадар председателем правительства, то после этого Мюнних высказался, что было бы лучше сделать наоборот, так как возраст Мюнниха за 65 лет, поэтому ему будет тяжелее секретарем ЦК.

Президиум согласился. Затем, выступил Кадар, который сказал: «Товарищ Хрущев (у венгров ударение на первом слоге), я согласен работать секретарем ЦК партии, но прошу учесть, что буду направлять работу ЦК партии, как сочту целесообразным в создавшихся условиях, и вы мне не мешайте, так как быть марионеткой я не смогу. Если это вас (президиум ЦК) не устраивает, то я не согласен на эту должность, но вместе с этим я все сделаю, чтобы восстановить самые братские отношения с СССР».

Все поглядели на Кадара и друг на друга и замолчали. Хрущев спросил у Мюнниха, как он считает? Тот подтвердил мысль Кадара, и на этом их отпустили, пожелав успехов[585].

Я заказал из Кремля самолет в готовности к вылету в 7 часов утра. Вот так предстоит провести праздник Октябрьской революции.

Я у Жукова, когда пошли одеваться, спросил, где Конев. Он сказал, что ему уже скомандовал

повернуть самолет на Будапешт, вернее, на наш аэродром, так как он летел в Москву на крыльях отдыха. Я ему сказал: «Я утром вылетаю».

3 ноября

Днем прилетел на аэродром под Будапештом с группой генералов КГБ. Ведут себя уверенно, организовали кругом аэродрома охрану, но чувствуют нехорошие отношения с венграми[586].

Я сразу же пошел к телефону ВЧ, который был на аэродроме у «ОД»[587], связался с Михаилом Сергеевичем Малининым, который был в группе войск. Сказал ему, чтобы он договаривался на завтра с правителями Венгрии о том, чтобы они прислали правительственную делегацию на аэродром для переговоров о выводе советских войск. Представителем от советской стороны будешь ты, прилетай сюда.

Спрашиваю: «Понял?», он молчит и говорит: «Почти». «Ну, тогда действуй, меня не упоминай нигде. Меня здесь нет». Он говорит, что ему <Иван> Степанович <Конов> тоже так сказал.

Затем я созванивался с Коневым, сказал, что я тут, и мы условились в ближайшие дни, когда я приосвобожусь от своих дел, встретимся. Он был в Сольноке, 70 км от Будапешта[588].

Когда сориентировался в обстановке, то оказалось, что Надь за это время уже в ряде областей рассадил своих повстанцев, которые возглавили власть. По радио всех стран стали передавать, что в Венгрию хлынули помещики и капиталисты восстанавливать свои имения, фабрики и заводы. Знаменитый миллионер Эстерхази двинулся в Венгрию из Австрии[589].

Одним словом, Венгерской социалистической республики вот-вот не будет. Это плохо. Надо <начинать> решительные действия.

Вечером я собрал своих офицеров и генералов и проинструктировал их по предстоящему разоружению и задержанию «представителей Венгерского правительства». Вроде, получилось все ясно.

Днем прилетел генерал Малинин. Я его тоже проинструктировал, как начать переговоры с венграми, а уже конец переговоров я брал на себя, и ему тоже рассказал. Казалось, все ясно.

Под вечер приехали венгры. Вопреки нашему мирному настроению, на переговоры приехали заместитель премьера, министр обороны, генерал (вновь назначенный) Сяч*, начальник политического управления армии, начальник общественного отдела управления и т. д. В общей сложности 12 человек, генералов и офицеров на двух бронетранспортерах и двух танках с полным вооружением и двумя взводами солдат и средствами радиосвязи.

Причем Малинин, было, бросился их на улицу встречать. Я еле удержал его, говоря, что это не братья-венгры, а двурушники. Пошли, говорю, офицера. Пусть проведет в штаб. Подержи их минут 20 там, а потом пусть проведут к тебе в кабинет в другом здании, где мы вчера выбирали место.

Михаил Сергеевич — человек покладистый, все так и сделал. Я из окна 2-го этажа смотрел на все это. Потом, когда я увидел идущих в «кабинет» к Михаилу Сергеевичу венгерских представителей в сопровождении взвода венгерских солдат с автоматами, чего у нас не было предусмотрено, я быстро успел предупредить Михаила Сергеевича, чтобы он затянул минут на 20 переговоры с тем, чтобы мне успеть подтянуть взвод пехоты и проинструктировать их

на случай, если венгры начнут стрелять.

Своих генералов я вновь вынужден был проинструктировать на случай «немирного исхода переговоров». Затем рассказал солдатам и сержантам, чтобы они в коридоре встали против каждого венгра и не дали применить им оружие, не допустить их в кабинет, куда мы с генералами войдем.

После этого я пошел в кабинет к Михаилу Сергеевичу Малинину, за мной все остальные генералы, каждый встал рядом с венгерским генералом.

Когда я вошел и одним поклоном поприветствовал присутствующих, Михаил Сергеевич Малинин растерялся, встал, хотя мы равные по званию генералы армии, и я его просил не вставать.

Ну, а дальше пошло принужденно, искусственно, чего я не хотел. Может быть, это и лучше, так как венгры явно насторожились. Михаил Сергеевич попытался продолжить «переговоры», но голос охрип, смутился, и тогда я решил продолжить.

Встал и говорю: «Довольно заниматься пустой болтовней о выводе советских войск. Трудящиеся Венгрии не для того обрели независимость, чтобы вы посадили на их шею Эстерхази и других капиталистов».

Затем сделал паузу и говорю: «Переговоры прекращаются, вы все задержаны Советской Армией». Один генерал попытался выхватить револьвер, глядя на меня злыми глазами, но Александр Иванович Коротков[590], хороший физкультурник, схватил его за руку и вырвал револьвер.

После этих слов, как условились, наши генералы (вернее, в этот момент) стали обыскивать и изымать у них оружие. Затем развели по комнатам, а потом я вышел и приказал выйти на улицу солдатам-венграм[591].

Теперь надо сделать второй акт. Заставить Министра обороны Сюч отдать приказ о том, что когда завтра в 4 часа утра пойдут войска Советской Армии в г. Будапешт, венгерские войска не должны сопротивляться и открывать огонь[592].

Когда я пришел в комнату к Министру обороны Сюч с этим предложением, он смотрел на меня, как зверь. Я ему сказал, что надо так распорядиться, чтобы не было кровопролития. Он категорически отказался, все еще надеясь, что Надь сумеет что-то сделать, а оказывается, Надь, действительно, обратился в посольство США, Англии и Югославии об оказании помощи на случай неприятностей.

Тогда я начал спокойно внушать ему, что он берет на себя огромную ответственность за кровопролитие, которое может произойти, так как Советская Армия уже получила приказ и завтра будет в Будапеште. Выступление назначено с рассветом.

Тогда он после некоторого колебания сказал, что он может отдать также распоряжение войскам в том случае, если заместитель премьера, который является для него начальником, отдаст такое распоряжение ему в письменном виде.

Пришлось идти уговаривать «заместителя премьера». Этот, правда, оказался более покладистым и написал такое распоряжение. В общем, пока это распоряжение стали передавать в Будапешт венгерские радисты, это уже было далеко за полночь.

4-6 ноября

Мне еще предстояло проинструктировать и отправить трех генералов, Добрынина, Сладкевича, Зырянова*, которые пойдут с войсками Советской Армии во главе танковых колонн для окружения президентского дворца в Будапеште, которые выделил Лащенко* (командир корпуса)[593].

Затем позвонил Ивану Степановичу Коневу, рассказал, как тут у меня дела, и говорю: «Давай, действуй. Пусть генерал Лащенко (командир корпуса) двигается в назначенное время и место»[594].

Он понял. Я ему сказал, что сам выйду с колонной из аэродрома. Он зашумел, говорит: «Не ходи сам, без тебя сделают, а можешь попасть под обстрел и т. д.», Я уже пожалел, что сказал ему о своем намерении.

В общем, пока организовали мою колонну, полувоенную, полугражданскую, так как в ней было человек 200 сотрудников МВД Венгрии и человек 20 наших, то уже было 5 часов утра. Вице-преьера, Министра обороны и других венгров взял с собой.

По расчету наши войска подходят к Будапешту. Впереди у меня шел тяжелый танк, за ним я в тяжелом танке, затем два средних танка, а за ними до 15 грузовых автомашин с сотрудниками венграми. Все были хорошо вооружены.

Когда через час стали подходить к окраинам района города Будапешта, началась пальба из автоматов с крыш и из окон по нашим машинам. Подлецы-венгры не посчитались с распоряжением Сюча и открыли огонь.

Я решил побыстрее проскочить этот участок и скомандовал головному танку по радио «полный вперед». Тот резко увеличил скорость и затем вдруг так же резко остановился и закружился на месте, из башни пошел дым. Я увидел, как справа и слева стоявшие венгерские зенитные орудия перевели стволы из положения (вертикального в горизонтальное) и раздались выстрелы.

Стреляли венгры из наших зенитных пушек, которые мы им по-братски дали. Командир танка крикнул мне: «Товарищ генерал, вниз». Я быстро нырнул к механику-водителю, чтобы освободить место для артиллериста, который тут же заложил снаряд и стал наводить. Затем грянул выстрел, а я механику сказал: «Обходи первый танк и полный вперед» с тем, чтобы самому вырваться из-под обстрела и вытащить колонну.

Получилось удачно. Мы проскочили поле обстрела. Танк подбитый потихоньку двинулся и ушел от места стрельбы метров за 200. Мы потом его все же вытащили. Танкист был убит.

Тогда мы выехали в сторону от окраины Будапешта на чистое поле, километра за два от квартала, где нас обстреляли. Я приказал сделать остановку, разобраться.

Оказалось у нас трое убитых и одиннадцать ранено. Я приказал вырыть могилы, а пока рыли, позвал «заместителя премьера и Министра обороны» и говорю: «Видите, подлецы, что из-за вас делается». Те стояли пристыженные, перепуганные и бледные, как сами покойники[595].

Потом мы со всеми почестями, с салютом похоронили убитых. Я выступил и рассказал о подлостях Имре Надя, из-за которого погибли наши товарищи. Сделали всем перевязку раненым и к вечеру с мерами предосторожности поехали вновь в город, но уже по другому маршруту.

Все шло хорошо, но когда стали подъезжать к тоннелю через автостраду перед городом, нам мальчишка показал пальцем на тоннель и сделал движение руками и губами: «Бух, бух!» Я

послал посмотреть, в чем дело.

Оказалось, на той стороне тоннеля стояла пушка с орудийным расчетом и ждала с тем, чтобы обстрелять Советские войска. Я приказал танкисту сделать вдоль тоннеля, а не по улице пару выстрелов с тем, чтобы распугать венгров-артиллеристов, так и вышло, они разбежались.

Я приказал от пушки забрать снаряды, и мы поехали дальше, но в город так и не удалось прорваться, так как куда ни ткнемся, везде военные венгры. Ночевали в лесу около нашего стрелкового полка и наутро вышли в город.

В городе полный хаос. Магазины начали разворовывать. Корвинский район преобразовали повстанцы в крепость и обороняются. Имре Надь в 5 часов утра, как только узнал, что Советские войска двигаются в город, вместе с «членами правительства» бросился в Югославское посольство[596].

Советское посольство находилось на месте, мужественно неся службу во главе с послом Андроповым. Молодцы!

Я расположил сотрудников вокруг посольства, и Андропов повеселел. Затем мы вошли в посольство и долго разговаривали.

Потом вдруг из дома напротив застрочил пулемет. Мы бросились врассыпную, я успел крикнуть: «Ложись!» с тем, чтобы спрятаться за подоконники. Одна пуля влетела в комнату и ударилась в сейф. Когда утихла стрельба, я послал автоматчика обыскать дом, откуда стреляли, но ничего не нашли.

В общем, началась жизнь, как в осажденном городе. Ночью также была сильная стрельба. Я выскочил и увидел, что стоит на улице легковая автомашинa с красным крестом и около нее солдаты. В машине за рулем сидел водитель убитый, а на заднем сидении медицинская сестра. На машине красный крест.

Я спросил солдата: «В чем дело?» Он доложил, что машинa на полном ходу хотела проскочить мимо часовых, несмотря на неоднократные предупреждения. Тогда дали очередь по машинe, и она остановилась.

Стали спрашивать медсестру: «Куда ехали?», — отвечает: «Не знаю». Когда я приказал обыскать машину, то в багажнике нашли несколько винтовок. Сестра хмуро отвечает, что она ничего не знает.

У меня раньше были данные, что повстанцы получают оружие и боеприпасы от своих сообщников, используя машины Красного Креста. Вот и попалась сама к нам такая машинa.

Во все основные города Венгрии разослал опергруппы наших работников и венгерских сотрудников с тем, чтобы они разобрались в обстановке и восстановили законную власть, особенно в приграничных районах с Австрией.

Оказалось, что не везде сразу удалось восстановить порядок. За эти дни из Австрии хлынули различные «деятели» из бывших крупных капиталистов, эмигранты, духовенство, которые уже успели в ряде крупных городов организовать свою «власть»[597].

По линии духовенства католический епископ Миндсенти* здорово поработал, и, видя свою вину перед народной властью, бежал в американское посольство в Будапеште и там сидит [598].

В большинстве же комитатов (областей) власть стали быстро восстанавливать. В комитате Мишколич, бывший секретарь обкома компартии, возглавил контрреволюционеров,

сагитировал зенитный артиллерийский полк на свою сторону, расставил орудия вокруг города и никого не пускает.

Я приказал начальнику оперативной группы послать к нему парламентариев и предупредить, что если он будет стрелять по войскам Советской Армии, которые через день придут в город, то тем самым вызовет кровопролитие, за что несет только он одну полную ответственность.

Он ответил, что один решить этот вопрос не может, посоветуется с остальными членами ревкома. В общем, подлец перетрусил и хочет втянуть в эту авантюру других.

На следующий день я приказал, чтобы опергруппа под прикрытием батальона вышла в город. При подходе наших было сделано несколько выстрелов из пушек, но наши не ответили на эту провокацию и вошли в город.

Председатель революционного правительства т. Мюнних и секретарь партии т. Кадар прибыли и находились со своими товарищами в городе Сольнок около штаба Конева. Я созвонился с Коневым и сказал, что прилечу к ним[599].

Утром меня на аэродроме встретили и повезли в штаб. Вокруг штаба десятки танков, машин, в общем, столпотворение. Когда мы поговорили с Иваном Степановичем, я ему говорю: «Позови руководителей. Я с ними тоже хочу поговорить».

Когда все сошлись, я проинформировал, что Надя и свора сидят в Югославском посольстве, в комитатах начинает устанавливаться порядок, что в районе Корвин все еще повстанцы сопротивляются, поэтому наши вынуждены обстреливать, и ряд домов пострадал от артснарядов и пожара.

Я высказал пожелание, чтобы в городе появились товарищи Кадар и Мюнних и наводили бы порядок. Затем условились, что мы с Коневым будем уже завтра там, а через пару дней приедут товарищи Мюнних и Кадар.

Утром мне от Ивана Степановича принесли комбинезон танкиста, шлем, рукавицы и т. д. Я был удивлен, потому что представлял себе, что 70 км мы за 2 часа одолеем и будем в городе. Но маршал решил все это сделать по-военному. Но я кроме шлема ничего не надел и вышел. Смотрю, Иван Степанович в полном облачении. Сели мы в танки и поехали «со всеми мерами предосторожности».

Скорость танка, да еще и тяжелого, маленькая. Отъехав 20 км, я остановился. Подошел к танку, где задраенный сидел Иван Степанович, и говорю: «Давай пересядем в плавающие танки-амфибии, у которых скорость 40 км, или отпусти меня, я один уеду на „Газике“». Тот ни в какую: «Поедем вместе в штаб Лащенко». Но, правда, пересел в плавающий танк.

Добрались через два с лишним часа в штаб Лащенко (командир корпуса). Там маршал стал слушать доклады командиров частей. Я немного посидел и пошел в соседнюю комнату послушать своих начальников, которые там были (начальник особого отдела и начальник опергруппы).

Через полчаса слышу в соседней комнате Ивана Степановича, страшный крик, шум, ругань: «Расстреляю!» и т. д. Я подумал, что-нибудь случилось страшное.

Захожу в комнату, там стоит генерал-майор в ушанке, причем одно ухо приспущено. А Иван Степанович его распекает и, обращая ко мне, говорит: «Ты погляди, Иван Александрович, на этого подлеца. Это называется начальник штаба корпуса». Тот стоит ни жив ни мертв. Ну, я, чтобы смягчить все это, сказал Ивану Степановичу, что у меня есть к нему дело, и он выгнал генерала.

Я ему говорю: «Иван Степанович, зачем ты так шумишь, ведь это генерал, а ты маршал. Тебе не к лицу это делать». В общем, успокоил его. Хотя и не ожидал с его стороны таких действий. Он как-то смутился и все время меня уверял, что этот генерал разгильдяй, в такое время нельзя так себя вести и т. д.

Затем я ушел, так как доложили, что приехал генерал Сладкевич и просится доложить. Оказывается, когда я уехал из Будапешта, поутру около посольства стоял Сладкевич в гражданском обмундировании, и к нему обратился венгр с портфелем в руках, спрашивал, где расположено Югославское посольство.

Сладкевич смекнул, что лучше сказать об этом венгре кому-нибудь из сотрудников КГБ, и позвал к себе сотрудника, ответив венгру, что вот товарищ вам расскажет. А сам моргнул, чтобы тот повнимательнее разобрался. Когда венгра пригласили в комнату посольства, то оказалось, что на ловца и зверь бежит.

Оказалось, что этот венгр — начальник главного управления полиции Копачи, который по указанию Имре Надя раздавал оружие повстанцам. У Копачи в портфеле были золотые вещи и деньги на большую сумму, поддельные документы и т. д. Тут же он был арестован, и на <

нрзб > Сладкевич узнал, где я, и привез его ко мне. Я поблагодарил за хорошую работу, а сам стал допрашивать Копачи[600].

После допроса я пришел к Ивану Степановичу <Коневу> и говорю: «Ну, давай поедem в Будапешт, все-таки там основные дела делаются, а не здесь, в 20 км от города». Он начал тянуть, что выедем попозже и т. д.

Ну, я пошел в соседнюю комнату писать суточное донесение в ЦК о положении дел и в том числе о Копачи[601].

Когда я заканчивал донесение, вдруг раздался стук в дверь. Так как частенько по ошибке в дверь ко мне стучали, когда я писал, то я не отпер, думал, что вновь ошиблись. Затем повторился настойчивый громкий стук. Я спросил, кто.

Слышу голос Ивана Степановича. Я подошел, отпер. Он сразу взволнованно говорит: «Ты что, пишешь в ЦК?» Я спокойно отвечаю, ничего не подозревая: «Да, в ЦК». «На меня?» Только тогда я понял его волнение и резкий стук в дверь.

Я спокойно ему сказал, что я в жизни кляузами не занимался и тебе не советую. Тогда он спросил: «А что пишешь?» Тогда уже меня задел за живое его вопрос, так как получилось, что он мне не поверил. Я спокойно и решительно ему сказал: «Как только закончу, я зайду и покажу тебе, о чем написал. Сейчас иди и выпей стакан воды». Он ушел.

Вот ведь как может случиться у мнительных людей, сперва подозревают, а потом начинают мучиться. Он, говорят, и на войне всех подозревал в шпионаже.

Когда я закончил донесение в ЦК за своей подписью, зашел к Коневу, подал бумагу и говорю: «Читай или я тебе сам прочитаю». Он начал искать очки, но потом говорит: «Прочитай сам». Когда я читал, он все поддакивал: «Правильно, здорово» и т. д.

Когда я закончил, он говорит: «Давай и я ниже подпишусь». Я указал перстом на место выше моей подписи и говорю: «Пиши». Он с удовольствием подписался. Я поглядел на него и говорю: «Вопросы есть?» Он схватил за руку и давай жать, говоря: «Молодец, Иван Александрович!»

В общем, затянул выезд в город, и мы вечером не уехали в Будапешт. Я подумал, что завтра я уеду один. Но утром он тоже собрался, и мы поехали.

По дороге я уже увидел, что мы едем не в город, а в сторону, и через несколько минут мы въехали в штаб группы войск (бывшее Суворовское училище), и тут меня обманули.

Ну, я немного посидел у них, перекусил, взял машину и поехал в Будапешт один. Впереди шел сопровождающий «газик» с солдатами.

Подъехал к мосту р. Дуная, получился какой-то затор. Стояло несколько наших машин, никто в тоннель не хотел въезжать, так как якобы с той стороны тоннеля стреляют.

Я послал солдат на «газике» на ту сторону тоннеля и приказал, чтобы они осмотрели все и доложили. Когда они вернулись, то доложили, что ничего не было, но много валяется стреляных гильз.

Мы двинулись дальше. Проехали тоннель и выехали на мост через р. Дунай. Как только с моста мы свернули по набережной к президентскому дворцу, с противоположной стороны площади по нам повстанцы открыли пулеметный огонь.

Я выскочил и спрятался за колеса «газика». Когда утихла стрельба, я водителю приказал сесть на мое место, а сам вскочил за руль и полным газом прорвался в <

нрзб >. Слышал несколько выстрелов, но удачно, ни одна пуля в нас не попала.

Около президентского дворца стояли наши бронетранспортеры. Я приказал прочесать площадь.

После 7 ноября

Ноябрьские праздники встречали здесь, в Будапеште. Встреча выразилась в том, что мы коллективно прослушали парад и митинг на Красной площади, а затем я поехал в комендатуру, где, как мне доложили, собралось много задержанного народу, «приезжих», т. е. <белых> эмигрантов, успевших при власти Надя прорваться в Венгрию и не успевших до прихода наших войск улизнуть обратно[602].

Когда я спросил у коменданта список, кто обратился за пропуском о выезде из Венгрии из числа иностранцев (не венгров), то в списке оказались некоторые известные мне контрреволюционеры, в числе их стоила фамилия Эстергазе — журналист ФРГ.

Несколько человек я вызвал, опросил. Мнутся, улыбаются, и лишь один разоткровенничался и говорит: «Знаете что, я не знаю, кто вы такой, но видно, что вы нас поняли. — Я улыбнулся. — Мои все подряд, как шакалы, на мясо бросились, так как думали, что в это смутное время мои бывшие люди сумели укрепиться. Я сам из помещиков. Успел побывать в своём имении, правда, оно уже разделено, и мне бы трудно пришлось его восстанавливать. И я сейчас уже думаю, что я бы и не стал его отбирать. — (Вот уж, думаю, врёт!). — Поэтому отпустите меня обратно в Бельгию».

Я не отвечал на его просьбу, говорю: «А вот здесь в списках имеется фамилия Эстергази. Кто это такой?» Он посмотрел на меня и говорит: «Господин русский, я вижу, что вы о нём знаете много больше, чем я. Отпустите меня, пожалуйста».

Я его спросил, кто, кроме Эстергази, из крупных птиц здесь есть. Он мне под честное слово сказал, что он не знает, так как прошло много лет, как это воронье меж собой не встречались, но ему кажется, что если кто прибыл, то вместе с Эстергази. Пожалуй, он прав, и я вызвал Эстергази.

Когда смущённый вошёл этот капиталист, на вид лет 40, а может быть и меньше, я спросил у него документы. В паспорте указана фамилия и журналист газеты, ФРГ.

Спросил: «С какой целью прибыли?» Отвечает: «Прибыл в составе санитарного поезда для оказания помощи раненым в боях». — «Кто послал?», говорит: «От имени Красного Креста». — «Кто просил о помощи?» — «Не знаю». — «Сколько прибыло человек?» — «Более 40». — «Где формировался поезд?» — «В ФРГ». — «Вы врач?» — «Нет». — «А почему возглавляете медицинскую службу?» Ответа нет.

Я посмотрел многозначительно и говорю: «Вы меня поняли?» Ответ: «Понял». Так вот говорю: «Завтра к 9.00 часам весь персонал „санитарного поезда“ во главе с Эстергази построится у поезда, с паспортами, которые предъявите офицеру венгерскому. У кого будут поддельные документы или не будет их, всех задержат, остальные сядут в поезд и немедленно уберутся из Венгрии в сопровождении конвоя до австрийской границы. Ясно?» — «Да, ясно». — «Идите».

Я потом дал указания коменданту проследить, и на этом помещик уехал к себе в ФРГ. О выдворении из Венгрии этих помещиков я спросил мнения ЦК, мне ответил Хрущёв: «Выдворить»[603].

Через пару дней приехали А. И. Микоян и Аристов. Я им доложил всё, что тут происходит. Показал город, провёл около Корвин района, где ещё продолжалась стрельба. Провёл мимо югославского посольства, где скрылись Имре Надь и его сподручные. Одним словом, всё рассказал и показал.

Анастас Иванович вызвал Конева, Казакова, Малинина, с ними поговорил, пообедали и наметили дальнейший план. Иван Степанович, было, высказался разбомбить весь район Корвин авиацией. Но мы его отговорили, так как шуму будет на весь мир, а мы их возьмём измором. Сами прекратят сопротивление, так как у них по подземным каналам связь с городом хорошая, все новости узнают сразу, увидят, что Имре Надь не действует, и они прекратят своё сопротивление. На том и порешили...

В общем, дело в новой Венгрии пошло успешно. Характерно отметить, что товарищ Кадар сам венгр (Ракоши был еврей), знал правильный подход, как к крестьянину, так и к рабочему.

В своих выступлениях много не обещал, но всё, что пообещал, то выполнял. Постепенно к нему и Мюнниху стали относиться с уважением. Мюнних — это старый революционер, ряд лет жил в СССР, знает русский язык. Все вопросы решает спокойно, невозмутимо, покуривая толстую сигару и потягивая виноградное вино, целыми днями.[604]

Мы с оперативными работниками неослабно следили за Надем и его министрами. Напротив Югославского посольства поставили пару бронетранспортёров под видом охраны.

Вскоре приехал знакомый нам по Москве заместитель госсекретаря иностранных дел Югославии Видич*. Мне об этом сказал Мюнних, и просился Видич на приём к премьер-министру Мюнниху, Мы с товарищем Мюннихом договорились, чтобы он настаивал на передаче Надя и его сподвижников органам госбезопасности Венгрии.

Но когда поговорили Мюнних-Видич, то Мюнних не стал особенно настаивать на передаче, и мы решили, что через два дня из посольства отправят правительство «по домам», а Мюнних предложит автобус для перевозки.

Когда он мне это всё рассказал, то в конце добавил: «А куда вы их повезёте на автобусе, это дело ваше, только чтобы они не появились в городе».

Ко дню выхода я проинструктировал сотрудников, передел шофёра (Героя Советского

Союза, полковника Прудникова*) под венгра, сам сел в бронетранспортёр и выехал якобы на смену дежурившему бронетранспортёру. Через 10 минут подъехал автобус, и сотрудник госбезопасности Венгрии пошёл сообщить в посольство, что прибыл автобус для развозки по домам.

Я с напряжением следил за всем процессом из бронетранспортёра. Вот показались первые «министры» с чемоданами и вошли в автобус, за ними ещё пошли, и одна женщина. Это оказалась любовница Лошенцы — пройдохи, журналиста, писателя и т. д., а главное — одного из руководителей и подстрекателей восстания.

Последним вышел Имре Надь. Подойдя к автобусу, где уже все сидели, он поставил одну ногу на подножку и стоит, словно испытывает мои нервы.

Как мне рассказал Прудников, Имре Надь задал по-венгерски вопрос Прудникову, который посмотрел в его сторону и ничего не ответил. Тогда Надь, обращаясь к «пассажирам», сказал: «Это не венгр и шофёр». Вот подлец, на сей раз мнительность его оказалась правдой.

К счастью, сотрудник-венгр, стоявший сзади Надя, не растерялся, подтолкнул под локоть Надя и говорит: «Давайте побыстрее, нам некогда». В это время Прудников сообразил и сразу закрыл длинную ручку автобуса, и дал ход.

Когда поехали в сторону советской комендатуры, а не в центр города, «пассажиры» заволновались.

Около комендатуры я вышел из транспортёра, перешёл к автобусу и заговорил по-русски с комендантом города, генералом МВД, Затем дал ему указание, и поехали за город в штаб наших войск, где должны разместиться «министры».

Там они находились два дня, после чего их по просьбе Кадара и Мюнниха и по договоренности с Румынией я отправил в соседнюю страну (в Румынию) для полного спокойствия Венгрии[605].

После этого я с облегчением вздохнул, донёс начальству, рассказал Кадару и Мюнниху и сказал, что следующий этап — это в ближайшие дни закончим с Корвиным, и спокойно работайте. Те уже стали улыбаться и строить планы.

Практически так и получилось: к 25 ноября мы уже завершили Корвинский район, который больше всех повстанцев сопротивлялся, и я стал помогать венграм восстановить органы госбезопасности[606].

Секретаря горкома партии Будапешта Бела Биску* сделали Министром внутренних дел (вернее, наметили), и я его дней 5 инструктировал. Оказался довольно способным пареньком и всё быстро схватывал.

В городе стал порядок, снабжение населения было организовано, открылись магазины, отменили комендантский час, и я, считая свои функции законченными, позвонил в ЦК Хрущёву и, доложив всё это, сказал, что считаю возможным вылететь. Он согласился и сказал «спасибо».

И я 1 декабря 56 года вылетел.

1 января 1957

Новый 1957 год встречали мы с Верой Ивановной в Кремле, а ребята, Вовка и Светлана, — дома. Всё было хорошо. После приветствия нашего президента К. Е. Ворошилова стали чокаться, произносить тосты, в том числе и за нас с Руденко...

Около 2-х часов ночи меня подозвал Хрущёв и говорит: «Может, мы после встречи Нового года здесь, в Кремле, махнём в Будапешт?» Я говорю: «Можно». — «Ну так давайте, организуйте».

Я тут же пошёл к телефону, заказал в ВВС самолёт и, подойдя к Хрущёву, назначил вылет в 8.00 часов утра. Он согласился. Сказал Вере Ивановне, что утром улетаю, но не сказал куда. Она сморщилась и тоже не спросила.

Прилетели в Будапешт инкогнито. Я, правда, позвонил послу Андропову, который встретил. Разместились в том же особняке.

Когда перекусили, взяли машины и поехали осматривать город. Я рассказал, где что было. Потом поехали к военным (в гарнизон войск генерала Казакова). Там Хрущёв выступил перед офицерами, немного покушали и поехали к себе.

Вечером пригласили к себе на обед Иштвана Доби (президента), который во время всех событий вёл себя скромно, нигде не выступал, правда, и не проявил характера. Затем Мюнниха и Кадара.

Когда собрались за новогодним столом, то стали произносить тосты. Все дело шло хорошо, но когда Хрущёв стал говорить обо мне и о том, какую полезную я проделал работу в Венгрии, то Кадар в конце тоста попросил слово и сказал:

«Я полностью поддерживаю этот тост за здоровье товарища Серова и от себя могу добавить о храбрости и мужестве этого человека, но прошу, чтобы товарищ Серов дал указание освободить из тюрьмы бывшего Секретаря обкома Мишкольца, который выступил против нас и сагитировал на сопротивление зенитный артполк. Я этого человека знаю хорошо. Он такой: на чьей стороне сила, туда и он. Сейчас мы у власти, он нас будет поддерживать».

Речь, как видно, довольно странная, но когда Хрущёв прослушал, то говорит мне: «Раз просит — отдайте, а потом пусть сам и расхлёбывает». Я сказал товарищу Кадару, знает ли он всю его «деятельность», он ответил «знает» и его перевоспитает. Ну ладно, я дал указание освободить, будучи уверенным, что сам Кадар его посадит, так как он всё-таки вредный человек.

В общем, встреча прошла хорошо, и на следующий день улетели в Москву.

Через несколько дней я получил выписку из Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Кутузова I степени за выполнение специального задания правительства СССР[607].

Почти в тот же день мне товарищи, имеющие доступ к начальству, рассказали следующее: Президиум ЦК предложил Министру обороны товарищу Жукову представить Конева и Серова к ордену Ленина. Жуков высказался, что у Серова уже имеется 6 орденов Ленина, а у Конева — только 3.

Поэтому, видимо, не стали спорить с ним и согласились с его предложением. Мне, конечно, всё равно, спасибо, но ведь орденами награждают за проделанную работу, а не для счёта. Ну, Бог с ним, как говорят в народе. Всех сотрудников, которые были со мной и активно участвовали <в работе>, я также представил к боевым орденам, и их всех наградили. Это тоже хорошо!

Похищение кардинала. (Из подготовленного, но не опубликованного интервью И. Серова)

Вопрос : Явились ли события в Венгрии неожиданностью для советского руководства?

Ответ : Масштаб событий был неожиданным, хотя КГБ после снятия Ракоши летом 1956 года неоднократно докладывало об обострении политической обстановки. Но ни посол Андропов, ни КГБ не давали политическую оценку происходящего, и приезжавшие туда специально Микоян и Суслев не могли представить, что в борьбе за власть Имре Надь и Кадар против Гере будут использовать студентов и бывших хортистов.

Микоян и Суслев считали, что с уходом Ракоши будут решены все проблемы. И вообще их раздражение вызывало независимое поведение Ракоши в Москве.

С Ракоши и Микоян, и Хрущев, и тем более Булганин не могли договориться. Тем более, что его открыто поддерживал Молотов.

Вопрос : События в Венгрии совпали с событиями в Польше, приходом к власти Гомулки. Какова была реакция нашего политического руководства?

Ответ : Реакция была дурацкая — отозвать советников КГБ из Венгрии и Польши. А разобраться в обстановке поручили тому же Микояну[608].

А через два дня начались вооруженные беспорядки. И тогда руководство страны решило ввести войска. А мне приказали срочно вылететь в Будапешт. Со мной улетели: Бельченко, Коротков, Крохин и группа офицеров отдела разведки и диверсий, Вертипорох*, Алексахин. Последний был назначен помощником коменданта Будапешта. На последнем этапе к венгерским делам подключился Брежнев.

Имре Надь и его сторонники скрылись в югославском посольстве. Нам сильно помогли югославы, которые имели свои виды на новое венгерское руководство. Они передали нам Имре Надя. Но потом, когда югославское влияние при Кадаре и Мюннихе стало нулевым, югославы резко выступили против нас, а мы все действия по ликвидации мятежа согласовывали с ними.

В вывозе Имре Надя и его соратников, сидевших в посольстве, участвовали Коротков, Вертипорох, Алексахин. Их отвезли в нашу комендатуру. Потом по просьбе Кадара и Мюнниха Имре Надя отправили по договоренности в Румынию, как они считали, для полного спокойствия в Венгрии.

Дальнейшую судьбу Надя решали новые венгерские руководители, хотя они и советовались с Москвой. Казнь Имре Надя — целиком на совести новых венгерских руководителей. Я думаю, Кадар заметал следы своего сотрудничества с Надем, когда они оба хотели свалить Гере, человека Ракоши[609].

Вопрос : А как было с кардиналом Миндсенти?

Ответ : У нас была договоренность с американцами, что Венгрия — это сфера нашего влияния, и они нам не будут мешать. Поэтому я по согласованию с Хрущевым отменил подготовленную Коротковым и Вертипорохом операцию по изъятию Миндсенти из американского посольства. Кстати, всю шифропереписку американского посольства с Вашингтоном мы контролировали[610].

Вопрос . Какое участие принимал Брежнев в венгерских событиях?

Ответ : Брежнев подключился позже. Ему поручили контролировать переброску контингента войск Прикарпатского ВО в Венгрию и интернирование задержанных в Венгрии иностранных граждан и венгров на Украину.

Насколько мне не изменяет память, он был в Будапеште один день. Руководство страны боялось, что последствия вооруженного выступления в Венгрии вызовут волнения и в нашей стране — в Западной Украине и Прибалтике, опасались, что возродится национальный бандитизм. Этим занимался Аристов.

Глава 19. ПРОЩАНИЕ С ЛУБЯНКОЙ. 1957–1958 годы

С каждым годом работать с Хрущевым становилось трудней и трудней. О принципах «коллективного руководства» больше не вспоминалось. На смену прежнему культу личности шел новый культ: вот только личность была уже не та...

Расправившись с основными своими соратниками-соперниками, Берией и Маленковым, Хрущев сосредоточил в руках практически всю полноту власти. Однако до тех пор, пока в Президиуме оставались сталинские соратники, помнящие, как «Микита» танцевал для Хозяина гопака, он не мог окончательно ощутить себя Первым.

Всё чаще на заседаниях Президиума между Хрущевым и «стариками» (Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов) возникали споры, конфликты, ссоры: «старики» пытались хоть как-то обуздать его неутомимый волюнтаризм.

Удар по сталинским кадрам был одной из главных задач «антисталинской» речи на XX съезде: потому Хрущев и утаил от «соратников» содержание доклада. Он знал, что визы этих людей стояли на сотнях расстрельных решений. Рано или поздно эта мина должна была взорваться.

Но «ветераны» его опередили. 18 июня 1957 года прямо на заседании Президиума ЦК все они: Молотов, Каганович, Булганин, Ворошилов, Маленков — выдвинули Хрущеву целый ворох накопившихся обид и претензий. После жаркой дискуссии 7 из 11 членов Президиума проголосовали за его отставку.

Вопреки бытующему мнению, «антипартийщики», как их потом назовут, вовсе не ставили целью реставрацию сталинизма; напротив, они выступали против возрождения нового культа и единоличного стиля правления. Как образно выразился секретарь ЦК Дмитрий Шепилов, «Хрущев надел „валенки Сталина“ и начал в них топтать».

Не было у них и никакого заранее проработанного плана. Выступление против Хрущева носило, скорее, характер эмоциональный, чем рациональный; накопело, что называется.

Самое главное — «заговорщики» не контролировали силовиков. Именно потому они даже не пытались как-то нейтрализовать Хрущева: и Серов, и Жуков, и шеф МВД Дудоров сразу же заявили о своей поддержке 1-го секретаря. (Более того, Серов буквально пошел на прорыв Президиума во главе группы членов ЦК.) Оставшись же на свободе, Хрущев сумел собрать силы и нанести противникам ответный удар; власть он удержал исключительно на штыках.

Уже 22 июня в Москве прошел внеочередной Пленум ЦК КПСС, на который военными самолетами экстренно свозились рядовые члены ЦК со всей страны: верная Хрущеву, новая региональная элита. Их отправкой и приемом занимались чекисты.

Дворцовый переворот провалился. Врагов Хрущева принародно заклеили как

«антипартийную группу», лишили всех постов, сослав на унижительно низкие должности в народном хозяйстве. Даже сами они проголосовали за решение, себя осуждающее.

Отныне власть Хрущева стала абсолютной. Рядом не осталось ни одного человека, способного хотя бы попытаться с ним поспорить; напротив, хор льстецов заранее объявлял гениальной любую его идею.

В дневниках и записках Серов весьма подробно описывает дворцовые интриги, которые расцвели тогда пышным цветом. В борьбе за доступ к телу новая генерация царедворцев не стеснялась ни в методах, ни в средствах.

Очень скоро жертвами этих интриг станут как раз те, кто спас Хрущева: в конце того же 1957 года с поста министра обороны будет снят маршал Жуков, к славе которого Хрущев всегда ревновал и чьей независимостью тяготился. Спустя год придет и черед Серова.

В декабре 1958-го он будет назначен начальником Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ ГШ) и одновременно зам. начальника Генштаба по разведке. В кабинете на Лубянке его сменил новый хрущевский фаворит, 40-летний Александр Шелепин, воспитанник комсомола и аппарата ЦК.

Никаких формальных, да и неформальных претензий Серову не предъявлялось. Наоборот, публично его перевод из КГБ объяснялся необходимостью «укрепления руководства ГРУ». За Серовым полностью сохранили прежнее жалованье и все привилегии.

Нетрудно, однако, предположить, что чрезмерно прямой и жесткий Серов не вписывался в новую «беспозвоночную» вертикаль власти; ему не хватало той гибкости и беспринципности, которая стала теперь главным залогом успеха.

Сталин ценил людей за дела. Хрущев — за слова...

1957 год. О пользе финской бани

В конце мая 57 года Хрущёв сказал, что в первых числах июня мы с Булганиным поедem в Финляндию. Я высказал соображение слетать на пару дней раньше и обо всё договориться. Он согласился.

1 июня и вылетел в Хельсинки. Там меня встретил на аэродроме небольшого роста начальник политической полиции. Я несколько был удивлён, что это за чин, а потом разобрался. С аэродрома мы сразу поехали в Министерство внутренних дел.

По дороге и выяснил, что начальник полиции у них вершит всеми внутренними и внешними (разведка?) делами в стране, а министр внутренних дел — это формальная фигура от какой-либо партии, который фактически в дела министерства не вникает. Подтверждением этому там же в министерстве произошёл следующий факт.

Когда мы разговаривали о программе пребывания нашей делегации, раздался телефонный звонок. Это звонил министр внутренних дел. Начальник полиции спокойно ему отвечал, а потом положил трубку и говорит: «Господин генерал, министр просит принять его, с тем чтобы с вами познакомиться».

Я ему говорю: «Пожалуйста, только мы зайдём к нему». Начальник говорит: «А зачем мы пойдём к нему?» Ну, я всё-таки настоял, и он по телефону ответил: «Сейчас к тебе придём».

После этого он мне спокойно разъяснил: «У нас министры часто сменяются, а мы, кадровые работники, остаёмся на месте. Вот я уже 20 лет работаю, а за это время столько же сменилось министров. Мы им никаких секретов не рассказываем и не докладываем, а то ещё разболтают».

Вот это здорово! Боятся министров, чтобы не разболтали.

Пошли к министру. Действительно, оказался гражданский человек, член аграрной партии. Состоялось знакомство, и только. Он, видно, что и не претендовал на руководство МВД.

За три дня мы обо всём договорились, осмотрели резиденцию. В последний день начальник политической полиции пригласил меня к себе на квартиру и так смутился, что видно было, что он не ожидал моего положительного ответа. Я сказал: «С удовольствием». Он тут же позвонил жене, и мы поехали.

Дорогой он рассказал, что недавно купил себе квартиру, за очень большую сумму, но квартира хорошая. Когда мы приехали, то на втором этаже действительно средняя квартира метров 40, но ничего особенного не представляла...

В общем, много необычного для нас он рассказал. Например, «сухой» закон как осуществляется, хотя финны и любят выпить. Там дают талоны на алкоголь в месяц. Если они (полиция) узнают, что тот или иной злоупотребляет, начинают присматриваться, а затем могут привлечь к ответственности за нарушение закона вплоть до кастрации закоренелых алкоголиков.

Если <финн> совершит, скажем, нарушение правил уличного движения, его осудят на 3–4 месяца, и будет отбывать этот срок на строительстве дороги. При этом независимо от занимаемой должности. Был случай, когда министр 4 месяца работал, мостил взлётную полосу аэродрома.

Когда я возвратился в Москву, всё рассказал Хрущёву, он с интересом отнёсся к этим порядкам[611].

6 июня выехали все вместе в Хельсинки. Когда размещались в особняке, Булганин как-то обособленно стал себя вести и разместился не как обычно — рядом с Хрущёвым, а отдельно, на втором этаже[612].

Вечером был приём у финнов. Устраивал премьер-министр и президент Кекконен*. Ритуалы старинные, официанты в каких-то необыкновенных костюмах, министры во фраках, так же и президент.

В общем, какой-то привкус старинного феодала. Правда, когда подвыпили, то президент пригласил в небольшую отдельную комнату, и там уже разговор шёл более откровенно. Пока мы там сидели, министры, никто с приёма не ушёл.

И лишь когда вышел президент и наши гости, то всё финское общество приняло серьёзный вид и попрощались уже официально и даже сухо, я бы сказал. При этом чувствовалось, что это так полагается по их ритуалу, а не от сердца.

Когда вечером приехали в особняк, Булганин прошёл к себе, а Хрущёв вышел в садик, и мы стали прогуливаться. Потом он крикнул: «Николай, выходи, погуляем». Тот что-то буркнул, но не вышел.

Минут через 15 Хрущёв меня послал к нему, позвать его гулять. Я зашел и пригласил его, он обернулся и, раздеваясь, сказал: «Не пойду».

На следующий день и последующие дни ездили по стране. Пару раз Хрущёв пошутил с

Булганиным: «Что ты всё отстаёшь?» Тот ничего не ответил. Чувствовалось неприязненное отношение Булганина к Хрущёву.

Проезжая мимо одной деревни, министр сельского хозяйства Финляндии предложил заехать на ферму. Когда осмотрели скот и инвентарь, то вышли на бугор за ферму осмотреть земляные участки.

Булганин посмотрел кругом и говорит: «Вот хороший наблюдательный пункт». Хрущёв ткнул меня под бок. Я понял, что такая фраза никому не понравится, тем более мы с финнами воевали, и они лишились Выборга. Хрущёв тактично замял этот разговор, а потом сказал Булганину: «Зачем ты так говоришь? Подумаешь, какой полководец нашёлся!» Тот огрызнулся, произошла перепалка.

Я был удивлён столь мрачным настроением Булганина. Пару раз пытался с ним заговаривать, как бывало прежде, ведь мы с ним оба вместе были членами Военного Совета ВВС в 1941 году, затем в Польше, оба в звании генерал-полковников и т. д. Но он стал неузнаваем.

Когда вернулись из поездки по стране примерно через неделю, то посол Лебедев* устроил приём, где были финские руководители и дипломаты всех стран. Все крепко подвыпили, также и наши, так как после официальной части перешли в другую комнату.

Часам к 3-м ночи закружились и стали разъезжаться. Когда у подъезда Кекконен распрощался с нашими и увидел меня, протянул руку и потащил в машину к себе, и на ходу говорит: «Поедем, друг, в финскую баню».

Ну, мы с ним подружились после того, как он узнал, что я северянин, что хожу хорошо на лыжах, коньках и т. д., и всё же подчёркнуто любезно ко мне относился. Он немного говорил по-русски...

Я ему отвечаю, что спасибо, не могу, а он не отпускает мою руку. Вдруг меня в спину кто-то сильно втолкнул в машину и прыгнул сам. Дверь захлопнулась, и я увидел возле себя Хрущёва. Через открытое окно он позвал Булганина, тот отмахнулся, и мы поехали.

Дорогой по г. Хельсинки пели по-русски сибирские песни. Кекконен где-то в тех краях бывал, мне кажется, в Первую мировую войну и знает мотивы и слова («Байкал» и др.)[613].

Оказывается, он нас, действительно, повёз в баню. На берегу большого озера стоял хороший особняк, а рядом — баня. Мы вошли в особняк, сели за стол, накрытый винами, вроде продолжать угощаться. Я сказал вслух, что «мы же, господин президент, в баню приехали». Я хотел отвлечь их от выпивки. Они согласились и пошли в баню. А там уже ждал адъютант президента. В предбаннике (комнате метров 25) стояло пиво, лёгкие закуски и вешалки для раздевания.

Пока они раздевались и сидели, я разделся и пошёл в баню (следующая комната). Там длинная комната разделена пополам. Справа было четыре душевых установки, а слева — полки в два яруса. Жарища страшная. На стенке висел круглый градусник, на котором показано температура +103°. Я удивился, думая, что нельзя человеку выдержать +103°. Оказывается, если воздух сухой, то можно. И действительно, это на практике подтверждается.

Когда вошли в баню Хрущёв и Кекконен и начали париться вениками, обмакивая их в воду, поднялся пар, и я выскочил оттуда через 2–3 минуты, хотя до этого сидел минут 5–6. Правда, там удобно: сразу под душ, и дыхание восстанавливается.

Забыл сказать, когда мы входили в баню, я послал Литовченко* за Булганиным. После бани

мы встретили Литовченко, и он тихо сказал мне, что Булганин послал нас к чёртовой матушке [614].

Истерика маршала Булганина

Долго раздумывал и всё же решил описать продолжение странного поведения Булганина в Финляндии.

По приезде оттуда он вызвал меня в перерыве между заседаниями Сессии Верховного Совета СССР и начал придирается по одному незначительному вопросу, почему я ему не написал. Я ответил, что КГБ, согласно решению Президиума, всю информацию пишет в адрес в ЦК КПСС, а ЦК рассылает членам Президиума, что я и сделал.

Булганин вскипел и закричал: «А что я — не ЦК? Что я — хрен собачий, что ли?» Я ему спокойно ответил, что «вы сами, товарищ Булганин, это решение принимали. Будет другое решение, тогда буду рассылать все документы, кому решите».

Он начал грубить, что я знаю только одного Хрущёва и ему посылаю. Я ему ответил, что это враньё, я знаю ЦК и все материалы шлю в ЦК, Хрущёв — Первый секретарь, поэтому и идут в первую очередь материалы к нему[615].

Одним словом, поругались крупно. Он меня как-то обозвал, я ему ответил тем же, повернулся и ушёл. В коридоре меня догнал Безрук (прикрепленный) и сказал, что Николай Александрович просит ещё к себе.

Я зашёл, он начал говорить, чтобы я не сердился, но уже того расположения не чувствовалось. Видимо, он прошупывал меня, нельзя ли перетянуть на свою сторону. Я твёрдо решил — знать только ЦК. Я об этом инциденте никому не сказал[616]

Антипартийный заговор

Была сессия Верховного Совета. По окончании сессии, как всегда, на следующей неделе, во вторник, было назначено заседание Президиума. Обычно у меня было по линии КГБ 3–4 вопроса для рассмотрения в ЦК, а на сей раз — не вызывают.

К концу дня я зашёл в Кремль. Мне Веденин* (комендант) говорит: «Что-то сегодня идёт длинное заседание». Я вернулся в КГБ.

Часов в 20.00 я позвонил Чернухе* (зам. зав. общ. отд. ЦК) и спросил, в чём там дело. Я как чувствовал, что началась ссора. Он подтвердил моё предположение и добавил, что продолжение будет завтра[617].

Меня это неприятно поразило. Из-за чего ссориться? Ведь столько в стране дел и больших задач. Неужели из-за первой роли?

На следующий день я уже насторожился, рано приехал на работу. В 11 часов утра началось заседание Президиума, столь бурное, как и вчера. Созвонился с Шуйским (помощник Хрущёва), настроение у него грустное.

Около 3-х часов дня мне позвонил Веденин, чуть не плачет, начал жаловаться на Безрука (прикреплённый Булганина), что, когда Веденин пришёл в приёмную комиссию Президиума, его Безрук не стал пускать, ссылаясь на указание Булганина, что якобы тот его поставил у входа и приказал никого не пускать. Я Веденину сказал: «Ждите у ворот, я сейчас приеду». Получается уже ерунда. Булганин что-то затевает и расставил своих доверенных. Я должен быть объективен.

Приехал, пошли в приёмную комнату, Безрук стоит при входе, я спрашиваю: «Что ты тут делаешь?» Он отвечает: «Меня здесь поставил Николай Александрович». Я говорю: «Зачем?» — «Не пускать сюда лишних». Всегда прикрепленные сидят в другой комнате, где вешалки.

Я резким тоном приказал Безруку отправиться на своё место и не вмешиваться не в свои дела. Коменданту Веденину сказал следить за порядком и не допускать самовольства вопреки установленному мной порядку в Кремле. Безрук уходя, еще раз повторил, обращаясь ко мне: «Товарищ генерал, мне здесь стоять приказал Николай Александрович». Я на это ответил: «А ты слышал, что я приказал — иди!» И он ушёл[618].

В приёмной сидел работник общего отдела ЦК, который, тоже смущённый, пожимает плечами, а не знает, что там происходит. Я через полчаса уехал к себе. Заседали второй день тоже часов до 5 вечера. На завтра вновь назначено с 11 часов утра.

Я съездил пообедать домой и вернулся в КГБ. Часов в 8 вечера созвонился с Брежневым и Аристовым и поехал туда к ним.

Брежнев и Аристов вместе, страшно взволнованные, начали мне рассказывать примерно так: «Ваня, ты знаешь, Молотов, Ворошилов, Булганин, Маленков, Сабуров*, Шепилов, Каганович, Первухин* навалились на Никиту Сергеевича, обвиняют его в диктаторстве, зажиме критики, не согласны по ряду вопросов по культуре, по целине и т. д. Завтра будет обсуждаться, вернее, решаться вопрос об освобождении Хрущёва от должности Первого секретаря ЦК и назначении его министром сельского хозяйства. О тебе тоже говорили, что надо освободить, так как ты не одинаково относишься к членам Президиума»[619].

Я выслушал их взволнованные речи и говорю: «Вы, братцы, спокойно реагируйте и делайте правильные выводы. На мой взгляд, в таком случае, когда раздор между членами Президиума, так надо собрать пленум ЦК, который и решит эти вопросы, а не самовольничать...».

Аристов меня перебил и говорит: «Мы уже сказали <Малину> (заведующий отделом ЦК) и другим, чтобы собирали членов ЦК». Я говорю: «Правильно». В общем, разговор был часа два[620].

Подошёл Кириченко, он приехал с Украины. Стали обсуждать обстановку. Сулова в Москве не было, он был в Польше. Я подсказал Брежневу, что хорошо бы созвониться с ним, рассказать и прощупать его настроение.

Вызвали Варшаву, и стал с Суловым разговаривать вначале Брежнев, а затем Аристов. Когда они кончили, я спросил, как он. Они ответили, что он вроде за то, чтобы обсудить по-хорошему, но больше дельного ответа в отношении Хрущёва не сказал.

Это похоже на Сулова, который держит нос по ветру, что я наблюдал не раз. Затем они говорят: «Давайте позовём Жукова и здесь обсудим создавшееся положение, ведь Жуков присутствовал на этих заседаниях».

Брежнев, как «хорошо знакомый» с Жуковым, позвонил ему и просил приехать, чтобы обменяться мнениями (Жуков был министр обороны и кандидат в члены Президиума ЦК).

Жуков наотрез отказался ехать и сказал, что «время спать, а не заседать».

Брежнев растерянно посмотрел на меня и пожал плечами, потом что-то пробормотал и дал трубку Аристову, который робко стал просить приехать Жукова, а тот (мне было слышно) послал их в задницу, говоря, что завтра всё обсудим.

Аристов, видя такое дело и слыша, как Брежнев сказал мне: «Ваня, поговори ты», сунул мне трубку.

Я, поздоровавшись, говорю ему: «Ты что так рано, Георгий Константинович, спать собираешься?» Он отвечает: «Ну их в ж... Весь день заседали, голова трещит, да ещё и завтра день, поэтому хватит».

Тогда я ему говорю: «Знаешь что, Георгий, мне кажется, дело дрянь получается, давай приезжай. Зайдём к Хрущёву и обсудим». — «Ну ладно, приеду», — ответил Жуков и повесил трубку.

Брежнев и Аристов сразу ко мне: «Что сказал?» Я говорю: «Сейчас приедет». Они обрадовались и стали мне говорить: «Ваня, ты эти дни не ходи без охраны, они тебя могут схватить, а без тебя и нас всех перехватывают». Я им сказал, что это глупости, я их не боюсь, а они всё настаивали, чтобы я без двух здоровых парней не ходил.

Минут через 15 позвонил Пивоваров* и сказал, что Хрущёв просит зайти. В приёмной я спросил, кто у него, мне Пивоваров сказал: «Жуков».

Когда я поздоровался с ними, мне Хрущёв сказал: «Ну, ты всё знаешь, что у нас происходит?» Я ответил утвердительно, тогда он сказал: «А о том, что меня и вас хотят снять, тоже знаете?» Я ответил: «Что бы они ни хотели, но учитывая такие раздоры в Президиуме ЦК, я КГБ никому не сдам без решения пленума ЦК».

Жуков говорит: «Правильно, Иван, я тоже Министерство обороны не сдам». Хрущёв на это сказал: «Президиум имеет право такое решение принять». Я ответил: «Ну, лучше пусть пленум ЦК решит».

Затем Хрущёв говорит, что ему «недавно позвонил Молотов и говорит, почему же танки подняли на ночь». Жуков на это ответил, ругаясь: «Это сделал командир МВО, генерал-полковник Москаленко, дурак, я уже его выругал». Хрущёв тоже выругался по адресу Москаленко, что не надо это было делать. Потом мы разошлись.

Я зашёл к Брежневу, там был Аристов и Кириченко. Брежнев лежал в комнате отдыха, охая, держась за сердце и принимая лекарство. Я же подумал: «Ненадолго хватило его нервов в такой ситуации».

Правда, мне военные политработники со смехом рассказывали, как Брежнев в 1953 году тоже заболел микроинфарктом, когда его освободили от секретаря ЦК КПСС и назначили начальником Главного Политуправления Военно-морского флота.

Брежнев не приступал к работе, сразу же выехал в Барвиху лечить микроинфаркт и находился там более двух месяцев. А после смерти Сталина Жуков был назначен Министром обороны СССР, куда вошло и Министерство Военно-морского флота на правах главнокомандования ВМФ. Таким образом, стало одно главное политическое управление (ГлавПУР) — министерство обороны, и Брежнев стал заместителем начальника ГлавПУРа у генерал-полковника Желтова.

Правда, он был менее года, а затем его послали вторым секретарем в Казахстан. Так что микроинфаркт появляется у него в нужных случаях, или оттого, что нервишки слабые[621].

Поговорили, и я поехал в КГБ. Там вызвал Добрынина, сориентировал в обстановке, узнал, что из ЦК уже все уехали домой, и в 3 часа ночи поехал на Ленинские горы, посмотреть, как охранники несут службу у членов Президиума[622].

Там увиделся с Литовченко, Коротковым, которые настороженные ходили возле дома Хрущёва. Я им сказал, чтобы закрыли на замок двери к соседу Маленкову и Микояну, на всякий случай, и бдительно несли службу. Потом поехал домой, немного уснул и в 7 часов утра уже был на работе.

Начальник 9 управления охраны Устинов* мне доложил, что Брежнев заболел, вроде микроинфаркта, лежит дома.

Утром позвонил Веденин и рассказал, что вчера вечером в 16 часов приезжал Лунев, мой первый заместитель, которому доложили о заседании бурном, но он отмахнулся рукой и, вопреки обычаю, даже не пошел никуда, а сел в машину и уехал. Вот это первый зам КГБ, ведающий охраной и Кремлем. Как туго дело, так в кусты. Хлюпики!

В 9 часов утра я созвонился с Мыларщиковым* (заведующий сельхоз отделом ЦК), который говорит, что он уже собрал ряд подписей членов и кандидатов ЦК с требованием созвать пленум ЦК, где заслушать <сообщение> о том, что происходит в Президиуме. Я сказал: «Правильно мы поступаем. После обеда всех подписавшихся и москвичей ты посылай в Кремль, в Свердловский зал, а я там приготавливаю всех встречать». В общем, договорились.

Сам я поехал в Кремль, там шло заседание. Я Веденину сказал, чтобы быстро накрыл стол в кабинете Кучеренко* (заместитель председателя Совета Министров СССР) бутербродами и чаем, так как будут прибывать члены ЦК и др., чтобы могли покушать и не расходились.

Сам поехал в ЦК, зашел к Мыларщикову, поставил подпись под требованием собрать пленум, мне Мыларщиков рассказал, что некоторые члены ЦК выжидают, куда ветер подует, и не идут подписываться. Ну что ж сделаешь, в семье всякие бывают[623].

Поехал обратно в Кремль, там уже человек 7 было знакомых мне членов ЦК, которые спрашивали, что происходит в Президиуме. Я ответил, что знал.

Пошли в кабинет, где были бутерброды. Народу стало собираться, уже человека 24 было.

Выпили чайку, поговорили, а время уже было около часу. Пришел И. С. Конев. Когда уже было человек под 40, я громко сказал: «Братцы, кто перекусил, давайте перейдем в Свердловский зал», где обычно проводили закрытые заседания пленума ЦК.

Когда я пошел, все двинулись за мной и расселись по скамейкам. Я пошел в комнату заседания Президиума. Когда шел мимо столовой, где обычно кушали члены Президиума, там стоял Сахно*, начальник хозяйственного отдела. Я спросил: «Что, уже обедают?» Он ответил: «Обедают».

Тогда я зашел в столовую и обратился к товарищу Хрущеву, говорю: «Товарищ Хрущев, здесь в Кремле собрались члены ЦК и кандидаты». Меня перебил Молотов и говорит: «Зачем?» Я ответил: «Они интересуются ходом заседания Президиума и не собираются уходить, поэтому я их провел в Свердловский зал». Булганин: «А зачем вы открыли зал?» Я отвечаю: «Члены пленума ЦК — руководство Партии, поэтому я и открыл».

Воцарилась тишина. Я стою. Затем Хрущев говорит, обращаясь к Микояну: «Сходи, Анастас, поговори с членами Центрального комитета». Товарищ Микоян промолчал. Я вышел. Через несколько минут члены Президиума пошли снова заседать.

Я вернулся в Свердловский зал и говорю членам ЦК: «Не знаю, придут ли с нами

разговаривать». Некоторые начали возмущаться. Затем я подошел к Ивану Степановичу Коневу и говорю: «Давай пригласим человек трех и пойдем в зал заседаний Президиума ЦК, а там потребуем, чтобы вышли в Свердловский зал и объяснили членам ЦК происходящее». Собрались и пошли.

Пришли туда в приемную комнату, а там сидит из общего отдела сотрудник, ему Иван Степанович говорит: «Пойди, скажи, что пришли члены ЦК и просят разрешения войти». Сотрудник мялся, мялся, а затем пошел и через минуту ни с чем вернулся, заявив: «Я им сказал, а они все промолчали».

Ждем 2–3 минуты, 5 минут, нас не зовут. Тогда уже я говорю этому сотруднику: «Сходи еще раз, скажи». С большими потугами пошел и опять ни с чем вернулся.

Подождав минут пять, я говорю Коневу: «Пойдем без приглашения вдвоем». Он говорит: «Пойдем». И вошли в зал заседаний.

Там Конев, обращаясь к председательствующему Булганину, уже не Хрущеву (последние два дня уже не Хрущев председательствовал на заседании Президиума ЦК), сказал: «Мы, члены и кандидаты ЦК, просим сообщить, что здесь происходит, и просим собрать пленум ЦК». Оттуда ответили: «Сейчас придет товарищ Микоян». Мы вышли.

Пришли в Свердловский зал и стали ждать. Через несколько минут пришел А. И. Микоян и коротко рассказал о происходивших заседаниях и изложил теперь известные требования Булганина, Молотова, Маленкова и других. Мы зашумели: «Давайте обсудим на пленуме». Он ответил, видимо, сейчас решим и через несколько дней соберем. Мы сказали: «Вот это правильно».

После этого сообщения А. И. Микояна мы разошлись. Я поехал в КГБ, но сам все время был начеку. Субботу и воскресенье был на работе и только один раз ночевал дома.

Брежнев через каждый час из дома позванивал мне, все спрашивал, как дела, что нового и так далее. Вот хлюпик слабонервный, не знает, на кого ориентироваться, так подальше от этих дел и залег дома.

Я сказал Устинову (начальнику 9-го управления), чтобы он выяснил у врачей, в чем там дело. Устинов доложил, что врачи не находят у Брежнева ничего серьезного, кроме нервного расстройства.

Вот глупец. Перепугался, что его могут, как ставленника Хрущева, тоже убрать. Глупо!

В понедельник 22 июня был созван пленум ЦК, на котором вскрылись все противоречия, были резкие высказывания присутствующих, но уже инициаторы Молотов, Маленков, Первухин, Сабуров, Булганин, Ворошилов и примкнувший к ним Шепилов не так бодро выступали, как на Президиуме. Пленум осудил их и поведение и некоторых вывел из состава Президиума.

Правда, разговоров и кривотолков после этого была масса. Мой заместитель Лунев в этот день, когда мы ходили требовать созыва пленума, как рассказал Веденин, около двух часов дня приехал в Кремль и спрашивает: «Почему так много ЗИСов тут собралось?» Веденин ответил: «Что-то члены ЦК собираются». Лунев повернулся и уехал. Вот это кандидат в члены ЦК. Подлец, да и только.

А потом после пленума, когда ему на партсобрании в КГБ задали вопрос: «Почему он не пошел со всеми членами ЦК?», так ничего не мог ответить и сразу побежал к Хрущеву, там разрыдался, и мне Хрущев позвонил и говорит: «Вы его не обижайте, я знаю, он честный человек. Ну а что не был там, то за это не надо преследовать». Я ответил, что его спросил

партактив, а не я, и он не мог ничего ответить.

Странно, почему Хрущев таких беспринципных людей берет под защиту.

22-29 июня состоялся пленум ЦК. На пленуме Лунев ходил как побитая собака. Видно, не знал и не рассчитал, на кого ориентироваться, а партийной принципиальности не хватило.

На пленуме очень хорошо все было рассказано, и когда Хрущев сказал, что они Серова хотели тоже снять, тогда в зале раздался ропот возмущения. А затем Хрущев добавил, что Серов по-партийному поступает и вел себя в эти дни как настоящий коммунист. В зале члены пленума ЦК зааплодировали, а в перерыве ходили и мне руку жали и говорили: «Молодец, Иван!»

Ну, плохо, что я расхвастался. Так было, из песни слов не выкинешь.[624]

Мнимый больной

В ЦК КПСС, особенно в такие дни, мы часто по партийному и по-товарищески беседовали с заведующим общим отделом ЦК (вместо Поскребышева) В. Н. Малиным. Это умный, эрудированный коммунист, был секретарем ЦК Белоруссии, во время войны был в штабе партизанского движения. Прямой, честный человек, и мы сошлись с ним.

Ну, ему, как положено, быть несколько дипломатом с членами Президиума, а со мной был открыт, и я отвечал тем же. Секретов у нас было много государственных, которые я доносил в ЦК, и он их знал.

В дни, предшествующие пленуму, и во время пленума мы не могли видеться. Я имею в виду, поговорить по душам, а только перезванивались. После пленума мы с ним встретились и обменялись мнениями, которые у нас по всем вопросам сошлись.

Оба мы были настроены так, чтобы в партии в Президиуме была бы дружная работа, так как дел много, больших и маленьких, а недостатков еще больше, только работай.

Рассматривая поведение членов Президиума и секретаря ЦК в эти дни, мы с Владимиром Никифоровичем особенно возмущались поведением Брежнева и Кириченко, которые перетрусили, что их благосостояние может нарушиться, и не знали, куда метнуться.

Как я уже говорил, Брежнев вечером до пленума в кабинете у Аристова лег на диван (после разговора с Жуковым) и заохал, что сердце болит, и начал при всех глотать лекарства. На следующий день, не зная, на какую сторону метнуться, к Хрущеву или к Молотову, «заболел микроинфарктом» и в ЦК не пришел.

Через два дня, когда обстановка сложилась в пользу Хрущева, он на пленуме ЦК выступил с крикливой речью и горячей поддержкой линии Хрущева. Так «горячо» выступал, что Катя Фурцева, сидела недалеко от меня, закричала: «Леонид, не волнуйся, ведь у тебя инфаркт». Ну, я-то знал, что у него перетрус, а не микроинфаркт. Поэтому он «выступал с разгромною речью». После пленума он уже больше не вспоминал, что у него инфаркт[625].

В период этих событий он мне надоел звонками не только на работу, а и домой днем и ночью с вопросом: «Ваня, как дела, что нового?» Я потом уже стал отвечать: «Лежи, если больной, и слушайся врачей». Малин меня дополнил еще рядом примеров, как Брежнев выслуживался перед Хрущевым и везде пытался скомпрометировать Козлова Фрола Романовича и Аристова Аверкия Борисовича, а также Игнатова Н. Г. Я спросил у Малина: «Ну как же можно

себя так вести, таким образом, беспринципно, секретарю ЦК?»

На это Владимир Никифорович спокойно ответил: «Это хамелеон, как нужно, так и перекрасится, а если ему выгодно, то и пойдет на любую авантюру».

К слову сказать, в последующем мы Брежнева в разговоре с Владимиром Никифоровичем Малиным иначе и не называли, как хамелеон, а впоследствии «Х», когда он уже начал вылезать вторым по счету, когда Кириченко затем выжили из ЦК в Ростов и потом на пенсию.

Я в течение всего времени присматривался к Брежневу и убедился, что название «Х» абсолютно точное. Что касается Кириченко, то это исключительно лгун и провокатор, готовый на любую гадость. Но все это настолько неумно делает, что в любом деле его уши торчат.

И вот таких людей и подобрал Хрущев в аппарат ЦК своими помощниками...

Мы долго с В. Н. Малиным смеялись над Катей Фурцевой, которая на пленуме ЦК, не угадав намерение Хрущева стать премьер-министром, на вопрос Хрущева к членам пленума: «Вот теперь нам надо подобрать председателя Совета Министров СССР». Катя крикнула с места: «Так у нас готовый председатель Совета Министров — Георгий Жуков»[626]...

Я потом говорил с Г. К. Жуковым в перерыве пленума. Он говорит: «Зачем мне это нужно, в 60 лет взять на себя такую нагрузку Председателя Совета Министров. Президентом я еще мог согласиться».

Потом мы с Георгием Константиновичем не раз вспоминали растерянность некоторых членов Президиума в эти дни и двуличность многих членов ЦК, которые ни «да», ни «нет» не говорят.

Мы с ним сошлись на том, что после смерти Сталина допустить драму, какая предшествовала пленуму, — это для страны крупная неприятность, поэтому раз Съезд партии выбрал Президиум, значит, они должны работать дружно, а не драться. Поэтому и мы с ним поддерживали первого секретаря ЦК в надежде, что все утрясется и будет лучше.

Но вместе с этим мы оба согласились, что у Хрущева есть замашки командовать, и главная беда — любит поговорить: «Я».

«Георгий Константинович, — я сказал, — ты теперь член Президиума, вот и влияй там». Он усмехнулся и ответил: «Постараюсь».

По окончании пленума в решении было записано и опубликовано, что антипартийная группа, образовавшаяся внутри Президиума ЦК в составе Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина, Сабурова и примкнувшего к ним Шепилова, в работе Президиума ЦК сопротивлялась проведению политики партии и так далее. В связи с этим они были выведены из состава Президиума ЦК и освобождены с занимаемых постов. В состав членов президиума ЦК вошли Аристов, Брежнев, Кириченко, Фурцева, Беляев и другие.

После этого Молотова послали в Австрию, в комиссию по атомным делам, Маленкова — директором электростанции в Казахстан, Кагановича — директором в Ульяновск, Шепилов на нервной почве заболел, а затем стал заведующим архивного управления, и так далее. Хрущев стал председателем Совета Министров СССР и секретарем ЦК партии.

В общем-то, нам, близким к закулисным делам ЦК и Совета Министров, все это показалось как ссора из-за первых ролей, игра на самолюбие некоторых из них, и самое главное, я заметил, что перед Хрущевым стали заискивать члены Президиума, особенно Суслов, Брежнев, Кириченко, упоминая «нашего дорогого Никиту Сергеевича» на собраниях. Газеты «Правда» и «Известие» также старались наперебой упоминать изречения и выступления

Хрущева. Это уже плохо.

В Западном Берлине

В начале июля мне Хрущев сказал, что скоро поедем в Чехословакию, поэтому просил продумать и подготовиться. Было решено до Львова лететь самолетом, а дальше поездом.

8 июля поездом поехали до Львова. Жара, духота, но Хрущев решил потребовать вагон, сделанный нашими железнодорожниками и предоставленный Бещевым* с кондиционированным воздухом. Я заходил обедать, так вроде не плохо, но мало снижает температуру. Если на улице 30 градусов жары, то там 25 градусов, но все же заметно. На чешской границе встретили товарища

и других руководителей. На станциях очень дружелюбно встречали чехи. От вокзала поехали прямо в Кремль (пражский) на открытых машинах. Везде встречали очень хорошо.

Из Праги летали в Братиславу, затем в Оставу, ездили посмотреть ферму животноводческую. В общем, чехи трудятся хорошо, гульнуть тоже умеют, особенно любят попеть.

На прощание они подарили всем членам советской делегации по автомашине. Хрущеву и Ворошилову «Татры» восьмицилиндровые по 140 лошадиных сил, а нам: послу Гришину, Иващенко* и мне — «Шкоды» четырехцилиндровые малолитражки (правильно: малолитражки. —

Прим. ред.). Я сразу же решил подарить Светлане и на нее оформить. Там же ей об этом и сказал. Она с Леной[627] прилетала.

16 июля, закончив визит самолетом ТУ-104, полетели обратно[628].

Через несколько дней вылетели в Берлин в составе партийно-правительственной делегации. Встретили немцы неплохо. На аэродроме выстроили почетный караул, пионеров и так далее.

Затем ездили в некоторые города, где, в общем, также встречали неплохо. Но немцы есть немцы. Они могут это организовывать.

Возвращаясь из одной поездки из Лейпцига, я предупредил коменданта города Берлина, полковника, чтобы он нас ждал около Потсдамского шоссе. Возможно, мы поедем через Западный Берлин. Хрущеву я об этом решении не говорил. Когда подъехали к месту, где начинается контрольный пункт американцев при въезде в Западный Берлин, нас остановил полковник и представился.

Я Хрущеву сказал: «Хотите посмотреть Западный Берлин?» Он сразу согласился. Тогда я дал соответствующую команду офицерам, как держаться, что делать в случае остановки и так далее. Проинструктировал коменданта города Берлина, и двинулись. Впереди комендант[629]

В те времена военные проезжали беспрепятственно. На контрольном пункте комендант махнул рукой, означающей, что все машины идут с нами, и мы проехали. Все с любопытством рассматривали город, их магазины, театры и так далее. После эту уже в другом месте мы въехали в нашу зону Берлина. Через 5 дней вернулись в Москву. Поездка прошла хорошо.

После пленума ЦК, где поддержали Хрущева, так он совсем стал неузнаваем, гонору прибавилось, ничего не скажи неприятного, хотя и правильного. А Брежнев и Кириченко прямо извиваются перед ним, чтобы угодить.

Причем, если Брежнев делает хитро, под разумными предложениями, то Кириченко по-холяцки глупо брешет и все тупит. Когда начинаешь ему говорить, что это же брехня, и не так было, так он горлом берет, кричит, забывает и только. Таких дураков на роли секретаря ЦК я еще ни разу не видел.

Вообще говоря, «антипартийщики», как их сейчас именуют, вели себя более достойно. Я имею в виду Молотова, Маленкова, Первухина и Кагановича. Я лет 15 наблюдал за ними во время встреч при решении ряда вопросов и так далее. И никто не видел их развязного, безответственного поведения, как на работе, так и <на> приемах.

Сейчас же, видимо, у этих деятелей от радости, что так их выдвинули, у них дыхание сперло. Кириченко стал невыносим, Брежнев задыхается и глотает слюну, когда ему приходится разговаривать с Хрущевым. Сулов этот елейным голосом не только поддакивает правильность слов дорогого Никиты Сергеевича, но и сам пытается разговаривать и углублять мысли Хрущева.

Молодые товарищи, введенные в состав Президиума ЦК, смотрят на это и тоже начинают так же себя вести. Я уже наблюдаю какое-то глупое соревнование, кто из них лучше выслужится. Более солидно и сдержанно ведут себя Беляев, Игнатов, Аристов и <Козлов>, но они тоже видят вокруг себя такую обстановку и вряд ли долго продержатся на таких позициях[630]

В общем, поживем, увидим. Я там выше писал, что ссоры с антипартийщиками были по ряду государственных вопросов и то, что я видел и наблюдаю сейчас, действительно, надо было подумать и проверить на опыте, перед тем как сплеча решать такие большие вопросы.

Например, я не могу никак согласиться с мнением Хрущева в отношении Китая: «Чем у них лучше, тем у нас хуже». Это же глупо. Коммунистическая страна Китай, с населением в 750 миллионов человек, граничит с нами, и с ней ссориться. Как же это будут смаковать капиталисты: две социалистические страны, и ссорятся.

А ведь дело-то к этому идет. Как же члены Президиума не высказывают своего мнения, что нельзя так делать, тем более что мы туда вкладываем громадные средства, отказывая себе.

Или вопрос оказания помощи африканским странам и азиатским. Надо помочь в меру своих возможностей, но не за счет своего желудка и жизненного уровня. Мы строим заводы в Греции, в Китае, лечебницы в Эфиопии, а другим африканским странам институты, в Азии, в Египте Асуанскую плотину, но я не уверен, что эти наши подарки долго будут помнить азиаты и африканцы.

Мне думается, что если бы мы у себя построили больше больниц, то не лежали бы наши советские больные в коридорах, порой плохо отапливаемых, или, если бы у нас построить побольше школ, то не пришлось бы школьникам учиться в две-три смены, а малолетке в 7–8 лет приходиться из школы в семь вечера.

В общем, я разгорячился. Видно, уже стар стал, и кроме того, видно, не действуют мои слова, которые я высказывал Игнатову по-товарищески, который на это мне всегда говорит: «Иван, ты сам скажи Никите». Также говорит и Фрол Козлов, когда ему начинаешь это говорить.

«Я тебя породил, я тебя и убью!»

Через несколько дней мы с Верой Ивановной поехали в отпуск в Сочи. Август, сентябрь 1957 года — это два месяца, когда большинство начальства собираются в Сочи. На сей раз там были Хрущев, Аристов, Кириченко, Ворошилов, Жуков, затем подъехал Брежнев.

Не прошло и трех дней, как Хрущев поручил позвонить всем членам ЦК, которые отдыхают в Крыму, и пригласить их в воскресенье в Александровский дворец на прием, который устраивают члены Президиума, находящиеся в Крыму.

За полтора месяца такие приемы устраивали 3—4 раза, кроме тех, которые были в самодеятельном порядке, как день рождения того или иного товарища (и имею в виду члена Президиума) или, скажем, товарища Аристова, <который> как заклятый астраханский рыбак наловил рыбы и приглашает на рыбий пирог и так далее.

В общем, таких приемов было не менее двух-трех в неделю. Мы пытались на некоторых отсутствовать, но оказалось, что это невозможно, так как возникали вопросы, которые должен был решать я, или же требовалось по ряду вопросов мое мнение.

В общем, я должен сказать, что все приемы оканчивались обильными выпивками, много болтали и причем бесконтрольно, а поэтому и ссорились или же оставляли друг на друга злобу.

Мне не раз приходилось выслушивать Брежнева, который пытался наговаривать на Аристова всяких гадостей, видимо, в расчете на то, что я эти интриги и болтовню передам Хрущеву, но я этим не занимался, да к тому же не придавал серьезного внимания таким интригам. Я это пишу со всей ответственностью и готов любое слово подтвердить фактами.

Мне казалось, что товарищи, которым поручено столь ответственное дело, как руководство партией и страной, должны все внимание уделить делу, а дел у нас в стране по горло, а они занимаются интригами, подслушиванием друг друга. Стыд. Позор.

Особенно этим отличались Кириченко и Брежнев, которые старались друг перед другом, причем, если Брежнев хитрый, то Кириченко дубина, ни ума, ни совести.

Один раз мы ехали на машине на охоту. Кириченко стал просить Хрущева передать санаторий КГБ Совмину Украины. Я возмущен и спрашиваю: «А почему надо передать?» Кириченко говорит: «Потому что раньше в этом доме была гостиница!» Какая логика. Когда я привел доводы о том, что в Крыму КГБ имеет всего два таких санатория, а Совет Министров Украины десятки, то на Кириченко это не произвело никакого впечатления.

Хрущев, правда, сказал Кириченко, что: «Постройте КГБ санаторий, тогда Серов отдаст этот дом». Кстати сказать, в дальнейшем так и решили, но сотрудники и до сих пор смеются, зачем Кириченко понадобился этот санаторий, бывшая гостиница, вместо того, чтобы построить новый, за который Совет Министров Украины компенсировал нам 10 миллионов рублей, и был построен хороший санаторий, лучше этого. Вот пример логики этой дубины, и во всем он такой...

Хрущев сейчас стал невыносим в своих прихотях и дурачестве. На днях сказал, чтобы приготовили в Александровском дворце (царя Александра) обед для узкого круга, то есть членов Президиума с женами. «И вы там будете».

Когда сели за стол, Хрущев говорит: «Ну что ж, наливайте кто что хочет». Все потянулись

бутылками, а Климент Ефремович крякнул и говорит: «Я тут по-стариковски перцовочки выпью». Он употреблял Столичную водку, настоящую на красном перце. Берет бутылку и наливает себе. Затем, когда Хрущев спросил у Климента Ефремовича: «Что будешь пить?» Он сказал: «Перцовку».

Когда все стали пить, Климент Ефремович глотнул и поставил рюмку на стол. Оказалось, настоящая вода с перцем. Климент Ефремович возмутился такой глупой шутке и не стал пить, а все в угоду Хрущеву смеялись.

Мне было жалко Климента Ефремовича, и он сразу спросил меня, кто так мог сделать. Я подозвал вертевшегося за стульями заместителя начальника 9 управления, полковника Захарова*, глупого, недалекого подхалима перед любым вышестоящим, и строго спросил, в чем дело. Он сказал, по указанию Хрущева это сделал.

Я его выругал, и этот идиот не мог ничего разумного сказать в оправдание, кроме как: «Так Никита Сергеевич приказал». Вот ведь какие могут быть низкие, мелкие подхалимы, не имеющие головы на плечах, которые в угоду самодуру готовы сделать гадость уважаемому нашим народом президенту страны, члену партии с 1904 года. За таких подхалимов мне стыдно.

Во всех интригах за последнее время гнусную роль стал играть Аджубей* — зять Хрущева, проходимец, алкоголик и авантюрист. В порядке подхалимства перед Хрущевым Аджубея назначили редактором газеты «Известия» — это же глупость, такого человека назначать редактором. Я, вообще, так и не знаю, кто он и что. Мать у него дамская портниха по фамилии Гупало, на вид типичная еврейка, отец артист в Грузии, у которого другая фамилия, а сын Аджубей.

Так вот эта дрянь начала вязаться с Хрущевым, ну и естественно Брежнев, Кириченко с ним заигрывают. А Аджубей сразу и сообразил, что можно на этом что-то приобрести, и начал приобретать. Его уже выдвигают депутатом Верховного Совета СССР и, наверное, сделают членом ЦК[631].

Когда мне пару раз приходилось обедать в семейном кругу Хрущева, то этот подхалим сидит, сидит, да и выпалит: «Ах, как здорово вы, Никита Сергеевич, в своем докладе на пленуме ЦК президента США прохватили». А у Хрущева от удовольствия улыбка во весь рот. Причем не раз он <на> моих глазах врал без зазрения совести Хрущеву, черное называл белым и наблюдает. Ведь хоть и редактор, но нельзя же дезинформировать председателя Совета Министров СССР и первого секретаря ЦК партии. Я об этом не раз говорил Аджубею, но без толку.

Когда осталась неделя отпуска, Аристов Аверкий Борисович устроил обед — «день рождения», нас с Верой Ивановной также пригласил. Обед прошел хорошо, по-русски щедро был накрыт стол. Все поздравили именинника и хвалили его. Когда после обеда пошли гулять по саду, Брежнев не удержался, подошел ко мне и давай критиковать: и пирог с рисом сделан не так, и рыба зажарена плохо и так далее. За столом говорил любезности. Неприятно даже разговаривать с ним.

Из отпуска уезжал Кириченко и секретарь Свердлов одним поездом и устроил прощальный обед. Были члены Президиума с женами, и мы с министром культуры Михайловым. Поднимали бокалы и говорили тосты друг за друга по очереди.

Когда говорил Хрущев тост за Г. К. Жукова, то видно было, что некоторые вроде Кириченко уже набрались. Все выступавшие тепло отзывались о Георгии Константиновиче, который проявил твердость при <разгроме> антипартийной группы, что он верный Ленину, и за это партия его уважает.

Когда закончил Хрущев и все выпили, вдруг из-за стола закричал Кириченко. Видимо, он спьяна решил тоже высказаться. И вот для того, чтобы показать свою близость и прошлую службу с Георгием Константиновичем на фронте, он ничего умнее не придумал, как вспомнить следующее: «Георгий, ты помнишь, как меня на фронте расстрелять хотел?»

Жуков, улыбнувшись, ответил не смущаясь: «Помню, и расстрелял бы». Мы с В. И. были удивлены такой глупости Кириченко.

Но Кириченко решил быть верен себе и продолжал свою дурь рассказывать, что Георгий, у которого он был заместителем командира фронта по тылу, дал приказание к такому-то числу обеспечить фронт боеприпасами, продовольствием и всем необходимым для наступления. Затем проехал, а все не было готово.

Он вызвал Кириченко и предупредил, что расстреляет его, если не подвезет в срок то, что нужно для фронта. Ну, глупее этого примера нельзя было вспомнить, и это в присутствии 30 человек с жестами все было рассказано. Таков Кириченко.

В конце обеда произошел эпизод, который насторожил меня и которого я не забуду до конца жизни. Жуков попросил слово и стал выступать с тостом за мое здоровье. Он хорошо говорил, знает меня более 15 лет как честного, хорошего и принципиального коммуниста, как хорошего разведчика, который помогал ему на Первом Белорусском фронте, как большого и храброго товарища и друга.

«И сейчас Иван ведет большую работу на благо нашей партии и государства, возглавляет разведку — наши глаза и уши, и нужно сказать, у него получается неплохо. Об этом не раз отмечали на Президиуме. Пожелаем и в дальнейшем ему в этом деле успехов» и так далее.

Все поддакивали, кивали мне и В. И., а затем стали чокаться, и не успели выпить, как начал говорить Хрущев. Он сказал: «Я согласен с Георгием в отношении Ивана Александровича полностью, что он работает хорошо и является отличным чекистом, но пусть не забывает, что есть и над ним начальство. Если его глаза и уши будут смотреть не туда (разумей: не на Хрущева), то их могут выколоть, а может быть и начальство может сказать, как говорил Тарас Бульба своему сыну: „Я тебя породил, я тебя и убью“. Вот, чтобы этого у него не было. Ваше здоровье, Иван Александрович». Все еще раз чокнулись.

На меня это произвело гнетущее впечатление. Рядом сидевшая Михайлова сказала Вере Ивановне: «Я вам не завидую». Но тогда этот <тост> был принят всеми подвыпившими как нормальный. Потом мы о нем не раз обменивались с Верой Ивановной[632].

После обеда вышли на веранду и расселись по группам. Хрущев сидел с Кириченко и Брежневым, и один стул был свободен. Я вышел, и они меня пригласили сесть. Я сел.

Начали общие разговоры, а потом уже Хрущев говорит: «Вот так-то дела, Иван Александрович». Я, ничего не поняв из этой фразы, насторожился. Затем <Хрущев> припоминает: «Когда при Сталине Жукова сняли, снизили в должности, послали в ссылку, все, наверное, переживали?»[633]

Я подумал, к чему этот вопрос затеян, но ответил: «Я думаю, и всем было неприятно, когда без особых оснований заслуженного человека снижают и отправляют в другое место». Хрущев опять продолжает: «Да, это верно, мы все так думали, но вы-то ведь его друг, он и сам сейчас только говорил».

Я ответил: «Конечно, я с Георгием Константиновичем много лет знаком и считаю его боевым командиром, и естественно неприятно, когда ни за что так его унизили...».

И, не дав мне закончить фразу, Хрущев сказал: «Вы его ссылку рассматривали как

неприятность, которая произошла с Кутузовым, которого царь тоже отправил в ссылку, а потом, когда понадобился, вернулся к нему?» Я подтвердил эти слова.

В это время кто-то подошел, и разговор прекратился, а потом через пару дней я был по делам на даче у Хрущева, а в это время там был уже Брежнев, а позже подъехал Жуков, который уезжал по решению ЦК в Югославию по приглашению Тито.

До того, как приехал Жуков, Хрущев и Брежнев ходили вокруг клумбы и разговаривали. Я примкнул к ним. Брежнев начал жаловаться Хрущеву о том, что Жуков не считается с заведующим административным отделом ЦК, Желтовым и с ним, Брежневым и производит назначения и замещения командующих по своему усмотрению, без согласия ЦК.

Привел пример с командующим Южной группой Казаковым М. И., которого вызвал и сказал, что он поедет на Дальний Восток командующим. И такое предложение будет вносить в ЦК. Причем Жуков внес это предложение в ЦК без предварительного согласования с административным отделом.

Хрущев, возмущившись, сказал: «Да, так нельзя. Надо его призвать к порядку, безобразию. Его надо одернуть. Надо этим заняться». Брежнев продолжил приводить и другие мелкие примеры о том, что он не считается с политотделом и членами Военного Совета армий и округов.

Я был удивлен, почему Брежнев один на один с Хрущевым наговаривает на Жукова, члена Президиума ЦК, которому надо было сказать свои претензии в лицо и потребовать, чтобы он делал так, как установил ЦК.

Затем через полчаса приехал Г. К. Жуков, с которым Хрущев и Брежнев мило поговорили. Жуков высказал ряд соображений о том, как он будет себя вести с Тито и какие вопросы будет уточнять. Все согласились, затем попрощались, очевидно, для видимости тепло, с поцелуями, и Жуков уехал.

Я потом уже понял и <оценил> поцелуи Хрущева и Брежнева. Я был удивлен тем, что Брежнев предпринял такой ход против члена Президиума ЦК Жукова, а два дня назад лебезил перед ним. И вот такой стервец пробрался в Президиум ЦК партии[634].

Разгром Жукова

По окончании отпуска в Крыму в Москве я завертелся с делами. После отпуска всегда много дел скапливается.

На одном очередном заседании Президиума был поставлен вопрос Хрущевым о неправильном поведении Жукова. Жуков находился все еще в Югославии[635].

Были на заседание приглашены Желтов А. С., работавший начальником главного политического управления Советской Армии, Малиновский — главком сухопутных войск и первый заместитель министра обороны Конев И. С. и я.

Докладывал Желтов, который в течение 20–30 минут перечислял «грехи» Жукова, в том, что он не считается с политическими органами в армии, игнорирует их, иногда грубит, все вопросы решает без ГлавПУРа, и об этом они узнают с опозданием[636].

После Желтова выступал Конев, который заявил, что это все неправда, Жуков требовательный министр и правильно спрашивает с нерадивых, что многие высказывания

надуманы товарищем Желтовым, и он удивлен, почему этот вопрос обсуждается без Жукова, который мог бы ответить на все эти вопросы по выдвинутым обвинениям. Мне на сей раз понравилось выступление Конева и его объективность.

За ним выступал Малиновский, который сказал, что он не согласен с ним, что из всех маршалов Советского Союза мы никого не знаем, кто бы мог быть лучшим министром обороны, чем маршал Жуков. Он пользуется уважением и авторитетом у армии, у генералов и офицеров. Что он согласен с мнением товарища Конева, другого министра в армии нет. Затем председательствовавший Хрущев, обращаясь ко мне, сказал: «Вам, товарищ Серов, тоже надо выступить». Я сразу понял, к чему Хрущев клонит дело, и вспомнил разговор в Крыму, и ответил: «Могу».

В своем выступлении я сказал, что я знаю товарища Жукова более 15 лет, вместе на Украине были членами ЦК и политбюро, и товарищ Хрущев помнит, как дружно работали, и никогда не было, чтобы он игнорировал указания ЦК. Я также не согласен с заявлением Желтова о том, что с Жуковым нельзя по партийному поговорить, что он грубит и так далее...

Я это говорю к тому, что он человек прямой, и если с чем не согласен, то не темнит, а говорит прямо. Но когда убеждается в своей ошибке, то так же прямо об этом говорит и выполняет решение. И никакой мстительности, о чем говорил товарищ Желтов, я не замечал, хотя я думаю, что спорных вопросов у меня с Жуковым было больше, чем у кого-либо присутствующего, начиная с 1940 года, то есть с Украины, где он был командующим округом, а я наркомом внутренних дел.

Я хотел еще привести ряд отличных примеров, но Хрущев, видя, что я не нападаю на Жукова, а высказываюсь почтительно о нем, бросил в мой адрес фразу: «Ну заканчивайте». И я сел.

Я сидел и вспоминал всю предысторию с тостом, с вопросами, которые мне задавали в Крыму Хрущев и Брежнев про Жукова, и, наконец, боязнь обсудить Жукова при Жукове, а в его отсутствие. Это так мелко, трусливо и главное лицемерие — поцелуи с Жуковым, когда его отправляли в Югославию.

Я уже стал понимать, что Хрущев и иже с ним начали бояться популярности в народе Жукова, поэтому решили урезать его, как бы Жукова не двинули на передовую роль государства.

Я сидел и размышлял, сколько подлости и двуличества у мелких людей, которым народ доверил руководить страной. Мне было противно смотреть на этих людей...

Я уехал с этого заседания с тяжелым сердцем, возмущаясь поведением Хрущева, Брежнева и Желтова.

Вечером мне позвонил Микоян и сказал, чтобы я организовал в Усово, в доме приемов угощение на 20 человек. Я дал соответствующее указание. Через час Микоян вновь позвонил на квартиру и говорит, чтобы я также был в Усово. Я отказался, сославшись на грипп, а Микоян настаивал и под конец разговора сослался на указание Хрущева. Пришлось ехать. Там собрались члены Президиума, а из военных Малиновский, Конев, Москаленко и Желтов. Начались тосты.

Хрущев сразу начал строго, что нужно подобрать Министра обороны. Видно было, что Конев рассчитывал на эту должность, но когда Хрущев назвал Малиновского, Конев сразу стушевался и на вопрос Хрущева: «Правильно мы делаем?» — Конев ничего не ответил. Другие также сдержанно приняли эту кандидатуру, и через полчаса пир закончился.

Когда выходили со 2-го этажа, к нам с Москаленко подошел Малиновский и говорит: «Какой из меня министр?» и посмотрел выжидающе на нас. Мы промолчали...

На следующий день после партактива пришел Жуков. Жукова с аэродрома сразу повезли на заседание Президиума. После того как он сделал краткое сообщение о проделанной работе и встречах, которые он имел в Югославии, было принято решение «одобрить поездку товарища Жукова».

Затем было ему объявлено, что он решением Президиума ЦК снят с должности Министра обороны. Он потребовал объяснить, в чем дело, и почему все происходило без него.

На это ему ответил Хрущев, что будет пленум ЦК, там и объяснится. Уже о назначении его заместителем председателя Совмина вопроса не стояло. Видимо, подлости и истеричные выступления против Жукова сыграли свою гнусную роль[637].

Вечером после Президиума мне позвонил Георгий Константинович и просил: «Иван, ты поговори с Никитой, зря он так делает, он теряет лучшего товарища. Ты же знаешь, как я к нему хорошо относился».

Я сказал, что поговорю, но посоветовал и самому поговорить, не дожидаясь пленума, и это сказать. В свою очередь я сказал, что обязательно позвоню Хрущеву. Затем он спросил: «Где сейчас Хрущев?» Я ему сказал. И он звонил, видимо.

Через некоторое время позвонил Хрущеву и передал разговор с Жуковым. На это мне Хрущев сказал, что он мне тоже звонил. «Ну а я при чем, так решили».

На следующий день в газете была большая статья Конева, критикующая Жукова и обвиняющая в бонапартизме, авантюризме, в отсутствии партийности и так далее. Мне противно было с Коневым встречаться. Как быстро изменилось его мнение[638]...

Многие из военных, подхалимничавших перед Жуковым, теперь ополчились против него. Просто неприятно на таких людей смотреть. Уж лучше вести себя все время ровно, не подхалимничать, как хамелеон[639].

К сожалению, в среде военных много таких примеров видел, да, пожалуй, и не только среди военных. Потом было принято решение о выводе Жукова из состава ЦК и членов Президиума.

И Жуков, как и при Сталине, и тогда был на пленуме ЦК, когда его вывели из кандидатов в члены ЦК, вышел из Свердловского зала, оплеванный, но с гордо поднятой головой. Мне было больно за него. Тогда ему было предъявлено обвинение в «бонапартизме», а теперь — за «типический авантюризм».

Мне трудно судить обо всех вопросах и его поведении, о которых говорили выступавшие, так как мы работали в разных ведомствах, но как встречались мы с ним и решали вопросы, я этих недостатков не заметил. Я пишу все это объективно, то, что видел хорошо или хорошо знаю, а не по слухам.

1958 год. Тучи сгущаются

Пошел 1958 год. Новый год встретили нормально. По работе никаких неприятностей не было.

В середине января Хрущев поехал на охоту в Беловежскую пуцу. Я там тоже был. Встречались неофициально с Гомулкой и Циранкевичем* на их территории[640].

В общем, все прошло нормально, но я уже понял, что пророческие слова отв. работника ЦК В. Н. <Малина> о том, что всех, кто активно вел себя в период антипартийной группы, постепенно уберут, сбывается.

Оставшиеся в Президиуме ЦК товарищи в ряде случаев ведут себя противно, по-мальчишески, а не по-партийному. Подхалимствуют перед Хрущевым до тошноты, угодничают, склоняют «дорогой Никита Сергеевич» во всех ладах. Похоже, что скоро переплюнут культ Сталина.

Нужно сказать, товарищ Хрущев резко изменился, стал не тот. Никто не смеет ему перечить, если что не так, убирайся. В президиуме на заседаниях, что он скажет, все поддакивают. Любит ездить за границу и там зачастую болтает не лучше Булганина, которого критиковал. В общем, обстановка какая-то неровная.

Игнатов Николай Григорьевич нервничает, так как видит, что эти интриганы, как сказал Кириченко и Брежнев, подкатываются и под него за его прямой характер. Но он говорит: «Все равно, Иван, голыми руками меня не возьмешь!» Аристов как-то заикнулся, боится говорить, полагая, что переврут сказанное им, и потом объясняйся.

В Восточной Европе

В первых числах, точнее с 1 по 10 апреля поехали в Венгрию в составе правительственной делегации Хрущев, Козлов Фрол Романович, и меня взяли, очевидно, с учетом того, что венгров я усмирял и знаю обстановку.

Ну, ничего примечательного там не было. Были на охоте, ездили по городам, и то с большой опаской, так как венгры все еще косились на нас. Велись переговоры, где Кадар и Минних просили помочь хлебом и другими товарами, так как у них пока дела идут неважно[641].

На прощание венгры дали подарки, к которым, я заметил, Хрущев относится равнодушно, и, как мне сказал Литовченко: «Каждый приезд неоднократно проверяет подарки, не убыли ли они на сторону». Видно, к старости добавилась еще и жадность.

Бывая на заседаниях президиума, <понимаешь, что> теперь все уже изменилось. Если Хрущев сказал «да», никто не возразит, одним словом, как при Сталине, такой же культ, но тот был умнее или у него больше восточной дипломатии.

Теперь Хрущев дважды Герой Социалистического Труда, скоро, наверное, будет и дважды Герой Советского Союза. Ко дню рождения присваивать звание Героя, а не за подвиг, как сказано в <статуте>. У меня в голове эти вещи не укладываются. Выходит, что за то, что он родился 60 лет назад, — это уже геройство![642]

В октябре я летал в Берлин по своим делам[643]. Вернувшись оттуда, я собрал ряд документов и пошел к Хрущеву. Когда доложил основные вопросы, то решил сказать, что американцы тщательно изучают выступление Хрущева и его последнюю беседу с послами США на одном из приемов.

Хрущев заинтересовался, думал, что я скажу что-нибудь приятное, потому что он сейчас только приятное от всех и слышит. Я ему сказал, что вы в выступлениях и беседах разглашали секретные указания Вашингтона послам, которые они шлют шифром, и вот они доискиваются, откуда мы узнаем эти указания.

Хрущев сразу нахмурился и начал говорить, что секрет существует только один день и пока

он в голове, а как только вышел в свет — это уже не секрет. Я ему сказал, что мы ставим под угрозу источник, который нас снабжает этими секретами, и все эти важнейшие данные могут внезапно кончиться. Он разозлился на меня, и я ушел. Нет, он уже возомнил о себе до невозможности.

Первый звонок

1958 год, в общем, по работе проходил нормально, я имею в виду КГБ. Представляемые мною записки в ЦК полноценно рассматривались. Нередко были записки в протоколах «одобрить предложение, изложенное в записке Серова от... 1958 г.» или «принять предложение товарища Серова, представленное от... 1958 года».

Но вот осенью, перед 7 ноября, раздался звонок Хрущева из Кремля. Он спросил: «А вы зачем ходили к Игнатову?» Я спросил: «Когда?» Он ответил: «Вы вчера вечером там были».

Я сказал, что на днях мы с товарищем Коневым были у секретаря ЦК Игнатова по вопросу о пенсиях генералам и офицерам Советской Армии и КГБ. Этот вопрос нам поручил Президиум ЦК.

Хрущев, еще раздражаясь, сказал: «Нет, нет, вы не крутите, вы вчера были». Я, уже возмущаясь, отвечаю, что вчера я не был у товарища Игнатова. Тогда Хрущев сказал: «Вот передаю трубку товарищу Кириченко».

Кириченко мне говорит: «Иван Александрович, мне мой полковник сказал, что он вчера вас видел у Игнатова». Я, возмущившись, ответил этому дураку, баламуту: «Если ты следишь, кто к секретарю ЦК ходит, то следи лучше, но не занимайся провокацией». Затем взял трубку Хрущев и сказал, чтобы я приехал к нему в Кремль.

Я был возмущен до глубины души, что этот бездарный авантюрист Кириченко пролез в ЦК, да еще тут занимается подлостями. Видимо, Берия, рекомендуя его секретарем ЦК Украины вместо «русского» Мельникова в 1953 году, знал, что этот стервец Кириченко будет достойным авантюристом[644].

Вот всё у меня пролетело в памяти за двадцать минут, когда ехал в Кремль. Во многом ему помогает Брежнев.

Зайдя в кабинет к Хрущеву, он начал говорить, что «некоторые секретари ЦК обижаются на вас, что вы неровно относитесь к ним. С одними более дружелюбно, а с другими прохладнее. Все подмечали, что вы, например, с Жуковым были на приятельской ноге, и он называл вас Иван, в то время как с другими официально. Нередко он вас обнимал, и вы шли с ним в обнимку. Поэтому мы полагаем целесообразным сменить вам работу. Никаких политических претензий к вам нет, наоборот, мнение Президиума ЦК о вашей работе хорошее, несмотря на сложности, которые были как по работе, так и в международном плане».

Теперь я стал соображать, что этот баламут Кириченко, видимо, пришел к Хрущеву, наговорил на меня различных небылиц, и в результате такой разговор.

Отвечая Хрущеву, я сказал: «Я на эту должность, как вам известно, не просился, а президиум ЦК по вашей рекомендации меня назначил. Я готов сейчас же сдать должность, кому ЦК прикажет. Что касается неровного отношения к секретарям, то это, видимо, чья-то сплетня. Дело вовсе не в этом, а дело в том, что некоторые секретари ведут себя нескромно. Вроде Кириченко, Мухитдинова*, и я об этом вам говорил, а вы, соответственно, им, которые

догадываются, что эти их интимные стороны могут быть известны только через службу и меня, о чем они обязаны по службе докладывать. А это происходит не потому что сотрудники жалуются, что к ним пристаёт, Мухитдинов, например, заставляет незамужнюю девушку, приставленную к его детям, тереть голому спину в ванной, а она этого не хочет. Я вам об этом докладывал. Что касается отношений с Жуковым, то я ни от кого не скрывал, что мы с ним давно знаем друг друга, работали дружно и всегда решали дела по партийному, о чем вы тоже знаете. Вы сами на открытом пленуме ЦК в прошлом году сказали, что Жуков якобы ставил вопрос заменить Серова, хотя Жуков с места сказал, что этого не было. Поэтому я готов освободить должность и передать, кому скажете».

Тогда Хрущев, смягчившись, говорит, что «я уже сказал, что никаких к вам претензий нет, и у Президиума хорошее о вас мнение, но для вас же лучше сменить работу. Поэтому вы подберите ряд кандидатур, которые мы на Президиуме рассмотрим и решим». Я расстроился и уехал[645].

Через несколько дней вызвал меня вновь Хрущев, которому я доложил 5 кандидатур на должность председателя КГБ, в том числе назвал Школьникову*, Кузнецова* В. В., Чернышева, секретаря Приморского обкома и других секретарей обкома, которых знал[646].

Хрущев одобрил предложенные кандидатуры, сказав, что «вы хорошо, по партийному отнеслись к разговору, который у нас был, но вам придется забыть об этом разговоре и считать его не состоявшимся. Продолжайте работать уверенно, ЦК вас поддерживает».

Я на это ответил, что «благодарю за доверие ЦК, но если ЦК найдет целесообразным заменить меня, я готов уйти без всякого огорчения, так как это нелегкий кусок хлеба».

Хрущев вновь подтвердил, что надо считать разговор прошлый несостоявшимся, но он вынужден был поговорить со мной, ввиду того, что в Главном разведывательном управлении Советской Армии очень плохо дела обстоят. Работают впустую.

Начальника ГРУ нет. Заместитель Шалин* болеет и не работает. Поэтому и остро стоит вопрос подобрать серьезного и грамотного в разведке работника.[647]

Я ответил, что в армию я с удовольствием возвращусь, тем более на самостоятельный участок. С начальником генштаба товарищем Соколовским мы давно знакомы и будем дружно работать.

После моей фразы «перейти на самостоятельный участок» Хрущев недовольно хмыкнул. Он вновь повторил, что придется забыть этот разговор.

Я вспомнил прошлый разговор и особенно слова о том, что я не одинаково отношусь к секретарям ЦК. Это, видимо, ему сказали Кириченко и Брежнев, так как и действительно не мог идти против своей совести, когда они интриговали против таких хороших секретарей, как Игнатов Николай Григорьевич, Аристов Аверкий Борисович, Козлов и другие. Они думали, что я пойду на поводу <y> Кириченко и Брежнева и буду им поддакивать, а я это не делал и в глаза им говорил: «Сами <решайте> вопросы».

Я ушел от него в недоумении. Ведь нельзя же решать так поспешно вопросы, имеющие большое значение для человека, занимающего ответственный пост.

Дома я рассказал об этих двух встречах, так как мне было многое неясно. Однако и Вера Ивановна не смогла разрешить мое недоумение. Но видимо, Кириченко вместе с Брежневым не оставили мысли меня сместить и поставить своего человека, который прикрывал бы его похождения и разврат[648].

Переход в ГРУ

5 декабря 1958 года на заседании Президиума были мои вопросы. На последнем из них Хрущев начал говорить, что «с Серовым у нас был дважды разговор о том, чтобы сменить ему работу, он к этому отнесся по партийному и высказал ряд соображений о кандидатурах вместо него. Причем представил кандидатуры достойных секретарей обкомов, членов ЦК. Затем я ему сказал, что этот вопрос отпадает». Когда Хрущев это сказал, некоторые члены Президиума заулыбались, глядя на меня[649].

Продолжая дальше, Хрущев сказал: «Всякое может быть, мы решим этот вопрос. Претензий у Президиума к товарищу Серову никаких нет, работал хорошо, и я об этом ему сказал. Мы ему сохраним оклад и все, чем он пользовался, и подберем хорошую работу в военном министерстве».

На этом я вышел. Настроение было среднее. С одной стороны, 5 лет проработав, я уже привык и проделал большую работу по очистке органов ГБ от абакумовских прихвостней и малограмотных работников, которые занимались склоками и кулуарными рассуждениями, а не делом.

С другой стороны, было несколько неприятно, так как в практике работы органов не раз было, когда уходящего обязательно должны чернить и любой перевод представлять как снятие, придумывая разные слухи и варианты.

Вечером позвонил Хрущев и сказал, что он просил Малиновского назначить Серова заместителем Министра обороны, но Малиновский сказал: «Начальником ГРУ, не заместителем Министра».

В течение нескольких часов я все тщательно взвесил, а затем на следующий день, получив решение Президиума о переводе заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил, я успокоился, созвал коллегия КГБ и спокойно объявил о переходе на другую работу и том, что исполнение обязанностей возлагается на Лунева.

На следующий день по моему указанию начальники главных управлений и управлений представили справки о состоянии дел, которые характеризовали политическое состояние дел, с чем Лунев был тоже согласен и подписал. Я донес акт приема, сдачи дел в ЦК, что сдал дела Луневу, и выехал в Московскую область к Малиновскому, которого я все же мало знал.

Ну, я не буду говорить о прохладной встрече и удовлетворении, которое было написано на его «милости», но я коротко поговорил с ним и попросил выделить генерала, чтобы вместе со мной был на приеме должности.

Я еще раз продумал случившиеся обстоятельства и считаю, что перевод меня из КГБ в Генеральный штаб Советской Армии был итогом интриг Кириченко и Брежнева, которые, как и против Георгия Константиновича Жукова, плели всякие небылицы.

Владимир Никифорович Малин верно сказал после того, как Хрущев стал во главе Совмина и партии, что он всех, кто его поддержал в 1957 году, уберет, чтобы показать, что он без помощи Аристова, Жукова, Беляева, Игнатова, Серова получил доверие партии...

Глава 20. ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Стараниями либеральных историков «серовский» период деятельности КГБ воспринимается сегодня исключительно в мрачных тонах, а сам Серов — как грубый, неотесанный солдафон.

На самом деле, те без малого пять лет, когда Серов руководил КГБ, стали для системы поистине переломными и даже не потому, что это была первая «пятилетка» существования нового ведомства.

Пожалуй, впервые за 40 лет своей истории советские органы безопасности перестали являться сугубо карательным аппаратом. Напротив, организация массовых реабилитаций в 1955–1957 годах стала одним из ключевых направлений чекистской работы. Серов провел и серьезную перезагрузку системы, сопряженную с чисткой: как докладывал он в июне 1957 года в ЦК КПСС, с момента образования КГБ отсюда было уволено более 18 тыс. человек, в т. ч. «более 2300 сотрудников за нарушения социалистической законности, злоупотребления служебным положением и служебные проступки». Тогда же, по инициативе Серова, в 1954 году была проведена амнистия для «советских граждан, сотрудничавших с оккупантами», и сняты ограничения для спецпереселенцев-кулаков.

Его подпись стоит и под эпохальным документом, положившим начало массовой реабилитации жертв сталинских репрессий: совместной записке генпрокурора, председателя КГБ, министров внутренних дел и юстиции, направленной в Президиум ЦК КПСС 19 марта 1954 года с предложением пересмотреть дела осужденных за «контрреволюционные преступления». Не будем забывать, что он — один из разработчиков знаменитого антисталинского доклада Хрущева на XX съезде.

При Серове КГБ из машины по отрубанию голов начал превращаться в профессиональную спецслужбу, к чему вынуждала и динамично меняющаяся обстановка. Хрущевская «оттепель», приоткрытые границы, массовые контакты иностранных туристов с советскими гражданами — всё это заставляло КГБ совершенствовать методику оперативной работы, использовать новейшие технические средства; на смену вымышленным шпионам приходили шпионы настоящие.

Не сидела без дела и внешняя разведка: резидентуры КГБ стали гораздо активнее внедряться в святая святых противника — его спецслужбы и органы управления (1950-е годы — золотой период в истории ПГУ-СВР). В свою очередь, в структуре ПГУ впервые появилось подразделение внешней контрразведки, занятой поиском «кротов» в собственных рядах.

Продолжилась и организация закордонных диверсий; в 1954 году, например, в Западной Европе боевики КГБ похитили и вывезли 2 руководителей филиалов Народно-трудового союза — А. Трушновича и В. Треммеля. Кстати, в этот же период практически удалось завершить борьбу с националистическим подпольем в Прибалтике и на Западной Украине. (Одна из наиболее результативных акций чекистов — захват в 1954 году главнокомандующего УПА В. Кука).

Как говорил на Пленуме ЦК КПСС в июне 1956 года сам Хрущев — главный работодатель и адресат КГБ: «Я прочел бумаг Серова больше, чем произведений Маркса, Энгельса и Ленина».[650]

В архиве Серова сохранились тезисы его «прощального» выступления на Президиуме ЦК в декабре 1958-го. Подводя итоги своего «председательства», он без ложной скромности констатировал:

«За эти 5 лет КГБ сумел добиться положительных результатов по пресечению различного рода контрреволюционных и антисоветских проявлений, и кроме отдельных незначительных случаев, никаких неприятностей не было. Ну, а что касается разведывания намерений наших вероятных противников, то тут, не хвастаясь, можно сказать, что дела пошли хорошо...

Весьма удачно мы внедрились в американскую дипломатическую службу и знали все намерения госдепартамента. Несмотря на строго секретную службу англичан, и там нам удалось добиться положительных результатов, хотя с ними пришлось помучиться. Ну, что касается других направлений, как НАТО, СЕАТО и прочее, то их замыслы нам хоть с некоторым опозданием становились известными».

Увы: о профессиональной составляющей службы Серов рассказывает крайне скудно; уж точно — гораздо меньше, чем нам хотелось бы. В своих записях он неоднократно подчеркивал, что не вправе раскрывать секреты Лубянки:

«Многое хотелось бы написать по работе в КГБ, где я 5 лет трудился, не зная спокойного дня, но, к сожалению, не могу этого сделать».

Лишь в конце жизни, уже в разгар перестройки, Серов решает прервать обет молчания и подробно описать тайные операции советской разведки, к которым был причастен. Видимо, к этому его подвигла лавина хлынувших публикаций о тайнах советского прошлого.

Тогда же, похоже, и был подготовлен не раз цитировавшийся мной план будущей книги: вероятнее всего, эти тезисы под диктовку Серова записывал его зять, известный писатель Эдуард Хруцкий. Большинство их звучит как абсолютная сенсация.

К сожалению, осуществить задуманное Серов не успел. В его архиве мы обнаружили лишь незначительное количество как законченных фрагментов, так и набросков, посвященных работе разведки.

В их числе — неизвестные ранее факты трагической судьбы Рауля Валленберга*, подробности проводимых КГБ спецопераций 1940—1950-х годов, подоплека и детали Суэцкого кризиса.

Эти записи мы и решили объединить в настоящей главе...

Дело Валленберга

В 1987 году ко мне на дачу начали звонить по телефону разные журналисты — советские и иностранные. Все они интересовались одним человеком — Валленбергом.

Мне не хотелось говорить на эту тему, и я всем отвечал одинаково: «Ничего по этому делу не знаю». Я удивлялся, откуда они узнали телефон, который не значился ни в каких справочниках. Правда, у моего зятя было много знакомых журналистов, которые располагали этим номером. Я даже попросил заменить номер, что и было сделано.

Все эти телефонные звонки, настойчивые просьбы журналистов убедили меня вспомнить то, что я знал по делу Валленберга.

Впервые эту фамилию я услышал в 1942 году, когда работал уполномоченным Ставки. Тогда мне было известно, что родственник видных шведских банкиров, Валленберг, приезжал на временно оккупированную территорию — конкретно в Псков — где имел контакты с фашистской гражданской администрацией и «Абвером».

Прошло много лет. Эту фамилию я уже забыл, но вспомнить ее меня заставил начальник контрразведки, старый работник органов Федотов. В 1954 году (или в конце 1953 года — сейчас уже точно не помню) Федотов доложил мне, что правительственные шведские круги активно интересуются делом Валленберга.

«Доложите подробнее, чем он занимался», — сказал я.

«Он был представителем шведского Красного Креста в Будапеште[651], тесно связанный с немецкой и американской агентурой, — ответил Федотов. — В 1947 году он был ликвидирован по приказу Абакумова».

Федотов пояснил, что интерес к Валленбергу вызван тем, что на родину возвращается большое количество бывших военнопленных и интернированных, и ранее арестованных иностранных граждан.

«Держите это дело на контроле», — приказал я Федотову.

Через некоторое время Федотов доложил мне, что, помимо учетной карточки на Валленберга в контрразведке, основные оперативные материалы находились во Втором европейском управлении Комитета информации. По крайней мере, когда Федотов работал в КИ заместителем председателя, он эти бумаги видел.

Тогда я пригласил Доброхотова, несколькими днями раньше переведенного из секретариата во внешнюю разведку, и приказал собрать все, что на сегодняшний момент имеется на Валленберга.

Меня вызвал Н. С. Хрущев, и одним из пунктов нашей беседы как раз стало дело Валленберга. Н. С. Хрущев очень заинтересовался этим делом, поскольку не имел о нем никакого понятия, и дал указание выяснить, почему Запад так интересуется Валленбергом.

Н. С. Хрущев запретил мне посвящать Молотова и МИД в обстоятельства данного мне поручения. Из разговора с ним у меня создалось впечатление, что он хочет списать на Берия и Абакумова всю ответственность за ликвидацию Валленберга, и что это поможет улучшить отношения со Швецией, навести мосты со шведскими правительственными и финансовыми кругами, а возможно, и привлечь их как посредников для установления отношений со странами Запада, к чему Хрущев очень стремился. Также у Хрущева имелись, очевидно, и иные резоны, но о них я скажу чуть позже.

А у нас пока материал собирался. Некоторое время назад контрразведка установила, что во время приезда в СССР одного из шведских социал-демократов, еврея по национальности, у него состоялась встреча с Ильей Эренбургом*, находившимся в оперативной разработке МГБ. (Еще в 1949 году Абакумов ставил вопрос о его аресте, но Сталин санкции не дал)[652].

Этот социал-демократ имел задание шведской разведки через какого-либо видного общественного деятеля выйти на Ворошилова (тогда он был председателем Президиума Верховного Совета, но на Западе его называли Президентом СССР). В качестве канала, с учетом известности за рубежом и еврейского происхождения, был выбран Эренбург.

В 1954 году во время встречи с Эренбургом в Москве этот швед просил его организовать встречу с Ворошиловым. После этого Эренбург встретился с Харитоновым, начальником 4-го управления, но тот рекомендовал уклониться от конкретных ответов.

Теперь несколько слов о сути дела Валленберга. Доброхотов доложил мне, что информация об особой миссии Рауля Валленберга на территориях, оккупированных немцами, была получена изначально из Швеции и США.

Американские материалы имели особое для нас значение. Наш источник в американской разведке в годы войны, один из ее видных сотрудников, сообщал, что Валленберг, как агент американской разведки, установил связь с сотрудниками германских спецслужб. Под видом ведения переговоров о судьбе евреев на оккупированных территориях действует неофициальный канал регулярной связи между гитлеровской и американской разведками

[653].

Валленберг был задержан СМЕРШем в начале 1945 года сразу после освобождения Будапешта. Вместе с ним были арестованы и словацкие дипломаты.

Первоначально Валленберга планировали передать шведской стороне, однако, когда из Первого управления (разведка) пришла ориентировка о его связях с гитлеровскими спецслужбами и американской разведкой, Сталин приказал Абакумову арестовать Валленберга и доставить его в Москву. Вместе с ним в Москву был направлен и его шофер — фамилии сейчас не помню[654].

Из документов, изъятых при Валленберге, следовало, что он имел регулярные контакты с высокопоставленными нацистами, в том числе с небезызвестным Эйхманом*, организатором массовых ликвидаций по уничтожению еврейского населения. Также были достоверные данные о том, что посольство Швеции в Будапеште выдавало дипломатические паспорта и иные документы сотрудникам гитлеровских служб безопасности для их прикрытия.

Валленберг подозревался в причастности к этой деятельности, поскольку неоднократно выезжал на оккупированные территории, в том числе, как я уже указывал, в Псков. Ему было предъявлено обвинение, как нацистскому шпиону.

Доброхотов поднял материалы Комитета информации и Следственной части по особо важным делам, из которых следовало, что вначале Валленберг числился за СМЕРШем, а потом за зам. начальника Следчасти — Лихачевым* (впоследствии расстрелянным).

Полковник Козырев* из Следчасти КГБ доложил мне, что никаких оперативных материалов в ходе следствия по делу Валленберга не было использовано. Прямых улик, изобличающих его в шпионаже, тоже не имелось. В то же время сам Валленберг не отрицал, что поддерживал постоянные связи с рядом видных нацистов и установленных МГБ американских разведчиков.

Из докладов Доброхотова и Федотова следовало, что Сталин и Молотов планировали использовать показания Валленберга для секретных переговоров с американцами о темах, не подлежащих обсуждению на Нюрнбергском процессе.

Федотов, который, по-моему, был членом комиссии по подготовке процесса, рассказал мне, что американцы пошли нам навстречу, сняв вопрос о секретных протоколах Молотова-Риббентропа 1939 года в обмен на то, что мы не поднимаем вопрос о финансовых связях США с гитлеровскими промышленниками, при посредничестве семейства Валленберга и ведении ими сепаратных переговоров о мире.

После окончания Нюрнбергского процесса Рауль Валленберг потерял свою ценность. Сталин считал, что возвращать его домой не имело смысла, и, кажется, Молотов поставил вопрос о его ликвидации, так же как и ряда других американских, немецких и японских дипломатов, арестованных нами после войны.

Обстоятельства ликвидации Валленберга окончательно установить не удалось. Находящиеся в деле документы (рапорт тюремного врача о смерти и акт о кремации, подписанный начальником внутренней тюрьмы Мироновым и комендантом МГБ Блохиным*) свидетельствовали лишь о самом факте смерти Валленберга в 1947 году. Допрошенный по этому делу Блохин показал, что к ликвидации Валленберга его (Блохина) сотрудники отношения не имели, или, во всяком случае, он этого не помнит.

Допрошенный Майрановский* и работники его специальной лабораторной камеры подтвердили, что они ликвидировали в 1946–1947 годах ряд иностранных граждан, находившихся во внутренней лубянской и владимирской тюрьмах МГБ. Конкретных имен они

также не помнили.

Абакумов, допрошенный Козыревым, подтвердил ликвидацию именно Р. Валленберга. Он ссылался на прямые указания Сталина и Молотова, которых он неоднократно подробно информировал об этом деле. Было также установлено, что непосредственное указание об аресте Валленберга фронтовому СМЕРШу в 1945 году дал Булганин — в то время заместитель наркома обороны и член ГКО.

Обо всем этом я подробно доложил Н. С. Хрущеву. Он внимательно выслушал меня и сказал: «Эти подлецы, Сталин, Молотов и Вышинский, заварили эту поганую кашу, а нам теперь дерьмо хлебать».

Задал еще несколько уточняющих вопросов об участии Молотова и Вышинского в этом деле и приказал мне «не ставить конкретно эпизод по Валленбергу в вину Абакумову и его приспешникам».

В то же время Хрущев велел мне проговорить с Молотовым, почему на Западе опять вспомнили о деле Валленберга.

Я встретился с Молотовым в его кабинете. На мои вопросы он отреагировал крайне болезненно, сказав, что только идиот может надеяться «получить какую-то выгоду с этого дела», что это дело не может послужить поводом для установления неформальных отношений со шведскими финансовыми и промышленными кругами. Он заявил, что к этой теме возвращаться больше не намерен.

В конце разговора Молотов подозрительно спросил меня: «А зачем сейчас ты поднимаешь это дело?» Я ему ответил, что выполняю указание ЦК партии.

Я передал содержание разговора Н. С. Хрущеву, на что тот разозлился и сказал, что от Молотова все равно надо избавляться. Хрущев приказал мне продолжить негласное прощупывание через каналы разведки. В то же время он запретил мне направлять какие-либо документы в ЦК по этому вопросу.

Я думаю, что это было связано с тем, что до 1954 года весь особый сектор Президиума ЦК контролировался Маленковым и его помощником Сухановым, которым Хрущев не доверял. Молотов же тогда был Хрущеву еще нужен для борьбы с Маленковым. (В результате в январе 1955 года Маленков при помощи Молотова был снят с должности председателя Совета Министров СССР).

После снятия Маленкова дошел черед до Молотова. Думаю, что Н. С. Хрущев дело Валленберга решил для себя сразу же использовать против Молотова и для начала убрать его из МИДа.

Молотов это понимал прекрасно, поскольку относился ко мне как к человеку Хрущева (на Президиуме ЦК в 1954 году он вместе с Маленковым не поддержал моего назначения председателем КГБ; в связи с разделением МВД на два ведомства Маленков хотел назначить на КГБ Шаталина, секретаря ЦК).

Возвращаясь к этой теме, замечу, что, вообще, вопрос о создании КГБ, как самостоятельного органа, всплыл неожиданно. Круглов поставил на Президиуме вопрос о новой структуре МВД, но за несколько дней до рассмотрения вопроса Хрущев в секретной форме поручил мне подготовить для него записку о создании КГБ. Произошло это через несколько дней после празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Этот материал я велел подготовить начальнику секретариата Доброхотову и, не подписывая, передал помощнику Хрущева Шуйскому.

Работа по делу Валленберга продолжалась. По моему указанию Харитонов в 1955 году еще раз встретился с Эренбургом и предложил ему на очередной встрече с представителями Швеции намекнуть, что не исключает вероятности, что Валленберг находился в заключении в СССР и, возможно, пал жертвой преступников Берия и Абакумова.

Я приказал Панюшкину* уточнить реакцию шведов на слова Эренбурга. Такая реакция вскоре последовала — представители шведского МИД прямо намекнули нашему послу Родионову, что их правительство не обвиняет нынешнее руководство СССР в причастности к делу Валленберга, что это результат преступления Берия.

Однако я понимал, что необходимо задействовать не один канал (Эренбурга), а сразу несколько. Для этих целей через позиции наших резидентур в разных странах следовало организовать утечку информации и довести до шведских властей готовность СССР к обсуждению вопросов судьбы Валленберга.

Это нужно было сделать не только в Финляндии, где наши оперативные возможности всегда были сильны, но и в какой-нибудь еще другой стране. Панюшкин предложил использовать нашу резидентуру в Турции, которая имела выходы на одного видного финского дипломата, известного своими широкими и неформальными связями в шведском МИДе.

Н. С. Хрущев несколько раз в беседах со мной возвращался к делу Валленберга. Я понял, что это дело для него исключительно важно, что он хочет это дело, как и ряд других, использовать для того, чтобы освободиться от некоторых членов Президиума ЦК, которые представляли для него опасность.

Думаю, что если бы не это, о деле Рауля Валленберга на таком высоком уровне никто бы и не вспомнил.

Мне приходилось готовить документы для ответов на ноты шведского правительства. Наша позиция по вопросу Валленберга всегда согласовывалась с Н. С. Хрущевым, так как предстоял визит премьер-министра Швеции Эрландера* в Москву, которому партийное руководство страны придавало большое значение. Этот визит состоялся в 1956 году, но никаких документов передано шведам не было.

Н. С. Хрущев велел мне и Молотову не торопиться с ответами, пока не пройдут парламентские выборы в Швеции[655].

Прошло время. Состоялся Пленум ЦК, на котором Н. С. Хрущев расправился с антипартийной группой, и только тогда я окончательно понял, зачем он просил меня поднять документы по этому грязному делу.

После того, как я вышел на пенсию, у меня состоялась неофициальная беседа с одним крупным государственным деятелем (я обещал никогда не называть его фамилию).

Он спросил меня: «Иван Александрович, может ли Валленберг находиться в местах заключения под чужой фамилией сегодня?» Я ответил ему, что сотрудники мои провели самую тщательную проверку и у меня нет сомнений, что Валленберг был ликвидирован в 1947 году[656].

Атомный шпионаж

Абель*, настоящая фамилия Фишер, прибыл в США, насколько я помню, в конце 40-х годов. Работал там почти 10 лет[657].

Я с Абелем виделся, когда он приезжал в отпуск в 55 или 56 году. Приводили его ко мне на прием Коротков и Сахаровский*. Он показался мне человеком вдумчивым и немного застенчивым.

Мы считали его серьезным работником. К этому времени, к сожалению, два офицера-нелегала, засланные туда в начале 50-х годов, уже были отозваны, и Абель уже прервал свои «старые атомные связи», поскольку эти люди в прошлом были связаны с компартией и были в разработке ФБР.

Документальных материалов из Америки по атомной и водородной бомбам с начала 50-х годов не поступало, за исключением, по-моему, в 1955 году подробного доклада о водородной бомбе (литии и тритии) и результатах ее испытаний, но не от Абеля, а от нашей посольской резидентуры.

Тогда я взял Квасникова*, Рылова* и поехал с этими материалами к Первухину. У нас в то время готовились очередные испытания водородной бомбы. Абель же подключился к перепроверке этих источников информации.[658]

Трудно было работать по атомным делам с источниками-евреями из-за дела врачей. Хотя Сталин умер и врачей освободили, тогда от нас ушел самый ценный источник Морис, один из изобретателей атомной бомбы, связанный напрямую с Бете* и Оппенгеймером*[659].

Я отменил авантюру Квасникова и Панюшкина в 1954 году, когда они предложили через старого агента сороковых годов организовать выезд обиженного Оппенгеймера в Советский Союз. Риск этой операции был большой, к тому же наши физики его бы не приняли на должном уровне. Рылов, встречавшийся с ним в Вене, вынес о нем впечатление как об усталом, разочарованном человеке[660].

Видимо, прошлое сотрудничество с нами через компартию тяготило его. Когда Абель был арестован, на «хозяйстве» в Москве был Крохин*, очень трусливо повел себя, задержал выплату денежного пособия его семье почти на год, пока разбирались в причине провала.

В этом я и разведка виноваты перед ним, хотя потом все выплатили.

Абель был захвачен, когда пришел на старую квартиру взять деньги, потому что боялся не отчитаться за них. Тем более что два других нелегала, до него в 1954 году, злоупотребляли казенными деньгами[661].

Абель получал иногда интересную информацию и документы Пентагона за большие деньги от разовых источников. Но контакты с ними он прекратил еще до своего ареста.

Абеля удалось обменять только на Пауэрса*[662].

Вообще, американские дела 40-х годов оставили у меня тяжелый осадок. Сталин и Молотов ликвидировали ряд людей, в том числе одного американца, который знал американских коммунистов, работавших с нами еще в 30-е годы, по-моему, Хисса*, Карри* и других[663].

Абель ходил по острию ножа рядом с этими людьми, с Собеллом* и другими. Хорошо, что ушел от этих контактов[664].

С Хиссом скандал был большой. А во всем виноват сменивший Зарубина Горский*. Хотел отбить Хисса у военных и сам засветился. Потом он плакался Панюшкину и Федотову и подрабатывал в негласном штате контрразведки при мне в 50-е годы. Был даже групповодом-резидентом в Интуристе и Союзе писателей[665].

В связи с тем, что Трумэн объявил Сталину о бомбе большой разрушительной силы, а Сталин не придавал значения этому сообщению, я хочу отдельно описать события, о которых

мне известно из достоверных источников.

Отцом ядерной бомбы американцы считают физика Роберта Оппенгеймера, руководителя лаборатории ядерных исследований в Лос-Аламосе.

Оппенгеймер — полуеврей. В 1927 году защитил докторскую диссертацию в Геттингене в возрасте 23 лет.

Одним из помощников Оппенгеймера был Мэртон Собелл, инженер-электрик, в прошлом коммунист.

Уже в 1940 году все было готово к созданию атомной бомбы, и в июле Оппенгеймер уже разделил уран 235 и неразделяющиеся изотопы 238.

До лета 1945 года продолжались работы по созданию атомной бомбы, а в июле в пустыне Аламогордо (Нью-Мексико) была взорвана первая бомба. Первая в истории человечества.

В Лос-Аламосе были изготовлены бомбы, которые сбросили на Хиросиму и Нагасаки.

В октябре 1945 года Оппенгеймер отказался от должности директора лаборатории.

В июне 1944 года с Собеллом начал встречаться Ю. Розенберг* (еврей), с которым вместе училась Чера Собелл. Розенберг получал все секреты по атомной бомбе и передавал соответственно. Вместе с Розенбергом учился Элитгер*, который оказался агентом ФБР[666].

В августе 1945 года из Советского посольства Канады сбежал в Америку предатель Гузенко*, после того как его хотели отозвать за злоупотребление служебным положением. В марте 1946 года Гузенко дал показания, что он знает шпионов по атомной бомбе[667].

В 1949 году Трумэн объявил, что СССР взорвал атомную бомбу.

Были арестованы в июне 1950 года Розенберг Юлиус, Мэртон Собелл, Давид Розенберг, Грингласс*, Хисс (бывший секретарь сан-францисской конференции, на которой была создана ООН). Хисс был вместе с Рузвельтом в Ялте в 1944 году[668].

Агентство Херста заявило, что комиссия по атомной энергии опубликовала секретные данные, что СССР получил материалы об атомной бомбе из США[669].

Дело велось несколько лет. Провокационную роль по делу Розенбергов играла Рут Грингласс* — <жена> брата Этель Розенберг*. Рут Грингласс — жена Давида[670].

Рут решила, что ФБР отпустит Давида (мужа), если она все расскажет, поэтому и пошла на это. Но Давид все равно был осужден на 15 лет.

Процесс начался в марте 1951 года. Мэртон Собелл осужден на 30 лет. Юлиус Розенберг приговорен к смертной казни на электрическом стуле.

Перед казнью Юлиус Розенберг на предложение признать себя виновным, и тогда решение будет пересмотрено, ответил: «Человеческое достоинство не продается».

За 6 минут Юлиус и Этель Розенберг были уничтожены.

Находившийся там наш работник В. Зарубин был в курсе событий.

О В. Ротшильде

С В. Ротшильдом* я встречался только один раз, в посольстве[671]. Этот человек был известен очень давно как «наследник» по делу Филби* и других. Он прекрасно знал, что эти люди, имеющие определенные склонности, связаны с нами, и использовал их для передачи в Москву информации, в том числе и ложной.

Вообще, полезные связи с ним закончились с образованием Израиля.

Как вы помните, английское правительство всегда было против создания Израиля, а Ротшильд, наоборот, содействовал этому.

Все материалы по Палестинской проблеме в 40-е годы и по английской позиции были получены нашей разведкой от Ротшильда в 30–40 годы. После бегства Берджесса* и Маклина*[672] он появлялся только на официальных приемах в наших посольствах и встречался или с послом, или с Микояном, или с Маленковым.

На меня он произвел в Лондоне неприятное впечатление. Доверия не вызывал. Я подобных дельцов много встречал в Бессарабии и Румынии, и в Германии после войны.

Контакт, конечно, по программе визита и вопросов для обсуждения с англичанами был интересен[673]. Но Ротшильд всегда преследовал только свои цели. Ротшильд по-своему скомпрометировал и Филби, и других. Связь с ним ставила под сомнение передаваемую ими информацию.

Нам помогали, разделяя наши идеалы, такие солидные, серьезные и порядочные, бескорыстные люди, как Бернал*, Айвор Монтегю*, крупнейшие ученые. Ротшильд — это лишь попутчик.

Об издателе книг Брежнева Максвелле*

Этот человек был давно связан с нами. Дело было крупное. Он был сотрудником военной английской разведки и связался после войны с генералом Утехиным*, из СМЕРШа, чтобы ему помогли найти пропавших в Закарпатье во время войны родителей, кажется, в Черновцах. Мы ему полностью не доверяли, хотя он принес протоколы допросов крупных нацистов, арестованных англичанами.

Потом Утехина посадили вместе с Абакумовым, и связь с Максвеллом прервалась[674].

И вдруг он появился в Москве, в 1955 году, прорвался к академику Топчиеву* и предложил издавать и продавать журналы Академии наук СССР по физике, химии, математике за границей. Хотел, как издатель, делать на этом деньги.

Конечно, это была подстава англичан и, возможно, сионистов, но им очень заинтересовался Грибанов*. Максвелл дал выход на неформальный контакт с лидером лейбористов Вильсоном.

Тогда мы помогли ему получить права на продажу на Западе фильмов о советском балете. ЦК одобрило наше предложение.

Я видел его только мельком в Англии на приеме в посольстве. За границей с ним встречался только Грибанов и кто-то из его аппарата, кажется, Норман Бородин*, а уж дальше, как он попал к Брежневу и стал издателем его мемуаров, я не знаю. При мне, в 50-х годах, ему дали

заработать, а какой толк был от авантюриста и, конечно, двойника, я не знаю[675].

Суэцкий кризис

Суэцкий кризис начался задолго до начала войны на Синае в октябре 1956 года[676].

Хрущев получил первую ориентировку о Насере* еще от Неру во время визита в Индию. Неру сказал, что Насер создал такую ситуацию, при которой и американцы, и англичане будут вынуждены вести переговоры о своих интересах в Африке и на Ближнем Востоке с СССР и Индией как посредниками. Но Насеру надо помочь экономически и оружием[677].

Весной 1956 года наши поставки оружия через Чехословакию Насеру озаботили англичан. Но мы эти связи засекретили[678].

В начале лета 1956 года КГБ получило указание совместно с МИД проработать новую линию и предпринять новые шаги в Египте, на Ближнем Востоке и Йемене. Тогда и начались предварительные секретные контакты с Египтом, когда египтяне стали обсуждать вопрос о национализации Суэцкого канала. Об этом договаривался еще Шепилов[679].

Все секретные переговоры шли при участии нашего резидента, кроме того, переводчиком на высшем уровне также был офицер разведки КГБ.

Нас здорово подвели старые агенты из Англии. Берджесс, который работал на Комитет информации и 2-е управление, встречался в гостинице «Советская» с английским мэром не то Манчестера, не то Ливерпуля, и дал дезинформацию англичан, что англичане не начнут войну из-за канала. И Громыко попался на эту удочку.

Вообще, в это время, летом 1956 года и в начале осени, начали назревать события в Польше, в Познани и в Венгрии.

Плохо было то, что Тито и югославы хотели взять на себя главную роль в урегулировании Суэцкого вопроса.

С Насером поддерживал постоянную связь наш посол Киселев*. Тогда же начался обмен информацией с египтянами разведывательными данными. Нас обеспокоили действия американцев в Сирии. Там готовился переворот[680].

Вообще, войны не ждали и занимались тогда многими делами. Решили использовать возможности Совета мира. Харитонов и Грибанов дали Эренбургу задание поддержать Египет[681].

У руководства возникли опасения, что вероятная война Англии и Египта из-за Суэцкого канала может сорвать договоренности между Хрущевым, Булганиным, Иденом и Ги Моле* об улучшении отношений.

В сентябре маршал Жуков и я направили Хрущеву предложение, чтобы СССР стал военным гарантом в зоне Суэцкого канала и выиграл «войну без войны».

Громыко предложил, чтобы мы стали участником Конвенции по Суэцкому каналу. Военная разведка низко оценивала египетскую армию. Наши широкие связи в Египте не гарантировали, что их военные смогут хорошо освоить нашу технику: МИГи, танки, эсминцы, которые появились у Египта.

Наш резидент в Израиле и посол Абрамов* первыми сообщили о надвигающейся войне. Мы предупредили Насера, называли даже примерные сроки — вторая половина октября, но египтяне вели себя беспечно, ничего не подготовили[682].

Израильские танки застали их врасплох на Синае. У нашего руководства в октябре было много проблем, которые надо было решить. Хрущев, Микоян, Молотов, Сулов ездили в Польшу и Венгрию. Вопросами, связанными с Египтом, занимались мало.

В канун венгерских событий меня вместе с Жуковым вызвал Хрущев. Мы доложили, что после польских событий в июне мы в августе утвердили план чрезвычайных мероприятий по Польше и Венгрии[683]. По Ближнему Востоку Жуков поручил Генштабу и мне разработать план мероприятий.

Лишь в начале октября Вертипорох предложил организовать взрывы на американских и английских нефтепроводах. Для этого — призвать из запаса ветеранов разведки и диверсий НКВД в годы войны и использовать нашу резидентуру в Сирии. Это могло сильно нарушить планы американцев и англичан[684].

Мы в середине 50-х годов читали телеграммы Даллеса* американским послам в Египте и Англии, поэтому знали, что американцы не поддержат и не заинтересованы в военной акции англичан и французов против Египта.

Война Израиля, Англии и Франции против Египта была короткой. Израильские танки вышли через неделю к Суэцкому каналу. Англичане и французы заняли Порт-Саид.

Я в это время вплотную занимался Венгрией, но помню телеграмму-блеф Идену, Ги Молле и Эйзенхауэру. СССР угрожал применить ракетную технику. Но ее у нас на тот момент не было. Ракеты появились только через год[685].

Когда в декабре мы с Жуковым на даче у Хрущева пытались доложить выводы, которые подготовили по Суэцу, он нас оборвал и сказал, что военные обгадились, а зато политики защитили наши интересы и обошлись без нас. А мы, дураки, прихлопнули югославского дипломата в Будапеште, и неважно, какими «темными» делами он там занимался[686].

У него уже накопилось раздражение против Жукова и меня, особенно Жукова. (Через год он его обольет грязью и снимет).

А мне он сказал: «Что ты лезешь с Египтом? Занимайся антисоветчиками у себя дома. Посмотри, что творится после Венгрии в Академии наук и в вузах. Разберись с ними, кого надо — посади, потом оформим решение ЦК. Ишь, раскудахтались! И сдай все материалы помощника Маленкова Суханова (который сидел в тюрьме по воровству облигаций) в мой архив»[687].

Я считал, что с недовольными нашим вводом войск должны разбираться партийные органы и разъяснять им нашу политику, и сказал ему. Он промолчал[688].

Июльский кризис 1958 года

Хрущев вел политику давления на Америку и Англию. Весной 1958 года Насер был в Москве, и мы вели с ним секретные переговоры о том, как расколоть Багдадский пакт[689]. У СССР были сильные позиции в Сирии, Ливане, Египте, но англичане и американцы опирались на Багдад и Нури Саида*, сидевшего там.

Иракские офицеры через сирийского коммуниста, начальника генштаба, вышли на нас. Им, Касему нужна была наша помощь немедленно после ликвидации Нури Саида в Багдаде[690]. Они боялись, что англичане, которые имели договор с Нури Саидом и иорданским королем Хусейном*, высадятся в Багдаде и разгромят их танковую бригаду.

Медяник* и Сахаровский докладывали мне, что вмешательство англичан и американцев вполне возможно. Американцы и англичане действительно высадились в Ливане и Иордании. Наша страна в одиночку не могла решить эту проблему[691].

Нам помогли китайцы. Хрущев поехал в Китай, и Мао Цзедун начал обстреливать острова в Тайваньском проливе, которые оккупировал Чан-Кайши.

Американцы не хотели воевать на два фронта. Китайцам мы тогда в последний раз помогли авиацией и по линии флота[692].

Суслов принял эмигрантского вождя курдов Барзани*, который сидел у нас в Ташкенте. Вернулись к сталинскому плану диверсий в Иране и Ираке. Действовать решили так: оружие будет доставлять военная разведка, а агентурные связи должен обеспечить Сахаровский, т.е. КГБ.

С Барзани встречался в Ташкенте и Москве Агаянц*. Я с ним поехал на дачу к Хрущеву[693].

В ООН решили вопрос не ставить. Время работало на нас. Но Касем вел самостоятельную игру и с Насером был на равных. Тогда для взаимодействия с китайцами послали Питовранова* и Вертипороха. Ничего хорошего не получили. Они всех людей, которые были с нами связаны, передушили[694].

Мы продолжали читать всю переписку Даллеса, Эйзенхауэра и Макмиллана.

В Москве были беспорядки у американского посольства, побили стекла. Я врезал и Лялину*, и милиции. Агенты напились и перестарались.

Но тогда у Хрущева родилась очередная дурацкая идея. Он приказал, чтобы агентура писала письма с угрозами в американское посольство. В случае возникновения угрозы военных действий мы были подготовлены лучше.

Ракет было мало, но после запуска спутника мы всех держали в напряжении. К тому же мы сами дали американцам и англичанам информацию об усилении войск Закавказского округа и о назначении Рокоссовского[695].

Вообще, Хрущев, после того как снял Жукова и после запуска ракет, придавал большое значение, чтобы продемонстрировать перед американцами и немцами военной мощи нашего государства. Я уже тогда думал, что, в конце концов, он зарвется с этой демонстрацией.

В 1949 году мы взорвали свою атомную бомбу, а в 1958-м утвердились на Ближнем Востоке, как писал Ленин, «всерьез и надолго». С тех пор Ближний Восток, германский очаг войны, Индокитай постоянно присутствовали в сообщениях КГБ и Минобороны об обстановке в мире, которые отправлялись наверх. Наше присутствие и наши интересы соблюдались[696].

В 1958 году впервые против американцев и англичан стал выступать генерал Де Голль. Мы решили подобраться к нему поближе и использовать его отношение через французского посла в Москве Дежана*[697].

1958 год показал мне слабость наших нелегальных позиций на случай войны на Западе и в Японии.

В бытность Г. К. Жукова министром обороны он в ГСВГ[698] выступил с секретным докладом перед офицерами и генералами группы войск.

Через неделю я Георгию Константиновичу позвонил и сказал, что его доклад мы получили от иностранной разведки. Он возмутился и говорит: «Не выдумывай». Я ему спокойно сказал, что пошлю к нему “донесение”, но только скажи, так ли всё было в докладе, так как мне хочется проверить агента.

Он мне в тот же день сказал, что все правильно. Значит, не было никакого сомнения, что среди руководящего состава офицеров есть агент иностранной разведки.

“Больше” года мы над ним бились и сумели его арестовать через месяц “после того”, как я был переведен в ГРУ. Оказалось, что это был подполковник ГРУ Попов*, завербованный в Австрии одной разведкой.

Однако ни Штеменко, который был начальником ГРУ, когда у него в управлении подвизался ряд лет шпион, ни Шалин, оставшийся после Штеменко, не потеряли волоса с головы[699].

Глава 21. У ШТУРВАЛА «АКВАРИУМА». 1958–1963 годы

8 декабря 1958 года генерал армии Серов официально был назначен начальником Главного разведуправления Генштаба. На новом месте встречали его без особой радости: мало того что «чужак», так еще из КГБ — традиционного конкурента военной разведки.

Не сильно ждало генерала и новое начальство, особенно — министр обороны маршал Малиновский: он рассчитывал поставить на этот пост своего человека. Кроме того, министр хорошо помнил о связке Серова с маршалом Жуковым.

Впрочем, и сам Серов вряд ли испытывал восторг от всего случившегося. Перевод в ГРУ был для него существенным понижением. Самое главное — он лишился постоянного контакта с Хрущевым, чем его противники не замедлили воспользоваться.

Уже 31 декабря — и месяца не прошло — председатель Комитета партконтроля Н. Шверник направил в ЦК обширный доклад «о фактах преступной деятельности Серова», где тот обвинялся в целом ряде злодеяний (мародерство в Германии, участие в организации Особой тюрьмы МГБ, сокрытие оперативных дел). КПК просил санкции «заняться делом Серова по существу», но Хрущев отказал.[700]

Через несколько лет эта монаршая благосклонность постепенно спадет; слишком могущественные и злопамятные враги были у Серова. (В их числе сам он называет Брежнева, Миронова, Сулова, Шелепина, Семичастного.)

Но интриги — интригами, а служба и жизнь продолжались. На новом месте Серов освоился довольно быстро: как-никак толк в разведке он понимал.

Почему-то современные историки не слишком жалуют Серова, рисуя его этаким самодуром и дуболомом. И вновь с оценкой этой вынужден я не согласиться.[701]

«Серовский» период отнюдь не стал потерянным временем для ГРУ. За эти 4 года военная

разведка (в отличие от ПГУ КГБ) не понесла никаких серьезных потерь. Напротив, как раз в 1959–1962 гг. ей удалось завербовать целую партию ценнейших агентов на Западе, после чего закрытых дверей для ГРУ практически не осталось. Агенты советской военной разведки действовали внутри спецслужб, военных и дипломатических ведомств всех стран НАТО, передавая важнейшую информацию. О большинстве планов «вероятного противника» в советском Генштабе становилось известно едва ли не одновременно с объединенным штабом НАТО, а счет «добытых» оборонных разработок шел на килограммы. [702]

Нередко операции ГРУ отличались дерзостью и авантюризмом. Сразу после отставки Серова в Англии разразился скандал вокруг военного министра Профьюмо, чья любовница Кристина Киллер оказалась агентом советской военной разведки: всю информацию, выуженную у министра в постели, она передавала сотруднику лондонской резидентуры ГРУ Е. Иванову. Тогда же в руки ГРУ попал и порнографический архив, компрометирующий высшую знать Великобритании, включая членов королевской семьи.

Некоторые итоги своей работы ГРУ Серов изложил в письме от 20 июня 1966 года, адресованном XXII съезду КПСС (он продолжал добиваться реабилитации):

«Из Франции — стали получать планы НАТО военных действий против СССР, дислокацию их войск и ракетных баз. Количество атомных бомб НАТО и атомных бомбардировщиков.

План нападения на наши стратегические объекты.

Схему наших ракетных баз.

Дислокацию войск СЕНТО и СЕАТО...

Из Скандинавских стран получали сотни листов чертежей самолётов ракетноносцев, бомарк, „земля-воздух“ циклотрон, твёрдое топливо.

Из ФРГ — образцы вооружения (автоматы, винтовки). Кристаллы „Лазера“ и др.

Из США — отчёты ЦРУ о перспективах наших военных радиосвязей, о ракетных полигонах. Внедрил агента в Госдепартамент. Ряд агентов Президиумом ЦК награждены».

А вот — цитата из выступления Серова на бюро парткома ГРУ в октябре 1962 г. (его тезисы также сохранились в личном архиве).

«...коллектив ГРУ хорошо поработал. Количество документов (важных) в 62 г. по сравнению с 61 г. возросло примерно в 2 раза, а наиболее ценных в 1 1/2 р.

Особенно нынче мы удачно поработали по образцам: добыли клистроны [703],

лазеры, каких у нас в СССР не было, агрегат для изготовления лазеров, ну и наконец великое дело сделали для 7-го Управления, о чем не могу вам сказать. [704]

Эти образцы дают возможность разработки наших отечественных приборов. Так, мне звонили министры, куда мы направили добытые образцы...».

Нагляднее всего свое мастерство ГРУ показало в ходе Карибского кризиса 1962 года, когда мир замер на пороге ядерной войны. Серов был одним из немногих, кто давал отрицательный прогноз размещения на Кубе советских ядерных ракет; он заранее предупреждал, что утечки неизбежны. Именно по линии ГРУ в Кремль поступала основная развединформация из США, а установленный через сотрудника военной разведки полковника Большакова канал неофициальной связи между Кремлем и Белым домом вошел в историю спецслужб.

Впрочем, все эти успехи вышли Серову боком. Из-за Карибского кризиса произошёл его

окончательный разрыв с министром обороны Р. Малиновским, уличенным им в обмане Кремля. Усложнились и отношения с А. Шелепиным и его ставленником В. Семичастным (в 1961 г. он стал новым председателем КГБ). Да и сам Хрущев — отнюдь не преисполнился благодарности за отличную работу; скорее, наоборот — гонцов, приносящих дурные вести, казнят...

Кольцо интриг сжималось вокруг Серова всё туже и туже.

Да, к борьбе бульдогов под ковром ему было не привыкать: на фоне Абакумова или братьев Кобуловых нынешние противники казались просто смешной комсомольской мелюзгой. Однако само время работало теперь против него...

1959 год. Министерская перестройка

В январе 1959 года был XXI внеочередной съезд партии, где я был делегатом[705].

Я продолжал уверенно работать, и имелись уже некоторые успехи, так как новый подход к некоторым делам дал свои результаты. Соколовский В. Д. видел это и не скрывал своё удовлетворение хорошей работой.

Малиновский любой мой доклад об успешно проведенных мероприятиях принимал ехидно, с улыбкой, и чувствовалось, что внутри он был бы больше доволен, если бы было плохо.

Вот ведь какие есть люди! И вот такие люди могут приспособливаться к обстановке, к начальству, но по-прежнему остаются мелкими, у которых личные интересы стоят над государственными.

Такие люди думают, по своей глупости, что окружающие не знают ничего о них, и в этом они заблуждаются. Их же адъютанты и порученцы «по секрету» рассказывают своим «приятелям», как их начальники обогащаются за счёт государства, как они, адъютанты, «обрывают руки», таская тяжёлые чемоданы, получаемые из-за границы. Я часто удивлялся, видя его двурушничество в больших и маленьких вопросах.

Малиновский очень быстро приспособился и перестроился. У меня до сих пор в ушах звучит его тихий голос, когда он нам с Москаленко говорил: «какой я министр».

А тут обрёл себя, окружил подхалимами, завёл генерал-лейтенанта говорливого Блинова*, который своим друзьям сказал, что «только Серов и Москаленко не считаются со мной, все маршалы перед тем, как зайти к министру, спрашивают обстановку у меня».

Это мне рассказал Кирилл Семёнович Москаленко. Я ему на это сказал, что я подхалимничать не собираюсь ни перед кем, в том числе и перед министром. Он сказал, что также не будет...

Я удивляюсь, как самозванные генералы и маршалы, зайдя в приёмную, шёпотом разговаривают, ходят на цыпочках, идут к Блинову узнавать обстановку и настроение министра. Мне за них становится стыдно.

Мне сейчас вспомнилась вычитанная фраза: «Уж лучше стоя умереть, как умирают так деревья, чем преклоняться, лишь бы жить, своё влачить существование». Хорошие слова. Видимо, так и со мной будет.

Один раз на приёме подошёл ко мне старый знакомый артиллерист В. И. Казаков, теперь ему

дали звание маршала артиллерии...

«Давай выпьем за тех, кто был человеком и остался таким, в частности, за тебя».

Я несколько удивился тосту, но затем Василий Иванович уточнил: «Вот ты знаешь нашего общего сослуживца по 1-му Белорусскому фронту В. И. Чуйкова, был человек. Как дали маршала, так перестал быть человеком и стал хамом.

Один только И. Х. Баграмян не меняется, а остальные, к сожалению, все, как Чуйков, подлые стали»[706].

Действительно, я начал к людям, точнее, к военным, присматриваться и, к сожалению, подметил эту грубую черту, когда после повышения на службе или в звании человек не чувствует матушки-земли и отрывается от неё. Это плохо! Так в нашем обществе не должно быть.

Ну, это небольшое отступление. Не зря народная поговорка существует о том, что мысли человека видны на дне рюмки, т. е. когда выпьет, то из него всё выпирает, что накипело, и он не сдерживается, высказывает это.

«Все переделывать заново...»

...Ну, что мы могли услышать по работе на новом месте, если вся деятельность сводилась к «сообщениям из-за кордона», основанным на вырезках из газет Лондона, Парижа и Вашингтона, с той разницей, что газеты печатают эти сообщения публично, открыто, а наши военные атташе их шифруют, ставят гриф «совершенно секретно» и шлют в Москву, затрачивая громадные средства впустую.

Офицеры и генералы не чувствуют ответственности за дело. С них никто не спрашивает. Начальник ГРУ Шалин, больной человек, в неделю работал 2–3 дня, да к тому же и зрение у него было плохое.

Заместители, Мамсуров* и Рогов*, ни один не знали разведывательно-агентурной работы, и позиция их сводилась к инструктажу, как «разведчику оторваться от наружки». Почему-то в ГРУ у всех была эта болезнь. Вообще, представления о работе не превышали знаний периода 1936–1937 годов[707].

1-е Управление ГРУ — это пустое место, где не знают людей, находившихся за кордоном, не изучали их[708]. И вот на это по существу почти пустое место пришлось сесть и начинать работу заново. Мы с М. С. <Малининым> об этих безобразиях рассказали Малиновскому и Соколовскому.

Я не буду говорить далее о том, сколько пришлось трудиться в течение примерно полутора лет, все переделывать заново. Была проведена большая, трудоемкая и полезная работа.

Потом мне не раз говорили товарищи из министерств и комитетов, куда мы направляли часть уже полученных образцов техники, которые стали добывать.

Да и Малиновский не раз сдержанно высказывал одобрение, но каждый раз ставил «задачу» добыть что-нибудь более трудное и сложное, словно я мог взять на складе и привезти в Москву[709].

Правда, когда мне нужно было отметить отличившихся, вплоть до орденов, то он без

возражений подписывал представления в ЦК. Ну, о Соколовском В. Д. и Захарове М. В. и говорить нечего. Они понимали меня с полуслова и ценили труд достойным образом.

В ходе работы пришлось кое-кому на хвост наступить, особенно тем, кто привык бездельничать годами, носить военную форму, распространять кулуарные разговоры и мечтать о следующем звании, вроде заместителя Мамсурова и других. Я не ожидал, что в воинской части может быть такое. Вот ведь как можно распустить людей.

Нашелся и такой, как Большаков*, секретарь партбюро, который, науськиваемый Мироновым (который теперь пробрался с помощью друга Брежнева в ЦК КПСС, заведующий административным отделом), стал заниматься склоками. Большаков в прошлом работал военным атташе в Америке и женился на еврейке, сестра которой живет в США. Там за пьянство, разложение и антисоветские разговоры был снят и уволен из разведки без права поступления[710].

Каким-то образом Мамсуров (его друг по пьянкам) перетянул обратно в эту организацию начальником НИИ. И вот этот склочник начал строчить кляузы на меня. Но, ввиду того, что кляузы ничем не обоснованы, то легко было с ними бороться, что я и делал. Но один раз я убедился, что этот провокатор имеет поддержку у Миронова и иже с ним, но я не обращал на это внимания и продолжал работать так, как мне подсказывала партийная совесть.

Один раз вновь прибывший на мое место в КГБ молодой комсомолец Шелепин* мне позвонил и потребовал освободить занимаемую казенную дачу. Я ему спокойно разъяснил, что за мной ЦК и Совет Министров все сохранил, что ему об этом следовало бы знать. Я был удивлен, что молодой деятель начинает свою службу с дачи. Силен[711].

Затем я дважды с ним встречался по работе. Один раз на президиуме, когда решился вопрос в мою пользу, то он, выйдя в коридор, вдруг ни с того ни с чего сказал: «Ты всё к власти, к власти рвешься?»

Я посмотрел на него и говорю: «Ты что, сдурел, что ли? Мне достаточно работы без того, чтобы об этом думать», — и пошел от него. Сам про себя подумал, что, видно, среди этих молодых сопляков против меня ведется какая-то работа, видимо, наговаривают и т. д.

Несостоявшееся объединение разведок

Под новый 1959 год я попросился на прием к Хрущеву, так как у меня был служебный вопрос. Он принял, я изложил вопросы, которые он одобрил и сказал мне, чтобы я все это написал в ЦК. Я так и сделал[712].

Вышло постановление Президиума ЦК, где было сказано: «Одобрить записку товарища Серова. Поручить товарищам Суслову, Брежневу, Малиновскому, Шелепину подготовить проект постановления ЦК»[713].

Казалось бы, все хорошо, но когда собрались в ЦК по этому вопросу, то оказалось, что Шелепин, Малиновский, Брежнев и Сулов все сговорились провалить мое предложение. Но, зная, что в ЦК отнеслись к записке положительно, стали придумывать выход из положения, который после 3–4 заседаний был найден в виде документа, требующего координировать наши усилия.

Я на это вынужден был пойти, так как убедился, что лбом стенку не прошибить. Несмотря на явную пользу моего предложения, эти товарищи не захотели соглашаться.

Стоило бы видеть, как на меня ополчились Малиновский, Брежнев и Шелепин. Причем мои доводы они не могли опровергнуть, так как не знали работы, но согласиться тоже не могли, так как это ущемляло их престиж, которого я, кстати сказать, не видел. Ну, а Суслов, которому было это поручено все дело, спустил на тормозах, лишь бы отделаться от вопроса, который ему был не знаком, но решение ЦК было принято по моей записке.

Малиновский после этого смотрел на меня волком, но мне-то было все равно, так как я преследовал государственные интересы, а не личные. Чего он не понимал и не поймет. Через полгода я подготовил положение о работе ГРУ вместо старого, которое было издано 20 лет назад, и доложил в ЦК.

По этому вопросу несколько раз собирались у Кириченко, который лез в гору, стал вторым лицом в ЦК, хотя у него дури не убивалось нисколько, а прибавилось.

Шелепин и тут пытался ущемить права наших военных коллег, но так как он не знал этой работы, то инструктаж, который ему накануне давали подчиненные подхалимы о том, как сорвать этот вопрос, разбивались в пух и прах после моего каждого высказывания.

Это видели сотрудники КГБ, которые прибыли для поддержки Шелепина. Видя, что у него ничего не получается, когда мы выходили от Кириченко, в дверях Шелепин мне в спину повторил вновь глупую фразу насчет власти.

Я спокойно вышел из двери, за мной шли Коротков Александр Михайлович и другие сотрудники КГБ, и, повернувшись к Шелепину, при всех сказал: «Если ты не можешь придумать что-нибудь умного, то не говори глупостей». Шелепин проглотил эту пилюлю и не нашёлся, что ответить.

Сотрудники с удивлением посмотрели на своего начальника. Я вновь после этой повторной фразы подумал, насколько он глуп, но вместе с этим и упрям, повторяя одно и то же, да к тому же видно — втягивает против меня и других своих друзей, так как я почувствовал, что Аджубей как-то стал вроде сторониться меня, где приходилось встречаться.

Кстати сказать, когда я был в КГБ, ко мне поступили данные, что Аджубей работал редактором «Комсомольской правды», стал себя вольно вести и назначать свидания с американцами, о чём-то договаривался и т. д.

Зная этого пьянчугу и его авантюристические склонности, но в то же время являясь зятем Предсовмина и Секретаря ЦК, я об этом сказал Хрущёву, который сказал мне, чтобы я его вызвал официально и строго предупредил, что я и сделал. Он страшно перетрусил, но ушёл, очевидно, озлобленный.

Ну, теперь жди от него любой гадости, вернее, он может наговорить гадостей Хрущёву, а тот может, не подумав, «решить» со мной вопрос. Ну, дальше видно будет.

Ну да мне наплевать на эту молодёжь, я работаю не для себя, а для партии и государства, а больше мне ничего и не надо. А они молоды и глупы. Но я чувствовал, что комсомолец Шелепин затаил против меня злобу, хотя внешне и не показывает вида...

Ну, у молодого начальника Шелепина через год начались неприятности. Крупный провал в Лондоне, затем <из> соседней Финляндии убежал подполковник КГБ в США, который знал большой секрет по Финляндии[714].

Затем убежал сотрудник ещё из Берлина в США, которому перед этим Шелепин вручил орден Красного Знамени «За работу», и ряд других[715].

Мне пришлось принимать ряд мер, чтобы эти провалы не отразились на моей работе. Но, как

потом оказалось, у Шелепина не упал ни один волос с головы за эти провалы.

1960 год. Облавы на атташе

1959-й год пришлось много и упорно поработать, чувствуется результат. Стали немного больше знать о противниках, и не просто, а получать хорошие, достоверные данные, чего многие не знали[716].

Генштабу стало легче ориентироваться в планах и замыслах противника, в том, как он расставляет свои силы и средства, особенно по НАТО. Я должен с благодарностью отметить внимание и доверие ко мне Соколовского В. Д.

С ним очень легко работать, но видно, что он по ряду вопросов сам удивляется поведению Малиновского, но ввиду сдержанности характера редко об этом говорит, лишь давал знать жестами, мимикой или отдельными фразами. Очень редко, но прорывалось у него возмущение действиями Малиновского, который не знал вопроса, врал при докладах.

И. С. Конев — первый заместитель министра — также ко мне хорошо относился. Он хоть и не знал детали моей работы, но когда нужно было решать, то всегда подходил объективно и делал так, как было полезно для армии и государства.

Но вот внезапно в 60-м году, как мне рассказывали Соколовский В. Д. и Конев И. С., их вызвали в ЦК, и товарищ Козлов объявил об освобождении от работы. Что? Почему? Не сказано. Претензий нет никаких.

Они ушли к Малиновскому. Тот говорит: Я не ставил вопроса о них. А в ЦК им сказали: «Освобождаются по просьбе министра». У людей осадок неприятный. Мне Соколовский В. Д. говорит: «Ты ему не верь, это не министр, а лгун, двурушник и т. д.». В общем, я из этого ничего не понял. Видимо, дело рук Малиновского[717].

Молодой маршал (с которым у меня был неприятный разговор в Берлине из-за его приёмного сына, который спился) вступил в дела Генштаба нормально. В последующем я убедился, что он очень партийный человек, старой гвардии, член КПСС с 17-го года, участник штурма Зимнего Дворца.

Он, видимо, правильно понял моё предупреждение о сыне и не затаил злобы, как это делали другие. В общем, у меня деловые с ним отношения пошли не хуже, чем с Соколовским.

Тем более М. В. Захаров хоть немного, но был начальником ГРУ и не раз говорил мне, что это такая работа, что каждый день на острие ножа ходишь. И он прав.

Ведь практически <каждый> день бывает так: ты сидишь здесь, решаешь, придумываешь различные варианты, как обмануть противника. Вроде всё придумал хорошо. А в жизни, за тысячи вёрст, случается другое.

Но, к счастью, у меня не было каких-либо серьёзных упущений и провалов.

Соседи-комсомольцы в КГБ нередко во вред государственным интересам, но для того, чтобы сбалансировать свои провалы и выдворения, выдворяют из СССР военных атташе США, Англии, Франции и других стран за то, что задержали их с фотоаппаратом возле авиазавода, скажем, в Куйбышеве или в Москве и т. д. Об этом заводе известно всему миру ещё с войны. Но предлог найден, и его выдворили[718]. В отместку за кордоном придираются к нашим военным атташе и выдворяют их из страны.

Даже в ряде случаев мне докладывали наши товарищи, что они, иностранцы, смеясь, называли заранее, вместо кого выдворять. Это, конечно, глупо.

И вместе с этим я неоднократно сообщал в КГБ, по данным нашей агентуры, и также писал М. В. Захаров, что <

нрзб > имеет данные по <

нрзб >, где имеется важный наш объект, что там сидит шпион. Также сообщали, что на Чукотке сидит шпион в авиачасти и сообщает в контрразведку о вылетах наших самолётов с атомными бомбами.

Они проверяли комиссией и «ни к чему не пришли». <Командующий> дальней авиации говорит: «Это шпион», а особенно из КГБ, говорят: «Это радисты военные выболтали, а их приемник засёк (запеленговал)», т. е. защищает честь мундира.

Одним словом, работа у них как-то идёт несолидно. Один раз мне пришлось с Шелепиным быть у Суслова по общему вопросу. Так тот врал Суслову, и глазом не моргнул.

Когда вышли, я ему говорю, что это не так. Он улыбнулся и говорит: «Иван Александрович, а что он понимает в наших делах?»

Вот это здорово! Обманывать секретаря ЦК, да ещё и смеяться над ним.

1961 год. Страсти в Президиуме

Октябрь 1961 года, XXII съезд партии. На сей раз многим из нас, состоявшим в ЦК по 15–20 лет, дали пригласительные билеты на съезд с правом совещательного голоса.

Мы с Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко (бывший секретарь ЦК Белоруссии, а затем и секретарь ЦК КПСС) сидели все заседания вместе...

На заключительном заседании были объявлены результаты голосования в состав ЦК КПСС. Проходило большое обновление состава ЦК, как это было сказано в Уставе партии. Многих в прошлом членов ЦК вновь не избрали, в том числе и нас с Пономаренко.

Оказывается, мы с ним были более 20 лет в составе ЦК КПСС. Ну, что ж, поработали на благо партии, теперь надо двигать молодежь. Это правильно, но молодежь активную, грамотную и преданную партии, а не таких проходимцев, как Аджубей.

Обновление президиума ЦК и секретариата было также значительным. Не было в составе президиума Аристова, Беляева, Мухитдинова, Фурцевой и Игнатова. Секретарями вновь избраны: Ильичев — это заведующий отделом МИД, который Сталину писал всякие проекты о Мурадели*, Хачатуряне* и других.

А в период поездки в Индию в 1956 году он все время пьянствовал до того, что я предупредил, что выгоню, если будет продолжать компрометировать Советский Союз.

Через день он на одном приеме подходит пьяный ко мне и говорит: «Иван Александрович, ну чего вы на меня сердитесь. Люблю выпить, что ж поделаешь?» Я после этого спросил у Шуйского, знает ли об этом Хрущев. Он ответил: «Знает».

Вот теперь он секретарь ЦК, и говорят, будет по идеологии. Ну, этот привьет молодежи

идеологию, если будет так себя вести и в ЦК.

Затем избран секретарем ЦК Шелепин. Мне казалось, на фоне имевшихся провалов по работе КГБ неудобно его было бы продвигать, но оказывается, можно.

Кстати сказать, и приятель его, этот пройдоха Аджубей избран сразу в члены ЦК без кандидатского стажа, как ранее <не> делалось. Затем секретарями избраны Поляков* — редактор газеты «Сельское хозяйство», человек неизвестный в широких кругах партии и страны, и Титов*, работающий в аппарате ЦК заведующим отделом.

Миронова друзьям удалось протащить всего лишь в ревизионную комиссию ЦК, Тикунова — в кандидаты. В конце съезда было внесено предложение убрать тело Сталина из Мавзолея. В отношении выступавшего на съезде грузина Джавахишвили*, поддержавшего предложение убрать тело Сталина, среди делегатов появилась молва, что его в Тбилиси за эту речь убьют. Конечно, его положение трудное.

В общем, съезд закончился хорошо. Те, кого вновь выбрали, ходили радостные, так как это большой почет в партии. Те же, кто был десятки лет в составе ЦК, особенно в трудные года войны и послевоенной разрухи, которые много потрудились на благо партии, те ушли несколько удрученные...

Забыл сказать, что <когда> объявляли состав членов ЦК, не было в президиуме Мухитдинова и Фурцевой. С Мухитдиновым, говорят, сделалось дурно, когда за сценой перед открытием заседания съезда собрались члены президиума старые и новые, а Фурцева сразу ушла.

Это <на> нас произвело неприятное впечатление. Подумаешь, какой гимназист этот выскочка Мухитдинов. Он, видимо, всю жизнь думал проходить в начальниках. Вот как портятся молодые люди. Ему ведь нет 40 лет, а он был секретарем ЦК Узбекистана лет 10, из них 3 года <в> ЦК КПСС.

Ну, а через пару дней с Катей Фурцевой произошла неприятность. Женское сердце и нервы не выдержали. Чуть было не окончилось дело (она перерезала у себя на руках вены) трагедией.

Ну, я это малодушие осуждаю, но вместе с этим не надо было так с женщиной играть. Сидела секретарем парткома Москвы и хорошо. Зачем двигать до неба, а затем опускать без ступенек на землю.

Как мне рассказывали, хотели за этот поступок сразу же собрать Пленум ЦК и исключить ее из состава ЦК. Особенно настаивал Шелепин, докладывая, вопреки фактам, что не все члены ЦК разъехались, но потом решили не собирать вновь пленум.

Ну, это оказалось к лучшему для нее. На очередном Пленуме ЦК ее выругали, объявили порицание и оставили в ЦК. Вместо Шелепина был назначен вновь комсомолец Семичастный*[719].

Характерная особенность у нынешних молодых руководителей — это показная любезность и внутреннее враждебное поведение. Откуда эта гадость у них взялась, никак не пойму.

С Семичастным мне приходилось пару раз встречаться. Любезный, улыбается, все, как положено приличному человеку, но сотрудники его, бывая у меня по работе, говорят другое и приводят факты, которые при проверке подтверждаются. Удивляюсь и возмущаюсь этим, но ничего не поделаешь...

Таких гадких примеров я вижу нередко и почти ежедневно. К сожалению, и некоторые из

нашего брата, что постарше, тоже набрались таких привычек, видимо, от молодых.

Где же благородство у людей, о чём говорил не раз Ленин, где чувство собственного достоинства? Когда нужно высказать своё мнение, то такие люди, подобострастно улыбаясь, поддакивают, соглашаются с совершенно противоположным мнением тому, что три минуты назад говорил сам.

Когда спрашиваешь, зачем же ты так поступил, то, улыбаясь, как ни в чём не бывало, отвечает: «Да я же не стал начальству возражать», и далее добавляет: «Конечно, он неправильно решил». Ну это же бесчестно!

Мне не раз приходилось докладывать вопросы самым большим начальникам, в том числе Сталину, которого сейчас называют злодеем всех времён, и тем не менее чаще всего со мной соглашались. Но для этого надо разумно и убедительно мотивировать своё мнение, подтвердив его фактами. А ведь от этого многое зависит.

Когда принято по неправильному докладу неправильное решение, то дальше уже будет неприятность для других, хотя можно было бы иметь одному человеку 5-минутную неприятность от вспышки начальника, но зато для дела, для народа было бы хорошо. Вот этого многие из нас не придерживаются.

У меня, как и у всякого, тоже есть всякие недостатки, но в 90 случаев из 100 я держусь до конца своей позиции, в которой я уверен, ну, а 10 случаев бывают, когда сам не глубоко знаешь вопрос, или приведены убедительные контрвыводы. Видимо, в этом меня не переделать. Причём это я считаю не упрямством, а просто настойчивостью в тех вопросах, когда я убеждён и знаю их.

«Орел» летит на связь

На днях я получил совершенно секретный документ НАТО. Кстати сказать, ряд лет с одним из НАТОвских офицеров ГРУ была потеряна связь, и они не хотели её восстанавливать во избежание неприятностей. Я тщательно изучил это дело и принял соответствующие меры. Причём это всё проделал, т. е. восстановление связи, через офицера одной социалистической страны[720].

Вот этот офицер НАТО и стал работать. Он регулярно передавал все важнейшие документы НАТО, причём довольно остроумным способом, без встречи с нашими.

В этих документах НАТО мы увидели все планы на замыслы НАТО. Малиновский сначала скептически к этим документам отнёсся, заявив — «подсунули», тогда я дал ряд документов, из которых было видны наши промахи, и он стал им верить.

Так вот, этот офицер, а теперь могу назвать его — наш друг, так как по моему представлению он был награждён орденом Ленина (который ему показали вместе с Указом, но не вручили в целях конспирации), прислал «перечень ракетных установок Советской Армии по военным округам», т. е. совершенно секретные данные, о которых у нас знают в округе командующий округом и его заместитель по ракетным войскам, а в Москве только руководство ракетных войск, министр и Н. Г. Игнатов.

Когда я просматривал перечень ракетных баз и установок, у меня мурашки по телу бегали. Ведь не дай Бог война, то мы в один день лишимся всех ракет или, по крайней мере, большинства.

Я был удивлён, как могли они это узнать, эти секреты государственной важности. Чтобы сидели их шпионы у нас в округах, не допускаю, в штабе Ракетных войск — также сомнительно. Я позвонил Семичастному, но этот мальчишка сказал, что он ручается, что узнали не через шпионов!

Когда тщательно проверил документы, пошёл докладывать М. В. Захарову. Он также был удивлён этими данными и вместе с этим похвалил за такой материал.

Я заготовил записку в ЦК за подписью Малиновского и Захарова, а Матвей Васильевич говорит: «Дай подписать министру и заходи ко мне». Я пришёл к Малиновскому и подал документ. Он нехотя стал листать, а затем спросил, откуда эти данные. Когда я рассказал, он повертел записку и вернул мне, заявив, что подписывать не будет. Я спросил: «Почему?» Он ещё раз пробурчал «не буду», и я ушёл.

Когда рассказал М. В. Захарову, он тоже удивился и говорит: «Решай сам». Потом добавил: «Покажи Иванову, начальнику оперативного управления, пусть проверит, все ли точки совпадут».

Тогда я всё понял. Малиновский боялся послать в ЦК, так как там могли его спросить, как могли НАТОвцы узнать это, началось бы следствие, и выяснилось, что когда строили эти объекты, то, очевидно, американцы или англичане засекали эти точки со спутников, а возможно и по радиозасечкам, как потом выяснилось, что наши строители ракетных точек условными знаками переговаривались с вышестоящими строителями по вопросам поставки оборудования и т. д.

Тогда я копию записки дал Иванову, а последнюю страницу перепечатал и послал в ЦК Хрущёву. Мне казалось, что Хрущёв прикажет Семичастному расследовать, как могли попасть такие важные секреты по обороне страны в руки противника.

Когда я на следующий день спросил В. Н. Малина, доложил ли он записку Хрущёву, он ответил мрачно: «Докладывал. Он повертел в руках и швырнул мне обратно, ни слова не сказав». В записке я указал, что эти данные противником получены в результате радиоперехвата, путём пеленгации строящихся точек.

Казалось бы, нужно было отдать под суд начальника войск связи Леонова*, который допустил передачу в эфир болтовню строителей, которых противник засекал. А вместо этого Малиновский после двукратного представления Леонова к званию маршала добился, что звание это Леонов получил.

Правда, как мне рассказывали сослуживцы Леонова, он сделал личное одолжение Малиновскому, уступив на фронте свою заведующую столовой Раису Яковлевну в жены Малиновскому. Заслуга немаловажная.

Провалы в разведке

Пишу сейчас редко, так как дел много, да и писать-то не положено. Одно меня беспокоит, что Малиновский не хочет по-прежнему докладывать в ЦК представленные ему мои документы, хотя они содержат исключительную ценность.

Видимо, потому, что противник знает о разных промахах в армии, значит, в ЦК могут спросить с Малиновского, почему он эти недостатки допускает, поэтому он и не хочет делать себе неприятности. Но это неправильно он поступает. Я всю свою жизнь приучен докладывать обо

всех недостатках, хотя и неприятно.

Захаров душой за меня, но говорит — иди сам к министру и докладывай.

Вот он всех зажал своей хитростью и грубостью. Причём некоторые маршалы мне вслух высказали своё недовольство хамством Малиновского...

В семье у меня всё нормально. Вовка уже выучен, Светлана кончает институт, уже стал дедушкой[721]. Одним словом, дело идёт к старости. Но нужно честно сказать, я трудился добросовестно, не болел, не симулировал. Видно, так и будет до конца жизни.

Одно печально, что моральная сторона молодёжи, на мой взгляд, с каждым днём понижается. Распушенность, погоня за деньгами, желание «отдохнуть», побездельничать, ещё и не начав по-настоящему работать. Мне это очень не нравится. Молодёжь нужно всегда держать в руках. Распустишь, потом собрать потруднее будет.

По работе у нас особенно этого не чувствуется, однако кое-какие хлюпки тоже попадают, которые норовят устроиться получше, а работать поменьше. А на нашем деле надо сейчас требовать дела, а не болтовни.

Несколько усложнилась работа в связи с провалом у соседей в Лондоне. Дело «Лонгсдейла», о котором сейчас пишут все газеты мира.

В прошлом при мне его из КГБ послали, толковый паренёк, он ряд лет неплохо работал, а затем, видно, шелепинцы допустили оплошность, и его англичане выследили. Вместе с ним схватили ещё несколько человек других, и главное — на конспиративной квартире взяли быстродействующую аппаратуру, которую бережём, как зеницу ока[722].

Шелепину за этот провал вроде ничего не было. Ну, раз человек в фаворе, то всё обойдётся. Пришлось и нам кое-кого отозвать, предполагая, что могли о них рассказать арестованные. По линии КГБ мне говорили, что отозвали десятки сотрудников, которых знали Лонгсдейл и другие.

В течение года еще было ряд мелких провалов в КГБ, но медовый месяц так и остается. Руководство молодое, спрос маленький, «осваивает», поэтому все в порядке. Однако эти молодые товарищи, как мне рассказывали, ни одной мелочи, которая происходит в ГРУ, не упускали из виду и пишут о ней в ЦК, оставляя неясными детали, из которых можно бы сразу увидеть, что это мелочь, не заслуживающая внимания ЦК. Однако по линии ЦК ко мне ни разу никакой претензии не предъявлялось.

Я представляю, сколько клеветы, слухов и всякой грязи, где можно, вываливают на меня мои «друзья» Мироновы, Шелепины и им подобные людишки, весьма способные, как я убедился, на эти дела. И вот это делается, я думаю, для того, чтобы я не оказался как-нибудь их начальником, а следовательно, сразу бы по прямой своей и сказал им, кто из них что стоит.

Ну, ладно, жизнь есть жизнь, кто научился к ней приспособливаться, а кто идет прямо и события представляет так, как они происходят.

1962 год. Карибский кризис

На грани реальной войны с Америкой мы оказались во время кубинских событий[723].

Еще в 1961 году, после разгрома эмигрантов на Плайя-Хирон[724] мы получили указание

проработать меры защиты Кубы, если американцы начнут масштабную агрессию.

Мы с Захаровым доложили Хрущеву у него на даче, что нам надо искать принципиально новое решение. Хрущев хотел разговаривать с американцами на равных, но дело в том, что американцы развернули вокруг СССР свои средства передового базирования, и для нас есть угроза военного столкновения.

Какой уж тут разговор на равных! Значит, переговоры на равных должны быть подкреплены соответствующей угрозой для США военных столкновений вблизи американских границ[725].

Еще при Сталине Генштаб прорабатывал вопрос о боевых действиях в Беринговом проливе, на Чукотке и Аляске, в случае, если американцы нанесут нам превентивный ядерный удар, согласно своей доктрине, чтобы навсегда покончить с нашей страной[726].

По своей линии я еще в 1960 году дал указание тщательно отслеживать все события вокруг Кубы.

Противостояние нарастало, но все сигналы сводились к тому, что американцы нападут на Кубу. Сводки ГРУ и КГБ говорили о неизбежности военного столкновения между Америкой и Кубой, потому что Хрущев еще в начале 1962 года вызвал меня, Бирюзова и Захарова на дачу и приказал подготовить предложение по размещению наших ракет и группировки войск на Кубе, чтобы вести переговоры на равных, как я уже писал, в переговорах с Кеннеди*[727].

Он рассчитывал урегулировать вопрос с Кубой, а также по разоружению. Он сказал, что этот шаг (размещение ракет) выведет нас на переговоры с американцами уже с более сильной позиции* А все другие — Англия, Франция и Германия — будут выступать за признание интересов СССР во всем мире.

Я не участвовал в заседаниях ЦК, но высказал свои сомнения, что эту операцию удастся осуществить скрытно и поставить американцев перед фактом[728].

В конце сентября вернулся с Кубы заместитель МО Бирюзов С. С. и под большим секретом доложил Малиновскому, а тот — в ЦК, о том, что ракеты среднего радиуса действия установлены на Кубе[729]. Причем все сделано так, настолько замаскировано, что никто не увидит и не узнает. Маршал Бирюзов летал под видом агронома, так что все прошло отлично.

Настораживало, что Большаков*, которого я приказал освободить от агентурной работы и сосредоточиться только на поддержании неофициальных контактов с американским руководством, сообщил из Вашингтона, что американцы начали сомневаться в том, что у нас достаточно межконтинентальных баллистических ракет.

Жизнь показала, что я был прав, несмотря на возражения Шалина, что не надо загружать Большакова оперативной работой. Американцы воспринимали его как человека, связанного с разведкой и, неофициально, с руководством. Брат Кеннеди и другие влиятельные люди беседовали с ним более откровенно, чем с послом Добрыниным[730].

Такие же сигналы о ракетах мы получили из Швеции[731].

Была утечка информации через Пеньковского*, но мне было известно, что он уже полгода находится в разработке КГБ, и через него они скамливают нужную информацию. Поэтому Пеньковского, как серьезный источник утечки информации, выявленную его двойную и даже тройную игру во время событий на Кубе, мы вообще не принимали во внимание.

Я еще за полгода до Кубинского кризиса зарубил его выезд за границу, хотя Грибанов, начальник 2-го управления КГБ, настаивал на его поездке, видимо, с целью подбросить

американцам еще какую-нибудь военно-политическую дезинформацию.

Это, конечно, обычный прием, когда имеется агент-двойник. Но я в эти игры категорически отказался играть, потому что был уверен, что Пеньковский воспользуется поездкой и сбежит. А передавать дезу он может и из Москвы, если им так хочется[732].

В середине октября стало известно, что американцы путем воздушной разведки установили и сфотографировали наши ракетные установки. Я немедленно послал донесение Малиновскому и в ЦК[733].

Еще до этого я разослал телеграмму о положении на Кубе, беспорядках и беспечности кубинских руководителей. Хрущев сам позвонил мне, заявив, что нечего лезть не в свои дела, надо заниматься своим делом. Я так понял уже тогда, что неприятные вопросы нельзя докладывать в ЦК, а только приятные[734].

Далее события развивались быстро. В Америке появились сообщения, что воздушная разведка установила на Кубе до 30–40 ракет дальностью до 2000 км.

16 октября было доложено президенту Кеннеди.

20 октября президент собрал командующих войсками на совещание, которые предложили блокировать Кубу морскими кораблями и совместно с бомбардировочной авиацией нанести удар по Кубе с тем, чтобы <уничтожить> ракеты и не дать развернуться пусковым базам. <Президент> предложил дать ноту СССР, чтобы немедленно вывезли ракеты. Все войска США приведены в боевое состояние, и призваны в армию резервисты. До этого Кеннеди заявил протест СССР по этому вопросу.

22 октября стало известно, что выступит президент Кеннеди.

Ночью 22 октября в 1.00 (час) мне позвонил дежурный и передал приказание Захарова немедленно прибыть в Министерство обороны. Я схватил свою «шкоду» и полетел в Москву, местами ехал на красный свет светофоров.

Прибыв в Министерство обороны, мне М. В. Захаров сказал: «Сиди тут, а мы поехали в Кремль. Через некоторое время хочет выступить по радио президент США по вопросу, касающемуся Советского Союза».

Я быстро настроил два радиоприемника, посадил у них переводчика и стенографиста.

Через полчаса президент США начал выступать, заявляя о том, что русские на Кубе установили ракеты, в том числе дальнего действия, и США требуют от советского правительства немедленно убрать их, в противном случае вся ответственность за последствия ложится на Советский Союз. Вот коротко содержание[735].

Мне каждые 5 минут ложились на стол отпечатанные листы выступления президента. Когда уже были три листа, звонит Малиновский и говорит: «Что известно?» Я ему сказал: «Пока три листа». Он говорит: «А почему так медленно работаете?»

Вот дурак! Ведь выступает президент, а не я наговариваю листы. Закончил свою тираду: «Высылай скорей эти листы в Кремль». Я послал.

Потом позвонил в КГБ Семичастному, а у них ничего нет. Я говорю: «Что же вы, чекисты, не организовали?» — Молчат.

Когда президент закончил, я послал все его выступления в Кремль и к утру вернулся домой. В Кремле Хрущев и иже с ним решили вывезти ракеты обратно[736].

Когда пошла информация, и снимки наших ракет и солдат рядом с ними, я показал Малиновскому, тот сказал: «Я посылать в ЦК не буду». Тогда я попросил Малина, помощника Хрущева и моего хорошего приятеля, передать их Хрущеву. Тот передал[737].

Через пару часов позвонил мне и сказал, что докладывал. Хрущев посмотрел, отодвинул материалы от себя, как ежа, и ничего не сказал. «Совершенно не переносит неприятного», — добавил Малин.

Большаков сыграл ключевую роль в критические семь дней и ночей Карибского кризиса. Он передавал все записки Хрущева Р. Кеннеди*. Свою роль в достижении компромисса сыграл бывший посол США в Москве Томпсон*.

К сожалению, предательство Пеньковского и, как теперь известно, Полякова* отрицательно сказались на нашей оценке военной обстановки, потому что американцы нанесли удары по нашей резидентуре[738].

Объявление блокады Кубы стало для нас неожиданностью. Хотя у нас в США был преданный нам сильный источник, видный деятель республиканской партии и ответственный сотрудник Госдепартамента[739].

Он был русский по происхождению. Он в личной жизни был одиноким человеком, его бросила жена, которая происходила из влиятельных кругов. Он не был завербованным агентом, а добровольно передавал исключительно ценные копии документов Совета нацбезопасности Америки.

Он делал это через своего помощника, который поселился в Америке после войны. Он был русским перемещенным лицом и открыл в Вашингтоне бюро автоуслуг, т. е. заказ такси, лимузинов и прочее.

Однако решение американского правительства о блокаде Кубы было принято очень быстро, и немногие знали об этом. Поэтому наш информированный источник не знал об этом решении. Пришлось Хрущеву проглотить эту неприятность.

Из ряда перехваченных нами телеграмм было ясно, что Госдеп не информировал американские дипмиссии во Франции, Германии, Англии и Японии о начале советско-американских консультаций, чтобы урегулировать кризис.

Большакову американцы доверяли, как каналу связи с советским руководством, так как он переводил встречи на высшем уровне советского и американского руководства в Женеве в 1955 году и был переводчиком Жукова на встрече с президентом Эйзенхауэром[740].

Хрущев, привыкший выбалтывать наши секреты и подозревавший в этом других, как и уже писал, не ориентировал МИД, ГРУ и КГБ на подготовку к действиям в кризисной ситуации. Решения принимались с ходу. Помощник Хрущева Лебедев висел у меня на телефоне, требуя немедленных отчетов и комментариев о беседах Большакова. И особенно ревниво об этом расспрашивали Шелепин и Семичастный.

Я узнал, что Микоян находится на Кубе, только через сутки. Самый крупный провал был в том, что ядерные боеголовки на ракетах не были смонтированы на Кубе. К бою были готовы только ракеты ПВО[741].

Мамсуров, мой заместитель, задержался с приведением спецназа ГРУ в боевую готовность [742]. Но было очень плохо, что против меня и ГРУ — главного неофициального канала переговоров с американцами — сразу выступили со своими интригами Шелепин и Семичастный.

Более наглых и бесчестных людей я еще не встречал. Ведь мы же делаем общее дело. Они старались преуменьшить роль Большакова, иногда старались передернуть факты.

Дошли до того, что Шелепин приказал Семичастному скрыть от Хрущева информацию по линии особых отделов о неготовности ядерных ракет на Кубе до достижения договоренностей между Кастро и Микояном. Это наглое ничтожество Семичастный в такой опасный для страны час пошел на обман[743].

Плохо выглядит в этой истории и Малиновский. Он боялся Хрущева как огня и не хотел себя подставлять. Ну, а Шелепин интриговал, как всегда, и преследовал личные цели.

Шелепин и Семичастный с ноября, сразу после кризиса, закрыли мне прямой выход на Хрущева. Один раз я попал к нему на дачу, но он был пьян, раздраженный, цеплялся не по делу, и находившийся там Захаров посоветовал мне уехать. Я чувствовал, что Шелепину и Семичастному удалось настроить его против меня.

Я неоднократно предупреждал его, как опасно выбалтывать наши секреты, рискуя иногда жизнью людей, всегда докладывал ему самые важные донесения, не думая, приятно ему или нет. Вот и результат. А этой парочке я чем-то мешал. Потом стало ясно — почему.

Лебедев не соединял меня по телефону с Хрущевым. Вместо этого со мной грубо говорил сначала Суслов, потом Шелепин, сообщив, что ЦК пришлет в ГРУ комиссию.

ГРУ и Большаков, конечно, сами не делали большую политику, но участвовали в ней. Наиболее важные неофициальные переговоры шли по нашей линии. КГБ же сыграло большую роль не в переговорах в Вашингтоне, а в том, что резидентом КГБ был посол СССР на Кубе Шитов* (Алексеев)[744].

Вряд ли Микоян мог что-то сделать. Он был человеком, который всегда держал нос по ветру и часто использовал для этого даже свои кавказские связи, например, с моим замом Мамсуровым.

Семичастный и Шелепин ему спецсообщений не посылали.

Мир спасли мощь СССР (американцам пришлось с этим считаться) и линия нашей страны на учет не только своих, но и кубинских, и американских интересов.

Можно было это сделать и без авантюрных выходов Хрущева.

Что касается роли разведки, то развединформация мало что дала. Важнее был выход Большакова на американское руководство.

Американская разведка сыграла главную роль в инициировании блокады Кубы (карантина), но другая информация, якобы переданная Пеньковским, фактически реализована не была. Американцы наших ракет боялись, несмотря на их недостаточное количество.

У нас руку на пульсе держали Захаров, Иванов — по военной линии. Семичастного в Кремль не вызывали, поэтому Шелепин, когда после смерти Малиновского внес предложение назначить Семичастного министром обороны, проявил себя полным идиотом в мировой и военной политике.

Все разговоры, которые возникли через несколько лет о ключевой роли Пеньковского в Кубинском кризисе, — полная чушь. Кто имеет хоть малейшее представление, как принимаются важные государственные решения, тот знает, что к информации агента, да еще и установленного двойника, подходят крайне осторожно и никогда не принимают решения на их данных[745].

И мы, и американцы, и немцы, и англичане, и японцы использовали во время войны, да и после нее, данные разведки с большим опозданием. Один Перл-Харбор и 22 июня чего стоят. Только конкретные данные, например, аэрофоторазведки, получение шифров противника принимаются во внимание немедленно.

«Удалось сделать много полезного»

Наконец, я должен сказать, что за 4 года работы в Генштабе так же удалось сделать много полезного.

Первый год пришлось людей переубеждать, что нужно работать головой, работать, руководить <профессионально>, а не получать базарные сплетни, помещаемые в буржуазных газетах и направляемые нам в центр как разведанные. Когда это было сломлено, то почувствовали многие вкус к работе.

Хорошо работали Коновалов*, Соколов*, Кореневский* и офицеры других управлений, но вместе с этим различные склочники поглядывали со стороны и злобствовали.

Особенную в этом активность проявлял Большаков, демагог, нечистоплотный человек, отозванный из США за пьянство и разложение, о чём у него в деле записано всё это... И вот такой подлец при поддержке бывшего начальника Главного полит. Управления Голикова, несмотря на мои возражения, работал в ГРУ.

Еще большую поддержку ему оказывал зав. административным отделом <ЦК КПСС> Миронов. Этот поддерживал проходимца Большакова для того, чтобы подкапываться под меня. Однако я не обращал на это никакого внимания, и, несмотря на неоднократные заигрывания со мной Миронова, я не изменил своего отношения к нему.

И вот вместо того, чтобы помочь мне в работе, группа таких деятелей подглядывала, на чем бы меня скомпрометировать. К несчастью, через 4 года незначительный предлог нашелся...

Глава 22. ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ — АГЕНТ КГБ? 1962–1963 годы

«К несчастью, через 4 года незначительный предлог нашелся», — этими словами заканчивается предыдущая глава, а вместе с ней — и вся почти 40-летняя служба генерала Серова.

Этот «незначительный предлог» звался Олегом Пеньковским...

Полковник ГРУ Олег Пеньковский — без сомнения, один из самых известных «кротов» в истории спецслужб. Стараниями советской и западной пропаганды он вознесен в ранг супершпиона, агента сразу 2-х разведок (ЦРУ и МИ-6), сыгравшего ключевую роль в предотвращении Третьей мировой: согласно канонической версии, именно донесения Пеньковского помогли американцам узнать о наших ракетах на Кубе.

Советская контрразведка арестовала Пеньковского 22 октября 1962 года в день апогея Карибского кризиса и начала блокады Кубы. А спустя 3 месяца — 2 февраля — даже не дожидаясь завершения следствия, Серов был снят с поста начальника ГРУ. «За потерю политической бдительности и недостойные поступки» он будет понижен на 3 звания — до

генерал-майора — и лишен звезды Героя Советского Союза. Уже в апреле его выставят вон из Москвы. В 1965-м — исключат из партии, по болезни уволят из армии...

Из-за дела Пеньковского пострадал не один Серов. Вместе с ним был наказан и главком ракетных войск и артиллерии главный маршал артиллерии Сергей Варенцов. Так же, как и Серова, его сняли с должности, разжаловали в генерал-майоры, отобрали звезду Героя. Наказание — равнозначное, а вот — вина?..

Грехи Варенцова сомнения как раз не вызывают: Пеньковский был на фронте его адъютантом, до последнего дня пользовался поддержкой и покровительством. Именно Варенцову он обязан всей послевоенной карьерой, в том числе службой в ГРУ.

Ровно те же претензии пытаются предъявлять и генералу Серову. Они фигурируют и в материалах партийных проверок, и в тысячах публикаций о деле Пеньковского: якобы Серов восстановил предателя на службе, всячески продвигал и чуть ли не дружил домами. Во многих исследованиях и источниках упоминается даже совместный вояж Пеньковского с женой и дочерью Серова в Лондон, где полковник днями любезно выгуливал дам по Пикадилли, а вечерами спешил на явку к кураторам из МИ-6 и ЦРУ.

В своих записях и бумагах, однако, сам Серов полностью опровергает эти обвинения, давно уже обретшие форму исторического факта. Он не только отрицает какую-либо связь с Пеньковским, но и, вообще, утверждает, что своего подчиненного видел только мельком. Что же до совместного лондонского вояжа, то Серов объясняет и это и множество других странностей очень просто: по его версии, Пеньковский был агентом КГБ, подставленным англичанам и американцам.

Пеньковского не зря именовали супершпионом: с его помощью убивалось сразу несколько зайцев. Во-первых, дезинформация ЦРУ и МИ-6, что в условиях Карибского кризиса имело огромное значение. А во-вторых, дискредитация Серова, чьи влиятельные противники давно искали повода для его устранения.

То, о чем пишет Серов, — это без преувеличения сенсация. Одно из самых громких шпионских дел излагается им совершенно в ином, неожиданном ракурсе. Очень важно, что его версия подтверждается множеством косвенных фактов, равно как и объясняет массу нестыковок и странностей в деле Пеньковского, на которые историки почему-то стараются не обращать внимания.

Вот лишь несколько примеров и сухих цифр. За 8 месяцев, пытаюсь установить контакт с иностранной разведкой, Пеньковский безбоязненно совершил 6 инициативных подходов к иностранцам, 5 раз пытался передать секретные документы и трижды посещал их гостиничные номера.

После вербовки в течение 6 месяцев он провел в Москве не менее 10 встреч с женой резидента МИ-6 Анной Чизхолм; причем все — в людных местах. Контрразведкой снова замечен не был.

Когда же, наконец, «наружка» КГБ зафиксирует тайные контакты полковника ГРУ с женой резидента, пройдет еще 10 месяцев, прежде чем Пеньковского арестуют. Хотя за это время он передаст противнику не менее 30 микропленок с совершенно секретной информацией, в том числе о советских ракетах на Кубе.

(Кстати, происхождение самих микропленок также вызывает большие вопросы, поскольку на оперативной работе Пеньковский больше не находился и доступа к каким-либо тайнам не имел; его откомандировали в Госкомитет по науке и технике).

В своих записях Серов продолжает эту эстафету странностей. Например, в 1962 году уже

после того, как чекисты удостоверились в измене Пеньковского, его почему-то было решено отправить в командировку в США; причем руководители КГБ настойчиво убеждали Серова, что «крот» обязательно вернется домой.

Такое чувство, что Пеньковскому сознательно создавались все условия для шпионажа; он был точно заговоренный. Чекисты только что сами не пихали ему в карманы микропленки, подбивая на встречи с западными разведчиками. Хотя? Я лично ничему не удивлюсь...

Некоторое время назад мне уже приходилось анализировать и разбирать странности в деле Пеньковского, о чем я написал целый очерк .[746]

(Он публикуется в приложении к этой книге).

К сожалению, в тот момент дневники и записи Серова были еще упрятаны в тайнике. Все, что мне было доступно из его бумаг, лишь 3 жалобы в Комитет партийного контроля, не раскрывавшие, однако, полной картины событий.

Если в этих заявлениях экс-начальник ГРУ только допускал, что Пеньковский мог являться «подставой» КГБ, то в основных его записях утверждается уже недвусмысленно: «супершпион XX века» был агентом-двойником, через которого советская контрразведка «скармливала» Западу «нужную информацию».

Примечательно, что претензии к Серову по делу Пеньковского возникли не сразу. Полковник был задержан, как уже говорилось, в октябре 1962-го. Но только после Нового года, 10 января Серов готовит подробное объяснение в Президиум ЦК КПСС; очевидно, прежде — никаких вопросов перед ним не ставилось.

Впоследствии Хрущев напишет в мемуарах, что поначалу крови начальника ГРУ, действительно, не алкал. В обратном генсека убедил секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов. Именно Козлов рассказал про лондонское турне Пеньковского с м-м и м-ль Серовыми, что и стало последней каплей; однако, следуя нашим дневникам, эта поездка была итогом оперативной комбинации — проще говоря, провокации КГБ.

В свою очередь, тогдашний председатель КГБ Владимир Семичастный, не скрывая, признает теперь, что тоже активно подливал масла в огонь: готовя итоговый доклад для Президиума ЦК, он включил туда и «напоминание о доле его <Серова> вины за выселение мирных народов... и внес предложение его наказать» .[747]

Так общими усилиями в глазах Хрущева формировался негативный образ бывшего соратника, разрывалась их многолетняя связь: несомненно, свою лепту в этот процесс внесли и Шелепин, и Миронов, и Брежнев с Суловым.

Эти зерна ложились на благодатную почву. Серов был последним из руководителей сталинско-бериевского МВД, кто сохранился в обойме, пусть и на вторых теперь ролях. Все остальные его коллеги — даже те, кто пережил «дело Берии», — давно уже были уволены, лишены званий и партбилетов. Время железных прокураторов закончилось; у новой власти были новые вкусы.

Да, положи руку на сердце, Серова следовало наказать за предательство его подчиненного. Но произошедшее с ним больше похоже на расправу. В одночасье перечеркнутой оказалась вся жизнь. Вплоть до конца перестройки на его имени плотно будет лежать табу, оно не звучало отныне ни в печати, ни в мемуарах, ни в книгах.

Даже в многочисленных публикациях о Пеньковском советской поры про Серова нет и полунамека; в отличие от маршала Варенцова, которого хотя бы упоминали, как некоего «генерала В», благодушного ротозея, чьим расположением пользовался коварный шпион...

В архиве Серова сохранилось сразу несколько вариантов его записей, связанных с делом Пеньковского, каждая из которых дополняет друг друга. С тем, чтобы избежать повторов, мы взяли на себя смелость скомпоновать их в единый текст, который читается просто как детектив.

Для понимания добавим также, что в мае 1963 года Олег Пеньковский был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Это известие дошло до Серова в Ташкенте, где он служил теперь на унижительной для его возраста и опыта должности: помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям.

Через 2 года Серова уволят в запас по болезни, предварительно исключив из партии. До конца дней он будет добиваться своей реабилитации, доказывая, что дело Пеньковского было провокацией КГБ, и он не должен расплачиваться за нее геройской звездой; эти жалобы, заявления и апелляции составляют добрую часть его архива.

Увы, все было тщетно. Ворошить прошлое никто не хотел, и даже регулярная смена вождей не могла изменить эту несправедливость.

Остаток жизни бывший председатель КГБ, некогда всемогущий генерал Серое проведет, в основном, на подмосковной даче в Архангельском, где в тиши сосен и будет писать эти мемуары... Из записи № 1:

Хочу коротко изложить разыгранную провокаторами Шелепиным и Семичастным под руководством Брежнева подлую провокацию в отношении меня.

В начале 1963 года в ГРУ был выявлен предатель, бывший полковник ракетных войск, член партии, Пеньковский, он <же> агент КГБ.

В прошлом году мне начальник управления кадров Смоликов* доложил просьбу маршала артиллерии Варенцова о переводе в ГРУ Пеньковского, которого хорошо знает и рекомендует Варенцов[748].

Ознакомившись с личным делом и биографией Пеньковского, я написал резолюцию: «С такими данными принять в ГРУ не можем».

Вопреки моей отрицательной резолюции, заместитель начальника ГРУ генерал Рогов и Смоликов все же подписали приказ о его переводе в ГРУ. Из записи № 2:

В начале 62 года мне начальник Управления особых отделов сказал, что за одним офицером, работающим в Комитете у т. Руднева* и Гвишиани*[749] стали подозревать, что он очень любезен с англичанами. Я сказал: «Проследите и сообщите мне фамилию».

Через некоторое время мне сказали, что за ним пошли, но он сумел уйти, и наружное наблюдение не узнало, кто он. Я ещё упрекнул особиста в плохой работе н/н.

Затем удалось установить его фамилию. После этого я неоднократно нажимал на работников КГБ, чтобы они быстрее выяснили его поведение, так как держать подозрительного человека на работе нельзя.

Видя, что они с этим не торопятся, я посоветовал поставить за ним постоянную наружку, взять под контроль телефонные связи и т. д. Мне они потом сказали, что сделали.

Своим я никому об этом не говорил, так как знал, что разболтают. Из записи № 3:

В апреле месяце на Главном военном совещании в Кремле Гуськов* (нач. Управления особых

отделов) мне рассказал, что они установили подозрительное поведение Пеньковского, который дважды встречался с англичанами при подозрительных обстоятельствах...

Я сказал Гуськову, что учту это, и, придя с заседания, узнал, что этот Пеньковский — друг дома и большой приятель маршала артиллерии Варенцова и генерал-лейтенанта Блинова — адъютанта Малиновского.

Тогда мне стало ясно, почему Варенцов звонил мне в отношении устройства этого Пеньковского на работу (вернее, перевода из Ракетных войск в ГРУ).

Однако, вызвав Смоликова, не говоря ему о моих намерениях, я сказал, что о полковнике Пеньковском знают американцы, что он военный (на самом деле Пеньковский работал в Комитете по координации), поэтому перспектив для его дальнейшего использования нет... Откомандируйте его на курсы иностранных языков или куда-нибудь из ГРУ в другое место.

Смоликов принял к исполнению мое указание и вызвал его на беседу. Пеньковский отказался идти в институт.

Через пару дней мне доложили решение комиссии ЦК по выездам, что в мае Пеньковскому разрешено выехать во Францию...[750]

Я тут же позвонил Долуде* в ЦК и просил отменить это решение, не раскрывая сущности, а мотивируя тем же, т. е. что, мол, о нём, как о военном, узнали американцы.

Вот после этого и началось давление работников КГБ в защиту Пеньковского. Видимо, этот подлец был двойником, работая на американцев. И одновременно был сексотом у КГБ.

Приходит ко мне зам. начальника отдела КГБ и говорит: «Товарищ генерал, может быть, вы отмените своё решение не посылать Пеньковского во Францию? Мы бы там за ним понаблюдали и окончательно решили, подлец он или нет».

Я его спрашиваю: «А если убежит к противнику, то кто отвечать будет?» — «Мы постараемся, не убежит». Я решительно отверг этот вариант. Тогда этот особист говорит: «Тогда вы его к себе вызовите и в присутствии других скажите, что мы к вам никаких претензий не имеем. Смело работайте».

Я говорю: «А зачем это нужно?» Опять глупый ответ: «Для того, чтобы, если он предатель, то смело работал и не насторожился». Я сказал, что вызывать не буду и говорить не буду.

Тогда он, рассуждая сам с собой, говорит: «Мы всё-таки, чтобы его успокоить, пошлем записку, якобы на ваш запрос, что КГБ не возражает против выезда его во Францию». Я говорю: «Дело ваше».

Затем позвонил Гуськов с просьбой не откомандировывать его из ГРУ, с тем чтобы не сорвать его разработку. Я и тут не согласился, заявив, что если он подлец, так не надо давать ему возможность использовать пребывание в ГРУ для сбора материалов, хотя он к секретам и не допущен, но общение с сотрудниками кое-что даст. В общем, не договорились.

Через пару дней мне позвонил Грибанов, который также просил не переводить его из ГРУ. Я также не согласился с их мнением, тогда Грибанов говорит: «Мы написали записку по этому вопросу в ЦК, и у нас есть согласие секретариата». Я ответил, что такого решения не имею. Грибанов сказал, что ему поручил Владимир Ефимович Семичастный поговорить со мной, сообщить, <что> это указание ЦК.

Выходит, что человек будет продолжать заниматься шпионажем с ведома и благословения нас (КГБ, ГРУ и т. д.). Глупо! Но ничего не поделаешь. Я заинтересовался в ЦК, была ли такая записка из КГБ, мне ответили положительно.

Как теперь стало известно, этот подлец с апреля по 22 октября, т. е. полгода, собирал материалы, в том числе из военных журналов с грифом «Для служебного пользования», и тысячами кадров передавал американцам. Ну, это не великие секреты[751].

Я не уверен, но мне кажется, что в какой-то момент ему пообещали сохранить жизнь, если он будет следовать всем указаниям, и он снимался для кинокартины КГБ, позировал, закладывал тайники, проводя встречи, и т. д.

Мне Грибанов рассказывал, что ему пообещали сохранить жизнь, когда он был уже арестован, видимо, с тем, чтобы всё рассказал, и, как рассказывали участвовавшие в процессе товарищи, на суде он вел себя нагло, уверенно, беспечно, не ожидая приговора о высшей мере наказания.

1. 2-й раз он смог попасть в ГРУ только после проверки в КГБ. Следовательно, он уже был их агентом-осведомителем, иначе они зарубили бы его по компрометирующим основаниям.

2. Он установил контакты по их поручению. Ещё в Москве сговорился с Винном и начал передавать документы[752].

Американцы помогли проверить материалы и полностью его идентифицировать <i>и> установить.

3. В декабре 61-го его засекли[753].

4. Всё, что он передавал англичанам и американцам, можно разделить на две части: шпионские материалы, которые он добывал сам, и дезу. Из записи № 2:

Видимо, он ещё со времени пребывания в Турции находился на связи с КГБ[754]. Я это понял на основании следующих данных: в ходе его «разработки» создавался кинофильм, где показывалось, как он закладывает <i>тайники>, проявляет снимки и т. д.

Приезжавший в Куйбышев инспектор КПК Климов у меня спросил: «Знали ли Пеньковского, когда он был в Турции и известен ли мне он, как агент КГБ?» Я ответил, что <i>сотрудников> было порядочно, и всех я не мог знать.

Кроме того, когда Вера Ивановна и Светлана летали с туристической поездкой в Лондон, то почему-то их посадили вместе с этим подлецом (видимо, работники КГБ).

Они же поручили ему подойти ко мне, когда я, проводив Веру Ивановну, стоял у окна. Он подошел, поздоровался и сказал, что тоже летит. Я подумал, это работник КГБ, и сказал ему «счастливого пути».

А в самолете он подсел к нашим и познакомился, в Лондоне пытался неоднократно навязываться к Светлане и т. д.[755]

Это всё было, очевидно, по заданию КГБ. До чего это бесчестно, низко и мерзко.

О том, что он был агентом КГБ, я спрашивал у работника особого отдела, который сказал, что «сейчас нет», тот же вопрос я задавал Гуськову, который ответил «кажется, нет». Но ясно, что это было вранье.

Ввиду того, что Пеньковский к секретам, о которых он расписывался на процессе, он по линии ГРУ <i>отношения> не имел, а только ходил в библиотеку и, вероятно, по заданию КГБ фотографировал сотни листов из «Военного вестника», несекретного журнала, это всё для того, чтобы фигурировать в процессе «сотнями кадров».

Я не знаю, что ему мог наболтать Варенцов, бывший его хорошим знакомым, посещавшим

квартиру, но по линии ГРУ он мог выведать только некоторые секреты у болтунов типа Мамсурова, с которыми был в хороших отношениях.

В мае 62 года, видя, что затея КГБ с командированием в США не удалась, тогда ко мне пришел сотрудник особого отдела и просил меня «выступить на совещании и похвалить Пеньковского за хорошую работу и т. д., чтобы вселить у него уверенность, что его не подозревают».

Я с возмущением отверг эту болтовню и сказал, что нечего тянуть с его разработкой, а надо вызвать его и допросить, и у меня нет сомнений, что он должен признаться. Однако моего совета не послушались, так как у них замыслы были более широкие, т. е. скомпрометировать меня в ущерб государственным интересам и до октября 1962 г., т. е. 6 месяцев без всякой необходимости «разрабатывали» его, создавая условия для работы в пользу иностранной разведки, лишь бы выполнить задуманный план против меня. Мне это теперь стало ясно как день.

В тот период я не подозревал, что на это могут быть способны ответственные работники, Шелепин, Семичастный, Широков* и их руководители, но это оказалось так.

Они решили свести личные счеты со мной. Я считаю, что неумелыми действиями нанесено много вреда ГРУ, чего можно было бы избежать, если подойти к этому по-партийному, по-государственному. Из записи № 1:

После ареста через некоторое время вызвали на допрос Варенцова, Рогова, Смоликова в КГБ. Я узнал об этом от Варенцова, когда <нас> вызвали в ЦК. И вот вместо того, чтобы <не> со мной разобраться, первым в ЦК вошел я. Там сидели Козлов Ф. Р., Брежнев и Шелепин.

Козлов сказал: «Мы в ЦК обсудили вопрос о Пеньковском и вынесли решение — лишить тебя звания Героя Советского Союза, снизить в воинском звании с генерала армии до генерал-майора и направить на работу в округ с понижением».

При этом Козлов добавил: «ЦК все проверил и ни к тебе, ни к твоей семье никаких политических претензий не имеется».

Я на это сказал, что звание Героя Советского Союза мне присвоено за участие в штурме Берлина, так при чем же это дело? На что Козлов ответил: «Ну, вот мы так решили».

Когда я вышел, ко мне подошел Варенцов и сказал: «Иван Александрович, во всем этом я виноват. Когда нас всех, — показал Рогова, Смоликова, — вызвали в КГБ, я и там сказал».

Я с тяжелым сердцем пошел домой, и тут провокаторы подсунули мне ЗИС. Шофер остановился и предложил довезти до дома.

Я спросил, чья машина, он ответил — Г. К. Жукова. Я поблагодарил и пошел дальше. Вот ведь подлецы, рассчитывали, что я с горя шоферу наговорю все подробности, а он передаст в КГБ.

В тот же день этот подлец Малиновский (бывший колчаковец)[756] приказал в 24 часа отправить <меня> в Ташкент на должность заместителя командующего войск округа по вузам. Всю ночь звонили и спрашивали, выехал ли я[757]...

Эти подлецы отомстили мне за мою прямолинейность и честность. И, несмотря на тяжелые переживания, я мобилизовал волю и мужество и выехал к новому месту. Более двух лет я честно, без замечаний, работал, выезжал по городам округа, где были военные учебные заведения, и проводил соответствующую воспитательную работу...

Как мне рассказывал Малин, в 1963 году в Кремле были все члены Политбюро и в перерыве сидели около фонтанчика. Хрущев высказал мысль, что Серова мы чересчур жестоко наказали, он заслуживает снятия взысканий. Через некоторое время Хрущева убрали.

Перед днем Победы меня вызвали в КПК[758] и объявили, что будут рассматривать вопрос о моем пребывании в партии. Туда же были вызваны работники ГРУ, бывшие мои подчиненные. Генерал Мамсуров (бывший мой заместитель) и другие генералы выступали и положительно обо мне отзывались, и заявляли, что основная вина ложится на Рогова и Смоликова, которые, вопреки решению Серова не принимать Пеньковского в ГРУ, подписали приказ о приеме предателя.

Председатель КПК Сердюк, видя такие выступления, объявил перерыв. В коридоре во время перерыва я слышал, как некоторые члены КПК уговаривали выступить против Серова.

После перерыва картина изменилась. Тот же Мамсуров выступил и говорил, что Серов был грубым, не считался с нами и т. д. Сердюк после таких выступлений внес предложение об исключении меня из партии.

Член КПК Петрова голосовала против исключения, заявив, что товарищ Серов был более 20 лет в составе ЦК партии и депутатом Верховного Совета СССР, имеет много заслуг перед Родиной и партией. И вот таким образом по указанию Брежнева за 2 года на меня наложили 4 тяжелейших взыскания, что является незаконным, как по воинскому уставу, где говорится, что за один проступок нельзя накладывать два взыскания. И вот в отместку за мое принципиальное отношение к работе так жестоко наказали.

Через пару дней мне позвонил бывший адъютант Никитин и сказал, что его вызывали в КПК и потребовали дать на меня всякие нелепые и неправдивые показания, пригрозив при этом исключением из партии. Вот ведь какие бесчестные люди подобрались в аппарате ЦК. Попутно скажу о последующих преследованиях. Вопреки решению Правительства при увольнении ветеранов не откреплять от лечения в поликлиниках, меня немедленно открепили.

Переселили из квартиры, где я жил, в другой дом...

Организовали наружное наблюдение за мной, которое и сразу обнаружил, подошел к сотруднику КГБ, который за мной следил, и говорю: «Ну, что будем дальше делать, куда пойдём?» Он растерялся и говорит: «Не знаю». И ряд других подлостей. Из выступления И. Серова на парткоме ГРУ 12 октября 1962 г.:

...Мы должны учесть наши недостатки в изучении людей. Нам очень неприятно, что в наших рядах оказался предатель. Но это не значит, что мы должны опустить руки и бездействовать. Мы должны усилить бдительность, особенно к людям, проявляющим неположенный по должности интерес, и не допускать впредь в наши ряды предателей.

У нас ежедневно сотня офицеров общаются с иностранцами по должности, поэтому бдительность везде нужно соблюдать. Но нельзя допускать ненужной подозрительности, которую некоторые могут использовать и для сведения личных неприязненных отношений. Партбюро должно в этом отношении тщательно следить и одергивать таких сотрудников.

В пятницу в КГБ проходило совещание, где зам. председателя Банников* приводил примеры нездоровых явлений, когда сотрудники начали говорить друг на друга, кто общался с Пеньковским.

Он разъяснил им, что Пеньковский был такой пройдоха, что ко всем лез, потом бравировал знакомством с начальниками из КГБ.

Конечно, и сотрудники КГБ не могли сразу распознать предателя. Поэтому надо подходить тут принципиально, по-партийному, если что-нибудь заметили за сотрудником нечестное, надо не шептаться в кулуарах, а пойти к начальнику или секретарю парторганизации и сказать, после чего тщательно разобраться и объективно решить вопрос.

И об этом решении сказать заявителю, так и тому, на кого заявили.

В данном случае Пеньковский нанес нам ущерб:

а) он назвал офицеров, с кем учился в Военно-Дипломатической Академии, а также с кем служил. А они находятся за кордоном на официальных должностях. Этим мы предупредим, и вас.

б) Он назвал 3 человек, которые за границей имели на связи доверенных лиц по образцам. Это уже хуже.

в) Пеньковский ни одного нашего агента не знал, так как не был допущен к оперативной работе, а каких-либо поручений из Управления он не получал.

Что мы сейчас сделали:

1. Приняли меры предосторожности за границей, а Военных Атташе ориентировали об этом.
2. С руководящим составом Управлений, а в Управлениях со служебным и партактивом провели совещания с разъяснениями этого случая.
3. Всем нам необходимо повысить ответственность начальникам Управлений и особенно кадров по проверке и отбору наиболее проверенных и достойных для закордонной работы, улучшить партийно-воспитательную работу и изучение людей, удвоить энергию по выполнению возложенных на нас задач.

Во всех партийных организациях Управлений необходимо ещё раз разъяснить этот позорный случай, повысить требования по соблюдению военной тайны, по повышению ответственности за выполнение поставленных задач с учетом усложнившейся обстановки в смысле контрразведки в основных странах.

Сейчас они передают по радио, правда, это давно начали, примерно с 47 г. разоблачительные статьи по делу Лонгсдейла (из КГБ), Воссела[759], Сташинского и других, изображая, что СССР наводняет шпионами их страны. Из объяснений Серова в КПК при ЦК КПСС от февраля 1964 г.:

По вопросу перевода предателя Пеньковского из Артиллерийской Академии в ГРУ я хорошо помню следующее.

Примерно месяца через три после моего назначения в ГРУ ко мне обратился начальник Управления т. Ляхтеров* и просил разрешения принять на работу в его Управление бывшего разведчика, хорошо знающего иностранный язык, заканчивающего Ракетные курсы Артиллерийской Академии.

При этом он добавил, что он его знает, а также дают положительную характеристику офицеры Управления Засорин* и другие.

Я ответил Ляхтерову, что надо посмотреть личное дело, а затем уже рассматривать этот вопрос.

Через несколько дней Ляхтеров и, возможно, начальник Управления кадров т. Смоликов зашли ко мне с материалами.

Просматривая личное дело, я прочел последнюю аттестацию на Пеньковского, где была отрицательная аттестация, оставленная Военным атташе[760]. Я упрекнул в несерьезном подходе к предложению и сказал, что такого принимать нельзя. Мне на это Ляхтеров ответил, что сам Военный Атташе оказался нечистоплотным и за неправильное поведение уволен в запас.

На справке, которая лежала передо мной, я написал, как теперь уже ясно, непродуманную резолюцию: «Не изменив содержания аттестации, данной Руденко, невозможно использовать в разведке».

Какой смысл я вкладывал в это решение: за прошедшие 3–4 года с тех пор, как написана аттестация, человек мог измениться, устранить недостатки, тем более что он продолжал служить в Советской Армии и учиться на ракетных курсах, куда не всякого офицера допускают. Поэтому при очередной аттестации изменится и содержание аттестации.

Я был уверен, что Ляхтеров и Смоликов так это и поняли, потому что, прослужив по 40 лет к тому времени в Армии, сами десятки раз составляли аттестации. Они также отлично знали, что никто не может изменить утвержденную аттестацию на офицера, кроме начальников, ее подписавших. И наконец, они знали, что начальник, у которого офицер прослужил менее 1/2 года, не имеет права его аттестовать.

Поэтому распушенный слух, что якобы мою резолюцию подчиненные поняли как намек на ее переделку, не состоятелен и является злостным вымыслом.

Через некоторое время мне позвонил Варенцов, очевидно, после того как ему стало известно о моем отрицательном отношении к приему Пеньковского.

Варенцов начал расхваливать Пеньковского, что он его знает десятки лет с хорошей стороны, что он воевал. Я возразил Варенцеву, указав, что на него плохая аттестация Военного Атташе. Он на это сказал, что он сейчас кончает ракетные курсы и имеет блестящую характеристику и просил ещё раз рассмотреть этот вопрос.

Я дал Указание Смоликову проверить и собрать все материалы. Он в конце разговора сказал, что ему также звонил Варенцов.

В дальнейшем ещё раз т. Смоликов приходил с документами и справкой на Пеньковского, из которых было видно, что он уволен приказом начальника Ген. Штаба, и тогда сказал Смоликову, <что> я по-прежнему не согласен...

Через несколько дней, встретив меня, Варенцов вновь расхваливал Пеньковского, на что я ответил, что больше добавить ничего не могу к тому, что сказал. Я считал, что на этом вопрос закончен.

Никому из подчиненных я не давал указаний ни о приеме Пеньковского в ГРУ, ни о переделке его аттестации. Это подтверждается документами: приказом о зачислении, подписанным т. Роговым, и аттестацией, подписанной т. Ляхтеровым и утвержденной т. Роговым.

Оба эти документа составлены с нарушениями существующего порядка в армии по аттестованию и оформлению приказов.

За это нарушение должны отвечать товарищи, допустившие его, но вместе с этим — я, как руководитель Главного Управления, доверчиво относившийся к этим товарищам, и не контролировал в должной мере их действия.

О том, что Пеньковский принят и работает в ГРУ, я узнал через несколько месяцев, когда увидел его фамилию в числе офицеров, выделенных для обслуживания выставки в Москве.

Я спросил у нач-ка отдела т. Рогова, откуда взялся Пеньковский, на что мне т. Рогов ответил, что кадры разбирались с ним и т. Роговым (зам. нач. ГРУ), подписан приказ о назначении...

...Показания на допросе предателя Пеньковского о том, что он якобы жене и дочери оказывал мелкие услуги и «покупал сувенирчики», является клеветой. Я вновь подтверждаю свое объяснение по этому вопросу, доложенное ЦК КПСС.

Впервые я предателя Пеньковского увидел на Шереметьевском аэродроме летом 61 года.

Простившись с женой и дочерью, улетающими с туристической группой в Лондон, я встал у окна около пропускного пункта. Ко мне подошел незнакомец и, поздоровавшись, сказал, что он тоже летит в Лондон. Я подумал, что это сотрудник КГБ, знающий меня.

Никаких поручений я ему не давал, как он показал, потому что: во-первых, я не знал, кто он такой, во-вторых — в этом не было необходимости, так как накануне я попросил начальника Управления т. Соколова предупредить военного атташе т. Ефимова*, что если жена обратится к нему за помощью, <надо> оказать ей содействие. Это я сделал, потому что у дочки бывают приступы в животе и может потребоваться врач.

Далее, если бы предатель в Лондоне установил нормальное знакомство с женой и дочерью, то ему не понадобилось бы добывать домашний адрес семьи и телефона через порученца, как он об этом показал.

Поэтому я отвергаю эту клевету предателя на жену и дочь и не сомневаюсь в их честности и преданности Родине. Из тезисов к выступлению И. Серова на заседании Комитета партийного контроля при ЦК КПСС в мае 1965 г.:

Мне хочется Партийной Комиссии высказать ряд своих соображений, из которых вытекает, что предателю слишком долго давали возможность заниматься подлым делом на глазах у контрразведчиков.

Постараюсь это доказать:

а) В апреле 1962 года, т. е. за полгода до ареста предателя, я принял решение его уволить из ГРУ и дал об этом указание Смоликову. КГБ, узнав об этом и сославшись на записку в ЦК, не согласилось с моим решением, мотивируя, что его трудно будет «доработать».

К тому времени уже было достаточно данных о его предательстве: проверялся в телефонных будках, дважды зафиксированы встречи с иностранцами во дворах, и даже в английском посольстве с женой разведчика, и наконец дома фотографировал сборник «Миноксом»[761].

И вместо того чтобы скажем, захватить его на фотографировании или перед явкой с иностранцем, отобрать улики, допросить и решать вопрос о его преступлении, ему 6 месяцев давали возможность работать в ГРУ, узнавать у офицеров новости, посещать библиотеку секретную и брать оттуда материалы, и все это на глазах у контрразведчиков передавать врагу.

Эта «доработка», я думаю, дорого обошлась государству, и неплохо было бы проанализировать, что он передал за эти полгода врагу, так как к тому времени он обнаглел. Нет сомнения, что можно было его «доработать» и не в секретном учреждении, но с меньшими потерями.

Ведь с предателем Поповым мы поступили разумнее, хотя еще ничего не знали о нем. Трех подозрительных перевели из Германии и через 2 месяца в Москве изобличили Попова[762]. Ни Шалин, ни Штеменко — не показатели. Из постановления Комитета партийного контроля при ЦК КПСС об исключении И. Серова из партии 8 апреля 1965 г.:

...Будучи начальником ГРУ, нарушал партийные принципы в работе, и, попирая установленные в Советской Армии порядки, допустил проникновение в Советскую военную разведку ранее отчисленного из ГРУ как не внушающего доверия Пеньковского, впоследствии оказавшегося агентом иностранной разведки, предательством которого нанесен большой ущерб оборонной мощи и государственным интересам СССР.

Располагая серьезными компрометирующими доносами о Пеньковском и игнорируя их, тов. Серов продолжал оставлять его на службе, санкционируя поездки за границу, оказывая ему незаслуженное доверие. Пеньковский установил связь с семьей тов. Серова и был вхож в нее.

По указанию тов. Серова без всякой служебной необходимости Пеньковскому была предоставлена возможность проникнуть на строго режимный объект, сведения о котором составляют особую государственную тайну...

За потерю политической бдительности и недостойные поступки тов. Серова из членов партии исключить.

Послесловие

Есть русская пословица: «Что написано пером, не вырубишь топором».

Поэтому никакие попытки недругов моих не смогут унижить меня или заставить склониться перед ними. Не таков Серов, и вы, мои родные, будьте такими, воспитывайте детей и наших внуков такими.

Конечно, в жизни всегда нужно действовать, сообразуясь с обстановкой, но не за счет чести и совести, не за счет ущемления народа или государства.

Не проявляйте ненужного упрямства там, где вы неправы, и в то же время будьте настойчивыми до конца, где требуется справедливость.

Я почти всегда так делал, за небольшим исключением, когда не смог себя сдержать, то, возможно, и отклонился от этого правила, но это бывало без умысла, а по недоразумению.

Умейте вовремя отказаться, вернее, понравиться, когда вы убедились в ошибочности своего мнения. Это не ущемит вашего самолюбия, и вместе с этим вы хорошо будете выглядеть в глазах своих товарищей и знакомых.

В общем, на основании моего большого жизненного отчета я могу вам все это советовать (все-таки 60 лет возраста — это срок приличный, и если из него 42 года прослужить на благо народа, то опыта можно набраться).

А вам, моим родным, предстоит прожить, наверное, еще больше, так как медицинская наука ищет все новые и новые пути к продлению жизни человека, и я не сомневаюсь, что в ближайшие 10–15 лет она научится безболезненно заменять человеку износившиеся детали (почки, сердце, легкие и т. д.). Это не фантазия, а научно обоснованные предположения. Я в это верю, а вы узнаете в дальнейшем.

Ну, я, кажется, разболтался, но все же, думаю, и это для вас будет полезным.

В заключение я хочу вам написать послание, которое коротко о отражает мою жизнь, работу и мысли...

Моим родным решил я написать послание,
И высказать при этом пожелание.
Ведь жизнь прожить — не поле перейти,
И много всяких трудностей встречается в пути.
Скажу немного про себя, как рос я в трудные года,
Был честен и правдив, ловчить не думал никогда.
А в годы становления Советской родины моей,
Все силы отдавал на благо Ленинских идей.
С восторгом я смотрел на стройки Пятилеток, трудился в армии своей,
И горд я был доверием Партии моей.
Но вот фашисты, подло обманув, напали на страну Советов,
И наш народ встал на защиту Ленинских заветов.
Я сразу же нашел где встать мне в строй бойцов,
И преданно сражался, чтоб не посрамить отцов.
Нередко выполнял обязанность солдата,
За что снискал я уважение своего же брата.
И ни в одном сражении
Не думал я о поражении!
Скорей фашистов бы разбить
И наш народ освободить.
Лишения и невзгоды мы все перенесли,
И красные знамена к рейхстагу донесли.
В дни торжества Победы над подлою ордой
Нас родина отметила Геройскою Звездой!
Потом опять десятки лет активного горения,
Все для того, чтобы потомству моему жилось, не видя огорчения.
Не думал, что презренные лжецы, притихшие в тяжелые года,
Поднимут голову и подлостью займутся, как всегда.
Но вышло так, что их коварные и тайные наветы,
На веру приняты, мои не выслушав правдивые ответы.

И несмотря на многолетнюю работу я так жестоко был наказан,
но не согнулся я перед лжецами,

Хотя скрипят они зубами.

Как тяжело при этом было несправедливость испытать,
И благодарен вам, родные, готов всю жизнь вас обнимать.

И вновь я бодрости набрался, и не поник я головой,
Ведь родина всю правду восстановит и даст заслуженный покой.

Вот я и высказался. О чем сейчас направлены мои думы? Нужно честно сказать, что я по своему состоянию здоровья, наверно, мог бы долго жить, во всяком случае, не меньше отца своего, который, по его подсчетам, по царям, при которых он жил, полагал, что ему лет 78.

Но, к сожалению, старик был неграмотный, метрик в те годы не было, и он, бедняга, не знал, сколько ему лет. Но допущенная в отношении меня провокация, а затем и несправедливость сильно подорвали здоровье.

И тем не менее, если пожить спокойно, как это дано другим, в том числе и менее меня прослужившим, то я еще поживу и могу принести пользу.

На старости лет не зря говорят, что особые чувства испытываешь к своим родным, детям, внукам, вот этого чувства я тоже не лишен. Я бы мог им организовать правильный образ жизни, хорошие привычки, занятия физкультурой, и т. д.

Думаю, что мне все-таки удастся и так пожить, как высказал. Но теперь уже надо быть на страже, чтобы завистники и провокаторы не вздумали вновь поднять голову, вовремя давать им отпор, так как их действия незаконны, всего лишь самодеятельность, эгоистичная, мстительная, мелкая, презираемая мной.

В конце концов они, эти Мироновы и иже с ними, будут разоблачены, и раскроют они свое ничтожество. Вам же, мои родные, жить, трудиться на благо родины и радоваться, что в такое счастливое время живете, а нам — завидовать, что вы многое увидите.

Ваш И. Серов

22/IV 64 г.

План ненаписанной книги[763]

Глава 1 . Вступительная. Жизненный путь до прихода в НКВД. Служба в армии.

Глава 2. Канун войны. Работа с Берия и Хрущевым в Москве и на Украине. Работа по немецкой линии. Польские дела. Прибалтика.

Глава 3 . Начало войны. Колебания руководства. Пресечение паники. Оборона Москвы.

Глава 4 . Уполномоченный ГКО на фронте и в НКВД. Депортации народов. Причина, последствия.

Глава 5 . Вместе с маршалом Жуковым в Берлине и в Германии. Заметки о Потсдамской конференции. Судьба архивов Гестапо, Абвера и французской разведки. Послевоенная Германия. Демонтаж немецкой промышленности и использование немецких специалистов. История союзных оккупационных марок для Германии. Фальсификация выборов в Польше и подавление польского сопротивления. Разгром болгарского Народного собрания.

Глава 6 . Послевоенные чистки в армии и в МГБ-МВД. Борьба за власть в Кремле, в спецслужбах и в армии. Дело Абакумова.

Глава 7 . Становление советского ракетно-ядерного щита. Решение о форсировании ракетной программы как ответ на американское превосходство тяжелой бомбардировочной авиации. Миф о подготовке Сталиным 3-й мировой войны.

Глава 8 . Смерть Сталина. Был ли заговор Берия? Новый виток столкновения Хрущева, Маленкова, Молотова. Реорганизация МВД, создание КГБ. Серов берет ответственность за госбезопасность страны на себя. Политическая игра вокруг дела и судьбы Р. Валленберга. Подавление мятежа в Берлине, новое руководство госбезопасности в ГДР.

Глава 9 . Внешняя политика и разведка. КГБ при Хрущеве в 1954–1958 гг. Мирное наступление Хрущева, обеспечение новой линии в Китае и на совещании в Женеве. Договориться не удастся. Требования к КГБ помогать промышленности. Неудачная попытка осуществить вывоз Оппенгеймера в СССР. Провалы и успехи спецопераций за рубежом, я меняю начальника разведки Панюшкина на Сахаровского.

Глава 10 . Поездки с Хрущевым в Англию, в Индию, Югославию. Использование В. Ротшильда для зондажной разведки бесед с Э. Иденом. Зачем англичане подбились к крейсеру «Орджоникидзе», об этой операции мы знали заранее. Решение Хрущева и Булганина ликвидировать Креббса. Просчеты в прогнозах войны Англии, Франции и Израиля с Египтом. Роль «кембриджской пятерки» в наших ошибках 1956 г. Р. Максвелл прибывает в Москву в 1957 г., как агент-двойник английской разведки. Неизвестные причины провала Абеля. Создание нелегальных агентурно-боевых групп КГБ в США и Англии. Тайная миссия в Лондоне в 1957 г.

Глава 11 . События в Венгрии 1956 г. Разногласия в советском и венгерском руководстве — главная причина кризиса и перехода к военному мятежу. Роль Ю. Андропова, А. Микояна, М. Суслова в Будапеште. Действия Советской Армии и роль группы А. Короткова, Г. Крохина, В. Вертипороха в аресте венгерского руководства. Кардиналу Минценте Серов разрешает укрыться в югославском посольстве.

Глава 12 . Правда о XX съезде партии. Доклад Хрущева готовился в КГБ. Антипартийная группа. Ликвидация первого заговора против Хрущева. Смещение Жукова. Мнительность Хрущева в 1954–1959 гг. Интриги против Серова в партийном руководстве.

Глава 13 . Реформирование КГБ. Контрразведывательные операции. Завершение оперативных игре английской разведкой. Двойная игра на КГБ и ФБР корреспондента «АП» Г. Шапиро. Разгром националистического подполья. Поток иностранных туристов — новая форма подрывной работы спецслужб противника. Первый угон советского самолета за рубеж. Попытки КГБ ликвидировать Н. Хохлова и других предателей. Идеологический контроль

внутри СССР. Резонанс вокруг дела Краснопевцева — главы молодежной антисоветской организации в МГУ.

Глава 14 . Кризис на Ближнем Востоке в 1958 г. Курдская эмиграция в СССР. Представители КГБ в Китае договариваются с Мао-Цзедуном о начале им обстрела островов Чан-Кай-Ши и близ Тайваня, подготовка десанта, чтобы предотвратить свержение нужных СССР режимов в Сирии и Ираке после прихода Кассе к власти.

Глава 15 . Во главе военной разведки. Переход из КГБ в 1958 г. Интриги Шелепина и Миронова. Берлинская проблема для советской дипломатии. Дело Р. Вернстрома. Хрущев принимает решение о постройке стены в 1959 г. под прикрытием предложения о «вольном городе». ГРУ выступает против советского десанта на Аляске.

Глава 16 . Военная разведка и Карибский кризис. Г. Большаков — эмиссар Хрущева в секретных переговорах с Д. Ф. Кеннеди. Отрицательный прогноз военной разведки размещения на Кубе ядерных ракет. Начало конфликта Серова с Хрущевым и министром обороны Р. Малиновским, который отправил на Кубу ракеты без боеголовок. Интриги Семичастного и Шелепина.

Глава 17 . Дело Пеньковского. Мифы и реальность. Пеньковский — агент КГБ. Роль Лубянки в инициировании выхода Пеньковского на американских туристов в Москве и на Г. Винна. Стремление Шелепина поставить Семичастного во главе Министерства обороны и на ГРУ.

Глава 18 . Предательство Хрущева. Отставка и ссылка. Интриги в Комитете партконтроля. Фальсификация материалов и обстоятельств политических репрессий и депортаций. Шок в Президиуме от записки Серова в 1965 г., предложение Брежнева оставить в покое. Встречи с Андроповым.

Глава 19 . Заключение. Под колпаком КГБ. В последние годы жизни. Просьбы Жукова и других военачальников о реабилитации Серова.

Александр Хинштейн. Другая жизнь Олега Пеньковского[764]

У этого человека было три жизни.

Первая — боевого офицера, фронтовика, орденоносца.

Вторая — предателя, изменника, пьяницы-разложенца.

Третья — спасителя человечества от ядерной войны.

Но ни одна из этих жизней не является подлинной.

Никому неведомые прежде сенсационные документы, сохранившиеся в архиве бывшего председателя КГБ и начальника ГРУ генерала Серова, заставляют взглянуть на самый масштабный шпионский скандал XX века абсолютно по-новому.

Полковника ГРУ Олега Пеньковского называют крупнейшим агентом Запада за всю советскую историю.

О похождениях Пеньковского написаны сотни исследований.

Его имя давно уже стало нарицательным.

Если верить заграничным источникам, за два года предательства Пеньковский передал Западу бесчисленное множество совсекретных документов и сведений, включая технические описания советских баллистических ракет. Именно ему, уверяют историки, было суждено исполнить главную роль в Карибском кризисе и тем предотвратить Третью мировую.

Но дело Пеньковского — это не только самое крупное дело эпохи «холодной войны». Это еще и самое запутанное, самое таинственное дело в истории разведки.

Хотя с тех событий и прошло уже более сорока лет, оно так и не перешло в разряд хрестоматийных. Слишком много загадок и странностей, навешенных вокруг дела Пеньковского, остается по сей день без ответа. Даже после того как все участвовавшие в этом поединке разведки (ЦРУ, МИ-6, КГБ-ФСБ) приоткрыли свои архивы, число этих тайн не стало меньше. Напротив, их еще только прибавилось.

Я перечислю странности в деле Пеньковского чуть позже, попытавшись хоть немного приблизиться к их разгадке. Но главную тайну — назову сразу.

На кого в действительности работал полковник военной разведки? На англичан с американцами? На ГРУ? Или все-таки на КГБ?

...Еще со времен Древнего Рима существует в юриспруденции классическая формула: «CUI PRODEST?» — «Кому выгодно?»

Сиречь кому выгодно преступление, тот и является первейшим подозреваемым.

Так вот. Предательство Пеньковского было выгодно... Нет-нет, вовсе не Западу. Как раз наоборот. Оно было выгодно... Советскому Союзу. А заодно — горстке тогдашних обитателей Кремля — лихой комсомольской ватаге, которая через пару лет скинет с Олимпа кукурузника Хрущева.

В этом без труда можно убедиться, полистав даже те заграничные фолианты, где Пеньковского именуют спасителем человечества. Просто, складывая отдельные слюдяные кусочки в мозаику, авторы таких фолиантов не желают отчего-то рассмотреть получающееся изображение.

Метаморфоза известная: попробуйте встать в музее напротив какого-нибудь полотна и разглядеть его в упор. Ни черта не разберете. А вот если отойти на пару шагов...

Точно, как у Есенина:

Лицом к лицу — лица не увидать,

Большое видится на расстоянии...

...Так вот, если отойти на пару шагов и посмотреть — а чем, собственно, закончилось дело Пеньковского; что вышло в сухом остатке — получится преинтереснейшая картина:

Третьей мировой войны не произошло.

Штаты громогласно объявили, что не будут впредь нападать на Кубу — первый советский форпост в Америке, и слово свое, кстати, сдержали.

Вывели из Турции свои ракеты.

А теперь — перечислим советские потери:

СССР демонтировал ракетные установки на Кубе, которые толком даже не успели развернуть.

Президиум ЦК под надуманным мифическим предлогом (о чем позже) снял с должности начальника ГРУ Ивана Серова — последний надежный форпост Хрущева.

Из-за кордона были отозваны три сотни разведчиков, которых мог сдать (или сдать) Пеньковский, — правда, при этом ни один агент ГРУ или КГБ не пострадал, ни одного провала не случилось, хотя главная задача любой разведки и заключается в том, чтобы выявить агентуру противника.

Ну и где же спасенная планета?

Где гигантский ущерб для безопасности страны?

А ведь я еще ни слова не сказал о том, что янки, стараниями Пеньковского, свято уверились, будто Советы уступают им в гонке вооружений, и, убаюканные чувством превосходства, успокоились, расслабились. А тем временем, под шумок, советский ВПК семимильными шагами наверстывал упущенное и обогнал-таки Америку.

Такой вот бином Ньютона. Или, скорее, теорема Ферма. Ее ведь тоже, несмотря на внешнюю простоту, не могут разгадать уже который век.

В отечественной и западной литературе история Пеньковского излагается по-разному.

Если бы оценки эти различались сугубо идеологически — ничего странного бы тут не было. В разведке, как и футболе, все зависит от того, на какой стороне поля ты играешь: что для русского — хорошо, для немца — карачун, и отличие шпиона от разведчика кроется только в этом.

Но в том-то и заковыка, что вовсе не оценкой его походов, не идеологическим гарниром и приправами отличаются эти транскрипции. Саму суть дела Пеньковского Восток и Запад преподносят диаметрально противоположно.

Смотрите сами, что получается.

Жил да был военный разведчик Пеньковский. В прошлом — лихой офицер-фронтовик, заслуживший за войну 5 боевых орденов (всеми своими наградами он обязан близостью к начальству), успешно окончивший Военно-дипломатическую академию (куда его пристроили на пару тесть-генерал и будущий маршал артиллерии Варенцов, у которого служил он в войну поручением), Пеньковский тем не менее был незаслуженно обделен вниманием (ввиду своего звериного карьеризма и интриганства).

После первой же командировки в Турцию, где не сошелся он с твердолобым начальством (резидент обвинял его в бездарности, а тот в ответ слал на него телеги), его уволили, но вскоре по протекции маршала Варенцова — главного артиллериста страны — приняли обратно и отправили на унизительное (непыльное и престижное) место — в Госкомитет по науке и технике, под чьей «крышей» он принялся разъезжать по миру и воровать разнообразные технические секреты...

Но личные блага и карьера волновали Пеньковского меньше всего (см. выше). Видя

волюнтаризм Хрущева, его безумные попытки развязать Третью мировую войну, наблюдая воочию разложение советской верхушки, Пеньковский решает пожертвовать собой во имя спасения человечества. И он добровольно, или, как говорят в разведке, инициативно, выходит на американцев и англичан и предлагает им свои услуги (ибо чувствует себя незаслуженно обделенным и жаждет отмщения. Кроме того, контрразведка докапывается, что отец Пеньковского, которого писал он везде покойным, был белогвардейским поручиком, зарубленным лихой буденовской саблей).

К сравнительному анализу двух этих версий мы еще вернемся, а пока — остановимся на ключевом, в сущности, моменте вербовки.

Итак, 12 августа 1960 года Пеньковский в районе Красной площади (!) подходит к двум американским студентам и просит их передать ЦРУ некое послание.

В нем сообщается, что автор его — борец за идеалы демократии. И, исходя из этих самых идеалов, готов снабжать «соответствующие органы США» (цитирую дословно) важной секретной информацией. А дабы «соответствующие органы» не сомневались в его осведомленности, таинственный незнакомец для затравки раскрывает студентам парочку советских тайн. Ну, например, что сбитый накануне (1 июля 1960 года) американский самолет-разведчик был повержен, вопреки заверениям Кремля, вовсе не в советском пространстве, а в нейтральной зоне: над ничейным участком Баренцева моря.

Впечатлительные студенты немедля бегут в американское посольство, но в ЦРУ их энтузиазма не разделяют. Там — прямо скажем, не без оснований — опасаются, что неведомый доброхот подставлен им КГБ, и от контакта воздерживаются.

Но Пеньковский не унимается. Спустя четыре месяца, в декабре, едва только представляется повод, он снова идет на абордаж.

Полковника как раз отправляют в Ленинград — сопровождать делегацию Британской европейской авиакомпании. И там он под благовидным предлогом заходит в номер к англичанину А. Мерримену и, включив на полную громкость приемник, таинственно вручает ему пакет с секретными бумагами.

«Отнесите пакет в американское посольство», — просит Пеньковский, но британец в ответ выставляет его за дверь: перед поездкой в Союз Мерримена хорошо проинструктировали насчет возможных провокаций КГБ.

Что должен сделать на месте Пеньковского любой среднестатистический незадачливый инициативных? Вероятнее всего — затаиться.

Две неудачи подряд кого хочешь выбьют из колеи. Вербовка — это ведь не увеселительная прогулка; она требует колоссального напряжения, когда под каждым кустом чудятся тебе топтуны и переодетые чекисты.

Как профессиональный разведчик, Пеньковский отлично понимает: всякий новый его подход резко увеличивает вероятность провала.

И тем не менее, уже через пару дней Пеньковский вновь начинает свои приставания. Возвратившись в Москву, он отводит в сторону Мерримена и, чуть не плача, умоляет — если уж не забирать пакет, то хотя бы передать соответствующим органам номер его домашнего телефона. Пусть, мол, звонят по воскресеньям, часиков эдак в десять...

Однако звонка из ЦРУ Пеньковский не дожидается. В начале января, сопровождая очередного иностранца — директора программы геологических исследований Канады доктора Харрисона — он опять принимается за старое.

В самом, пожалуй, авторитетном западном исследовании дела Пеньковского, книге американского профессора Джеролда Шектера, написанной с помощью перебежчика из КГБ Петра Дерябина «Шпион, который спас мир» («The spy who saved the world»), эта — четвертая по счету — попытка описывается весьма любопытно:

«Когда Пеньковский и Харрисон ехали в Ленинград... Пеньковский постоянно критиковал советскую систему, и его откровенность заставила Харрисона „задуматься, что же происходит“...

...Обхаживание Пеньковским Харрисона достигло своего апогея в номере Харрисона в гостинице „Националь“. Пеньковский дал понять, что хочет конфиденциально поговорить с ним... встал, подошел к краю стола и вырвал из стены пару проводков...

„Теперь все в порядке“, — сказал он, объяснив, что если в телефоне было прослушивающее устройство, то он его обезвредил...».

Довольно странная навязчивость. Первый раз видя иностранца, стремглав бросаться к нему с антисоветскими откровениями... Даже светлой памяти шпик Брейтшнейдер — и тот действовал более тонко. Спрашивал, например, стал бы его собеседник стрелять в сербов, и что тот думает о Сараево.

Немудрено, что американцы не спешат ответить Пеньковскому взаимностью.

И хотя Харрисон знакомит его с торговым советником канадского посольства Ван Влие (по просьбе самого же Пеньковского), желаемого результата это не приносит.

Встреча полковника ГРУ и канадского дипломата происходит в том же номере гостиницы «Националь». На сей раз Пеньковский обходится без выдергивания телефонных проводов. Он действует еще эффективнее. Без лишних слов заводит канадца в ванную, включает на полную мощность краны и впихивает ему очередной пакет с секретными бумагами: будто бы с описанием советских ракет.

Через два дня Ван Влие возвращает конверт, так и не решившись его распечатать.

Но не таков наш герой, чтобы отступать перед трудностями. Его в дверь, он — в окно.

В марте Пеньковский опять настигает Ван Влие, чуть ли не силой пытается всучить ему новый ворох секретных бумаг, но тот держится стойко.

«Расстроившись, Пеньковский ушел, запихнув свои секретные бумаги во внутренний нагрудный карман», — сказано по этому поводу в уже цитировавшейся книге Шектера-Дерябина.

...Лишь в апреле удача наконец улыбнется настырному предателю. Это случится после того, как английский коммерсант Гревилл Винн, давно сотрудничающий с разведкой МИ-6, приедет в Москву.

Руководство Госкомитета по науке и технике препоручает Винна заботам Пеньковского. Винну этого только и надо. В Лондоне ему уже выдали соответствующие инструкции и сориентировали на установление контакта с настойчивым инициативником.

Их первый откровенный разговор по доброй традиции происходит вновь на Красной площади (странно, что не на Лубянке, прямо у подножия Железного Феликса).

С этого момента Пеньковский начинает работать на англичан и американцев кряду.

Нехитрый арифметический расчет показывает: путь в агенты занял у него долгих восемь

месяцев. Причем за это время Пеньковский предпринял шесть (!) инициативных подходов, пять раз пытался передать секретные документы и трижды посещал гостиничные номера иностранцев.

Поразительная для профессионала беспечность. Чего стоят только его фокусы с выдергиванием проводов и включением кранов, способные произвести впечатление исключительно на слабонервных домохозяек?

Вообразите: если номер, в котором жил канадский геолог, в самом деле был оборудован прослушкой, грош цена всем этим ухищрениям. Они не только не могли обезопасить Пеньковского, а, напротив, лишь ставили его под удар, ибо вызывали неминуемые подозрения. (Хорошенькое дело: заходит полковник ГРУ в плюсовой номер к двум иностранцам, и сразу же начинаются шумовые помехи.)

Надо быть либо самоубийцей, либо полным профаном, чтобы так себя вести. Ни к одной из этих категорий Пеньковский явно не относился.

Где же тогда логика?

И где, позвольте спросить, вездесущая советская контрразведка? Речь ведь идет не о каком-то полоумном диссиденте, а о полковнике спецслужбы, секретноносителе, за которым должен вестись постоянный присмотр.

Примечательно, что еще задолго до московской эпопеи аналогичные штуки Пеньковский проделывал, работая в Турции, — правда, безуспешно.

Известный британский историк разведки Филипп Найтли в своей книге «Шпионы XX века» (The second oldest profession) описывает, как Пеньковский «бегал по дипломатическим приемам, где загонял в угол сотрудников ЦРУ, СИС, военных ведомств и задыхающимся шепотом предлагал им сведения о советских планах на Ближнем Востоке. Эти сотрудники докладывали о поступивших предложениях и получали указание держаться от Пеньковского подальше. Ведь его прошлое — участие в войне, женитьба на дочери генерала, постоянное продвижение по служебной лестнице — абсолютно не укладывалось в обычный психологический образ перебежчика».

«Прошло пять лет, — продолжает Найтли, — Пеньковский возобновил свой турецкий спектакль. Вновь он стал посещать приемы и говорить встревоженным дипломатам о том, что желает раскрыть важные советские секреты».

Слово «спектакль» выделил я сам, ибо в нем сосредоточен ключ к пониманию всего происходящего.

Если иметь в виду это слово, то становятся понятными, и удивительная беспечность Пеньковского, и его навязчивость, так не свойственная профессиональным шпионам. Да и сомнения в мотивах вербовки, о которой походя упоминает Найтли, тоже отступают на второй план.

В самом деле: блестящий офицер, личный протеже всемогущего маршала Варенцова — командующего артиллерией страны, у которого он служил порученцем еще в войну. С чего вдруг ему становится изменником?

Ну, не послали его резидентом в Индию. Ну, уволили поначалу из ГРУ. Но ведь потом, под давлением Варенцова, восстановили. Оформили на престижное место. Дали возможность регулярно бывать за кордоном.

В сравнении со среднестатистическим советским человеком Пеньковский жил не просто

хорошо — купался в роскоши. Одна только квартира его, полученная с легкой руки тестя-генерала, начальника политуправления Московского военного округа, чего стоила: в самом центре, на набережной Максима Горького. (Это пока вся столица ютится в коммуналках, а утренний штурм сортира сравним со взятием Измаила!)

Ни одного мало-мальски вразумительного мотива к предательству у него просто не было.

Западные историки, не без подсказок спецслужб, уверяют, правда, что двигали Пеньковским высокие и благородные идеалы гуманизма, только в сказки эти, извините, я никогда не поверю.

И дело даже не в том, что Пеньковский — предатель, нарушивший воинскую присягу.

Очень показательный момент: сами же американцы признают, например, что этот гуманист на полном серьезе предлагал им установить мини-боезаряды (теперь это называется «грязными бомбами») в крупнейших городах страны и в час «Х» привести их в действие.

Бывший руководящий сотрудник Оперативного директората ЦРУ Д. Л. Харт (его-то в пристрастности к КГБ точно не уличишь) дословно цитирует доктрину Пеньковского:

«За две минуты до начала операции все основные мишени, такие как Генеральный штаб, здания КГБ, Центрального комитета Коммунистической партии... должны быть уничтожены не бомбами с воздуха, а зарядами, заранее размещенными на поверхности. Подобное оружие не обязательно должно помещаться внутри самих зданий — оно может быть спрятано в многочисленных строениях, расположенных поблизости, таких как

жилые дома и мазанки » (выделено мной. —

Прим. авт .).

Вот уж гуманист так гуманист.

Нечто аналогичное, помнится, за двадцать лет до Пеньковского предлагал другой «поборник мира и демократии» — Адольф Гитлер. Тот, правда, мыслил куда масштабнее: если взрывать Москву, так целиком, сразу, а на ее месте вырыть гигантское озеро...

Какие же секреты передал в действительности Пеньковский западным разведкам?

Единодушного ответа не найти. Версии снова разнятся.

Самая расхожая: именно Пеньковский рассказал американцам, что Советский Союз размещает на Кубе свои ракеты, нацеленные на главного противника. А предоставленные им технические характеристики позволили США не поддаваться блефу Хрущева, ибо ракеты эти большевики не успевали развернуть и, следовательно, не в силах были нанести ответный удар.

И вновь позвольте усомниться в этом незыблемом, казалось бы, факте.

Начнем с того, что Пеньковский попросту не был допущен к столь секретной информации. К тому моменту, когда он начал сотрудничать с Западом, от оперативной работы его уже отвели. Максимум, к чему он имел доступ, — к секретной библиотеке ГРУ, где, понятно, о переброске ракет на Кубу не было еще ни строчки.

Более того, об операции этой под кодовым названием «Анадырь» знали вообще единицы.

«Использовались все меры маскировки, — пишет в своих воспоминаниях контр-адмирал КГБ Александр Тихонов, отвечавший по линии военной контрразведки за доставку ракет. — Военнослужащие в штатской одежде. Погрузка в эшелоны техники легендировалась учениями. Военские эшелоны на станциях не останавливались. Вся система управления войсками осуществлялась устными распоряжениями, в крайнем случае — шифровками.

Никто не знал, куда идут суда. Капитанам и начальникам эшелонов выдавалось три пакета. В пакете № 1 говорилось: пакет № 2 вскрыть после прохода Босфора и Дарданелл. В пакете № 2 предписывалось вскрыть пакет № 3 после прохода Гибралтара. В пакете № 3 содержался приказ: „Следовать на Кубу“.

Скрытность передвижения войск осуществлялась и на Кубе. Оружие поступало под видом народнохозяйственных грузов. В тех случаях, когда невозможно было скрыть вооружение из-за его размеров и конфигурации, скажем, ракеты Р-12, наши военнослужащие переодевались в кубинскую форму. А в газетах сообщалось, что в данном районе проходят учения...».

Западные исследователи уверяют, будто Пеньковский узнал о переброске ракет на Кубу, вращаясь в окружении маршала Варенцова — командующего ракетными войсками и артиллерией. Вплоть до того, что, приходя в Главкомат, он оставался один в маршальском кабинете и спокойно фотографировал шпионской камерой все секретные бумаги, лежащие на столе.

Как-то не вяжется это. С одной стороны — разработанная до мельчайших деталей, тщательно спланированная совсекретная операция: морякам, дабы сбить их с толку, перед выходом в море выдавали даже лыжи и полушубки.

И — поразительная легкость, с которой шпион фотографировал разбросанные на маршальском столе документы. Это при том, что к началу операции «Анадырь» Пеньковский успел засветиться и находился уже под колпаком КГБ!

Отвлечемся ненадолго, дабы совершить небольшой экскурс в историю.

В январе 1961 года 35-м президентом США становится Джон Фицджеральд Кеннеди. Одним из основных его предвыборных обещаний был тезис, прямо пропорциональный кличу, брошенному накануне Хрущевым.

Если Первый секретарь призывал «догнать и перегнать Америку», то американский президент совсем наоборот обещал догнать и перегнать СССР. Правда, не по мясу и молоку, а по ракетам, ибо в Штатах искренне считали, будто в гонке вооружений лидируют коммунисты.

Имелась у Кеннеди и вторая глобальная проблема: Куба — остров Свободы, как именовали это маленькое государство в советской печати.

В 1959 году здесь происходит переворот. К власти приходят молодые офицеры во главе с Фиделем Кастро: народ шепотной и разнузданный.

Поначалу Кастро демонстрирует как нелюбовь к Америке, так и к Советам, но очень скоро ему приходится выбирать из двух зол: в одиночку новому режиму долго не протянуть. Кастро предпочел Москву.

Для Кремля появление в зоне своего протектората Кубы — вопрос архиважный. Прежде у СССР не было ни одной колонии на Американском континенте. Причем Куба расположена крайне удобно: прямо под боком у США. И если янки без труда размещают свои ракеты в Европе и Азии, нацеливая их на Союз, то у Хрущева аналогичной возможности попросту не

было. Пока не появился Кастро.

Нескончаемым потоком идут на Кубу суда с оружием, медикаментами, промышленным оборудованием. На помощь острову Свободы плывут специалисты — врачи, учителя, инженеры. И, конечно же, люди в военной форме.

Безучастно смотреть на это США не вправе. Но и изменить что-либо тоже не могут: руки коротки. Они предпринимают, правда, несколько попыток организовать антикастровский переворот, но безуспешно. Самая громкая такая попытка имеет место весной 1961-го в заливе Свиной, куда под водительством ЦРУ высаживаются 2,5 тысячи кубинских эмигрантов, дабы с оружием в руках вернуть свою родину в лоно цивилизации. Однако гвардейцы Кастро наголо разбивают повстанцев, попутно громя их подпольные штабы и резидентуры.

Скандал в заливе Свиной (вот ведь, прости господи, не могли места благозвучнее подобрать!) получает такой резонанс, что Кеннеди вынужден даже отправить в отставку шефа ЦРУ легендарного Алена Даллеса.

Летом 1962-го Политбюро решает разместить на Кубе стратегические ракеты. Формально — по просьбе кубинского правительства. Фактически — для того чтобы диктовать США свою волю. Никогда прежде советские войска не приближались столь близко к границам главного своего противника.

О том, с какой секретностью проводилась операция «Анадырь», я уже упоминал. Но надобно добавить еще, что ради успешного ее завершения Хрущев пошел даже на сверхординарные, не принятые обычно в высокой политике меры: он пошло обманул Кеннеди.

Помимо легальных дипломатических каналов, между Москвой и Вашингтоном действовал в те годы еще один, неофициальный. Полковник ГРУ Георгий Большаков, работавший под журналистским прикрытием, регулярно общался с братом президента — министром юстиции Робертом Кеннеди. Братья знали, что Большаков близок к зятю Хрущева — редактору «Известий» Алексею Аджубею. А уж более прямого и надежного выхода на советского лидера трудно было вообразить.

Несколько раз Большаков встречался и с самим президентом, о чем потом лично докладывал Хрущеву.

В августе 1962-го Хрущев через Большакова направляет Кеннеди послание. К тому времени американцы уже зафиксировали караваны судов, идущие к кубинским берегам. Догадываются они и о том, что на кораблях перевозят оружие.

Но Хрущев сознательно дезинформирует Кеннеди. Он сообщает, будто оружие это — исключительно оборонительное, никакой агрессии против США Москва не замышляет.

Кеннеди хочется в это верить, но и верить он тоже не может. Многочисленная агентура ЦРУ на Кубе скрупулезно доносит о передвижениях по острову зачехленных грузовиков с ракетобразными силуэтами.

А 14 октября самолет-разведчик фотографирует размещение ракетных установок. Теперь уже нет никаких сомнений. Кроме одного: начинены ли эти ракеты ядерными зарядами.

И вот тут-то, как уверяют западные исследователи, и настал звездный час шпиона Пеньковского.

Мало того, что он заблаговременно сообщил об отправке на Кубу ракет. Переданная им схема размещения ракетных площадок полностью совпадала с фотоснимками, сделанными

самолетом-шпионом.

Снимки и донесения легли на стол президента. Таким образом, Кеннеди оказался во всеоружии.

И хотя советский министр иностранных дел, мистер «Но» Андрей Громыко, и уверяет президента, будто никаких ракет на Кубе нет, Кеннеди готовится к ответным действиям.

16 октября он создает специальный штаб при Совете национальной безопасности, где на полном серьезе обсуждается уже план нападения на остров. В свою очередь, Группа советских войск на Кубе приводится в состояние повышенной боевой готовности, а ее командующий генерал Плиев на военном совете почти дословно повторяет слова политрука Клочкова: «Нам отступить некуда».

22 октября Кеннеди выступает с обращением к нации и объявляет о начале военно-морской блокады Кубы. Отныне, говорит Кеннеди, ни один советский корабль не подойдет больше к острову на пушечный выстрел. В США начинается паника. Никогда еще мир не был так близок к ядерной войне...

И именно в этот самый переломный день советская контрразведка арестовывает Пеньковского.

Что это: совпадение или тонкий расчет? Ведь, как ни хотели бы американцы верить своему агенту, стопроцентной гарантии его искренности у них все равно не было. Такую гарантию мог дать только его арест...

Забегая вперед, скажу, что уже 28 октября Карибский кризис пошел на спад, хотя накануне советские силы ПВО и сбили американский самолет, приблизившийся к Кубе.

А еще раньше, 25 октября, аналитики ЦРУ пришли к убеждению, что строительные работы на всех 24 пусковых установках на Кубе завершены и ракеты будут готовы к бою уже через пару часов. Такие выводы они сделали, наложив материалы Пеньковского на данные аэрофотосъемки.

Здесь-то, по-моему, и зарыта собака. Получается ведь, что Пеньковский удружил не Штатам, а Москве. А значит, это с его подачи Кеннеди не решился отвечать ударом на удар, «проглотил» свой сбитый самолет и закрыл глаза на нескончаемую артиллерийскую канонаду, доносящуюся с кубинских берегов.

Услышав доклад ЦРУ, нервы у Кеннеди не выдерживают. Он посылает секретную депешу в советское посольство, где предлагает восстановить «статус кво».

Ответ из Москвы не заставил себя долго ждать. Через два часа Хрущев сообщил, что если Кеннеди прогарантирует неприкосновенность Кубы, а также отзовет свой флот, то Москва готова к переговорам.

Одним из пунктов этих переговоров стало свертывание американских ракетных баз в Турции.

Стало быть, в победе СССР по всем статьям (Кубе ничто больше не угрожает, турецкие базы выведены) — огромная заслуга шпиона Пеньковского. Недаром бывший глава английской разведки МИ-6 Дик Уайт прямо заявил однажды: «Именно благодаря полученным от Пеньковского разведанным, было принято решение, что США не следует наносить упреждающий ядерный удар по Советскому Союзу».

Однако заслуга эта может быть лишь в том случае, если уверения западных исследователей верны, а роль предателя — не преувеличена.

А вот это как раз вызывает большие сомнения. Что нового мог сообщить Пеньковский американцам, если начиная с конца 1950-х самолеты-разведчики ВВС США совершили до тридцати безнаказанных полетов над советской территорией.

Они сфотографировали большинство ракетных, ядерных и ПВОшных полигонов, стратегическую авиабазу в Энгельсе, базу атомных подводок, причем, как признавался впоследствии зам. директора ЦРУ Ричард Биссел, снимки сделаны были настолько четко, «что можно было прочесть хвостовые номера на бомбардировщиках».

И ракеты Р-12, те самые, что отправились на Кубу, тоже преспокойно были засняты американцами. И дальность их пуска ЦРУ определило без труда, ибо запускались они в восточном направлении, которое контролировалось самолетами США.

В октябре 1992-го ЦРУ рассекретило и обнародовало материалы Карибского кризиса, в том числе меморандум, составленный на основе донесений Пеньковского. И оказалось, что до тех пор, пока самолет-разведчик не сфотографировал ракетную площадку близ города Сан-Кристобаль, ЦРУ продолжало свято верить, что Москва размещает там не ядерные ракеты, а ракеты ПВО.

Спрашивается: а в чем же сенсационность материалов Пеньковского? Либо он рассказывал уже известные американцам вещи, либо не рассказывал в принципе ничего существенного.

В любом случае серьезного ущерба государственным интересам это не нанесло.

Идем дальше. Да, Пеньковский передал на Запад пять с половиной тысяч документов, переснятых на микроплёнку. Объем гигантский. Только что последовало за этим?

Ни один агент не пострадал, ни один нелегал не засыпался, никого из разведчиков не выдворили.

Когда девятью годами позже, в 1971-м, сотрудник КГБ Олег Лялин останется в Англии, эффект окажется совсем иным. Более ста (!) советских дипломатов и работников загранучреждений станут в Британии персонами нон грата. И при этом на лавры спасителя человечества Лялин ничуть не претендовал, а имя его известно сегодня лишь узкому числу любителей разведки.

Здесь же: замах на рубль, а удар — на копейку.

Почему? И почему, коли Пеньковский в самом деле был столь ценным агентом, изменившим ход мировой истории, КГБ так долго не трогал его, позволяя шпионить и фотографировать секретные бумаги в маршальских покоях?

Прямо как в анекдоте про Штирлица, который, идя по главной улице Берлина, не мог понять подозрительных взглядов прохожих: то ли его выдавала форма полковника НКВД, то ли стропы парашюта, болтающиеся сзади...

История разоблачения Пеньковского — это еще одна таинственная, не разгаданная до сих пор страница нашего шпионского ребуса.

Официальная позиция Лубянки гласит, что под колпак контрразведки шпион попал совершенно случайно. Чекистов вывела на Пеньковского его связная — жена английского резидента Аннет Чизхолм.

«30 декабря (1961 г. —

Прим. авт .) сотрудник КГБ, осуществлявший наружное наблюдение за Чизхолм, отметил, что в 16.10 она вошла в подъезд дома по Малому Сухаревскому переулку, — пишет бывший начальник Центра общественных связей ФСБ генерал Михайлов (впрочем, аналогичное изложение можно найти и в десятках других изданий). — Спустя 20–30 секунд вышла из подъезда и направилась в сторону Цветного бульвара. С промежутком еще в 30 секунд из того же подъезда вышел мужчина, остановился, посмотрел в сторону уходившей Чизхолм, а затем вновь вошел в подъезд. В 16.35 неизвестный вышел из подъезда и, проверяясь, направился в сторону Цветного бульвара... и был потерян наружной разведкой.

19 января наружное наблюдение КГБ фиксирует: „А.Чизхолм, следуя, как обычно, в магазин на улице Арбат, дошла до Арбатского переулка и, посмотрев на часы, в 13.00 вошла в подъезд. Вслед за ней в подъезд вошел мужчина, по приметам похожий на того, который оторвался от наружного наблюдения 30 декабря... Усиленно проверяясь около получаса на улицах города, мужчина пришел на улицу Горького, в здание ГК но КНИР (тогдашнее название Госкомитета по науке и технике. —

Прим. авт .)“».

Проследить, куда по окончании рабочего дня отправится незнакомец было уже делом техники.

Итак, запомним: впервые контрразведка отфиксировала контакт Пеньковского и Чизхолм 30 декабря 1961-го. Это очень важно, ведь даты в нашей истории имеют решающее значение.

Правда, существует и несколько иных, отличных от хрестоматийных версий.

Известный советский разведчик Виктор Черкашин (он прославился вербовкой Олдрича Эймса), начинавший свою службу в английском отделе контрразведки, утверждает, например, что таинственного незнакомца разыскали уже на другой день — непосредственно 31 декабря. Якобы сотрудник «наружки», потерявший его накануне, «был в бригаде, осуществлявшей контроль за обстановкой около одного военного НИИ... И вдруг из здания выходит наш „герой“ в форме полковника Советской Армии!.. Седьмому управлению потребовалось немного времени, чтобы установить его личность. Это был Олег Пеньковский».

Абсолютно иначе излагает ход событий тогдашний председатель КГБ Владимир Семичастный, уверяя, что Пеньковского засекли совсем в другом месте и совсем при других обстоятельствах.

В своих мемуарах Семичастный пишет, будто КГБ периодически организовывал тотальную слежку за каким-нибудь одним западным посольством, когда все дипломаты и обслуга брались под постоянное наблюдение. (Этакая ударная неделя, в духе комсомольских субботников).

В начале 1962-го как раз проходила британская неделя. И вот «во время одной такой акции в ГУМе, на Красной площади, отметили контакт британского разведчика с нашим гражданином. Беглый контакт, после чего русского мы сразу потеряли. Способ его исчезновения и был сигналом к тревоге: этот человек был не новичок, знает, что следует делать».

Честно признаюсь, все эти версии вызывают у меня серьезные подозрения. И вот почему.

Супруги Чизхолм приехали в Москву задолго до вербовки Пеньковского: в мае 1960-го. Тот же, цитирувавшийся уже мной, генерал Михайлов признается, что сомнений в истинном лице Ролангера Чизхолма — второго секретаря посольства — у КГБ не было. Его кадровую принадлежность к английской разведке чекисты установили еще в середине 1950-х, когда Чизхолм работал в резидентуре МИ-6 в Западном Берлине.

Да и как было ее не установить, если бок о бок с Чизхолмом работал тогда в Берлине Джордж Блейк — советский агент внутри МИ-6.

Соответственно, едва только Чизхолм поселился в Москве, контрразведка не должна была спускать глаз ни с самого дипломата, ни с его жены, которая еще в Берлине усердно помогала супругу в нелегкой службе.

Обратимся теперь к сухой хронологии.

В июне 1961-го английский бизнесмен Гревилл Винн информирует Пеньковского, что его связником будет миссис Чизхолм.

2 июля они впервые встречаются — в сквере у Большого театра. Более неудачного места трудно себе представить. У Большого театра всегда полно иностранцев, а значит, и топтунов.

Но Пеньковский в который раз демонстрирует поразительную беспечность. Когда в конце июля шпион прилетает в командировку в Лондон, то на вопрос кураторов, не рискует ли он, встречаясь с англичанкой в людном центре Москвы, отвечает с залихватской дерзостью:

«Бояться было нечего, особенно появления милиционера, потому что у меня при себе военное удостоверение, и я бы сказал милиционеру: „Отвали, дрянь“».

Глупость какая-то! Да не милиционера надо было бояться Пеньковскому, а наружки. Которая, к слову, предпочитала работать как раз под милицейским прикрытием. Покажи он такому милиционеру свое удостоверение — уже к вечеру был бы обложен, как загнанный зверь.

А может, не глупость? Может, Пеньковскому просто нечего было бояться?

Продолжаем хронологические изыскания.

В начале сентября Пеньковский снова встречается с Чизхолм: теперь уже на Цветном бульваре. 20 октября следует их очередное randevu. Всего же до конца года, как утверждают Д. Шектер и П. Дерябин, они провели 10 (!) встреч — в одних и тех же местах: на Цветном или в районе Арбата.

А куда, извините, все это время смотрел КГБ? Среди бела дня жена установленного разведчика, да не просто разведчика — резидента СИС, регулярно встречается с секретноносителем, полковником ГРУ. Однако в течение шести месяцев наружка ничего не замечает, хотя встреч таких состоялась уйма. Да и проходили они в местах весьма примечательных.

Прежде чем удалиться в арбатские дворики, Чизхолм, например, заходила в кулинарию ресторана «Прага», дожидалась появления Пеньковского, после чего направлялась во дворы. Самое поразительное, что продуктового изобилия в кулинарии не наблюдалось, а значит, минут 5-10 иностранка просто должна была бесцельно разглядывать какую-нибудь выставленную на прилавок заливную рыбу или любоваться муляжами из папье-маше.

Паси ее контрразведка — это неминуемо вызвало бы подозрение. А значит, вариантов может быть только два: либо наружка не шпионила за ней; либо делала это по-дилетантски халтурно.

И то, и другое — маловероятно.

Листая стенограмму судебного процесса над Пеньковским (ее опубликовали тотчас же, в 1963-м), я наткнулся на удивительное противоречие.

Из материалов судебного дела выходит, будто Пеньковский познакомился с Чизхолм 5–6 августа, находясь в Лондоне, а их первая московская встреча состоялась лишь в начале сентября.

Однако все западные исследователи, ссылаясь на документы и источники ЦРУ, приводят совсем иные даты. Они утверждают, что встреча такая прошла не в сентябре, а в июле. И не в августе Пеньковский узнал о Чизхолм, а двумя месяцами раньше, в июне.

Это двойное толкование, казалось бы, очевидных вещей наводит на некие раздумья. Налицо попытка сжать временные сроки контактов Пеньковского и Чизхолм, дабы снять ненужные для КГБ вопросы. То есть не полгода хлопала контрразведка ушами, а всего четыре месяца. А коли так — установка Пеньковского в конце декабря (а точнее, в середине января, ведь в декабре наружка потеряла его) не выглядит уже столь удивительно долгой.

На самом деле такая кастрация принципиально ничего не меняет. В конце концов, ни одной только Чизхолм передавал все это время материалы предатель.

Был еще и Гревилл Винн, были и поездки самого Пеньковского за кордон — в 1961-м он трижды выезжает с делегациями в Лондон и Париж.

(Несомненно, в составе таких делегаций находились и соглядатаи КГБ, но они почему-то ничуть не обеспокоились ежевечерними отлучками полковника ГРУ. А тем временем Пеньковский, укрывшись в гостиничных номерах, часами, под магнитофонную запись, рассказывал своим новым друзьям все, что знает и помнит).

Были и другие связники.

Процитирую выдержку из стенограммы судебного заседания:

«

Прокурор : Какие еще, кроме тайников, виды связи были предложены вам разведчиками?

Пеньковский : Мне был предложен еще один способ связи, которым можно было пользоваться по необходимости и при невозможности использовать уже прежние варианты связи. Для этого я должен был 21-го числа каждого месяца в 21 час 00 минут прибыть в район гостиницы „Балчуг“ и по заранее обусловленному паролю войти в связь со связником.

Прокурор : Какой был обусловлен пароль?

Пеньковский: Я должен был прогуливаться по набережной, с папиросой во рту, а в руке держать книгу или пакет, завернутые в белую бумагу. Ко мне должен был подойти человек в расстегнутом пальто, также с папиросой во рту, который скажет: „Мистер Алекс, я от ваших двух друзей, которые шлют вам свой большой, большой привет“.

Прокурор : На каком языке должен происходить разговор?

Пеньковский : На английском».

Перечитайте этот фрагмент еще раз. Такое чувство, что «друзья» Пеньковского в самом деле были с большим, большим приветом.

Я прямо-таки воочию вижу эту картину. Поздний вечер. Набережная у гостиницы «Балчуг». Поблизости — ни одного жилого дома. В гостинице — сплошь иностранцы.

И вот по этой набережной — неважно, снег, дождь или град — прогуливается полковник ГРУ с пакетом в руке, а потом к нему подходит иностранец, заговаривает по-английски и заводит в

отель, кишмя кишаций соглядателями КГБ, где даже швейцары и официанты носят под ливреями погоны с васильковыми просветами.

И ведь заводил! Как минимум одна встреча со связником состоялась у Пеньковского в указанном месте 21 октября 1961-го. Но соглядателяи опять ничего не увидели... Поразительная слепота!

Идем дальше. Если верить официальной позиции Лубянки, 30 декабря 1961-го наружка Пеньковского потеряла.

«В тот же день, — сказано в сборнике „Лубянка, 2“, написанном авторским коллективом ФСБ и предваряемом вступлением генерала Патрушева, — по описанию сотрудника был составлен словесный портрет неизвестного и передан в бригады наружного наблюдения».

19 января Пеньковского снова замечают и опознают по приметам. Но завыка в том, что между 30 декабря и 19 января у Чизхолм и Пеньковского состоялись еще две встречи (5 и 12 января). И обе — там же: в арбатских переулках.

Но вновь наружка не замечает их, хотя должна была, просто обязана — после того как растворился в воздухе таинственный незнакомец, умеющий проверяться и отрываться от слежки (помните слова шефа КГБ Семичастного: «способ его исчезновения и был сигналом к тревоге»?) — круглосуточно не спускать с Чизхолм глаз.

А ведь никаких сверхъестественных номеров ни Чизхолм, ни Пеньковский не откалывали. Даже сверх того — действовали нарочито топорно, продолжая заглядывать в пустынную кулинарию, да еще — в антикварный магазин на Арбате, место паломничества интуристов.

Впрочем, оставим эти сомнения, списав заторможенность КГБ на постновогодний синдром. Однако и дальше заторможенности этой меньше не становится.

Пеньковского арестовали 22 октября 1962-го. А под колпак попал он 19 января, сразу после встречи с Чизхолм. (Или, если верить Виктору Черкашину, и вовсе 31 декабря).

Иными словами, предатель безнаказанно шпионил долгих девять, а то и десять месяцев, и никто остановить его не пытался, хотя именно в этот период, следуя хрестоматийной версии, и передавал он на Запад данные о ракетной программе и предотвращал Третью мировую войну.

Может, у КГБ имелись какие-то сомнения? Например, они до последнего не верили в грехопадение советского офицера и коммуниста?

Да нет же. Едва только зафиксирован был его контакт с Чизхолм, дома у Пеньковского установили спецтехнику, обложили со всех сторон, отслеживали каждый его шаг. (По крайней мере, так гласит версия КГБ).

Вскоре радиоконтрразведка пеленгует работу в квартире Пеньковского транзисторного приемника, передающего сигналы азбуки Морзе. Анализ записанных сигналов показывает их принадлежность к франкфуртскому радиоцентру ЦРУ.

В свою очередь спецтехника фиксирует, как Пеньковский перефотографирует шпионской камерой «Минокс» секретные сборники, взятые им в библиотеке ГРУ.

Одного этого вполне достаточно, чтобы сразу защелкнуть на его руках наручники. Именно так поступили, например, с коллегой Пеньковского во всех отношениях — бывшим подполковником ГРУ Петром Поповым.

ЦРУ завербовало Попова в 1954-м, когда тот работал в венской резидентуре ГРУ. В 1957-м

его вернули в Москву, за связь с иностранкой уволили из разведки и отправили служить в Калинин. А в 1959-м уличили в предательстве.

Все происходило в точности, как и в деле Пеньковского. Наружка за атташе американского посольства Расселом Лэнжелли. Тот как бы случайно столкнулся с Поповым на улице и мгновенно, в одно касание, обменялся с ним каким-то предметом.

Было это 21 января 1959-го. А уже 18 февраля — меньше чем через месяц — Попова арестовали, выпотрошили, под контролем вывели на встречу с Лэнжелли, где и схватили американца с поличным.

При этом — повторяюсь — к моменту своего разоблачения Попов из ГРУ был уже уволен и к секретам доступа не имел. Не в пример Пеньковскому, который не только продолжал служить в разведке, но и регулярно навещался в гости к главкому ракетных войск. И все это — на фоне сверхсекретной операции «Анадырь», ради успеха которой Хрущев решился даже на пошлый обман американского президента.

А тут еще в Москву снова приезжает Гревилл Винн, и Пеньковский ни на миг от него не отходит, водит под ручку по театрам и ресторанам и часами засиживается в его гостиничном номере, где по обыкновению включает на полную мощность радио или воду.

Цитировавшийся уже Филипп Найтли приводит интересные подробности из жизни Винна — давнего привлеченца разведки.

«Некоторые из сотрудников (английского посольства. —

Прим. авт.), не знавшие о принадлежности Винна к СИС, не могли понять, почему русские воспринимают его столь серьезно, — пишет Найтли. — Один сотрудник, не вытерпев, обратил на это внимание одного из руководящих работников Управления внешних сношений (ГК по науке и технике. —

Прим. авт.). Однако последствия оказались просто удивительными. Вместо того чтобы ослабить свой интерес к Винну, русские принялись ухаживать за ним с еще большим энтузиазмом».

Впору поверить в какую-то чертовщину. И Винн, и Пеньковский были точно заговоренные. Кажется, если бы даже они уселись прямо у 4-го подъезда лубянского комплекса — там, где располагается контрразведка, — и принялись на глазах у всех обмениваться секретными бумагами, им и тогда ничто бы не угрожало.

Бывший зам. резидента внешней разведки КГБ в Вене Иван Дедюля уже в наши дни поведал журналистам, как получил от своего доверенного лица информацию о странном поведении Гревилла Винна. Источник сообщил Дедюле, что коммерсант Винн используется англичанами для шпионских поездок в СССР, и главная его задача — встречаться с высокопоставленным агентом, советским полковником, чья фамилия оканчивается на «ский»: Петровский или что-то в этом роде. Полковник «ский» тоже регулярно ездит за рубеж и снабжает Винна ценнейшей информацией.

Резидентура не мешкая послала телеграмму в Москву — сразу на имя начальника внешней разведки генерала Сахаровского. Правда, точную дату событий полковник Дедюля уточнить отказался, но, учитывая, что его венская командировка закончилась в 1961-м, ясно, что случилось описанное задолго до провала Пеньковского.

Нечто подобное рассказал и бывший сотрудник ГРУ Вадим Ильин, работавший в указанное время в Париже. Его агент, передававший важную и всегда подтверждавшуюся информацию из недр НАТО, тоже предупредил, что в СССР действует особо ценный крот, и даже отдал

некоторые материалы, полученные от него из Москвы.

А в ноябре 1961-го агент и вовсе назвал фамилию предателя — с небольшим искажением: Пеньжовский.

Обо всем этом Ильин докладывал резиденту ГРУ в Париже, но тот запретил сообщать о кроте в Центр. После же ареста и суда над Пеньковским, когда Ильин попытался докопаться до истины, ему заявили, будто агент его был подставой, и настоятельно посоветовали об истории этой забыть. Особо свирепствовал зам. начальника ГРУ генерал-полковник Мамсуров. В итоге Ильина из разведки уволили.

Еще раз напоминаю: впервые Пеньковский засветился в январе 1962-го. А сигналы-то поступали, оказывается, еще годом раньше и как минимум из двух источников сразу. Только что пальцем на Пеньковского не показывали. Но Лубянка и ухом не повела.

В чем же причина такой слепо-глухо-немоты контрразведки? Ведь даже окончательно уверившись в предательстве Пеньковского, КГБ не спешил арестовать его, позволяя передавать американцам и англичанам секретные (если, конечно, секретные) сведения.

Вновь обратимся к хронологии. В течение 1962 года, уже после провала, Пеньковский провел как минимум шесть встреч с иностранными разведчиками, не считая общения с Гревиллом Винном. (Связник прилетал в июле на пять дней и с Пеньковским практически не разлучался.) Он бывал в гостиничных номерах иностранцев, посетил американское и английское посольства и даже разок наведлся в квартиру дипломата. Кроме того, предатель активно пользовался тайниками.

За этот период Пеньковский передал англичанам и американцам не менее трех десятков микропленок с секретной документацией.

В печати можно встретить предположения, будто Пеньковского не спешили арестовывать, дабы выявить его связи. Предположение довольно абсурдное.

При любой контршпионской разработке лишь на одну чашу весов кладется оперативный интерес: желание выманить противника и нанести ему удар поэффектнее. Зато на другую неизменно ложится ущерб, который агент способен нанести, оставаясь на воле.

В нашем случае чаша явно должна была склониться не в пользу оперативных замыслов. Слишком велика была ставка в этой игре.

Бытует и другая версия. В КГБ, мол, допускали, что Пеньковский сотрудничает с англичанами по заданию своего ведомства, вот и не хотели раньше времени влезать в чужой монастырь.

Ерунда на постном масле. Военная разведка не вправе была работать на советской территории. Это являлось абсолютной прерогативой КГБ.

У версии такой есть и иная модификация. Дескать, между КГБ и ГРУ существовали давние противоречия, усугубленные переходом в военную разведку Ивана Серова — бывшего шефа Лубянки. Серов и новая комсомольская команда, пришедшая в КГБ: Шелепин, Семичастный, — друг друга не любили. А потому у чекистов не было возможности работать в полную голову, ибо информировать ГРУ о разработке Пеньковского они не хотели.

Косвенно подтверждает такое предположение и сам Семичастный, возглавивший КГБ в ноябре 1961-го:

«Мы какое-то время ничего не сообщали в ГРУ... Не исключалось и то, что ГРУ, ради сохранения „чести мундира“, захочет побыстрее закрыть дело, и след, который мы взяли, может исчезнуть».

Однако генерал Серов утверждение Семичастного — да и не только его одного — наотрез опровергает.

Пришло время наконец обратиться к никогда не публиковавшимся прежде бумагам начальника ГРУ, в которых подробно описывается дело Пеньковского — причем описывается совершенно неожиданно и, не побоюсь этого слова, сенсационно.

В личном архиве Серова сохранилось три его письма в Комиссию партийного контроля ЦК КПСС, посвященных истории Пеньковского. Все они так или иначе дополняют друг друга, поэтому я буду цитировать их по очереди, пронумеровав в хронологическом порядке.

Из письма И. Серова № 3:

«В апреле 1962 года на заседании Гл. военного Совета меня ознакомил со справкой по Пеньковскому нач. Управ. Особ. отд. Гуськов (3-е управление КГБ: военная контрразведка. —

Прим. авт.), и мы с ним условились, что я буду помогать в разработке».

Из письма И. Серова № 2:

«Когда мне стало известно о предательстве Пеньковского в апреле 62-го года, я дал указание т. Смоликову (начальник Управления кадров ГРУ. —

Прим. авт.) о том, чтобы он вызвал Пеньковского и объявил, что перспективы использования его в ГРУ не имеется, поэтому уволить его из ГРУ. В мае месяце т. Смоликов вызвал его и предложил перейти на преподавательскую работу на кафедру иностранных языков, от чего Пеньковский отказался. Об этом стало известно работникам КГБ, которые пришли ко мне и стали просить не переводить предателя из ГРУ, с тем чтобы не сорвать разработку, при этом сослались на записку КГБ в ЦК по этому вопросу».

Из письма И. Серова № 3:

«Затем последовал звонок от Грибанова с просьбой не переводить Пеньковского из ГРУ, с тем чтобы он не догадался о наблюдении за ним...

...Я был вынужден согласиться. В конце я спросил Грибанова: „Что он, ваш агент?“. Тот замялся и сказал: „Нет, сейчас, кажется, не является“».

Замешательство генерала Грибанова — мастера комбинаций и оперативных игр (это не кто иной, как Грибанов, разработал, например, знаменитую операцию по вербовке французского посла, которому подставили агента-гомосексуалиста, а потом начали вербовать на компромате) — выглядит довольно странно.

Что значит: «сейчас, кажется, не является»? А раньше, выходит, являлся?

Мне могут возразить: но ведь агентура — это святая святых любой спецслужбы, с чего вдруг начальнику контрразведки мяться перед шефом другого ведомства? Оставил бы вопрос без ответа, да и дело с концом.

В теории — так оно и должно быть. Но не забывайте, что Серов всю жизнь прослужил на Лубянке, заместителем наркома стал еще перед войной, был первым председателем КГБ. Даже после перехода его в ГРУ бывшие подчиненные — и Грибанов в том числе — продолжали сохранять перед ним пиетет, трепетать по инерции. Тем более что был Серов весьма близок к Хрущеву.

Если Пеньковский в самом деле являлся агентом Лубянки — это все расставляет по своим местам. И бесшабашную его лихость, и настырность в вербовке, и грубые методы работы, и волшебную неприкасаемость. Впрочем, не будем забегать вперед. Лучше продолжим разбирать записки Серова.

Итак, КГБ настоял, чтобы Пеньковский остался в ГРУ, дабы «он не догадался о наблюдении за ним». Аргумент так себе.

Ведь он давно уже обо всем догадался. Приезжавший летом в Москву Гревилл Винн видел хвост своими глазами. Люди в штатском неотрывно следовали за Пеньковским. Правда, шпион успокоил его, заявив, что за собой слежки не чувствует, это, дескать, по твою душу. Но Винну пришлось прервать визит и улететь домой раньше срока, о чем он подобно доложил МИ-6 и ЦРУ.

Западные хозяева (или арендаторы?) Пеньковского встревожились. Они начинают готовить операцию по спасению агента. Самым оптимальным вариантом был бы его вывод на Запад.

В 1962 году Пеньковский четырежды запрашивает разрешение на выезд в загранкомандировки: в Швейцарию, США, Бразилию и на Кипр.

В письме, отправленном на Запад, он уверяет: «Серов лично предложил мне возглавлять делегацию в Сиэтл».

Но это — очередная ложь. Вот что пишет сам Серов.

Из письма № 3:

«В конце апреля 1962 года по представлению Рогова комиссия по выездам ЦК приняла решение о командировке Пеньковского в США. Когда я узнал об этом, то позвонил т. Долуда (предс. комиссии) и просил отменить это решение. Через несколько дней б. нач. 2 управ. КГБ Грибанов позвонил мне и просил согласиться на посылку в США Пеньковского. При этом он сказал, что они „имеют возможность наблюдать за ним там“. Я не согласился. Нет сомнения, что он остался бы в США».

Экий неожиданный лихой поворот! Разработка в самом разгаре, уже и тени сомнений больше нет в предательстве Пеньковского, а КГБ готово выпустить его за кордон, ибо «имеет возможность наблюдать за ним там».

Ни Грибанов, никто другой из руководителей КГБ на самоубийц явно не смахивают. То есть, отправляя Пеньковского за рубеж, они заранее знают, убеждены на все сто процентов, что никуда он не денется, вернется как миленький домой. Потому что в противном случае никому из генералов не сносить головы: бегство установленного шпиона — это не просто головотяпство, тут уже вредительством пахнет.

(К слову, в 1967-м председателя КГБ Семичастного снимут как раз за нечто подобное. Бывшая советская принцесса Светлана Аллилуева отправится в Индию и сбежит оттуда на Запад. Правда, Лубянка выпускать ее не хотела, настоял ЦК. Однако повода этого оказалось вполне достаточно, чтобы отправить Семичастного в почетную ссылку).

А тем временем ЦРУ и МИ-6 продолжают разрабатывать план побега Пеньковского. Ему присылают комплект фальшивых документов, причем контрразведка фиксирует шпиона за разглядыванием левого паспорта у себя дома.

Когда становится ясно, что за границу Пеньковского не пустят, возникают новые идеи: Винн доставит в Москву якобы на выставку автофургон с закамуфлированным внутри тайником,

куда, как в норку, и юркнет Пеньковский, а потом его тайно, багажом, вывезут из Союза. Или же Пеньковского укроют на иностранном корабле в дальневосточном порту. А то и вовсе пришлют за ним подводную лодку.

Но этого не случится. 22 октября, в день апогея Карибского кризиса, Пеньковского арестуют. До последней минуты он будет числиться офицером ГРУ...

А через две недели, 2 ноября, КГБ схватит архивиста американского посольства Роберта Джэкоба в тот момент, когда в подъезде жилого дома он будет опустошать шпионский тайник, заложенный якобы Пеньковским. В тот же день венгерская госбезопасность арестует и Гревилла Винна, на свою беду приехавшего в Будапешт.

Два этих ареста окончательно убедят Запад в чистоте помыслов Пеньковского, а значит, и в правдивости его информации.

А еще через 3 месяца своей должности лишится и начальник ГРУ Иван Серов...

О роли Серова в деле Пеньковского написаны целые тома. Однако правды там не много: примерно столько же, сколько мяса в советской ливерной колбасе.

Он ли украл, у него ли украли: но шуба была...

Сразу договоримся: я ничуть не пытаюсь обелить Серова, фигуру крайне неоднозначную. Подобно всем руководителям НКВД, Серов внес посильный вклад и в массовые репрессии, и в порабощение народов Европы, и в кучу других мерзостей. Он отвечал за выселение ингушей и калмыков. Подавлял венгерское восстание 1956-го.

Однако я против того, чтобы приписывать людям — как бы к ним ни относиться — чужие грехи, благо у Серова и своих хватает с избытком...

Стараниями партийных доброхотов и историков в штатском Серова сделали чуть ли не главным пособником Пеньковского. Он-де и в ГРУ его восстановил. И к себе приблизил. В гости приглашал. Жену и дочь шпионским заботам препоручал.

Дальше всех в таких изысканиях пошли американский профессор Кристофер Эндрю, написавший с помощью другого перебежчика из КГБ Олега Гордиевского масштабный фолиант «КГБ: история внешнеполитических операций».

Из фолианта вообще следует, что Серов был «собутыльником Пеньковского». Якобы, когда, игнорируя установки КГБ, Пеньковский отправился на прием в британское посольство, не поставив в известность контрразведку, Серов скандал замял, но КГБ заподозрил неладное, установил за подозрительным полковником слежку и разоблачил предателя. Узнав об аресте собутыльника, Серов «после тяжелого запоя застрелился в одном из арбатских двориков».

Не хочу даже комментировать этот бред. Достаточно сказать, что генерал Серов дожил до 85 лет и умер от старости в 1990-м, а алкоголь в рот не брал принципиально, даже вина.

Тем не менее 2 февраля 1963-го — еще до начала суда над Пеньковским — Серов был снят с должности начальника ГРУ. А 12 марта его понизили до генерал-майора — сразу на три звезды — и лишили звания Героя Союза, которое получил он в 1945-м за Берлинскую операцию. После чего опальный генерал был сослан на унижительно низкую должность в Среднюю Азию.

В 1965-м его уволили по болезни и исключили из партии. Все последующие попытки Серова добиться реабилитации закончились ничем, хотя в защиту его выступал даже маршал Жуков.

Чем же провинился начальник ГРУ и первый председатель КГБ? Претензия первая: восстановил предателя Пеньковского в ГРУ

Однако сам Серов категорически настаивает, что этого не было.

Из письма И. Серова № 3:

«Известно, что Пеньковского не раз просил перевести из Ракетных войск в ГРУ главный маршал артиллерии Варенцов, который с ним дружил и поддерживал десятки лет. Он обратился ко мне по телефону, я отказал Варенцову, и на справке, предоставленной мне Смоликовым (начальником управления кадров ГРУ. —

Прим. авт.), написал: „не изменив аттестации, данной военным атташе Рубенко (начальником Пеньковского по Турции. —

Прим. авт.), невозможно использовать в разведке“.

Я могу согласиться, что указание не совсем четкое. Но нельзя же давать ей произвольное толкование. Я имел в виду, что Управление кадров уточнит у Рубенко все отмеченные в аттестате отрицательные вопросы и доложит мне. Одно ясно, что я написал „невозможно использовать в разведке“, и нельзя это толковать как „допустил проникновение в разведку Пеньковского“.

Более того, ко мне больше по этому вопросу не обращались. Зам. нач. ГРУ Рогов подписал приказ о переводе Пеньковского в ГРУ, а затем тот же Рогов переделал аттестацию на Пеньковского. Он сам на заседании КПК сказал об этом, добавив, что на него было наложено взыскание, объявлен выговор, который уже снят».

Чтобы окончательно понять щекотливость ситуации, следует добавить, что между Серовым и его заместителем Роговым сложились весьма натянутые отношения. Рогов был ставленником министра обороны маршала Малиновского, с которым вместе они воевали, и маршал рассчитывал усадить его в кресло начальника ГРУ. Назначение Серова спутало им все карты.

В письме № 1 Серов говорит об этом прямо:

«...т. Рогов пользовался особым покровительством министра т. Малиновского... Поэтому он зачастую помимо меня бывал у министра и получал „личные“ указания, о которых я узнавал от него позже или совсем не знал... Он часто подписывал приказы по ГРУ, не спрашиваясь меня, на что я делал ему не раз указания...».

Так вот. Приказ о восстановлении Пеньковского генерал Рогов подписал, когда Серов находился в отпуске. Комиссия партийного контроля установила это официально.

Могло ли повлиять на Серова ходатайство маршала Варенцева, который действительно просил за своего бывшего порученца? Вряд ли.

«Я не из таких робких, чтобы звонок Варенцова привел меня в трепетное состояние, — отвечает на это Серов (письмо № 2), — во-первых, потому что мы были в равном звании, а по должности я старше его. Во-вторых, за четыре года работы ко мне обращались не раз более ответственные товарищи, а мои начальники требовали, чтобы я соглашался, однако я не смущался и оставался при своем мнении».

Это очень похоже на правду. Не Серову следовало добиваться благосклонности Варенцова, а совсем наоборот. Претензия вторая: начальник ГРУ покровительствовал Пеньковскому

Из письма И. Серова № 1:

«О том, что Пеньковский принят и работает в ГРУ, я узнал через несколько месяцев, когда увидел его фамилию в числе офицеров, выделенных для обслуживания выставки в Москве. Я спросил у нач-ка отдела т. Рогова, откуда взялся Пеньковский, на это мне т. Рогов ответил, что кадры разбирались с ним и т. Рогов (зам. нач. ГРУ) подписал приказ о назначении».

И вновь это очень правдоподобно. Серов был человеком тяжелым, замкнутым, нелюдимым. Служба в НКВД брала свое. Он не приближал никого из подчиненных и сослуживцев, а вне работы отношения поддерживал с единицами: например, с тем же маршалом Жуковым.

Да и что могло быть у него общего с Пеньковским: у генерала армии с полковником? Однако на сей счет существует... Претензия третья: Пеньковский был близок с семьей Серова

Это, пожалуй, самое скандальное и интригующее обвинение. Поводом к нему послужил факт непреложный: в июле 1961-го жена и дочь Серова одновременно с Пеньковским оказались в Лондоне.

О совместном вояже Серовых и Пеньковского написано и навечно немало. Вплоть до того, что дочка Серова Светлана стала любовницей шпиона. И ладно бы писали об этом какие-то щелкоперы из второсортных колхозных таблоидов: нет же, вполне уважаемые, авторитетные люди.

«Его (Пеньковского). —

Прим. авт .) работа на выставке была не слишком обременительной, практически единственной его заботой была опека мадам Серовой» (Г. Винн, «Человек из Москвы»).

«Пеньковский старался всячески сблизиться с Серовым. Он „случайно“ встречался с Серовым за границей, когда тот с женой и дочкой бывал в Англии и Франции, и на деньги английских спецслужб устраивал им „красивую жизнь“, преподносил дорогие подарки» (В. Семичастный, «Беспокойное сердце»).

«Пеньковский из кожи лез, чтобы угодить мадам Серовой и ее дочери. Он их встречал, водил по магазинам, расходовал на них часть своих денег» (А. Михайлов, «Обвиняются в шпионаже»).

«За день до отъезда Серов вызвал Пеньковского к себе в кабинет и сообщил, что его жена и дочь едут в туристическую поездку в Лондон. Пеньковский должен был сопровождать их, ходить с ними по магазинам — в общем, следить за тем, чтобы в Лондоне им было хорошо... Как Пеньковский сообщил потом, Светлана флиртовала с ним. Когда они ехали в такси к ним в отель, она прижималась к нему и делала это весьма умело...». (Д. Шектер, П. Дерябин. «Шпион, который спас мир»).

Сотрудник ЦРУ Г. Хазлвуд писал в своем отчете: «Пеньковский начал заигрывать со Светланой, и мне при встрече пришлось умолять его почти на коленях: „Эта девушка не для тебя. Не осложняй нам жизнь“». (Н. Андреева, «Трагические судьбы»).

Флирт дочки начальника ГРУ и шпиона — сюжет, достойный Голливуда. Куда там роману уголовника и следовательницы, организовавшей ему побег.

Но не будем увлекаться фривольными мотивами. Ведь подоплека истории этой намного интереснее, чем любая эротика.

Вновь обратимся к запискам Ивана Серова.

Из письма № 1:

«Впервые я предателя Пеньковского увидел на Шереметьевском аэродроме летом 61-го года. Простившись с женой и дочерью, улетающими с туристской группой в Лондон, я встал у окна около пропускного пункта.

Ко мне подошел незнакомец и, поздоровавшись, сказал, что он тоже летит в Лондон. Я подумал, что это сотрудник КГБ, знающий меня. Никаких поручений я ему не давал, как он показал, потому что: во-первых, я не знал, кто он такой, во-вторых, в этом не было надобности, т. к. накануне я попросил нач. Упр. т. Соколова предупредить военного атташе т. Ефимова, что если жена обратится к нему за помощью, то оказать ей содействие».

Еще раз вспомним: согласно многочисленным версиям, Серов якобы попросил Пеньковского приглядывать за семьей в Лондоне. Дж. Шектер пишет даже, что «в Шереметьеве, перед отъездом, Пеньковский обсудил с Серовым свою командировку... Серов познакомил Пеньковского со своей женой и дочерью и попросил его быть к ним повнимательнее».

Дочь Серова Светлана опровергает это, как пишут в следственных бумагах, категорически. Более того, рассказ ее вкуче с записками начальника ГРУ заставляет взглянуть на всю историю с лондонской поездкой совершенно иначе, переворачивает на 180 градусов.

В беседе со мной Светлана Ивановна — та самая, что флиртовала якобы с Пеньковским, «умело прижимаясь к нему», — впервые воспроизводит события сорокалетней давности.

— В июле 1961-го мы с матерью поехали с туристской группой в Лондон. Отец проводил до Шереметьева, поцеловал и сразу же уехал: он торопился на службу. Встали в очередь. Вдруг к нам подходит человек в форме. «Извините, произошла накладка. На ваш рейс продали 2 лишних билета. Не могли бы вы подождать буквально пару часов. Скоро в Лондон пойдет другой борт».

— Вы были в тургруппе самыми безответными? Почему ссадить решили именно вас?

— Это и удивляет. Все-таки — жена и дочь начальника ГРУ, генерала армии, члена ЦК. Вряд ли остальные члены группы превосходили нас по социальному положению...

Но мы не возмущались. Подошли к «гэбисту», который сопровождал нашу группу, все рассказали. Он пожал плечами: ладно, встретимся на месте. И через несколько часов действительно объявили другой самолет: спецрейс с балетной труппой, летящей на гастроли.

— Кировского театра оперы и балета.

— Наверное... Рядом с нами в салоне сидел какой-то мужчина. Он сразу же попытался завязать разговор. «Вы знаете, я у вашего — то ли мужа, то ли папы, уже не помню — в общем, у Ивана Александровича работаю. Давайте покажу вам Лондон». Мама, как настоящая жена чекиста, мгновенно окаменела. «Спасибо, ничего не надо».

— Это и был Пеньковский?

— Да... Несколько часов мы обменивались междометиями. Наконец прилетели в Хитроу.

— Утверждается, будто посольская машина вас не встретила, и тогда Пеньковский любезно отвез вас в отель?

— Все не так. Нас поначалу и вправду никто не встретил. Пеньковский предлагал свои услуги, но мы отказались. В итоге он уехал, а мы остались сидеть на чемоданах. Через час машина из посольства все-таки пришла.

— Что было дальше?

— Буквально на другой день Пеньковский появляется в гостинице. Стучится в номер. Было это после обеда, мы как раз вернулись с экскурсии. «Как устроились? Как Лондон?» Обычный визит вежливости.

Назавтра, под вечер, приходит опять. «Пойдемте прогуляемся, попьем кофейку». Делать было все равно нечего. На всякий случай зашли к «гэбисту», показали его визитную карточку. «Не возражаю», — ответил он.

Гуляли мы недолго: примерно час. Посидели в уличном кафе. Он тянул дальше, но меня — хотите верьте, хотите нет — не покидало какое-то неприятное, гнетущее чувство. Словно что-то подсказывало изнутри. Я уперлась: хочу назад. Пеньковский принялся уговаривать, но безуспешно: назад, и все. И такое разочарование появилось у него на лице — я тогда еще удивилась... Словно ребенок, у которого отбирают любимую игрушку...

— А как же презенты, духи, сувениры?

— Ничего этого не было. В таких вопросах мама была очень щепетильна. У нее до последнего дня хранились даже чеки на все покупки...

...Ненадолго прерву рассказ Светланы Серовой, дабы привести еще несколько цитат из писаний лубянских генералов.

«Позже, уже в Париже, куда семья Серова тоже приехала, он весьма потрафил младшей Серовой, организовав ей экскурсию на плац Пигаль. Благодарная семья по возвращении в Москву устроила ужин в честь своего услужливого гида, на котором присутствовал и сам Серов. „Олег удивительно чуткий и милый“, — не скупилась на комплименты мадам Серова». (А. Михайлов, «Обвиняются в шпионаже»).

«Пеньковский был даже приглашен в Москве на семейный обед к Серовым» (В. Семичастный, «Беспокойное сердце»).

— Светлана Ивановна, что за ужин или обед устроили вы в честь Пеньковского?

— Ну, во-первых, мы с матерью в Париже никогда не были и на плац Пигаль, соответственно, не ходили. Что же касается появления Пеньковского у нас дома, дело обстояло так.

Через несколько месяцев после лондонской поездки он позвонил нам домой: я вот вернулся из Парижа, привез кое-какие сувениры, хотел занести. Маме отказывать вроде неудобно: все-таки человек был к нам любезен. «Ладно, заходите». Тем не менее она позвонила отцу, моему брату Володе — он тоже служил в ГРУ — предупредила о визите.

Пеньковский принес сувениры — типичную мелочевку: Эйфелева башня, какой-то брелок. Сели в гостиной пить чай. Разговоры — ни о чем. Вскоре со службы вернулся отец. Мне показалось, он узнал Пеньковского и отреагировал очень напряженно. Холодно поздоровался и сразу же закрылся в кабинете. Пеньковский это почувствовал, мигом распрощался и исчез. Кстати, Володе — брату — он крайне не понравился. «По лицу видно — подонок какой-то».

— Больше вы его не видели?

— Никогда. Я вновь увидела его только на фотографиях в газетах: когда начался суд...

Странная, право, история. Прямо детектив.

Почему именно Серовых — не последних явно людей — следовало пересаживать на другой рейс? Неужто во всей тургруппе не нашлось кого-то попроще?

И случайно ли устроили рядом с ними Пеньковского? Который с той же навязчивостью, с какой вербовался он в шпионы, принялся обхаживать семью начальника?

Генерал Серов был уверен: не случайно. В письме № 3 он пишет прямо:

«Знакомство с женой и дочерью, которое произошло на аэродроме после того, как работники КГБ пересадили их из туристского самолета в другой, где был Пеньковский...».

Так, значит, это КГБ пересадил Серовых с рейса на рейс, насильно впихнув их в объятия Пеньковского!

Знакомый почерк. Через 20 лет по аналогичному сценарию чекисты реализуют операцию против первого секретаря ленинградского горкома Романова — одного из потенциальных претендентов на престол. Сначала Романова уговорят устроить свадьбу дочери прямо в Эрмитаже. А потом, в разгар торжеств, пара специально обученных гостей начнет в хмельном пылу крушить об пол драгоценную антикварную посуду. Уже на другой день по всей стране пойдут слухи о романовской вакханалии...[765]

Еще один занятный коленкор: о том, что семья Серова поедет в Лондон, английская и американская разведка знали заранее. Связник Пеньковского Гревилл Винн в своей книге пишет четко: «Мы узнали, что в июле „Алекс“ (псевдоним Пеньковского. —

Прим. авт .) должен снова приехать в Лондон на советскую промышленную выставку, где он будет, в частности, гидом мадам Серовой».

Узнать об этом ЦРУ и СИС могли лишь из одного источника: от самого Пеньковского, которому, ясно, было выгодно набивать себе цену, рассказывая о своей исключительной близости к начальнику ГРУ.

Но если Серовых подсадили к нему в самолете, сняв с их законного рейса, как мог предвидеть он это заранее?

Ответ напрашивается сам собой: Пеньковский знал о плане предстоящей операции. От кого? Очевидно, от тех, кто, собственно, и должен был подвести его к Серовым. Сиречь от чекистов.

Вот вам еще одно доказательство связи Пеньковского с КГБ. Потому что именно КГБ — а никто другой потянуть это был не в состоянии — и готовил комбинацию по дискредитации начальника ГРУ.

Сами грязью облили, сами и под монастырь подвели.

В своих мемуарах тогдашний шеф Лубянки Владимир Семичастный недвусмысленно подтверждает, что именно с его подачи (а значит, и с подачи Шелепина: они друг без друга никуда, как Шерочка с Машерочкой. Один в ЦК ВЛКСМ — и второй за ним. Шелепин на Лубянку, и Семичастный — туда же.) Серов лишился должности.

Готовя для ЦК отчет о расследовании дела Пеньковского, Семичастный «добавил и напоминание о доле его вины за выселение мирных народов — калмыков, ингушей, поволжских немцев и других — и внес предложение его наказать. В результате Серов был

отозван с поста руководителя ГРУ...».

Пеньковского, как мы помним, арестовали в октябре 1962-го. Суд над ним начался в мае 1963-го. А Серова убрали уже в феврале, даже не дожидаясь формального признания вины Пеньковского, и сослали как можно дальше от Москвы — помощником командующего Туркестанским военным округом по учебным заведениям (!). Еще через месяц, 12 марта, Серова из генералов армии понизили до генерал-майора, отобрали звезду Героя.

За что? За то, что восстановил Пеньковского в ГРУ? Но это, как уже говорилось, делалось без него.

За то, что попался в силки, расставленные КГБ?

Ладно бы предательство Пеньковского нанесло непоправимый урон работе ГРУ. Нет же. Ни один агент не пострадал, ни один разведчик не был задержан или выслан.

«Начиная с конца апреля 62-го года, — это из письма Серова № 1, — я... принимал необходимые меры по предотвращению провалов в разведке (отзывы офицеров, которых мог выдать предатель, переброска агентов и др.)...

После ареста предателя... мы разработали телеграмму за границу с указанием, что надо сделать резидентам и ВАТ (военным атташе. —

Прим. авт .)...

С октября 62-го года по январь 63-го года, пока я был в ГРУ, были получены ответы от резидентов и ВАТ, из которых было видно, что провалов или арестов наших людей не было».

А ведь в то же самое время в Первом главке КГБ — разведка — следовал провал за провалом. 1961 год вообще являл собой одну нескончаемую черную полосу.

Сначала ушел боевик-нелегал Богдан Сташинский, незадолго до того ликвидировавший лидера ОУН Бандеру, за что получил из рук Шелепина орден Красного Знамени. Сташинского послали в Берлин с новым заданием — уничтожить лидера НТС Околовича — но он бежал к американцам, во всем сознался и по амнистии был освобожден.

Затем политического убежища у американцев попросил сотрудник хельсинской резидентуры КГБ Анатолий Голицын, был вывезен в Штаты и сдал все, что только можно.

А параллельно английская контрразведка разгромила нелегальную резидентуру Лубянки во главе с полковником Кононом Молодым (он же Гордон Лонгсдейл), арестовала его помощников Мориса и Леонтину Коэн (Крогер), взяла уйму ценных агентов.

И вдобавок в тюрьме оказался высокопоставленный сотрудник британской разведки Джордж Блейк, давно сотрудничавший с КГБ.

Последствия этих провалов ни в какое сравнение с делом Пеньковского не идут. Однако же «за эти провалы у т. Сахаровского и его нач-ников волоса с головы не упало» (из письма Серова № 2). Более того, упомянутый начальник внешней разведки КГБ Александр Сахаровский проработал на своем посту аж до 1971 года.

Есть в юриспруденции такой термин: соразмерность наказания. Так вот, тяжесть вины Серова ничуть не соразмерна его наказанию.

Скажу больше: Серова вообще не за что было наказывать. Просто его надо было наказать, ибо в спектакле, поставленном лубянскими режиссерами, ему изначально предназначалась роль антигероя...

Олега Пеньковского арестовали 22 октября 1962-го по дороге на службу. Следствие длилось недолго. Показательный процесс стартовал уже в мае. Вместе с ним на скамье подсудимых восседал его связник, англичанин Гревилл Винн, схваченный в Венгрии.

Суд над Пеньковским, как и все это дело, освещался масштабно. На процесс, как и в славном 1937-м, выдавали специальные пропуска. Журналистов было немерено.

Но почему-то длились слушания недолго. Несмотря на, казалось бы, гигантский объем содеянного (вспомним: только документов он передал пять с половиной тысяч!), хватило всего 8 дней, чтобы приговорить изменника к высшей мере.

«С большим одобрением встретил весь советский народ справедливый приговор по уголовному делу изменника Родины агента английской и американской разведок Пеньковского и шпиона-связника Винна, — писала в те дни газета „Правда“, — советские люди выражают чувство глубокого удовлетворения тем, что славные советские чекисты решительно пресекли подлую деятельность английской и американской разведок».

Вопрос: зачем следовало накручивать вокруг дела Пеньковского такую шумиху? Ведь традиционно операции контрразведки никогда не становились предметом гласности. Тот же предшественник Пеньковского, бывший подполковник ГРУ Петр Попов: о нем в печати не появилось почти ни слова.

Здесь же — нескончаемые репортажи, подборки «писем трудящихся», стенограмма судебного процесса, спешно отпечатанная сотысячным тиражом. На долгие годы имя Пеньковского стало нарицательным, превратилось в символ предательства.

Особенно партийные пропагандисты смаковали моральное разложение изменника. Он-де и книжек не читал, в театры не ходил, увлекался только пьянками да стяжательством. Верхом его грехопадения стал рассказанный на суде эпизод, когда Пеньковский в ресторане принародно выпил шампанское из тубельки своей дамы.

При этом описание дела Пеньковского отличалось изрядным купированием. Ни слова не говорилось о переданных им материалах по ракетному оружию; о службе в ГРУ (само это ведомство раскроют позже, лишь в 1990-е). По официальной версии, Пеньковский звался бывшим полковником Советской Армии, работником Госкомитета по науке и технике.

Разумеется, о высоких его покровителях тоже не сообщалось. Про маршала Варенцова писалось лишь, что тот, «зная Пеньковского по фронту, доверился его „жалобам“ на якобы незаконное отчисление из кадров Советской Армии» и «добился пересмотра отрицательной служебной аттестации». Этаким простодушный главком-растяпа, словно сошедший с плаката про находку для шпионов. А потом, через пару лет, и эти невинные упоминания сошли на нет.

«А как же его допустили на столь ответственный пост? — задавался риторическим вопросом начальник Следственного отдела КГБ генерал Чистяков (его мемуары вышли в середине 1970-х). — Как доверили такому человеку секретные материалы, тайны государства?»

И тут же, через пару страниц, отвечал сам себе: был, оказывается, такой генерал В., которому обманом предатель втерся в доверие, «старался как можно лучше выполнить любые поручения, угодничал. Все это Пеньковский делал для того, чтобы успешно продвигаться по служебной лестнице».

Про генерала «С» не писалось и такого. Имя начальника ГРУ в контексте шпионского скандала не звучало ни разу.

Да этого, собственно, и не требовалось. Гонители Серова расправились с ним и безо всякого общественного порицания.

Шумиха вокруг шпионского дела, скорое следствие, молниеносный суд. Такое чувство, будто умелые дирижеры делали все, дабы произвести на Запад максимальный эффект.

А почему бы и нет? Ведь только теперь, после ареста и приговора, американцы и англичане окончательно перестали сомневаться в искренности намерений Пеньковского. А значит, исчезли и их опасения в подлинности его материалов.

Если версия, которую предлагаю я, имеет под собой основания, вся эта круговерть — не более чем окончательная стадия гигантской операции КГБ. Операции, ставившей своей целью сразу несколько стратегических замыслов:

а) дезинформация Запада и внушение ложного чувства превосходства в гонке вооружений;

б) дискредитация начальника ГРУ И. Серова.

Как видно, обе эти задачи выполнены были блестяще...

Сразу оговорюсь: то, о чем пойдет сейчас речь, не более чем плод моих умозаключений. Однако предположения эти с лихвой компенсируют все те многочисленные странности и загадки, которыми так богато дело Пеньковского.

Иными словами, моя неправдоподобная версия куда правдоподобнее, чем версии официально-канонические: как западные, так и отечественные...

Итак: жил да был Олег Пеньковский. До середины 1950-х судьба его складывалась вполне успешно, даром что происхождения был он самою что ни на есть социально чуждого: папу-поручика порубали еще в грозовую Гражданскую.

Потом он станет говорить, будто осознание этого — пепел Клаасса — и привело его в стан борцов с коммунизмом. Однако пепел пеплом, а свою карьеру Пеньковский начинает ровно с того, против чего сражался его родитель. Окончив артиллерийское училище, служит политруком в польской и финской кампаниях. Войну встречает, сидя в политотделе Красинского артиллерийского училища, — помощником по комсомольской работе.

Только в ноябре 1943-го его отправляют на фронт. Как воевал Пеньковский — сказать трудно, хотя к маю 1945-го грудь его украшало уже 5 боевых орденов. Правда, в этом могла сказаться и близость к небожителям.

В войну у Пеньковского появляется ангел-хранитель: начальник артиллерии 1-го Украинского фронта, генерал, а в недалеком будущем главный маршал артиллерии Варенцов. Он привечает Пеньковского, назначает своим офицером связи. По его протекции тот поступает в Академию имени Фрунзе. С его же благословения женится на дочери своего недавнего командира — начальника политуправления Московского военного округа генерала Гапановича.

Понятно, что при такой поддержке служебная лестница превращается в натуральный эскалатор.

Поболтавшись в штабе округа и в Министерстве обороны, Пеньковский решает освоить новую романтическую стезю — шпионскую.

В 1953-м он оканчивает Военно-Дипломатическую академию — альма-матер военной

разведки. Несколько лет служит в аппарате ГРУ, а в 1955-м уезжает в первую свою командировку — в Турцию.

Тут-то и начинаются странности. Между Пеньковским и его прямым начальником — резидентом ГРУ Савченко возникает конфликт, ибо в это генеральское кресло метил и сам Пеньковецкий. Савченко всячески гнобит генеральского зятя, и тут у Пеньковского представляется шикарный случай свести счеты с обидчиком.

Турецкая контрразведка задержала сотрудника резидентуры Ионченко. Истинную причину провала Савченко от Центра скрыл, и тогда Пеньковецкий (цитирую книгу бывшего сотрудника ЦРУ Д. Харта), «обратившись в посольский офис КГБ, отослал свою версию событий по их независимому, секретному каналу».

Ясное дело, после такой подлянки дальнейшая карьера Пеньковского в ГРУ застопорилась: двурушников и стукачей не любит никто. Из ГРУ его выживают, но он духом не падает, ибо на турецкой земле начинается его альянс с грозной лубянской организацией.

По неписанным советским законам, госбезопасность не только могла, но и обязана была вербовать сотрудников конкурирующей структуры — ГРУ. (В военной контрразведке существовал — и существует, кстати, по сей день — целый отдел, обслуживающий ГРУ). А вот военная разведка искать агентов в чекистской среде права как раз не имела.

Именно по заданиям КГБ Пеньковецкий и ловил на приемах американцев и англичан, «задышающимся шепотом предлагая им сведения о советских планах на Ближнем Востоке», — то, о чем писал британец Филипп Найтли. Это была обычная провокационная практика КГБ.

Неслучайно, разбираясь с делом Пеньковского, сотрудники ЦК задавали Серову недвусмысленные вопросы. На что тот письменно отвечал:

«Был ли связан с органами госбезопасности Пеньковецкий в период его пребывания в Турции, я не знаю, но это можно проверить по учету агентурной сети в КГБ» (из письма № 1).

В 1957-м Пеньковецкий возвращается в Москву. Из ГРУ его увольняют. Однако Варенцов — к тому времени уже маршал и командующий артиллерией страны — не бросает питомца в беде, да и органы — щит и меч революции — всегда начеку.

Пеньковского зачислят на Высшие инженерно-артиллерийские курсы — сиречь под крыло Варенцова — а вскоре отправляют начальником курса в Академию ракетных войск.

Академия — организация сверхсекретная. Случайных, непроверенных людей здесь не может быть по определению. А ведь к тому времени КГБ уже вычисляет несостыковочку в анкете Пеньковского. Папа-то его не без вести пропал, а с оружием в руках воевал против советской власти. За такие грехи и маршалы не помогут, вражью траву с поля — вон. Однако Лубянка к своим помощникам относится бережливо. И вскоре, в 1959-м, Пеньковского восстанавливают в ГРУ, несмотря на жесткую резолюцию Серова и на то даже, что приказ о его увольнении подписывал лично начальник Генштаба.

Еще одна цитата из Серова (письмо № 2):

«Если бы Варенцов не протащил бы его в ракетные войска, он не попал бы и в ГРУ. Если бы КГБ при наличии этого сигнала не поддержало бы Пеньковского, то он не был бы принят на курсы. Если бы КГБ отвело хоть одну поездку за границу Пеньковского, то вопрос решился бы сразу. Однако это не делалось, поэтому разговоры офицеров ГРУ о том, что Пеньковецкий был агентом КГБ, имеют достаточные основания».

Да куда уж больше оснований, если сына белого офицера, против воли начальника ГРУ, наплевав на приказ начальника Генштаба, принимают в святая святых — военную разведку.

Правда, к чистой оперативной работе он касательства почти не имеет. Его откомандировывают в Госкомитет по науке и технике — ведомство, тесно работающее с иностранцами. Под этой «крышей» Пеньковскому очень сподручно заводить интересные знакомства и выезжать за кордон.

Начиная с 1961 года Пеньковский предпринимает навязчивые попытки войти в контакт с ЦРУ или МИ-6. Он лезет напролом, не разбирая дороги; бросается на шею каждому встречному-поперечному интуристу. Лишь через восемь месяцев, с седьмого (!) захода его наконец привечают.

Случай в истории уникальный: с Пеньковским принимаются работать две разведки кряду — ЦРУ и МИ-6. Они поражены объемом информации новоявленного «крота» и нарекают его «агентом мечты».

С неизменной легкостью Пеньковский добывает все, о чем его только просят: материалы по Берлинскому кризису, тактические данные по ракетному оружию, детали кубинских поставок, информацию из кремлевских кругов.

«Спектр познаний Пеньковского был настолько широк, доступ к документам столь прост, а память оказалась такой выдающейся, что в это было трудно поверить», — пишет Филипп Найтли.

Все эти материалы Пеньковский, разумеется, получает от своих кураторов из КГБ. Тщательно отобранные, просеянные через сито контрразведки, они являют собой искусный симбиоз дезинформации и правды. Незначительные крупинки истины, которые доходят отныне до Запада, никакого серьезного ущерба нанести не могут. Что толку скрывать, например, места базирования ракетных баз, если американские самолеты-шпионы все равно отщелкали их во всех ракурсах.

Но главная задача Пеньковского — убедить Запад, будто Советский Союз отстает в ракетной программе.

Это полностью соотносилось с планами операции «Великая ракетная деза», которую СССР начал еще в 1957-м, одновременно с запуском первого искусственного спутника Земли.

Советское руководство опасалось темпов, которыми Штаты осваивали ракетные технологии. Всего за три года, например, Пентагон сумел разработать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) «Тор». В 1958-м их разместили на восточном побережье Британии и нацелили в сторону Москвы.

Если бы американцев удалось уверить, что Советы за ними не успевают, а потому вынуждены делать ставку на другие виды вооружений, расходы главного противника по ракетным программам резко снизились бы, и этот тайм-аут позволил нам окончательно вырваться вперед. Что, собственно, и произошло.

Надо сказать, что Пеньковский был далеко не единственным участником этой дьявольской операции. Почти одновременно с его вербовкой сотрудники ФБР задержали с поличным советского разведчика Вадима Исакова. С той же показной рьяностью, с какой Пеньковский вербовался в шпионы, Исаков пытался купить секретные компоненты к межбаллистическим ракетам — акселерометры.

Удивительная вещь: даже чувствуя за собой хвост, Исаков все равно не снижал оборотов, практически сознательно позволил втянуть себя в контакт с откровенной подставой и в

момент совершения сделки как бы попался.

Небольшой ликбез. Акселерометры это прецизионные гироскопы, определяющие ускорение объекта. Они позволяют компьютеру точно просчитать место и скорость отделения боеголовки от ракеты.

Захват Исакова убеждал американцев, что советские ученые свои акселерометры еще не разработали. А коли так — красные ракеты точностью не отличаются и не могут поражать мелкие цели, например, ракетные шахты противника.

Подтверждением этого тезиса стали и материалы авиаразведки: отсняв ракетный полигон в Сибири сразу после проведенных там учений, американцы увидели, что точность попадания никуда не годится.

А тут еще начальник советского отдела БНД Хайнц Фельфе, как по заказу, передал ЦРУ данные, будто Кремль полагается больше на стратегическую авиацию, нежели чем на межбаллистические ракеты. Откуда же американцам было знать тогда, что Фельфе давно и убежденно работает на КГБ. (Его разоблачат только в 1961-м.)

Вот он — вопрос вопросов. На какой именно вид вооружения — ракеты средней дальности или МБР — делают главную ставку русские? От ответа на вопрос этот зависело главное — что в первую голову надо развивать самим американцам, где они отстают, и, следовательно, в чем нужно активизировать усилия; и где они — опережают, и, значит, суетиться особо не требуется.

Агент Пеньковский гордиев узел этот разрубил, объявив, что Советы делают ставку на РСД, конкретно — на ракеты Р-12. Он даже передал их тактико-технические характеристики, правда, с небольшими неточностями, но они вскроются только через много лет.

И когда грянул Карибский кризис и американские самолеты-шпионы принялись кружить над пусковыми шахтами на Кубе, то увиденное их уже не удивило: это были те самые Р-12. Информация Пеньковского подтвердилась. А уж после того как схватил его КГБ и показательно, принародно судил, всякие сомнения отпали окончательно. Хвала и слава тебе, человек, спасший планету от Третьей мировой войны!

Если бы Кеннеди наверняка знал, что Советы обладают точными МБР, его поведение могло быть совсем иным. Но он-то был свято уверен, что Хрущев блефует; что у СССР нет возможности адекватно ответить Западу; что пяти тысячам американских ядерных ракет противостоят всего триста советских, да и то — плохо управляемых, не способных поражать точечные цели. А коли так — Хрущев обязательно пойдет на переговоры, и даже в ответ на сбитый в кубинском небе американский самолет нет нужды отвечать адекватно. Москва никуда не денется.

Так и вышло.

А Запад еще много лет подряд продолжал свято верить в искренность «агента мечты». Пока в начале 1970-х американцы случайно не узнали, что все это время их просто водили за нос, а советские МБР ничуть не уступают их собственным.

Оказалось, что принятая на вооружение ракета СС-9 способна, например, переносить 25-мегатонный заряд почти на 13 тысяч километров и укладывать его в цель с точностью в четверть мили.

А межконтинентальные ракеты РС-16, РС-18 и РС-20 и вовсе имеют погрешность попадания в пределах двухсот метров.

То есть все десять лет американские пусковые шахты были абсолютно беззащитны перед красной угрозой, и случись, не дай бог, война, и камня на камне не оставили бы они от хваленной западной демократии...

Но Пеньковский был не только подставой снабжавшей Запад важнейшей дезинформацией. Его руками Лубянка сумела реализовать и другую стратегическую задачу: убрать начальника ГРУ Серова.

Для тогдашнего руководства КГБ Серов представлял несомненную угрозу. Был он человеком совсем не их круга. Партийной дружбы и охотничьих загулов чурался. Жестко гнул свою линию. А главное — был лично предан Хрущеву.

С «дорогим Никитой Сергеевичем» связывали их давние отношения. Перед войной, когда Хрущев командовал Украиной, Серов был у него наркомом внутренних дел.

Не случайно, создавая на осколках бериевского МВД новое суперведомство — КГБ, именно Серову доверил свой выбор Хрущев. После ареста Берии человеку случайному поручить такое стратегически важное хозяйство явно не могли. Хрущев как никто другой понимал, сколь гигантскую роль играют органы безопасности.

Но со временем новые любимцы — куда более льстивые, заботливые, пластичные — потеснили старую гвардию. Сначала кресла министра обороны лишился Жуков: тот, на чьих штыках и пришел Хрущев к власти. В декабре 1958-го настал черед Серова. В КГБ въехала лихая комсомольская команда: Шелепин, потом — его клонированная тень Семичастный.

Но окончательно в утиль Хрущев все же Серова не сдал. Он ставит его на другое, пусть и не столь важное, но тоже не последнее место — в ГРУ.

А ГРУ — это ведь не только заграничные резидентуры, радиоцентры и украденные секреты. В прямом подчинении начальника ГРУ находятся хорошо обученные, мобильные войска; разбросанные по всей стране бригады особого назначения, способные выдвинуться по приказу в любую секунду.

И когда над головой Хрущева начали сгущаться тучи, когда любимые соратники и ученики принялись обдумывать заговор по его свержению, первым, о ком следовало им вспомнить, был Серов.

Не в пример Шелепину и Семичастному, комсомолившим всю войну, да и политруку Брежневу, герою неведомой тогда еще Малой земли, Серов обладал реальным боевым опытом. За его спиной оставались операции по выселению целых народов, берлинская операция, подготовка московского подполья на случай капитуляции. Да и венгерская революция 1956-го, в подавлении которой принимал он непосредственное участие, за что получил высший полководческий орден Суворова 1-й степени, чего-то да стоила.

Словом, без того, чтобы убрать Серова, говорить о каком угодно заговоре было бы совершеннейшей глупостью.

Честно говоря, иной причины для компрометации Серова я попросту не вижу. Кровной вражды между ним и новой кремлевской командой не было.

Конкуренция двух спецслужб: КГБ и ГРУ?

Вряд ли она протекала столь остро, чтобы организовывать целую полномасштабную операцию по дискредитации Серова.

А уж в том, что это была именно операция, — сомнений нет.

Пеньковского как бы невзначай подводят к семье Серова. Это абсолютно укладывается и в основную его линию работы: наличие такого знакомства только поднимет акции агента в глазах ЦРУ и МИ-6.

Многого от него не требуется. Покрутиться подле. Пару раз прошвырнуться с генеральской родней по улице. Побывать на квартире.

И готово дело: ходи потом доказывай, что не верблюд. Недаром в ходе следствия Пеньковский подробно описывал свою близость к Серову. Без этих формальных доказательств Хрущев своего начальника ГРУ ни за что не отдал бы. (Кстати, обратите внимание: Пеньковского арестовали в октябре, а сняли Серова только в феврале. Выходит, как раз за этот период и получили от Пеньковского искомые показания без особого, полагаю, труда).

И когда осенью 1964-го Брежнев, Шелепин, Семичастный и прочие примкнувшие к ним окончательно решились низвергнуть Хрущева, встать на его защиту было уже некому. Ни в КГБ, ни в ГРУ, ни в армии у Первого секретари больше не осталось верных людей.

А через год, после того как утихли страсти, генерала Серова исключили из партии и окончательно списали в расход. Хорошо еще, не расстреляли, как большинство его предшественников.

Времена уже были другие...

...Все то время, пока разбирал я записи Серова, копался в этой фантазмагоричной истории, мне долго не давало покоя гнетущее чувство дежа-вю. Будто нечто подобное я где-то уже читал или слышал.

И только потом меня осенило. Дело Колаковского — русского разведчика, с чьей помощью свалили военного министра Сухомлинова. Вот предтеча дела Серова.

Для тех, кто не помнит этой хрестоматийной истории, — краткий экскурс.

Первая мировая война. Сотрудник военной разведки поручик Яков Колаковский под видом пехотного офицера сдается в германский плен. Немцы щупают окопника, допрашивают трое суток подряд, а потом, уверившись в его искренности, привозят в Генштаб, к какому-то генералу, и тот прямо с порога объявляет, что доверена ему великая честь.

Юлиан Семенов в книге документальных очерков «Без единого выстрела» так описывает этот инструктаж:

«Мы подвигаем вас на террор — именно вы должны будете застрелить великого князя, и, наконец, мы вам доверяем ценнейшее наше приобретение — жизнь и честь друга: имя друга — Мясоедов; звание — полковник жандармерии; кличка в нашей разведке — „Шварц“, оклад — сорок тысяч марок в год».

(Так и тянет добавить: рост — 177 сантиметров, глаза — карие, агентурный номер — 1445, завербован — 23 марта 1904 года, характер нордический, стойкий, рабочее дело агента прилагается).

Жандармский полковник Мясоедов фигурой был приметной. Его называли самым близким человеком к тогдашнему военному министру, царскому любимцу Сухомлинову. По сухомлиновской протекции Мясоедова прикомандировали к контрразведывательному отделу Генштаба, однако

истинные патриоты давно подозревали обоих — и Мясоедова, и Сухомлинова — в двурушничестве. Либеральные листки регулярно обвиняли генерала с полковником в германофильстве, намекали на их подозрительные шашни, уличали в издоимстве и стяжательстве. Но все это были только слова.

Но тут — о чудо! — неубиенные доказательства сами плывут в руки. Немцы якобы дают Колаковскому пароль и явку к Мясоедову-Шварцу. После чего тот возвращается в Россию и сдает предателя. Уже на другое утро Мясоедова — в обход министра — арестовывают. Взрывается скандал. Сухомлинова отправляют в отставку. Мясоедова по приговору Варшавского трибунала казнят.

«Утечка информации из святая святых России была остановлена мужеством, умом и достоинством русского военного офицера Якова Колаковского», — заключает Юлиан Семенов.

Похожи две эти истории? По-моему, очень, хоть и разделяют их полвека.

Как и в деле с Серовым, улики против Мясоедова выглядели весьма сомнительно и примитивно. Но кто станет разбираться в пылу национального скандала: шуба-то была!

Замечательный историк-популяризатор Александр Бушков очень точно передает сомнения всех, кто соприкасался с историей Мясоедова.

«Представим, что году в сорок четвертом „смершевцы“ вербанули на скорую руку немецкого фельдфебеля и отправили его за линию фронта посчитать танки дивизии „Викинг“. А заодно лягнули:

— Да, будешь в Берлине, зайди к штандартенфюреру Штирлицу. Никакой он не Штирлиц, а наш человек, полковник Исаев, если что, вы там с ним вместе за Борманом последите...».

Если верить официальным данным, Олег Пеньковский был расстрелян 16 мая 1963-го — через 2 дня после окончания суда. «Советские люди единодушно одобрили приговор» («Известия» от 29 мая 1963 г.).

Такая спешка посеяла у многих на Западе сомнения в правдивости официальной информации. Главному военному прокурору А. Горному пришлось даже публично, через печать, выступить с опровержениями.

«Бульварные газеты Запада идут на чудовищную ложь и фантастические измышления, — заявил он в интервью „Известиям“, — Английская реакционная газета „Санди телеграф“ 19 мая писала: „Западные официальные лица в Москве считают, что смертный приговор Олегу Пеньковскому — чистейшая липа. Как выразился один дипломат, казнь Пеньковского состояла в том, что его паспорт уничтожили, а взамен ему выдали другой“.

Это сообщение — бесстыдная газетная липа. Пеньковский мертв. Приговор приведен в исполнение... Он встретил смерть, как презренный трус».

Впоследствии на смену этим слухам пришли новые. Якобы Пеньковского не просто расстреляли, а даже сожгли живьем в топке, как красного партизана Лазо: в назидание будущим предателям. Немалую лепту в создание огненной легенды внес дважды коллега Пеньковского: перебежчик из ГРУ Владимир Резун, более известный под литературным псевдонимом Виктор Суворов.

В своей книге «Аквариум» он почти документально воспроизвел якобы виденную им пленку с записью казни.

«Крупным планом камера показывает лицо живого человека. Лицо совершенно потное. Жарко у топки... Человек туго прикручен стальной проволокой к медицинским носилкам, а носилки поставлены к стене на ручки так, чтобы человек мог видеть топку...

...Двери топки разошлись в стороны, озарив белым светом подошвы лакированных ботинок. Человек старается согнуть ноги в коленях, чтобы увеличить расстояние между подошвами и ревущим огнем. Но и это ему не удается... Вот лаковые ботинки в огонь пошли. Два первых кочегара отскакивают в сторону, два последних с силой толкают носилки в глубину...».

Впечатляющая картина. Чем-то схожи они с жуткими рассказами самого Пеньковского, который на голубом глазу описывал своим кураторам средневековые нравы Лубянки:

«В нем (в здании КГБ. —

Прим. авт .) семь подземных этажей, на седьмом, самом нижнем, есть камеры, в которых русских людей — выдающихся личностей, патриотов, мудрецов — отдают на съедение крысам... Там находится специальная комната со стеклянными стенами. Кого не могут сломать... или не подписывает признание, помещают в эту комнату. Сквозь стену проведены гладкие пластиковые трубы, через которые пускают десятки крыс, бросающихся на человека. А они кричат ему в микрофон: „Ну что, теперь скажешь, на кого работаешь?“».

(Должен признаться: мне не раз доводилось бывать на Лубянке, в том числе ходить по подземному переходу между двумя зданиями, но семи этажей вниз я что-то не заметил).

Про чекистскую инквизицию — это, конечно, чушь.

А вот насчет чудесного спасения его и прочую «бесстыдную газетную липу»...

Если версия моя хоть в какой-то степени близка к истине и Пеньковский в самом деле был агентом КГБ, такой исход истории вполне возможен.

А в чем проблема?

Сымитировать его казнь? Пара пустяков: выдали новые документы, состряпали липовую справку о приведении приговора в исполнение, да и дело с концом.

Мне, правда, могут возразить, что Пеньковский личностью был приметной, его портрет из зала суда обошел все мировые газеты.

Ну так что с того?

Во-первых, на фотографии он сам на себя мало похож: ретушеры постарались на славу. А во-вторых, изменить человеку внешность КГБ мог так же легко, как и выписать новый паспорт. Чего стоит одна только история знаменитого Луиса Корвалана, генсека компартии Чили, которого в 1977-м вытащили из пиночетовских застенков, обменяв на диссидента Буковского.

О спасении Корвалана известно каждому. А вот о том, что случилось с этим пламенным коммунистом через пару лет, знают единицы.

И правильно. Ибо решение Политбюро ЦК КПСС № П-95/65 от 27 января 1983 года о проведение операции «Доминго» имело гриф «Совершенно секретно». И по плану этому в августе 1983-го Корвалан был отправлен обратно в Сантьяго для ведения подпольно-подрывной работы.

А уж Корвалан был явно поприметнее Пеньковского. На родине его знала в лицо каждая собака. И ничего: даже секретарша, проработавшая с ним бок о бок уйму лет, встретив, не признала своего бывшего патрона.

Потому как советская косметология умела творить чудеса, внешность Корвалану изменили до неузнаваемости, а липовые документы — на имя колумбийца Луиса Артуро Переса — сделаны были так, что и комар носа не подточит.

Так что не удивлюсь, если однажды подобные материалы о сверхсекретной операции КГБ... ну, допустим, «Каррерас» или там «Паваротти»... обнаружатся в каком-то запыленном спецхране. И из них мы узнаем правду о четвертой, подлинной жизни супершпиона XX века, спасителя планеты от Третьей мировой.

А может — чем черт не шутит — он до сих пор еще жив и мирно заканчивает свои дни, подстригая розовые кусты на подмосковном участке.

Почему бы и нет? Ведь сейчас, когда я пишу эти строки, Пеньковскому было бы всего восемьдесят семь.

Для супершпиона возраст практически юный...

Михаил Мягков. И. Серов глазами историка

Имя первого председателя КГБ СССР Ивана Александровича Серова в начале 1960-х годов достаточно быстро выпало из поля зрения широкой общественности и вновь стало обращать на себя внимание лишь сравнительно недавно.

Процесс рассекречивания архивных документов ЦК КПСС, выход публикаций бывших сотрудников органов госбезопасности и различные телепередачи, посвященные сталинскому и хрущевскому периоду нашей истории, сделали Серова в массовом сознании одним из главных соучастников в организации репрессий. Его взаимоотношения с И. В. Сталиным, Л. П. Берией, Н. С. Хрущевым, Н. А. Булганиным, В. С. Абакумовым, Г. К. Жуковым и др. рассматривались почти исключительно через призму тайных интриг, сокрытия преступлений режима, своекорыстия влиятельного сподвижника вождей.

Реальный вклад И. А. Серова в дело обороны и защиты национальных интересов государства отодвигался на задний план. Общее впечатление о нем создалось весьма предвзятое — не мог же столь высокий чин периода беззаконий действительно думать о безопасности страны, когда он, прежде всего, был занят собственной карьерой.

Однако было бы несправедливо применять в историографии исключительно черные и белые тона в отношении таких неоднозначных личностей. Если бы все фигуры, прошедшие через сталинскую школу выживания, походили на Малюту Скуратова, то вряд ли случилась бы у нас «оттепель» конца 1950-х — начала 1960-х годов, не состоялись бы лидеры, стремившиеся обновить государство, а советские люди не услышали бы из уст руководителя партии разоблачений культа вождя.

Что мы собственно знаем о генерале Серове? Родившись в Вологодской губернии в 1905 году, рано вступил на путь, избранный тогда многими молодыми людьми. Новая политическая и военная элита формировалась в это время из наиболее активной части населения, выброшенной наверх революцией и социальными преобразованиями. После школы Иван Серов стал курсантом, служил в артиллерии. В 1939 году, после молоха ежовских репрессий, в связи с нехваткой кадров был направлен на руководящую работу в НКВД, где быстро продвинулся. Менее чем через год он был назначен наркомом внутренних дел Украинской ССР (второй по величине и значению союзной республики). Организовывал советизацию Западной Украины в момент ее присоединения к СССР, там же сошелся с Хрущевым и уже в

1941 году стал заместителем наркома госбезопасности. Одновременно Серов — доверенное лицо Бериин.

Во время Великой Отечественной войны занимался вопросами охраны тыла под Москвой, участвовал в обороне Кавказа, выселял народы, обвиненные в «сотрудничестве» с врагом, и работал уполномоченным НКВД на 1-м Белорусском фронте. После войны на ответственных постах в Германии, заместитель министра внутренних дел и, наконец, после смерти Сталина — председатель КГБ. С Серовым связаны и подавление восстания в Венгрии в 1956 году, и преследование политических неблагонадежных лиц.

Забота о персональной безопасности первого секретаря ЦК КПСС также являлась одной из его главных задач. Хрущев вспоминал впоследствии, что доверял Серову, считал, что он «честный человек в своей партийности». Если у него были серьезные грехи в прошлом, то такие же скелеты в шкафу можно было найти у всех других сотрудников органов безопасности. Важно было то, что Серов помогал Хрущеву утвердиться у власти летом 1953 года и способствовал разгрому т. н. «антипартийной группы» в 1957 году. Тем не менее, это не помешало первому секретарю убрать Серова с поста председателя КГБ и перевести его на руководство Главным разведывательным управлением.

Хрущеву нужно было обновление кадров и новый имидж органов госбезопасности, подчеркивающий реформаторскую деятельность самого руководителя партии. Дело офицера ГРУ О. Пеньковского, оказавшегося вражеским шпионом, окончательно пустило под откос карьеру Серова. Его разжаловали и отправили в отставку. Дальнейшие прошения о реабилитации вызывали в высших партийных кругах и в КГБ только эффект отторжения.

Вот, пожалуй, главное, что мы выносим из изучения его официальной и полуофициальной биографии. Но у внимательного исследователя все равно оставались вопросы к подлинной анкете бывшего председателя КГБ, умершего в 1990 году.

Не давала покоя и информация, что Серов после своего увольнения занимался написанием мемуаров. Насколько это могло оказаться правдой? И где могут храниться его воспоминания? В архивах госбезопасности? В семье? Спрятанными в тайниках?

Такой поворот дела заставлял выдвигать версии — а что если в этих мемуарах мы найдем ответы на сложнейшие вопросы нашей новейшей истории? Ведь Серов был причастен ко многим государственным секретам и мог рассказать в деталях о непростых хитросплетениях нашей внутренней и внешней политики. Не будут ли его воспоминания, зафиксированные на бумаге, взрывом бомбы на историческом пространстве?

И вот, наконец, спустя 25 лет после смерти Серова его наследники обнаружили ранее неизвестные дневники и записи бывшего председателя КГБ и начальника ГРУ. Теперь стало понятно, что мы получили новые свидетельства о нашей героической и трагической эпохе, взлетах и падениях ее действующих персоналий. Рукописи не сгорели — это очевидный факт.

Основная часть записей относится к кануну, ходу и последствиям Второй мировой войны. Ученые и люди, интересующиеся историей, действительно не останутся разочарованы. Детали событий и личные впечатления, описанные автором, вносят существенный вклад в изучение этого периода. Достаточно сказать, что, встречаясь со Сталиным, Серов внимательно наблюдал за манерой его поведения, фиксировал отношение вождя к давним соратникам и незнакомым людям. Как результат, это может помочь более рельефно представить механизм принятия решений хозяином Кремля, а также дополняет историографию многими, ранее неизвестными деталями. (В их числе, например, планы Сталина по осушению Каспийского моря или подробности его вмешательства в схватку между Серовым и его заклятым врагом, министром госбезопасности Абакумовым).

Серов, судя по его записям, свидетель и участник многих ключевых моментов эпохи. Борьба с украинскими националистами и польским подпольем на вновь присоединенных территориях, проработка разведывательной информации о нападении Германии, эвакуация и уничтожение предприятий с началом войны, подготовка к подрыву Москвы на случай сдачи, поведение военачальников непосредственно на фронте, разведывательная и контрразведывательная деятельность в годы войны и в послевоенной Германии — все это проходило через его глаза и подвергалось анализу.

Существенные дополнения к описанию боевой обстановки на театрах войны в 1941–1945 годах могут внести его оценки (хотя порой и субъективные) поведения Л. З. Мехлиса, Л. П. Берии, командующих фронтами И. В. Тюленева, К. К. Рокоссовского, К. А. Мерецкова, А. И. Еременко, А. Д. Черняховского, Г. К. Жукова. Серов подробно вспоминает о руководимых им операциях по депортации целых народов из Крыма, Поволжья и с Северного Кавказа и, кстати, приводит свои соображения о реальных инициаторах этих решений.

Он участвует в задержании руководителей польской Армии Крайовой и разгроме ее подпольных резидентур, нисколько не сомневаясь в правильности подобного решения в той военной и политической ситуации. Свидетельства о вражеских военачальниках, таких как Ф. Паулс и В. Кейтель, и людях из непосредственного окружения Гитлера, с которыми ему тоже пришлось соприкоснуться, — еще один важный источник о настроениях, существовавших в германской армии.

Чрезвычайно интересны записи Серова о визите Верховного главнокомандующего на фронт летом 1943 года. Здесь приводятся детали устройства быта Сталина во время этой поездки, выбора помещений для его ночлега, поведения вождя, его общения с охраной, военачальниками, прислужгой. Именно тогда в д. Хорошево под Ржевом было принято решение о проведении первого за время войны салюта в честь освобождения Орла и Белгорода. Сейчас в том доме, где отдавался знаменитый приказ, Российское военно-историческое общество создало музей, посвященный событиям на Калининском фронте в августе 1943 года.

Автор — активный участник поисков и опознания трупов Гитлера и Геббельса в поверженном Красной Армией Берлине. Его данные, сопоставленные с уже имеющимися архивными материалами и воспоминаниями, еще раз доказывают несостоятельность всяких домыслов о якобы исчезновении нацистских руководителей под носом у советских войск.

Послевоенный период жизни Серова также насыщен событиями, во многом формировавшими внутреннюю и внешнюю политику СССР, обеспечивавшими его оборонную мощь. Сфера его деятельности весьма обширна — от вывоза немецких ученых, причастных к ядерным технологиям, из Германии и восстановления ракетного производства до строительства Волго-Донского канала.

Как первый председатель КГБ он был в курсе многочисленных интриг внутри советского руководства, был допущен к тайнам внешней и внутренней политики, участвовал и в работе по реабилитации невинно осужденных людей, и уничтожении многих компрометирующих документов, связанных со сталинским временем. Серов раскрывает многие подробности ряда ключевых операций МГБ-КГБ, включая атомный шпионаж. Пожалуй, он ставит точку и в одной из самых главных тайн XX века: его рассказ о деле Рауля Валленберга, пропавшего после задержания «СМЕРШем» в 1945 году, основанный на документах и свидетельствах очевидцев, без преувеличения можно назвать сенсацией.

Небезынтересны будут воспоминания Серова о развитии Карибского кризиса 1962 года. Будучи начальником Главного разведуправления, он оказался тогда на пульсе событий по принятию решений, позволивших избежать атомной войны и вывести советские ракеты с Кубы. Богатую пищу для дискуссий наверняка вызовут и откровения автора по поводу

истинного лица сотрудника ГРУ О. В. Пеньковского, обвиненного в шпионаже в пользу американцев и англичан и впоследствии расстрелянного. Тот, из-за кого, в конце концов, и пострадал Серов, по его убеждению, являлся агентом КГБ, специально подставленным Лубянкой как канал дезинформации!

Итак, перед нами субъективный взгляд на события 1930-1960-х годов, который принадлежит человеку, являвшемуся неотъемлемой частью своей эпохи. Его оценки порой непросто принять, они, вероятно, вызовут не только дискуссии, но и осуждение. Более того, как и многие мемуары, дневники и записи Ивана Александровича Серова волей-неволей оправдывают автора.

Мы должны помнить это, но, тем не менее, пытаться сопоставлять уже имеющийся багаж знаний с новыми данными и делать выводы. В этом залог правдивого и объективного освещения прошлого, особенно такого сложного, как история XX века.

Однако перед нами и воспоминания человека, который несмотря ни на что был беззаветно предан своему главному делу — защите Родины, отличался личной храбростью и решительностью, сам поднимал в атаку солдат и многократно рисковал жизнью.

Несомненен его вклад в Победу: генерал Серов стоял у истоков создания партизанского движения, организации разведывательно-диверсионных действий на захваченной территории, с его именем связано наведение порядка в прифронтной зоне в тяжелейшие для Москвы дни осени 1941 года, а также оборона горных кавказских перевалов в 1942 году. По решению ГКО он регулярно направлялся на самые горячие участки фронта, включая блокадный Ленинград, осажденные Сталинград, Харьков, Донецк. За мужество, проявленное в ходе Берлинской операции, был удостоен звания Героя Советского Союза.

Конечно, исследователи и далее будут находить в поведении Серова неприглядные страницы. Но история нашей страны, представленная в данном случае глазами видного руководителя спецслужб, должна не только учить, но и предостерегать от необдуманных поступков. И, кроме того, мы не имеем права растерять по дороге все то положительное, что было достигнуто нашими предшественниками. Это наше наследие, которое во многом формирует будущее.

Михаил Мягков,

Научный директор

Российского военно-исторического общества,

доктор исторических наук

Прохождение службы в Советской Армии, органах МВД и Госбезопасности

Перечень наград И. Серова

Орден Ленина — 26 апреля 1940 г, (за организацию и руководство операциями по борьбе с

украинскими и польскими националистами).

Знак Заслуженный работник НКВД — 28 июня 1941 г. (за успешное выполнение заданий по борьбе с контрреволюционными формированиями в Западных областях УССР).

Орден Ленина — 13 декабря 1942 г. (за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество).

Медаль «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени — 9 июля 1943 г. (за организацию партизанского движения).

Медаль «За оборону Сталинграда» — 1 июля 1943 г.

Орден Красного Знамени — 20 сентября 1943 г. (за успешное выполнение задания Правительства).

Орден Суворова 1-й степени — 8 марта 1944 г. (за выполнение особого задания Государственного Комитета Обороны СССР: участие в операции по выселению народов Кавказа; лишен вместе с другими награжденными Указом ПВС СССР от 4.04.1962 г.).

Орден Красного Знамени — 7 июля 1944 г. (за выполнение особого задания Правительства: организация депортации крымских татар; Указ отменен в 1962 г.).

Медаль «За оборону Москвы» — 4 июля 1944 г.

Медаль «За оборону Кавказа» — 10 августа 1944 г.

Орден Кутузова 1-й степени — 24 апреля 1945 г. (за участие в борьбе с фашистскими захватчиками на 1-м Белорусском фронте).

Звание Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» — 29 мая 1945 г. (за героическое и мужественное руководство наступательными операциями при взятии г. Берлина; лишен звания 12 марта 1963 г.).

Медаль «За Победу над Германией» — 15 июня 1945 г.

Медаль «За взятие Берлина» — 27 октября 1945 г.

Орден Польской Народной Республики «Виртути милитари» 4-й степени — 24 апреля 1946 г. (посмертно лишен указом Президента Польской республики в 1995 г.).

Медаль «За освобождение Варшавы» — март 1946 г.

Орден Красного Знамени — август 1950 г. (за безупречную 25-летнюю службу в Советской Армии и органах МВД).

Орден Ленина — 19 сентября 1952 г. (за выполнение задания Правительства по строительству Волго-Донского канала).

Орден Ленина — май 1955 г. (за безупречную 30-летнюю службу в Советской Армии и органах КГБ).

Орден Ленина — 25 августа 1955 г. (за заслуги перед Советским Государством и в связи с 50-летием).

Орден Польской Народной Республики «Крест Грюнвальда» 2 класса — 11 ноября 1955 г. (за боевые действия по освобождению Польши).

Орден Красного Знамени — декабрь 1955 г. (за успешное выполнение задания Правительства; обеспечение безопасности в ходе зарубежных поездок руководителей государства).

Медаль ПНР «За Варшаву. 1939–1945» — 27 декабря 1955 г.

Медаль ПНР «За Одру, Нису и Балтику» — 27 декабря 1955 г.

Орден Кутузова I степени — 18 декабря 1956 г. (за выполнение особого задания Правительства и ЦК КПСС: подавление Венгерского восстания).

Орден ГДР «За заслуги перед Отечеством» (золотой) — 8 мая 1959 г.

Орден «Отечественной войны» 1-й степени — 11 марта 1985 г. (в связи с 40-летием Победы).

Основные даты жизни И. Серова

1905

26 августа — родился в д. Афимское Кадниковского уезда Вологодской губернии. 1916

май — окончил начальную сельскую школу. 1922

15 сентября — принят бойцом отдельной роты ЧОН при Кадниковском Укоме РПК(б). 1923

Вступает в РКСМ.

май — окончил Кадниковскую школу 2-й ступени.

май — назначен зав. избой-читальней с. Покровское Кадниковского уезда, сентябрь — избран секретарем сельсовета д. Замошье. 1924

Избран делегатом Вологодского губернского съезда Советов депутатов трудящихся. 1925

январь — принят в члены РКП(б).

7 августа — зачислен курсантом Ленинградской пехотной школы РККА. 1928

30 октября — окончил пехотную школу. Назначен командиром взвода 66 стрелкового полка 22 стрелковой дивизии (Северо-Кавказский округ, г. Краснодар). 1931

1 января — слушатель курсов усовершенствования артиллерийского командного состава (АКУКС).

1 июня — назначен командиром топографического взвода 9 корпусного артиллерийского полка (Северо-Кавказский округ, г. Каменск).

27 сентября — и. о. командира разведбатареи 9 артполка. 1932

19 марта — женитьба на Вере Абрамовой. 1933

24 января — рождение сына Владимира.

28 марта — назначен командиром топоватареи.

декабрь — назначен врид начальника штаба 9 артполка (Киевский военный округ, г. Винница).

1934

17 февраля — зачислен слушателем Военно-инженерной академии РККА. 1936

13 января — направлен на дальнейшую учебу в Военную академию РККА им. М. В. Фрунзе.
1939

январь — в составе группы выпускников Военных академий направлен для прохождения службы в органы НКВД.

13 февраля — назначен зам. начальника, а затем начальником Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР.

15 февраля — присвоено звание майора ГБ.

30 апреля — присвоено звание старшего майора ГБ.

29 июля — назначен зам. начальника ГУГБ НКВД СССР — начальником 2-го (секретно-политического) отдела ГУГБ.

8 августа — впервые вызван в кабинет к Сталину.

2 сентября — назначен наркомом внутренних дел УССР.

4 сентября — присвоено звание комиссара ГБ 3 ранга.

сентябрь-ноябрь — руководство оперативно-чекистскими мероприятиями в ходе присоединения Западной Украины.

19 октября — рождение дочери Светланы. 1940

26 апреля — удостоен первой в жизни госнаграды: ордена Ленина «за организацию и руководство операциями по борьбе с украинскими и польскими националистами».

июнь-июль — руководство оперативной группой НКВД УССР в ходе присоединения к СССР территории Бессарабии и Западной Буковины.

17 мая — избран членом Политбюро ЦК КП(б) Украины. 1941

5 января — избран депутатом Верховного Совета СССР от Ворошиловградской области.

15 февраля — избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

17 апреля — переведен в Москву, в ходе разделения НКВД на два наркомата назначен зам. наркома госбезопасности СССР.

май — командирован в Прибалтику для организации зачистки «антисоветского, уголовного и социально опасного элемента».

28 мая — награжден знаком Заслуженный работник НКВД (№ 00020) за успешное выполнение заданий по борьбе с контрреволюционными формированиями в Западных областях УССР.

25 июня — назначен ответственным за охрану тылов Красной Армии.

31 июля — при повторном слиянии НКВД и НКГБ переназначен зам. наркома внутренних дел СССР. Будет находиться в этой должности вплоть до 1947 г.

август — назначен членом Военного Совета ВВС.

август-сентябрь — руководит операцией по выселению немцев Поволжья.

сентябрь — командировка в осажденный Ленинград.

сентябрь — направлен в Харьков для наведения порядка и подготовки взрыва угольных шахт.

8 октября — постановлением ГКО СССР назначен руководителем «пятерки», созданной для минирования и уничтожения особо важных объектов Москвы в случае сдачи города.

13 октября — назначен начальником охраны НКВД Московской зоны.

28 декабря — поручено наблюдение за работой лагерей по проверке и фильтрации «окруженцев». 1942

апрель-май — командирован на Крымский фронт.

май — командирован в г. Архангельск.

август — командирован в осажденный Сталинград.

август-декабрь — участие в обороне Кавказа, контузия.

13 декабря — награжден орденом Ленина за участие в боях на Северном Кавказе и оборону горных перевалов. 1943

январь-февраль — руководит борьбой с бандподпольем на Кавказе.

4 февраля — присвоено звание комиссара ГБ 2 ранга.

февраль — направлен в Сталинград для организации лагерей для военнопленных, июнь — по решению ГКО СССР вылетел для проверки аэропортов и персонала трассы «АлСиб» (Москва-Красноярск-Уэлькаль).

1 июля — награжден медалью «За оборону Сталинграда».

9 июля — награжден медалью «Партизану ВОВ» 1 степени «за организацию партизанского движения».

2-4 августа — вместе с И. Сталиным выезжал на Калининский фронт.

20 сентября — награжден орденом Красного Знамени «за успешное выполнение задания Правительства».

ноябрь — готовил и организовывал массовую депортацию карачаевцев, декабрь — командировка на Памир, на границу с Ираном и Афганистаном.

28-29 декабря — руководил операцией по выселению калмыков. 1944

февраль-март — участвовал в депортации чеченцев.

8 марта — награжден орденом Суворова 1-й степени «за выполнение особого задания ГКО СССР» (операция по выселению народов Кавказа).

март — направлен на Западную Украину для организации борьбы с украинскими националистами (УПА).

май — организация депортации крымских татар.

7 июля — награжден орденом Красного Знамени «за выполнение особого задания Правительства» (организация депортации крымских татар).

июль-август — организация борьбы с частями подпольной «Армией Крайовой» на освобожденной территории, захват руководителей АК.

август — борьба с литовским националистическим подпольем.

сентябрь — назначен Уполномоченным НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту.

7 октября — направлен Сталиным в г. Крайову (Румыния) в ставку И. Тито для наведения в городе порядка.

октябрь — направлен в Люблин (Польша) для спасения членов просоветского польского правительства (ПКНО). 1945

11 января — назначен советником НКВД СССР при министерстве общественной безопасности Польши.

март — руководит операцией по захвату руководителей польского антисоветского подполья.

21 апреля — с передовыми частями 1-го Белорусского фронта входит в Берлин.

24 апреля — награжден орденом Кутузова 1-й степени за участие в борьбе с фашистскими захватчиками на 1-м Белорусском фронте.

2 мая — назначен зам. командующего войсками 1-го Белорусского фронта по делам гражданской администрации.

8 мая — участвует в церемонии подписания капитуляции Германии.

29 мая — присвоено звание Героя Советского Союза «за героическое и мужественное руководство наступательными операциями при взятии г. Берлина» (с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда»).

6 июня — назначен заместителем Главного начальствующего СВАГ по делам гражданской администрации.

4 июля — назначен уполномоченным НКВД ССР по ГСОВГ.

9 июля — присвоено звание генерал-полковника.

17 июля — 2 августа — участвует в обеспечении безопасности Потсдамской конференции. 1946

10 февраля — избран депутатом Верховного Совета СССР 2-го созыва по Гомельскому округу.

22 апреля — переназначен зам. министра внутренних дел СССР в ходе административной реформы правительства.

24 апреля — награжден польским орденом «Виртути милитари» 4-й степени (посмертно лишен указом Президента Польской республики в 1995 г.).

13 мая — включен в состав Спецкомитета по реактивной технике при СМ СССР (с 1947 г. — Комитет № 2 при СМ СССР.).

ноябрь — организация отправки в СССР немецких ученых и инженеров для нужд оборонной промышленности. 1947

24 февраля — назначен первым зам. министра внутренних дел СССР и отозван из Германии в СССР.

14-30 октября — в составе госкомиссии находился на испытаниях первых советских баллистических ракет в Капустином Яру. 1948

31 января и 8 февраля — пишет Сталину письма с просьбой защитить от нападок министра госбезопасности Абакумова. 1949

23 декабря—13 января 1950 г. — руководил комиссией по расследованию взрывов в магаданском порту. 1950

август — награжден орденом Красного Знамени. 1952

8 марта — по распоряжению правительства командирован для руководства строительством Волго-Донского канала, где находился вплоть до его сдачи 1 июня.

12-19 июля — вновь откомандирован на Волго-Донской канал для устранения последствий аварии.

19 сентября — награжден орденом Ленина за строительство Волго-Донского канала.

14 октября — переизбран кандидатом в члены ЦК КПСС. 1953

2-5 февраля — вылетал для расследования причин пожара на Уфимском НПЗ.

6 марта — возглавил штаб по обеспечению порядка в Москве, в связи с похоронами И. Сталина.

11 марта — назначен 1-м зам. министра объединенного МВД под руководством Л. Берии.

10—21 июня — командирован в Ленинград для организации борьбы с бандитизмом и преступностью.

26 июня — проводит задержание личной охраны Берии. 1954

13 марта — назначен председателем КГБ при СМ СССР.

18 марта — утвердил структуру центрального аппарата КГБ.

19 марта — совместно с генпрокурором, министрами внутренних дел и юстиции направил записку в Президиум ЦК КПСС о массовом пересмотре дел осужденных за «контрреволюционные преступления», положившую начало реабилитации.

13-17 сентября — участвовал в испытаниях первой советской атомной бомбы на Тоцком полигоне.

28 сентября-19 октября — в составе правительственной делегации находился в КНР. 1955

27 февраля — избран депутатом Верховного Совета РСФСР по Сталинградскому округу.

май — награжден орденом Ленина.

26 мая-5 июня — в составе правительственной делегации вылетал в Югославию, Болгарию, Румынию.

16-24 июля — командировка в Женеву.

8 августа — присвоено звание генерала армии.

25 августа — награжден орденом Ленина в связи с 50-летием.

11 ноября — награжден польским орденом «Крест Грюнвальда» 2 класса.

17 ноября-19 декабря — в составе правительственной делегации совершил визит в Индию, Бирму, Афганистан.

31 декабря — награжден орденом Красного Знамени (за успешное обеспечение безопасности в ходе зарубежных поездок руководителей государства). 1956

январь — работа над подготовкой антисталинского доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС.

25 февраля — избран членом ЦК КПСС.

22-28 марта — вылетал в Лондон для подготовки правительственного визита.

октябрь-ноябрь — руководит подавлением венгерского восстания.

18 декабря — награжден орденом Кутузова 1-й степени за подавление беспорядков в Венгрии. 1957

6-13 июня — в составе правительственной делегации посещает Финляндию.

18-22 июня — активно действует на стороне Хрущева при попытке его свержения (т. н. «заговор антипартийной группы»). 1958

16 марта — избран депутатом Верховного Совета СССР 5-го созыва от Воронежской области.

8 декабря — назначен заместителем начальника Генштаба ВС СССР по разведке — начальником ГРУ. 1959

8 мая — награжден золотым орденом ГДР «За заслуги перед Отечеством». 1961

17 октября — не переизбран в новый состав ЦК КПСС. 1962

4 апреля — лишен ордена Суворова 1-й степени за операцию по выселению народов Северного Кавказа в 1944 г.

22 октября — арест агента английской и американской разведки, полковника ГРУ О. Пеньковского. 1963

2 февраля — снят с должности начальника ГРУ и зам. начальника ГШ.

7 марта — «за потерю политической бдительности и недостойные поступки» понижен до звания генерал-майора.

12 марта — лишен звания Героя Советского Союза.

апрель — назначен помощником командующего войсками Туркестанского ВО по учебным заведениям и переведен из Москвы.

август — назначен помощником командующего войсками Приволжским ВО по учебным заведениям. 1965

9 апреля — исключен из КПСС.

1 сентября — уволен из армии в запас по болезни. 1985

11 марта — в связи с 40-летием Победы награжден орденом «Отечественной войны» 1-й степени. 1990

1 июля — умер в Москве.

Список сокращений

АК — Армия Крайова.

АССР — Автономная Советская Социалистическая республика.

ВВС — Военно-воздушные силы.

ВС — Военный Совет.

ВЧ — высокочастотная (закрытая) связь.

ГВФ — Гражданский воздушный флот.

ГОКО, ГКО — Государственный комитет обороны СССР.

ГСОВГ — Группа советских оккупационных войск в Германии.

КОВО — Киевский особый военный округ.

КП — командный пункт.

КПЗ — камера предварительного заключения.

КПК — Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

МБР — межбаллистическая ракета.

МИД — Министерства иностранных дел.

МВО — Московский военный округ.

НАТО (NATO) — Североатлантический военный альянс.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.

НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности.

НКО — Народный комиссариат обороны.

НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

НН — наружное наблюдение.

ОД — оперативный дежурный.

ОО — Особый отдел (военная контрразведка).

ОУН — Организация украинских националистов.

ПВО — Противовоздушная оборона.

ПКНО — Польский комитет народного освобождения.

РК — Районный комитет (партии).

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

СВАГ — Советская военная администрация в Германии.

СЕАТО (SEATO) — Организация Договора Юго-Восточной Азии.

СЕНТО (CENTO) — Организация Центрального Договора.

СМЕРШ — Главное управление контрразведки НКО СССР «Смерть Шпионам».

СНК — Совет народных комиссаров.

СПО — Секретно-политический отдел.

ТА — танковая армия.

ЦК — Центральный комитет.

Биографический указатель

Абакумов Виктор Семенович (1908–1954). — в органах НКВД с 1932 г. В 1938–1941 гг. начальник УНКВД Ростовской области. С февраля 1941 г. — зам. наркома внутренних дел СССР. С июля 1941 г. одновременно начальник Управления особых отделов НКВД. В 1943–1946 гг. — начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны СССР. В 1946–1951 гг. — министр госбезопасности СССР. Генерал-полковник. В июле 1951 г. арестован. Приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 19.12.1954 г.

Абель Рудольф Иванович (наст. имя — Вильям Генрихович Фишер, 1903–1971) — знаменитый советский разведчик-нелегал, полковник. С 1948 г. работал в США, добыл для СССР много ценнейшей информации. В 1957 г. был арестован. В 1962 г. обменян на сбитого над СССР пилота американского разведывательного самолёта Ф. Г. Пауэрса.

Абрамов Александр Никитич (1905–1973) — в 1953–1954 гг. — чрезвычайный и полномочный посланник СССР в Израиле, в 1954–1958 гг. — посол в Израиле.

Агаянц Иван Иванович (1911–1968) — в органах ОГПУ с 1930 г., с 1936 г. — во внешней разведке. В 1941–1945 гг. — резидент НКВД-НКГБ в Иране, затем — резидент МГБ в Париже. Впоследствии — начальник службы «А» (дезинформация) ПГУ, зам. начальника ПГУ КГБ, генерал-майор.

Аджубей Алексей Иванович (1924–1993) — зять Н. С. Хрущева, главный редактор «Комсомольской правды» и «Известий». После отставки тестя был смещен со всех постов, выведен из состава ЦК КПСС.

Аксман Артур (1913–1996) — немецкий нацистский политический деятель, руководитель молодёжной организации гитлерюгенд (1940–1945), рейхсляйтер (один из высших

функционеров НСДАП — 1940 г.). Был свидетелем последних минут Гитлера, заявлял, что видел труп Бормана. Арестован в ноябре 1945 г. американцами, осуждён судом на 3 года заключения.

Александров Александр Петрович (1906–1981) — в 1948–1951 гг. — начальник Красноармейского строительного района Управления строительства Волго-Донского судоходного канала МВД СССР. Впоследствии руководил строительством Цимлянской и Волгоградской ГЭС, дважды Герой Социалистического Труда (1952, 1961).

Алексахин — полковник Первого главного управления КГБ при СМ СССР. Ранее — сотрудник Бюро № 1 МГБ СССР (диверсии за рубежом).

Албогачиев Султан Измаилович (1906–1968) — в феврале 1941 г. — сентябре 1943 г, нарком внутренних дел Чечено-Ингушской АССР. Полковник.

Аманулла-хан (1892–1960) — в 1919–1929 гг. — афганский монарх, до 1926 г. — эмир, затем — король (падишах).

Андерс Владислав (1892–1970) — польский военный и политический деятель, дивизионный генерал. В 1939 г. раненым захвачен в плен советскими войсками, содержался во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. После установления союзнических отношений между Москвой и польским эмигрантским правительством был освобождён и возглавил формирование польской армии в СССР. Отданную под его командование армию вывел из СССР в Иран, после чего присоединился к британским войскам. Армия Андерса участвовала в боевых действиях в Италии. После войны пытался противодействовать установлению просоветского режима в Польше, был лишён польского гражданства. Жил и умер в эмиграции.

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971) — российский революционер, советский партийный и государственный деятель. В 1932–1952 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1938–1946 гг. — председатель Совета Союза Верховного Совета СССР, в 1939–1952 гг. — председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Андрианов Василий Михайлович (1902–1978) — советский государственный и партийный деятель. В 1949–1953 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б). В 1952–1953 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В 1953–1956 гг. — зам. министра государственного контроля СССР.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — советский государственный деятель. В 1954–1957 гг. — посол СССР в Венгрии, сыграл значимую роль в подавлении восстания. В 1957–1962 гг. — зав. отделом ЦК КПСС, в 1962–1967 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1967–1982 гг. — председатель КГБ при СМ, КГБ СССР. В 1982–1984 гг. — генеральный секретарь ЦК КПСС и Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1983–1984). Генерал армии, Герой Социалистического Труда (1974).

Антонеску Ион (1882–1946) — румынский государственный и военный деятель, фашистский лидер. В 1940 г. тогдашний король Румынии Кароль II под давлением военных вынужден был назначить Антонеску главой правительства, после чего тот заставил короля отречься от престола в пользу своего сына Михая. До августа 1944 г. был фактическим диктатором Румынии с титулом «кондукэтор» — аналогом немецкого «фюрер». Вступил в альянс с фашистской Германией. Был смещён королём Михаем, арестован и выдан советскому командованию. После войны отдан в Румынии под суд и приговорён к расстрелу как военный преступник.

Аполлонов Аркадий Николаевич (1907–1978) — в органах НКВД с 1939 г. С 1941 г. — начальник ГУВВ НКВД и начальник войск НКВД, в 1942–1948 гг. — зам. наркома (министра) внутренних дел по войскам. Одновременно в 1944–1946 гг. — начальник ГУВВ НКВД, в

мае-июле 1945 г. — уполномоченный НКВД в Восточной Пруссии. Генерал-полковник.

Аристов Аверкий Борисович (1903–1973) — советский партийный и государственный деятель. В 1952–1953 и 1957–1961 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В 1955–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1961–1971 гг. — посол СССР в Польше. В 1971–1973 гг. — посол СССР в Австрии.

Артемьев Павел Артемьевич (1897–1979) — в 1941–1947 и в 1949–1953 гг. — командующий войсками Московского военного округа. Командовал парадом на Красной площади 7.11.1941 года, генерал-полковник.

Аршава Иван Иванович (1905–1942) — командир 121-го горнострелкового полка 9-й горнострелковой дивизии 46-й армии. Погиб 18.08.1942 г. при обороне кавказских перевалов, посмертно награжден орденом Ленина. Майор.

Бааде Брунольф (1904–1969) — немецкий авиационный инженер-конструктор. В 1929–1939 гг. работал в США, затем был конструктором на заводах Юнкерса. После окончания войны согласился сотрудничать с советскими оккупационными властями, был назначен главным конструктором завода в Дессау, затем возглавлял ОКБ-1 по проектированию и освоению тяжелых самолетов в посёлке Ивановково (ныне входит в состав Дубны). В 1954 г. вернулся в ГДР.

Бадин Павел Иванович (1900–1942), в Красной армии с 1919 г. Во время ВОВ — на штабных должностях. С марта 1942 г. — зам. начальника Генштаба и одновременно начальник Оперативного управления. В июне-июле 1942 г. на него были возложены обязанности начальника штабов Юго-Западного и Сталинградского фронтов, в августе-ноябре — Закавказского фронта. Погиб при бомбежке. Генерал-лейтенант.

Байбаков Николай Константинович (1911–2008) — советский государственный деятель, В 1944–1946 и 1948–1955 гг. — нарком/министр нефтяной промышленности СССР В 1965–1985 гг. — председатель Госплана СМ СССР. Герой Социалистического Труда (1981).

Баксов Алексей Иванович (1907–1986) — советский военный деятель. В 1950–1954 гг. — исполняющий обязанности начальника штаба Московского района ПВО/Центрального округа ПВО. Участник ареста Л. П. Берии. В 1954–1955 гг, — начальник штаба Центрального округа ПВО. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1944).

Бандера Степан Андреевич (1909–1959) — лидер украинского национализма. В конце 1920-х-1930-е гг. занимался нелегальной деятельностью на территории Польши с целью создания независимого украинского государства. Являлся одним из руководителей ОУН — Организации украинских националистов. Неоднократно организовывал террористические акты. В 1936 г. вместе с двумя другими ОУНовцами был приговорён к смертной казни, заменённой пожизненным заключением. В 1939 г. оказался на территории, аннексированной Советским Союзом, благодаря чему вышел на свободу. Продолжил подпольную деятельность во Львове, однако вскоре перебрался в оккупированную Германией часть Польши. В июле 1941 г. арестован немцами, содержался в концлагере Заксенхаузен. В 1944 г. был выпущен в расчёте на то, что он поможет в организации украинских военных частей, воюющих на стороне Гитлера. После окончания Второй мировой войны жил на территории ФРГ. В 1959 г. был убит агентом КГБ.

Банников Сергей Григорьевич (1921–1989) — деятель советских спецслужб. В 1963–1967 гг. — зам. председателя КГБ при СМ СССР. Генерал-лейтенант.

Барабанов Василий Арсентьевич (1900–1964) — начальник Управления ИТЛ Волго-Донского судоходного канала МВД СССР, полковник. Герой Социалистического Труда (1952).

Барзани Мустафа (1903–1979) — лидер освободительного движения Курдистана. С юности участвовал в боевых действиях против английских и иракских властей. Значительную часть жизни провел в эмиграции. Добивался независимости для Курдистана.

Бармин Владимир Павлович (1909–1993) — советский учёный, конструктор реактивных пусковых установок, ракетно-космических и боевых стартовых комплексов. Один из основоположников российской космонавтики. В 1945 г, в составе группы специалистов изучал в Германии немецкую ракетную технику и оборудование для ее производства, работал в институте «Нордхаузен». С 1946 г. — начальник и главный конструктор ГСКБ «Спецмаш». Член Совета главных конструкторов, руководившего советским ракетостроением. Академик АН СССР (1966).

Барт Леонард (1892–1983) — сотрудник британской контрразведки, руководитель особого отдела Скотланд-Ярда.

Батицкий Павел Федорович (1910–1984) — советский военачальник. В 1953–1954 гг. — первый заместитель командующего войсками Московского военного округа. 23.12.1953 г. по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР по собственному желанию лично привёл в исполнение смертный приговор Л. П. Берии. В 1954–1965 гг. — командующий войсками Московского округа ПВО, Маршал Советского Союза (1968), Герой Советского Союза (1965).

Бежанов Григорий Акимович (1897–1955) — в органах ЧК с 1921 г. В 1944–1947 гг. — нарком (министр) госбезопасности Кабардинской АССР, одновременно в июне 1945 — сентябре 1946 гг. начальник оперсектора НКВД-МВД земли Тюрингия в советской оккупационной зоне, генерал-майор. Арестован в декабре 1947 г. по обвинению в мародерстве и злоупотреблении служебным положением в целях дискредитации И. Серова. 17.10.1951 г. осужден к 10 годам, 23.07.1953 г. реабилитирован, уволен в запас МВД.

Безрук Федор Тимофеевич — офицер КГБ, начальник личной охраны Н. А. Булганина.

Бельченко Сергей Саввич (1902–2002) — в органах ГПУ с 1927 г. В 1940–1941 гг. — начальник Белостокского УНКВД (УНКГБ). В 1943–1953 гг. — нарком (министр) внутренних дел Белоруссии. В 1956–1957 гг. — представитель КГБ в Венгрии, в 1957–1959 гг. — зам. председателя КГБ при СМ СССР, генерал-полковник.

Беляев Николай Ильич (1903–1966) — советский государственный и партийный деятель. В 1952–1961 гг. — член ЦК КПСС. В 1955–1958 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1956–1957 гг. — зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В 1957–1960 гг. — член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана.

Бёрджесс Гай (1911–1963) — английский журналист, ведущий «Би-би-си», агент Советской внешней разведки — английской МИ5 и советского НКВД, член «Кембриджской пятёрки». Спасаясь от провала, в 1951 г. вместе с Д. Маклином переправился в Советский Союз.

Берзарин Николай Эрастович (1904–1945) — советский военачальник. Во время ВОВ командовал армиями. Первый комендант взятого советскими войсками Берлина и начальник Берлинского гарнизона. Погиб в Берлине в авткатастрофе 16.06.1945 г. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1945).

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) — советский государственный и партийный деятель, один из создателей системы госбезопасности. В 1918–1920 гг. находился в революционном подполье. С 1921 г. в органах ЧК. В 1926–1931 гг. председатель ГПУ Грузии. В 1931–1938 гг. 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузии. С августа 1938 г. — зам. наркома, с ноября — нарком внутренних дел СССР (до декабря 1945 г.). Одновременно в 1941–1953 гг. — зам. председателя СНК (СМ) СССР. В годы ВОВ — член ГКО СССР (зам. председателя в

1944–1945). В 1945–1953 г. возглавлял Специальный комитет при СМ СССР, занимавшийся созданием ядерного оружия. После смерти И. Сталина в марте 1953 г. — назначен 1-м зам, председателя СМ СССР и министром внутренних дел СССР. С 1939 г. кандидат, в 1946–1953 гг. — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)/КПСС. Генеральный комиссар ГБ (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943). Арестован 26.06.1953 г. по обвинению в шпионаже и подготовке к перевороту, 23.12.1953 г. осужден и расстрелян с лишением званий и наград. Не реабилитирован.

Берлинг Зигмунд Хенрик (1896–1980) — польский военачальник, генерал брони Войска Польского. Был арестован сотрудниками НКВД в Вильно при вхождении Литвы в СССР. Содержался в лагерях для военнопленных. После нападения Германии на СССР обратился вместе с другими польскими офицерами с просьбой позволить им сражаться с фашистами. Был освобождён и назначен командиром 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко, выросшей впоследствии до корпуса, а затем до армии, воевавшей в составе 1-го Белорусского фронта.

Бернал Джон Десмонд (1901–1971) — английский физик и социолог науки, общественный деятель. Профессор Кембриджского и Лондонского университетов, член Лондонского Королевского общества. Вице-президент Всемирной федерации научных работников, Президент Всемирного Совета Мира (1959–1965); автор научных работ в области физики, кристаллографии и биохимии. Иностраннный член АН СССР (1958).

Берут Болеслав (1892–1956) — польский партийный и государственный деятель, коммунист. Во время Второй мировой войны работал в антигитлеровском подполье на территории Белоруссии и Польши. В 1944–1947 гг. — председатель Крайовой Рады Народовой. В 1947–1952 гг. — президент Польской Народной Республики.

Бете Ханс Альбрехт (1906–2005) — выдающийся американский физик-ядерщик и астрофизик немецкого происхождения, лауреат Нобелевской премии по физике (1967). Участник Манхэттенского проекта.

Бещев Борис Павлович (1903–1981) — в 1948–1977 гг. — министр путей сообщения СССР, Герой Социалистического Труда (1959).

Бирюзов Сергей Семенович (1904–1964) — советский военачальник. Во время ВОВ возглавлял штабы ряда армий, в 1943–1944 гг. — начальник штаба Южного фронта (с октября 1943 г. переименован в 4-й Украинский). После ВОВ командовал войсками ряда округов, Центральной группой войск. С 1955 г. — зам. министра обороны СССР, в 1955–1962 гг. — главком войск ПВО, в 1962–1963 гг. — командующий РВСН, с 1963 г. — начальник Генерального штаба. Погиб в авиакатастрофе. Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1958).

Биску Бела (род. 1921) — профессиональный партийный работник, проявивший себя в ходе волнений 1956 г. С февраля 1957 г. — министр внутренних дел Венгрии, затем — зам. председателя Совета Министров (1961–1962), секретарь ЦК ВСРП (1962–1978). Член Исполкома (Политбюро) ЦК ВСРП с ноября 1956 до 1980 г.

Блинов Афанасий Сергеевич (1904–1961) — с 1929 г. на службе в ОГПУ, с 1939 г. — начальник УНКВД/УНКГБ по Ивановской и Куйбышевской областям. С 1946 г. — заместитель министра госбезопасности СССР. После ареста Абакумова в августе 1951 г. уволен из органов, лишен звания генерал-лейтенанта.

Блинов Михаил Александрович (1909–1993) — в 1955–1963 гг. — генерал по особым поручениям при министре обороны СССР, генерал-лейтенант.

Блохин Василий Михайлович (1895–1955) — начальник комендатуры ОГПУ-НКВД-МГБ СССР

в 1926–1953 гг., руководил расстрелами заключенных, в т. ч. военнопленных поляков под Катынью (лично расстрелял около 700 человек). В 1953 г. уволен из органов МГБ, в 1954 г. лишен звания генерал-майора.

Богданов Семён Ильич (1894–1960) — советский военачальник. В 1943–1947 гг. — командующий 2-й танковой/2-й гвардейской танковой армией. Маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

Богоявленский П. И. (1902—?) — советский партийный деятель. В 1956–1961 гг. — помощник председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Бойцов Иван Павлович (1896–1988) — советский партийный деятель. В 1952–1961 гг. — член ЦК КПСС. В 1956–1961 гг. — зам./1-й зам. председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Боканов — зам. командующего ПВО; сведений о нем найти не удалось.

Болдин Иван Васильевич (1892–1965) — советский военачальник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Руководил крупными воинскими подразделениями во время присоединения к СССР Западной Белоруссии и Бессарабии. В ВОВ командовал армиями и фронтами, генерал-полковник.

Большаков Георгий Никитович (1922–1989) — советский военный разведчик. В ГРУ с 1943 г. В 1959–1962 гг. работал в США под журналистским прикрытием. Сыграл важную роль во время «Карибского кризиса», обеспечивая канал неформальной связи между Кремлем и Белым Домом (за счет контакта с братом президента Р. Кеннеди). Полковник.

Большаков Иван Алексеевич (1902–1980) — в ГРУ с 1937 г. С 1942 г. нач. 1-го (агентурного) управления ГРУ, в 1948–1949 гг. военный атташе в США, Затем служил вне ГРУ, возвращен в 1958 г.: начальник НИИ № 17 (1958–1959), секретарь парткома ГРУ (1959–1963). После отставки И. Серова — зам. начальника ГРУ по кадрам, генерал-лейтенант.

Борман Мартин (1900–1945) — политический деятель фашистской Германии, один из лидеров НСДАП, личный секретарь фюрера, рейхсминистр без портфеля, обергруппенфюрер СА. Ближайший соратник Гитлера, один из главных нацистских преступников. После самоубийства Гитлера и Геббельса пытался скрыться из окружённого Берлина, однако поняв, что это невозможно, принял яд. Его останки, найденные в 1973 г., были окончательно идентифицированы лишь в 1998 г. До этого считалось, что ему удалось скрыться, и Нюрнбергский трибунал заочно приговорил его к смертной казни.

Бородин Норман Михайлович (1911–1974) — в 1955–1961 гг. — начальник отдела 2 ГУ КГБ при СМ СССР, полковник.

Боулен Чарльз Юстис (1904–1974) — американский дипломат, в 1953–1957 гг. — посол США в СССР.

Бочков Виктор Михайлович (1900–1981) — советский государственный деятель, прокурор СССР в 1940–1943 гг. В 1930-е гг. был начальником Главного тюремного управления НКВД и начальником 4-го (Особого) отдела ГУГБ НКВД. Во время войны возглавлял Особый отдел Северо-Западного фронта. После войны — начальник Управления конвойных войск НКВД. В 1950-е гг. зам. начальника ГУЛАГ МВД СССР, с мая 1959 г. — в отставке, генерал-лейтенант.

Браун Вернер Магнус Максимилиан фон (1912–1977) — немецкий, а с конца 1940-х гг. — американский конструктор ракетной техники. Работая в Третьем рейхе, руководил разработкой ракет Фау-1, Фау-2, реактивных самолётов и других видов оружия. Для его нужд был построен гигантский научно-испытательный комплекс в Пенемюнде. С 1937 г. — член

НСДАП, с 1940 — офицер СС. В 1944 г. был арестован гестапо, но через две недели отпущен. 3 мая 1945 г. сдался американцам, был вывезен в США, где продолжал конструировать ракеты. В 1955 г. принял американское гражданство. Считается основоположником американской космонавтики.

Браун Ева Анна Паула (1912–1945) — гражданская и в последний день жизни — официальная жена А. Гитлера. Вместе с ним 30 апреля 1945 г. совершила самоубийство.

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) — советский государственный деятель. В 1952–1953, 1956–1960, 1963–1964 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1953–1954 гг. зам. начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1954–1955 гг. — второй секретарь ЦК КП Казахстана. В 1955–1956 гг. — первый секретарь ЦК КП Казахстана. В 1957–1966 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В январе-марте 1958 г. зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР В 1960–1964 и 1977–1982 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР. В 1964–1966 гг. — первый секретарь ЦК КПСС, в 1966–1982 гг. — генеральный секретарь ЦК КПСС. Маршал Советского Союза (1976), четырежды герой Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981), Герой Социалистического Труда (1961).

Броз Тито Иосип (1892–1980) — югославский военный и политический деятель, генеральный секретарь ЦК СКЮ, президент Югославии. С 1937 г. возглавлял югославскую компартию. С 1941 г. возглавлял партизанскую Народно-освободительную армию Югославии, сыгравшую главную роль в освобождении страны от фашистов. Был награждён орденом «Победа». В послевоенное время из-за отказа исполнять некоторые указания Сталина Тито был объявлен в Советском Союзе диктатором «фашистского типа». Хрущёв восстановил советско-югославские отношения, однако Тито продолжал вести собственную политику и успешно противостоял давлению со стороны СССР. Маршал (1943).

Будённый Семён Михайлович (1883–1973) — советский военачальник, герой Гражданской войны. В начале ВОВ командовал войсками Западного и Северо-Кавказского фронта, но после неудач был отозван. С 1943 г. — зам. наркома обороны СССР и одновременно командующий кавалерией Советской Армии. Трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968), полный Георгиевский кавалер. Один из первых маршалов СССР (1935).

Булганин Николай Александрович (1895–1975) — советский государственный деятель. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1948–1958 гг. Работал в ВЧК с 1918 г. В 1931–1937 гг. — председатель исполкома Моссовета. В 1937–1938 гг. — председатель Совнаркома РСФСР, затем — зам. председателя Совнаркома СССР и руководитель Госбанка СССР. В 1947 г., не будучи военным, занял кресло министра Вооружённых Сил СССР. В 1955–1958 гг. — председатель Совета Министров СССР. После упрочения позиций Н. С. Хрущёва Булганин был смещён с высоких постов, понижен в звании. С 1960 г. — на пенсии. Маршал Советского Союза (лишён звания в 1958 г.).

Булыга Андрей Евстафьевич (1902-?) — во время ВОВ командовал дивизиями войск НКВД, в основном на Кавказе, в 1954–1956 гг. — министр внутренних дел Азербайджана, генерал-майор.

Бур-Коморовский Тадеуш — см. Коморовский Тадеуш.

Бурмистенко Михаил Алексеевич (1902–1941) — второй секретарь ЦК КП(б)У, с июля 1938 г. — председатель Верховного Совета УССР. В сентябре 1941 г., будучи членом Военного совета Юго-Западного фронта, погиб, прорываясь из окружения.

Вавилов Афанасий Петрович (1902–1964) — в 1944–1954 гг. — зам. прокурора СССР/Генерального прокурора СССР В 1950–1954 гг. одновременно Главный военный

прокурор. Участник беззаконий в период массовых репрессий. В 1950 г. подписал обвинительное заключение по «ленинградскому делу». В 1954 г. снят с должности. В 1955 г. — разжалован до рядового и уволен из Вооружённых сил, лишён всех наград. С 1955 г. работал в органах прокуратуры в Сибири и Москве. Генерал-лейтенант юстиции (лишён звания в 1955 г.).

Вадис Александр Анатольевич (1906–1968) — в органах ГПУ с 1930 г. В 1941 г. — начальник УНКВД/УНКГБ Тернопольской области. В годы ВОВ — начальник особых отделов ряда фронтов. В 1943–1945 гг. — начальник УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта, затем — начальник УКР СМЕРШ ГСОВГ. В декабре 1945 г. переведен начальником ОКР СМЕРШ Забайкальско-Амурского военного округа. Уволен из органов МВД по фактам дискредитации в декабре 1953 г., лишен звания генерал-лейтенанта.

Валленберг Рауль Густав (1912–1947) — шведский дипломат, спасший жизни десятков тысяч венгерских евреев в период Холокоста. После занятия Будапешта Красной армией был арестован в январе 1945 г., переправлен в Москву и предположительно умер в советской тюрьме.

Ванников Борис Львович (1897–1962) — в 1942–1945 гг. — народный комиссар боеприпасов СССР. В 1945–1953 г. — один из руководителей советского атомного проекта, начальник Первого главного управления при СНК СССР, зам. председателя специального комитета при СМ СССР Л. П. Берии. Генерал-полковник инженерно-технической службы, трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954).

Варенцов Сергей Сергеевич (1901–1971) — участник Гражданской войны. Во время ВОВ командовал артиллерией ряда фронтов. В 1952–1955 гг. — начальник Главного артиллерийского управления Минобороны СССР, в 1955–1961 гг. — командующий артиллерией Советской Армии, с 1961 г. — командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск. В 1963 г. за «потерю бдительности», в связи с делом Пеньковского был разжалован до генерал-майора, лишен звания Героя Советского Союза, выведен из состава ЦК КПСС и уволен в отставку. Главный маршал артиллерии (1961).

Василевская Ванда Львовна (1905–1964) — польская и советская писательница, поэт, драматург и общественный деятель. В 1939 г. приняла во Львове советское гражданство. В 1941–1943 гг. работала в политуправлении Красной Армии агитатором. В 1943–1945 гг. — главный редактор газеты «Советская Польша». Входила в состав Польского комитета национального освобождения и Временного правительства Польской Республики.

Василевский Александр Михайлович (1895–1977) — советский военачальник. Участник Первой мировой и гражданской войн. С 1931 г. — на штабной работе, в 1941–1942 гг. — зам., 1-й зам., в 1942–1945 и в 1946–1947 гг. — начальник Генштаба. В 1944 г. являлся уполномоченным ГКО в Крыму. С февраля по апрель 1945 г. командовал войсками 3-го Белорусского фронта, в июне-октябре 1945 г. — главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. В 1949–1953 гг. — министр Вооружённых сил ССР (Военный министр СССР). После смерти Сталина понижен до 1-го зам. министра обороны, с 1956 г. — зам. министра обороны, с 1957 г. — в отставке. Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), кавалер двух орденов «Победа».

Веденин Андрей Яковлевич (1900–1984) — в 1953–1967 гг. — комендант Кремля, генерал-лейтенант.

Вейдлинг Гельмут (1891–1955) — немецкий генерал артиллерии, командующий обороной и последний комендант Берлина. После самоубийства Гитлера отдал приказ своим подчинённым сложить оружие. 2 мая 1945 г. подписал капитуляцию берлинского гарнизона и сдался в плен. Содержался в тюрьмах в СССР, как военный преступник был приговорён к 25

годам заключения. Умер в тюрьме.

Вертипорох Владимир Иванович (1914–1960) — в органах госбезопасности с 1938 г. Был резидентом НКВД-НКГБ-КИ-МГБ в Иране, Израиле. В 1955–1957 гг. — начальник 13-го (диверсионного) отдела ПГУ КГБ при СМ СССР, генерал-майор.

Вершинин Константин Алексеевич (1900–1973) — советский военачальник. Во время ВОВ командовал ВВС ряда фронтов (в т. ч. в сентябре 1942 — апреле 1943 г. Закавказского фронта), воздушными армиями. В 1946–1949 и 1957–1969 гг. Главнокомандующий ВВС — зам. министра обороны СССР. Главный маршал авиации (1959), Герой Советского Союза (1944).

Видич Добриное (1918-?) — в 1953–1956 гг. — посол Югославии в СССР, с 1956 г. — зам. государственного секретаря ФНРЮ по иностранным делам.

Вильгельмина — См. Гермина Рейсс-Грейцкая.

Виноградов Владимир Никитич (1882–1964) — советский терапевт, кардиолог. Лечащий врач Сталина. В ноябре 1952 г. был арестован по «делу врачей», находился в заключении до 4 апреля 1953 г., на допросах подвергался систематическим избиениям. Академик АМН СССР (1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1940).

Витос Винценты (1874–1945) — польский государственный и политический деятель. Трижды назначался премьер-министром Польши, один из основателей Крестьянской партии.

Власов Андрей Андреевич (1901–1946) — кадровый военный. В 1942 г., будучи командующим 20-й армией, попал в плен, где пошел на сотрудничество с немцами. Возглавил Русскую освободительную армию, участвовавшую в боевых действиях с Красной Армией. В 1945 г. взят в плен, осужден к смертной казни. Генерал-лейтенант.

Власов Иван Алексеевич (1903–1969) — в 1938–1942 гг. — 1-й секретарь Саратовского обкома и горкома ВКП(б), затем председатель облисполкома. В 1946–1950 г. — председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

Влодзимирский Лев Емельянович (1903–1953) — в органах ГПУ с 1928 г. С мая 1937 г. в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР, с 1938 г. — на следствии. В 1940–1946 гг. — начальник следственной части НКВД-НКГБ-МГБ СССР, отличался исключительной жестокостью по отношению к подсудимым, виртуозной фальсификацией дел. В 1947 г. после назначения В. Абакумова ушел в ГУСИМЗ, возвращен в объединенное МВД со смертью Сталина. В марте-июле 1953 г. начальник следственной части по особо важным делам МВД СССР. Арестован по делу Берия, 23.12.1953 г. приговорен к расстрелу с лишением наград и звания генерал-лейтенанта.

Вознесенский Николай Александрович (1903–1950) — советский политический и государственный деятель, экономист. Доктор экономических наук (1935). В 1939–1949 гг. — член ЦК ВКП(б), в 1947–1949 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1946–1949 гг. — зам. председателя Совета Министров СССР Академик АН СССР (1943). Арестован в 1949 г. и расстрелян по «ленинградскому делу». Посмертно реабилитирован.

Волкотрубенко Иван Иванович (1896–1986), советский военачальник. В РККА с 1918 г., участник Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1942 г. — зам., 1-й зам., в 1950–1951 г. — начальник Главного артиллерийского управления Красной (Советской) Армии.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны. В 1934–1940 гг. — нарком обороны СССР. В годы ВОВ был членом ГКО СССР, в сентябре 1941 г. — командовал войсками

Ленинградского фронта. С 1942 г. — Главнокомандующий партизанским движением. В 1945–1947 гг. — председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии. В 1946–1953 гг. — зам. председателя Совмина СССР, в 1953–1960 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1926–1960 гг. Дважды Герой Советского Союза (1956, 1968), Герой Социалистического Труда (1960). Один из первых маршалов Советского Союза (1935).

Воскресенский Леонид Александрович (1913–1965) — советский учёный в области ракетной техники, один из ближайших соратников С. П. Королёва, профессор, доктор технических наук. В 1945 г. был направлен в Германию в составе группы специалистов для выявления и вывоза заводского и лабораторного оборудования и образцов немецких ракет. С марта 1946 г. в институте «Нордхаузен» был руководителем группы «Выстрел» и начальником отдела испытаний. В 1947 г. был назначен начальником контрольно-измерительной станции в НИИ-88.

Вукманович Светозар (1912–2000) — во время войны — один из организаторов партизанского движения в Югославии, командир главного штаба партизанских отрядов НОАЮ в Боснии и Герцеговине. В 1944–1948 гг. — зам. министра обороны, затем — министр горного дела, председатель Совета по промышленности, с 1953 г. — председатель Экономического совета, генерал-полковник.

Вучетич Евгений Викторович (1908–1974) — выдающийся советский скульптор-монументалист. Автор многих знаменитых памятников и скульптурных композиций советской эпохи, в том числе мемориалов на Мамаевом Кургане в Волгограде, в Трептов-парке в Берлине, «Перекуем мечи на орала», памятника Дзержинскому на Лубянке, Герой Социалистического Труда (1967).

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — советский государственный и партийный деятель, дипломат, юрист, один из организаторов сталинских репрессий. С 1920-х гг. выступал в качестве государственного обвинителя на всех крупных политических процессах. В 1931–1933 гг. — прокурор РСФСР, в 1935–1939 гг. — прокурор СССР. Вместе с Н. Ежовым составлял «верховную двойку», вынесшую внесудебные приговоры десяткам тысяч невинных людей. В 1939–1944 гг. — зам. председателя Совнаркома СССР. В мае-августе 1945 г. — политсоветник при Главноначальствующем СВАГ. Руководил советской делегацией на Нюрнбергском процессе. В 1946–1949 гг. — зам. министра, в 1949–1953 гг. — министр иностранных дел СССР, затем — представитель СССР в ООН.

Гайдуков Лев Михайлович (1911–1999) — советский военный и научно-административный деятель. С августа 1945 г. — руководитель комиссии по изучению трофейного немецкого ракетного оружия, затем — начальник многопрофильного института «Нордхаузен», в котором советские специалисты изучали немецкую ракетную технику. Генерал-лейтенант инженерно-технической службы.

Ганди Индира (1917–1984) — индийский политический деятель, премьер-министр Индии в 1966–1977 и 1980–1984 гг. Дочь Джавахарлала Неру и его личный секретарь. В 1955 г. — член Рабочего комитета и член Центральной избирательной комиссии партии Индийский национальный конгресс.

Ганди Мохандас Карамчанд «Махатма» (1869–1948) — выдающийся мыслитель, духовный лидер индийской нации, идеолог движения за независимость Индии от Великобритании. Сторонник и пропагандист ненасильственных методов политической борьбы.

Гафуров Бободжан Гафурович (1908–1977) — советский партийный деятель, историк. В 1946–1956 гг. — первый секретарь ЦК КП(б)/КП Таджикистана. В 1952–1961 гг. — член ЦК

КПСС. Академик АН Таджикской ССР (1950), академик АН СССР (1968).

Гвишиани Джермен Михайлович (1928–2003) — советский философ и социолог, специалист в области управления. В 1965–1985 гг. — зам. председателя Государственного комитета СМ СССР по науке и технике. Академик АН СССР (1979).

Гвишиани Михаил Максимович (1905–1966) — в органах госбезопасности — с 1928 г. Проходил службу в Грузии, с сентября 1938 г. — 1-й зам. наркома внутренних дел ГССР, в 1938–1950 гг. — начальник УНКВД-УНКГБ-УМГБ Приморского края, в 1950–1953 гг. — начальник УМГБ-УМВД Куйбышевской области. Уволен в августе 1953 г. в связи со служебным несоответствием и как дискредитировавший себя за время работы в органах, в 1954 г. лишен звания генерал-лейтенанта.

Геббельс Йозеф (1897–1945) — государственный деятель нацистской Германии, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии. Один из ближайших соратников Гитлера. 1.05.1945 г. Геббельс и его жена отравили своих шестерых детей и сами приняли яд.

Гейзенберг Вернер Карл (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии по физике (1932). Несмотря на непростые отношения с нацистами, не уезжал из Германии, продолжал работать над проблемами получения и использования ядерной энергии. В апреле 1945 г. был вместе с другими учёными захвачен секретной американской миссией «Алсос» и переправлен в Великобританию. Впоследствии много сделал для возрождения науки в ФРГ.

Герё Эрнё (1891–1980) — венгерский политический деятель. Во время Второй мировой войны входил в Заграничное бюро КПВ в Москве. Во время войны — в эмиграции в СССР, агент НКВД. В 1945 г. — член Высшего Национального совета. Вместе с М. Ракоши и М. Фаркашем являлся одним из наиболее влиятельных руководителей страны. С 21 июля по 25 октября 1956 г. — генеральный секретарь ЦК Венгерской партии трудящихся. Во время Венгерского восстания в октябре 1956 г. бежал в СССР. В 1962 г. вернулся в Венгрию, за участие в массовых репрессиях исключен из партии.

Гермина Рейсс-Грейцкая (1887–1947) — вторая супруга отрёкшегося кайзера Германской империи Вильгельма II. После смерти мужа в 1941 г. вернулась из Нидерландов в Германию. Оказавшись в зоне советской оккупации Германии, находилась под домашним арестом. Умерла в лагере для интернированных.

Гесс Рудольф (1894–1987) — крупнейший деятель НСДАП, зам. Гитлера по партии. 10.05.1941 г. перелетел на самолёте в Великобританию и, сдавшись властям, пытался убедить британское правительство заключить союз с Германией против СССР. На родине был объявлен сумасшедшим. На Нюрнбергском процессе осуждён к пожизненному заключению. По официальной версии покончил с собой в тюрьме Шпандау.

Гиммлер Генрих (1900–1945) — политический и военный деятель фашистской Германии, рейхсфюрер СС, рейхсминистр внутренних дел. Один из главных нацистских преступников. После капитуляции Германии был задержан патрулем и раскусил ампулу с цианистым калием.

Глушко Валентин Петрович (1908–1989) — крупный советский учёный, конструктор ракетно-космической техники. В 1945–1946 гг. работал в недавно освобождённой от нацистов Германии с немецкими специалистами (институт «Нордхаузен»). В дальнейшем руководил созданием советских ракетных двигателей, как для боевых ракет, так и для космических ракет-носителей. Академик АН СССР (1958). Дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961).

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901–1953) — один из ближайших соратников Л. Берии. В органах ВЧК с 1921 г., в 1934–1938 гг. — начальник УНКВД (нарком внутренних дел) Грузии, затем руководил территориальными органами НКВД-НКГБ-МВД в Ленинградской области, Хабаровском крае. В 1950–1951 гг. — начальник Гл. управления охраны МГБ СССР ж.-д. и водного транспорта, в 1951–1952 гг. — министр ГБ Узбекистана, зам., 1-й зам. министра ГБ СССР в 1952–1953 гг. После смерти Сталина назначен начальником 3-го управления МВД СССР. Арестован 3.07.1953 г. по делу Берии, 23.12.1953 г. приговорен к расстрелу. Лишен наград и звания генерал-полковника.

Голиков Филипп Иванович (1900–1980) — советский военачальник. Участник Гражданской войны. С начала 1930-х гг. — на командных должностях в РККА. В 1940–1941 и в 1942 гг. — начальник Главного разведывательного управления РККА. В 1941–1943 гг. командовал армиями и фронтами, в 1943–1950 гг. — начальник Главного управления кадров наркомата обороны (министерства Вооруженных Сил). Возглавлял Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран. В 1958–1962 гг. — начальник Главного политического управления МО СССР (ГлавПУР Советской Армии и Военно-Морского Флота). Маршал Советского Союза (1961).

Голованов Александр Евгеньевич (1904–1975) — советский военный лётчик. Участник Гражданской войны. В 1924–1933 гг. — сотрудник ОГПУ. В 1933–1941 гг. — один из лучших пилотов гражданской авиации. Участвовал в боях на Халхин-Голе и в Советско-финской войне. В период ВОВ руководил советской авиацией дальнего действия (1942–1944), пользовался особым доверием Сталина. С 1946 г. — командующий Дальней авиацией СССР, в 1948 г. попал в опалу, понижен в должности, с 1953 г. в запасе. Главный маршал авиации (1944).

Гомулка Владислав (1905–1982) — польский коммунист, один из организаторов Польской рабочей партии. В 1943–1948 гг. — генеральный секретарь ЦК ПНР. В 1948 г. обвинен в «правонационалистическом» уклонизме. В 1949 г. выведен из ЦК ПОРП, исключен из партии и арестован. В декабре 1954 г. освобожден, в июле 1956 г. реабилитирован. В 1956–1970 гг. — первый секретарь ЦК ПОРП.

Гонор Лев Рувимович (Робертович) (1906–1969) — с 1939 г. — директор Сталинградского артиллерийского завода «Баррикады» (Завод № 221). В 1942–1945 гг. — директор Уральского артиллерийского завода № 9 им. Сталина. В 1946–1950 гг. — руководитель знаменитого НИИ-88, занимавшегося разработкой ракетной техники. В январе 1953 г. арестован, после смерти Сталина освобождён и полностью реабилитирован. Генерал-майор-инженер.

Городовиков Ока Иванович (1879–1960) — советский военачальник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Во время ВОВ главным образом руководил формированием кавалерийских частей и их действиями. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1958).

Горский Анатолий Вениаминович (1907–1980) — в 1944–1946 гг. — резидент советской внешней разведки в Нью-Йорке, полковник.

Горшенин Константин Петрович (1907–1978) — прокурор СССР/Генпрокурор СССР в 1943–1946 гг., затем — министр юстиции СССР.

Грабский Станислав (1871–1949) — польский экономист, политический и государственный деятель. Профессор экономики Львовского университета. В 1939 г. арестован сотрудниками НКВД. После заключения договора между СССР и правительством Сикорского, отпущен и выехал в Лондон, где сотрудничал с эмигрантским правительством. В 1945 г. возвратился в Польшу. В 1945–1947 гг. — депутат и член Президиума Крайовой Рады Народовой.

Грачёв Виктор Георгиевич (1907–1991) — советский военный лётчик-ас. Участвовал в боях на Халхин-Голе и в советско-финской войне. Во время ВОВ был командиром 2-й авиадивизии

особого назначения. Перевозил всех высших руководителей советского государства и армии. За время войны лично совершил 463 особо важных вылета. Генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза (1945).

Греим Роберт фон (1892–1945) — немецкий лётчик-ас и авиационный командир. В конце апреля 1945 г. был вызван Гитлером в Берлин, где получил звание генерал-фельдмаршала авиации и был назначен главнокомандующим люфтваффе вместо Геринга. 9.05.1945 г. сдался американцам, подлежал передаче советской стороне. Принял яд в тюремном лазарете.

Греттруп Гельмут (1916–1981) — немецкий инженер-ракетчик, специалист по системам управления. Был одним из ведущих специалистов конструкторского центра в Пенемюнде. В 1945 г. был задержан американцами, должен был отправиться в США, однако тайно перебрался с семьёй в советскую зону оккупации, а затем в СССР. Был одним из руководителей советской ракетной программы. В 1953 г. выехал в ФРГ.

Гречко Андрей Антонович (1903–1976) — советский военачальник. В РККА с 1919 г. Во время ВОВ командовал дивизией, корпусом, армиями. С декабря 1943 г. и до конца войны — командующий 1-й гвардейской армией. В дальнейшем — на высших командных должностях, в 1967–1976 гг. — министр обороны СССР. Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973).

Гречуха Михаил Сергеевич (1902–1976) — в 1939–1954 гг. — председатель Президиума Верховного Совета УССР.

Грибанов Олег Михайлович (1915–1992) — в органах ГБ с 1932 г. С 1951 г. — в центральном аппарате МГБ СССР: зам. начальника 2-го ГУ (контрразведка). В 1953–1964 гг. возглавлял советскую контрразведку. Генерал-лейтенант. В 1965 г. уволен из КГБ по служебному несоответствию, исключен из рядов КПСС. Занимался литературной деятельностью (под псевдонимом Олег Шмелев); вершина его творчества — тетралогия «Ошибка резидента».

Грингласс Давид (1922–2014) — американский инженер, младший брат Этель Розенберг, участник нелегальной разведдеятельности в пользу СССР. В отличие от сестры и её мужа признал свою вину, сотрудничал со следствием, чем освободил от суда и наказания свою жену Рут. Был осуждён, пробыл 10 лет в заключении.

Грингласс Рут (1924–2008) — жена Дэвида Грингласса, участница нелегальной разведдеятельности в пользу СССР. Благодаря тому, что её муж взял всю вину на себя, не была под судом и не получила наказания.

Гришин Иван Тимофеевич (1911–1985) — в 1948–1955 гг. — 1-й секретарь Сталинградского ОК ВКП(б)/КПСС, в 1955–1960 гг. — посол СССР в ЧССР.

Громадин Михаил Степанович (1899–1962) — советский военачальник. Участник Гражданской войны. Командующий войсками ПВО СССР с ноября 1941 по июнь 1943 г. и с апреля 1946 по май 1950 г. Генерал-полковник.

Громов Михаил Михайлович (1899–1985) — выдающийся летчик, совершил первые в мире беспосадочные перелеты через Северный полюс. В годы ВОВ — на фронте. Генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза (1934).

Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) — на дипломатической работе с 1939 г. Первый представитель СССР при ООН. Возглавлял советские посольства в США, Великобритании. В 1949–1952 и в 1953–1957 гг. — 1-й зам. министра иностранных дел СССР. В 1957–1985 гг. — министр, одновременно, в 1983–1985 гг., — 1-й зампреда Совмина СССР. В 1985–1988 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро ЦК

КПСС в 1973–1988 гг. Дважды Герой Социалистического Труда (1969, 1979).

Гротеволь Отто (1894–1964) — немецкий коммунист. Принимал участие в подпольной антифашистской деятельности на территории Германии. С 1945 г. — один из политических лидеров в советской зоне оккупации Германии. С момента образования СЕПГ — один из её сопредседателей. В 1949–1964 гг. — председатель Правительства ГДР.

Грызлов Анатолий Алексеевич (1904–1974) — советский военачальник. В РККА с 1923 г. В ВОВ — в Оперативном управлении Генштаба, представитель ГШ на ряде фронтов. Принимал участие в разработке планов многих крупных операций. После войны служил на штабных должностях в войсках и в Генштабе, участвовал в подавлении восстания в Венгрии в 1956 г., генерал-полковник.

Гузенко Игорь Сергеевич (1919–1982) — перебежчик, бывший начальник шифровального отдела посольства СССР в Канаде, криптограф, передавший в 1945 г. канадской стороне шифры и документы с данными советской агентуры.

Гузявичус Александр Августович (1908–1969) — нарком госбезопасности Литовской ССР в 07.1944-08.1945. Затем на литературной работе. Генерал-майор.

Гуськов Анатолий Михайлович (1914–2005). В органах госбезопасности с 1939 г., в 1959–1963 гг — начальник 3-го ГУ КГБ при СМ СССР (военная контрразведка), генерал-майор.

Гюнше Отто (1917–2003) — штурмбанфюрер СС, личный адъютант А. Гитлера, был свидетелем его последних минут.

Даллес Ален Уэлш (1903–1969) — в 1916–1942 гг. находился на дипломатической работе, выполнял деликатные поручения американского правительства. После создания Управления стратегических служб (предтеча ЦРУ) в 1942 г. профессионально занялся разведкой, вплоть до конца войны возглавлял разведцентр в Берне. В 1950–1953 гг. — зам. директора ЦРУ по планированию. В 1953–1961 гг. — директор ЦРУ. С его именем связан резкий подъем этого ведомства. В 1961 г. после провала тайной операции по свержению режима Фиделя Кастро на Кубе был отправлен в отставку.

Двинский Борис Александрович (1894–1973) — советский государственный деятель. В 1928–1930 гг. — помощник секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина. В 1938–1944 гг. — 1-й секретарь Ростовского обкома ВКП(б). В 1944–1950 гг. — нарком (министр) заготовок СССР.

Дедов Афанасий Лукьянович (1913–1961) — зав. Административным отделом ЦК КПСС в 1954–1955 гг.

Дежан Морис (1899–1982) — французский дипломат, в 1955–1964 гг. — посол Франции в СССР. Доверенное лицо президента Ш. Де Голля еще со времен «сопротивления». Был отозван в связи с вскрывшимся фактом его сотрудничества с КГБ.

Деканозов Владимир Георгиевич (1898–1953) — в органах ВЧК-ОГПУ Закавказья с 1921 г. В 1931–1938 гг на партийной и советской работе в Грузии. Возвращен в органы НКВД в ноябре 1938 г. после перевода Л. П. Берии в Москву. В 1938–1939 гг. — зам. начальника ГУГБ НКВД СССР. С мая 1939 г. — зам. наркома (министра) иностранных дел СССР, одновременно с ноября 1940 г. по июль 1941 г. посол СССР в Германии. В 1947–1949 гг. зам. начальника ГУСИМЗ при СМ СССР, в 1952–1953 гг. член Комитета по радиовещанию при СМ СССР. В апреле-июне 1953 г. министр внутренних дел Грузии. Арестован по делу Л. П. Берии, 23.12.1953 г. приговорен к расстрелу, лишен звания комиссара ГБ 3-го ранга, ранга Чрезвычайного и полномочного посла и наград.

Дёниц Карл (1891–1980) — немецкий военный и государственный деятель. Главнокомандующий военно-морским флотом нацистской Германии (1943–1945). После самоубийства Гитлера — глава государства и главнокомандующий вооружёнными силами Германии (с 30 апреля по 23 мая 1945 г.). Арестован американцами. Нюрнбергским трибуналом приговорён к 10 годам лишения свободы. Гросс-адмирал (1943).

Десаи Морарджи (1896–1995) — индийский политик, в 1977–1979 гг. — премьер-министр Индии. До этого занимал различные крупные посты в правительстве Индии.

Джавахишвили Гиви Дмитриевич (1912–1985) — в 1953–1975 гг. — председатель Совета Министров Грузинской ССР. Выступил на XXII съезде КПСС в поддержку выноса тела Сталина из мавзолея.

Доби Иштван (1898–1968) — председатель Совета Министров Венгрии в 1948–1952 гг., председатель Президиума ВНР в 1952–1967 гг.

Добросердов — генерал, умер в 1949 г. Других сведений о нем найти не удалось.

Доброхотов Василий Павлович (1911–1971) — начальник секретариата КГБ при СМ СССР в 1954–1959 гг., генерал-майор.

Добрынин Георгий Прокофьевич (1907–1977) — учился вместе с Серовым в Военной академии РККА им. Фрунзе. В 1941–1943 гг. — начальник Управления охраны и режима ГУЛаг НКВД СССР, в 1941–1942 гг. — начальник Калининского сектора охраны НКВД Московской зоны обороны. С сентября 1942 г. принимал участие в обороне Кавказа. В 1943–1947 гг. — первый зам. начальника Главного управления ИТЛ НКВД/МВД СССР. С апреля по май 1944 г. — начальник 6-го оперсектора в Евпатории, где руководил выселением из Крыма, а с сентября 1944 г. — начальник Аспиндзского оперсектора по переселению из пограничных районов Грузии. В мае-августе 1945 г. — начальник Оперсектора НКВД земли Мекленбург-Западная Померания. В 1947–1951 гг. — начальник ГУЛага МВД СССР. В 1952 г. — уполномоченный МВД СССР по управлению строительства Волго-Донского канала. В 1953–1954 гг. — начальник отдела МВД СССР по контролю и инспектированию ведомственной охраны. В 1954–1959 гг. — начальник 7-го Управления КГБ при СМ СССР (наружное наблюдение и охрана дипломатического корпуса). Генерал-лейтенант.

Долгорукий Пётр — сведений о нем найти не удалось.

Долуда А. К. (1914–1981) — советский партийный функционер, референт первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева.

Донцов Дмитрий Иванович (1883–1973) — украинский публицист, философ, политический деятель, идеолог радикального национализма. Родился в Мелитополе, учился на юридических факультетах в Петербурге, Вене и Львове. В 1910-е гг. призывал украинцев к союзу с Австро-Венгрией и Германией против России. Активно участвовал в политической жизни послереволюционной независимой Украины. В 1939 г. арестован польской полицией во Львове, освобождён после падения польского государства. В период ВОВ находился в Берлине, Риге и Львове, затем через американскую зону оккупации перебрался на Запад. Умер в Канаде. Взгляды Донцова были близки к нацизму.

Дуфвинг Теодор фон (1907—?) — в 1945 г. — начальник штаба 56-го танкового корпуса вермахта, полковник. 2 мая 1945 г. от имени генерала Вейдлинга вел переговоры о капитуляции берлинского гарнизона.

Егоров Александр Ильич (1883–1939) — советский военачальник. Кадровый военный,

участник Первой мировой войны. В 1931–1937 гг. — начальник Генерального штаба (штаба РККА). Арестован 27.03.1938 г., расстрелян 23.02.1939 г. Посмертно реабилитирован в 1956 г. Один из первых маршалов Советского Союза (1935).

Егоров Михаил Иванович (1911–1968) — с 1936 г. на партийной работе, с 1952 г. — в органах МГБ. Начальник 6-го управления КГБ при СМ СССР (контрразведка на транспорте) в 1954–1960 гг., генерал-майор.

Ежов Николай Иванович (1895–1940) — в 1936–1938 гг. — народный комиссар внутренних дел СССР, генеральный комиссар госбезопасности. Один из главных организаторов массовых репрессий в СССР. 10.06.1939 г. арестован, 3.02.1940 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Не реабилитирован.

Енике Эрвин (1890—?) — немецкий военачальник. С февраля 1942 г. командовал 389 дивизией, участвовавшей в Сталинградской битве, но был эвакуирован по ранению до окружения. С 01.04.1943 принял командование 86-м корпусом, а с 01.06.1943 — 17-й армией, 28.04.1944 г. за неудачу в обороне Крыма отстранен от командования. 31.01.1945 г. изгнан из рядов армии. 11.06.1945 г. попал в советский плен и был депортирован в Чехословакию, где был приговорен к 25 годам заключения. Генерал-полковник.

Епишев Алексей Алексеевич (1908–1985) — советский партийный и военный деятель, дипломат. В 1951–1953 гг. — заместитель министра государственной безопасности СССР по кадрам. Генерал армии, Герой Советского Союза (1978).

Еременко Андрей Иванович (1892–1970) — советский военачальник. В РККА с 1918 г. Во время ВОВ командовал рядом фронтов, в том числе Южным. Маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944).

Ефимов Иван Павлович (?-1988). В 1959–1963 гг. военный атташе при посольстве СССР в Великобритании, генерал-майор войск связи.

Ефимов Сергей Александрович (1899–1975) — в органах ГПУ с 1922 г., с 1939 г. — в охране И. В. Сталина. В 1943–1947 гг. начальник отделения 1-го отдела 6-го управления НКГБ-МГБ СССР. В 1947–1949 гг. зам. начальника Управления охраны № 1 ГУО МГБ СССР. Уволен по болезни в 1952 г., в 1954 г. лишен звания генерал-майора по дискредитации.

Желтов Алексей Сергеевич (1904–1991) — в РККА с 1924 г. В годы ВОВ был членом Военных советов ряда фронтов. В 1946–1950 гг. — зам. Верховного комиссара СССР в Австрии, член Военного совета Центральной группы войск. В 1953–1957 гг. — начальник Главного политического управления Советской армии и ВМФ, в 1958–1959 гг. — зав. Административным отделом ЦК КПСС. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1978).

Жигарев Павел Фёдорович (1900–1963) — советский военачальник, Кадровый военный лётчик. Командовал ВВС РККА в самый тяжёлый начальный период войны (до 1942 г.). Затем — на высших командных должностях ВВС и Министерства обороны. Главный маршал авиации.

Жимерский Михал (подпольный псевдоним — Роля) (1890–1989) — польский военачальник. Член Коммунистической партии Польши, активный участник Сопротивления. С января 1944 г. — главнокомандующий просоветской Армии Людовой, член Польского комитета национального освобождения. С июля 1944 г. — главнокомандующий Войска Польского. В 1945–1949 гг. — министр обороны Польши. Маршал Польши, кавалер высшего советского военного ордена «Победа» (1945).

Жук Сергей Яковлевич (1892–1957) — инженер-гидростроитель. С 1932 г. в системе ГПУ, был одним из руководителей строительства Беломоро-Балтийского канала, Канала им. Москвы. С 1942 г. до конца жизни — начальник Гидропроекта НКВД-МВД СССР (с 1953 г. — в структуре Министерства электростанций и электропромышленности СССР). Одновременно с 1948 г. — главный инженер Волгодонстроя МВД СССР. Генерал-майор инженерно-технической службы, Герой Социалистического Труда (1952), академик АН СССР (1953).

Жуков Георгий Константинович (1896–1974) — советский полководец. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 г. Отличился в 1939 г. при боях на Халхин-Голе, где командовал группировкой. С июня 1940 г. — командующий войсками Киевского особого военного округа, руководил военной операцией по присоединению Бессарабии и Северной Буковины. В январе-июле 1941 г. — начальник Генштаба, зам. наркома обороны СССР. С августа 1942 г. — 1-й зам. наркома обороны. Член Ставки ВГК. В годы ВОВ командовал войсками Ленинградского, Западного, 1-го Украинского, 1-го Белорусского фронтов, непосредственно участвуя в разработке и реализации важнейших операций. Во многом именно полководческий талант Жукова определил исход войны. В 1945–1946 гг. — главноначальствующий Советской военной администрацией в Германии, недолго был главкомом Сухопутных войск и зам. министра Вооруженных Сил. Попал в опалу Сталина и 3.06.1946 г. был понижен в должности до командующего войсками Одесского военного округа. В 1948–1953 гг. — командующий войсками Уральского военного округа. После смерти Сталина возвращен в Москву, назначен 1-м зам. министра обороны СССР. Сыграл ключевую роль при аресте Берия в июне 1953 г. и разгроме «антипартийной группы» в июне 1957 г. В 1955–1957 гг. — министр обороны СССР. Затем — вновь оказался в опале, 19.10.1957 г. снят с должности министра, выведен из состава Президиума ЦК КПСС, Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956), кавалер двух орденов «Победа».

Журавлёв Даниил Арсентьевич (1900–1974) — советский военачальник. Участник Гражданской войны. В период ВОВ — один из руководителей ПВО Москвы, генерал-полковник артиллерии.

Завенягин Авраамий Павлович (1901–1956) — советский хозяйственный деятель, организатор промышленности, куратор металлургии и атомной отрасли. Руководил строительством Норильского горно-металлургического комбината. В 1941–1951 гг. — зам. наркома (министра) внутренних дел СССР, генерал-лейтенант. В 1955–1956 гг. — министр среднего машиностроения и зам. председателя Совмина СССР Дважды Герой Социалистического Труда (1949, 1954).

Задемидко Александр Николаевич (1908–2001) — советский хозяйственный и государственный деятель. В 1946–1948 гг. — народный комиссар/министр строительства топливных предприятий СССР. В 1948–1954 гг. — зам. министра угольной промышленности СССР В 1955–1957 гг. — министр угольной промышленности СССР.

Зарубин Василий Михайлович (1894–1972) — советский разведчик. Работал в Дании, Швейцарии, Германии, Китае. В 1941–1944 гг. — легальный резидент в США. Ему и его супруге Елизавете Зарубиной удалось наладить получение секретной информации об американском ядерном проекте, что сыграло большую роль в создании советской атомной бомбы. Генерал-майор.

Засорин — неустановленное лицо.

Засядько Александр Федорович (1910–1963) — советский хозяйственный, государственный и партийный деятель. В 1948–1955 гг. — министр угольной промышленности СССР. Герой

Социалистического Труда (1957).

Захаров Матвей Васильевич (1898–1972) — советский военачальник, Участник революции и Гражданской войны, в РККА — с момента основания. В годы ВОВ — начальник штабов ряда фронтов, организатор около 20 фронтовых и наступательных операций. В 1949–1952 гг. — начальник ГРУ ГШ ВС, в 1957–1960 гг. — главком ГСВГ. Дважды занимал пост начальника Генерального штаба ВС СССР (1960–1963 и 1964–1971). Маршал Советского Союза (1959), дважды Герой Советского Союза (1945, 1971).

Захаров Николай Степанович (1909–2002) — в 1954–1959 гг — зам. начальника 9-го управления КГБ (госохрана), в 1958–1961 гг. — начальник. Впоследствии — зам., 1-й зам. председателя КГБ при СМ СССР, генерал-полковник.

Захир-шах Мухаммед (1914–2007) — король (падишах) Афганистана в 1933–1973 гг. Поддерживал дружеские отношения с Хрущёвым, неоднократно бывал в Москве.

Зверев Арсений Григорьевич (1900–1969) — советский государственный деятель. В 1938–1960 гг. (с перерывом в 1948 г) — нарком / министр финансов СССР. Генеральный государственный советник финансовой службы.

Зенгер Ойген (1905–1964) — немецкий учёный австрийского происхождения, специалист по авиации и реактивной технике, выдающийся теоретик космонавтики. В нацистской Германии руководил разработкой авиационно-космического проекта «Зильберфогель» (Серебряная птица). После 1945 г. работал во Франции, Англии и Швейцарии. В 1957 г вернулся в ФРГ.

Зимин Павел Михайлович (1904–1973) — в марте-июле 1942 г. — начальник штаба пограничных войск НКВД Черноморского округа — Управления Войск НКВД по охране тыла Крымского фронта. В 1942–1943 гг. служил в Управлении войск НКВД по охране тыла Северо-Кавказского фронта, с 1943 г. — начальник Управления. Затем на других должностях по охране тыла. После войны продолжал службу в погранвойсках, генерал-майор.

Золотухин Валентин Васильевич (1907–1976) — советский государственный и военный деятель. В 1954–1957 и в 1957–1960 гг, зам./1-й зам. заведующего, в 1957 г. — заведующий Административным отделом ЦК КПСС. Генерал-лейтенант.

Зубарев Николай Прокофьевич (1904-?) — в 1941–1943 г. — начальник войск НКВД по охране тыла 22-й и 29-й армий Западного фронта, с октября 1943 г. — начальник управления войск НКВД по охране тыла Калининского фронта. Затем возглавлял аналогичные управления на различных фронтах, после войны на командных должностях в погранвойсках МВД-МГБ-КГБ. Генерал-майор.

Зубович Иван Герасимович (1901–1956) — советский государственный деятель. В 1940–1946 гг. — зам./первый зам. наркома/министра электропромышленности СССР. В 1946–1947 гг. — министр промышленности средств связи СССР. В 1946–1949 гг. — зам. председателя Комитета № 2 (Специальный Комитет по Реактивной Технике) при СМ СССР. В этом качестве участвовал в испытаниях первых советских ракет. В 1949–1953 гг. — зам. министра вооружения СССР. На этом посту организовал перестройку значительной части радиотехнической промышленности на разработку и выпуск аппаратуры для ракетной техники, стал инициатором образования крупнейших научно-исследовательских организаций.

Зуев Павел Никитич (1901–1980) — в органах ОГПУ с 1932 г. С июля 1939 по март 1940 г. — начальник ГУРКМ НКВД СССР, затем недолгий период возглавлял Главное тюремное управление НКВД СССР (до февраля 1941 г.). Полковник.

Зырянов Павел Иванович (1907–1992) — кадровый военный, в РККА с 1924 г. В 1937 г. —

переведен на службу в пограничные войска НКВД, прошел путь от командира погранотряда до начальника Тихоокеанского пограничного округа. В 1952–1956 гг. — начальник Главного управления погранвойск МГБ-МВД СССР, в 1956–1957 гг. — зам. начальника 3-го ГУ КГБ при СМ СССР (военная контрразведка), в 1957–1972 гг. — вновь начальник Главного управления погранвойск КГБ при СМ СССР, генерал-полковник.

Иванов Виктор Александрович (1903–1969) — с мая 1940 по март 1944 г. — 1-й секретарь Чечено-Ингушского ОК ВКП(б).

Иванов Семён Павлович (1907–1993) — кадровый военный, участник Советско-финской войны. В ходе ВОВ проявил себя как умелый начальник штабов армий и фронтов. В июне 1945 г. разработал операцию по разгрому Квантунской армии. Начальник Главного оперативного управления — зам. начальника Генштаба в 1959–1962 гг. Руководил операцией «Анадырь» по переброске на Кубу войск и вооружения. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1945).

Иващенко Ольга Ильинична (1906–1990) — советская партийная деятельница. В 1954–1965 гг. — секретарь ЦК КП Украины. В 1956–1961 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС. В июле 1957 г. находилась в составе правительственной делегации в Чехословакии.

Игнатшвили (Эгнатшвили, Егнатшвили) Александр Яковлевич (1887–1948) — в 1941–1945 гг. — зам. начальника правительственной охраны НКВД-НКГБ, с 1945 г. — начальник управления спецобъектов НКВД в Крыму, генерал-лейтенант. Был доверенным лицом Сталина, по одной из версий являлся его сводным братом.

Игнатов Николай Григорьевич (1901–1966) — советский государственный и партийный деятель. В 1957–1961 гг. — член Президиума ЦК КПСС, в 1952–1953 и 1957–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. В 1952–1953 гг. — министр заготовок СССР. В 1959 и 1962–1966 гг. — председатель Президиума Верховного Совета РСФСР.

Игнатъев Семён Денисович (1904–1983) — до 1951 г. на партийной работе. С сентября 1951 по март 1953 г. — министр госбезопасности СССР В марте-апреле 1953 г. — секретарь ЦК КПСС, затем — 1-й секретарь Башкирского, Татарского обкомов. С 1958 г. на пенсии.

Иден Энтони (1897–1977) — государственный деятель Великобритании, дипломат. В 1923–1957 гг. — член палаты общин. В 1935–1938, 1940–1945, 1951–1955 гг. — министр иностранных дел, в 1955–1957 гг. — премьер-министр Великобритании.

Ильичев Леонид Федорович (1906–1990) — долгие годы работал в партийной печати, в 1944–1948 гг. — главный редактор «Известий», в 1951–1952 гг. — главный редактор «Правды». В 1953–1958 гг. — зав. отделом печати МИД СССР, в 1958–1965 гг. — зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС в 1961–1965 гг., последние годы правления Хрущева считался главным идеологом партии. После его отставки — зам. министра иностранных дел СССР.

Исаков Иван Степанович (1894–1967) — советский военный флотоводец. В ВМФ с 1917 г. В 1939–1950 гг. — зам., 1-й зам. наркома (главкома) ВМФ. В 1941–1943 и 1946–1950-х гг. одновременно начальник Главного морского штаба. В апреле 1942 г. был направлен в Крым для участия в Новороссийской операции, назначен членом Военного Совета Северо-Кавказского направления (фронта). В октябре 1942 г. тяжело ранен под Туапсе, но, несмотря на ампутацию ноги, продолжил службу. В 1954–1956 гг. зам. министра морского флота СССР. Адмирал флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1965), член-корреспондент АН СССР (1951).

Йодль Альфред (1890–1946) — военный деятель Германии, начальник Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта, генерал-полковник. 7 мая 1945 г. подписал Акт о капитуляции Германии, который не был признан советским руководством. Рассматривался Нюрнбергским трибуналом как один из главных военных преступников и по решению суда был повешен.

Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) — советский государственный и партийный деятель, близкий сподвижник Сталина. В 1935–1937 гг. и 1938–1942 — нарком путей сообщения СССР, в годы ВОВ — член ГКО СССР. Один из руководителей СНК (Совмина) СССР. Активный участник «антипартийного заговора» против Хрущева в июне 1957 г., после которого был смещен со всех постов, впоследствии — исключен из КПСС. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)/КПСС в 1930–1957 гг. Герой Социалистического Труда (1943).

Кадар Янош (1912–1989) — венгерский политический и государственный деятель. С 1931 г. — в подпольном коммунистическом движении, во время Второй мировой войны — один из организаторов антифашистского Венгерского Фронта, активный участник сопротивления. С 1945 г. — член Политбюро ВКП, секретарь Будапештского горкома партии, с 1946 г. — зам. генерального секретаря ВКП. Был министром внутренних дел. В 1951 г. арестован по необоснованному обвинению, в июле 1956 г. освобожден, реабилитирован и возвращен на партийную работу. Во время октябрьского восстания в Будапеште активно поддерживал повстанцев, 28.10.1956 г. назначен председателем ЦИК, 30.10.1956 г. — вошел в правительство И. Надя. 2.11.1956 г. тайно вылетел в СССР, где согласился сформировать и возглавить просоветское Революционное рабоче-крестьянское правительство. В 1956–1958 и 1961–1965 гг. — председатель Совета Министров ВНР, с 1.11.1956 г. — председатель временного ЦК ВСРП, в 1957–1988 гг. — генеральный секретарь ЦК ВСРП. Герой Советского Союза (1964), трижды Герой Социалистического Труда ВНР.

Кадоваки Суэмицу (1897–1985) — японский дипломат. В 1957–1961 гг. — чрезвычайный и полномочный посол Японии в СССР.

Казаков Михаил Ильич (1901–1979) — советский военный деятель. В 1956–1960 гг. — командующий Южной группой войск, срочно развернутой на территории Венгрии после подавления Венгерского восстания 1956 г. Генерал армии, Герой Советского Союза (1978).

Какучая Варлам Алексеевич (1905–1982) — руководящий работник органов госбезопасности. В 1939–1941 гг. — нарком внутренних дел Абхазской АССР, Грузинской ССР. В 1941–1943 гг. — начальник отдела 4 управления НКВД (диверсии на оккупированных территориях), в 1943–1947 гг. — нарком (министр) госбезопасности Северо-Осетинской АССР. Одновременно в октябре 1945 — сентябре 1946 г. являлся заместителем уполномоченного НКВД-МВД по ГСОВГ И. Серова. После смерти Сталина и возвращения в МВД Берии в марте 1953 г. назначен министром внутренних дел Грузинской ССР, в апреле — начальником УКР МВД по Закавказскому ВО. Арестован 5.07.1953 г. по делу Берии. 17.07.1956 г. осужден к 15 годам, лишен звания генерал-майора и наград.

Калинин Михаил Иванович (1875–1946) — советский государственный и партийный деятель. Председатель ВЦИК с 1922 г., в 1938–1946 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926–1946 гг.

Каммлер Ганс (1901–1945) — крупный функционер СС, обергруппенфюрер (1945 г.). В 1941–1945 гг. руководил строительными проектами СС, в т. ч. строительством и оборудованием концентрационных лагерей и лагерей уничтожения. Отвечал за ракетную программу Третьего рейха. В 1944–1945 гг. руководил сверхсекретным исследовательским центром по созданию новейших видов вооружения. Погиб или покончил с собой при

невыясненных обстоятельствах в мае 1945 г.

Кантария Иван Георгиевич (1900–1945) — в 1942 г. — командир 394-й стрелковой дивизии, оборонявшей Кавказские перевалы. Погиб при освобождении Германии. Полковник.

Карагеоргиевич Павел (1893–1976) — регент Югославии при малолетнем принце Петре в 1934–1941 гг. Был свергнут 27.03.1941 г., в 1945 г. объявлен на родине военным преступником. Умер в эмиграции.

Каранадзе Григорий Теофилович (1902–1970) — с 1929 г. — в органах ГПУ Грузии. Выдвиженец Берии. С 1938 г. — нарком внутренних дел Крымской АССР, затем нарком внутренних дел Дагестана, с 1943 г. — нарком внутренних дел Грузии. Арестован в 1952 г. по «мингрельскому делу», после смерти Сталина по приказу Берии освобождён и реабилитирован. После падения Берии уволен из органов МВД «по фактам дискредитации». Генерал-лейтенант.

Карри Лочлин Бернارد (1902–1993) — американский экономист. В 1939–1945 гг. — советник президента Ф. Д. Рузвельта. Подозревался в работе на советскую разведку, однако за недоказанность наказания избежал. В 1954 г. ему было отказано в продлении американского паспорта, и он вынужден был остаться в Колумбии. В настоящее время передача им секретных сведений в СССР является доказанной.

Картушев Михаил Федорович (1904–1942) — с февраля 1938 г. зам. Начальника Главного Управления Гражданского Воздушного Флота при СНК СССР.

Катуков Михаил Ефимович (1900–1976) — советский военачальник. В 1943–1945 гг. — командующий 1-й танковой армией. Маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

Квасников Леонид Романович (1905–1993) — видный советский разведчик, один из ключевых участников «атомного проекта». В 1943–1945 гг. — зам. резидента внешней разведки НКВД-НКГБ в Нью-Йорке, в 1947–1963 гг. — начальник научно-технической разведки КИ-МГБ-КГБ, полковник, Герой Российской Федерации (1996, посмертно).

Кейтель Вильгельм Бодевин Йоханн Густав (1882–1946) — немецкий военный деятель, начальник штаба Верховного командования Вермахта (1938–1945 гг.), генерал-фельдмаршал (1940). Подписал Акт о капитуляции Германии, закончивший Вторую мировую войну в Европе. Международным военным трибуналом в Нюрнберге обвинён в преступлениях против человечества и казнён через повешение.

Кекконен Урхо Калева (1900–1986) — финский политик и государственный деятель, в 1950–1953 и 1954–1956 гг. — премьер-министр Финляндии, в 1956–1981 гг. — четыре раза подряд избирался президентом.

Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) — советский учёный в области прикладной математики и механики, крупный организатор советской науки, один из авторов советской космической программы. Занимался механикой и аэрогазодинамикой летательных аппаратов, участвовал в работах по созданию советской термоядерной бомбы. Академик АН СССР (1946), трижды Герой Социалистического Труда (1956, 1961, 1971).

Кеннеди Джон Фицджеральд (1917–1963) — американский политический деятель, в 1961–1963 гг. — президент США. На период его правления приходятся серьезные кризисы в отношениях между США и СССР — Берлинский и Карибский — едва не спровоцировавшие новую глобальную войну. Был убит при загадочных обстоятельствах.

Кеннеди Роберт Фрэнсис (1925–1968) — американский политический и государственный

деятель. Поддерживал политическую карьеру своего старшего брата Дж. Ф. Кеннеди, в период его президентства являлся генеральным прокурором США. Участвовал в разрешении Карибского кризиса. В 1965–1968 гг. — сенатор от штата Нью-Йорк. Убит террористом.

Кириченко Алексей Илларионович (1908–1975) — советский партийный и государственный деятель. В 1953–1957 гг. — первый секретарь ЦК КП Украины. В 1952–1961 гг. — член ЦК КПСС, в 1955–1960 гг. — член Президиума ЦК КПСС, в 1957–1960 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1958–1962 гг. — член Президиума Верховного Совета СССР.

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) — российский революционер, крупный советский государственный и политический деятель. В 1926–1934 гг. — первый секретарь Ленинградского губкома/обкома и горкома ВКП(б). В 1930–1934 гг. — член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б). Убит в Смольном Л. В. Николаевым.

Киселев Василий Иванович (1896–1960) — сотрудник советских органов госбезопасности. С 1922 г. — в войсках ОГПУ. Участник гражданской войны в Испании и Великой Отечественной войны. В период ВОВ — командир Орджоникидзеградской дивизии внутренних войск НКВД СССР. После войны служил в органах МВД, генерал-майор.

Киселев Евгений Дмитриевич (1908–1963) — в 1955–1959 гг. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Египте/АРЕ, одновременно в 1956–1959 гг. — чрезвычайный и полномочный посланник СССР в Йемене.

Клей Люсиус Дюбиньон (1897–1978) — американский военачальник, генерал, глава администрации американской зоны оккупации послевоенной Германии. В 1945 г. являлся заместителем генерала Дуайта Эйзенхауэра.

Климов — сотрудник Комитета партийного контроля. Сведений о нем найти не удалось.

Кобулов Амаяк Захарович (1906–1955) — младший брат Б. З. Кобулова. В органах ГПУ Грузии с 1927 г. В 1938–1939 гг. — 1-й зам. наркома ВД Украинской ССР. С 1939 г. до начала ВОВ — резидент НКВД-НКГБ в Берлине. С июля 1941 по 1945 г. — нарком ГБ (внутренних дел) Узбекской ССР, в 1945–1951 гг. — 1-й зам. начальника ГУЛАГ — начальник УПВИ НКВД (МВД) СССР. После смерти Сталина и назначения Берии министром внутренних дел в мае 1953 г. назначен зам. начальника Контрольной инспекции при МВД. Арестован 27.06.1953 г. по делу Берии, 1.10.1954 г. приговорен к расстрелу. Лишен звания генерал-лейтенанта и наград.

Кобулов Богдан Захарович (1904–1953) — один из руководителей НКВД-МВД. Был приведен на Лубянку в составе «десанта Берия» в сентябре 1938 г. (до этого — служил в Грузии). Возглавлял следственную часть НКВД СССР, Главное экономическое управление НКВД СССР. Зам. наркома госбезопасности СССР (февраль-июль 1941), зам. наркома внутренних дел СССР (июль 1941 — апрель 1943), 1-й зам. наркома госбезопасности СССР (апрель 1943 — декабрь 1945). Долгий период находился в опале, в 1946–1953 гг. зам. — 1-й зам. начальника ГУСИМЗ МВТ СССР. В марте 1953 г. после смерти Сталина и создания объединенного МВД СССР под руководством Берии стал его заместителем. Арестован в июне 1953 г. по делу Берии, расстрелян вместе с ним в декабре 1953 г. Лишен звания генерал-полковника и наград.

Коваль Константин Иванович (1909–2001) — с 1946 г. — зам. Главноначальствующего СВАГ по экономическим вопросам — Глава советской части Экономического директората Союзного контрольного Совета в Германии.

Коган (Ржевская) Елена Моисеевна (род. 1919) — писательница. Во время ВОВ служила на фронте переводчиком. После взятия советскими войсками Берлина участвовала в поисках Гитлера, проведении опознания и расследовании обстоятельств его самоубийства.

Кожевников Сергей Фёдорович (1904–1961) — в 1950–1951 гг. — начальник 9-го управления МГБ СССР. В 1951–1952 гг. — начальник Управления МГБ по Дрогобычской области. В 1952–1953 гг. — начальник Управления МГБ по Запорожской области. Генерал-майор.

Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896–1967) — советский военачальник. Участвовал в Первой мировой, Гражданской и советско-финской войнах, а также в присоединении Бессарабии. В первый год ВОВ командовал фронтами, но после катастрофической неудачи Керченской десантной операции понижен в звании и переведён на менее ответственные должности. В 1943 г. звание генерал-лейтенант возвращено. С 1954 г. — в запасе.

Козлов Фрол Романович (1908–1965) — советский партийный и государственный деятель. В 1953–1957 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1956–1958 гг. — член Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В 1957–1964 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В 1957–1958 гг. — Председатель Совета Министров РСФСР. В 1958–1960 гг. — 1-й зам. Председателя СМ СССР. В 1960–1964 гг. — секретарь ЦК КПСС.

Козырев Александр Александрович — в 1954–1956 гг. — 1-й зам. начальника Следственной части МВД СССР, затем — начальник УКГБ при СМ СССР по Ростовской области, полковник.

Комаровский Александр Николаевич (1906–1973), инженер-гидротехник, строитель. В НКВД — с начала ВОВ возглавлял управления по строительству ряда промышленных объектов, в 1944–1951 и 1952–1953 гг. — начальник Главного управления лагерей промышленного строительства НКВД-МВД СССР (Главпромстрой). Впоследствии — зам. министра обороны СССР. Генерал армии, Герой Социалистического Труда (1949).

Комзин Иван Васильевич (1905–1983) — инженер-строитель, энергетик. В годы ВОВ — зам. наркома строительства объектов военного назначения, затем — зам. наркома ВМФ по капитальному строительству. С 1950 г. — начальник «Куйбышевгидрострой» МВД СССР и одновременно Кунеевского ИТЛ. Генерал-майор инженерно-технической службы, Герой Социалистического Труда (1958).

Коморовский Тадеуш (подпольный псевдоним — Бур) (1895–1966) — польский военачальник. В период оккупации Польши находился в подполье, с июля 1943 г. — командующий Армией Крайовой. 1.08.1944 г. при подходе Красной Армии к Варшаве отдал приказ о начале Варшавского восстания, которое сам возглавил. Его расчёт на ослабленность немцев не оправдался, восстание было потоплено в крови. После капитуляции находился в немецком концлагере, был освобождён американцами. Умер в эмиграции.

Коновалец Евгений Михайлович (1891 или 1892–1938) — деятель украинского националистического движения. Участник Первой мировой и Гражданской войн на Украине. В 1929 г. возглавил созданную при его участии ОУН (Организация украинских националистов) и руководил ею до своей гибели. Считал необходимым опираться на сотрудничество с Гитлером в борьбе с польским и советским государствами за создание независимой Украины. Убит в Роттердаме сотрудником НКВД Павлом Судоплатовым.

Коновалов Алексей Андрианович (1901–1975) — в 1953–1962 гг. — начальник 2-го управления ГРУ ГШ ВС (Западная Европа), генерал-лейтенант.

Копачи Шандор (1922-?) — в 1952–1956 гг. — начальник УВД Будапешта, полковник полиции. Оказал активную поддержку восставшим, 31.10.1956 г. избран в состав Революционного Комитета Обороны, с 1.11.1956 г. — зам. Главнокомандующего Национальной гвардией. Арестован советскими военными властями 5.11.1956 г., в июне 1958 г. осужден к пожизненному заключению, в 1963 г. освобожден, в 1975 г. эмигрировал. В 1989 г. реабилитирован.

Корневский Николай Александрович (1910–1978) — в 1961–1972 гг. — начальник службы

информации ГРУ, генерал-лейтенант.

Корнеев Николай Васильевич (1900–1976) — советский военачальник. В январе — декабре 1944 г. — глава советской военной миссии в Югославии, Генерал-лейтенант.

Корниец Леонид Романович (1901–1969) — советский партийный и хозяйственный деятель. В 1939–1944 гг. — председатель Совнаркома УССР. В 1950-1960-е гг. занимал высокие должности в Совете Министров СССР.

Коробов Александр Анатольевич — в 1942 г, командир 815-го полка 3-го стрелкового корпуса, участвовавшего в обороне Кавказа.

Королев Сергей Павлович (1906/07-1966) — выдающийся советский конструктор ракетной техники. В 1945–1947 гг. работал в недавно освобождённой от нацистов Германии с немецкими специалистами (институт «Нордхаузен»). Под его руководством были созданы аналог немецкой Фау-2 — баллистическая ракета Р-1, её многочисленные модификации, межконтинентальная баллистическая ракета Р-7, выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли, запущен пилотируемый космический корабль с человеком на борту. Академик АН СССР (1958), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961).

Коротеев Константин Аполлонович (1901–1953) — советский военачальник, в годы ВОВ командовал армиями, участвовал в освобождении Крыма. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1945).

Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939) — коммунистический и государственный деятель. Член РСДРП с 1907 г. В 1928–1938 гг. — генеральный (1-й) секретарь ЦК КП(б) Украины. Член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1930–1939 гг. Арестован 3.05.1938 г., расстрелян 26.02.1939 г. В 1956 г. реабилитирован.

Косов Василий Владимирович (1910–1996) — партийный функционер. В 1953–1955 гг. — зав. сектором отдела партийных органов ЦК КПСС, инспектор ЦК КПСС.

Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) — крупный советский хозяйственный и партийный деятель. В 1943–1946 гг. — председатель Совета народных комиссаров/Совета Министров РСФСР В 1946–1947 гг. — зам. председателя Бюро Совета Министров СССР. В 1947–1948 гг. — председатель Бюро Совета Министров СССР по торговле и лёгкой промышленности. В 1948 г. — министр финансов СССР. В 1948–1953 гг. — министр лёгкой промышленности СССР. Фигурировал в следственных делах пр «ленинградскому делу», однако серьезных репрессий избежал. Позднее занимал высокие посты в Совете Министров СССР. В 1964–1980 гг. — председатель Совета Министров СССР. Дважды Герой Социалистического Труда (1964, 1974).

Косяченко Григорий Петрович (1901–1983) — в 1941–1944, 1949–1957 гг. — 1-й зампред Госплана СССР. Недолгий период в марте-июне 1953 г. был председателем Госплана.

Котиков Александр Георгиевич (1902–1981) — комендант советского сектора Берлина и начальник берлинского гарнизона в 1946–1950 гг. Генерал-майор.

Кошевой Петр Кириллович (1904–1976) — советский военачальник. Участник Гражданской войны. В годы ВОВ командовал дивизией, корпусами. С августа 1943 г. — командир 63 стрелкового корпуса, который отличился в Крымской операции весной 1944 г при освобождении Джанкоя, Симферополя и штурме Сапун-горы. В дальнейшем — на высоких командных должностях в Советской Армии, Маршал Советского Союза (1968), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

Кребс Ганс (1898–1945) — немецкий военачальник, последний начальник верховного

командования сухопутных войск вермахта. После самоубийства Гитлера пытался заключить с советским командованием перемирие, в котором было отказано. Застрелился 1.05.1945 г. Генерал-лейтенант.

Крохин Алексей Алексеевич (1912–1983) — в органах НКВД с 1938 г. В 1950–1954 гг. был резидентом КИ-МГБ-МВД-КГБ в Париже. В 1954–1961 гг. — зам. начальника ПГУ КГБ при СМ СССР, одновременно в 1957–1958 гг. — начальник управления «С» (нелегальная разведка), генерал-майор.

Круглов Сергей Никифорович (1907–1977) — деятель советской госбезопасности. Выдвиженец Л. Берии и Г. Маленкова. В 1937–1939 г. работал в аппарате ЦК ВКП(б). В 1939–1945 гг. — зам. наркома внутренних дел СССР, в 1945–1953 и 1954–1956 гг. — нарком (министр) внутренних дел СССР. Участвовал в смещении Берии. В 1956 г., в связи с опалой Г. Маленкова понижен в должности, затем отправлен на пенсию, исключен из партии. Генерал-полковник.

Крюков Владимир Викторович (1897–1959) — советский военачальник. Участник 1-й мировой войны, в Красной армии — с 1918 г. Во время ВОВ — командовал дивизией, корпусами. Был близок к маршалу Г. Жукову. Арестован в 1948 г. по т. н. «трофейному делу», 2.11.1951 г. осужден к 25 годам лагерей, в июле 1953 г. освобожден, реабилитирован, восстановлен в звании и наградах. Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза (1945).

Крючёнкин Василий Дмитриевич (1894–1976) — советский военачальник. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Во время ВОВ командовал дивизией, кавалерийским корпусом, затем — армиями, генерал-лейтенант.

Кубаткин Пётр Николаевич (1907–1950) — в органах госбезопасности с 1929 г. В период ВОВ возглавлял Ленинградское УНКВД. В 1946 г. — начальник ПГУ МГБ СССР (внешняя разведка). Осужден и расстрелян по «ленинградскому делу», лишен звания генерал-лейтенанта и наград. В 1954 г реабилитирован.

Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950) — советский партийный деятель. В 1945–1946 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В 1946–1949 гг. — секретарь ЦК ВКП(б). В 1949 г. — секретарь Дальневосточного бюро ЦК ВКП(б). Арестован в 1949 г. и расстрелян по «ленинградскому делу». Посмертно реабилитирован. Генерал-лейтенант.

Кузнецов Василий Васильевич (1901–1990) — советский партийный и хозяйственный деятель, дипломат. В 1944–1953 гг — Председатель Президиума ВЦСПС, 1-й зам. Председателя Президиума ВС СССР в 1977–1986 гг. В 1953–1977 гг. — зам./первый зам. министра иностранных дел СССР. Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг. Дважды Герой Социалистического Труда (1971, 1981).

Кузнецов Василий Иванович (1894–1964) — советский военачальник. Во время ВОВ командовал армиями, в том числе с марта 1945 г. — 3-й ударной армией 1-го Белорусского фронта, бойцы которой водрузили Знамя Победы над Рейхстагом. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1945).

Кузнецов Виктор Иванович (1913–1991) — советский учёный и конструктор в области прикладной механики и автоматического управления. В 1945–1946 гг, работал в институте «Нордхаузен», занимался устройством гироскопов. Член Совета главных конструкторов, руководившего советским ракетостроением. Академик АН СССР (1968), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961).

Кузнецов Николай Герасимович (1904–1974) — советский флотоводец, в 1939–1947 и 1951–1955 гг. возглавлял советский ВМФ. Участник Гражданской войны в Испании и боёв у

озера Хасан. Внёс большой вклад в победу в ВОВ. После войны дважды попадал в опалу, находился под судом, понижался в званиях. Адмирал Флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1945).

Кузнецов Фёдор Исидорович (1898–1961) — советский военачальник. С декабря 1940 г. до начала ВОВ — командующий войсками Прибалтийского военного округа. Во время ВОВ командовал рядом армий; по его вине Крым оказался плохо подготовлен к обороне. Генерал-полковник.

Кузнецов Фёдор Федотович (1904–1979) — советский военачальник. В армии с 1938 г. Служил в Главном политическом управлении РККА (позднее — Главное управление политической пропаганды РККА). Руководил советской военной разведкой в годы Второй мировой войны и первое послевоенное время. Генерал-полковник.

Кузьмин М. Р. (1907-?) — зам. наркома (министра) внешней торговли СССР в 1943–1965 гг.

Кузьмичев Сергей Федорович (1908–1989) — в личной охране И. В. Сталина с 1932 г. В 1946–1948 гг. начальник 1-го управления охраны ГУО МГБ СССР. В январе 1953 г. арестован как пособник шпионской деятельности И. Федосеева, после смерти И. В. Сталина освобожден, возвращен на службу в МВД. Повторно арестован в июне 1953 г. по делу Л. П. Берии. Освобожден в 1954 г. Генерал-майор.

Кулик Григорий Иванович (1890–1950) — советский военачальник. Участник Первой мировой и Гражданской войн, во время обороны Царицына познакомился со Сталиным. Был военным советником в Испании, участвовал в кампании на Халхин-Голе, Польском походе и советско-финской войне. Во время ВОВ проявил себя бездарным военачальником, был лишён званий маршала, Героя Советского Союза и орденов, однако оставался в командном составе РККА. Арестован в 1947 г., расстрелян в 1950 г. В 1956 г. реабилитирован, в 1957 г. — посмертно восстановлен в званиях и наградах.

Курасов Владимир Васильевич (1897–1973) — советский военачальник, В июне-сентябре 1945 г. — начальник штаба СВАГ. Затем — зам. главнокомандующего, а с апреля 1946 г. — главнокомандующий Центральной группой войск в Австрии. Генерал армии. Герой Советского Союза (1965).

Курочкин Павел Алексеевич (1900–1989) — советский полководец, Участник Гражданской войны. С 1920-х гг. занимал командные должности в РККА. Как начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса участвовал в Польском походе РККА 1939 г. Командовал корпусом в советско-финскую войну. В июле 1941 г. под Смоленском организовал выход из окружения 16-й и 20-й армий. В ходе ВОВ командовал армиями и фронтами. В 1954–1968 гг. — начальник Военной академии имени Фрунзе. Генерал армии, Герой Советского Союза (1945).

Курчатов Игорь Васильевич (1903–1960) — выдающийся советский физик. Основатель и в 1943–1960 гг. директор Института атомной энергии. Главный научный руководитель ядерных исследований в СССР, в том числе и по созданию атомной бомбы. Академик АН СССР (1943), трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954).

Кучеренко Владимир Алексеевич (1909–1963) — зам. председателя Совмин СССР в 1955–1956 гг., затем — председатель Госкомитета СМ СССР по делам строительства.

Латр де Тассиньи Жан Жозеф Мари Габриэль де (1889–1952) — французский военачальник. Командовал французской 1-й армией, действовавшей в составе союзных войск на западном фронте Второй мировой войны. 8 (9).05.1945 г. совместно с другими военачальниками антигитлеровской коалиции подписал в качестве свидетеля Акт о безоговорочной

капитуляции Германии. Маршал Франции (1952).

Лашенко Петр Николаевич (1910–1992) — советский военачальник, в 1955–1956 гг. — командир особого корпуса Советской Армии в ВНР. Впоследствии — на высоких командных должностях. Генерал армии, Герой Советского Союза (1943).

Лебедев Виктор Захарович (1900–1968) — в 1951–1954 гг. — чрезвычайный и полномочный посланник СССР в Финляндии, в 1954–1958 гг. — посол в Финляндии.

Лебедев Владимир Семенович (1915–1966) — в 1954–1964 гг. — помощник 1-го секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева.

Левитан Юрий Борисович (1914–1983) — диктор Всесоюзного радио, диктор Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию. Владелец редкого тембра и выразительности голоса. Народный артист СССР.

Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901–1987) — советский военачальник. Во время ВОВ командовал армиями. Генерал армии, дважды Герой Советского Союза (1940, 1945).

Ленин Владимир Ильич (наст. фамилия — Ульянов, 1870–1924), один из вождей октябрьской революции 1917 г, создатель большевистской партии, председатель Совета народных комиссаров, руководитель советского государства в 1917–1924 гг. Леонов Алексей Иванович (1902–1972) начальник войск связи в 1958–1970 гг. Маршал войск связи (1961).

Леонов Дмитрий Сергеевич (1909–1981) — кадровый военный политработник. Направлен в органы безопасности после ареста Берии в июле 1953 г. с должности члена Военного совета Ленинградского военного округа. В 1953–1959 гг. — начальник 3-го управления МВД-КГБ при СМ СССР (военная контрразведка). После ухода Серова отправлен в отставку. Генерал-лейтенант.

Леонтьев Александр Михайлович (1902–1960) — с 1938 г. — в центральном аппарате ГУПВ НКВД. Во время ВОВ занимал различные должности в службах по охране тыла, борьбе с дезертирами, диверсантами, шпионами, бандитами, националистическими отрядами, был начальником Главного управления по охране войск тыла действующей армии (1942–1943), начальником управления по борьбе с бандитизмом (1943–1947). В 1947–1953 гг. — начальник Главного управления милиции МВД-МГБ СССР. С 1954 г. — в отставке. Генерал-лейтенант.

Леселидзе Константин Николаевич (1903–1944) — советский военачальник. До войны служил главным образом в Грузии. Во время ВОВ командовал 3-м стрелковым корпусом (1942), 46-й армией (1942–1943), 47-й армией (1943), 18-й армией (1943–1944). Умер в госпитале. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1971 г. — посмертно).

Линге Хайнц (1913–1980) — оберштурмбаннфюрер СС, камердинер А. Гитлера, был свидетелем его последних минут.

Литовченко Никифор Трофимович — сотрудник КГБ, начальник личной охраны Н. С. Хрущева.

Лихачев Михаил Тимофеевич (1913–1954) — в 1946–1951 гг. — зам. начальника следственной части МГБ СССР, активный участник фальсификации следственных дел. Арестован по делу Абакумова. В 1954 г. осужден к высшей мере наказания, лишен звания полковника и наград.

Ло Жуйцин (1906–1978) — китайский военный и политический деятель. В 1949–1959 гг. — министр общественной безопасности КНР.

Ломако Петр Фадеевич (1904–1990) — советский хозяйственный деятель. В 1940–1948,

1950–1953, 1954–1957, 1965–1986 гг. — нарком/министр цветной металлургии СССР. Герой Социалистического Труда (1974).

Лонгсдейл Гордон (наст. имя — Молодой Конон Трофимович) (1922–1970) — советский разведчик. С 1954 г. нелегально работал за рубежом под именем канадского бизнесмена Г. Лонгсдейла, возглавлял агентурную сеть ПГУ КГБ. Задержан в 1961 г. британской контрразведкой в результате предательства, осужден к 25 годам, но своей причастности к КГБ не признал. Обменен в 1964 г. на осужденного в СССР агента британской разведки Г. Винна. Полковник.

Лошонци Геза (1917–1957) — один из идеологов венгерской революции. Был репрессирован в 1951 г., в 1954 г. — реабилитирован. В ночь после восстания 23–24.10.1956 г. кооптирован в ЦР ВПТ, избран кандидатом в члены Политбюро. 30.10.1956 г. назначен министром в правительстве И. Надя. 4.11.1956 г. укрылся в югославском посольстве, 23.12.1956 г. депортирован в Румынию, в апреле 1957 г. доставлен в Венгрию. Умер в тюрьме во время голодовки в декабре 1957 г.

Лунев Константин Федорович (1907–1980) — с 1941 г. на партийной работе. Направлен в органы госбезопасности после ареста Берии в июне 1953 г.: начальник 9 управления МВД СССР (госохрана), с 30.07.1953 г. — 1-й зам. министра внутренних дел СССР, с 13.03.1954 г. — 1-й зам. председателя КГБ при СМ СССР. После отставки Серова с августа 1959 по апрель 1960 г. исполнял обязанности председателя. С 31.08.1959 г. — председатель КГБ при СМ Казахской ССР, в августе 1960 г. уволен по болезни. Генерал-майор.

Любимов Александр Васильевич (1898–1967) — советский государственный деятель. В 1939–1948 гг. — народный комиссар/министр торговли СССР.

Людвигов Борис Александрович (1907–?) — с 1931 г. на партийной работе в Грузии, в 1936–1937 гг. — помощник Л. Берии. С 1938 г. — переведен в НКВД, зам. начальника секретариата НКВД-МВД СССР, был помощником Берии по Совету Министров СССР, полковник. Арестован в июне 1953 г., в сентябре 1954 г. осужден к 15 годам тюрьмы, освобожден в 1965 г. по состоянию здоровья.

Лялин Серафим Николаевич (1908–1978) — в 1958–1959 гг. — зам. председателя КГБ при СМ СССР, впоследствии — руководил подразделениями центрального аппарата КГБ, УКГБ по Москве и области, УОО по ГСВГ, генерал-лейтенант.

Лянгнер Владислав (1897–1972) — польский военачальник. В Первую мировую войну — офицер Польского легиона, участник украинско-польской 1918–1919 гг., советско-польской 1920 г. войн. С 1934 г. — командир 6-го львовского корпуса, дислоцированного во Львове, бригадный генерал. После капитуляции в сентябре 1939 г. получил возможность выехать в Румынию, затем добрался до Великобритании, где присоединился к польскому правительству в изгнании. Умер в эмиграции.

Ляхтеров Николай Григорьевич (1905–1998) — в ГРУ с 1936 г., в 1956–1959 гг. — начальник 4-го управления ГРУ (Ближний и Дальний Восток), генерал-майор.

Майрановский Григорий Моисеевич (1899–1964) — в 1937–1951 гг. — начальник токсикологической лаборатории ГУГБ НКВД-МГБ СССР, занимавшейся исследованиями в области ядов, полковник. Принимал участие в ликвидациих, а также проводил опыты над приговоренными к смерти. В 1951 г. арестован как участник «сионистского заговора в МГБ», 13.12.1951 г. осужден на 10 лет лишения свободы. Не реабилитирован.

Маклин (Маклэйн) Дональд Дюарт (1913–1983) — британский дипломат, агент советской

разведки, член «Кембриджской пятёрки». Спасаясь от провала, в 1951 г. вместе с Г. Бёрджессом переправился в Советский Союз. В СССР работал преподавателем, журналистом, занимался научными исследованиями. Умер в Москве.

Максарёв Юрий Евгеньевич (1903–1982) — советский государственный деятель. В 1946–1949 гг. — зам. министра транспортного машиностроения СССР и одновременно начальник Главного управления танкового производства министерства. В 1950–1953 гг. — министр транспортного машиностроения СССР.

Максвелл Роберт (1923–1991) — британский медиамагнат, основатель и президент издательства «Пергамон пресс». Издавал биографии, автобиографии, сборники речей и статей, мемуары руководителей СССР и социалистических стран. Много раз бывал в СССР, встречался с Брежневым, Черненко, Горбачёвым, Шеварднадзе и др. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Малик Яков Александрович (1906–1980) — советский дипломат. В 1953–1960 гг. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании. В 1960–1968 гг. — зам. министра иностранных дел СССР.

Малин Владимир Никифорович (1906–1982) — партийный работник. В 1954–1965 гг. зав. Общим отделом ЦК КПСС, доверенное лицо Н. С. Хрущева.

Малинин Михаил Сергеевич (1899–1960) — советский военачальник. В период ВОВ командовал штабами армий и фронтов, обычно при командующем К. К. Рокоссовском. В 1945–1948 гг. — начальник штаба Группы советских оккупационных войск в Германии, затем — начальник Главного штаба, зам. Главнокомандующего Сухопутными войсками СССР. В 1952–1960 гг. — первый зам. начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. Участвовал в разработке и осуществлении операций по подавлению Венгерского восстания 1956 г. Генерал армии, Герой Советского Союза (1945).

Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967) — советский военачальник и государственный деятель. В период ВОВ командовал армиями и фронтами. После войны командовал войсками на Дальнем Востоке. В 1956–1957 гг. — главнокомандующий Сухопутными войсками СССР, зам. министра обороны СССР В 1957–1967 гг. — министр обороны СССР. Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1945, 1958).

Малышев Вячеслав Александрович (1902–1957) — советский государственный деятель, организатор промышленности. В 1939–1940 гг. — народный комиссар тяжёлого машиностроения СССР, в 1940–1944 гг. — зам. председателя СНК СССР и председатель Совета по машиностроению при СНК СССР. Одновременно в 1940–1941 гг. народный комиссар среднего машиностроения СССР В 1941–1942 и 1943–1945 гг. народный комиссар танковой промышленности СССР. После войны возглавлял министерства и занимал другие высокие посты в народном хозяйстве. Генерал-полковник инженерно-технической службы, Герой Социалистического Труда (1945).

Мальков Павел Михайлович (1904–1983) — в 1945–1948 гг. — начальник отдела внутренних дел СВАГ, генерал-майор.

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (1903–1968) — в военной разведке в 1935–1943 гг., затем на командных должностях в Советской Армии. Зам. начальника ГРУ в 1957–1968 гг., начальник Центра особого назначения, генерал-полковник. Герой Советского Союза (1945).

Мамулов (Мамулян) Степан Соломонович (1902–1976) — профессиональный партийный работник. Перед переездом в Москву — зав. сельхозотделом ЦК КП(б) Грузии. С января 1939 г. в органах НКВД: 1-й зам. начальника, начальник секретариата (1939–1946), зам. министра внутренних дел СССР (1946–1953). Генерал-лейтенант. Арестован в августе 1953 г. по «делу

Берии», осужден к 15 годам тюрьмы.

Мао Цзедун (1893–1976) — крупнейший политический деятель Китая. В 1943–1976 гг, председатель ЦК КПК, в 1954–1959 гг. председатель КНР. Установил в Китае тоталитарный режим.

Маркграф Пауль (1910–1993) — обер-лейтенант вермахта, в 1943 г. попал в плен под Сталинградом. Вступил в Национальный комитет «Свободная Германия», прошёл обучение в антифашистской школе. 30 апреля 1945 г. вместе с группой Ульбрихта прибыл в Германию. В 1945–1949 гг. был начальником полиции Берлина (полицией-президентом) в звании полковника. В 1946 г. вступил в СЕПГ.

Масленников Иван Иванович (1900–1954) — участник революции и Гражданской войны. Затем служил в кавалерии и пограничных войсках. В 1939–1943 и в 1948–1954 гг. — зам. наркома/министра внутренних дел СССР по пограничным и внутренним войскам. В годы ВОВ командовал различными воинскими соединениями, в т. ч. армиями и фронтами. Застрелился 16.04.1954 г. Генерал армии, Герой Советского Союза (1945).

Медяник Яков Прокофьевич (1917–1996) — в 1954–1959 гг. — резидент ПГУ КГБ в Израиле, в 1959–1962 гг. — резидент в Афганистане, впоследствии — зам. начальника ПГУ КГБ, генерал-майор.

Мельник Андрей Афанасьевич (1890–1964) — один из лидеров украинского национализма, ближайший соратник Е. Коновальца. В Первую мировую войну сражался в украинском легионе на стороне Австро-Венгрии, попал в плен. В 1918–1920 гг. — один из военачальников Украинской Народной Республики. В 20-30-е гг. занимался подпольной деятельностью в Галиции, после гибели Коновальца возглавил ОУН. В начале 1940 г. после раскола в ОУН стал лидером одной из частей (вторую возглавлял С. Бандера). Активно сотрудничал с немцами в период Второй мировой войны, однако его деятельность не во всём устраивала германское руководство: он был арестован и помещён в концлагерь. После войны жил в ФРГ и Люксембурге.

Мельник Кондрат Семёнович (1900–1971) — советский военачальник, в годы ВОВ командовал армиями, участвовал в освобождении Крыма, генерал-лейтенант.

Мельников Григорий Александрович (1898–1972) — в особых отделах ВЧК с 1919 г. В 1944–1945 гг. — зам, начальника УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта, в 1945–1946 г. — зам. начальника УКР СМЕРШ-УКР МГБ ГСОВБ, генерал-майор.

Мельников Леонид Георгиевич (1906–1981) — советский партийный и государственный деятель. В 1952–1956 гг. — член ЦК КПСС. В 1952–1953 гг. — член Президиума ЦК КПСС. В 1949–1953 гг. — первый секретарь ЦК КП Украины. В 1953–1955 гг., — посол СССР в Румынии.

Меньшиков Михаил Алексеевич (1902–1976) — в 1953–1957 гг. — посол СССР в Индии.

Мерецков Кирилл Афанасьевич (1897–1968) — советский военачальник. Участник революции и Гражданской войны. Был военным советником в Испании, командовал армией в советско-финскую войну 1939–1940 гг. В 1940–1941 гг. — начальник Генштаба РККА. 23.06.1941 г, арестован по сфальсифицированным обвинениям, подвергался пыткам и издевательствам. Освобожден 6.09.1941 г. В годы ВОВ командовал армиями и фронтами. Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1940).

Меркулов Всеволод Николаевич (1895–1953) — в органах ВЧК с 1921 г. Работал в ЧК-ГПУ Грузии, последняя должность — начальник СПО ГПУ Закавказья (1931–1932). В 1932–1938 гг, — на партийной работе. После прихода на Лубянку Берии возвращен в органы НКВД: зам.

начальника ГУГБ НКВД СССР (1938), 1-й зам. наркома внутренних дел СССР и одновременно нач. ГУГБ (1938–1941). После выделения госбезопасности в отдельный наркомат в феврале-июле 1941 г. возглавлял НКГБ СССР, когда НКГБ был вновь возвращен в систему НКВД, занял должность первого зам. наркома. В 1943–1946 гг. повторно был наркомом (министром) госбезопасности СССР. С 1947 г. — в Главном управлении советского имущества за границей при Совмине СССР: зам. начальника (1947), начальник (1947–1950). В 1950–1953 гг. — министр госконтроля СССР. Арестован в сентябре 1953 г по делу Берии. 23.12.1953 г. расстрелян. Генерал армии.

Мехлис Лев Захарович (1889–1953) — советский государственный и военный деятель. Участник Первой мировой войны, в РККА с 1918 г. В 1922–1926 гг. работал помощником И. Сталина. Был главным редактором «Правды», в 1937–1940 и в 1941–1942 гг. — зам. наркома обороны СССР и начальник ГлавПУР. Одновременно в 1940–1944 гг. — зам, председателя СПК СССР. Нарком (министр) госконтроля СССР в 1940–1941 и 1946–1950 гг. Во время ВОВ был представителем Ставки на ряде фронтов, в том числе на Крымском в 1942 г. Генерал-полковник.

Мешик Павел Яковлевич (1910–1953) — в органах ОГПУ с 1932 г. В 1939–1941 гг. — начальник следственной части ГЭУ НКВД СССР, в феврале 1941 г. сменил Серова в должности наркома госбезопасности УССР (до июля), затем до 1943 г. — начальник ГЭУ НКВД СССР. В 1943–1945 гг. — зам. начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР, одновременно в 1945 г. — уполномоченный НКВД СССР по 1-му Украинскому фронту, советник при временном правительстве Польши. В 1945–1953 гг. — зам. начальника 1-го ГУ при СНК (Совмине) СССР (атомный проект), в марте 1953 г. после возвращения Берии вновь был назначен министром внутренних дел УССР. Арестован 30.06.1953 г. в Киеве, 23.12.1953 г. осужден к расстрелу как член «банды Берии». Лишен наград и звания генерал-лейтенанта.

Миколайчик Станислав (1901–1966) — польский государственный и политический деятель. После гибели В. Сикорского в 1943–1944 гг. — премьер-министр правительства Польши в изгнании. Отстаивал принадлежность Западной Украины и Западной Белоруссии Польше, а потому не находил взаимопонимания с Советским Союзом и не получал большой поддержки со стороны Великобритании, не желавшей ссориться со Сталиным.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978) — один из наиболее влиятельных советских государственных деятелей, член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1935–1966 гг. С 1930 г. был наркомом снабжения СССР, с 1934 г. — наркомом пищевой промышленности. В 1938–1953 гг. — нарком (министр) внешней торговли. В годы ВОВ был членом ГКО. В 1964–1965 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Герой Социалистического Труда (1943).

Микрюков Михаил Евдокимович (1895–1943) — с 1920-х гг. — в войсках ВЧК-ОГПУ. Командир 41-й Сухумской дивизии войск НКВД (с мая 1942 г.). Погиб на фронте. Полковник.

Милаев Евгений Тимофеевич (1910–1983) — советский артист цирка, народный артист СССР (1969). В 1951–1962 гг. был женат на дочери Л. И. Брежнева Галине.

Мильке Эрих (1907–2000) — в 1957–1989 гг. — министр госбезопасности ГДР. Генерал армии, Герой Советского Союза (1987), дважды Герой ГДР, дважды Герой Труда ГДР.

Миндсенти Йожеф (1892–1975) — с 1946 г. — кардинал, примас венгерской католической церкви. В 1948 г. репрессирован, приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в ходе восстания 30.10.1956 г., сыграл важную роль в венгерской революции. 4.11.1956 г. укрылся в посольстве США, где находился вплоть до 1971 г., пока власти не разрешили ему выезд из страны. В 1990 г. реабилитирован.

Миронов Александр Николаевич (1896–1968) — в органах ГПУ с 1923 г., в 1937–1953 гг. —

начальник внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД-МГБ-МВД СССР, полковник.

Миронов Николай Романович (1913–1964) — перешел в МГБ в 1951 г в рамках партийного набора после ареста министра В. Абакумова. В 1954–1956 гг. зам. начальника 3-го ГУ КГБ при СМ СССР, начальник УКГБ по Ленинградской области (1956–1959). С мая 1959 г. — зав. отделом административных органов ЦК КПСС. Погиб в авиакатастрофе. Генерал-майор.

Михай I (род. 1921) — король Румынии из династии Гогенцоллернов-Зигмарингенов. Возведён на престол в 1940 г. в результате переворота, совершённого при участии фашистской организации «Железная гвардия». Был номинальным главой государства при кондукторе И. Антонеску. В августе 1944 г. арестовал Антонеску, вышел из союза с Германией и объявил ей войну, вступив в антигитлеровскую коалицию. Поддерживал союзнические отношения с Москвой, был награждён высшим военным орденом СССР «Победа». В 1947 г. был отстранён от власти коммунистическим правительством. Живёт в эмиграции в Швейцарии.

Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971; иногда ошибочно его называют Дормидонт Михайлов) — русский советский певец. Владелец уникального по диапазону и тембру голоса (бас-профундо), В 1932–1956 гг. — солист Большого театра СССР. Народный артист СССР, лауреат двух Сталинских премий 1-й степени.

Михайлов Николай Александрович (1906–1982) — советский партийный деятель. В 1948–1952 гг. — 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1953–1955 гг. — 1-й секретарь МК КПСС. В 1955–1960 гг. — министр культуры СССР. Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг.

Моллаев Сутьян Кагирович (1900-?) — в 1938–1944 гг — председатель Совнаркома Чечено-Ингушской АССР.

Молле Ги (1905–1975) — французский государственный деятель, социалист. В 1946–1969 гг. — генеральный секретарь партии «Французская секция рабочего интернационала» (СФИО) — предшественницы Французской социалистической партии. В 1956–1957 гг. — премьер-министр Франции.

Молодой Конон Трофимович — см. Лонгсдейл Гордон.

Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986) — один из высших руководителей партии и правительства. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., зам. председателя ГКО СССР в 1941–1945 гг., народный комиссар (министр) иностранных дел СССР в 1939–1949 гг. и в 1953–1956 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926–1957 гг. Один из главных организаторов сталинских репрессий. В июне 1957 г. выведен из состава Президиума ЦК за участие в «антипартийной группе».

Монтгомери Бернارد Лоу (1887–1976) — британский военачальник, кавалер советского ордена «Победа». В 1943–1945 гг. — главнокомандующий сухопутными войсками союзников в Европе. С мая 1945 г. — главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии. Фельдмаршал (1944).

Монтегю Айвар (1904–1984) — английский общественный деятель, публицист, автор работ по теории и истории кино, сценарист, кинорежиссер и продюсер. В 1948–1967 гг. — секретарь, с 1969 г. — член Президиума Всемирного Совета Мира. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1959).

Москаленко Кирилл Семенович (1902–1985) — советский военачальник. В 1953–1960 гг. — командующий войсками Московского военного округа. В 1953 г. — активный участник ареста Л. П. Берии. Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1978).

Мурадели Вано Ильич (1908–1970) — советский композитор и дирижер. Народный артист СССР (1968). Лауреат двух Сталинских премий второй степени (1946 и 1951). Имя Мурадели получило широкую огласку в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 10.02.1948 г. об опере «Великая дружба», в котором он (наряду с С. С. Прокофьевым, Д. Д. Шостаковичем и рядом других композиторов) был причислен к формалистам. После смерти Сталина и выхода в печать Постановления ЦК КПСС от 28.05.1958 г. об исправлении ошибок в оценке оперы «Великая дружба» и ряда других произведений был восстановлен на работе в Союзе композиторов СССР.

Мухамед — король Афганистана. См. Захир-шах Мухаммед.

Муханов Федор Васильевич (1912–?) — с 1939 г. — в секретариате НКВД СССР, затем — личный секретарь Л. Берии, полковник. Арестован в июне 1953 г. по «делу Берии», приговорен к 6 годам ссылки.

Мухитдинов Нуриддин Акрамович (1917–2008) — партийный деятель. В 1957–1961 гг. — секретарь ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС.

Мыларщиков Владимир Павлович (1911–1977) — партийный работник. В 1954–1959 гг. — зав. сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС по РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС.

Мюнних Ференц (1886–1967) — коммунистический и государственный венгерский деятель. В 1922–1945 гг. жил и работал в СССР, участник Гражданской войны в Испании и ВОВ, после освобождения Венгрии — начальник УВД г. Будапешта, с 1949 г. — на дипломатической работе: посол в Финляндии, Болгарии, СССР, Югославии. После восстания 1956 г. — участвовал в создании промосковского революционного рабоче-крестьянского правительства, был назначен министром внутренних дел (до февраля 1957 г.). Министр обороны Венгрии (1957–1958), председатель Совета Министров ВНР (1958–1961), Член Политбюро ЦК ВСРП в 1957–1965 гг.

Надарая Сардион Николаевич (1903 — после 1965 г.) — с 1939 г. зам. начальника охраны Л. Берии, полковник. Арестован в июне 1953 г., 19.09.1955 г. осужден к 10 годам лишения свободы.

Надь Имре (1896–1958) — венгерский политик и государственный деятель. Член РКП(б) с 1917 г. В 1929–1944 гг. жил и работал в СССР. После освобождения Венгрии был министром внутренних дел, продовольствия, сельского хозяйства. В 1953–1955 гг. — премьер-министр, 18.04.1955 г. смещен, исключен из ВПТ. 24.10.1956 г. под давлением уличных протестных акций в Будапеште вновь был назначен премьер-министром. 1.11.1956 г. объявил о выходе Венгрии из организации Варшавского договора и потребовал вывода советских войск. После ввода дополнительного контингента 4.11.1956 г. укрылся в югославском посольстве в Будапеште, впоследствии был передан венгерским властям. Казнен 16.06.1958 г. за государственную измену.

Насер Гамаль Абдель (1918–1970) — египетский политик, в 1954–1970 гг. — президент Египта, деятель панарабского движения, Герой Советского Союза (1964).

Насриддинова Ядгар Садыковна (1920–2006) — советский партийный деятель. С 1942 г. на комсомольской работе, с 1950 г. — на партийной и хозяйственной. В 1955–1959 гг. — зам. председателя Совета Министров Узбекской ССР, в дальнейшем — председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана и председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Неронов Иван Григорьевич (1897–1937) — крупный политработник РККА, корпусной комиссар.

Карьеру начал ещё в Гражданскую войну, последняя должность — и. о. военного комиссара Военной академии РККА им. Фрунзе. Арестован 10.08.1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военно-фашистском заговоре, расстрелян 10.12.1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

Неру Джавахарлал (1889–1964) — индийский политический и государственный деятель, лидер левого крыла индийского национально-освободительного движения. В 1927–1964 гг. — председатель партии Индийский национальный конгресс. В 1947–1964 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел Индии.

Никитин Л. С. — адъютант Серова.

Николаи Вальтер (1873–1947) — немецкий военный деятель, полковник. Возглавлял военную разведку кайзеровской Германии в период Первой мировой войны, активно использовал шпионаж. С 1919 г. — в отставке. После окончания Второй мировой войны был арестован советскими войсками, вывезен в Москву, где подвергнут тщательному допросу. Был поселён на спецдаче НКГБ-МГБ в Серебряном Бору. Работал над записками мемуарного и аналитического типа по личному указанию Сталина. Умер от последствий инсульта в Москве. Останки кремированы и погребены на Новом Донском кладбище в братской могиле. В 1999 г. решением российских военно-судебных органов реабилитирован. Никольский Николай Петрович (1902–1972) — в годы ВОВ — начальник охраны войск тыла Южного фронта, затем командовал Грозненской стрелковой дивизией НКВД, генерал-майор.

Новиков Александр Александрович (1900–1976) — советский военачальник. В 1943–1946 гг. — командующий ВВС. В 1946 г. был арестован по сфабрикованному «авиационному делу», осуждён на 5 лет заключения. Находился в заключении до 1952 г. — на год больше срока. Реабилитирован и восстановлен в звании в 1953 г. Главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (оба раза — 1945).

Носовский Наум Эммануилович (1905–1978) — советский государственный и военный деятель, начальник Главного артиллерийского управления Наркомата вооружений СССР. В 1946–1947 гг. — заместитель уполномоченного Особого комитета при Совете Министров СССР, занимался вывозом из Германии ракетной техники и оборудования для её производства. С 1946 г. — член Совета по ракетной технике, стоял у самых истоков создания современных ракетных вооружений. Генерал-майор инженерно-артиллерийской службы.

Нури Саид (1887–1958) — иракский политический и государственный деятель, Неоднократно возглавлял правительство Ирака. Убит в ходе революции 1958 г.

Обручников Борис Павлович (1905–1988) — руководящий сотрудник органов госбезопасности. В ГУГБ НКВД с 1936 г. В 1941–1952 гг. — зам. наркома (министра) внутренних дел СССР по кадрам, в 1952–1953 гг. — зам. министра госбезопасности СССР. В 1954 г. уволен из МВД как дискредитировавший себя, лишен звания генерал-лейтенанта.

Огольцов Сергей Иванович (1900–1976) — в органах ВЧК с 1918 г. В 1939–1945 гг. возглавлял управления НКВД-НКГБ Ленинграда, Куйбышевской области, Казахской ССР. В 1945–1946 гг. — 1-й зам., в 1946–1951 гг. — зам., в 1952–1953 гг. — 1-й зам. наркома (министра) госбезопасности СССР. Арестован 3.04.1953 г. за организацию убийства С. Михоэлса, после ареста Берии освобожден, уволен в запас. Впоследствии исключен из КПСС и лишен звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах».

Окулицкий Леопольд (1898–1946) — кадровый военный, участник советско-польской войны 1920 г. С 1939 г. возглавлял секцию оперативного отдела Генштаба Польши, участвовал в обороне Варшавы. После поражения Польши вступил в нелегальную организацию SZP

(«Служба за победу Польши»), командирован с особыми полномочиями во Львов. Арестован в ночь на 22.01.1941 г. Освобожден в июле 1941 г в числе других польских офицеров, в связи с решением Сталина сформировать на территории СССР польскую армию. В качестве начальника штаба армии генерала Андерса в 1942 г. покинул СССР, участвовал в боевых действиях в Италии. В июле 1944 г. направлен в Польшу, где принял под начало 2-й округ Армии Крайовой, затем был начальником штаба всей АК. Возглавил военное антикоммунистическое сопротивление. Повторно арестован Серовым 27.03.1945 г., вывезен в Москву, осужден к 10 годам заключения. По официальной версии скончался в Бутырской тюрьме от сердечного приступа; по другим сведениям — тайно расстрелян. В 1990 г. реабилитирован.

Оппенгеймер Джулиус Роберт (1904–1967) — американский физик-теоретик, профессор физики Калифорнийского университета в Беркли, член Национальной академии наук США (с 1941 г.). Научный руководитель Манхэттенского проекта по созданию ядерного оружия. Придерживался левых политических взглядов. Осокин Василий Васильевич (1894–1960) — кадровый офицер русской императорской армии, участник Гражданской войны. С 1938 по 1940 г. — начальник пограничных и внутренних войск НКВД Украинской ССР (начальник войск НКВД Киевского военного округа). С 1940 по 1949 г. — начальник Главного управления местной противовоздушной обороны НКВД-МВД СССР, генерал-лейтенант.

Осубка-Моравский Эдвард (1909–1997) — польский государственный деятель социалистической ориентации. Был одним из организаторов Крайовой рады народной и, как её вице-председатель, подписал в Москве польско-советский договор о границе по линии Керзона (то есть Западная Украина и Западная Белоруссия признавались частью СССР). В 1944–1945 гг. — председатель и руководитель Отдела иностранных дел Польского комитета национального освобождения. В 1945–1947 гг. — премьер-министр и министр иностранных дел Временного правительства Польской Республики.

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941) — советский военачальник. Участник Первой мировой и Гражданской войн, за проявленное мужество в Испании удостоен звания Героя Советского Союза (1937). С 7.06.1940 г. — командующий войсками Белорусского особого военного округа/Западного особого военного округа/Западного фронта. 22.07. 1941 г. решением военного трибунала за «трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности... развал управления войсками, сдачу оружия и складов противнику, самовольное оставление боевых позиций частями Западного фронта» был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян. В 1957 г. посмертно реабилитирован, восстановлен в звании генерала армии.

Палкин Арон Моисеевич (1903-?) — в 1946–1951 гг. — начальник отдела «Д» МГБ СССР. Полковник.

Пантюхов Олег Олегович (1910–1995) — полковник американской армии русского происхождения. Служил переводчиком у президентов Рузвельта и Трумэна и у генерала Эйзенхауэра.

Панькин — сведений о нем найти не удалось.

Панюшкин Александр Семенович (1905–1974) — советский государственный и партийный деятель, дипломат, руководитель внешней разведки. В 1954–1955 гг — начальник ПГУ КГБ при СМ СССР В 1955–1959 гг. — председатель Комиссии по выездам за границу при ЦК КПСС, в 1959–1973 гг. — зав. отделом кадров дипломатических и внешнеторговых органов (отдел заграничных кадров) ЦК КПСС. Генерал-майор.

Папанин Иван Дмитриевич (1894–1986) — советский полярный исследователь, начальник

первой в мире дрейфующей станции «Северный полюс-1» (1937–1938 гг.). В 1939–1946 гг. — начальник Главсевморпути, одновременно с октября 1941 г. до конца ВОВ являлся уполномоченным ГКО СССР по перевозкам на Севере («ленд-лиз»). Контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза (1937, 1940).

Панфилов Иван Васильевич (1893–1941). Участник Первой мировой и Гражданской войн. С начала ВОВ командир 316-й стрелковой дивизии (с ноября 1941 г. — 8-ой гвардейской), прославившейся героическими боями при обороне Москвы на Волоколамском направлении. Погиб от осколков минометной мины. Генерал-майор, Герой Советского Союза (1942, посмертно).

Пауэрс Фрэнсис Гэри (1929–1977) — американский лётчик, выполнявший разведывательные задания ЦРУ. Его самолёт был сбит над Свердловском 1.05.1960 г. Пауэрс выжил, был приговорён советским судом за шпионаж к 10 годам лишения свободы, но позже обменян на советского разведчика Рудольфа Абея, разоблачённого в США.

Пеньковский Олег Владимирович (1919–1963) — агент американской и английской разведок. В РККА с 1937 г., участник ВОВ. С 1949 г. — в ГРУ, в 1958 г. был переведен из военной разведки на преподавательскую работу, восстановлен в 1959 г. Работал под прикрытием в качестве зам. начальника управления Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ при Совете Министров СССР. В 1961 г. инициативно вступил в связь с английской и американской разведками. Арестован 22.10.1962 г., 11.05.1963 г. за шпионаж и измену Родине, приговорен к высшей мере наказания, лишен звания полковника и наград.

Первухин Михаил Георгиевич (1904–1978) — советский государственный и хозяйственный деятель. Зам. председателя Совнаркома СССР в 1940–1944 гг., зам., 1-й зам. Председателя Совмина СССР в 1950–1957 гг. Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1957 гг. Поддержал участников «антипартийного заговора» и проголосовал за отставку Хрущева в июне 1957 г. После провала заговора выведен из Президиума, понижен в должности. Герой Социалистического Труда (1949).

Пересыпкин Иван Терентьевич (1904–1978) — советский военачальник. В 1939–1944 гг. — нарком связи СССР, в 1945–1957 гг. — начальник войск связи сухопутных войск. Маршал войск связи (1944).

Пётр II Карагеоргиевич (1923–1970) — последний король Югославии, царствовавший с 1934 по 1945 г. До переворота 1941 г. от его имени правил его двоюродный дядя Павел Карагеоргиевич, вынужденно проводивший прогерманскую политику. Свержение Павла и объявление Петра II полновластным правителем привело к вторжению Германии в Югославию. После провозглашения Югославии социалистической республикой был объявлен низложенным. Жил в Великобритании и США. Умер в Денвере, США.

Петров Гавриил Александрович (1900–1961) — в органах ГПУ с 1922 г., с 1924 г. — в пограничных войсках. В 1940–1951 гг. — зам. начальника ГУПВ НКВД-МВД-МГБ СССР. Одновременно с июня 1941 г. — начальник штаба истребительных батальонов НКВД СССР, с октября 1941 г. — начальник штаба охраны Московской зоны обороны. В 1951–1954 гг. — 1-й зам. начальника ГУПВ МГБ-МВД СССР, генерал-лейтенант.

Петрова Г. М. (1913-?) — инструктор Партийной комиссии при ЦК КПСС.

Пехлеви Мохаммед Реза (1919–1980) — тридцать пятый шах Ирана. В период Второй мировой войны выступал союзником СССР и Великобритании, в 1943 г. объявил войну нацистской Германии.

Пивоваров Валентин Васильевич (1921–1995) — советский партийный функционер. В

1944–1952 гг. — дежурный по приемной секретаря ЦК ВКП(б). В 1952–1957 гг. — секретарь Н. С. Хрущева.

Пик Фридрих Вильгельм Рейнхольд (1876–1960) — немецкий коммунист, один из основателей германской компартии. С 1934 г. — в эмиграции, с 1935 г. — в Москве. Один из организаторов Национального комитета «Свободная Германия». С 1945 г. — один из политических лидеров в советской зоне оккупации Германии. С 1946 г. — сопредседатель СЕПГ. В 1949–1960 гг. — президент ГДР.

Пилюгин Николай Алексеевич (1908–1982) — советский учёный и конструктор в области систем автономного управления ракетными и ракетно-космическими комплексами. В 1944–1946 гг. изучал по обломкам немецкую баллистическую ракету Фау-2. По предложению С. П. Королёва в 1946 г. стал главным конструктором автономных систем управления в НИИ-88. Член Совета главных конструкторов, руководившего советским ракетостроением. Академик АН СССР (1966), дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961).

Пименов Константин Терентьевич (1911-?) — в период ВОВ — на фронте в органах военной контрразведки. В 1945–1950 гг. начальник опергруппы МВД ГСОВГ, начальник окружных оперативных секторов МГБ. Уволен из КГБ в 1959 г. Полковник.

Пирош Ласло (1917-?) — министр внутренних дел ВНР в 1954–1957 гг., кандидат в члены Политбюро ЦР ВПТ. Бежал из Венгрии 28.10.1956 г.

Питовранов Евгений Петрович (1915–1999) — в органах НКВД с 1938 г. Руководил рядом областных управлений НКВД-НКГБ, был министром ГБ Узбекистана. С июня 1946 г. — в центральном аппарате МГБ: зам. начальника, начальник 2-го ГУ (контрразведка), в 1950–1951 гг. — зам. министра госбезопасности СССР. 29.10.1951 г. арестован по «делу Абакумова», освобожден 2.11.1952 г., восстановлен на службе. Возглавлял 1-е ГУ МГБ-МВД (внешняя разведка), был уполномоченным КГБ при МГБ ГДР, в 1957–1960 гг. — начальник 4-го управления КГБ (контрразведка на транспорте). В 1960–1961 гг. — представитель КГБ при МОБ КНР, генерал-лейтенант.

Пияшев Иван Иванович (1907–1956). Командир Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф. Э. Дзержинского войск НКВД (1943–1953), один из руководителей депортаций на Северном Кавказе и в Закавказье в 1943–1944 гг., генерал-майор.

Плетнев Яков Алексеевич (1912–1974) — сотрудник органов прокуратуры, МВД и КГБ, партийный работник, полковник. В 1953–1954 гг. — начальник 1-го специального (учетно-регистрационного) отдела МВД СССР В 1954–1959 гг. — начальник Учётно-архивного отдела КГБ.

Полукаров Александр Никитич — в 1939–1946 гг. — начальник управления милиции Московской области, в 1946–1951 гг. — начальник УРКМ Москвы, комиссар милиции 2-го ранга.

Поляков Василий Иванович (1913–2003) — с 1938 г. работал в периодической печати, в 1960–1962 гг. — главный редактор газеты «Сельская жизнь». С 23.11.1962 г. — секретарь ЦК КПСС, зав. Отделом сельского хозяйства ЦК КПСС. Освобожден от должности после отставки Хрущева.

Поляков Дмитрий Федорович (1921–1988) — агент американских спецслужб. Кадровый сотрудник ГРУ, генерал-майор. Завербован ФБР в 1961 г. во время командировки в США. Арестован в 1986 г., осужден к смертной казни.

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984) — с 1938 г. на партийной работе, в годы ВОВ — начальник Центрального штаба партизанского движения. Был секретарем ЦК

КПСС, министром культуры СССР 1-м секретарем ЦК КП Казахстана. С 1955 г. на дипломатической работе; посол в Польше, Индии, Нидерландах. Генерал-лейтенант.

Попков Петр Сергеевич (1903–1950) — советский партийный деятель. В 1939–1946 гг. — председатель Ленгорсовета. Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда и восстановления города после блокады. В 1946–1949 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Арестован в 1949 г. и расстрелян по «ленинградскому делу». Посмертно реабилитирован.

Попов Георгий Михайлович (1906–1968) — советский партийный и государственный деятель. В 1938–1945 гг. — второй секретарь Московского городского комитета ВКП(б). В 1945–1949 гг. — первый секретарь МК и МГК партии и в 1946–1949 гг. — секретарь ЦК ВКП(б). В 1944–1950 гг. — председатель Московского горисполкома. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Польше в 1953–1954 гг.

Попов Петр Семенович (1923–1960) — подполковник Советской Армии, сотрудник ГРУ, агент ЦРУ США в СССР. Был завербован в 1954 г. в Австрии, где проходил службу. Арестован в Москве 18.02.1959 г., осужден, приговорен к высшей мере наказания.

Поскрёбышев Александр Николаевич (1891–1965) — зав. особым сектором ЦК (Секретариат И. Сталина, 1928–1952 гг.) Генерал-майор.

Поспелов Петр Николаевич (1898–1979) — советский партийный деятель, автор и редактор трудов по истории КПСС. В 1953–1960 гг. секретарь ЦК КПСС. В 1956 г. возглавлял комиссию Президиума ЦК КПСС по расследованию причин массовых репрессий. В 1957–1961 гг. — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. Академик АН СССР (1953).

Постышев Павел Петрович (1887–1939) — коммунистический и государственный деятель. Член РСДРП с 1904 г. В 1930–1934 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1933–1937 гг. — 2-й секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1937–1938 гг. — 1-й секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б). Арестован 26.02.1938 г., 26.02.1939 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

Преображенский Борис Сергеевич (1892–1970) — врач-оториноларинголог, академик АМН СССР. С 1948 г. главный оториноларинголог Лечебно-санитарного управления Кремля. Арестован в январе 1953 г. по «делу врачей», освобожден в апреле. Герой Социалистического Труда (1962).

Пронин Василий Прохорович (1905–1993) — советский государственный и партийный деятель. В 1938–1939 гг. — секретарь Московского городского комитета ВКП(б). В 1939–1944 гг. — председатель Моссовета/исполкома Моссовета. В 1944–1946 гг. — 1-й зам. председателя СНК РСФСР, затем — зам. председателя СМ РСФСР. В 1953 г. — министр трудовых резервов СССР.

Прудников Михаил Сидорович (1913–1995) — в органах ГПУ с 1931 г., в годы ВОВ — командовал диверсионно-партизанской бригадой «Неуловимые», действовавшей в оккупированных областях Белоруссии. С 1943 г. — в центральном аппарате НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. В период — венгерских событий служил в 13 отделе (организация диверсий) ПГУ КГБ при СМ СССР, впоследствии — на преподавательской работе, в 1970–1974 гг. — зам. начальник разведуправления ГУПВ КГБ при СМ СССР Генерал-майор, Герой Советского Союза (1943).

Пу И (1906–1967) — десятый представитель маньчжурской императорской династии Айсин Гёро. В 1908–1912 гг. (формально — до 1924 г.) — император государства Цин. С 1932 г. — Верховный правитель, а с 1934 г. — император государства Маньчжоу-Го, образованного на территории, оккупированной Японией. Главнокомандующий Маньчжурской императорской армией, выступавшей во Второй мировой войне на стороне Японии. Был взят в плен

советскими войсками в августе 1945 г., содержался в лагере для военнопленных под Хабаровском. Возвращён в Китай в 1950 г., где был освобождён в 1959 г.

Пузанов Александр Михайлович (1906–1998) — в 1946–1952 гг. — 1-й секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б).

Радзиевский Алексей Иванович (1911–1979) — советский военачальник. В 1944–1945 гг. — начальник штаба 2-й танковой армии. Генерал армии, Герой Советского Союза (1978).

Райхман Леонид Федорович (1908–1990) — в органах ОГПУ с 1931 г., с июня 1937 г. — в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР. В 1941–1951 гг. — зам. начальника Управления контрразведки НКГБ/2-го Управления НКВД/ВГУ МГБ. 19.10.1951 г. арестован по делу о «сионистском заговоре в МГБ». 21.03.1953 г. после смерти Сталина по инициативе Берии дело было прекращено, а Райхман освобожден, реабилитирован и восстановлен в органах. С мая 1953 г. — начальник Контрольной инспекции МВД СССР. Повторно арестован 21.08.1953 г. уже по делу Берии, 15.08.1956 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к 5 годам с лишением наград и звания генерал-лейтенанта. Амнистирован 10.11.1956 г.

Райч Ханна (1912–1979) — немецкая лётчица-испытательница, пилот высочайшей квалификации. Принимала участие в боевых действиях на советско-германском фронте. С ноября 1943 г. служила при Р. фон Грейме. Вместе с ним прилетала в Берлин в апреле 1945 г., где затем они совместно сдались в плен американцам. Освобождена в 1946 г.

Ранкович Александр (1909–1983) — югославский государственный деятель. В 1940–1966 гг. — член ЦК и Политбюро (Исполкома) КПЮ (СКЮ). В 1948–1953 гг. — министр внутренних дел и руководитель политической полиции. В 1953–1963 гг. — зам. председателя Союзного исполнительного вече (правительства) Югославии. В 1966 г. освобожден от всех должностей и исключен из партии за злоупотребления властью.

Раппопорт Яков Давыдович (1898–1962) — один из организаторов системы ГУЛАГ. В органах ЧК-ГПУ с 1918 г. С конца 1930-х гг. возглавлял различные управления по строительству в системе НКВД-МВД. В 1949–1952 гг. — начальник Главгидроволгобалтстроя МВД и начальник Управления Волго-Балтийского ИТЛ МВД, генерал-майор.

Рассказов Александр Петрович (? — после 1956) — в 1941–1942 гг. — начальник штаба 46-й армии, воевавшей на Кавказе, генерал-майор.

Расулов Джабар Расулович (1913–1982) — в 1946–1966 гг. — председатель Совета министров Таджикской ССР, одновременно в 1961–1982 гг. — 1-й секретарь ЦК КП Таджикистана, Герой Социалистического Труда (1981).

Раткевич (Радкевич) Станислав (1903–1987) — польский коммунистический деятель, с июля 1944 г. член ПКНО, возглавлял департамент общественной безопасности. Министр общественной безопасности ПНР в 1945–1954 гг. Генерал-майор.

Редер Эрих Йоханн Альберт (1876–1960) — немецкий морской военачальник, гросс-адмирал. В 1935–1943 гг. — главнокомандующий Кригсмарине (военно-морскими силами Третьего рейха). С 1943 г. — в отставке. В мае 1945 г. задержан советскими войсками, переправлен в Москву. По приговору Нюрнбергского трибунала приговорён к пожизненному заключению, которое отбывал в берлинской тюрьме Шпандау. Освобождён по состоянию здоровья в 1955 г.

Риббентроп Иоахим фон (1893–1946) — министр иностранных дел Германии (1938–1945 гг.), советник Гитлера по внешней политике. В 1939 г. подписал договор о ненападении между

Германией и Советским Союзом сроком на 10 лет, известный как Пакт Молотова-Риббентропа, впоследствии нарушенный Гитлером. В 1945 г. он был арестован американскими войсками в Гамбурге, затем предан Международному военному трибуналу в Нюрнберге. 1 октября 1946 г. приговорён к смертной казни.

Робертсон Брайан Хьюберт (1896–1974) — британский военачальник. В 1945–1946 гг. — зам. командующего британскими оккупационными войсками, (зам. британского военного губернатора). Генерал.

Рогов Александр Семенович (1901–1992) — советский разведчик. В 1959–1963 гг. — зам. начальника ГРУ Генштаба ВС СССР. В 1963 г. был снят с должности в связи с делом О. В. Пеньковского. Генерал-полковник, в 1963 г. понижен в звании до генерал-майора.

Розенберг Этель (1915–1953) — американская коммунистка, жена Юлиуса Розенберга, участник нелегальной резидентуры советской разведки. Казнена вместе с мужем в 1953 г.

Розенберг Юлиус (1918–1953) — американский коммунист, ключевая фигура атомного шпионажа, казнён вместе с женой в 1953 г. на электрическом стуле за сотрудничество с советской разведкой.

Рокк Марика (1913–2004) — немецкая киноактриса, танцовщица и певица. Получила известность в СССР благодаря показу трофейного музыкального фильма «Девушка моей мечты», в котором она играла главную роль.

Роля-Жимерский Михал — см. Жимерский Михал.

Рослый Иван Павлович (1902–1980) — советский военачальник, в годы ВОВ командовал корпусами, исполнял обязанности командующего 46-й армией. Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза (1940).

Ротшильд Натаниэль Майер Виктор (1910–1990) — представитель семейства банкиров Ротшильдов, агент MI5. Из-за своего знакомства с членами «кембриджской группы» также подозревался в шпионской деятельности, однако был сочтён непричастным к ней. В английских спецслужбах являлся специалистом по борьбе с саботажем, а также по дезинформации и шпионажу. Был советником премьер-министра Маргарет Тэтчер.

Руденко Роман Андреевич (1907–1981) — в 1944–1953 гг. — прокурор УССР. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. В 1953–1981 гг. — генеральный прокурор СССР. В 1953 г. вёл следствие по делу Л. Берии и готовил затем проведение массовых реабилитаций. Действительный государственный советник юстиции, Герой Социалистического Труда (1972).

Руднев Константин Николаевич (1911–1980) — советский хозяйственный и административный деятель. В 1961–1965 гг. — зам. председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного комитета СМ СССР по координации научно-исследовательских работ.

Русланова Лидия Андреевна (1900–1973) — выдающаяся российская и советская певица, исполнительница русских народных песен, заслуженная артистка РСФСР (1942). В 1948 г. была арестована вместе с мужем, генерал-лейтенантом В. В. Крюковым по «трофейному делу». Была приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Освобождена и реабилитирована в 1953 г.

Рыбалко Павел Семёнович (1894–1948) — советский военачальник. Во время ВОВ командовал танковыми армиями. Маршал бронетанковых войск (1945), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945).

Рылов Аркадий Никифорович (1912-?) — советский физик, профессор, в 1940-е-1950-е гг. — зам. начальника отдела «С» НКВД СССР по научной части.

Рюмин Михаил Дмитриевич (1913–1954) — в органах НКВД с 1941 г., находился на следственной работе, с 1949 г. — старший следователь следственной части по особым делам МГБ СССР. 2.07.1951 г. направил Сталину письмо о двурушничестве и вредительстве министра В. Абакумова, ставшее основанием для его снятия и ареста. 10.07.1951 г. назначен врио начальника следственной части по особо важным делам, с 19.10.1951 г. — начальник, зам. министра госбезопасности СССР, один из основных организаторов «дела врачей». 13.11.1952 г. освобожден, назначен на рядовую должность в министерство госконтроля СССР. 17.03.1953 г. арестован по инициативе Берии, 7.07.1954 г. приговорен к расстрелу. Полковник.

Рязанский Михаил Сергеевич (1909–1987) — советский учёный и конструктор. Как специалист по радиолокации в 1945–1946 гг. был одним из научных работников института «Нордхаузен»; работал над системами наведения и управления. После возвращения в СССР — главный конструктор НИИ-885 (ныне ФГУП «Российский научно-исследовательский институт космического приборостроения»), член Совета главных конструкторов, руководившего советским ракетостроением.

Рясной Василий Степанович (1904–1995) — руководитель советских спецслужб. В НКВД с 1937 г. В 1943–1946 гг. нарком внутренних дел УССР, зам. министра внутренних дел СССР (1946–1952), зам. министра госбезопасности СССР (1952–1953). После создания объединенного МВД в марте 1953 г. нач. 2-го ГУ (контрразведка). Нач. УМВД по Москве и МО (1953–1956). Генерал-лейтенант. Уволен из органов МВД по фактам дискредитации.

Сабуров Максим Захарович (1900–1977) — государственный и хозяйственный деятель. В годы ВОВ возглавлял Госплан СССР, был зам. председателя Совнаркома СССР (1941–1944). В 1947–1955 гг. — зам. председателя Совмина СССР в 1955–1957 гг. — 1-й зам. Член Президиума ЦК КПСС в 1952–1957 гг. Один из участников «антипартийного заговора» против Хрущева, проголосовавший за его отставку. Летом 1957 г. освобожден от партийных и государственных должностей.

Савченко Николай Петрович (1896–1970) — советский военный деятель, дипломат и разведчик. В 1956–1957 гг. — военный атташе при Посольстве СССР в Турции, резидент ГРУ в Турции (под фамилией Рубенко). Отозван из-за конфликта со своим помощником полковником О. В. Пеньковским. Генерал-майор.

Саджая Алексей Николаевич (1898–1942) — в 1938–1941 гг. — нарком внутренних дел (государственной безопасности) Узбекской ССР. Во время ВОВ 1-й зам, председателя СНК Грузинской ССР, член Военного совета Закавказского фронта. Погиб на фронте во время бомбардировки. Комиссар ГБ 3-го ранга.

Сазыкин Николай Степанович (1910–1985) — в органах ГПУ с 1930 г. Пошел в гору при Берии. В 1939–1940 гг. — начальник УНКВД Молотовской области, в 1940–1941 гг. — нарком внутренних дел (ГБ) Молдавской ССР. Во время войны был начальником особого отдела НКВД по Южному фронту, начальником 3-го спецотдела НКВД СССР (наружное наблюдение), зам. начальника 2-го управления НКГБ СССР (контрразведка), уполномоченным НКВД-НКГБ СССР по Эстонии. В 1945–1947 гг. — зам. начальника отдела «С» НКГБ-МГБ СССР (атомный шпионаж). В 1947–1953 гг. — помощник Берии по Совету Министров. Вместе с ним вернулся в МВД, 12.03.1953 г. — начальник 4-го управления МВД СССР (секретно-политическое). Уволен 20.11.1954 г. по дискредитации, лишен звания генерал-лейтенанта.

Саркисов (Саркисян) Рафаэль Семенович (1908—?) — начальник охраны Берии, полковник.

Арестован в июне 1953 г., осужден на 10 лет.

Сафонов Геннадий Николаевич (1904–1972) — в 1939–1948 гг. — зам., 1-й зам. прокурора СССР, в 1948–1953 гг. — генеральный прокурор СССР. После ареста Берии 30.06.1953 г освобожден от должности, работал на средних и рядовых должностях в системе прокуратуры.

Сахаровский Александр Михайлович (1909–1983) — в органах госбезопасности с 1939 г, работал на оперативных должностях в УНКВД по Ленинградской области. С 1945 г — во внешней разведке. В 1956–1971 гг возглавлял ПГУ КГБ СССР, генерал-полковник.

Сахно — начальник хозяйственного отдела. Сведений о нем найти не удалось.

Свердлов Андрей Яковлевич (1911–1969). Сын первого председателя ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлова. Арестовывался в 1935 г. и 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. В 1938–1951 гг. служил в центральном аппарате НКВД/НКГБ/ МГБ СССР. В должности зам. начальника отдела 2-го ГУ МГБ СССР в третий раз был арестован по «делу Абакумову» в 1951 г., в марте 1953 г. освобожден, реабилитирован, восстановлен в органах. Повторно уволен после ареста Берии в 1953 г. Полковник.

Селивановский Николай Николаевич (1901–1997) — в органах ГПУ с 1922 г. Во время ВОВ — начальник особых отделов ряда фронтов (в т. ч. Сталинградского), в 1943–1946 гг — зам. начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР. Уполномоченный НКВД по 1-му Украинскому фронту (1945), советник НКГБ при МОБ Польши (1945–1946). Зам. министра госбезопасности СССР (1946–1951). Арестован по делу Абакумова в ноябре 1951 г., освобожден в марте 1953 г., затем уволен по фактам дискредитации. Генерал-лейтенант.

Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001) — с 1941 г. на комсомольской и партийной работе, был 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ, зав. отделом ЦК КПСС. В 1961–1967 гг. — председатель КГБ при СМ СССР. Активный участник заговора против Хрущева. В 1967 г. назначен заместителем председателя СМ УССР. Генерал-полковник.

Сергиенко Василий Тимофеевич (1903–1982) — в органах ГПУ-НКВД с 1927 г. В 1940–1941 гг. зам. наркома ВД Украины, с февраля 1940 по февраль 1941 — начальник УНКВД СССР по Львовской области. Сменил И. Серова в кресле наркома УССР, затем был зам. начальника штаба Центрального партизанского движения (1942–1943), начальником УНКВД Крымской области — наркомом ВД Крымской АССР (1943–1946). Потом — в системе ГУЛАГ Генерал-лейтенант. Уволен из органов МГБ в 1954 г. «по фактам дискредитации».

Сердюк Зиновий Тимофеевич (1903–1982), профессиональный партийный работник, выдвиженец Н. Хрущева. В 1952–1954 гг. — 1-й секретарь Львовского обкома КП(б), затем — 1-й секретарь ЦК КП Молдавии (1954–1961), 1-й зам. председателя КПК при ЦК КПСС (1961–1965). Герой Социалистического Труда (1963).

Сикорский Владислав (1881–1943) — польский военачальник и политик. С сентября 1939 г. — премьер-министр правительства Польши в изгнании. 30 июля 1941 г. подписал с советским послом в Великобритании И. М. Майским договор об установлении дипломатических отношений с СССР. После того, как в апреле 1943 г. получили огласку факты, связанные с Катынским расстрелом, выступил с обвинениями в адрес советских властей, потребовал от Черчилля разрыва с Москвой. 4 июля 1943 г. погиб в авиакатастрофе при обстоятельствах, которые допускают возможность предполагать, что это было убийство. Генерал-полковник.

Симович Душан (1882–1962) — югославский военачальник. Служил в авиации, командовал ВВС Югославии. Выступал против сотрудничества Югославии с Германией. В ночь на 27.03.1941 г. во главе группы военных совершил государственный переворот, отстранил от власти князя-регента Павла и посадил на королевский трон 17-летнего Петра II, а сам занял

посты премьер-министра и начальника Генштаба. В результате Германия напала на Югославию, а Симович бежал за границу. Вернулся в Югославию в 1945 г., признал власть Тито. Умер в Белграде.

Сладкевич Моисей Иосифович (1906–1980) — учился вместе с Серовым в Военной академии РККА им. Фрунзе. В 1941–1942 гг. — начальник Каширского сектора обороны Московской Зоны Обороны (начальником всей зоны был Серов). В 1941–1942 и в 1944–1949 гг. — зам. начальника Главного управления внутренних войск НКВД (МВД) СССР. В 1942–1944 гг. — зам. начальника Управления войск НКВД СССР по охране железных дорог. В 1949–1953 гг. — начальник внутренних войск МГБ СССР в Германии. В 1953–1960 гг. — начальник кафедры Военного института МВД СССР. В 1953 г. — начальник штаба внутренних войск МВД СССР. В 1953–1960 гг. — начальник кафедры Военного института МВД СССР. Участник подавления Венгерского восстания в 1956 г. Генерал-лейтенант.

Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) — советский военный медик, В 1947–1953 г. — министр здравоохранения СССР. В 1955–1960 гг. — начальник Главного военно-медицинского управления министерства обороны СССР. Академик АМН СССР (1948), генерал-полковник медицинской службы.

Смоликов — зам. начальника ГРУ, генерал-лейтенант.

Собелл Мортон (род. 1917) — американский инженер, передавал секретную научно-техническую информацию советской разведке. В 1951 г. осуждён за шпионаж на 30 лет заключения, из которых отбыл 17 лет 9 месяцев. До 2008 г. отрицал свою вину.

Соколов В. С. — начальник 3-го управления ГРУ ГШ (Западное полушарие), генерал-лейтенант.

Соловьев Иван Владимирович (1908–1971) — начальник управления милиции Ленинграда в 1949–1959 гг., комиссар милиции 2-го ранга, Герой Советского Союза (1945).

Спаатс Карл Эндрю (1891–1974) — американский военачальник, командующий стратегическими воздушными силами США. 8 (9) мая 1945 г. совместно с другими военачальниками антигитлеровской коалиции подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Генерал.

Спиридонов Николай Кириллович (1902–1976) — в ОГПУ с 1924 г. В 1938 г. начальник 3-го специального отдела НКВД СССР. В 1938–1953 гг. — начальник управления коменданта Кремля НКВД-НКГБ-МГБ СССР, генерал-лейтенант.

Спыхальский Мариан (1906–1980) — польский военный и коммунистический деятель. В 1944 г. — начальник штаба Войска Польского, с сентября 1944 г. — мэр г. Варшавы. В 1956–1968 гг. — министр обороны ПНР. Маршал Польши (1963).

Сталин Василий Иосифович (1921–1962) — советский военный лётчик, младший сын И. Сталина. Во время ВОВ был на фронте, совершил 26 боевых вылетов, командовал авиационной дивизией. Командующий ВВС Московского военного округа в 1948–1952 гг. После смерти отца был дважды осуждён за «антисоветскую пропаганду» и злоупотребление служебным положением, отбыл 8 лет заключения. Генерал-лейтенант авиации.

Сталин (наст. фамилия — Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) — революционер, политический, государственный и военный деятель, руководитель Советского государства в 1924–1953 гг. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС в 1922–1953 гг., одновременно в 1941–1953 гг. председатель СНК (СМ) СССР В период ВОВ — председатель Государственного комитета обороны СССР. Нарком обороны (вооруженных сил) СССР в 1941–1947 гг. Генералиссимус (1945), Герой Советского Союза (1945), Герой

Социалистического Труда (1939), кавалер 2 орденов «Победа» (1944, 1945).

Старченко Василий Федорович (1904–1948) — советский агрохимик и государственный деятель. В 1938–1948 гг. — зам. председателя Совета Народных Комиссаров/Совета Министров УССР Член-корреспондент АН СССР (1945).

Стефанович Светислав (1910–1980) — югославский военный и государственный деятель, народный герой Югославии. В 1953–1963 гг. — федеральный министр внутренних дел СФРЮ.

Столяров Иван Михайлович — сотрудник 9-го управления КГБ, со времён ВОВ — начальник личной охраны Н. С. Хрущева, полковник.

Сурин Сергей Иванович (1903–1952) — в Красной Армии с 1922 г., в органах военной разведки — с 1939 г. Осенью 1941 — весной 1942 г. зам. начальника РО Закавказского, Крымского фронтов, с мая 1942 г. начальник войсковой разведки штаба Северо-Кавказского фронта. В дальнейшем на ответственных должностях в ГРУ ГШ, генерал-майор.

Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) — советский коммунистический и государственный деятель. На партийной работе с 1931 г. В 1939–1944 гг. первый секретарь Орджоникидзевого (Ставропольского) крайкома ВКП(б). В 1947–1982 гг. секретарь ЦК ВКП(б)/ КПСС. Член Президиума/Политбюро ЦК КПСС в 1952–1953 гг. и 1955–1982 гг. В период правления Л. И. Брежнева негласно считался вторым лицом в КПСС и ее основным идеологом. Дважды Герой Социалистического Труда (1962, 1972).

Суханов Дмитрий Николаевич (1904-?) — в 1936–1955 гг. помощник Г. Маленкова. В августе 1956 г. приговорен к 10 годам ИТЛ за хищение государственных средств.

Сюч Миклош (1920—?) — кадровый офицер венгерской армии. В момент восстания 1956 г. — и. о. начальника оперативного управления Генштаба. Примкнул к восставшим. Арестован 3.11.1956 г. в расположении штаба советских войск, освобожден из-под следствия в 1958 г. Полковник.

Танк Курт (1898–1983) — немецкий авиаконструктор. В 1933–1945 гг. — главный конструктор авиационной фирмы «Фокке-Вульф». После войны работал в Западной Германии, в 1947 г. уехал в Аргентину. Танькин — сведений о нем найти не удалось.

Тевосян Иван Федорович (1902–1958) — советский государственный и хозяйственный деятель. В 1939–1940 гг. — нарком судостроительной промышленности, в 1940–1953 гг. — нарком (министр) черной металлургии (в 1948–1949 гг. — министр металлургической промышленности). Одновременно в 1949–1956 гг. — зам. председателя Совета Министров СССР. С 1956 г. до смерти — посол СССР в Японии. Герой Социалистического Труда (1943).

Теддер Артур Уильям (1890–1967) — британский военачальник. Верховный главнокомандующий Королевскими ВВС Великобритании во время Второй мировой войны. С 1944 г. — зам. главнокомандующего союзными экспедиционными силами. 8 (9) мая 1945 г. совместно с другими военачальниками антигитлеровской коалиции подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Маршал Королевских ВВС (1945).

Телегин Константин Фёдорович (1899–1981) — в Красной Армии с 1919 г. Участник Гражданской и советско-финской войн. В ВОВ — член ВС ряда фронтов, в том числе в апреле-мае 1944 г. и с ноября 1944 по май 1945 г. — член военного совета 1-го Белорусского фронта. Арестован 24.01. 1948 г. по т. н. «трофейному делу». Осужден и приговорен к 25 годам. В 1953 г. освобожден и реабилитирован. Генерал-лейтенант.

Тикунов Вадим Степанович (1921–1980) — советский партийный и государственный деятель. В 1954–1958 гг. — зав. Сектором органов государственной безопасности Административного отдела ЦК КПСС. В 1958–1959 гг. — зам. зав. Административным отделом ЦК КПСС. В 1959–1961 гг. — зам. председателя КГБ при СМ СССР. В 1961–1966 гг. — министр внутренних дел — охраны общественного порядка РСФСР. Генерал внутренней службы II ранга.

Тимошенко Семён Константинович (1895–1970) — советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. Командовал фронтами во время Польского похода 1939 г. и советско-финской войны. С мая по июль 1940 г. — нарком обороны СССР. Его деятельность во время ВОВ нередко оценивается негативно, поскольку ряд проведённых под его руководством боевых операций закончились поражениями (Харьковская, Демянская, Старорусская операции и др.). Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965).

Титков Михаил Никитович (1905-?) — с 1943 г. — зам. командира Сухумской стрелковой дивизии ГУВВ НКВД. Полковник.

Титов Василий Николаевич (1907–1980) — профессиональный партийный работник, «украинский» выдвиженец Хрущева. В 1961–1965 гг. — зав. Отделом ЦК КПСС, одновременно в 1962–1965 гг. — секретарь ЦК КПСС.

Токаев Григорий Александрович (1909–2003) — перебежчик. В РККА с 1932 г. С 1945 г. служил старшим офицером военно-воздушного отдела СВАГ, отвечал за сбор информации о немецкой ракетной программе, инженер-подполковник. В ноябре 1947 г. вместе с женой и дочерью бежал в английский сектор Берлина. В дальнейшем использовался в разведывательной и пропагандистской работе английскими спецслужбами.

Толбухин Федор Иванович (1894–1949) — советский военачальник, В РККА с 1918 г. Во время ВОВ командовал армией, войсками Южного (4-го Украинского) и 3-го Украинского фронтов. После войны — Главком Южной группы войск. Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1965 г. — посмертно).

Томпсон Льюэллин (1904–1972) — посол США в СССР в 1957–1962 и 1966–1969 гг.

Топчиев Александр Васильевич (1907–1962) — видный советский ученый-химик, академик АН СССР. В 1949–1959 гг. — главный ученый секретарь президиума АН СССР, вице-президент АН СССР в 1958–1962 гг.

Трубников Владимир Матвеевич (1907–1979) — в органах НКВД с 1934 г. С июля 1939 г. — зам. наркома, с сентября — нарком внутренних дел Молдавской ССР, в 1940–1941 гг. — начальник УНКВД Житомирской области. Затем — на руководящих должностях в НКВД-МГБ-МВД. Уволен из МВД «за дискредитацию высокого звания начсостава» в декабре 1953 г., лишен звания генерал-майора.

Трумэн Гарри (1884–1972) — американский политик, 33-й президент США. Был вице-президентом во время четвертого президентского срока Франклина Рузвельта, после смерти которого 12 апреля 1945 г. стал президентом. Проводил более жёсткую, чем его предшественник, политику в отношении СССР. Именно Трумэн отдал приказ в августе 1945 г. применить ядерное оружие против Японии.

Трусов Николай Михайлович (1906–1985) — советский военный деятель, один из руководителей разведки. Во время ВОВ руководил разведками фронтов. В 1945 г. — начальник разведуправления 1-го Белорусского фронта. В мае 1945–1948 гг. — глава контрольной комиссии Главного командования Советской Армии в Германии. Генерал-лейтенант.

Тужлов Василий Михайлович (1913–1983) — секретарь Серова в 1942–1947 гг., кадровый пограничник. С осени 1947 г. находился на учебе. В феврале 1948 г. арестован МГБ по обвинению в мародерстве, от него требовали показания на Серова. Освобожден в 1951 г. В 1954 г. реабилитирован, восстановлен в партии. Подполковник.

Туполев Андрей Николаевич (1888–1972) — выдающийся русский и советский авиаконструктор. Под его руководством спроектировано свыше 100 типов самолётов, 70 из которых строились серийно, в том числе и первый советский реактивный самолёт Ту-104. Академик АН СССР (1953), генерал-полковник-инженер, трижды Герой Социалистического Труда (1945, 1957, 1972).

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) — видный советский военный деятель, военачальник РККА времён Гражданской войны, военный теоретик, Маршал Советского Союза (1935). Репрессирован в 1937 г. по «делу военных», реабилитирован в 1957 г.

У Ну (1907–1995) — бирманский политический и государственный деятель. В 1948–1956 гг. — премьер-министр Бирманского союза.

Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) — советский военный и политический деятель, командарм 1-го ранга. Расстрелян по «делу Тухачевского» (1937). Посмертно реабилитирован в 1957 г.

Ульбрихт Вальтер (1893–1973) — немецкий коммунист, один из руководителей ГДР. С 1933 г. жил в Москве. Один из организаторов Национального комитета «Свободная Германия». С 1945 г. — один из политических лидеров в советской зоне оккупации Германии. В 1946–1949 гг. — зам. председателя СЕПГ, в 1949–1955 гг. — зам. премьер-министра ГДР, в 1950–1973 гг. — генеральный/первый секретарь СЕПГ.

Успенский Александр Иванович (1902–1940) — в органах ВЧК с 1920 г. В январе 1938 г. назначен наркомом внутренних дел Украины, несет прямую ответственность за массовые репрессии. В ноябре 1938 г., будучи предупрежденным шефом НКВД СССР Н. Ежовым о предстоящем аресте, имитировал самоубийство и скрылся под чужими документами. Арестован в апреле 1939 г. в Челябинской области. В январе 1940 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Лишен звания комиссара ГБ 3-го ранга.

Устинов Владимир Иванович (1907–1971) — пришел в органы безопасности с партийной работы после ареста Берии. В 1953–1957 гг. — начальник 9-го управления МВД СССР — КГБ при СМ СССР (госохрана), генерал-майор.

Устинов Дмитрий Фёдорович (1908–1984) — советский политический и военный деятель. В 1941–1953 гг. — народный комиссар (министр) вооружения СССР, затем — министр оборонной промышленности СССР В 1976–1984 гг. — министр обороны СССР. Маршал Советского Союза (1976), Герой Советского Союза (1978), дважды Герой Социалистического Труда (1942, 1961).

Утехин Георгий Валентинович (1906–1987) во время ВОВ — начальник особых отделов ряда армий, в 1943–1946 гг. — начальник 3-го (зафронтового) отдела ГУКР СМЕРШ, в 1946–1949 гг. — зам. начальника 2-го ГУ МГБ СССР, в 1949–1951 гг. — начальник 1-го ГУ МГБ СССР. Арестован в октябре 1951 г. по делу Абакумова, в марте 1953 г. освобожден и реабилитирован. Генерал-майор.

Федосеев Иван Иванович (1907–1950) — сотрудник ГУО МГБ СССР, зам. коменданта дачи И.

Сталина. Арестован 23.06.1947 г., 18.04.1950 г. приговорен к расстрелу за шпионаж и превышение полномочий. Посмертно реабилитирован. Подполковник.

Федотов Петр Васильевич (1901–1963) в ЧК с 1921 г. находился на оперативных должностях в регионах Северного Кавказа. С 1937 г. в центральном аппарате ГУГБ НКВД СССР. В 1939 г. — начальник 2-го (секретно-политического) и одновременно 3-го отдела (контрразведка). Возглавлял советскую контрразведку вплоть до 1946 г. В 1946–1947 гг. — зам. министра госбезопасности СССР, одновременно начальник 1-го главного управления (разведка). В 1947–1952 гг. — зам. председателя Комитета информации. После создания «объединенного» бериевского МВД с марта 1953 г. — член коллегии МВД, начальник 1-го (затем 2-го) главного управления (контрразведка) МВД-КГБ. В 1956 г. понижен в должности: зам. нач. редакционно-издательского отдела Высшей школы КГБ СССР. В 1959 г. уволен, исключен из партии. Генерал-лейтенант (лишен звания в 1959 г. «за грубые нарушения законности в период массовых репрессий»).

Филби Ким (полное имя Гарольд Адриан Рассел Филби, 1912–1988) — один из руководителей британской разведки, коммунист, агент советской разведки с 1934 г. Член «Кембриджской пятёрки», обеспечивавшей советскую разведку секретной информацией в 1940-е-1950-е гг. В 1963 г. нелегально переправлен в СССР, жил в Москве.

Фоминых Александр Яковлевич (1901–1976). В годы ВОВ — член ВС армий, фронтов, в т. ч. Северной группы войск Закавказского фронта (1942) и Северо-Кавказского фронта (1943), генерал лейтенант.

Фомичёв — личный шофер И. А. Серова в военный и послевоенный период. Других сведений о нем найти не удалось.

Фридебург Ганс-Георг фон (1895–1945) — немецкий флотский военачальник. Один из тех, кто подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии со стороны гитлеровского командования. Покончил жизнь самоубийством. Генерал-адмирал (1945).

Фор Эдгар (1908–1988) — французский государственный деятель. В 1955 г. — министр иностранных дел Франции, в 1955–1956 гг — премьер-министр Франции.

Франк Карл Герман (1898–1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. 9.05.1945 г. арестован американцами, передан чехословацким властям. Осуждён в Праге за военные преступления на смертную казнь.

Фриче Ганс (1900–1953) — нацистский пропагандист, радиоведущий, приближённый Геббельса. На Нюрнбергском процессе был оправдан как не совершивший преступлений против человечности, но затем за другие преступления был осуждён на 9 лет заключения.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) — революционер, советский государственный и военный деятель, один из наиболее крупных военачальников Красной Армии во время Гражданской войны, военный теоретик. В 1925 г. — нарком по военным и морским делам СССР, председатель РВС СССР.

Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974) — государственный и партийный деятель. В 1954–1957 гг. — первый секретарь МГК КПСС. В 1956–1960 гг, — секретарь ЦК КПСС. В 1956–1957 гг. кандидат, в 1957–1961 гг — член Президиума ЦК КПСС. В 1960–1974 гг. — министр культуры СССР.

Ханду — сотрудник индийской службы государственной безопасности.

Харитонов Федор Петрович (1907–1991) — в органах ОГПУ с 1933 г. В 1937–1940 гг. — оперуполномоченный, зам. начальника отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. Зам. наркома, нарком внутренних дел Казахской ССР в 1940–1943 гг., Туркменской ССР в 1943–1946 гг. С 1946 г. начальник «Главспецмет» МВД СССР с июля 1953 г. — начальник 4-го управления (контрразведка на транспорте) МВД/КГБ при СМ СССР. С 1957 г. — старший советник КГБ при МОБ КНР, затем при МГБ Румынии. Генерал-лейтенант.

Хачатурян Арам Ильич (1903–1978) — выдающийся советский армянский композитор, дирижёр, педагог, общественный деятель. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели от 10 февраля 1948 г. творчество А. И. Хачатуряна, наряду с творчеством С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича, было отнесено к формалистическим проявлениям в искусстве. Народный артист СССР (1954).

Хисс Элджер (1904–1996) — крупный американский государственный деятель и дипломат, близкий соратник Ф. Д. Рузвельта. Участник создания ООН, первый (временный) Генеральный секретарь ООН в 1945 г. В 1948 и 1950 гг. предстал перед судом по обвинениям в сотрудничестве с СССР, однако был приговорён лишь к 5 годам заключения за дачу ложных показаний. Ныне, после рассекречивания документов советской разведки, выдача им секретных сведений является бесспорной.

Хоменко Василий Афанасьевич (1899–1943) — советский военачальник, в годы ВОВ командовал армиями, погиб на фронте. Генерал-лейтенант.

Хрулёв Андрей Васильевич (1892–1962) — советский военный и государственный деятель. Участник Гражданской войны. С 1939 г. — начальник Управления снабжения РККА. В годы войны — зам. наркома обороны СССР — начальник Главного управления тыла РККА. Одновременно в 1942–1943 гг. — народный комиссар путей сообщений СССР. С 1943 г. — начальник тыла Советской Армии. В 1951 г. уволен с военной службы, работал в гражданских министерствах. Генерал армии.

Хруничев Михаил Васильевич (1901–1961) — советский государственный деятель. В 1946–1953 гг. — министр авиационной промышленности СССР. В 1955–1956 и в 1961 гг. — зам. председателя СМ СССР. Генерал-лейтенант инженерно-технической службы, Герой Социалистического Труда (1945).

Хрусталеv Иван Васильевич (1907–1954) — в органах госохраны ОГПУ-НКВД-МГБ с 1926 г. В 1943–1947 гг. начальник группы (прикрепленный) 1-го отдела 6-го управления НКГБ — Управления охраны № 1 МГБ. Уволен в запас в 1953 г. Полковник.

Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) — руководитель советского государства, политический и коммунистический деятель. Участник Гражданской войны. С 1925 г. на партийной работе. В 1934–1938 гг. первый секретарь МК ВКП(б), одновременно в 1935–1938 гг. первый секретарь МК ВКП(б). В 1938–1947 гг. и 1947–1949 гг. возглавлял ЦК КП(б) Украины (одновременно в 1944–1947 гг. — председатель Совмин УССР). В годы ВОВ — член Военных советов ряда фронтов, генерал-лейтенант. Первый секретарь Московского обкома ВКП(б)/КПСС и секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС в 1949–1953 гг. После смерти И. В. Сталина стал одним из членов коллективного руководства СССР. Организовал и возглавил операцию по свержению Л. П. Берии, после чего сосредоточил в своих руках основную власть. В сентябре 1953 г. избран первым секретарем ЦК КПСС, с 1958 г. также стал председателем СМ СССР. Был лишен всех постов и отправлен в отставку в октябре 1964 г. Член Президиума ЦК ВКП(б)/КПСС в 1939–1964 гг., Герой Советского Союза (1964), трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1957, 1961).

Хусейн ибн Талал (1935–1999) — в 1952–1999 — король Иордании.

Цанава Лаврентий Фомич (наст. фам. — Джанджава) (1900–1955) — в органах ЧК Закавказья с 1921 г. В 1933–1938 гг. — на советской и партийной работе. В 1938–1941 и 1943–1951 гг. — нарком внутренних дел (министр госбезопасности) Белоруссии. Во время ВОВ — начальник особых отделов ряда фронтов, зам. начальника центрального штаба партизанского движения. В 1951–1952 гг. — зам. министра — начальник 2-го ГУ МГБ СССР. Снят с должности за допущенные «серьезные ошибки». Арестован по инициативе Берии 04.04.1953 г. в связи с убийством народного артиста СССР С. Михоэлса. Умер в тюрьме во время следствия. Генерал-лейтенант.

Циранкевич Юзеф (1911–1989) — польский коммунист, государственный деятель. В 1948–1971 гг. — член Политбюро ЦК ПОРП, в 1947–1952 и 1954–1970 гг. — председатель Совета Министров ПНР.

Цыгичко Николай Петрович (1907–1963) — советский разведчик, сотрудник ГРУ, Генерал-лейтенант.

Чан Кайши (1887–1975) — военный и политический деятель Китая. Занимал высшие военные и государственные посты в 1928–1947 гг. После победы коммунистов в Гражданской войне и создания КНР бежал на о. Тайвань, где создал альтернативное правительство, поддерживаемое США. Пытался реорганизовать свою армию и при поддержке США вторгнуться в Китай, но потерпел неудачу.

Чентиева Марьям (1915–2000) — ученый-исследователь чеченского языка, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки. В 1939–1942 гг. — нарком просвещения ЧИАССР. Арестовывалась дважды — в 1942 и 1944 гг. (по обвинению в связях с немцами). После депортации чеченцев проживала в Алма-Ате. Вернулась в Чечню в 1957 г., занималась наукой и преподаванием.

Чернуха Владимир Наумович (1900–1965) — в 1954–1965 гг. зам. заведующего общим отделом ЦК КПСС.

Чернышев Василий Васильевич (1896–1952) — в 1921–1937 гг на руководящих должностях в пограничной охране ВЧК-ОГПУ-НКВД. В 1937 г назначен зам. наркома внутренних дел СССР и одновременно начальником ГУРКМ. Оказался единственным заместителем наркома Н. Ежова, избежавшим репрессий. В 1939–1941 гг. — начальник ГУЛАГа. Занимал пост зам. наркома (зам. министра) внутренних дел СССР вплоть до смерти в 1952 г. Отвечал за кураторство «атомного проекта», работу строительно-производственных подразделений НКВД-МВД, в том числе ГУЛАГ, Главного управления лагерей железнодорожного строительства, Главного управления лагерей лесной промышленности. Генерал-полковник.

Чернышев Василий Ефимович (1908–1969) — партийный деятель. В 1951–1959 гг. — первый секретарь Калининградского обкома ВКП(б)/КПСС, в 1959–1969 гг. — первый секретарь Приморского крайкома/Приморского промышленного крайкома КПСС. Генерал-майор, Герой Советского Союза (1944).

Черняховский Иван Данилович (1906–1945) — советский военачальник. С апреля 1944 г. — командующий 3-м Белорусским фронтом. 18.02.1945 г. смертельно ранен на окраине города Мельзак в Восточной Пруссии (ныне Пененжно, Польша). Генерал армии, дважды Герой Советского Союза (1943, 1944).

Черчилль Уинстон (полное имя: Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль; 1874–1965) — британский государственный и политический деятель, журналист, писатель. В 1940–1945 и 1951–1955 гг. — премьер-министр Великобритании. Под его руководством Великобритания заключила с СССР военный союз против гитлеровской Германии. Фултонская речь Черчилля

1946 г. ознаменовала начало «холодной войны».

Чжоу Эньлай (1898–1976) — коммунистический политический деятель Китая. В 1945–1956 гг. — зам. председателя КПК, в 1949–1958 гг. — министр иностранных дел КНР, в 1949–1976 гг. — председатель Госсовета КНР.

Чойбалсан Хорлогийн (1895–1952) — монгольский государственный и политический деятель. Председатель Народного Совета Министров в 1939–1952 гг., главнокомандующий Монгольской народно-революционной армией (1924–1929, 1937–1952). Маршал МНР.

Чуянов Алексей Семёнович (1905–1977). В 1938–1946 гг. — 1-й секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б). Во время ВОВ являлся председателем Сталинградского городского комитета обороны.

Шадрин Дмитрий Николаевич (1906–1994) — в органах ГПУ с 1929 г. В 1941–1943 гг. — зам. начальника 1-го отдела НКГБ-НКВД СССР (госохрана), в 1943–1946 гг. — зам. начальника 6-го управления НКГБ-МГБ СССР (госохрана), в 1946–1949 гг. — начальник управления охраны № 2 ГУО МГБ СССР (охрана членов правительства), генерал-майор.

Шалин Михаил Алексеевич (1897–1970) — советский военачальник, в 1952–1956 и 1957–1958 гг. — начальник ГРУ Генштаба Советской Армии. В августе 1956 — октябре 1957 гг. — 1-й зам. начальника ГРУ Генштаба. Генерал-полковник.

Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) — российский и советский военачальник, военный и государственный деятель, выдающийся военный теоретик. Служил в царской армии с 1903 г. Участник Первой мировой войны. Разрабатывал планы многих военных операций РККА во время Гражданской войны. В 1937–1940 и 1941–1942 гг. — начальник Генштаба РККА. Маршал Советского Союза (1940).

Шария Петр Афанасьевич (1902–1983) — профессиональный философ и партийный работник. До переезда в Москву — зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б) Грузии. С сентября 1938 г. в центральном аппарате Лубянки: начальник секретариата НКВД СССР, начальник Особого бюро, зам. начальника 1-го управления НКВД-НКГБ СССР. В 1943 г. вернулся в Грузию на партийную и преподавательскую работу. В феврале 1952 г. арестован по т. н. «мингрельскому делу». После смерти Сталина освобожден, реабилитирован, назначен помощником Берии по Совету Министров СССР. В июне 1953 г. арестован повторно уже по «делу Берии», в сентябре 1954 г. осужден к 10 годам тюрьмы, лишен звания комиссара ГБ 3-го ранга и наград.

Шатилов Сергей Савельевич (1901–1972) — военачальник, генерал-лейтенант. В качестве начальника политуправления 1-го Украинского фронта в конце 1944 г. был назначен уполномоченным СССР при ПКНО.

Шашков Зосима Алексеевич (1905–1984) — в 1939–1956 гг. — нарком (министр) речного флота СССР (в 1953–1954 гг. возглавлял объединенное Министерство морского и речного флота СССР). В годы ВОВ, в частности, руководил устройством «Дороги жизни» из блокированного Ленинграда через Ладожское озеро.

Шверник Николай Михайлович (1888–1970) — советский партийный и государственный деятель, занимал руководящие посты. Член РСДРП с 1905 г. В годы ВОВ возглавлял Совет по эвакуации. Председатель Президиума Верховного Совета СССР в последние годы правления Сталина (1946–1953 гг.). В 1952–1953 и 1957–1966 гг. — член Президиума/Политбюро ЦК КПСС. В 1930–1944 и 1953–1956 гг. — председатель/первый секретарь ВЦСПС. В 1956–1966 гг. — председатель Комитета партийного контроля. Герой

Социалистического Труда (1958).

Шевченко Александр Иосифович (1914–1985) — советский военачальник. В 1944 г. командовал танковой бригадой в составе 1-го Белорусской) фронта, затем — зам. командира и командир танкового корпуса, участник штурма Берлина. Генерал-лейтенант, Герой Советского Союза (1944).

Шейнин Лев Романович (1906–1967) — с 1923 г. — в органах прокуратуры, в 1935–1936 гг. — начальник следственного отдела прокуратуры СССР. Арестовывался дважды: в 1936 г. (затем освобожден, восстановлен на службе) и в 1951 г. по делу В. Абакумова. 21.11.1953 г. освобожден. Получил широкую известность, как писатель и киносценарист, лауреат Сталинской премии 1-й степени (1949).

Шелепин Александр Николаевич (1918–1994) — в 1939–1958 гг, находился на комсомольской работе, был 1-м секретарем ЦК ВЛКСМ. В 1958–1961 гг, — председатель КГБ при СМ СССР. В 1961–1967 гг. — секретарь ЦК КПСС, одновременно председатель Комитета партийно-государственного контроля и зам. председателя Совмина СССР. В 1967 г. назначен председателем ВЦСПС, в 1975–1984 гг — зам. председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию. Член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1964–1975 гг.

Шепилов Дмитрий Трофимович (1905–1995) — советский государственный и партийный деятель. В 1952–1956 гг — главный редактор газеты «Правда». В 1955–1956 гг и в феврале-июне 1957 г. — секретарь ЦК КПСС. В 1956–1957 гг — министр иностранных дел СССР. В 1956–1957 гг. — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС. На июньском (1957) пленуме ЦК за «фракционную деятельность» выведен из состава ЦК КПСС. В 1962 г. исключен из КПСС, в 1976 г. восстановлен. Член-корреспондент АН СССР (1953).

Шептицкий, митрополит Андрей (в миру граф Роман Мария Александр Шептицкий), 1865–1944) — предстоятель Украинской грекокатолической церкви в 1900–1944 г., митрополит Галицкий, блюститель Киевского митрополического престола. Принял монашество в 1888 г. С 1900 г — митрополит Галицкий, архиепископ Львовский и епископ Каменец-Подольский, т. е. глава всей грекокатолической церкви. Выступал за создание независимого украинского государства, но при этом не разделял радикальных националистических взглядов. Осуждал ООН за практику политических убийств и этническую нетерпимость, однако в годы войны благословлял подразделения украинских националистов на борьбу с большевиками. Во время гитлеровской оккупации организовал спасение евреев, укрывая их в униатских храмах и монастырях. Вместе с тем, пошёл на сотрудничество с немецкими оккупационными властями; в частности, подчинённое ему духовенство помогало немцам в создании дивизии СС «Галичина», В 1944 г приветствовал вступление советских войск во Львов, выразил намерение сотрудничать с советской властью.

Шерозия Калистрат Несторович (1905–1942) — с 1938 г, — 2-й секретарь ЦК КП(б) Грузии. В 1942 г. — уполномоченный Военного совета Закавказского фронта на Марухском, Клухорском и других перевалах. Погиб при бомбежке.

Широков — сведений о нем найти не удалось.

Ширяев Григорий Михайлович — в 1943–1945 гг командир 10-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД (до 1944 г — Сухумской дивизии ВВ НКВД), боровшейся с диверсантами, бандитами, коллаборационистами и националистическим подпольем на Северном Кавказе, Западной Украине и Западной Белоруссии. Полковник.

Шитов (Алексеев) Александр Иванович (1913–2001) — с 1939 г. во внешней разведке НКВД-НКГД-МГБ-КГБ, работал под дипломатическими прикрытиями в Иране, Алжире, Франции, Аргентине. В 1960 г под фамилией Алексеев был направлен на Кубу резидентом

ПГУ КГБ, где установил неформальные отношения с руководителями кубинской революции, в т. ч. с Ф. и Р. Кастро, Э. Че Геварой. В 1962 г., накануне размещения на Кубе советских ракет, одновременно был назначен чрезвычайным и полномочным послом СССР (до 1968 г.). Сыграл важную роль в сближении двух стран и разрешении Карибского кризиса. Полковник.

Шишкин Сергей Николаевич (1902–1981) — советский учёный, профессор. В 1941–1950 гг. — директор Центрального аэрогидродинамического института им. Н. Е. Жуковского. В 1946 г. сменил А. С. Яковлева на посту заместителя министра авиационной промышленности.

Шкирятов Матвей Федорович (1883–1954) — советский государственный и партийный деятель, один из организаторов массовых партийных чисток. В 1939–1952 гг. — зам. председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). В 1952–1954 гг. — председатель Комитета (комиссии) партийного контроля при ЦК КПСС.

Школьников Алексей Михайлович (1914–2003) — советский партийный функционер. В 1952–1955 гг. — первый секретарь Тамбовского, в 1955–1960 гг. — Воронежского, в 1960–1965 гг. — Волгоградского обкомов КПСС.

Шпеер Альберт (1905–1981) — немецкий архитектор, служивший Третьему рейху, личный архитектор Гитлера, Рейхсминистр вооружений и боеприпасов (1942–1945). На Нюрнбергском процессе осуждён на 20 лет заключения, которые отбыл полностью.

Штумпф Ханс Юрген (1889–1968) — немецкий военачальник. 8.05.1945 г. стал начальником Генерального штаба люфтваффе. Один из тех, кто подписал Акт о безоговорочной капитуляции Германии со стороны гитлеровского командования. Судом военного трибунала был признан невиновным в военных преступлениях. Генерал-полковник люфтваффе.

Шуйский Григорий Трофимович (1907–1985) — советский партийный работник. В 1950–1964 гг. — помощник секретаря/1-го секретаря ЦК ВКП(б)/КПСС Н. С. Хрущёва. В 1961–1966 гг. — член Центральной ревизионной комиссии КПСС.

Шуленбург Фридрих-Вернер Эрдманн Маттиас Иоганн Бернгард Эрих граф фон дер (1875–1944) — немецкий дипломат, посол Германии в СССР в 1934–1941 гг. Согласно многим свидетельствам, предупредил Сталина о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Участник заговора 20.07.1944 г. против Гитлера. Казнён.

Шульц-Коссенс Рихард (1914–1988) — личный адъютант рейхсминистра иностранных дел И. Риббентропа, офицер СС.

Щаденко Ефим Афанасьевич (1885–1951) — участник Гражданской войны, один из основателей Первой Конной армии. В 1937–1943 гг. — зам. наркома обороны СССР, генерал-полковник.

Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) — советский партийный функционер. В 1938–1945 гг. — 1-й секретарь Московского областного комитета ВКП(б), одновременно с 1941 г. — секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Совинформбюро, начальник ГлавПУР РККА (1942–1945), генерал-полковник.

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890–1969) — американский государственный и военный деятель, кавалер советского ордена «Победа», 34-й президент США (1953–1961). В 1944–1945 гг. — Верховный главнокомандующий союзных войск в Европе. Принял капитуляцию Германии со стороны США. С мая 1945 г. — командующий оккупационными войсками США в Германии.

Генерал армии.

Эйхман Отто Адольф (1906–1962) — немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев. Оберштурмбаннфюрер (подполковник) СС. После войны скрылся от суда в Южной Америке. Здесь агенты израильской разведки «Моссад» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где он был приговорён к смерти.

Элитгер — сведений о нем найти не удалось.

Эндрюс Бёртон Куртис (1892–1977) — полковник армии США, комендант Нюрнбергской тюрьмы, где содержались нацистские преступники, главари Третьего рейха.

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель, поэт, переводчик, публицист и общественный деятель. Много жил и работал за границей. Представлял СССР как писатель-антифашист на международных конгрессах в защиту культуры (1935, 1937). Член Еврейского антифашистского комитета, с 1950 г. — вице-президент Всемирного союза защиты мира. До конца жизни вел общественную деятельность.

Эрландер Таге Фритъоф (1901–1985) — крупный шведский политик. В 1946–1969 гг. — премьер-министр Швеции и лидер Социал-демократической партии Швеции.

Эттли Клемент Ричард (1883–1967) — британский политик, лидер Лейбористской партии и 62-й премьер-министр Великобритании. В июле 1945 г. после сенсационной победы лейбористов на парламентских выборах сменил на посту премьер-министра Черчилля. Выборы происходили во время Потсдамской конференции, которую Черчилль вынужден был покинуть и уступить своё место Эттли.

Юсупов Усман Юсупович (1900–1966) — советский государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана в 1937–1952 гг., затем — министр хлопководства СССР (1950–1953), председатель СМ Узбекской ССР (1953–1955).

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938) — советский государственный и политический деятель, один из создателей системы ОГПУ-НКВД, нарком внутренних дел СССР и начальник ГУГБ НКВД в 1934–1936 гг. Организатор первой волны сталинских репрессий. Арестован 28.03.1937 г., расстрелян 15.03.1938 г. за вредительство и шпионаж. Первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности».

Якир Иона Эммануилович (1896–1937) — советский военный деятель. Видный военачальник времён Гражданской войны. Расстрелян в ходе сталинской чистки 1937 г. Посмертно реабилитирован в 1957 г. Командарм 1-го ранга.

Яковлев Александр Сергеевич (1906–1989) — выдающийся советский авиаконструктор. С 1940 по 1946 г. — зам. наркома/министра авиационной промышленности. Генерал-полковник авиации, академик АН СССР (1976), дважды Герой Социалистического Труда (1940, 1957).

Яковлев Николай Дмитриевич (1898–1972) — советский военачальник, участник Первой мировой и Гражданской войн. Во время похода на Западную Украину в 1939 г. — начальник артиллерии Украинского фронта. Начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии в 1941–1948 гг., с 1948 г. зам. министра Вооружённых сил СССР. В 1952 г. арестован по обвинению во вредительстве. Освобожден по инициативе Л. Берии сразу после смерти Сталина в 1953 г. С 1953 г. — зам., в 1955–1960 гг. — главнокомандующий войск ПВО. Маршал артиллерии (1944).

Янковский Ян Станислав (1882–1953) — 1943 г — вице-премьер-министр польского правительства в изгнании. Арестован НКВД 27.03.1945 г., вывезен в СССР, осужден к 8 годам. Скончался в тюрьме.

Иллюстрации

Начальник ГРУ ГШ ВС СССР генерал армии, Герой Советского Союза Иван Серов.

Уведомление о назначении И. А. Серова заведующим районной избой-читальней в д. Замошье. 1924 год.

Удостоверение председателя сельсовета. 1925 год.

И. А. Серов — курсант Ленинградской пехотной школы РККА. 1926 год.

Мандат делегата красноармейской конференции. 1926 год.

Будущий краском. 1928 год.

Командир взвода курсант И. А. Серов. Ленинград, 25 апреля 1928 года.

С сослуживцами по пехотной школе РККА. Ленинград, 1928 год.

«Молодежь, крепи мускулы!» С товарищами на отдыхе. Новороссийск, 1929 год.

Слушатель артиллерийских курсов усовершенствования командного состава. Детское Село. 1931 год.

Комсомольский билет. 1932 год.

Молодожены. 1932 год.

Командир топографической батареи. 1933 год.

С женой Верой Ивановной. 1930-е годы.

Удостоверение шофера-любителя. 1938 год.

Нарком внутренних дел УССР И. А. Серов с Н. С. Хрущевым и членами Политбюро ЦК КП(б)У на торжественном заседании Народного Собрания Западной Украины, где была провозглашена советская власть. Львов. 27 октября 1939 года.

Н. С. Хрущев и И. А. Серов с членами Политбюро ЦК КП(б) Украины. Май 1940 года. На обороте автограф — «На память тов. Серову И. А. 6/IV-46 г. Н. Хрущев».

Членский билет ЦК КП(б) Украины. 1940 год.

Нарком внутренних дел Украинской ССР, комиссар ГБ 3-го ранга. 1940 год.

И. А. Серов в числе первых был награжден знаком «Заслуженный работник НКВД» за № 0020. Поскольку документ подписывали В. Н. Меркулов или Л. П. Берия, после их расстрела грамоту заменили на новую, уже за подписью С. Н. Круглова.

Членский билет ЦК ВКП(б). 1941 год.

Удостоверение члена Военного совета ВВС Красной Армии за подписью И. В. Сталина. 1942 год.

М. И. Калинин вручает орден Ленина за участие в боях на Северном Кавказе. Москва, 20 декабря 1942 года.

Среди других награжденных вместе с М. И. Калининым. 20 декабря 1942 года.

На взлетном поле в ожидании самолета. 7 мая 1945 года.

С женой, сыном Владимиром и дочерью Светланой. Москва, 1945 год.

И. А. Серов конвоирует генерал-фельдмаршала В. Кейтеля и других военачальников Третьего рейха на подписание акта о капитуляции. Карлхорст, 9 мая 1945 года.

Перед историческим подписанием капитуляции фашистской Германии. Слева направо: переводчик О. Пантюхов, Д. Эйзенхауэр, Г. К. Жуков, А. Я. Вышинский, И. А. Серов. Карлхорст, 9 мая 1945 года.

Маршал Г. К. Жуков подписывает акт о капитуляции Германии. После 1963 года с этого, широко растиражированного снимка, изображение И. А. Серова будет удалено. Карлхорст, 9 мая 1945 года.

Заместитель Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии, генерал-полковник И. А. Серов. Берлин, 1945 год.

М. И. Калинин среди награжденных. Слева от И. А. Серова — его будущий начальник С. Н. Круглов. Москва, 1945 год.

М. И. Калинин вручает И. А. Серову орден Ленина и медаль «Золотая звезда». Москва, 1945 год.

Встреча главнокомандующих союзных армий к Берлине. В первом ряду слева направо: И. А. Серов, Д. Эйзенхауэр, Г. К. Жуков, Б. Монтгомери.

После вручения Д. Эйзенхауэру ордена Победы. Слева направо: переводчик О. Пантюхов, Г. К. Жуков, И. А. Серов, А. Я. Вышинский, Д. Эйзенхауэр. Франкфурт-на-Майне, 10 июня 1945 года.

В ставке союзников. В первом ряду слева направо: Б. Монтгомери, Д. Эйзенхауэр, Г. К. Жуков. Во втором ряду справа — И. А. Серов. Франкфурт-на-Майне, 1945 год.

Маршал Г. К. Жуков объявляет благодарность командиру американской десантной дивизии по итогам учений. Крайний справа — И. А. Серов. Берлин, 1945 год.

Правители Германии. Главноначальствующий Г. К. Жуков, политсоветник А. Я. Вышинский, заместитель главноначальствующего И. А. Серов. Лето 1945 года.

И. А. Серов с сотрудниками СВАГ Крайний справа — генерал-майор А. Г. Котиков. Берлин, 1945 год.

И. А. Серов встречается на аэродроме министра национальной безопасности Польши М. Ролю-Жимерского. Слева — В. Д. Соколовский. Берлин, 1945 год.

Даже в Германии он продолжал оставаться заядлым болельщиком. На трибуне берлинского стадиона. 1946 год.

С наркомом вооружений СССР Д. Ф. Устиновым и дочерью Светланой. Германия, июль-август 1946 года.

Серов находил время и для спорта... Тюрингия, 1946 год.

...и для охоты. Германия, весна 1946 года.

С женой. Берлин, 1945 год.

После долгой разлуки с женой. Берлин, 1945 год.

Семья приехала на побывку в Германию. Берлин, весна 1946 года.

С Н. С. Хрущевым. Берлин, май 1946 года.

Инструктаж перед поездкой. Во время визита в Германию Н. С. Хрущева. Май 1946 года.

В хорошем настроении. Германия, май 1946 года.

И. А. Серов за штурвалом катера с Н. С. Хрущевым на борту. Германия, май 1946 года.

Н. С. Хрущев (слева), И. А. Серов (справа), Потсдам, май 1946 года.

Генерал-полковник М. Е. Катуков, генерал-майор Д. Г. Дубровский, Н. С. Хрущев, И. А. Серов, генерал-майор С. А. Клёнов. Германия, 1946 год.

С Н. С. Хрущевым и группой сотрудников СВАГ. Саксония, около г. Биттерфельда, 1946 год.

Чтобы набежать обвинений в мародерстве, семья Серовых всю жизнь хранила многочисленные квитанции на покупки в Германии. Накладная на приобретение мебели. 1946 год.

Счет на приобретение в Германии мебели и бытовой техники.

Удостоверение заместителя министра внутренних дел СССР, подписанное И. В. Сталиным.

Служебное удостоверение первого заместителя министра внутренних дел СССР.

На авиапараде с заместителем министра внутренних дел СССР И. А. Масленниковым. Москва, 1947 год.

За дружеским столом. Крым. 1944 год.

Навыки офицера-артиллериста И. А. Серов не забывал никогда. После 1945 года.

На даче с женой и собакой Дымкой. После 1945 года.

С женой. Подмосковье, после 1945 года.

С сыном, дочерью и овчаркой Бертой. Подмосковье, после 1945 года.

С женой и дочерью на даче. После 1945 года.

С женой и дочерью. Вторая половина 1940-х годов.

В дальних командировках находилось время и для недолгого отдыха. Южный Сахалин, июнь 1950 года.

Н. М. Шверник вручает орден Ленина за успешное руководство строительством

Волго-Донского канала. Москва, сентябрь 1952 года.

Н. М. Шверник среди награжденных за строительство Волго-Донского канала. Слева от Шверника министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов. Москва, сентябрь 1952 года.

Документ прикрытия: удостоверение сотрудника аппарата военного комиссара в Германии, выписанное на имя Ивана Сергеевича Александрова в декабре 1953 года. Вероятно, оно было оформлено для выезда И. А. Серова в Германию не под своим именем; возможно, в связи с народными волнениями в Берлине, произошедшими накануне.

Удостоверение председателя КГБ при СМ СССР. 1954 год.

«Русский с китайцем — братья навек!». Китай, октябрь 1954 года.

«Где не пахнут цветы...». И. А. Серов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин на прогулке. Китай, сентябрь-октябрь 1954 года.

Во время официального визита в Китай. Сентябрь-октябрь 1954 года.

Чжоу Энлай, И. А. Серов, Н. С. Хрущев, Лю Шаоци. Китай, сентябрь-октябрь 1954 года.

После очередного перелета по китайским провинциям. Октябрь 1954 года.

В Китае. Октябрь 1954 года.

Д. Т. Шепилов, И. А. Серов и Н. С. Хрущев по пути в резиденцию И. Б. Тито на озере Блед. Югославия, май-июнь 1955 года.

На приеме по случаю официального визита в Югославию. Справа — Н. С. Патоличев. Май-июнь 1955 года.

На митинге в ходе визита в Югославию. Май-июнь 1955 года.

Первый секретарь ЦК и его председатель КГБ: пока еще между ними абсолютное доверие. Югославия, май-июнь 1955 года.

Во время иностранных визитов И. А. Серов сопровождал Н. С. Хрущева повсюду. Женева, июль 1955 года.

Правители одной шестой части света: В. М. Молотов, Н. С. Хрущев, Н. Л. Булганин, И. А. Серов, Г. К. Жуков. Женевское совещание. 24 июля 1955 года.

Женева, 24 июля 1955 года.

На Женевском совещании, 24 июля 1955 года.

Кто быстрее: МИД или КГБ? В. М. Молотов, А. А. Громыко, И. А. Серов в кулуарах Женевского совещания. Июль 1955 года.

Памятное фото участников Женевского совещания. Июль 1955 года.

С Г. К. Жуковым И. А. Серова связывала многолетняя дружба. Москва, 1955 год.

С маршалом Г. К. Жуковым. 1955–1956 годы.

Во время визита в Индию. Ноябрь 1955 года.

Посещение храма в ходе визита в Индию. Ноябрь 1955 года.

«Хинди-руси — бхай-бхай!» При осмотре советской делегацией одной из главных достопримечательностей Дели — комплекса Кутб-Минар. Ноябрь 1955 года.

Первый советский пассажирский реактивный самолет ТУ-104, на котором И. А. Серов в пропагандистских целях прилетел в Лондон. Аэропорт Хитроу, март 1956 года.

С послом СССР Я. А. Маликом и дипломатами. Лондон, 22 марта 1956 года.

С английскими газетчиками на улицах Лондона. Март 1956 года.

«Иван Грозный» в кольце журналистов. Лондон, март 1956 года.

С К. Е. Ворошиловым после награждения орденом Кутузова I степени за подавление венгерского восстания. Москва, декабрь 1956 года.

Прибытие советской делегации в Финляндию. 5 июня 1957 года.

На торжественном собрании в обществе советско-финляндской дружбы. Слева направо: посланник СССР в Финляндии В. З. Лебедев, неустановленное лицо, И. А. Серов, А. А. Громыко, Н. С. Хрущев, финская журналистка и политик С. К. Килпи, Н. А. Булганин. Хельсинки, 8 июня 1957 года.

Возложение венков к могиле президента Финляндии Ю. К. Паасикиви. Хельсинки, 7 июня 1957 года.

Встреча советской делегации в Чехословакии. В центре — И. А. Серов, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, А. Новотный, В. Широкий. Июнь 1957 года.

И снова — председатель КГБ все время рядом с первым секретарем. Чехословакия, июль 1957 года.

Во время визита в Чехословакию. Н. С. Хрущев, И. А. Серов, Н. А. Булганин. Июль 1957 года.

Совещание на ходу. Н. С. Хрущев, И. А. Серов, Н. А. Булганин, В. Широкий, А. Запотоцкий. Чехословакия, июль 1957 года.

Председатель КГБ за работой. Москва. 1957 год.

С Н. С. Хрущевым на охоте. Крым, 1955 год.

Подсчет трофеев. Крым, 1955 год.

С женой на отдыхе. После 1950 года.

В редкие часы досуга: за поливкой сада. 1950-е годы.

На даче. 1950-е годы.

С собакой Дымкой на даче. 1950-е годы.

С сыном Владимиром за шахматной доской. 1950-е годы.

С дочерью Светланой. 1950-е годы.

На даче с дочерью и собакой Мишкой. 1950-е годы.

На теннисном корте.

С писателем С. В. Михалковым на отдыхе. 1955 год.

Супруги Серовы с Н. А. Булганиным на отдыхе в Крыму. 1955–1956 годы.

С писателем М. А. Шолоховым и его женой М. И. Громославской. Крым, 1955 год.

Советские руководители с женами на отдыхе. Слева направо: Л. И. Брежнев, И. А. Серов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Г. К. Жуков. Крым, 1956 год.

И. А. Серов на охоте. Вторая половина 1950-х годов.

На охоте с Н. С. Хрущевым. Вторая половина 1950-х годов.

Встреча советского руководства с американской делегацией. Крым, 1956–1957 годы.

С Н. С. Хрущевым во время встречи с американским певцом Полем Робсоном. Крым, Массандра, 1958 год.

Почетные пионеры Н. С. Хрущев и И. А. Серов при посещении пионерлагеря. Конец 1950-х годов.

С Н. С. Хрущевым. Конец 1950-х годов.

Удостоверение начальника ГРУ ГШ ВС.

Расписка о сдаче И. А. Серовым наград, которых он был лишен.

Удостоверение генерал-майора запаса.

На даче. 1970-е годы.

Фотограф в генеральских лампасах. 1970-е годы.

С известным фотокорреспондентом Виктором Тёминым, Сентябрь 1971 года.

С маршалом А. М. Василевским у него на даче. 1975 год.

На даче с гостями-моряками. Конец 1970-х годов.

С дочерью Светланой. 1970-е годы.

До глубокой старости И. А. Серов сохранял хорошую спортивную форму. С внучкой Верой на теннисном корте в Архангельском. 1970-е годы.

С внучкой Верой и пуделем Агатой. Конец 1970-х годов.

Собаки всегда были страстью И. А. Серова. С любимой овчаркой Дугласом. 1970-е годы.

Выступление перед личным составом УВД Красногорского района Подмосковья. 1981 год.

В канун 40-летия Победы. 1985 год.

С супругой Верой Ивановной. Вместе они прожили 58 лет. 1985 год.

С внучкой Верой и правнучкой Катей на даче. Одна из последних фотографий. 1989 год.

Страница рукописи И. А. Серова «Жизнь на благо Родины и Партии».

Ответы И. А. Серова на вопросы Партийной комиссии при ЦК КПСС о деле Пеньковского.

Примечания

1

Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 200–201.

2

Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М.: Nota Bene, 1992. С. 481.

3

Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005.

4

Информацию о персонах, имена которых помечены звездочкой, здесь и далее см. в конце книги.

5

Согласно официальным документам, отец Серова — Александр Павлович (1870–1940) был крестьянином-середняком. После войны, однако, враги Серова пытались уличить его в сокрытии биографии: якобы Серов-старший, в действительности, служил жандармом. Проведенные МГБ проверки подтвердить эти факты не смогли. На этом фоне упоминание Серова о неграмотности отца лишь подтверждает его бедняцкое происхождение: в полицию неграмотных явно не брали.

В архиве Серова сохранилась справка, выданная Замошским сельсоветом 3 января 1939 г. то есть накануне его прихода в НКВД. В ней указывалось: «Социальное происхождение из крестьян-бедняков. До революции и после революции занимался с./хозяйством». Между тем, миф о «сыне жандарма» по сей день кочует из книги в книгу.

6

Примечательно, что с Николаем Яковлевым, будущим маршалом артиллерии и главным артиллеристом Красной Армии, судьба сведет Серова еще не раз. Они вместе будут «освободить» Западную Украину, потом — взаимодействовать в годы войны; сообща — вести охоту за немецкими учеными и конструкторами, ядерными материалами; испытывать новое оружие и атомную бомбу. Затем, правда, следователи МГБ арестуют Яковлева за вредительство, но ненадолго. В 1953-м Серов будет в числе тех, кто способствовал освобождению и реабилитации маршала.

7

Брак с Верой Ивановной Абрамовой (1913–2005) будущий председатель КГБ заключил 19 марта 1932 г. в г. Каменске. Вместе они проживут рекордно долгое время — 58 лет.

8

Серов Владимир Иванович (1933–1993).

9

Военная академия РККА им. М. Фрунзе. Серов учился здесь с января 1936 по февраль 1939 г.

10

В соответствии с приказом зам. наркома обороны СССР Е. Щаденко № 010 от 27 января 1939 г., слушатели выпускных курсов военных академий РККА подлежали досрочному выпуску с дальнейшим откомандированием в распоряжение НКВД СССР.

11

В угловых скобках — слова, очевидно, пропущенные автором в тексте, которые мы попытались восстановить.

12

Наркомом внутренних дел СССР с 25 ноября 1938 г. являлся Лаврентий Берия. Его фамилию Серов старается упоминать в записках как можно реже (по тогдашнему обыкновению он эту фамилию не склонял).

13

Назначение Серова заместителем начальника ГУРКМ НКВД СССР состоялось 9 февраля 1939 г.

14

ЗИС-101 — первая советская машина представительского класса, производилась с 1937 г. Закрепление за Серовым персонального ЗИС-101 означало его включение в руководящую номенклатуру.

15

В. И. Серова (1913–2005), жена И. А. Серова.

16

Звание майора ГБ присвоено Серову 15 февраля 1939 г. В период 1935–1945 гг. сотрудники ГУГБ НКВД-НКГБ имели специальные звания «государственной безопасности», как правило, на 2 ступени опережающие аналогичные звания в РККА. Например, сержант государственной безопасности приравнивался к лейтенанту в армии. Превратившись из просто майора в майора ГБ, Серов стал носить в петлицах ромб, что соответствовало общевойсковому званию «комбриг».

17

Серов ошибается: путь от зама до начальника ГУРКМ НКВД он проделал не за 2 месяца, а всего за 9 дней. На новую должность Серов был назначен 18 февраля 1939 г.

18

Начальник ГУРКМ Василий Чернышев экстренно был переброшен на лагерный участок в связи с внезапно образовавшейся брешью. Прежний начальник ГУЛАГа Глеб Филаретов тяжело заболел. Кроме того, он был приведен на Лубянку Ежовым, а значит, подлежал люстрации. Выбор пал на кадрового пограничника Чернышева. В свою очередь, Серов, очевидно, оказался единственным из заместителей Чернышева, кто не вызвал подозрений у нового руководства НКВД.

19

В 1927–1937 гг. Чернышев возглавлял управление погранвойск ОГПУ — НКВД Приморья.

20

8 апреля 1938 г., еще работая на Лубянке, Н. Ежов по совместительству назначается наркомом водного транспорта СССР. 25 ноября 1938 г. он окончательно переехал из НКВД в НКВТ, уступив кресло своему 1-му заму Л. Берии (с 22 августа 1938 г.). В НКВД Ежов вернется 10 апреля 1939 г., но уже в качестве арестованного.

21

Звание старший майор ГБ присвоено Серову 30 апреля 1939 г. Оно соответствовало званию «комдив» в Красной Армии.

22

Здесь и далее даты посещения Серовым кремлевского кабинета Сталина приводятся по записям в журналах приемной генсека. (На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным. М.: Новый хронограф, 2008.) Следует, однако, отметить, что ряд из описанных Серовым встреч в записях приемной не зафиксированы. Впервые же этот порог он переступил 8 августа 1939 г, когда обсуждался воздушный парад в Тушино. Появление Серова в главном кабинете страны было вполне объяснимо: Сталин задумывал парад как невиданное, грандиозное пропагандистское шоу. Подготовке к его проведению и обеспечению безопасности придавалось чрезвычайное значение.

18 августа на Тушинском поле собрался миллион человек. Зрителям, включая главного друга авиаторов и членов Политбюро, были продемонстрированы новейшие типы самолетов, чудеса пилотажа, массовая выброска десанта и т. и. Апофеозом воздушного праздника стала условная бомбежка оборонного завода, выстроенного накануне из фанеры в натуральную величину, но горевшего вполне натурально.

23

Начальником секретно-политического отдела и одновременно заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР Серов стал 29 июля 1939 г. В задачи СПО входила борьба с враждебной деятельностью участников антисоветских партий и групп, бывших белогвардейцев, с антисоветской деятельностью церковников, сектантов, а также националистов, оперативное обслуживание милиции, культуры, высшей школы.

24

Здесь и далее: Н. И. Ежов не был членом Политбюро, а только был кандидатом.

25

Ежов был назначен наркомом не речного флота, а водного транспорта.

26

При переезде из Тбилиси в Москву Л. Берия привел за собой большую команду земляков и соратников. Уже к концу 1938 — нач. 1939 г. на руководящие посты в центральном аппарате ГУГБ НКВД и территориальных органах им были расставлены выходцы из Грузии: В. Меркулов, Б. и А. Кобуловы, В. Деканозов, С. Гоглидзе, М. Гвишиани, Л. Цанава, С. Мильштейн, Ю. Сумбатов (Топуридзе), В. Какучая, П. Шария, С. Мамулов, В. Гагуа, Г. Каранадзе, А. Кочлавашвили и др. В 1953 г. все они пали вместе со своим лидером, большинство были расстреляны. На допросах по делу бывшего маршала госбезопасности свидетели подтверждали: «Берия приехал в Москву в 1938 г. с группой своих людей... Эти люди являлись участниками и исполнителями преступных замыслов Берии...», «На протяжении всей своей работы Берия выдвигал этих лиц, передвигал их по службе за собой, они были его хвостами и особенно доверенными людьми...». (Из показаний В. Шияна, Ю. Визеля: Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М... 2012. С. 646–664.). В целом в 1939 г. в ходе кадровой чистки, проведенной новым наркомом, было уволено 7372 сотрудника (22,9 % личного состава), 937 из них арестовано. (Петров И., Скоркин К. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник М.: Звенья, 1999. С. 501.).

27

За свою жизнь сын одного из вождей революции, председателя ВЦИК Я. М. Свердлова Андрей Свердлов арестовывался трижды, в том числе вместе с детьми других вождей,

живших в Кремле (по обвинению в создании тайного общества). Примечательно, что в 1938 г. после второго ареста за подготовку теракта против Сталина его освободит лично Л. Берия, он же прямо из камеры вернет на службу в НКВД. В 1951 г. зам. начальника отдела контрразведки полковника Свердлова возьмут в третий раз: по делу о сионистском заговоре в МГБ. В 1953 г. — освобожден, реабилитирован.

28

Два ромба в петлицах — знак различия высшего специального командного состава НКВД — «старший майор ГБ».

29

Министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп прилетел в Москву для подписания договора с СССР 23 августа 1939 г.

30

Примечательно, что немецкая сторона без звука проглотила инцидент с обстрелом самолета Риббентропа. Со слов свидетеля этого ЧП, сына командира 47-го стрелкового корпуса, дислоцированного в Великих Луках, Вячеслава Дашичева, зенитчиков «не предупредили о маршруте полёта, они были застигнуты врасплох и стреляли даже без прицелов» (<http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/32n/n32n-s04.shtml>). Следует также добавить, что Великие Луки являлись тогда приграничной территорией, находившиеся в состоянии повышенной боевой готовности.

31

Наркомом внутренних дел Украинской ССР Серов был назначен приказом НКВД СССР от 2 сентября 1939 г.

32

«Двуйка» — Второй отдел Главного штаба Войска Польского, военная разведка, «дефензива» — контрразведка и политическая полиция. Существовали до 1939 г.

КОВО — Киевский особый военный округ, возглавлявшийся командармом 1-го ранга С. К. Тимошенко.

История с бегством наркома внутренних дел Украины, старого чекиста и орденоносца Александра Успенского похожа на детектив. В ноябре 1938 г. комиссар ГБ 3-го ранга исчез, оставив на столе в кабинете записку, что его труп следует искать в Днепре. На самом деле, будучи предупрежденным наркомом Ежовом о предстоящем аресте, он успел скрыться с Украины и колесил по разным городам СССР с документами прикрытия на имя Шмашковского. В апреле 1939 г. был арестован на станции Миасс Челябинской области, осужден и вскоре расстрелян.

Интересующихся отошлю к своей книге «Тайны Лубянки», где эпопея Успенского изложена во всех подробностях и основывается на впервые рассекреченных документах из архива ФСБ. (М.: Олма Медиа Групп, 2008.).

Под «перевыполнением плана» имеется в виду «стахановское» исполнение приказа наркома внутренних дел СССР Н. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». С этого документа начался ключевой этап «большого террора», когда по всей стране покатила волна массовых арестов «социально-чуждого элемента» (кулаков, бывших офицеров, дворян, эсеров, реэмигрантов, членов ранее существовавших политических партий, уголовников и т. п.).

Все репрессированные делились на две категории. К первой следовало отнести «наиболее враждебных» кулаков и преступников. Они подлежали расстрелу. По второй категории («менее активные, но враждебные») — наказание «ограничивалось» арестом и отправкой в лагеря на 8-10 лет. Для ускорения процесса дела арестованных рассматривались во внесудебном порядке тройками в составе: начальник УНКВД, 1-й секретарь, прокурор.

Приказом НКВД утверждалось общее число «врагов народа»: по 1-й категории — 75,95 тыс. чел., по 2-й — 193 тыс. До каждого региона была доведена своя «квота» (по-другому — «план» или «лимит»), однако репрессии понеслись с такой силой, что уже к декабрю 1937 г. план оказался выполнен. Вошедшие в раж руководители НКВД и партийных структур требовали новых жертв. В начале 1938 г. лимиты были увеличены. Потом — еще и еще.

К 17 ноября 1938 г., когда маховик репрессий остановится, будет расстреляно 390 тыс. человек, еще 380 тыс. — этапированы в лагеря НКВД. Особенно кровавые репрессии были проведены на Украине, при предшественнике Серова А. Успенском. Всего за 10 месяцев работы (с января по ноябрь 1938 г.) здесь было арестовано более 100 тыс. человек.

Приказом НКВД СССР от 8 сентября 1939 г. Х? 001064 Серову поручалось скомплектовать в течение суток 5 оперчекистских групп по 50–70 человек. Ему в помощь также направлялись 70 опытных сотрудников из центрального аппарата и ленинградского управления НКВД. «Для организации и проведения всех необходимых мероприятий, а также для соответствующего инструктажа» в Киев откомандировывался 1-й зам. наркома внутренних дел СССР Меркулов.

За два дня до выступления Красной Армии Серову и его белорусскому «коллеге» Л. Цанаве поступила директива НКВД СССР за подписью Берии «Об организации работы в освобожденных районах Западных областей Украины и Белоруссии». Директива четко регламентировала порядок работы на занятой территории.

Входя в города, опергруппам НКВД предписывалось немедленно занимать все учреждения связи, тюрьмы, банки, хранилища, типографии, архивы (в первую очередь жандармерии и разведки), брать под охрану электростанции, водопроводы, продовольственные склады, элеваторы. На них также возлагались функции по изъятию оружия у населения, обеспечению охраны порядка, борьбе с грабежами и спекуляциями.

Кроме того, опергруппам приказывалось проводить аресты руководителей местных властей, начальников полиции, погранохраны, воевод, членов белогвардейских, эмигрантских и монархических партий. Следствие по их делам Берия требовал «развернуть» с «задачей вскрытия подпольных контрреволюционных организаций». «Лиц, избличенных следствием в организации политических эксцессов и открытых контрреволюционных выступлений, арестовывать немедленно» (Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 1. М.: Книга и бизнес. 1995. С. 70–73, 79–81).

С вхождением в состав Советской Украины четыре бывших польских воеводства — Львовское, Тернопольское, Станиславовское и Краковское — были преобразованы в 6 областей, 4 декабря 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о ликвидации бывших польских воеводств и образовании «Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской, Тернопольской областей в составе Украинской ССР».

Город к тому времени еще именовался Тернополь, он стал официально называться Тернополем только с 1944 г.

Польская кампания 1939 г., именовавшаяся в советской истории воссоединением братских

народов Западной Украины и Белоруссии, прошла в кратчайшие сроки. 17 сентября в 5 часов утра войска РККА выдвинулись на польскую территорию. По ходу движения серьезного противодействия армия не встречала. Организованное сопротивление было оказано только в нескольких городах и селах. 29 сентября по приказу командования наступление остановилось. Территориальный раздел Польши завершился 28 сентября 1939 г. подписанием Договора о дружбе и границе между СССР и Германией. По данным современных источников, число безвозвратных потерь советской стороны составило 1475 человек, 3858 раненых. Потери поляков оцениваются в 3,5 тысячи погибших, 20 тысяч раненых и пропавших без вести.

40

По итогам взятия г. Тернополя (тогда еще Тарнополя) В. Меркулов и И. Серов подписали 19 сентября 1939 г. совместный доклад «О деятельности оперативно-чекистских групп на освобожденной территории Западной Украины», где подробно изложили факты оказанного населением сопротивления. В документе они констатировали: «Для проведения нашей работы в более или менее крупных городах требуются более значительные оперчекистские группы», а «армейские части, занимая город, должны оставлять в нем соответствующий гарнизон и взять на себя заботу о пленных» (Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 1. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 88–90).

41

«Неприятный разговор» с Хрущевым и Тимошенко, видимо, оставил у Серова столь тяжелый осадок, что он решил письменно доложить о нем наркому Берии. В рапорте от 27 сентября 1939 г. Серов указывает, что поводом к конфликту явились безобразия, «какие творятся с трофейными машинами, велосипедами среди комсостава армии». Но особенно 1-го секретаря возмутило, что и сам нарком приехал на машине бывшего жандармского управления.

«Хрущев истерическим голосом закричал на меня, начал ругаться нецензурно и заявил, что все вы сидите в Штабе, насмотрелись на старое вражье чекистское руководство и продолжаете до сего времени этими методами руководить... Хрущев подскочил ко мне с кулаками, заругался нецензурно по нашему с т. Михеевым адресу...».

Впрочем, после бурного выяснения отношений острота спала, Хрущев успокоился, «и беседа закончилась по-деловому».

«Я приму все меры, чтобы установить деловой контакт в работе, но быть подобным некоторым окружающим его я не сумею, — докладывал Серов Берии. — Настоящее написал Вам, тов. нарком, с тем, чтобы Вы дали указания по этому вопросу» (Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 1999. С. 784–786).

42

Описка: разумеется, Красная Армия подошла ко Львову с востока, а немцы — с запада.

43

Это была первая встреча Серова со своим бывшим командиром полка. Н. Яковлев участвовал в польской операции в качестве начальника артиллерии Украинского фронта.

44

В общей сложности по итогам польской кампании было арестовано 240–250 тысяч польских военнослужащих, пограничников, полицейских, жандармов, тюремных стражников и т. п. Большинство солдат и унтер-офицеров вскоре были освобождены. Часть из оставшихся в плену офицеров (21 857 чел.) будут расстреляны весной 1940 г., остальные — направлены в лагеря на территории СССР (см. Катынское дело (Электронные копии документов, связанных с расстрелом поляков в Катыни и других местах из «пакета № 1», размещенные на портале «Архивы России»; <http://rusarchives.ru/publication/katyn/spisok.shtml>)).

Репрессии также коснулись и их родственников. 7 марта 1940 г. Берия подписал указание Серову: до 15 апреля «произвести выселение в районы Казахской ССР сроком на 10 лет» всех членов семей ранее арестованных польских офицеров, тюремщиков, жандармов, помещиков, фабрикатов, чиновников.

Приказ НКВД подробно расписывал механизм этой малопривлекательной операции: все действия начинаются во всех городах Западной Украины синхронно, с наступлением рассвета. Текущее руководство на месте осуществляет оперативная тройка (начальник райотдела НКВД и по одному представителю от союзного и республиканского наркоматов). Ей приданы дополнительные резервы войск НКВД.

На 2–3 семьи идет опергруппа из 3 сотрудников НКВД, милиции, внутренних и пограничных войск, проводит в жилище обыск. С собой выселяемым дозволяется взять только 100 кг на человека; остальное имущество доверенные лица обязаны распродать в течение 10 суток. Вся их недвижимость и собственность, включая предприятия, активы и акции, конфисковывалась в доход государства. Под конвоем депортируемые доставлялись затем на железнодорожную станцию «для погрузки в заранее поданные вагоны».

В общей сложности в Западной Украине и Белоруссии таких насчитывалось порядка 25 тысяч семей, почти 100 тысяч человек. (Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 1. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 158–161, 165.)

В целом же за предвоенный период силами НКВД было проведено 4 массовых волны депортации «социально чуждых» поляков. Например, 10–11 февраля чекисты провели операцию по выселению т. н. «осадников» вместе с семьями (отличившиеся в советско-польской кампании военные, получившие земельные наделы). За 2 дня своего жилья лишилось 95 314 чел. (Сталинские депортации 1928–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2005. С. 124.)

45

Бригадный генерал польской армии и бывший командующий 6-м Львовским корпусом Владислав Лянгнер (1896–1972) после капитуляции был доставлен в Москву, но, в отличие от большинства своих товарищей, сохранил свободу и даже получил право покинуть СССР. С 1940 г. Лянгнер жил в Лондоне, участвовал в работе польского правительства в изгнании, был членом военного трибунала. Прожил в эмиграции до старости, скончавшись в возрасте 75 лет.

46

Формально вхождение Западной Украины в состав УССР было обусловлено соответствующей Декларацией, принятой Народным Собранием Западной Украины 27 октября 1939 г. в г. Львове. 1 ноября 1939 г. внеочередная V сессия Верховного Совета СССР утвердила Закон «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР».

47

Союз вооруженной борьбы (польск. Związek Walki Zbrojnej, ZWZ) подпольная военная организация, созданная после капитуляции Польши по приказу премьера в изгнании В. Сикорского от 13 ноября 1939 г. Основная цель ZWZ восстановление независимой Польши в границах 1939 г., создание польской армии в подполье. Основу организации составляли польские офицеры. ZWZ полностью подчинялась лондонскому правительству в изгнании. 14 февраля 1942 г. была переформирована в «Армию Крайову» (см. главу 9).

48

Рахунки/рахунок (укр .) — отдельные документы, счета, квитанции.

49

Л. Окулицкий был арестован в ночь с 21 на 22 января 1940 г.

50

Интересно, что в записках, датированных 1941 г., Серов указывает, что он также задерживал и генерала Владислава Андерса, чьи части были разбиты под Перемышлем 27–28 сентября 1939 г. (см. стр. 216). Как и Окулицкий, Андерс был направлен в Москву, где вплоть до лета 1941 г. содержался в Лубянской тюрьме.

51

Союз освобождения Украины (укр. Союз (Спілка) Визволення України, СВУ) (1914–1918) — украинская политическая организация, созданная в начале Первой мировой войны политическими эмигрантами из России при содействии МИД Австро-Венгрии. Союз освобождения Украины был основан с целью оказания поддержки Центральным державам в войне против России. Представлял собой политическую организацию украинских эмигрантов (в основном бежавших из России, спасаясь от преследования властей за деятельность в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг.), претендовавшую на представительство интересов российских украинцев.

52

Светлана Ивановна Серова (1939–2011) родилась 19 октября 1939 г в г. Киеве.

53

Митрополит Галицкий и архиепископ Львовский Андрей Шептицкий (1865–1944) — одна из самых противоречивых и неоднозначных фигур украинской истории. По утверждению П. Судоплатова, еще в Первую мировую войну он сотрудничал с австрийской разведкой, арестовывался российской контрразведкой, а после освобождения Временным правительством вернулся во Львов. В 1941-м после начала войны и оккупации Львова Шептицкий послал поздравление Гитлеру от униатской церкви, а позже благословил дивизию СС «Галичина» на ратные подвиги (Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1994. С. 297–298). Несомненно, что, как человек с активной жизненной позицией, Шептицкий не мог не сохранять контактов с лидерами националистов и пользовался в этой среде непререкаемым авторитетом. (Вплоть до того, что ликвидированный чекистами в 1940 г. глава ОУН Андрей Мельник прежде служил управляющим митрополитскими именами.)

Когда исход войны был ясен, Шептицкий послал миссию в Москву к Патриарху, но был принят генералами НКВД Судоплатовым и Мамуловым. Ему было обещано, что если руководство униатской церкви лично непричастно к военным преступлениям, преследовать их не будут.

54

Террористическая деятельность ОУН на Западе Украины особенно усилилась в последние

месяцы перед началом ВОВ. Впрочем, жертвами её становились не только сотрудники НКВД, а партийно-хозяйственные работники. В апреле 1941 г. в результате совершенных националистами 38 террористических актов, 3 поджогов и 7 налётов погиб 41 человек и было ранено 19 (Там же. С. 240).

55

Орденом Ленина Серов был награжден указом от 26 апреля 1940 г. «за организацию и руководство операциями по борьбе с украинскими и польскими националистами».

56

В состав образованной 2 августа 1940 г. Молдавской ССР были включены 6 из 9 уездов Бессарабской губернии — Бельцкий, Бендерский, Кагльский, Кишинёвский, Оргеевский, Сорокский, и 6 из 14 районов Молдавской АССР, входившей прежде в состав Украинской ССР, — Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский, Тираспольский. Остальные районы МАССР, а также Аккерманский, Измаильский и Хотинский уезды Бессарабии отошли к Украинской ССР.

Три месяца спустя граница между Молдавской ССР и Украинской ССР была изменена. По соглашению между СССР и Германией немецкое население с юга Бессарабии (около 100 тыс. чел.) и из Северной Буковины (ок. 14 тыс.) было переселено в Германию, а на освободившиеся территории было завезено население с Украины. К Молдавии отошёл 61 населённый пункт с населением 55 тыс. чел. и преобладанием молдаван и гагаузов. Украина получила 96 населённых пунктов с населением 203 тыс. чел. — в основном украинцами, русскими и болгарями.

Молдавская союзная республика изначально представляла собой искусственное образование, не имеющее ни исторического, ни этногеографического обоснования.

57

Серов ошибается: в 1940 г. Н. С. Сазыкин ещё не был генералом.

58

Работа НКВД в Молдавии не ограничивалась одними репрессиями. Полным ходом здесь шла реальная борьба со спецслужбами противника. Спецсообщением от 6 июля 1940 г. в НКВД СССР Серов, например, докладывал о перевербовке сотрудника отдела контрразведки румынской армии А. Мельникова, с помощью которого чекисты планировали внедриться в агентурный аппарат румын и выявить их резидентуры. (Органы государственной

безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 1. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 211–213).

Об активности румынской разведки говорится и в другом документе за его подписью: указании начальникам опергрупп НКВД в Бессарабии и пограничных КПП от 10 июля 1940 г.

«...Установлено, что румынская разведка, предполагая о предстоящей эвакуации румынских войск с территории Бессарабии, оставила значительное количество агентуры... Кроме того, ежедневно забрасывает туда большое количество агентуры. Большинство из этих агентов снабжается радиоаппаратурой...».

В этой связи Серов приказывал производить тщательный досмотр на всех КПП в поисках радиоаппаратуры, паролей, шифров. За каждым контрольно-пропускным пунктом закреплялся квалифицированный следователь. (Там же. С. 218–219).

По состоянию на 6 июля 1940 г. пограничниками были выявлены и арестованы 53 агента румынской разведки и 5 «переправщиков разведорганов». (Там же. С. 227).

59

После присоединения восточных областей Польши к СССР значительное число деятелей ОУН перешло на конспиративное положение. К началу 1941 г. в нелегальных организациях (только украинских, без учёта польского сопротивления) состояло на территории Украины более 1000 чел. (Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956), М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 33.). Органы НКВД активно боролись с подпольщиками, в том числе путём репрессий в отношении их семей: в ходе выполнения Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР» в мае 1941 г. было арестовано и отправлено в ссылку на поселение в отдаленные районы СССР сроком на 20 лет с конфискацией имущества 11 093 чел. (Гурьянов А. Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 137–175.).

Кроме того, НКВД предпринимало активные действия в отношении сил ОУН, действовавших за границей, прежде всего на территории Польши, оккупированной Германией. Так, в спецсообщении Серова от 3 декабря 1940 г. подробно излагается операция по заброске на немецкую территорию Польши агента 5 отдела УГБ НКВД СССР «Украинец», внедренного в ОУН и имевшего прямые выходы на руководителей организации. Пробыв за границей почти месяц, 25 ноября 1940 г. «Украинец» был переправлен назад с разведывательным заданием от ОУН. Основной же задачей агента, поставленной чекистами, являлось осуществление раскола в краковской организации ОУН, (Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне, Т. 1. Накануне. Кн. 1. М.: Книга и бизнес, 1995. С. 283–287.).

60

Соглашение Молотова-Риббентропа состояло из двух частей — собственно договора о ненападении и секретного дополнительного протокола. В п. 2 секретного протокола

говорилось: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будут приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия».

В соответствии с этим пунктом и происходила демаркация границы между присоединенными Германией и СССР частями Польши.

61

1941 год. Сборник документов. Кн. 2. М.: Демократия, 1998. С. 221–223.

62

Богдан Кобулов был назначен зам. наркома госбезопасности СССР 25 февраля 1941 г.

63

После включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза армии этих государств были приказом наркома обороны СССР С. К. Тимошенко преобразованы в стрелковые корпуса в составе Красной Армии и подчинены командующему войсками Прибалтийского военного округа (текст приказа см.: Полпреды сообщают... М.: Международные отношения, 1990. С. 505–508). Однако комиссары, пытавшиеся привести прибалтийских военных к присяге советскому правительству, встречали с их стороны не просто нежелание, а порой и серьезный отпор (см. Письмо уполномоченного ВКП(б) и СНК по Литовской ССР Н. Позднякова наркому иностранных дел В. Молотову от 27 октября 1940 г. // Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1998. С. 59). Исходя из этого, было принято решение разоружить и депортировать всех литовских, латвийских и эстонских офицеров.

64

Бывший упаковщик на складе Виктор Абакумов пришел в органы в 1932 г. по комсомольской путевке. Михаил Шрейдер, один из его первых руководителей по ЭКО ОГПУ, писал потом в мемуарах, что в 1933 г. застал молодого чекиста на конспиративной квартире в момент интимной близости с агентессой, которая, в свою очередь, призналась, что ее агентурные

сообщения — «липа», написанная под диктовку Абакумова. Шрейдер попытался его уволить, но Абакумова лишь перевели с оперативной работы на рядовую должность в ГУЛАГ. Карьеру он сделает после 1937 г., когда вернется в центральный аппарат НКВД и будет принимать непосредственное участие в фабрикации громких политических процессов. Придя в НКВД, Берия заметил активного крепыша, который вдобавок тесно сошелся с его доверенным лицом Богданом Кобуловым. В 1939 г. Абакумов был назначен начальником УНКВД Ростовской области, в феврале 1941 г. возвратился в Москву, но уже в качестве зам. наркома внутренних дел. Имеется множество свидетельств, что он жестоко избивал и пытал подследственных.

Кстати, по свидетельству ряда очевидцев, с годами любовь Абакумова к танцам, женскому обществу и красивой одежде ничуть не утихла. Даже став генералом, он продолжал инкогнито посещать модные дансинги и носить сшитую на заказ одежду иностранного покроя. За глаза Абакумова называли «Витька-фокстротист».

65

В другом варианте записок Серов указывает, что речь идет о разговоре «на явке нашего сотрудника (полковника Короткова) с проверенным агентом».

66

О том, что нацистская Германия готовит нападение на СССР, Сталину докладывали неоднократно. Та резолюция, о которой пишет Серов, была наложена на докладную записку Меркулова от 16 июня 1941 г. (не 17 марта!) с донесением советского источника, работавшего в штабе люфтваффе, Х. Шульце-Бойзена. Сталин написал: «Товарищу Меркулову. Может, послать ваш „источник“ из штаба германской авиации к е... матери. Это не „источник“, а дезинформатор. И. Ст.» Подобным образом Сталин реагировал на все документы с аналогичными сообщениями. (Цит. по: Карпов В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994. Кн. 1. С. 211.).

67

Текст доклада начальника ГРУ Ф. Голикова Сталину от 20 марта 1941 г. воспроизводится дословно, (См.: Служба безопасности // Журнал МБ России. 1993 г. № 3. С. 7.).

68

На самом деле, Р. Зорге («Размай»), будучи резидентом советской военной разведки в Японии, предупреждал Центр о подготовке Германии к войне, однако не называл конкретных дат. Так, в агентурном сообщении 17 июня 1941 г. он докладывал начальнику разведупра

РККА: «Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает — будет война или нет». (1941 год. Сборник документов. Кн. 2. М.: Демократия, 1998. С. 380.).

69

Советская разведка действительно овладела шифрами японской дипломатической переписки и правительственной связи без участия Рихарда Зорге. Ключевую роль в этом сыграли дешифровщики Борис Аронский и Сергей Толстой, а также резидент Идзуми Кодзо. (См.: Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Эксмо, 2009. С. 101–105.).

70

5 мая 1941 г. в Кремле был организован прием для выпускников военных академий, где Сталин впервые публично объявил о неизбежности войны с Германией.

71

Подлинные мотивы перелета второго человека в нацистской партии Р. Гесса в Лондон до сих пор остаются исторической загадкой. Разброс версий очень широк: от временного помрачения рассудка до спровоцированной Черчиллем попытки Гитлера заключить сепаратный мир и военный союз с Великобританией.

72

В Перемышль немцы вошли уже 22 июня 1941 г., однако, на следующий день Красная Армия и войска НКВД их оттуда выбили. Вторично город был взят вермахтом 27 июня. Брест был также атакован 22 июня, однако в оставшейся в тылу у наступающих германских войск Брестской крепости очаги сопротивления сохранялись вплоть до начала августа. 30 июня 1941 г. Красная Армия оставила Львов.

73

Речь идёт о Директиве № 2, направленной руководству военных округов и наркомун ВМФ в 7 ч. 15 мин. 22 июня 1941 г. Вот её полный текст:

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО МАЛЕНКОВ ЖУКОВ»

(1941 год. Кн. II. М.: Демократия, 1998. С. 431).

74

Лубянка в дни битвы за Москву. Сборник документов. М.: Звонница, 2002, С. 27.

75

Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 106.

76

Речь о П. Кубаткине, возглавлявшем УНКГБ Московской области до момента его преобразования в УНКВД 20 июля 1941 г. С ним Серову предстоит скоро встретиться уже в осажденном Ленинграде, куда Кубаткин с лета 1941 г. будет направлен начальником объединенного У НКВД.

77

25 июня 1941 г. Постановлением СНК СССР № 1756-762сс охрана тыла действующей

Красной Армии была возложена на НКВД (Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. НКВД МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956), М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 48, 591).

78

В годы ВОВ Серов занимал следующие посты (некоторые одновременно): заместитель наркома внутренних дел, начальник охраны тыла Московской зоны (октябрь 1941 г. — февраль 1942 г.), член комиссии ГКО СССР по организации обороны Северного Кавказа (1942 г.), уполномоченный НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту (январь-июль 1945 г.), начальник охраны тыла 1-го Белорусского фронта (1944 г. — май 1945 г.), уполномоченный НКВД СССР в Польше (1945 г.) и др.

79

Конкретных фактов, подтверждающих личное участие Серова в избиениях арестованных, не сохранилось: за исключением нескольких свидетельств, которые вызывают серьезные сомнения. Например, Амаяк Кобулов заявлял, что в 1942 г. Серов, прилетев с проверкой в Узбекистан, «в присутствии сотрудников избил до крови» задержанного немецкого агента. Необходимо, однако, учесть, что между братьями Кобуловыми и Серовым отношения были, мягко говоря, непростыми. Кроме того, к моменту написания заявления сам Кобулов был уже приговорен к расстрелу по делу Берии.

80

В официальной историографии до сих пор считалось, что арестованный по делу о военно-фашистском заговоре будущий маршал Кирилл Мерецков был освобожден 28 августа 1941 г. после вмешательства Сталина, которому он отправил личное письмо. Рассказ Серова вносит уточнение: именно его вмешательство спасло одного из полководцев победы.

Уже в сентябре 1941 г., выйдя из тюрьмы и получив под командование 7-ю отдельную армию, Мерецков сделает невозможное: остановит наступление финнов на реке Свирь. Очень скоро он станет командующим Волховским, а затем Карельским фронтом, сыграв решающую роль в прорыве блокады Ленинграда, освободит Карелию, Заполярье, Норвегию. Именно Мерецкову будет суждено поставить точку во Второй мировой войне, завершив разгром японцев в Маньчжурии. За это он удостоится ордена «Победа».

81

С приближением к Москве линии фронта было решено вывезти в тыл архивы, сокровища

Московского Кремля, алмазный фонд, запас драгоценных металлов и камней, значительную часть музейных собраний. 4 июля 1941 г. в Тюмень специальным эшелоном было отправлено тело В. И. Ленина. 5 июля началась эвакуация государственных и партийных работников и их семей. Уже к октябрю 1941 г. в Куйбышев, определенный запасной столицей, и другие тыловые города было эвакуировано 3/4 центрального аппарата НКВД, а также оперативные учеты, картотеки, оперативные и агентурные дела.

82

Мотивы, которыми руководствовался Сталин, назначая Серова членом Военного совета ВВС, до конца не понятны. Возможно, это могло быть связано с предстоящей операцией по бомбардировкам Берлина, о чем речь пойдет ниже, и, соответственно, проверках кандидатов на дальние вылеты.

83

Описываемое совещание у Сталина состоялось 3 июля 1941 г. Серов вошел в кабинет в 23.40 вместе с Булганиным, главкомом ВВС Жигаревым и его заместителями Рухле и Петровым. В полночь к ним присоединились Жуков, нарком ВМФ Кузнецов и будущий главный маршал авиации Голованов. Вышли из кабинета в 00.50.

84

Бомбардировки Берлина советской авиацией были задуманы, в первую очередь, как демонстрационные акции. С одной стороны, они были призваны напугать немцев, с другой — успокоить советских людей: к тому времени главари Рейха публично заявляли о полном уничтожении советской авиации. Первый такой вылет состоялся 7 августа силами 15 дальних бомбардировщиков ВВС Балтийского фронта. В силу неожиданности ни один из самолетов не был сбит. Отбомбившись и сбросив над Берлином листовки, все они благополучно вернулись домой. В дальнейшем бомбардировки продолжались вплоть до 5 сентября. В общей сложности было совершено 9 налетов, 33 самолета сумели сбросить на Берлин 21 тонну бомб, 17 экипажей оказалось потеряно.

85

Еще в январе 1941 г. ветеран финской войны, дважды орденноносец, а ныне шеф-пилот «Аэрофлота» Александр Голованов написал письмо Сталину о том, что летчиков-бомбардировщиков нужно готовить к полетам в плохую погоду. Сталин обратил внимание на инициативного пилота, лично принял, выслушал и отправил командовать дальнебомбардировочным полком.

Следующий визит Голованова к вождю в июле 1941-го, который и описывает Серов, стал для летчика поистине судьбоносным. С августа — он уже командир дивизии, в октябре — генерал-майор. В 1942-м, по его предложению, Сталин выделит дальнюю авиацию из ВВС, подчинив ее напрямую Ставке Верховного Главнокомандования (то есть себе). Командовать ею будет, разумеется, Голованов. Путь от подполковника до главного маршала авиации он пройдет за каких-то 3,5 года: маршальскую звезду Голованов получит в 39 лет — самым молодым в истории.

86

На самом деле генерал-лейтенант С. П. Иванов за ложные донесения был снят с должности начальника штаба 1-го Украинского фронта не в начале войны, а в ноябре 1943 г. (приказ Ставки ВГК № 30241).

87

В начале сентября 1941 г. кольцо блокады вокруг Ленинграда резко сжимается. Финские войска заняли Карельский перешеек, перекрыв доступ к городу с севера. На юге немецкие части, заняв территорию Эстонии, Псков, Новгород, Лугу, 30 августа вышли к Неве в среднем течении. Как раз в момент вылета Серова в Ленинград 8 сентября 1941 г. был захвачен Шлиссельбург, что полностью блокировало северную столицу и с воды, и с суши. Именно этот день считается началом блокады Ленинграда.

Очевидно, что доклад Серова по итогам командировки также сказался на отмене Сталиным им же накануне принятого решения. К. Ворошилов был назначен командующим Ленинградским фронтом 5 сентября 1941 г., но уже 14 сентября его сменил Г. Жуков. Новый командующий активно приступил к организации обороны города. (В своих воспоминаниях он пишет, что экстренно прибыл в Ленинград уже 9 или 10 сентября.).

88

Постановлением ГКО ССР от 8 октября 1941 г. была учреждена «пятерка» для «проведения специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области». В состав группы вошли Серов (руководитель), начальник Московского УНКВД Журавлев, секретари МГК и МК Попов и Черноусое, главный инженер Красной Армии Котляр. Задачи «пятерки» были настолько засекречены, что даже в совсекретном решении ГКО суть «спецмероприятий» не раскрывалась. В действительности, группа должна была организовать минирование и подготовку к уничтожению 1119 столичных предприятий; в случае сдачи столицы они не должны были достаться врагу. Большинство предприятий (707) намечалось поджечь или вывести из строя механическим путем, остальные — взорвать. (Органы государственной безопасности в ВОВ. Начало. Т. 2, кн. 2. М.: Русь, 2000. С. 185–186.196-197.).

По плану, утвержденному Серовым, минирование объектов надлежало закончить в течение двух дней: к 18 часам 10 октября. (Лубянка в дни битвы за Москву. М.: Звонница, 2002. С.

В соответствии с постановлением ГКО от 15 октября 1941 г., «в случае появления войск противника у ворот Москвы» Берии и Щербакову поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (включая водопровод и канализацию)». Очевидно, что Серов должен был при этом оставаться в захваченном городе под чужими документами и координировать работу боевых отрядов и резидентур.

Истребительные батальоны были созданы постановлением СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». Формировались эти добровольческие подразделения из не подлежащих призыву сотрудников партийных, комсомольских, хозяйственных или профсоюзных органов. Их задачей было задержание или уничтожение диверсантов, вражеских парашютистов, шпионов, дезертиров, бандитов, спекулянтов, мародеров и пр. Мнения историков относительно роли и эффективности истребительных батальонов расходятся.

Во исполнение названного постановления СНК, в НКВД был образован штаб для борьбы с немецкими парашютистами и диверсантами в прифронтовой полосе. Начальником штаба стал генерал-майор Г. Петров. Штабу НКВД подчинялись создаваемые в приграничных краях и республиках оперативные группы НКВД, которые должны были прочесывать местность в поисках врага. Координацией этой работы также ведал Серов: показательно, что тот же генерал Петров 13 октября 1941 г. будет одновременно назначен начальником штаба охраны Московской зоны НКВД, то есть непосредственным подчиненным Серова. В дальнейшем судьба еще сведет их не раз. (См. текст приказа: Биленко С. В. На охране тыла страны. Истребительные батальоны и полки в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М.: Наука, 1988. С. 250–251.).

Леонид Хрущев застрелил в пьяной вечеринке моряка, был осужден к 8 годам с отбыванием наказания на фронте. 11 марта 1943 г. не вернулся из боевого вылета.

Британский премьер У. Черчилль прилетал на переговоры к Сталину в Москву 12–14 августа 1942 г., в самый разгар наступления на Сталинград. В целях безопасности маршрут был проложен через Каир и Тегеран, а летел сэр Уинстон на высотном бомбардировщике. Главной целью визита было налаживание отношений со Сталиным и намерение лично известить его о невозможности открытия второго фронта в 1942 г. Сам Черчилль со свойственной ему образностью так охарактеризовал свою миссию: «Это было все равно что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников» (Черчилль У. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1991. Кн. II. С. 508).

Несмотря на то, что сэр Уинстон не смог обнадёжить своего партнёра по переговорам, визит закончился дружеским обедом с обильными возлияниями в кремлёвской квартире Сталина. Лёд в отношениях между двумя лидерами был сломан.

Либо Серов вновь путается в датах, либо это была, как минимум, вторая его поездка в осажденный Харьков. Месяцем ранее, 26 сентября, он докладывал Берия по ВЧ из Харькова об обстановке в городе и принятых им мерах. В частности, Серов приказал выселить до 100 семей немцев, дополнительно обнаруженных УНКВД в районах Днепропетровской области, а также провел аресты 500 человек, «антисовстски настроенных, ожидающих прихода немцев, распространяющих пораженческую агитацию и т. д.». По его оценке, в городе сложилась крайне взрывоопасная ситуация, вызванная неумелой организацией эвакуации населения, отсутствием разъяснительной работы со стороны местных властей и, напротив, активным подогреванием недовольства со стороны контрреволюционных элементов. Имели место забастовки и невыходы на работу в знак протеста против того, что эвакуируют якобы семьи одних руководителей. (Начало. Органы государственной безопасности в ВОВ. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000. С. 143–146.).

Сталино — название Донецка в 1938–1961 гг., центр Сталинской области. Ворошиловград — нынешний Луганск.

С 15 сентября 1942 г. начальником УНКВД Сталинской области был Николай Федорович Илясов (1909–1981).

Большинство шахт и промышленных предприятий Донбасса перед немецкой оккупацией было выведено из строя. Интересно, что нередко горняки и члены их семей препятствовали подрыву шахт, которое, как сказал один из участников тех событий, «напоминало им убийство кормильца». Немцам удалось восстановить около 40 угольных шахт, но, несмотря на все их старания, они смогли получать только около 2,3 % от предвоенной добычи.

Л. Р. Гонор не был директором Мытищинского вагонного завода, выпускавшего во время войны продукцию для фронта, однако он, как организатор перепрофилирования производства для нужд фронта, мог курировать эвакуацию этого предприятия.

Растерянность и паника в октябре 1941 г. в Москве носила характер массовый. Начались бегства директоров предприятий и ответственных работников, из-за неразберихи на многих заводах задержали выплату зарплат, что вызвало серию акций протеста. Нередки были случаи, когда рабочие нападали на колонны с эвакуируемыми семьями руководителей, учиняли бесчинства, о чем подробно говорится в сохранившихся сводках НКВД.

Только за 16–17 октября Московское УНКВД зафиксировало случаи бунтов, забастовок, коллективных драк, стычек с властями, мародерства сразу на 20 предприятиях. (Органы государственной безопасности в ВОВ. Начало. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000. С. 222–226.).

За первые же 2,5 недели боевых действий войска Западного фронта на Белорусском направлении были практически уничтожены противником: к 8 июля 2/3 личного состава погибли или попали в плен. Всю вину за провал Сталин возложил на командующего фронтом, Героя Советского Союза генерала армии Дмитрия Павлова и его подчиненных. 22 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Д. Павлов был приговорен к расстрелу за «трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти». По аналогичным обвинениям были расстреляны и другие генералы Западного фронта: начальник штаба В. Климовских, начальник связи А. Григорьев, начальник артиллерии Н. Клич, зам. начальника ВВС А. Таюрский, командир 14-го мехкорпуса С. Оборин, командующий 4-й армией А. Коробков. Посмертно все реабилитированы.

С легендарным разведчиком, будущим генералом Александром Коротковым судьба сведет Серова еще не один раз. Его имя встречается в записях разных периодов; взятие Берлина, подписание капитуляции, работа в освобожденной Германии, подавление венгерской восстания.

Для понимания личности следует сказать, что как раз накануне их первой встречи осенью Коротков вернулся из Берлина, где сумел восстановить утраченную связь со знаменитой «Красной капеллой»; последний сеанс он провел уже после объявления войны, улизнув из окруженного гестаповцами посольства. За эту операцию в октябре 1941 г. Коротков был награжден орденом Ленина.

Еще один орден (Красной Звезды) Коротков получил до этого за ликвидацию в Бельгии чекиста-перебежчика Георгия Агабекова и личного секретаря Троцкого Рудольфа Клемента.

Впоследствии Коротков станет резидентом в Германии, возглавит нелегальную разведку, дорастет до зам. начальника внешней разведки КГБ. После ухода Серова из КГБ он окажется в числе немногих, кто сохранит отношения с бывшим начальником: они продолжают регулярно играть в теннис. Даже скончается Коротков именно во время матча с Серовым на стадионе «Динамо» 27 июня 1961 г.

Тайна сталинского бункера в Арзамасе несколько десятилетий будоражит любителей имперской романтики. О том, что для вождя должно было быть сооружено подземное убежище на Волге, в 100 километрах от Горького, упоминает ряд косвенных свидетелей. Прямых доказательств тому, однако, нет. Записки Серова — пожалуй, первое объяснение исторической загадки: стройку остановило нежелание Сталина покидать Москву.

В преддверии немецкой оккупации в казачьих районах, где была ещё очень свежа память о подавлении крестьянских бунтов, коллективизации, раскулачивании и расказачивании, резко усилились антисоветские настроения, многие ожидали гитлеровцев с большими надеждами. Современный исследователь приводит такие взятые из архивных документов цифры: «на территории оккупированной Ростовской области самовольно осталось около 10 тысяч коммунистов, примерно 40 % из них во время оккупации уничтожили или сдали в гестапо свои партбилеты. После освобождения области из партии было исключено 5019 человек». (Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация. Советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.; Центрполиграф, 2010. С. 208–209.).

См. сноску 17 к данной главе.

105

Как зам. наркома Серов курировал подразделения правительственной связи. Принятое с его подачи решение объединить армейские и чекистские подразделения спецсвязи было оформлено постановлением ГКО СССР № 1129сс от 11 января 1942 г. «Об обеспечении бесперебойной правительственной телефонной ВЧ-связи между Москвой и штабами фронтов». Так родился новый вид войск — войска правительственной связи, существующие по сегодняшний день. Кстати, и своим профессиональным праздником войска Спецсвязи ФСО России также обязаны Серову. Именно его подпись стоит под приказом НКВД СССР № 2 от 2 января 1944 г., установившим дату 15 февраля Днем организации войск правительственной связи. (Вперед на Запад. Органы государственной безопасности в ВОВ. Т. 5. Кн. 1. М.: Кучково поле. 2007. С. 13.).

106

В связи с «необходимостью наведения жесткого порядка на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы» постановлением ГКО СССР № 765сс от 12 октября 1941 г. приказывалось НКВД СССР взять под особую охрану зону вокруг столицы (Калинин-Ржев-Можайск-Тула-Коломна-Кашира). Вся она разбивалась на 7 секторов, общее руководство возлагалось на Серова как на начальника охраны Московской зоны. В его оперативное подчинение передавалось 6 тыс. личного состава войск НКВД. (Органы государственной безопасности в ВОВ. Начало. Т. 2. Кн. 2. М.: Русь, 2000. С. 206.).

Приказом Л. Берии № 001495 от 13 октября на штаб охраны Московской зоны возлагалось:

- очистка от всех сомнительных и подозрительных элементов;
- усиление борьбы с дезертирством;
- наведение порядка на дорогах;
- обеспечение фронтовых органов бесперебойной ВЧ-связью с Москвой.

В период с 15 по 28 октября 1941 г. секторами НКВД было выявлено 760 дезертиров, задержано 933 человека «антисоветского элемента», из которых 122 выселено. 214 арестовано, а 597 передано местным органам НКВД. (Лубянка в дни битвы за Москву. М.: Звонница, 2000. С. 80–82, 91–92.).

Кроме того, зоны охраны взяли на себя функции своего рода «заградотрядов»: они должны были останавливать бегущих с фронта солдат. Как пишет далее сам Серов, к весне 1942 г. силами секторов НКВД «было задержано более 300 тысяч солдат и офицеров, отступавших к Москве и бежавших из своих частей». В дополнение к этому перед самым Новым, 1942-м годом, Серову поручили также наблюдение за работой созданных 28 декабря специальных лагерей по проверке и фильтрации командиров и красноармейцев, вышедших из плена или окружения.

Приказом НКВД СССР от 13 октября 1941 г. начальниками секторов Зоны охраны НКВД были назначены комбриг М. Богданов (Волоколамский сектор), ст. майор ГБ А. Леонтьев (Можайский), генерал-майор И. Петров (Малоярославецкий), ст. майор ГБ А. Давыдов (Коломенский), комбриг М. Сладкевич (Каширский), майор ГБ Г. Добрынин (Калининский), генерал-майор И. Любый (Серпуховский). (Лубянка в дни битвы за Москву. М.: Звонница, 2002. С. 80–81.). Как минимум, с последними тремя Серов учился в военной академии им М. Фрунзе.

Военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, прошедший на Красной площади 7 ноября 1941 г., имел колоссальное значение для подъёма боевого духа советских войск к всего народа. Речь Сталина с трибуны мавзолея, прохождение войск и боевой техники показали всему миру, что Москва не сдаётся и Красная Армия будет сражаться до победы. Кстати, в этот же день парады были также проведены в Куйбышеве и Воронеже.

В этот период — в апреле-мае 1942 г. Будённый являлся главкомом Северо-Кавказского направления, Крымским фронтом на протяжении всего периода его существования — с 28 января по 19 мая 1942 г. — командовал генерал-лейтенант Д. Т. Козлов. Крымский фронт образовался в результате высадки на восточной оконечности почти полностью оккупированного гитлеровцами Крыма с кораблей и с замерзшего Керченского пролива нескольких дивизий Красной Армии, перед которыми стояла задача очистить от неприятеля весь полуостров. Цель эта, однако, не была достигнута, и операция была полностью провалена, а войска понесли тяжёлые потери. Причина сокрушительного поражения заключалась прежде всего в просчётах командования; сам Манштейн в мемуарах писал о том, что его армия несколько раз оказывалась в критическом положении, но русские не смогли этим воспользоваться.

Наркомом госконтроля СССР Лев Мехлис был до войны (и станет таковым вновь — в 1946 г.). В описываемый период он — зам. наркома обороны СССР, начальник Главполитуправления РККА, с января 1942 г. — представитель Ставки ВГК на Крымском фронте. Между тем, Мехлис, действительно, отличался небывалым аскетизмом и показной скромностью. Даже будучи министром, продолжал, например, жить в коммунальной квартире.

Операция «Охота на дроф» по уничтожению советской десантной группировки на Керченском полуострове началась 7 мая бомбовым ударом по штабам, которые в течение долгого времени не меняли своего расположения и были рассекречены. Погиб командующий 51-й армией генерал-лейтенант В. Н. Львов, его заместитель Баранов был тяжело ранен. Другим деморализующим фактором оказался десант, высаженный немцами со шлюпок в тылу 63-й горнострелковой дивизии (повидимому, Серов именно её ошибочно называет 21-й (грузинской) дивизией). В течение нескольких последующих дней советская оборона на Париацком перешейке была сломлена.

Полигонные испытания советской боевой машины реактивной артиллерии БМ-13, получившей в народе название «Катюша», были успешно проведены ещё в марте 1941 г. За день до начала Великой Отечественной войны машина поступила на вооружение Красной Армии. Ее первое «боевое крещение» состоялось уже летом 1941 г.

Серов называет «Турецким» Киммерийский вал, отделяющий Керченский полуостров от Крыма. Во время нахождения Серова в Крыму весной 1942 г. здесь проходила Керченско-Феодосийская десантная операция, целью которой являлось освобождение Крыма от немцев. Закончилась она катастрофой, подробно описанной автором.

Советские войска оставили Керчь 16 мая 1942 г. (в некоторых источниках указывается 15 мая.

—
Прим. ред .).

Советские источники обычно умалчивали о потерях, понесённых Красной Армией в результате гибели Крымского фронта. Так, наиболее подробная монография, посвященная войне в Крыму, подводила итог так называемой Керченской оборонительной операции Крымского фронта 8-21 мая 1942 г.: «Фронт оставил Керченский полуостров. Потерял около 3,5 тыс. орудий и миномётов, около 350 танков. Эвакуировано свыше 140 тыс. человек и часть техники» (Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука,

1987. С. 331). Об убитых, раненых и попавших в плен — ни слова. Современный историк к майским потерям в артиллерии и танках добавляет утрату 400 самолётов и более 176 тыс. человек убитыми и попавшими в плен.

Общие же потери с момента высадки на полуостров составили 330 тыс. чел. (Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Минск: Харвест, 2003. С. 191).

116

За разгром Крымского фронта Л. Мехлис был снят со всех должностей, понижен на два звания с армкомиссара 1-го ранга (генерал армии) до корпусного комиссара (генерал-лейтенант) и назначен членом Военного совета 6-й армии. Также в званиях были понижены командующий фронта Д. Козлов, член ВС Ф. Шаманин. Еще троих генералов разжаловали в полковники. В директиве Ставки ВГК от 4 июня 1942 г. «О причинах поражения Крымского фронта в Керченской операции» командование фронта обвинялось в «бюрократическом и бумажном методе руководства».

117

Как следует из документальных источников, Серов прилетел в Сталинград 18 августа 1942 г. К тому моменту там уже находился начальник военной контрразведки В. Абакумов, а ранее, в июле, успел побывать 1-й зам. наркома В. Меркулов.

Сталин придавал исключительное значение обороне «своего» города. Во многом как раз в связи с наступлением немцев на Сталинград 28 июля он и подписал знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад».

В городе, между тем, нарастала паника. Произошла массовая вспышка холеры. Заметно активизировалась агентура противника. Для того чтобы железной рукой навести здесь порядок, в Сталинград и направлялись руководители НКВД. Они должны были пресечь мародерство, дезертирство и панику, вскрыть агентуру, пресечь диверсии на жизненно важных объектах, обеспечить эвакуацию заводов и населения.

Почти ежедневно Меркулов, а затем Абакумов и Серов направляли Берии сводки о принятых оперативно-чекистских мерах, а также о реальном положении дел на фронте: докладам военных Ставка не доверяла. (Христофоров В. С. Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М.: Московские учебники, 2008. С. 26–28.).

Об оперативной обстановке в Сталинграде свидетельствуют сохранившиеся доклады. Например, в донесении от 23 августа 1942 г. начальник Сталинградского УНКВД Воронин сообщал Берии о задержании за день 1077 военнослужащих, в основном отставших от своих частей, а также переброшенного через линию фронта агента немецкой разведки. (Сталинградская эпопея. Сборник документов. М.: Звонница-МГ, 2000. С. 193.).

118

Нина Петровна — Н. П. Кухарчук (1900–1984), жена Н. С. Хрущева. Сам Никита Сергеевич приехал в Сталинград незадолго до Серова: он был назначен членом Военного совета Сталинградского фронта в июле 1942 г.

119

Описка Серова* В указанный период 4-й танковой армией командовал генерал-майор В. Крючёнкин* (1894–1976).

120

10-я стрелковая дивизия НКВД под командованием полковника А. Сараева включала в себя 5 полков и несколько спецподразделений, общей численностью 7,9 тыс. человек. Ещё в начале лета 1942 г. бойцы дивизии отличились, уничтожив недалеко от ст. Новоанинская немецкий десант, переодетый в красноармейскую форму. В дальнейшем 10-я дивизия, как и другие подразделения НКВД, принимала участие в оборонительных боях на подступах к Сталинграду, героически сражалась внутри города, в том числе на Мамаевом кургане. Сам Сараев 9 августа 1942 г. был также назначен начальником сталинградского гарнизона.

В наградном представлении на него указывалось: «За период боев по защите Сталинграда дивизия тов. Сараева истребила до 15 000 солдат и офицеров противника... Дивизия, возглавляемая т. Сараевым, сыграла большую роль в обороне и защите г. Сталинграда, ведя 40-дневные бои с превосходящими силами пехоты и танков противника, под непрерывным воздействием вражеской авиации». 2 декабря 1942 г. А. Сараев был награжден орденом Ленина, а 7 декабря 1942 г. ему присвоили звание генерал-майора.

121

Л. Берия, как член ГКО, прибыл из Москвы на Кавказ в середине августа 1942 г. для выполнения директивы Ставки от 30 июля об организации жесткой и прочной обороны перевалов главного Кавказского хребта. Накануне немецкая 17-я армия перешла в наступление под Анапой и Новороссийском. Непосредственно 23 августа началось наступление на Моздок.

Через 11 лет, уже после ареста, Берия так объяснит суть своего приезда: «Я выезжал с заданием прощупать настроение в руководящем составе партийных и советских органов в Закавказье, особенно в Грузии, нет ли панических настроений. Разобраться с обстановкой и постараться прикрыть перевалы Кавказского хребта». (Дело Берии. Приговор обжалованию не подлежит. М.: Демократия, 2012. С. 192.).

122

Контроль над перевалами через Главный Кавказский хребет позволял Красной Армии не допустить противника к важным стратегическим пунктам, прежде всего к месторождениям нефти и руды. Бездарное командование, неумелое распределение сил Красной Армии привели к тому, что немецкие части, хорошо подготовленные для ведения войны в горных условиях, заняли важнейшие перевалы. Тем не менее, упорство защитников Кавказа сыграло свою роль: захватчикам не позволили прорваться в Закавказье.

123

С генералами НКВД Сладкевичем и Добрыниным Серова объединяла не только учеба в Академии. Осенью 1941 г. они были назначены начальниками секторов Зоны охраны Москвы. Всей Зоной руководил Серов.

124

Прославившийся в Гражданскую войну и вознесенный советской пропагандой на щит, маршал Буденный не обладал стратегическим мышлением, не понимал изменившегося характера войны. Во многом именно его неумелое командование Северо-Кавказским направлением, а затем Северо-Кавказским фронтом привело к потере Ставрополя, Армавира, Майкопа, Краснодара, Элисты, Моздока, Новороссийска и приходу немцев на Кавказ.

125

После провала на Северо-Кавказском направлении карьера героя Гражданской войны маршала Буденного окончательно закатилась. В январе 1943 г. он был назначен командующим кавалерией Красной Армии: чувствовалась сталинская ирония, ибо кавалерия серьезной роли в войне играть уже не могла. После победы он успеет даже побыть одновременно зам. министра сельского хозяйства (по коневодству) и доживет до глубокой старости, окруженный почетом и славой.

126

Другой, более распространённый вариант написания названия реки и ущелья — Клыч.

127

Через Клухорский перевал — самый высокогорный участок Военно-Сухумской дороги —

проходит наиболее удобный, а в определённых условиях и единственный путь через западную часть Кавказского хребта. «Этот важнейший рубеж защищал 815-й пехотный полк. Его силы на момент соприкосновения с противником были распределены до неправдоподобия нелепо; 3-й батальон — в Сухуми, 2-й батальон — в селении Атары (далеко вниз по ущелью), и, наконец, 1-й батальон: одна рота непосредственно на седловине перевала. Ни прикрытия на Западном гребне, ни на Восточном, две роты на Южном склоне — 0,5 часа ходьбы при спуске, но 2 часа — при подъеме!!! Что здесь комментировать? И это второй год войны!» — почти теми же словами, что и Серов, восклицает в своей статье о войне на Кавказе выдающийся альпинист Ясен Дьяченко (http://www.mssianclimb.com/mssian/mssian_library/yasen4.html). В результате 16 августа части 1-й немецкой горнострелковой дивизии заняли Клухорский перевал и вышли к Эльбрусу, где 21 августа немецкие альпинисты водрузили нацистский флаг. В начале сентября немецкие войска также захватили марухские и санчарские перевалы. Лишь героизм советских воинов и изменение в подходе к организации боевых действий позволили не пустить немцев дальше.

128

Будущий маршал Советского Союза и министр обороны А. Гречко писал в мемуарах, что Л. Берия прибыл в штаб 46-й армии, находившийся в Сухуми, 23 августа 1942 г. «Вместо оказания конкретной помощи командованию в организации прочной обороны Берия фактически внес нервозность и дезорганизацию в работу штаба, что приводило к нарушению управления войсками». (Гречко А. А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. С. 142.).

129

Неясно, о какой отставке идет речь, поскольку председателем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР в период 1938–1948 гг. оставался Михаил Делба (1905–1992).

130

Прощенный генерал Тюленев останется командовать Закавказским фронтом вплоть до конца войны. Его именем названы теперь улицы в Москве и Ульяновске.

131

Майор И. Аршава (Серов ошибочно называет его полковником) погиб в бою 18 августа 1942 г. Посмертно награжден орденом Ленина.

132

Генерал горнострелковых войск Хуберт Ланц (1896–1982) возглавлял 1-ю горнострелковую дивизию «Эдельвейс» вермахта (не СС, как пишет Серов), укомплектованную коренными жителями горных районов Южной Германии, Баварии и Австрии. В дивизию набирали солдат не моложе 24 лет, с опытом ведения боевых действий выше снеговой линии. За успешное руководство военными действиями на Кавказе генерал Ланц был награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

133

Орденом Ленина Серов был награжден в сентябре 1942 г. Официальный указ о награждении был опубликован только в декабре 1942 г.

134

С сентября по декабрь 1942 г. 351-я стрелковая дивизия с пониженным в должности генерал-майором В. Ф. Сергацковым во главе стояла в обороне Мамисонскую перевала Главного Кавказского хребта, в Северной Осетии. В декабре, перейдя в наступление, дивизия освободила несколько населённых пунктов и, в отличие от некоторых других частей Северной группы Закавказского фронта, полностью справилась с возложенной на неё задачей.

135

С 1931 г. Владикавказ официально назывался Орджоникидзе. Интересно, что в 1944 г в награду за то, что осетины «показали себя в войне героями», город стали именовать осетинским названием Дзауджикау. После смерти Сталина он вновь стал Орджоникидзе и лишь в 1990-м вернул историческое имя Владикавказ. Серов в своих записках почему-то использовал только название «Владикавказ».

136

К концу октября 1942 г. немецкое командование скрытно провело перегруппировку 1-й танковой армии группы армий «А» и сосредоточило её основные силы (2 танковые и 1 моторизованную дивизии) на нальчикском направлении для захвата Орджоникидзе, чтобы затем продолжить движение на Грозный-Баку и по Военно-Грузинской дороге на Тбилиси. Этот манёвр был для советского командования неожиданностью; немецким силам, готовившим удар на Нальчик и Орджоникидзе, противостояла ослабленная боями, не имевшая танков 37-я армия. Перейдя в наступление 25 октября, немцы прорвали советскую оборону и 28 октября заняли Нальчик, освободив себе дорогу на Орджоникидзе. Положение сложилось критическое; спасти его могла только срочная переброска войск для отражения

гитлеровского натиска.

137

В 1942 г. в НКВД действительно служили сразу три генерала-однофамильца Киселева: командир 12-й Орджоникидзевской стрелковой дивизии внутренних войск Василий Иванович (1896–1960), начальник войск НКВД по охране тыла Северо-Кавказского округа Николай Сергеевич (1888-?) и начальник войск НКВД по охране Карельского фронта Александр Яковлевич (1907–1945).

138

Оперативно проведенная переброска под Орджоникидзе частей Северной группы войск Закавказского фронта позволила не только остановить продвижение немцев, но и перейти в контрнаступление, окружить крупную германскую группировку и добиться серьезной победы на этом участке фронта.

139

Вклад войск НКВД в оборону Кавказа был очень велик. На основных направлениях гитлеровских ударов сражались Грозненская, Махачкалинская, Орджоникидзевская, Сухумская и Тбилисская стрелковые дивизии внутренних войск НКВД. На плечах сотрудников НКВД лежала чрезвычайно важная функция обеспечения безопасности тыла: борьба с бандами, диверсионными группами, шпионами и т. п.

140

С приближением линии фронта обстановка в Чечне заметно накалилась. В горах активно действовали банды из числа дезертиров и уголовников. Во многих районах поднимались антисоветские восстания, координируемые неким Временным народно-революционным правительством Чечни. С середины 1942 г. начались заброски немецкой агентуры на парашютах для связи с повстанцами: до августа 1943 г. НКВД была зафиксирована заброска не менее 8 команд численностью 77 человек. (Сталинские депортации. 1928–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2005. С. 436.).

141

Член ВС Закавказского фронта комиссар ГБ 3-го ранга А. Саджая, начальник штаба фронта

генерал-лейтенант П. Бодин и нарком ВД Северо-Осетинской ССР ст. майор ГБ А. Зоделава погибли 5 ноября 1942 г. Накануне они выехали в район Дзуарикау для допроса крупного немецкого разведчика, сбитого на самолете. Вопреки требованиям безопасности, все руководители двигались в одной машине в сопровождении еще нескольких автомобилей. Эту кавалькаду без труда разглядели немецкие самолеты-разведчики, вызвавшие звено бомбардировщиков. При въезде в селение Гизель машины были прицельно уничтожены с воздуха.

142

Надо понимать, с.-в. означает «северо-восточнее», но это смысла фразе не добавляет. Малгобек по отношению к Владикавказу находится почти строго на севере, и расстояние между ними приблизительно 70 км.

143

Серов прилетел в Москву после ноябрьских праздников.

144

6 ноября 1942 г. ефрейтор 1-го зенитного полка ПВО Савелий Дмитриев, находясь на Красной площади, открыл огонь из винтовки по проезжающей в Кремль машине с членом ГКО, наркомом внешней торговли СССР Анастасом Микояном. Успел совершить 3 выстрела, после чего был обезоружен и задержан охраной. На допросах Дмитриев показал, что хотел убить Сталина, но перепутал машины. К теракту его подтолкнула обида и злость за свою тяжелую жизнь. Следствие тянулось аж 8 лет, но установить связь Савельева с немецкой разведкой или какими-то антисоветскими центрами не удалось. 25 августа 1950 г. он был приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян.

145

Память вновь подводит Серова. Комиссарами ГБ 2-го ранга (3 звезды) они с Абакумовым станут лишь 4 февраля 1943 г. Тогда же будет присвоено звание комиссара ГБ 1-го ранга (4 звезды) и Меркулову.

146

Здесь и далее Серов ошибается в датах. УКР СМЕРШ будет создан в апреле 1943 г.

147

Молотовск название г. Северодвинска (Архангельская область) в 1938–1957 гг.

148

Арктические конвои были самым быстрым и самым опасным маршрутом доставки боеприпасов, техники, продовольствия и стратегического сырья из Великобритании и Соединённых Штатов в Советский Союз по программе ленд-лиза. За время войны было проведено всего 78 конвоев общим числом около 1400 торговых судов. Более 100 судов союзников были потеряны.

149

По-видимому, имеется в виду генерал И. П. Рослый, командовавший в указанный период 11-м стрелковым корпусом.

150

Описка: речь не о Грузинской, а о Грозненской дивизии.

151

В начале 1943 г. на Северном Кавказе сложились обстоятельства, позволявшие повторить сталинградский успех: силами Сталинградского (с 1 января 1943 г. — Южного) и Закавказского фронта разгромить большую часть группы армий «А», не допуская её организованного отступления. Однако преследование врага Закавказским фронтом началось с опозданием, велось бестолково, неорганизованно и медленно. Немцам удалось уйти и занять достаточно выгодные позиции. Естественно, такой ход событий не мог не вызвать недовольства Верховного.

152

Приказом НКВД СССР № 00792 от 4 мая 1943 г. было организовано Главное управление

войск НКВД по охране тыла действующей армии. За его работу по-прежнему отвечал Серов.

Для примера эффективности действий подразделений НКВД по охране тыла приведём данные на 1942 г. по одной только Ярославской области: на территории области было сформировано 42 истребительных батальона общей численностью 6700 чел.; ими задержано: парашютистов, выброшенных с вражеских самолётов, — 22 чел., шпионов и диверсантов из местного населения — 21 чел., вооружённых бандитов — 58 чел., личного состава экипажей самолётов противника, сбитых над территорией Ярославской обл., — 4 чел. (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. IV. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января — 30 июня 1943 года. М.: Русь, 2008. С. 72).

153

Наступление советских войск под Сталинградом началось 10 января 1943 г. и привело к расчленению на 2 группировки и блокированию 6-й армии фельдмаршала Паулюса (операция «Кольцо»). 31 января южная группировка вместе с командованием 6-й армии и штабом была ликвидирована, к 2 февраля капитулировала северная группировка. В плен попало свыше 91 тыс. солдат и офицеров, включая 24 генерала.

154

Число военнопленных под Сталинградом оказалось рекордно высоким и стремительно нарастало. Если к 19 ноября 1942 г. военные передали УПВИ НКВД 19 782 чел., то уже 5 января 1943 г. их было 61 141, а 15 февраля — около 138 тыс. Большинство сдавшихся немцев и румын уже были тяжело больны, истощены от голода и холода. 70 % пленных страдали дистрофией, 60 % — имели обморожения 2-й и 3-й степени. Всего, по оценкам историков, за период Сталинградской битвы в плен попало 239 775 вражеских солдат и офицеров. (Военнопленные в Сталинграде. Документы и материалы. Волгоград: Издатель. 2003. С. 7–10.).

155

30 декабря 1942 г. Серов в докладной записке Берии писал: «В связи с успешными действиями частей Красной Армии на Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах отправка военнопленных проходит с большими затруднениями, в результате чего происходит большая смертность среди военнопленных.

Как устанавливается, основными причинами смертности являются:

1. Румынские и итальянские военнопленные от 6–7 и до 10 суток до сдачи в плен не получали пищи ввиду того, что все продовольствие, поступавшее на фронт, шло в первую очередь немецким частям.
2. При взятии в плен наши части военнопленных пешком гонят по 200–300 км до железной

дороги, при этом их снабжение тыловыми частями Красной Армии не организовано и зачастую по 2–3 суток в пути военнопленных вовсе не кормят.

3. Пункты сосредоточения военнопленных, а также приемные пункты НКВД должны Штабом тыла Красной Армии обеспечиваться продовольствием и обмундированием на путь следования. Практически этого не делается, и в ряде случаев при погрузке эшелонов военнопленным выдают вместо хлеба муку, а посуда отсутствует.

4. Органы военных сообщений Красной Армии подают вагоны для отправки военнопленных, не оборудованные нарами и печами, а в каждый вагон грузится по 50–60 чел.

Кроме того, значительная часть военнопленных не имеет теплой одежды, а трофейного имущества службы тылов фронтов и армий для этих целей не выделяют, несмотря на указание тов. Хрулева по этим вопросам...

И, наконец, вопреки Положению о военнопленных, утвержденному СНК СССР, и распоряжению Главвоенсанупра Красной Армии раненые и больные военнопленные не принимаются во фронтовые госпитали и направляются в приемные пункты». (Цит. по: Мифы Великой Отечественной. Военно-исторический сборник / Ред. — сост. Г. Пернавский. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 124–126.).

156

Серов был на приеме у Сталина 4 февраля 1943 г, с 22.40 до 23. 10. Вместе с ним в кабинет зашли Берия и начальник УПВИ НКВД СССР П. Сопруненко. Кстати, в этот же день Серову было присвоено звание комиссара ГБ 2-го ранга.

157

Местные органы НКВД физически не могли справиться с таким количеством военнопленных. Их нужно было экстренно вывозить из Сталинграда, лечить, кормить, охранять; выявлять, наконец, сотрудников и агентов германских спецслужб. Именно для организации этой работы Сталин и направил Серова в город своего имени. Приказом Берия № 00251 от 8 февраля 1943 г. было создано Сталинградское управления лагерей для военнопленных, структуру и состав которой поручалось утвердить Серову на месте. Ему также приказывалось принять «необходимые меры к быстрейшему приему и размещению военнопленных по лагерям». (Военнопленные в Сталинграде. Документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2003. С. 68–69.).

158

Важнейшим директивным документом, которым Серов руководствовался в своей деятельности по организации лагерей военнопленных, был приказ НКВД № 001603 от 3 августа 1942 г., который предусматривал «организацию всех видов снабжения и медико-санитарного дела, а также бытового обслуживания военнопленных». Однако

количество попавших в плен в Сталинградском котле было столь велико, что реализовать это требование не было никакой возможности.

159

С января 1943 г. в районе сталинградского п. Бекетовка действовал лагерь-распределитель. Распоряжением Серова в феврале он был преобразован в Управление лагерей № 108. Вскоре на территории Сталинградской области появилась целая сеть лагерей и приемных пунктов для военнопленных.

С февраля 1943 г. немцев постепенно начали вывозить из Сталинграда, но основной поток пошел после 1 марта, когда Берия издал приказ № 20 «О вывозе военнопленных из лагерей и приемных пунктов прифронтовой полосы». 78 500 человек к течению марта надлежало передислоцировать в тыловые лагеря НКВД. В дальнейшем пленные использовались на строительных и восстановительных работах, а также на промышленных предприятиях. (Военнопленные в Сталинграде. Документы и материалы. Волгоград: Издатель, 2003. С. 8–12, 90–91.).

160

Немцы из капитулировавшей 8-й армии Паулюса были настолько истощены, что до 30–40 % их умирало либо сразу, либо по дороге в лагеря или в госпиталях. Только за март 1943 г. от разных болезней скончалось 18 723 военнопленных. (Там же. С. 7–10.).

161

1943 г. ознаменовался принципиальным изменением ситуации на всех фронтах. На юге после сталинградской победы шло наступление наших войск на Ростов и Донбасс, довершалось изгнание неприятеля с Кавказа. На Таманском полуострове оказалась сконцентрирована большая группировка фашистских сил, численностью около 400 тыс. чел. Стояла задача разбить эту группировку и обеспечить возможность взятия Новороссийска. Существенную роль в этой операции должен был сыграть десант, высаженный с моря в районе Новороссийска, — в результате этой высадки образовался плацдарм, известный под названием «Малая земля».

162

В описываемый период Кондрат Мельник командовал 58-й армией, Константин Коротеев — знаменитой 18-й армией (в ее составе воевал будущий генсек Брежнев). Оба соединения были задействованы в освобождении Таманского полуострова и Черноморского побережья. Можно предположить, что «закрепление» за ними Серова было обусловлено тем значением,

которое Берия придавал предстоящей операции. В этом смысле Серов успел уже проявить себя как успешный «эmissар центра».

163

В недалеком будущем малоизвестный «усач-полковник» Сергей Штеменко (1907–1976) станет начальником Генштаба, ему дважды (!) присваивалось звание генерала армии. Одно время, незадолго до Серова, возглавлял и ГРУ.

164

К сожалению, из записей и дневников непонятно, о какой неприятности, заставившей Серова экстренно вернуться в Москву, идет речь.

165

В качестве зам. наркома внутренних дел Серов курировал работу правительственной связи, в том числе определял дополнительных абонентов закрытой АТС (т. н. «вертушка»), В описываемый период (с января 1943 г.) полковник В. Сталин командовал 32-м гвардейским истребительным авиационным полком.

166

В письме на имя Сталина от 8 сентября 1946 г. Серов указывал, что выезжал в 1942 г. для проверки работы Особого отдела Южного фронта по указанию Берии, поскольку там имелось «много случаев групповых переходов наших солдат на сторону противника», но начальник контрразведки фронта П. Зеленин «в это тяжелое время на фронте не занимается работой по предотвращению случаев измены, а разлагается, сожительствует с машинистками и награждает их медалями... заманил на квартиру жену начальника Политотдела армии, напоил ее пьяной и изнасиловал». Однако В. Абакумов не дал своего подчиненного в обиду. В дальнейшем — И. Зеленин будет работать на руководящих должностях в СМЕРШе, дослужится до генерал-лейтенанта, Серов вновь столкнется с ним в послевоенной Германии. После свержения Абакумова был арестован, освобожден в 1953 г. по амнистии. Год спустя лишён звания и уволен из органов. (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005, С. 244.)

Можно предположить, что конфликт вокруг Зеленина был обусловлен не только объективными причинами, но и подковерной борьбой, разразившейся в связи с выделением военной контрразведки из НКВД и создания ГУКР СМЕРШ НКВД.

Командующий 6-й армией Фридрих Паулюс сдался в плен 31 января 1943 г., ровно на другой день после того, как фюрер присвоил ему чин генерал-фельдмаршала. 24 февраля был доставлен в Москву. С июня 1943 г. содержался в спецлагере № 48 УПВИ НКВД для высшего командного состава противника, организованном на территории Суздальского монастыря.

Паулюсу было разрешено держать при себе личного ординарца Эрвина Шульте, сдавшегося с ним в плен. К слову, имелся у него и личный повар Георг Лев. Все они покинут СССР только вместе с фельдмаршалом в 1953 г. после смерти Сталина.

В течение 1,5 лет, находясь в плену, Паулюс продолжал хранить верность своей присяге, отказываясь выступить против Гитлера и присоединиться к созданным из немецких эмигрантов и пленных комитету «Свободная Германия» и «Союзу немецких офицеров». Однако ситуация на фронте, потеря Германией союзников и открытие Второго фронта, известие о покушении на Гитлера, совершённом офицерами, которых он хорошо знал, и другие обстоятельства побудили его пересмотреть свою позицию. 8 августа 1944 г. он подписал обращение «К военнопленным немецким солдатам и офицерам и к немецкому народу», призывавшее свергнуть Гитлера, и вскоре вступил в «Союз немецких офицеров», а затем — в «Свободную Германию».

Выезд Сталина в расположение Западного и Калининского фронтов был, без сомнения, приурочен к подготовке Смоленской операции (она же операция «Суворов»). Верховный Главнокомандующий прибыл в штаб Западного фронта 2 августа 1943 г., а операция «Суворов» началась 7 августа. Ее целью являлось освобождение Смоленска и разгром левого крыла немецкой группы армий «Центр».

Сталин практически не бывал на фронте. Известно о трех его выездах в 1941 г. в прифронтовую зону под Москвой. Поездка в августе 1943 г. в районы Гжатска и Ржева — единственный пример, когда Сталин удалился от столицы более чем на 100 км.

Сам Серов рассказывал своему зятю, известному писателю Э. Хруцкому, что машина с продуктами для Сталина по дороге подверглась нападению налетчиков. Труп шофера в брошенной машине чуть позже нашли в лесу. Весь дефицитный груз — сталинские деликатесы! — преступники забрали с собой. (Хруцкий Э. А. Тени в переулке. М.: Детектив-пресс, 2006. С. 115).

Звание маршала авиации была присвоено А. Голованову 3 августа 1943 г.

Серов ошибается. Будущий маршал Советского Союза А. Еременко командовал Калининским фронтом до октября 1943 г., затем — войсками 1-го Прибалтийского фронта. С февраля 1944 г. — командующий отдельной Приморской армией.

По инициативе РВИО в июле 2015 г. в доме, где останавливался Сталин в поселке Хорошево под Ржевом (Тверская область), был открыт мемориальный музей.

Первые победные салюты были произведены в Москве 5 августа 1943 г.

Тегеранская конференция с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина проходила 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Проблему представлял способ доставки Сталина в Тегеран — вождь чрезвычайно не любил летать на самолётах. В итоге он на специальном бронированном поезде проследовал через Сталинград в Баку, откуда на самолёте, которым управлял шеф-пилот Берии В. Г Грачёв, перелетел в Тегеран. (Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации 1941–1945. М.: Центр полиграф, 2007. С. 352–353.).

Сам Серов, однако, дальнейшей подготовкой этой операции уже не занимался. Ему были поставлены другие задачи. Как раз в конце ноября 1943 г. он организовывал выселение карачаевцев, а в декабре приступил к подготовке депортации калмыков.

178

Н. Хрущев оставался 1-м секретарем ЦК КП(б) Украины, даже находясь на фронте, но к активной работе в республике вернулся после освобождения ее основной территории и Киева. С 5 февраля 1944 г. Хрущев также возглавил Совнарком УССР, совместив в одном лице партийную и хозяйственную власть.

179

Решение о депортации немцев Поволжья Сталин, очевидно, принял 3 августа 1941 г. по прочтении шифровки от командования Южным фронтом: «Военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войскам.... Вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1 августа 1941 встречались хлебом-солью». На шифровке председатель ГКО наложил гневную резолюцию для Берии: «Надо выселить с треском».

Однако реальная подготовка к депортации началась лишь в середине августа, после выхода секретного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 августа 1941 г «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». По версии ряда исследователей, эта задержка была связана с необходимостью собрать урожай, ибо АССР НП являлась крупным аграрным регионом. (Полян П. Не по воле своей... М.: ОГИ-Мемориал, 2001, С. 105–106.).

180

Немцы с Украины не могли быть выселены в июне-июле 1941 г., о чем свидетельствует и цитата из шифровки, приведённая в предыдущей сноске. Возможно, Серов имел в виду выселение немцев из Крыма, который тогда не входил в Украину (в пору написания Серовым мемуаров уже входил). Выселение немцев из Крыма проводилось в завуалированной форме, под видом эвакуации (постановление Совета по эвакуации СЭ-75 с от 15 августа 1941 г. — то есть почти одновременно с выселением немцев Поволжья). Было вывезено в глубь страны около 60 тыс. крымских немцев.

181

Указ ПВС СССР «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» был подписан 28 августа 1941 г.; его содержание Серов воспроизводит практически дословно. Документ носил чисто номинальный характер, ибо днем ранее приказом Берии № 001158 Серов уже

был назначен руководителем оперативной группы НКВД СССР, командироваемой на место проведения депортации.

182

Указ ПВС СССР был опубликован по решению Серова 30 августа 1941 г. в газетах АССР НП «Большевик» и «Nachrichten».

183

Для проведения операции в Поволжье (Энгельс, Саратов, Сталинград) было командировано 1550 сотрудников НКВД, 3250 милицейских оперативников и 12 350 бойцов войск НКВД. Общее руководство операции осуществлял оперативный штаб под началом Серова.

184

В сообщении Серова от 30 августа 1941 г., переданном по «ВЧ» Берии, он излагал этот эпизод так: «Утром, в 10 часов, к секретарю обкома тов. Малову пришел зам. председателя СНК Республики Гекман и заявил, что „Указ прочел, считаю его правильным, так как в нашей среде много подлецов. Я ожидал этого и чувствовал, что дальше так работать трудно“. В дальнейшем разговоре ГЕКМАН поставил вопрос о своем освобождении...» (Сталинские депортации 1928–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2005. С. 309.).

185

Согласно официальным документам, с 3 по 20 сентября в Сибирь и Казахстан было вывезено 438,7 тыс. немцев, в т. ч. из АССР НП — 365,8 тыс., из Сталинградской области — 26,2 тыс., из Саратовской — 46,7 тыс. Параллельно с этим начались депортации немецкого населения из других регионов (Москва, Ростов, Кавказ, Запорожье, Воронеж). Уже к октябрю 1941 г. выселению подвергнутся 856 158 человек: всего же за годы войны из почти полутора миллиона советских немцев поражение в правах получит около 1,2 млн.

186

По Указу ПВС СССР от 7 сентября 1941 г. в пользу Саратовской области отошло 15 районов бывшей АССР НП, Сталинградской области досталось 7.

187

См. главу 16.

188

Бугай Н. «Л. Берия — И. Сталину: После Ваших указаний проведено следующее...» М.: Гриф, 2011. С. 204–205.

189

Описка. Генерал А. Еременко командовал войсками Южного фронта, освобождавшего зимой 1943 г. Ростов.

190

110-я и 111-я Отдельные Калмыцкие кавалерийские дивизии (ОККД) начали формироваться в конце ноября 1941 г. По решению бюро обкома партии и СНК Калмыцкой АССР 110-й ОККД было присвоено имя С. Буденного, 111-й ОККД — О. Городовикова.

В дальнейшем, однако, ввиду малоэффективности кавалерии в условиях новой войны формирование 111-й ОККД было остановлено, а ее личный состав передан 110-й ОККД. С июня 1942 г. калмыцкие кавалеристы принимали участие в боевых действиях в составе 51-й армии Северо-Кавказского фронта. При этом в дивизии, действительно, имело место массовое дезертирство. Оказавшиеся на захваченной немцами территории Калмыкии дезертиры нередко вступали в создаваемые Вермахтом калмыцкие эскадроны. Несмотря на это, советское командование не расформировывало 110-ю дивизию, а стремилось её доукомплектовать. Когда в феврале 1943 г. дивизию упразднили, калмыки составляли лишь 11 % её численности.

191

В подчинение Серову в Калмыкию был направлен 3-й мотострелковый полк НКВД, ранее участвовавший, кстати, в выселении карачаевцев. Также в операции было задействовано почти 3 тысячи офицеров НКВД.

192

Операция «Улусы» формально основывалась на постановлении не ГКО, а Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 г. № 1432-425 «О выселении калмыков, проживающих в КАССР, в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области».

193

Вся территория Чечено-Ингушетии была поделена на 4 оперативных сектора, закрепленных за одним из зам. наркома. В операции в общей сложности задействовали беспрецедентные силы: 19 тыс. оперативников НКВД и НКГБ, а также стянутые со всей страны якобы для проведения учений «в горной местности» войска НКВД (до 100 тыс. солдат и офицеров).

194

Как 29 февраля 1944 г. Берия докладывал Сталину, в ходе операции было депортировано 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей.

195

Во время выселения было арестовано 2016 чел., пытавшихся оказать сопротивление или скрыться, изъято 20 072 единицы огнестрельного оружия.

196

Серов и 1-й зам. наркома ГБ Б. Кобулов были направлены в Крым по приказу Берии и Меркулова от 13 апреля 1944 г. Постановление же ГКО «О крымских татарах» № 5859-сс было издано лишь 11 мая 1944 г. Этот документ предписывал выселить всех татар с полуострова за то, что многие из них «изменили Родине... активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями... особенно отличались своими зверскими расправами по отношению советских партизан». Документ был принят в развитие более раннего постановления от 2 апреля 1944 г. № 5943сс «О выселении крымско-татарского населения с территории КрАССР в УзбССР» (возможно, на него и ссылается Серов). Однако фактическим основанием для майского решения ГКО послужили именно доклады Серова и Кобулова в адрес Берии.

197

План проведения операции был разработан Серовым и Кобуловым сообща. За их двумя подписями была отправлена и телеграмма Берии: «...начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с. г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов». (Сталинские депортации 1928–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2005. С. 501–502.).

198

По состоянию на 10 мая 1944 г. в Крыму было арестовано 5138 вражеских пособников и других антисоветских элементов, изъято 5595 винтовок, 337 пулеметов, большое число патронов и гранат. Имели место попытки мятежей: так, отряд районного мусульманского комитета, выступил в районе Феодосии, уничтожив 12 красноармейцев. (Бугай «Л. Берия — И. Сталину: После Ваших указаний проведено следующее...» М.: Гриф, 2011. С. 246, 416.).

199

Симферополь был освобожден советскими войсками 13 апреля 1944 г. Таким образом, Серов с Кобуловым прибыли туда 15 или 16 апреля.

200

В телеграмме Берии об окончании операции по выселению татар от 20 мая 1944 г. Серов и Кобулов докладывают: «...из Крымской АССР вывезено 191 044 лиц татарской национальности... Всего за время операции изъято: минометов — 49, пулеметов 622, автоматов 724, винтовок — 9888 и боеприпасов — 326 887 шт. При проведении операции эксцессов не имело места».

201

Предложение Берии выселить из Крыма армян, болгар и греков были направлены Сталину 29 мая 1944 г. К тому моменту депортация крымских татар под руководством Серова уже завершилась. В вину этим народам по заведенной традиции ставилось сотрудничество с оккупантами. Так, по уверению Берии, «значительная часть болгарского населения» активно помогала в борьбе с партизанами и заготовке продуктов, входила в полицейские отряды. Немцами был организован «Армянский комитет», за счет средств местных общин содержался «Армянский легион». Наиболее странные обвинения выдвигались в адрес греков, которые-де в большинстве своем занимались при поддержке немцев «торговлей и мелкой промышленностью». (Сталинские депортации 1928–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2005. С. 508–509.).

Тем не менее, Сталин согласился со своим наркомом: 2 июня он подписал новое

постановление ГКО СССР «О выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян». С полуострова было депортировано свыше 36 тыс. человек.

202

После освобождения Карачаевской автономной области (нынешняя Карачаево-Черкессия) в январе-феврале 1943 г. от немцев здесь активно начали действовать антисоветские бандформирования. В Учкуланском районе коллаборационистским Карачаевским национальным комитетом было поднято восстание. Для борьбы с ним был откомандирован Серов, который руководил проведением чекистско-войсковых операций. За первое полугодие 1943 г. в боестолкновениях было убито 218, ранено 50 и арестовано 1631 бандпособников из числа местных жителей. Однако к самой депортации карачаевцев, проведенной 2 ноября 1943 г., касательства он уже не имел. (Выселению подверглось почти 69 тыс. человек.).

203

Судя по ряду свидетельств, в ходе депортации вайнахов, действительно, имели место факты уничтожения мирного населения. Расправы, в частности, проходили в Галанчожском районе, где из-за сошедших снежных лавин в горах застряло много людей. Чтобы выполнить приказ в срок, командовавший депортацией в районе комиссар ГБ 3-го ранга Михаил Гвишиани приказал ликвидировать до 700 жителей. Впрочем, письменных документальных подтверждений этим злодеяниям не найдено.

204

См. главы 7 и 9.

205

Указанная польская делегация во главе с уполномоченным президиума КРН Э. Осубка-Моравским прибыла в Москву в середине мая 1944 г. Она неоднократно принималась И. Сталиным.

206

Серов как в воду глядел: вскоре ему вплотную придется заниматься «польскими делами», о чем подробно рассказывается в главе 9.

«Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров» во главе с главным хирургом Красной Армии Н. Н. Бурденко была создана 12 января 1944 г. с целью доказать, что расстрелы поляков под Катынью совершались не органами НКВД, а немцами в период оккупации. Сообщение комиссии было опубликовано в «Правде» 26 января 1944 г. Истинные виновники преступления, в числе которых был и Б. З. Кобулов (член тройки, выносившей решение о расстреле), были установлены Главной военной прокуратурой СССР и РФ лишь в 1990-е гг., однако дело в отношении их было прекращено в связи со смертью виновных.

На самом деле, звание генерал-полковника было присвоено начальнику Главного управления войск НКВД СССР Аркадию Аполлонову 29 октября 1943 г., т. е. за месяц до начала Тегеранской конференции. Впрочем, не исключено, что это повышение действительно было связано с предстоящей «встречей в верхах». Аполлонов являлся одним из руководителей операции «Эврика» (кодовое название мероприятий по обеспечению безопасности конференции) и неоднократно вылетал в Тегеран для ее подготовки.

Эти сведения не совсем точны. На самом деле тогдашний шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви был сыном генерала Персидской казачьей дивизии, занявшего престол в результате переворота в 1925 г. Персидская казачья дивизия не была частью российской императорской армии, хотя она была создана при участии русских специалистов по образцу терских казачьих частей и даже возглавлялась российскими офицерами, получавшими жалование от российского правительства. В 1943 г. отрекшийся от престола под вооружённым давлением антигитлеровской коалиции Реза Пехлеви-отец действительно проживал в эмиграции, в Йоханнесбурге, в Южной Африке.

На Тегеранской конференции действительно обсуждался вопрос о восстановлении отношений между СССР и польским правительством в изгнании. Сталин заявил, что «польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз» и что агенты этого правительства в Польше убивают партизан, и потому СССР не будет иметь с ним отношений. (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1

декабря 1943 г.). М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 147.). В реальности главное разногласие между Сталиным и правительством Миколайчика заключалось в вопросе о судьбе Западной Украины и Западной Белоруссии. Поляки в Лондоне категорически отказывались согласиться с аннексией этих земель Советским Союзом. Черчилль в данном вопросе пошёл навстречу Сталину и предложил провести восточную границу Польши по линии Керзона, рекомендованной Антантой ещё в 1919 г. и в основном совпадающей с границей 1939 г. Компенсировать Польше утраченное предлагалось за счёт отторгнутых у Германии территорий. (Там же. С. 150.).

211

В основном на территории Белоруссии пришлось вести борьбу с польскими отрядами, подчинявшимися лондонскому правительству (Армией Крановой) и совершавшими террористические акты, диверсии и нападения на учреждения и предприятия, а также проводившим агитацию, распространявшим листовки. В отчете, направленном Берией Сталину, Молотову и Маленкову, от 14 октября 1944 г. приводятся такие данные: «При проведении операций по ликвидации бело-польских банд убито 444 и захвачено живыми 927 бандитов; арестовано антисоветского элемента и дезертиров из Красной Армии — 9670». (Доклад народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берия И. В. Сталину, В. М. Молотову и Г. М. Маленкову об итогах работы по ликвидации националистического подполья по западным областям Украины, западным областям Белоруссии и по Литовской ССР // Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 188.). Собственно белорусское националистическое подполье было далеко не столь многочисленным и организованным, как польское.

В борьбе со своими противниками чекистские отряды нередко действовали под видом банд, выдавая себя за ушедших в леса повстанцев и т. п.

212

Задачу непосредственно заняться борьбой с оуновским бандподпольем Серов получил в начале марта 1944 г, после того, как бандеровцы уничтожили кортеж командующего 1-м Украинским фронтом Н. Ватутина вместе с самим генералом и его охраной. По приказу Берии Серов вместе с другим зам. наркома ВД С. Кругловым был откомандирован на Украину. В их подчинение поступило 38 тыс. бойцов войск НКВД.

Были установлены места базирования бандгрупп, входивших в состав Украинской повстанческой армии. Для их ликвидации Серов и Круглов создали 7 оперативно-войсковых групп под руководством опытных чекистов.

Боевые действия начали разворачиваться 7 марта 1944 г. В течение месяца было проведено 109 чекистско-войсковых операций, в ходе которых 2594 бандита убито, 760 ранено, 3256 захвачено в плен. При раскрытии подпольных организаций арестовано 926 оуновцев, находившихся на нелегальном положении. Были полностью блокированы и уничтожены крупные отряды УПА Богуна, Черноморца, Лебеда, Олега и Гамалая. Бой с отрядом последнего у ровенского села Липки, например, 27 марта 1944 г, длился 6 часов. Во время

него погибло более 400 бандитов.

Благодаря усилиям Серова и Круглова деятельность УНА в Ровенской, Волынской и Тернопольской областях оказалась почти полностью прекращена. (Богданов Ю. Министр сталинских строек. М.: Вече, 2006. С. 157–158.).

213

Маршал Советского Союза, зам. наркома обороны Григорий Кулик был понижен в звании и лишен наград после сдачи Керчи и Ростова в 1941 г. В описываемый период являлся заместителем начальника Главного управления формирования и укомплектования РККА (с января 1944 по апрель 1945 г.).

214

Дивизия войск СС «Галичина» (по-русски точнее её называть «Галиция») была сформирована из местных добровольцев в западных районах Украины. Начиная с осени 1943 г. дивизия активно участвовала в карательных операциях и боевых действиях против партизан во Франции, Польше, Югославии и Западной Украине. Зафиксировано неоднократное участие подразделений «Галичины» в целенаправленном уничтожении мирного населения и других военных преступлениях. В боевых действиях против советских войск дивизия участвовала весной и летом 1944 г. в районе Тернополя и у города Броды, где попала в окружение и была почти полностью уничтожена. Зная, что от советского трибунала им пощады не ждуть, бойцы «Галичины» предпочитали погибнуть, но не сдаваться в плен Красной Армии. Большая часть оставшихся в живых бойцов дивизии в последние дни войны сдалась американцам и англичанам.

215

Город Станислав (с 1962 г. — Ивано-Франковск) был окончательно освобожден частями 1-й ударной армии под командованием будущего маршала А. Гречко 27 июля 1944 г. В этот же день немцев выбили и из райцентра г. Городенки.

216

Неявка в срок сразу двух зам. наркома внутренних дел вызвала серьезный переполох как в Москве, так и в штабе фронта. Примечательно, что то был не последний случай, когда Серов заставлял руководство изрядно поволноваться из-за своего исчезновения.

217

После освобождения Украины от фашистских войск на её территории оставалось большое количество хорошо вооружённых и обученных подразделений Украинской повстанческой армии, созданной совместно гитлеровцами и украинскими националистами. Общая численность этих подразделений по немецким оценкам доходила до 100 тыс. человек. (Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 135.). «К концу 1944 г. основные крупные вооруженные формирования УПА (курени, сотни) были разгромлены». (Там же. С. 138.). Немалая заслуга в этом принадлежит Серову как одному из организаторов чекистско-оперативных мероприятий на Украине.

218

Командующий Народно-освободительной армией и будущий президент Югославии Иосип Броз Тито прилетал в Москву на переговоры со Сталиным и советским правительством 21–28 сентября 1944 г. Еще ранее, 5 апреля, Тито и Сталин подписали соглашение о временном вводе советских войск на территорию Югославии.

219

Операция по захвату и ликвидации И. Б. Тито и его штаба под кодовым названием «Ход конем» проводилась немцами с 25 мая 1944 г. Для этого в боснийский г. Дрвар, где размещалось командование Народно-освободительной армии, был выброшен десантно-парашютный батальон СС. Параллельно немецкие части ударили по Дрвару с флангов. Однако Тито вовремя успел покинуть город и через итальянский порт Бари вылетел на хорватский остров Вис, в свою новую штаб-квартиру.

220

В воспоминаниях генерал-полковника танковых войск В. И. Жданова, записанных журналистом В. Д. Кузнецевским, история взаимодействия Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии при освобождении Белграда представлена более детально. 4-й гвардейский механизированный корпус, которым командовал В. И. Жданов, подошёл к городу 12 октября, однако войти в него не смог, так как оборонявшиеся немцы встречали наступавших ураганным огнём. Запросившему подкрепления генералу командующий фронтом маршал Толбухин объявил, что скоро будет подкрепление в виде 1-й армейской группы НОАЮ под командованием генерала Пеко Дапчевича, и что войти в столицу советские и югославские войска должны одновременно — таков приказ Сталина. В результате через несколько дней после авиационной и артиллерийской подготовки югославские партизаны ворвались и Белград на броне советских танков. (Кузнецевский В. Он освободил Белград // Интернет-газета «Столетие». 21 октября 2013. http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/on_osvobodil_bclgrad_848.htm.) Полностью освобождён

Белград был 20 октября 1944 г.

221

Ошибка в дате. Серов был направлен Сталиным в г. Крайову 7 октября 1944 г.

222

Ошибка Серова. Н. В. Корнееву в это время уже было присвоено звание генерал-лейтенанта.

223

Генерал-майором Д. Н. Шадрин стал позднее.

224

Министр обороны Румынии И. Антонеску (1882–1946) пришёл к власти в результате профашистского переворота 1940 г. Формальным правителем страны при нём был очень молодой король Михай I (род. 1921). Когда летом 1944 г. в результате успешной Яско-Кишинёвской операции советские войска подошли к границам Румынии, Михай, объединившись с антифашистской оппозицией, взял власть в свои руки, арестовал Антонеску, вышел из альянса с Германией и вступил в антигитлеровскую коалицию, способствуя таким образом быстрейшему окончанию войны, Установившийся в этот период в Румынии режим имел парадоксальный характер: просоветская монархия. Михая в Москве называли «король-комсомолец». Он был награждён высшим военным орденом СССР «Победа». В 1947 г. был отстранён от власти коммунистическим правительством. Живёт в эмиграции в Швейцарии.

225

Судя по дошедшим до нас архивным документам, в г. Крайове Серов находился несколько дней, наводя здесь железной рукой порядок. Была проведена серия арестов среди населения, включая румынских гражданских и военных руководителей, о чем Берия, как минимум, четырежды (с 9 по 12 октября) письменно докладывал Сталину. К последнему донесению был даже приложен разработанный Серовым план поддержания порядка в г. Крайове.

Той же ночью (предположительно 11 октября 1944 г.), сразу после несостоявшегося ужина с

Тито, Серов по прямому звонку Сталина вылетел из Крайовы в Люблин для спасения руководства Польского комитета национального освобождения. (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 36.). Подробнее — см. главу 9.

226

Когда война вышла за пределы СССР, а Красная Армия, соответственно, начала входить в Европу, остро встал вопрос о зачистке освобожденных земель. В тылу войск требовалось наводить и удерживать порядок. Кроме того, следовало не мешкая формировать местную власть, железной рукой загоняя Восточную Европу в соцлагерь. Так появились уполномоченные НКВД СССР по 7 фронтам: как раз тех, что и освобождали Европу.

Главной задачей уполномоченных НКВД являлось обеспечение «очистки фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов». Они должны были выявлять и пресекать агентуру противника, уничтожать повстанческие движения, арестовывать местную верхушку и любой подозрительный элемент.

В подчинение уполномоченных НКВД перешли все силовые подразделения фронта: СМЕРШ, пограничники, войска по охране тыла, части НКВД, местные органы НКГБ и НКВД. Плюс — дополнительные силы, переброшенные с других фронтов или из тыла. Непосредственно Серову, например, были приданы 4 пограничных полка и стрелковая дивизия НКВД общей численностью 11 160 штыков.

До сегодняшнего дня считалось, что институт уполномоченных был рожден приказом шефа НКВД Лаврентия Берии № 0016 от 11 января 1945 г. Серов, однако, называет другую, более раннюю дату своего назначения: ноябрь 1944 г. В его послужном списке и вовсе указывается сентябрь.

То, что в данном случае названная Серовым дата верна, подтверждается и упоминанием чуть ниже имени Константина Рокоссовского. Маршал Рокоссовский командовал войсками 1-го Белорусского фронта как раз с февраля по ноябрь 1944 г. Только 16 ноября его сменил маршал Жуков. Следовательно, если бы Серов приехал в штаб фронта после 11 января 1945 г., Рокоссовского при всем желании он бы там не застал.

Довольно странно — и это тоже говорит в пользу Серова — выглядит и сам приказ Берии № 0016. Из 7 фронтовых уполномоченных НКВД, назначенных этим приказом, большинство (5) — Берии никак не подчинялись, ибо проходили службу по другим ведомствам (НКГБ, СМЕРШ). Очевидно, что нарком внутренних дел не мог самостоятельно назначить, допустим, уполномоченным НКВД по 3-му Белорусскому фронту Виктора Абакумова — начальника ГУКР СМЕРШ, ибо эта структура входила в Наркомат обороны, где наркомом был лично Сталин.

То, что инициатива введения института уполномоченных НКВД принадлежала вовсе не Берии, подтверждает и его докладная записка Сталину от 22 июня 1945 г. В ней маршал госбезопасности прямо пишет: «С января 1945 г. при... фронтах действуют назначенные по Вашему указанию уполномоченные НКВД СССР...» (Аппарат НКВД-МГБ в Германии. 1945-1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2009. С. 101–102.).

227

С выделением военной контрразведки из структуры НКВД и созданием на ее базе ГУКР СМЕРШ в структуре НКО (постановление ГКО СССР № 3222 сс/ов от 21 апреля 1943 г.) между двумя спецслужбами началась острая конкуренция. В нашем случае это обуславливалось еще и личным конфликтом начальника СМЕРШ Абакумова с Серовым.

228

Предысторию см. в главе 4.

229

Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.

230

Премьер польского правительства в изгнании В. Сикорский находился в СССР на переговорах с конца ноября 1941 г. 3 декабря его принимал лично Сталин.

231

В Грязовецкий, Суздальский, Южский и Старобельский лагеря для военнопленных, а также в лагеря и тюрьмы системы ГУЛАГа, были направлены призывные комиссии из представителей польского командования, Красной Армии, НКВД и медиков. Комиссии отбирали поляков, желавших сражаться против Гитлера и при этом выражавших лояльность по отношению к советской власти. Формирование польских соединений происходило в военных лагерях в районе сел Тоцкое (Чкаловская область) и Татищево (Саратовская область) и в городе Бузулуке (Чкаловская область). Позднее комплектование польской армии было продолжено в Средней Азии.

232

В качестве зам. наркома внутренних дел СССР Б. Кобулов являлся одним из организаторов подготовки к массовому расстрелу почти 4,5 тыс. польских военнопленных в апреле-мае 1940 г. в Катынском лесу. Именно он, в частности, 14 марта 1940 г. проводил инструктаж начальников Калининского, Смоленского и Харьковского УНКВД и даже приказал «не

оставлять в живых ни одного незапятнанного свидетеля». Кроме того, Кобулов входил в состав «тройки», выносившей им смертные приговоры. Возглавлял «тройку» В. Меркулов, он же осуществлял общее руководство операцией. (Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю. и др. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 357.).

233

25 декабря 1941 г. было принято постановление ГКО СССР «О польской армии на территории СССР», определившее предельную численность в 96 тыс. человек.

234

Ошибка. С апреля 1944 г. и вплоть до своей трагической гибели в феврале 1945 г. генерал армии Иван Черняховский командовал войсками 3-го Белорусского фронта. Здесь речь идет об июле 1944 г.

235

Бывший польский г. Вильно, ставший с 1940 г столицей советской Литвы и переименованный в Вильнюс, был освобожден 13 июля 1944 г.

236

Армия Крайова (АК) — подпольная боевая организация, подчинявшаяся правительству Польши в изгнании. Была создана 14 февраля 1942 г. приказом генерала В. Сикорского на базе «Союза вооруженной борьбы». К началу 1944 г. в структуре АК действовало около 60 партизанских отрядов и 200 диверсионных групп. При освобождении советскими войсками польских территорий бойцы Армии Крайовой, в соответствии с предписаниями, направлявшимися из Лондона, не присоединялись к действовавшему совместно с Красной Армией Войску Польскому, но и не складывали оружия. Целью Армии Крайовой было создать на местах властные органы эмигрантского польского правительства и служить их опорой. Так, к примеру, 25 июля 1944 г. делегат лондонского правительства Владислав Холева в только что освобожденном от немцев Люблине распространил манифест о переходе всей полноты власти к законному правительству Речи Посполитой, и при этом решение всех гражданских вопросов он брал на себя, а военных — возлагал на коменданта округа Армии Крайовой. (Донесение начальника политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-майора С. Т. Галаджева от 29 июля 1944 года // Русский архив: Великая Отечественная. Том 14 (3–1). СССР и Польша. М.: ТЕРРА, 1994. С. 327–328.). Поскольку эмигрантское правительство не признавало изменения границ Польши 1939 г., Вильнюс (Вильно) оно считало подвластной себе территорией.

237

Wilk (Волк) — псевдоним подполковника А. Кржижановского, командовавшего в 1944 г. Виленским и Новоградским округами АК. В материалах НКВД также проходил под фамилией Кульчицкий. В общей сложности, согласно донесениям И. Серова того времени, численность бойцов двух округов составляла 8-10 тыс. человек.

238

Под псевдонимом «Крыся» выступал командир соединения АК «Север», действовавшего в Гродненской области, бывший поручик польской армии Ян Борисевич. Группы, входившие в состав соединения, совершали налеты на советские учреждения, организовывали теракты против советско-партийного актива. Всего было зафиксировано 59 бандпроявлений. 21 января 1945 г. «Крыся» был убит в ходе спецоперации, а его отряды практически уничтожены. (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 121.).

239

Задержание «Вилка» происходило 17 июля 1944 г., о чем Серов и генерал Черняховский докладывали Берии:

«Сегодня был вызван так называемый генерал-майор „Вилк“ (Кульчицкий). „Вилку“ было заявлено, что нас интересует боеспособность польских формирований, а поэтому желательно, чтобы наши офицеры ознакомились с ними... и предложили собрать всех командиров полков, бригад, их заместителей и начальников штабов. С этим „Вилк“ также согласился и отдал соответствующее приказание по этим вопросам связному офицеру, который немедленно выехал в свой штаб. После этого „Вилк“ нами был обезоружен, а присутствующий вместе с ним капитан — начальник штаба, который является представителем Лондонского правительства, пытался выхватить пистолет для оказания сопротивления, взвел курок, но был обезоружен». (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 396–397.)

240

Разоружение офицеров АК, проведенное 17 июля 1944 г., также было описано в совместном докладе Серова и Черняховского на имя Берии:

«Вчера, в 20 часов, были собраны в районе деревни Богуши командиры бригад и батальонов якобы для смотра их командующим фронта. Всего собралось 26 офицеров, из них: 9 командиров бригад, 12 командиров отрядов и 5 штабных офицеров польской армии. На наше предложение сдать оружие офицеры ответили отказом и лишь, когда было объявлено о

применении оружия, офицеры разоружились».

Дабы закрепить успех, не давая противнику опомниться, той же ночью Серов приступил к поиску оставшихся без командования частей АК. По состоянию на 16 часов 18 июля было задержано и обезоружено 3,5 тыс. человек, включая 200 офицеров и подофицеров. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 398–399.).

241

После ухода в Иран армии В. Андерса из оставшихся в СССР поляков были сформированы новые войсковые подразделения, получившие название Первая польская пехотная дивизия им. Тадеуша Костюшко. Её командиром, а затем и командиром созданной на её основе 1-й армии Войска Польского стал Зигмунд Берлинг. Армия воевала в составе 1-го Белорусского фронта, участвовала в освобождении Варшавы и других польских городов, в битве за Берлин.

242

Польский комитет национального освобождения был создан из находившихся на территории СССР представителей польских организаций просоветской ориентации. Первое время резиденцией комитета был город Хелм, затем — Люблин. ПКНО получал властные полномочия на освобождаемых от гитлеровцев польских территориях, а 31 декабря 1944 г. был преобразован во Временное правительство Польской республики.

243

В июне 1942 г. 15-летний сын Станислава Миколайчика Мариан был арестован гестапо.

Согласно официальной версии, польские подпольщики его выкупили и тайно переправили вначале в Венгрию, а затем в Великобританию.

244

В мае 1944 г. бригадный генерал Л. Окулицкий был переброшен в Польшу для организации подпольной борьбы. 27 июля 1944 г. он был назначен комендантом новой тайной офицерской организации «Неподлежность», занимавшейся разведывательно-диверсионной работой в тылу Красной Армии. С 3 октября 1944 г. — главный комендант Армии Крайовой.

245

Согласно докладной Берии об итогах операции по разоружению солдат и офицеров «Польской Армии Крайовой», направленной Сталину 3 августа 1944 г., в общей сложности было разоружено 7924 солдат и офицеров. Изъято 5,5 тыс. винтовок, 370 автоматов, 270 ручных и станковых пулеметов, 13 легких орудий. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 124–129.).

246

С июля 1944 г., т. е. с того времени, когда Красная Армия очистила Литву от гитлеровцев, здесь начался новый этап вооружённой борьбы против советской власти за восстановление независимого литовского государства. В последние месяцы войны и в первые послевоенные годы эта борьба имела чрезвычайно широкий размах, партизанские отряды фактически представляли собой регулярную армию с чёткой организацией и централизованным командованием. Против них велись полноценные боевые действия, в которых участвовали не только силы НКВД, но и армия. При этом те, кого позднее стали называть «лесными братьями», не гнушались и чисто террористических методов — убийств гражданских лиц, женщин, детей, уничтожения целых деревень.

247

По-видимому, речь идёт о бригадном генерале Миколасе Великисе (1884–1955), офицере царской армии, ставшем одним из организаторов вооружённых сил независимой Литвы. После ареста в 1944 г. был осуждён на 8 лет. В декабре 1951 г. был осуждён вторично, вышел по амнистии и умер от воспаления лёгких по пути домой.

248

Результатом командировки Серова в Литву стала заметная активизация борьбы с националистическим и антисоветским подпольем. Уже к 10 декабря 1944 г. в Литве было арестовано 3433 человека, в т. ч. 904 участника подполья, 206 немецких агентов и 45 немецких парашютистов. Изъято 7456 единиц огнестрельного оружия, 5 типографий, 5 складов с оружием и продовольствием. (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск; Сибирский хронограф, 2001. С. 100–101.).

249

В описываемый период, в начале октября 1944 г., Серов находился в румынском городе Крайова, куда был направлен Сталиным для наведения порядка. Подробнее см. главу 8.

250

С 1 августа 1944 г. резиденцией ПКНО стал освобожденный от немцев г. Люблин. Представителем СССР при комитете с 26 июля 1944 г. был назначен Николай Булганин, которому вменялось в задачу «всемерно содействовать ПКНО в организации органов власти и по руководству их деятельностью».

251

Крайова Рада Народова — временное правительство Польши, созданное в декабре 1943 г. из лояльных к СССР политических сил, как альтернатива лондонскому эмигрантскому правительству. На базе КРН в июле 1944 г. в Москве был учрежден Польский комитет народного освобождения (ПКНО). Прекратила существование в 1947 г. с избранием законодательного собрания.

252

Премьер польского правительства в изгнании Владислав Сикорский погиб в авиакатастрофе 4 июля 1943 г. над морем близ Гибралтара. С его смертью польское сопротивление окончательно взяло курс на Лондон, увеличивая разрыв с Москвой.

В этом смысле версия Серова о подстроенной англичанами катастрофе отнюдь не лишена здравого смысла. В другом варианте записок он обосновывает ее более подробно: «...что бросилось мне в глаза, летчик остался жив, катапультировался и его подобрали в море. Видимо, Сикорский не устраивал англичан (Черчилля), и они решили убрать его. Потом ходили слухи, что самолет „Либерейтер“ взорвался в воздухе без летчика. Вероятно, это правда. Сикорский прилетал в Москву, и отношения установились вначале нормальные».

Кстати, уже в 1990-е гг. американские историки обнаружили в архивах стенограмму телефонного разговора Черчилля с Рузвельтом, состоявшегося после смерти Сикорского 29 июля 1943 г. и перехваченного «слухачами» «Абвера». В них британский премьер прямо признавался, что авиакатастрофу подстроили англичане. Показательно также, что управлявший самолетом британский летчик, никогда прежде не использовавший спасательный жилет, именно в этом полете надел его и сумел спастись.

253

В книге Н. В. Петрова «Первый председатель КГБ генерал Иван Серов» есть такая фраза: «По предложению Берии 7 марта 1945 г. Серов был назначен советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности (МОБ) Польши» (С. 19).

254

По сообщению Серова, в Люблине существовала вооруженная подпольная организация АК более тысячи штыков, которая «проводит активную повстанческую деятельность». (Донесение Берии от 16 октября 1944 г. ГА РФ. Ф. 9401, Оп. 2. Д. 67, Л. 2–6).

255

В донесении, направленном Серовым 16 октября 1944 г. Берии, приведен ряд конкретных примеров бесчинств отрядов АК. Так, в Владавском уезде они убили 6 милиционеров, в Люблинском уезде — 5 красноармейцев, в Замостьевском уезде от их рук погибло 11 человек, в Краснинском — 5. Почти во всех указанных районах также произошли нападения на тюрьмы и освобождения арестантов. (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 48.).

256

Вероятно, во исполнение решения Сталина, начальником Главного управления военных трибуналов была издана директива № 0034/111 от 2 ноября 1944 г., потребовавшая от председателей всех трибуналов: «повести решительную борьбу в отношении „аковцев“, не сдающих оружие», такие дела рассматривать в трибуналах немедленно, приговоры о высшей мере наказания утверждать в Военном Совете.

257

Имеется в виду — проверялся на предмет слежки.

258

Как справедливо пенял Сталин новому польскому премьеру в изгнании Станиславу Миколайчику, «отряды польской подпольной армии не дерутся против немцев, ибо их тактика состоит в том, чтобы беречь себя и затем объявиться, когда в Польшу придут англичане или русские». Возразить Миколайчику было нечего. (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 13.).

В другом варианте воспоминаний Серов пишет, что изъятая золотая казна весила более 2-х пудов.

Как указывает в записях сам Серов, «за период с июня по декабрь 44 г. предатели из А.К. убили 277 бойцов и ранили 94-х бойцов Красной Армии. С 1 января по 30 мая 45 г. убили 317 бойцов и ранили 125 бойцов и офицеров Красной Армии». Эти данные полностью соответствуют официальной статистике, озвученной прокурором в ходе судебного процесса по делу лидеров Армии Крайовой в июне 1945 г.

Длившееся с 1 августа по 2 октября Варшавское восстание было организовано лондонским правительством и руководством Армии Крайовой с целью не допустить установления в польской столице власти просоветского ПКНО. В планах было самостоятельно, без помощи Красной Армии и входивших в неё польских частей, только силами АК освободить Варшаву от немцев и отдать её под контроль эмигрантского правительства. Восстание было плохо подготовлено, значительная часть имевшегося у подпольщиков на тайных складах оружия не была пущена в дело, сбрасывавшиеся с самолётов союзниками грузы для повстанцев в основном попадали в руки гитлеровцев. Не мог быть также использован и фактор внезапности, поскольку немцы узнали о готовящемся выступлении.

Находившиеся на восточном берегу Вислы войска 1-го Белорусского фронта, совершившие перед выходом к ней бросок примерно в 500 километров, не могли с ходу форсировать реку и оказать помощь восставшим. Коммуникации были растянуты, подвоз боеприпасов, горючего, средств переправы не налажен.

Все эти обстоятельства обрекали восстание на поражение, в результате погибло до 17 тысяч бойцов Армии Крайовой, до 200 тысяч мирных жителей, более 60 % зданий в Варшаве было уничтожено.

Серов неточен: ПКНО был преобразован во Временное правительство Польской республики декретом Крайовой Рады Народовой 31 декабря 1944 г. Люблин считался временной столицей Польши с июля 1944 до 17 января 1945 г.

С 6 марта (по другим источникам — с 11 января) по 27 апреля 1945 г. Серов одновременно с должностью уполномоченного НКВД по 1-му Белорусскому фронту являлся также советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши.

264

Описываемые события происходили 2 февраля 1945 г.

265

Серов был обнаружен в Радоме 4 февраля 1945 г. (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 39.).

266

См. главу 8.

267

Указание «об усилении арестов руководителей подпольных организаций, действующих на территории Польши», были получены Серовым от Берии в середине февраля 1945 г. (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 156.).

268

Личность не установлена, вероятно, речь о ком-то из руководителей польского подполья.

269

Комбинация по выходу на представителей лондонского эмигрантского правительства была подробно расписана Серовым в донесении Берии от 5 апреля 1945 г. С помощью артистки Варшавского оперного театра Барбары Куцевской и ее любовника, бывшего адъютанта

генерала Окулицкого, а ныне командующего АК в Люблинском округе Жака Франтишека был установлен канал связи с подпольем.

В период с 17 марта состоялось несколько встреч вице-преьера лондонского правительства Янковского с начальником опергруппы НКВД в Радоме полковником Пименовым, выступавшим в качестве представителя командования 1-го Белорусского фронта. В ходе встреч Пименову удалось убедить поляков в необходимости проведения переговоров по проблемам деятельности АК в тылах Красной Армии и участия эмигрантского правительства в возможном коалиционном правительстве Польши. (ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 94. Л. 312–316.).

270

Представители польского эмигрантского правительства во главе с вице-премьером Яном Янковским и генералом Окулицким собрались для переговоров с «генералом Ивановым» 27 марта 1945 г. в г. Пружкове, откуда их доставили в Варшаву. Полякам было обещано, что после предварительных переговоров делегация будет направлена самолетом в Москву, а оттуда в Лондон.

Кстати, накануне чекисты обезвредили верхушку люблинского округа АК, при посредстве которой был установлен контакт с Янковским и Окулицким, о чем последние не догадывались. 21 марта 1945 г. 6 офицеров-подпольщиков во главе с комендантом округа полковником Францишеком Жановским были задержаны на конспиративной квартире. При аресте у них было изъято 100 тыс. злотых, 5 тыс. долларов, а также списки работников Министерства общественной безопасности Польши, подлежащих уничтожению. (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф. 2001. С. 134–135.).

271

Примечательно, что при аресте у Окулицкого было изъято его письмо командующему познанским подпольем, где он излагал следующие оценки и военно-политические установки:

«В случае победы СССР над Германией — это будет угрожать не только интересам Англии в Европе, но и вся Европа будет в страхе... Считаюсь со своими интересами в Европе, англичане должны будут приступить к мобилизации сил Европы против СССР... Ясно, что мы станем в первых рядах этого европейского антисоветского блока». (Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1946 гг. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 186–191.).

272

27 марта 1945 г. Серов задержал 16 руководителей военного и политического подполья Польши. Помимо упоминавшихся генерала Л. Окулицкого и вице-преьера лондонского правительства Я. Янковского в руках НКВД оказались 3 министра (Л. Бень. Л. Пайдак, С.

Ясюкович), зам. директора департамента информации И. Стемлер-Домбский, председатель подпольного парламента «Рада Едности Народовой» К. Пужак, его заместители и члены «РЕН» К. Багинский, А. Звезжинский, К. Чарновский, С. Межва, Ф. Урбанский, Ю. Хачинский, К. Кобылянский, представители подпольных партий «Стронництво Народове» (З. Стыпулковский), «Союз демократов» (С. Михайловский). 28 марта двумя самолетами польских делегатов вывезли в Москву где немедленно поместили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Суд над ними проходил 18–21 июня 1945 г, с участием представителей иностранной прессы. Большинство подсудимых признали себя виновными в организации диверсионной работы против Красной Армии, все они были приговорены к различным тюремным срокам.

273

Уполномоченный НКВД на 4-м Украинском фронте Николай Селивановский был назначен советником НКВД при Министерстве общественной безопасности Польши 27 апреля 1945 г. вместо Серова.

274

Согласно обвинительному заключению по делу Окулицкого, Янковского и других («процесс шестнадцати»), следствие считало установленным, что обвиняемые: «...после освобождения территории западных областей Украины и Белоруссии, а также Литвы и Польши, являлись организаторами и руководителями польских нелегальных организаций на этой территории, проводивших активную подрывную работу в тылу Красной Армии; действуя по указаниям польского эмигрантского „правительства“, ложно заявив Советскому военному командованию о роспуске „Армии Крайовой“, в действительности сохранили её штабы, офицерские кадры и на этой базе создали новую законспирированную военно-политическую организацию под наименованием „НЕ“ — „Неподлеглоść“ („Независимость“), в целях продолжения подрывной работы в тылу Красной Армии и подготовки военного выступления в блоке с Германией против СССР; руководили подрывной деятельностью созданных ими подпольных организаций, направляли её на совершение террористических актов против бойцов и офицеров Красной Армии, диверсий на коммуникациях Красной Армии, неся таким образом всю моральную и политическую ответственность за диверсии и за террористические акты, совершенные в тылу Красной Армии...».

275

Обстоятельства смерти Л. Окулицкого до сегодняшнего дня официально не установлены. Как заявляли представители советских властей на запросы польской стороны, он скончался от сердечного приступа во внутренней тюрьме МГБ на Лубянке 24 декабря 1946 г. С учетом признаний Серова нет никаких сомнений, что генерал был ликвидирован как слишком влиятельная, а потому потенциально опасная фигура. Это, кстати, подтверждается и рассказом экс-министров лондонского правительства А. Беня и А. Пайдака, сидевших на Лубянке по соседству с Окулицким; оба они слышали, как в рождественский сочельник 1946 г. его выводили из камеры на расстрел.

276

Лидеры польского сопротивления были задержаны 27 марта 1945 г., а первые заявления об их аресте прозвучали лишь в начале мая; таким образом, информация удерживалась больше месяца.

277

Старейший лидер польского крестьянского движения, бывший премьер-министр Винценты Витос был вывезен чекистами из своего имения 31 марта 1945 г. по прямому указанию Берии; учитывая преклонный возраст (71 год) и тяжелую болезнь, арестовывать его побоялись. После встреч с представителями новой власти и бесед с сотрудниками НКВД Витос согласился войти в состав прокоммунистической Крайовы Рады Народовой и стать ее вице-председателем. За проведение этой операции также отвечал Серов.

278

30 июня 1946 г. в Польше проводился общенациональный референдум, фактически ставивший вопрос о доверии к коммунистам. Однако Б. Берут совершенно не был уверен в победе и обратился за помощью к «специалистам». Накануне референдума в Варшаву вылетели 16 сотрудников отдела «Д» МГБ СССР (изготовление средств тайнописи, подделка документов) во главе с начальником полковником Ароном Палкиным. Им поручалось сфальсифицировать протоколы голосования. Окончательный план действий был утвержден на личной встрече Б. Берута и В. Гомулки с полковником Палкиным 22 июня.

Как следует из архивных документов, сотрудники МГБ заново изготовили 5994 протокола, подделав около 40 тыс. подписей членов участковых комиссий. В результате коммунисты «набрали» около 60 % голосов, хотя в реальности ни в одном воеводстве они не получили больше 15 %. В январе 1947 г. на выборах в парламент Берут с Гомулкой вновь с успехом применяют эту тактику.

279

В одном из вариантов записок Серов так описывает указание Сталина, полученное от него лично в начале апреля 1945 г.: «Нам надо тщательно продумать и принять меры к захвату Гитлера с его фашистскими помощниками при взятии Берлина, и главное — не допустить попытки побега на Запад к американцам или англичанам, как это сделал Гесс. Я этого не исключаю. Гитлеровцы знают, что больше всего вреда они принесли Советскому Союзу, нашему народу, поэтому от нас будут удирать».

Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 40.

1 августа 1944 г. генерал-полковник Н. А. Булганин был назначен представителем Совнаркома СССР при Польском комитете национального освобождения (Постановление ГКО от 31 июля 1944 г.). Его задачами было следить, чтобы польские государственные и военные органы (те, конечно, которые были созданы с санкции СССР) не совершали ничего, что не соответствовало бы интересам Москвы, содействовать организации новых — просоветских — органов власти в Польше и расформированию Армии Крайовой и пр. (См.: Инструкция представителю Совета народных комиссаров Союза СССР при Польском Комитете национального освобождения об условиях нахождения частей Красной Армии на территории Польши // Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1, 1944–1948. М.-Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 52–54.).

Заместителем наркома обороны Булганин был назначен не 15 февраля, как можно понять из этой записи Серова, а 20 ноября 1944 г., однако и после этого назначения он продолжал оставаться представителем СНК при ПКНО.

Упомянутый Серовым звонок Булганина был, по-видимому, связан с включением его в состав Ставки Верховного Главнокомандования (Постановление ГКО от 17 февраля 1945 г). Несмотря на новое назначение, Булганин продолжал заниматься польскими делами вплоть до послевоенного времени.

Серов являлся советником НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши (Ministerstwo Bezpieczenstwa Publicznego) с 7 марта (по другим данным — с 11 января) по 27 апреля 1945 г. Сама эта структура была создана лишь 1.01.1945 г. при активном участии советских коллег. Кадры для будущей «братской» спецслужбы начали готовить еще с весны 1944 г., для чего при Куйбышевской школе НКГБ № 366 в Ставрополе-на-Волге даже открылись специальные «польские» курсы.

Город Ландсберг в Восточной Пруссии ныне принадлежит Польше и называется Гурово-Илавецке. Был взят войсковой группой под командованием генерал-майора П. Ф. Берестова в ночь на 2 февраля 1945 г. (см.: Жуков Ю. К. Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2006. С. 137–149). В честь подразделений 3-го Белорусского фронта, взявших Ландсберг и другой восточно-пруссский город — Бартештайн, — 4 февраля 1945 г. в

Москве был дан салют (приказ Верховного Главнокомандующего № 269).

284

Приказ Сталина, как Верховного Главнокомандующего, был издан 20 апреля 1945 г.: «Потребовать от войск изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданскому населению... Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне». (РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 100. Л. 296.).

285

Армия генерала В. Андерса, сформированная в СССР в 1941 г. из находившихся в тюрьмах и лагерях польских граждан, была через Иран выведена за границы Советского Союза и вошла в состав британской армии. В 1944–1945 гг воевала в Италии. Поскольку почти все солдаты и офицеры армии Андерса были настроены антисоветски, в Москве справедливо опасались, что она станет опорой лондонского польского правительства и помешает установлению советского режима в послевоенной Польше. Ключевую роль в итоге сыграла позиция Черчилля, отказавшего польскому эмигрантскому правительству в поддержке. В 1946–1947 гг. польские подразделения британской армии были распущены.

286

Очевидно, речь идет о ситуации в феврале 1945 г., когда Серов вылетел из Люблина в ставку 1-го Белорусского фронта (г. Гнезин), но до места назначения не добрался, так как был вынужден спешно посадить самолет в лесу. О его исчезновении Жукову пришлось докладывать Сталину, были начаты экстренные поиски Серова. Лишь спустя 2 суток, 4 февраля он объявился в г. Радоме.

287

Одной из основных задач, стоявших перед уполномоченными НКВД, являлся розыск и изъятие архивов германских спецслужб и органов власти. Входя вместе с передовыми частями Красной Армии в освобожденные города, оперативные группы НКВД незамедлительно приступали к поиску архивов.

288

Фольксштурм — отряды народного ополчения, создававшиеся в Третьем рейхе в последний период войны. Им придавалось большое идейно-пропагандистское значение, которого они не оправдали: в это время воевать за Великую Германию уже мало кто хотел.

289

Берлинская операция началась 16 апреля 1945 г. в 3 часа ночи по местному времени. По плану маршала Жукова, перед наступлением было одновременно включено беспрецедентное число прожекторов (143 ед.), призванных ослепить противника и обеспечить ночную атаку до рассвета. Однако замысел полностью не удался: помешали туман и клубы дыма от артобстрела.

290

Зееловские высоты — гряда холмов, высотой 40–50 метров, в 50–60 км к востоку от Берлина. На них германским командованием был создан мощный оборонительный рубеж. Взятие его открывало 1-му Белорусскому фронту дорогу на Берлин. Несмотря на то что при штурме высот Жуковым были применены нестандартные тактические решения, в частности, знаменитый приём с прожекторами, он потребовал от войск значительного напряжения сил и задержал движение фронта на несколько дней.

291

Задачей «Вервольфа» было ведение партизанской войны на территории Германии, занятой союзниками. Весной-летом 1945 г. в разных зонах оккупации было совершено несколько десятков терактов против военнослужащих антигитлеровской коалиции, против новой администрации Германии, взорвано несколько мостов и других сооружений. В целом, однако, ущерб, нанесённый «Вервольфом», был незначительным.

292

Одной из ключевых задач, поставленных Сталиным перед НКВД, НКГБ и СМЕРШ, являлся розыск Гитлера и других нацистских преступников.

293

Речь идет о новом немецком «оружии возмездия» — ракетах ФАУ-1 и ФАУ-2. Подробнее об их розыске см. главу 11.

Впоследствии останки Гитлера, Евы Браун и семьи Геббельса (всего 10 тел) несколько раз выкапывались и переносились с место на место. Окончательно их оставили в покое в феврале 1946 г., захоронив на территории советского военного городка в Магдебурге, Клаузенштрассе, 36. Но ненадолго. В ночь на 4 апреля 1970 г., в соответствии с утвержденным лично председателем КГБ Ю. Андроповым планом секретной операции «Архив», ящики с полуистлевшими костями были вновь тайно извлечены сотрудниками военной контрразведки и сожжены на костре. Как указывалось в акте об уничтожении, «останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц». (Агония и смерть Адольфа Гитлера. На основе рассекреченных документов ФСБ России. М.: Звонница, 2000. С, 384–386.).

Г. Гиммлер был задержан патрулем, состоявшим из освобожденных англичанами русских военнопленных, 21 мая 1945 г. у местечка Мойнштадт. Его направили в фильтрационный лагерь под Люнебургом, где утром 23 мая он покончил с собой, раскусив ампулу с ядом.

Нюрнбергский международный судебный процесс над бывшими главарями и Рейха длился почти год (с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 г.). К смертной казни через повешение было приговорено 12 нацистских преступников, трое — к пожизненному заключению.

Отдельные попытки деятелей Третьего рейха вступить в контакты с американцами и англичанами происходили начиная с 1942 г., однако с осени 1944 г. они стали значительно более частыми и настойчивыми. Дальше всего зашли переговоры между одним из высших руководителей СС К. Вольфом и американским резидентом А. Даллесом, получившие в США кодовое название операция «Санрайз», а в Великобритании — «Кроссворд». Об этих переговорах стало известно советским спецслужбам. В конце марта 1945 г. разразился дипломатический скандал, в ходе которого Сталин обвинил союзников в сговоре с противником за спиной СССР.

7 мая в Реймсе начальником Оперативного штаба Верховного командования германской армии генерал-полковником А. Йодлем был подписан акт о безоговорочной капитуляции вооружённых сил Германии. От англо-американской стороны капитуляцию принял начальник Главного штаба Союзных экспедиционных сил генерал-лейтенант армии США У. Б. Смит, от СССР — представитель Ставки Верховного Главнокомандования при командовании союзников генерал-майор Иван Суслопаров. В качестве свидетеля поставил подпись французский бригадный генерал Ф. Севез. По настоянию Сталина капитуляция была подписана вторично в ночь с 8 на 9 мая в пригороде Берлина Карлсхорсте.

299

Вероятно, ошибка в дате. Согласно журналам записей приемной, Серов был у Сталина вечером 2 мая 1945 г. с 18.45 до 19.15.

300

Сталин придавал большое значение подбору кандидатур для будущего управления советской частью Германии. На эту роль Вильгельм Пик подходил как нельзя лучше: один из создателей Компартии Германии, соратник Розы Люксембург и Эрнста Тельмана. Последние 10 лет жил в СССР и, естественно, полностью находился под контролем Кремля. То же можно было отнести и к старому коммунисту-подпольщику Вальтеру Ульбрихту. В мае-июне 1945 г. советской транспортной авиацией будущие руководители Германии были доставлены в Берлин тремя группами. Вскоре они инициируют создание новой, Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) в советской оккупационной зоне, а в 1949 г., после учреждения ГДР, станут у руля государства. Пик будет первым президентом ГДР, Ульбрихт — генсеком СЕПГ, потом председателем Госсовета.

301

Немецкие военные и научно-технические разработки 1930—1940-х гг. во многом опережали всё, что проектировалось в это время в других странах мира. Особенно успешной была ракетная программа Третьего рейха, возглавлявшаяся изобретателем Вернером фон Брауном (после сдачи в плен американцам работал в США, в 1950—1960-е был одним из руководителей NASA). Созданный под его руководством реактивный самолёт-снаряд Фау-1 обладал дальностью полёта до 250 км (позднее доведена до 400) и использовался для бомбардировок Великобритании, а также Бельгии, Франции и др. Фау-1 стал прототипом позднейших крылатых ракет. Первая в мире баллистическая ракета дальнего действия Фау-2, также сконструированная фон Брауном и принятая на вооружение Вермахтом в конце войны, явилась первым в истории искусственным объектом, совершившим суборбитальный космический полет. Все дальнейшие разработки баллистических и космических ракет в СССР, США и других странах учитывали опыт Фау-2.

302

Зампред СНК СССР, член Политбюро и ГКО Анастас Микоян посетил Берлин 11 мая 1945 г. Как уполномоченного по снабжению, его, естественно, особенно интересовал предмет своего ведения.

303

Распределение продуктов питания среди гражданскою населения советской зоны оккупации представляло огромную сложность: необходимо было произвести учёт населения, распределить его по категориям снабжения, учесть запасы продовольствия, организовать их хранение и пр., и пр. Нормы снабжения были очень невелики. Например, на период с 20 августа по 16 сентября 1945 г., т. е. почти на месяц, Управление советской военной администрации Федеральной земли Тюрингия установило выдавать на одного взрослого 6 кг хлеба, 700 г мяса (не для всех категорий), 300 г жиров (не для всех категорий), 0,5 кг сахара, 750 г повидла, 300 г крупы и макарон, 10 кг картофеля и 100 г кофе (в отличие от того, что пишет Серов, документы говорят не о натуральном кофе, а о суррогате) (ГЛРФ. Ф. 7184. Он. 2. Д. 1. Л. 22–27).

304

Звание Героя Советского Союза было присвоено Серову 29 мая 1945 г. по представлению маршала Жукова в числе других генералов и офицеров, отличившихся при взятии Берлина.

305

А. Вышинский был назначен политсоветником при Главном начальствующем СВАГ 30 мая 1945 г.

306

Решение о том, что Германия должна будет компенсировать материальный ущерб, нанесённый ею другим странам, было принято на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. и конкретизировано на Потсдамской конференции в июле-августе того же года. Промышленные предприятия на занимаемой советскими войсками территории Германии почти сразу же инспектировались и описывались трофейной службой. Однако их демонтаж и вывоз в СССР, требовавшие квалифицированных работников и специальной техники, стали активно производиться только с лета 1945 г. Всего до 1 июля 1948 г. было вывезено около 3,5 тыс. промышленных предприятий (из них — 449 военных заводов), 339 тыс. металлорежущих станков, 44 тыс. прессов и молотов, 202 тыс. электромоторов, 96 электростанций, 3164 паровых котла, 976 передвижных электростанций, 9340 силовых трансформаторов и ещё

много другого ценного оборудования (Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. С. 124, 150, 153). Кроме того, из Германии в СССР вывозились лабораторное оборудование, спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, автомобили, железнодорожная и сельскохозяйственная техника, крупный рогатый скот и пр., и пр. И не менее важно — специалисты: инженеры, конструкторы, учёные.

307

Постановлением СНК СССР «Об организации Советской военной администрации по управлению Советской зоной оккупации в Германии» от 6 июня 1945 г. была утверждена структура СВАГ, ее цели и задачи. Главным начальствующим СВАГ назначен Г. Жуков, одним из 4-х заместителей (по делам гражданской администрации) стал И. Серов. Отныне в придачу к прочим своим обязанностям он отвечал за проведение в жизнь всех мероприятий военного командования по управлению занятой территории Германии, в том числе за формирование и контроль местных органов исполнительной и судебной власти, мобилизацию мужского населения для отправки в СССР на восстановление объектов (трудовой фронт), поиск и транспортировку немецкого оборудования, забираемого СССР по репарациям, в том числе демонтированных предприятий.

308

Указом ПВС СССР «О званиях, форме одежды и знаках различия начальствующего состава НКВД и НКГБ СССР» от 6 июля 1945 г. специальные звания госбезопасности были заменены на общевойсковые воинские звания. Уже 9 июля 1945 г. вышло постановление СНК СССР, «переаттестовавшее» 203 руководителя Лубянки. Генеральный комиссар ГБ Берия стал Маршалом Советского Союза.

309

В городке Цоссен вблизи Берлина размещалось главнокомандование сухопутных сил вермахта (ОКХ). В 1945 г. здесь же, в местечке Вюнсдорф, остановился и штаб ГСОВГ, впоследствии — ЗГВ; именно это соединение в 1994 г. выводил из Германии дирижирующий Ельцин.

310

Судьба последнего вождя НСДАП Мартина Бормана, заочно приговоренного международным трибуналом к смертной казни, долгое время оставалась неясной, что давало почву для разнообразных версий о его бегстве и чудесном спасении. Некто Борис Тартаковский, например, написал даже целую брошюру, где всерьез утверждал, что Борман являлся внедренным агентом советской разведки, был спасен НКВД из горящей рейхсканцелярии

(причем руководил операцией непосредственно Серов) и дожил до 1973 г. (Тартаковский Б. Мартин Борман — агент советской разведки. М.: Отечество. 1992).

Годом раньше, однако, в 1972 г., берлинские строители, прокладывая подземный кабель, обнаружили останки человека, схожего с Борманом. В 1998 г., когда наука продвинулась вперед, немецкие специалисты провели экспертизу ДНК, которая окончательно подтвердила: это был именно личный секретарь Гитлера. Причина смерти: употребление цианистого калия.

Это полностью соотносится с показаниями шефа Гитлерюгенд Артура Аксмана, пытавшегося бежать из Берлина в компании с Борманом в мае 1945 г. На допросах он рассказал, что в последний момент Борман отказался прорываться из осажденного города и на его глазах раскусил ампулу с ядом. Сам Аксман, к слову, смог покинуть Берлин под чужими документами, поймать его только в декабре в Баварии.

311

Хотя война закончилась, подразделения СМЕРШ на территории Германии по-прежнему оставались в оперативном подчинении Серова, что вызывало неудовольствие Абакумова. В письме от 22 июня 1945 г. начальник ГУКР СМЕРШ жаловался Берии на Серова, который-де полностью подмял под себя военную контрразведку. Абакумов сообщил, что запретил подчиненным давать какие-либо материалы уполномоченному НКВД без согласия Москвы, являться по его вызовам и просил у Берии «призвать к порядку Серова». В эти разборки, однако, нарком вмешиваться тогда не стал. Посему в скором времени конфликт разгорится с новой мощью.

312

Судя по архивным документам, бывший нарком внутренних дел Грузии генерал-майор Варлам Какучая был направлен в Германию для организации разведработы в эмигрантской среде в Западном секторе. В Берлине он задержится надолго. В октябре 1945 г. его назначат замом Серова, как уполномоченного НКВД.

313

Главной целью встречи военачальников союзных держав 5 июня 1945 г. было подписание Декларации о поражении Германии и принятии в стране верховной власти правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Кроме того, завершился окончательный раздел оккупационных зон Германии согласно ялтинским договоренностям: советские войска оставляли часть Берлина, но забирали у американцев земли Тюрингии и Западной Саксонии.

314

Сталин не случайно настаивал на скорейшей передаче в советскую оккупационную зону Тюрингии и Западной Саксонии. Здесь находились крупнейшие урановые залежи, так необходимые для создания в СССР атомной бомбы. Однако американцы не торопились оставлять территорию. Была создана специальная группа, координирующая поиски и вывоз уранового сырья, а также всех материалов немецкого атомного проекта и самих специалистов. Для США, которые уже имели атомную бомбу особой ценности эти «трофеи» не представляли; главное — чтоб не досталось русским. С немецких рудников вывезли не только весь уран, но и оборудование для его добычи. Сразу после ухода американцев добыча урана была восстановлена.

Как вспоминал академик Борис Черток возглавивший продолжение ракетных разработок в Германии, «...американцы не спешили убрать свои войска из Тюрингии; надо было разыскать и вывезти как можно больше немецких специалистов — ракетчиков и атомщиков. Надо было собрать на подземных заводах в Нордхаузене как можно больше ракет и всякого ракетного оборудования и все это успеть переправить в зону, которая уже не будет доступна Красной Армии». (Черток Б. Ракеты и люди. Публикация в Интернете. http://tms.ystu.ru/chertok_kniga_l_raketiy_i_lyudi.htm).

315

Награждение фельдмаршала Монтгомери и генерала Эйзенхауэра орденами «Победа» «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба» было оформлено Указом ПВС СССР от 5 июня 1945 г., хотя из дневников Серова очевидно, что это произошло днями позже. Иными словами, Сталин — тонкий дипломат — сознательно приказал проставить в Указе тот день, когда союзники встречались с советской делегацией и вручали свои ордена. 5-м июня же был датирован и Указ о награждении французского маршала Делатра де Тассиньи орденом Суворова 1-й степени; очевидно, что вождь таким образом намекал французам на их второстепенную роль в победе.

316

4 июля 1945 г., в связи с упразднением аппаратов уполномоченных НКВД СССР на фронтах и назначением Серова уполномоченным НКВД по ГСОВГ, местные органы СМЕРШ были выведены из его прямого подчинения. И хотя в приказе Берии военной контрразведке поручалось «оказывать т. Серову необходимую помощь в выполнении возложенной на него задачи», межведомственные распри вспыхнули с новой силой.

Накануне, 27 июня 1945 г., Абакумов, похоже, умышленно заменил начальника СМЕРШ ГСОВГ. Вместо лояльного к Серову генерала Вадиса был назначен генерал Зеленин, у которого с Серовым имелись давние счеты. Кульминацией конфликта стал приезд в оккупационную зону оперативных групп СМЕРШ для ведения агентурной работы в частях ГСОВГ, что являлось прерогативой НКВД. 22 июля 1945 г. Серов был вынужден направить Берии письмо о «неправильном указании» Абакумова. В документе говорилось: «считаю нецелесообразным проведение агентурно-оперативной работы в городах Германии опергруппами НКВД и СМЕРШ параллельно». (Аппарат НКВД-МГБ в Германии 1945–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2009. С 107–108.).

317

Помимо принятых на вооружение Вермахтом Фау-1 и Фау-2 немецкие инженеры работали ещё над несколькими перспективными моделями ракет, наладить массовый выпуск которых помешало поражение Германии в войне. Кроме упомянутых Серовым ракет «Вассерфаль» и «Рейнтохгер», следует назвать «Шметтерлинг», «Энциан» и «Фойерлили». Всё это были зенитные управляемые ракеты, по своим техническим характеристикам, конструктивным и технологическим решениям далеко опережавшие разработки СССР и союзников. Так, до 1945 г. ни советские, ни западные специалисты не умели создавать жидкостные ракетные двигатели тягой более 1,5 т, в то время как немцы уже запустили в серийное производство двигатели тягой до 27 т. Ими также была отлажена система автоматического управления полетом ракет, о которой мы с союзниками могли тогда только мечтать.

318

Поездка Д. Устинова и специалистов оборонно-ракетной промышленности по Германии происходила в конце июля — начале августа 1945 г.

319

В общей сложности до прихода советских войск американцы успели вывезти из Германии свыше 400 ведущих немецких специалистов. Также они забрали более 100 уже готовых ракет, боевые стартовые позиции и 14 тонн архивных материалов.

320

Несмотря на то что стараниями американцев почти никаких материалов и документов в ракетном центре не осталось, в считанное время производство и испытания были возобновлены. Найденные в советской зоне сотрудники «Митгеверка» помогли восстановиться ход работ. Руководила ими группа советских ученых под началом будущего академика Бориса Чертока. Осенью 1945 г. исследования возглавил легендарный Сергей Королев. Благодаря немецким технологиям и специалистам были созданы ракеты дальнего действия, легшие в основу всего будущего космического ракетостроения. Заслуга в том Ивана Серова несомненна.

321

Гироскоп — устройство, позволяющее сохранять ориентацию в пространстве несмотря на

движение внешней среды и другие воздействия. Основная деталь механического гироскопа — ротор, от скорости вращения которого зависит точность прибора.

322

Для изучения немецкого опыта в ракетостроении в Германию в 1945 г. была направлена большая группа советских специалистов. Организованные поначалу в разных местах институты, лаборатории и опытные производства в феврале 1946 г. были объединены в единую структуру — институт «Нордхаузен», в котором не так давно выпущенные из заключения будущие академики С. П. Королёв и В. П. Глушко были, соответственно, главным инженером и руководителем отдела ракетных двигателей. Свою задачу институт выполнил и в 1947 г. был расформирован. Многие его сотрудники после этого работали в НИИ-88 в подмосковном Калининграде (ныне — Королёве).

323

Работы по созданию ядерного оружия начались в Германии в 1939 г., почти сразу после того, как в декабре 1938 г. немецкие физики О. Ган и Ф. Штрассман впервые в мире осуществили искусственное расщепление ядра атома урана. Тем не менее в силу разных причин учёные Третьего рейха не смогли создать атомной бомбы. К таким причинам относится, например, то, что ими был отвергнут в качестве замедлителя нейтронов графит, и упор был сделан на тяжёлую воду, которой не хватало, особенно после того как диверсантами был взорван производивший её завод в Норвегии. Однако, несмотря на то что цель атомных исследований не была достигнута, германские учёные продвинулись очень далеко. Обнаруженные советскими специалистами документы и некоторые вывезенные в СССР немецкие учёные-ядерщики были подспорьем в советском атомном проекте.

На занятой Красной Армией территории, в Саксонии, советскими геологами в первые месяцы после окончания войны были обнаружены запасы урановой руды. Созданное на этом месте мощное секретное предприятие «Висмут» вплоть до 1991 г. поставляло сырьё для советской ядерной промышленности.

324

Свою деятельность созданная американцами разведывательная группа «Алсос» начала 24 февраля 1945 г. близ Аахена. Затем в Гейдельберге были захвачены несколько ценных лабораторий и видных учёных. В конце апреля были обнаружены хранилища тяжёлой воды и окиси урана, а в первых числах мая в распоряжении союзников оказалось ещё несколько крупных учёных, в том числе и нобелевский лауреат В. Гейзенберг. Часть ядерщиков согласилась работать в США, часть (в том числе Гейзенберг) — в Великобритании.

325

Официальная часть Потсдамской конференции проходила во дворце Цецилиенхоф, который подобрали Жуков с Серовым. 29 мая 1945 г., прилетев в Германию, начальник охраны Сталина генерал Н. Власик одобрил выбор коллег.

326

Кстати, Сталину также предлагали посмотреть на место самоубийства Гитлера, но он в последний момент отказался, бросив: «Пусть Молотов и Берия едут».

327

По непонятным причинам, факт обнаружения трупов Гитлера, Геббельса и их родных держался в строжайшей тайне от союзников. Соответственно, место их захоронения также было засекречено. Известно, что тела выкапывались и переносились на новое место, как минимум, четырежды.

328

Конференция глав союзнических держав проходила в Потсдаме с 17 июля по 2 августа 1945 г.

329

В ходе организации визита Сталина в Германию (кодовое название операция «Пальма») были предприняты беспрецедентные меры безопасности. По ходу движения сталинского поезда (1923 км) было выставлено 17 тыс. солдат войск НКВД, 1,5 тысячи оперативников, а вдоль всего маршрута курсировало 8 бронепоездов. Для охраны вождя в самой Германии было доставлено еще 7 полков войск НКВД и 1,5 тыс. оперработников.

330

Потсдамская конференция держав-победительниц была посвящена послевоенному устройству Германии и решению территориальных вопросов. В отношении Германии были сформулированы четыре принципа: денацификация, демилитаризация, демократизация и децентрализация. Кроме того, была зафиксирована необходимость демонтажа германской индустрии, частью путём вывоза в пострадавшие страны (репарации), частью путём

уничтожения.

По территориальным вопросам были приняты следующие решения: Восточная Пруссия с Кёнигсбергом передавалась СССР, граница между Польшей и Германией была проведена по Одеру и Нейсе-Лужицкой. Также Польше передавался юрод Штеттин.

Потсдамское соглашение узаконивало депортацию немецкого населения из Восточной Пруссии, Польши, Венгрии, Чехословакии.

331

Современные исследования, основанные на документах, подтверждают эти слова Серова и развеивают миф о том, что советские перемещённые лица в большинстве не желали возвращения на родину. У них действительно были опасения, что за нахождение на вражеской территории они будут подвергнуты репрессиям, однако советское руководство, понимая, насколько ему необходимо возвращение этих людей для подъёма разорённой войной экономики, максимально смягчило режим репатриации. Утверждение, что возвращённые в СССР перемещённые лица чуть ли не поголовно отправились в лагеря, также не соответствует исторической правде. (См.: Земсков В. Н. Возвращение советских перемещённых лиц в СССР. 1944–1952 гг. // Труды Института российской истории. Вып. 11 // Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2013. С. 244–284.).

332

Хотя ведение разведывательной работы в зонах оккупации союзников формально входило в компетенцию органов НКГБ, а Серов в Германии представлял НКВД, ему приходилось заниматься и этим. Как говорилось в спецсообщении народных комиссаров внутренних дел С. Н. Круглова и государственной безопасности В. Меркулова, направленном Сталину 31 января 1946 г., «в составе оперативных групп НКВД насчитывается 2230 работников органов и войск НКВД и 399 оперативных работников НКГБ. НКГБ СССР имеет в Берлине только небольшую оперативную группу в составе 35 чел., которая занимается исключительно разведывательной работой. Такое положение на практике привело к тому, что НКВД СССР в значительной мере приходится заниматься вопросами, относящимися непосредственно к компетенции органов НКГБ СССР (разработка, аресты и следствие по делам шпионов и диверсантов, заброска агентуры в зоны оккупации союзников с разведывательными заданиями, розыск агентуры бывших разведывательных органов Германии, разработка эмигрантов и т. д.)». В связи с этим Круглов и Меркулов предлагали уполномочить Серова и на руководство сотрудниками НКГБ (ГАРФ, ф. 9401сч. Оп. 2. Д. 134. Л. 231–232).

333

Легендарный шеф кайзеровский военной разведки полковник Вальтер Николаи был арестован НКВД в сентябре 1945 г. и доставлен в Берлин, где допрашивался Серовым. 31 октября 1945 г. по приказу Берии спецбортом был отправлен в Москву. 25 апреля 1946 г. за

непричастностью к деятельности гитлеровского режима Николаи освободили из тюрьмы, но запретили возвращаться в Германию, Он был поселен на спецдаче НКГБ-МГБ в Серебряном бору и с санкции Сталина работал над мемуарами и аналитическими записками. 4 мая 1947 г. скончался в результате инсульта и возрасте 73 лет, похоронен на Новом Донском кладбище в Москве.

334

Официально — вдова последнего кайзера Вильгельма именовалась принцессой Герминой Рейс-Грейцкой (1887–1947). В августе 1947 г. она скончается в советском лагере для интернированных под Брандебургом.

335

Уже через год враги Жукова и Серова попытаются скомпрометировать их, обвинив в мародерстве и вывозе из Германии ж/д составов с награбленными трофеями. В этом контексте упоминание о машинах, «пожалованных» Сталиным своим генералам, выглядит весьма примечательно.

336

С февраля 1945 г. В. Сталин командовал 286-й истребительной авиадивизией 16-й ВА 1-го Белорусского фронта.

337

Аппарат НКВД-МГБ в Германии 1945–1953. Сборник документов. М.: Демократия, 2009. С. 222–223.

338

Хлобустов О. КГБ СССР 1954–1991 гг. Тайны гибели великой державы. М.: Аква-Терм, С. 449–450.

339

Решения Контрольного совета должны были утверждаться только единогласно — понятно, что в ином случае СССР всегда бы оказывался в меньшинстве. И конечно, добиться консенсуса было чрезвычайно трудно. Кроме того, что союзники затягивали разоружение и расформирование немецких частей, остававшихся на занятой ими территории, ликвидацию военных предприятий и роспуск отделений нацистской партии (об этом говорилось в главе 11), конфликты возникали и по другим поводам. Вызывали трения вопросы пролёта самолётов союзников над советской зоной, разделение Берлина и устройство контрольно-пропускных пунктов, аресты деятелей НСДАП и многое другое.

340

После ВОВ В. Сталин остался служить в Германии, с 1946 г. — командир 1-го гвардейского истребительного авиакорпуса в составе ГСОВГ.

341

В г. Дессау находились авиазаводы «Юнкерс», где в конце войны немцы начали сборку экспериментальных моделей реактивных бомбардировщиков и истребителей. После обследования заводов советскими специалистами было признано целесообразным восстановить их и продолжить работы над созданием новых моделей самолётом. С этой целью были мобилизованы все остававшиеся в нашей зоне работники «Юнкерса». Заводы, лаборатории, испытательные стенды — всё было восстановлено в кратчайшие сроки и приступило к работе. Во главе предприятия, заработавшего в числе первых, — в городе Дессау, — был поставлен Брунольф Бааде — ведущий конструктор реактивного бомбардировщика с обратной стреловидностью крыла «Юнкерс-287», опытный экземпляр которого был найден недостроенным в сборочном цехе. Летом самолёт уже был готов к лётным испытаниям. Кроме того, была продолжена работа и над другими моделями. Через некоторое время и производственно-конструкторские мощности, и практически полностью весь персонал были переправлены в СССР.

342

Создание коалиции между СССР и Великобританией оказалось полезным не только в военном отношении. В начале лета 1945 г. советский торговый представитель в Лондоне сообщил о возможности приобрести партию мощных турбореактивных самолётных двигателей «Нин» и «Дервент», аналогов которым в СССР ещё не было. Говорят, что Сталин, когда ему об этом сообщили, не поверил: «Неужели есть дураки, торгующие своими секретами?» По 10 образцов каждой модели было срочно куплено, и через некоторое время слегка изменённые копии обоих двигателей стали сходиться с конвейеров советских заводов. Фирма «Роллс Ройс», производившая «Нин» и «Дервент», даже пыталась предъявить Советскому Союзу по атому поводу иск, но дело кончилось ничем. (Подрепный Е. И. Реактивный прорыв Сталина. М.: Яуза; Эксмо. 2008. С. 150–152.).

343

Аудиенция у Сталина проходила 14 марта 1946 г. Кроме упомянутых лиц также были вызваны главком ВВС Новиков, начальник ГосНИИ ВВС Репин. Присутствовали Молотов, Берия, Маленков, Булганин, Микоян. Как записано в журнале, обсуждался «вывоз специалистов и оборудования из Германии».

344

Уже к концу 1945 г. на бывшем авиазаводе «Юнкерс» в Дессау по восстановленным немецким технологиям удалось собрать и направить в СССР 2 реактивных бомбардировщика и 2 высотных истребителя. В дальнейшем в СССР в 1946 г. из немецких самолетостроителей было создано два конструкторских бюро — ОКБ-1 (главный конструктор Б. Бааде, заместитель П. Н. Обрубов) и ОКБ-2 (главный конструктор Г. Рессинг, заместитель А. Я. Березняк). Первое занималось тяжёлыми самолётами, второе — самолётами с жидкотопливными реактивными двигателями. Работа обоих бюро дала мощный импульс развитию советской авиации.

345

Вероятно, речь идёт об американском самолёте X1 фирмы «Белл». При его создании использовались материалы трофейного проекта DFS-346 германской фирмы SIEBEL. Главный конструктор проекта — Феликс Крахт — после войны работал во Франции, и, возможно, как раз о нём Серов говорит как о «сбежавшем инженере». Именно Крахту принадлежала идея при испытательных запусках подвешивать опытный образец к бомбардировщику. Этой идеей пользовались как в США, при испытаниях X1, так и в СССР, в ОКБ-2, где модель Крахта DFS-346 называлась «Проект 346».

346

Харитина — домработница и няня Серовых.

347

21 марта 1946 г. Г. Жуков был назначен заместителем министра вооруженных сил СССР и одновременно главкомом Сухопутных войск. Это было очевидным повышением, т. к. министром оставался сам Сталин.

348

Воссозданные после падения фашистского режима Коммунистическая партия Германии и Социал-демократическая партия Германии, объединившись, составили Социалистическую единую партию Германии. Сопредседателями были избраны оба лидера объединившихся партий — В. Пик и О. Гротеволь.

349

Структура органов НКВД на оккупированной территории Германии соответствовала прежнему государственному административному делению: в каждой федеральной земле действовал оперативный сектор НКВД, которому подчинялись опергруппы в городах и уездах. Задачи этих органов были сформулированы в директиве Серова № 002465 от 27 августа 1945 г.: ликвидация диверсионно-террористических групп и бандформирований, борьба с враждебными проявлениями со стороны фашистских и других преступных элементов, производство обысков, арестов и других оперативно-войсковых мероприятий под руководством начальников оперативных групп, внешняя охрана тюрем, КПЗ, конвоирование задержанных, охрана и оборона пунктов дислокации оперативных секторов, групп и других подразделений внутренних войск. Кроме того, сотрудники НКВД несли охрану промышленных, горно-добывающих и проектных предприятий, работавших в пользу СССР, вроде урановых шахт в Рудных горах или авиазавода в Дессау.

350

Советскому командованию и органам НКВД не удалось наладить жесткую воинскую дисциплину в своей зоне оккупации. Мародёрство, грабежи, убийства, изнасилования отнюдь не были редкостью. Но борьба с бесчинствами, чинимыми советскими военнослужащими, безусловно, велась, и трибуналами было вынесено довольно большое количество суровых приговоров.

351

Л. Каганович досаждал Хрущеву на Украине недолго. В должности 1-го секретаря ЦК КП(б)У он пробыл меньше года, с марта по декабрь 1947 г., после чего уступил это кресло обратно Хрущеву.

352

Хрущева связывало с маршалом Чуйковым фронтовое прошлое: в 1942–1943 гг. он был членом Военного совета Сталинградского фронта, где будущий маршал Василий Чуйков командовал 62-й армией, отстоявшей город.

353

Серов в данном случае действовал в полном соответствии с постановлением Совмина СССР № 1017419сс от 13 мая 1946 г., в котором говорилось: «Обязать заместителя Министра внутренних дел т. Серова создать необходимые условия для нормальной работы конструкторских бюро, институтов, лабораторий и заводов по реактивной технике в Германии (продовольственное снабжение, жилье, автотранспорт и др.)». Всего на территории советской зоны оккупации было налажено четыре завода по производству компонентов и сборке ракет Фау-2 (они же — А4): на заводе № 1 в Зоммерде (Эрфурт) производились корпуса ракет, завод № 2 «Монтанья» в Нордхаузене занимался ракетными двигателями, завод № 3 в Кляйн-Бодунгене — технологией и оборудованием для сборки Фау-2, завод № 4 в Зондерхаузене — аппаратурой систем управления. Советскими специалистами обследовался также подземный завод по производству ракет Фау-2 «Миттельферк» в Нордхаузене, но его решили не восстанавливать. Поскольку в описанном Серовым эпизоде речь шла о сборке ракет, можно предположить, что история эта связана с заводом в Кляйн-Бодунгене.

354

Гельмут Греттруп — специалист по ракетным системам управления, был одним из ближайших сотрудников В. фон Брауна. Вместе с другими специалистами он находился в руках у американцев и должен был отправиться в США, однако через свою жену он связался с советскими представителями и заявил, что при условии сохранения ему полной свободы он готов начать сотрудничество с русскими. Ему организовали побег. Согласно воспоминаниям Б. Е. Чертока Греттруп «скептически отозвался о немецком контингенте нашего института — „Рабе“, кроме Магнуса и Хоха». Греттруп был одним из руководителей работ по восстановлению производства Фау-2 в Германии, а затем выехал в СССР, где работал до 1953 г.

355

Благодаря полученным в Германии технологиям ФАУ в СССР в скором времени под руководством С. П. Королева будут созданы первые ракетные комплексы Р-1.

356

Эта «мысль» будет реализована уже осенью 1946 г., о чем ниже.

357

Вскоре после победы Сталин приступил к перестановкам в руководстве спецслужб. Первым шагом — он отвел Берию от кураторства силовой блока, поручив ему целиком сосредоточиться на атомном проекте. 29 декабря 1945 г. на посту наркома внутренних дел Берию сменил Сергей Круглов: фигура неполитическая и, скорее, техническая (с марта 1946 г. — министр). 4 мая 1946 г. новым министром госбезопасности стал бывший начальник СМЕРШ Виктор Абакумов, который очень скоро начал вести собственную игру, ориентируясь исключительно на Сталина.

358

До сегодняшнего дня историкам было доступно лишь одно письмо Серова Сталину 1946 г. с критикой Абакумова от 6 сентября. (О нем разговор впереди.) Однако, похоже, речь здесь идет о другом, более раннем, неизвестном обращении Серова, написанном вскоре после назначения Абакумова министром госбезопасности в мае. (Впрочем, нельзя исключить, что автор вновь путается в датах.).

359

3 июня 1946 г. Г. Жуков был освобожден от должности зам. министра и с понижением назначен командующим Одесским военным округом. Причины, вызвавшие сталинскую немилость, подробно изложены в приказе, подписанном Сталиным 9 июня как министром Вооруженных сил. В этом документе Жуков обвинялся в «отсутствии скромности», «чрезмерных личных амбициях», «приписывании себе решающей роли в выполнении всех основных боевых операций во время войны». «...Чувствуя озлобление, — говорилось в приказе, — решил собрать вокруг себя неудачников... таким образом становясь в оппозицию правительству и Верховному командованию». 21 февраля 1947 г. Жуков также был выведен из числа кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

360

Мало кто сегодня помнит о послевоенном голоде 1946–1947 гг., вызванном неурожаем и засухой в Черноземье и на Украине. Количество умерших от голода по оценкам историков составило от 1 до 1,5 млн человек. А. В. Любимов оставался на посту министра торговли до 1948 г.

361

Предложение снизить нормы снабжения для администрации СВАГ (они обеспечивались по улучшенной санаторной норме) и вывезти из Германии в СССР излишки продовольствия (сотни тысяч тонн зерна, картофеля, сахара) было направлено Серовым лично Берии как зампреду Совмина осенью 1946 г. (не позднее октября). Эти идеи в дальнейшем получили поддержку.

362

Письмо Серова о вывозе излишков продовольствия в СССР дошло до Сталина. Вождь отреагировал молниеносно, даром что находился на отдыхе в Сочи. 3 ноября 1946 г. прямо с моря он диктует телефонограмму членам Политбюро, рекомендуя «обратить внимание» на предложения Серова, большинство которых «можно было бы принять». Отдельно Сталин просил «тов. Серову передать от меня благодарность за его записку». (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 102. Л. 6.).

363

Серов умалчивает здесь об одной существенной причине, побудившей советское руководство свернуть военные исследования и испытания в Германии и перевезти конструкторские бюро, лаборатории, производства и их сотрудников в СССР: развертывание всего этого на оккупированной территории вступало в противоречие с решением о демилитаризации Германии, принятом на Потсдамской конференции. Несмотря на строгую секретность всех работ по ракетам, атому, авиации и пр., их не удалось сохранить в тайне от союзников, которые стали настаивать на их прекращении. (К слову сказать, немецкие военные заводы восстанавливали и французы.). В своей записке Серов писал: «29 апреля на заседании Союзного Контрольного Совета в Берлине по предложению Главнокомандующего американскими войсками в Германии генерала Макнерни был принят и подписан четырьмя Главнокомандующими: английским фельдмаршалом Монтгомери, американским генералом Макнерни, генералом армии Соколовским и французским генералом Кельцем закон № 25 „О контроле над научными исследованиями“, согласно которому все военные исследовательские организации должны быть распущены, а постройки военного характера должны быть уничтожены или вывезены.

В приложении „а“ к этому закону перечислены „запрещенные прикладные научно-исследовательские работы“, в числе которых в параграфе 3 перечислены: „ракетные двигатели, пульсирующие двигатели и газовые турбины“.

В связи с проводимыми в Германии мероприятиями согласно постановлению Совета Министров, этот закон может вызвать для нас дополнительные трудности...» (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–5).

364

Согласно журналу посещений, Серов был на приеме у Сталина 7 сентября 1946 г.

365

Секретное распоряжение Совмина СССР было подписано через день, 9 сентября 1946 г.

366

Операция по вывозу немецких специалистов в СССР проводилась с 22 октября по 1 ноября 1946 г. Для ее проведения в распоряжение Серова были направлены дополнительные силы: 2,5 тысячи оперативников МГБ, 1,5 тысячи переводчиков и 127-й пограничный полк.

Всё было произведено по обычной методе: рано утром к домам немцев стали подъезжать машины с чекистами и переводчиками. Мало понимающим спросонья специалистам читалось распоряжение о вывозе их в Советский Союз с позволением взять с собой семьи, домашний скарб и даже мебель. Выразивших недовольство увозили силой. Стоявшие под парами железнодорожные составы с ходу двигались в путь. Вещи и члены семей были доставлены позже.

367

Общее число вывезенных специалистов составляло около 2200 человек, с учётом членов семей — более 6 тысяч.

368

Немецкие специалисты работали на предприятиях по производству вооружения, в авиационной, судостроительной, химической, машиностроительной промышленности, производстве средств связи и сельскохозяйственной техники. Эти предприятия располагались в Московской, Ленинградской, Куйбышевской, Горьковской, Свердловской, Ростовской, Киевской, Харьковской, Ворошиловградской областях, в Дагестане и Удмуртии. В послевоенном взлёте советской промышленности, прежде всего в наукоёмких областях, роль немецких специалистов была очень значительной.

369

«Дело авиаторов» стало, пожалуй, первой крупномасштабной провокацией МГБ после войны. В апреле 1946 г. по обвинению во вредительстве и срыве испытаний новых самолетов были

арестованы главком ВВС Новиков и командарм 12-й воздушной армии Худяков — оба маршалы авиации.

На основании выбитых из них показаний за решетку вскоре отправились главный инженер ВВС Репин, зав. военно-авиационным отделом ЦК ВКП(б), член Военного совета ВВС Шиманов, парком авиапромышленности Шахурин и др. От них требовали дать показания в том числе против маршала Жукова и генерала Серова: небезуспешно.

Уже 11 мая 1946 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР признала всех арестованных виновными в том, что они «протаскивали на вооружение ВВС заведомо бракованные самолёты и моторы крупными партиями и по прямому сговору между собой, что приводило к большому количеству аварий и катастроф». Новиков был осужден на 5 лет.

370

Письмо Серова Сталину датировано 8 сентября 1946 г., т. е. на другой день после визита в кабинет вождя. Выдержки из его текста приводятся дословно, практически в точном соответствии с оригиналом. (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 28. Л. 147–153.).

Сталин не только прочитал письмо, но и немедленно принял меры. 12 сентября он направляет шифротелеграмму В. Абакумову: «...прошу Вас немедленно распорядиться о прекращении какой бы то ни было слежки за тов. Серовым». Встревоженный Абакумов вынужден оправдываться: ни он, ни его заместители, ни руководители военной контрразведки в Германии указаний таких никогда не давали, «следовательно, МГБ слежки за тов. Серовым не ведет». (Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953. М.: Материк, 2007. С. 27.).

371

Поставки товаров из текущего производства составляли важную часть немецких репараций. По данным М. И. Семиряги, их стоимость составляла в 1946 г. — 52 700 тыс. марок или 6,1 % валового производства советской зоны, что в пересчёте на душу населения составляло 42,1 марки на чел. На 1947 г. эти величины составляли соответственно 108 600 тыс. марок, 11,8 %, 86,8 марок на чел., в 1948 г. — 83 900, 7,9 %, 67,0 марок на чел. (Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995. С. 128.).

372

ГАРФ. Ф. 9401, Оп. 1. Д. 2641. Л. 112–113.

373

Лубянка. Органы ВЧК-КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: Материк, 2003. С. 91–101.

374

Военные архивы России. М.: Пересвет, 1993. Вып. 1. С. 208–213.

375

Лубянка, Сталин и МГБ СССР. 1946–1953. М.: Материк, 2007. С. 69–75.

376

Там же. С. 147.

377

Петров И. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 79–81.

378

Официально Серов был назначен 1-м зам. министра внутренних дел СССР постановлением СМ СССР № 342 от 24 февраля 1947 г. Окончательно из Германии в Москву он, однако, вернулся лишь в конце марта. Одним из подчиненных ему вопросов стала работа милиции.

379

Здесь и далее Серов время от времени пишет по-старому: НКВД, НКГБ, зам. наркома, хотя 15 марта 1946 г. Совет народных комиссаров СССР был преобразован в Совет Министров, а все народные комиссариаты — в министерства.

380

Согласно журналу учета посетителей, Серов находился в кабинете у Сталина 17 апреля

1947 г. с 22.10 до 22.35 имеет с Токаевым Г. А. (записан как сотрудник военно-воздушного отдела СВАГ). Также на беседе присутствовали: Молотов, Маленков, Жданов, Микоян, Берия, Вознесенский, Ворошилов. Обсуждаемые вопросы: вывоз из Германии специалистов и оборудования по реактивной технике.

381

Авантюрная история Григория Токаева — Грегори Токати (1909–2003) — достойна отдельного изложения. 16 октября 1947 г., после того как обман инженера-подполковника вскрылся, он был освобожден от должности и зачислен в распоряжение кадров ВВС.

Бесславное возвращение в Москву не сулило ничего хорошего: за вранье Сталину можно было ответить и головой. 3 ноября вместе с женой и дочерью Токаев бежит из советского сектора к англичанам, где вступает в контакт с разведкой. Его активно привлекают к опросам других невозвращенцев, он обрабатывает знакомых офицеров, оказавшихся в западной зоне.

Перебежчик часто выступает на радио, в прессе, разоблачая кровавый сталинский режим. Токаев утверждает, что ушел на Запад из-за Серова, который будто бы лично приказал его ликвидировать. Последний факт вызывает большие сомнения: будучи уличенным во лжи, Токаев находился в Германии еще целый месяц. Даже его исчезновение было обнаружено лишь спустя сутки, под вечер: удивительное благодушие по отношению к человеку, приговоренному на заклятие.

О том же свидетельствуют и архивные документы. Первое время командование вообще не было уверено, что Токаев сбежал; т. е. изначально не воспринимало его в образе врага. Так, в донесении от 10 ноября 1947 г. (спустя неделю после пропажи!) начальник политотдела штаба СВАГ полковник Овчинников выдвигает две равноправные версии:

«а) ТОКАЕВ совместно с семьей изменил Родине и перешел в один из союзнических секторов Берлина, где, выждав определенное время, он может быть переправлен в какое-либо иностранное государство.

б) ТОКАЕВ совместно с семьей стал жертвой какого-либо несчастного случая». (ГАРФ. Архив СВАГ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 131.)

Уже в Лондоне из-под пера Токаева выйдет ряд откровенно пропагандистских книг («Сталин — это война», 1951; «Предательство идеалов», 1954; «Товарищ X», 1955), где он называл себя чуть ли не советником Сталина по ракетостроению, ведущим специалистом СССР в сфере авиационных и ракетных дел, описывал ужасы советской действительности, обвинял Кремль в разработке бактериологического оружия и т. п.

Несмотря на явную хлестаковщину, в Москве эскапады Токаева вызывали изжогу. 26 января 1949 г. Военным трибуналом СВАГ он был заочно осужден к 25 годам лишения свободы. 14 февраля 1949 г. Политбюро даже специально рассматривало вопрос о Токаеве, приняв постановление «...о целесообразности обмена английского подданного Келли Франка, осужденного за шпионаж против СССР, на находящегося в Англии изменника Родины Токаева Г. А.». По неизвестным причинам, обмен не состоялся. (Лубянка. Сталин и МГБ. 1946–1953. Документы высших органов партийной и государственной власти. М.: Материк, 2007. С. 260.)

В Лондоне Токаев занимался научной и преподавательской деятельностью, стал профессором Лондонского университета, членом Королевского общества авиации, Нью-Йоркской академии наук и т. и. Звали его отныне Грегори Токати.

382

Максарев в это время был не наркомом (наркоматы вообще уже были заменены министерствами), а заместителем министра транспортного машиностроения СССР. Министром он станет позже, в 1950–1953 гг.

383

Создание Комитета информации (КИ) явилось ответом Сталина на появление у американцев ЦРУ. В одном кулаке он решил сосредоточить все разведслужбы, слив Главное разведывательное управление ГШ ВС и Первый главк МГБ (внешняя разведка). Согласно постановлению СМ СССР № 1789-470сс от 30 мая 1947 г, КИ подчинялся лично Сталину как председателю Совета Министров. Возглавил новую структуру Вячеслав Молотов (он же — вице-премьер и глава МИД). КИ будет упразднен в 1951 г. уже после ареста Абакумова, а его функции вернутся назад в МГБ и ГРУ.

Впрочем, постановление правительства было лишь формальной процедурой, утвердившей ранее принятое решение Политбюро. Выступление Серова в поддержку силовой реформы, несомненно, обострило их конфликт с В. Абакумовым, который лишился теперь важнейшей составляющей МГБ — внешней разведки. Очень скоро Абакумов попытается нанести ответный удар.

384

Ближняя дача Сталина находилась недалеко от села Волыньское у г. Кунцево (ныне Староможайское шоссе в черте Москвы), Начиная с войны Сталин жил там постоянно вплоть до самой смерти в 1953 г.

385

Заместитель коменданта сталинской ближней дачи подполковник МГБ Иван Федосеев был арестован 23 июня 1947 г. Сталину донесли, что охранники в его отсутствие устраивают на даче пьянки и оргии с проститутками, а Федосеев даже позволяет себе заглядывать в секретные бумаги у Хозяина на столе.

Первоначально следствие по делу было поручено МВД: видимо, Сталин сознательно провоцировал напряжение между двумя ведомствами, создавая угрозу для Абакумова.

Однако летом 1948 г. вождь приказал передать все материалы в МГБ. Как следует из записок Серова, это было вызвано его недовольством тем, что Федосееву не предъявляется обвинения в шпионаже. Также вместе с Федосеевым были арестованы его жена и родной брат Анатолий, сотрудник отдела контрразведки МГБ по Днепровской военной флотилии.

Дело Федосеева привело к масштабным чисткам в Главном управлении охраны МГБ. В числе других был арестован и бессменный сталинский «прикрепленный», начальник ГУО генерал-лейтенант Николай Власик. Федосеев показал, что получал от Власика приказы отравить Сталина.

386

11 июля 1948 г. Серов письменно доложил Сталину, что дело Федосеева завершено. Он предложил осудить его на 20 лет лагерей, но Сталин распорядился иначе. Следствие по делу Федосеева было передано из МВД в МГБ и продолжалось вплоть до 1950 г.

387

Бывший главный конструктор «Фокке-Вульф-Верке» Курт Танк (1898–1983), под чьим руководством создавались новейшие военные и гражданские самолеты (в том числе самый быстрый из довоенных гражданских судов дальнего следования «Fw 20 °Condor»), перебрался осенью 1947 г. из западногерманского сектора в Аргентину. На новом месте отец послевоенной реактивной авиации успешно начал создавать новые типы боевых и многоцелевых самолетов.

388

В апреле 1947 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел стран-победительниц. На ней было принято решение о том, что немецкие военнопленные (исключая военных преступников) должны быть репатриированы до 31 декабря 1948 г. Естественно, советское руководство не спешило расставаться с дешёвой рабочей силой и всячески оттягивало возвращение пленных домой, которое затянулось до 1950 г. Некоторые пленные, часто без достаточных оснований, были признаны виновными в совершении военных преступлений и отправлены в лагеря, где содержались вплоть до конца 1955 г.

389

По рассказам родных, Серов, в принципе, не употреблял спиртного и выпивал лишь при служебной необходимости.

Испытания советской баллистической ракеты А-4, созданной на основе найденной Серовым Фау-2, начались 18 октября 1947 г. на полигоне Капустин Яр. В 10 ч. 47 мин. был произведен первый старт. Ракета поднялась на высоту 86 км и достигла поверхности Земли в 274 км от места пуска. В период по 13 ноября на полигоне в общей сложности запустили и испытали 11 ракет. В составе госкомиссии Серов выехал на испытания 14 октября и находился там до 30 октября. Председателем госкомиссии являлся маршал артиллерии Н. Яковлев, его заместителем — министр вооружений, будущий маршал Советского Союза Д. Устинов.

Постановлением Совмина от 13 мая 1946 г. Серов был включен в состав Специального комитета по реактивной технике при СМ СССР (с 10 мая 1947 г. — Комитет № 2 при СМ СССР).

Созданные на базе ФАУ первые советские ракетные комплексы Р-1 были приняты на вооружение 25 ноября 1950 г. Ученые под руководством главного конструктора Сергея Королева значительно усовершенствовали немецкую разработку, повысив дальность полета до 270 км и изменив ряд агрегатов. Без ракет Р-1 через 10 лет не было бы ракет космических.

Судя по всему, Серов имеет в виду историю Александра Орлова, но путает дату: вместо 1950-го называет 1952 г. В июле 1950 г. в типографии Государственного комитета по оборонной технике в количестве 5 экземпляров отпечатали документ особой важности — проект плана работ в ракетно-космической области на 15 лет. Старший редактор Александр Орлов (действительно склонный к алкоголизму) кроме готовых отпечатанных брошюр забрал и отбракованные листы, из которых сформировал полный документ. После этого он, уловив момент, бросил в машину американского дипломата конверт, но не с самим секретным документом, а только с предложением его продать. Американцы не отреагировали на эту записку, видимо, сочтя её провокацией. В ночь с 15 на 16 сентября 1950 г. Орлов посетил английское посольство, сделав там соответствующее предложение, но на этот раз он не остался незамеченным, был арестован и приговорён к расстрелу. Собранный им экземпляр королевского плана был изъят. (Сыромятников Б. А. Измена на «фирме» Королёва // Независимое военное обозрение. 29 марта 2002.).

С. Королев был осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 27 июня 1938 г. на 10 лет ИТЛ по обвинению во вредительстве. Освобожден в 1944 г. Реабилитирован 18 апреля 1957 г. То же самое касается и многих других его соратников, например, академика Андрея Туполева, под чьим руководством Королев работал в тюремной «шарашке»: ЦКБ НКВД № 29. Туполева арестовали в октябре 1937 г., в мае 1940 г. за вредительство и контрреволюционную деятельность осудили на 15 лет лагерей, в июле 1941 г. освободили. Окончательно реабилитирован он был лишь 9 апреля 1955 г.

395

Решение о проведении денежной реформы было принято совместным постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 13 декабря 1947 г. Обмен старых купюр на новые проходил с 16 по 23 декабря. Главным идеологом и организатором реформы выступал именно министр финансов СССР Арсений Зверев.

396

По легенде, дабы сохранить подготовку реформы в тайне, А. Зверев запер в ванной жену и приказал сделать то же своим заместителям. Тем не менее, утечек избежать не удалось. Накануне обмена в магазинах полностью был раскуплен весь ассортимент, вплоть до залежалого неликвида. Нашлись и те, кто неплохо поживился на реформе. Работники прилавка припрятавали товары, чтобы продать их потом по новым ценам. Задним числом за взятки в сберкассах оформлялись крупные вклады, через почту отправляли друг другу денежные переводы.

«...Органами МВД были вскрыты многочисленные факты злоупотреблений в торгующих предприятиях, финансовых органах и других учреждениях, — докладывал 21 мая 1948 г. Сталину и другим членам Политбюро ЦК министр С. Круглов. — ...с 16 декабря 1947 года до 1 мая 1948 года органами МВД было выявлено скрытых от учета и похищенных товаров на 61 715 187 рублей и выявлено незаконных вкладов в сберегательные кассы и отделения Госбанка на 101 288 500 рублей. За эти преступления привлечено к уголовной ответственности 19 551 человек». (Москва Сталинская. М.: Алгоритм, 2008. С. 517.).

397

Пожары на сухогрузах «Генерал Ватутин» и «Выборг», приведшие к череде взрывов и крупному возгоранию в магаданском порту (бухта Нагаева), произошли утром 19 декабря 1947 г.

398

В общей сложности в результате катастрофы погибло 97 человек, 224 — были госпитализированы.

399

По основной версии, разделяемой большинством специалистов, «Генерал Ватутин», перевозивший крупную партию взрывчатки (3313 тонн аммонита и тола), при заходе в порт задел бортом кромку льда. От удара взрывчатка сдетонировала, что привело к мгновенному взрыву и пожару. Корабль и экипаж с пассажирами затонули.

По стечению обстоятельств, рядом оказался пароход «Выборг», также груженный взрывчаткой. Он взлетел на воздух вслед за «Генералом Ватутиным». Спасти удалось лишь 22 членам судовой команды.

Взрывная волна достигла такого накала, что дошла до Магадана, вышибив стекла в домах. В бухте Нагаева начался пожар, полностью уничтоживший морской торговый порт. Загорелись торфяники. Разбушевавшуюся стихию удалось обуздать только спустя 6 часов. Общий убыток от катастрофы составил 116 млн руб., не считая стоимости пароходов. Комиссия под руководством Серова работала в Магадане с 23 декабря 1947 по 13 января 1948 г. Ее заключение докладывалось лично Сталину. (Богданов Ю. Министр сталинских строек. М.; Вече, 2007. С. 309–310.).

400

На Чукотке и Колыме находилась сеть лагерей Дальстроя МВД СССР — империя, включавшая в себя предприятия, рудники, шахты и даже порты по разведке, добыче и обработке золота, руды, угля, олова. К 1950 г. здесь трудилось 219 тыс. человек, из которых заключенными являлась лишь половина. В 1946 г. силами Дальстроя было произведено 52,2 тонны чистого золота и 4,7 тонны олова, в 1947 г. эти показатели заметно снизились: 41,2 и 4,1 тонны соответственно.

В частности, в упоминающемся Чаун-Чукотском районе в пос. Певек (Магаданская область, ныне — территория Чукотки) находился одноименный ИТЛ (Чаунчукотлаг) Дальстроя, заключенные занимались здесь добычей олова, работой на обогатительных фабриках, использовались при строительстве дорог и объектов.

401

Бывший начальник оперсектора НКВД-МВД в Тюрингии генерал-майор Григорий Бежанов (в момент задержания — министр ГБ Кабардинской АССР) был арестован МГБ 10 декабря 1947 г, с санкции Сталина. Его обвинили в присвоении и незаконном вывозе из Германии ценностей, а также в «извращении агентурной и следственной работы» (необоснованные аресты, фабрикация дел, избиения задержанных). В январе 1948 г. Бежанов «дал» нужные

следствию показания против Серова: якобы тот «присваивал ценности и переправлял их в СССР», а также похитил в Рейхсбанке более 2 миллионов немецких марок. (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 83.)

Бежановские показания Абакумов докладывал лично Сталину и после этого получил добро на новые аресты. 30 января 1948 г. были арестованы начальник оперсектора МГБ в Саксонии генерал-майор Клепов и министр ГБ Татари, экс-начальник оперсектора МВД-МГБ в Берлине генерал-майор Сиднев. Допрашивал их Абакумов собственноручно. В результате «мер физического воздействия» генералы были вынуждены «признаться» в мародерстве и злоупотреблениях, совершавшихся якобы по указаниям Серова. Они также уличали бывшего начальника в неформальной близости с маршалом Жуковым.

Следствие длилось почти 4 года. По иронии судьбы, к моменту суда над генералами инициатор их ареста Абакумов сам уже оказался в тюремной камере. В октябре 1951 г. Клепов и Бежанов будут приговорены к 10 годам ИТЛ, Тужлов — к принудительному лечению в психиатрической больнице: в заключении он тронулся рассудком (по другой версии — удачно симулировал сумасшествие). В июле 1953 г., после смерти Сталина, всех их реабилитируют по инициативе Серова.

402

Письмо Сталину с жалобами на Абакумова было написано Серовым 31 января 1948 г., как вынужденная мера самозащиты, в связи с массовыми арестами его бывших подчиненных.

403

Речь о первом письме Серова Сталину от 6 сентября 1946 г. (см. главу 12).

404

Несмотря на подбадривающий звонок Сталина, кольцо вокруг Серова продолжало сжиматься. В феврале 1948 г. МГБ приступило к арестам людей из его ближнего круга: бывшего адъютанта М. Хренкова, личного секретаря В. Тужлова, сотрудника аппарата уполномоченного в Германии Вихрянова. Соответствующие санкции Абакумов вновь получил от Сталина на основании показаний, выбитых из «серовских» генералов. Возможно, были и другие аресты, но детали их неизвестны.

Для Серова это стало тяжелым ударом: с Хренковым и Тужловым они вместе прошли всю войну. 8 февраля, т. е. спустя 9 дней после предыдущего письма, он опять обращается к верховному арбитру:

«Я извиняюсь, товарищ Сталин, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам. С тех пор, как я послал Вам, товарищ Сталин, объяснительную записку по поводу лживых показаний Бежанова, Абакумов арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной, и в том числе двух

адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, „показаниях“ и открыто говорят, что Абакумов подбирается ко мне...» (Военные архивы России. М.: Пересвет, 1993. Вып. 1. С. 208–213.).

Очевидно, жалобы Серова сыграли свою роль: Сталин не отдал его на заклятие Абакумову. Тем не менее, Хренков, Тужлов и Вихрянов будут освобождены лишь в октябре 1951 г., почти 4 года оставаясь заложниками большой политической игры.

405

Речь о т. н. «деле авиаторов», в ходе которого следователи МГБ получили показания против Г. Жукова и самого Серова (см. главу 12).

406

Оперативная разработка маршала Жукова велась МГБ практически демонстративно. Из рассекреченных сегодня документов известно, что прослушивались и записывались даже его разговоры дома. 5 января 1948 г. чекисты провели негласные обыски на даче и квартирах маршала в Москве и Одессе, зафиксировав все предметы роскоши (картины, гобелены, золотые изделия, меха, посуда, ружья, статуэтки). «Фоторепортаж» был представлен Сталину.

В спецсообщении на его имя от 10 января 1948 г. Абакумов констатировал: «...дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей... Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин». (Лубянка, Сталин и МГБ СССР. 1946–1953. Сборник документов. М.: Материк, 2007. С. 135–136.).

Тем не менее, несмотря на собранные материалы и выбитые из генералов показания, Сталин так и не дал согласия на арест прославленного полководца.

407

Специальное главное управление цветных металлов МВД СССР (Главспецмет) отвечало за добычу золота, платины и алмазов силами заключенных. В структуру Главспецмета входило 9 лагерей. Как раз в 1948 г. произошло серьезное падение добычи драгметаллов (в первую очередь — на колымских приисках), что вызвало беспокойство у самого Сталина. 18 мая 1948 г. в своем кабинете он собрал даже целое совещание, где обсуждались причины невыполнения МВД плана и пути выхода из кризиса. Одним из результатов стало активное привлечение Серова к «золотой» проблеме, хотя формально — как зам. министра, он Главспецмет не курировал. В дальнейшем в его записках не раз еще будут упоминаться командировки на «золотой» Север.

Мстительность Абакумова не знала границ. Он не упускал ни единого повода, чтоб не попытаться «подставить» Серова, о чем разговор пойдет еще не раз.

Взаимоотношения между спец переселенцами и коренным населением были очень напряжёнными. Встречали местные жители новых соседей отнюдь не с распростертыми объятьями. «Имелись факты грубого, пренебрежительного отношения к спецпереселенцам со стороны отдельных руководителей колхозов, совхозов, промпредприятий, порой переходящие в прямое издевательство», — говорилось в одном из документов 1946 г. Естественно, депортированные платили своим обидчикам той же монетой: «...16 февраля с. г. в поселке Кадамжай Фрунзенского района Ошской области произошла драка между спецпереселенцами-чеченцами и русскими. 24 марта с. г. в селе Бурулдай Кеминского района Фрунзенской обл. местный житель Абиров Курманалы, по национальности киргиз, ударил спецпереселенку-чеченку Демильханову Ахма. В ссору с той и с другой стороны вступили другие лица, в результате которой спецпереселенец Акаев был сильно избит. 1 мая с. г. в г. Токмак Фрунзенской области произошла драка между спецпереселенцами-чеченцами и местными жителями, в результате которой местным жителям, узбекам Фаткулину и Куратдинову, нанесли легкие ножевые ранения». (Обе цитаты взяты из Докладной записки министра внутренних дел Киргизской ССР А. А. Пчелкина и начальника ОСП МВД Киргизской ССР Я. Грозного министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову от 18 июля 1946 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 510–512.).

Как следует из записей Серова, с 6 по 22 декабря 1948 г. он ездил по регионам Урала и Сибири, проверяя в том числе условия жизни спецпоселенцев (преимущественно — немцев).

По-видимому, речь идёт о посещении одного из объектов будущего НПО «Маяк» в г. Озёрске Челябинской области. В июле 1946 г. там был запущен первый промышленный ядерный реактор А1 для производства оружейного плутония. В создании советского ядерного оружия немаловажную роль сыграли материалы американского «Манхэттенского проекта», добытые шпионским путём. Ключевыми фигурами в этой операции были советские разведчики супруги В. М. и Е. Ю. Зарубины.

Пу И, император созданного в изгнании марионеточного государства Манчжоу-Го, был пленен советскими войсками 16 августа 1945 г. в ходе раз грома японцев. Содержался в лагере для военнопленных под Хабаровском. В 1950 г. был передан китайским властям, которые продолжили его лагерное «перевоспитание».

413

5 февраля 1949 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) тт. Родионова М. И. и Попкова П. С.». Все трое были сняты с занимаемых постов. (Ранее своей должности лишился председатель Госплана СССР Н. Вознесенский.) Это дало старт т. н. «ленинградскому делу», когда арестам подверглось около 2 тыс. партийных и советских работников, обвиненных в предательстве, вредительстве, шпионаже и русском национализме. Все они были так или иначе связаны с Ленинградом. Ключевую роль в фальсификации дела сыграли В. Абакумов и Г. Маленков, опасавшиеся роста влияния секретаря ЦК ВКП(б), нового сталинского любимца Алексея Кузнецова, формировавшего собственную команду.

414

Комиссия ЦК ВКП(б) выехала в Ленинград 21 февраля 1949 г. Ее итогом стала полная замена руководящих партийных кадров «северной столицы».

415

Серов вылетал на строительство Волго-Донского канала в гг, Калач и Цимлянск 23–27 января 1950 г.

416

Выезд в гг. Южно-Сахалинск и Олу проходил с 29 мая по 7 июня 1950 г. В записях Серова цели командировки определены так: «Проверка лагерей. Невыполнение плана по нефти, убийства, невыход на работу».

417

Подполковник МГБ С. Федосеев был осужден к расстрелу за шпионаж 18 апреля 1950 г. с санкции Сталина. В тот же день приговор привели в исполнение. Как докладывал в письме Сталину от 1 марта 1950 г. Абакумов, «Следствием установлено, что Федосеев, находясь на особо важном объекте охраны, на протяжении ряда лет скрытно читал секретные документы государственного значения, их содержание выбалтывал в беседах с сослуживцами и своими родственниками...».

418

С генералом Н. Селивановским Серову ранее приходилось сталкиваться неоднократно, в том числе в Сталинграде, где тот был начальником особого отдела фронта. В 1945 г. Серов сдавал Селивановскому дела как советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности Польши. Упоминание Селивановского встречается в его записях не единожды.

419

Серов выезжал в Молотовскую область (ныне — Пермский край) 8-27 января 1951 г. для инспекции Уральского управления по добыче алмазов Главспецмета МВД СССР. В тот момент «Уралалмаз» считался сердцем всей алмазной промышленности страны: нигде больше в СССР алмазов еще не добывали. Здесь осваивались 5 крупнейших алмазоносных россыпей, работали мощные обогатительные фабрики, построенные силами НКВД-МВД сразу после войны. Проблема, с которой пришлось разбираться Серову, заключалась в низкой производительности «Уралалмаза» и огромной затратности производства: даже с учетом бесплатной рабсилы себестоимость все равно получалась самой высокой в мире — 15 тыс. руб. за карат. Тем не менее после приезда Серова объемы добычи алмазов возросли.

420

Александр Засядько и Александр Задемидко были министрами, соответственно, угольной промышленности и строительства топливных предприятий. Для их отраслей труд заключенных имел важнейшее значение как дешевая и скорая рабочая сила. Специально под решение этих задач в МВД было создано Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива («Главнефтспецстрой») и Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий МВД.

421

Начало фрагмента в записях отсутствует, но из контекста можно понять, что звонок министра ВД С. Круглова застал Серова в Кемерово во время инспектирования «Южкузбасслага»,

«Севкузбаслага» и «Севлага» (10–29 мая 1951 г.). В кратком перечне поездок, составленных Серовым, значится: «Проверка лагерей. О работе эков в нефтяной промышленности».

422

Строительство трех крупнейших корпусов МГУ — химического, физического и биологического — на Ленинских горах велось силами заключенных Главного управления исправительно-трудовых лагерей промышленного строительства МВД СССР (начальник — генерал-майор А. Комаровский). Работы на объекте начались в апреле 1949 г. и продолжались до 1953 г.

423

Министр госбезопасности В. Абакумов был снят 4 июля 1951 г. по доносу следователя МГБ подполковника М. Рюмина, обвинившего его в укрывательстве террористических преступлений и потворствовании сионистам. Арестован 12 июля за госизмену. Вместе с Абакумовым были арестованы еще ряд сотрудников МГБ, а также его жена.

424

С арестом В. Абакумова наступил звездный час его разоблачителя М. Рюмина: с 10 июня 1951 г. он — и. о. начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, с 19 октября — зам. министра по следствию. Сталин поручает ему «организацию» громких политических дел: о сионистском заговоре в МГБ; дела врачей; «мингрельского дела». Однако с задачей Рюмин не справляется и через год, 13 ноября 1952 г. его снимают и отправляют рядовым контролером в Министерство госконтроля. После смерти Сталина по инициативе Берии он будет арестован и 22 июля 1954 г. расстрелян.

«...Действуя, как скрытый враг Советского государства, в карьеристских и авантюристических целях стал на путь фальсификации следственных материалов, на основании которых были созданы провокационные дела и произведены необоснованные аресты ряда советских граждан, в том числе видных деятелей медицины... Рюмин, применяя запрещенные советским законом приемы следствия, принуждал арестованных оговаривать себя и других лиц в совершении тяжчайших преступлений», — писала 8 июля 1954 г. «Правда».

425

В своих объяснениях С. Игнатьев позднее признавался, что Сталин не стеснялся в выражениях, требуя от него «положительных» результатов по громким уголовным делам (в первую очередь — по «делу врачей»). «Если не вскрыете террористов — американских агентов среди врачей, то будете там же, где и Абакумов... Я не проситель у МГБ. Я могу и

потребовать, и в морду дать... Мы вас разгоним, как баранов...» (ЦА ФСБ. Ф. 5-ос. Оп. 2. Д. 31. Л. 445–454.).

426

Решением Президиума ЦК КПСС «О положении в МГБ» от 4 декабря 1952 г. фактически было санкционировано применение пыток к арестованным: «...с озверевшим классовым врагом нельзя бороться в белых перчатках, оставаться „чистенькими“, не применяя активных наступательных средств борьбы в интересах социалистического государства». (АП РФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 12. Л. 6–7.).

427

Волжская (ныне — Жигулевская) гидроэлектростанция начала строиться в районе нынешнего г. Тольятти (ранее — Ставрополь-на-Волге) в августе 1950 г. по проекту, разработанному специалистами МВД СССР. Специально для ее создания в структуре МВД СССР был образован трест «Куйбышевгидрострой». Серов вылетал для инспектирования хода работ на объекте с 29 января по 7 февраля 1952 г. К слову, окончательно достроена Волжская ГЭС будет к 1957 г.

428

Повторно Серов был вынужден вернуться к берегам Волги 4 марта 1952 г. Он пробудет на строительстве объекта пять дней, разбираясь в наветах на начальника «Куйбышевгидростроя» Ивана Комзина — блестящего профессионала, военного строителя-фронтовика, но прямого и резкого, не заискивавшего ни перед кем человека. Иван Васильевич, например, сознательно игнорировал вызовы в горком партии, а на партхозактиве строителей как-то спросил первого секретаря горкома: «А тебя кто сюда приглашал?» К чести Серова, он оценил масштаб личности Комзина и в обиду его не дал. Впоследствии генерал Комзин станет Героем Соцтруда, построит еще 5 ГЭС, включая Ассуанскую в Египте, 6 ТЭЦ, введет в эксплуатацию более 30 крупнейших заводов и производств.

429

Постановлением Совмина СССР от 8 марта 1952 г. и приказом МВД СССР от 10 марта 1952 г. Серов был командирован на строительство Волго-Донского капаля и Цимлянкой ГЭС «для осуществления на Волгодонстрое постоянного руководства» до момента ввода объекта в эксплуатацию. Вместе с ним «для усиления работы» направлялись 16 руководящих работников МВД.

Проекты соединения судоходным каналом Дона и Волги, а стало быть — Чёрного моря и Каспийского, появлялись ещё несколько столетий назад. В XVI в. турецкий султан Селим II пробовал вырыть такой канал, однако это оказалось не под силу 22 тысячам его солдат. Другая попытка относится ко временам Петра I, но и тогда она окончилась неудачей. Реализовывать проект, разработанный советскими гидротехниками, начали в 1948 г. Предстояло вынуть 150 миллионов кубометров земли и уложить 3 миллиона кубометров бетона, построить 13 шлюзов, 3 мощные насосные станции и множество других сооружений. Открытие канала состоялось 1 июня 1952 г.

Сталин, действительно, ценил Сергея Жука как высококлассного специалиста и организатора. Несмотря на сомнительное прошлое (служба у Колчака, арест за контрреволюционную деятельность в 1931 г.) Жук сделал поразительную карьеру: за ударную работу при строительстве Беломоро-Балтийского канала был освобожден из лагеря, награжден орденом Ленина (1933) и принят на службу в ОГПУ-НКВД-МВД. Руководил строительством важнейших гидротехнических объектов: канала Москва-Волга, Куйбышевского, Рыбинского, Угличского гидроузлов. С 1942 г. — директор института НКВД-МВД «Гидропроект», тогда же получил звание генерал-майора инженерно-технической службы. Дважды лауреат Сталинской премии, академик АН СССР.

Как следует из журнала приемной, Жук приглашался в кабинет Сталина 15 (!) раз, в том числе по тематике Волго-Дона не менее 6 раз. За успешную сдачу канала в 1952 г. удостоен звезды Героя Соцтруда. После смерти — был похоронен у Кремлевской стены, а созданный им «Гидропроект» по сей день носит его имя.

Речь о постановлении СМ СССР за подписью Сталина «О строительстве Волго-Донского судоходного канала и орошения земель в Ростовской и Сталинградской областях» от 27 декабря 1950 г. Согласно документу, срок строительства сокращался на 2 года, все работы предписывалось завершить до весны 1952 г.

Памятник Сталину работы скульптора Е. Вучетича у входа в Волго-Донской канал был выполнен из уникальной самородной меди, добытой по спецзаказу, общим весом 33 тонны. Это был самый большой монумент вождю на планете за всю историю: вместе с постаментом он составлял 54 м. высотой (сама скульптура — 24 м.). В 1961 г. памятник демонтировали, в 1973 г. на том же постаменте был установлен памятник Ленину работы все того же Вучетича.

434

Указом от 19 сентября 1952 г. Серов был награжден орденом Ленина «за выполнение задания Правительства по строительству Волго-Донского канала». Наряду с ним орденами и медалями были награждены 6323 участника строительства; 12 из них удостоились звания Героя Социалистического Труда, 122 — орденов Ленина, 661 — орденов Трудового Красного Знамени.

435

В соответствии с подготовленным в МВД постановлением СМ СССР от 15 мая 1952 г. «О снижении наказания и досрочном освобождении заключенных, особо отличившихся на строительстве Волго-Донского водного пути», 474 человека было освобождено условно-досрочно, 110 — значительно снизили сроки заключения.

436

Серов прилетел на аварию в «Главгидровологдонстрой» 12 июля 1952 г.

437

Устранив аварию, ее причины и последствия, Серов 19 июля 1952 г. с легким сердцем покинул Волго-Дон.

438

Василий Рясной был переведен из МВД в МГБ 12 февраля 1952 г. на равнозначную должность зам. министра. Ряд его вопросов перешел к Серову, в том числе и кураторство упоминающегося «Гидропроекта»: Управления проектирования, изысканий и исследований для строительства гидротехнических сооружений МВД СССР под руководством С. Жука. После смерти Сталина, 18 марта 1953 г. в рамках избавления МВД от непрофильных функций, «Гидропроект» будет передан в ведение Министерства электростанций и электропромышленности СССР.

439

Осушение Каспийского моря, несомненно, привело бы к гигантской экологической катастрофе. Впрочем, это было невыгодно и по чисто экономическим соображениям: как раз накануне, в 1949 г., со дна Каспия начали добывать нефть без всякого осушения. Кстати, ни в одном источнике об этих сталинских замыслах ранее не сообщалось.

440

Командировка Серова проходила с 16 октября по 27 ноября 1952 г. Он объезжал тресты и комбинаты Специального главного управления (СГУ) по приказу МВД СССР № 00877. Одной из его задач являлось улучшение ситуации с добычей золота, себестоимость которого постоянно росла.

441

Утверждение Серова о том, что добыча золота предприятиями МВД в 6–7 раз превышала добычу Минцветмета, похоже, не соответствует истине. По крайней мере, специалист пишет так: «Ко времени своей ликвидации (то есть к 1957 г.) Дальстрой добывал ежегодно около 40 % от общей добычи золота в СССР». (<http://www.kolyma.ru/magadan/index.php?newsid=51>). То есть ни о каком превышении в несколько раз речь идти не может. Хотя Дальстрой, может быть, представлял только часть добывающих предприятий МВД, а Серов пишет о всей их совокупности. Для сравнения: в 1949 г. план по добыче золота на Дальстрое составлял 51,1 тонны, но МВД сумело его перевыполнить, сдав стране 52,4 тонны.

442

В январе-феврале 1953 г. началась последняя при жизни Сталина волна репрессий — преимущественно аресты евреев-сотрудников МГБ. Согласно проекту обвинительного заключения по делу «вражеской группы Абакумова-Шварцмана», направленного Сталину министром госбезопасности Игнатьевым 17 февраля 1953 г.г 10 человек предлагалось приговорить к расстрелу.

443

Серов был включен в состав правительственной комиссии, расследовавшей причины страшного пожара на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе, где погибло 25 человек. Комиссия вылетела на место уже в день трагедии 2 февраля и завершила работу о февраля 1953 г.

444

Как уже отмечалось, помимо правоохранительных вопросов на МВД было возложено великое множество не свойственных для спецслужбы функций. Осужденные трудились на дорогах, в промышленности, обустроивали районы Севера и Дальнего Востока, добывали золото и алмазы. Многие ведомства и даже регионы стремились заполучить на возведение своих объектов «рабсилу» МВД: она отличалась дешевизной и продуктивностью.

445

Политбюро к этому времени уже не было. Был Президиум ЦК.

446

Согласно официальному заключению о болезни и смерти вождя, опубликованному 6 марта 1953 г. в «Правде», «в ночь на второе марта у И. В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг (в его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза. В результате этого наступили паралич правой половины тела и стойкая потеря сознания».

447

Богдану Кобулову было от чего «утихать». Сразу после войны он впал в немилость к Сталину, был снят с поста 1-го зам. наркома ГБ, долго ходил без работы, затем безвылазно сидел замом в Главном управлении советского имущества за границей. Серов оказался прав в своем прогнозе: возглавив объединенное МВД, Берия вернул старого соратника («Кобулич», как он его называл) в обойму, вновь назначив своим 1 — м заместителем.

448

Решение об объединении МВД и МГБ было принято вечером 5 марта 1953 г. на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, СМ СССР и ПВС СССР. Соответствующий закон, однако, был принят только 10 дней спустя (от 15 марта 1953 с. № 3 «О преобразовании министерств СССР»).

449

После смерти тело Сталина было выставлено в Колонном зале Дома Союзов. Прощание началось 6 марта 1953 г. с 16 часов и продолжалось вплоть до полуночи 8 марта. Поток людей был нескончаем.

450

До сегодняшнего дня окончательно не определено число жертв давки, возникшей в Москве во время похорон Сталина. Историки называют цифры в диапазоне от ста до нескольких тысяч пострадавших.

451

Пленум ЦК КПСС состоялся 14 марта 1953 г. Он формализовал решения, принятые в день смерти Сталина на совместном заседании ЦК, Совмина и Президиума Верховного Совета.

452

Назначения в объединенном МВД состоялись 11 марта 1953 г. Круглов, Кобулов и Серов стали 1-ми заместителями Берии, И. Масленников — заместителем (по войскам).

453

Бывший зам. министра ГБ полковник М. Рюмин был арестован 17 марта 1953 г. На другой же день Берия подписал приказание пересмотреть дело по обвинению бывшего руководства ВВС и Минавиапрома. в рамках которого прежде осудили и генерала Н. Яковлева (т. н. «Дело авиаторов»).

454

На самом деле, дальнейшие судьбы экс-министра ГБ С. Игнатьева и особенно его заместителя Епишева сложились не столь драматично. Оба они избежали ответственности за участие в репрессиях, хоть и были вынуждены покинуть Москву: Игнатьева отправили 1-м секретарем в Башкирию, А. Епишева — на равнозначную должность в Одессу. Но если Игнатьев так навсегда и застрянет в провинции, то Епишев сумеет сделать блестящую карьеру. 23 года — дольше кого бы то ни было — он будет возглавлять потом Главное политуправление Минобороны, станет генералом армии, Героем Советского Союза, лауреатом Ленинской премии и прочая-прочая.

455

Стремясь укрепиться во власти, Берия почти сразу же сменил всех министров ВД союзных республик (кроме Казахский ССР), а также руководителей МВД многих автономий, краёв и областей. Большинство назначений произошло 16 марта 1953 г. Сразу после этого он стал вызывать новых назначенцев в Москву, где, как можно понять по следующему абзацу записок Серова, инструктировал их, как и кого расставлять на партийные и административные посты.

456

3 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС по предложению Берии принял постановление «о полной реабилитации и освобождении из-под стражи» арестованных «врачей-вредителей» (37 чел.). В свою очередь, сотрудников МГБ, «особо изощрявшихся в фабрикации этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов», были решено привлечь к уголовной ответственности, а их бывшего министра Игнатъева — снять с должности секретаря ЦК. (Реабилитация: как это было. Документы. 1953–1956. М.: Демократия, 2000. С. 19.).

457

Одно из реформаторских предложений Берии заключалось в новом подходе к подбору кадров в национальных республиках. Если при Сталине первыми секретарями ЦК союзных республик были, как правило, русские, а представители «титულიной» национальности — вторыми, то Берия предложил сделать ровно наоборот. Так, например, по его инициативе 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины «русак» Леонид Мельников был заменен на 2-го секретаря «хохла» Алексея Кириченко. (Одной из главных претензий Мельникову стало незнание им украинского языка.).

458

27 марта 1953 г. Президиум ЦК КПСС одобрил проект амнистии, подготовленной Л. Берией. В тот же день она была оформлена Указом ПВС СССР. Амнистия распространялась на всех заключенных, чей срок заключения не превышал 5 лет. Освобождению также подлежали все женщины — старше 50 лет, беременные, имеющие детей до 10 лет; мужчины старше 50 лет, осужденные, страдающие неизлечимыми недугами. В общей сложности на свободу тогда вышло 1181,2 тыс. человек (половина всего «контингента»). Дела еще 400 тыс. следственно-арестованных были прекращены.

459

Наряду с жертвами репрессий и осужденных за «колоски» на воле в результате амнистии оказались и десятки тысяч откровенных уголовников, что не замедлило сказаться на криминогенной ситуации. Резко подскочил уровень преступности. Во многих городах люди баррикадировали на ночь двери. Каждый четвертый преступник, задержанный с апреля по июль 1953 г., являлся только что амнистированным.

2 июля 1953 г., уже после ареста Берии, власти будут вынуждены издать дополнительный Указ ПВС СССР «О неприменении амнистии к лицам, осужденным за разбой, к ворам-рецидивистам и злостным хулиганам». Всех освобожденных по амнистии уголовников, не вставших на путь исправления, предписывалось водворять назад, в лагеря на неотбытый срок.

460

Серов находился в командировке в Ленинграде 10–21 июня 1953 г., куда его направили приказом МВД СССР от 9 июня. Рост «амнистированной» преступности в северной столице произошел особенно остро. Здесь, как и во многих других городах, действовали банды и молодежные хулиганские группировки, терроризирующие жителей. Местная милиция зачастую с ними не справлялась.

Уже после своего ареста Берия напишет, ставя себе в заслугу, что он «...товарища Серова с бригадой по оказанию помощи Московской и Ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное, навести порядок в работе милиции...». (Лаврентий Берия. 1953. Документы. М.: Демократия, 1999. С. 74.).

461

Судя по всему, массовые облавы да и вообще проявленная Серовым жесткость не на шутку встревожили партийную верхушку Ленинграда. Видимо, в Смольном посчитали это демонстрацией недоверия к себе и побоялись быть наказанными за бездействие. В записке от 20 августа 1953 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома Андрианов жаловался Маленкову и Хрущеву (нападение — лучший способ защиты!): «...В течение ночи под видом борьбы с хулиганством задержали около тысячи неповинных людей и не сказали об этом обкому... Серов дошел до того, что приказал снять милицейскую охрану в Ленинградском Совете, в областном исполкоме, в обкоме комсомола и около дома, где проживали руководящие партийные и советские работники, слова не сказав об этом ни мне, ни руководителям этих учреждений». (Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. Сборник документов, М.: Демократия, 2012, С. 258.).

462

Описка. Речь явно идет не о Круглове, а о Богдане Кобулове, ставшем тогда же 1-м заместителем министра Берии.

463

Л. Берия был задержан 26 июня 1953 г. в ходе заседания Президиума ЦК КПСС примерно в 13 часов. Таким образом, когда Серов с Кругловым приехали в Кремль, их министр уже несколько часов находился под конвоем армейских генералов.

464

Выступления рабочих, охватившие ГДР в июне 1953 г., по своим масштабам вполне могут быть названы восстанием. Рабочие выдвигали как экономические требования (отмена повышения норм выработки, снижение цен), так и политические (смена руководства страны, свободные выборы, гражданские свободы). Акции протеста были жестоко подавлены советскими войсками с помощью танков.

Комиссия по расследованию событий, руководимая новым начальником 3-го управления МВД СССР (военная контрразведка) С. Гоглидзе, заседала в том самом здании в Карлхорсте, где был подписан акт о капитуляции Германии. Она так и не смогла выполнить поручение Берии и найти следы подготовки мятежа западными спецслужбами, хотя для активизации её работы Берия лично летал в Берлин. Отсутствие в Москве преданных Берии Гоглидзе и А. Кобулова, несомненно, облегчило задачу его низложения.

465

Бывший главком ГСОВГ, начальник Генштаба ВС СССР маршал Соколовский в описываемый период находился в Берлине, куда был направлен для руководства военной операцией по подавлению мятежа и наведению порядка.

466

Речь идет об особняке на ул. Качалова (ныне — Малая Никитская), 28, где жил Берия с семьей.

467

Зять Хрущева А. Аджубей высоко оценивал вклад Серова в свержение Берии: «Серов сдержал слово, и бериевских сторонников в МГБ изолировали. Оставляю в стороне мотивы, по которым он это делал, во всяком случае, важная часть рискованной операции была им выполнена». (Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. Публикация в Интернете:

468

Приезд 27 июня 1953 г. Серова с Кругловым на гарнизонную гауптвахту для допроса содержавшегося там Берии вызвал беспокойство командующего войсками МВО и одного из организаторов «акции» К. Москаленко. «Я почувствовал себя неудобно, так как обвинялся их начальник, и вдруг его заместители будут вести следствие, — вспоминал Москаленко позднее. — Тогда я потребовал, чтобы на допросе присутствовали вместе со мной т. Батицкий и т. Гетман. Серов и Круглов категорически и наотрез отказались от такого предложения. Долго мы спорили и ни к чему не пришли».

Москаленко предложил генералам вынести вопрос на суд партийного руководства: Хрущева с Маленковым. В тот момент оба они вместе с другими членами Президиума ЦК как раз культурно обогащались на премьере в Большом театре. Там, во время антракта, когда стороны изложили свои позиции, было решено передать следствие генпрокурору Роману Руденко, а самого Берия этапировать в бункер во дворе штаба МВО, под более надежную охрану.

Кстати, вопреки словам Серова, Москаленко в своих воспоминаниях утверждал, что не пропустил их с Кругловым в камеру к Берии. Верится в это с трудом. (Берия. Конец карьеры. М.: Политиздат, 1991. С. 287–288.).

469

Судя по многочисленным свидетельствам, Берия действительно вел себя с подчиненными весьма грубо и хамски. Его бывший помощник Б. Людвигов показывал на допросе: «Берия после марта 1953 года совсем распоясался. Не сдерживая себя, он оскорблял не только своих помощников, но и многих руководящих работников: Серова, Круглова, Стаханова и других, бесцеремонно обзывая их всякими словами». (Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М.: Демократия, 2012. С. 25.).

470

В постановлении Президиума ЦК КПСС по делу Берия от 10 декабря 1953 г. говорилось: «Как установлено теперь следствием, Берия завязал связи с иностранными разведками еще в период гражданской войны. В 1919 году Берия, находясь в Баку, совершил предательство, поступив на секретно-агентурную должность в разведку контрреволюционного мусаватистского правительства в Азербайджане, действовавшую под контролем английских разведывательных органов». (Лаврентий Берия. 1953. Документы, М.: Демократия. 1999. С. 384.).

471

В ходе ревизии архивов Берии и общего отдела ЦК КПСС было сожжено огромное число материалов наблюдения за партийно-советской элитой: Маленковым, Суловым, Ворошиловым, Булганиным, Калининным, Шверником, Г. Димитровым, В. Пиком и др. Среди уничтоженных бумаг — и 261 страница «разной переписки» о Хрущеве. (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов М.: Материк, 2005. С. 157.).

472

Пленум ЦК КПСС, гневно осудивший «шпиона и изменника» Берия, проходил 2–7 июля 1953 г.

473

В своем эмоциональном выступлении на утреннем заседании Пленума ЦК КПСС 3 июля 1953 г. 1-й секретарь Львовского, бывший 1-й секретарь Киевского обкома КП(б)У Т. Сердюк, действительно, неоднократно повторял, что назначенец Берии, шеф МВД Украины Мешик мог без труда его арестовать. Особое оживление в зале вызнал пересказ Сердюком беседы с женой: «Я говорю жене со слезами — знаешь, что может случиться, могут меня арестовать... И вот она мне звонит сегодня утром, я вчера не успел позвонить ей. И вот я расплакался. Она не знает, арестовали меня или нет...». (Лаврентий Берия. 1953. Документы. М.: Демократия, 1999. С. 120–121.).

474

13 июля 1953 г. Президиум ЦК КПСС распорядился выпустить на свободу 54 генералов Советской Армии, МВД и МГБ. 51 из них были полностью реабилитированы и восстановлены в наградах и званиях: в том числе и военачальники из окружения маршала Жукова — генерал-лейтенанты Константин Телегин и Владимир Крюков. Тогда же освободили и жену последнего — певицу Лидию Русланову. Тем же постановлением Президиума ЦК были реабилитированы и генералы МВД Бежанов, Сиднев и Клепов, павшие жертвами в войне Абакумова против Серова.

Уже после отставки Серов напишет в КПК, что в общей сложности по их инициативе с генпрокурором Руденко «87 генералов были освобождены, а дела на них прекращены».

475

После ареста 24 января 1948 г. бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта и ГСОВГ генерал-лейтенант Константин Телегин вынужденно дал показания против Жукова. В

частности, он подписал протокол с обвинениями маршала в подготовке заговора, масштабном мародерстве и вывозе из Германии ценностей, машин, мебели, драгоценностей и т. п. Относительно Серова арестованный показал, что тот полностью потворствовал Жукову и являлся его «человеком».

476

Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР генералу Телегину было вменено то, что он «...в 1944–1946 гг. расхищал и присваивал в крупных размерах трофейные ценности и имущество, подлежащие сдаче государству, которые он из-за границы вывез в Москву... При обыске у Телегина изъято 16 кг изделий из серебра, около 250 отрезков шерстяных и шелковых тканей, 18 охотничьих ружей, много ценных антикварных изделий из фарфора и фаянса, меха, гобелены — работы французских и фламандских мастеров XVII и XVIII веков, картины и другие дорогостоящие вещи...».

477

Либо разговор с Телегиным был намного позже, либо автор путает: Серов стал Председателем КГБ в 1954 г., а Жуков министром в 1955 г.

478

Примерно те же преступления, что и Телегину, инкриминировали другому соратнику Жукова, генерал-лейтенанту Владимиру Крюкову и его жене, заслуженной артистке РСФСР Лидии Руслановой. В ходе обысков дома и на даче у супругов были изъяты 4 иномарки, 208 бриллиантов, 107 кг серебряных изделий, 132 картины музейной ценности (Шишкин, Репин, Серов, Суриков, Левитан, Айвазовский и т. п.), 35 старинных ковров, множество антикварных сервизов, 700 тыс. рублей наличными, скульптуры, меха, 312 пар модельной обуви, 87 костюмов и многое другое.

479

Дело Берии рассматривало Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР под председательством маршала И. Конева. 23 декабря 1953 г. Берия, а также бывшие руководящие работники НКВД-МГБ-МВД Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский были осуждены и приговорены к расстрелу. Приговор привели в исполнение в тот же день.

480

По материалам уголовного дела, Берии инкриминировалось принуждение к сожительству в общей сложности 221 женщины. (Столяров К. Палачи и жертвы. М.: Олма-Пресс, 1997. С. 251.).

481

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседания. М... РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 15–16.

482

Автор ошибается. Заседание Президиума ЦК КПСС по вопросу образования Комитета госбезопасности состоялось не в январе, а 8 февраля 1954 г.

483

В действительности, как видно из протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС 8 февраля 1954 г., против назначения Серова также высказывался секретарь ЦК Н. Шаталин. Мягко критиковали его Булганин, Ворошилов, Каганович, Первухин: правда, оговариваясь, что в целом поддерживают и одобряют кандидатуру. (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседания. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 19–24.).

484

Из протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г.: «...Т. Серов должен укреплять партийность. Ретиво выполнял указания Берии. Вызывал к себе секретарей обкомов... Не все хорошо у Серова. Предупредить его. Свысока к парторгам...». (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседания. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 19–24).

485

Серов был назначен председателем КГБ при СМ СССР 13 марта 1954 г. указом ПВС СССР В качестве основной задачи ему было поручено «в кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берии в органах государственной безопасности и добиться превращения органов государственной безопасности в острое оружие нашей

партии».

486

18 марта 1954 г. приказом Серова была объявлена структура центрального аппарата КГБ: в него входило 27 самостоятельных подразделений, в том числе 4 главка — разведка за границей, контрразведка, военная контрразведка, шифровально-дешифровальное. В свою очередь, в МВД, помимо чистых милицейских функций, остались пограничные и внутренние войска, ГУЛАГ, вся промышленность с производством, правительственная и фельдъегерская связь. (Лубянка. Органы ВЧК КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: Материк, 2003. С. 119, 150–151).

487

Вероятно, автор путает здесь пограничные войска с войсками правительственной связи. Последние, действительно, были вскоре переданы из МВД в КГБ — распоряжением СМ СССР № 10709рс от 25 сентября 1954 г. Погранвойска же отошли в КГБ лишь тремя годами позже, когда Круглов уже не был министром: постановлением СМ СССР № 328-159сс от 28 марта 1957 г. (Лубянка. Органы ВЧК-КГБ. 1917–1991. Справочник. М.: Материк, 2003. С. 128, 151).

488

Зам. министра внутренних дел СССР генерал армии Иван Масленников застрелился 16 марта 1954 г. По основной версии, разделяемой большинством историков, он опасался, что будет арестован вслед за Берией. В ходе судебного процесса над «маршалом госбезопасности» генпрокурор Руденко прямо дал понять Масленникову, что он вместо с Берией ответственен за ввод войск в Москву в 1953 г. и подготовку антиправительственного заговора.

489

В действительности С. Федосеев был осужден к расстрелу 18 апреля 1950 г. после 1,5 лет следствия МГБ. Подробнее о деле Федосеева см. главы 14 и 15.

490

Главный военный прокурор, а впоследствии заместитель Генпрокурора СССР А. Вавилов

будет уволен в 1954 г.

491

Генерал-лейтенант Дмитрий Леонов был назначен 17 марта 1954 г. начальником 3-го Главного управления КГБ (военная контрразведка). В этой должности он проработает до 1959 г.

492

В период 1954–1955 гг. из КГБ было уволено около 16 тыс. бывших сотрудников МГБ-МВД, «как не внушающих политического доверия, злостных нарушителей социалистической законности, карьеристов, морально-неустойчивых, а также малограмотных и отсталых работников», о чем Серов докладывал в феврале 1956 г. в ЦК КПСС. Годом позже он информировал Пленум ЦК об успехах в кадровом очищении: 40 бериевских генералов лишены званий, заменены почти все руководители центрального аппарата — преимущественно на выдвиженцев из партийно-советских органов. (Лубянка. Органы ВЧК-КГБ, 1917–1991. Справочник. М.: Материк, 2003. С. 152.).

493

Генерал-лейтенант Петр Федотов 17 марта 1954 г. стал начальником 2-го Главного управления КГБ (контрразведка). В отличие от большинства партийных назначенцев, в новом руководстве он был едва ли не единственным профессионалом, чудом выжившим в круговороте чисток. Свою службу в ЧК-ГПУ Федотов начал еще в 1921 г. на Кавказе. В 1937-м был переведен в Москву, в разные периоды руководил разведкой, контрразведкой, следствием, тайной полицией, после войны был зам. министра госбезопасности СССР. Возмездие настигнет Федотова лишь в 1959 г. С уходом Серова его уволят из КГБ, лишат генеральского звания и выгонят из партии «за нарушение соцзаконности в сталинский период».

494

Партийный функционер Константин Лунев являлся креатурой Г. Маленкова: именно с его подачи Лунев и был переведен на Лубянку после ареста Берии для «укрепления». (С 27 июня 1953 г. начальник 9-го управления МВД СССР — правительственная охрана.) Был назначен 1-м заместителем Серова одним Указом с ним 13 марта 1954 г.

495

1 мая 1954 г. во время праздничной демонстрации в Архангельске на пл. Профсоюзов дважды судимый Николай Романов открыл стрельбу из пистолета «ТТ» в сторону трибуны с областным руководством. В результате теракта погибло 3 человека, в том числе зампред архангельского горисполкома С. Харитонов, еще 2 чиновника были ранены. На следствии Романов заявил, что мстил за свою сломанную жизнь. 12 декабря 1954 г. трибуналом Беломорского военного округа приговорен к расстрелу.

496

Начальник 5-го управления КГБ (экономическая контрразведка) Петр Ивашутин был назначен зампредом КГБ 7 июня 1954 г. Ранее он неоднократно сталкивался с Серовым, в том числе при обороне Крыма в 1942 г., когда служил в военной контрразведке. По иронии судьбы, именно Ивашутину доведется в 1963 г. сменить Серова на посту начальника ГРУ. Он будет руководить «Аквариумом» рекордный срок: четверть века (до 1986 г.), получит погоны генерала армии и звезду Героя Советского Союза.

497

Серов присутствовал при первых испытаниях советской атомной бомбы на Тоцком полигоне (Оренбургская область) 13–17 июля 1954 г. Испытание проходило в рамках войсковых тактических учений (операция «Снежок») по отработке возможностей прорыва обороны противника в условиях нового времени. Считается, что Тоцкий полигон был выбран из-за схожести местности с типичным рельефом Западной Европы. Командовал учениями Г. Жуков, участие в них принимало 45 тыс. военнослужащих.

498

Серов находился в составе правительственной делегации в Китае 28 сентября 19 октября. Это был первый визит советского руководства в КНР, являвшуюся тогда одним из главных стратегических партнеров СССР.

499

Возможно, Серов спутал Ло Жуйцина с другим высокопоставленным китайским военным — главнокомандующим китайской армии Чжу Дэ, который действительно в 1928 г. командовал 4-м корпусом рабоче-крестьянской Красной армии Китая. Комиссаром и представителем КПК в этом корпусе был Мао Цзэдун.

500

Накануне визита в Пекин 8 сентября 1954 г. Серов направил Хрущеву справку о репрессиях, проведенных за 5 лет существования КНР. В документе указывалось, что в 1949–1954 гг. органы общественной безопасности Китая арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности 2 млн граждан, 710 тысяч из них «физически уничтожили». (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк. 2005. С. 150.).

501

Переговоры Хрущева с Мао проходили 11 октября 1954 г. На другой день были опубликованы 2 совместные декларации и несколько коммюнике, подтверждающие нерушимую дружбу СССР и Китая. В подтверждение этому советская сторона объявила о выводе советских войск и военно-морской базы с Ляодунского полуострова (Порт-Артур), передаче китайцам построенного там города Дальнего, а также выделении кредита в полмиллиарда рублей и помощи при строительстве в КНР промышленных предприятий.

502

Отношение к Сталину было одним из ключевых разногласий между Хрущевым и Мао, ибо «великий кормчий» продолжал воспринимать недавно почившего вождя с прежним пиететом. В этой связи весьма примечательны воспоминания начальника особого отдела КГБ по 39-й армии (дислоцировалась на Ляодунском полуострове) Михаила Белоусова, который участвовал в обеспечении встречи и сопровождении советской делегации. Через несколько дней после отъезда выяснилось, что Хрущев и Булганин «забыли» в своих номерах собрания сочинений Сталина, переведенные на китайский язык лично Мао и подаренные им же с автографами. Советский генконсул объяснил это Белоусову так: «Ведь ясно же, что они не забыли эти книги в гостинице, а просто с умыслом оставили, в расчете на то, что этим выскажут свое неуважение к Сталину». (Неизвестная Россия. Вып. 3. М.: Историческое наследие, 1993. С. 408.).

503

Н. Булганин являлся уроженцем Нижегородской области.

504

По свидетельству начальника особого отдела 39-й армии Михаила Белоусова сам Серов объяснил ему причины их внезапного ночного переезда исключительно заботой о

безопасности делегации; «...там, в порт-артурском особняке, вся обслуга, за исключением директрисы, китайская, и нас запросто могут подслушивать». (Неизвестная Россия. Вып. 3. М.: Историческое наследие, 1993. С. 399.).

505

Аньшанский металлургический комбинат — крупнейший в Китае (100 тыс. рабочих) — был фактически построен заново с помощью советских специалистов после 1949 г. К 1958 г. здесь выплавлялось 4,5 млн тонн стали.

506

Считавшийся при Сталине человеком № 2 в ВКП(б) — КПСС и возглавивший после его смерти правительство Георгий Маленков был снят 31 января 1955 г. Для этого Хрущев использовал в качестве повода его выступление на V сессии Верховного Совета СССР, где Маленков предлагал сократить расходы на тяжелую промышленность в пользу легкой и пищевой, дабы «заботиться о максимальном удовлетворении материальных потребностей» граждан.

В постановлении Пленума ЦК КПСС от 31 января 1955 г. эта речь была названа «ошибочной... теоретически неправильной и политически вредной». Она «...с большими экономическими малообоснованными обещаниями напоминала скорее парламентскую декларацию, рассчитанную на снискание дешевой популярности». Кроме того, Маленкову предъявили массу других претензий, включая близость с Берией и ответственность за сталинские репрессии. (Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 810–812.).

507

Постановлением Пленума ЦК КПСС от 31 января 1955 г. Г. Маленков был освобожден от должности председателя Совета Министров СССР и назначен министром электростанций СССР. При этом, однако, он остался в составе Президиума ЦК КПСС, откуда будет выведен только в июне 1957 г.

508

Не очень понятно, о какой спецоперации, проведенной КГБ в США, пишет Серов. Рискнем предположить, что это связано с деятельностью нелегальной резидентуры Р. Абея (В. Фишера).

Резкое ухудшение отношений между СССР и Югославией произошло в 1948 г. Гнев Сталина вызвала самостоятельная позиция лидера Югославии Й.-Б. Тито, в частности, его нежелание создавать федерацию с Болгарией и Албанией. Была остановлена вся экономическая и военная помощь со стороны СССР, отозваны посольства, начата экономическая блокада. В результате Тито пришлось искать поддержки на Западе, что дало повод обвинять его в предательстве и чуть ли не в сотрудничестве с иностранными разведками.

После смерти Сталина ситуация начала улучшаться. 6 июня 1953 г. Белград ответил согласием обменяться с Москвой послами. В СССР и странах «народной демократии» была остановлена вся антиюгославская пропаганда. 26 ноября 1954 г. пленум ЦК СКЮ одобрил предложение ЦК КПСС о полной нормализации отношений. В то же время было сразу оговорено, что Югославия будет строить социализм самостоятельным путем.

Визит в СФРЮ Н. Хрущева и Н. Булганина в мае 1955 г. стал ключевым этапом потепления между двумя странами. Помимо внешнеполитических задач 1-й секретарь одновременно решал и внутривнутриполитические: югославский вопрос он использовал для борьбы со сталинской гвардией в Президиуме ЦК. Неслучайно Серов пишет о полемике, развернутой Молотовым, Кагановичем, Шверником при обсуждении предстоящей поездки.

26 мая, прилетев в Белград, прямо на аэродроме Хрущев публично объявил, что все материалы против Тито и югославского руководства были сфабрикованы и инспирированы Берией, Абакумовым и другими «врагами народа». Таким образом, он давал прямо понять: кто против нового курса — те и есть эти самые «другие враги»...

510

Серов вылетал в Белград 18–19 мая 1955 г. для подготовки правительственного визита.

511

Резиденция Тито располагалась на одном из островов архипелага Бриони в Адриатическом море.

512

В ходе визита Хрущева в Югославию 2 июня 1955 г. был подписан Договор о дружбе между СССР и СФРЮ (Белградская декларация), положивший конец былой вражде. Было определено, что советско-югославские отношения должны впредь строиться на принципах полного равноправия, суверенитета, прекращения пропаганды и дезинформации, сеющих недоверие и мешающих международному сотрудничеству.

513

Визит в Женеву проходил 16–24 июля 1955 г.

514

Женевское совещание — первая с начала «холодной войны» встреча глав четырех правительств (СССР, США, Великобритания и Франция), в ходе которого (18–23 июля) обсуждались важнейшие вопросы баланса интересов сверхдержав: сокращение вооружений, запрет на применение атомного оружия, вывод оккупационных войск из Европы.

Со своей стороны СССР внес проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности, который, однако, был отклонен без серьезного обсуждения. Тем не менее встреча в Женеве стала поворотным моментом в международной дипломатии XX века.

515

Вероятнее всего, парижским источником, передавшим Серову столь ценный документ, мог являться агент КГБ в Генштабе сил национальной обороны Франции Жорж Пак.

516

Кампания по увеличению посевов кукурузы в СССР началась с январского 1955 г. Пленума ЦК КПСС, принявшего соответствующее решение. Проводилась кампания без учёта местных климатических условий, внедрялись неудачные сорта, насаждалась неудобная методика обработки полей (квадратно-гнездовой способ посадки). Зерновая составляющая «кукурузного проекта» провалилась, что было признано самим Хрущёвым в 1962 г. Однако использование кукурузы для производства силоса дало определённые результаты и несколько улучшило ситуацию с кормами в животноводстве.

517

Серов был награжден орденами Ленина в 1940, 1942, 1945, 1952 и 1955 гг.

518

Звание генерала армии было присвоено Серову 8.08.1955 г.

519

Серов вылетал в Дели 25–31 октября 1955 г. для подготовки правительственного визита.

520

Вероятнее всего Серов мог сталкиваться с будущим послом С. Меньшиковым, когда тот служил зам. директора Администрации помощи и восстановления объединенных наций (1943–1946 гг.).

521

Формально руководителем правительственной делегации являлся премьер-министр Булганин. На свою беду, ему регулярно приходилось исполнять дипломатические ритуалы: произносить ответные речи, назначать приемы, козырять почетным караулам. Всё это вызывало в Хрущеве жгучую ревность. Отсюда его постоянные ссоры с Булганиным и другими небожителями, которые приведут вскоре к расколу в руководстве страны.

522

Кашмир — спорная область на северо-западе Индостана, права на которую одновременно предъявляли Индия и Пакистан. По решению Совета безопасности ООН в 1948 г Кашмир был искусственно поделен на 2 части, большая из которых отошла Индии, а меньшая — Пакистану. Противоречия усугублялись еще и тем, что 90 % населения Кашмира исповедовало ислам.

523

«Баба» в Индии является традиционным, уважительным обращением к старшему: как «ака» в Средней Азии или «джан» в Армении. Скорее всего, так обращались к уважаемому ученому индусы, и это непривычное выражение Серов посчитал неким специальным термином.

Н. Хрущев с Н. Булганиным посетили территорию индийского Кашмира в сопровождении И. Ганди 9-10 октября 1955 г. Выступая на приеме у премьер-министра Кашмира Хрущев объявил: «Советский Союз всегда считал, что решение вопроса о государственном статусе Кашмира должно быть делом самого кашмирского народа в соответствии с принципами демократизма и интересами укрепления дружественных отношений между народами этого района». Фактически это означало признание со стороны СССР права Индии на владение основной частью Кашмира

Визит в Бирму и переговоры с премьером У Ну, ранее побывавшим в СССР, стали серьезной основой для развития отношений двух государств. Хрущев пытался вовлечь в зону советского влияния как можно больше стран Третьего мира, и Бирма не стала исключением. В частности, СССР пообещал начать закупки риса, которого у Бирмы был переизбыток. 6 декабря 1955 г. по итогам визита было подписано «Совместное заявление» Н. Булганина и У Ну.

Визит Хрущева и Булганина в Кабул объективно сыграл важную роль в дальнейшем отрыве Афганистана от Англии и США. Для поддержания дружбы Хрущев пообещал кредит в 100 млн долларов, помощь при строительстве промышленных и инфраструктурных объектов, отправку специалистов и другие блага. В ходе визита был продлен советско-афганский договор о нейтралитете и взаимном ненападении: это означало невозможность установки на приграничных с СССР территориях американских военных баз. Также стороны подписали ряд других документов, в т. ч. соглашение о культурном сотрудничестве.

Ty-104 был первым советским пассажирским реактивным самолетом, не имеющим на тот момент действующих зарубежных аналогов. Первая модификация самолета предусматривала посадку 60 пассажиров. Благодаря появлению Ty-104 «Аэрофлот» сумел быстро выйти на международный уровень перевозок. Уже к 1957 г. регулярные рейсы из Москвы совершались в Лондон, Копенгаген, Пекин, Оттаву, Дели и т. д.

В общей сложности официальный визит в Индию, Бирму и Афганистан длился больше месяца: с 17 ноября по 19 декабря 1955 г. Он знаменовал собой новый этап во внешней политике Кремля: распространение своего влияния в третьем мире в противовес Западу. Один из главных итогов поездки — движение неприсоединения, чьим инициатором стал индийский лидер Д. Неру.

529

Административный отдел ЦК КПСС (впоследствии — отдел административных органов) был образован в мае 1954 г. сразу после создания КГБ. Его роль заключалась в обеспечении партийного контроля за работой силовых ведомств.

530

К концу 1955 г. Серов был награжден 6 орденами Ленина, орденами Суворова и Кутузова 1-й степени, Красного Знамени (дважды). Третий орден Красного Знамени он получил 31 декабря 1955 г. «за успешное обеспечение безопасности в ходе зарубежных поездок руководителей государства».

531

Как видно из этих и последующих записей, Серов крайне негативно относился к Николаю Миронову, действительно, являвшемуся старинным другом и земляком набиравшего силу Леонида Брежнева. Этот конфликт дорого потом обойдется Серову.

532

В архиве И. Серова сохранился перечень его поездок, на который мы и далее будем ссылаться. Так, в 1954 г. он как минимум четырежды выезжал в командировки общей протяженностью 33 дня. В 1955 г. состоялось 9 командировок длиной в 65 дней.

533

К середине 1950-х годов Первое главное управление КГБ (внешняя разведка) имело отличные агентурные позиции в странах Запада, выполняя тем самым решение ЦК КПСС от 30 июня 1954 г. «О мерах по усилению разведывательной работы органов безопасности за границей», определившей США, Великобританию и их страны-сателлиты приоритетным направлением.

В Англии на нас работала «Кембриджская пятерка», внедренная в руководство разведки и МИДа, ответственный сотрудник МИ-6 Джордж Блейк, успешно действовали нелегальная резидентура Гордона Лонгсдейла (Конона Молодого). (Как раз в 1955-м г., например, был завербован сотрудник британского адмиралтейства Д. Вассал.) Не менее ценные источники информации были у советской разведки внутри ЦРУ, АНБ, ФБР в американской атомной и оборонной промышленности, в США активно работала нелегальная резидентура Рудольфа Абея. Во Франции КГБ располагал разветвленной агентурной сетью, внедренной в том числе в контрразведку СДЕСЕ и Генштаб. Как минимум 2 высокопоставленных «крота» действовали внутри западногерманской разведки БНД (Х. Фельфе, Г. Клеменс). Агентами КГБ являлись резидент «Моссада» в Бонне и сотрудники аппарата президента Израиля.

В записке в ЦК КПСС от 22 июня 1957 г. Серов сообщал, что с момента образования КГБ только лично Хрущеву было направлено 2508 информационных сообщений, полученных от резидентур ПГУ, еще 2316 сообщений — в адрес Совета Министров СССР. (Хлобустов О. КГБ СССР. 1954–1991. М.: Аква-Терм, С. 30.).

Значительно усилилась активность разведки в сфере внешнеполитической пропаганды. Как докладывал Серов в письме от 3 апреля 1956 г., за 1954–1955 гг. резидентуры КГБ с помощью агентуры опубликовали на Западе более 700 статей и брошюр, инспирировали множество запросов в парламентах, организовали интервью и выступления ряда политических деятелей.

Успехи внешней разведки во многом были обусловлены и кадровыми переменами: по предложению Серова с 23 июня 1955 г. обязанности начальника ПГУ стал исполнять Александр Сахаровский (утвержден в должности 12 мая 1956 г.). Он будет возглавлять ПГУ 15 лет и войдет в историю разведки как один из ее лучших руководителей.

534

Скорее всего, речь идет о «Комиссии по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии», образованной 31 декабря 1955 г. при Президиуме ЦК КПСС. Серов ошибочно включает в её состав Е. Фурцеву и Д. Шепилова; кроме секретаря ЦК КПСС А. Аристова, в неё входили ещё один секретарь ЦК — П. Поспелов (он возглавлял комиссию), председатель ВЦСПС Н. Шверник и заместитель председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС П. Комаров. (См. доклад комиссии: «Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС. 1953–1956» М.; Международный фонд «Демократия», 2000, С. 317–348.). Текст доклада комиссии Поспелова был положен в основу знаменитого секретного выступления Хрущёва на XX съезде КПСС. Как отметил Н. Верт, Хрущёв в своём докладе воспроизвёл лишь часть данных, указанных комиссией Поспелова, в основном то, что касалось репрессий в отношении партийного руководства. О многом другом он не рискнул говорить, даже несмотря на то, что его доклад был секретным. (Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. С. 413–437.).

535

1-й (затем — 10-й) спецотдел, он же учетно-архивный отдел КГБ отвечал за ведение архивов, а также всех оперативных учетов (агентура, литерные дела и т. п.). В 1954–1959 гг. отдел

возглавлял полковник Яков Плетнев, пришедший в органы по партнабору после ареста Абакумова. Его ценность, очевидно, заключалась в том, что при Игнатъеве он был начальником секретариата Особого совещания при МГБ СССР и через его руки проходили все политические дела того времени.

536

В докладе комиссии Поспелова была приведена такая таблица с данными о количестве репрессированных:

(Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС. 1953–1956. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. С. 317.).

В докладе Хрущёва на съезде число репрессированных названо не было.

537

Выступление Хрущёва на закрытом заседании XX съезда КПСС с докладом «О культуре личности и его последствиях» состоялось 25 февраля 1956 г.

538

В описываемый период В. Чернышев был секретарем Калининградского обкома, секретарем Приморского крайкома КПСС он станет только в 1959 г.

539

Версия о том, что убийство Кирова было осуществлено по тайному распоряжению Сталина активно продвигалась Хрущёвым. В 1956 г. была создана Особая комиссия ЦК КПСС во главе с Н. Шверником для расследования всех обстоятельств преступления. Выводы комиссии опубликованы не были. Расследование, проводившееся в 1990 г. прокурорско-следственной бригадой Прокуратуры СССР, Главной военной прокуратуры и КГБ СССР, не обнаружило следов причастности Сталина и органов НКВД к убийству Кирова. В настоящее время, особенно после рассекречивания в 2009 г. дневника террориста Николаева, свидетельствующего о его психической ненормальности, наиболее вероятной считается версия убийства одиночкой по личным мотивам. Однако считать эту версию окончательной пока ещё рано; не исключено, что в засекреченных архивах когда-нибудь отыщутся документы, доказывающие, что убийство Кирова было организовано или спровоцировано Сталиным.

Верховный Суд СССР пересмотрел «Ленинградское дело» 30 апреля 1954 г. В результате все проходившие по нему лица были реабилитированы. 3 мая 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О деле Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других», в котором подтверждалась необоснованность обвинений против них и сфабрикованный характер дела.

Подготовленный Комиссией Президиума ЦК КПСС по изучению материалов о массовых репрессиях доклад вызвал негативную реакцию со стороны «сталинистского» крыла в Президиуме: Молотова, Кагановича, Ворошилова. Большинство, однако, поддержало позицию Хрущева: «съезду надо сказать правду».

Серов имеет в виду следующее место из выступления Хрущёва: «Сталин очень любил смотреть фильм „Незабываемый 1919-й год“, где он изображен едущим на подножке бронепоезда и чуть ли не саблей поражающим врагов. Пусть Климент Ефремович, наш дорогой друг, наберется храбрости и напишет правду о Сталине, ведь он знает, как Сталин воевал. Тов. Ворошилову, конечно, тяжело это дело начинать, но хорошо бы ему это сделать. Это будет одобрено всеми — и народом, и партией. И внуки за это будут благодарить. (Продолжительные аплодисменты.)». (О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза // Известия ЦК КПСС, 1989 г. № 3. С. 159–160.). Кроме того, делая доклад, Хрущев не раз указывал, что его слова могут подтвердить присутствующие на съезде И. Баграмян, К. Мерецков, С. Игнатьев, А. Микоян, Л. Каганович и другие. Прямых обращений к Булганину в тексте доклада, направленном в низовые партийные организации, не зафиксировано. Стенограмма на закрытом заседании съезда не велась. Булганин был упомянут в докладе в таком контексте: «Об обстановке, сложившейся в то время, мы нередко беседовали с Николаем Александровичем Булганиным. Однажды, когда мы вдвоем ехали в машине, он мне сказал: — Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему, как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут: или домой, или в тюрьму». (Там же. С. 163.) Булганин, председательствовавший на съезде, по окончании доклада Хрущёва выступил с поддержкой его.

Будучи 1-м секретарем Московского горкома и обкома, а затем руководителем парторганизации Украины, Хрущев несет персональную ответственность за массовые репрессии. Так, к концу 1937 г. НКВД было арестовано 35 из 38 секретарей МК и МГК, 136 из

146 секретарей райкомов. Все санкции на арест подписывались Хрущевым, нередко он даже направлял в НКВД разнарядки, указывая, кого и когда следует брать. После того как в январе 1938 г. Хрущев стал 1-м секретарем ЦК КП(б) Украины, чистки вспыхнули там с новой силой. В 1938 г. с его санкции было арестовано 2140 партийных и советских работников. Многие из них обвинялись в подготовке теракта против самого же Хрущева.

544

Первоначально, после ареста в 1951 г., Абакумову инкриминировалась подготовка заговора, создание «сионистского центра» в МГБ, сокрытие шпионских и террористических дел, главным из которых являлось пресловутое «дело врачей». После смерти Сталина и последующего ареста Берии версия обвинения резко изменилась. Теперь в вину Абакумову ставили участие в «банде Берии», в том числе фабрикации «ленинградского» и «авиационного» дел. 19 декабря 1954 г. Абакумов был расстрелян. Несмотря на тяжелейшие пытки, виновным он себя не признал, ни одного протокола не подписал. В 1997 г. Военная коллегия Верховного Суда РФ частично реабилитировала Абакумова, сняв с него обвинения в измене Родине, признав, однако, виновным в «воинско-должностных преступлениях».

545

Чистка в органах госбезопасности, начавшаяся в июле 1951 г. постановлением ЦК КПСС «О неблагополучном положении дел в МГБ» и арестом Абакумова, продолжилась репрессиями в отношении начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. Леонова, его заместителей В. Комарова и М. Лихачёва, заместителя начальника Бюро № 1 Н. Эйтингона, следователей И. Чернова, Я. Бровермана и других. После смерти Сталина была освобождена только часть арестованных по «делу Абакумова» (в частности, Н. Эйтингон, Л. Райхман, Н. Селивановский). С падением Берии кампания против сотрудников спецслужб продолжилась, были вновь арестованы большинство из отпущенных, к ним присоединились новые — Б. Кобулов, С. Гоглидзе, В. Деканозов, Л. Влодзимерский, П. Судоплатов, Я. Серебрянский и другие.

546

Министр ВД С. Круглов был снят с поста 31 января 1956 г. и с понижением назначен зам. министра строительства электростанций СССР. Реальная причина его отставки — близость с опальным Г. Маленковым, с которым они вместе работали еще в ЦК. Однако формально в вину Круглову была поставлена неправильно подготовленная амнистия, вызвавшая рост преступности. В дальнейшем Круглова лишили генеральской пенсии и исключили из партии «за причастность к политическим репрессиям».

Его бывшего заместителя генерал-лейтенанта В. Рясного уволили 30 марта 1956 г. «по фактам, дискредитирующим звание офицера».

547

Очень скоро Л. Брежнев и А. Кириченко станут новыми фаворитами Хрущева. Во многом их усилиями влияние Серова будет снижаться.

548

Зам. начальника военной контрразведки КГБ Николай Миронов был переведен в Ленинград начальником УКГБ 20 января 1956 г. Он, действительно, был близок с Брежневым, вместе с которым работал еще до войны на Украине. Впоследствии это тоже негативно скажется на судьбе Серова: в 1959 г. Миронов станет зав. отделом административных органов ЦК КПСС т. е. куратором всех силовиков. Будет активно интриговать против Серова, примет участие в подготовке его отставки.

549

Фамилия написана неразборчиво.

550

Очевидно, Серов имеет в виду модель первого английского турбореактивного самолета «Комета», который начал совершать регулярные рейсы в 1952 г. Однако из-за несовершенства конструкции лайнеры регулярно падали. В 1954 г., после 12 авиакатастроф, «Комета» была запрещена к дальнейшим полетам. Таким образом. Ту-104 стал единственным в мире действующим реактивным самолетом.

551

Серов вернулся в Москву 28 марта 1956 г.

552

В книге американского профессора К. Эндрю, написанной при помощи перебежчика из КГБ О. Гордиевского, утверждалось, что приезд Серова в Лондон сопровождался громким публичным скандалом, а британская пресса открыто называла его «кровавым мясником». Именно под давлением общественного мнения Хрущев-де был вынужден исключить Серова

из состава официальной делегации. Так ли было в действительности — сказать трудно: книга изобилует массой неточностей и откровенным пропагандистским враньем, включая упоминавшееся уже «самоубийство» самого Серова после «продолжительного запоя». (Гордиевский О., Эндрю К. КГБ: история внешнеполитических операций. М.: Nota Bene, 1992. С. 460–461).

553

«...в общем, поездка прошла нормально». Серов почему-то обходит серьезнейший инцидент, произошедший 19 апреля 1956 г. в ходе визита при таинственных обстоятельствах.

Советская делегация прибыла в Великобританию по морю, на легком крейсере ВМФ «Орджоникидзе», являвшемся новейшей разработкой ВПК (проект 68-бис). Во время стоянки в Портсмуте под днищем корабля его винтами оказался разрублен шеф-водолаз Королевского ВМФ Лайонел Крэбб.

По общепринятой, хотя официально и не подтвержденной британцами версии, морской диверсант тайно изучал под водой технические особенности крейсера и случайно погиб. Разразился международный скандал, премьер-министр Великобритании Э. Иден был даже вынужден заявить, что «правительство Ее Величества к данной акции отношения не имеет», косвенно подтвердив тем самым факт подводного шпионажа.

Между тем, в последнем плане так и не написанной им книги сам Серов излагает эти события несколько иначе. В «раскадровке» 10-й главы он указывает:

«Зачем англичане подбирались к крейсеру „Орджоникидзе“, об этой операции мы знали заранее. Решение Хрущева и Булганина ликвидировать Креббса».

Исходя из этой версии, винты «Орджоникидзе» были запущены отнюдь не случайно, и эта «акция возмездия» готовилась задолго до прихода в Портсмут.

554

С июля 1945 г. вплоть до создания КГБ, т. е. 9 лет, генеральские звания в системе госбезопасности не присваивались.

555

КГБ унаследовал от своих предшественников — МГБ и МВД СССР — систему воинских званий, отличавшуюся от общевойсковой. Например, армейским генерал-майору, генерал-полковнику и генерал-лейтенанту соответствовали генерал ГБ III, II или I ранга. В дальнейшем Хрущёв планировал вообще отменить воинские звания в системе госбезопасности и внутренних дел; «распогоним» и «разлампасим» — говорил он. (Лубянка. Органы ВЧК-КГБ 1917–1991. Справочник. М.: Материк, 2003. С. 82.).

556

А. Коротков и Э. Мильке в августе 1956 г. наград не получали. Сведений о том, что кто-то из советских или немецких офицеров был награждён в августе 1956 г., также не обнаружено.

557

С середины 1950-х годов в работе органов безопасности начал происходить перелом: постепенный отказ от репрессий в сторону профилактики и иных досудебных мер воздействия.

Замеченного в антигосударственных высказываниях человека не арестовывали, как раньше, а приглашали в местное подразделение КГБ, грозили пальцем и отбирали подписку о полученном «предупреждении». Официально профилактика как новый курс внутренней политики была провозглашена Хрущевым в 1959 г. на XXI съезде КПСС.

Вместе с тем, КГБ не ограничивался лишь профилактическими беседами, чему способствовало «Письмо ЦК КПСС ко всем партийным организациям о мерах по пресечению имеющих место вылазок антисоветских и партийных элементов» от 21 ноября 1956 г. В духе выполнения решений ЦК, в 1957 г. за антисоветскую агитацию и пропаганду было осуждено 1964 человека, в 1958 г. — 1416: это, кстати, в 2 раза больше, чем за все годы борьбы с диссидентами в эпоху Брежнева.

558

Охлаждение между СССР и Китаем стало ощущаться вскоре после XX съезда КПСС. Мао категорически не принял новых тенденций в советской внутренней и внешней политике, публично критиковал Хрущёва. В свою очередь нараставший в КНР культ личности Мао, усиление репрессий в отношении собственных граждан вызывали негативную реакцию у Хрущёва. В июле 1960 г. все советские специалисты были отозваны из Китая. Наибольшей силы напряженность в отношениях Советского Союза и Китая достигла в 1969 г. в момент пограничного конфликта вокруг острова Даманский на реке Уссури.

559

Бессленно правивший Венгрией с послевоенных времен Матьяш Ракоши был отправлен в отставку с поста 1-го секретаря Венгерской партии трудящихся 18 июля 1956 г. Его сменил министр госбезопасности Эрнё Герё. Именно эта рокировка, помноженная на слабость нового лидера, и привела вскоре к венгерской революции.

Острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомаи, которые в русской традиции называют южными Курильскими островами, до 1945 г. России и Советскому Союзу не принадлежали. На Ялтинской конференции СССР обязался вступить в войну с Японией при условии возвращения ему Курильских островов, переданных Россией Японии в 1875 г. и южной части Сахалина, отошедшей к Японии в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. Недостаточно подробное описание в международных договорах того, что называется Курильскими островами, позволило СССР в начале сентября 1945 г. присоединить южные Курилы к своей территории. Япония не признала отторжения этих островов.

19 октября 1956 г. Москва и Токио подписали декларацию о прекращении состояния войны, восстановлении дипломатических отношений между двумя странами и согласии СССР на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан, но только после заключения мирного договора. Однако позже японская сторона отказалась от подписания такого документа. Считается, что это произошло под давлением США, которые пригрозили, что в случае снятия Японией претензий на острова Кунашир и Итуруп ей не будет возвращен архипелаг Рюкю с островом Окинава, находившиеся под управлением США. Американские военные базы находятся на Окинаве по сей день.

Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД РФ, 2009. С. 50, 53.

Личность не установлена.

Это был не первый тревожный документ, отправленный из КГБ в ЦК, касательно Венгрии. Как вспоминал позднее в неопубликованном интервью сам Серов, «КГБ после снятия Ракоши летом 1956 года неоднократно докладывало об обострении политической обстановки».

26 июля 1956 г., например, Серов сообщал в ЦК о реакции лидеров общественного мнения Венгрии на отставку М. Ракоши: она сводилась к необходимости наращивать протестную активность. (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 208–210.).

Брожения в Венгрии начались после XX съезда КПСС и прошедшей здесь по аналогии с СССР волне массовых реабилитаций. Разница заключалась в том, что, в отличие от Союза, местный «сталин», бессменный генсек Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Матьяш Ракоши,

не уходил в мир иной, а продолжал всеми силами цепляться за власть.

Именно ненависть к тирану и стала первопричиной народного недовольства. Тем более что Ракоши был вынужден выпустить и многих бывших руководителей ВПТ, репрессированных им в ходе борьбы за власть. Ключевой фигурой среди них являлся бывший премьер Имре Надь, вокруг которого начало группироваться сопротивление.

К лету в руководстве страны вспыхнул раскол. В июле реформаторски-настроенная часть партийной верхушки добилась смещения Ракоши. Его сменил бывший шеф МГБ Эрнё Герё, чья слабость и нерешительность и приведет вскоре к большой крови. Все эти решения были санкционированы Москвой. Общество, особенно студенчество и интеллигенция, воспринимают отставку диктатора как сигнал к переменам. Повсеместно начинают бурлить дискуссионные и политические клубы. Кульминационным моментом в подъеме оппозиции и диссидентства становится съезд венгерских писателей 17 сентября, где звучат призывы против диктатора и цензуры.

Западные разведки и подконтрольные им пропагандистские центры только подливают масла в огонь. С помощью воздушных шаров с территории соседних Австрии и Германии сотнями тысяч идет заброска антисоветских листовок. (19 июля 1956 г. они даже становятся причиной катастрофы пассажирского самолета). Под Мюнхеном спешно была развернута новая антикоммунистическая радиостанция, вещающая на венгерском языке.

В октябре группа студентов объявляет о возрождении некогда распущенного «Союза студентов венгерских университетов и академий». Они демонстративно выходят из местного комсомола («Демократического союза молодежи»). Ячейки нового Союза растут в вузах, как грибы. В воздухе всё сильнее пахнет революцией...

Однако вплоть до начала беспорядков 23 октября 1956 г. советское руководство не желало вмешиваться в венгерские проблемы, целиком полагаясь на своих назначенцев. Правда, части дислоцированного в Венгрии Особого корпуса на всякий случай были приведены в состояние повышенной боевой готовности.

564

Заседание Президиума ЦК КПСС состоялось поздно вечером 23 октября 1956 г.: эта дата вошла в историю, как начало венгерской революции.

В тот день на студенческий марш протеста в Будапеште вышло около 200 тыс. человек. Они выдвинули перечень из 16 требований: вывод советских войск, немедленное проведение съезда ВПТ, назначение коммуниста-оппозиционера Имре Надя премьер-министром, отмена обязательного обучения русского языка и т. п.

1-й секретарь ЦК ВПТ Гере отказался выходить к собравшимся. В 20 часов он выступил по радио с резким заявлением, заклеив митингующих позором. В ответ демонстранты попытались ворваться в Дом радио, но путь им преградила охрана из сотрудников венгерской госбезопасности (АВХ). Началась стрельба, появились первые убитые и раненые. Мирная демонстрация превращается в бунтующую толпу.

Повстанцам удается захватить казармы с оружием, к ним присоединяется часть солдат и офицеров. В их числе и полковник Пал Малетер, ставший вскоре одним из военных руководителей революции.

Власти откровенно теряют контроль за ситуацией. Части венгерской армии, выдвинутые на защиту жизненно-важных объектов Будапешта, не имеют приказа открывать огонь. Начальник городской полиции запрещает своим подчиненным оказывать бунтовщикам сопротивление.

В течение ночи «мирные студенты» сумели захватить ряд воинских частей и полицейских участков, пополнив запасы оружия. Они заняли редакцию и типографию центральной партийной газеты, вокзал, патронный завод, блокировали здания ЦК и МВД. К восставшим присоединились многие солдаты и офицеры.

К утру, под давлением «майдана», генсек Герё соглашается назначить Имрё Надя новым главой правительства и ввести его сторонников в Политбюро ВПТ...

Именно в таких чрезвычайных условиях Президиум ЦК КПСС направляет в Будапешт для оценки ситуации и руководства на месте Серова, а также секретарей ЦК Анастаса Микояна и Михаила Сулова.

Одновременно Президиум ЦК по просьбе Э. Герё санкционировал применение военной силы (операция «Волна»). В 23 часа части дислоцированного в Венгрии Особого корпуса Советской Армии при поддержке верных правительству частей выдвинулись в Будапешт для подавления восстания.

В операции «Волна» было задействовано 6 тысяч солдат и офицеров, 290 танков, 120 БТР, 156 артиллерийских орудий.

565

Вместе с Серовым в Прагу вылетела группа генералов — руководители основных главков и управлений КГБ: А. Коротков, О. Грибанов, П. Зырянов, А. Гуськов, И. Каллистов, М. Сладкевич, И. Бетин.

566

Представительство КГБ в ВНР возглавлял в тот момент полковник Георгий Ищенко.

567

Вероятно, это было первое знакомство двух председателей КГБ: действующего и будущего. Именно активная роль посла СССР в ВНР Юрия Андропова в ходе описываемых событий позволила ему заметно выдвинуться и обратить на себя внимание. Уже в марте 1957 г. он вернется с серьезным повышением в Москву, став зав. отделом соцстран ЦК КПСС, а спустя 10 лет возглавит лубянский ведомство. Получается, что в какой-то степени Серов был причастен к взлету своего будущего преемника...

568

Район возле кинотеатра «Корвин» стал одним из центров сопротивления восставших, в самом кинотеатре расположился их штаб. Здесь шло формирование Национальной гвардии и раздача оружия.

569

Впоследствии в СССР будет утверждаться, что Имрё Надь являлся чуть ли не агентом ЦРУ и сам затеял все беспорядки. Эта версия, однако, не имеет никаких подтверждений. А вот то, что Надь мог сознательно раскачивать лодку, рассчитывая прийти к власти, вполне вероятно. Другое дело, что ни он, ни другие политики не предполагали, какого джина выпускают они из бутылки.

Что же касается начальника будапештской полиции полковника Шандора Копачи, то он, действительно, открыто перешел на сторону мятежников уже в первую ночь восстания и отдал им склады с оружием. Впоследствии войдет в состав Военно-революционного комитета.

570

В первой же телеграмме, отправленной 24 октября ЦК КПСС из Будапешта Суловым и Микояном, так описывалось увиденное: «...прибыли в сопровождении танков ввиду того, что в Будапеште шла в это время перестрелка и имели место жертвы с обеих сторон... На улицах наряду с советскими войсками имеются и венгерские патрули. Если в Буде было спокойно, то в Пеште, начиная с моста до здания министерства обороны, а затем и до здания ЦК все время происходила перестрелка между отдельными группами провокаторов и одиночками и нашими автоматчиками и пулеметчиками... Фактически на 5 часов по московскому времени обстановка в городе следующая:

Все очаги повстанцев подавлены, идет ликвидация самого главного очага, на радиостанции, где сосредоточилось около 4 тысяч человек... Проведены аресты зачинщиков и организаторов беспорядков в количестве 450 человек...». (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 371–374.).

571

Правильно: Лошонци Геза, радикально-настроенный журналист и публицист, ближайший соратник И. Надя, один из идеологов венгерских событий, также жертва репрессий М. Ракоши. Накануне, в ночь после событий 24 октября, был избран кандидатом в члены Политбюро ВПТ. В революционном правительстве получит портфель министра печати и пропаганды. Скончается в тюрьме, не дождавшись суда.

Речь идет о Ференце Яноши, экономисте, игравшем заметную роль в окружении своего тестя И. Надя. В дни революции возглавит Отечественный народный фронт.

В записке Серова об оперативной обстановке в Будапеште за 26 октября относительно «Корвина» сообщалось: «По данным агентуры МВД, в районе театра „Корвин“, где сейчас сопротивляются повстанцы, расположен руководящий центр восстания, в состав которого входят следующие лица: общее руководство возглавляет бывший полковник хортистской армии Берлаки, его заместителем по оружию является Порчалми, который раздает оружие повстанцам, заместителем по организации групп сопротивления является Баняс, в прошлом активный националист». (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 414–415.).

Тем же днем Суслов и Микоян телеграфировали в Москву: «Сегодня, 25 октября, после успокоения положения к утру, в середине дня вновь положение в Будапеште осложнилось.

На парламентской площади собралась огромная толпа, которая на требования советских военных отказывалась расходиться. К тому же по нашим войскам было сделано несколько выстрелов с крыш прилегающих домов и был зажигательной бутылкой зажжен наш танк. В результате всего этого был открыт огонь и, как сообщают, было убито 60 человек венгров, не считая раненых.

Кроме того, у здания самого ЦК ВПТ на глазах у т. Серова разгорелась перестрелка между нашими танкистами и венгерской ротой, прибывшей для усиления охраны здания ЦК... В перестрелке убито 10 человек из венгерской роты и 1 тяжело ранен». (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 385.).

И. Надь выступил с декларацией о выводе советских войск из Будапешта, переговорах об их дальнейшем выводе из страны, ликвидации органов госбезопасности, замене национального герба. Эти заявления не были согласованы с венгерским Политбюро, что вызвало в нем новый раскол.

По иронии судьбы, сам И. Надь с 1933 г. являлся агентом ОГПУ-НКВД под псевдонимом «Володя» и использовался для разработки венгров-коминтерновцев, бежавших в СССР. Как докладывал в Политбюро летом 1989 г. тогдашний председатель КГБ СССР В. Крючков, агент «Володя» оговорил и подвел под расстрел более 150 своих соотечественников. (Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД РФ, 2009. С. 3–4.).

577

Формально органы венгерской госбезопасности АВХ были распущены указом И. Надя 29 октября 1956 г.

578

На заседании Президиума ЦК КПСС 30 октября 1956 г. Хрущев четко обозначил развилку: «Два пути. Военный — путь оккупации. Мирный — вывод войск, переговоры». (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы, М, РОССПЭН, 1998, С. 462).

Хрущев до последнего не хотел крови, продолжая, очевидно, доверять Имрё Надю, и надеясь «отделаться» малыми уступками. На том же заседании Президиума было решено вывести воинские части из Будапешта и начать переговоры о дальнейшем пребывании Особого корпуса в Венгрии. 31 октября соответствующая Декларация Правительства СССР была опубликована в печати. Однако, как и предупреждал Серов, огонь от этою лишь разгорелся сильнее.

«Политическая обстановка в стране и в Будапеште не улучшается, а ухудшается, — докладывали Микоян и Суслов 30 октября телефонограммой в ЦК. Хулиганствующие элементы обнаглели, захватывают районные партийные комитеты, убивают коммунистов... Теперь они почти не стреляют, а захватывают учреждения». (Там же. С. 467).

579

Было сформировано коалиционное, т. н. «Национальное правительство», в состав которого наряду с коммунистами вошли представители ранее упраздненных политических партий, а также большинство сторонников И. Надя.

580

Боевики революционных отрядов, из которых вскоре начнут формировать Национальную гвардию, вели поиск сотрудников АВХ — местною аналога КГБ, ненавидимого большинством населения, нередко расстреливая на месте. Спасаясь от расправ, они с семьями прятались в

расположении советских частей.

581

1 ноября Национальное правительство И. Надя приняло решение выйти из состава Варшавского договора и обратиться в ООН за защитой своего нейтралитета. Вечером об этом было объявлено приглашенному на заседание правительства послу СССР Ю. Андропову.

582

Вывод советского гарнизона из Будапешта не принес никаких результатов, кроме обратных. Новая власть откровенно дрейфовала в сторону от СССР.

Серьезно усложнилась и внешняя обстановка. На границы с Венгрией были выдвинуты части австрийской армии. Встала реальная угроза ввода войск НАТО. На территории Германии и Австрии активно формировались отряды из венгерских политэмигрантов и беглых хортистов. Тысячи добровольцев со всей Западной Европы двинулись на помощь защитникам свободы. Конгресс США на полном серьезе обсуждал обращение к президенту об организации канала доставки восставшим оружия и медикаментов.

В свою очередь, брожения в Венгрии стали уже опасно сказываться и на настроениях внутри самого СССР, подавая дурной пример. Как писал в ЦК КПСС Серов, в Прибалтике и западных областях Украины «оживилась активность контрреволюционных националистических элементов, особенно за счет лиц, возвратившихся их мест заключения». (АП РФ. Ф. 3, Оп. 58. Д. 210, Л. 40).

Не стоит забывать и то, что события в Венгрии совпали с брожениями в Польше, где на бесконечных митингах сотни тысяч поляков требовали перемен, а советские войска чуть не двинулись на приступ Варшавы; кстати, отказ Москвы от применения силы здорово раззадорил их венгерских единомышленников.

Все эти факторы, подкрепленные докладами вернувшихся с места событий Микояна, Сулова и Серова, вынудили Хрущева сменить умиротворенную точку зрения.

Нужно учесть и еще одно важнейшее обстоятельство: окончательный вывод Венгрии из зоны советского влияния означал бы старт пересмотра раздела Европы по итогам Второй мировой войны, в ходе которой венгерские части, между прочим, отличались особенной жестокостью по отношению к советским гражданам. Допустить этого, особенно в свете раздела Берлина, Хрущев никак не мог.

583

Члены «Национального правительства» Янош Кадар и Ференц Мюнних тайно покинули Будапешт вечером 1 ноября после роспуска Венгерской партии трудящихся и создания на ее

базе Венгерской социалистической рабочей партии. Ночь они провели в штабе советских войск в Тёкеле, откуда утром 2 ноября вылетели в Москву.

584

Заседание Президиума ЦК вечером 2 ноября являлось продолжением заседания, проведенного накануне, где вернувшиеся из Венгрии Микоян, Суслов и Серов докладывали об увиденном. Серов был первым, кто выступил предельно жестко: «Надо решительные меры принимать. Оккупировать надо страну». (При том что Микоян перед этим призывал «выждать дней 10–15»). Его поддержали маршалы Жуков и Конев. («Изъять всю дрянь. Обезоружить контрреволюцию»).

Итогом Президиума стало постановление: «Поручить тт. Жукову, Суслову, Коневу, Серову и Брежневу разработать необходимые мероприятия в связи с событиями в Венгрии и свои предложения доложить ЦК КПСС». (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 494–498).

Предложенный ими план военно-стратегической операции и был утвержден на заседании Президиума ЦК 2 ноября. Следует также отметить, что силовой вариант предварительно обсуждался Москвой со своими основными странами-союзниками и по соцлагерю, включая югославского лидера Тито, и получил их общую поддержку.

585

Хрущев и старый венгерский коммунист, посол ВНР в Югославии Ференц Мюнних — в момент описываемых событий как раз близилось его 70-летие — были действительно знакомы давно. Как вспоминал его сын Сергей Хрущев: «К Мюнниху отец относился хорошо, знал его еще с 1930-х годов, они оба работали в Москве, где Мюнних подвизался в Венгерской секции Коминтерна, однажды даже оказались вместе на военных сборах». (Хрущев С. Никита Хрущев. Реформатор, М.: Время, 2010. С. 130).

Думаю, этим и объяснялась его попытка выдвижения Мюнниха, от которой тот сам отказался: наверное, он не был готов брать на себя полноту ответственности, да и возраст... А вот предложенный им вместо себя Янош Кадар ответственности как раз не боялся, был не в пример активнее и моложе (46 лет). Эта фигура гораздо более сложна, чем ее привыкли у нас представлять.

Активный участник сопротивления, один из создателей Венгерского антифашистского фронта, был схвачен, бежал. После войны вошел в руководство Венгрии, был министром внутренних дел, заместителем генсека ВПТ. Когда Ракоши почувствовал в Кадаре соперника, в 1951 г. он арестовал его и бросил в лагерь по надуманному обвинению.

Выйдя в 1954 г. на свободу в ходе венгерской «оттепели», Кадар вернулся в партию. Он становится одним из самых популярных политиков в стране. После событий 23 октября активно поддерживает И. Надя, входит в состав его правительства и обновленного Политбюро и даже публично заявляет, что «ляжет под первый русский танк, нарушивший границы Венгрии».

Однако дальнейший ход событий заставляет Кадара изменить прежнюю позицию: он видит,

что Надь не в силах удержать ситуацию, впереди — угроза гражданской войны. В этих условиях Кадар предпочитает выбрать из двух зол меньшее. 2 ноября он бежит в СССР, где формирует Временное Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство. Ференц Мюнних становится в нем министром внутренних дел.

586

Повторно Серов прилетел в Венгрию 3 ноября 1956 г. Его сопровождали генералы С. Бельченко, А. Коротков, А. Крохин, а также группа офицеров 13-го отдела ПГУ КГБ (организация диверсий), в том числе легендарный чекист-партизан Герой Советского Союза Михаил Прудников.

587

ОД: оперативный дежурный.

588

В г. Сольноке находился штаб советской Южной труппы войск.

589

Серов несколько ошибается: бывший крупный венгерский землевладелец, князь Пауль Эстерхази, действительно, прибыл в Будапешт 2 ноября 1956 г., но не из Австрии, а из венгерской тюрьмы, где сидел с 1949 г. по обвинению в госизмене и шпионаже и был освобожден революционерами.

590

Описка: генерала Короткова звали Александром Михайловичем.

591

В числе задержанных были зам. председателя Совета министров Ференц Эрдеи, министр обороны Пал Малетер, начальник Генштаба Иштван Ковач, начальник оперативную

управления ГШ Миклош Сяч. Описываемые переговоры проходили вечером 3 ноября 1956 г. на советской военной базе в г. Текеле под Будапештом. После задержания венгры были отправлены на местную гауптвахту, где содержались под усиленной охраной. Затем все они были осуждены.

Подобную вероломную тактику захвата противника — под предлогом вызова на переговоры — Серов успешно использовал и ранее: например, при задержании лидеров польского эмигрантского правительства или командования Армии Крайовой во время войны.

592

Здесь и далее Серов, видимо, ошибается в именах. С 3 ноября 1956 г. министром обороны в правительстве И. Надя являлся экс-командующий инженерными вспомогательными батальонами венгерской армии Пал Малетер, перешедший на сторону восставших в первую же ночь революции.

Вероятно, речь идет именно о нем, поскольку упоминаемый Миклош Сяч в момент захвата возглавлял оперативное управление Генштаба.

593

Одной из ключевых задач для Серова являлось задержание И. Надя и его правительства: пока они оставались на свободе, подавить сопротивление было нелегко. Именно этим и объясняются беспрецедентные усилия, брошенные на блокирование президентского дворца.

Интересен и подбор генералов, которым предстояло входить в Будапешт вместе с войсками. Формально никакого отношения к операции «Вихрь» они иметь были не должны. Так, генерал-майор П. Зырянов был зам. начальника 3-го Главка КГБ (военная контрразведка), генерал-майор Г. Добрынин — начальником 7-го управления КГБ (наружное наблюдение), а генерал-лейтенант М. Сладкевич и вовсе руководил кафедрой в Военном институте им. Дзержинского. Однако за спиной у каждого из них имелся бесценный диверсионно-боевой опыт, и это оказалось важнее любых формальностей. Очевидно, что Серов подбирал генералов индивидуально, поскольку хорошо знал их по совместной службе.

594

Операция под кодовым названием «Вихрь» началась 4 ноября 1956 г в 6 часов утра по московскому времени. В ней было задействовано 17 танковых, механизированных, стрелковых, авиационных и воздушно-десантных дивизий, более 60 тыс. солдат и офицеров.

595

В общей сложности в ходе военной операции погибло 2652 венгра, 19 226 были ранены. Правда, в это число входят и жертвы революционного самосуда.

596

Уже утром 4 ноября, не дожидаясь входа советских войск в Будапешт, И. Надь и ряд его сторонников с семьями (всего 53 чел.) укрылись в югославском посольстве, предоставившем им убежище. Посланная для их перехвата оперативная группа КГБ во главе с зам. начальника 3-го управления генералом П. Зыряновым, опоздала.

597

После 1 ноября 1956 г. в большинстве городов Венгрии власть перешла в руки революционных комитетов и частей Национальной гвардии.

598

Глава венгерской католической церкви кардинал Йожеф Миндсенти был активнейшим противником коммунистов. В 1948 г. по сфальсифицированным обвинениям в шпионаже его приговорили к пожизненному заключению.

Освобожден и реабилитирован правительством И. Надя 30 октября 1956 г., триумфально вернулся в Будапешт, где активно включился в общественно-политическую жизнь. 3 ноября обратился с речью по радио, где призвал народ к прекращению кровопролития и поддержал нейтралитет Венгрии. 4 ноября, опасаясь новых репрессий, укрылся в американском посольстве в Будапеште.

599

Я. Кадар с четырьмя членами Временного революционного рабоче-крестьянского правительства (ВРП) был переброшен из Москвы в г. Сольнок, где находилась ставка главкома организации Варшавского договора маршала Конева, 4 ноября 1956 г. Оттуда новый венгерский лидер и зачитал по радио первое обращение ВРП к своему народу.

600

Бывший начальник управления полиции Будапешта, а затем член Военно-революционного комитета Венгрии Ш. Копачи будет впоследствии приговорен к смертной казни, но

амнистирован.

601

Судя по всему, речь идет о ежедневных докладах («суточные донесения»), которые Серов направлял в ЦК весь период своего пребывания в Венгрии.

602

В тот же день, 7 ноября 1956 г., правительство Я. Кадара принесло присягу на верность народу и объявило себя легитимным.

603

Всего после судебных разбирательств из Венгрии было выдворено порядка 20 тыс. человек. Ещё 200 тыс. уехали добровольно. (Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века. Под ред. Золотарева В. А. М.: Кучково поле; Полиграф-ресурсы, 2000. С. 147).

604

Серов практически не упоминает в своих записях о текущей оперативной работе, проводимой под его руководством в Венгрии. Так, по состоянию на 23 ноября 1956 г было арестовано 1473 человека, 5820 задержаны и подвергались проверкам. Изъято 1250 пулеметов, 181 766 стволов оружия, 64 063 гранаты. (Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. М.: Объединенная редакция МВД РФ, 2009. С. 210).

605

Операция по выводу И. Надя и его окружения (53 чел.) из югославского посольства проходила 22 ноября 1956 г. по согласованию с югославской и румынской сторонами. Ее инициатором выступил именно Серов, убедивший 17 ноября в телефонном разговоре с Маленковым, Суловым и Аристовым в необходимости такого решения. 23 ноября И. Надя и его соратники были принудительно вывезены в Румынию. Через полтора года возвращены в Венгрию, где преданы суду.

Упоминающийся в записках полковник Михаил Прудников в годы войны командовал диверсионно-партизанским соединением «Неуловимые», за что в 1943 г. был удостоен

звания Героя Советского Союза. Затем долгие годы служил в диверсионном отделе внешней разведки.

606

Уже 8 ноября 1956 г новым министром общественной безопасности ВНР Ф. Мюннихом был подписан приказ об образовании во всех органах полиции политических отделов, которым, по сути, была придана роль прежних структур госбезопасности. На этом настаивал И. Серов, отмечавший, что сотрудники венгерской госбезопасности выполняют «положительную работу в деле изъятия контрреволюционных мятежников» и должны заниматься ей до тех пор, пока лица, «представляющие опасность для нынешнего правительства», не будут изолированы. (Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР М.: Объединенная редакция МВД РФ, 2009. С. 56).

607

Указ ПВС СССР от 18 декабря 1956 г.

608

Именно А. Микоян от имени Президиума ЦК КПСС участвовал в Пленуме ЦК ВПТ 18 июля 1956 г., на котором снимали М. Ракоши и избирали вместо него Э. Герё. Вплоть до начала ноября 1956 г. Микоян продолжал настаивать на возможности мирного разрешения ситуации, доверяя И. Надю.

609

И. Надь был повешен 16 июня 1958 г. по обвинению в государственной измене, т. е. спустя почти 1,5 года после восстания. Суд над ним несколько раз откладывался (настаивала Москва), но в итоге Янош Кадар сумел-таки убедить Хрущева в необходимости казни. Современные историки солидарны с оценкой Серова: новому венгерскому лидеру было необходимо избавиться от Надя. В результате Я. Кадар будет править республикой рекордный срок — 32 года.

610

Владимир Вертипорох возглавлял 13-й диверсионный отдел ПГУ КГБ, Александр Коротков был зам. начальника внешней разведки и его куратором. В американском посольстве

кардиналу Й. Миндсенти придется провести 15 лет. Только в 1971 г., после долгих переговоров с папой римским, ему наконец разрешат покинуть Венгрию и переехать в Австрию.

Кстати, судя по составу оперативной группы, сопровождавшей Серова в Венгрии, приоритетным направлением КГБ в тот момент явилась как организация диверсий, так и работа с нелегалами. Помимо упомянутых генерал-майора А. Короткова и полковника В. Вертипороха в Будапешт вылетал и начальник управления «С» ПГУ КГБ (нелегальная разведка) генерал-майор Алексей Крохин.

611

Серов находился в Финляндии для подготовки официального визита Хрущева и Булганина 1–3 июня 1957 г.

612

К 1957 г. отношения между СССР и Финляндией, еще недавно воевавших друг с другом, стали особенно тесными. На официальном уровне был признан взаимный нейтралитет. Началось активное экономическое сотрудничество. В ходе визита Хрущева и Булганина в Финляндию 6-13 июня 1957 г. стороны договорились о совместном строительстве сталеплавильного завода в г. Раахе и горнодобывающего центра в г. Костомукша. Кроме того, СССР предоставил Финляндии заем на 0,5 млрд руб. под низкие проценты. Можно сказать, что из всех европейских соседей эта страна была наиболее лояльна к Москве, за что ей, собственно, и платили.

613

Серов ошибается: У. Кекконен поступил на военную службу лишь в 1917 г., когда Финляндия уже вышла из состава России, и в Сибири не бывал.

614

Этот поход с финским президентом в баню вскоре будет поставлен Хрущеву в вину. Уже 2 недели спустя, выступая с обвинительной речью на июньском Пленуме ЦК КПСС, Молотов приведет пример с сауной в череде других несуразностей и выходов Хрущева, позорящих-де страну; зато Булганина — напротив, похвалил за то, что тот отказался раздеваться перед капиталистом. Выступивший в ответ Серов заверил делегатов, что никакой дискредитации не произошло: то был «традиционный финский обряд», и даже члены правительства проводят заседания в сауне — «сидят голые в бане и обсуждают вопросы». (Исторический архив. 1993. № 4. С. 7–8).

615

Отголосок той ссоры с Булганиным недвусмысленно читается в записке Серова Хрущеву, направленной 22 июня 1957 г., где он подробно отчитывается о переписке КГБ «с инстанциями» с момента создания ведомства в марте 1954-го до 20 июня 1957-го. За 3 года Хрущеву было направлено 2508 телеграмм из резидентур ПГУ КГБ в капиталистических странах, в Совмин (Маленкову, затем Булганину) — 2316. По другим вопросам оперативной работы в ЦК КПСС ушло 4504 документа, в Совмин — 1750. (Лубянка: ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991. Справочник. М.: Демократия, 2003. С. 687–688).

616

Нет сомнений, что вспышка гнева Николая Булганина была обращена в первую очередь не к Серову, а к Хрущеву. К этому моменту накал страстей в отношениях «стариков» достиг апогея. Больше всего от Хрущева доставалось как раз Булганину, сменившему в 1955 г. Маленкова на посту премьер-министра. Этому особенно способствовала череда иностранных визитов, где формально первым лицом выступал Булганин: Серов воспроизводит эту хрущевскую ревность очень детально и ярко.

Именно маршал Булганин окажется одним из главных катализаторов «антипартийного заговора», который случится сразу после описываемых событий. (Из Финляндии они вернулись 13 июня, а заседание Президиума ЦК, где Хрущева попытались сместить, прошло 18 июня). Последней каплей стал инцидент на свадьбе у сына Булганина. Когда счастливый отец произносил тост, Хрущев начал его перебивать, подтрунивая, потешаясь. В ответ Булганин взорвался, они наговорили друг другу кучу гадостей. (Представляю себе оторопь гостей и особенно — молодоженов!).

617

18 июня 1957 г. на заседании Президиума ЦК Хрущеву было предъявлено обвинение в узурпировании власти, волюнтаризме, системных ошибках. Большинство голосов он был снят с должности 1-го секретаря ЦК КПСС, но сумел убедить «коллег» продолжить обсуждение вопроса. Полученная передышка помогла Хрущеву собраться с силами и нанести ответный удар. Эти события вошли в историю как «заговор антипартийной группы» Молотова-Маленкова-Кагановича-Шепилова.

618

Комендатура Кремля входила в структуру КГБ на правах самостоятельного управления. Также Серову подчинялись и сотрудники личной охраны («прикрепленные») членов

Президиума — офицеры знаменитой «девятки», 9-го управления КГБ при СМ СССР.

619

В июне 1957 г. на внеочередном пленуме ЦК КПСС «антипартийщик» Сабуров, каясь с трибуны, рассказывал, что Серова они планировали заменить на самого Булганина или бывшего секретаря ЦК Белоруссии Патоличева.

620

Именно сбор внеочередного Пленума ЦК, где сторонников Хрущева в регионах являлось большинство, стал для него спасением. Те, кто занимались организацией и подготовкой Пленума: Брежнев, Кириченко, Игнатов, Фурцева, — будут вознаграждены: Хрущев приблизит их, введет в Президиум ЦК, кое-кто даже возомнит себя преемником...

621

В действительности Л. Брежнев перенес ряд микроинфарктов, вызванных работой на износ: так было и в Молдавии, и в Казахстане.

622

На Ленинских горах размещались служебные особняки и дома для членов Президиума ЦК. Они также находились в ведении 9-го управления КГБ при СМ СССР.

623

Центральный комитет партии состоял в то время из 130 членов и 117 кандидатов в члены. В основном это были секретари обкомов и горкомов КПСС. Судя по словам Хрущёва на пленуме, требовать созыва пленума для обсуждения внутривнутрипартийных вопросов в президиум явилось 20 членов ЦК. (Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1998, С. 32). Серов, однако, пишет далее, что их было «человек под 40».

624

Внеочередной Пленум ЦК КПСС 22–29 июня 1957 г. вывел из состава всех руководящих партийных органов Г. Маленкова, В. Молотова, Л. Кагановича, Д. Шепилова, М. Сабурова. «Покаявшихся» Н. Булганина и К. Ворошилова было решено пока оставить. (Хотя маршальского звания Булганина вскоре лишат). Состав Президиума был кардинально обновлен, стариков сменили молодые выдвиженцы Хрущева, особо проявившие себя в дни «путча», — Л. Брежнев, Н. Игнатов, А. Кириченко, Ф. Козлов, Б. Фурцева. Стал членом Президиума и министр обороны Г. Жуков.

625

Справедливости ради следует сказать, что Брежнев, действительно, перенес в те дни микроинфаркт и пришел на Пленум ЦК прямо с больничной койки.

626

Вместо Н. Булганина новым председателем правительства стал сам Хрущев: видимо, он больше решил ни с кем не делиться властью и почестями.

627

Е. Н. Хрущева (1937–1972).

628

Визит делегации СССР во главе с Хрущевым в Чехословакию проходил 9-16 июня 1957 г.

629

Въезд в западный сектор Берлина проходил через пункты погранпропуска на территории ГДР. Сам Западный Берлин обладал статусом особого политического образования, где верховную власть осуществляла межсоюзническая комендатура.

630

Молодая хрущевская «поросль» активно боролась за власть, объединившись в несколько групп влияния. Одна формировалась вокруг Николая Игнатова, другая — вокруг Алексея Кириченко, каждый из которых претендовал на роль второго лица в партии.

631

Зять Хрущева журналист Алексей Аджубей, действительно, обладал огромным влиянием. О нем говорили; не имей сто рублей, а женись, как Аджубей. Он последовательно стал главным редактором крупнейших галет страны («Комсомольская правда», «Известия»), членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, лауреатом Ленинской премии (за серию очерков о поездке тестя в Америку). Накануне отставки Хрущев всерьез обсуждал введение Аджубея в состав Президиума ЦК.

632

Очевидец этой сцены А. Аджубей несколько иначе описывал причину гнева Хрущева: «Застолье подходило к концу, все устали от многочисленных тостов. С каких бы „поворотов“ ни начинались заздравные речи, все они заканчивались славословием в адрес самого Никиты Сергеевича, будто не Кириченко, а он был виновником торжества. Южное вино, хорошее настроение — ведь позади осталась нешуточная борьба — прибавляли компании веселья. Секретарь ЦК Аристов достал уже свою гармошку, начались нестройные песни, ноги сами просились в пляс. И тут слово взял Г. К. Жуков. После набора обязательных „поклонов“ в сторону именинника, его чад и домочадцев неожиданно провозгласил здравицу в честь председателя КГБ генерала Серова, сказав при этом: „Не забывай, Иван Александрович, что КГБ — глаза и уши армии!“

Хрущев отреагировал мгновенно. Он встал и подчеркнуто громко проговорил: „Запомните, товарищ Серов, КГБ — это глаза и уши партии“. Не знаю, возможно, эта политическая „пикировка“ не очень была замечена гостями Кириченко, я запомнил ее хорошо». (Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. Публикация в Интернете: <http://www.libros.am/book/read/id/180897/slug/te-desyat-let>).

633

О предыдущей отставке Жукова в 1946 г. подробнее см. главу 12, примечание 21.

634

Отправка Жукова с визитами в Югославию и Албанию в октябре 1957 г. — была тактическим ходом Хрущева, решившим избавиться от слишком популярного и самостоятельного маршала. Очевидцы и историки сходятся во мнении, что Хрущев был напуган его

решительностью во время «антипартийного заговора»; ему навсегда запомнились слова: «Ни один танк не сдвинется с места без моего приказа». В отсутствие министра обороны было назначено заседание Президиума ЦК КПСС, где Хрущев наметил его отставку.

635

На заседании Президиума ЦК КПСС 19 октября 1957 г. Жуков заочно был обвинен в бонапартизме, самовосхвалении, попытках принизить роль политорганов в партии. Особенно возмутил Хрущева факт создания диверсионных бригад ГРУ без согласования с Кремлем: он увидел в том реальную угрозу.

636

Формальным поводом для претензий к министру обороны стало сокращение политотделов в строительных частях без согласования с ГлавПУРОм. На этом и делал акцент в своем выступлении начальник ГлавПУРа А. Желтов.

637

В другом, более позднем варианте мемуаров Серов указывает, что, увидев твердую реакцию генералитета, Хрущев «пошел на хитрость», предложив компромисс: «Я думаю, мы правильно сделаем, если Министром обороны подберем другого маршала, а Жукова сделаем заместителем председателя Совета министров по военным вопросам». В дальнейшем, однако, к этой конфигурации он больше не возвращался и на Пленуме ЦК вопрос так не ставил.

638

Разгромная антижуковская статья маршала Ивана Конева была опубликована в «Правде». В более позднем варианте записок Серов воспроизводит объяснения Конева, пересказанные ему самим Жуковым в 1967 г.: «Георгий Константинович, меня вызвал в ЦК Брежнев, Кириченко и говорят: „Прочитайте эту статью“, под которой стояла моя фамилия. Я прочел и говорю, что со многими выводами я не согласен, а они говорят, ЦК со всеми выводами согласен, поэтому надо подписать, „Ну, что мне оставалось делать, я подписал“».

639

На Пленуме ЦК от Жукова отмежевались многие его соратники: маршалы Конев,

Соколовский, Малиновский, Еременко, Бирюзов, генерал Батов. В постановлении Пленума, опубликованном 3 ноября 1957 г. в «Правде», Жуков обвинялся в том, что «...нарушал ленинские партийные принципы руководства Вооруженными Силами, проводил линию на свертывание работы партийных организаций, политорганов и Военных советов... потерял партийную скромность...».

640

Серов вместе с Хрущевым находился в Беловежской пуще 11–13 января 1958 г.

641

18 декабря 1957 г. в Москве было подписано соглашение о советской экономической и технической помощи для развития народного хозяйства Венгерской Народной Республики.

642

Звание Героя Социалистического Труда было присвоено Хрущеву Указом ПВС СССР от 8 апреля 1957 г. «за заслуги в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель». Это была уже вторая его звезда: первую он получил в 1954 г. в честь 60-летия. К моменту отставки Хрущев будет трижды Героем Социалистического Труда, Героем Советского Союза, Героем Болгарии, лауреатом Ленинской и Шевченковской премий.

643

Командировка Серова в ГДР проходила 22–24 октября 1958 г. Накануне поездки он направил в Президиум ЦК КПСС доклад об обстановке в Восточной Германии и предлагаемых мерах. На заседании 21 октября записку одобрили. Это была его последняя зарубежная поездка в качестве председателя КГБ.

644

Алексей Кириченко возглавил ЦК Украины в мае 1953-го по инициативе Берии, продвигавшего тогда местные национальные кадры. Он чудом пережил опалу своего «крестного отца» (спасло то, что нигде прежде с Берией не пересекался) и, понимая свою ахиллесову пяту, старался во всем угодить новому Хозяину. Звездный час Кириченко настал в июне 1957-го, когда он — один из 4-х членов Президиума ЦК — не проголосовал за отставку

Хрущева. Благодарный Хрущев забрал его в Москву, сделал де-факто вторым секретарем ЦК. По свидетельствам очевидцев, отличался грубостью, самодурством, заносчивостью. Активно участвовал в дворцовых интригах, формируя собственную команду. В конечном счете это его и сгубило. Уже в 1960 г. Хрущев разочаровался в своем любимце и сослал Кириченко секретарем в Ростов, а вскоре и вовсе отправил на пенсию.

645

Для понимания ситуации необходимо пояснить, что между членами Президиума, секретарями ЦК Н. Игнатовым и А. Кириченко существовала острая конкуренция и неприязнь. При этом Кириченко считался куратором силового блока, но Серов относился к нему с явным пренебрежением. В сознании Кириченко несанкционированные контакты председателя КГБ с неуполномоченным на то секретарем ЦК сами по себе являлись крамолой. На мнительность и подозрительность Хрущева и был сделан расчет: вполне, кстати, удачный.

646

Эта встреча Серова с Хрущевым, как следует из архивных данных, проходила 17 ноября 1958 г. в его кремлевском кабинете. («Источник». Альманах. 2003. Вып. 4. С. 58).

647

«Начальника ГРУ нет. Заместитель Шалин болеет и не работает», — в этой формулировке Серов прав по сути, но не по форме. Генерал-полковник Михаил Шалин являлся начальником ГРУ в 1952–1956 гг., затем при Жукове был понижен до 1-го зама. После отставки жуковского ставленника генерала Штеменко, уличенного в двурушничестве (он предупредил маршала о его готовящемся смещении с поста министра обороны), 28 октября 1957 г. обязанности начальника вновь возложили на Шалина. Ушел из ГРУ сразу после назначения туда Серова.

648

В ноябре 1958 г. на Президиуме ЦК КПСС вопрос «о т. Серове» с подачи Хрущева рассматривался дважды. Протоколы в этой части не велись, но из черновых записей заседаний видно, что 20 ноября уже обсуждались кандидатуры его возможных сменщиков. Звучали имена первых зампредов КГБ Лунева, Ивашутина, сам Серов «говорил, что лучше бы парторботника — м. б. Шелепина». (Так оно и случится).

Однако на заседании 24 ноября настрой Хрущева изменился; он явно передумал убирать Серова. «Преданно ведет себя», — изрекает 1-й секретарь ЦК, и ушлые царедворцы тотчас подхватывают, наперебой расхваливая председателя КГБ: каждому охота угодить вождю. Точку, как приговор, ставит в дискуссии секретарь ЦК академик Поспелов: «Серова враги

ругают». То есть — если против Серова, значит, враг; ну, или, как минимум, пособник... (Президиум ЦК КПСС. Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления. М.: РОССПЭН, 2003. Т. I. С. 339–340).

649

Серов вновь несколько ошибается в датах: заседание Президиума ЦК КПСС, проголосовавшее за его переход в военную разведку «в целях укрепления руководства ГРУ ГШ», состоялось 3 декабря 1958 г. При этом за Серовым сохранялось прежнее материальное содержание.

Импульсивный вождь в очередной раз изменил мнение: очевидно, свою роль сыграло негативное влияние на него Кириченко и Брежнева. Серьезным ударом стало для Серова и возвышение его старого недруга, бывшего зам. начальника военной контрразведки Николая Миронова, сосланного им некогда в Ленинград. 30 мая 1959 г. он был назначен зав. Отделом административных органов ЦК КПСС — надсмотрщиком за бывшим и не очень любимым начальником...

Из черновых протокольных записей следует, что на заседании 3 ноября вновь обсуждалась старая коммунальная свара, описанная выше Серовым, когда Кириченко обвинил его в негласных контактах с секретарем ЦК Игнатовым. («Интриганский шаг», по выражению Хрущева). Игнатов был вынужден верноподданно каяться, просить прощения. Те же, кто еще 10 дней назад расхваливал Серова, сдержанно теперь его журили. (Президиум ЦК КПСС. Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы, постановления. М.: РОССПЭН, 2006. Т. II. С. 1040–1041).

«Именно Кириченко помог убрать Серова», — писал в мемуарах бессменный член Политбюро-Президиума ЦК Анастас Микоян. По его версии, Хрущев был возмущен даже не тем, что Игнатов «часто общается с Серовым, хотя по работе у них точек соприкосновения практически нет», а тем, что на прямой вопрос Кириченко «стал утверждать, что ничего подобного не было, что он с Серовым не общается».

«Кириченко не успокоился и через некоторое время вернулся к этому вопросу уже при Хрущеве. „Как же ты говоришь, что не общаешься с Серовым? — спросил он Игнатова. — Я его сегодня искал, ответили, что он в ЦК, стали искать в Отделе административных органов — не нашли. В конечном итоге оказалось, что он был опять у тебя в кабинете“. — „Нет, он у меня не был!“ Тогда Кириченко называет фамилию человека, который по его поручению искал Серова и нашел его выходящим из кабинета Игнатова. Хрущев так искоса посмотрел на Игнатова, промолчал. Но все стало ясно». (Микоян А. И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 608).

650

Млечин Л. Председатели КГБ. М.: Центрполиграф, 1999. С. 405.

651

В действительности Р. Валленберг с 1944 г. работал 1-м секретарем шведского посольства в Венгрии.

652

Видный советский писатель и общественный деятель Илья Эренбург, действительно, чудом избежал репрессий. 5 февраля 1949 г. шеф МГБ Абакумов в рамках дела Еврейского антифашистского комитета представил Сталину перечень лиц, о чьем аресте он ходатайствовал; первой в «черном списке» стояла фамилия Эренбурга, изобличавшегося как «еврейский буржуазный националист». Однако Сталин санкции на его арест не дал. (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Демократия, 2002. С. 790).

653

Версия о том, что Р. Валленберг являлся негласным каналом связи между американской и немецкой разведками, не лишена оснований. В то же время необходимо указать, что главная заслуга этого человека — спасение большого числа венгерских евреев (по некоторым данным, до 100 тысяч). Исходя из этого, любые контакты с нацистами были вполне оправданы.

654

Вместе с Р. Валленбергом был арестован его водитель, венгр Вильмош Лангфельдер.

655

Только в феврале 1957 г. МИД СССР официально известил шведского посла в Москве, что Р. Валленберг умер от инфаркта в тюремной больнице в Москве 17 июля 1947 г. Прежние заявления, что советским властям неизвестно местонахождение Валленберга, никак при этом не комментировались.

656

Окончательной точки в загадочной судьбе Р. Валленберга не поставлено до сих пор. Документально установлено лишь то, что он был задержан советскими властями 13 января

1945 г. в Будапеште, переправлен в Москву, где содержался во внутренней тюрьме МГБ. По наиболее распространенной версии, Валленберг, действительно, умер в лубянской тюрьме в 1947 г., однако никаких документов на сей счет не сохранилось. Проведенная в 2000 г. проверка Генпрокуратуры РФ не смогла «установить подлинные причины ареста и содержания в тюрьмах Валленберга и Лангфельдера, фактические обстоятельства их смерти, наличие материалов уголовного дела, личных дел арестованных или дел военнопленных».

Версия Серова о ликвидации Валленберга с подачи Молотова, как отработанного материала, совершенно по-новому заставляет взглянуть на эту историческую тайну. Тому, кстати, есть и вполне наглядные подтверждения. Уже в наше время, в ходе поисков российско-шведской рабочей группы, в архиве МИД была обнаружена записка Вышинского (тогда — зам. министра иностранных дел) Молотову от 14 мая 1947 г. следующего содержания: «Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации». На документе осталась резолюция Молотова: «Тов. Абакумову. Прошу доложить мне».

Ответного доклада Абакумова, правда, не сохранилось: его как раз, видимо, успели изъять. Но осталась запись в журнале регистрации документов секретариата МИД, подтверждающая факт поступления такого документа. Бумага МГБ датирована 17 июля 1947 г.: именно в этот день, напомним, Валленберг будто бы и скончался от сердечного приступа.

657

Сотрудник внешней разведки В. Фишер (он же Р. Абель) выехал для нелегальной работы в США в 1948 г.

658

В марте, апреле и мае 1954 г. на ядерном полигоне в атолле Бикини в Тихом океане США провели серию испытаний термоядерного оружия под общим названием «Операция Кастрл».

В качестве термоядерного топлива использовался дейтерид лития. Первое же из испытаний показало, что предложенная конструкция обладает гигантской взрывной силой (мощность взрыва составила 15 мегатонн против 6 расчётных). Вильям Фишер, при аресте назвавшийся Рудольфом Абелем и получивший известность под этим именем, был одним из главных каналов, через который советская научно-техническая разведка получала информацию об американских военных разработках.

659

Речь идёт о Моррисе Коэне, который вместе с супругой Леонтиной был одним из самых ценных советских разведчиков-нелегалов в США. Именно через них были получены чертежи американской ядерной бомбы. В 1950 г. из-за угрозы провала супруги Коэны вынуждены были

бежать в Советский Союз. С 1954 г. работали в Великобритании, были арестованы в 1961 г. и обменены на пойманного в СССР английского шпиона. Впоследствии — Герои Российской Федерации.

660

Роберт Оппенгеймер, выдающийся американский физик-теоретик, в 1943–1945 гг. руководил знаменитым Манхэттенским проектом — созданием в США атомной бомбы. В послевоенное время активно выступал против распространения ядерного оружия, в результате чего потерял доверие американских властей и в 1954 г. был отстранён от секретных разработок. Хотя с юности Оппенгеймер был тесно связан с компартией США и другими левыми организациями, неоднократные попытки советской разведки привлечь его к своей деятельности успехом не увенчались. Павел Судоплатов писал: «Хочу ответить тем, кто продолжает утверждать, якобы с моих слов, что Оппенгеймер и другие ученые были завербованными „агентами советской разведки“. Ничего подобного! Они были нашими „источниками“, связанными с проверенной агентурой, доверенными лицами и оперативными работниками». (Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 128).

661

Р. Абель был задержан агентами ФБР 21 июня 1957 г. по возвращению в нью-йоркский отель «Латам», где он снимал номер.

662

Р. Абель был обменян в феврале 1962 г. на сбитого в СССР пилота разведывательного самолета ЦРУ Фрэнсиса Пауэрса. Кстати, на следствии и суде Абель держался мужественно, виновным себя не признавал и, вообще, отрицал какую-либо принадлежность к СССР и разведке. Из 32 назначенных ему лет тюремного заключения Абель успел отбыть около 5.

663

Элджер Хисс — соратник президента Рузвельта, один из создателей и первый генсек ООН, затем — президент международного фонда Карнеги, Лочлин Карри — помощник президента Рузвельта. Оба они подозревались в сотрудничестве с советской разведкой, но доказать их вину ФБР не смогло. В 1948 г. Э. Хисс даже арестовывался за шпионаж, но был осужден на 5 лет исключительно за лжесвидетельство. Записи Серова подтверждают, однако, что эти люди, действительно, были связаны с советской разведкой еще с 1930-х гг.

Мортон Собелл — член шпионской группы супругов Розенбергов, сотрудник военно-морского министерства США, затем — главный радиоинженер «Дженерал Электрик». Передавал советской разведке материалы по «атомному проекту» и радиотехническим разработкам. В 1951 г. был арестован ФБР по обвинению в шпионаже, освобожден в 1969 г.

А. Горский сменил В. Зарубина на посту резидента ПГУ НКГБ в США в 1944 г. Судя по контексту, «отбить у военных» означает забрать Э. Хисса на связь из ГРУ в НКГБ, тем более что, судя по последним опубликованным архивным данным, изначально тот, действительно, являлся агентом именно военной разведки.

О роли человека по фамилии Элитгер в провале шпионской группы Розенбергов ничего не известно. Согласно существующей версии, цепочка событий, приведшая к аресту Розенбергов, выглядит так: информация, полученная от перебежчика И. Гузенко и двойного агента Элизабет Бентли, выводит ФБР на физика Клауса Фукса, передававшего ядерные секреты советской разведке (он был арестован в Великобритании тамошней спецслужбой), и связного Гарри Голда, который, в свою очередь, сдал брата Этель Розенберг Дэвида Грингласса и самих Розенбергов. Немалую роль в разоблачении шпионской сети в США сыграла программа дешифровки «Венона», позволившая американской контрразведке читать секретные сообщения советских агентов.

Бегство шифровальщика резидентуры ГРУ в Канаде И. Гузенко в сентябре 1945 г. нанесло огромный урон советской разведке. Как свидетельствовал один из ее тогдашних руководителей П. Судоплатов, «Гузенко сообщил американским и канадским контрразведывательным службам данные, позволившие им выйти на нашу агентурную сеть, активно действовавшую в США в годы войны. Более того, он предоставил им список кодовых имен ученых-атомщиков Америки и Канады, которых наша разведка и военное разведывательное управление активно разрабатывали». (Судоплатов П. Разведка и Кремль. М.: Гея, 1996. С. 259).

По делу группы Розенбергов кроме их самих, К. Фукса, Г. Голда и Д. Грингласса были арестованы Уильям Перл (доказать его причастность к шпионажу не удалось, получил 5 лет за лжесвидетельство), Мортон Собел (осуждён на 30 лет, отсидел почти 18) и ещё несколько человек, освобождённых за недоказанность их преступной деятельности.

669

Агентство Херста — американское информагентство.

670

Рут Грингласс принимала участие в шпионской деятельности, однако её муж Дэвид, сотрудничая со следствием, отвёл от неё удар. Сам он отбыл 10 лет заключения, а выданные им его сестра Этель и её муж Юлиус Розенберги были казнены на электрическом стуле.

671

Вероятнее всего, речь о встрече с Ротшильдом в советском посольстве во время приезда Серова в Лондон в 1956 г. См. сноску № 24 к настоящей главе.

672

Агенты советской внешней разведки в британском МИДе, члены «кембриджской пятерки» Г. Берджесс и Д. Маклин под угрозой провала были тайно вывезены в СССР в 1951 г.

673

В плане ненаписанной книги Серова есть запись, относящаяся к событиям 1956 г. (подготовка визита Хрущева в Англию): «Использование В. Ротшильда для зондажной разведки бесед с Э. Иденом». Таким образом, можно предположить, что упоминание контакта с Ротшильдом «по программе визита и вопросов для обсуждения с англичанами» касается именно подготовки хрущевского визита в Лондон: первого, кстати, за всю историю СССР.

674

Генерал-майор Георгий Утехин — в 1943–1946 гг. был начальником 4-го отдела ГУКР СМЕРШ, ведавшего зафронтной разведкой и контрразведкой. Арестован в марте 1951 г. по делу Абакумова, освобожден и реабилитирован в марте 1953 г.

675

Роберт Максвелл — крупнейший британский медиамагнат — сотрудничал с советским издательством «Международная книга» с 1949 г. Им были изданы в переводах речи и статьи Брежнева, Суслова, Громыко и других коммунистических деятелей, мемуарные книги Брежнева, серия биографий лидеров соцстран и многое другое. Многие подозревали его в работе на советские, британские и израильские спецслужбы. 5 ноября 1991 г. при невыясненных обстоятельствах погиб на своей яхте в Карибском море.

676

Война на Синайском полуострове была спровоцирована действиями египетского президента Г. А. Насера, национализировавшего Суэцкий канал, который по концессии находился в руках Франции и Великобритании. Одновременно Египет готовил нападение на Израиль, который нанёс превентивный удар по египетским военным объектам и оккупировал Синайский полуостров. Израиль в войне поддерживали Англия и Франция, Египет — негласно Советский Союз.

677

Визит Хрущева в Индию проходил в ноябре-декабре 1955 г. Их переговоры с Д. Неру заложили основу для создания т. н. третьей силы, в чью амплитуду попал и Египет. Подробнее см. главу 16.

678

21 сентября 1955 г. в Праге было подписано соглашение о поставке Египту из Чехословакии вооружения. В реальности военную технику поставлял Советский Союз, а Чехословакия являлась в этой сделке прикрытием, защищавшим СССР от обвинений в нарушении баланса сил на Ближнем Востоке. К концу года в Египет было поставлено 230 танков, 200 бронетранспортеров, 100 самоходных орудий, около 500 стволов артиллерии, 200 истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, а также эсминцы, торпедные катера и подводные лодки. (Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX века//Под ред. В. А. Золотарева М.: Кучково поле; Полиграф-ресурсы, 2000. С. 172).

Министр иностранных дел СССР Д. Шепилов совершил визит в Египет 16–22 июня 1957 г. Как докладывал он 19 июня в телеграмме Хрущеву из Каира, «при всех встречах Насер просит у меня подробных советов, как им практически решать задачи индустриализации страны и подъема сельского хозяйства, в том числе его кооперирования». (Ближневосточный конфликт 1947–1956. Документы. М.: Материк, 2003. Т. 1. С. 436–437).

После падения в 1955 г. военного режима в Сирии вернувшийся к власти президент Шукри аль-Куатли начинает в своей политике всё больше ориентироваться на союз с СССР, чем вызывает недовольство западных держав. В ноябре 1956 г. в стране был раскрыт антиправительственный заговор. Советский Союз начал поставки вооружения в Сирию. (Окорочков А. В. Тайные войны СССР. Советские военспецы в локальных конфликтах XX века. М.: Вече, 2012. С. 73).

Всемирный совет мира (ВСМ) — международная общественная организация, образованная в 1950 г. Писатель Илья Эренбург являлся вице-президентом ВСМ, одним из активных организаторов его 1-го съезда.

20 сентября 1956 г. 1-й зам. МИД СССР А. Громыко докладывал в ЦК КПСС со ссылкой на посла в Израиле А. Абрамова: «...израильское правительство за последнее время значительно усилило проведение военных мероприятий внутри страны. В настоящее время в Израиль поступают большие партии различного легкого и тяжелого вооружения, а также усиленно готовятся резервисты. Из этого видно, что западные державы рассчитывают использовать Израиль в своем возможном вооруженном конфликте против Египта». (Ближневосточный конфликт 1947–1956. Документы. М.: Материк, 2003. Т. 1. С. 497–498).

1956 г. в Польше был ознаменован бурными выступлениями рабочих в Познани («Познанский июнь») и последующими волнениями по всей стране. Одновременно происходило восстание в Венгрии. Ситуация в Польше сложилась так, что советское руководство было вынуждено ослабить давление и смириться с кандидатурой В. Гомулки на посту 1-го секретаря ПОРП.

Это привело к временной либерализации режима в Польше — освобождению политзаключённых, роспуску некоторых госхозов и возвращению земли в единоличное пользование и т. п.

684

Интересно, что в плане задумывавшейся Серовым книги есть и упоминание о создании «нелегальных агентурно-боевых групп КГБ в США и Англии». Очень похоже, что формирование «пятой колонны» на Западе велось одновременно с подготовкой диверсий на Ближнем Востоке и были вызваны именно событиями вокруг Суэцкого канала.

685

В разрешении Суэцкого кризиса немалую роль сыграла позиция советского руководства, которое прибегло к почти неприкрытому шантажу Великобритании, Франции и Израиля, 5 ноября 1956 г. от имени министра иностранных дел СССР Д. Шепилова в Совет Безопасности ООН была послана телеграмма, в которой говорилось, что, если война не будет прекращена, а египетская территория освобождена, СССР и США окажут Египту военную поддержку. В тот же день Н. Хрущёв направил лидерам Франции, Великобритании и Израиля специальные сообщения, в которых говорилось, что начавшаяся война может «перерасти в третью мировую», и что в ней может быть использована «ракетная техника». Ещё более категорично то же самое было высказано послам стран-агрессоров. Всё это было понято как угрозы применить ядерное оружие, хотя само это слово в заявлениях советской стороны не звучало. (Россия (СССР) в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века // Под ред. В. А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграф-ресурсы, 2000. С. 175). В результате в зону конфликта были введены специально созданные миротворческие силы ООН, через некоторое время Франция и Великобритания, а затем и Израиль отвели свои войска. Серов ошибается, называя президента Эйзенхауэра в числе адресатов телеграмм Хрущёва. США во время Суэцкого кризиса выступали на той же стороне, что и СССР, призывая прекратить агрессию против Египта.

686

5 ноября 1956 г. в Будапеште в ходе перестрелки советских танкистов с повстанцами случайно погиб 1-й секретарь югославской миссии М. Милованов. По одной из версий, в момент гибели он снимал из здания посольства на кинокамеру завязавшийся бой.

687

Зав. секретариатом Г. Маленкова Дмитрий Суханов был арестован 16 июня 1956 г. Как выяснилось в ходе следствия, еще в 1953 г. Суханову были переданы документы и ценности,

негласно изъяты у Берии, Кобулова и других после их ареста. Были там и облигации государственных займов на сумму свыше 80 тыс. руб. Часть «ценных бумаг» по прошествии времени Суханов решил «обналичить», на чем и погорел. В сейфе Суханова проверяющие нашли многие секретные документы МГБ, которые он утаил. В их числе — материалы о создании «особой тюрьмы ЦК», списки агентурных дел и оперативных разработок в отношении военной верхушки СССР.

688

Антисоветские выступления в Польше и Венгрии встревожили руководство КПСС. 19 декабря 1956 г. постановлением Президиума ЦК КПСС было решено утвердить и разослать в партийные организации письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В документе события в Венгрии описывались как контрреволюционный заговор международного империализма против венгерского народа, который был разгромлен с помощью советских войск. Затем охарактеризовывались свои «враждебные элементы» (к ним, в частности, были отнесены писатель К. Паустовский, поэты О. Берггольц и К. Симонов), а все коммунисты призывались «проявлять в своей деятельности высокую партийную принципиальность и давать решительный отпор всяким попыткам пересмотра линии партии в области литературы и искусства». (Культура и власть от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, 2002. С. 393–401).

689

Г. А. Насер совершил официальный визит в СССР в апреле-мае 1958 г. после создания Объединенной Арабской Республики (ОАР). 29 апреля 1958 г. состоялась его встреча с Хрущевым, посвященная выходу арабского мира из-под западного влияния. Одним из серьезных препятствий этому являлся «Багдадский пакт» — военно-политический союз, объединяющий Турцию, Ирак, Иран, Пакистан, Великобританию и США.

690

Бессменный премьер-министр Ирака Нури аль-Саид был убит 15 июля 1958 г. во время «июльской революции», организованной тайным обществом «Свободные офицеры» во главе с бригадным генералом Абдель Керим Касемом. Монархия в стране была низложена, власть перешла в руки военных, которые разорвали «Багдадский пакт», восстановили дипломатические отношения с СССР и заключили с Москвой договор о военной и технической помощи. Режим Касема падет через 4 года в результате очередного переворота.

691

15 июля 1958 г. в связи с переворотом в Ираке по просьбе прозападного правительства Ливана в Бейруте высадилось 5 тыс. морских пехотинцев США для «спасения демократии». В свою очередь, 17 июля 1958 г. в Иорданию были введены британские войска.

692

Вооруженный конфликт между КНР и Тайванем начался 23 августа 1958 г. с массированных артиллерийских обстрелов островных групп Цзиньмэнь и Мацзу в Тайванском проливе (контролировались проамериканским правительством Чан-Кайши). Если верить Серову, что Мао развязал войну в угоду Хрущеву, следует признать, что этот расчет полностью оправдался. Американцы были вынуждены направить на помощь Тайваню свою авиацию, что лишило их возможности одновременно вмешиваться в иракскую проблему. Противостояние продолжалось 44 дня, преимущественно — в воздухе, причем китайцы летали на советских самолетах, сбив 8 американских истребителей. В ходе конфликта впервые в XX в. были применены управляемые ракеты «воздух-воздух».

693

Лидер национально-освободительного движения иракских курдов Мустафа Барзани неоднократно использовался СССР в своих целях. В 1946 г. на нейтральной, но подконтрольной Кремлю территории, ранее принадлежавшей Ирану, была провозглашена Курдская народная республика. Барзани стал главнокомандующим ее вооруженными силами и лидером Демократической партии Курдистана (ДПК). Однако под давлением Англии и США Сталин был вынужден отказаться от идеи дальнейшего развития Курдистана. Республика пала. Барзани с отрядом до 2 тыс. человек сумел с боями прорваться в СССР. Курдская армия была «временно» расселена в Узбекистане, сам Барзани и часть его людей прошли обучение в военных вузах.

После «июльской революции» 1958 г. Барзани вернулся в Ирак, где был встречен с почестями, как национальный герой. При этом СССР продолжал финансировать ДПК и снабжать его оружием. Из записей Серова становится понятно, что отряды Барзани планировалось использовать для ведения диверсионно-боевых действий в Ираке и Иране. В этой связи вполне объяснимо привлечение к переговорам с Барзани бывшего резидента НКВД-НКГБ в Иране И. Агаянца, который, собственно, ранее занимался подготовкой сталинского плана создания «дуги напряженности» на Ближнем Востоке путем использования курдских повстанцев.

694

Генерал-майор В. Вертипорох являлся старшим советником (представителем) КГБ при Министерстве общественной безопасности КНР в 1957–1960 гг. После его смерти этот пост занял генерал-лейтенант Е. Питовранов, находившийся в Пекине вплоть до прекращения советско-китайской дружбы и отзыва советских советников в декабре 1961 г.

Учитывая профессиональную подготовку этих людей и огромный опыт (Вертипорох был

начальником отдела диверсий ПГУ КГБ, резидентом в Иране и Израиле, Питовранов возглавлял внешнюю разведку и контрразведку), можно предположить, что их миссия в Китае не ограничивалась одной только помощью братьям по оружию. На это, собственно, прямо намекает и Серов. После конфликта Хрущева с Мао все заподозренные в связях с советской разведкой китайские граждане подверглись жесточайшим репрессиям.

695

В октябре 1957 г. маршал Советского Союза К. Рокоссовский был направлен командовать войсками Закавказского военного округа. Никем не скрывалось, что назначение одного из полководцев победы было связано с обострением ситуации на Ближнем Востоке. В случае военного столкновения именно ЗакВО предстояло стать основным полем боя.

696

К концу 1950-х гг СССР, действительно, имел большое влияние на страны арабского мира.

697

Французский посол в СССР М. Дежан являлся агентом КГБ, завербованным лично начальником 2-го ГУ КГБ (контрразведка) генерал-лейтенантом О. Грибановым. Поскольку он имел неформальные отношения с президентом Ш. де Голлем (они вместе участвовали в «сопротивлении»), КГБ небезуспешно пытался влиять на французского лидера в своих интересах, в том числе настраивая его против западных партнеров — Англии и США. В дальнейшем Франция даже выйдет из военной организации НАТО.

698

Группа советских войск в Германии.

699

Подполковник ГРУ Петр Попов был завербован ЦРУ в 1954 г. в период службы в советских оккупационных войсках в Австрии. Задержан КГБ 18 февраля 1959 г. в Москве. Согласно официальной версии, в его провале виноват сотрудник резидентуры ЦРУ, отправивший письмо агенту с инструкциями на домашний адрес. Однако из записок Серова видно, что поиски «крота» в военном ведомстве были начаты еще ранее.

Отметим, что Попов стал первым американским агентом внутри советских спецслужб в послевоенный период. Для связи с ним в ЦРУ было создано даже специальное подразделение. 7 января 1960 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР за измену Родине.

700

Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2000. С. 188–189.

701

«На посту начальника ГРУ И. А. Серов не пользовался большим авторитетом и влиянием, — сообщается, например, в сборнике биографических очерков „Они руководили ГРУ“, выпущенном при непосредственном участии нынешнего „Аквариума“. — Военные разведчики были невысокого мнения о его профессиональной подготовке, считая главным его достижением умение арестовывать, допрашивать и расстреливать». (Они руководили ГРУ. М.: Радуга, 2005. С. 236).

702

В 1959–1962 гг. ГРУ были завербованы и приступили к активной работе ряд ценных агентов: старший офицер разведки комитета начальника штабов США У. Уолен, сотрудник Агентства национальной безопасности (АНБ) США Д. Данлап, чиновник британского министерства авиации Ф. Боссард, французские ученые, имевшие доступ к секретным разработкам, М. Лефевр и Д. Волохов, итальянский ученый Д. Ферреро, капитан 1-го ранга ВМС ЮАР Д. Герхард. Самой ценной добычей ГРУ стал командующий швейцарскими войсками ПВО бригадный генерал Ж. Л. Жанмер, привлеченный к сотрудничеству в 1962 г. Кроме того, в распоряжение ГРУ было передано несколько тысяч агентов из числа бывших военнопленных и интернированных, завербованных во время пребывания в СССР, а затем отпущенных на родину.

703

Клистрон — электровакуумный прибор для усиления и генерации электромеханических колебаний, необходимый для запуска ракет. Был запрещен для импорта в СССР. Возможно, именно о закупке упомянутой Серовым детали и вспоминал позднее резидент ГРУ в Швеции в 1960–1963 гг. Виталий Никольский: «По заданию центра весьма сложными путями нами были куплены два клистрона стоимостью по тысяче долларов каждый». (Никольский В. Аквариум-2. Гая, 1997. С. 243).

704

Вероятно, речь о 7-м управлении ГРУ, отвечавшем за линию НАТО.

705

Внеочередной XXI съезд КПСС проходил 27 января — 5 февраля 1959 г.

706

При Хрущеве высшее воинское звание «Маршал Советского Союза» было присвоено 9 раз; столько же, сколько за все годы войны.

707

Отношения с заместителями у Серова не сложились, особенно с генерал-полковником Александром Роговым, являвшимся доверенным лицом министра обороны Малиновского. (Они вместе воевали)/ Именно Рогова министр рассчитывал сделать начальником ГРУ, но назначение Серова спутало им все карты.

В одном из писем в КПК при ЦК КПСС после увольнения Серов так оценивал своего заместителя: «...т. Рогов пользовался особым покровительством министра т. Малиновского... он зачастую помимо меня бывал у министра и получал „личные“ указания, о которых я узнавал от него позже или совсем не знал».

708

1-е управление ГРУ — стратегическая (нелегальная) разведка.

709

Речь о научно-технической разведке. Резидентуры ГРУ переправляли в СССР добытые на Западе образцы новейших изделий военного или двойного назначения, экономя тем самым миллионы и миллиарды для казны.

В заявлении секретаря парткома ГРУ генерал-майора И. Большакова от 8 января 1960 г., адресованном Хрущеву, Серов обвинялся в том, что не принимает участия в партийной жизни: не ходит на бюро парткома, оторвался от коллектива, блокирует деятельность парторганизации и, вообще, груб, нетактичен, поверхностен. В свою очередь, в объяснительной на имя Суслова («кремлевский аскет» по поручению Хрущева 30 марта проводил с ним беседу в присутствии министра обороны Малиновского и начальника Главпура Голикова), Серов опровергает эти факты. Он пишет, что за год выступал 15 раз на партсобраниях, делал там 8 докладов, а все планы месячной работы согласовывал с парткомом. Жалобу Большакова начальник ГРУ пытался объяснить его незнанием обстановки (он проработал секретарем парткома менее полугода), а также низким моральным обликом:

«Должен доложить, что тов. Большаков и ранее допускал поспешные, непродуманные действия. Так, работая по подготовке нелегала-женщины, женился на ней, бросив семью. Будучи военным атташе в США, не сумел организовать работу, создал склоку с сотрудниками, допускал пьянство и недостойное поведение, в связи с чем был через год отозван из разведки, отчислен и направлен в гражданский ВУЗ». (Петров Н. Первый председатель КГБ Иван Серов. М.: Материк, 2005. С. 319–325).

Заметим, что Иван Большаков — кстати, разведчик с многолетним стажем, возглавлявший в годы войны агентурное управление ГРУ, — действительно, был отозван в 1949 г. из США, где работал под прикрытием военного атташе, и удален из ГРУ. В военную разведку будет возвращен лишь в октябре 1958-го: сначала начальником НИИ № 17, а с 1959-го — секретарем парткома ГРУ. Вполне возможно, Серов был прав в своих предположениях и жалобы Большакова инспирировались его недругами из ЦК, в том числе Н. Мироновым. В мае 1963 г. после отставки Серова Большаков станет зам. начальника ГРУ по кадрам, получит генерал-лейтенанта.

При переходе из КГБ в ГРУ решением Президиума ЦК КПСС от 3 декабря 1958 г. за Серовым было сохранено прежнее материальное содержание, а также занимаемая дача.

Описка. Аудиенция Серова у Хрущева состоялась 31 декабря 1959 г. («Источник». 2003. Вып. 4. С. 67).

Суть своих предложений Серов расшифровал впоследствии в письме к съезду КПСС от 20

июня 1966 г.: «В целях координации в работе, чтобы не было параллелизма, я внёс предложение объединить усилия двух разведок (изготовление спец. аппаратуры, наличие агентуры КГБ и военных на одном объекте, необъективные донесения о положении в стране (Куба, Гвинея, Конго и др.)».

Разумеется, председатель КГБ А. Шелепин в силу ведомственных интересов поддержать такую идею не мог.

714

Имеется в виду разгром нелегальной резидентуры ПГУ КГБ в Англии во главе с Г. Лонгсдейлом (К. Молодым) и бегство в США сотрудника хельсинской резидентуры КГБ А. Голицына. Оба события произошли в 1961 г. и повлекли за собой череду провалов агентуры КГБ на Западе.

715

Боевик 13-го отдела ПГУ КГБ Б. Сташинский вместе с женой бежал в августе 1961 г. в Западный Берлин. Ранее, за ликвидацию С. Бандеры, он был награжден орденом Красного Знамени.

716

Серьезным толчком для активизации разведывательной работы против стран НАТО стало создание разведорганов блока Варшавского Договора, объединяющего государства Восточной Европы. «Именно в бытность Ивана Александровича Серова на должности начальника ГРУ был сделан весомый вклад в обеспечение безопасности стран — участниц Варшавского Договора... — сообщается в полуофициальном издании „Они руководили ГРУ“. — Тесное плодотворное сотрудничество осуществлялось между разведывательными службами ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и СССР. Основные усилия разведки стран Варшавского Договора были направлены на изучение оперативного оборудования театров военных действий, численности боевого состава, вооружения и боевой техники вероятного противника, а также его возможные планы ведения боевых действий...» (Они руководили ГРУ. М.; Радуга, 2005 С. 237).

717

Маршал И. Конев был снят с должности 1-го зам. министра обороны СССР в июне 1960 г., начальник Генштаба маршал В. Соколовский — в апреле. Оба полководца были отправлены в т. н. «райскую группу» — группу генеральных инспекторов Генштаба. Несомненно, министр Малиновский избавлялся таким образом от слишком влиятельных и популярных фигур в

своем окружении. Новым начальником Генштаба стал маршал Матвей Захаров.

718

В частности, в июле 1960 г. из СССР был выдворен военно-воздушный атташе США Э. М. Кертон. Как сообщала советская печать, «разъезжая по территории СССР, Кертон вел себя нагло, стремясь проникнуть в расположение военных и военно-промышленных объектов, а также использовал специальную разведывательную фотоаппаратуру». (Пойманы с поличным. Сборник фактов о шпионаже и других подрывных действиях США против СССР. М.: Госполитиздат, 1962. С. 74–75).

719

Владимир Семичастный стал председателем КГБ 13 ноября 1961 г. Подобно своему предшественнику и другу Александру Шелепину, он также ранее возглавлял ЦК ВЛКСМ.

720

Без сомнений, речь идет об агенте ГРУ «Орел», полковнике шведского генштаба Стиге Веннерстрём (1906–2006), завербованном в 1949 г. в период его работы авиационным атташе в Москве. В 1952–1957 гг. Веннерстрём был авиационным атташе Швеции в США, с осени 1957 г. он — шеф авиационной секции канцелярии Министерства обороны Швеции, личный друг короля. За время сотрудничества с ГРУ передал огромное количество секретных документов и материалов о планах и операциях НАТО, системах ПРО, технические данные по новейшим оборонным разработкам. Важность добытых агентом сведений была столь высока, что его даже наградили орденом Ленина: случай беспрецедентный.

По некоторым сведениям, после отставки из армии в начале 1960-х гг. Веннерстрём нелегально летал в Москву, где на конспиративной квартире встречался с Серовым. В ходе беседы были согласованы дальнейшие планы работы агента. «Орел» был выдан агентом ЦРУ в ГРУ Д. Поляковым. На момент ареста 19 июня 1963 г. Веннерстрём являлся советником правительства по вопросам разоружения. Осужден к пожизненному заключению, но в 1974 г. за примерное поведение освобожден.

721

Внучка Серова родилась 1 декабря 1958 г. в Москве.

722

Советский нелегал, полковник внешней разведки КГБ Конон Молодой был заброшен в Канаду в 1954 г., откуда с документами на имя Гордона Лонгсдейла перебрался в США, а затем в Англию. Под видом коммерсанта-миллионера руководил созданной им нелегальной агентурной сетью по сбору информации о британских и американских военных секретах. Причиной его провала стала предательство сотрудника польской разведки М. Голневского, сообщившего о том, что в Варшаве ранее был завербован шифровальщик военно-морского атташе США. Им оказался Г. Хаутон, являвшийся одним из агентов К. Молодого и работавший к тому времени в Управлении подводных вооружений в Портсмуте. 7 января 1961 г. в момент конспиративной встречи Хаутона с Лонгсдейлом-Молодым оба были задержаны ФБР.

723

Для понимания причин и предпосылок Карибского кризиса — краткий экскурс. В январе 1959 г. к власти на Кубе пришло революционное правительство во главе с Фиделем Кастро. Вскоре правительство Кастро заключает договор о дружбе с СССР и заявляет о начале строительства социализма.

Появление у себя под носом просоветской территории вызывает понятное негодование Вашингтона, тем более что Кастро провел национализацию всех американских предприятий и имущества на общую сумму более миллиарда долларов. В 1960 г. США разрывает дипотношения с Кубой и объявляет о начале ее экономической блокады. Параллельно Вашингтон разрабатывает планы по свержению режима Кастро; из рассекреченных сегодня документов известно, что военная операция «Мангуста» должна была начаться осенью 1962 г.

Однако у Москвы имелись на Кубу собственные виды. Это государство стало первым форпостом СССР на американском континенте, да еще и в непосредственной близости от берегов США (расстояние — до 150 км). В августе и сентябре 1961 г. СССР подписывает договоры о поставке Кубе военного снаряжения на 150 млн долларов, включая стрелковое оружие, танки, бронетранспортеры, артсистемы, истребители, бомбардировщики, торпедные катера, противолодочные суда, средства связи и т. п. Кроме того, советская сторона бралась помочь военными советниками и обучением кубинских специалистов.

Таким образом, Куба превратилась в яблоко раздора между двумя сверхдержавами. Особой остроты этот конфликт достигнет в октябре 1962 г., когда американцы узнают, что СССР тайно разместил на Кубе ядерные ракеты.

724

17 апреля 1961 г. на Кубе, на участке побережья, называемом Плайя-Хирон, высадились десантно-штурмовые группы кубинских эмигрантов (до 1,2 тыс. человек), прошедших военную подготовку на американских базах. Согласно плану ЦРУ, они должны были спровоцировать антикастровское восстание на Кубе и развязать гражданскую войну, однако план провалился. Десант был уничтожен уже при высадке, а все подпольные резидентуры повстанцев разгромлены властями.

К началу 1960-х гг. США развернули сеть военных баз на территории своих союзников вдоль советских границ. Только в Европе американская группировка насчитывала 105 ракет промежуточной и средней дальности «Тор» и «Юпитер», около 1,4 тыс. оперативно-тактических ракет «Онест Джон», «Матадор», «Капрал», «Лакросс», более 400 гаубиц, способных вести стрельбу атомными зарядами. Вблизи границ СССР на Дальнем Востоке и Западе было размещено почти 10 тыс. тактических самолетов-носителей ядерного оружия. В целом по количеству ядерных боеприпасов США превосходили на тот момент СССР в 11–12 раз.

Наибольшую угрозу для нас представляли военные базы в Турции, которые США начали создавать с 1959 г. Размещенные там ракеты средней дальности «Тор» и «Юпитер» способны были за 15 минут достигнуть европейского центра СССР, включая Москву, тогда как наши боеголовки поразить берега Америки еще не могли. Именно этот фактор стал ключевым при принятии Хрущевым решения направить ракеты на Кубу: он хотел обеспечить ядерный паритет.

Опасаясь Третьей мировой войны, Сталин рассматривал Чукотку как возможный плацдарм для отражения атак или нанесения первого удара: это была самая близкая к США советская территория. В 1949 г. на Чукотку были переброшены специально созданные 14-я десантная армия и 95-я истребительная авиадивизия.

Как вспоминал позднее будущий начальник оперативного управления ВВС генерал Николай Остроумов, летом 1952 г. главком ВВС Жигарев собрал своих генералов и объявил, что «получил указание товарища Сталина приступить к формированию 100 дивизий реактивных бомбардировщиков фронтовой авиации». Среди мест базирования были названы Чукотка и Камчатка. Но со смертью Сталина начатая работа прекратилась, а 95-ю авиадивизию передислоцировали из Анадыря в Белоруссию. (Остроумов Н. Н. Армада, которая не взлетела// Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 39–40).

В мемуарах сам Хрущев пишет, что идея разместить ракеты на Кубе впервые посетила его в ходе визита в Болгарию в мае 1962 г., когда на противоположном берегу Черного моря он увидел американские военные базы. По возвращению в Москву 1-й секретарь обсудил эту идею с Громыко, Малиновским и Микояном, а 21 мая — вынес на обсуждение Совета обороны. По замыслу Хрущева, установка на Кубе ракет привела бы к паритету с США, чьи ракеты уже были нацелены с турецкой территории на СССР.

Решение об отправке на Кубу ядерных ракет среднего и промежуточную радиуса действия окончательно было принято 10 ноября 1962 г. на заседании Президиума ЦК КПСС. Одновременно с ракетами на «острове Свободы» разворачивались армейская и военно-морская группировки общей численностью более 50 тыс. штыков. И хотя некоторые из участников (министр обороны Р. Малиновский, министр иностранных дел А. Громыко, член Президиума А. Микоян) высказывали сомнения, что удастся обойтись без утечек, чьи последствия невозможно предугадать (той же позиции, кстати, придерживался и Серов), Хрущев сумел настоять на своем. «За» проголосовали единогласно.

729

К началу Карибского кризиса (по состоянию на 22 октября 1962 г.) на Кубу было завезено 164 ядерные боеголовки к ракетам, пусковым установкам «Луна», морским пусковым установкам, бомбардировщикам Ил-28. Развернутая на острове 43-я ракетная дивизия включала в себя 5 ракетных полков.

730

Начиная с 1961 г. между Москвой и Вашингтоном стал действовать негласный канал, по которому Хрущев и президент Кеннеди доверительно доводили друг другу важную информацию. Этому способствовало знакомство сотрудника вашингтонской резидентуры ГРУ, полковника Георгия Большакова с Робертом Кеннеди, братом будущего президента США. Большаков, работавший в США под журналистским прикрытием, воспринимался братьями Кеннеди как ближайшая связь зятя Хрущева А. Аджубея, поэтому они предпочли наладить с ним тайный канал.

С мая 1961 по октябрь 1962 г. Большаков встречался с Р. Кеннеди около 50 раз, несколько раз был удостоен аудиенции у президента Д. Ф. Кеннеди, которому передавал личные послания Хрущева и фиксировал соответствующую реакцию. Основная миссия Большакова заключалась в том, чтобы убедить Кеннеди в мирных намерениях Хрущева и отсутствии на Кубе ядерных боеголовок. Когда в октябре 1962 г. обман вскрылся, общение с Большаковым прекратилось, а сам он вскоре вернулся в СССР.

731

Очевидно, эти сведения были получены от полковника шведского генштаба С. Веннерстрёма (он же агент ГРУ «Орел»).

732

Подробнее о неожиданном повороте в знаменитом шпионском деле полковника ГРУ Пеньковского и его возможной роли, как «подставы» со стороны КГБ — в следующей главе.

733

Американский самолет-разведчик впервые зафиксировал размещение советских ракетных установок на Кубе 14 октября 1962 г. В тот же день фотоснимки были доложены президенту США Д. Ф. Кеннеди.

734

В другом варианте записок Серов более подробно излагает неприятный телефонный диалог с Хрущевым, произошедший после того, как он направил сообщение об ухудшающемся отношении кубинского руководства к Москве.

«Хрущев: „Я почитал шифровку вашего военного атташе на Кубе. Почему он этим занимается?“ Я говорю: „Он видит и чувствует по себе, что настроение Фиделя Кастро к Советскому Союзу ухудшается, поэтому счел нужным донести об этом, я послал в ЦК“.

Хрущев: „А вы что, министр внутренних дел Кубы, что ли?“ Я ответил: „Нет“.

Хрущев: „Занимайтесь своим делом и не лезьте куда не надо“.

На этом разговор прекратился. Я еще почувствовал, что мои недруги не спят, а действуют. Видно, накачали его».

735

В своем обращении к нации 22 октября 1962 г. Кеннеди объявил о начале военно-морской блокады Кубы. Отныне, заявил президент США, ни один советский корабль не подойдет больше к острову на пушечный выстрел. Он призывает Хрущева отказаться от действий, угрожающих миру.

736

27 октября 1962 г. было опубликовано послание Хрущева Кеннеди о готовности убрать «наступательное» оружие с Кубы на условиях вывода американских баз из Турции. США принимает это предложение. Уже к 1 ноября все ядерные заряды и боеголовки были загружены на корабль «Архангельск», который взял курс к родным берегам.

737

Исходя из других вариантов записок Серова, он показывал министру обороны, а затем переслал Хрущеву в Кремль свежий номер американского журнала Life от 2 ноября 1962 г., целиком посвященный кубинскому кризису. В издании были опубликованы в том числе и фотоснимки советских ракет на Кубе.

738

Сотрудник нью-йоркской резидентуры ГРУ Дмитрий Поляков инициативно вступил в контакт с американскими спецслужбами в 1961 г. За время сотрудничества с ФБР и ЦРУ выдал 19 нелегалов и более 150 агентов ГРУ за рубежом. Будет разоблачен только в 1986 г., успев к тому времени дослужиться до генеральского звания. (Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. М.: Вече, 2001. С. 212–216).

739

Из списка в почти полторы сотни агентов советских спецслужб в США, приложенного к книге А. И. Колпакиди и Д. П. Прохорова «Дело Ханссена, „Кроты“ в США» (М.: Олма-Пресс, 2002), ни один не может быть однозначно отождествлен с тем сотрудником Госдепа, видным республиканцем русского происхождения, о котором здесь говорит Серов.

740

В 1955–1957 гг. полковник Г. Большаков служил офицером для особых поручений при министре обороны СССР Г. Жукове. В июне 1955 г. в ходе совещания глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции он выступал переводчиком маршала.

741

А. Микоян прибыл на Кубу 2 ноября 1962 г. для переговоров с Ф. Кастро о вывозе с Кубы ракет. По пути в Гавану он посетил Нью-Йорк, где еще раз изложил позицию Москвы: вывоз ракет с Кубы в обмен на вывод турецких баз.

742

23 октября 1962 г. решением советского правительства было объявлено о повышении боеготовности и бдительности во всех войсках СССР, а также армиях стран Варшавского договора. Прекратились отпуска личного состава, остановлена демобилизация солдат срочной службы. Эта мера стала ответом на приведение в готовность частей американской армии, дислоцированной в Западной Европе. Судя по всему, спецподразделения ГРУ не смогли экстренно развернуться, за что ответственность нес 1-й зам. начальника ГРУ Х.-У. Мамсуров, курировавший спецназ.

743

О том, в какой степени готовности находились советские ракеты на Кубе к кульминационному моменту Карибского кризиса, то есть к 27–28 октября 1962 г., существуют разноречивые сведения. Наиболее авторитетные источники, однако, сообщают, что значительная часть ракет была уже приведена в состояние штатной боеготовности. Вот что пишет советский офицер, главный инженер — заместитель командира ракетного полка по вооружению Анатолий Бурлов, находившийся в те дни на Кубе: «Как один из участников карибских событий 1962 года, непосредственно отвечающий за готовность ракет Р-12 к пуску, утверждаю: да, ракеты могли быть запущены в сторону Америки в установленное по графику время только по получении соответствующего сигнала из Москвы». (Бурлов А. М. Приведение ракетного полка в боевую готовность // Стратегическая операция «Анадырь». Как это было / Ред. В. И. Есин. М.: МООВВИК, 2007. С. 156).

744

История XX в. знает только два случая, когда один и тот же человек одновременно был и послом, и резидентом внешней разведки: это Александр Панюшкин в Китае и Александр Алексеев на Кубе. Алексеев действительно сыграл важную роль в налаживании отношений с кубинским руководством. Кастро ему доверял и даже, как свидетельствует тогдашний советский резидент в США Александр Феклисов, прибег к его помощи для составления важнейшей телеграммы в Москву. (Феклисов А. С. Кеннеди и советская агентура. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. С. 248–249).

745

Одна из самых авторитетных книг об Олеге Пеньковском так и называется — «Шпион, который спас мир». Согласно наиболее распространенной версии, полковник ГРУ О. Пеньковский раскрыл американцам глаза на то, что в действительности происходит на Кубе, и тем внес неоценимый вклад в предотвращение Третьей мировой войны. Эту розовую чушь к стилю рядового Райана мы подробно разберем чуть позже.

746

Хинштейн А. Подземелья Лубянки / Двойная жизнь Олега Пеньковского. М.: Олма Медиа Групп, 2008.

747

Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М.: Вагриус, 2002. С. 239.

748

Речь — о событиях 1959 г., когда главком артиллерии Варенцов инициировал восстановление Пеньковского в ГРУ, откуда тот был отчислен в 1957 г. из-за конфликта с резидентом в Турции. Пеньковский, действительно, был близок с маршалом Варенцовым, у которого в войну служил ординарцем. Вплоть до своего ареста он регулярно бывал у Варенцова дома, на службе. После увольнения из ГРУ в 1957 г. Варенцов также оказал ему протекцию, зачислив начальником курса в Академию ракетных войск.

749

К. Руднев был председателем Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ при Совете Министров СССР. Д. Гвишиани — его заместителем.

750

Здесь и далее — описка: Пеньковскому был разрешен выезд не во Францию, а в США.

751

В действительности, согласно материалам дела, факт предательства О. Пеньковского был установлен уже в начале 1962 г.

752

Гревилл Винн — британский коммерсант, агент МИ-6, через которого разведка держала контакт с Пеньковским. Был арестован 2 ноября 1962 г., осужден по делу Пеньковского.

753

В декабре 1961 г. сотрудники наружного наблюдения КГБ зафиксировали контакт О. Пеньковского с английской разведчицей.

754

В 1955–1957 гг. Пеньковский служил в турецкой резидентуре ГРУ.

755

Покойная ныне Светлана Серова рассказывала мне подробности этой провокации: в июле 1961 г., когда они с матерью вылетали в турпоездку в Лондон, их почему-то сняли с самолета и пересадили на другой рейс. В соседнем кресле оказался любезный мужчина, сразу же сообщивший, что он «служит у Ивана Александровича», и с ходу окруживший их неустанным вниманием. Уже в Лондоне он несколько раз заходил к ним, приглашал на прогулки. Супруга Серова сообщила куратору КГБ их тургруппы о назойливом джентльмене, но тот ничего предосудительного в его галантности не увидел. Подробнее — в моем очерке «Другая жизнь Олега Пеньковского».

756

В записях Серова утверждается, что будущий маршал Советского Союза Родион Малиновский скрыл постыдный факт своей биографии: службу в 1920 г. в белогвардейской армии Колчака. «В конце 20-го года, — сообщает Серов, — Малиновский, видя, что Красная Армия теснит белых и вот-вот сбросит в море, решает перейти на сторону красных».

757

В итоге Серов был назначен даже не заместителем, а помощником командующего войсками ТуркВО по учебным заведениям.

758

9 мая 1965 г.

759

Речь, похоже, о Д. Вассале, агенте ПГУ КГБ в Британском Адмиралтействе, разоблаченном в 1962 г.

760

Отрицательная аттестация на Пеньковского по итогам его работы в турецкой резидентуре ГРУ была составлена военным атташе Рубенко (настоящая фамилия — Савченко*), конфликт с которым и привел к досрочному отзыву домой и отчислению из военной разведки будущего предателя.

761

Установленное за квартирой наблюдение зафиксировало, как Пеньковский перефотографировал миниатюрной камерой «Минокс» секретный ведомственный журнал ГРУ «Военный сборник».

762

Завербованный ЦРУ во время службы в Австрии подполковник ГРУ П. Попов был задержан КГБ уже через 3 недели после того, как он впервые оказался под подозрением.

763

Очевидно, что этот план был составлен незадолго до смерти Серова, когда массово стали раскрываться тайны прошлого. Думаю также, что под диктовку его готовил зять Серова, известный писатель и кинодраматург Э. Хруцкий; по крайней мере — видна рука профессионала, однако постороннему человеку довериться он не мог.

764

Печатается по изданию: Хинштейн А. Тайны Лубянки. М.: Олма Медиа Групп, 2008.

На самом деле, как я узнал впоследствии, свадьбу дочери Романов справлял весьма скромно, на даче, а история с Эрмитажем — не более чем сплетня.